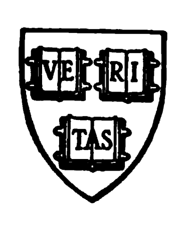
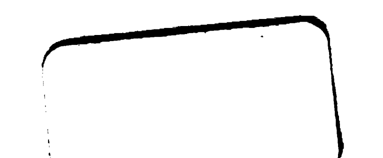

VE
RI
TAS

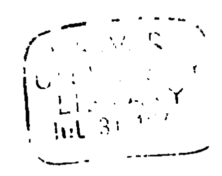


Составилъ П. Я.

Русская Муза.

Стихотворенія и характеристики
132 поэтовъ.

ПЕРЕРАБОТАННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ
ИЗДАНІЕ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА
„Русское Богатство“.
1907.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова. Лиговская, 34.

Предисловіе.

Не говоря уже о томъ, что лишь очень немногіе любители поэзіи въ состояніи пріобрѣсти полныя собранія стихотвореній *всѣхъ* болѣе или менѣе извѣстныхъ поэтовъ, — не всякій и изъ подобныхъ счастливцевъ имѣетъ досугъ и возможность настолько оріентироваться въ массѣ сочиненій каждаго автора, чтобы выдѣлить изъ нея наиболѣе цѣнное и характерное. Полудѣтскія стихотворенія, помѣщаемыя обыкновенно въ самомъ началѣ сочиненій извѣстныхъ поэтовъ, при бѣгломъ просмотрѣ книги, естественно, ослабляютъ общее впечатлѣніе; наоборотъ, лучшія произведенія любимаго писателя, сгруппированныя вмѣстѣ, доставляютъ особенное наслажденіе.

Вотъ основная мысль, побудившая меня взяться за эту работу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мнѣ хотѣлось представить читателю и наглядную картину движенія русскаго стихотворнаго искусства за время сравнительно недолгаго его существованія, дать какъ-бы живую исторію нашей молодой еще лирики. Къ сожалѣнію, далеко не все, что пользовалось въ свое время успѣхомъ (а слѣдовательно, имѣетъ до сихъ поръ и извѣстный историко-литературный интересъ),—значительно въ художественномъ смыслѣ. Считаю нужнымъ сразу же оговориться, что въ желаніи согласовать эти два элемента (историческій и чисто-художественный) я, большею частью, жертвовалъ первымъ въ пользу второго. Вотъ почему читатель совсѣмъ не найдетъ въ этой книгѣ, или найдетъ лишь бѣгло представленными нѣкоторыхъ поэтовъ, имена которыхъ въ свое время пользовались громкой извѣстностью; у нѣкоторыхъ другихъ, въ качествѣ образцовъ, выбраны мною стихотворенія, очень мало или даже совсѣмъ не характерныя для общей ихъ физіономіи. Но эти кажущіеся недостатки восполняются, я надѣюсь, прозаическими характеристиками, даваемыми мною почти каждому поэту.

Что касается количественной соразмѣрности образцовъ, взятыхъ у разныхъ авторовъ, то (помимо неизбѣжной случайности) я руководился, главнымъ образомъ, ихъ внутренней безотносительной цѣнностью (иногда, конечно, и историческимъ интересомъ). Охотно до-

пускаю, что мною пропущены нѣкоторыя имена, если не болѣе крупныя, то и не менѣе значительныя, чѣмъ многія изъ помѣщенныхъ здѣсь: при всѣхъ моихъ стараніяхъ быть добросовѣстнымъ и безпристрастнымъ,—субъективность вкуса, а иногда и простая случайность, несомнѣнно, сыграли въ моей работѣ свою роль. Особенно необходимо это признать относительно послѣднихъ десяти — пятнадцати лѣтъ: очень трудно, вообще, оцѣнивать современность... Въ то время, какъ относительно второстепенныхъ и даже третьестепенныхъ величинъ стараго нашего Парнаса давно уже нѣтъ никакихъ споровъ, и ни одна хрестоматія не рѣшится обойти имена, напр., Веневитинова или Одоевскаго, — кто знаетъ, какъ будутъ оцѣниваться лѣтъ черезъ 50 — 70 многочисленные современные поэты?.. Кто изъ нихъ сохранится въ памяти потомковъ?.. Въ довершеніе затрудненій, въ эти послѣднія два десятилѣтія появилась у насъ школа такъ называемыхъ поэтовъ-декадентовъ и даже декадентовъ-критиковъ, пытающаяся перевернуть вверхъ ногами всѣ былыя, привычныя понятія вкуса и эстетики... При всемъ добромъ желаніи, человѣкъ безсиленъ перестать быть самимъ собою, и, не будучи сверхчеловѣкомъ, я не въ состояніи уразумѣть глубину и почувствовать прелесть поэзіи многихъ современныхъ лириковъ, слывущихъ даже „извѣстностями". У иныхъ я бралъ, опять-таки, лишь то, что отвѣчало въ какомъ-либо отношеніи моимъ „устарѣлымъ" вкусамъ...

Я не льщу себя, точно такъ же, надеждою, что здѣсь собрано *все*, что есть въ русской поэзіи замѣчательнаго и яркаго: конечно, у большинства вошедшихъ въ „Русскую Музу" поэтовъ (не говоря уже о такихъ, какъ Пушкинъ, Лермонтовъ, Некрасовъ) найдется еще немало стихотвореній, не уступающихъ по достоинству тѣмъ, какія, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, выбраны мною. За то я старался подобрать даже крупицы поэзіи, — отдѣльныя блестки, тамъ и сямъ разсѣянныя въ нашей стихотворной литературѣ: нерѣдко я заимствую по одному, по два стихотворенія, чѣмъ-либо врѣзавшихся въ мою память, у авторовъ, остальныя произведенія которыхъ считаю посредственными. И я твердо надѣюсь, что *въ общемъ* книга эта дастъ читателю правильное представленіе о художественномъ и общественномъ характерѣ русской лирики, начиная съ Державина и кончая стихами текущаго столѣтія.

О порядкѣ размѣщенія авторовъ считаю нужнымъ сказать слѣдующее. Наиболѣе естественнымъ и правильнымъ кажется мнѣ относить каждаго писателя къ тому литературному періоду, для котораго произведенія его имѣли наибольшее идейное и художественное значеніе, не считаясь ни съ годомъ его рожденія, ни даже съ временемъ перваго выступленія на литературное поприще. Тютчевъ, напр., печатался еще при Пушкинѣ, но первое серьезное вниманіе было обращено на него много позже,—и я помѣщаю его послѣ Некрасова. Съ другой стороны, несмотря на то, что самъ Некрасовъ наиболѣе ки-

пучую дѣятельность обнаружилъ, какъ извѣстно, въ „шестидесятые годы“ (1856—1865) и тогда именно написалъ лучшія свои произведенія,—я отношу его къ десятилѣтію предыдущему, когда прозвучали первыя (быть можетъ, и менѣе сильныя) пѣсни „музы мести и печали“, пѣсни, которыми положено однако начало *некрасовской школѣ* поэтовъ, главенствовавшей почти всю вторую половину прошлаго вѣка.

Послѣднее замѣчаніе—относительно переводовъ. Разумѣется, не было никакой возможности ввести ихъ въ эту—и безъ того разросшуюся—хрестоматію на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, что и оригинальныя стихотворенія; изъ массы стихотворныхъ переводовъ я бралъ, по преимуществу, то, что заслуженно или случайно вошло въ сознаніе читающей публики (и въ мое собственное), какъ произведенія почти оригинальныя.

Всѣ указанія критики, сдѣланныя по поводу перваго изданія „Русской Музы“ (1904 г.) были мною добросовѣстно разсмотрѣны и, по возможности, использованы. Ошибокъ и промаховъ остается все же, вѣроятно, не мало... Но вѣдь и сама исторія русской поэзіи — дѣло, можно сказать, едва начатое, и очень многое подлежитъ въ ней еще изслѣдованію и спору.

1 іюня 1907 г.

П. Я.

СПИСОКЪ ПОЭТОВЪ

(въ порядкѣ ихъ размѣщенія).

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

На стр. 1. Годы рожденія и смерти Ломоносова отнесены къ XIX вѣку, вмѣсто XVIII-го.

На стр. 314 (II столбецъ). Напечатано «кровавой *рукой*» вм. «кровавой *рѣкой*».

I.

Гавріилъ Романовичъ Державинъ.

1743 — 1816.

Жуковскій — первый по времени русскій оэтъ, стихи котораго до сихъ поръ еще іѣютъ доступъ къ сердцамъ читателей. Весь тальной безчисленный сонмъ лиробряцатей XVIII вѣка навѣваетъ теперь одну неолимую зѣвоту скуки и даже отвращенія, намъ съ трудомъ вѣрится, что имена Хескова, Сумарокова, Петрова и многихъ друкъ считались въ свое время великими и авными именами. Даже къ сочиненіямъ Лоносова и Державина, по выходѣ изъ шко, мы, разумѣется, никогда уже не прионемся,—по крайней мѣрѣ, въ поискахъ етическаго наслажденія...

Между тѣмъ, когда идетъ рѣчь о русской эзіи и ея первыхъ представителяхъ,—имя хаила Васильевича Ломоносова (1811—1865) потому уже не должно быть забыто, что ъ былъ основателемъ современнаго нашего хосложенія (тоническаго) и реформаторомъ сскаго литературнаго языка вообще. Правда, е Тредьяковскій понималъ и доказывалъ оретически, что силлабическій стихъ, заимованный у поляковъ и французовъ, совершнно не свойственъ русской рѣчи, кото отличается такимъ богатымъ разнообраъ удареній, но по безталанности онъ могъ показать на дѣлѣ, какъ слѣдуетъ ать настоящіе русскіе стихи. Ода Ломоова „На взятіе Хотина" (1739) составила этомъ отношеніи цѣлую эпоху въ нашей литературѣ. Первый стихъ этой знаменитой оды (и первый вообще русскій стихъ)—

> Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ—

какъ бы прорицалъ великое свѣтлое будущее родной поэзіи...

Къ сожалѣнію, сынъ своего времени, Ломоносовъ не могъ явиться такимъ же новаторомъ и въ содержаніи своихъ пѣснопѣній, высокопарныхъ, риторическихъ, рабски-покорныхъ духу ложно-классической школы. Справедливость требуетъ однако сказать, что и въ этой шумной, холодной риторикѣ иногда слышится все же дыханіе истинной поэзіи. Таково, напр., начало „Вечерняго размышленія о Божіемъ величествѣ":

> Лицо свое скрываетъ день;
> Поля покрыла мрачна ночь
> Взошла на горы черна тѣнь,
> Лучи отъ насъ склонились прочь.
> *Открылась бездна, звѣздъ полна;*
> *Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна.*

Несравненно талантливѣе, какъ поэтъ, Гавріилъ Романовичъ Державинъ. Справедливо замѣчаніе Бѣлинскаго, что Державинъ вполнѣ былъ бы оцѣненъ потомствомъ только въ томъ случаѣ, если бы какой-нибудь равный по дарованію поэтъ перевелъ его на иностранный языкъ... Дѣйствительно, тяжелый архаическій языкъ (въ связи,—нужно прибавить,—съ охлаждающими длиннотами) дѣлаетъ въ настоящее время невозможнымъ ис-

кренлее увлеченіе державинскими одами; тѣмъ не менѣе, въ нихъ щедро разсыпаны несомнѣнные перлы поэзіи. Возвышенный паѳосъ, величавые образы, удивительно громкозвучный стихъ, не утратившій иногда до сихъ поръ былого обаянія... Слѣдуетъ подчеркнуть также великую заслугу Державина: онъ всячески пытался выбиться изъ путъ псевдоклассической манерности и приблизить свою лирику къ родной дѣйствительности. Изъ жизни родной природы беретъ онъ свои лучшіе образы и картины, изъ народной рѣчи заимствуетъ и вкрапляетъ въ самыя торжественныя изъ своихъ одъ слова и обороты рѣчи. Къ сожалѣнію, это было лишь инстинктивное усиліе могучаго природнаго дарованія, въ концѣ концовъ побѣжденное духомъ времени... Очевидно, не приспѣла еще пора для реальной русской поэзіи,—раньше она должна была пройти черезъ Жуковскаго, черезъ увлеченіе средневѣковымъ романтизмомъ.

Говоря объ общемъ характерѣ лирики Державина, ея мотивовъ, ея содержанія,—прежде всего вспоминаешь слова Гоголя: — „пѣвецъ величія"... Правда, въ большинствѣ своихъ произведеній Державинъ довольно односторонне и внѣшне понимаетъ величіе Россіи, какъ непобѣдимую никѣмъ военную мощь, но довольно ярко проступаютъ въ его пониманіи и другіе, болѣе намъ симпатичные моменты величія родной страны и родного народа. Не за одни только успѣхи оружія воспѣваетъ онъ свою „Фелицу", но и за ея гуманныя и либеральныя идеи, истолкователемъ которыхъ онъ же первый и является... Въ блескѣ, которымъ окружено правленіе Екатерины въ глазахъ русскаго народа и всей Европы (блескѣ, какъ мы теперь знаемъ,—на три четверти фальшивомъ и мишурномъ) поэтъ старается прежде всего отыскать и подчеркнуть гражданскую доблесть,— и нужно сказать, что попытки эти производятъ впечатлѣніе глубокой и наивной искренности... Чрезвычайно характерно при этомъ, что Державинъ не воспѣвалъ, подобно своимъ многочисленнымъ собратьямъ-піитамъ, временщиковъ и фаворитовъ, въ разное время б[...] ставшихъ при дворѣ и пользовавшихся с[...] и властью, и даже о „великолѣпномъ кн[...] Тавриды" (выраженіе Державина о Потем[...] нѣ) не обмолвился ни однимъ словомъ вп[...] до его смерти, когда написалъ знамени[...] оду „Водопадъ". Больше того: саму Ек[...] рину и ея дѣла воспѣвалъ онъ искренни[...] одушевленными стихами только до тѣхъ по[...] пока стоялъ вдали отъ двора и не вид[...] пятенъ на ликѣ „россійской Минервы". По[...] его хвалебная поэзія вянетъ, становится [...] нѣе искренной, скучной... Къ этому поздн[...] шему времени относится любопытное чет[...] ростишіе-жалоба Державина:

Поймали птичку голосисту
И ну сжимать ее рукой...
Пищитъ бѣдняжка, вмѣсто свисту,
А ей твердятъ: „Пой, птичка, пой!"

Но привлекательнѣе всего въ нашемъ „п[...] цѣ величія"—неотступная серьезная дума [...] высокомъ назначеніи человѣка, о его от[...] шеніи къ Богу и земной жизни. Ник[...] какъ Державинъ, не умѣетъ рисовать [...] потрясающихъ контрастахъ картинъ роско[...] и наслажденій и неожиданно являющейся см[...] ти, обнаруживающей всю ихъ непрочно[...] и ничтожество... Идеалъ человѣчности, [...] знаніе недосягаемой высоты духовной че[...] вѣческой природы неустанно витаетъ пер[...] глазами поэта.

И какъ-то странно думать, что этотъ [...] ніальный человѣкъ получилъ самое низ[...] ное воспитаніе, лучшіе годы молодости [...] велъ въ казармѣ, среди разгула, пьянств[...] картежной игры! Но, какъ видно изъ „З[...] сокъ" самого Державина, отъ окончатель[...] гибели въ омутѣ страстей и пороковъ [...] спасли свѣтлыя впечатлѣнія ранняго дѣтств[...] образъ страдалицы-матери, не устававшей [...] роться съ нуждой и ударами судьбы. С[...] ная натура поэта и ея благородные инст[...] ты удержали его на краю бездны, и н[...] ственное перерожденіе запечатлѣлось ре[...] ознымъ направленіемъ его лирики.

НА СМЕРТЬ КН. МЕЩЕРСКАГО.

Глаголъ временъ! металла звонъ!
Твой страшный гласъ меня смущаетъ...
Зоветъ меня, зоветъ твой стонъ,
Зоветъ—и къ гробу приближаетъ.
Едва увидѣлъ я сей свѣтъ—
Уже зубами смерть скрежещетъ;
Какъ молніей, косою блещетъ
И дни мои, какъ злакъ, сѣчетъ.
Ничто отъ роковыхъ когтей,
Никая тварь не убѣгаетъ:
Монархъ и узникъ—снѣдь червей...

. . . .

Скользимъ мы бездны на краю,
Въ которую стремглавъ свалймся;
Пріемлемъ съ жизнью смерть свою,
На то, чтобъ умереть, родимся.
Безъ жалости все смерть разитъ:
И звѣзды ею сокрушатся,
И солнца ею потушатся,
И всѣмъ мірамъ она грозитъ.

. . . .

Увы! гдѣ меньше страха намъ,
Тамъ можетъ смерть постичь скорѣе;
Ея и громы не быстрѣе
Слетаютъ къ гордымъ вышинамъ.
Сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ,
Куда, Мещерскій, ты сокрылся?
Оставилъ ты сей жизни брегъ,
Къ брегамъ ты мертвыхъ удалился:
Здѣсь персть твоя, а духа нѣтъ.
Гдѣ-жъ онъ?—Онъ тамъ.—Гдѣ тамъ?—Не знаемъ.
Мы только плачемъ и взываемъ:
„О горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!“
Утѣхи, радость и любовь
Гдѣ купно съ здравіемъ блистали,
У всѣхъ тамъ цѣпенѣетъ кровь
И духъ мятется отъ печали.
Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ;
Гдѣ пиршествъ раздавались клики,
Надгробные тамъ воютъ лики,
И блѣдна Смерть на всѣхъ глядитъ...
Глядитъ на всѣхъ—и на царей,
Кому въ державу тѣсны міры;
Глядитъ на пышныхъ богачей,
Что въ златѣ и сребрѣ кумиры;
Глядитъ на прелесть и красы,
Глядитъ на разумъ возвышѐнный,
Глядитъ на силы дерзновенны—
И точитъ лезвее косы.
Смерть, трепетъ естества и страхъ!
Мы—гордость, съ бѣдностью совмѣстна:
Сегодня богъ, а завтра прахъ...
Сегодня льститъ надежда лестна,
А завтра—гдѣ ты, человѣкъ?
Едва часы протечь успѣли,
Хаоса въ бездну улетѣли—
И весь, какъ сонъ, прошелъ твой вѣкъ.
Какъ сонъ, какъ сладкая мечта,
Исчезла и моя ужъ младость:
Не сильно нѣжитъ красота,
Не столько восхищаетъ радость,
Не столько легкомысленъ умъ,
Не столько я благополученъ:
Желаніемъ честей размученъ,—
Зоветъ, я слышу, славы шумъ.
 Но такъ и мужество пройдетъ
И вмѣстѣ къ славѣ съ нимъ стремленье.
Богатствъ стяжаніе минетъ,
И въ сердцѣ всѣхъ страстей волненье
Пройдетъ, пройдетъ въ чреду свою.
Подите, счастья прочь возможны!
Вы всѣ премѣнны здѣсь и ложны:
Я въ дверяхъ вѣчности стою.
 Сей день иль завтра умереть,
Перфильевъ, должно намъ, конечно.
Почто-жъ терзаться и скорбѣть,
Что смертный другъ твой жилъ не вѣчно?
Жизнь есть Небесъ мгновенный даръ;
Устрой ее себѣ къ покою
И съ чистою твоей душою
Благословляй судебъ ударъ.

1779.

ВЛАСТИТЕЛЯМЪ И СУДІЯМЪ.

Возсталъ Всевышній Богъ, да судитъ
Земныхъ боговъ во сонмѣ ихъ.
„Доколѣ,—рекъ,—доколь вамъ будетъ
Щадить неправедныхъ и злыхъ?
Вашъ долгъ есть—сохранять законы,
На лица сильныхъ не взирать,
Безъ помощи, безъ обороны
Сиротъ и вдовъ не оставлять.
Вашъ долгъ—спасать отъ бѣдъ невинныхъ,
Несчастливымъ подать покровъ;
Отъ сильныхъ защищать безсильныхъ,
Исторгнуть бѣдныхъ изъ оковъ!“
Не внемлютъ... Видятъ—и не знаютъ!
Покрыты мздою очеса:
Злодѣйства землю потрясаютъ,
Неправда зыблетъ небеса.
Цари! Я мнилъ, вы боги властны,
Никто надъ вами не судья;
Но вы, какъ я, подобно страстны
И такъ же смертны, какъ и я.
И вы подобно такъ падете,
Какъ съ древъ увядшій листъ падетъ,

И вы подобно такъ умрете,
Какъ вашъ послѣдній рабъ умретъ!
Воскресни, Боже! Боже правыхъ!
И ихъ моленію внемли:
Приди, суди, карай лукавыхъ
И будь единъ царемъ земли!
1782.

ИЗЪ ОДЫ „БОГЪ".

Я—связь міровъ повсюду сущихъ,
Я—крайня степень естества,
Я средоточіе живущихъ,
Черта начальна Божества.
Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю,
Я—царь, я—рабъ, я—червь, я—богъ!
Но, будучи я столь чудесенъ,
Отколѣ происшелъ?—Безвѣстенъ,
А самъ собой я быть не могъ.
Твое созданье я, Создатель,
Твоей премудрости я тварь,
Источникъ жизни, благъ податель,
Душа души моей и царь!
Твоей тò правдѣ нужно было,
Чтобъ смертну бездну преходило
Мое безсмертно бытіе,
Чтобъ духъ мой въ смертность облачился,
И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
Отецъ, въ безсмертіе твое!
1784.

ИЗЪ ОДЫ „ВОДОПАДЪ".

Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четыремя скалами;
Жемчугу бездна и сребра,
Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми.
Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ,
Далече ревъ въ лѣсу гремитъ.
Шумитъ—и средь густого бора
Теряется въ лѣсу потомъ;
Лучъ чрезъ потокъ сверкаетъ скоро;
Подъ зыбкимъ сводомъ древъ, какъ сномъ
Покрыты, волны тихо льются,
Рѣкою млечною влекутся.
Сѣдая пѣна по брегамъ
Лежитъ клубами въ дебряхъ темныхъ;
Стукъ слышенъ млатовъ по вѣтрамъ,
Визгъ пилъ и стонъ мѣховъ подъемныхъ.
О, водопадъ! въ твоемъ жерлѣ
Все утопаетъ въ безднѣ, въ мглѣ!
Вѣтрами-ль сосны пораженны,
Ломаются въ тебѣ въ куски;
Громами-ль камни отторженны,
Стираются тобой въ пески;
Сковать ли воду льды дерзаютъ,—
Какъ пыль стеклянна, ниспадаютъ.
Волкъ рыщетъ вкругъ тебя и, страхъ
Въ ничто вмѣняя, становится:
Огонь горитъ въ его глазахъ,
И шерсть на немъ щетиной зрится;
Рожденный на кровавый бой,
Онъ воетъ, согласясь съ тобой.
Лань йдетъ робко, чуть ступаетъ,
Внявъ водъ твоихъ падущихъ ревъ;
Рога на спину преклоняетъ
И быстро мчится межъ деревъ.
1791.

ЛАСТОЧКА.

О, домовитая ласточка,
О, милосизая птичка!
Грудь краснобѣла, косаточка,
Лѣтняя гостья, пѣвичка!
Ты часто по кровлямъ щебечешь,
Надъ гнѣздышкомъ сидя, поешь,
Крылышками движешь, трепещешь,
Колокольчикомъ въ горлышкѣ бьешь.
Ты часто по воздуху вьешься,
Въ немъ смѣлые круги даешь,
Иль стелешься долу, несешься,
Иль въ небѣ, простряся, плывешь.
Ты часто во зеркалѣ водномъ
Подъ рдяной играешь зарей,
На зыбкой лазури бездонной
Тѣнью мелькаешь твоей...
...Видишь тамъ всю ты вселенну
Какъ будто съ высотъ на коврѣ:
Тамъ башню, какъ жаръ позлащенну,
Въ чешуйчатомъ флотъ тамъ сребрѣ;
Тамъ рощи въ одеждѣ зеленой,
Тамъ нивы въ вѣнцѣ золотомъ,
Тамъ холмъ, синій лѣсъ отдаленный,
Тамъ мошки толкутся столпомъ.
. . . .
1794.

ПАМЯТНИКЪ.

Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный,
Металловъ тверже онъ и выше пирамидъ:
Ни вихрь его, ни громъ не сломитъ быстр[течный,
И времени полетъ его не сокрушитъ.
Такъ! весь я не умру; но часть меня большая,
Отъ тлѣна убѣжавъ, по смерти станетъ жить,

И слава возрастетъ моя, не увядая,
Доколь Славяновъ родъ вселенна будетъ чтить.
Слухъ прòйдетъ обо мнѣ отъ Бѣлыхъ водъ до [Черныхъ,
Гдѣ Волга, Донъ, Нева, съ Рифея льетъ Уралъ;
Всякъ будетъ помнить тò въ народахъ неисчетныхъ,
Какъ изъ безвѣстности я тѣмъ извѣстенъ сталъ,
Что первый я дерзнулъ въ забавномъ русскомъ слогѣ
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить,
Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ
И истину царямъ съ улыбкой говорить.
О, Муза! возгордись заслугой справедливой,
И презритъ кто тебя, сама тѣхъ презирай;
Непринужденною рукой, неторопливой
Чело твое зарей безсмертія вѣнчай.

1796.

II.

Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ.

1760 — 1837.

Имя И. И. Дмитріева, знаменитаго въ свое время баснописца и автора чувствительныхъ романсовъ (вродѣ „Стонетъ сизый голубочекъ", „Всѣхъ цвѣточковъ болѣ" и пр.), заслуживаетъ памяти потомства, главнымъ образомъ, благодаря тому страшному удару, который онъ нанесъ родному псевдоклассицизму, съ его торжественными и надутыми одами, въ талантливой и по-истинѣ замѣчательной сатирѣ „Чужой толкъ". Можно сказать, сатира эта сразу убила на Руси увлеченіе одописаніемъ...

Борьбу съ ложноклассической школой Дмитріевъ велъ еще и въ другомъ направленіи,— являясь, вмѣстѣ съ Карамзинымъ, дѣятельнымъ насадителемъ у насъ *сантиментализма*. Сантиментальная школа была проникнута не меньшей фальшью, чѣмъ и лжеклассицизмъ, такъ какъ приторно-слащавое, идиллически-розовое освѣщеніе дѣйствительности было, какъ небо отъ земли, далеко отъ дѣйствительности подлинной русской жизни съ ея крѣпостнымъ мракомъ и ужасомъ. Дмитріевъ, Карамзинъ и ихъ безчисленные подражатели, копируя заграничныхъ сантименталистовъ,— выводили на сцену въ своихъ пѣсняхъ, романсахъ и повѣстяхъ небывалыхъ „пастушковъ" и „пастушекъ", „Лизъ" и „Хлой", живущихъ въ какомъ-то междупланетномъ мірѣ, среди томленій „страсти нѣжной" и потоковъ чувствительныхъ слезъ. И всѣ эти „пастушки" были не болѣе, какъ переряженные въ простонародный костюмъ свѣтскіе селадоны! До чего далека еще была русская поэзія отъ изображенія настоящаго народа и его жизни, видно хотя бы изъ стихотворенія Державина „Русскія дѣвушки" (1799):

Зрѣлъ ли ты, пѣвецъ тіисскій,
Какъ въ лугу весной „бычка"
Пляшутъ дѣвушки россійски
Подъ свирѣлью пастушка?
Какъ, склонясь главами, ходятъ,
Башмачками въ ладъ стучатъ,
Тихо руки, взоръ поводятъ
И плечами говорятъ;
Какъ ихъ лентами златыми
Чола бѣлыя горятъ,
Подъ *жемчугами драгими*
Груди нѣжныя дрожатъ...

Одинъ глубоко-фальшивый аккордъ—и вс[illegible] красота дѣйствительно красивой музыки без[illegible] надежно испорчена. Мы видимъ передъ со[illegible] бою прекрасныхъ представительницъ того оф[illegible] фиціальнаго „народа", которымъ остроумна[illegible] администрація заселяла или, вѣрнѣе, декори- ровала пустынную дорогу императрицы Ека- терины по югу Россіи, а никакъ не того на- рода, который въ ея блестящее царствовані[illegible] умиралъ съ голоду, пухъ отъ цынги и уча-

ствовалъ въ бунтѣ Пугачева, отнюдь не имѣя конечно, возможности наряжаться въ „жемчуги драгіе“...

Но сентиментальное направленіе, на ряду съ сатирой, все же сыграло значительную роль въ дѣлѣ борьбы съ псевдоклассицизмомъ. Истинной поэзіи въ сентиментализмѣ не было, но все же это было инстинктивное, судорожное исканіе новыхъ путей къ поэзіи, и оно должно быть отмѣчено въ каждомъ безпристрастномъ изслѣдованіи по исторіи русской литературы.

ИЗЪ САТИРЫ „ЧУЖОЙ ТОЛКЪ“.
(1794).

Что за диковинка! Лѣтъ двадцать ужъ прошло,
Какъ мы, напрягши умъ, наморщивши чело,
Со всеусердіемъ все оды пишемъ, пишемъ,
А ни себѣ, ни имъ похвалъ нигдѣ не слышимъ!
Ужели выдалъ Фебъ свой именной указъ,
Чтобъ не дерзалъ никто надѣяться изъ насъ
Быть Флакку, Рамлеру и ихъ собратьи равнымъ
И столько-жъ, какъ они, во пѣснопѣньи славнымъ?
Какъ думаешь? Вчера случилось мнѣ сличать
Ихъ, и нашу пѣснь: въ ихъ—нечего читать!
Листочекъ, много три, а любо, какъ читаешь—
Не знаю, какъ-то самъ какъ будто бы летаешь!
Судя по краткости, увѣренъ, что они
Писали ихъ, рѣзвясь, а не четыре дни:
Но какъ бы намъ не быть еще и ихъ счастливѣй,
Когда мы во сто разъ прилежнѣй, терпѣливѣй?
Вѣдь нашъ начнетъ писать, то всѣ забавы прочь:
Надъ парою стиховъ просиживаетъ ночь,
Потѣетъ, думаетъ, чертитъ и жжетъ бумагу;
А иногда беретъ такую онъ отвагу,
Что цѣлый годъ сидитъ надъ одою одной,
И подлинно, ужъ весь приложитъ разумъ свой!
Ужъ прямо самая торжественная ода!
Я не могу сказать, какого это рода,
Но очень полная, иная въ двѣсти строфъ.
Судите-жъ, сколько тутъ хорошихъ есть стиховъ!
Къ тому-жъ, и въ правилахъ: сперва прочтешь [вступленье,
Тутъ предложеніе, а тамъ и заключенье—
Точь въ точь, какъ говорятъ учены по церквамъ.
Со всѣмъ тѣмъ, нѣтъ читать охоты, вижу самъ.
Возьму ли, напримѣръ, я оды на побѣды,
Какъ покорили Крымъ, какъ въ морѣ гибли шведы:
Всѣ тутъ подробности сраженья нахожу—
Гдѣ было, какъ, когда; короче я скажу:
Въ стихахъ реляція. Прекрасно!—а зѣваю.
Я, бросивши ее, другую раскрываю,
На праздникъ, иль на что подобное тому:
Тутъ сыщешь то, чего-бъ нехитрому уму
Не выдумать и ввѣкъ: „Зари багряны персты“
И „райскій кринъ“, и „Фебъ“, и „небеса отверсты“...
Такъ громко, высоко—а нѣтъ! не веселитъ
И сердца, такъ сказать, ничуть не шевелитъ!—

. . . .

...У древнихъ цѣль была, у насъ—другая:
Горацій, напримѣръ, восторгомъ грудь питая,
Чего желалъ? О! онъ... онъ бралъ не свысока:
Въ вѣкахъ—безсмертія, а въ Римѣ лишь вѣнка
Изъ лавровъ или миртъ, чтобъ Делія сказала:
„Онъ славенъ, чрезъ него и я безсмертна стала!“
А нашихъ многихъ цѣль—награда перстенькомъ,
Нерѣдко сто рублей, иль дружество съ князькомъ
Который отъ роду не читывалъ другого,
Кромѣ придворнаго подчасъ мѣсяцеслова,
Иль похвала своихъ пріятелей, а имъ—
Печатный каждый листъ быть кажется святымъ!..

. . . .

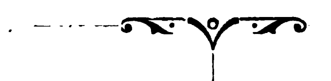
И вотъ, какъ писывалъ поэтъ природный оду:
Лишь пушекъ громъ подастъ пріятну вѣсть народу
Что рымникскій Алкидъ поляковъ разгромилъ,
Иль Ферзенъ ихъ вождя Костюшку полонилъ,
Онъ тотчасъ за перо—и разомъ вывелъ: „Ода“.
Потомъ въ одинъ присѣстъ: „Такого дня и года“.
Тутъ какъ?—„Пою!“ иль нѣтъ: ужъ это старина!
Не лучше-ль: „Даждь мнѣ, Фебъ!“ Иль такъ: „Не [ты одна
Подпала подъ пяту, о чалмоносна Порта!“
Но что же мнѣ прибрать къ ней въ рифму, кромѣ [чорта?
Нѣтъ, нѣтъ, нехорошо! Я лучше поброжу
И воздухомъ себя открытымъ освѣжу...
Пошелъ и на пути такъ въ мысляхъ разсуждаетъ:
„Начало никогда пѣвцовъ не устрашаетъ!
Что хочешь, то мели! Вотъ штука, какъ хвалить
Героя-то придетъ! Не знаю, съ кѣмъ сравнить—
Съ Румянцевымъ его, иль съ Грейгомъ, иль съ [Орловымъ?
Какъ жаль, что древнихъ я не читывалъ, а съ но- [вымъ
Неловко что-то все... Да просто напишу:
Ликуй, герой! Ликуй, герой ты!—возглашу.
Изрядно! Тутъ же что? Тутъ надобенъ восторгъ...
Скажу: кто завѣсу мнѣ вѣчности расторгъ?..

Я вижу молній блескъ! Я слышу съ горня свѣта
И то, и то... А тамъ?—Извѣстно: многи лѣта!..
Брависсимо! И планъ, и мысли---все ужъ есть.
Да здравствуетъ поэтъ! Осталося присѣсть,
Да только написать, да и печатать смѣло!"
Бѣжитъ на свой чердакъ, чертитъ—и въ шляпѣ дѣло.
И оду ужъ его тисненью предаютъ,
И въ одѣ ужъ его намъ ваксу продаютъ...

* * *

— Я разорился отъ воровъ!—
„Жалѣю о твоемъ я горѣ".
— Украли пукъ моихъ стиховъ!—
„Жалѣю я о ворѣ".

———



III.

Василій Андреевичъ Жуковскій.

1783 — 1852.

Судьба сочиненій этого замѣчательнаго поэта особенно ясно показываетъ, сколько теряютъ—и общество, и сами писатели отъ чрезмѣрно долгаго срока литературной собственности, установленнаго нашимъ закономъ. Дѣло въ томъ, что литературное вліяніе и значеніе Жуковскаго относятся ко второму десятилѣтію прошлаго вѣка; съ появленіемъ Пушкина, въ продолженіе слѣдующихъ 30 лѣтъ, онъ уже только допѣвалъ и варьировалъ на разные лады свои юношескіе мотивы, стоя совершенно въ сторонѣ отъ новаго литературнаго движенія. Раздался и безвременно смолкъ протестующій голосъ Лермонтова; Кольцовъ пропѣлъ свои чудныя народныя пѣсни; послышались скорбные стоны „музы мести и печали"... Жуковскій все жилъ, продолжая воспѣвать неземныхъ дѣвъ, блѣднолицыхъ рыцарей, загробныя свиданія, привидѣнія, вѣдьмъ, чертей... Естественно, что многія изъ этихъ пѣснопѣній казались устарѣлыми даже еще при жизни поэта, вызывая лишь удивленіе передъ тѣми простодушными временами, когда какой-нибудь „Громобой" могъ считаться шедевромъ искусства, будить восторги, исторгать слезы и создавать подражанія, подражанія безъ конца. Дороговизна сочиненій Жуковскаго, дѣлавшая ихъ (до 1902 г.) доступными лишь богатымъ людямъ, довершила остальное, и имя пѣвца „Эоловой арфы" постепенно окружалось забвеніемъ; съ дѣйствительно слабыхъ вещей пренебрежительное отношеніе переносилось мало-по-малу и на такія, которыя заслуживаютъ вѣчной славы и удивленія. Про современное намъ поколѣніе, кажется, безъ преувеличенія можно сказать, что оно совсѣмъ почти не помнитъ Жуковскаго (если не считать немногихъ образцовъ, приводимыхъ обыкновенно въ школьныхъ хрестоматіяхъ), и, быть можетъ, этимъ только забвеніемъ слѣдуетъ объяснить снисходительное порой отношеніе критики и публики къ попыткамъ современныхъ символистовъ-декадентовъ насадить у насъ нео-мистическій романтизмъ. Какъ жалко это „новое" по сравненію съ старымъ! Тамъ, у поэта начала прошлаго вѣка всѣ эти „мертвыя невѣсты", дающія въ лунную ночь свои поцѣлуи, были живыми поэтическими образами, создававшимися въ рамкѣ извѣстныхъ историческихъ условій; теперь это не болѣе, какъ холодная, запоздалая выдумка... Помимо величины таланта, Жуковскій силенъ глубокой искренностью и задушевностью, — тѣмъ, что онъ дѣйствительно жилъ грезами своей фантазіи. Въ лицѣ Жуковскаго русское общество имѣло перваго по счету поэта въ подлинномъ смыслѣ этого слова, поэта, котораго полюбило не вслѣдствіе доводовъ реторики или прихоти моды, какъ

оно любило раньше Ломоносова, Хераскова, Державина, Петрова, а потому, что истинный талантъ ударилъ по сердцамъ, расшевелилъ поэтическія струны, живущія въ душѣ и самыхъ трезвыхъ, самыхъ прозаическихъ людей. До Жуковскаго *такой* поэзіи не существовало на Руси. Романтизмъ Жуковскаго, явившійся на смѣну полной фальши ложноклассической школы, также имѣлъ, конечно, свои условности и слабыя стороны (любовь къ среднимъ вѣкамъ и ихъ демонизму), но онъ бралъ тѣмъ, что апеллировалъ къ живому человѣческому чувству. Изображеніе души реальнаго человѣка и тѣхъ идеальныхъ стремленій, которыя существуютъ въ современной дѣйствительности, было еще далеко впереди, но въ мечтательно-нѣжныхъ стихахъ Жуковскаго уже послышался голосъ истинной гуманной поэзіи. Вмѣстѣ съ Батюшковымъ, Жуковскій подготовилъ появленіе Пушкина. Но, помимо этой великой историко-литературной заслуги произведенія его и въ наше время сохраняютъ неувядаемую, юношескую свѣжесть. „Мечтательная грусть, унылая мелодія,—говоритъ Бѣлинскій,—задушевность и сердечность, фантастическая настроенность духа, безвыходно погруженнаго въ самомъ себѣ,— вотъ преобладающій характеръ поэзіи Жуковскаго, составляющій и ея непобѣдимую прелесть, и ея недостатокъ, какъ всякой неполноты и односторонности, и хотя содержаніе и тонъ поэзіи Жуковскаго суть экзотическія растенія въ отношеніи русской поэзіи, переселенцы съ чуждой почвы, изъ-подъ чуждаго неба, однако... Жуковскій поэтъ не одной своей эпохи. Его стихотворенія всегда будутъ находить отзывъ въ юныхъ поколѣніяхъ, приготовляющихся къ жизни и еще только мечтающихъ о жизни но не знающихъ ея".—„И какъ не любить горячо этого поэта, — спрашиваетъ великій критикъ въ другомъ мѣстѣ,—котораго каждый изъ насъ съ благодарностью признаетъ своимъ воспитателемъ, развившимъ въ его душѣ всѣ благородныя сѣмена высшей жизни, все святое и завѣтное бытія? Это безпрерывное стремленіе куда-то, это томительное порываніе въ туманную даль, за которою тускло мерцаетъ заря лучшей жизни; эта вѣчная грусть по какому-то недостижимому идеалу блаженства, тоскливое воспоминаніе о миломъ „прежде", въ которомъ жизнь была такъ полна надеждъ и удовлетворенія; это всегдашнее недовольство настоящимъ; эта гордая и твердая вѣра въ вѣчность любви и жизни... Что эта такое, какъ не первое пробужденіе духа, сознавшаго себя духомъ"?—„О Жуковскомъ говорятъ,—прибавляетъ ко всему этому Бѣлинскій,—что у него мало своего, но почти все переводы. Ошибочное мнѣніе! Жуковскій поэтъ, а не переводчикъ: *онъ возсоздаетъ, но не переводитъ, онъ беретъ у нѣмцевъ и англичанъ только свое, оставляя въ подлинникахъ неприкосновеннымъ ихъ собственное и потому его такъ называемые переводы, несовершенны, какъ переводы, но превосходны, какъ его собственныя созданія*".

Въ заключеніе, напомнимъ прелестную характеристику, данную поэзіи Жуковскаго Пушкинымъ:

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль.
И внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль
И рѣзвая задумается радость.

То, что сказано въ предисловіи относительно всѣхъ поэтовъ, повторимъ и относительно Жуковскаго: давая изъ него значительно большее количество стихотвореній, нежели какая-либо другая хрестоматія, мы не могли однако перепечатать здѣсь *все* лучшее, имъ написанное и переведенное, и прежде всего—такія большія вещи, какъ „Ундина", „Одиссея", „Наль и Дамаянти", „Рустемъ и Зорабъ". Съ другой стороны, многія пьесы, слывущія даже знаменитыми (какъ, напр., „Теонъ и Эсхинъ"), опущены нами намѣренно, какъ принадлежащія болѣе дидактикѣ чѣмъ поэзіи...

СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ.

[элегія изъ грея].

Уже блѣднѣетъ день, скрываясь за горою;
Шумящія стада толпятся надъ рѣкой;
Усталый селянинъ медлительной стопою
Идетъ, задумавшись, въ шалашъ спокойный свой.
Въ туманномъ сумракѣ окрестность исчезаетъ...
Повсюду тишина, повсюду мертвый сонъ;
Лишь изрѣдка, жужжа, вечерній жукъ мелькаетъ,
Лишь слышится вдали роговъ унылый звонъ.
Лишь дикая сова, таясь подъ древнимъ сводомъ
Той башни, сѣтуетъ, внимаема луной,
На возмутившаго полуночнымъ приходомъ
Ея безмолвнаго владычества покой.
Подъ кровомъ черныхъ соснъ и вязовъ наклоненныхъ
Которые окрестъ, развѣсившись, стоятъ,
Здѣсь праотцы села, въ гробахъ уединенныхъ
Навѣки затворясь, сномъ непробуднымъ спятъ.
Денницы тихій гласъ, дня юнаго дыханье,
Ни крики пѣтуха, ни звучный гулъ роговъ,
Ни ранней ласточки на кровлѣ щебетанье,
Ничто не вызоветъ почившихъ изъ гробовъ.
На дымномъ очагѣ трескучій огнь, сверкая,
Ихъ въ зимни вечера не будетъ веселить,
И дѣти рѣзвыя, встрѣчать ихъ выбѣгая,
Не будутъ съ жадностью лобзаній ихъ ловить.
Какъ часто ихъ серпы златую ниву жали,
И трудъ ихъ побѣждалъ упорныя поля!
Какъ часто ихъ сѣкиръ дубравы трепетали,
И потомъ ихъ кропилася земля!

. . . .

Ахъ, можетъ быть, подъ сей могилою таится
Прахъ сердца нѣжнаго, умѣвшаго любить,
И гробожитель-червь въ сухой главѣ гнѣздится,
Рожденной быть въ вѣнцѣ, иль мыслями парить!
Но просвѣщенья храмъ, воздвигнутый вѣками,
Угрюмою судьбой для нихъ быль затворёнъ,
Ихъ рокъ обременилъ убожества цѣпями,
Ихъ геній строгою нуждою умерщвленъ.
Какъ часто рѣдкій перлъ, волнами сокровенный,
Въ бездонной пропасти сіяетъ красотой;
Какъ часто лилія цвѣтетъ уединенно,
Въ пустынномъ воздухѣ теряя запахъ свой...

. . . .

1802.

ИВИКОВЫ ЖУРАВЛИ.

[изъ шиллера].

На Посидоновъ пиръ веселый,
Куда стекались чада Гелы
Зрѣть бѣгъ коней и бой пѣвцовъ,
Шелъ Ивикъ, скромный другъ боговъ.
Ему съ крылатою мечтою
Послалъ даръ пѣсней Аполлонъ,
И съ лирой, съ легкою клюкою,
Шелъ, вдохновенный, къ Истму онъ.
Уже его открыли взоры
Вдали Акрокоринѳъ и горы,
Сліянны съ синевой небесъ.
Онъ входитъ въ Посидоновъ лѣсъ...
Все тихо: листъ не колыхнется,
Лишь журавлей по вышинѣ
Шумящая станица вьется
Въ страны полуденны къ веснѣ.
„О, спутники, вашъ рой крылатый,
Досель мой вѣрный провожатый,
Будь добрымъ знаменіемъ мнѣ!
Сказавъ: прости! родной странѣ,
Чужого брега посѣтитель,
Ищу пріюта, какъ и вы;
Да отвратитъ Зевесъ-хранитель
Бѣду отъ странничьей главы".
И съ твердой вѣрою въ Зевеса
Онъ въ глубину вступаетъ лѣса;
Идетъ заглохшею тропой...
И зритъ убійцъ передъ собой.
Готовъ сразиться онъ съ врагами,
Но часъ судьбы его приспѣлъ:
Знакомый съ лирными струнами,
Напрячь онъ лука не умѣлъ.
Къ богамъ и къ людямъ онъ взываетъ...
Лишь эхо стоны повторяетъ—
Въ ужасномъ лѣсѣ жизни нѣтъ.
„Итакъ, погибну въ цвѣтѣ лѣтъ,
Истлѣю здѣсь безъ погребенья
И не оплаканъ отъ друзей;
И симъ врагамъ не будетъ мщенья
Ни отъ боговъ, ни отъ людей."
И онъ боролся ужъ съ кончиной...
Вдругъ... шумъ отъ стаи журавлиной...
Онъ слышитъ (взоръ уже угасъ)
Ихъ жалобно стенящій гласъ.
„Вы, журавли подъ небесами,
Я васъ въ свидѣтели зову!
Да грянетъ, привлеченный вами,
Зевесовъ громъ на ихъ главу."
И трупъ узрѣли обнаженный.
Рукой убійцы искажённы
Черты прекраснаго лица.
Коринѳскій другъ узналъ пѣвца.
„И ты недвижимъ предо мною?
И на главу твою, пѣвецъ,
Я мнилъ торжественной рукою
Сосновый положить вѣнецъ!"
И внемлютъ гости Посидона,
Что палъ наперсникъ Аполлона...
Вся Греція поражена;

Для всѣхъ сердецъ печаль одна.
И съ дикимъ ревомъ изступленья
Притановъ окружилъ народъ,
И вопитъ: „старцы, мщенья, мщенья!
Злодѣямъ казнь, ихъ сгибни родъ!"
Но гдѣ ихъ слѣдъ? Кому примѣтно
Лицо врага въ толпѣ несмѣтной
Притекшихъ въ Посидоновъ храмъ?
Они ругаются богамъ.
И кто-жъ—разбойникъ ли презрѣнный,
Иль тайный врагъ ударъ нанесъ?
Лишь Геліосъ то зрѣлъ священный,
Все озаряющій съ небесъ.
Съ подъятой, можетъ быть, главою,
Между шумящею толпою,
Злодѣй сокрытъ въ сей самый часъ
И хладно внемлетъ скорби гласъ;
Иль въ капищѣ, склонивъ колѣни,
Жжетъ ладанъ гнусною рукой;
Или тѣснится на ступени
Амфитеатра за толпой,
Гдѣ, устремивъ на сцену взоры
(Чуть могутъ ихъ сдержать подпоры),
Пришедъ изъ ближнихъ, дальнихъ странъ,
Шумя, какъ смутный океанъ,
Надъ рядомъ рядъ, сидятъ народы;
И движутся, какъ въ бурю лѣсъ,
Людьми кипящи переходы,
Всходя до синевы небесъ.
И кто сочтетъ разноплеменныхъ,
Симъ торжествомъ соединенныхъ?
Пришли отвсюду: отъ Аѳинъ,
Отъ древней Спарты, отъ Микинъ,
Съ предѣловъ Азіи далекой,
Съ Эгейскихъ водъ, съ Ѳракійскихъ горъ...
И сѣли въ тишинѣ глубокой,
И тихо выступаетъ хоръ.
По древнему обряду, важно,
Походкой мѣрной и протяжной,
Священнымъ страхомъ окруженъ,
Обходитъ вкругъ театра онъ.
Не шествуютъ такъ персти чада;
Не здѣсь ихъ колыбель была.
Ихъ стана дивная громада
Предѣлъ земного перешла.
Идутъ съ поникшими главами
И движутъ тощими руками
Свѣчи́, отъ коихъ темный свѣтъ;
И въ ихъ ланитахъ крови нѣтъ;
Ихъ мертвы лица, очи впалы;
И свитыя межъ ихъ власовъ
Эхидны движутъ съ свистомъ жалы,
Являя страшный рядъ зубовъ.
И стали вкругъ, сверкая взоромъ;
И гимнъ запѣли дикимъ хоромъ,
Въ сердца вонзающій боязнь;
И въ немъ преступникъ слышитъ: *казнь*!
Гроза души, ума смутитель,
Эринній страшный хоръ гремитъ;
И, цѣпенѣя, внемлетъ зритель,
И лира, онѣмѣвъ, молчитъ:
„Блаженъ, кто незнакомъ съ виною
Кто чистъ младенчески душою!
Мы не дерзнемъ ему во слѣдъ;
Ему чужда дорога бѣдъ...
Но вамъ, убійцы, горе, горе!
Какъ тѣнь, за вами всюду мы,
Съ грозою мщенія во взорѣ,
Ужасныя созданья тьмы.
Не мните скрыться—мы съ крылами;
Вы въ лѣсъ, вы въ бездну—мы за вами;
И, спутавъ васъ въ своихъ сѣтяхъ,
Растерзанныхъ бросаемъ въ прахъ.
Вамъ покаянье не защита;
Вашъ стонъ, вашъ плачъ веселье намъ;
Терзать васъ будемъ до Коцита,
Но не покинемъ васъ и тамъ."
И пѣснь ужасныхъ замолчала;
И надъ внимавшими лежала,
Богинь присутствіемъ полна,
Какъ надъ могилой, тишина.
И тихой, мѣрною стопою,
Онѣ обратно потекли,
Склонивъ главы́, рука съ рукою,
И скрылись медленно вдали.
И зритель—зыблемый сомнѣньемъ
Межъ истиной и заблужденьемъ—
Со страхомъ мнитъ о Силѣ той,
Которая, во мглѣ густой
Скрываяся, неизбѣжима,
Вьетъ нити роковыхъ сѣтей,
Во глубинѣ лишь сердца зрима,
Но скрыта отъ дневныхъ лучей.
И все, и все еще въ молчаньи...
Вдругъ на ступеняхъ восклицанье:
„Парѳеній, слышишь?.. Крикъ вдали:
То Ивиковы журавли!.."
И небо вдругъ покрылось тьмою,
И воздухъ весь отъ крылъ шумитъ;
И видятъ—черной полосою
Станица журавлей летитъ...
„Что? Ивикъ!.." Все поколебалось,
И имя Ивика помчалось
Изъ устъ въ уста... Шумитъ народъ,
Какъ бурная пучина водъ.
„Нашъ добрый Ивикъ! нашъ сраженный
Врагомъ незнаемымъ поэтъ!..
Что, что въ семъ словѣ сокровенно?
И что сихъ журавлей полетъ?"
И всѣмъ сердцамъ въ одно мгновенье,

Какъ будто свыше откровенье,
Блеснула мысль: „убійца тутъ,
То Эвменидъ ужасныхъ судъ;
Отмщенье за пѣвца готово,
Себѣ преступникъ измѣнилъ.
Къ суду и тотъ, кто молвилъ слово,
И тотъ, кѣмъ онъ внимаемъ былъ!"
И блѣденъ, трепетенъ, смятенный,
Незапной рѣчью обличенный,
Исторгнутъ изъ толпы злодѣй:
Передъ сѣдалище судей
Онъ привлеченъ съ своимъ клевретомъ.
Смущенный видъ, склоненный взоръ,
И тщетный плачъ былъ ихъ отвѣтомъ—
И смерть была имъ приговоръ.

1810.

---

* * *

[изъ шписа].

Опять ты здѣсь, мой благодатный геній,
Воздушная подруга юныхъ дней;
Опять съ толпой знакомыхъ привидѣній
Тѣснишься ты, мечта, къ душѣ моей.
Прили-жъ, о другъ! дай прежнихъ вдохновеній,
Минувшею мнѣ жизнію повѣй,
Побудь со мной, продли очарованья,
Дай сладкаго вкусить воспоминанья!

Ты образы веселыхъ лѣтъ примчала--
И много милыхъ тѣней возстаетъ;
И то, чѣмъ жизнь столь нѣкогда плѣняла,
Что рокъ, отнявъ, назадъ не отдаетъ,
То все опять душа моя узнала;
Проснулась скорбь, и жалоба зоветъ
Сопутниковъ, съ пути сошедшихъ прежде
И здѣсь вотще повѣрившихъ надеждѣ.

Къ нимъ не дойдутъ послѣдней пѣсни звуки,
Разсѣянъ кругъ, гдѣ первую я пѣлъ;
Не встрѣтятъ ихъ простертыя къ нимъ руки;
Прекрасный сонъ ихъ жизни улетѣлъ.
Другихъ умчалъ могучій духъ разлуки,
Счастливый край, ихъ знавшій, опустѣлъ,
Разбросаны по всѣмъ дорогамъ міра!..
Не имъ поетъ задумчивая лира.

И снова въ томномъ сердцѣ возстаетъ
Стремленье въ оный таинственный свѣтъ;
Давнишній гласъ на лирѣ оживаетъ,
Чуть слышимый, какъ генія полетъ;
И душу хладную разогрѣваетъ
Опять тоска по благамъ прежнихъ лѣтъ:
Все близкое мнѣ зрится отдаленнымъ,
Отжившее, какъ прежде, оживленнымъ.

1810.

СВѢТЛАНА.

Разъ въ крещенскій вечерокъ
Дѣвушки гадали:
За ворота башмачокъ,
Снявъ съ ноги, бросали;
Снѣгъ пололи; подъ окномъ
Слушали; кормили
Счетнымъ курицу зерномъ;
Ярый воскъ топили;
Въ чашу съ чистою водой
Клали перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Разстилали бѣлый платъ
И надъ чашей пѣли въ ладъ
Пѣсенки подблюдны.

Тускло свѣтится луна
Въ сумракѣ тумана--
Молчалива и грустна
Милая Свѣтлана.
„Что, подруженька, съ тобой?
Вымолви словечко,
Слушай пѣсни круговой,
Вынь себѣ колечко.
Пой, красавица: „кузнецъ,
Скуй мнѣ златъ и новъ вѣнецъ,
Скуй кольцо златое;
Мнѣ вѣнчаться тѣмъ вѣнцомъ,
Обручаться тѣмъ кольцомъ
При святомъ налоѣ".

—Какъ могу, подружки, пѣть?
Милый другъ далеко;
Мнѣ судьбина умереть
Въ грусти одинокой.
Годъ промчался—вѣсти нѣтъ;
Онъ ко мнѣ не пишетъ...
. . . .
Вотъ, въ свѣтлицѣ столъ накрытъ
Бѣлой пеленою,
И на томъ столѣ стоитъ
Зеркало съ свѣчою;
Два прибора на столѣ.
„Загадай, Свѣтлана;
Въ чистомъ зеркала стеклѣ,
Въ полночь, безъ обмана
Ты узнаешь жребій свой:
Стукнетъ въ двери милый твой
Легкою рукою;

Упадетъ съ дверей запоръ;
Сядетъ онъ за свой приборъ
Ужинать съ тобою".

Вотъ красавица одна,
Къ зеркалу садится;
Съ тайной робостью она
Въ зеркало глядится.
Тёмно въ зеркалѣ; кругомъ
Мертвое молчанье;
Свѣчка трепетнымъ огнемъ
Чуть ліетъ сіянье...
Робость въ ней волнуетъ грудь,
Страшно ей назадъ взглянуть,
Страхъ туманитъ очи...
Съ трескомъ пыхнулъ огонекъ,
Крикнулъ жалобно сверчокъ,
Вѣстникъ полуночи.

Подпершися локоткомъ,
Чуть Свѣтлана дышетъ...
Вотъ... легохонько замкомъ
Кто-то стукнулъ, слышитъ;
Робко въ зеркало глядитъ:
За ея плечами
Кто-то, чудилось, блеститъ
Яркими глазами...
Занялся отъ страха духъ...
Вдругъ... въ ея влетаетъ слухъ
Тихій, легкій шопотъ:
„Я съ тобой, моя краса;
Укротились небеса—
Твой услышанъ ропотъ!"

Оглянулась... милый къ ней
Простираетъ руки:
„Радость, свѣтъ моихъ очей,
Нѣтъ для насъ разлуки.
Ѣдемъ! Попъ ужъ въ церкви ждетъ
Съ дьякономъ, дьячками,
Хоръ вѣнчальну пѣснь поетъ,
Храмъ блеститъ свѣчами".
Былъ въ отвѣтъ умильный взоръ;
Идутъ на широкій дворъ,
Въ ворота тесовы:
У воротъ ихъ санки ждутъ;
Съ нетерпѣнья кони рвутъ
Повода шелковы.

Сѣли... кони съ мѣста въ разъ,
Пышутъ дымъ ноздрями;
Отъ копытъ ихъ поднялась
Вьюга надъ санями.
Скачутъ... Пусто все вокругъ,
Степь въ очахъ Свѣтланы;
На лунѣ туманный кругъ,
Чуть блестятъ поляны.
Сердце вѣщее дрожитъ;
Робко дѣва говоритъ:
„Что ты смолкнулъ, милый?"
Ни полслова ей въ отвѣтъ:
Онъ глядитъ на лунный свѣтъ,
Блѣденъ и унылый.

Кони мчатся по буграмъ,
Топчутъ снѣгъ глубокій...
Вотъ, въ сторонкѣ Божій храмъ
Виденъ одинокій.
Двери вихорь отворилъ:
Тьма людей во храмѣ;
Яркій свѣтъ паникадилъ
Тускнетъ въ ѳиміамѣ;
На срединѣ черный гробъ;
И гласитъ протяжно попъ:
„Буди взятъ могилой!"
Пуще дѣвица дрожитъ...
Кони мимо; другъ молчитъ,
Блѣденъ и унылый.

Вдругъ мятелица кругомъ.—
Снѣгъ валитъ клоками;
Черный вранъ, свистя крыломъ,
Вьется надъ санями;
Воронъ каркаетъ: *печаль*!
Кони торопливы
Чутко смотрятъ въ темну даль,
Подымая гривы;
Брезжетъ въ полѣ огонекъ;
Виденъ мирный уголокъ,
Хижинка подъ снѣгомъ.
Кони борзые быстрѣй,
Снѣгъ взрывая, прямо къ ней
Мчатся дружнымъ бѣгомъ.

Вотъ примчалися... и вмигъ
Изъ очей пропали:
Кони, сани и женихъ—
Будто не бывали.
Одинокая впотьмахъ,
Брошена отъ друга,
Въ страшныхъ дѣвица мѣстахъ;
Вкругъ мятель и вьюга.
Возвратиться—слѣду нѣтъ...
Виденъ ей въ избушкѣ свѣтъ:
Вотъ перекрестилась,
Въ дверь съ молитвою стучитъ...
Дверь шатнулася... скрипитъ...
Тихо растворилась.

Что жъ?.. Въ избушкѣ гробъ: накрытъ
Бѣлою запоной;

Спасовъ ликъ въ ногахъ стоитъ;
Свѣчка предъ иконой...
Ахъ! Свѣтлана, что съ тобой?
Въ чью зашла обитель?
Страшенъ хижины пустой
Безотвѣтный житель.
Входитъ съ трепетомъ, въ слезахъ;
Предъ иконой пала въ прахъ,
Спасу помолилась;
И, съ крестомъ своимъ въ рукѣ,
Подъ святыми въ уголкѣ
Робко притаилась.

Все утихло... вьюги нѣтъ...
Слабо свѣчка тлится,
То прольетъ дрожащій свѣтъ,
То опять затмится...
Все въ глубокомъ мертвомъ снѣ,
Страшное молчанье...
Чу, Свѣтлана!.. въ тишинѣ
Легкое журчанье...
Вотъ, глядитъ: къ ней въ уголокъ
Бѣлоснѣжный голубокъ
Съ свѣтлыми глазами,
Тихо вѣя, прилетѣлъ,
Къ ней на перси тихо сѣлъ,
Обнялъ ихъ крылами.

Смолкло все опять кругомъ...
Вотъ, Свѣтланѣ мнится,
Что подъ бѣлымъ полотномъ
Мертвый шевелится...
Сорвался покровъ; мертвецъ
(Ликъ мрачнѣе ночи)
Виденъ весь—на лбу вѣнецъ,
Затворёны очи.
Вдругъ... въ устахъ сомкнутыхъ стонъ;
Силится раздвинуть онъ
Руки охладѣлы...
Что же дѣвица?.. Дрожитъ...
Гибель близко... но не спитъ
Голубочекъ бѣлый.

Встрепенулся, развернулъ
Легкія онъ крылы,
Къ мертвецу на грудь вспорхнулъ...
Всей лишенный силы,
Простонавъ, заскрежеталъ
Страшно онъ зубами
И на дѣву засверкалъ
Грозными очами...
Снова блѣдность на устахъ;
Въ закатившихся глазахъ
Смерть изобразилась...
Глядь, Свѣтлана... о, Творецъ!
Милый другъ ея—мертвецъ!
Ахъ! и пробудилась.

Гдѣ-жъ? У зеркала, одна
Посреди свѣтлицы;
Въ тонкій занавѣсъ окна
Свѣтитъ лучъ денницы.
Шумнымъ бьетъ крыломъ пѣтухъ,
День встрѣчая пѣньемъ;
Все блеститъ... Свѣтланинъ духъ
Смутенъ сновидѣньемъ.
„Ахъ! ужасный, грозный сонъ;
Не добро вѣщаетъ онъ—
Горькую судьбину;
Тайный мракъ грядущихъ дней,
Что́ сулишь душѣ моей,
Радость иль кручину?“

Сѣла,—тяжко ноетъ грудь,—
Подъ окномъ Свѣтлана;
Изъ окна широкій путь
Виденъ сквозь тумана.
Снѣгъ на солнышкѣ блеститъ,
Паръ алѣетъ тонкій...
Чу!.. въ дали пустой гремитъ
Колокольчикъ звонкій...
На дорогѣ снѣжный прахъ;
Мчатъ, какъ будто на крылахъ,
Санки кони рьяны.
Ближе... вотъ ужъ у воротъ...
Статный гость къ крыльцу идетъ...
Кто?.. Женихъ Свѣтланы.
. . . .
Отворяйся-жъ, Божій храмъ!
Вы летите къ небесамъ,
Вѣрные обѣты;
Соберитесь старъ и младъ;
Сдвинувъ звонки чаши, въ ладъ
Пойте: многи лѣты!

1811.

ЭОЛОВА АРФА.

Владыко Морвены,
Жилъ въ дѣдовскомъ замкѣ могучій Ордалъ;
Надъ озеромъ стѣны
Зубчатыя замокъ съ холма возвышалъ;
Прибрежны дубравы
Склонялись къ вода̀мъ,
И стлался кудрявый
Кустарникъ по злачнымъ окрестнымъ холмамъ.
Спокойствіе сѣней
Дубравныхъ тамъ часто лай псовъ нарушалъ;
Рогатыхъ оленей,

И вепрей и ланей могучій Ордалъ
Съ отважными псами
Гонялъ по холмамъ;
И долы съ холмами,
Шумя, отвѣчали зовущимъ рогамъ.
Въ жилище Ордала
Веселость изъ ближнихъ и дальнихъ краевъ
Гостей собирала;
И убраны были чертоги пировъ
Оленей рогами;
И въ память отцамъ
Висѣли рядами
Ихъ шлемы, кольчуги, щиты по стѣнамъ.
И въ дружныхъ бесѣдахъ
Любилъ за бокаломъ разсказы Ордалъ
О древнихъ побѣдахъ
И взоры на брони отцовъ устремлялъ:
Чеканны ихъ латы
Въ глубокихъ рубцахъ;
Мечи ихъ зубчаты;
Щиты ихъ и шлемы избиты въ бояхъ.
Младая Минвана
Красой озаряла родительскій домъ;
Какъ зыби тумана,
Зарею златимы надъ свѣжимъ холмомъ,
Такъ кудри густыя
Съ главы молодой
На перси младыя,
Віяся, бѣжали струей золотой.
Пріятнѣй денницы
Задумчивый пламень во взорахъ сіялъ:
Сквозь темны рѣсницы
Онъ сладкое въ душу смятенье вливалъ...
Потока журчанье—
Пріятность рѣчей;
Какъ роза, дыханье;
Душа же—прекраснѣй и прелестей въ ней.
Гремѣла красою
Минвана и въ ближнихъ, и въ дальныхъ краяхъ:
Въ Морвену толпою
Стекалися витязи, славны въ бояхъ;
И дщерью гордился
Предъ ними отецъ...
Но втайнѣ дѣлился
Душою съ Минваной Арминій-пѣвецъ!
Младой и прекрасный,
Какъ свѣжая роза-утѣха долинъ,
Пѣвецъ сладкогласный...
Но родомъ не знатный, не княжескій сынъ:
Минвана забыла
О санѣ своемъ
И сердцемъ любила,
Невинная, сердце невинное въ немъ.—
На темные своды
Багрянымъ щитомъ покатилась луна,
И озера воды
Струистымъ сіяньемъ покрыла она;
Отъ замка, отъ сѣней
Дубравъ по брегамъ
Огромные тѣней
Легли великаны по гладкимъ водамъ.
На холмѣ, гдѣ чистымъ
Потокомъ источникъ бѣжалъ изъ кустовъ,
Подъ дубомъ вѣтвистымъ—
Свидѣтелемъ тайныхъ свиданья часовъ—
Минвана младая
Сидѣла одна,
Пѣвца ожидая,
И въ страхѣ таила дыханье она!
И съ арфою стройной
Ко древу къ Минванѣ приходитъ пѣвецъ.
Все было спокойно,
Какъ тихая радость ихъ юныхъ сердецъ.
Прохлада и нѣга,
Мерцанье луны
И ропотъ у брега
Дробимыя съ легкимъ плесканьемъ волны.
И долго, безмолвны,
Пѣвецъ и Минвана съ унылой душой
Смотрѣли на волны,
Златимыя тихо блестящей луной.
„Какъ быстрыя воды
Потокъ свой ліютъ—
Такъ быстрые годы
Веселье младое съ любовью несутъ!“
— Что жъ сердце уныло?
Пусть воды ліются, пусть годы бѣгутъ...
О, вѣрный! о милый!
Съ любовію годы и жизнь унесутъ!—
„Минвана, Минвана,
Я бѣдный пѣвецъ;
Ты-жъ царскаго сана,
И предками славенъ твой гордый отецъ!“
— Что въ славѣ и санѣ?
Любовь—мой высокій, мой царскій вѣнецъ!
О, милый, Минванѣ
Всѣхъ витязей краше смиренный пѣвецъ!
Зачѣмъ же уныло
На радость глядѣть?
Все близко, что мило;
Оставимъ годамъ за годами летѣть!—
„Минутная сладость
Веселаго *вмѣстѣ*, помедли, постой!
Кто скажетъ, что радость
Навѣкъ не умчится съ грядущей зарей!
Проглянетъ денница—
Блаженству конецъ;
Опять ты царица,
Опять я ничтожный и бѣдный пѣвецъ!“

— Пускай возвратится
Веселое утро, сіяніе дня;
Зарей озарится
Тотъ свѣтъ, гдѣ мой милый живетъ для меня!
Лишь царскимъ уборомъ
Я буду съ толпой;
А мыслію, взоромъ,
И сердцемъ, и жизнью, о милый, съ тобой!—
„Прости! ужъ блѣднѣетъ
Разсвѣтомъ далекій, Минвана, востокъ;
Ужъ утренній вѣетъ
Съ вершины кудрявыхъ холмовъ вѣтерокъ!“
— О, нѣтъ! то зарница
Блеститъ въ облакахъ;
Не скоро денница!
И тихъ вѣтерокъ на кудрявыхъ холмахъ!—
„Ужъ въ замкѣ проснулись!
Мнѣ слышится шорохъ и звукъ голосовъ!“
— О, нѣтъ! встрепенулись
Дремавшія пташки на вѣтвяхъ кустовъ!—
„Заря ужъ багряна!“
— О, милый, постой!—
„Минвана! Минвана!
Почто-жъ замираетъ такъ сердце тоской?“
И арфу унылый
Пѣвецъ привязалъ подъ наклономъ вѣтвей:
„Будь арфа для милой
Залогомъ прекрасныхъ минувшаго дней!
И сладкіе звуки
Любви не забудь;
Услада разлуки
И вѣстникъ души неизмѣнныя будь!
Когда же мой юный,
Убитый печалію, цвѣтъ опадетъ,—
О, вѣрныя струны!
Въ васъ съ прежней любовью душа перейдетъ!
Какъ прежде, взыграетъ
Веселіе въ васъ,
И другъ мой узнаетъ
Привычный, зовущій къ свиданію гласъ.
И думай, ихъ пѣнью
Внимая вечерней, Минвана, порой,
Что легкою тѣнью,
Все вѣрный, летаетъ твой другъ надъ тобой;
Что прежнія муки—
Превратности страхъ,
Томленье разлуки,—
Всѣ съ трепетной жизнью онъ бросилъ во прахъ!
Что, жизнь переживши,
Любовь лишь одна не разсталась съ душой;
Что робко любившій
Безъ робости любитъ и болѣе твой!
А ты, дубъ вѣтвистый,
Ее осѣняй;
И, вѣтеръ душистый,
На грудь молодую дышать прилетай!“
Умолкъ—и съ прелестной
Задумчивыхъ долго очей не сводилъ...
Какъ бы неизвѣстный
Въ немъ голосъ: *навѣки прости*! говорилъ.
Горячей рукою
Ей руку пожалъ
И, тихой стопою
Отъ ней удаляся, какъ призракъ, пропалъ!...
Луна возсіяла...
Минвана у древа... но гдѣ же пѣвецъ?
Увы! предузнала
Душа, унывая, что счастью конецъ!
Молва о свиданьи
Достигла отца...
И мчитъ ужъ въ изгнанье
Ладья черезъ море младого пѣвца.
И поздно, и рано
Подъ древомъ свиданья Минвана груститъ.
Уныло съ Минваной
Одинъ лишь нагорный потокъ говоритъ.
Все пусто; день ясный
Взойдетъ и зайдетъ—
Пѣвецъ сладкогласный
Минваны подъ древомъ свиданья не ждетъ!
Прохладою дышетъ
Тамъ вѣтеръ вечерній и въ листьяхъ шумитъ,
И вѣтви колышетъ,
И арфу лобзаетъ... но арфа молчитъ...
Творенія радость,
Настала весна—
И въ свѣжую младость,
Красу и веселье земля убрана!
И яркимъ сіяньемъ
Холмы осыпалъ вечерѣющій день;
На землю съ молчаньемъ
Сходила ночная росистая тѣнь.
Ужъ синіе своды
Блистали въ звѣздàхъ;
Сравнялися воды,
И вѣтеръ улегся на спящихъ листахъ.
Сидѣла уныло
Минвана у древа, душой вдалекѣ...
И тихо все было...
Вдругъ... къ пламенной что-то коснулось щекѣ;
И что-то шатнуло
Безъ вѣтра листы,
И что-то прильнуло
Къ струнáмъ, невидѝмо слетѣвъ съ высоты!..
И вдругъ... изъ молчанья
Поднялся протяжно задумчивый звонъ;
И тише дыханья
Играющей въ листьяхъ прохлады былъ онъ.
Въ ней сердце смутилось:
То друга привѣтъ!

Свершилось, свершилось!..
Земля опустѣла, и милаго нѣтъ!
От тяжкія муки
Минвана упала безъ чувства на прахъ,
И жалобнѣй звуки
Надъ ней застенали въ смятенныхъ струнахъ!
Когда-жъ возвратила
Дыханье она,
Уже восходила
Заря, и надъ нею была тишина!..
Съ тѣхъ поръ, унывая,
Минвана, лишь вечеръ, ходила на холмъ
И, звукамъ внимая,
Мечтала о миломъ, о свѣтѣ другомъ,
Гдѣ жизнь безъ разлуки,
Гдѣ все не на часъ—
И мнились ей звуки,
Какъ будто летящій отъ родины гласъ.
„О, милыя струны,
Играйте, играйте.... мой часъ недалекъ!
Ужъ клонится юный
Главой недоцвѣтшей ко праху цвѣтокъ!
И странникъ унылый
Заутра придетъ
И спроситъ: гдѣ милый
Цвѣтокъ мой?... и болѣ цвѣтка не найдетъ!"
И нѣтъ ужъ Минваны!..
Когда отъ потоковъ, холмовъ и полей
Восходятъ туманы,
И свѣтитъ, какъ въ дымѣ, луна безъ лучей—
Двѣ видятся тѣни:
Сліявшись, летятъ
Къ знакомой имъ сѣни....
И дубъ шевелится, и струны звучатъ!
1814.

———

* * *

Минувшихъ дней очарованье,
Зачѣмъ опять воскресло ты?
Кто разбудилъ воспоминанье
И замолчавшія мечты?
Шепнулъ душѣ привѣтъ бывалый,
Душѣ блеснулъ знакомый взоръ,
И зримо ей минуту стало
Незримое съ давнишнихъ поръ.
О, милый гость, святое *прежде*,
Зачѣмъ въ мою тѣснишься грудь?
Могу-ль сказать: *живи*! надеждѣ,
Скажу-ль тому, что было: *будь*!
Могу-ль узрѣть во блескѣ новомъ
Мечты увядшей красоту?
Могу-ль опять одѣть покровомъ
Знакомой жизни наготу?
Зачѣмъ душа въ тотъ край стремится,
Гдѣ были дни, какихъ ужъ нѣтъ?
Пустынный край не населится,
Не узритъ онъ минувшихъ лѣтъ.
Тамъ есть одинъ жилецъ безгласный,
Свидѣтель милой старины;
Тамъ вмѣстѣ съ нимъ всѣ дни прекрасны
Въ единый гробъ положены.
1816.

———

ВЪ ПОЛНОЧЬ.

[изъ Гебеля.]

Полночь било... Въ добрый часъ!
Спите—Богъ не спитъ за насъ.
Пускай темно на высотѣ,—
Сіяютъ звѣзды въ темнотѣ.
То свѣтъ родимой стороны,
Для насъ онѣ тамъ зажжены.

Полночь било... Въ добрый часъ!
Спите—Богъ не спитъ за насъ.
Сіяютъ звѣзды съ вышины,
То свѣтъ родимой стороны.
Туда черезъ могилу путь,
Въ могилѣ-жъ только отдохнуть.

Полночь било... Въ добрый часъ!
Спите—Богъ не спитъ за насъ.
Еще лежитъ на небѣ тѣнь,
Еще далеко свѣтлый день,
Но живъ Господь, Онъ знаетъ срокъ:
Онъ вышлетъ утро на востокъ.
1816.

———

ПѢСНЯ БѢДНЯКА.

[изъ Уланда.]

Куда мнѣ голову склонить?
Покинутъ я и сиръ;
Хотѣлъ бы весело хоть разъ
Взглянуть на Божій міръ.
И я въ семьѣ моихъ родныхъ
Когда-то счастливъ былъ;
Но горе—спутникъ мой съ тѣхъ поръ,
Какъ я ихъ схоронилъ.
Я вижу замки богачей
И ихъ сады кругомъ...
Моя-жъ дорога мимо нихъ
Съ заботой и трудомъ.
Но я счастливыхъ не дичусь;
Моя печаль въ тиши,
Я всѣмъ веселымъ радъ сказать:

Богъ помочь! отъ души.
О, щедрый Богъ, не вовсе-жъ я
Тобою позабытъ;
Источникъ милости Твоей
Для всѣхъ равно открытъ.
Въ селеньи каждомъ есть Твой храмъ
Съ сіяющимъ крестомъ,
Съ молитвой сладкой и съ Твоимъ
Доступнымъ алтаремъ.
Мнѣ свѣтитъ солнце и луна;
Любуюсь на зарю;
И, слыша благовѣстъ, съ Тобой,
Создатель, говорю.
И знаю: будетъ добрымъ пиръ
Въ небесной сторонѣ:
Тамъ буду праздновать и я,
Тамъ мѣсто есть и мнѣ.
1816.

——

МЩЕНІЕ.
БАЛЛАДА.
[ИЗЪ УЛАНДА.]

Измѣной слуга паладина убилъ:
Убійцѣ завиденъ санъ рыцаря былъ.
Свершилось убійство ночною порой—
И трупъ поглощенъ былъ глубокой рѣкой.
И шпоры, и латы убійца надѣлъ,
И въ нихъ на коня паладинова сѣлъ.
И мостъ на конѣ проскакать онъ спѣшитъ;
Но конь поднялся на дыбы и храпитъ.
Онъ шпоры вонзаетъ въ крутые бока:
Конь бѣшеный сбросилъ въ рѣку сѣдока.
Онъ выплыть изъ всѣхъ напрягается силъ,
Но панцырь тяжелый его утопилъ.

———

ГАРАЛЬДЪ.
БАЛЛАДА.
[ИЗЪ УЛАНДА.]

Передъ дружиной на конѣ
Гаральдъ, боецъ сѣдой,
При свѣтѣ полныя луны,
Въѣзжаетъ въ лѣсъ густой.
Отбиты вражьи знамена,
И вѣютъ, и шумятъ,
И гуломъ пѣсней боевыхъ
Кругомъ холмы гудятъ.
Но что порхаетъ по кустамъ?
Что зыблется въ листахъ?
Что налетаетъ съ вышины
И плещется въ волнахъ?
Что такъ ласкаетъ, такъ манитъ?
Что нѣжною рукой
Снимаетъ мечъ, съ коня влечетъ
И тянетъ за собой?
То Феи... въ легкій хороводъ
Слетѣлись при лунѣ.
Спасенья нѣтъ; ужъ всѣ бойцы
Въ волшебной сторонѣ.
Лишь онъ, безстрашный вождь Гаральдъ—
Одинъ не побѣжденъ:
Въ нетлѣнный съ ногъ до головы
Булатъ закованъ онъ.
Пропали спутники его;
Тамъ брошенъ мечъ, тамъ щитъ,
Тамъ ржетъ осиротѣлый конь
И дико въ лѣсъ бѣжитъ.
И ѣдетъ сумрачно-унылъ
Гаральдъ, боецъ сѣдой,
При свѣтѣ полныя луны
Одинъ сквозь лѣсъ густой.
Но вотъ шумитъ, журчитъ ручей
Гаральдъ съ коня спрыгнулъ,
И снялъ онъ шлемъ, и влаги имъ
Студеной зачерпнулъ.
Но только жажду утолилъ—
Вдругъ обезсилѣлъ онъ;
На камень сѣлъ, поникъ главой,
И погрузился въ сонъ.
И вѣки на утесѣ томъ,
Главу склоня, онъ спитъ:
Сѣдые кудри, борода;
У ногъ копье и щитъ.
Когда-жъ гроза и молній блескъ,
И лѣсъ реветъ густой—
Сквозь сонъ хватается за мечъ
Гаральдъ, боецъ сѣдой.

———

[ИЗЪ ОДЫ НА РОЖДЕНІЕ БУДУЩАГО ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.]

... Лѣта пройдутъ, подвижникъ молодой,
Откинувши младенчества забавы,—
Онъ полетитъ въ путь опыта и славы...
Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ!
Да славнаго участникъ славный будетъ,
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій: *человѣкъ*.
Жить для вѣковъ въ величіи народномъ,
Для блага всѣхъ свое позабывать,
Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
Съ смиреніемъ дѣла свои читать—
Вотъ правила царей великихъ...
1818.

——

ГРАФЪ ГАБСБУРГСКІЙ.

БАЛЛАДА.

(изъ Шиллера.)

Торжественнымъ Ахенъ весельемъ шумѣлъ;
Въ старинныхъ чертогахъ на пирѣ
Рудольфъ, императоръ избранный, сидѣлъ
Въ сіяньи вѣнца и въ порфирѣ.
Тамъ кушанья рейнскій фальцграфъ разносилъ;
Богемецъ напитки въ бокалы цѣдилъ;
И семь избирателей, чиномъ
Устроенный древле свершая обрядъ,
Блистали, какъ звѣзды предъ солнцемъ блестятъ,
Предъ новымъ своимъ властелиномъ.
Кругомъ возвышался богатый балконъ,
Ликующимъ полный народомъ;
И клики, со всѣхъ прилетая сторонъ,
Подъ древнимъ сливалися сводомъ.
Былъ конченъ раздоръ; перестала война;
Безцарственны, грозны прошли времена;
Судья надъ землею былъ снова;
И воля губить у меча отнята;
Не брошены слабый, вдова, сирота
Могущимъ во власть безъ покрова.
И кесарь, наполнивъ бокалъ золотой,
Съ привѣтливымъ взоромъ вѣщаетъ:
„Прекрасенъ мой пиръ; все пируетъ со мной;
Все царскій мой духъ восхищаетъ...
Но гдѣ-жъ утѣшитель, плѣнитель сердецъ?
Придетъ ли мнѣ душу растрогать пѣвецъ
Игрой и благимъ поученьемъ?
Я пѣсней былъ другомъ, какъ рыцарь простой;
Ставъ кесаремъ, брошу-ль обычай святой
Пиры услаждать пѣснопѣньемъ?“
И вдругъ изъ среды величавыхъ гостей
Выходитъ, одѣтый таларомъ,
Пѣвецъ въ красотѣ посѣдѣлыхъ кудрей,
Младымъ преисполненный жаромъ.
Въ струнахъ золотыхъ вдохновенье живетъ —
Пѣвецъ о любви благодатной поетъ,
О всемъ, что святого есть въ мірѣ,
Что душу волнуетъ, что сердце манитъ...
„О чемъ же властитель воспѣть повелитъ
Пѣвцу на торжественномъ пирѣ?“—
— Не мнѣ управлять пѣснопѣвца душой
(Пѣвцу отвѣчаетъ властитель);
Онъ высшую силу призналъ надъ собой,
Минута ему повелитель;
По воздуху вихорь свободно шумитъ—
Кто знаетъ, откуда, куда онъ летитъ?
Изъ бездны потокъ выбѣгаетъ:
Такъ пѣснь зарождаетъ души глубина,
И темное чувство, изъ дивнаго сна
При звукахъ воспрянувъ, пылаетъ.—

И смѣло ударилъ пѣвецъ по струнамъ,
И голосъ пріятный раздался:
„На статномъ конѣ, по горамъ, по полямъ
За серною рыцарь гонялся;
Онъ съ ловчимъ однимъ выѣзжаетъ самъ-другъ
Изъ чащи лѣсной на сіяющій лугъ,
И ѣдетъ онъ шагомъ кустами;
Вдругъ слышатъ они: колокольчикъ гремитъ...
Идетъ изъ кустовъ пономарь и звонитъ,
И слѣдомъ священникъ съ Дарами.
И набожный графъ, умиленный душой,
Колѣна свои преклоняетъ
Съ сердечною вѣрой, съ горячей мольбой
Предъ Тѣмъ, кто живитъ и спасаетъ.
Но лугомъ стремился кипучій ручей;
Свирѣпо надувшись отъ сильныхъ дождей,
Онъ путь заграждалъ пѣшеходу;
И спутнику пастырь Дары отдаетъ,
И обувь снимаетъ и смѣло идетъ
Съ священною ношею въ воду.
— Куда?—изумившійся графъ вопросилъ.
„Въ село; умирающій нищій
Ждетъ въ мукахъ, чтобъ пастырь его разрѣшилъ,
И алчетъ небесныя пищи.
Недавно лежалъ черезъ этотъ потокъ
Сплетенный изъ сучьевъ для пѣшихъ мостокъ—
Его разбросало водою;
Чтобъ душу святой благодатью спасти,
Я здѣсь неглубокій потокъ перейти
Спѣшу обнаженной стопою.“
И пастырю витязь коня уступилъ
И подалъ ногѣ его стремя,
Чтобъ онъ облегчить покаяньемъ спѣшилъ
Страдальцу грѣховное бремя.
И къ ловчему самъ на сѣдло пересѣлъ
И весело въ чащу на ловъ полетѣлъ;
Священникъ же, требу святую
Свершивши, при первомъ мерцаніи дня
Является къ графу, смиренно коня
Ведя за узду золотую.
— Дерзну ли помыслить я,—графъ возгласилъ,
Почтительно взоры склонивши,—
Чтобъ конь мой ничтожной забавѣ служилъ,
Спасителю Богу служивши?
Когда ты, отецъ, не пріемлешь коня,
Пусть будетъ онъ даромъ благимъ отъ меня
Отнынѣ Тому, чье даянье
Всѣ блага земныя, и сила и честь,
Кому не помедлю на жертву принесть
И силу, и честь, и дыханье.—
„Да будетъ же вышній Господь надъ тобой
Своей благодатью святою;
Тебя да почтитъ Онъ въ сей жизни и въ той,
Какъ днесь Онъ почтенъ былъ тобою!
Гельвеція славой сіяетъ твоей,

И шесть расцвѣтаютъ тебѣ дочерей,
Богатыхъ дарами природы:
Да будутъ же (молвилъ пророчески онъ)
Удѣломъ ихъ шесть знаменитыхъ коронъ;
Да славятся въ роды и роды".—
Задумавшись, голову кесарь склонилъ:
Минувшее въ немъ оживилось.
Вдругъ быстрый онъ взоръ на пѣвца устремилъ—
И таинство словъ объяснилось:
Онъ пастыря видитъ въ пѣвцѣ предъ собой—
И слезы свои отъ толпы золотой
Порфирой закрылъ въ умиленьи...
Все смолкло, на кесаря очи поднявъ,
И всякъ догадался, кто набожный графъ,
И сердцемъ почтилъ Провидѣнье.
1818.

———

РЫЦАРЬ ТОГЕНБУРГЪ.

[ИЗЪ ШИЛЛЕРА.]

„Сладко мнѣ твоей сестрою,
Милый рыцарь, быть;
Но любовію иною
Не могу любить:
При разлукѣ, при свиданьи
Сердце въ тишинѣ—
И любви твоей страданье
Непонятно мнѣ".
Онъ глядитъ съ нѣмой печалью—
Участь рѣшена:
Руку сжалъ ей; крѣпкой сталью
Грудь обложена;
Звонкій рогъ созвалъ дружину;
Всѣ ужъ на коняхъ—
И помчались въ Палестину,
Крестъ на раменахъ.
Ужъ въ толпѣ враговъ сверкаютъ
Грозно шлемы ихъ;
Ужъ отвагой изумляютъ
Чуждыхъ и своихъ.
Тогенбургъ лишь выйдетъ къ бою,—
Сарацинъ бѣжитъ...
Но душа въ немъ все тоскою
Прежнею болитъ.
Годъ прошелъ безъ утоленья...
Нѣтъ ужъ силъ страдать;
Не найти ему забвенья—
И покинулъ рать.
Зритъ корабль—шумятъ вѣтрилы,
Бьетъ въ корму волна—
Сѣлъ и поплылъ въ край тотъ милый,
Гдѣ цвѣтетъ она.
Но стучится къ ней напрасно
Въ двери пилигримъ;
Ахъ, онѣ съ молвой ужасной
Отперлись предъ нимъ:
„Узы вѣчнаго обѣта
Приняла она
И, погибшая для свѣта,
Богу отдана".
Пышны праотцевъ палаты
Бросить онъ спѣшитъ;
Навсегда покинулъ латы;
Конь на вѣкъ забытъ;
Власяной покрытъ одеждой,
Инокъ въ цвѣтѣ лѣтъ,
Неукрашенный надеждой,
Онъ оставилъ свѣтъ.
И въ убогой кельѣ скрылся
Близъ долины той,
Гдѣ межъ темныхъ липъ свѣтился
Монастырь святой.
Тамъ—сіяло-ль утро ясно,
Вечеръ ли темнѣлъ—
Въ ожиданьи, съ мукой страстной,
Онъ одинъ сидѣлъ.
И въ душѣ его унылой
Счастье тамъ одно:
Дожидаться, чтобъ у милой
Стукнуло окно,
Чтобъ прекрасная явилась,
Чтобъ отъ вышины
Въ тихій долъ лицомъ склонилась,
Ангелъ тишины.
И, дождавшися, на ложе
Простирался онъ...
И надежда: *завтра то же*!
Услаждала сонъ.
Время годы уводило...
Для него-жъ одно:
Ждать, какъ ждалъ онъ, чтобъ у милой
Стукнуло окно,
Чтобъ прекрасная явилась,
Чтобъ отъ вышины
Въ тихій долъ лицомъ склонилась,
Ангелъ тишины.
Разъ—туманно утро было—
Мертвъ онъ тамъ сидѣлъ,
Блѣденъ ликомъ, и уныло
На окно глядѣлъ.
1818.

———

ЛѢСНОЙ ЦАРЬ.

[ИЗЪ ГЕТЕ.]

Кто скачетъ, кто мчится подъ хладною мглой?
Ѣздокъ запоздалый, съ нимъ сынъ молодой.
Къ отцу, весь издрогнувъ, малютка приникъ;

Обнявъ, его держитъ и грѣетъ старикъ.
— „Дитя, что ко мнѣ ты такъ робко прильнулъ?—
„Родимый, лѣсной царь въ глаза мнѣ сверкнулъ:
Онъ въ темной коронѣ, съ густой бородой...“
— О, нѣтъ, то бѣлѣетъ туманъ надъ водой.—
„Дитя, оглянися; младенецъ, ко мнѣ,
„Веселаго много въ моей сторонѣ:
„Цвѣты бирюзовы, жемчужны струи;
„Изъ золота слиты чертоги мои“.
— Родимый, лѣсной царь со мной говоритъ:
Онъ золото, перлы и радость сулитъ.
— О, нѣтъ, мой младенецъ, ослышался ты:
То вѣтеръ, проснувшись, колыхнулъ листы.—
„Ко мнѣ, мой младенецъ; въ дубровѣ моей
„Узнаешь прекрасныхъ моихъ дочерей:
„При мѣсяцѣ будутъ играть и летать,
„Играя, летая, тебя усыплять“.
— Родимый, лѣсной царь созвалъ дочерей:
Мнѣ, вижу, киваютъ изъ темныхъ вѣтвей.
— О, нѣтъ, все спокойно въ ночной глубинѣ:
То ветлы сѣдыя стоятъ въ сторонѣ.—
„Дитя, я плѣнился твоей красотой:
„Неволей иль волей, а будешь ты мой!“
— Родимый, лѣсной царь насъ хочетъ догнать;
Ужъ вотъ онъ: мнѣ душно, мнѣ тяжко дышать...—
Ѣздокъ оробѣлый не скачетъ, летитъ;
Младенецъ тоскуетъ, младенецъ кричитъ;
Ѣздокъ погоняетъ, ѣздокъ доскакалъ...
Въ рукахъ его мертвый младенецъ лежалъ.

1818.

УТРЕННЯЯ ЗВѢЗДА.

(ИЗЪ ГЕБЕЛЯ).

Откуда, звѣздочка-краса?
Что рано такъ на небеса
Въ одеждѣ праздничной твоей,
Въ огнѣ блистающихъ кудрей,
Въ красѣ воздушно-голубой,
Умывшись утренней росой?
Ты скажешь: встала раньше насъ?
Анъ, нѣтъ! мы жнемъ ужъ цѣлый часъ;
Не счесть накиданныхъ сноповъ.
Кто всталъ до дня, тотъ днемъ здоровъ,
Бодрѣй глядитъ на Божій свѣтъ;
Ему за трудъ вкуснѣй обѣдъ.
Другой привыкъ до полдня спать,
Зато и утра не видать.
А жнецъ съ восточною звѣздой
Всегда встаетъ передъ зарей.
Работа рано по утру—
Досугъ и пѣсни ввечеру.
А птички? Всѣ давно ужъ тутъ:
Играютъ, свищутъ и поютъ;
Съ куста на кустъ, изъ сѣни въ сѣнь;
Кричатъ другъ дружкѣ: добрый день!
И томно горлинки журчатъ...
Да чу! къ заутренѣ звонятъ.
Вездѣ молитва началась:
„Небесный Царь, услыши насъ;
„Твое владычество приди,
„Насъ въ искушенье не введи;
„На путь спасенія наставь
„И отъ лукаваго избавь“.
Зачѣмъ же звѣздочка-краса
Всегда такъ рано въ небеса?..
Звѣзда-подружка тамъ горитъ.
Пока родное солнце спитъ,
Спѣшатъ увидѣться онѣ
Въ уединенной вышинѣ.
Тайкомъ, сквозь дремлющій разсвѣтъ,
Она за милою вослѣдъ
Бѣжитъ, сіяя, на востокъ
И будитъ ранній вѣтерокъ;
И, тихо вѣя съ высоты,
Онъ милой шепчетъ: гдѣ же ты?
Но что-жъ? Увидятся ли?.. Нѣтъ.
Спѣшитъ за ними солнце вслѣдъ.
Ужъ вотъ оно: востокъ зажгло,
Свой алый завѣсъ подняло,
Надѣло знойный свой уборъ
И ярко смотритъ изъ-за горъ.
А звѣздочка?.. Ужъ не блеститъ:
Печально-блѣдная бѣжитъ;
Подружкѣ шепчетъ: Богъ съ тобой!
И скрылась въ безднѣ голубой.
И солнце на небѣ одно,
Великолѣпно и красно.
Идетъ по свѣтлой высотѣ
Въ своей спокойной красотѣ;
Затеплился на церкви крестъ;
И тонкій паръ встаетъ окрестъ;
И взглянетъ лишь куда оно—
Тамъ мигомъ все оживлено.
На кровлѣ аистъ носъ востритъ,
И въ небѣ ласточка кружитъ,
И дымъ клубится изъ печей,
И будитъ мельницу ручей,
И тихо рдѣетъ темный боръ,
И звучно въ немъ стучитъ топоръ.
Но кто тамъ, въ утреннихъ лучахъ,
Мелькнулъ и спрятался въ кустахъ?
Съ вѣтвей посыпалась роса.
Не ты ли, дѣвица-краса,
Душѣ сказалася моей
Веселой прелестью своей?
Будь я восточною звѣздой
И будь на тверди голубой
Моя звѣзда-подружка ты

И мнѣ сіяй изъ высоты—
О, звѣздочка-душа моя,
Не испугался-бъ солнца я!
1818.

ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ.

[изъ гебеля.]

Знать, солнышко утомлено:
За горы прячется оно,
Лучъ погашаетъ за лучомъ
И, алымъ тонкимъ облачкомъ
Задернувъ ликъ усталый свой,
Уйти готово на покой.
Пора ему и отдохнуть!
Мы знаемъ,—лѣтній дологъ путь.
Вездѣ-жъ работа: на горахъ,
Въ долинахъ, рощахъ и лугахъ;
Того согрѣй; тѣмъ свѣту дай,
И всѣхъ притомъ благословляй.
Буди заснувшіе цвѣты
И имъ расписывай листы;
Потомъ медвяною росой
Пчелу-работницу напой,
И чистыхъ капель межъ листовъ
Оставь про рѣзвыхъ мотыльковъ.
Зерну скорлупку расколи
И молодую изъ земли
Былинку выведи на свѣтъ;
Пичужкамъ приготовь обѣдъ;
Тѣхъ пріюти между вѣтвей,
А тѣхъ на гнѣздышкѣ согрѣй.
И вишнямъ дай румяный цвѣтъ,
Не позабудь горячій свѣтъ
Разсыпать на зеленый садъ,
И золотистый виноградъ
Отъ зноя листьями прикрыть
И колосъ зрѣлостью налить.
А если жаръ для стадъ жестокъ,
Смани ихъ къ рощѣ въ холодокъ;
И тучку темную скопи,
И травку влагой окропи,
И яркой радугой съ небесъ
Сойди на темный лугъ и лѣсъ.
А гдѣ подъ острою косой,
Трава ложится полосой,
Туда безоблачно сіяй
И сѣно въ копны собирай,
Чтобъ къ ночи лугъ отъ нихъ пестрѣлъ
И съ ними рядъ возовъ скрипѣлъ.
Итакъ, совсѣмъ не мудрено,
Что разгорѣлося оно,
Что отдыхаетъ на горахъ
Въ полу-потухнувшихъ лучахъ
И, намъ сходя за небосклонъ,
Въ прохладѣ шепчетъ: добрый сонъ!
И вотъ сошло, и свѣтъ потухъ;
Одинъ на башнѣ лишь пѣтухъ
За нимъ глядитъ, сіяя, вслѣдъ....
Гляди, гляди! въ томъ пользы нѣтъ!
Сейчасъ оно передъ тобой
Задернетъ алый завѣсъ свой.
Есть и про солнышко бѣда:
Нѣтъ ладу съ сыномъ никогда.
Оно лишь только въ глубину,
А онъ какъ разъ на вышину;
Того и жди, что заблеститъ;
Давно за горкой онъ сидитъ.
Но что-жъ такъ медлитъ онъ вставать?
Все хочетъ солнце переждать.
Вставай, вставай, уже давно
Заснуло въ сумеркахъ оно.
И вотъ онъ всходитъ; въ долъ глядитъ
И блѣдно зелень серебритъ.
И ночь ужъ на небо взошла
И тихо на небѣ зажгла
Гостепріимные огни;
И все замолкнуло въ тѣни;
И по долинамъ, по горамъ
Все спитъ... Пора ко сну и намъ!
1818.

ТРИ ПУТНИКА.

[изъ уланда.]

Въ свой край возвратяся изъ дальней земли,
Три путника въ гости къ старушкѣ зашли.
„Прими, пріюти насъ на темную ночь!
Но гдѣ же красавица? Гдѣ твоя дочь?"
— Принять, пріютить васъ готова, друзья;
Скончалась красавица-дочка моя.—
Въ свѣтлицѣ свѣча предъ иконой горитъ:
Въ свѣтлицѣ красавица въ гробѣ лежитъ.
И первый, поднявши покровъ гробовой,
На мертвую смотритъ съ унылой душой:
„Ахъ! если бъ на свѣтѣ еще ты жила,
Ты мною-бъ отнынѣ любима была!"
Другой покрывало опять наложилъ,
И горько заплакалъ и взоръ опустилъ:
„Ахъ, милая, милая, ты-ль умерла?
Ты мною такъ долго любима была!"
Но третій опять покрывало поднялъ
И мертвую въ блѣдны уста цѣловалъ:
„Тебя я любилъ, мнѣ тебя не забыть;
Тебя я и въ вѣчности буду любить!"
1820.

ШИЛЬОНСКІЙ УЗНИКЪ.

ПОВѢСТЬ.

[ИЗЪ БАЙРОНА.]

I.

Вгляните на меня: я сѣдъ;
Но не отъ хилости и лѣтъ,
Не страхъ внезапный въ ночь одну
До срока далъ мнѣ сѣдину.
Я сгорбленъ, лобъ наморщенъ мой.
Но не труды, не хладъ, не зной—
Тюрьма разрушила меня.
. . . .

II.

На лонѣ водъ стоитъ Шильонъ;
Тамъ въ подземельи семь колоннъ
Покрыты влажнымъ мохомъ лѣтъ.
На нихъ печальный брезжитъ свѣтъ—
Лучъ, ненарокомъ съ вышины
Упавшій въ трещину стѣны
И заронившійся во мглу.
И на сыромъ тюрьмы полу
Онъ свѣтитъ, тускло-одинокъ,
Какъ надъ болотомъ огонекъ,
Во мракѣ вѣющій ночномъ.
Колонна каждая съ кольцомъ;
И цѣпи въ кольцахъ тѣхъ висятъ;
И тѣхъ цѣпей желѣзо—ядъ;
Мнѣ въ члены вгрызлося оно;
Не будетъ ввѣкъ истреблено
Клеймо, надавленное имъ.
И день тяжелъ глазамъ моимъ,
Отвыкнувшимъ съ столь давнихъ лѣтъ
Глядѣть на радующій свѣтъ;
И къ волѣ я душой остылъ
Съ тѣхъ поръ, какъ братъ послѣдній былъ
Убитъ неволей предо мной,
И рядомъ съ мертвымъ я, живой,
Терзался на полу тюрьмы.

III.

Цѣпями тѣми были мы
Къ колоннамъ тѣмъ пригвождены,
Хоть вмѣстѣ, но разлучены;
Мы шагу не могли ступить;
Въ глаза другъ друга различить
Намъ блѣдный мракъ тюрьмы мѣшалъ;
Онъ намъ лицо чужое далъ—
И братъ сталъ брату незнакомъ.
Была услада намъ въ одномъ:
Другъ другу голосъ подавать,
Другъ другу сердце пробуждать
Иль былью славной старины,
Иль звучной пѣснію войны;
Но скоро то же и одно
Во мглѣ тюрьмы истощено.
Нашъ голосъ страшно одичалъ;
Онъ хриплымъ отголоскомъ сталъ
Глухой тюремныя стѣны;
Онъ не былъ звукомъ старины,
Въ тѣ дни, подобно намъ самимъ,
Могучимъ, вольнымъ и живымъ!
Мечта-ль?.. но голосъ ихъ и мой
Всегда звучалъ мнѣ, какъ чужой!

IV.

Изъ нас троихъ я старшій былъ;
Я жребій собственный забылъ,
Дыша заботою одной,
Чтобъ имъ не дать упасть душой.
Нашъ младшій братъ, любовь отца..
Увы! черты его лица
И глазъ умильная краса,
Лазоревыхъ, какъ небеса,
Напоминали нашу мать.
Онъ былъ мнѣ все, и увядать
При мнѣ былъ долженъ милый цвѣтъ,
Прекрасный, какъ тотъ дневный свѣтъ,
Который съ неба мнѣ свѣтилъ,
Въ которомъ я на волѣ жилъ.
Какъ утро, былъ онъ чистъ и живъ;
Умомъ младенчески-игривъ,
Безпечно-веселъ самъ съ собой...
Но передъ горестью чужой
Изъ голубыхъ его очей
Бѣжали слезы, какъ ручей.

V.

Другой былъ столь же чистъ душой;
Но духъ имѣлъ онъ боевой:
Могучъ и крѣпокъ въ цвѣтѣ лѣтъ,
Радъ вызвать къ битвѣ цѣлый свѣтъ
И въ первый рядъ на смерть готовъ...
Но безъ терпѣнья для оковъ.
И онъ отъ звука ихъ завялъ.
Я чувствовалъ, какъ погибалъ,
Какъ медленно въ печали гасъ
Нашъ братъ, незримый намъ, близъ насъ.
Онъ былъ стрѣлокъ, жилецъ холмовъ,
Гонитель вепрей и волковъ—
И гробъ тюрьма ему была:
Неволи сила не снесла.

VI.

Шильонъ Леманомъ окруженъ,
И водъ его со всѣхъ сторонъ
Неизмѣрима глубина;
Въ двойную волны и стѣна
Тюрьму совокупились тамъ;

Печальный сводъ, который намъ
Могилой заживо служилъ,
Изрытъ въ скалѣ подводной былъ;
И день, и ночь была слышна
Въ него біющая волна
И шумъ надъ нашей головой
Струй, отшибаемыхъ стѣной.
Случалось—бурей до окна
Бывала взброшена волна,
И брызговъ дождь насъ окроплялъ;
Случалось—вихорь бушевалъ,
И содрогалася скала;
И съ жадностью душа ждала,
Что рухнетъ и задавитъ насъ:
Свободой былъ бы смертный часъ!

VII.

Средній братъ нашъ—я сказалъ—
Душой скорбѣлъ и увядалъ.
Унылъ, угрюмъ, ожесточенъ,
Отъ пищи отказался онъ.
Ѣда тюремная жестка;
Но для могучаго стрѣлка
Нужду переносить легко.
Намъ козъ альпійскихъ молоко
Смѣнила смрадная вода;
А хлѣбъ нашъ былъ, какой всегда—
Съ тѣхъ поръ, какъ цѣпи созданы—
Слезами смачивать должны
Невольники, въ своихъ цѣпяхъ.
Не отъ нужды скорбѣлъ и чахъ
Мой братъ: равно завялъ бы онъ,
Когда-бъ и нѣгой окруженъ
Безъ воли былъ... Зачѣмъ молчать?
Онъ умеръ... Я-жъ ему подать
Руки не могъ въ послѣдній часъ,
Не могъ закрыть потухшихъ глазъ;
Вотще я цѣпи грызъ и рвалъ—
Со мною рядомъ умиралъ
И умеръ братъ мой, одинокъ;
Я близко былъ и былъ далекъ.
Я слышать могъ, какъ онъ дышалъ,
Какъ онъ дышать переставалъ,
Какъ вздрагивалъ въ цѣпяхъ своихъ,
И какъ ужасно вдругъ затихъ
Во глубинѣ тюремной мглы...
Они, снявъ съ трупа кандалы,
Его безъ гроба погребли
Въ холодномъ лонѣ той земли,
На коей онъ невольникъ былъ.
Вотще я ихъ въ слезахъ молилъ,
Чтобъ брату тамъ могилу дать,
Гдѣ могъ бы дневный лучъ сіять;
То мысль безумная была,
Но душу мнѣ она зажгла:
Чтобъ воленъ былъ хоть въ гробѣ онъ.
„Въ темницѣ (мнилъ я) мертвыхъ сонъ
Не тихъ“... Но былъ отвѣтъ слезамъ
Холодный смѣхъ; и братъ мой тамъ,
Въ сырой землѣ тюрьмы, зарытъ,
И въ головахъ его виситъ
Пукъ имъ оставленныхъ цѣпей:
Убійцъ достойный мавзолей.

VIII.

Но онъ—нашъ милый, лучшій цвѣтъ,
Нашъ ангелъ съ колыбельныхъ лѣтъ,
Сокровище семьи родной,
Онъ—образъ матери душой
И чистой прелестью лица,
Мечта любимая отца,
Онъ—для кого я жизнь щадилъ,
Чтобъ онъ бодрѣй въ неволѣ былъ,
Чтобъ послѣ могъ и воленъ быть...
Увы! онъ долго могъ сносить
Съ младенческою тишиной,
Съ терпѣньемъ яснымъ жребій свой;
Не я ему—онъ для меня
Подпорой былъ... Вдругъ день отъ дня
Сталъ упадать, ослабѣвалъ,
Грустилъ, молчалъ и молча вялъ.
О Боже! Боже! страшно зрѣть,
Какъ силится преодолѣть
Смерть человѣка... Я видалъ,
Какъ ратникъ въ битвѣ погибалъ;
Я видѣлъ, какъ пловецъ тонулъ
Съ доской, къ которой онъ прильнулъ
Съ надеждой гибнущей своей;
Я зрѣлъ, какъ издыхалъ злодѣй
Съ свирѣпой дикостью въ чертахъ,
Съ богохуленьемъ на устахъ,
Пока ихъ смерть не заперла:
Но *тамъ* былъ страхъ—*здѣсь* скорбь была,
Болѣзнь глубокая души.
Смиреннымъ ангеломъ, въ тиши,
Онъ гасъ, столь кротко-молчаливъ,
Столь безнадежно-терпѣливъ,
Столь грустно-томенъ, нѣжно-тихъ,
Безъ слезъ, лишь помня о своихъ
И обо мнѣ... Увы! онъ гасъ,
Какъ радуга, плѣняя насъ,
Прекрасно гаснетъ въ небесахъ:
Ни вздоха скорби на устахъ,
Ни ропота на жребій свой;
Лишь слово изрѣдка со мной
О нашихъ прошлыхъ временахъ,
О лучшихъ будущаго дняхъ,
О упованьи... Но, объятъ
Сей тратой, горшею изъ тратъ,
Я былъ въ свирѣпомъ забытьи.

Вотще, кончаясь, онъ свои
Терзанья смертныя скрывалъ...
Вдругъ рѣже, трепетнѣе сталъ
Дышать, и вдругъ умолкнулъ онъ...
Молчаньемъ страшнымъ пробужденъ,
Я вслушиваюсь... тишина!
Кричу, какъ бѣшеный... стѣна
Откликнулась... и умеръ гулъ!
Я цѣпь отчаянно рванулъ
И вырвалъ... Къ брату... брата нѣтъ!
Онъ на столбѣ—какъ вешній цвѣтъ,
Убитый хладомъ—предо мной
Висѣлъ съ поникшей головой.
Я руку тихую поднялъ:
Я чувствовалъ, какъ исчезалъ
Въ ней слѣдъ послѣдней теплоты;
И, мнилось, были отняты
Всѣ силы у души моей;
Все страшно вдругъ сперлося въ ней;
Я дико по тюрьмѣ бродилъ—
Но въ ней покой ужасный былъ;
Лишь вѣялъ отъ стѣны сырой
Какой-то холодъ гробовой;
И, взоръ на мертваго вперивъ,
Я зналъ лишь смутно, что я живъ.
О! сколько муки въ знаньи томъ,
Когда мы тутъ же узнаемъ,
Что милому уже не быть!
И мигъ сей могъ я пережить!
Не знаю—вѣра-ль то была,
Иль хладность къ жизни жизнь спасла?

IX.

Но что потомъ сбылось со мной,
Не помню... Свѣтъ казался тьмой,
Тьма свѣтомъ; воздухъ исчезалъ;
Въ оцѣпененіи стоялъ,
Безъ памяти, безъ бытія,
Межъ камней хладнымъ камнемъ я;
И видѣлось, какъ въ тяжкомъ снѣ,
Все блѣднымъ, тусклымъ, темнымъ мнѣ;
Все въ мутную слилося тѣнь;
То не было ни ночь, ни день,
Ни тяжкій свѣтъ тюрьмы моей,
Столь ненавистный для очей.
То было—тьма безъ темноты;
То было—бездна пустоты
Безъ протяженья и границъ;
То были образы безъ лицъ;
То страшный міръ какой-то былъ,
Безъ неба, свѣта и свѣтилъ,
Безъ времени, безъ дней и лѣтъ,
Безъ промысла, безъ благъ и бѣдъ,
Ни жизнь, ни смерть—какъ сонъ гробовъ,
Какъ океанъ безъ береговъ,
Задавленный тяжелой мглой,
Недвижный, темный и нѣмой.

X.

Вдругъ лучъ внезапный посѣтилъ
Мой умъ... то голосъ птички былъ.
Онъ умолкалъ; онъ снова пѣлъ;
И мнилось, съ неба онъ летѣлъ;
И былъ утѣшно-сладокъ онъ.
Имъ очарованъ, оживленъ,
Заслушавшись, забылся я;
Но не надолго... Мысль моя
Стезей привычною пошла,
И я очнулся... И была
Опять передо мной тюрьма,
Молчанье то же, та же тьма;
Какъ прежде, блѣдною струей
Прокрадывался лучъ дневной
Въ стѣнную скважину ко мнѣ...
Но тамъ же, въ свѣтѣ, на стѣнѣ
И мой пѣвецъ воздушный былъ:
Онъ трепеталъ, онъ шевелилъ
Своимъ лазоревымъ крыломъ;
Онъ озаренъ былъ яснымъ днемъ;
Онъ пѣлъ привѣтно надо мной...
Какъ много было въ пѣснѣ той!
И все то было про меня!
Ни разу до того я дня
Ему подобнаго не зрѣлъ:
Какъ я, казалось, онъ скорбѣлъ
О братѣ, и покинутъ былъ;
И онъ съ любовью навѣстилъ
Меня тогда, какъ ни однимъ
Ужъ сердцемъ не былъ я любимъ!
И въ сладость пѣснь его была:
Душа невольно ожила.
Но кто-жъ онъ самъ былъ, мой пѣвецъ?
Свободный ли небесъ жилецъ?
Или, недавно изъ цѣпей,
По случаю, къ тюрьмѣ моей,
Играя въ небѣ, залетѣлъ
И о свободѣ мнѣ пропѣлъ?
Скажу-ль?.. Мнѣ думалось порой,
Что у меня былъ не земной,
А райскій гость; что братній духъ
Порадовать мой взоръ и слухъ
Примчался птичкою съ небесъ...
Но утѣшитель вдругъ исчезъ:
Онъ улетѣлъ въ сіянье дня...
Нѣтъ, нѣтъ... то не былъ братъ... Меня
Покинуть такъ не могъ бы онъ,
Чтобъ я, съ нимъ дважды разлученъ,
Остался вдвое одинокъ.
Какъ трупъ межъ гробовыхъ досокъ!

XI.

Вдругъ новое въ судьбѣ моей:
душѣ тюремныхъ сторожей,
къ будто, жалость путь нашла;
толѣ ихъ душа была
чувственнѣй желѣзъ моихъ;
что разжалобило ихъ,
милость вымолило мнѣ,
знаю... но опять къ стѣнѣ
е прикованъ не былъ я;
орванная цѣпь моя
шеѣ билася моей;
по тюрьмѣ я вмѣстѣ съ ней
оль стѣнъ, вокругъ столбовъ бродилъ.
смѣя братнихъ лишь могилъ
ронуться моей ногой,
обы послѣднія земной
атыни тамъ не оскорбить.

XII.

И мнѣ оковами прорыть
тупени удалось въ стѣнѣ;
Ю воля не входила мнѣ
І въ мысли... Я былъ сирота,
Міръ сталъ чужой мнѣ, жизнь пуста,
Съ тюрьмой я жизнь сдружилъ мою:
Въ тюрьмѣ я всю свою семью,
Все, что зналъ, все, что любилъ,
Невозвратимо схоронилъ,
І въ области веселой дня
Никто ужъ не жилъ для меня.
Безъ мѣста на пиру земномъ,
І былъ бы лишній гость на немъ,
Какъ облако, при ясномъ днѣ
Потерянное въ вышинѣ
І въ радостныхъ его лучахъ
Ненужное на небесахъ...
Ю мнѣ хотѣлось бросить взоръ
На красоту знакомыхъ горъ,
На ихъ утесы, ихъ лѣса,
На близкія къ нимъ небеса.

XIII.

Я ихъ увидѣлъ—и онѣ
се были тѣ-жъ: на вышинѣ —
ѣковъ созданіе—снѣга,
одъ ними Альпы и луга,
І бездна озера у ногъ,
І Роны блещущій потокъ
Между зеленыхъ береговъ;
І слышенъ былъ мнѣ шумъ ручьевъ,
ѣгущихъ, бьющихъ по скаламъ;
І по лазоревымъ водамъ
веркали ясны облака;
И быстрый парусъ челнока
Между небесъ и водъ летѣлъ;
И хижины веселыхъ селъ,
И кровы свѣтлыхъ городовъ
Сквозь паръ мелькали вдоль бреговъ...
И я примѣтилъ островокъ:
Прекрасенъ, свѣжъ, но одинокъ
Въ пространствѣ былъ онъ голубомъ;
Цвѣли три дерева на немъ;
И горный воздухъ вѣялъ тамъ
По муравѣ и по цвѣтамъ,
И воды были тамъ живѣй,
И обвивалися нѣжнѣй
Кругомъ родныхъ бреговъ онѣ.
И видѣлъ я: къ моей стѣнѣ
Челнокъ съ пловцами приставалъ,
Гостилъ у брега, отплывалъ
И, при свободномъ вѣтеркѣ
Летя, скрывался вдалекѣ.
И въ облакахъ орелъ игралъ,
И никогда я не видалъ
Его столь быстрымъ—то къ окну
Спускался онъ, то въ вышину
Взлеталъ—за нимъ душа рвалась;
И слезы новыя изъ глазъ
Пошли, и новая печаль
Мнѣ сжала грудь... Мнѣ стало жаль
Моихъ покинутыхъ цѣпей!
Когда-жъ на дно тюрьмы моей
Опять сойти я долженъ былъ—
Меня, казалось, охватилъ
Холодный гробъ; казалось, вновь
Моя послѣдняя любовь,
Мой милый братъ передо мной
Былъ взятъ несытою землей;
Но какъ ни тяжко ныла грудь—
Чтобъ отъ страданья отдохнуть,
Мнѣ мракъ тюрьмы отрадой былъ.

XIV.

День приходилъ—день уходилъ—
Шли годы—я ихъ не считалъ;
Я, мнилось, память потерялъ
О перемѣнахъ на земли.
И люди, наконецъ, пришли
Мнѣ волю бѣдную отдать.
За что и какъ? О томъ узнать
И не помыслилъ я—давно
Считать привыкъ я за одно:
Безъ цѣпи-ль я, въ цѣпи-ль я былъ!
Я безнадежность полюбилъ;
И имъ я холодно внималъ,
И равнодушно цѣпь скидалъ,
И подземелье стало вдругъ
Мнѣ милой кровлей .. Тамъ все—другъ

Все однодомецъ было мой:
Паукъ темничный надо мной
Тамъ мирно ткалъ въ моемъ окнѣ;
За рѣзвой мышью при лунѣ
Я тамъ подсматривать любилъ;
И къ цѣпи руку пріучилъ,
И... столь себѣ невѣрны мы!..
Когда за дверь своей тюрьмы
На волю я перешагнулъ—
Я о тюрьмѣ своей вздохнулъ.
1821.

———

ТОРЖЕСТВО ПОБѢДИТЕЛЕЙ.

[изъ шиллера.]

Палъ Пріамовъ градъ священный,
Грудой пепла сталъ Пергамъ;
И, побѣдой насыщенны,
Къ острогрудымъ кораблямъ
Собрались эллены—тризну
Въ честь минувшаго свершить
И въ желанную отчизну,
Къ берегамъ Эллады, плыть.
Пойте, пойте гимнъ согласный:
Корабли обращены
Отъ враждебной стороны
Къ нашей Греціи прекрасной.
Брегомъ шла толпа густая
Иліонскихъ дѣвъ и женъ:
Изъ отеческаго края
Ихъ вели въ далекій плѣнъ.
И съ побѣдной пѣснью дикой
Ихъ сливался тихій стонъ
По тебѣ, святой, великій,
Невозвратный Иліонъ.
Вы, родные холмы, нивы,
Намъ васъ болѣ не видать!
Будемъ въ рабствѣ увядать...
О, сколь мертвые счастливы!
И, съ предвѣдѣньемъ во взглядѣ,
Жертву самъ Калхасъ заклалъ:
Грады зиждущей Палладѣ
И губящей (онъ воззвалъ),
Буреносцу Посидону,
Воздымателю валовъ,
И носящему Горгону,
Богу смертныхъ и боговъ!
Судъ оконченъ; споръ рѣшился;
Прекратилася борьба;
Все исполнила судьба:
Градъ великій сокрушился.
Царь народовъ, сынъ Атрея,
Обозрѣлъ полковъ число:
Вслѣдъ за нимъ на брегъ Сигея
Много, много ихъ пришло...
И внезапный мракъ печали
Отуманилъ царскій взглядъ:
Благороднѣйшіе пали...
Мало съ нимъ пойдетъ назадъ!
Счастливъ тотъ, кому сіянье
Бытія сохранено,
Тотъ, кому вкусить дано,
Съ милой родиной свиданье!
И не всякій насладится
Миромъ, въ свой пришедши домъ:
Часто злобный ковъ таится
За домашнимъ алтаремъ;
Часто марсомъ пощаженный
Погибаетъ отъ друзей
(Рекъ, Палладой вдохновенный,
Хитроумный Одиссей).
Счастливъ тотъ, чей домъ украшенъ
Скромной вѣрностью жены!
Жены алчутъ новизны;
Постоянный миръ имъ страшенъ.
И стоящій близъ Елены
Менелай тогда сказалъ:
Плодъ губительный измѣны—
Ею самъ измѣнникъ палъ;
И погибъ виной Парида
Отягченный Иліонъ...
Неизбѣженъ судъ Кронида,
Все блюдетъ съ Олимпа онъ.
Злому злой конецъ бываетъ:
Гибнетъ жертвой Эвменидъ,
Кто безумно, какъ Паридъ,
Право гостя оскверняетъ.
Пусть веселый взоръ счастливыхъ
(Оилеевъ сынъ сказалъ)
Зритъ въ богахъ боговъ правдивыхъ;
Судъ ихъ часто слѣпъ бывалъ.
Сколькихъ бодрыхъ жизнь поблекла!
Сколькихъ низкихъ рокъ щадитъ!..
Нѣтъ великаго Патрокла,
Живъ презрительный Терситъ.
Смертный, царь Зевесъ фортунѣ
Своенравной предалъ насъ:
Уловляй же быстрый часъ,
Не тревожа сердца втуне.
Лучшихъ бой похитилъ ярый!
Вѣчно памятенъ намъ будь
Ты, мой братъ, ты, подъ удары
Подставлявшій твердо грудь,
Ты, который насъ, пожаромъ
Осажденныхъ, защитилъ...
Но коварнѣйшему даромъ
Щитъ и мечъ Ахилловъ былъ.
Миръ тебѣ во тьмѣ Эрева!
Жизнь твою не врагъ отнялъ:

Ты своею силой палъ,
Жертва гибельнаго гнѣва.
О, Ахиллъ, о мой родитель!
(Возгласилъ Неоптолемъ)
Быстрый міра посѣтитель,
Жребій лучшій взялъ ты въ немъ.
Жить въ любви племенъ дѣлами—
Благо первое земли;
Будемъ вѣчны именами
И сокрытые въ пыли!
Слава дней твоихъ нетлѣнна—
Въ пѣсняхъ будетъ цвѣсть она:
Жизнь живущихъ не вѣрна,
Жизнь отжившихъ неизмѣнна!
Смерть велитъ умолкнуть злобѣ
(Діомедъ провозгласилъ):
Слава Гектору во гробѣ!
Онъ краса Пергама былъ.
Онъ за край, гдѣ жили дѣды,
Веледушно пролилъ кровь;
Побѣдившимъ—честь побѣды!
Охранявшему—любовь!
Кто, на судъ явясь кровавый,
Славно палъ за отчій домъ,
Тотъ, почтенный и врагомъ,
Будетъ жить въ преданьяхъ славы.
Несторъ, жизнью убѣленный,
Нацѣдилъ вина фіалъ
И Гекубѣ сокрушенной
Дружелюбно выпить далъ.
Пей страданій утоленье;
Добрый Вакховъ даръ вино:
И веселость, и забвенье
Проливаетъ въ насъ оно.
Пей, страдалица! печали
Услаждаются виномъ:
Боги жалостные въ немъ
Подкрѣпленье сердцу дали.
Вспомни матерь Ніобею:
Что извѣдала она!
Сколь ужасная надъ нею
Казнь была совершена!
Но и съ нею, безотрадной,
Добрый Вакхъ недаромъ былъ:
Онъ струею виноградной
Вмигъ тоску въ ней усыпилъ.
Если грудь виномъ согрѣта,
И въ устахъ вино кипитъ:
Скорби наши быстро мчитъ
Ихъ смывающая Лета.
И вперила взоръ Кассандра,
Внявъ шепнувшимъ ей богамъ,
На пустынный брегъ Скамандра,
На дымящійся Пергамъ.
Все великое земное
Разлетается, какъ дымъ:
Нынѣ жребій выпалъ Троѣ,
Завтра выпадетъ другимъ...
Смертный, Силѣ, насъ гнетущей,
Покоряйся и терпи;
Спящій въ гробѣ, мирно спи,
Жизнью пользуйся живущій!

ВОСПОМИНАНІЕ.

О милыхъ спутникахъ, которые нашъ свѣтъ
Своимъ сопутствіемъ для насъ животворили,
Не говори съ тоской: *ихъ нѣтъ*!
Но съ благодарностію: *были*.
1821.

МОРЕ.

ЭЛЕГІЯ.

Безмолвное море, лазурное море,
Стою очарованъ надъ бездной твоей.
Ты живо; ты дышешь; смятенной любовью,
Тревожною думой наполнено ты.
Безмолвное море, лазурное море,
Открой мнѣ глубокую тайну твою:
Что движетъ твое необъятное лоно?
Чѣмъ дышетъ твоя напряженная грудь?
Иль тянетъ тебя изъ земныя неволи
Далекое, свѣтлое небо къ себѣ?..
Таинственной, сладостной полное жизни,
Ты чисто въ присутствіи чистомъ его;
Ты льешься его свѣтозарной лазурью,
Вечернимъ и утреннимъ свѣтомъ горишь,
Ласкаешь его облака золотыя
И радостно блещешь звѣздами его.
Когда же сбираются темныя тучи,
Чтобъ ясное небо отнять у тебя—
Ты бьешься, ты воешь, ты волны подъемлешь,
Ты рвешь и терзаешь враждебную мглу...
И мгла исчезаетъ, и тучи уходятъ;
Но, полное прошлой тревоги своей,
Ты долго вздымаешь испуганны волны,
И сладостный блескъ возвращенныхъ небесъ
Не вовсе тебѣ тишину возвращаетъ;
Обманчивъ твоей неподвижности видъ:
Ты въ безднѣ покойной скрываешь смятенье,
Ты, небомъ любуясь, дрожишь за него.
1822.

---

* * *

Я музу юную, бывало,
Встрѣчалъ въ подлунной сторонѣ,

И вдохновеніе слетало
Съ небесъ, незванное, ко мнѣ;
На все земное наводило
Животворящій лучъ оно—
И для меня въ то время было
Жизнь и поэзія одно.
Но дарователь пѣснопѣній
Меня давно не посѣщалъ;
Бывалыхъ нѣтъ въ душѣ видѣній,
И голосъ арфы замолчалъ.
Его желаннаго возврата
Дождаться-ль мнѣ когда опять?
Или навѣкъ моя утрата,
И вѣчно арфѣ не звучать?
Но все, что отъ временъ прекрасныхъ,
Когда онъ мнѣ доступенъ былъ,
Все, что отъ милыхъ, темныхъ, ясныхъ
Минувшихъ дней я сохранилъ—
Цвѣты мечты уединенной
И жизни лучшіе цвѣты—
Кладу на твой алтарь священный,
О, геній чистой красоты!
Не знаю, свѣтлыхъ вдохновеній
Когда воротится чреда,
Но ты знакомъ мнѣ, чистый геній,
И свѣтитъ мнѣ твоя звѣзда.
Пока еще ея сіянье
Душа умѣетъ различать—
Не умерло очарованье,
Былое сбудется опять.
1823.

КУБОКЪ.

БАЛЛАДА

[ИЗЪ ШИЛЛЕРА.]

„Кто—рыцарь ли знатный, иль латникъ простой—
„Въ ту бездну прыгнетъ съ вышины?
„Бросаю мой кубокъ туда золотой:
„Кто сыщетъ во тьмѣ глубины
„Мой кубокъ и съ нимъ возвратится безвредно,
„Тому онъ и будетъ наградой побѣдной."
Такъ царь возгласилъ и съ высокой скалы,
Висѣвшей надъ бездной морской,
Въ пучину бездонной, зіяющей мглы
Онъ бросилъ свой кубокъ златой.
„Кто, смѣлый, на подвигъ опасный рѣшится?
„Кто сыщетъ мой кубокъ и съ нимъ возвратится?"
Но рыцарь и латникъ недвижно стоятъ;
Молчанье—на вызовъ отвѣтъ;
Въ молчаньи на грозное море глядятъ;
За кубкомъ отважнаго нѣтъ.
И въ третій разъ царь возгласилъ громогласно:
„Отыщется-ль смѣлый на подвигъ опасный?"
И всѣ безотвѣтны... Вдругъ пажъ молодой
Смиренно и дерзко впередъ;
Онъ снялъ епанчу, снялъ и поясъ онъ свой;
Ихъ молча на землю кладетъ...
И дамы, и рыцари мыслятъ, безгласны:
Ахъ! юноша, кто ты? Куда ты, прекрасный?
И онъ подступаетъ къ наклону скалы
И взоръ устремилъ въ глубину...
Изъ чрева пучины бѣжали валы,
Шумя и гремя, въ вышину;
И волны спирались, и пѣна кипѣла:
Какъ будто гроза, наступая, ревѣла.
И воетъ, и свищетъ, и бьетъ, и шипитъ,
Какъ влага, мѣшаясь съ огнемъ,
Волна за волною; и къ небу летитъ
Дымящимся пѣна столбомъ;
Пучина бунтуетъ, пучина клокочетъ...
Не море-ль изъ моря извергнуться хочетъ?
И вдругъ, успокоясь, волненье легло;
И грозно изъ пѣны сѣдой
Разинулось черною щелью жерло;
И воды обратно толпой
Помчались во глубь истощеннаго чрева;
И глубь застонала отъ грома и рева.
И онъ, упредя разъяренный приливъ,
Спасителя-Бога призвалъ...
И дрогнули зрители, всѣ возопивъ...
Ужъ юноша въ безднѣ пропалъ!
И бездна таинственно зѣвъ свой закрыла:
Его не спасетъ никакая ужъ сила.
Надъ бездной утихло... въ ней глухо шумитъ...
И каждый, очей отвести
Не смѣя отъ бездны, печально твердитъ:
„Красавецъ отважный, прости!"
Все тише и тише на днѣ ея воетъ...
И сердце у всѣхъ ожиданіемъ ноетъ.
„Хоть брось ты туда свой вѣнецъ золотой,
„Сказавъ: *кто вѣнецъ возвратитъ,*
„*Тотъ съ нимъ и престолъ мой раздѣлитъ со мной!*
„Меня твой престолъ не прельститъ.
„Того, что скрываетъ та бездна нѣмая,
„Ничья здѣсь душа не разскажетъ живая.
„Не мало судовъ, закруженныхъ волной,
„Глотала ея глубина:
„Всѣ мелкой назадъ вылетали щепой
„Съ ея неприступнаго дна.."
Но слышится снова въ пучинѣ глубокой
Какъ будто роптанье грозы недалекой.
И воетъ, и свищетъ, и бьетъ, и шипитъ,
Какъ влага, мѣшаясь съ огнемъ,
Волна за волною; и къ небу летитъ
Дымящимся пѣна столбомъ..
И брызнулъ потокъ съ оглушительнымъ ревомъ,
Извергнутый бездны зіяющимъ зѣвомъ.

ругъ... что-то сквозь пѣну сѣдой глубины
Мелькнуло живой бѣлизной...
елькнула рука и плечо изъ во.ны...
И борется, споритъ съ волной...
видятъ—весь берегъ потрясся отъ клича—
ъ лѣвою правитъ, а въ правой добыча.
долго дышалъ онъ, и тяжко дышалъ,
И Божій привѣтствовалъ свѣтъ...
каждый съ весельемъ—„онъ живъ! повторялъ:
„Чудеснѣе подвига нѣтъ!
зъ темнаго гроба, изъ пропасти влажной
пасъ душу живую красавецъ отважный."
ъ на берегъ вышелъ; онъ встрѣченъ толпой;
Къ царевымъ ногамъ онъ упалъ;
кубокъ у ногъ положилъ золотой...
И дочери царь приказалъ:
ть юношѣ кубокъ съ струей винограда;
въ сладость была для него та награда.
а здравствуетъ царь! Кто живетъ на землѣ,
Тотъ жизнью земной веселись!
страшно въ подземной таинственной мглѣ...
И смертный предъ Богомъ смирись
мыслью своей не желай дерзновенно
ать тайны, Имъ мудро отъ насъ сокровенной!
трѣлою стремглавъ полетѣлъ я туда...
И вдругъ мнѣ навстрѣчу потокъ;
ъ трещины камня лилася вода;
И вихорь ужасный повлекъ
ня въ глубину съ непонятною силой...
страшно меня тамъ кружило и било.
о Богу молитву тогда я принесъ,
И Онъ мнѣ спасителемъ былъ:
рчащій изъ мглы я увидѣлъ утесъ
И крѣпко его обхватилъ;
сѣлъ тамъ и кубокъ на вѣтви коралла:
бездонное влага его не умчала.
смутно все было внизу подо мной
Въ пурпуровомъ сумракѣ тамъ;
спало для слуха въ той безднѣ глухой;
Но видѣлось страшно очамъ,
къ двигались въ ней безобразныя груды,
рской глубины несказанныя чуды.
видѣлъ, какъ въ черной пучинѣ кипятъ,
Въ громадный свиваяся клубъ—
млать водяной, и уродливый скатъ,
И ужасъ морей—однозубъ;
смертью грозилъ мнѣ, зубами сверкая,
кой ненасытный, гіена морская.
былъ я одинъ съ неизбѣжной судьбой,
Отъ взора людей далеко,
инъ межъ чудовищъ съ любящей душой,
Во чревѣ земли, глубоко
дъ звукомъ живымъ человѣчьяго слова,
жъ страшныхъ жильцовъ подземелья нѣмого.
я содрогался... Вдругъ слышу: ползетъ
Стоногое грозно изъ мглы,
И хочетъ схватить, и разинулся ротъ...
Я въ ужасѣ прочь отъ скалы!..
То было спасеньемъ: я схваченъ приливомъ
И выброшенъ вверхъ водомета порывомъ."
Чудесенъ разсказъ показался царю:
„Мой кубокъ возьми золотой;
„Но съ нимъ я и перстень тебѣ подарю,
Въ которомъ алмазъ дорогой,
„Когда ты на подвигъ отважишься снова
„И тайны всѣ дна перескажешь морского."
То слыша, царевна съ волненьемъ въ груди,
Краснѣя, царю говоритъ:
— Довольно, родитель! его пощади!
Подобное кто совершитъ?
И если ужъ должно быть опыту снова,
То рыцаря вышли, не пажа младого.—
Но царь, не внимая, свой кубокъ златой
Въ пучину швырнулъ съ высоты:
„И будешь здѣсь рыцарь любимѣйшій мой,
„Когда съ нимъ воротишься, ты;
„И дочь моя, нынѣ твоя предо мною
„Заступница, будетъ твоею женою".
Въ немъ жизнью небесной душа зажжена,
Отважность сверкнула въ очахъ;
Онъ видитъ: краснѣетъ, блѣднѣетъ *она*...
Онъ видитъ: въ *ней* жалость и страхъ...
Тогда, неописанной радостью полный,
На жизнь и погибель онъ кинулся въ волны...
Утихнула бездна... и снова шумитъ...
И пѣною снова полна...
И съ трепетомъ въ бездну царевна глядитъ...
И бьетъ за волною волна...
Приходитъ, уходитъ волна быстротечно...
А юноши нѣтъ—и не будетъ ужъ вѣчно.

1831.

———

ПЕРЧАТКА.

ПОВѢСТЬ.

[ИЗЪ ШИЛЛЕРА.]

Передъ своимъ звѣринцемъ,
Съ баронами, съ наслѣднымъ принцемъ,
Король Францискъ сидѣлъ.
Съ высокаго балкона онъ глядѣлъ
На поприще, сраженья ожидая;
За королемъ, обворожая
Цвѣтущей прелестію взглядъ,
Придворныхъ дамъ являлся пышный рядъ.
Король далъ знакъ рукою—
Со стукомъ растворилась дверь:
И грозный звѣрь
Съ огромной головою,
Косматый левъ

Выходитъ;
Кругомъ глаза угрюмо водитъ;
И вотъ, все оглядѣвъ,
Наморщилъ лобъ съ осанкой горделивой,
Пошевелилъ густою гривой,
И потянулся, и зѣвнулъ,
И легъ. Король опять рукой махнулъ—
Затворъ желѣзной двери грянулъ,
И смѣлый тигръ изъ-за рѣшетки прянулъ;
Но видитъ льва, робѣетъ и реветъ,
Себя хвостомъ по ребрамъ бьетъ,
И крадется, косяся взглядомъ,
И лижетъ морду языкомъ,
И, обошедши льва кругомъ,
Рычитъ и съ нимъ ложится рядомъ.
И въ третій разъ король махнулъ рукой—
Два барса дружною четой
Въ одинъ прыжокъ надъ тигромъ очутились;
Но онъ ударъ имъ тяжкой лапой далъ,
А левъ съ рыканьемъ всталъ...
Они смирились,
Оскаливъ зубы, отошли,
И зарычали и легли.
И гости ждутъ, чтобъ битва началася.
Вдругъ женская съ балкона сорвалася
Перчатка... Всѣ глядятъ за ней...
Она упала межъ звѣрей.
Тогда на рыцаря Делоржа съ лицемѣрной
И колкою улыбкою глядитъ
Его красавица и говоритъ:
„Когда меня, мой рыцарь вѣрный,
„Ты любишь такъ, какъ говоришь,
„Ты мнѣ перчатку возвратишь."
Делоржъ, не отвѣчавъ ни слова,
Къ звѣрямъ идетъ,
Перчатку смѣло онъ беретъ
И возвращается къ собранью снова.
У рыцарей и дамъ при дерзости такой
Отъ страха сердце помутилось;
А витязь молодой,
Какъ будто ничего съ нимъ не случилось,
Спокойно всходитъ на балконъ;
Рукоплесканьемъ встрѣченъ онъ;
Его привѣтствуютъ красавицыны взгляды...
Но, холодно принявъ привѣтъ ея очей,
Въ лицо перчатку ей
Онъ бросилъ и сказалъ: „не требую награды."

1831.

ПОЛИКРАТОВЪ ПЕРСТЕНЬ.

[ИЗЪ ШИЛЛЕРА.]

На кровлѣ онъ стоялъ высоко
И на Самосъ богатый око
Съ весельемъ гордымъ преклонялъ:
„Сколь щедро взысканъ я богами!
Сколь счастливъ я между царями!"
Царю Египта онъ сказалъ.
— Тебѣ благопріятны боги;
Они къ твоимъ врагамъ лишь строги
И всѣхъ ихъ предали тебѣ;
Но живъ одинъ, опасный мститель:
Пока онъ дышетъ... побѣдитель,
Не довѣряй своей судьбѣ.—
Еще не кончилъ онъ отвѣта,
Какъ изъ союзнаго Милета
Явился присланный гонецъ:
„Побѣдой ты украшенъ новой;
Да обовьетъ опять лавровый
Главу властителя вѣнецъ!
Твой врагъ постигнутъ строгой местью;
Меня послалъ къ вамъ съ этой вѣстью
Нашъ полководецъ Полидоръ."
Рука гонца сосудъ держала:
Въ сосудѣ голова лежала—
Врага узналъ въ ней царскій взоръ.
И гость воскликнулъ съ содроганьемъ:
— Страшись! Судьба очарованьемъ
Тебя къ погибели влечетъ.
Невѣрныя морскія волны
Обломковъ корабельныхъ полны:
Еще не въ пристани твой флотъ.—
Еще слова его звучали...
А клики брегъ ужъ оглашали,
Народъ на пристани кипѣлъ;
И въ пристань, царь морей крылатый,
Дарами дальнихъ странъ богатый,
Флотъ торжествующій влетѣлъ.
И гость, увидя то, блѣднѣетъ.
— Тебѣ фортуна благодѣетъ...
Но ты не вѣрь, здѣсь хитрый ковъ!
Здѣсь тайная погибель скрыта:
Разбойники морскіе Крита
Отъ здѣшнихъ близко береговъ.—
И только выронилъ онъ слово,
Гонецъ вбѣгаетъ съ вѣстью новой:
„Побѣда, царь! судьбѣ хвала!
Мы торжествуемъ надъ врагами:
Флотъ критскій истребленъ богами—
Его ихъ буря пожрала!"
Испуганъ гость нежданной вѣстью...
— Ты счастливъ; но судьбины лестью
Такое счастье мнится мнѣ:
Здѣсь вѣчны блага не бывали,
И никогда намъ безъ печали
Не доставалися онѣ.
И мнѣ все въ жизни улыбалось;
Неизмѣняемо, казалось,
Я Силой вышней былъ хранимъ.

Всѣ блага прочилъ я для сына...
Его, его взяла судьбина!
Я долгъ мой сыномъ заплатилъ.
Чтобъ вѣрной избѣжать напасти,
Моли невидимыя Власти
Подлить печали въ твой фіалъ.
Судьба и въ милостяхъ мздоимецъ:
Какой, какой ея любимецъ
Свой вѣкъ не бѣдственно кончалъ?
Когда-жъ въ несчастьи рокъ откажетъ,
Исполни то, что другъ твой скажетъ:
Ты призови несчастье самъ.
Твои сокровища несмѣтны:
Изъ нихъ скорѣй, какъ даръ завѣтный,
Отдай любимое богамъ.—
Онъ гостю внемлетъ съ содроганьемъ:
„Моимъ избра́ннымъ достояньемъ
Донынѣ этотъ перстень былъ;
Но я готовъ Властямъ незримымъ
Добромъ пожертвовать любимымъ"...
И перстень въ море онъ пустилъ.
На утро, только лучъ денницы
Озолотилъ верхи столицы,
Къ царю является рыбарь:
„Я рыбу, пойманную мною,
Чудовище величиною,
Тебѣ принесъ въ подарокъ, царь!"
Царь изъявилъ благоволенье...
Вдругъ царскій поваръ въ изступленьи
Съ нежданной вѣстію бѣжитъ:
„Найдёнъ твой перстень драгоцѣнный!
Огромной рыбой поглощенный,
Онъ въ ней ножомъ моимъ открытъ!"
Тутъ гость, какъ пораженный громомъ,
Сказалъ: „Бѣда надъ этимъ домомъ!
Нельзя мнѣ другомъ быть твоимъ:
На смерть ты обреченъ судьбою!
Бѣгу, чтобъ здѣсь не пасть съ тобою..."
Сказалъ и разлучился съ нимъ.
1831.

— —

ЖАЛОБА ЦЕРЕРЫ.

[ИЗЪ ШИЛЛЕРА.]

Снова геній жизни вѣетъ,
Возвратилася весна.
Холмъ на солнцѣ зеленѣетъ,
Ледъ разрушила волна.
Распустившійся дымится
Благовоніями лѣсъ,
И безоблаченъ глядится
Въ воды зѐркальны Зевесъ;
Все цвѣтетъ,—лишь мой единый
Не взойдетъ прекрасный цвѣтъ:
Прозерпины, Прозерпины
На землѣ моей ужъ нѣтъ.
Я вездѣ ее искала,
Въ днѐвномъ свѣтѣ и въ ночи;
Всѣ за ней я посылала
Аполлоновы лучи;
Но ея подъ сводомъ неба
Не нашелъ всезрящій богъ;
А подземной тьмы Эреба
Лучъ его пронзить не могъ:
Тѣ брега недостижимы,
И богамъ ихъ страшенъ видъ...
Тамъ она! неумолимый
Ею властвуетъ Аидъ.
Кто-жъ мое во мракъ Плутона
Слово къ ней перенесетъ?
Вѣчно ходитъ челнъ Харона,
Но лишь тѣни онъ беретъ.
Жизнь подземнаго страшится;
Недоступенъ адъ и тихъ;
И съ тѣхъ поръ, какъ онъ стремится,
Стиксъ не видывалъ живыхъ;
Тьма дорогъ туда низводитъ—
Ни одной оттуда нѣтъ;
И отшедшій не приходитъ
Никогда опять на свѣтъ.
Сколь завидна мнѣ, печальной,
Участь смертныхъ матерей!
Легкій пламень погребальный
Возвращаетъ имъ дѣтей;
А для насъ, боговъ нетлѣнныхъ,
Что усладою утратъ?
Насъ, безрадостно-блаженныхъ,
Парки строгія щадятъ...
Парки, парки, поспѣшите
Съ неба въ адъ меня послать!
Правъ богини не щадите:
Вы обрадуете мать.
Въ тотъ предѣлъ, гдѣ—утѣшенью
И веселію чужда—
Дочь живетъ, свободной тѣнью
Полетѣла-бъ я тогда;
Близъ супруга, на престолѣ
Мнѣ предстала бы она,
Грустной думою о волѣ
И о матери полна;
И ко мнѣ бы взоръ склонился,
И меня узналъ бы онъ,
И надъ нами-бъ прослезился
Самъ безжалостный Плутонъ.
Тщетный призракъ! стонъ напрасный!
Все однимъ путемъ небесъ
Ходитъ Геліосъ прекрасный,
Все навѣкъ рѣшилъ Зевесъ.
Жизнью горнею доволенъ,

Ненавидя адску ночь,
Онъ и самъ отдать неволенъ
Мнѣ утраченную дочь.
Тамъ ей быть, доколь Аида
Не освѣтитъ Аполлонъ,
Или радугой Ирида
Не сойдетъ на Ахеронъ!
Нѣтъ ли мнѣ чего отъ милой
Въ сладкопамятный завѣтъ,
Что осталось все, какъ было,
Что для насъ разлуки нѣтъ?
Нѣтъ ли тайныхъ узъ, чтобъ ими
Снова сблизить мать и дочь,
Мертвыхъ съ милыми живыми,
Съ свѣтлымъ днемъ подземну ночь?..
Такъ, не всѣ слѣды пропали!
Къ ней дойдетъ мой нѣжный кликъ:
Намъ святые боги дали
Усладительный языкъ.
Въ тѣ часы, какъ хладъ Борея
Губитъ нѣжныхъ чадъ весны,
Листья падаютъ, желтѣя,
И лѣса обнажены,—
Изъ руки Вертумна щедрой
Сѣмя жизни взять спѣшу,
И, его въ земное нѣдро
Бросивъ, Стиксу приношу;
Сердцу дочери ввѣряю
Тайный даръ моей руки
И, скорбя, въ немъ посылаю
Вѣсть любви, залогъ тоски.
Но когда съ небесъ слетаетъ
Вслѣдъ за бурями весна,—
Въ мертвомъ снова жизнь играетъ,
Солнце грѣетъ сѣмена;
И, умершіе для взора,
Внявъ они весны привѣтъ,
Изъ подземнаго затвора
Рвутся радостно на свѣтъ:
Листъ выходитъ въ область неба,
Корень—ищетъ тьмы ночной;
Листъ живетъ лучами Феба,
Корень стиксовой струей.
Ими та́инственно слита
Область тьмы съ страною дня,
И приходятъ отъ Коцита
Съ ними вѣсти для меня;
И ко мнѣ въ живомъ дыханьи
Молодыхъ цвѣтовъ весны
Подымается признанье,
Гласъ родной изъ глубины;
Онъ разлуку услаждаетъ,
Онъ душѣ моей твердитъ,
Что любовь не умираетъ
И въ отшедшихъ за Коцитъ.

О! привѣтствую васъ, чада
Расцвѣтающихъ полей!
Вы—тоски моей услада,
Образъ дочери моей.
Васъ налью благоуханьемъ,
Напою живой росой
И съ авроринымъ сіяньемъ
Поравняю красотой;
Пусть весной природы младость,
Пусть осенній мракъ полей
И мою вѣщаютъ радость,
И печаль души моей!

1831.

СУДЪ БОЖІЙ НАДЪ ЕПИСКОПОМЪ.

БАЛЛАДА.

(изъ Саути.)

Были и лѣто, и осень дождливы;
Были потоплены пажити, нивы;
Хлѣбъ на поляхъ не созрѣлъ и пропалъ;
Сдѣлался голодъ, народъ умиралъ.

Но у епископа, милостью Неба,
Полны амбары огромные хлѣба;
Жито сберегъ прошлогоднее онъ:
Былъ остороженъ епископъ Гаттонъ:

Рвутся толпой и голодный, и нищій
Въ двери епископа, требуя пищи;
Скупъ и жестокъ былъ епископъ Гаттонъ—
Общей бѣдою не тронулся онъ.

Слушать и вопли ему надоѣло;
Вотъ онъ рѣшился на страшное дѣло:
Бѣдныхъ изъ ближнихъ и дальнихъ сторонъ,
Слышно, скликаетъ епископъ Гаттонъ.

„Дожили мы до нежданнаго чуда:
Вынулъ епископъ добро изъ-подъ спуда,
Бѣдныхъ къ себѣ на пирушку зоветъ",—
Такъ говорилъ изумленный народъ.

Къ сроку собралися званые гости,
Блѣдные, чахлые, кожа да кости;
Старый огромный сарай отворёнъ:
Въ немъ угоститъ ихъ епископъ Гаттонъ.

Вотъ ужъ столпились подъ кровлей сарая
Всѣ пришлецы изъ окружнаго края...
Какъ же ихъ принялъ епископъ Гаттонъ?
Былъ имъ сарай и съ гостями сожженъ.

Глядя епископъ на пепелъ пожарный,
Думаетъ: „будутъ мнѣ всѣ благодарны;

азомъ избавилъ я шуткой моей
рай нашъ голодный отъ жадныхъ мышей".

ъ замокъ епископъ къ себѣ возвратился,
жинать сѣлъ, пировалъ, веселился,
палъ, какъ невинный, и сновъ не видалъ...
равда! но болѣ съ тѣхъ поръ онъ не спалъ.

тромъ онъ входитъ въ покой, гдѣ висѣли
редковъ портреты, и видитъ, что съѣли
ыши его живописный портретъ
акъ, что холстины и признака нѣтъ.

нъ обомлѣлъ; онъ отъ страха чуть дышетъ...
другъ онъ чудесную вѣдомость слышитъ:
аша округа мышами полна.
ъ житницахъ съѣденъ весь хлѣбъ до зерна".

отъ и другое въ ушахъ загремѣло:
огъ на тебя за вчерашнее дѣло!
ѣпкій твой замокъ, епископъ Гаттонъ,
ыши со всѣхъ осаждаютъ сторонъ".

одъ былъ до Рейна отъ замка подземный;
страхѣ епископъ дорогою темной
берегу выйти изъ замка спѣшитъ:
ъ реинской башнѣ спасусь!" говоритъ.

шня изъ реинскихъ водъ подымалась;
али острымъ утесомъ казалась,
озно изъ пѣны торчащимъ, она;
ѣны кругомъ ограждала волна.

легкую лодку епископъ садится;
башнѣ причалилъ, дверь заперъ и мчится
ерхъ по гранитнымъ крутымъ ступенямъ;
страхѣ одинъ затворился онъ тамъ.

ны изъ стали казалися слиты,
и рѣшетками окна забиты,
вни чугунные, каменный сводъ,
рью желѣзною запертый входъ.

икъ не знаетъ, куда пріютиться;
полъ, зажмуривъ глаза, онъ ложится...
угъ онъ испуганъ стенаньемъ глухимъ:
ыхнули ярко два глаза надъ нимъ.

Смотритъ онъ... кошка сидитъ и мяучитъ;
ісъ тотъ грѣшника давитъ и мучитъ;
ется кошка, невесело ей:
ъ она приближенье мышей.

на колѣни епископъ и крикомъ
зоветъ въ изступленіи дикомъ.

Воетъ преступникъ... а мыши плывутъ...
Ближе и ближе... доплыли... ползутъ.

Вотъ ужъ ему въ разстояніи близкомъ
Слышно, какъ лѣзутъ съ роптаньемъ и пискомъ;
Слышно, какъ стѣну ихъ лапки скребутъ;
Слышно, какъ камень ихъ зубы грызутъ.

Вдругъ ворвались неизбѣжные звѣри;
Сыплются градомъ сквозь окна, сквозь двери,
Спереди, сзади, съ боковъ, съ высоты...
Что тутъ, епископъ, почувствовалъ ты?

Зубы о камни онѣ навострили,
Грѣшнику въ кости ихъ жадно впустили,
Весь по суставамъ раздернутъ былъ онъ...
Такъ былъ наказанъ епископъ Гаттонъ.

НОЧНОЙ СМОТРЪ.

[ИЗЪ ЦЕДЛИЦА.]

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Изъ гроба встаетъ барабанщикъ;
И ходитъ онъ взадъ и впередъ,
И бьетъ онъ проворно тревогу.
И въ темныхъ гробахъ барабанъ
Могучую будитъ пѣхоту:
Встаютъ молодцы егеря,
Встаютъ старики гренадеры,
Встаютъ изъ-подъ русскихъ снѣговъ,
Съ роскошныхъ полей италійскихъ,
Встаютъ съ африканскихъ степей,
Съ горючихъ песковъ Палестины.
Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Выходитъ трубачъ изъ могилы;
И скачетъ онъ взадъ и впередъ,
И громко трубитъ онъ тревогу.
И въ темныхъ могилахъ труба
Могучую конницу будитъ:
Сѣдые гусары встаютъ,
Встаютъ усачи кирасиры;
И съ сѣвера, съ юга летятъ,
Съ востока и съ запада мчатся
На легкихъ воздушныхъ коняхъ
Одинъ за другимъ эскадроны.
Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Изъ гроба встаетъ полководецъ;
На немъ сверхъ мундира сюртукъ,
Онъ съ маленькой шляпой и шпагой;
На старомъ конѣ боевомъ
Онъ медленно ѣдетъ по фронту;
И маршалы ѣдутъ за нимъ,
И ѣдутъ за нимъ адъютанты;
И армія честь отдаетъ.

Становится онъ передъ нею,
И съ музыкой мимо его
Проходятъ полки за полками.
И всѣхъ генераловъ своихъ
Потомъ онъ въ кружокъ собираетъ,
И ближнему на ухо самъ
Онъ шепчетъ пароль свой и лозунгъ;
И арміи всей отдаютъ
Они тотъ пароль и тотъ лозунгъ.
И *Франція*—тотъ ихъ пароль,
Тотъ лозунгъ—*Святая Елена.*
Такъ къ старымъ солдатамъ своимъ
На смотръ генеральный изъ гроба
Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Встаетъ императоръ усопшій.
1836.

МАЛЬЧИКЪ СЪ ПАЛЬЧИКЪ.

[СКАЗОЧКА.]

Жилъ маленькій мальчикъ:
Былъ ростомъ онъ съ пальчикъ,
Лицомъ былъ красавчикъ,—
Какъ искры глазенки,
Какъ пухъ волосенки...
Онъ жилъ межъ цвѣточковъ;
Въ тѣни ихъ листочковъ
Въ жары отдыхалъ онъ,
И ночью тамъ спалъ онъ.

Съ зарей просыпался,
Живой умывался
Росой, наряжался
Въ листочекъ атласный
Лилеи прекрасной;
Проворную пчелку
Въ свою одноколку
Изъ легкой скорлупки
Потомъ запрягалъ онъ,
И съ пчелкой леталъ онъ,
И жадныя губки
Съ ней вмѣстѣ впивалъ онъ
Въ цвѣты луговые.
Къ нему золотыя
Цикады слетались
И съ нимъ забавлялись,
Кружась съ мотыльками,
Жужжа и порхая
И ярко сверкая
На солнцѣ крылами.

Ночною-жъ порою,
Когда темнотою
Земля покрывалась,
И въ небѣ съ луною
Одна за другою
Звѣзда зажигалась,—
На лугъ благовонный
Съ лампадой зажженной
Лазурно-блестящій
Къ малюткѣ являлся
Свѣтлякъ; и сбирался
Къ нему въ круговую
На пляску ночную
Рой эльфовъ летучій;
Они, какъ бѣгучій
Источникъ волнами,
Шумѣли крылами,
Сливались, сплетались,
Проворно качались
На тонкихъ былинкахъ,
Въ перловыхъ купались
На травкѣ росинкахъ,
Какъ искры сверкали
И шумно плясали
Предъ нимъ до полночи.
Когда же на очи
Ему усыпленье,
Подъ пляску, подъ пѣнье,
Сходило,—смолкали
И вмигъ исчезали
Плясуньи ночныя...
Тогда, подъ живые
Цвѣты угнѣздившись
И въ сонъ погрузившись,
Онъ спалъ подъ защитой
Ихъ кровли, омытой
Росой, до восхода
Зари лучезарной
Съ границы янтарной
Небеснаго свода.
Такъ милый красавчикъ
Жилъ мальчикъ нашъ съ пальчикъ...
1849.

IV.

Константинъ Николаевичъ Батюшковъ.

1787 — 1855.

Для литературы Батюшковъ умеръ 33 годами раньше своей физической смерти, такъ какъ уже въ 1822 году его постигъ недугъ психическаго разстройства. Поэтическое значеніе его, казавшееся огромнымъ до появленія Пушкина, въ настоящее время представляется весьма скромнымъ. Дѣло въ томъ, что главныя силы своего несомнѣнно большого и прекраснаго по природѣ таланта поэтъ посвящалъ эллинскому культу физическаго наслажденія, совершенно чуждому и русскому народному характеру, и духу русской литературы, въ общемъ проникнутой такимъ горячимъ и свѣтлымъ идеализмомъ. Вотъ, напр., его знаменитая „Вакханка“:

Всѣ на праздникъ Эригоны
Жрицы Вакховы текли.
Вѣтры съ шумомъ разнесли
Громкій вой ихъ, плескъ и стоны.
Въ чащѣ дикой и глухой
Нимфа юная отстала.
Я за ней... Она бѣжала
Легче серны молодой.
Эвры волосы взвѣвали,
Перевитые плющемъ,
Нагло ризы поднимали
И свивали ихъ клубкомъ.
Стройный станъ, кругомъ обвитый
Хмѣля желтаго вѣнцомъ,
И пылающи ланиты
Розы яркимъ багрецомъ,
И уста, въ которыхъ таетъ
Пурпуровый виноградъ,—
Все въ неистовой прельщаетъ,
Въ сердце льетъ огонь и ядъ!
Я за ней... Она бѣжала
Легче серны молодой;
Я настигъ, она упала—
И тимпанъ подъ головой!
Жрицы Вакховы промчались
Съ громкимъ воплемъ мимо насъ,
И по рощѣ раздавались
„Эвоэ“ и нѣги гласъ.

Все это, можетъ быть, очень красиво и безукоризненно по формѣ; древнему греку и содержаніе пьесы пришлось бы, вѣроятно, по душѣ. Но намъ, сѣверянамъ XX вѣка, подобная картина внушаетъ не удовольствіе, а скорѣе отвращеніе,—главнымъ образомъ, потому, что авторъ стихотворенія—не древній грекъ съ его наивной, цѣльной, непосредственно чувствовавшей душой, а современный поэтъ, старающійся поддѣлаться подъ классическую наивность.

Изъ немногихъ стихотвореній Батюшкова въ другомъ родѣ, проникнутыхъ чувствомъ неудовлетворенія дѣйствительностью и свѣтлымъ стремленіемъ къ идеалу, слѣдуетъ назвать: „На развалинахъ замка въ Швеціи“, „Умирающій Тассъ“ и др. Къ сожалѣнію, языкъ большинства этихъ пьесъ въ настоящее время сильно обветшалъ.

Немногіе теперь знаютъ, что знаменитый нѣкогда романсъ „Гусаръ, на саблю опираясь“ принадлежитъ Батюшкову.

---

* * *

О, память сердца! ты сильнѣй
Разсудка памяти печальной
И часто сладостью своей
Меня въ странѣ плѣняешь дальной.
Я помню голосъ милыхъ словъ,
Я помню очи голубыя,
Я помню локоны льняные
Небрежно вьющихся власовъ
Моей пастушки несравненной;
Я помню весь нарядъ простой,
И образъ милой, незабвенной
Повсюду странствуетъ со мной.
Хранитель геній мой—любовью
Въ утѣху данъ разлукѣ онъ:
Засну-ль?—приникнетъ къ изголовью
И усладитъ печальный сонъ.

———

НАДЕЖДА.

Мой духъ, довѣренность къ Творцу!
Мужайся, будь въ терпѣньи камень!
Не Онъ ли къ лучшему концу
Меня провелъ сквозь бранный пламень?
На полѣ смерти чья рука
Меня таинственно спасала
И жадный крови мечъ врага
И градъ свинцовый отражала?
Кто велъ меня отъ юныхъ дней
Къ добру стезею потаенной
И въ бурѣ пламенныхъ страстей
Мой былъ вожатый неизмѣнный?

Онъ, Онъ! Его все даръ благой!
. . . .
Все даръ Его, и краше всѣхъ
Даровъ—надежда лучшей жизни!
Когда-жъ узрю спокойный брегъ,
Страну желанную отчизны?
Когда струей небесныхъ благъ
Я утолю любви желанье,
Земную ризу брошу въ прахъ
И обновлю существованье?

———

ТѢНЬ ДРУГА.

Я берегъ покидалъ туманный Альбіона.
Казалось, онъ въ волнахъ свинцовыхъ утопалъ;
За кораблемъ вилася гальціона,
И тихій гласъ ея пловцовъ увеселялъ.
Вечерній вѣтръ, валовъ плесканье,
Однообразный шумъ и трепетъ парусовъ
И кормчаго на палубѣ взыванье
Ко стражѣ, дремлющей подъ говоромъ валовъ—
Все сладкую задумчивость питало.
Какъ очарованный, у мачты я стоялъ
И сквозь туманъ и ночи покрывало
Свѣтила сѣвера любезнаго искалъ.
Вся мысль моя была въ воспоминаньи,
Подъ небомъ сладостнымъ отеческой земли;
Но вѣтровъ шумъ и моря колыханье
На вѣжды томное забвенье навели.
Мечты смѣнялися мечтами—
И вдругъ... То былъ ли сонъ?... Предсталъ тов[арищъ мой,]
Погибшій въ роковомъ огнѣ
Завидной смертію надъ Плейскими струями.
Но видъ не страшенъ былъ; чело
Глубокихъ ранъ не сохраняло—
Какъ утро майское, веселіемъ цвѣло
И все небесное душѣ напоминало.
„Ты-ль это, милый другъ, товарищъ лучшихъ дв[ей!]
. . . .
„Тѣнь незабвеннаго, отвѣтствуй, милый братъ!
„Или протекшее все было сонъ, мечтанье,
„Все, все,—и блѣдный трупъ, могила и обрядъ,
„Свершенный дружбою въ твое воспоминанье?
„О, молви слово мнѣ! Пускай знакомый звукъ
„Еще мой жадный слухъ ласкаетъ,
„Пускай рука моя, о незабвенный другъ.
„Твою съ любовію сжимаетъ!..."
И я летѣлъ къ нему... Но горній духъ исчезъ
Въ бездонной синевѣ безоблачныхъ небесъ,
Какъ дымъ, какъ метеоръ, какъ призракъ полу[ночи,]
И сонъ покинулъ очи.
Все спало вкругъ меня подъ кровомъ тишины,
Стихіи грозныя казалися безмолвны,
При свѣтѣ облакомъ подернутой луны
Чуть вѣялъ вѣтерокъ, едва сверкали волны;
Но сладостный покой бѣжалъ моихъ очей,
И вся душа за призракомъ летѣла,
Все гостя горняго остановить хотѣла,
Тебя, о милый братъ, о лучшій изъ друзей!

———

ЗАВѢЩАНІЕ МЕЛЬХИСЕДЕКА.

Ты помнишь, что изрекъ,
Прощаясь съ жизнію, сѣдой Мельхиседекъ:
„Рабомъ родится человѣкъ,
Рабомъ въ могилу ляжетъ,
И смерть ему едва ли скажетъ—
Зачѣмъ онъ шелъ долиной чудной слезъ,
Страдалъ, рыдалъ, терпѣлъ, исчезъ".
1821.

V.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.

1799 — 1837.

Если Жуковскій былъ первымъ истиннымъ *поэтомъ* на Руси, то о Пушкинѣ слѣдуетъ сказать, что онъ былъ первымъ *русскимъ* поэтомъ, давшимъ своему обществу почувствовать силу и прелесть поэзіи въ образахъ родной природы и родной жизни. По энергіи и силѣ творческаго генія Пушкина справедливо сравниваютъ съ Ломоносовымъ и Петромъ Великимъ. Онъ является главнымъ создателемъ не только классическихъ формъ русской литературы, но и *ея духа,* какъ гуманной учительницы общества. Никѣмъ не превзойденная красота стиха, простого и величаваго, гармонически сочетается въ его произведеніяхъ съ высокимъ идейнымъ благородствомъ.

Счастье человѣка и достоинство человѣческой личности для Пушкина—мѣрило вещей; всестороннее развитіе лучшихъ свойствъ человѣческой природы, свободное удовлетвореніе всѣхъ нравственно-законныхъ потребностей— вотъ полнота счастья, и, какъ нарушеніе этого основного закона, аскетизмъ и распущенность—одинаково чужды и враждебны этому свѣтлому, гуманному міровоззрѣнію („Цыганы", „Скупой рыцарь", „Моцартъ и Сальери", „Пиковая дама"). Съ другой стороны, такое понятіе счастья не только не исключаетъ, но даже обнимаетъ собою идею нравственнаго долга, которая для сильной и цѣльной натуры можетъ быть выше и дороже всего (Петръ Великій, капитанъ Мироновъ, Татьяна). Идеалъ человѣчности бодрствуетъ даже надъ тѣми, кто не признаетъ его власти, и всякое попраніе этого идеала, въ концѣ концовъ, жестоко мститъ за себя: на идеѣ справедливости должно, поэтому, строиться не только личное благо, но и прочное историческое зданіе („Борисъ Годуновъ", „Полтава", „Каменный Гость"). Любовь—одинъ изъ главныхъ моментовъ счастья, и потому разочарованіе въ любви для многихъ изъ героевъ Пушкина равносильно полной гибели (героини Кавказскаго Плѣнника" и „Русалки" кончаютъ самоубійствомъ, Марія „Полтавы" — сумасшествіемъ). Любовь творитъ, съ другой стороны, чудеса, смиряя въ человѣкѣ звѣрскіе инстинкты, облагораживая падшую душу (Гирей, Дубровскій, князь „Русалки"), и естественно, что такое великое чувство должно быть свободно („Цыганы", „Кавказскій Плѣнникъ", „Арапъ П. В.").

Эту общую характеристику Пушкина, какъ пѣвца человѣчности, удивительно подтверждаетъ анализъ его лирики.

Здѣсь возстаетъ передъ нами, во всей своей обаятельной прелести, внутренній, личный міръ поэта, исторія его сердца, трогательная повѣсть свѣтлыхъ стремленій и тайныхъ страданій. Красота этого внутренняго

міра съ особенной полнотой выразилась въ стихотвореніяхъ, посвященныхъ любви. Любовь въ представленіи Пушкина—чувство, равно далекое отъ грубой животной чувственности и отъ неестественной идеальности платонизма: оно должно быть изящно во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, и тамъ, гдѣ напряженіе любовной страсти, какъ, напр., въ чувствѣ ревности, достигаетъ стадіи сомнительно человѣчной, муза Пушкина въ лучшихъ своихъ созданіяхъ предпочитаетъ умолкать, ограничиваясь однимъ намекомъ (таково знаменитое „Но если...“ въ стихотвореніи „Ненастный день потухъ“). Любовь, которую поэтъ считаетъ достойной человѣка, не должна кончаться и за гробомъ,—она переживаетъ физическую смерть...

Любопытны отношенія Пушкина къ природѣ. Сама по себѣ, взятая отдѣльно отъ человѣка, она представляется ему мертвой, „равнодушной“, и посвящаемыя ей стихотворенія, поражая превосходной живописью, оставляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ впечатлѣніе нѣкотораго внутренняго холода („Обвалъ“, „Туча“); за то пушкинскіе ландшафты, озаренные присутствіемъ человѣка, согрѣты удивительной сердечностью чувства.

Въ русской литературѣ трудно указать другого писателя, по природѣ своей болѣе жизнерадостнаго, любящаго жизнь и вѣрящаго въ людей; но чѣмъ зрѣлѣе становится поэтъ, тѣмъ примѣтнѣе отуманиваетъ его поэзію облако грусти. Это отнюдь не значитъ однако, что Пушкинъ утрачиваетъ съ годами свой свѣтлый оптимизмъ и превращается въ мизантропа: грусть, проникающая его произведенія, объясняется тѣми давленіями „расейской дѣйствителности“, о которыхъ повѣствуетъ намъ біографія поэта и которыя пропитывали ядомъ горечи его чистую, для любви и радости рожденную, душу. Пушкинъ не только любилъ жизнь, но и до глубины души проникнутъ былъ сознаніемъ важности и серьезности ея значенія; мысль о безплодно и безразсудно потраченныхъ лучшихъ годахъ молодости никогда не покидала его... „Пушкинъ вѣровалъ въ совершенствованіе человѣка и человѣческаго общества, въ прогрессъ и развитіе, — справедливо говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ его критиковъ.—Трагическая развязка всегда исходитъ у него изъ столкновенія высшихъ стадій развитія съ низшими, и хотя *видимо* нерѣдко торжествуютъ низшія, а высшія гибнутъ, но эта гибель искупается возвышеніемъ низшихъ стадій. Жертвы поднимаютъ своихъ губителей, и въ общемъ сумма блага и человѣчности увеличивается“.

Погибъ Пушкинъ на 38 году отъ рожденія, въ полномъ расцвѣтѣ своего геніальнаго таланта. Послѣдній проявился въ немъ очень рано; уже четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ онъ написалъ романсъ, облетѣвшій всю Россію и до сихъ поръ распѣваемый въ народѣ:

Подъ-вечеръ, осенью ненастной,
Въ пустынныхъ дѣва шла мѣстахъ
И тайный плодъ любви несчастной
Держала въ трепетныхъ рукахъ.
Все было тихо, лѣсъ и горы,
Все спало въ сумракѣ ночномъ;
Она внимательные взоры
Водила съ ужасомъ кругомъ.

И на невинномъ семъ твореньи,
Вздохнувъ, остановила ихъ...
„Ты спишь, дитя, мое мученье,
Не знаешь горестей моихъ!
Откроешь очи и, тоскуя,
Ты къ груди не прильнешь моей,
Не встрѣтишь завтра поцѣлуя
Несчастной матери своей!

„Ее манить напрасно будешь!
Мнѣ вѣчный стыдъ—вина моя!
Меня навѣки ты забудешь...
Но не забуду я тебя!
Дадутъ покровъ тебѣ чужіе
И скажутъ: „ты для насъ чужой!“
Ты спросишь: гдѣ мои родные?..
И не найдешь семьи родной.

„Несчастный, будешь грустной думой
Томиться межъ другихъ дѣтей
И до конца съ душой угрюмой
Взирать на ласки матерей.
Повсюду странникъ одинокій,
Всегда судьбу свою кляня,
Услышишь ты упрекъ жестокій...
Прости, прости тогда меня!

„Ты спишь... Позволь себя, несчастный,
Прижать къ груди въ послѣдній разъ.
Законъ неправедный, ужасный
Къ страданью осуждаетъ насъ.
Пока лѣта не отогнали
Невинной радости твоей,
Спи, милый! Горькія печали
Не тронутъ дѣтства тихихъ дней“.

Но вдругъ за рощей освѣтила
Вблизи ей хижину луна.
Блѣдна, трепещуща, уныла,
Къ дверямъ приблизилась она,
Склонилась, тихо положила
Младенца на порогъ чужой;
Со страхомъ очи отвратила—
И скрылась въ темнотѣ ночной.

На двадцать первомъ году жизни Пушкинъ пишетъ „Кавказскаго Плѣника“, поэму, поразившую современниковъ серьезностью своего содержанія,—и слово „великій поэтъ“ пронеслось въ публикѣ... Ожиданія эти блистательно оправдались: одно за другимъ, послѣдовалъ цѣлый рядъ дѣйствительно великихъ поэтическихъ созданій — „Цыганы“, „Борисъ Годуновъ“, „Евгеній Онѣгинъ“, „Полтава“, „Мѣдный Всадникъ“, „Скупой рыцарь“, „Каменный Гость“, „Русалка“, Капитанская дочка“, и эта изумительная творческая плодовитость была прервана лишь безвременной, до сихъ поръ возмущающей душу своею нелѣпостью, смертью поэта на дуэли, отъ пули иностраннаго проходимца...

* * *

Вянетъ, вянетъ лѣто красно,
Улетаютъ ясны дни!
Стелется туманъ ненастный
Ночи въ дремлющей тѣни.
Опустѣли злачны нивы,
Хладенъ ручеекъ игривый,
Лѣсъ кудрявый посѣдѣлъ,
Сводъ небесный поблѣднѣлъ...

. . . .

Скоро, скоро холодъ зимній
Рощу, поле посѣтитъ,
Огонекъ въ лачужкѣ дымной
Скоро ярко заблеститъ!

1816 г.

КЪ П. Я. ЧААДАЕВУ.

Любви, надежды, гордой славы!
Недолго тѣшилъ насъ обманъ:
Исчезли юныя забавы,
Какъ дымъ, какъ утренній туманъ.
Но въ насъ кипятъ еще желанья:
Подъ гнетомъ власти роковой
Нетерпѣливою душой
Отчизны внемлемъ призыванья!
Мы ждемъ, съ томленьемъ упованья,
Минуты вольности святой,
Какъ ждетъ любовникъ молодой
Минуты сладкаго свиданья.
Пока свободою горимъ,
Пока сердца для чести живы,—
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души высокіе порывы.
Товарищъ, вѣрь: взойдетъ она,
Заря плѣнительнаго счастья,
Россія вспрянетъ ото сна
И на обломкахъ самовластья
Напишетъ наши имена.

1818 г.

1819 — 1820.

* * *

Мнѣ васъ не жаль, года весны моей,
Протекшіе въ мечтахъ любви напрасной;
Мнѣ васъ не жаль, о таинства ночей,
Воспѣтыя цѣвницей сладострастной.
Мнѣ васъ не жаль, невѣрные друзья,
Вѣнки пировъ и чаши круговыя,
Мнѣ васъ не жаль, измѣнницы младыя,—
Задумчивый, забавъ чуждаюсь я.
Но гдѣ же вы, минуты умиленья,
Младыхъ надеждъ, сердечной тишины?
Гдѣ прежній жаръ и нѣга вдохновенья?
Придите вновь, года моей весны!

ВОЗРОЖДЕНІЕ.

Художникъ-варваръ кистью сонной
Картину генія чернитъ
И свой рисунокъ беззаконный
Надъ ней безсмысленно чертитъ.
Но краски чуждыя, съ лѣтами,
Спадаютъ ветхой чешуей:

Созданье генія предъ нами
Выходитъ съ прежней красотой.
Такъ исчезаютъ заблужденья
Съ измученной души моей,
И возникають въ ней видѣнья
Первоначальныхъ чистыхъ дней.

ЭЛЕГІЯ.

(Е. Н. РАЕВСКОЙ.)

Увы, зачѣмъ она блистаетъ
Минутной, нѣжной красотой!
Она примѣтно увядаетъ
Во цвѣтѣ юности живой...
Увянетъ! Жизнью молодою
Недолго наслаждаться ей,
Недолго радовать собою
Счастливый кругъ семьи своей,
Безпечной, милой остротою
Бесѣды наши оживлять
И тихой, ясною душою
Страдальца душу услаждать.
Спѣшу въ волненьи думъ тяжелыхъ,
Сокрывъ уныніе мое,
Наслушаться рѣчей веселыхъ
И наглядѣться на нее.
Смотрю на всѣ ея движенья,
Внимаю каждый звукъ рѣчей—
И мигъ единый разлученья
Ужасенъ для души моей!

---

* * *

Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда.
Звѣзда печальная, вечерняя звѣзда!
Твой лучъ осеребрилъ увядшія равнины,
И дремлющій заливъ, и черныхъ скалъ вершины.
Люблю твой слабый свѣтъ въ небесной вышинѣ:
Онъ думы разбудилъ уснувшія во мнѣ.
Я помню твой восходъ, знакомое свѣтило,
Надъ мирною страной, гдѣ все для сердца мило,
Гдѣ стройно тополи въ долинахъ вознеслись,
Гдѣ дремлетъ нѣжный миртъ и темный кипарисъ,
И сладостно шумятъ тавряческія волны.
Тамъ нѣкогда въ горахъ, сердечной думы полный,
Надъ моремъ я влачилъ задумчивую лѣнь,
Когда на хижины сходила ночи тѣнь,
И дѣва юная во мглѣ тебя искала
И именемъ своимъ подругамъ называла.

1821.

КИНЖАЛЪ.

Свободы тайный стражъ, карающій кинжалъ,
Послѣдній судія позора и обиды!
Для рукъ безсмертной Немезиды
Лемносскій богъ тебя сковалъ.
Какъ адскій лучъ, какъ молнія боговъ,
Нѣмое лезвіе злодѣю въ очи блещетъ,
И, озираясь, онъ трепещетъ
Среди своихъ пировъ.
Вездѣ его найдетъ ударъ надежный твой:
На сушѣ, на водахъ, во храмѣ, подъ шатрами,
За потаенными замками,
На ложѣ сна, въ семьѣ родной...
Шумитъ подъ Кесаремъ завѣтный Рубиконъ,
Державный Римъ упалъ, главой поникъ законъ,
Но Брутъ возсталъ вольнолюбивый...
Ты Кесаря сразилъ—и, мертвъ, объемлетъ онъ
Помпея мраморъ горделивый.
Гдѣ Зевса громъ молчитъ, гдѣ дремлетъ меч [закона,]
Свершитель ты проклятій и надеждъ;
Ты кроешься подъ сѣнью трона,
Подъ блескомъ праздничныхъ одеждъ.
Исчадье мятежа подъемлетъ злобный крикъ.
Презрѣнный, мрачный и кровавый,
Надъ трупомъ вольности безглавой
Палачъ уродливый возникъ *).
Апостолъ гибели, усталому Аиду
Перстомъ онъ жертвы назначалъ,
Но высшій судъ ему послалъ
Тебя и дѣву Эвмениду **).
О, юный праведникъ, избранникъ роковой,
О, Зандъ, твой вѣкъ угасъ на плахѣ!
Но добродѣтели святой
Остался гласъ въ казненномъ прахѣ.
Въ твоей Германіи ты вѣчной тѣнью сталъ,
Грозя бѣдой преступной силѣ,
И на торжественной могилѣ
Горитъ безъ надписи кинжалъ.

ИЗЪ ПОСЛАНІЯ КЪ ЧААДАЕВУ.

Врагу стѣснительныхъ условій и оковъ,
Нетрудно было мнѣ отвыкнуть отъ пировъ,
Гдѣ праздный умъ блеститъ, тогда какъ сер[дце дремлетъ]
И правду пылкую приличій хладъ объемлетъ.
Оставя шумный кругъ безумцевъ молодыхъ,
Въ изгнаніи моемъ я не жалѣлъ о нихъ;

*) Маратъ.
**) Шарлотта Кордэ.

Вздохнувъ, оставилъ я другія заблужденья,
Враговъ моихъ предáлъ проклятію забвенья
И, сѣти разорвавъ, гдѣ бился я въ плѣну,
Для сердца новую вкушаю тишину.
Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій трудъ, и жажду размышленій;
Владѣю днемъ моимъ, съ порядкомъ друженъ умъ,
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ,
Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ.
Богини мира, вновь явились музы мнѣ
И независимымъ досугамъ улыбнулись;
Цѣвницы брошенной уста мои коснулись,
Старинный звукъ меня обрадовалъ—и вновь
Пою мои мечты, природу и любовь.

МУЗА.

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила
И семиствольную цѣвницу мнѣ вручила;
Она внимала мнѣ съ улыбкой, и слегка
По звонкимъ скважинамъ пустого тростника
Уже наигрывалъ я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И пѣсни мирныя фригійскихъ пастуховъ.
Съ утра до вечера въ нѣмой тѣни дубовъ
Прилежно я внималъ урокамъ дѣвы тайной;
И, радуя меня наградою случайной,
Откинувъ локоны отъ милаго чела,
Сама изъ рукъ моихъ свирѣль она брала:
Тростникъ былъ оживленъ божественнымъ ды-
[ханьемъ
И сердце наполнялъ святымъ очарованьемъ.

---

* * *

Наперсница волшебной старины,
Другъ вымысловъ игривыхъ и печальныхъ—
Тебя я зналъ во дни моей весны,
Во дни утѣхъ и сновъ первоначальныхъ!
Я ждалъ тебя. Въ вечерней тишинѣ
Являлась ты веселою старушкой
И надо мной сидѣла въ шушунѣ,
Въ большихъ очкахъ и съ рѣзвою гремушкой.
Ты, дѣтскую качая колыбель,
Мой юный слухъ напѣвами плѣнила
И межъ пеленъ оставила свирѣль,
Которую сама заворожила!
Младенчество прошло, какъ легкій сонъ;
Ты отрока безпечнаго любила—
Средь важныхъ музъ тебя лишь помнилъ онъ,
И ты его тихонько посѣтила.
Но тотъ ли былъ твой образъ, твой уборъ?
Какъ мило ты, какъ быстро измѣнилась!
Какимъ огнемъ улыбка оживилась!
Какимъ огнемъ блеснулъ привѣтный взоръ!
Покровъ, клубясь волною непослушной,
Чуть осѣнялъ твой станъ полувоздушный;
Вся въ локонахъ, обвитая вѣнкомъ,
Прелестная глава благоухала;
Грудь бѣлая подъ желтымъ жемчугóмъ
Румянилась и тихо трепетала...

НАПОЛЕОНЪ.

Чудесный жребій совершился:
Угасъ великій человѣкъ,
Въ неволѣ мрачной закатился
Наполеона грозный вѣкъ.
Исчезъ властитель осужденный,
Могучій баловень побѣдъ,
И для изгнанника вселенной
Уже потомство настаетъ.

О ты, чьей памятью кровавой
Міръ долго, долго будетъ полнъ,
Пріосѣненъ твоею славой,
Почій среди пустынныхъ волнъ!
Великолѣпная могила...
Надъ урной, гдѣ твой прахъ лежитъ,
Народовъ ненависть почила,
И лучъ безсмертія горитъ.

Давно-ль орлы твои летали
Надъ обезславленной землей?
Давно ли царства упадали
При громахъ силы роковой?
Послушны волѣ своенравной,
Бѣдой шумѣли знамена́,
И налагалъ яремъ державный
Ты на земныя племена.

Когда, надеждой озаренный,
Отъ рабства пробудился міръ,
И галлъ десницей разъяренной
Низвергнулъ ветхій свой кумиръ;
Когда на площади мятежной
Во прахѣ царскій трупъ лежалъ,
И день великій, неизбѣжный,
Свободы яркій день вставалъ;

Тогда, въ волненьи бурь народныхъ,
Предвидя чудный свой удѣлъ,
Въ его надеждахъ благородныхъ
Ты человѣчество презрѣлъ.
Въ свое погибельное счастье

Ты дерзкой вѣровалъ душой;
Тебя плѣняло самовластье
Разочарованной красой.

И обновленнаго народа
Ты буйность юную смирилъ;
Новорожденная свобода,
Вдругъ онѣмѣвъ, лишилась силъ.
Среди рабовъ до упоенья
Ты жажду власти утолилъ,
Помчалъ къ боямъ ихъ ополченья,
Ихъ цѣпи лаврами обвилъ.

И Франція, добыча славы,
Плѣненный устремила взоръ,
Забывъ надежды величавы,
На свой блистательный позоръ.
Ты велъ мечи на пиръ обильный;
Все пало съ шумомъ предъ тобой!
Европа гибла; сонъ могильный
Носился надъ ея главой.
. . . .

Надменный, кто тебя подвигнулъ?
Кто обуялъ твой дивный умъ?
Какъ сердца русскихъ не постигнулъ
Ты съ высоты отважныхъ думъ?
Великодушнаго пожара
Не предузнавъ, ужъ ты мечталъ,
Что мира вновь мы ждемъ, какъ дара;
Но поздно русскихъ разгадалъ. .
. . . .

Оцѣпенѣлыми руками
Схвативъ желѣзный свой вѣнецъ,
Онъ бездну видитъ предъ очами,
Онъ гибнетъ, гибнетъ наконецъ.
Бѣжатъ Европы ополченья;
Окровавлённые снѣга
Провозгласили ихъ паденье,
И таетъ съ ними слѣдъ врага.

И все, какъ буря, закипѣло:
Европа свой расторгла плѣнъ;
Вослѣдъ тирану полетѣло,
Какъ громъ, проклятіе племенъ!
И длань народной Немезиды
Подъяту видитъ великанъ—
И до послѣдней всѣ обиды
Отплачены тебѣ, тиранъ!

Искуплены его стяжанья
И зло воинственныхъ чудесъ
Тоскою душнаго изгнанья
Подъ сѣнью чуждою небесъ.

И знойный островъ заточенья
Полнощный парусъ посѣтитъ,
И путникъ слово примиренья
На ономъ камнѣ начертитъ,

Гдѣ, устремивъ на волны очи,
Изгнанникъ помнилъ звукъ мечей,
И льдистый ужасъ полуночи
И небо Франціи своей;
Гдѣ иногда, въ своей пустынѣ
Забывъ войну, потомство, тронъ,
Одинъ, одинъ, о миломъ сынѣ
Въ уныньи горькомъ думалъ онъ.

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его развѣнчанную тѣнь!
Хвала!.. Онъ русскому народу
Высокій жребій указалъ
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ.

1822.

УЗНИКЪ.

Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой.
Вскормлённый на волѣ орелъ молодой,
Мой грустный товарищъ, махая крыломъ,
Кровавую пищу клюетъ подъ окномъ.

Клюетъ и бросаетъ, и смотритъ въ окно,
Какъ будто со мною задумалъ одно;
Зоветъ меня взглядомъ и крикомъ своимъ,
И вымолвить хочетъ: „давай, улетимъ!

„Мы вольныя птицы; пора, братъ, пора!
Туда, гдѣ за тучей бѣлѣетъ гора,
Туда, гдѣ синѣютъ морскіе края,
Туда, гдѣ гуляемъ... лишь вѣтеръ да я!..“

ПТИЧКА.

Въ чужбинѣ свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При свѣтломъ праздникѣ весны.
Я сталъ доступенъ утѣшенью:
За что на Бога мнѣ роптать,
Когда хоть одному творенью
Я могъ свободу даровать?

---

* * *

Кто, волны, васъ остановилъ,
Кто оковалъ вашъ бѣгъ могучій,
Кто въ прудъ безмолвный и дремучій
Потокъ мятежный обратилъ?
Вы, бури, вѣтры, взройте воды,
Разрушьте гибельный оплотъ!
Гдѣ ты, гроза? Символъ свободы,
Промчись поверхъ невольныхъ водъ!

——

ПѢСНЬ О ВѢЩЕМЪ ОЛЕГѢ.

Какъ нынѣ сбирается вѣщій Олегъ
Отмстить неразумнымъ хозарамъ:
Ихъ села и нивы, за буйный набѣгъ,
Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ.
Съ дружиной своей, въ цареградской бронѣ,
Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.

Изъ темнаго лѣса, на встрѣчу ему,
Идетъ вдохновенный кудесникъ,
Покорный Перуну старикъ одному,
Завѣтовъ грядущаго вѣстникъ,
Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведшій весь вѣкъ.
И къ мудрому старцу подъѣхалъ Олегъ.

— Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
Что сбудется въ жизни со мною?
И скоро-ль, на радость сосѣдей-враговъ,
Могильной засыплюсь землею?
Открой мнѣ всю правду, не бойся меня:
Въ награду любого возьмешь ты коня.—

„Волхвы не боятся могучихъ владыкъ,
А княжескій даръ имъ не нуженъ;
Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ
И съ волей небесною друженъ.
Грядущіе годы таятся во мглѣ;
Но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ.

„Запомни же нынѣ ты слово мое:
Воителю слава—отрада;
Побѣдой прославлено имя твое;
Твой щитъ на вратахъ Цареграда:
И волны, и суша покорны тебѣ;
Завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ.

„И синяго моря обманчивый валъ
Въ часы роковой непогоды,
И пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ
Щадятъ побѣдителя годы...
Подъ грозной бронёй ты не вѣдаешь ранъ:
Незримый хранитель могущему данъ.

„Твой конь не боится опасныхъ трудовъ:
Онъ, чуя господскую волю,
То смирный стоитъ подъ стрѣлами враговъ,
То мчится по бранному полю.
И холодъ, и сѣча ему ничего,
Но примешь ты смерть отъ коня своего".

Олегъ усмѣхнулся; однако чело
И взоръ омрачилися думой.
Въ молчаньи, рукой оперши́сь на сѣдло,
Съ коня онъ слѣзаетъ, угрюмый;
И вѣрнаго друга прощальной рукой
И гладитъ, и треплетъ по шеѣ крутой.

„Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга,
Разстаться настало намъ время:
Теперь отдыхай; ужъ не ступитъ нога
Въ твое позлащенное стремя.
Прощай, утѣшайся, да помни меня.
Вы, отроки-други, возьмите коня!

„Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ,
Въ мой лугъ подъ уздцы отведите;
Купайте, кормите отборнымъ зерномъ,
Водой ключевою поите".
И отроки тотчасъ съ конемъ отошли,
А князю другого коня подвели.

Пируетъ съ дружиною вѣщій Олегъ
При звонѣ веселомъ стакана.
И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ
Надъ славной главою кургана...
Они поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

„А гдѣ мой товарищъ, промолвилъ Олегъ:
Скажите, гдѣ конь мой ретивый?
Здоровъ ли? Все также-ль легóкъ его бѣгъ?
Все тотъ же-ль онъ, бурный, игривый?"
И внемлетъ отвѣту: на хóлмѣ крутомъ
Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ.

Могучій Олегъ головою поникъ
И думаетъ: „что же гаданье?
Кудесникъ, ты лживый, безумный старикъ!
Презрѣть бы твое предсказанье!
Мой конь и донынѣ носилъ бы меня."
И хочетъ увидѣть онъ кости коня.

Во[illegible] ѣдетъ могучій Олегъ со двора,
Съ нимъ Игорь и старые гости,
И видятъ—на хóлмѣ, у брега Днѣпра,
Лежатъ благородныя кости;
Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль,
И вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль.

Князь тихо на черепъ коня наступилъ .
И молвилъ: „спи, другъ одинокій!
Твой старый хозяинъ тебя пережилъ:
На тризнѣ, уже недалекой,
Не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прахъ напоишь!

„Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя!
Мнѣ смертію кость угрожала!“
Изъ мертвой главы гробовая змѣя,
Шипя, между тѣмъ выползала;
Какъ черная лента вкругъ ногъ обвилась—
И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые, запѣнясь, шипятъ
На тризнѣ плачевной Олега:
Князь Игорь и Ольга на хóлмѣ сидятъ,
Дружина пируетъ у брега;
Бойцы поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

———

1823.

ЭЛЕГІЯ.

Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты,
Моей любви безумное волненье?
Ты мнѣ вѣрна: зачѣмъ же любишь ты
Всегда пугать мое воображенье?
Окружена поклонниковъ толпой,
Зачѣмъ для всѣхъ казаться хочешь милой,
И всѣхъ дарить надеждою пустой
Твой чудный взоръ, то нѣжный, то унылый?
Мной овладѣвъ, мой разумъ омрачивъ,
Увѣрена въ любви моей несчастной,
Не видишь ты, когда въ толпѣ ихъ страстной,
Бесѣды чуждъ, одинъ и молчаливъ,
Терзаюсь я досадой одинокой;
Ни слова мнѣ, ни взгляда... другъ жестокій!
Хочу-ль бѣжать—съ боязнью и мольбой
Твои глаза не слѣдуютъ за мной.
Заводитъ ли красавица другая
Двусмысленный со мною разговоръ,—
Спокойна ты; веселый твой укоръ
Меня мертвитъ, любви не выражая.
Скажи еще: соперникъ вѣчный мой,
Наединѣ заставъ меня съ тобой,
Зачѣмъ тебя привѣтствуетъ лукаво?..
Что-жъ онъ тебѣ? Скажи, какое право
Имѣетъ онъ блѣднѣть и ревновать?..
Въ нескромный часъ межъ вечера и свѣта,
Безъ матери, одна, полуодѣта,
Зачѣмъ его должна ты принимать?
Но я любимъ!.. Наединѣ со мною
Ты такъ нѣжна! Лобзанія твои
Такъ пламенны! Слова твоей любви
Такъ искренно полны твоей душою!
Тебѣ смѣшны мученія мои,
Но я любимъ, тебя я понимаю.
Мой милый другъ, не мучь меня, молю:
Не знаешь ты, какъ сильно я люблю,
Не знаешь ты, какъ тяжко я страдаю!

———

* * *

Ненастный день потухъ, ненастной ночи мгла
По небу стелется одеждою свинцовой;
Какъ привидѣніе, за рощею сосновой
Луна туманная взошла...
Все мрачную тоску на душу мнѣ наводитъ.
Далёко, тамъ, луна въ сіяніи восходитъ;
Тамъ воздухъ напоенъ вечерней теплотой;
Тамъ море движется роскошной пеленой
Подъ голубыми небесами...
Вотъ время: по горѣ теперь идетъ она
Къ брегамъ, потопленнымъ шумящими волнами;
Тамъ, подъ завѣтными скалами,
Теперь она сидитъ, печальна и одна...
Одна... Никто предъ ней не плачетъ, не тоскуетъ;
Никто ея колѣнъ въ забвеньи не цѣлуетъ;
Одна... ничьимъ устамъ она не предаетъ
Ни плечъ, ни влажныхъ устъ, ни персей бѣлоснѣжныхъ.
. . . .
Никто ея любви небесной не достоинъ.
Не правда-ль: ты одна?.. ты плачешь?.. Я спокоенъ!
. . . .
Но если . . . .

———

ДЕМОНЪ.

Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы
Всѣ впечатлѣнья бытія—
И взоры дѣвъ, и шумъ дубровы,
И ночью пѣнье соловья;
Когда возвышенныя чувства,
Свобода, слава и любовь,
И вдохновенныя искусства
Такъ сильно волновали кровь:
Часы надеждъ и наслажденій
Тоской внезапной осѣня,
Тогда какой-то злобный геній
Сталъ тайно навѣщать меня.
Печальны были наши встрѣчи:
Его улыбка, чудный взглядъ,
Его язвительныя рѣчи

Вливали въ душу хладный ядъ.
Неистощимой клеветою
Онъ провидѣнье искушалъ;
Онъ звалъ прекрасное мечтою,
Онъ вдохновенье презиралъ;
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ,
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ—
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.

---

* * *

Свободы сѣятель пустынный,
Я вышелъ рано, до звѣзды;
Рукою чистой и безвинной
Въ порабощенныя бразды
Бросалъ живительное сѣмя;
Но потерялъ я только время,
Благіе мысли и труды...
Паситесь, мирные народы,
Васъ не пробудитъ чести кличъ!
Къ чему стадамъ дары свободы?
Ихъ должно рѣзать или стричь;
Наслѣдство ихъ изъ рода въ роды—
Ярмо съ гремушками да бичъ.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Что въ имени тебѣ моемъ?
Оно умретъ, какъ шумъ печальный
Волны, плеснувшей въ берегъ дальный,
Какъ звукъ ночной въ лѣсу глухомъ.
Оно на памятномъ листкѣ
Оставитъ мертвый слѣдъ, подобный
Узору надписи надгробной
На непонятномъ языкѣ.
Что въ немъ? Забытое давно
Въ волненьяхъ новыхъ и мятежныхъ,
Твоей душѣ не дастъ оно
Воспоминаній чистыхъ, нѣжныхъ...
Но въ день печали, въ тишинѣ,
Произнеси его, тоскуя,
Скажи: есть память обо мнѣ,
Есть въ мірѣ сердце, гдѣ живу я

1824.

* * *

[изъ „цыганъ".]

Птичка Божія не знаетъ
Ни заботы, ни труда;
Хлопотливо не свиваетъ
Долговѣчнаго гнѣзда;
Въ долгу ночь на вѣткѣ дремлетъ...
Солнце красное взойдетъ—
Птичка гласу Бога внемлетъ,
Встрепенется и поетъ.
За весной, красой природы,
Лѣто знойное пройдетъ—
И туманъ, и непогоды
Осень поздняя несетъ.
Людямъ скучно, людямъ горе...
Птичка въ дальнія страны,
Въ теплый край, за сине море,
Улетаетъ до весны..

ПИСЬМО ТАТЬЯНЫ КЪ ОНѢГИНУ.

Я вамъ пишу,—чего же болѣ,
Что вамъ могу еще сказать?
Теперь, я знаю, въ вашей волѣ
Меня презрѣньемъ наказать.
Но вы, къ моей несчастной долѣ
Хоть каплю жалости храня,
Вы не оставите меня.
Сначала я молчать хотѣла;
Повѣрьте: моего стыда
Вы не узнали-бъ никогда,
Когда-бъ надежду я имѣла
Хоть рѣдко, хоть въ недѣлю разъ,
Въ деревнѣ нашей видѣть васъ,
Чтобъ только слышать ваши рѣчи,
Вамъ слово молвить и потомъ
Все думать, думать объ одномъ
И день, и ночь до новой встрѣчи.
Но говорятъ, вы нелюдимъ;
Въ глуши, въ деревнѣ, все вамъ скучно;
А мы... ничѣмъ мы не блестимъ,
Хоть вамъ и рады простодушно.
Зачѣмъ вы посѣтили насъ?
Въ глуши забытаго селенья
Я никогда не знала-бъ васъ,
Не знала-бъ горькаго мученья.
Души неопытной волненья
Смиривъ со временемъ, (какъ знать?)
По сердцу я нашла бы друга,
Была бы вѣрная супруга
И добродѣтельная мать.
Другой!.. Нѣтъ, никому на свѣтѣ
Не отдала бы сердца я!
То въ вышнемъ суждено совѣтѣ..
То воля Неба: я твоя;
Вся жизнь моя была залогомъ
Свиданья вѣрнаго съ тобой;
Я знаю, ты мнѣ посланъ Богомъ,

До гроба ты хранитель мой...
Ты въ сновидѣньяхъ мнѣ являлся;
Незримый, ты мнѣ былъ ужъ милъ,
Твой чудный взглядъ меня томилъ,
Въ душѣ твой голосъ раздавался
Давно... Нѣтъ, это былъ не сонъ!
Ты чуть вошелъ, я вмигъ узнала,
Вся обомлѣла, запылала
И въ мысляхъ молвила: вотъ онъ!
Не правда-ль? я тебя слыхала:
Ты говорилъ со мной въ тиши,
Когда я бѣднымъ помогала,
Или молитвой услаждала
Тоску волнуемой души?
И въ это самое мгновенье
Не ты ли, милое видѣнье,
Въ прозрачной темнотѣ мелькнулъ,
Приникнулъ тихо къ изголовью?
Не ты-ль съ отрадой и любовью
Слова надежды мнѣ шепнулъ?
Кто ты: мой ангелъ ли хранитель,
Или коварный искуситель?
Мои сомнѣнья разрѣши.
Быть можетъ, это все пустое,
Обманъ неопытной души!
И суждено совсѣмъ иное...
Но такъ и быть! Судьбу мою
Отнынѣ я тебѣ вручаю,
Передъ тобою слезы лью,
Твоей защиты умоляю...
Вообрази: я здѣсь одна,
Никто меня не понимаетъ;
Разсудокъ мой изнемогаетъ;
И молча гибнуть я должна.
Я жду тебя: единымъ взоромъ
Надежды сердца оживи,
Иль сонъ тяжелый перерви,
Увы, заслуженнымъ укоромъ!
Кончаю, страшно перечесть...
Стыдомъ и страхомъ замираю...
Но мнѣ порукой ваша честь,
И смѣло ей себя ввѣряю...

ИЗЪ „ПОДРАЖАНІЙ КОРАНУ.“

...И путникъ усталый на Бога ропталъ,
Онъ жаждой томился и тѣни алкалъ,
Въ пустынѣ блуждая три дня и три ночи!
И зноемъ, и пылью тягчимыя очи
Съ тоской безнадежной водилъ онъ вокругъ...
И кладезь подъ пальмою видитъ онъ вдругъ.
И къ пальмѣ пустынной онъ бѣгъ устремилъ
И жадно холодной струей освѣжилъ
Горѣвшіе тяжко языкъ и зѣницы;
И легъ, и заснулъ онъ близъ вѣрной ослицы —
И многіе годы надъ нимъ протекли,
По волѣ владыки небесъ и земли.
Насталъ пробужденья для путника часъ;
Встаетъ онъ и слышитъ невѣдомый гласъ:
„Давно ли въ пустынѣ заснулъ ты глубоко?“
И онъ отвѣчаетъ: „ужъ солнце высоко
На утреннемъ небѣ сіяло вчера—
Съ утра я глубоко проспалъ до утра.“
Но голосъ: „о путникъ, ты долѣе спалъ,
Взгляни: легъ ты молодъ, а старцемъ возсталъ,
Ужъ пальма истлѣла, а кладезь холодный
Изсякъ и засохнулъ въ пустынѣ безводной,
Давно занесенный песками степей,
И кости бѣлѣютъ ослицы твоей.“
И, горемъ объятый, мгновенный старикъ,
Рыдая, дрожащей главою поникъ...
И чудо въ пустынѣ тогда совершилось:
Минувшее въ новой красѣ оживилось,
Вновь зыблется пальма тѣнистой главой,
Вновь кладезь наполненъ прохладой и мглой...
И ветхія кости ослицы встаютъ
И тѣломъ одѣлись, и ревъ издаютъ;
И чувствуетъ путникъ и силу, и радость,
Въ крови заиграла воскресшая младость,
Святые восторги наполнили грудь,—
И съ Богомъ онъ далѣ пускается въ путь.

ЮНОСТЬ.

(изъ „разговора книгопродавца съ поэтомъ“.)

...Тамъ слаще голосъ мой звучалъ.
Тамъ долѣ яркія видѣнья,
Съ неизъяснимою красой,
Вились, летали надо мной
Въ часы ночного вдохновенья.
Все волновало нѣжный умъ:
Цвѣтущій лугъ, луны блистанье,
Въ часовнѣ ветхой бури шумъ,
Старушки чудное преданье.
Какой-то демонъ обладалъ
Моими играми, досугомъ,—
За мной повсюду онъ леталъ,
Мнѣ звуки дивные шепталъ
И тяжкимъ, пламеннымъ недугомъ
Была полна моя глава,—
Въ ней грезы чудныя рождались,
Въ размѣры стройные стекались
Мои послушныя слова
И звонкой риѳмой замыкались.
Въ гармоніи соперникъ мой
Былъ шумъ лѣсовъ, иль вихорь буйный
Иль иволги напѣвъ живой,

Иль ночью моря гулъ глухой,
Иль шопотъ рѣчки тихоструйной.

КЪ МОРЮ.

Прощай, свободная стихія!
ь послѣдній разъ передо мной
катишь волны голубыя
блещешь гордою красой.
Какъ друга ропотъ заунывный,
къ зовъ его въ прощальный часъ,
ой грустный шумъ, твой шумъ призывный
лышалъ я въ послѣдній разъ.
Моей души предѣлъ желанный!
къ часто по брегамъ твоимъ
одилъ я тихій и туманный,
вѣтнымъ умысломъ томимъ.
Какъ я любилъ твои отзывы,
хіе звуки, бездны гласъ,
тишину въ вечерній часъ,
своенравные порывы.
Смиренный парусъ рыбарей,
ею прихотью хранимый,
льзитъ отважно средь зыбей,
ты взыгралъ, неодолимый,—
тая тонетъ кораблей!
Не удалось навѣкъ оставить
скучный, неподвижный брегъ,
восторгами поздравить
о хребтамъ твоимъ направить
поэтическій побѣгъ.
Ты ждалъ, ты звалъ... я былъ окованъ,
ще рвалась душа моя:
учей страстью очарованъ,
ереговъ остался я.
О чемъ жалѣть? Куда бы нынѣ
уть безпечный устремилъ?
нъ предметъ въ твоей пустынѣ
о бы душу поразилъ,
Одна скала, гробница славы...
ь погружались въ хладный сонъ
оминанья величавы:
ь угасалъ Наполеонъ.
амъ онъ почилъ среди мученій...
слѣдъ за нимъ, какъ бури шумъ,
гой отъ насъ умчался геній,
гой властитель нашихъ думъ.
Исчезъ, оплаканный свободой,
вя міру свой вѣнецъ...
и, взволнуйся непогодой,—
былъ, о море, твой пѣвецъ.
вой образъ былъ на немъ означенъ,
духомъ созданъ былъ твоимъ—
Какъ ты, могущъ, глубокъ и мраченъ,
Какъ ты, ничѣмъ неукротимъ.
Міръ опустѣлъ... Теперь куда же
Меня-бъ ты вынесъ, океанъ?
Судьба людей повсюду та же:
Гдѣ капля блага, тамъ на стражѣ
Иль самовластье, иль тиранъ.
Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красы
И долго, долго слышать буду
Твой гулъ въ вечерніе часы.
Въ лѣса, въ пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полнъ,
Твои скалы, твои заливы,
И блескъ, и тѣнь и говоръ волнъ.

1825.

* * *

Только что на проталинахъ весеннихъ
Показались ранніе цвѣточки,
Какъ изъ царства воскового,
Изъ душистой келейки медовой
Вылетаетъ первая пчелка.
Полетѣла по раннимъ цвѣточкамъ
О красной веснѣ развѣдать:
Скоро-ль будетъ гостья дорогая,
Скоро ли луга зазеленѣютъ,
Распустятся клейкіе листочки,
Зацвѣтетъ черемуха душиста?..

И. И. КОЗЛОВУ.

(по полученіи отъ него „Чернеца“).

Пѣвецъ, когда передъ тобой
Во мглѣ сокрылся міръ земной,
Мгновенно твой проснулся геній,
На все минувшее воззрѣлъ—
И въ хорѣ свѣтлыхъ привидѣній
Онъ пѣсни дивныя запѣлъ.
О милый братъ, какіе звуки!
Въ слезахъ восторга внемлю имъ:
Чудеснымъ пѣніемъ своимъ
Онъ усыпилъ земныя муки.
Тебѣ онъ создалъ новый міръ:
Ты въ немъ и видишь, и летаешь,
И вновь живешь, и обнимаешь
Разбитый юности кумиръ.
А я, коль стихъ единый мой
Тебѣ мгновенье далъ отрады,
Я не хочу другой награды:
Недаромъ темною стезей

Я проходилъ пустыню міра,—
О нѣтъ, недаромъ жизнь и лира
Мнѣ были ввѣрены судьбой!

ОСЕНЬ.

(изъ „Евгенія Онѣгина".)

Ужъ небо осенью дышало,
Ужъ рѣже солнышко блистало,
Короче становился день,
Лѣсовъ таинственная сѣнь
Съ печальнымъ шумомъ обнажалась,
Ложился на поля туманъ,
Гусей крикливыхъ караванъ
Тянулся къ югу: приближалась
Довольно скучная пора—
Стоялъ ноябрь ужъ у двора.
Встаетъ заря во мглѣ холодной;
На нивахъ шумъ работъ умолкъ;
Съ своей волчихою голодной
Выходитъ на дорогу волкъ.
Его почуя, конь дорожный
Храпитъ,—и путникъ осторожный
Несется въ гору во весь духъ;
На утренней зарѣ пастухъ
Не гонитъ ужъ коровъ изъ хлѣва,
И въ часъ полуденный въ кружокъ
Ихъ не зоветъ его рожокъ;
Въ избушкѣ, распѣвая, дѣва
Прядетъ—и, зимнихъ другъ ночей,
Трещитъ лучина передъ ней!

ЗИМА.

(изъ „Евгенія Онѣгина").

Въ тотъ годъ осенняя погода
Стояла долго на дворѣ.
Зимы ждала—ждала природа,—
Снѣгъ выпалъ только въ январѣ,
На третье въ ночь. Проснувшись рано,
Въ окно увидѣла Татьяна
По-утру побѣлѣвшій дворъ,
Куртины, кровли и заборъ,
На стеклахъ легкіе узоры,
Деревья въ зимнемъ серебрѣ,
Сорокъ веселыхъ на дворѣ
И мягко устланныя горы
Зимы блистательнымъ ковромъ.
Все ярко, все бѣло кругомъ.
Зима... Крестьянинъ, торжествуя,
На дровняхъ обновляетъ путь;
Его лошадка, снѣгъ почуя,
Плетется рысью, какъ-нибудь;
Бразды пушистыя взрывая,
Летитъ кибитка удалая;
Ямщикъ сидитъ на облучкѣ
Въ тулупѣ, въ красномъ кушакѣ.
Вотъ бѣгаетъ дворовый мальчикъ,
Въ салазки жучку посадивъ,
Себя въ коня преобразивъ;
Шалунъ ужъ заморозилъ пальчикъ,
Ему и больно, и смѣшно,
А мать грозитъ ему въ окно...

---

* * *

Стрекотунья бѣлобока,
Подъ калиткою моей
Скачетъ пестрая сорока
И пророчитъ мнѣ гостей.
Колокольчикъ небывалый
У меня звенитъ въ ушахъ...
Лучъ зари сіяетъ алый...
Серебрится снѣжный прахъ...

КЪ А. П. КЕРНЪ.

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.
Въ томленьяхъ грусти безнадежной,
Въ тревогахъ шумной суеты,
Звучалъ мнѣ долго голосъ нѣжный
И снились милыя черты.
Шли годы. Бурь порывъ мятежный
Разсѣялъ прежнія мечты,
И я забылъ твой голосъ нѣжный,
Твои небесныя черты.
Въ глуши, во мракѣ заточенья,
Тянулись тихо дни мои
Безъ божества, безъ вдохновенья,
Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви.
Душѣ настало пробужденье,
И вотъ опять явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.
И сердце бьется въ упоеньи,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

---

* * *

[ЕВПР. НИКОЛ. ВУЛЬФЪ.]

Если жизнь тебя обманетъ,
Не печалься, не сердись!
Въ день унынія смирись:
День веселья, вѣрь, настанетъ.
Сердце въ будущемъ живетъ,
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдетъ,—
Что пройдетъ, то будетъ мило.

ЛѢТОПИСЕЦЪ.

изъ „БОРИСА ГОДУНОВА."]

Еще одно послѣднее сказанье—
И лѣтопись окончена моя.
Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
Мнѣ, грѣшному. Недаромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
И книжному искусству вразумилъ:
Когда-нибудь монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный, безыменный;
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду
И, пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
Правдивыя сказанья перепишетъ.
Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ царей великихъ поминаютъ
За ихъ труды, за славу, за добро,
А за грѣхи, за темныя дѣянья
Спасителя смиренно умоляютъ.
На старости я сызнова живу;
Минувшее проходитъ предо мною...
Давно-ль оно неслось, событій полно,
Волнуяся, какъ море-окіянъ?
Теперь оно безмолвно и спокойно:
Не много лицъ мнѣ память сохранила,
Не много словъ доходитъ до меня,
А прочее погибло безвозвратно!..
Но близокъ день, лампада догораетъ—
Еще одно послѣднее сказанье.

АНДРЕЙ ШЕНЬЕ.

Межъ тѣмъ, какъ изумленный міръ
На урну Байрона взираетъ,
И хору европейскихъ лиръ
Близъ Данте тѣнь его внимаетъ,
Зоветъ меня другая тѣнь,
Давно безъ пѣсенъ, безъ рыданій
Съ кровавой плахи, въ дни страданій
Сошедшая въ могильну сѣнь.
Пѣвцу любви, дубравъ и мира,
Пѣвцу возвышенной мечты
Звучитъ незнаемая лира,—
Несу надгробные цвѣты.
Подъялась вновь усталая сѣкира
И жертву новую зоветъ.
Пѣвецъ готовъ; задумчивая лира
Въ послѣдній разъ ему поетъ.
Заутра казнь—привычный пиръ народу;
Но лира юнаго пѣвца
О чемъ поетъ? Поетъ она свободу—
Не измѣнилась до конца!

„Привѣтствую тебя, мое свѣтило!
Я славилъ твой небесный ликъ.
Когда онъ искрою возникъ,
Когда ты въ бурѣ восходило;
Я славилъ твой священный громъ,
Когда онъ разметалъ позорную твердыню
И власти древнюю гордыню
Разсѣялъ пепломъ и стыдомъ;
Я зрѣлъ твоихъ сыновъ гражданскую отвагу,
Я слышалъ братскій ихъ обѣтъ,
Великодушную присягу
И самовластію безтрепетный отвѣтъ;
Я зрѣлъ, какъ ихъ могучи волны
Все ниспровергли, увлекли,
И пламенный трибунъ предрекъ, восторга полный,
Перерожденіе земли.
Уже въ безсмертный пантеонъ
Святыхъ изгнанниковъ входили славны тѣни;
Отъ пелены предубѣжденій
Разоблачался ветхій тронъ;
Оковы падали. Законъ,
На вольность опершись, провозгласилъ равенство,
И мы воскликнули: блаженство!..
„О горе! о безумный сонъ!
Гдѣ вольность и законъ? Надъ нами
Единый властвуетъ топоръ.
Мы свергнули царей? Убійцу съ палачами
Избрали мы въ цари! О ужасъ, о позоръ!..
Но ты, священная свобода,
Богиня чистая! Нѣтъ, не виновна ты:
Въ порывахъ буйной слѣпоты,
Въ презрѣнномъ бѣшенствѣ народа—
Сокрылась ты отъ насъ. Цѣлебный твой сосудъ
Завѣшенъ пеленой кровавой...
Но ты придешь опять со мщеніемъ и славой—
И вновь твои враги падутъ.
Народъ, вкусившій разъ твой нектаръ освященный,
Все ищетъ вновь упиться имъ;
Какъ будто Вакхомъ разъяренный,
Онъ бредитъ, жаждою томимъ...
Такъ! онъ найдетъ тебя. Подъ сѣнію равенства

Въ объятіяхъ твоихъ онъ сладко отдохнетъ,
И буря мрачная минетъ...

„Но я не узрю васъ, дни славы, дни блаженства:
Я плахѣ обреченъ. Послѣдніе часы
Влачу. Заутра казнь. Торжественной рукою
Палачъ мою главу подыметъ за власы
Надъ равнодушною толпою.
Простите, о друзья!
. . . .
Но если обо мнѣ
Священно вамъ воспоминанье,
Исполните мое послѣднее желанье:
Оплачьте, милые, мой жребій въ тишинѣ;
Страшитесь возбудить слезами подозрѣнье:
Въ нашъ вѣкъ, вы знаете, и слезы преступленье,
О братѣ сожалѣть не смѣетъ нынѣ братъ.
. . . .
„Куда, куда завлекъ меня враждебный геній?
Рожденный для любви, для мирныхъ искушеній,
Зачѣмъ я покидалъ безвѣстной жизни сѣнь,
Свободу, и друзей и сладостную лѣнь?
Судьба лелѣяла мою златую младость,
Безпечною рукой меня вѣнчала радость,
И муза чистая дѣлила мой досугъ.
На шумныхъ вечерахъ друзей любимый другъ,
Я сладко оглашалъ и смѣхомъ, и стихами
Сѣнь, охраненную домашними богами.
. . . .
Зачѣмъ отъ жизни сей, лѣнивой и простой,
Я кинулся туда, гдѣ ужасъ роковой,
Гдѣ страсти дикія, гдѣ буйные невѣжды,
И злоба и корысть! Куда, мои надежды,
Вы завлекли меня! Что дѣлать было мнѣ,
Мнѣ, вѣрному любви, стихамъ и тишинѣ,
На низкомъ поприщѣ съ презрѣнными бойцами?
Мнѣ-ль было управлять строптивыми конями
И круто напрягать безсильныя бразды?
И что-жъ оставлю я? Забытые слѣды
Безумной ревности и дерзости ничтожной!
Погибни, голосъ мой, и ты, о призракъ ложный,
Ты, слово, звукъ пустой...

„О, нѣтъ!
Умолкни, ропотъ малодушный!
Гордись и радуйся, поэтъ:
Ты не поникъ главой послушной
Передъ позоромъ нашихъ лѣтъ,
Ты презрѣлъ мощнаго злодѣя;
Твой свѣточъ, грозно пламенѣя,
Жестокимъ блескомъ озарилъ
Совѣтъ правителей безславныхъ,
Твой бичъ настигнулъ ихъ, казнилъ
Сихъ палачей самодержавныхъ;
Твой стихъ свисталъ по ихъ главамъ;
Ты звалъ на нихъ, ты славилъ Немезиду,
Ты пѣлъ Маратовымъ жрецамъ
Кинжалъ и дѣву-эвмениду!
Когда святой старикъ отъ плахи отрывалъ
Вѣнчанную главу рукой оцѣпенѣлой,
Ты смѣло имъ обоимъ руку далъ,
И передъ вами трепеталъ
Ареопагъ остервенѣлый.
Гордись, гордись, пѣвецъ! А ты, свирѣпый звѣрь,
Моей главой играй теперь:
Она въ твоихъ когтяхъ. Но слушай, знай, без-
[божный:
Мой крикъ, мой ярый смѣхъ преслѣдуетъ тебя!
Пей нашу кровь, живи, губя:
Ты все пигмей, пигмей ничтожный!
И часъ придетъ... и онъ ужъ недалекъ:
Падешь, тиранъ! Негодованье
Воспрянетъ, наконецъ... Отечества рыданье
Разбудитъ утомленный рокъ.
Теперь иду... пора... Но ты ступай за мною:
Я жду тебя!"
Такъ пѣлъ восторженный поэтъ.
И все покоилось. Лампады тихій свѣтъ
Блѣднѣлъ предъ утренней зарею,
И утро вѣяло въ темницу. И поэтъ
Къ рѣшеткѣ поднялъ важны взоры..
Вдругъ шумъ. Пришли, зовутъ. Они! Надежды
нѣтъ!
Звучатъ ключи, замки, запоры.
Зовутъ... Постой, постой! День только, день одинъ:
И казней нѣтъ, и всѣмъ свобода,
И живъ великій гражданинъ
Среди великаго народа. *)
Не слышатъ. Шествіе безмолвно. Ждетъ палачъ.
Но дружба смертный путь поэта очаруетъ. **)
Вотъ плаха. Онъ взошелъ. Онъ славу именуетъ... ***)
Плачь, муза, плачь!...

ПОСЛѢДНІЕ ЦВѢТЫ.

Цвѣты послѣдніе милѣй
Роскошныхъ первенцевъ полей.
Они унылыя мечтанья
Живѣе пробуждаютъ въ насъ:
Такъ иногда разлуки часъ
Живѣе самаго свиданья.

---

*) Шенье былъ казненъ 8 термидора, т. е. наканунѣ низверженія Робеспьера.

**) На роковой телѣгѣ везли на казнь съ Ан. Шенье и поэта Руше, его друга. Il parlérent de poësie à leurs derniers moments; pour eux après l'amitié c'était la plus belle chose de la terre. Racine fut l'objet de leur entretien et de leur dernière admiration. Ils voulurent reciter ses vers. Ils choisirent la première scène d'Andromaque.

***) На мѣстѣ казни онъ ударилъ себя въ голову и сказалъ: pourtant j'avais qnelque chose là!

ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ.

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя:
То, какъ звѣрь, она завоетъ,
То заплачетъ, какъ дитя,
То по кровлѣ обветшалой
Вдругъ соломой зашумитъ,
То, какъ путникъ запоздалый,
Къ намъ въ окошко застучитъ.
Наша ветхая лачужка
И печальна, и темна.
Что же ты, моя старушка,
Пріумолкла у окна?
Или бури завываньемъ
Ты, мой другъ, утомлена,
Или дремлешь подъ жужжаньемъ
Своего веретена?
Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей,
Выпьемъ съ горя; гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй!
Спой мнѣ пѣсню, какъ синица
Тихо за моремъ жила,
Спой мнѣ пѣсню, какъ дѣвица
За водой поутру шла.
Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя:
То, какъ звѣрь, она завоетъ,
То заплачетъ, какъ дитя.
Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей,
Выпьемъ съ горя; гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй!

——

1826.

ЗИМНЯЯ ДОРОГА.

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальныя поляны
Льетъ печально свѣтъ она.
По дорогѣ зимней, скучной
Тройка борзая бѣжитъ,
Колокольчикъ однозвучный
Утомительно гремитъ.
Что-то слышится родное
Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...
Ни огня, ни черной хаты...
Глушь и снѣгъ... Навстрѣчу мнѣ
Только версты полосаты
Попадаются однѣ...
Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра, къ милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь, не наглядясь.
Звучно стрѣлка часовая
Мѣрный кругъ свой совершитъ,
И, докучныхъ удаляя,
Полночь насъ не разлучитъ.
Грустно, Нина: путь мой скученъ,
Дремля, смолкнулъ мой ямщикъ.
Колокольчикъ однозвученъ,
Отуманенъ лунный ликъ.

——

ЭЛЕГІЯ.

(На смерть Амаліи Ризничъ.)

Подъ небомъ голубымъ страны своей родной
Она томилась, увядала...
Увяла, наконецъ,—и, вѣрно, надо мной
Младая тѣнь уже летала;
Но недоступная черта межъ нами есть.
Напрасно чувство возбуждалъ я:
Изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ смерти вѣсть,
И равнодушно ей внималъ я.
Такъ вотъ кого любилъ я пламенной душой
Съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ,
Съ такою нѣжною, томительной тоской,
Съ такимъ безумствомъ и мученьемъ
Гдѣ муки, гдѣ любовь? Увы, въ душѣ моей
Для бѣдной, легковѣрной тѣни,
Для сладкой памяти невозвратимыхъ дней,
Не нахожу ни слезъ, ни пени!

——

ПРОРОКЪ.

Духовной жаждою томимъ,
Въ пустынѣ мрачной я влачился,
И шестикрылый серафимъ
На перепутьи мнѣ явился.
Перстами, легкими какъ сонъ,
Моихъ зѣницъ коснулся онъ:
Отверзлись вѣщія зѣницы,
Какъ у испуганной орлицы...
Моихъ ушей коснулся онъ,
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
И внялъ я неба содроганье,
И горній ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.
И онъ къ устамъ моимъ приникъ
И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
И празднословный, и лукавый,
И жало мудрыя змѣи

Въ уста замершія мои
Вложилъ десницею кровавой.
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ,
И сердце трепетное вынулъ,
И угль, пылающій огнемъ,
Во грудь отверстую водвинулъ...

Какъ трупъ, въ пустынѣ я лежалъ,
И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
„Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей!“

1827.

ТРИ КЛЮЧА.

Въ степи мірской, печальной и безбрежной,
Таинственно пробились три ключа:
Ключъ юности—ключъ быстрый и мятежный —
Кипитъ, бѣжитъ, сверкая и журча;
Кастальскій ключъ волною вдохновенья
Въ степи мірской изгнанниковъ поитъ;
Послѣдній ключъ—холодный ключъ забвенья:
Онъ слаще всѣхъ жаръ сердца утолитъ.

ПОЭТЪ.

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ;
Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.
Но лишь божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орелъ.
Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждается молвы;
Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонитъ гордой головы;
Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,
И звуковъ, и смятенья полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкошумныя дубровы...

АНГЕЛЪ.

Въ дверяхъ эдема ангелъ нѣжный
Главой поникшею сіялъ.
А демонъ мрачный и мятежный
Надъ адской бездною леталъ.
Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья
На духа чистаго взиралъ
И жаръ невольный умиленья
Впервые смутно познавалъ.
„Прости“, онъ рекъ: „тебя я видѣлъ—
И ты не даромъ мнѣ сіялъ:
Не все я въ небѣ ненавидѣлъ,
Не все я въ мірѣ презиралъ“.

ВЕСНА.

(изъ „Евгенія Онѣгина“.)

Гонимы вешними лучами,
Съ окрестныхъ горъ уже снѣга
Сбѣжали мутными ручьями
На потоплённые луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года:
Синѣя, блещутъ небеса;
Еще прозрачные лѣса
Какъ будто пухомъ зеленѣютъ;
Пчела за данью полевой
Летитъ изъ кельи восковой;
Долины сохнутъ и пестрѣютъ;
Стада шумятъ, и соловей
Ужъ пѣлъ въ безмолвіи ночей.

АРІОНЪ.

Насъ было много на челнѣ:
Иные парусъ напрягали,
Другіе дружно упирали
Въ глубь мощны весла. Въ тишинѣ,
На руль склонясь, нашъ кормщикъ умный
Въ молчаньи правилъ грузный челнъ;
А я—безпечной вѣры полнъ—
Пловцамъ я пѣлъ... Вдругъ лоно волнъ
Измялъ съ налету вихорь шумный...
Погибъ и кормщикъ, и пловецъ!
Лишь я, таинственный пѣвецъ,
На берегъ выброшенъ грозою,
Я гимны прежніе пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнцѣ, подъ скалою.

---

19 ОКТЯБРЯ.

Богъ помочь вамъ, друзья мои,
Въ заботахъ жизни, царской службы
И на пирахъ разгульной дружбы,

И въ сладкихъ таинствахъ любви!
Богъ помочь вамъ, друзья мои,
И въ буряхъ, и въ житейскомъ горѣ,
Въ краю чужомъ, въ пустынномъ морѣ,
И въ мрачныхъ пропастяхъ земли!

ПОСЛАНІЕ ВЪ СИБИРЬ.

Во глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье:
Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье.
Несчастья вѣрная сестра,
Надежда, въ мрачномъ подземельѣ
Пробудитъ бодрость и веселье;
Придетъ желанная пора:
Любовь и дружество до васъ
Дойдутъ сквозь мрачные затворы,
Какъ въ ваши каторжныя норы
Доходитъ мой свободный гласъ.
Оковы тяжкія падутъ,
Темницы рухнутъ—и свобода
Васъ приметъ радостно у входа,
И братья мечъ вамъ отдадутъ.

КЪ НЯНѢ.

Подруга дней моихъ суровыхъ,
Голубка дряхлая моя!
Одна въ глуши лѣсовъ сосновыхъ
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты подъ окномъ своей свѣтлицы
Горюешь, будто на часахъ,
И медлятъ поминутно спицы
Въ твоихъ наморщенныхъ рукахъ.
Глядишь въ забытыя вороты
На черный, отдаленный путь:
Тоска, предчувствіе, заботы
Тѣснятъ твою всечасно грудь.
То чудится тебѣ...

1828.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день
И на нѣмые стогны града
Полупрозрачная наляжетъ ночи тѣнь
И сонъ, дневныхъ трудовъ награда,—
Въ то время для меня влачатся въ тишинѣ
Часы томительнаго бдѣнья:
Въ бездѣйствіи ночномъ живѣй горятъ во мнѣ
Змѣи сердечной угрызенья;
Мечты кипятъ; въ умѣ, подавленномъ тоской,
Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ;
Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ.
И, съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю.
Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ,
Въ безумствѣ гибельной свободы,
Въ неволѣ, въ бѣдности, въ чужихъ степяхъ
Мои утраченные годы.
Я слышу вновь друзей предательскій привѣтъ
На играхъ Вакха и Киприды.
И сердцу вновь наноситъ хладный свѣтъ
Неотразимыя обиды.
И нѣтъ отрады мнѣ—и тихо предо мной
Встаютъ два призрака младые,
Двѣ тѣни милыя—два данные судьбой
Мнѣ ангела во дни былые!
Но оба съ крыльями и съ пламеннымъ мечемъ...
И стерегутъ, и мстятъ мнѣ оба,
И оба говорятъ мнѣ мертвымъ языкомъ
О тайнахъ вѣчности и гроба!..

ДРУЗЬЯМЪ.

. . . .
Я льстецъ? Нѣтъ, братья, льстецъ лукавъ:
Онъ горе на царя накличетъ,
Онъ изъ его державныхъ правъ
Одну лишь милость ограничитъ.
Онъ скажетъ: „презирай народъ,
Гнети природы голосъ нѣжный!“
Онъ скажетъ: „Просвѣщенья плодъ—
Развратъ и нѣкій духъ мятежный!“
Бѣда странѣ, гдѣ рабъ и льстецъ
Одни приближены къ престолу,
А небомъ избранный пѣвецъ
Молчитъ, потупя очи долу!

* * *

Не пой, красавица, при мнѣ
Ты пѣсенъ Грузіи печальной:
Напоминаютъ мнѣ онѣ
Другую жизнь и берегъ дальный.
Увы, напоминаютъ мнѣ
Твои жестокіе напѣвы
И степь, и ночь, и при лунѣ
Черты далекой, бѣдной дѣвы!..
Я призракъ милый, роковой,
Тебя увидѣвъ, забываю;

Но ты поешь—и предо мной
Его я вновь воображаю.
Не пой, красавица, при мнѣ
Ты пѣсенъ Грузіи печальной:
Напоминаютъ мнѣ онѣ
Другую жизнь и берегъ дальный.

———

УТОПЛЕННИКЪ.

Прибѣжали въ избу дѣти,
Второпяхъ зовутъ отца:
„Тятя! тятя! наши сѣти
Притащили мертвеца".
— Врите, врите, бѣсенята,
Заворчалъ на нихъ отецъ:
Охъ, ужъ эти мнѣ ребята!
Будетъ вамъ ужо мертвецъ!
Судъ наѣдетъ, отвѣчай-ка,
Съ нимъ я вѣкъ не разберусь:
Дѣлать нечего! Хозяйка,
Дай кафтанъ: ужъ поплетусь...
Гдѣ-жъ мертвецъ?—„Вонъ, тятя, э-вотъ!"
Въ самомъ дѣлѣ, при рѣкѣ,
Гдѣ разостланъ мокрый неводъ,
Мертвый виденъ на пескѣ.
Безобразно трупъ ужасный
Посинѣлъ и весь распухъ.
Горемыка ли несчастный
Погубилъ свой грѣшный духъ,
Рыболовъ ли взятъ волнами,
Али хмѣльный молодецъ,
Аль ограбленный ворами
Недогадливый купецъ—
Мужику какое дѣло?
Озираясь, онъ спѣшитъ...
Онъ потопленное тѣло
Въ воду за ноги тащитъ.
И отъ берега крутого
Оттолкнулъ его весломъ,
И мертвецъ внизъ поплылъ снова
За могилой и крестомъ.
Долго мертвый межъ волнами
Плылъ, качаясь, какъ живой;
Проводивъ его глазами,
Нашъ мужикъ пошелъ домой.
„Вы, щенки, за мной ступайте!
Будетъ вамъ по калачу,
Да смотрите-жъ—не болтайте,
А не то поколочу".
Въ ночь погода зашумѣла,
Взволновалася рѣка.
Ужъ лучина догорѣла
Въ дымной хатѣ мужика;
Дѣти спятъ, хозяйка дремлетъ,
На полатяхъ мужъ лежитъ;
Буря воетъ; вдругъ онъ внемлетъ:
Кто-то тамъ въ окно стучитъ.
„Кто тамъ?"—„Эй, впусти, хозяинъ!—
„Ну какая тамъ бѣда?
Что ты ночью бродишь, Каинъ,
Чортъ занесъ тебя сюда!
Гдѣ возиться мнѣ съ тобою?
Дома тѣсно и темно".
И лѣнивою рукою
Подымаетъ онъ окно.
Изъ-за тучъ луна катится...
Что же? Голый передъ нимъ:
Съ бороды вода струится,
Взоръ открытъ и недвижимъ;
Все въ немъ страшно онѣмѣло,
Опустились руки внизъ,
И въ распухнувшее тѣло
Раки черные впились.
И мужикъ окно захлопнулъ,
Гостя голаго узнавъ...
Такъ и обмеръ... „Чтобъ ты лопнулъ!"
Прошепталъ онъ, задрожавъ.
Страшно мысли въ немъ мѣшались,
Трясся ночь онъ напролетъ,
И до утра все стучались
Подъ окномъ и у воротъ.
Есть въ народѣ слухъ ужасный:
Говорятъ, что каждый годъ
Съ той поры мужикъ несчастный
Въ день урочный гостя ждетъ.
Ужъ съ утра погода злится,
Ночью буря настаетъ,
И утопленникъ стучится
Подъ окномъ и у воротъ.

———

АНЧАРЪ.

[ДРЕВО ЯДА.]

Въ пустынѣ чахлой и скупой,
На почвѣ, зноемъ раскаленной,
Анчаръ, какъ грозный часовой
Стоитъ одинъ во всей вселенной.
Природа жаждущихъ степей
Его въ день гнѣва породила,
И зелень мертвую вѣтвей,
И корни ядомъ напоила.
Ядъ каплетъ сквозь его кору,
Къ полудню растопясь отъ зною,
И застываетъ ввечеру
Густой, прозрачною смолою.
Къ нему и птица не летитъ,
И тигръ нейдетъ, лишь вихорь черный

На древо смерти набѣжитъ--
И мчится прочь, уже тлетворный.
И если туча ороситъ
Блуждая, листъ его дремучій,
Съ его вѣтвей, ужъ ядовитъ,
Стекаетъ дождь въ песокъ горючій.
Но человѣка человѣкъ
Послалъ къ Анчару властнымъ взглядомъ,
И тотъ послушно въ путь потекъ
И къ утру возвратился съ ядомъ.
Принесъ онъ смертную смолу
Да вѣтвь съ увядшими листами—
И потъ по блѣдному челу
Струился хладными ручьями.
Принесъ—и ослабѣлъ, и легъ
Подъ сводомъ шалаша, на лыки,
И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
Непобѣдимаго владыки.
А князь тѣмъ ядомъ напиталъ
Свои послушливыя стрѣлы
И съ ними гибель разослалъ
Къ сосѣдямъ въ чуждые предѣлы.

———

* * *

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Иль зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?
Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ,
Душу мнѣ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ?
Цѣли нѣтъ передо мною;
Сердце пусто, празденъ умъ,
И томитъ меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ.

———

ПОСЛѢДНІЙ ДОПРОСЪ КОЧУБЕЯ.

[изъ „Полтавы".]

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.
Луна спокойно съ высоты
Надъ Бѣлой-Церковью сіяетъ
И пышныхъ гетмановъ сады
И старый замокъ озаряетъ.
И тихо, тихо все кругомъ;
Но въ замкѣ шопотъ и смятенье.
Въ одной изъ башенъ, подъ окномъ,
Въ глубокомъ тяжкомъ размышленьѣ,
Окованъ, Кочубей сидитъ
И мрачно на небо глядитъ.
Заутра казнь. Но безъ боязни
Онъ мыслитъ объ ужасной казни;
О жизни не жалѣетъ онъ.
Что смерть ему?—желанный сонъ.
Готовъ онъ лечь во гробъ кровавый.
Дрема́ долитъ. Но, Боже правый!
Къ ногамъ злодѣя молча пасть,
Какъ безсловесное созданье,
Царемъ быть отдану во власть
Врагу царя на поруганье,
Утратить жизнь—и съ нею честь,
Друзей съ собой на плаху весть,
Надъ гробомъ слышать ихъ проклятья,
Ложась безвиннымъ подъ топоръ,
Врага веселый встрѣтить взоръ
И смерти кинуться въ объятья,
Не завѣщая никому
Вражды къ злодѣю своему!..
И вспомнилъ онъ свою Полтаву,
Обычный кругъ семьи, друзей,
Минувшихъ дней богатство, славу
И пѣсни дочери своей,
И старый домъ, гдѣ онъ родился,
Гдѣ зналъ и трудъ, и мирный сонъ,
И все, чѣмъ въ жизни насладился,
Что добровольно бросилъ онъ,
И для чего!--
Но ключъ въ заржавомъ
Замкѣ гремитъ—и, пробужденъ,
Несчастный думаетъ: вотъ онъ!
Вотъ на пути моемъ кровавомъ
Мой вождь подъ знаменемъ креста
Грѣховъ могущій разрѣшитель,
Духовной скорби врачъ, служитель
За насъ распятаго Христа,
Его святую кровь и тѣло
Принесшій мнѣ, да укрѣплюсь,
Да приступлю ко смерти смѣло
И жизни вѣчной пріобщусь!
И съ сокрушеніемъ сердечнымъ
Готовъ несчастный Кочубей
Передъ Всесильнымъ, Безконечнымъ
Излить тоску мольбы своей.
Но не отшельника святого,
Онъ гостя узнаетъ иного—
Свирѣпый Орликъ передъ нимъ.
И, отвращеніемъ томимъ,
Страдалецъ горько вопрошаетъ:
Ты здѣсь, жестокій человѣкъ?
Зачѣмъ послѣдній мой ночлегъ
Еще Мазепа возмущаетъ?

Орл. Допросъ не конченъ, отвѣчай.
Коч. Я отвѣчалъ уже, ступай,
Оставь меня.
Орл. Еще признанья
Панъ гетманъ требуетъ.
Коч. Но въ чемъ?
Давно сознался я во всемъ,
Что вы хотѣли. Показанья
Мои всѣ ложны. Я лукавъ,
Я строю козни. Гетманъ правъ.
Чего вамъ болѣе?
Орл. Мы знаемъ,
Что ты несчетно былъ богатъ.
Мы знаемъ, не единый кладъ
Тобой въ Диканькѣ укрываемъ.
Свершиться казнь твоя должна;
Твое имѣніе сполна
Въ казну поступитъ войсковую,
Таковъ законъ. Я указую
Тебѣ послѣдній долгъ: открой,
Гдѣ клады, скрытые тобой?
Коч. Такъ! не ошиблись вы: три клада
Въ сей жизни были мнѣ отрада.
И первый кладъ мой—честь была:
Кладъ этотъ пытка отняла.
Другой былъ кладъ невозвратимый—
Честь дочери моей любимой.
Я день и ночь надъ нимъ дрожалъ:
Мазепа этотъ кладъ укралъ.
Но сохранилъ я кладъ послѣдній,
Мой третій кладъ—святую месть:
Ее готовлюсь Богу снесть.
Орл. Старикъ, оставь пустыя бредни!
Сегодня, покидая свѣтъ,
Питайся мыслію суровой.
Шутить не время. Дай отвѣтъ,
Когда не хочешь пытки новой!
Гдѣ спряталъ деньги?
Коч. Злой холопъ!
Окончишь ли допросъ нелѣпый?
Повремени: дай лечь мнѣ въ гробъ,
Тогда ступай себѣ съ Мазепой
Мое наслѣдіе считать,
Окровавлёнными перстами
Мои подвалы разрывать,
Рубить и жечь сады съ домами.
Съ собой возьмите дочь мою;
Она сама вамъ все разскажетъ,
Сама всѣ клады вамъ укажетъ;
Но, ради Господа, молю,
Теперь оставь меня въ покоѣ.
Орл. Гдѣ спряталъ деньги? Укажи.
Не хочешь? Деньги гдѣ? Скажи,
Иль выйдетъ слѣдствіе плохое.
Подумай, мѣсто намъ назначь.
Молчишь?.. Ну, въ пытку. Гей, палачъ!
Палачъ вошелъ... О, ночь мученій!
Но гдѣ же гетманъ? Гдѣ злодѣй?
Куда бѣжалъ отъ угрызеній
Змѣиной совѣсти своей?
Въ свѣтлицѣ дѣвы усыпленной,
Еще незнаніемъ блаженной,
Близъ ложа крестницы младой
Сидитъ съ поникшею главой
Мазепа тихій и угрюмый.
Въ его душѣ проходятъ думы,
Одна другой мрачнѣй, мрачнѣй...
„Умретъ безумный Кочубей.
Спасти нельзя его. Чѣмъ ближе
Цѣль гетмана, тѣмъ тверже онъ
Быть долженъ властью облеченъ,
Тѣмъ передъ нимъ склоняться ниже
Должна вражда. Спасенья нѣтъ:
Доносчикъ и его клевретъ
Умрутъ". Но, бросся взоръ на ложе,
Мазепа думаетъ: „О, Боже!
Что будетъ съ ней, когда она
Услышитъ слово роковое?
Досель она еще въ покоѣ;
Но тайна быть сохранена
Не можетъ долѣе. Сѣкира,
Упавъ поутру, загремитъ
По всей Украйнѣ. Голосъ міра
Вокругъ нея заговоритъ!..
Ахъ, вижу я: кому судьбою
Волненья жизни суждены,
Тотъ стой одинъ передъ грозою,
Не призывай къ себѣ жены.
Въ одну телѣгу впрячь не можно
Коня и трепетную лань.
Забылся я неосторожно—
Теперь плачу безумства дань..."
. . . .
. . . . Содрогаясь,
Мазепа отвращаетъ взглядъ,
Встаетъ и, тихо пробираясь,
Въ уединенный сходитъ садъ.
Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.
Но мрачны странныя мечты
Въ душѣ Мазепы. Звѣзды ночи,
Какъ обвинительныя очи,
За нимъ насмѣшливо глядятъ.
И тополи, стѣснившись въ рядъ,
Качая тихо головою,
Какъ судьи, шепчутъ межъ собою.

И лѣтней, теплой ночи тьма
Душна, какъ черная тюрьма.
Вдругъ... слабый крикъ... невнятный стонъ,
Какъ бы изъ замка, слышитъ онъ.
То былъ ли сонъ воображенья,
Иль плачъ совы, иль звѣря вой,
Иль пытки стонъ, иль звукъ иной—
Но только своего волненья
Преодолѣть не могъ старикъ
И на протяжный, слабый крикъ
Другимъ отвѣтствовалъ—тѣмъ крикомъ,
Которымъ онъ въ весельи дикомъ
Поля сраженья оглашалъ,
Когда съ Забѣлой, съ Гамалѣемъ
И съ нимъ... и съ этимъ Кочубеемъ...
Онъ въ бранномъ пламени скакалъ!

ПОЛТАВСКІЙ БОЙ.

[изъ „Полтавы".]

Горитъ востокъ зарею новой.
Ужъ на равнинѣ по холмамъ
Грохочутъ пушки. Дымъ багровый
Кругами всходитъ къ небесамъ,
Навстрѣчу утреннимъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули.
Въ кустахъ разсыпались стрѣлки.
Катятся ядра, свищутъ пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые побѣды,
Сквозь огнь окоповъ рвутся шведы;
Волнуясь, конница летитъ;
Пѣхота движется за нею
И тяжкой твердостью своею
Ея стремленія крѣпитъ.
И битвы поле роковое
Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ;
Но явно счастье боевое
Служить ужъ начинаетъ намъ.
Пальбой отбитыя дружины,
Мѣшаясь, падаютъ во прахъ.
Уходитъ Розенъ сквозь тѣснины;
Сдается пылкій Шлиппенбахъ.
Тѣснимъ мы шведовъ рать за ратью;
Темнѣетъ слава ихъ знаменъ,
И Бога браней благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ.
Тогда-то, свыше вдохновенный,
Раздался звучный гласъ Петра:
„За дѣло, съ Богомъ!" Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,
Онъ весь, какъ Божія гроза.
Идетъ. Ему коня подводятъ.
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь:
Почуя роковой огонь,
Дрожитъ, глазами косо водитъ
И мчится въ прахѣ боевомъ,
Гордясь могучимъ сѣдокомъ.
Ужъ близокъ полдень. Жаръ пылаетъ
Какъ пахарь, битва отдыхаетъ.
Кой-гдѣ гарцуютъ казаки,
Равняясь, строятся полки.
Молчитъ музыка боевая.
На холмахъ пушки, присмирѣвъ,
Прервали свой голодный ревъ.
И се—равнину оглашая,
Далече грянуло ура:
Полки увидѣли Петра.
И онъ промчался предъ полками,
Могущъ и радостенъ, какъ бой.
Онъ поле пожиралъ очами.
За нимъ вослѣдъ, неслись толпой
Сіи птенцы гнѣзда Петрова—
Въ премѣнахъ жребія земного,
Въ трудахъ державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметевъ благородный,
И Брюсъ, и Боуръ, и Репнинъ,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ.
И передъ синими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами,
Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился;
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился:
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье...
Вдругъ слабымъ маніемъ руки
На русскихъ двинулъ онъ полки.
И съ ними царскія дружины
Сошлись въ дыму среди равнины—
И грянулъ бой, полтавскій бой!
Въ огнѣ подъ градомъ раскаленнымъ,
Стѣной живою отраженнымъ,
Надъ падшимъ строемъ свѣжій строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся сплеча.
Бросая груды тѣлъ на груду,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разятъ,

Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ, русскій—колетъ, рубитъ, рѣжетъ.
Бой барабанный, клики, скрежетъ.
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
И смерть, и адъ со всѣхъ сторонъ!
Среди тревоги и волненья,
На битву взоромъ вдохновенья
Вожди спокойные глядятъ,
Движенья ратныя слѣдятъ,
Предвидятъ гибель и побѣду
И въ тишинѣ ведутъ бесѣду.
Но близъ московскаго царя
Кто воинъ сей подъ сѣдинами?
Двумя поддержанъ казаками,
Сердечной ревностью горя,
Онъ окомъ опытнымъ героя
Взираетъ на волненье боя.
Ужъ на коня не вскочитъ онъ,
Одряхъ, въ изгнаньи сиротѣя,
И казаки на кличъ Палѣя
Не налетятъ со всѣхъ сторонъ!
Но что-жъ его сверкнули очи,
И гнѣвомъ, будто мглою ночи,
Покрылось старое чело?
Что возмутить его могло?
Иль онъ сквозь бранный дымъ увидѣлъ
Врага Мазепу, и въ сей мигъ
Свои лѣта возненавидѣлъ
Обезоруженный старикъ?
. . . .
Но близокъ, близокъ мигъ побѣды.
Ура! мы ломимъ; гнутся шведы.
О, славный часъ! о, славный видъ!
Еще напоръ и врагъ бѣжитъ...
И слѣдомъ конница пустилась,
Убійствомъ тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась
Какъ роемъ черной саранчи.
Пируетъ Петръ. И гордъ, и ясенъ,
И славы полонъ взоръ его.
И царскій пиръ его прекрасенъ.—
При кликахъ войска своего,
Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.

———

1829.

* * *

На хо́лмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла.
Шумитъ Арагва предо мною...
Мнѣ грустно и легко. Печаль моя свѣтла
Печаль моя полна тобою.
Тобой, одной тобой!.. Унынья моего
Ничто не мучитъ, не тревожитъ,
И сердце вновь горитъ и любитъ—оттого,
Что не любить оно не можетъ.

———

СТАНСЫ.

Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ,
Вхожу-ль во многолюдный храмъ,
Сижу-ль межъ юношей безумныхъ,
Я предаюсь моимъ мечтамъ.
Я говорю: промчатся годы,
И сколько здѣсь ни видно насъ,
Мы всѣ сойдемъ подъ вѣчны своды—
И чей-нибудь ужъ близокъ часъ.
Гляжу-ль на дубъ уединенный,
Я мыслю: патріархъ лѣсовъ
Переживетъ мой вѣкъ забвенный,
Какъ пережилъ онъ вѣкъ отцовъ.
Младенца-ль милаго ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебѣ я мѣсто уступаю:
Мнѣ время тлѣть, тебѣ цвѣсти.
День каждый, каждую годину
Привыкъ я думой провожать,
Грядущей смерти годовщину
Межъ нихъ стараясь угадать.
И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина:
Въ бою ли, въ странствіи, въ волнахъ?
Или сосѣдняя долина
Мой приметъ охладѣлый прахъ?
И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать,
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ все-бъ хотѣлось почивать.
И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

———

МОНАСТЫРЬ НА КАЗБЕКѢ.

Высо́ко надъ семьею горъ,
Казбекъ, твой царственный шатеръ
Сіяетъ вѣчными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Какъ въ небѣ рѣющій ковчегъ,
Паритъ, чуть видный надъ горами.
Далекій, вожделѣнный брегъ!
Туда-бъ, сказавъ прости ущелью,
Подняться къ вольной вышинѣ,

Туда-бъ, въ заоблачную келью,
Въ сосѣдство Бога, скрыться мнѣ!

КАВКАЗЪ.

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
тою надъ стѣнами у края стремнины:
релъ, съ отдаленной поднявшись вершины,
рить неподвижно со мной наравнѣ.
селѣ я вижу потоковъ рожденье
первое грозныхъ обваловъ движенье.
Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной;
возь нихъ низвергаясь, шумятъ водопады;
дъ ними утесовъ нагія громады;
мъ, ниже, мохъ тощій, кустарникъ сухой;
тамъ уже рощи, зеленыя сѣни,
ѣ птицы щебечутъ, гдѣ скачутъ олени.
А тамъ ужъ и люди гнѣздятся въ горахъ,
ползаютъ овцы по злачнымъ стремнинамъ,
пастырь нисходитъ къ веселымъ долинамъ,
ѣ мчится Арагва въ тѣнистыхъ брегахъ,
нищій наѣздникъ таится въ ущельи,
ѣ Терекъ играетъ въ свирѣпомъ весельи.
Играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
идѣвшій пищу изъ клѣтки желѣзной;
бьется о берегъ въ враждѣ безполезной,
лижетъ утесы голодной волной...
ще! Нѣтъ ни пищи ему, ни отрады:
снятъ его грозно нѣмыя громады.

ОБВАЛЪ.

Дробясь о мрачныя скалы,
Шумятъ и пѣнятся валы,
И надо мной кричатъ орлы,
И ропщетъ боръ,
И блещутъ средь волнистой мглы
Вершины горъ.
Оттоль сорвался разъ обвалъ,
И съ тяжкимъ грохотомъ упалъ,
И всю тѣснину между скалъ
Загородилъ.
И Терека могущій валъ
Остановилъ.
Вдругъ, истощась и присмирѣвъ,
О, Терекъ, ты прервалъ свой ревъ,
Но заднихъ волнъ упорный гнѣвъ
Прошибъ снѣга...
Ты затопилъ, освирѣпѣвъ,
Свои брега.
И долго прорванный обвалъ
Неталой грудою лежалъ,
И Терекъ злой подъ нимъ бѣжалъ
И пылью водъ
И шумной пѣной орошалъ
Ледяный сводъ.
И путь по немъ широкій шелъ,
И конь скакалъ, и влекся волъ,
И своего верблюда велъ
Степной купецъ,
Гдѣ нынѣ мчится лишь Эолъ,
Небесъ жилецъ.

---

* * *

Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ? Я встрѣчаю
Слугу, несущаго мнѣ утромъ чашку чаю,
Вопросами: тепло-ль? утихла ли мятель?
Пороша есть, иль нѣтъ? И можно ли постель
Покинуть для сѣдла, иль лучше до обѣда
Возиться съ старыми журналами сосѣда?
Пороша. Мы встаемъ, и тотчасъ на коня,
И рысью по полю при первомъ свѣтѣ дня;
Арапники въ рукахъ, собаки вслѣдъ за нами;
Глядимъ на блѣдный снѣгъ прилежными глазами;
Кружимся, рыскаемъ, и поздней ужъ порой,
Двухъ зайцевъ протравивъ, являемся домой.
Куда какъ весело! Вотъ вечеръ: вьюга воетъ,
Свѣча темно горитъ; стѣсняясь, сердце ноетъ;
По каплѣ, медленно, глотаю скуки ядъ.
Читать хочу—глаза надъ буквами скользятъ,
А мысли далеко... Я книгу закрываю;
Беру перо, сижу, насильно вырываю
У музы дремлющей несвязныя слова.
Ко звуку звукъ нейдетъ... Теряю всѣ права
Надъ риѳмой, надъ моей прислужницею странной:
Стихъ вяло тянется, холодный и туманный.
Усталый, съ лирою я прекращаю споръ,
Иду въ гостиную; тамъ слышу разговоръ
О близкихъ выборахъ, о сахарномъ заводѣ.
Хозяйка хмурится въ подобіе погодѣ,
Стальными спицами проворно шевеля,
Иль про червоннаго гадаетъ короля.
Тоска! Такъ день за днемъ идетъ въ уединеньи!
Но если подъ вечеръ въ печальное селенье,
Когда за шашками сижу я въ уголкѣ,
Пріѣдетъ издали въ кибиткѣ иль возкѣ
Нежданная семья,—старушка, двѣ дѣвицы
(Двѣ бѣлокурыя, двѣ стройныя сестрицы),—
Какъ оживляется глухая сторона!
Какъ жизнь, о Боже мой, становится полна!
Сначала косвенно-внимательные взоры,
Потомъ словъ нѣсколько, потомъ и разговоры,
А тамъ и дружный смѣхъ, и пѣсни вечеркомъ,
И вальсы рѣзвые, и шопотъ за столомъ,
И взоры томные, и вѣтреныя рѣчи,
На узкой лѣстницѣ замедленныя встрѣчи...

И дѣва въ сумерки выходитъ на крыльцо:
Открыта шея, грудь, и вьюга ей въ лицо!
Но бури сѣвера не вредны русской розѣ.
Какъ жарко поцѣлуй пылаетъ на морозѣ!
Какъ дѣва русская свѣжа въ пыли снѣговъ!..

ЗИМНЕЕ УТРО.

Морозъ и солнце—день чудесный!
Еще ты дремлешь, другъ прелестный,
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты нѣгой взоры,
Навстрѣчу сѣверной Авроры
Звѣздою сѣвера явись!
Вечоръ, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутномъ небѣ мгла носилась;
Луна, какъ блѣдное пятно,
Сквозь тучи мрачныя желтѣла,
И ты печальная сидѣла—
А нынче... погляди въ окно:
Подъ голубыми небесами
Великолѣпными коврами,
Блестя на солнцѣ, снѣгъ лежитъ;
Прозрачный лѣсъ одинъ чернѣетъ,
И ель сквозь иней зеленѣетъ,
И рѣчка подо льдомъ блеститъ.
Вся комната янтарнымъ блескомъ
Озарена. Веселымъ трескомъ
Трещитъ затопленная печь.
Пріятно думать у лежанки.
Но, знаешь: не велѣть ли въ санки
Кобылку бурую запречь?
Скользя по утреннему снѣгу,
Другъ милый, предадимся бѣгу
Нетерпѣливаго коня
И навѣстимъ поля пустыя,
Лѣса, недавно столь густые,
И берегъ, милый для меня.

1830.

* * *

Въ началѣ жизни школу помню я:
Тамъ насъ, дѣтей безпечныхъ, было много,
Неравная и рѣзвая семья.
Смиренная, одѣтая убого,
Но видомъ величавая жена
Надъ школою надзоръ хранила строго.
Толпою нашею окружена,
Пріятнымъ, сладкимъ голосомъ, бывало,
Съ младенцами бесѣдуетъ она.
Ея чела я помню покрывало
И очи, свѣтлыя, какъ небеса.
Но я вникалъ въ ея бесѣды мало.
Меня смущала строгая краса
Ея чела, спокойныхъ устъ и взоровъ
И, полныя святыни, словеса.
Дичась ея совѣтовъ и укоровъ,
Я про себя превратно толковалъ
Понятный смыслъ правдивыхъ разговоровъ.
И часто я украдкой убѣгалъ
Въ великолѣпный мракъ чужого сада,
Подъ сводъ искусственный порфирныхъ скалъ.
Тамъ нѣжила меня деревъ прохлада;
Я предавалъ мечтамъ свой слабый умъ,
И праздномыслить было мнѣ отрада.
Любилъ я свѣтлыхъ водъ и листьевъ шумъ,
И бѣлые среди деревъ кумиры,
И въ ликахъ ихъ печать недвижныхъ думъ.
Все мраморные циркули и лиры,
И свитки въ мраморныхъ рукахъ,
И длинныя на ихъ плечахъ порфиры—
Все наводило сладкій нѣкій страхъ
Мнѣ на сердце; и слезы вдохновенья
При видѣ ихъ рождались на глазахъ.
Другія два чудесныя творенья
Влекли меня волшебною красой:
То были двухъ бѣсовъ изображенья.
Одинъ—Дельфійскій идолъ: ликъ младой
Былъ гнѣвенъ, полонъ гордости ужасной,
И весь дышалъ онъ силой неземной.
Другой—женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеалъ,
Волшебный демонъ, лживый, но прекрасный.

БЕЗСОННИЦА.

Мнѣ не спится, нѣтъ огня;
Всюду мракъ и сонъ докучный:
Ходъ часовъ лишь однозвучный
Раздается близъ меня.
Парки бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья бѣготня—
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шепотъ?
Укоризну, или ропотъ
Мной утраченнаго дня?
Отъ меня чего ты хочешь?
Ты зовешь, или пророчишь?
Я понять тебя хочу,
Темный твой языкъ учу...

---

* * *

Для береговъ отчизны дальной
Ты покидала край чужой;

Въ часъ незабвенный, въ часъ печальный
Я долго плакалъ предъ тобой.
Мои хладѣющія руки
Тебя старались удержать;
Томленья страшнаго разлуки
Мой стонъ молилъ не прерывать.
Но ты отъ горькаго лобзанья
Свои уста оторвала;
Изъ края мрачнаго изгнанья
Ты въ край иной меня звала.
Ты говорила: въ день свиданья
Подъ небомъ вѣчно-голубымъ,
Въ тѣни оливъ, любви лобзанья
Мы вновь, мой другъ, соединимъ.
Но тамъ, увы, гдѣ неба своды
Сіяютъ въ блескѣ голубомъ,
Гдѣ подъ скалáми дремлютъ воды,
Заснула ты послѣднимъ сномъ.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли въ урнѣ гробовой—
Исчезъ и поцѣлуй свиданья...
Но жду его: онъ за тобой!..

ЗАКЛИНАНІЕ

О, если правда, что въ ночи,
Когда покоятся живые,
И съ неба лунные лучи
Скользятъ на камни гробовые,
О, если правда, что тогда
Пустѣютъ тихія могилы—
Я тѣнь зову, я жду Леилы:
Ко мнѣ, мой другъ, сюда, сюда!
Явись, возлюбленная тѣнь,
Какъ ты была передъ разлукой,
Блѣдна, хладна, какъ зимній день,
Искажена послѣдней мукой.
Приди, какъ дальняя звѣзда,
Какъ легкій звукъ, иль дуновенье,
Иль какъ ужасное видѣнье,—
Мнѣ все равно: сюда, сюда!
Зову тебя не для того,
Чтобъ укорять того, чья злоба
Убила друга моего,
Иль чтобъ извѣдать тайны гроба;
Не для того, что иногда
Сомнѣньемъ мучусь... Но, тоскуя,
Хочу сказать, что все люблю я,
Что все я твой. Сюда, сюда!

ЭЛЕГІЯ.

Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье
Мнѣ тяжело, какъ смутное похмѣлье;
Но, какъ вино, печаль минувшихъ дней
Въ моей душѣ чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй.
Мой путь унылъ. Сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море...
Но не хочу, о други, умирать!
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать;
И вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденья
Межъ горестей, заботъ и треволненья:
Порой опять гармоніей упьюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь,
И, можетъ быть, на мой закатъ печальный
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной.

КРАСАВИЦА.

(ВЪ АЛЬБОМЪ Н. Н. ГОНЧАРОВОЙ.)

Все въ ней гармонія, все диво,
Все выше міра и страстей;
Она покоится стыдливо
Въ красѣ торжественной своей;
Она кругомъ себя взираетъ:
Ей нѣтъ соперницъ, нѣтъ подругъ;
Красавицъ нашихъ блѣдный кругъ
Въ ея сіяньи исчезаетъ.
Куда бы ты ни поспѣшалъ,
Хоть на любовное свиданье,
Какое-бъ въ сердцѣ ни питалъ
Ты сокровенное мечтанье;
Но, встрѣтясь съ ней, смущенный, ты
Вдругъ остановишься невольно,
Благоговѣя богомольно
Передъ святыней красоты.

МАДОННА.

Не множествомъ картинъ старинныхъ мастеровъ
Украсить я всегда желалъ свою обитель,
Чтобъ суевѣрно имъ дивился посѣтитель,
Внимая важному сужденью знатоковъ.
Въ простомъ углу моемъ, средь медленныхъ трудовъ,
Одной картины я желалъ быть вѣчно зритель,
Одной: чтобъ на меня съ холста, какъ съ облаковъ,
Пречистая и нашъ божественный Спаситель—
Она съ величіемъ, Онъ съ разумомъ въ очахъ—
Взирали, кроткіе, во славѣ и въ лучахъ,
Одни, безъ ангеловъ, подъ пальмою Сіона.
Исполнились мои желанія. Творецъ
Тебя мнѣ ниспослалъ, тебя, моя Мадонна,
Чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ

---

* * *

(Изъ стих. „Осень").

Унылая пора, очей очарованье,
Пріятна мнѣ твоя прощальная краса!
Люблю я пышное природы увяданье,
Въ багрецъ и въ золото одѣтые лѣса,
Въ ихъ сѣняхъ вѣтра шумъ и свѣжее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И рѣдкій солнца лучъ, и первые морозы,
И отдаленныя сѣдой зимы угрозы.

———

* * *

(Изъ стих. „Румяный критикъ мой"...)

Смотри, какой здѣсь видъ: избушекъ рядъ убогій
За ними черноземъ; равнины скатъ отлогій,
Надъ ними сѣрыхъ тучъ густая полоса...
Гдѣ-жъ нивы свѣтлыя? Гдѣ темные лѣса?
Гдѣ рѣчка? На дворѣ, у низкаго забора,
Два бѣдныхъ деревца стоятъ въ отраду взора,
Два только деревца, и то изъ нихъ одно
Дождливой осенью совсѣмъ обнажено,
А листья на другомъ размокли и, желтѣя,
Чтобъ лужу засорить, ждутъ перваго Борея.
И только. На дворѣ живой собаки нѣтъ.
Вотъ, правда, мужичекъ; за нимъ двѣ бабы вслѣдъ.
Безъ шапки онъ; несетъ подъ мышкой гробъ [ребенка
И кличетъ издали лѣниваго попенка,
Чтобъ тотъ отца позвалъ да церковь отворилъ:
Скорѣй, ждать некогда, давно-бъ ужъ схоронилъ!

———

ПОЭТУ.

Поэтъ, не дорожи любовію народной!
Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной;
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.
Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородный.
Онѣ въ самомъ тебѣ. Ты самъ свой высшій судъ;
Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?
Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранитъ,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.

———

* * *

О, муза пламенной сатиры,
Прійди на мой призывный кличъ!
Не нужно мнѣ гремящей лиры,
Вручи мнѣ Ювеналовъ бичъ!
Не подражателямъ холоднымъ,
Не переводчикамъ голоднымъ
И не поэтамъ милыхъ дамъ
Готовлю язву эпиграмъ!
Миръ вамъ, смиренные поэты!
Миръ вамъ, несчастные глупцы!
А вы, ребята-подлецы,
Впередъ! Всю вашу сволочь буду
Я мучить казнію стыда,
А если же кого забуду—
Прошу напомнить, господа!
О, сколько лицъ безстыдно-блѣдныхъ,
О, сколько лбовъ широко-мѣдныхъ
Готовы отъ меня принять
Неизгладимую печать!..

———

БѢСЫ.

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Ѣду, ѣду въ чистомъ полѣ;
Колокольчикъ динь-динь-динь...
Страшно, страшно поневолѣ
Средь невѣдомыхъ равнинъ!
— Эй, пошелъ, ямщикъ!— „Нѣтъ мочи:
Конямъ баринъ, тяжело;
Вьюга мнѣ слипаетъ очи;
Всѣ дороги занесло;
Хоть убей, слѣда не видно;
Сбились мы. Что дѣлать намъ?
Въ полѣ бѣсъ насъ водитъ, видно,
Да кружитъ по сторонамъ.
Посмотри: вонъ, вонъ играетъ,
Дуетъ, плюетъ на меня;
Вонъ—теперь въ оврагъ толкаетъ
Одичалаго коня;
Тамъ верстою небывалой
Онъ торчалъ передо мной;
Тамъ сверкнулъ онъ искрой малой
И пропалъ во тьмѣ пустой".
Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Силъ намъ нѣтъ кружиться долѣ;
Колокольчикъ вдругъ умолкъ
Кони стали...—Что тамъ въ полѣ?—
— „Кто ихъ знаетъ: пень иль волкъ?"
Вьюга злится, вьюга плачетъ;

Кони чуткіе храпятъ;
Вонъ ужъ онъ далече скачетъ,
Лишь глаза во мглѣ горятъ!
Кони снова понеслися;
Колокольчикъ динь-динь-динь...
Вижу: духи собралися
Средь бѣлѣющихъ равнинъ.
Безконечны, безобразны,
Въ мутной мѣсяца игрѣ
Закружились бѣсы разны,
Будто листья въ ноябрѣ...
Сколько ихъ! Куда ихъ гонятъ?
Что такъ жалобно поютъ?
Домового ли хоронятъ,
Вѣдьму-ль замужъ выдаютъ?
Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бѣсы, рой за роемъ,
Въ безпредѣльной вышинѣ,
Визгомъ жалобнымъ и воемъ
Надрывая сердце мнѣ...

НА БУЛГАРИНА.

I.

Не то бѣда, что ты полякъ:
Костюшко—ляхъ, Мицкевичъ—ляхъ!
Пожалуй, будь себѣ татаринъ—
И въ томъ не вижу я стыда;
Будь жидъ—и это не бѣда:
Бѣда, что ты Видокъ Фигляринъ.

II.

Ты цѣлый свѣтъ увѣрить хочешь,
Что былъ ты съ Чацкимъ всѣхъ дружнѣй:
Ахъ ты, безстыдникъ! ахъ, злодѣй!
Ты и живыхъ бранишь людей,
Да и покойниковъ порочишь.

1831.

Э Х О.

Реветъ ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубитъ ли рогъ, гремитъ ли громъ,
Поетъ ли дѣва за холмомъ —
На всякій звукъ
Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
Родишь ты вдругъ.
Ты внемлешь грохоту громовъ,
И гласу бури и валовъ,
И крику сельскихъ пастуховъ—
И шлешь отвѣтъ;
Тебѣ-жъ нѣтъ отзыва... Таковъ
И ты, поэтъ!

---

1 8 3 3.

* * *

(изъ „Родословной моего героя".)

Зачѣмъ крутится вѣтръ въ оврагѣ,
Волнуетъ степь и пыль несетъ,
Когда корабль въ недвижной влагѣ
Его дыханья жадно ждетъ?
Зачѣмъ отъ горъ и мимо башенъ
Летитъ орелъ, угрюмъ и страшенъ,
На пень гнилой? Спроси его!
Зачѣмъ арапа своего
Младая любитъ Дездемона,
Какъ мѣсяцъ любитъ ночи мглу?
Затѣмъ, что вѣтру, и орлу,
И сердцу дѣвы нѣтъ закона...
Гордись! Таковъ и ты, поэтъ,
И для тебя закона нѣтъ.

ИЗЪ „МѢДНАГО ВСАДНИКА".

I.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгій, стройный видъ,
Невы державное теченье,
Береговой ея гранитъ,
Твоихъ оградъ узоръ чугунный,
Твоихъ задумчивыхъ ночей
Прозрачный сумракъ, блескъ безлунный,
Когда я въ комнатѣ моей
Пишу, читаю безъ лампады,
И ясны спящія громады
Пустынныхъ улицъ, и свѣтла
Адмиралтейская игла;
И, не пуская тьму ночную
На золотыя небеса,
Одна заря смѣнить другую
Спѣшитъ, давъ ночи полчаса.

II.

ПОСЛѢ НАВОДНЕНІЯ.

... На крыльцѣ,
Съ подъятой лапой, какъ живые,
Стояли львы сторожевые,
И прямо въ темной вышинѣ,
Надъ огражденною скалою,
Гигантъ съ простертою рукою
Сидѣлъ на бронзовомъ конѣ.

Евгеній вздрогнулъ... Прояснились
Въ немъ страшно мысли. Онъ узналъ
И мѣсто, гдѣ потопъ игралъ,
Гдѣ волны хищныя толпились,
Бунтуя злобно вкругъ него,
И львовъ, и площадь, и того,
Кто неподвижно возвышался
Во мракѣ мѣдною главой,
Того, чьей волей роковой
Надъ моремъ городъ основался...
Ужасенъ онъ въ окрестной мглѣ!
Какая дума на челѣ!
Какая сила въ немъ сокрыта!
А въ семъ конѣ какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И гдѣ опустишь ты копыта?
О, мощный властелинъ судьбы!
Не такъ ли ты надъ самой бездной,
На высотѣ, уздной желѣзной
Россію вздернулъ на дыбы?..
Кругомъ подножія кумира
Безумецъ бѣдный обошелъ
И взоры дикіе навелъ
На ликъ державца полуміра.
Стѣснилась грудь его. Чело
Къ рѣшеткѣ хладной прилегло,
Глаза подернулись туманомъ,
По сердцу пламень пробѣжалъ,
Вскипѣла кровь... Онъ мрачно сталъ
Предъ горделивымъ истуканомъ
И, зубы стиснувъ, пальцы сжавъ,
Какъ обуянный силой черной,—
„Добро, строитель чудотворный!“
Шепнулъ онъ, злобно задрожавъ:
„Ужó тебѣ“!.. И вдругъ стремглавъ
Бѣжать пустился. Показалось
Ему, что грознаго царя,
Мгновенно гнѣвомъ возгоря,
Лицо тихонько обращалось...
И онъ по площади пустой
Бѣжитъ и слышитъ за собой,
Какъ будто грома грохотанье,—
Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой—
И, озаренъ луною блѣдной,
Простерши руку въ вышинѣ,
За нимъ повсюду Всадникъ Мѣдный
На звонко-скачущемъ конѣ!

ВОЕВОДА.

[изъ мицкевича.]

Поздно ночью изъ похода
Воротился воевода.
Онъ слугáмъ велитъ молчать,
Въ спальню кинулся къ постелѣ,
Дернулъ пологъ... Въ самомъ дѣлѣ!
Никого,—пуста кровать.
И, мрачнѣе черной ночи,
Онъ потупилъ грозны очи,
Сталъ крутить свой сивый усъ...
Рукава назадъ закинулъ,
Вышелъ вонъ, замокъ задвинулъ:
„Гей ты, кликнулъ, чортовъ кусъ!
„А зачѣмъ нѣтъ у забора
Ни собаки, ни затвора?
Я васъ, хамы!.. Дай ружье,
Приготовь мѣшокъ, веревку,
Да сними съ гвоздя винтовку,
Ну, за мною!.. Я-жъ ее!“
Панъ и хлопецъ подъ заборомъ
Тихимъ крадутся дозоромъ,
Входятъ въ садъ—и сквозь вѣтвей,
На скамейкѣ, у фонтана,
Въ бѣломъ платьѣ,—видятъ,—панна
И мужчина передъ ней.
Говоритъ онъ: „Все пропало,
Чѣмъ лишь только я, бывало,
Наслаждался, что любилъ,—
Бѣлой груди воздыханье,
Нѣжной ручки пожиманье,—
Воевода все купилъ.
„Сколько лѣтъ тобой страдалъ я,
Сколько лѣтъ тебя искалъ я!
Отъ меня ты отперлась.
Не искалъ онъ, не страдалъ онъ,
Серебромъ лишь побряцалъ онъ,
И ему ты отдалась.
„Я скакалъ во мракѣ ночи
Милой панны видѣть очи,
Руку нѣжную пожать,
Пожелать для новоселья
Много лѣтъ ей и веселья
И потомъ на вѣкъ бѣжать“.
Панна плачетъ и тоскуетъ,
Онъ колѣна ей цѣлуетъ,
А сквозь вѣтви тѣ глядятъ...
Ружья на земь опустили,
По патрону откусили,
Вбили шомполомъ зарядъ.
Подступили осторожно.
„Панъ мой, цѣлить мнѣ не можно,—
Бѣдный хлопецъ прошепталъ:—
Вѣтеръ, что ли, плачутъ очи,
Дрожь беретъ; въ рукахъ нѣтъ мочи,
Порохъ въ полку не попалъ“.
— „Тише ты, гайдучье племя!
Будешь плакать, дай мнѣ время!
Сыпь на полку... Наводи...

Цѣль ей въ лобъ. Лѣвѣе... выше.
Съ паномъ справлюсь самъ. Потише,
Прежде я; ты погоди“.
Выстрѣлъ по саду раздался—
Хлопецъ пана не дождался...
Воевода закричалъ,
Воевода пошатнулся...
Хлопецъ, видно, промахнулся:
Прямо въ лобъ ему попалъ.

———

БОНАПАРТЪ И ЧЕРНОГОРЦЫ.

[изъ пѣсенъ западныхъ славянъ.]

„Черногорцы—что такое?“
Бонапарте вопросилъ:
„Правда-ль, это племя злое
Не боится нашихъ силъ?
„Такъ раскаются-жъ нахалы:
Объявить ихъ старшинамъ,
Чтобы ружья и кинжалы
Всѣ несли къ моимъ ногамъ“.
Вотъ онъ шлетъ на насъ пѣхоту
Съ сотней пушекъ и мортиръ
И своихъ мамлюковъ роту,
И косматыхъ кирасиръ.
Намъ сдаваться нѣтъ охоты—
Черногорцы таковы!
Для коней и для пѣхоты
Камни есть у насъ и рвы...
Мы засѣли въ наши норы
И гостей незванныхъ ждемъ;
Вотъ они вступили въ горы,
Истребляя все кругомъ.
Идутъ тѣсно подъ скалами.
Вдругъ—смятеніе!.. Глядятъ:
У себя надъ головами
Красныхъ шапокъ видятъ рядъ.
„Стой! пали! Пусть каждый сброситъ
Черногорца одного.
Здѣсь пощады врагъ не проситъ:
Не щадите-жъ никого!“
Ружья грянули—упали
Шапки красныя съ шестовъ:
Мы подъ ними ницъ лежали,
Притаясь между кустовъ.
Дружнымъ залпомъ отвѣчали
Мы французамъ... „Это что?“
Удивясь, они сказали:
„Эхо, что ли?“ Нѣтъ, не то!
Ихъ полковникъ повалился,
Съ нимъ сто двадцать человѣкъ.
Весь отрядъ его смутился,
Кто какъ могъ—пустился въ бѣгъ.
И французы ненавидятъ
Съ той поры нашъ вольный край
И краснѣютъ, коль завидятъ
Шапку нашу невзначай.

———

ГУСАРЪ.

Скребницей чистилъ онъ коня,
А самъ ворчалъ, сердясь не въ мѣру:
„Занесъ же вражій духъ меня
На распроклятую квартеру!
Здѣсь человѣка берегутъ,
Какъ на турецкой перестрѣлкѣ;
Насилу щей пустыхъ дадутъ,
А ужъ не думай о горѣлкѣ.
Здѣсь на тебя, какъ лютый звѣрь,
Глядитъ хозяинъ, а съ хозяйкой...
Небось, не выманишь за дверь
Ее ни честью, ни нагайкой.
То-ль дѣло Кіевъ! Что за край!
Валятся сами въ ротъ галушки,
Виномъ хоть пару поддавай,
А молодицы—молодушки!
Ей-ей, не жаль отдать души
За взглядъ красотки чернобривой.
Однимъ, однимъ не хороши“...
—А чѣмъ же? Разскажи, служивый.—
Онъ сталъ крутить свой длинный усъ
И началъ: «Молвить безъ обиды,
Ты, хлопецъ, можетъ быть, не трусъ,
Да глупъ, а мы видали виды.
Ну, слушай: около Днѣпра
Стоялъ нашъ полкъ; моя хозяйка
Была пригожа и добра,
А мужъ-то померъ, замѣчай-ка.
Вотъ, съ ней и подружился я...
Живемъ согласно, такъ что любо:
Прибью—Марусенька моя
Словечка не промолвитъ грубо;
Напьюсь—уложитъ и сама
Опохмѣлиться приготовитъ;
Мигну бывало: эй, кума!—
Кума ни въ чемъ не прекословитъ.
Кажись, о чемъ бы горевать?
Живи въ довольствѣ, безобидно!
Да нѣтъ: я вздумалъ ревновать.
Что дѣлать? Врагъ попуталъ, видно.
Зачѣмъ бы ей, сталъ думать я,
Вставать до пѣтуховъ? Кто проситъ?
Шалитъ Марусенька моя;
Куда ее лукавый носитъ?
Я сталъ присматривать за ней.
Разъ я лежу, глаза прищуря
(А ночь была тюрьмы чернѣй,
И на дворѣ шумѣла буря),—

И слышу: кумушка моя
Съ печи тихохонько спрыгнула,
Слегка обшарила меня,
Присѣла къ печкѣ, уголь вздула
И свѣчку тонкую зажгла,
Да въ уголокъ пошла со свѣчкой;
Тамъ съ полки сткляночку взяла
И, сѣвъ на вѣникъ передъ печкой,
Раздѣлась до нага; потомъ
Изъ стклянки три раза хлебнула,
И вдругъ на вѣникѣ верхомъ
Взвилась въ трубу и улизнула.
Эге! смекнулъ въ минуту я:
Кума-то, видно, басурманка!
Постой, голубушка моя!..
И съ печки слѣзъ и вижу: стклянка.
Понюхалъ: кисло... Что за дрянь!
Плеснулъ я на полъ: что за чудо?
Прыгнулъ ухватъ, за нимъ лохань,
И оба въ печь. Я вижу: худо!
Гляжу: подъ лавкой дремлетъ котъ,
И на него я брызнулъ стклянкой—
Какъ фыркнетъ онъ! Я: брысь!.. И вотъ—
И онъ туда же за лоханкой.
Я—ну кропить во всѣ углы
Съ плеча, во что ужъ ни попало;
И все: горшки, скамьи, столы—
Маршъ-маршъ! Все въ печку поскакало.
Кой чортъ! подумалъ я: теперь
И мы попробуемъ! И духомъ
Всю стклянку выпилъ; вѣрь не вѣрь—
Но кверху вдругъ взвился я пухомъ.
Стремглавъ лечу, лечу, лечу,
Куда—не помню и не знаю;
Лишь встрѣчнымъ звѣздочкамъ кричу:
Правѣй!.. И на земь упадаю.
Гляжу: гора. На той горѣ
Кипятъ котлы; поютъ, играютъ,
Свистятъ и въ мерзостной игрѣ
Жида съ лягушкою вѣнчаютъ.
Я плюнулъ и сказать хотѣлъ...
Какъ вдругъ бѣжитъ моя Маруся:
„Домой! Кто звалъ тебя, пострѣлъ?
Тебя съѣдятъ!"—Но я, не струся:
Домой? Да! Чорта съ два! Почемъ
Мнѣ знать дорогу!—„Ахъ онъ, странный!
Вотъ кочерга, садись верхомъ
И убирайся, окаянный."
Чтобъ я... я сѣлъ на кочергу,
Гусаръ присяжный? Ахъ ты, дура!
Или предался я врагу!
Иль у тебя двойная шкура?
Коня!—„На, дурень, вотъ и конь."—
И точно: конь передо мною—
Скребетъ копытомъ, весь огонь,
Дугою шея, хвостъ трубою.
„Садись."—Вотъ сѣлъ я на коня,
Ищу уздечки—нѣтъ уздечки.
Какъ взвился, какъ понесъ меня—
И очутились мы у печки.
Гляжу: все такъ же; самъ же я
Сижу верхомъ, и подо мною
Не конь, а старая скамья...
Вотъ что случается порою!"
И сталъ крутить свой длинный усъ,
Прибавя: „Молвить безъ обиды,
Ты, хлопецъ, можетъ быть, не трусъ,
Да глупъ, а мы видали виды".

1835.

ПИРЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Надъ Невою рѣзво вьются
Флаги пестрые судовъ;
Звучно съ лодокъ раздаются
Пѣсни дружныя гребцовъ.
Въ царскомъ домѣ пиръ веселый;
Рѣчь гостей хмѣльна, шумна;
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.
Что пируетъ царь великій
Въ Питербургѣ-городкѣ?
Отчего пальба и клики,
И эскадра на рѣкѣ?
Озаренъ ли честью новой
Русскій штыкъ иль русскій флагъ?
Побѣжденъ ли шведъ суровый?
Мира-ль проситъ грозный врагъ?
Иль въ отнятый край у шведа
Прибылъ Брантовъ утлый ботъ,
И пошелъ на встрѣчу дѣда
Всей семьей нашъ юный флотъ,
И воинственные внуки
Стали въ строй предъ старикомъ,
И раздался въ честь науки
Пѣсенъ хоръ и пушекъ громъ?
Годовщину ли Полтавы
Торжествуетъ государь—
День, какъ жизнь своей державы
Спасъ отъ Карла русскій царь?
Родила-ль Екатерина?
Именинница-ль она,
Чудотворца-исполина
Чернобровая жена?
Нѣтъ, онъ съ подданнымъ мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится,

Кружку пѣнитъ съ нимъ одну;
И въ чело его цѣлуетъ,
Свѣтелъ сердцемъ и лицомъ;
И прощенье торжествуетъ,
Какъ побѣду надъ врагомъ.
Оттого-то шумъ и клики
Въ Питербургѣ-городкѣ,
И пальба, и громъ музыки,
И эскадра на рѣкѣ;
Оттого-то въ часъ веселый
Чаша царская полна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

———

* * *

. . . . Вновь я посѣтилъ
Тотъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ
Отшельникомъ два года незамѣтныхъ.
Ужъ десять лѣтъ ушло съ тѣхъ поръ, и много
Перемѣнилось въ жизни для меня,
И самъ, покорный общему закону,
Перемѣнился я; но здѣсь опять
Минувшее меня объемлетъ живо —
И кажется, вчера еще бродилъ
Я въ этихъ рощахъ.
Вотъ опальный домикъ,
Гдѣ жилъ я съ бѣдной нянею моей.
Уже старушки нѣтъ, ужъ за стѣною
Не слышу я шаговъ ея тяжелыхъ,
Ни утреннихъ ея дозоровъ,
А вечеромъ, при завываньи бури,
Ея разсказовъ, мною затвержённыхъ
Отъ малыхъ лѣтъ, но никогда не скучныхъ...
Вотъ холмъ лѣсистый, надъ которымъ часто
Я сиживалъ, недвижимъ, и глядѣлъ
На озеро, воспоминая съ грустью
Иные берега, иныя волны...
Межъ нивъ златыхъ и пажитей зеленыхъ
Оно, синѣя, стелется широко;
Черезъ его невѣдомыя воды
Плыветъ рыбакъ и тянетъ за собой
Убогій неводъ. По брегамъ отлогимъ
Разсѣяны деревни; тамъ, за ними,
Скривилась мельница, насилу крылья
Ворочая при вѣтрѣ...
На границѣ
Владѣній дѣдовскихъ, на мѣстѣ томъ,
Гдѣ въ гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоятъ: одна по-одаль, двѣ другія
Другъ къ дружкѣ близко. Здѣсь, когда ихъ мимо
Я проѣзжалъ верхомъ, при свѣтѣ лунной ночи,
Знакомымъ шумомъ шорохъ ихъ вершинъ
Меня привѣтствовалъ. По той дорогѣ
Теперь поѣхалъ я, и предъ собою
Увидѣлъ ихъ опять; онѣ все тѣ же,
Все тотъ же ихъ знакомый слуху шорохъ,
Но около корней ихъ устарѣлыхъ,
Гдѣ нѣкогда все было пусто, голо,
Теперь младая роща разрослась;
Зеленая семья кругомъ тѣснится
Подъ сѣнью ихъ, какъ дѣти. А вдали
Стоитъ одинъ угрюмый ихъ товарищъ,
Какъ старый холостякъ, и вкругъ него
По-прежнему все пусто.
Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучій поздній возрастъ,
Когда перерастешь моихъ знакомцевъ
И старую главу ихъ заслонишь
Отъ глазъ прохожаго. Но пусть мой внукъ
Услышитъ вашъ привѣтный шумъ, когда,
Съ пріятельской бесѣды возвращаясь,
Веселыхъ и пріятныхъ мыслей полнъ,
Пройдетъ онъ мимо васъ во мракѣ ночи
И обо мнѣ вспомянетъ...

———

ТУЧА.

Послѣдняя туча разсѣянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тѣнь,
Одна ты печалишь ликующій день.
Ты небо недавно кругомъ облегала,
И молнія грозно тебя обвивала,
И ты издавала таинственный громъ,
И алчную землю поила дождемъ...
Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освѣжилась и буря промчалась,
И вѣтеръ, лаская листочки древесъ,
Тебя съ успокоенныхъ гонитъ небесъ.

———

ПАМЯТНИКЪ.

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный:
Къ нему не заростетъ народная тропа;
Вознесся выше онъ главою непокорной
Александрійскаго столпа.

Нѣтъ! весь я не умру: душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ—
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ піитъ.

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,

И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:
И гордый внукъ славянъ, и финнъ, и нынѣ дикой
Тунгусъ, и другъ степей Калмыкъ.

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу
И милость къ падшимъ призывалъ.

Велѣнью Божію, о Муза, будь послушна!
Обиды не страшась, не требуя вѣнца,
Хвалу и клевету пріемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

VI.

Кондратій Өедоровичъ Рылѣевъ.

1795 — 1826.

Трагически погибшій поэтъ-декабристъ. Искренній и безусловно самостоятельный въ содержаніи своей поэзіи, въ отношеніи формы Рылѣевъ находился подъ несомнѣннымъ вліяніемъ младшаго лѣтами, но великаго талантомъ поэта, и потому долженъ быть отнесенъ къ „пушкинской плеядѣ". Литературная дѣятельность его началась въ 1820 году сатирой „Къ временщику", гдѣ, не смотря на осторожный подзаголовокъ „Подражаніе Персію", всѣ узнали тотчасъ же портретъ Аракчеева. Нѣсколько грубая въ художественномъ отношеніи, сатира отличалась удивительной смѣлостью выраженій:

Надменный временщикъ, и подлый, и коварный,
Монарха хитрый льстецъ и другъ неблагодарный,
Неистовый тиранъ родной страны своей,
Взнесенный въ важный санъ пронырствами злодѣй!

Всѣ ждали бѣды для поэта, но гроза прошла мимо: или стихи не были показаны Аракчееву (пользовавшемуся всеобщей ненавистью), или онъ предпочелъ не принять ихъ на свой счетъ, вопреки полной очевидности:

Твои дѣла тебя изобличатъ народу:
Познаетъ онъ, что ты стѣснилъ его свободу,
Налогомъ тягостнымъ довелъ до нищеты,
Селенія лишилъ ихъ прежней красоты...

Главное произведеніе Рылѣева — „Думы", сборникъ тенденціозныхъ балладъ изъ русской исторіи, проникнутыхъ горячей любовью къ родинѣ и воспѣвающихъ всевозможныя гражданскія добродѣтели. Къ сожалѣнію, въ поэтическомъ отношеніи онѣ слабы; народный и историческій колоритъ почти совершенно отсутствуютъ, и еще Пушкинъ ядовито, но справедливо замѣтилъ: „Думы Рылѣева и мѣтятъ въ цѣль, да не попадаютъ"... Значительно превосходитъ ихъ поэма „Войнаровскій", отъ которой тотъ же Пушкинъ приходилъ въ восторгъ. Однако, если сравнить „Войнаровскаго", напр., съ „Полтавой", то всякому станетъ ясно, что первая изъ этихъ поэмъ (написанная, правда, раньше) не болѣе, какъ блѣдный намекъ, дѣтскій лепетъ...

Какъ бы то ни было, поэтическій талантъ Рылѣева не подлежитъ сомнѣнію. Страстно увлеченный общественной дѣятельностью, поэтъ придавалъ литературѣ второстепенное, служебное значеніе и удѣлялъ ей лишь малую часть своихъ богатыхъ душевныхъ силъ; но съ годами талантъ его могъ бы развернуться и проявиться полнѣе. Во всякомъ случаѣ, въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ Рылѣеву удалось съ достаточной поэтической силой взять новую для его времени ноту—беззавѣтной любви къ свободѣ и готовности пожертвовать за нее жизнью.

Ужасная смерть Рылѣева, погибшаго вмѣ-

стѣ съ Пестелемъ, Каховскимъ, Бестужевымъ и Муравьевымъ на висѣлицѣ (13 іюля 1826 г.),—на много десятковъ лѣтъ сдѣлала опальнымъ самое имя поэта, а произведенія его вывела изъ круга легальной литературы. Они не могли поэтому сродниться съ общественнымъ и народнымъ сознаніемъ, и къ тому времени, когда опала была снята съ памяти Рылѣева, оказались, за малыми исключеніями, уже устарѣвшими,—и по языку, и по духу чуждыми новой русской литературѣ...

Съ другой стороны, благодаря тому, что сочиненія Рылѣева хранились, главнымъ образомъ, въ рукописныхъ спискахъ,—многое неправильно приписывалось его перу: „Ужъ гдѣ тѣ острова“ (Пушкина), „Не слышно шуму городского“ (Глинки) и пр.

СТАНСЫ.

Не сбылись, мой другъ, пророчества
Пылкой юности моей:
Горькій жребій одиночества
Мнѣ сужденъ въ кругу людей!
Слишкомъ рано мракъ таинственный
Опытъ грозный разогналъ,
Слишкомъ рано, другъ единственный,
Я сердца людей узналъ.

. . . .

Съ тяжкой грустью, съ черной думою
Я съ тѣхъ поръ одинъ брожу
И могилою угрюмою
Міръ печальный нахожу.
Всюду встрѣчи безотрадныя:
Ищешь, суетный, людей,
А встрѣчаешь трупы хладные,
Иль безсмысленныхъ дѣтей!..

---

* * *

Свободы гордой вдохновенье,
Тебя не чувствуетъ народъ!
Оно молчитъ, святое мщенье...

. . . .

Я видѣлъ рабскую Россію
Передъ святыней алтаря:
Гремя цѣпьми, склонивши выю,
Она молилась за царя.

1824.

ГРАЖДАНИНЪ.

Я-ль буду въ роковое время
Позорить гражданина санъ
И подражать тебѣ, изнѣженное племя
Переродившихся славянъ?
Нѣтъ! неспособенъ я въ объятьяхъ сладострастья,
Въ постыдной праздности влачить свой вѣкъ младой
И изнывать кипящею душой
Подъ тяжкимъ игомъ самовластья.
Пусть юноши, не разгадавъ судьбы,
Постигнуть не хотятъ предназначенья вѣка
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человѣка;
Пусть съ хладнокровіемъ бросаютъ хладный взоръ
На бѣдствія измученной отчизны
И не читаютъ въ нихъ грядущій свой позоръ
И справедливыя потомковъ укоризны.
Они раскаются, когда народъ, возставъ,
Застанетъ ихъ въ объятьяхъ праздной нѣги
И, въ бурномъ мятежѣ ища свободныхъ правъ,
Въ нихъ не найдетъ ни Брута, ни Ріэги!

ИЗЪ „ИСПОВѢДИ НАЛИВАЙКИ“.

Одна мечта и ночь, и день
Меня преслѣдуетъ, какъ тѣнь;
Она мнѣ не даетъ покоя
Ни въ тишинѣ степей родныхъ,
Ни въ таборѣ, ни въ вихрѣ боя,
Ни въ часъ мольбы въ церквахъ святыхъ.
„Пора!“ мнѣ шепчетъ голосъ тайный...

. . . .

Извѣстно мнѣ: погибель ждетъ
Того, кто первый возстаетъ
На утѣснителей народа;
Судьба меня ужъ обрекла...
Но гдѣ, скажи, когда была
Безъ жертвъ искуплена свобода?
Погибну я за край родной,—
Я это чувствую, я знаю,—
И радостно, отецъ святой,
Свой жребій я благословляю!

1825.

VII.

Денисъ Васильевичъ Давыдовъ.

1784 — 1839.

По собственному признанію, Давыдовъ „бывалъ на Пиндѣ, но наскокомъ“, и поэзія его почти сплошь посвящена воспѣванію гусарскихъ и казацкихъ подвиговъ въ области хмѣля, грубаго эротизма и лихого умѣнья владѣть саблей и нагайкой. Поэзія невысокаго пошиба; но стихотворной формой Давыдовъ владѣетъ искусно и, въ своемъ родѣ, оригиналенъ.—Весельчакъ и остроумецъ, хорошій человѣкъ и милый товарищъ, Давыдовъ лишенъ былъ всякаго политическаго развитія, и гражданская идейность его не шла дальше безшабашнаго военнаго патріотизма...

Уже въ 30-хъ годахъ, незадолго до смерти, онъ написалъ „Современную Пѣсню“, имѣвшую шумный успѣхъ. Это—ѣдкая, полная явныхъ преувеличеній и пристрастія, сатира на русскіе либеральные кружки того задавленнаго времени и, между прочимъ, на П. Я. Чаадаева („маленькій аббатикъ“). Но отказать ей въ талантливости и остроуміи нельзя, и имя Давыдова сатира эта спасаетъ, во всякомъ случаѣ, отъ забвенія.

СОВРЕМЕННАЯ ПѢСНЯ.

Былъ вѣкъ бурный, дивный вѣкъ,
Громкій, величавый!
Былъ огромный человѣкъ,
Расточитель славы.
То былъ вѣкъ богатырей!
Но смѣшались шашки—
И полѣзли изъ щелей
Мошки да букашки.
Всякій маменькинъ сынокъ,
Всякій обирало,
Модныхъ бредней дурачокъ
Корчитъ либерала.
Деспотизма супостатъ,
Равенства ораторъ,
Вздулся—слѣпъ и бородатъ—
Гордый регистраторъ.
Томы Тьера и Рабо
Онъ на память знаетъ—
И, какъ ярый Мирабо,
Вольность прославляетъ.
А глядишь—нашъ Мирабо
Стараго Гаврила,
За измятое жабо,
Хлещетъ въ усъ и въ рыло;
А глядишь—нашъ Лафайетъ,
Брутъ или Фабрицій
Мужиковъ подъ прессъ кладетъ
Вмѣстѣ съ свекловицей.
Фразъ журнальныхъ лексиконъ,
Прапорщикъ въ отставкѣ:
Для него Наполеонъ—
Въ родѣ бородавки;
Для него славнѣе бой
Карбонаровъ блѣдныхъ,
Чѣмъ когда нашъ шаръ земной
Отъ громовъ побѣдныхъ

Колыхался и дрожалъ,
И народъ въ смятеньи,
Ницъ упавши, ожидалъ
Міра разрушенья.
Что-жъ?—Быть можетъ, нашъ герой
Утомилъ свой геній
И заботой боевой,
И огнемъ сраженій?
Нѣтъ, онъ въ битвахъ не бывалъ:
Шаркалъ по гостиннымъ
И по плацу выступалъ
Шагомъ журавлинымъ.
Что-жъ? - Быть можетъ, онъ богатъ
Счастьемъ семьянина,
Замѣня блистанье латъ
Тогой гражданина?
Нѣтъ, нахально подбочась,
Онъ по дачамъ рыщетъ
И въ театрѣ, развалясь,
Все шипитъ да свищетъ.
Что-жъ?—Быть можетъ, старины
Онъ бѣжалъ приманокъ,
Звѣзды, ленты и чины
Презрѣлъ спозаранокъ?
Нѣтъ, мудрецъ не разрывалъ
Съ честолюбьемъ дружбы,
И теперь бы крестикъ взялъ—
Только бы безъ службы.
Вотъ—гостинная въ лучахъ,
Свѣчи, да кенкеты,
На столѣ и на софахъ
Кипами газеты;
И превыспренній конгрессъ
Двухъ графинь оглохшихъ
И двухъ жалкихъ баронессъ,
Чопорныхъ и тощихъ,
Все исчадіе грѣха,
Страстное новинкой:
Заговорщица блоха
Съ мухой-якобинкой;
И козявка-егоза,
Дѣва пожилая,
И рябая стрекоза,
Сплетня записная;
И въ очкахъ сухой паукъ—
Длинный лазарони,
И въ очкахъ плюгавый жукъ—
Разноситель вони;
И комаръ, студентъ хромой,
Въ кучерской прическѣ.
И сверчокъ, крикунъ ночной,
Другъ Крылова „Моськи“;
И мурашка-филантропъ,
И червякъ голодный,
И Иванъ Иванычъ—клопъ,
Мужъ женоподобный—
Все вокругъ стола... И скокъ
Въ кипень совѣщанья—
Утопистъ, идеологъ,
Президентъ собранья,
Старыхъ барынь духовникъ,
Маленькій аббатикъ,
Чтó въ гостинныхъ бить привыкъ
Въ маленькій набатикъ...
Всѣ кричатъ ему привѣтъ
Съ аханьемъ и пискомъ,
А онъ важно имъ въ отвѣтъ:
„Dominus vobiscum!“
И раздолье языкамъ—
И ужъ тутъ не шутка!
И народамъ, и царямъ -
Всѣмъ приходитъ жутко!
„Все, чтò есть—все въ пыль и прахъ!
Все, что процвѣтаетъ—
Съ корнемъ вонъ!“ ареопагъ
Такъ опредѣляетъ.
И жужжитъ онъ, полнъ грозой,
Царства низвергая;
А Россія—Боже мой!—
Таска... да какая!
Размежованъ цѣлый свѣтъ
Безъ войны и драки!
И Россіи уже нѣтъ!
И въ Москвѣ—поляки.
Но, на зло врагамъ, она
Все живетъ и дышетъ,
И могуча, и грозна,
И здоровьемъ пышетъ.
Насѣкомыхъ болтовни
Внятіемъ не тѣшитъ,
Да и мѣста, гдѣ они,
Даже не почешетъ.
А когда, во время сна,
Моль иль таракашка
Заползетъ ей въ носъ, она
Чхнетъ—и вонъ букашка!

VIII.

Θедоръ Николаевичъ Глинка.

1786 — 1880.

Уже ко времени „отечественной войны" имя Глинки, какъ писателя, пользовалось извѣстностью; но, собственно, поэтическое дарованіе его обнаружилось лишь въ послѣдніе годы жизни Пушкина. Начиная съ 1830 года и вплоть до конца 60-хъ, стихотворенія и поэмы Глинки часто появлялись въ журналахъ и отдѣльныхъ изданіяхъ и въ свое время удостоились теплаго отзыва Бѣлинскаго. Направленіе поэзіи, преимущественно, религіозно-патріотическое.

Очень популярный до сихъ поръ романсъ Глинки „Узникъ", обыкновенно, приписывается Рылѣеву:

Не слышно шуму городского,
За невской башней тишина,
И на штыкѣ у часового
Горитъ полночная луна.
Мой бѣдный юноша, ровесникъ
Младымъ цвѣтущимъ деревамъ,
Въ глухой тюрьмѣ заводитъ пѣсню
И отдаетъ тоску волнамъ.
— Прости, отецъ! Прости, невѣста!
Сломись вѣнчальное кольцо! и т. д.

Но вторая половина стихотворенія, съ обращеніемъ къ „милости" русскаго царя („драгоцѣннѣйшему алмазу его короны"), ясно говоритъ, что не Рылѣевъ—авторъ этого романса.

ТРОЙКА.

Вотъ мчится тройка удалая
Вдоль по дорогѣ столбовой,
И колокольчикъ, даръ Валдая,
Гудитъ уныло подъ дугой.
Ямщикъ лихой—онъ всталъ съ полночи,
Ему взгрустнулося въ тиши—
И онъ запѣлъ про ясны очи,
Про очи дѣвицы-души:
„Ахъ, очи, очи голубыя,
Вы сокрушили молодца!
Зачѣмъ, о люди, люди злые,
Вы ихъ разрознили сердца?
Теперь я бѣдный сиротина!.."
И вдругъ ямщикъ—по всѣмъ по тремъ!
И тройкой тѣшился дѣтина,
И заливался соловьемъ.

———

МОСКВА.

Городъ чудный, городъ древній,
Ты вмѣстилъ въ свои концы
И посады, и деревни,
И палаты, и дворцы!
Опоясанъ лентой пашенъ,
Весь пестрѣешь ты въ садахъ...
Сколько храмовъ, сколько башенъ
На семи твоихъ холмахъ!
Исполинскою рукою
Ты, какъ хартія, развитъ
И надъ малою рѣкою
Сталъ великъ и знаменитъ.
На твоихъ церквахъ старинныхъ
Выростаютъ дерева;
Глазъ не схватитъ улицъ длинныхъ
Это—матушка Москва!
Кто, силачъ, возьметъ въ охапку,
Холмъ Кремля-богатыря?

Кто собьетъ златую шапку
У Ивана-звонаря?..
Кто царь-колоколъ подыметъ?
Кто царь-пушку повернетъ?
Шляпы кто, гордецъ, не сниметъ
У святыхъ Кремля воротъ?..
Ты не гнула крѣпкой выи
Въ бѣдовой своей судьбѣ:
Развѣ пасынки Россіи
Не поклонятся тебѣ!..
Ты, какъ мученикъ, горѣла,
Бѣлокаменная!
И рѣка въ тебѣ кипѣла
Бурно-пламенная!
И подъ пепломъ ты лежала
Полоненною,
И изъ пепла ты возстала
Неизмѣнною...
Процвѣтай-же славой вѣчной,
Городъ храмовъ и палатъ,
Градъ срединный, градъ сердечный,
Коренной Россіи градъ!

IX.

Иванъ Ивановичъ Козловъ.

1779 -- 1840.

На сорокъ второмъ году жизни (1821) Козлова поразило страшное бѣдствіе — слѣпота зрѣнія, — и только оно раскрыло дремавшее до тѣхъ поръ въ душѣ поэта дарованіе. „Таинство страданія, покорность волѣ Провидѣнія, надежда на лучшую жизнь за гробомъ, вѣра въ любовь, тихое уныніе, кроткая грусть, — говоритъ Бѣлинскій, — вотъ обычное содержаніе и колоритъ его вдохновеній. Прибавьте къ этому прекрасный мелодическій стихъ — и муза Козлова охарактеризована вполнѣ".

Лучшія стихотворенія Козлова — переводы, преимущественно изъ англійскихъ идилликовъ. Оригинальная поэма „Чернецъ", вышедшая въ 1824 году, имѣла шумный успѣхъ, быть можетъ, не меньшій, чѣмъ и первыя поэмы Пушкина, „съ тою разницею, — замѣчаетъ Бѣлинскій, — что „Чернеца" вполнѣ понимали: онъ былъ въ уровень со всѣми натурами, былъ по плечу всякому образованію. Для 20-хъ годовъ XIX вѣка „Чернецъ" былъ тѣмъ же самымъ, чѣмъ „Бѣдная Лиза" для 90-хъ годовъ XVIII-го"...

Меланхолически-сантиментальная поэзія Козлова, въ общемъ, уже не имѣетъ былой обаятельной власти надъ сердцами современныхъ читателей; въ большинствѣ, его стихотворенія кажутся теперь скучными... Однако, трудно представить такое время (даже и въ далекомъ будущемъ), когда лишились бы своей поэтической силы двѣ пьесы: „Не билъ барабанъ" и „Вечерній звонъ". Онѣ однѣ обезпечиваютъ имени поэта-слѣпца безсмертіе. Относительно первой изъ нихъ нужно, впрочемъ, замѣтить, что до сихъ не выяснено (такъ же, какъ относительно „Эоловой Арфы" Жуковскаго) — оригинальное это стихотвореніе, или переводное изъ какого-нибудь малоизвѣстнаго англійскаго поэта (Гербель указываетъ даже имя — Вольфа; рецензентъ словаря Брокгауза и Ефрона стоитъ за оригинальность).

ИЗЪ „ВЕНЕЦІАНСКОЙ НОЧИ".

Ночь весенняя дышала
Свѣтло-южной красотой;
Тихо Брента протекала,
Серебримая луной.
Отраженъ волной огнистой
Блескъ прозрачныхъ облаковъ,
И восходитъ паръ душистый
Отъ зеленыхъ береговъ.

Сводъ лазурный; томный ропотъ
Чуть колеблемой волны;
Померанцевъ, миртовъ шопотъ
И любовный свѣтъ луны;
Упоенья аромата
И цвѣтовъ, и свѣжихъ травъ,
И вдали напѣвъ Торквато
Гармоническихъ октавъ.

Все вливаетъ тайно радость,
Чувствамъ снится дивный міръ;

Сердце бьется; мчится младость
На любви весенній пиръ.
По водамъ скользятъ гондолы,
Искры брызжутъ подъ весломъ;
Звуки нѣжной баркароллы
Вѣютъ легкимъ вѣтеркомъ...
. . . .
Вотъ прекрасная выходитъ
На чугунное крыльцо;
Мѣсяцъ блѣдный лучъ наводитъ
На печальное лицо.
. . . .

ВЕЧЕРНІЙ ЗВОНЪ.

[изъ томаса мура.]

Вечерній звонъ, вечерній звонъ!
Какъ много думъ наводитъ онъ:
О юныхъ дняхъ въ краю родномъ,
Гдѣ я любилъ, гдѣ отчій домъ,
И какъ я, съ нимъ навѣкъ простясь,
Тамъ слушалъ звонъ въ послѣдній разъ!
Уже не зрѣть мнѣ свѣтлыхъ дней
Весны обманчивой моей!
И сколько нѣтъ теперь въ живыхъ
Тогда веселыхъ, молодыхъ!
И крѣпокъ ихъ могильный сонъ:
Не слышенъ имъ вечерній звонъ.
Лежать и мнѣ въ землѣ сырой!
Напѣвъ унылый надо мной
Въ долинѣ вѣтеръ разнесетъ;
Другой пѣвецъ по ней пройдетъ,
И ужъ не я, а будетъ онъ
Въ раздумьи пѣть вечерній звонъ!

НА ПОГРЕБЕНІЕ АНГЛІЙСКАГО ГЕНЕРАЛА СИРА ДЖОНА МУРА.

Не билъ барабанъ передъ смутнымъ полкомъ,
Когда мы вождя хоронили,
И трупъ не съ ружейнымъ прощальнымъ огнемъ
Мы въ нѣдра земли опустили.
И бѣдная почесть въ ночи отдана:
Штыками могилу копали...
Намъ тускло свѣтила въ туманѣ луна,
И факелы дымно сверкали.
На немъ не усопшихъ покровъ гробовой,
Лежитъ не въ дощатой неволѣ:
Обернутъ въ широкій свой плащъ боевой,
Уснулъ онъ, какъ ратники, въ полѣ.
Не долго, но жарко молилась Творцу
Дружина его удалая,
И молча смотрѣла въ лицо мертвецу,
О завтрашнемъ днѣ помышляя.
Быть можетъ, на утро внезапно явясь,
Врагъ дерзкій, надменности полный,
Тебя не уважитъ, товарищъ, а насъ
Умчатъ невозвратныя волны...
О нѣтъ, не коснется въ таинственномъ снѣ
До храбраго дума печали!
Твой одръ одинокій въ чужой сторонѣ
Родимыя руки постлали.
Еще не свершенъ былъ обрядъ роковой—
И часъ наступилъ разлученья,
И съ вала ударилъ перунъ вѣстовой—
Тебѣ онъ не вѣстникъ сраженья.
Прости же, товарищъ! Здѣсь нѣтъ ничего
На память могилы кровавой,
И мы оставляемъ тебя одного
Съ твоею безсмертною славой!

СЕЛЬСКАЯ СИРОТКА.

[изъ масе.]

Разсталась я съ тяжелымъ сномъ,
Не встрѣтясь съ радостной мечтою;
Я вмѣстѣ съ утренней зарею
Была на хо́лмѣ луговомъ.
Запѣла птичка тамъ надъ свѣжими кустами—
Въ душистой рощицѣ привольно ей летать;
Вдругъ съ кормомъ нѣжно къ ней стремится... вѣрно, [мать—
И залилася я слезами.
Ахъ! мнѣ не суждено, какъ птичкѣ молодой,
Въ тиши безвѣстной жить у матери родной.
Дубъ мирное гнѣздо отъ бури укрываетъ,
Привѣтный вѣтерокъ его тамъ колыхаетъ;
А я, бѣдняжка, что́ имѣю на земли?
И колыбели я не знала:
У храма сельскаго, когда меня нашли,
На камнѣ головъ я лежала.
Покинутая здѣсь, далёко отъ своихъ,
Не улыбалась я родимой ласкѣ ихъ.
Скитаюся одна! Вездѣ чужія лица,
Слыву въ деревнѣ сиротой.
Подружки лѣтъ моихъ, окружныхъ селъ дѣвицы,
Стыдятся звать меня сестрой.
И люди добрые сиротку не пускаютъ:
На вечеринкахъ ихъ нѣтъ мѣста мнѣ одной;
Со мною бѣдной не играютъ
Вкругъ яркаго огня семейною игрой...
Украдкой пѣснямъ я приманчивымъ внимаю,
И передъ сладкимъ сномъ, въ ту пору, какъ дѣтей
Отецъ, благословя, прижметъ къ груди своей,
Вечерній поцѣлуй я издали видаю.
И тихо, тихо въ храмъ святой
Иду я съ горькими слезами;
Лишь онъ сироткѣ не чужой,
Лишь онъ одинъ передо мной

Всегда съ отверстыми дверями.
И часто я ищу на камнѣ роковомъ
Слѣда сердечныхъ слезъ, которыя на немъ,
Быть можетъ, мать моя роняла,
Когда она меня въ чужбинѣ оставляла...
Одна между кустовъ, въ тѣни березъ густыхъ,
Гдѣ спятъ покойники подъ свѣжею травою,
Брожу я съ тягостной тоскою:
Мнѣ плакать не о комъ изъ нихъ—
И между мертвыхъ и живыхъ,
Вездѣ, вездѣ я сиротою!
Уже пятнадцать разъ весна
Въ слезахъ сиротку здѣсь встрѣчаетъ;
Цвѣтокъ безрадостный, она
Отъ непогоды увядаетъ.
Родная, гдѣ же ты? Увидимся-ль съ тобой?
Приди! я жду тебя все также сиротою,—
И все на камнѣ томъ, и все у церкви той,
Гдѣ я покинута тобою!

———

НАСЪ СЕМЕРО.

[изъ вордсворта.]

Навстрѣчу дѣвочка мнѣ шла:
Лѣтъ восемь было ей.
Ея головку облегла
Струя густыхъ кудрей.
И дикъ былъ видъ ея степной,
И дикъ простой нарядъ,
И радовалъ меня красой
Малютки милый взглядъ.
„Всѣхъ сколько васъ?—ей молвилъ я—
И братьевъ, и сестеръ?"
— Всего? насъ семь...—и на меня,
Дивясь, бросаетъ взоръ.
„А гдѣ-жъ они?"—Насъ семь всего,—
Въ отвѣтъ малютка мнѣ:—
Насъ двое жить пошли въ село,
И два на кораблѣ.
И на кладбищѣ братъ съ сестрой
Лежатъ изъ семерыхъ,
А за кладбищемъ я съ родной,
Живемъ мы подлѣ нихъ.—
—„Какъ? Двое жить въ село пошли,
Пустились двое плыть,
А все васъ семь! Дружокъ, скажи,
Какъ это можетъ быть?"
— Насъ семь, насъ семь,—она тотчасъ
Опять сказала мнѣ:—
Здѣсь на кладбищѣ двое насъ,
Подъ ивою, въ землѣ.—
„Ты бѣгаешь вокругъ нея,
Ты, видно, что жива;
Но васъ лишь пять, дитя мое,
Когда подъ ивой два."
— На ихъ гробахъ земля въ цвѣтахъ;
И десяти шаговъ
Нѣтъ отъ дверей родной моей
До милыхъ намъ гробовъ.
Я часто здѣсь чулки вяжу,
Платокъ мой здѣсь рублю,
И подлѣ ихъ могилъ сижу,
И пѣсни имъ пою.
И если позднею порой
Свѣтло горитъ заря,
То, взявъ мой сыръ и хлѣбъ съ собой,
Здѣсь ужинаю я.
Малютка Дженни день и ночь
Томилася больна;
Но Богъ ей не забылъ помочь—
И спряталась она.
Когда-жъ ее мы погребли,
И расцвѣла земля,
Къ ней на могилу мы пришли
Рѣзвиться, Джонъ и я.
Но только дождалась зимой
Коньковъ я и саней,
Ушелъ и Джонъ, братишка мой,
И легъ онъ рядомъ съ ней.—
„Такъ сколько-жъ васъ?" былъ мой отвѣтъ:
„На небѣ двое, вѣрь!
Васъ только пять."—О, баринъ, нѣтъ!
Сочти—насъ семь теперь.—
„Да нѣтъ ужъ двухъ—они въ землѣ,
А души въ небесахъ!"
Но былъ ли прокъ въ моихъ словахъ?
Все дѣвочка твердила мнѣ:
— О нѣтъ, насъ семь, насъ семь!—

X.

Кн. Петръ Андреевичъ Вяземскій.

1792 — 1878.

Громкая въ свое время извѣстность Вяземскаго, какъ поэта, создалась, въ сущности, благодаря близкой дружбѣ его съ Пушкинымъ. Собственной поэтической физіономіи, сколько-нибудь яркой и опредѣленной, у него нѣтъ. Характеръ стиховъ, по преимуществу, сатирико-дитактическій (басни, притчи, эпиграммы); они отличаются порой несомнѣннымъ остроуміемъ, но отнюдь не глубиной и поэтической образностью. Лучшія вещи написаны въ 30-хъ, 40-хъ годахъ и даже позже, когда въ современной литературѣ Вяземскій почти уже забыт был, какъ поэтъ; многія изъ нихъ испорчены при томъ, затхлой струей квасного патріотизм („Что̀ для русскаго здорово, то для нѣмц карачунъ" и т. п.).

Въ качествѣ довольно язвительнаго жур нальнаго критика, Вяземскій пользовался в 20-хъ годахъ большой извѣстностью. В 1848 году имъ была издана замѣчательна книга о Фонвизинѣ, не устарѣвшая и до сих поръ.

СЛЕЗЫ.

Сколько слезъ я пролилъ,
Сколько тайныхъ слезъ
Скрыться приневолилъ
Въ дни сердечныхъ грозъ!
Слезы, что пробились,
Позабыты мной;
Чувства освѣжились
Сладкой ихъ росой.
Слезы, что осѣли
На сердечномъ днѣ,
Къ язвамъ прикипѣли
Ржавчиной во мнѣ.

1830.

Изъ стих. „ТРОЙКА".

Тройка мчится, тройка скачетъ,
Вьется пыль изъ-подъ копытъ;
Колокольчикъ звонко плачетъ,
И хохочетъ, и визжитъ.
По дорогѣ голосисто
Раздается яркій звонъ;
То въ дали отбрякнетъ чисто,
То застонетъ глухо онъ.
Словно лѣшій вѣдьмѣ вторитъ
И аукается съ ней,
Иль русалка тараторитъ
Въ рощѣ звучныхъ камышей.
Русской степи, ночи темной,
Поэтическая вѣсть!
Много въ ней и думы томной,
И раздолья много есть!

1834.

* * *

[ОТРЫВОКЪ.]

Грустно видѣть, Русь святая,
Какъ въ степенные года

Нашихъ предковъ удалая
Изнѣмечилась ѣзда!
По дорогѣ, въ чистомъ полѣ
Колокольчикъ нашъ заглохъ,
И, невиданный дотолѣ,
Молча тащится, трёхъ-трехъ,
Словно чопорный германецъ
При ботфортахъ и косѣ,
Неуклюжій дилижанецъ
По нѣмецкому шоссе...
1838.

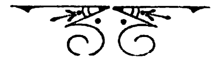
СТАРОЕ ПОКОЛѢНІЕ.

Смерть жатву жизни косить, косить
И каждый день, и каждый часъ
Добычи новой жадно проситъ
И грозно разрываетъ насъ.
Какъ много ужъ именъ прекрасныхъ
Она отторгла у живыхъ,
И сколько лиръ виситъ безгласныхъ
На кипарисахъ молодыхъ!
Какъ много сверстниковъ не стало,
Какъ много младшихъ ужъ сошло,
Которыхъ утро расцвѣтало,
Когда насъ знойнымъ полднемъ жгло...
А мы остались, уцѣлѣли
Изъ этой сѣчи роковой,
По смерти ближнихъ оскудѣли
И ужъ не рвемся въ жизнь, какъ въ бой.
Печально вѣкъ свой доживая,
Мы запоздавшей смѣны ждемъ,
Съ днемъ каждымъ сами умирая,
Пока не вовсе мы умремъ.
Сыны другого поколѣнья,
Мы въ новомъ—прошлогодній цвѣтъ,
Живыхъ намъ чужды впечатлѣнья,
А нашимъ—въ нихъ сочувствій нѣтъ!
Они—что́ любимъ—разлюбили,
Страстямъ ихъ—насъ не волновать;
Ихъ не было́ тамъ, гдѣ мы были,
Гдѣ будутъ—намъ ужъ не бывать!
Нашъ міръ—имъ храмъ опустошенный,
Имъ баснословье—наша быль,
И то, что пепелъ намъ священный,
Для нихъ—одна нѣмая пыль!
Такъ мы развалинамъ подобны,
И на распутіи живыхъ
Стоимъ, какъ памятникъ надгробный,
Среди обителей людскихъ.
1841.

ЗИМА.

[изъ „Масляницы на чужой сторонѣ".]

Здравствуй, въ бѣломъ сарафанѣ
Изъ серебряной парчи!
На тебѣ горятъ алмазы,
Словно яркіе лучи.
Ты живительной улыбкой,
Свѣжей прелестью лица
Пробуждаешь къ чувствамъ новымъ
Усыпленныя сердца.
Здравствуй, русская молодка,
Раскрасавица-душа,
Бѣлоснѣжная лебедка,
Здравствуй, матушка-зима!
Намъ не страшенъ снѣгъ суровый:
Съ снѣгомъ батюшка-морозъ—
Нашъ природный, нашъ дешевый
Пароходъ и паровозъ.
Скоро масляницы бойкой
Закипитъ широкій пиръ,
И блинами, и настойкой
Закутитъ крещеный міръ!
Игры, братскія попойки,
Настежь двери и сердца!
Пышутъ бѣшеныя тройки,
Въ снѣгъ топо́ча у крыльца.
Вотъ взвились и полетѣли,
Что твой соколъ въ облакахъ!
Красота ямской артели
Вожжи крѣпко сжалъ въ рукахъ:
Въ шапкѣ, въ синемъ полушубкѣ
Такъ и смотритъ молодцомъ,
Погоняетъ закадычныхъ
Свистомъ, ласковымъ словцомъ.



XI.

Дмитрій Владиміровичъ Веневитиновъ.

1805 — 1827.

Одна изъ безвременно погибшихъ крупныхъ надеждъ русской литературы. Рано созрѣвшій мыслью, философски образованный, чуткій ко всему прекрасному и благородному, Веневитиновъ умеръ на *двадцать второмъ* году жизни... Естественно, что такъ рано погибшій юноша-поэтъ не могъ оставить большого количества безукоризненныхъ въ художественномъ отношеніи произведеній,—тѣмъ болѣе, что классическія стихотворныя формы, созданныя у насъ Жуковскимъ, Батюшковымъ и Пушкинымъ, въ его время не были еще прочнымъ завоеваніемъ литературы. Однако, и на слабыхъ въ общемъ юношескихъ стихахъ Веневитинова лежитъ печать истиннаго дарованія: всегда искреннему чувству и ясной мысли отвѣчаетъ легкій и гармоничный стихъ, тамъ и сямъ разсыпаны отдѣльные, поражающіе образностью и красотой, стихи и цѣлыя тирады. Какъ удивительно хорошо, напр., начало „Элегіи“, обращенной къ Зинаидѣ Волконской:

Волшебница! Какъ сладко пѣла ты
Про дивную страну очарованья,
Про *жаркую отчизну красоты*!
Какъ я любилъ твои воспоминанья,
Какъ жадно я внималъ словамъ твоимъ
И какъ мечталъ о краѣ неизвѣстномъ!
Ты упилась симъ воздухомъ небеснымъ,
И рѣчь твоя такъ страстно дышетъ имъ!
На цвѣтъ небесъ ты долго нагляделась
И цвѣтъ небесъ въ очахъ намъ принесла...

---

* * *

Я чувствую, во мнѣ горитъ
Святое пламя вдохновенья,
Но къ темной цѣли духъ паритъ...
Кто мнѣ укажетъ путь спасенья?
Я вижу, жизнь передо мной
Кипитъ, какъ океанъ безбрежный...
Найду ли я утесъ надежный,
Гдѣ твердой обопрусь ногой?
Иль, вѣчнаго сомнѣнья полный,
Я буду горестно глядѣть
На перемѣнчивыя волны,
Не зная, что́ любить, что пѣть?

„Открой глаза на всю природу,—
Мнѣ тайный голосъ отвѣчалъ,—
Но дай имъ выборъ и свободу,
Твой часъ еще не наступалъ.
Теперь гонись за жизнью дивной
И каждый мигъ въ ней воскрешай,
На каждый звукъ ея призывный
Отзывной пѣснью отвѣчай!
Когда-жъ минуты удивленья,
Какъ сонъ туманный, пролетятъ,
И тайны вѣчнаго творенья
Яснѣй прочтетъ спокойный взглядъ,—
Смирится гордое желанье
Обнять весь міръ въ единый мигъ,

И звуки тихихъ струнъ твоихъ
Сольются въ стройныя созданья".

. . . .

ЖИЗНЬ.

Сначала жизнь плѣняетъ насъ:
Въ ней все тепло, все сердце грѣетъ
И, какъ заманчивый разсказъ,
Нашъ умъ причудливый лелѣетъ.
Кой-что страшитъ издалека,
Но въ этомъ страхѣ наслажденье:
Онъ веселитъ воображенье,
Какъ о волшебномъ приключеньи
Ночная повѣсть старика.
Но кончится обманъ игривый,
Мы привыкаемъ къ чудесамъ.
Потомъ—на все глядимъ лѣниво,
Потомъ—и жизнь постыла намъ.
Ея загадка и завязка
Уже длинна, стара, скучна,
Какъ пересказанная сказка
Усталому предъ часомъ сна.

ПОЭТЪ И ДРУГЪ.

…угъ. Ты въ жизни только расцвѣтаешь,
И ясенъ міръ передъ тобой,—
Зачѣмъ же ты въ душѣ младой
Мечту коварную питаешь?
Кто близокъ къ двери гробовой,
Того уста не пламенѣютъ,
Не такъ душа его пылка,
Въ привѣтахъ взоры не свѣтлѣютъ,
И такъ ли жметъ его рука?
…этъ. Мой другъ! слова твои напрасны.
Не лгутъ мнѣ чувства: ихъ языкъ
Я понимать давно привыкъ,
И ихъ пророчества мнѣ ясны,
Душа сказала мнѣ давно:
Ты въ мірѣ молніей промчишься!
Тебѣ все чувствовать дано,
Но жизнью ты не насладишься.
…гъ. Не такъ природы строгъ завѣтъ.
Не презирай ея дарами:
Она на радость юныхъ лѣтъ
Даетъ надежды намъ съ мечтами.
Ты гордо слышалъ ихъ привѣтъ:
Она желаніе святое
Сама зажгла въ твоей крови
И въ грудь для пламенной любви
Вложила сердце молодое.
…ъ. Природа не для всѣхъ очей
Покровъ свой тайный подымаетъ:
Мы всѣ равно читаемъ въ ней,
Но кто, читая, понимаетъ?
Лишь тотъ, кто съ юношескихъ дней
Былъ пламеннымъ жрецомъ искусства,
Кто жизни не щадилъ для чувства,
Вѣнецъ мученьями купилъ,
Надъ суетой вознесся духомъ
И сердца трепетъ жаднымъ слухомъ,
Какъ вѣщій голосъ, изловилъ!
Тому, кто жребій довершилъ,
Потеря жизни—не утрата,
Безъ страха міръ покинетъ онъ.
Судьба въ дарахъ своихъ богата,
И не одинъ у ней законъ:
Тому—процвѣсть съ развитой силой
И смертью жизни слѣдъ стереть,
Другому—рано умереть,
Но жить за сумрачной могилой!
Другъ. Мой другъ, зачѣмъ обманъ питать?
Нѣтъ! дважды жизнь насъ не лелѣетъ.
Я то люблю, что сердце грѣетъ,
Что я своимъ могу назвать,
Что наслажденье въ полной чашѣ
Намъ предлагаетъ каждый день;
А что за гробомъ, то не наше:
Пусть величаютъ нашу тѣнь,
Нашъ голый остовъ отрываютъ,
По волѣ вѣтреной мечты
Даютъ ему лицо, черты
И призракъ славой называютъ!
Поэтъ. Нѣтъ, другъ мой! славы не брани:
Душа сроднилася съ мечтою;
Она надеждою благою
Печали озаряла дни.
Мнѣ сладко вѣрить, что со мною
Не все, не все погибнетъ вдругъ,
И что уста мои вѣщали—
Веселья мимолетный звукъ,
Напѣвъ задумчивой печали,—
Еще напомнитъ обо мнѣ,
И сильный стихъ не разъ встревожитъ
Умъ пылкій юноши во снѣ,
И старецъ со слезой, быть можетъ,
Труды нелживые прочтетъ.
Онъ въ нихъ души печать найдетъ
И молвитъ слово состраданья:
„Какъ я люблю его созданья!
Онъ дышетъ жаромъ красоты,
Въ немъ умъ и сердце согласились,
И мысли полныя носились
На легкихъ крыліяхъ мечты.
Какъ зналъ онъ жизнь, какъ мало жилъ!"
... Сбылись пророчества поэта,
И другъ въ слезахъ съ началомъ лѣта
Его могилу посѣтилъ...
Какъ зналъ онъ жизнь, какъ мало жилъ!

ПОСЛѢДНІЕ СТИХИ.

Люби питомца вдохновенья
И гордый умъ предъ нимъ склоняй;
Но, въ чистой жаждѣ наслажденья,
Не каждой арфѣ слухъ ввѣряй!
Не много истинныхъ пророковъ
Съ печатью тайны на челѣ,
Съ дарами выспреннихъ уроковъ,
Съ глаголомъ неба на землѣ.

XII.

Ѳедоръ Антоновичъ Туманскій.

1801 (?) — 1853.

Извѣстно всего девять стихотвореній, на-санныхъ Туманскимъ, и изъ нихъ одно ько—„Птичка“—до сихъ поръ пользуется рокой популярностью. Многіе отдаютъ ей же предпочтеніе передъ „Птичкой“ Пуш-на (см. стр. 44)... Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что чувство, возбуждаемое пушкинскимъ стихотвореніямъ, несравненно сложнѣе,—въ немъ больше поэтическихъ элементовъ; къ тому же, „Птичка“ Туманскаго написана пятью годами позже.

ПТИЧКА.

Вчера я растворилъ темницу
Воздушной плѣнницы моей:
Я рощамъ возвратилъ пѣвицу,
Я возвратилъ свободу ей.

Она исчезла, утопая
Въ сіяньи голубаго дня,
И такъ запѣла, улетая,
Какъ бы молилась за меня.

1827.

XIII.

Евгеній Абрамовичъ Баратынскій.

1800 — 1844.

Самая яркая звѣзда пушкинской плеяды. Современники, въ томъ числѣ и самъ Пушкинъ, ставили стихи (и особенно поэмы) Баратынскаго необычайно высоко; въ настоящее время поэмы совершенно забыты, а изъ мелкихъ стихотвореній лишь немногія сохранили неувядающую поэтическую прелесть. Не такъ еще давно дѣлались, правда, попытки реабилитировать славу Баратынскаго, провозгласить его родоначальникомъ философскаго пессимизма въ русской литературѣ; однако, большинство критиковъ держится того мнѣнія, что „философскій пессимизмъ" нашего поэта очень неглубокъ и непроченъ (наиболѣе удачныя стихотворенія—„Весна", „Истина", „Мадонна", „На смерть Гете" и др. — слѣдуетъ назвать скорѣе жизнерадостными), что никакого опредѣленнаго міровоззрѣнія у него нѣтъ, какъ нѣтъ и вообще сильной поэтической индивидуальности, и этимъ только и объясняется сравнительное равнодушіе потомства къ его замѣчательной, во всякомъ случаѣ, поэзіи. По безукоризненному чекану стиха, мѣткости и образности поэтическихъ опредѣленій онъ часто положительно не уступаетъ Пушкину. Стихотворенія Баратынскаго — богатѣйшій источникъ для выбора красивыхъ цитатъ, эп графовъ и всякихъ афоризмовъ („Альбо походитъ на кладбище: для всѣхъ открыт жилище, онъ такъ же множествомъ именъ са любиво испещренъ." — „Повѣрь, мой друг страданье нужно намъ: не испытавъ его, нель понять и счастья".—„Возвышенную цѣль поэ избрать обязанъ".—„Напрасно дò поту ли о славѣ Фофановъ хлопочетъ: ему отказа даръ пѣвца,—трудится онъ, а Фебъ хохочет Межъ тѣмъ, даря веселью дни, едва ли Б тюшковъ, Парни о прихотливой вспомина и что-жъ? Нечаянно они ее въ Цитерѣ п встрѣчали".—„Зоилъ, кадящій мертвецу, что живыхъ задѣть кадиломъ".—„Въ мракъ ночн безплодный вечеръ канетъ, вѣнецъ пусто дня".—„Мгновенье мнѣ принадлежитъ, какъ принадлежу мгновенью". — „Предразсудо онъ обломокъ давней правды".—„Какъ Маг лина, плачешь ты, и какъ русалка—ты хо чешь". И т. д., и т. д.).

Великолѣпное стихотвореніе „На смер Гете" (1832 г.)—вершина художественн творчества Баратынскаго, и оно одно об печиваетъ поэту видное мѣсто въ истор русской поэзіи XIX вѣка.

МУЗА.

Не ослѣпленъ я музою моею:
Красавицей ее не назовутъ,
И юноши, узрѣвъ ее, за нею
Влюбленною толпой не побѣгутъ.
Приманивать изысканнымъ уборомъ,
Игрою глазъ, блестящимъ разговоромъ—
Ни склонности у ней, ни дара нѣтъ.
Но пораженъ бываетъ мелькомъ свѣтъ
Ея лица необщимъ выраженьемъ,
Ея рѣчей спокойной простотой,—
И онъ скорѣй, чѣмъ ѣдкимъ осужденьемъ,
Ее почтитъ небрежной похвалой.

———

А. А. ВОЕЙКОВОЙ.

Очарованье красоты
Въ тебѣ не страшно намъ:
Не будишь насъ, какъ солнце, ты
Къ мятежнымъ суетамъ;
Отъ дольней жизни, какъ луна,
Манишь за край земной,
И при тебѣ душа полна
Священной тишиной.

———

* * *

Чудный градъ порой сольется
Изъ летучихъ облаковъ,
Но—лишь вѣтръ его коснется,
Онъ исчезнетъ безъ слѣдовъ.
Такъ мгновенныя созданья
Поэтической мечты
Исчезаютъ отъ дыханья
Повседневной суеты.

———

* * *

Не подражай: своеобразенъ геній
И собственнымъ величіемъ великъ;
Доратовъ ли, Шекспировъ ли двойникъ,
Досаденъ ты: не любятъ повтореній.
Съ Израилемъ пѣвцу одинъ законъ:
Да не творитъ себѣ кумира онъ!
Когда тебя, Мицкевичъ вдохновенный,
Я застаю у Байроновыхъ ногъ,
Я думаю: поклонникъ униженный,
Возстань, возстань и вспомни: самъ ты богъ!

———

РИМЪ.

Ты былъ ли, гордый Римъ, земли самовластитель?
Ты былъ ли, о свободный Римъ?
Къ нѣмымъ развалинамъ твоимъ
Подходитъ съ грустію ихъ чуждый навѣститель.
За что утратилъ ты величье прежнихъ дней?
За что, державный Римъ, тебя забыли боги?
Градъ пышный, гдѣ твои чертоги?
Гдѣ сильные твои, о родина мужей?
Тебѣ ли измѣнилъ побѣды мощный геній?
Ты-ль на распутіи временъ
Стоишь, въ позорище племенъ,
Какъ пышный саркофагъ погибшихъ поколѣній?
Кому еще грозишь съ твоихъ семи холмовъ?
Судьбы ли всѣхъ державъ ты грозный возвѣститель?
Или, какъ призракъ-обвинитель,
Печальный предстоишь очамъ твоихъ сыновъ?

———

ИСТИНА.

О счастіи съ младенчества тоскуя,
Все счастьемъ бѣденъ я;
Или во вѣкъ его не обрѣту я
Въ пустынѣ бытія?
Младые сны отъ сердца отлетѣли,
Не узнаю я свѣтъ;
Надеждъ своихъ лишенъ я прежней цѣли,
А новой цѣли нѣтъ.
„Безуменъ ты и всѣ твои желанья",
Мнѣ первый опытъ рекъ.
И лучшія мечты моей созданья
Отвергнулъ я навѣкъ.
Но для чего души разувѣренье
Свершилось не вполнѣ?
О юныхъ снахъ слѣпое сожалѣнье
Зачѣмъ живетъ во мнѣ?
Такъ нѣкогда обдумывалъ съ роптаньемъ
Я жребій тяжкій свой.
Вдругъ Истину (то не было мечтаньемъ)
Узрѣлъ передъ собой.
„Свѣтильникъ мой укажетъ путь ко счастью!
Вѣщала:—захочу,
И страстнаго отрадному безстрастью
Тебя я научу.
„Пускай со мной ты сердца жаръ погубишь;
Пускай, узнавъ людей,
Ты, можетъ-быть, испуганный, разлюбишь
И ближнихъ, и друзей.
„Я бытія всѣ прелести разрушу,
Но умъ наставлю твой;
Я оболью суровымъ хладомъ душу,
Но дамъ душѣ покой".
Я трепеталъ, словамъ ея внимая,
И горестно въ отвѣтъ
Промолвилъ ей: „О, гостья роковая,
Печаленъ твой привѣтъ!
„Свѣтильникъ твой—свѣтильникъ погребальный

Всѣхъ радостей земныхъ!
Твой миръ, увы! могилы миръ печальный,
И страшенъ для живыхъ.
„Нѣтъ, я не твой! въ твоей наукѣ строгой
Я счастья не найду;
Покинь меня: кой-какъ моей дорогой
Одинъ я побреду.
„Прости! иль нѣтъ: когда мое свѣтило
Во звѣздной вышинѣ
Начнетъ блѣднѣть, и все, что сердцу мило,
Забыть придется мнѣ,—
„Явись тогда! Раскрой тогда мнѣ очи,
Мой разумъ просвѣти,
Чтобъ, жизнь презрѣвъ, я могъ въ обитель ночи
Безропотно сойти!"

МАДОННА.

Близъ Пизы, въ Италіи, въ полѣ пустомъ
(Не зрѣлось жилья на полмили кругомъ),
Межъ древнихъ развалинъ стояла лачужка;
Съ молоденькой дочкой жила въ ней старушка.
Съ разсвѣта до ночи за тяжкимъ трудомъ,
А все-таки голодъ имъ часто знакомъ.
И дочка порою душой унывала,
Терпѣньемъ скудѣя, на Бога роптала.
„Не плачь, не кручинься ты, солнце мое!—
Тогда утѣшала старушка ее:—
„Не плачь, перемѣнится доля крутая:
Придетъ къ намъ на помощь Мадонна святая.
Да ликъ ея вѣру въ тебѣ укрѣпитъ!
Смотри, какъ привѣтно съ холста онъ глядитъ!"
Старушка смиренная, съ рѣчью такою,
Бывало, крестилась дрожащей рукою,
И, съ теплою вѣрою въ сердцѣ простомъ,
Она, съ умиленнымъ и кроткимъ лицомъ,
На живопись темную взоръ подымала,
Чтó уголъ въ лачужкѣ безъ рамъ занимала.
Но больше и больше нужда ихъ тѣснитъ,
Дочь плачетъ и ропщетъ, старушка молчитъ.
Съ утра по руинамъ бродилъ любопытный:
Забылся, красѣ ихъ дивясь, ненасытный.
Кровъ нуженъ ему отъ полдневныхъ лучей,—
Стучится къ старушкѣ и входитъ онъ къ ней.
На лавку садился пришлецъ утомленный,
Но вспрянулъ, картиною вдругъ пораженный.
„Божественный образъ! чья кисть это, чья?
О, какъ не узнать мнѣ? Корреджій, твоя!
И въ хижинѣ этой творенье таится,
Которымъ и царскій дворецъ возгордится!
Старушка, продай мнѣ картину свою,
Тебѣ за нее сто піастровъ даю".
— Синьоръ, я бѣдна, но душой не торгую;
Продать не могу я икону святую.—
„Я двѣсти даю, согласися продать."
— Синьоръ, синьоръ! бѣдность грѣшно искушать.
Упрямства не могъ побѣдить онъ въ старушкѣ.
Осталась картина въ убогой лачужкѣ.
Но вскорѣ потомъ по Италіи всей
Летучая вѣсть разнеслася о ней.
Къ старушкѣ моей гость за гостемъ стучится,
И, дверь отворяя, старушка дивится.
За входъ она малую плату беретъ
И съ дочкой своею безбѣдно живетъ.
Такъ, вѣру и геній въ едино сливая,
Равно оправдала ихъ Дѣва святая.

---

* * *

Гдѣ сладкій шопотъ
Моихъ лѣсовъ?
Потоковъ ропотъ,
Цвѣты луговъ?
Деревья голы;
Коверъ зимы
Покрылъ холмы,
Луга и долы.
Подъ ледяной
Своей корой
Ручей нѣмѣетъ;
Все цѣпенѣетъ.
Лишь вѣтеръ злой,
Бушуя, воетъ
И небо кроетъ
Сѣдою мглой...
. . . .

---

* * *

Весна, весна! Какъ воздухъ чистъ.
Какъ ясенъ небосклонъ!
Своей лазурію живой
Слѣпитъ мнѣ очи онъ.
Весна, весна! Какъ высоко,
На крыльяхъ вѣтерка,
Ласкаясь къ солнечнымъ лучамъ,
Летаютъ облака!
Шумятъ ручьи, блестятъ ручьи...
Взревѣвъ, рѣка несетъ
На торжествующемъ хребтѣ
Поднятый ею ледъ.
Еще древа обнажены.
Но въ рощѣ ветхій листъ,
Какъ прежде, подъ моей ногой
И шуменъ, и душистъ.
Подъ солнце самое взвился
И въ яркой вышинѣ

Незримый жаворонокъ поетъ
Заздравный гимнъ веснѣ.
Чтó съ нею, чтó съ моей душой?
Съ ручьемъ она ручей
И съ птичкой птичка! Съ нимъ журчитъ,
Летаетъ въ небѣ съ ней!
. . . .

ПРИМѢТЫ.

Пока человѣкъ естества не пыталъ
Горниломъ, вѣсами и мѣрой,
Но дѣтски вѣщаньямъ природы внималъ,
Ловилъ ея знаменья съ вѣрой;
Покуда природу любилъ онъ, она
Любовью ему отвѣчала,—
О немъ дружелюбной заботы полна,
Языкъ для него обрѣтала.
Почуя бѣду надъ его головой,
Вранъ каркалъ, ему въ опасенье,
И замысла, въ пору смирясь предъ судьбой,
Воздерживалъ онъ дерзновенье.
На путь ему выбѣжавъ изъ лѣсу, волкъ,
Крутясь и подъемля щетину,
Побѣду пророчилъ—и смѣло свой полкъ
Бросалъ онъ на вражью дружину.
Чета голубиная, вѣя надъ нимъ,
Блаженство любви прорицала...
Въ пустынѣ безлюдной онъ не былъ однимъ:
Нечуждая жизнь въ ней дышала.
Но, чувство презрѣвъ, онъ довѣрилъ уму,
Вдался въ суету изысканій,—
И сердце природы закрылось ему,
И нѣтъ на землѣ прорицаній!

* *

Онъ близокъ, близокъ день свиданья,
Тебя, мой другъ, увижу я!
Скажи—восторгомъ ожиданья
Что-жъ не трепещетъ грудь моя?
Не мнѣ роптать; но дни печали,
Быть-можетъ, поздно миновали:
Съ тоской на радость я гляжу,
Не для меня ея сіянье,
И я напрасно упованье
Въ больной душѣ моей бужу.
Судьбы ласкающей улыбкой
Я наслаждаюсь не вполнѣ:
Все мнится, счастливъ я ошибкой,
И не къ лицу веселье мнѣ...

НА СМЕРТЬ ГЕТЕ.

Предстала—и старецъ великій смежилъ
Орлиныя очи въ покоѣ;
Почилъ безмятежно, занé совершилъ
Въ предѣлѣ земномъ все земное!
Надъ дивной могилой не плачь, не жалѣй,
Что генія черепъ—наслѣдье червей.
Погасъ! но ничто не оставлено имъ
Подъ солнцемъ живыхъ безъ привѣта;
На все отозвался онъ сердцемъ своимъ,
Что проситъ у сердца отвѣта:
Крылатою мыслью онъ міръ облетѣлъ,
Въ одномъ безпредѣльномъ нашелъ ей предѣлъ.
Все духъ въ немъ питало: труды мудрецовъ,
Искусствъ вдохновенныхъ созданья,
Преданья, завѣты минувшихъ вѣковъ,
Цвѣтущихъ временъ упованья;
Мечтою, по волѣ, проникнуть онъ могъ
И въ нищую хату, и въ царскій чертогъ.
Съ природой одною онъ жизнью дышалъ:
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье;
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна.
Извѣданъ, испытанъ имъ весь человѣкъ!
И ежели жизнью земною
Творецъ ограничилъ летучій нашъ вѣкъ,
И насъ за могильной доскою,
За міромъ явленій не ждетъ ничего,—
Творца оправдаетъ могила его.
И если загробная жизнь намъ дана,—
Онъ, здѣшней вполнѣ отдышавшій
И въ звучныхъ, глубокихъ отзывахъ сполна
Все дольное долу отдавшій,
Къ Предвѣчному легкой душой возлетитъ,
И въ небѣ земное его не смутитъ.

XIV.

Кн. Александръ Ивановичъ Одоевскій.

1803 — 1839.

Поэтъ-декабристъ, съ 1826 года до конца 1837-го томившійся въ Сибири, въ каторгѣ и ссылкѣ. Къ этому мрачному періоду и относятся его немногія уцѣлѣвшія стихотворенія. Два послѣднихъ года жизни Одоевскій провелъ на Кавказѣ, служа въ солдатахъ, и здѣсь подружился съ Лермонтовымъ, посвятившимъ ему свое чудное стихотвореніе „Я зналъ его, мы странствовали съ нимъ въ горахъ Востока"... Это былъ идеальный, обаятельно-нѣжный и скромный человѣкъ, не придававшій таланту своему никакого общаго значенія. Не только самъ не записывалъ онъ своихъ стиховъ, но не любилъ, чтобы записывали и друзья, которымъ онъ, случалось, читалъ ихъ, уступая просьбамъ. Немногое сохранившееся, благодаря такимъ случайнымъ записямъ, по общимъ отзывамъ, не представляетъ лучшихъ образцовъ поэтическаго творчества Одоевскаго, да и точность этихъ записей подлежитъ иногда сомнѣнію.

ЖЕЛАНІЕ НЕПРОБУДНАГО СНА.

Еще твой образъ свѣтлоокій
Стоитъ и дышетъ предо мной...
Какъ въ душу онъ запалъ глубоко—
Тревожитъ онъ ея покой!
Я помню грустную разлуку:
Ты мнѣ на мой далекій путь,
Какъ старый другъ, пожала руку
И мнѣ сказала: „не забудь!"
Тебя я встрѣтилъ на мгновенье,
На вѣкъ разстался я съ тобой...
И все—какъ сонъ! Ужель видѣнье—
Мечта души моей больной?
Но если только сновидѣнья
Играли бѣдною душой—
Кто дастъ мнѣ сонъ безъ пробужденья?
Нѣтъ, лучше смерть и образъ твой!

ЖЕНАМЪ ДЕКАБРИСТОВЪ.

Былъ край, слезамъ и скорби посвященный,
. . . .
Гдѣ душенъ былъ и воздухъ вѣчно ясный,
И узникамъ кровъ свѣтлый докучалъ,
И весь обзоръ обширный и прекрасный
Мучительно на волю вызывалъ.
Вдругъ ангелы съ лазури низлетѣли
Съ отрадою къ страдальцамъ той страны,
Но прежде свой небесный духъ одѣли
Въ прозрачныя земныя пелены.
И вѣстники благіе Провидѣнья
Явилися, какъ дочери земли,
И узникамъ, съ улыбкой утѣшенья,
Любовь и миръ душевный принесли.
И каждый день садились у ограды,
И сквозь нее небесныя уста
По каплѣ имъ точили медъ отрады...
Съ тѣхъ поръ лились въ темницѣ дни, лѣта,

Въ затворникахъ печали всѣ уснули,
И лишь они страшились одного,
Чтобъ ангелы на небо не вспорхнули,
Не сбросили покрова своего.

---

* * *

(ОТВѢТЪ НА „ПОСЛАНІЕ ВЪ СИБИРЬ" ПУШКИНА.)

Струнъ вѣщихъ пламенные звуки
До слуха нашего дошли:
Къ мечамъ рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрѣли.
Но будь спокоенъ, бардъ: цѣпями,
Своей судьбой гордимся мы
И за затворами тюрьмы
Въ душѣ смѣемся надъ царями!
Нашъ скорбный трудъ не пропадетъ:
Изъ искры возгорится пламя,
И просвѣщенный нашъ народъ
Сберется подъ святое знамя!
Мечи скуемъ мы изъ цѣпей
И пламя вновь зажжемъ свободы:
Она нагрянетъ на царей—
И радостно вздохнутъ народы!

КЪ ОТЦУ.

Какъ недвижимы волны горъ,
Обнявшихъ тѣсно мой обзоръ
Непроницаемою гранью!
За ними полный жизни міръ;
А здѣсь я—одинокъ и сиръ—
Отдалъ всю жизнь воспоминанью.
Всю жизнь, остатокъ прежнихъ силъ,
Теперь въ одно я чувство слилъ—
Въ любовь къ тебѣ, отецъ мой нѣжный,
Чье сердце такъ еще тепло,
Хотя печальное чело
Давно покрылось тучей снѣжной!
Проснется-ль темный сводъ небесъ,
Заговоритъ ли дальній лѣсъ,
Иль золотой зашепчетъ колосъ,—
Въ лунѣ, въ туманной выси горъ,
Вездѣ мнѣ видится твой взоръ,
Вездѣ мнѣ слышится твой голосъ.
Когда-жъ объ отчій твой порогъ
Пыль чуждую съ усталыхъ ногъ
Стряхнетъ твой первенецъ—изгнанникъ,
Войдетъ, растаетъ весь въ любовь,
И небо въ душу пріиметъ вновь,
И на землѣ не будетъ странникъ?
Нѣтъ, не входить мнѣ въ отчій домъ
И не молиться мнѣ съ отцомъ
Передъ домашнею иконой!
Не утѣшать его сѣдинъ,
Не быть мнѣ отъ заботъ, кручинъ
Его младенцевъ обороной!
Меня въ чужбину вихрь умчалъ
И бросилъ на девятый валъ
Мой челнъ, скользившій безъ кормила:
Очнулся я въ степи глухой,
Гдѣ мнѣ—не кровною рукой,
Но вьюгой вырыта могила!..
. . . .

ЖУРАВЛИ.

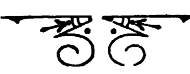
[ЭКСПРОМТЪ, СКАЗАННЫЙ ВО ВРЕМЯ ПЕРЕѢЗДА ИЗЪ СИБИРИ НА КАВКАЗЪ.]

Куда несетесь вы, крылатыя станицы?
Въ страну-ль, гдѣ на горахъ шумитъ лавровый
[лѣсъ,
Гдѣ рѣютъ радостно могучія орлицы
И тонутъ въ синевѣ пылающихъ небесъ?
И мы—на югъ! Туда, гдѣ яхонтъ неба рдѣетъ
И гдѣ гнѣздо изъ розъ себѣ природа вьетъ,
И насъ, и насъ далекій путь влечетъ!..
Но солнце тамъ души не отогрѣетъ
И свѣжій миртъ чела не обовьетъ.
Пора отдать себя и смерти, и забвенью!
Но тѣмъ ли, послѣ бурь, намъ будетъ смерть
[красна,
Что насъ не сѣвера угрюмая сосна,
А южный кипарисъ своей покроетъ тѣнью?

---

* * *

Гласъ пѣсни, мною недопѣтой,
Не прозвучитъ въ земныхъ струна́хъ,
И я, въ нетлѣніе одѣтый,
Ее дослышу въ небесахъ.
Но на землѣ, гдѣ чистый пламень
Огня души я не излилъ,
Я умеръ весь... И грубый камень,
Обычный кровъ нѣмыхъ могилъ,
На черепъ мой остывшій ляжетъ
И соплеменнику не скажетъ,
Что рано выпала изъ рукъ
Едва настроенная лира,
И не успѣлъ я въ стройный звукъ
Излить красу и стройность міра!..



XV.

Николай Михайловичъ Языковъ.

1803 — 1846.

Одинъ изъ выдающихся поэтовъ пушкинской плеяды. Самъ Языковъ опредѣлялъ себя, какъ „голосистаго пѣвца пировъ, хмѣля, прелести суетъ, вина, дружбы, прохладъ и шалостей любви нескромной“, и въ этомъ характерѣ его поэзіи—причина и разгадка ея недолговѣчности. Русское общество на цѣлую голову выросло за послѣднія семьдесятъ лѣтъ, и въ настоящее время звучныя пѣснопѣнія о физическихъ наслажденіяхъ любви и безпробудномъ пьянствѣ внушаютъ намъ не восторгъ, а только отвращеніе и сожалѣніе о томъ, что такой несомнѣнно сильный и благородный талантъ находилъ себѣ столь низменное примѣненіе. Немногія идейныя стихотворенія Языкова, а также описанія природы обнаруживаютъ въ немъ истиннаго поэта, владѣвшаго временами могучимъ, чисто-пушкинскимъ стихомъ, роскошнымъ и величаво-простымъ.

Подъ конецъ жизни, подъ вліяніемъ неизлѣчимой болѣзни, Языковъ вдался въ другую крайность—ханжество и квасной патріотизмъ. Лучшіе люди 40-хъ годовъ были искренно возмущены стихотвореніями „Къ не нашимъ“ и „Посланіемъ къ Чаадаеву“, гдѣ послѣдній назывался „плѣшивымъ идоломъ строптивыхъ душъ и слабыхъ женъ“, и гдѣ поэтъ съ угрозой обращался къ нему: „ты цѣлъ еще!..“

Лучшее стихотвореніе Языкова, положенное на музыку и широко популярное,—„Пловецъ“.

ПѢСНЬ БАЯНА.

О ночь, о ночь! лети стрѣлой!
Несносенъ отдыхъ Святославу:
Онъ жаждетъ битвы роковой...
О ночь, о ночь! лети стрѣлой!
Несносенъ отдыхъ Святославу!

Цимисхій! крѣпокъ ли твой щитъ?
Не тонки-ль кованыя латы?
Нашъ князь убійственно разитъ...
Цимисхій! крѣпокъ ли твой щитъ?
Не тонки-ль кованыя латы?

Дружинѣ борзыхъ дай коней,
Не то мечи ее нагонятъ,
И не ускачетъ отъ мечей...
Дружинѣ борзыхъ дань коней,
Не то—мечи ее нагонятъ.

Ты рать обширную привелъ;
Немного насъ, но мы—славяне:
Ударъ нашъ мѣтокъ и тяжелъ...
Ты рать обширную привелъ;
Немного насъ, но мы славяне!

О ночь, о ночь, лети стрѣлой!
Поля, откройтесь для побѣды,
Проснися, ужасъ боевой!..
О ночь, о ночь, лети стрѣлой!
Поля, откройтесь для побѣды!

1823.

МОЛИТВА.

Молю святое Провидѣнье:
Оставь мнѣ тягостные дни,
Но дай желѣзное терпѣнье,
Но сердце мнѣ окамени.
Пусть, неизмѣненъ, жизни новой
Приду къ таинственнымъ вратамъ,
Какъ Волги валъ бѣлоголовый
Доходитъ цѣлый къ берегамъ!
1824.

ДВѢ КАРТИНЫ.

Прекрасно озеро Чудское,
Когда надъ нимъ свѣтило дня
Изъ синихъ водъ, какъ шаръ огня,
Встаетъ въ торжественномъ покоѣ!
Его красой озарена,
Цвѣтами радуги играя,
Лежитъ равнина водяная,
Необозрима и пышна;
Прохлада утренняя вѣетъ,
Едва колышутся лѣса;
Какъ блестки золота, свѣтлѣетъ
Ихъ переливная роса;
У пробудившагося брега
Стоятъ, готовые для бѣга,
И тихо плещутъ паруса;
На лодку мрежи собирая,
Рыбакъ взываетъ и поетъ,
И пѣсня русская, живая,
Разносится по глади водъ.
Прекрасно озеро Чудское,
Когда блистательнымъ столбомъ
Свѣтило искрится ночное
Въ его кристаллѣ голубомъ:
Какъ тѣнь, отброшенная тучей,
Вдоль искривленныхъ береговъ
Чернѣютъ образы лѣсовъ,
И кое-гдѣ огонь пловучій
Горитъ на челнахъ рыбаковъ;
Безмолвна синяя пучина,
Въ дубровахъ мракъ и тишина,
Небесъ далекая равнина
Сіянья мирнаго полна;
Лишь изрѣдка, съ богатымъ ловомъ
Подъемля сѣти изъ воды,
Рыбакъ живитъ веселымъ словомъ
Своихъ товарищей труды;
Или—путемъ дугообразнымъ
Съ небесныхъ падая высотъ,
Звѣзда надъ озеромъ блеснетъ,
Огнемъ разсыплется алмазнымъ
И въ отдаленьи пропадетъ.

ПЛОВЕЦЪ.

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумитъ оно;
Въ роковомъ его просторѣ
Много бѣдъ погребено.
Смѣло, братья! Вѣтромъ полный,
Парусъ мой направилъ я:
Полетитъ на скользки волны
Быстрокрылая ладья!
Облака бѣгутъ надъ моремъ,
Крѣпнетъ вѣтеръ, зыбь чернѣй,
Будетъ буря: мы поспоримъ
И помужествуемъ съ ней!
Смѣло, братья! Туча грянетъ,
Закипитъ громада водъ,
Выше валъ сердитый встанетъ,
Глубже бездна упадетъ!
Тамъ, за далью непогоды,
Есть блаженная страна:
Не темнѣютъ неба своды,
Не проходитъ тишина.
Но туда выносятъ волны
Только сильнаго душой...
Смѣло, братья, бурей полный
Прямъ и крѣпокъ парусъ мой!
1829.

ПОДРАЖАНІЕ ПСАЛМУ XIV.

Кому, о Господи, доступны
Твои Сіонски высоты?
Тому, чьи мысли неподкупны,
Чьи цѣломудренны мечты;
Кто дѣлъ своихъ цѣною злата
Не взвѣшивалъ, не продавалъ,
Не ухищряяся противъ брата
И на врага не клеветалъ;
Но вѣрой въ Бога укрѣплялся,
Но сердцемъ чистымъ и живымъ
Ему со страхомъ поклонялся,
Съ любовью плакалъ передъ Нимъ.
И святъ, о Боже, Твой избранникъ!
Мечемъ ли руку ополчитъ—
Велѣній Господа посланникъ,
Онъ исполина сокрушитъ!
Въ вѣнцѣ ли онъ—его народы
Возлюбятъ правду: весь и градъ
Взыграютъ радостью свободы,
И нивы златомъ закипятъ!
Возьметъ ли арфу—дивной силой
Духъ преисполнится его
И, какъ орелъ ширококрылый,
Взлетитъ до неба Твоего!
1830.

ПОЭТУ.

Когда съ тобой сроднилось вдохновенье,
И сильно имъ твоя трепещетъ грудь,
И видишь ты свое предназначенье
И знаешь свой благословенный путь;
Когда тебѣ на подвигъ все готово,
Въ чемъ на землѣ небесный явенъ даръ,
Могучей мысли свѣтъ и жаръ
И огнедышущее слово,—
Иди ты въ міръ!..
. . . .
Привѣтно ли сіяніе денницы,
Ужасенъ ли судьбины произволъ:
Невиненъ будь, какъ голубица,
Смѣлъ и отваженъ, какъ орелъ!
И стройные, и сладостные звуки
Поднимутся съ гремящихъ струнъ твоихъ.
Въ тѣхъ звукахъ рабъ свои забудетъ муки,
И царь Саулъ заслушается ихъ.
И жизнію торжественно-высокой
Ты процвѣтешь—и будетъ вѣкъ свѣтло
Твое открытое чело
И зорко пламенное око!
И если ты похвалъ и наслажденій
Исполнился желаніемъ земнымъ:
Не собирай богатыхъ приношеній
На жертвенникъ предъ Господомъ твоимъ.
Онъ на тебя немилосердно взглянетъ,
Не приметъ жертвъ лукавыхъ; дымъ и громъ
Размечутъ ихъ—и жрецъ отпрянетъ,
Дрожащій страхомъ и стыдомъ!

1831.

ВЕЧЕРЪ.

Ложатся тѣни горъ на дремлющій заливъ;
Прибрежные сады лимоновъ и оливъ
Пустѣютъ; чуть блеститъ надъ моремъ западъ [ясный—
И скоро Божій день, веселый и прекрасный,
Съ огнистымъ пурпуромъ и золотомъ уйдетъ
Изъ чистаго стекла необозримыхъ водъ.

1841.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНЬЕ.

Всевышній граду Константина
Землетрясенье посылалъ;
И геллеспонтская пучина,
И берегъ съ грудой горъ и скалъ
Дрожали, и царей палаты,
И храмъ, и циркъ, и гипподромъ,
И стѣнъ градскихъ верхи зубчаты
И все поморіе кругомъ.
По всей пространной Византіи,
Въ отверстыхъ храмахъ, Богу силъ
Обильно пѣлися литіи,
И дымъ молитвенныхъ кадилъ
Клубился; люди, страхомъ полны,
Текли передъ Христовъ алтарь:
Сенатъ, синклитъ, народа волны
И самъ благочестивый царь.
Вотще! Ихъ вопли и моленья
Господь во гнѣвѣ отвергалъ,
И гулъ и громъ землетрясенья
Не умолкалъ, не умолкалъ.
Тогда невидимая сила
Съ небесъ на землю низошла,
И быстро отрока схватила,
И выше облакъ унесла.
И внялъ онъ горнему глаголу
Небесныхъ ликовъ: Святъ, Святъ, Святъ!
И пѣсню ту принесъ онъ долу,
Священнымъ трепетомъ объятъ.
И церковь тѣ слова святыя
Въ свою молитву приняла,
И той молитвой Византія
Себя отъ гибели спасла.
Такъ ты, поэтъ, въ годину страха
И колебанія земли
Носись душой превыше праха
И ликамъ ангельскимъ внемли!
И приноси дрожащимъ людямъ
Молитвы съ горней вышины,
Да въ сердце примемъ ихъ и будемъ
Мы нашей вѣрой спасены!

1844.

XVI.

Алексѣй Өедоровичъ Мерзляковъ.

1778 — 1830.

Первые поэтическіе опыты Мерзлякова печатались еще до рожденія Пушкина, въ последнемъ десятилѣтіи XVIII вѣка. Въ 1810 году онъ былъ уже извѣстнымъ поэтомъ и профессоромъ россійскаго краснорѣчія и піитики. Несомнѣнно, это былъ человѣкъ, не лишенный истиннаго поэтическаго вкуса и дарованія, но, воспитавшійся и укрѣпившійся въ понятіяхъ псевдоклассической школы, онъ уже не имѣлъ силы отъ нихъ отдѣлаться. Понимая и любя, напр., непосредственнымъ чувствомъ поэзію Пушкина,—съ высоты своихъ устарѣлыхъ школьныхъ принциповъ Мерзляковъ относился къ ней съ осужденіемъ и пренебреженіемъ. И, однако, тотъ же „профессоръ россійскаго краснорѣчія и піитики", какимъ-то чудомъ, сталъ писать простыя и задушевныя народныя пѣсни, вѣроятно, не придавая имъ никакого серьезнаго значенія, какъ досужей забавѣ. Между тѣмъ, благодаря только этимъ пѣснямъ (изъ которыхъ одна стала въ буквальномъ смыслѣ слова народной), имя Мерзлякова спаслось отъ забвенія, и съ него именно слѣдуетъ начинать тотъ рядъ замѣчательныхъ поэтовъ, во главѣ которыхъ стоитъ Кольцовъ. До Мерзлякова пробовалъ свои силы въ той области Юрій Александровичъ Нелединскій-Мелецкій (1751—1828), но въ его якобы народныхъ пѣсняхъ слишкомъ много искусственнаго, приторнаго сантиментализма (не говоря уже объ устарѣлости языка), и заслуживаютъ упоминанія развѣ только первые четыре стиха знаменитой нѣкогда пѣсни:

Выйду-ль я на рѣченьку,
Погляжу на быструю:
Унеси мое ты горе.
Быстра рѣченька, съ собой!

Слѣдуетъ также отмѣтить прекрасную „Пѣсню" извѣстнаго романиста Ивана Ивановича Лажечникова (1792 — 1869), начало которой приводимъ здѣсь:

Сладко пѣлъ душа-соловушко
Въ зеленóмъ моемъ саду;
Много, много зналъ онъ пѣсенокъ,
Слаще не было одной.
Ахъ! та пѣснь была завѣтная,
Рвала бѣлу грудь тоской;
А все слушать бы хотѣлося,
Не разсталась ввѣкъ бы съ ней.
Вдругъ подуло со полуночи:
Будто на сердце легла
Снѣговая непогодушка
И мой садикъ занесла.
Со того ли со безвременья
Опустѣлъ зеленый садъ:
Много пташекъ, много пѣсенъ въ немъ,
Только милой не слыхать!

* * *

Среди долины ровныя,
На гладкой высотѣ,
Цвѣтетъ, растетъ высокій дубъ
Въ могучей красотѣ.
Высокій дубъ, развѣсистый,
Одинъ у всѣхъ въ глазахъ;
Одинъ, одинъ бѣдняжечка,
Какъ рекрутъ на часахъ!
Взойдетъ ли красно солнышко—
Кого подъ тѣнь принять?
Ударитъ ли погодушка —
Кто будетъ защищать?
. . . .
Ахъ, скучно одинокому
И дереву рости!
Ахъ, горько, горько молодцу
Безъ милой жизнь вести!
Есть много сребра, золота—
Кого имъ подарить?
Есть много славы, почестей—
Но съ кѣмъ ихъ раздѣлить?
Однихъ я самъ чуждаюся,
Другой бѣжитъ меня:
Всѣ други, всѣ пріятели
До чернаго лишь дня!
Гдѣ-жъ сердцемъ отдохнуть могу,
Когда гроза взойдетъ?
Другъ нѣжный спитъ въ сырой землѣ,
На помощь не придетъ!
. . . .
Возьмите же все золото,
Всѣ почести назадъ;
Мнѣ родину, мнѣ милую,
Мнѣ милой дайте взглядъ!

——

* * *

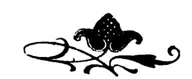
Вылетала бѣдна пташка на долину,
Выроняла сизы перья на долинѣ.
Быстрый вѣтеръ ихъ разноситъ по дубровѣ,
Слабый голосъ раздается по пустынѣ!..
Не скликай, уныла птичка, бѣдныхъ пташекъ,
Не скликай ты родныхъ дѣтокъ понапрасну:
Злой стрѣлокъ убилъ малютокъ для забавы
И гнѣздо твое развѣяно подъ дубомъ.

——

* * *

(ОТРЫВОКЪ.)

Для того ли солнце грѣетъ,
Чтобы травкѣ вянуть?
Для того ли сердце любитъ,
Чтобы горе мыкать?
Воетъ сыръ-боръ за горою,
Мятелица въ полѣ;
Встала вьюга, непогода,
Запала дорога.
Оставайся, бѣдна птичка,
Запертая въ клѣткѣ!
Не отворишь ты слезами
Отеческій теремъ!



XVII.

Бар. Антонъ Антоновичъ Дельвигъ.

1798 — 1831.

Дельвига связывали съ Пушкинымъ такія ѣсныя узы дружбы, и въ свое время онъ льзовался такой громкой извѣстностью, какъ торъ популярнаго романса „Сегодня я съ ми пирую, друзья“, антологій, идиллій, а кже „народныхъ“ пѣсенъ, что и теперь еще къ-то странно встрѣтить хрестоматію безъ иховъ Дельвига. Однако, всеразрушающее емя давно взяло свое: всякому теперь ясно, о и „творящаго искусства“, и „свободной поэзіи“ въ его стихахъ очень мало. Народныя пѣсни Дельвига, въ большинствѣ, явно дѣланны и слащавы, романсы слабы и чужды истиннаго полета вдохновенія. Это былъ дилетантъ въ полномъ смыслѣ слова, страстно любившій литературу и поэзію и обладавшій нѣкоторымъ художественнымъ чутьемъ; поэтому въ стихахъ его все же попадаются отдѣльныя поэтическія искорки.

* * *

Ахъ ты, ночь ли, ноченька!
Ахъ ты, ночь ли бурная!
Отчего ты съ вечера
До глубокой пóлночи
Не блистаешь звѣздами,
Не сіяешь мѣсяцемъ—
Все темнѣешь тучами?
И съ тобой, знать, ноченька,
Какъ со мною, молодцемъ,
Грусть-злодѣйка свѣдалась!
Какъ заляжетъ лютая
Тамъ глубоко, на сердцѣ,—
Позабудешь дѣвицамъ
Усмѣхаться, кланяться;
Позабудешь съ вечера
До глубокой полночи,
Припѣвая, тѣшиться
Хороводной пляскою!
Нѣтъ, взрыдаешь, всплачешься
И, безродный молодецъ,
На постелю жесткую,
Какъ въ могилу, кинешься!

* * *

Прекрасный день, счастливый день—
И солнце, и любовь!
Съ нагихъ полей сбѣжала тѣнь,
Свѣтлѣетъ сердце вновь.
Проснитесь, рощи и поля,
Пусть жизнью все кипитъ:
„Она моя, она моя!“—
Мнѣ сердце говоритъ.
Что вьешься, ласточка, къ окну,
Что, вольная, поешь?
Иль ты щебечешь про весну
И съ ней любовь зовешь?
Но не ко мнѣ... И безъ тебя
Въ пѣвцѣ любовь горитъ:
„Она моя, она моя!“—
Мнѣ сердце говоритъ.

XVIII.

Николай Григорьевичъ Цыгановъ.

1797 — 1831.

Несомнѣнно талантливѣйшій изъ предшественниковъ Кольцова. Сынъ крѣпостного, по профессіи комическій актеръ, Цыгановъ значительную часть жизни пространствовалъ по разнымъ городамъ и мѣстечкамъ Россіи. Пѣсни его, удивительно близкія къ народнымъ, как по духу, такъ и по манерѣ выраженія, к сожалѣнію, не всѣ были своевременно запи саны и напечатаны. Многія изъ нихъ ран вошли въ народъ.

---

* * *

— Что ты рано, травушка, пожелтѣла,
Что вы рано, цвѣтики, облетѣли?
Что ты такъ, красавица, похудѣла,
Впали алы щеченьки—поблѣднѣли,
Впали ясны оченьки—потускнѣли?..
— „Не успѣли цвѣтики распуститься,
Ужъ ихъ злая зáсуха поѣдаетъ.
Не успѣла я съ дружкомъ обручиться—
Ужъ онъ меня, бѣдную, покидаетъ,
Безъ поры, безъ времени убиваетъ!"
— Только-ль свѣту бѣлаго, что въ оконцѣ?..
Не слези, лебедушка, алыхъ щечекъ,
Выбирай любимаго изъ удалыхъ.—
— „Погляжу-ль я на небо: звѣздокъ много,
Да одинъ во звѣздочкахъ свѣтелъ мѣсяцъ!
Загляну-ль въ зеленый садъ: пташекъ много—
Да одинъ во пташечкахъ ясенъ соколъ!"

---

* * *

— Не шей ты мнѣ, матушка,
Красный сарафанъ,
Не входи, родимушка,
Попусту въ изъянъ!
Рано мою косыньку
На двѣ расплетать,
Прикажи мнѣ русую
Въ ленту убирать!
Пускай непокрытая
Шелковой фатой
Очи молодецкія
Веселитъ собой!
Золотая волюшка
Мнѣ милѣй всего—
Не хочу я съ волюшкой
Въ свѣтѣ ничего!
— „Дитя мое, дитятко,
Дочка милая,
Головка побѣдная,
Неразумная!
Не вѣкъ тебѣ пташечкой
Звонко распѣвать,
Легкокрылой бабочкой
По цвѣтамъ порхать:
Поблекнутъ на щеченькахъ
Маковы цвѣты,
Прискучатъ забавушки—
Стоскуешься ты!
А мы и при старости
Себя веселимъ:
Младость вспоминаючи,
На дѣтей глядимъ.
И я молодешенька
Была такова;

И мнѣ тѣ же въ дѣвушкахъ
Пѣлися слова!"

---

* * *

По пóлю, полю чистому,
По бархатнымъ лужкамъ
Течетъ, струится рѣченька
Къ безвѣстнымъ бережкамъ.
Взойдетъ гроза, пройдетъ гроза—
Всегда свѣтла она.
Отъ бури лишь поморщится,
Не зная, чтó волна.
Не рощи, не дубравушки
По бережку ростутъ:
Кусты цвѣтовъ лазоревыхъ,
Любуясь въ ней, цвѣтутъ!
А рѣчка извивается,
По травушкѣ скользитъ,
То въ ямкѣ потеряется,
То снова заблеститъ.
Ей убыли невѣдомы—
Всегда въ одной красѣ;
За прибыль благодарствуетъ
Небесной лишь росѣ!
Но долго-ль, долго-ль рѣченькѣ
Катиться по цвѣтамъ?
Ждутъ бездны моря свѣтлую
Въ дали туманной, тамъ.
. . . .

---

* * *

„Не сиди, мой другъ, поздно вечеромъ,
Не жги свѣчи воску яраго,
Не жди меня до полуночи.
[illegible] прошли, прошли наши красны дни,
[illegible] радости буйный вихрь умчалъ
[illegible]къ пыль, какъ прахъ, вѣетъ по полю!
[illegible]залъ вчера сударь батюшка,
[illegible]силася на то матушка,
[illegible] не ровня я, не женихъ тебѣ,
[illegible] женюся я на иной женѣ!..
[illegible] солнышко въ небесахъ горитъ—
[illegible]ѣ молодцу только разъ любить!
[illegible]дителямъ покоряюся:
[illegible]хъ суженой, на ихъ ряженой—
[illegible]смертью раннею обвѣнчаюся,
[illegible] тобой навѣкъ распрощаюся!"
[illegible]учей журчитъ, не рѣка шумитъ—
[illegible]етъ дѣвица, вопитъ красная:
[illegible]хъ, ты милый мой, ненаглядный мой!
[illegible]илица я на бѣломъ свѣту
[illegible] тебя, душа, сердце, жизнь моя!..
[illegible] у горлинки двухъ голубчиковъ,
У лебедушки двухъ лебедчиковъ—
Не знавать и мнѣ двухъ милыхъ дружковъ!"
Не сидитъ она поздно вечеромъ,
А горитъ свѣча воску яраго:
Въ переду стоитъ новъ тесовый гробъ—
Во гробу лежитъ красна дѣвица...

---

* * *

Ахъ, молодость молодость,
Весна моя красная!
Ты когда, когда прошла,
Когда прокатилася?..
Ты не рѣчкой протекала—
Точно йзъ лука стрѣла;
Точно пташкой пролетѣла,
Точно пѣсенкой пропѣлась,
Дальнимъ гуломъ пронеслась—
И сокрылася изъ глазъ!

---

* * *

Ахъ, чарка моя серебряная,
На золотомъ блюдѣ поставленная!
Кому тебя пить, кому подносить,
Друзьями ты, чарка, оставленная?
Забыта стоишь, къ себѣ не манишь.
Вина зеленóго ненáлитая!
Бывала ли ты полнымъ до-полна,
Какъ въ водополь рѣчка, съ краями равна?
. . . .
Ходила-ль кругомъ, поила-ль виномъ,
Пріятною рѣчью приправленная?
Знакомы-ль тебѣ въ счастливой судьбѣ
Веселые взгляды, ласкающіе?
Давно ли бѣдой и злой чередой
Лежишь ты, на блюдѣ спрокинутая,
Роями друзей, къ печали моей,
Какъ улей пчелáми, покинутая?
Не стало вина,—забыта она...
Друзья отшатнутся отъ чистаго дна!
Спросись старины, коснись новизны,
Такъ есть и бывало—быль съ сказкой сходны!

---

* * *

Лежитъ въ полѣ дороженька,
Пролегаетъ
И ельничкомъ, березничкомъ
Заростаетъ...
Не змѣйкою— кустарничкомъ
Она вьется;
Не рѣченькой--желтымъ пескомъ
Она льется;
Не торною, не гладкою,
Не убитой—

Лежитъ тропой заброшенной,
Позабытой...
Въ концѣ пути-дороженьки
Горючъ камень...

. . . .

И жалобно пернаточки
Распѣваютъ:
„Вотъ такъ-то спятъ въ сырой землѣ,
Почиваютъ
Безродные, бездольные
На чужбинѣ!
Никто по нихъ не плачется,
Не въ кручинѣ.
Ни мать—отецъ надъ камешкомъ
Не рыдаютъ,
Ни друга здѣсь, ни брата здѣсь
Не видаютъ!
Лишь разъ сюда красавица
Приходила,
Здѣсь ельничку, березничку
Насадила,
Поплакала надъ камешкомъ,
Порыдала;
Намъ жалобно пѣть день и ночь
Приказала...
А кто она, гдѣ дѣлася?—
Не сказала".

———

* * *

Полетай, соловьюшко,
На родиму сторонушку:
На родимой сторонушкѣ
Тамъ живала сироточка,
Сирота горемычная,
Моя матушка родимая!
Подъ ея подъ окошечкомъ
Есть кудрявое деревцо:
Оно мною посажено,
Ею часто поливано,—
Не водицей ключевою—
А слезами, да горючими.
Сядь на немъ, соловьюшко!
Свей на немъ тепло гнѣздышко,
Заведи малыхъ дѣтушекъ,—
Распѣвай съ утра до ночи,
Потѣшай сиротинушку
Мою матушку родимую!
Пусть родная не плачется,
Подъ окошечкомъ сидючи,
На проѣзжаго глядючи,
Обо мнѣ вспоминаючи!..
Еще я на бѣломъ свѣту
Пуще прежняго люблю ее.
Есть вѣдь дни, когда солнышко
Съ яснымъ мѣсяцемъ видятся...
Такъ настанетъ и намъ денекъ—
И мы съ ней повидаемся:
Наглядимся, насмотримся,
Насмѣемся... наплачемся...

XIX.

Александръ Ѳомичъ Вельтманъ.

1796 — 1844.

Извѣстный романистъ, авторъ „Кощея безсмертнаго“. Въ 1831 г. издалъ повѣсть въ стихахъ „Муромскіе лѣса“, въ устарѣломъ романтическомъ родѣ, съ невозможными русско-славянскими именами героевъ и героинь. Успѣха „Мур. лѣса“ не имѣли и вскорѣ были забыты; но входившая въ нихъ пѣсня разбойниковъ, поэтическая по формѣ и содержанію, получила широкую извѣстность. Положенная на музыку, она поется въ народѣ до сихъ поръ, при чемъ дѣлаются незначительныя отступленія отъ подлиннаго текста; такъ, у Вельтмана въ заключительномъ куплетѣ читается:

Много за душу *свою* одинокую,
Много нарядовъ куплю.

ПѢСНЯ РАЗБОЙНИКОВЪ.

...о затуманилась, зоренька ясная,
Пала на землю росой?
...ы задумалась, дѣвица красная,
Очи блеснули слезой?
...мнѣ покинуть тебя, черноокую!
Пѣвень ударилъ крыломъ,
...лъ... Ужъ полночь!.. Дай чару глубокую,
...спѣнь поскорѣе виномъ!
... Веди мнѣ коня ты любимаго,
...рѣпче держи подъ уздцы.
Ѣдутъ съ товарами въ путь изъ Касимова
Муромскимъ лѣсомъ купцы.
Есть для тебя у нихъ кофточка шитая,
Шубка на лисьемъ мѣху;
Будешь ходить ты, вся златомъ облитая,
Спать на лебяжьемъ пуху.
Много за душу твою одинокую,
Много я душъ погублю:
Я-ль виноватъ, что тебя, черноокую,
Больше, чѣмъ душу, люблю!..

XX.

Евгеній Павловичъ Гребенка.

1812 — 1848.

Извѣстный малороссійскій писатель, работавшій также и для русской литературы. Бѣлинскій далъ сочувственный отзывъ объ его романѣ „Чайковскій". Писалъ и стихи; нѣкоторые изъ романсовъ, положенные на музыку, до сихъ поръ не забыты.

КАЗАКЪ НА ЧУЖБИНѢ.

[УКРАИНСКАЯ МЕЛОДІЯ.]

Поѣхалъ далёко казакъ на чужбину
На добромъ конѣ ворономъ.
Свою онъ Украйну навѣки покинулъ—
Ему не вернуться въ отеческій домъ!
Напрасно казачка его молодая
И утро, и вечеръ на сѣверъ глядитъ,
Все ждетъ да пождетъ—изъ полночнаго края
Къ ней милый когда прилетитъ.
Далеко, откуда къ намъ вѣютъ мятели,
Гдѣ сдвинулись дружно и сосны, и ели,
Казацкія кости лежатъ.
Казакъ и просилъ, и молилъ, умирая,
Насыпать курганъ въ головахъ:
„Пускай на курганѣ калина родная
Красуется въ яркихъ плодахъ.
Пусть вольныя птицы, садясь на калинѣ,
Порой прощебечутъ и мнѣ,
Мнѣ, бѣдному, вѣсть на холодной чужбинѣ
О милой, родной сторонѣ!"

ПРИЗНАНІЕ.

На сѣверѣ я—будто узникъ угрюмый:
Съ мечтой одинокой сижу
И, скованъ какою-то грустною думой,
На югъ ненаглядный гляжу.
Друзей, и родимыхъ и предковъ могилы
Покинулъ на родинѣ я.
Тамъ, полная прелести, дѣвственной силы,
Осталась коханка моя.
Глаза ея смотрятъ небесной эмалью,
И зелень одежды въ рубинахъ горитъ!
И поясомъ синимъ, какъ сизою сталью,
Красавицы станъ перевитъ.
Какъ золото, свѣтло-блестящей волною
Роскошные кудри на плечи бѣгутъ;
Уста ея тихой вечерней порою
Унылую пѣсню поютъ.
И эта чудесная дѣва—не тайна,
Я высказать душу готовъ:
Красавица эта—родная Украйна!
Ей все—моя пѣснь и любовь!
Какъ дѣвы прелестной лазурныя очи,
Украйны глядятъ небеса;
Какъ поясомъ синимъ, на югъ отъ полночи
Днѣпромъ перевита краса.
Какъ шелкомъ зеленымъ, покрыта степями,
И степи въ цвѣтахъ, какъ въ рубинахъ, горятъ,
И стелются нивы, какъ кудри, волнами
И золотомъ свѣтлымъ шумятъ.
Какъ тяжкіе вздохи печали глубокой,
Какъ матери вопли надъ гробомъ дѣтей,

...нѣ въ душу запали далеко, далеко
...ивы Украйны моей!

ПѢСНЯ.

...олода еще дѣвица я была,
...аша армія въ походъ куда-то шла.
...ечерѣло. Я стояла у воротъ—
... по улицѣ все конница идетъ.
...ъ воротамъ подъѣхалъ баринъ молодой,
...нѣ сказалъ: „напой, красавица, водой!"
...нъ напился, крѣпко руку мнѣ пожалъ,
...клонился и меня поцѣловалъ...
Онъ уѣхалъ... Долго я смотрѣла вслѣдъ:
Жарко стало мнѣ, въ очахъ мутился свѣтъ,
Цѣлу ноченьку мнѣ спать было не въ мочь:
Раскрасавецъ-баринъ снился мнѣ всю ночь.
Вотъ недавно—я вдовой уже была,
Четырехъ ужъ дочекъ замужъ отдала—
Къ намъ заѣхалъ на квартиру генералъ:
Весь простреленный, такъ жалобно стоналъ...
Я взглянула—встрепенулася душой:
Это онъ, красавецъ-баринъ молодой!
Тотъ же голосъ, тотъ огонь въ его глазахъ,
Только много сѣдины въ его кудряхъ.
И опять я цѣлу ночку не спала,
Цѣлу ночку молодой опять была...

XXI.

Иванъ Петровичъ Мятлевъ.

1796 — 1844.

Сатирическій поэтъ начала сороковыхъ годовъ. Его „Сенсаціи и замѣчанія госпожи Курдюковой за-границей, данъ л'Этранже“ имѣли въ свое время большой успѣхъ; по поводу ихъ Лермонтовъ написалъ въ альбомъ автора слѣдующіе стихи:

На нашихъ дамъ морозныхъ
Съ досадой я смотрю;
Угрюмыхъ и серьезныхъ
Фигуръ ихъ не терплю.
Вотъ дама Курдюкова:
Ея разсказъ такъ милъ —
Я отъ слова до слова
Его бы затвердилъ.
Мой умъ скакалъ за нею —
И часто былъ готовъ
Я броситься на шею
Къ madame де-Курдюковъ!

Въ дѣйствительности, достоинства этой сатиры-шутки чисто внѣшнія: провинціальная русская барыня путешествуетъ по Европѣ излагаетъ свои впечатлѣнія комическимъ ру скимъ языкомъ, перемѣшаннымъ съ францу скимъ; никакого идейнаго, сколько-нибу серьезнаго содержанія въ этомъ разска нѣтъ. Цѣль подобныхъ шутокъ—смѣхъ ра смѣха.

Стихотворенія Мятлева въ другомъ, бол серьезномъ, родѣ (а ихъ онъ писалъ много)-блѣдны и шаблонны; своеобразную извѣс ность получилъ только романсъ „Какъ х роши, какъ свѣжи были розы“—самъ по се слабый, но послужившій темой для знаме таго стихотворенія въ прозѣ Тургенева.

За то „Фонарики“ Мятлева сдѣлались оче популярной пѣсней, до сихъ поръ распѣва мой въ рабочей и мѣщанской средѣ.

ФОНАРИКИ.

Фонарики-сударики,
Скажите-ка вы мнѣ,
Чтó видѣли, чтó слышали
Въ ночной вы тишинѣ?
Такъ чинно вы разставлены
По улицамъ у насъ:
Ночные караульщики,
Вашъ вѣренъ зоркій глазъ!
Вы видѣли-ль, примѣтили-ль,
Какъ дѣвушка, одна,
На цыпочкахъ, тихохонько
И робости полна,
Близъ стѣнки пробирается,
Чтобъ друга увидать
И шопотомъ, украдкою
„Люблю!“ ему сказать.
Фонарики-сударики
Горятъ себѣ, горятъ,
А видѣли-ль, не видѣли-ль—
Того не говорятъ.
. . . .

Вы видѣли-ль несчастную,
Убитую тоской,
Какъ будто тѣнь бродящую,
Какъ призракъ гробовой,—
Ту женщину безумную?..
Заплаканы глаза:
Ея всѣ жизни радости
Разрушила гроза.
Фонарики-сударики
Горятъ себѣ, горятъ,
А видѣли ль, не видѣли-ль —
Того не говорятъ.
Вы видѣли-ль преступника —
Какъ, въ горести нѣмой,
Отъ совѣсти убѣжища
Онъ ищетъ въ часъ ночной?
Вы видѣли-ль веселаго
Гуляку, въ сюртукѣ
Оборванномъ, запачканомъ,
Съ бутылкою въ рукѣ?
Фонарики-сударики
Горятъ себѣ, горятъ,
А видѣли-ль, не видѣли-ль —
Того не говорятъ.

. . . .

Они на то поставлены,
Чтобъ видѣлъ ихъ народъ,
Чтобъ величались, славились,
Но только безъ хлопотъ.
Имъ, дескать, не приказано
Вокругъ себя смотрѣть:
Одна у нихъ обязанность—
Стоять тутъ и горѣть;
Да и горѣть, покудова
Кто не задуетъ ихъ:
Такъ что же и тревожиться
О горестяхъ людскихъ!
Фонарики-сударики
Народъ все дѣловой:
Чиновники, сановники,
Все люди съ головой...

XXII.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ.

1808 — 1842.

Съ начала прошлаго вѣка цѣлымъ рядомъ поэтовъ изъ культурнаго общества дѣлались попытки привить къ русской поэзіи безъискусственныя формы простонародной пѣсни и выразить въ нихъ непосредственное народное чувство и міросозерцаніе. Особенно выдался въ этомъ направленіи своимъ талантомъ Цыгановъ. Но если отецъ Цыганова и былъ крѣпостной крестьянинъ, то самъ поэтъ — по крайней мѣрѣ, въ сознательные, зрѣлые свои годы—жилъ уже вдали отъ народной жизни, и эта оторванность отъ народа, несомнѣнно, сказалась и въ его пѣсняхъ. Какъ ни хороши онѣ, какъ ни близки къ настоящей народной поэзіи, все же, за исключеніемъ немногихъ, лучшихъ, онѣ отмѣчены печатью литературности, страдаютъ нѣкоторой сентиментальностью и даже слащавостью...

Для безупречнаго выполненія задачи нуженъ былъ геніальный талантъ, вышедшій изъ нѣдръ самого народа. Такого генія русская литература получила въ послѣдніе годы жизни Пушкина въ лицѣ воронежскаго мѣщанина-прасола Кольцова.

Всего лишь полтора года учился Кольцовъ болѣе или менѣе правильно въ уѣздномъ училищѣ и своимъ развитіемъ обязанъ, главнымъ образомъ, собственнымъ богатымъ природнымъ силамъ, чтенію случайно попавшихъ въ руки книгъ и случайнымъ же встрѣчамъ съ выдающимися людьми. Спеціальность отца — торговля скотомъ, требовавшая частыхъ п ѣздокъ въ южныя степи и постояннаго общ нія съ природой, также сыграла больш роль въ зарожденіи и развитіи у будущ поэта поэтическихъ вкусовъ и склонност На окончательное же сформированіе кольц скаго таланта огромное и въ высшей степе благотворное вліяніе оказалъ Бѣлинскій. С ществуетъ, правда, мнѣніе, будто знакомст съ петербургскими литераторами и увлек шими ихъ тогда философскими теченіями З пада дурно отразилось на поэзіи Кольцо отравивъ ее чуждой рефлексіей и надѣли резонерствомъ; однако, при ближайшемъ озна мленіи съ творчествомъ нашего поэта, мнѣ это оказывается несостоятельнымъ: сочинен слабыхъ „философскихъ" стихотвореній о предавался очень недолгое время и, какъ ра въ послѣдніе годы жизни, совсѣмъ ихъ броси за то именно со времени знакомства дружбы съ Бѣлинскимъ написаны Кольцовы лучшія вещи, посвященныя народному б и народной психологіи.

Велико не только чисто поэтическое з ченіе кольцовскихъ пѣсенъ, но и ихъ зна ніе общественное. Не касаясь, правда, с даній народа отъ гнета крѣпостного пр оставаясь всегда въ широкихъ рамкахъ щихъ человѣческихъ мотивовъ, Кольцо

тѣмъ не менѣе, первый изъ большихъ русскихъ писателей „лиру посвятилъ народу своему"; онъ воспѣвалъ радости и горести исключительно трудовыхъ массъ и, задолго до писателей-„народниковъ" — Григоровича, Некрасова и Тургенева, показалъ русскому обществу въ яркихъ поэтическихъ образахъ, что крестьянинъ,—это забитое и униженное существо, которое еще можно было, подобно вьючному скоту, мѣнять и продавать, — существо, во всемъ подобное своимъ владѣльцамъ, способное не только мыслить и страдать, любить и ненавидѣть, но и хранить въ душѣ сокровища поэзіи, которымъ могутъ позавидовать образованные люди...

Кольцовъ умеръ отъ чахотки на 34-мъ году жизни.

ПѢСНЯ ПАХАРЯ.

Ну, тащися, сивка, пашней-десятиной,
Выбѣлимъ желѣзо о сырую землю.
Красавица-зорька въ небѣ загорѣлась,
Изъ большого лѣса солнышко выходитъ.
Весело на пашнѣ. Ну! тащися, сивка!
Я самъ-другъ съ тобою, слуга и хозяинъ.
Весело я лажу борону и соху,
Телѣгу готовлю, зерна насыпаю.
Весело гляжу я на гумно, на скирды.
Молочу и вѣю... ну! тащися, сивка!
Пашенку мы рано съ сивкою распашемъ,
Зернышку сготовимъ колыбель святую.
...о вспоитъ, вскормитъ мать земля сырая;
...йдетъ въ полѣ травка—ну! тащися, сивка!
...йдетъ въ полѣ травка—выростетъ и колосъ,
...нетъ спѣть, рядиться въ золотыя ткани.
...блеститъ нашъ серпъ здѣсь, зазвенятъ здѣсь косы;
...докъ будетъ отдыхъ на снопахъ тяжелыхъ!
...! тащися, сивка! Накормлю досыта,
...мою водою, водой ключевою.
... тихою молитвой я вспашу, посѣю:
...ди мнѣ, Боже, хлѣбъ—мое богатство!

КОЛЬЦО.

...теплю свѣчу воску яраго,
...лаяю кольцо друга милаго...
...рись, разгорись, роковой огонь!
...лаяй, растопи чисто золото!
...ъ него для меня ты не надобно;
... него на рукѣ камень на сердцѣ.
...взгляну, то вздохну, затоскуюся,
...льются глаза горькимъ горемъ слезъ.
...ратится ли онъ? Или вѣсточкой
...витъ ли меня, безутѣшную?
...ъ надежды въ душѣ.. Ты разсыпься же
...тою слезой, память милаго!
...едимо, черно на огнѣ кольцо
...енитъ по столу память вѣчную.

* * *

Осѣдлаю коня, коня быстраго!
Я помчусь, полечу легче сокола
Чрезъ поля, за моря, въ дальню сторону, —
Догоню, ворочу мою молодость!
Приберусь—и явлюсь прежнимъ молодцемъ
И приглянусь опять краснымъ дѣвицамъ!
Но, увы, нѣтъ дорогъ къ невозвратному!
Никогда не взойдетъ солнце съ запада!

ПѢСНЯ.

Ты не пой, соловей, подъ моимъ окномъ,
Улети ты въ лѣса моей родины!
Полюби ты окно души-дѣвицы:
Прощебечь нѣжно ей про мою тоску...
Ты скажи, какъ безъ ней сохну, вяну я,
Что трава на степи передъ осенью.
Безъ нея ночью мнѣ мѣсяцъ сумраченъ,
Среди дня безъ огня ходитъ солнышко.
Безъ нея кто меня приметъ ласково?
На чью грудь отдохнуть склоню голову?
Безъ нея на чью рѣчь улыбнуся я?
Чья мнѣ пѣснь, чей привѣтъ будетъ по сердцу?
Что-жъ поешь, соловей, подъ моимъ окномъ?
Улетай, улетай къ душѣ-дѣвицѣ!

НЕ ШУМИ ТЫ, РОЖЬ.

Не шуми ты, рожь, спѣлымъ колосомъ!
Ты не пой, косарь, про широку степь!
Мнѣ не для чего собирать добро,
Мнѣ не для чего богатѣть теперь!
Прочилъ молодецъ, прочилъ доброе
Не своей душѣ—душѣ-дѣвицѣ.
Сладко было мнѣ глядѣть въ очи ей,
Очи полныя полюбовныхъ думъ!
И тѣ ясныя очи стухнули,
Спитъ могильнымъ сномъ красна дѣвица!

Тяжелѣй горы, темнѣй полночи
Легла на сердце дума черная!

МОЛОДАЯ ЖНИЦА.

Высоко́ стоитъ солнце на́ небѣ,
Горячо печетъ землю-матушку.
Душно дѣвицѣ, грустно на полѣ,
Нѣтъ охоты жать колосистой ржи.
Всю сожгло ее поле жаркое,
Горитъ-горма все лицо бѣлое;
Голова со плечъ на грудь клонится,
Колосъ срѣзанный изъ рукъ валится...
Неспроста-ума жница жнетъ—не жнетъ,
Глядитъ въ сторону, забывается.
Охъ, болитъ у ней сердце бѣдное,
Заронилось въ немъ небывалое!
Она шла вчера нерабочимъ днемъ,
Лѣсомъ шла-себѣ по малинушку—
Повстрѣчался ей добрый молодецъ.
Ужъ не въ первый разъ повстрѣчался онъ:
Повстрѣчается, будто нехотя,
И стоитъ, глядитъ какъ-то жалобно.
Онъ вздохнулъ, запѣлъ пѣсню грустную,—
Далеко въ лѣсу раздалась та пѣснь;
Глубоко въ душѣ красной дѣвицы
Отзвалась она и запала въ ней...
Душно, жарко ей, грустно на полѣ,
Нѣтъ охоты жать колосистой ржи...

КОСАРЬ.

. . . .

Охъ, въ несчастный день, въ безталанный часъ,
Безъ сорочки я родился на свѣтъ!
У меня-ль плечо шире дѣдова;
Грудь высокая—моей матушки;
На лицѣ моемъ кровь отцовская
Въ молокѣ зажгла зорю красную;
Кудри черныя лежатъ скобкою;
Что работаю—все мнѣ спо́рится...
Да въ несчастный день, въ безталанный часъ,
Безъ сорочки я родился на свѣтъ!
Прошлой осенью я за Грунюшку,
Дочку старосты, долго сватался;
А онъ, старый хрѣнъ, заупрямился!
За кого же онъ выдастъ Грунюшку—
Не возьму я въ толкъ, не придумаю...
Я-ль за тѣмъ гонюсь, что отецъ ея
Богачемъ слыветъ?..
Пускай домъ его—чаша полная!
Я ее хочу, я по ней крушусь:
Лицо бѣлое—заря алая,
Щеки полныя, глаза темные
Свели молодца съ ума-разума...
Ахъ, вчера по мнѣ ты такъ плакала!
Наотрѣзъ старикъ отказалъ вчера...
Охъ, не свыкнуться съ этой горестью!..
Я куплю себѣ косу новую:
Отобью ее, наточу ее—
И прости-прощай, село ро́дное!
— Не плачь Грунюшка!
Косой вострою не подрѣжусь я...
Ты прости, село, прости, староста:
Въ края дальніе пойдетъ молодецъ
Что внизъ по Дону, по набе́режью,
Хороши стоятъ тамъ слободушки!
Степь раздольная далеко́ вокругъ,
Широко лежитъ, ковылемъ-травой
Разстилается!
Ахъ ты, степь моя, степь привольная!
Широко ты, степь, пораскинулась,
Къ морю Черному понадвинулась!
Въ гости я къ тебѣ не одинъ пришелъ:
Я пришелъ самъ-другъ съ косой вострою;
Мнѣ давно гулять по травѣ степной
Вдоль и по́перекъ съ ней хотѣлося...
Раззудись, плечо! размахнись, рука!
Ты пахни въ лицо, вѣтеръ съ по́лудня!
Освѣжи, взволнуй степь просторную!
Зажужжи коса, засверкай кругомъ!
Зашуми трава подкошённая,
Поклонись, цвѣты, головой землѣ!
На ряду съ травой вы засохнете,
Какъ по Грунѣ я сохну, молодецъ!
Нагребу копенъ, намечу стоговъ—
Дастъ казачка мнѣ денегъ пригоршни.
Я зашью казну, сберегу казну,
Ворочусь въ село—прямо къ старостѣ:
Не разжалобилъ его бѣдностью,
Такъ разжалоблю золотой казной!..

МОЛИТВА.

Спаситель, Спаситель!
Чиста моя вѣра,
Какъ пламя молитвы;
Но, Боже, и вѣрѣ
Могила темна!
Что́ слухъ мой замѣнитъ?
Потухшія очи?
Глубокое чувство
Остывшаго сердца?

. . . .

На крестъ, на могилу,
На небо, на землю,
На точку начала

И цѣли твореній
Творецъ всемогущій
Накинулъ завѣсу,
Печать наложилъ:
Печать та навѣки;
Ея не расторгнутъ
Міры, разрушаясь;
Огонь не растопитъ,
Не смоетъ вода!..
Прости-жъ мнѣ, Спаситель,
Слезу моей грѣшной
Вечерней молитвы:
Во тьмѣ она свѣтитъ
Любовью къ Тебѣ...

КРЕСТЬЯНСКАЯ ПИРУШКА.

Ворота́ тесовы́ растворилися,
На коняхъ, на саняхъ гости въѣхали.
Имъ хозяинъ съ женой низко кланялись;
Со двора повели въ свѣтлу горенку.
Передъ Спасомъ святымъ гости молятся;
За дубовы столы, за набраные,
На сосновыхъ скамьяхъ сѣли званые.
На столахъ куръ, гусей много жареныхъ,
Пироговъ, ветчины блюда полныя.
Бахрамой, кисеей принаряжена,
Молодая жена, чернобровая,
Обходила подругъ съ поцѣлуями,
Разносила гостямъ чашу горькаго.
Самъ хозяинъ, за ней, брагой хмѣльною
Изъ ковшей вырѣзныхъ родныхъ подчуетъ;
А хозяйская дочь медомъ сыченымъ
Обносила кругомъ съ лаской дѣвичьей.
Гости пьютъ и ѣдятъ, рѣчи гу́торятъ
Про хлѣба, про покосъ, про старинушку;
Какъ-то Богъ и Господь хлѣбъ уро́дитъ намъ,
Какъ-то сѣно въ степи будетъ зелено.
Гости пьютъ и ѣдятъ, забавляются
Отъ вечерней зари до полуночи.
По селу пѣтухи перекликнулись...
Призатихъ говоръ, шумъ въ темной горенкѣ;
Отъ воротъ поворотъ виденъ по снѣгу.

ГОРЬКАЯ ДОЛЯ.

Соловьемъ залетнымъ
Юность пролетѣла;
Волной въ непогоду
Радость прошумѣла...
Пора золотая
Была, да сокрылась;
Сила молодая
Съ тѣломъ износилась;
Отъ кручины-думы
Въ сердцѣ кровь застыла;
Что́ любилъ, какъ душу,
И то измѣнило!
Какъ былинку, вѣтеръ
Молодца шатаетъ;
Зима лицо зно́битъ,
Солнце—сожигаетъ.
До поры, до время
Всѣмъ я весь изжился,
И кафтанъ мой синій
Съ плечъ долой свалился!
Безъ любви, безъ счастья
По міру скитаюсь:
Разойдусь съ бѣдою—
Съ горемъ повстрѣчаюсь...
На крутой горѣ
Росъ зеленый дубъ;
Подъ горой теперь
Онъ лежитъ—гніетъ.

УРОЖАЙ.

Краснымъ полымемъ заря вспыхнула;
По лицу земли туманъ стелется.
Разгорѣлся день огнемъ солнечнымъ,
Подобралъ туманъ выше темя горъ,
Нагустилъ его въ тучу черную...
Туча черная понахмурилась,
Понахмурилась, что задумалась,
Словно вспомнила свою родину...
Понесутъ ее вѣтры буйные
Во всѣ стороны свѣта бѣлаго...
Ополчается громомъ, бурею,
Огнемъ-молніей, дугой-радугой;
Ополчилася—и расширилась,
И ударила, и пролилася
Слезой крупною, проливнымъ дождемъ
На земную грудь, на широкую
И съ горы небесъ глядитъ солнышко:
Напилась воды земля досыта.
На поля, сады, на зеленые,
Люди сельскіе не насмотрятся.
Люди сельскіе Божьей милости
Ждали съ трепетомъ и молитвою.
За-одно съ весной пробуждаются
Ихъ завѣтныя думы мирныя.
Дума первая: хлѣбъ изъ-за́крома
Насыпать въ мѣшки, убирать воза.
А вторая ихъ была думушка:
Изъ села гужомъ въ пору выѣхать.
Третью думушку какъ задумали,—
Богу-Господу помолилися.

Чѣмъ-свѣтъ по полю всѣ разъѣхались
И пошли гулять другъ за дружкою,
Горстью полною хлѣбъ раскидывать,
И давай пахать землю плугами,
Да кривой сохой перепахивать,
Бороны зубьемъ порасчесывать...
Посмотрю пойду, полюбуюся,
Чтó послалъ Господь за труды людя́мъ.
Выше пояса рожь зернистая
Дремитъ колосомъ почти дó земли,
Словно Божій гость, на всѣ стороны
Дню веселому улыбается;
Вѣтерокъ по ней плыветъ, лóснится,
Золотой волной разбѣгается...
Люди семьями принялися жать,
Косить подъ корень рожь высокую.
Въ копны частыя снопы сложены;
Отъ возовъ всю ночь скрипитъ музыка.
На гумнахъ вездѣ, какъ князья, скирды
Широко сидятъ, поднявъ головы.
Видитъ солнышко—жатва кончена:
Холоднѣй оно пошло къ осени;
Но жарка свѣча поселя́нина
Предъ иконою Божьей Матери.

1837 — 1839.

РАЗДУМЬЕ СЕЛЯНИНА.

Сяду я за столъ да подумаю:
Какъ на свѣтѣ жить одинокому?
Нѣтъ у молодца молодой жены,
Нѣтъ у молодца друга вѣрнаго,
Золотой казны, угла теплаго,
Бороны-сохи, коня-пахаря...
Вмѣстѣ съ бѣдностью далъ мнѣ батюшка
Лишь одинъ талантъ—силу крѣпкую;
Да и ту, какъ разъ, нужда горькая
По чужимъ людямъ всю истратила.
Сяду я за столъ да подумаю:
Какъ на свѣтѣ жить одинокому?

ПОРА ЛЮБВИ.

Весною степь зеленая
Цвѣтами вся разубрана,
Вся птичками летучими,
Пѣвучими полнымъ полна;
Поютъ онѣ и день и ночь.
То пѣсенки чудесныя!
Ихъ слушаетъ красавица
И смысла въ нихъ не вѣдаетъ,
Въ душѣ своей не чувствуетъ,
Что пѣсни тѣ волшебныя:
Въ нихъ сила есть любовная...
Любовь—огонь; съ огня—пожаръ...
Не слушай ихъ, красавица,
Пока твой сонъ, сонъ дѣвичій,
Спокоенъ, тихъ до утра-дня!
Какъ-разъ бѣду наслушаешь:
Въ цвѣту краса загубится,
Лицо твое, румяное
Скорѣй платка износится.
Стоитъ она, задумалась,
Дыханьемъ чаръ овѣяна;
Запала въ грудь любовь-тоска.
Нейдетъ съ души тяжелый вздохъ;
Грудь бѣлая волнуется,
Что рѣченька глубокая—
Песку со дна не выкинетъ,
Въ лицѣ огонь, въ глазахъ—туманъ...
Смеркаетъ степь, горитъ заря...
Весной въ рѣкѣ, при мѣсяцѣ,
Поитъ коня дѣтинушка;
Самъ думаетъ онъ думушку
Про дѣвицу завѣтную:
„Четвертый годъ, какъ я люблю
Меньшую дочь сосѣдскую.
Пойдешь за ней на улицу,
Затѣешь рѣчь сторонкою,—
Такъ нѣтъ, куда! Сидитъ, молчитъ...
Пошлешь къ отцу посвататься,—
Сѣдой старикъ спѣсивится:
Нельзя никакъ—жди череду.
Болитъ моя головушка,
Щемитъ въ груди ретивое;
Печаль моя всесвѣтная...
Пришла бѣда незваная,
Какъ съ плечъ свалить—не знаю самъ.
И сила есть—да воли нѣтъ;
Наружѣ кладъ—да взять нельзя:
Заклялъ его обычай нашъ—
Ходи, гляди, да мучайся,
Толкуй съ башкой порожнею...
Возьму-жъ я ржи двѣ четверти,
Поѣду-жъ я на мельницу:
Про мельника слухъ носится,
Что мастеръ онъ присушивать.
Скажу ему: Иванъ Кузьмичъ!
Къ тебѣ нужда есть кровная;
Возьми съ меня, что хочешь ты,
Лишь сдѣлай мнѣ—по своему“.
Въ селѣ, весной, при мѣсяцѣ,
Спокойно спитъ крещеный міръ;
Вдоль улицы нашъ молодецъ
Идетъ самъ-другъ съ сосѣдкою;
Промежъ себя ведутъ они
О чемъ-то рѣчь хорошую.

Даетъ онъ ей съ руки кольцо,
У ней беретъ себѣ въ обмѣнъ;
А не былъ онъ на мельницѣ,
Иванъ Кузьмичъ не грѣшенъ тутъ...
Ахъ, степь ты, степь зеленая,
Вы, пташечки пѣвучія,
Разнѣжили вы дѣвицу,
Отбили хлѣбъ у мельника!
У васъ весной присуха есть,
Сильнѣй присухъ нашептанныхъ...

———

ПѢСНЯ.

Ахъ, зачѣмъ меня силой выдали
За немилаго мужа стараго?
Небось, весело теперь матушкѣ
Утирать мои слезы горькія!
Небось, весело глядѣть батюшкѣ
На житъ-бытье горемычное!
Небось, сердце въ нихъ разрывается,
Какъ приду одна на великій день,
Отъ дружка дары принесу съ собой:
На лицѣ—печаль, на душѣ—тоску.
Поздно, ро́дные, обвинять судьбу,
Ворожить, гадать, сулить радости!
Пусть изъ-за моря корабли плывутъ,
Пускай золото на полъ сыплется:
Не рости травѣ послѣ осени,
Не цвѣсти цвѣтамъ зимой по снѣгу!

———

ЛѢСЪ.

(ПАМЯТИ А. С. ПУШКИНА.)

то, дремучій лѣсъ, призадумался?
рустью темною затуманился?
то, Бова-силачъ заколдованный,
ъ непокрытою головой въ бою,
ы стоишь—поникъ и не ратуешь
ъ мимолетною тучей-бурею?
устолиственный твой зеленый шлемъ
уйный вихрь сорвалъ и развѣялъ въ прахъ;
лащъ упалъ къ ногамъ и разсыпался...
ы стоишь—поникъ и не ратуешь.
дѣ-жъ дѣвалася рѣчь высокая,
ила гордая, доблесть царская?
тебя-ль, было́, въ ночь безмолвную
ливная пѣснь соловьиная;
тебя-ль, было́, дни—роскошество,
ругъ и недругъ твой прохлаждаются.
тебя ль, было́, поздно вечеромъ
розно съ бурею разговоръ пойдетъ:
спахнетъ она тучу черную,
боймётъ тебя вѣтромъ, холодомъ,
ты молвишь ей шумнымъ голосомъ:
„Вороти назадъ! держи около!“
Закружитъ она, разыграется,—
Дрогнетъ грудь твоя, зашатаешься;
Встрепенувшися, разбушуешься,—
Только свистъ кругомъ, голоса и гулъ..
Буря всплачется лѣшимъ, вѣдьмою
И несетъ свои тучи за̀ море.
Гдѣ-жъ теперь твоя мочь зеленая?
Почернѣлъ ты весь, затуманился,
Одичалъ, замолкъ,—только. въ не́погодь
Воешь жалобу на безвременье...
Такъ-то, темный лѣсъ, богатырь-Бова!
Ты всю жизнь свою маялъ битвами:
Не осилили тебя сильные,
Такъ дорѣзала осень черная.
Знать, во время сна къ безоружному
Силы вражіи понахлынули—
Съ богатырскихъ плечъ сняли голову
Не большой горой, а соломенкой...

———

ПОСЛѢДНІЙ ПОЦѢЛУЙ.

Обойми, поцѣлуй,
Приголубь, приласкай,
Еще разъ поскорѣй
Поцѣлуй горячѣй!
Что печально глядишь?
Что на сердцѣ таишь?

. . . .

На полгода всего
Мы разстаться должны.
Есть за Волгой село
На крутомъ берегу:
Тамъ отецъ мой живетъ,
Тамъ родимая мать—
Сына въ гости зоветъ.
Я поѣду къ отцу,
Поклонюся родной
И согласье возьму
Обвѣнчаться съ тобой.
Мучитъ душу мою
Твой печальный уборъ:
Для чего ты въ него
Нарядила себя?
Разрядись, уберись
Въ свой нарядъ голубой
И на плечи накинь
Шаль съ каймой расписной.
Пусть пылаетъ лицо,
Какъ поутру заря,
Пусть сіяетъ любовь
На устахъ у тебя!
Какъ мнѣ мило теперь
Любоваться тобой!

Какъ весна, хороша
Ты, невѣста моя!
Обойми-жъ, поцѣлуй,
Приголубь, приласкай,
Еще разъ поскорѣй
Поцѣлуй горячѣй!

———

ПЕРВАЯ ПѢСНЯ
ЛИХАЧА КУДРЯВИЧА.

Съ радости—веселья
Хмѣлемъ кудри вьются;
Ни съ какой заботы
Онѣ не сѣкутся.
Ихъ не гребень чешетъ—
Золотая доля,
Завиваетъ въ кольца
Молодецка удаль.
Не родись богатымъ,
А родись кудрявымъ:
По щучью велѣнью
Все тебѣ готово.
Чего душа хочетъ—
Изъ земли родится;
Со всѣхъ сторонъ прибыль
Ползетъ и валится.
Что, шутя, задумалъ—
Пошла шутка въ дѣло;
А тряхнулъ кудрями—
Въ одинъ мигъ поспѣло.
Не возьмутъ гдѣ лоскомъ,
Возьмутъ кудри силой;
И что худо—смотришь,
По водѣ поплыло!
Любо жить на свѣтѣ
Молодцу съ кудрями,
Весело на бѣломъ
Съ черными бровями!
Во время да въ пору
Медомъ рѣчи льются,
И съ утра до ночи
Пѣсенки поются.
Про тѣ рѣчи пѣсни
Дѣвушки всѣ знаютъ
И о кудряхъ зиму
Ночь не спятъ, гадаютъ.
Честь и слава кудрямъ!
Пусть ихъ волосъ вьется!
Съ ними все на свѣтѣ
Ловко удается!
Не подъ шапку горе
Головѣ кудрявой!
Разливайтесь, пѣсни,
Ходи, парень, браво!

ВТОРАЯ ПѢСНЯ
ЛИХАЧА КУДРЯВИЧА.

Въ золотое время
Хмѣлемъ кудри вьются;
Съ горести-печали
Русыя сѣкутся.
Ахъ, сѣкутся кудри!
Любитъ ихъ забота;
Полюбитъ забота—
Не чешетъ и гребень!
Не родись въ сорочкѣ,
Но родись таланливъ:
Родись терпѣливымъ
И на все готовымъ!
Вѣкъ прожить—не поле
Пройти за сохою:
Кручину, что тучу,
Не уноситъ вѣтромъ.
Зла бѣда—не буря—
Горами качаетъ,
Ходитъ невидимкой,
Губитъ безъ разбору.
Отъ ея напасти
Не уйти на лыжахъ:
Въ чистомъ полѣ найдетъ,
Въ темномъ лѣсѣ сыщетъ.
Чуешь только сердцемъ:
Придетъ, сядетъ рядомъ,
Объ руку съ тобою
Пойдетъ и поѣдетъ...
И щемитъ, и ноетъ,
Болитъ ретивое:
Все—изъ рукъ вонъ плохо,
Нѣтъ ни въ чемъ удачи.
То—скосило градомъ,
То—снесло пожаромъ...
Чистъ кругомъ и легокъ,
Никому не нуженъ!
Къ старикамъ на сходку
Выйти приневолятъ:
Старые лаптишки
Безъ онучъ обуешь,
Кафтанишка рваный
На плечи натянешь;
Бороду вскосматишь,
Шапку нахлобучишь,
Тихомолкомъ станешь
За чужія плечи...
Пусть не видятъ люди
Прожитого счастья!

———

БѢГСТВО.

Ужъ какъ гляну я на поле—
Поле чистое дрогнётъ,

Нагуститъ свои туманы,
Въ нихъ одѣнется на ночь.
Я изъ поля въ лѣсъ дремучій—
Лѣшій по лѣсу шумитъ,
Про любовь свою къ русалкѣ
Съ быстрой рѣчкой говоритъ.
Крикну лѣсу, топну въ берегъ—
Лѣшій за горы уйдетъ,
Съ тихимъ трепетомъ русалка
Въ берегахъ своихъ уснетъ.
Я чрезъ рѣчку, огородомъ,
Всю слободку обойду,
Съ темной полночью глухою
Къ дому барскому приду.
Свисну—въ теремѣ высокомъ
Вмигъ растворится окно;
Подъ окномъ душа-дѣвица
Дожидается давно.
Скучно въ теремѣ весною
Одинокой горевать:
То ли дѣло—на просторѣ
Друга къ сердцу прижимать!
Поднимайся, туча-буря,
Съ полуночною грозой!
Зашатайся, лѣсъ дремучій,
Страшнымъ голосомъ завой,—
Чтобъ погони злой бояринъ
Вслѣдъ за нами не послалъ,
Чтобъ я съ милою до свѣта
На Украйну прискакалъ.
Тамъ всего у насъ довольно;
Будетъ гдѣ намъ отдохнуть:
Отъ боярина сокроютъ,
Хату славную дадутъ.
Будемъ жить съ тобой по-пански...
Эти люди—намъ друзья;
Что душѣ твоей угодно,
Все добуду съ ними я!
Будутъ платья дорогія,
Ожерелья съ жемчугомъ;
Наряжайся, одѣвайся
Хоть парчею съ серебромъ!

ПОСЛѢДНЯЯ БОРЬБА.

Надо мною буря выла,
Громъ по небу грохоталъ,
Слабый умъ судьба страшила,
Холодъ въ душу проникалъ.
Но не палъ я отъ страданья,
Гордо выдержалъ ударъ,
Сохранилъ въ душѣ желанья,
Въ тѣлѣ—силу, въ сердцѣ—жаръ.
Что погибель! Что спасенье!
Будь, что будетъ—все равно!
На святое Провидѣнье
Положился я давно.
Въ этой вѣрѣ нѣтъ сомнѣнья,
Ею жизнь моя полна!
Безконечно въ ней стремленье,
Въ ней—покой и тишина...
Не грози-жъ ты мнѣ бѣдою,
Не зови, судьба, на бой:
Готовъ биться я съ тобою,
Но не сладишь ты со мной!
У меня въ душѣ есть сила,
У меня есть въ сердцѣ кровь;
Подъ крестомъ—моя могила,
На крестѣ моя любовь!

ХУТОРОКЪ.

За рѣкой, на горѣ,
Лѣсъ зеленый шумитъ,
Подъ горой, за рѣкой,
Хуторочекъ стоитъ.
Въ томъ лѣсу соловей
Громко пѣсни поетъ;
Молодая вдова
Въ хуторочкѣ живетъ.
Въ эту ночь-полуночь
Удалой молодецъ
Хотѣлъ быть, навѣстить
Молодую вдову...
На рѣкѣ рыболовъ
Поздно рыбу ловилъ;
Погулять, ночевать
Въ хуторочекъ приплылъ.
„Рыболовъ мой, душа!
Не ночуй у меня:
Свекоръ дома сидитъ—
Онъ не любитъ тебя.
Не сердися, плыви,
Въ свой рыбачій курень:
Завтра-жъ, другъ мой, съ тобой
Гулять рада весь день".
— Сильный вѣтеръ подулъ,
А ночь будетъ темна...
Лучше здѣсь, на рѣкѣ,
Я просплю до утра.—
Опоздпился купецъ
На дорогѣ большой;
Онъ свернулъ ночевать
Ко вдовѣ молодой.
„Милый купчикъ-душа!
Чѣмъ тебя мнѣ принять?
Не топила избы,
Нѣту сѣна, овса.

Лучше къ куму въ село
Поскорѣе ступай!
Только завтра, смотри,
Погостить заѣзжай!“
— До села далеко;
Конь усталъ мой совсѣмъ;
Есть свой кормъ у меня:
Не печалься о немъ.
Я вчера въ городкѣ
Долго былъ—все купилъ:
Вотъ подарокъ тебѣ,
Что давно посулилъ.—
„Не хочу я его!..
Боль головушку всю
Разломила на смерть;
Ступай къ куму въ село“.
— Эта боль—пустяки!..
Средство есть у меня:
Слова два—заживетъ
Въ мигъ головка твоя.—

Засвѣтился огонь,
Закурилась изба;
Для гостей дорогихъ
Столъ готовитъ вдова.
За столомъ съ рыбакомъ
Ужъ гуляетъ купецъ;
А въ окошко глядитъ
Удалой молодецъ...
„Ты, рыбакъ, пей вино!
Мнѣ съ сестрой наливай!
Если мастеръ—плясать,
Пѣть мы пѣсни давай!
Я съ людями люблю
По-пріятельски жить:
Ваше дѣло—поймать,
Наше дѣло—купить...
Такъ со мною, прошу,
Безъ чиновъ—по рукамъ;
Одну басню твержу
Я всѣмъ добрымъ людя́мъ:
Горе есть—не горюй,
Дѣло есть—работа́й,
А подъ случай попалъ—
На здоровье гуляй!“
И пошелъ съ рыбакомъ
Купецъ пѣсни играть,
Молодую вдову
Обнимать, цѣловать.
Не стерпѣлъ удалой,
Загорѣлась душа!
И—какъ глазомъ моргнуть—
Растворилась изба...
И съ тѣхъ поръ въ хуторкѣ
Никого не живетъ;
Лишь одинъ соловей
Громко пѣсни поетъ.

ЧТО ТЫ СПИШЬ, МУЖИЧОКЪ?

Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь весна на дворѣ;
Всѣ сосѣди твои
Рабо́таютъ давно.
Встань, проснись, подымись,
На себя погляди:
Что ты былъ и что сталъ?
И что есть у тебя?
На гумнѣ—ни снопа,
Въ закромахъ—ни зерна,
На дворѣ, по травѣ—
Хоть шаромъ покати.
Изъ клѣтей домовой
Соръ метлою посмелъ
И лошадокъ, за долгъ,
По сосѣдямъ развелъ.
И подъ лавкой сундукъ
Опрокинутъ лежитъ;
И, погнувшись, изба,
Какъ старушка, стоитъ.
Вспомни время свое:
Какъ катилось оно
По полямъ и лугамъ
Золотою рѣкой,
Со двора и гумна
По дорожкѣ большой,
По села́мъ, городамъ,
По торговымъ людя́мъ!
И какъ двери тебѣ
Растворяли вездѣ,
И въ почетномъ углу
Было мѣсто твое!
А теперь подъ окномъ
Ты съ нуждою сидишь,
И весь день на печи
Безъ просыпу лежишь;
А въ поляхъ, сиротой,
Хлѣбъ нескошенъ стоитъ:
Вѣтеръ точитъ зерно,
Птица клюетъ его!
Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь ужъ лѣто прошло,
Вѣдь ужъ осень на дворъ
Черезъ прясло глядитъ.
Вслѣдъ за нею зима
Въ теплой шубѣ идетъ,
Путь снѣжкомъ порошитъ,
Подъ санями хруститъ.
Всѣ сосѣди на нихъ

Хлѣбъ везутъ, продаютъ,
Собираютъ казну,
Бражку ковшикомъ пьютъ.

ПУТЬ.

Путь широкій давно
Предо мною лежитъ,
Да нельзя мнѣ по немъ
Ни летать, ни ходить...
Кто же держитъ меня,
И что кинуть мнѣ жаль?
И зачѣмъ до сихъ поръ
Не стремлюся я вдаль?
Или доля моя
Сиротой родилась?
Иль со счастьемъ слѣпымъ
Безъ ума разошлась?
По лѣтамъ и кудрямъ
Не старикъ еще я:
Много думъ въ головѣ,
Много въ сердцѣ огня!
Много слугъ и казны
Подъ замками лежитъ,
И лихой вороной
Ужъ осѣдланъ стоитъ.
Да на путь—по душѣ—
Крѣпкой воли мнѣ нѣтъ,
Чтобъ въ чужой сторонѣ
На людей поглядѣть,
Чтобъ порой предъ бѣдой
За себя постоять,
Подъ грозой роковой
Назадъ шагу не дать;
И чтобъ съ горемъ въ пиру
Быть съ веселымъ лицомъ,
На погибель идти—
Пѣсни пѣть соловьемъ!

ТОСКА ПО ВОЛѢ.

Загрустила, запечалилась
Моя буйная головушка;
Ясны очи соколиныя
Не хотятъ смотрѣть на бѣлый свѣтъ.
Тяжело жить дома съ бѣдностью,
Даромъ хлѣбъ сбирать подъ окнами;
Тяжелѣй того въ чужихъ людяхъ
Быть въ неволѣ, въ одиночествѣ.
Дни проходятъ здѣсь безъ солнышка,
Ночи темныя—безъ мѣсяца;
Бури страшныя, громовыя
Удалой души не радуютъ.
Гдѣ-жъ друзья мои—товарищи?
Куда дѣлись, разлетѣлися?
Иль не хочутъ дать мнѣ помочи?
Или голосъ мой разноситъ вѣтръ?
Знать, забыли время прежнее,
Какъ, бывало, въ полночь мертвую
Крикну, свисну имъ изъ за лѣса—
Аль ни темный лѣсъ шелохнется...
И они, мои товарищи,
Соколья, орлы могучіе,
Всѣ въ одинъ кругъ собираются—
Погулять ночь, пороскошничать.
А теперь, какъ крылья быстрыя
Судьба злая мнѣ подрѣзала,—
И друзья мои, товарищи
Одного меня покинули...
Гой ты, сила пододонная!
Отъ тебя я службы требую:
Дай мнѣ волю, волю прежнюю,
А душой тебѣ я кланяюсь!

1840—1842.

РАЗЛУКА.

На зарѣ туманной юности
Всей душой любилъ я милую:
Былъ у ней въ глазахъ небесный свѣтъ,
На лицѣ горѣлъ любви огонь.
Что предъ ней ты, утро майское,
Ты, дуброва-мать зеленая,
Степь-трава—парча шелковая,
Заря-вечеръ, ночь-волшебница!
Хороши вы—когда нѣтъ ея,
Когда съ вами дѣлишь грусть-тоску!
А при ней васъ—хоть бы не было...
Съ ней зима—весна, ночь—ясный день!
Не забыть мнѣ, какъ въ послѣдній разъ
Я сказалъ ей: „Прости, милая!
Такъ, знать, Богъ велѣлъ—разстанемся,
Но когда нибудь увидимся"...
Вмигъ огнемъ лицо все вспыхнуло,
Бѣлымъ снѣгомъ перекрылося,—
И, рыдая, какъ безумная,
На груди моей повиснула.
„Не ходи, постой! Дай время мнѣ
Задушить грусть, печаль выплакать
На тебя, на ясна сокола"...
Занялся духъ—слово замерло...

ПѢСНЯ.

Не скажу никому,
Отчего я весной

По полямъ и лугамъ
Не сбираю цвѣтовъ.
Та весна—далеко;
Тѣ завяли цвѣты,
Изъ которыхъ мы съ нимъ
Завивали вѣнки!
Не скажу никому,
Отчего у меня
Тяжело на груди
Злая грусть налегла...

———

ПѢСНЯ.

Дуютъ вѣтры, вѣтры буйные;
Ходятъ тучи, тучи темныя.
Не видать въ нихъ свѣта бѣлаго,
Не видать въ нихъ солнца краснаго.
Во сырой мглѣ, за туманами,
Только ночка лишь чернѣется...
Въ эту пору непогожую
Одному жить—сердцу холодно...

———

ПѢСНЯ.

Свѣтитъ солнышко, да осенью;
Цвѣтутъ цвѣтики—да не въ пору!
А весной была степь желтая,
Тучки плавали безъ дождика.
По ночамъ роса гдѣ падала—
По утру трава тамъ сохнула.
И тѣ пташечки, касаточки
Пѣли грустно такъ и жалобно,
Что, ихъ слушая, кровь стынула,
По душѣ лилась боль смертная...
Такъ прошла моя вся молодость
Безъ любви-души, безъ радости!

———

ДУМА СОКОЛА.

Долго-ль буду я сиднемъ дома жить,
Мою молодость ни за что губить?
Долго-ль буду я подъ окномъ сидѣть,
По дорогѣ вдаль день и ночь глядѣть?
Иль у сокола крылья связаны,
Иль пути ему всѣ заказаны!
Иль боится онъ въ чужихъ людяхъ быть,
Съ судьбой-мачихой самъ-собою жить?
Для чего-жъ на свѣтъ глядѣть хочется,
Облетѣть его душа просится?
Иль зачѣмъ она, моя милая,
Здѣсь сидитъ со мной, слезы льетъ рѣкой?
Отъ меня летитъ—пѣсню мнѣ поетъ,
Все рукой манитъ, все съ собой зоветъ...
Нѣтъ, ужъ полно мнѣ дома вѣкъ сидѣть,
По дорожкѣ вдаль изъ окна глядѣть!
Со двора пойду, куда путь манитъ,
А жить стану тамъ, гдѣ ужъ Богъ велитъ.

———

НОЧЬ.

Не смотря въ лицо,
Она пѣла мнѣ,
Какъ ревнивый мужъ
Билъ жену свою.
А въ окно луна
Тихо свѣтъ лила;
Сладострастныхъ сновъ
Была ночь полна...
Лишь зеленый садъ
Подъ горой чернѣлъ;
Мрачный образъ къ намъ
Изъ него глядѣлъ.
Улыбаясь, онъ
Зубъ о зубъ стучалъ;
Жгучей искрою
Его глазъ сверкалъ.
Вотъ онъ къ намъ идетъ,
Словно дубъ большой...
И тотъ призракъ былъ
Ея мужъ лихой!
По костямъ моимъ
Пробѣжалъ морозъ;
Самъ не знаю, какъ—
Къ полу я приросъ.
Но лишь только онъ
Рукой за дверь взялъ,
Я схватился съ нимъ—
И онъ мертвый палъ.
„Что-жъ ты, милая,
Вся, какъ листъ, дрожишь?
Съ дѣтскимъ ужасомъ
На него глядишь?
Ужъ не будетъ онъ
Караулить насъ,
Не придетъ теперь
Въ полуночный часъ!“...
— Ахъ, не то, чтобъ я...
Умъ мѣшается...
Все два мужа мнѣ
Представляются:
На полу одинъ,
Весь въ крови, лежитъ;
А другой—смотри-
Вонъ въ саду стоитъ!

———

ДОЛЯ БѢДНЯКА.

У чужихъ людей горекъ бѣлый хлѣбъ,
Брага хмѣльная—не разымчива!
Рѣчи вольныя все какъ связаны,
Чувства жаркія мрутъ безъ отзыва...
Изъ души-ль порой радость вырвется—
Злой насмѣшкою вмигъ отравится,
И бѣлъ-ясенъ день затуманится,
Грустью черною міръ одѣнется...
И сидишь, глядишь, улыбаючись,
А въ душѣ клянешь долю горькую!

———

ПѢСНЯ.

Нынче ночью къ себѣ
Въ гости друга я жду.
„Безъ знакомыхъ, одинъ,—
Сказалъ,—радость! приду.
Мѣсяцъ будь иль не будь—
Конь дорогу найдетъ;
Самъ лукавый, въ потьмахъ,
Съ ней его не собьетъ.
И до ночи мятель
Снѣгомъ путь весь закрой:
Безъ дороги—чутьемъ
Сыщетъ домикъ онъ твой!"
Нынче ночью къ себѣ
Въ гости друга я жду;
Онъ, прощаясь, сказалъ:
„Хоть умру, а приду!
Что мнѣ крѣпкій замокъ,
Караулъ, ворота́?
Воеводская дверь
Мнѣ всегда отперта.
Не любивши тебя,
Въ селахъ слылъ молодцомъ,
А съ тобою, мой другъ,
Города ни по чемъ!"

———

ПѢСНЯ.

Ты прости-прощай, сыръ-дремучій боръ,
Съ лѣтней волею, съ зимней вьюгою!
Одному съ тобой надоѣло жить,
Подъ дорогою до зари ходить!
Поднимусь, пойду въ свою хижину,
На житье-бытье на домашнее.
Тамъ возьму себѣ молоду жену
И начну съ ней жить, припѣваючи...

———

РАЗСЧЕТЪ СЪ ЖИЗНЬЮ.
(В. Г. БѢЛИНСКОМУ.)

Жизнь! зачѣмъ ты собой
Обольщаешь меня?
Почти вѣкъ я прожи́лъ,
Никого не любя.
Въ душѣ страсти огонь
Разгорался не разъ;
Но, въ безплодной тоскѣ,
Онъ сгорѣлъ и погасъ.
Моя юность цвѣла
Подъ туманомъ густымъ,
И что́ ждало меня—
Я не видѣлъ за нимъ.
Только тѣшилась мной
Злая вѣдьма-судьба;
Только силу мою
Сокрушила борьба;
Только зимней порой
Меня холодъ знобилъ;
Только волосъ сѣдой
Мои кудри развилъ;
Да румянецъ лица
Печаль рано сожгла,
Да морщины на немъ
Ядомъ слезъ провела.
Жизнь! зачѣмъ же собой
Обольщаешь меня?
Если-бъ силу Богъ далъ—
Я разбилъ бы тебя!

XXIII.

Александръ Ивановичъ Полежаевъ.

1805 — 1838.

Яркій талантъ, загубленный несчастными обстоятельствами жизни. Двадцатилѣтнимъ юношей—студентомъ, Полежаевъ былъ, какъ извѣстно, арестованъ за написанную имъ поэму „Сашку“, возмутившую правительство не столько фривольностью содержанія, сколько высказанными мимоходомъ либеральными мыслями (дѣло происходило въ 1826 году), и отданъ въ солдаты. Страстной, вольнолюбивой душѣ поэта нелегко было покориться этой мрачной участи, и, протестуя противъ нея (попыткой побѣга, оскорбленіемъ фельдфебеля), онъ два раза подвергался опасности быть прогнаннымъ сквозь строй, что равносильно было смертной казни. Смирившись въ концѣ концовъ, онъ предался обычному русскому пороку—запою...

Вотъ, въ краткихъ чертахъ, грустная жизнь, изъ которой вытекла полежаевская поэзія. То была поэзія страданій по-преимуществу,—страданій сильной, почти титанической ности, раздавленной и приниженной, но униженіи, и передъ лицомъ гибели не вавшей громко заявлять о своемъ чел скомъ достоинствѣ, о своихъ грубо по ныхъ правахъ на счастье и свободу...

Недостатки Полежаева, какъ поэта чащій романтизмъ, склонность къ ретор фразѣ) происходятъ отчасти отъ недо образованія, но, главнымъ образомъ, той же *безмѣрности* выпавшихъ на его страданій... Какъ бы то ни было, проте щій тонъ полежаевской поэзіи какъ бы сказываетъ уже Лермонтова. По самой стиховъ, энергично короткихъ и причу музыкальныхъ, Полежаевъ ближе стои тому же Лермонтову и Кольцову, неже Пушкину.

Умеръ онъ 33 лѣтъ, отъ чахотки.

1827—1837.

ПѢСНЬ ПЛѢННАГО ИРОКЕЗЦА.

Я умру! На позоръ палачамъ
Беззащитное тѣло отдамъ!
Равнодушно они,
Для забавы дѣтей,
Отдирать отъ костей
Будутъ жилы мои...
Обругаютъ, убьютъ
И мой трупъ разорвутъ!
Но стерплю! не скажу ничего,
Не наморщу чела моего!
И, какъ дубъ вѣковой,
Неподвижный отъ стрѣлъ,
Неподвиженъ и смѣлъ,

Встрѣчу мигъ роковой
И, какъ воинъ и мужъ.
Перейду въ страну душъ.
Передъ сонмомъ тѣней воспою
Я безстрашную гибель мою.
И разсказъ мой плѣнитъ
Ихъ внимательный слухъ
И воинственный духъ
Стариковъ оживитъ;
И пройдетъ по устамъ
Слава громкимъ дѣламъ.
И рекутъ они въ голосъ одинъ:
„Ты достойный праправдѣдовъ сынъ!“
Совокупной толпой
Мы на землю сойдемъ
И въ родныхъ разольемъ
Пылъ вражды боевой;
Побѣдимъ, поразимъ
И врагамъ отомстимъ!
Я умру! На позоръ палачамъ
Беззащитное тѣло отдамъ!
Но, какъ дубъ вѣковой,
Неподвижный отъ стрѣлъ,
Я, недвижимъ и смѣлъ,
Встрѣчу мигъ роковой!

ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ.

Я встрѣчаю зарю
И печально смотрю,
Какъ кропинки дождя,
По эфиру слетя,
Благотворно живятъ
Попираемый прахъ...

. . . .

Ахъ, не цвѣтъ полевой
Жжетъ полдневной порой
Разрушительный зной:
Сокрушаетъ тоска
Молодого пѣвца.
Какъ въ землѣ—мертвеца
Гробовая доска...
Я увялъ—и увялъ
Навсегда, навсегда!
И блаженства не зналъ
Никогда, никогда!
И я жилъ, но я жилъ
На погибель свою:
Буйной жизнью убилъ
Я надежду мою.
Не расцвѣлъ—и отцвѣлъ
Въ утрѣ пасмурныхъ дней;
Чтó любилъ—въ томъ нашелъ
Гибель жизни моей!

. . . .

Не кропите-жъ меня
Вы, росинки дождя:
Я не цвѣтъ полевой,
Не губительный зной
Пролетѣлъ надо мной!
Я увялъ—и увялъ
Навсегда, навсегда!
И блаженства не зналъ
Никогда, никогда!

ПРОВИДѢНІЕ.

Я погибалъ--
Мой злобный геній
Торжествовалъ!

. . . .

Порабощенье,
Какъ зло за зло,
Всегда влекло
Ожесточенье.
Окамененъ,
Какъ хладный камень,
Ожесточенъ,
Какъ сѣрный пламень,
Я погибалъ
Безъ сожалѣній,
Безъ утѣшеній!
Мой злобный геній
Торжествовалъ!

. . . .

Я былъ готовъ
Безъ тайной власти
Сорвать покровъ
Съ моихъ несчастій.
Послѣдній день
Сверкалъ мнѣ въ очи,
Послѣдней ночи
Встрѣчалъ я тѣнь.
И въ думѣ лютой
Все рѣшено:
Еще минута
И—свершено!..
Но вдругъ нежданный
Надежды лучъ,
Какъ свѣтъ багряный,
Блеснулъ изъ тучъ:
Какой-то скрытый
И мной забытый
Издавна Богъ
Изъ тьмы открытой
Меня извлекъ!..

. . . .

Онъ снова дни
Тоски печальной

Озолотилъ
И озарилъ
Зарей прощальной.
Гори жъ, сіяй,
Заря святая,
И догорай,
Не померкая!

——

ПѢСНЬ ПОГИБАЮЩАГО ПЛОВЦА.

Вотъ мрачится
Сводъ лазурный,
Вотъ крутится
Вихорь бурный!
Вѣтръ свиститъ,
Громъ гремитъ;
Море стонетъ—
Путь далекъ...
Тонетъ, тонетъ
Мой челнокъ!..
Все чернѣе
Сводъ надзвѣздный;
Все страшнѣе
Воютъ бездны.
Глубь безъ дна—
Смерть вѣрна!
Какъ заклятый
Врагъ грозитъ,
Вотъ—девятый
Валъ бѣжитъ!..
Горе, горе!
Онъ настигнетъ:
Въ шумномъ морѣ
Челнъ погибнетъ...
Гробъ готовъ!..
Трескъ громовъ
Надъ пучиной
Ярыхъ водъ—
Вздохъ пустынный
Разнесетъ!..
Сокровенный
Сынъ природы,
Неизмѣнный
Другъ свободы—
Съ юныхъ лѣтъ
Въ море бѣдъ
Я направилъ
Быстрый бѣгъ
И оставилъ
Мирный брегъ.
На равнинахъ
Водъ зеркальныхъ,
На пучинахъ
Погребальныхъ
Я скользилъ;
Я шутилъ
Грозной влагой;
Смертный валъ
Я отвагой
Побѣждалъ.
Какъ минутный
Прахъ въ эфирѣ,
Безпріютный
Странникъ въ мірѣ,
Одинокъ,
Какъ челнокъ,
Узъ любови
Я не зналъ,
Жаждой крови
Не сгоралъ.
Парусъ бѣлый
Перелетный;
Якорь смѣлый,
Беззаботный;
Тусклый лучъ
Изъ за тучъ;
Проблескъ дали
Въ тьмѣ ночей—
Замѣняли
Мнѣ друзей.
Что-жъ мнѣ въ жизни
Безъизвѣстной?
Что́ въ отчизнѣ
Повсемѣстной?
Чѣмъ страшна
Мнѣ волна?
Пусть настигнетъ
Съ вѣчной мглой—
И погибнетъ
Трупъ живой!..
Все чернѣе
Сводъ надзвѣздный;
Все страшнѣе
Воютъ бездны.
Вѣтръ свиститъ,
Громъ гремитъ;
Море стонетъ—
Путь далекъ...
Тонетъ, тонетъ
Мой челнокъ!

——

* * *

... Но зачѣмъ же вы убиты,
Силы мощныя души?
Или были вы сокрыты
Для бездѣйствія въ тиши?
Или не было вамъ воли—

Въ этой пламенной груди,
Какъ въ широкомъ чистомъ полѣ,
Пышнымъ цвѣтомъ расцвѣсти?..

ВОДОПАДЪ.

Между стремнинъ, съ горы высокой,
учьи прозрачные журчатъ
, вдругъ сливаясь въ токъ широкій,
вляютъ грозный водопадъ.
ромады волнъ буграми хлещутъ
ъ паденьи быстромъ и крутомъ
, разлетѣвшись, ярко блещутъ
округъ серебрянымъ дождемъ;
евѣтъ и стонетъ гулъ протяжный
ю разорвавшейся рѣкѣ
, исчезая съ пѣной влажной,
молкаетъ глухо вдалекѣ.
Вотъ наша жизнь! Вотъ образъ вѣрный
огибшей юности моей!
на въ красѣ нелицемѣрной
ервa катилась, какъ ручей;
отомъ, въ пылу страстей безумныхъ,
ыстра, какъ горный водопадъ,
счезла вдругъ при плескахъ шумныхъ,
акъ эхо дальняго раскатъ.
Шуми, шуми, о сынъ природы!
ы безотрадною порой
ѣвцу напомнилъ блескъ свободы
воей свободною игрой!

ИЗЪ „НОЧИ НА КУБАНИ“.

се дышетъ нѣгою прохладной,
се спитъ... Но что же сонъ отрадный,
ъ тиши таинственныхъ ночей,
е посѣтитъ моихъ очей?

. . . .

хъ, кто мечтѣ высокой вѣрилъ,
то почиталъ коварный свѣтъ
на зарѣ весеннихъ лѣтъ
то ничтожество измѣрилъ;
то погубилъ, подобно мнѣ,
вои надежды и желанья;
редъ кѣмъ разрушились вполнѣ
рядущей жизни упованья;
то сиръ и чуждъ передъ людьми,
ому дадутъ изъ сожалѣнья
ль ненавистнаго презрѣнья
огда-нибудь клочекъ земли,—
динъ лишь тотъ меня оцѣнитъ,
оей тоски не обвинивъ,
ушевнымъ чувствамъ не измѣнитъ
И скажетъ: „такъ, ты несчастливъ!“
Какъ братъ къ потерянному брату,
Съ улыбкой нѣжной подойдетъ,
Слезу страдальную прольетъ
И раздѣлитъ мою утрату!..

. . . .

Какъ пальма въ зеркалѣ ручья,
Какъ тѣнь налетная въ лазури,
Въ немъ отразится послѣ бури
Душа унылая моя!
Я буду—онъ, онъ будетъ—я,
Въ одномъ изъ насъ сольются оба,
И пусть тогда вражда и злоба,
И мечъ, и заступъ гробовой
Гремятъ надъ нашей головой!..

РАСКАЯНІЕ.

...Какъ чадъ неистовый похмѣлья,
Ты отлетѣла, наконецъ,
Минута злобнаго веселья...
Проснись, задумчивый пѣвецъ!

. . . .

...Свершилось! Жаръ мятежный
Остылъ на пасмурномъ челѣ...
Какъ сынъ земли, я дань землѣ
Принесъ чредою неизбѣжной:
Узналъ безславіе, позоръ
Подъ маской дикаго невѣжды;
Но предъ лицомъ Кавказскихъ горъ
Я рву нечистыя одежды!
Подобный гордостью горамъ,
Замѣтнымъ въ безднахъ и лазури,
Я воспарю, какъ фиміамъ
Съ цвѣтовъ пустынныхъ, къ небесамъ
И передамъ моимъ струнамъ
И ревъ, и вой минувшей бури.

ГРѢШНИЦА.

И говорятъ ему: „Она
Была въ грѣхѣ уличена
На самомъ мѣстѣ преступленья;
А по закону, мы ее
Должны казнить безъ сожалѣнья:
Скажи намъ мнѣніе свое!“
И на лукавое воззванье,
Храня глубокое молчанье,
Онъ нѣчто—грустенъ и унылъ—
Перстомъ божественнымъ чертилъ.
И, наконецъ, сказалъ народу:
„Даю вамъ полную свободу

Исполнить праотцевъ законъ;
Но гдѣ тотъ праведный, гдѣ онъ,
Который первый на блудницу
Подниметъ тяжкую десницу?"—
И вновь писалъ Онъ на землѣ...
Тогда, съ печатью поношенья
На обезславленномъ челѣ,
Сокрылись дѣти ухищренья —
И предъ лицомъ его одна
Стояла грѣшная жена.
И Онъ, съ улыбкой благотворной,
Сказалъ: „Покинь твою боязнь.
Гдѣ твой синедріонъ упорный?
Кто осудилъ тебя на казнь?"
Она въ отвѣтъ:—Никто, Учитель!—
„И такъ, и Я твоей души
Не осужу", сказалъ Спаситель: —
„Иди въ свой домъ и не грѣши".

XXIV.

Владиміръ Григорьевичъ Бенедиктовъ.

1807 — 1873.

Появившаяся въ 1835 году книжечка стихотвореній Бенедиктова сразу дала ему громкую извѣстность. Только истинные цѣнители поэзіи, вродѣ Бѣлинскаго, отнеслись къ новому поэту скептически, большая же публика, поддаваясь дешевому очарованію звучныхъ рифмъ и громкихъ фразъ, была въ полномъ восторгѣ. Ей пришлись вполнѣ по плечу такія, напр., вирши:

Прочь съ лазурными очами,
Дѣва ангелъ! Ярче дня
Ты блестишь; но у меня
Ангелъ—съ черными очами.
Вы, кому любовь дано
Пить очей въ лазурной чашѣ,—
Пусть лазурно небо ваше:
У меня оно—черно.
Я пирую въ черномъ цвѣтѣ,
И во снѣ, и на яву
Я витаю въ черномъ свѣтѣ,
Чернымъ пламенемъ живу.
Пусть васъ тѣшитъ жизни сладость
Въ яркихъ, радостныхъ лучахъ:
Мнѣ мила, понятна радость
Только въ траурныхъ очахъ.

Года четыре продолжалась шумная слава Бенедиктова, въ реторическихъ упражненіяхъ котораго публика видѣла не только роскошь поэтическихъ образовъ, но и глубину философской мысли... Не столько отрезвляющія статьи Бѣлинскаго разрушили эту эфемерную славу, сколько появленіе на литературномъ горизонтѣ яркой поэтической звѣзды Лермонтова, поэзія котораго, дѣйствительно, поражала и роскошной образностью языка, и силой и глубиной содержанія. Бенедиктовъ послѣ этого надолго замолкъ, и когда въ 50-хъ годахъ появился съ новыми, во всѣхъ отношеніяхъ лучшими, стихотвореніями, къ его голосу уже не прислушивались...

Какъ переводчикъ, онъ, во всякомъ случаѣ, и теперь еще заслуживаетъ вниманія, — если не текстуальной вѣрностью оригиналу, то нѣкоторымъ истиннымъ полетомъ вдохновенія.

ВОЙНА.

[СТИХОТВОРЕНІЕ ДЛЯ ДѢТЕЙ.]

— Говорятъ: война! война!—
Рѣзвый мальчнкъ Ваня
Лепеталъ:- да гдѣ-жъ она?
Разскажи-ка, няня.—
„Тамъ, далёко... Подростешь —
Послѣ растолкуютъ".
— Нѣтъ, теперь скажи: за что-жъ,
Какъ же тамъ воюютъ?—
„Ну, сойдутся, станутъ въ рядъ
По срединѣ луга,

Да изъ пушки и палятъ,
Да и бьютъ другъ друга.
Дымъ-то такъ валитъ тогда,
Что ни зги не видно".
— Такъ они дерутся?—„Да".
— Да вѣдь драться стыдно?
Мнѣ сказалъ папаша самъ:
Заниматься этимъ
Только пьянымъ мужикамъ,
А не умнымъ дѣтямъ!
Помнишь: какъ-то съ Мишей я
За игрушку сприлъ;
Онъ давай толкать меня,
Да и раззадорилъ.
Я прибилъ его. Вотъ на!
Побѣдили наши!
„Это что у васъ? Война?"
Слышимъ крикъ папаши:
„Розгу!"—Съ Мишей тутъ у насъ
Было слезъ довольно.
Насъ папаша въ этотъ разъ
Высѣкъ очень больно...
„Стыдно драться, говоритъ,
Ссорятся лишь злые".
Вишь! и маленькимъ-то стыдъ,
А вѣдь тамъ большіе?
Самъ я видѣлъ сколько разъ
Мимо шли солдаты:
У! большущіе! Я глазъ
Не спускалъ—все хваты!
Шапки мѣдныя съ хвостомъ,
Ружей много-много...
Барабаны—тромъ-томъ-томъ!
Вся гремитъ дорога!
Тромъ-томъ-томъ!—
И весь горитъ
Отъ восторга Ваня.
Но, подумавъ, говоритъ:
— А вѣдь, вѣрно, няня,
На войну шло столько ихъ,
Гдѣ палятъ изъ пушки?
Вѣрно, вышла и у нихъ
Ссора за игрушки!

— —

ИЗЪ „БОГОВЪ ГРЕЦІИ".

[ИЗЪ ШИЛЛЕРА.]

Въ таинственномъ туманѣ отдаленья
Когда-то вы, о боги древнихъ лѣтъ,
Руководя земныя поколѣнья,
Лелѣяли младенчественный свѣтъ.
И все не такъ являлось тамъ, какъ нынѣ:
Воздвигнутъ былъ тамъ Афродиты храмъ,
Гдѣ пламенныхъ сердецъ увѣнчанной богинѣ
Курился ѳиміамъ.
Природа тамъ была сестрой искусству;
Тамъ истина была сродни мечтамъ;
И что́ теперь такъ недоступно чувству—
До глубины прочувствовано тамъ.
Природы всей былъ ликъ облагороженъ,
Уразумленъ былъ образъ естества;
Повсюду и во всемъ былъ явный слѣдъ проложен
Живого божества.
И гдѣ теперь, взоръ обративъ къ денницѣ,
Мы только шаръ бездушный видимъ въ не
Тамъ Геліосъ на пышной колесницѣ
Сіялъ, сверкалъ и гналъ своихъ коней.
Летучихъ нимфъ былъ полонъ сводъ лазурны
Дріадами одушевленъ былъ садъ,
И свѣтлый водный ключъ билъ брызгами изъ урн
Смѣющихся наядъ.
Пѣвица ли пернатая запѣла?
Легла-ль роса на листья свѣжихъ розъ?
Тамъ—грустная стонала Филомела,
А тутъ былъ слѣдъ Авроры чистыхъ слезъ.
Ручей ли текъ струею свѣтлосиней?
Катился онъ у нимфы изъ очей,
Иль это былъ—рыдающей богиней
Наплаканный ручей.
... Прекрасное одно лишь было свято;
Отъ пиршества не уклонялся богъ,
И свѣтлый храмъ его изъ мрамора и злата
Былъ праздничный чертогъ.
... Сухой скелетъ—страшилище твореній—
Не шелъ къ одру, гдѣ смертный угасалъ:
Надъ смертнымъ тамъ безмолвный, тихій геній
Съ улыбкою свой факелъ опускалъ.
И въ сладостномъ, мирительномъ лобзаньи,
Склонясь надъ нимъ, лишеннымъ жизни силъ,
Съ поблеклыхъ устъ его послѣднее дыханье
Спокойно уносилъ.
... Въ Элизіумъ толпой спѣшили тѣни
Для сладкаго свиданія и встрѣчъ;
Тамъ слышались и звуки пѣснопѣній,
И лиры звонъ, и родственная рѣчь.
... Прекрасный міръ!—Весна со всей любовью,
Всей прелестью,—исторіи весна!
Мой жадный взоръ стремится къ баснословью,
Гдѣ жизни той хоть тѣнь сохранена.
Селены я ищу на звѣздномъ сводѣ:
Селена гдѣ? — Сводъ звѣздный нѣмъ стоитъ.
Гдѣ божество твое?—взываю я къ природѣ:
Бездушная молчитъ!

XXV.

Василій Ивановичъ Красовъ.

1810 — 1855.

Типичный представитель многочисленныхъ насъ, въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, пѣвцовъ определѣнной, туманной скорби и безпредметнаго разочарованія. Общеизвѣстенъ романсъ Красова „Я вновь предъ тобою стою, очарованъ"...

* * *

аяни мой другъ: по небу голубому,
ъ легкій дымъ, несутся облака...
ъ грусть пройдетъ по сердцу молодому,
, какъ сонъ, касаяся слегка!
й милый другъ, твои младые годы
красный цвѣтъ души твоей спасутъ;
вь же мнѣ и громъ, и непогоды—
твое блаженство унесутъ.
сти, забудь, не требуй объясненій,
й судьбы тебѣ не раздѣлить:
создана для тихихъ наслажденій,
сладкихъ слезъ, для счастія любить!
яни, взгляни—по небу голубому,
ъ легкій дымъ, несутся облака:
ъ грусть пройдетъ по сердцу молодому,
, какъ сонъ, касаяся слегка.

* * *

ученъ для людей, мнѣ скучно между ними!
-видитъ Богъ—я сердцемъ не злодѣй:
Я такъ хотѣлъ любить людей,
Хотѣлъ назвать ихъ братьями моими,
Хотѣлъ я жить для нихъ, какъ для друзей!
Я простиралъ къ нимъ жаркія объятья,
Младое сердце въ даръ имъ несъ,—
И не признали люди-братья,
Не раздѣлили братскихъ слезъ!..
. . . .

* * *

Возьмите все, святыя неба силы,
Но дайте мнѣ прошедшее назадъ!
О, день одинъ, за цѣну всѣхъ наградъ,
Хоть часъ одинъ изъ жизни давней, милой!
Не болѣ,—часъ!.. Я только часъ прошу.
Потомъ тяжелую веригу наложу,
И самъ свою я вырою могилу
И лягу въ гробъ..
За часъ, за часъ одинъ
Возьмите все, святыя неба силы!

XXVI.

Иванъ Петровичъ Клюшниковъ.

1811 — 1895.

Поэтъ того же характера, что и Красовъ, съ тою разницей, что въ стихахъ Клюшникова нерѣдко пробивался юмористическій элементъ. Печатаясь въ журналахъ конца 30-хъ, начала 40-хъ годовъ за подписью—Θ—, поэтъ обратилъ на себя общее вниманіе и возбуждалъ надежды, но самъ, повидимому, скоро сознал ничтожность своихъ поэтическихъ силъ и ушелъ изъ литературы.

Клюшниковъ пользовался дружбой Бѣлинскаго, и его не слѣдуетъ смѣшивать съ однофамильцемъ и племянникомъ его, написавшимъ позже извѣстный реакціонный романъ „Марево“.

СТАРАЯ ПЕЧАЛЬ.

О чемъ, безумецъ, я тоскую?
О чемъ души моей печаль?
Зачѣмъ я вспомнилъ жизнь былую?
Что назади? Чего мнѣ жаль?
. . . .
Я въ пристани. Былое горе,
Былая радость бурныхъ дней,
Простите! Но зачѣмъ же море
Такъ памятно душѣ моей?
Зачѣмъ въ міръ новый и прекрасный
Занесъ я старую печаль?
Сквозь слезъ гляжу на полдень ясный,
А утра мрачнаго мнѣ жаль!

1840.

XXVII.

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ.

1814 — 1841.

Лермонтовъ былъ ребенкомъ одиннадцати лѣтъ, когда разразилась извѣстная декабрьская катастрофа, однимъ ударомъ уничтожившая цвѣтъ русской интеллигенціи. Послѣдовавшая затѣмъ эпоха была, по признанію современника, „самою пустою въ исторіи русской гражданственности"; идеаломъ ея были — „общественная тишина и спокойствіе", а девизомъ — „не разсуждать, повиноваться" („самъ Гомеръ, — язвительно замѣчаетъ Некрасовъ, — не смѣлъ Омиромъ называться!"). Живая человѣческая личность была принижена и придавлена до полной безцвѣтности, и мы знаемъ изъ многострадальной судьбы Пушкина и Полежаева, что выпадало въ эти мрачные годы на долю натуръ недюжинныхъ, не желавшихъ или не умѣвшихъ принизиться до жалкаго уровня общей посредственности.

Но, по странной прихоти случая, именно эта опустошенная и разслабленная эпоха воспитала одинъ изъ самыхъ мощныхъ характеровъ, какіе когда-либо производила русская интеллигенція. Въ лицѣ Лермонтова, — „увядавшее безъ борьбы", „въ бездѣйствіи старѣвшее" поколѣніе 30-хъ годовъ нашло какъ-бы своего мстителя: поэтъ выступилъ съ неслыханно-смѣлой апологіей личности, съ зажигающимъ протестомъ противъ все нивеллирующаго и опошляющаго духа времени — и русское общество сразу и навсегда отдало ему свои симпатіи. Если, при томъ, протестъ Лермонтова въ значительной степени являлся протестомъ безсознательнымъ, то, быть можетъ, именно этому стихійному характеру поэзія его обязана, какъ тѣмъ, что прошла сквозь кавдинскія ущелья цензуры 40-хъ годовъ, такъ и еще болѣе своимъ пышнымъ расцвѣтомъ, блескомъ и роскошью своихъ красокъ и образовъ. — По удивительной мощи рано созрѣвшаго генія (необходимо принять въ разсчетъ, что умеръ онъ почти юношей) Лермонтовъ и среди міровыхъ поэтовъ имѣетъ не много себѣ равныхъ. Уже отроческія стихотворенія его („Молитва", „Монологъ") поражаютъ не только необычайной звучностью и красотой стиха, но и энергіей страстнаго чувства, и глубокой серьезностью скептической мысли; а *семнадцати* лѣтъ онъ пишетъ „Ангела" и „Парусъ", стихотворенія, принадлежащія къ самымъ блестящимъ перламъ русской поэзіи... Богатырскій ростъ Лермонтова идетъ съ этихъ поръ не по днямъ, а по часамъ, и въ стихотвореніяхъ „Дума", „Поэтъ", „Не вѣрь себѣ", „Первое января", въ поэмѣ „Мцыри" и романѣ „Герой нашего времени" онъ достигаетъ, быть можетъ, никѣмъ и никогда не превзойденной вершины лирическаго творчества...

Подобно Пушкину, Лермонтовъ погибъ на дуэли, на 27 году жизни.

1829.

МОЛИТВА.

Не обвиняй меня, Всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мракъ земли могильный
Съ ея страстями я люблю;
За то, что рѣдко въ душу входитъ
Живыхъ рѣчей Твоихъ струя,
За то, что въ заблужденьи бродитъ
Мой умъ далёко отъ Тебя;
За то, что лава вдохновенья
Клокочетъ на груди моей,
За то, что дикія волненья
Мрачатъ стекло моихъ очей;
За то, что міръ земной мнѣ тѣсенъ,
Къ Тебѣ-жъ проникнуть я боюсь,
И часто звукомъ грѣшныхъ пѣсенъ
Я, Боже, не Тебѣ молюсь.
Но угаси сей чудный пламень,
Всесожигающій костеръ,
Преобрати мнѣ сердце въ камень,
Останови голодный взоръ;
Отъ страшной жажды пѣснопѣнья
Пускай, Творецъ, освобожусь:
Тогда на тѣсный путь спасенья
Къ Тебѣ я снова обращусь!

———

МОНОЛОГЪ.

Повѣрь, ничтожество есть благо въ здѣшнемъ свѣтѣ!..
Къ чему глубокія познанья, жажда славы,
Талантъ и пылкая любовь свободы,
Когда мы ихъ употребить не можемъ?
Мы, дѣти сѣвера, какъ здѣшнія растенья,
Цвѣтемъ недолго, быстро увядаемъ...
Какъ солнце зимнее на сѣромъ небосклонѣ,
Такъ пасмурна жизнь наша, такъ недолго
Ея однообразное теченье...
И душно кажется на родинѣ,
И сердцу тяжко, и душа тоскуетъ...
Не зная ни любви, ни дружбы сладкой,
Средь бурь пустыхъ томится юность наша,
И быстро злобы ядъ ее мрачитъ,
И намъ горька остылой жизни чаша,
И ужъ ничто души не веселитъ!

———

ДИТЯ ВЪ ЛЮЛЬКѢ.

(пзъ шиллера).

Счастливъ ребенокъ! И въ люлькѣ просторно ему; но дай время
Сдѣлаться мужемъ—и тѣсенъ покажется міръ.

———

1830.

* * *

Теперь я вижу: пышный свѣтъ
Не для людей былъ сотворенъ;
Мы сгибнемъ, нашъ сотрется слѣдъ—
Таковъ нашъ рокъ, таковъ законъ.
Нашъ духъ вселенной вихрь умчитъ
Къ безбрежнымъ, мрачнымъ сторонамъ,
Нашъ прахъ лишь землю умягчитъ
Другимъ, чистѣйшимъ существамъ.
Не будутъ проклинать они;
Межъ нихъ ни злата, ни честей
Не будетъ; станутъ течь ихъ дни,
Невинные, какъ дни дѣтей;
Межъ нихъ ни дружбу, ни любовь
Приличья цѣпи не сожмутъ,
И братьевъ праведную кровь
Они со смѣхомъ не прольютъ!..
Къ нимъ станутъ (какъ всегда могли)
Слетаться ангелы. А мы
Покинемъ этотъ рай земли,
Окованы надъ бездной тьмы.
Укоры зависти, тоска
И вѣчность—съ цѣлію одной:
Вотъ казнь за цѣлые вѣка
Злодѣйствъ, кипѣвшихъ подъ луной!

———

* * *

Какъ въ ночь звѣзды падучей пламень,
Не нуженъ въ мірѣ я;
Хоть сердце тяжело, какъ камень,
Но все подъ нимъ змѣя.
Меня спасало вдохновенье
Отъ мелочныхъ суетъ;
Но отъ своей души спасенья
И въ самомъ счастьи нѣтъ.
Молю о счастіи, бывало...
Дождался, наконецъ,—
И тягостно мнѣ счастье стало,
Какъ для царя вѣнецъ!
И, всѣ мечты отвергнувъ, снова
Остался я одинъ,
Какъ замка мрачнаго, пустого
Ничтожный властелинъ.

———

РОМАНСЪ.

Стояла сѣрая скала на берегу морскомъ.
Однажды на чело ея слетѣлъ небесный громъ.
И раздвоилъ ее ударъ! И новою тропой
Между разрозненныхъ камней течетъ потокъ сѣ

въ двумъ утесамъ не сойтись, но все они хра-
[нятъ
оза прежняго слѣды—глубокихъ трещинъ рядъ.
ъ мы съ тобой разлучены злословіемъ людскимъ,
для тебя я никогда не сдѣлаюсь чужимъ.
ы не встрѣтимся опять, и если предъ тобой
ия случайно назовутъ, ты спросишь: кто такой?
проклиная жизнь мою, на память приведешь
юе... и одну себя невольно проклянешь,
е изгладишь ты никакъ изъ памяти своей
только чувствъ и словъ моихъ,—минуты преж-
[нихъ дней!..

———

НИЩІЙ.

У вратъ обители святой
Стоялъ просящій подаянья,
Безсильный, блѣдный и худой
Отъ глада, жажды и страданья.
Куска лишь хлѣба онъ просилъ,
И взоръ являлъ живую муку—
И кто-то камень положилъ
Въ его протянутую руку!
Такъ я молилъ твоей любви,
Съ слезами горькими, съ тоскою;
Такъ чувства лучшія мои
Навѣкъ обмануты тобою.

———

КЪ Л***
(ПОДРАЖАНІЕ БАЙРОНУ.)

У ногъ другихъ не забывалъ
Я взоръ твоихъ очей;
Любя другихъ, я лишь страдалъ
Любовью прежнихъ дней.
Такъ память, демонъ-властелинъ,
Все будитъ старину,
И я твержу, одинъ, одинъ:
Люблю, люблю одну!
Принадлежишь другому ты,
Забытъ пѣвецъ тобой;
Съ тѣхъ поръ влекутъ меня мечты
Прочь отъ земли родной.
Корабль умчитъ меня отъ ней
Въ безвѣстную страну,
И повторитъ волна морей:
Люблю, люблю одну!
И не узнаетъ шумный свѣтъ,
Кто нѣжно такъ любимъ,
Какъ я страдалъ, и сколько лѣтъ
Я памятью томимъ.
И гдѣ бы я ни сталъ искать
Былую тишину,
Все сердце будетъ мнѣ шептать:
Люблю, люблю одну!

———

1831.
АНГЕЛЪ.

По небу полуночи ангелъ летѣлъ,
И тихую пѣсню онъ пѣлъ;
И мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой
Внимали той пѣснѣ святой.
Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ
Подъ кущами райскихъ садовъ,
О Богѣ великомъ онъ пѣлъ—и хвала
Его непритворна была.
Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слезъ,
И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.
И долго на свѣтѣ томилась она,
Желаніемъ чуднымъ полна,
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

———

* * *

Нѣтъ, я не Байронъ, я другой,
Еще невѣдомый избранникъ—
Какъ онъ, гонимый міромъ странникъ,
Но только съ русскою душой.
Я раньше началъ, кончу ранѣ,
Мой умъ не много совершитъ,
Въ душѣ моей, какъ въ океанѣ,
Надеждъ разбитыхъ грузъ лежитъ.
Кто можетъ, океанъ угрюмый,
Твои извѣдать тайны? Кто
Толпѣ мои разскажетъ думы?..
Или поэтъ, или никто!

———

* * *

Мы случайно сведены судьбою,
Мы себя нашли одинъ въ другомъ,
И душа сдружилася съ душою,
Хоть пути не кончить имъ вдвоемъ.
Такъ потокъ весенній отражаетъ
Сводъ небесъ далекій, голубой,
И въ волнѣ спокойной онъ сіяетъ
И трепещетъ съ бурною волной.
Будь, о будь моими небесами,
Будь товарищъ грозныхъ бурь моихъ!
Пусть тогда гремятъ они межъ нами—
Я рожденъ, чтобы не жить безъ нихъ.
Я рожденъ, чтобъ цѣлый міръ былъ зритель

Торжества, иль гибели моей;
Но съ тобой, мой лучъ-путеводитель,
Чтó хвала иль гордый смѣхъ людей!
Души ихъ пѣвца не постигали.
Не могли души его любить,
Не могли понять его печали,
Не могли восторговъ раздѣлить.

———

* * *
(ИЗЪ БАЙРОНА.)

Если-бъ мы не дѣти были,
Если-бъ слѣпо не любили,
Не встрѣчались, не прощались—
Мы съ страданьемъ бы не знались.

———

НЕБО И ЗВѢЗДЫ.

Чисто вечернее небо,
Ясны далекія звѣзды,
Ясны, какъ счастье ребенка...
О, для чего мнѣ нельзя и подумать:
Звѣзды, вы ясны, какъ счастье мое!
Чѣмъ ты несчастливъ?
Скажутъ мнѣ люди.
Тѣмъ я несчастливъ,
Добрые люди, что звѣзды и небо –
Звѣзды и небо, а я человѣкъ!..
Люди другъ къ другу
Зависть питаютъ;
Я же, напротивъ,
Только завидую звѣздамъ прекраснымъ,
Только ихъ мѣсто занять бы хотѣлъ.

———

ЧАША ЖИЗНИ.

Мы пьемъ изъ чаши бытія
Съ закрытыми глазами,
Златые омочивъ края
Своими же слезами.
Когда же передъ смертью съ глазъ
Завязка упадаетъ,
И все, что обольщало насъ,
Съ завязкой исчезаетъ,—
Тогда мы видимъ, что пуста
Была златая чаша,
Что въ ней напитокъ былъ— мечта,
И что она—не наша!

———

ЖЕЛАНІЕ.

Зачѣмъ я не птица, не воронъ степной,
Пролетѣвшій сейчасъ надо мной?
Зачѣмъ не могу въ небесахъ я парить
И одну лишь свободу любить?
На западъ, на западъ помчался бы я,
Гдѣ цвѣтутъ моихъ предковъ поля,
Гдѣ въ зáмкѣ пустомъ, на туманныхъ горахъ,
Ихъ забвенный покоится прахъ.
На древней стѣнѣ ихъ наслѣдственный щитъ
И заржавленный мечъ ихъ виситъ.
Я сталъ бы летать надъ мечемъ и щитомъ—
И смахнулъ бы я пыль съ нихъ крыломъ.
И арфы шотландской струну бы задѣлъ —
И по сводамъ бы звукъ полетѣлъ:
Внимаемъ однимъ и однимъ пробужденъ,
Какъ раздался, такъ смолкнулъ бы онъ.
Но тщетны мечты, безполезны мольбы
Противъ строгихъ законовъ судьбы:
Межъ мной и холмами отчизны моей
Разстилаются волны морей;
Послѣдній потомокъ отважныхъ бойцовъ
Увядаетъ средь чуждыхъ снѣговъ...
Я здѣсь былъ рожденъ но не здѣшній душой...
О, зачѣмъ я не воронъ степной!..

———

ВОЛНЫ И ЛЮДИ.

Волны катятся одна за другою
Съ плескомъ и шумомъ глухимъ;
Люди проходятъ ничтожной толпою
Такъ же одинъ за другимъ.
Вóлнамъ ихъ воля и холодъ дороже
Знойныхъ полудня лучей;
Люди хотятъ имѣть души... и что же?
Души въ нихъ—волнъ холоднѣй!

———

ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЯ „1831 ГОДА, ІЮНЯ 11".

Моя душа, я помню, съ дѣтскихъ лѣтъ
Чудеснаго искала. Я любилъ
Всѣ обольщенья свѣта, но не свѣтъ,
Въ которомъ я минутами лишь жилъ;
И тѣ мгновенья были мукъ полны,
И населялъ таинственные сны
Я этими мгновеньями... Но сонъ,
Какъ міръ, не могъ быть ими омраченъ.
Какъ часто силой мысли въ краткій часъ
Я жилъ вѣка и жизнію иной,
И о землѣ позабывалъ. Не разъ,
Встревоженный печальною мечтой,
Я плакалъ; но всѣ образы мои,
Предметы мнимой злобы иль любви,
Не походили на существъ земныхъ.
О, нѣтъ, все было адъ, иль небо въ нихъ!
Холодной буквой трудно объяснить

ренье думъ. Нѣтъ звуковъ у людей
вольно сильныхъ, чтобъ изобразить
ланіе блаженства. Пылъ страстей
вышенныхъ я чувствую; но словъ
нахожу, и въ этотъ мигъ готовъ
жертвовать собой, чтобъ какъ-нибудь
ъ тѣнь ихъ перелить въ другую грудь.
Извѣстность, слава,—что онѣ? А есть
ихъ и надо мною власть: и мнѣ онѣ
ять себѣ на жертву все принесть;
я влачу мучительные дни,
ъ цѣли, оклеветанъ, одинокъ,
вѣрю имъ! Невѣдомый пророкъ
ѣ обѣщалъ безсмертье, и, живой,
смерти отдалъ все, что даръ земной.
Но для небеснаго могилы нѣтъ.
гда я буду прахъ, мои мечты,
ъ не пойметъ ихъ, удивленный свѣтъ
агословитъ; и ты, мой ангелъ, ты
мною не умрешь: моя любовь
бя отдастъ безсмертной жизни вновь;
моимъ названьемъ станутъ повторять
ое: на что имъ мертвыхъ разлучать?

. . . .

Печаленъ степи видъ, гдѣ безъ препонъ,
инуя лишь серебряный ковыль,
итается летучій аквилонъ
редъ собой свободно гонитъ пыль,
гдѣ кругомъ, какъ зорко ни смотри,
рѣчаетъ взглядъ березы двѣ иль три,
орыя подъ синеватой мглой
нѣютъ вечеромъ въ дали пустой.
Такъ жизнь скучна, когда боренья нѣтъ.
минувшее проникнувъ, различить
ней мало дѣлъ мы можемъ,—въ цвѣтѣ лѣтъ
души не будетъ веселить.
ѣ нужно дѣйствовать, я каждый день
смертнымъ сдѣлать бы желалъ, какъ тѣнь
икаго героя; и понять
е могу, что значитъ отдыхать.
Всегда кипитъ и зрѣетъ что-нибудь
моемъ умѣ. Желанье и тоска
вожатъ безпрестанно эту грудь.
что-жъ? Мнѣ жизнь все какъ-то коротка,
все боюсь, что не успѣю я
ршить чего-то. Жажда бытія
мнѣ сильнѣй страданій роковыхъ,
я презираю жизнь другихъ.

. . . .

Я предузналъ мой жребій, мой конецъ,
грусти ранняя на мнѣ печать,
какъ я мучусь—знаетъ лишь Творецъ,
равнодушный міръ не долженъ знать.
е забытъ умру я. Смерть моя
сна будетъ; чуждые края
Ей удивятся, а въ родной странѣ
Всѣ проклянутъ и память обо мнѣ.

. . . .

Кровавая меня могила ждетъ,
Могила безъ молитвъ и безъ креста,
На дикомъ берегу ревущихъ водъ
И подъ туманнымъ небомъ; пустота
Кругомъ. Лишь чужестранецъ молодой,
Невольнымъ сожалѣньемъ и молвой
И любопытствомъ приведенъ сюда,
Сидѣть на камнѣ станетъ иногда.
И скажетъ: отчего не понялъ свѣтъ
Великаго, и какъ онъ не нашелъ
Себѣ друзей и какъ любви привѣтъ
Къ нему надежду въ сердце не привелъ?
Онъ былъ ея достоинъ.—И печаль
Его встревожитъ, онъ посмотритъ въ даль:
Увидитъ облака съ лазурью волнъ,
И бѣлый парусъ, и бѣгущій челнъ,
И мой курганъ!—Любимыя мечты
Мои подобны этимъ: сладость есть
Во всемъ, что не сбылось; есть красоты
Въ такихъ картинахъ—только перенесть
Ихъ на бумагу трудно: мысль сильна
Когда размѣромъ словъ не стѣснена,
Когда свободна, какъ игра дѣтей,
Какъ арфы звукъ въ молчаніи ночей!

СЕНТЯБРЯ 28.

Опять, опять я видѣлъ взоръ твой милый,
Я говорилъ съ тобой!
И мнѣ былое, взятое могилой,
Напомнилъ голосъ твой.
Къ чему?.. Другой лобзаетъ эти очи
И руку жметъ твою,
Другому голосъ твой во мракѣ ночи
Твердитъ: люблю, люблю!
Откройся мнѣ: ужели непритворны
Лобзанія твои?
Они правамъ супружества покорны,
Но не правамъ любви.
Онъ для тебя не созданъ, ты родилась
Для пламенныхъ страстей,
Отдавъ ему себя, ты не спросилась
У совѣсти своей!
Онъ чувствовалъ ли трепетъ потаенный
Въ присутствіи твоемъ?
Умѣлъ ли презирать онъ міръ презрѣнный,
Чтобъ мыслить объ одномъ?
Встрѣчалъ ли онъ съ молчаньемъ и слезами
Привѣтъ холодный твой?
И лучшими-ль онъ жертвовалъ годами—
Мгновеніямъ съ тобой?

Нѣтъ! я увѣренъ: твоего блаженства
Не можетъ сдѣлать тотъ,
Кто красоты наружной совершенства
Одни въ тебѣ найдетъ.
Такъ, ты его не любишь... Тайной властью
Прикована ты вновь
Къ душѣ печальной, незнакомой счастью,
Но нѣжной, какъ любовь!

1832.

ПАРУСЪ.

Бѣлѣетъ парусъ одинокій
Въ туманѣ моря голубомъ...
Что ищетъ онъ въ странѣ далекой?
Что кинулъ онъ въ краю родномъ?
Играютъ волны, вѣтеръ свищетъ
И мачта гнется и скрипитъ...
Увы, онъ счастія не ищетъ
И не отъ счастія бѣжитъ.
Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури,
Надъ нимъ лучъ солнца золотой;
А онъ, мятежный, проситъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой!

1836.

* * *

Гляжу на будущность съ боязнью,
Гляжу на прошлое съ тоской
И, какъ преступникъ передъ казнью,
Ищу кругомъ души родной.
Придетъ ли вѣстникъ избавленья
Открыть мнѣ жизни назначенье,
Цѣль упованій и страстей,
Повѣдать, чтó мнѣ Богъ готовилъ,
Зачѣмъ такъ горько прекословилъ
Надеждамъ юности моей?
Землѣ я отдалъ дань земную
Любви, надеждъ, добра и зла.
Начать готовъ я жизнь другую...
Молчу и жду... Пора пришла...
Я въ мірѣ не оставлю брата;
И тьмой, и холодомъ объята
Душа усталая моя:
Какъ ранній плодъ, лишенный сока,
Она увяла въ буряхъ рока
Подъ знойнымъ солнцемъ бытія.

ЖЕЛАНІЕ.

Отворите мнѣ темницу,
Дайте мнѣ сіянье дня,
Черноглазую дѣвицу,
Черногриваго коня!
Дайте разъ по синю полю
Проскакать на томъ конѣ;
Дайте разъ на жизнь и волю,
Какъ на чуждую мнѣ долю,
Посмотрѣть поближе мнѣ.
Дайте мнѣ челнокъ досчатый
Съ полусгнившею скамьей,
Парусъ сѣрый и косматый,
Ознакомленный съ грозой.
Я тогда пущуся въ море,
Беззаботенъ и одинъ;
Разгуляюсь на просторѣ
И натѣшусь въ буйномъ спорѣ
Съ дикой прихотью пучинъ.
Дайте мнѣ дворецъ высокій,
И кругомъ зеленый садъ,
Чтобъ въ тѣни его широкой
Зрѣлъ янтарный виноградъ,
Чтобъ фонтанъ, не умолкая,
Въ залѣ мраморномъ журчалъ
И меня, въ мечтаньяхъ рая,
Хладной пылью орошая,
Усыплялъ и пробуждалъ...

РУСАЛКА...

Русалка плыла по рѣкѣ голубой,
Озаряема полной луной,
И старалась она доплеснуть до луны
Серебристую пѣну волны.
И шумя, и крутясь, колебала рѣка
Отраженныя въ ней облака...
И пѣла русалка, и звукъ ея словъ
Долеталъ до крутыхъ береговъ.
И пѣла русалка: „На днѣ у меня
Играетъ мерцаніе дня;
Тамъ рыбокъ златыя гуляютъ стада,
Тамъ хрустальные есть города.
„И тамъ, на подушкѣ изъ яркихъ песковъ,
Подъ тѣнью густыхъ тростниковъ,
Спитъ витязь, добыча ревнивой волны,
Спитъ витязь чужой стороны.
Расчесывать кольца шелкóвыхъ кудрей
Мы любимъ во мракѣ ночей,
И въ чело, и въ уста мы въ полуденный часъ
Цѣловали красавца не разъ.
Но къ страстнымъ лобзаньямъ, не знаю зачѣмъ,
Остается онъ хладенъ и нѣмъ;
Онъ спитъ,—и, склонившись на перси ко мнѣ,
Онъ не дышетъ, не шепчетъ во снѣ!..“
Такъ пѣла русалка надъ синей рѣкой,
Полна непонятной тоской;

, шумно катясь, колебала рѣка
Отраженныя въ ней облака.

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДІЯ.
[изъ Байрона]

ша моя мрачна. Скорѣй, пѣвецъ, скорѣй!
Вотъ арфа золотая:
скай персты твои, промчавшися по ней,
Пробудятъ въ струнахъ звуки рая.
если не навѣкъ надежды рокъ унесъ,
Онѣ въ груди моей проснутся,
если есть въ очахъ застывшихъ капля слезъ—
Онѣ растаютъ и прольются.
сть будетъ пѣснь твоя дика... какъ мой вѣнецъ,
Мнѣ тягостны веселья звуки!
говорю тебѣ: я слезъ хочу, пѣвецъ,
Иль разорвется грудь отъ муки.
раданьями была упитана она,
Томилась долго и безмолвно;
грозный часъ насталъ—теперь она полна,
Какъ кубокъ смерти, яда полный!

ВЪ АЛЬБОМЪ.
[изъ Байрона]

Какъ одинокая гробница
Вниманье путника зоветъ,
Такъ эта блѣдная страница
Пусть милый взоръ твой привлечетъ.
И если послѣ многихъ лѣтъ
Прочтешь ты, какъ мечталъ поэтъ,
И вспомнишь, какъ тебя любилъ онъ,
То думай, что его ужъ нѣтъ,
Что сердце здѣсь похоронилъ онъ.

УМИРАЮЩІЙ ГЛАДІАТОРЪ.
[изъ Байрона.]

шуетъ буйный Римъ... Торжественно гремитъ
коплесканьями широкая арена...
онъ, пронзенный въ грудь, безмолвно онъ ле-
[житъ,
прахѣ и крови скользятъ его колѣна...
молитъ жалости напрасно мутный взоръ.
дменный временщикъ и льстецъ его, сенаторъ,
ѣнчаютъ похвалой побѣду и позоръ...
о яростной толпѣ сраженный гладіаторъ?
ъ прéзрѣнъ и забытъ... освистанный актеръ!
кровь его течетъ—послѣднія мгновенья
елькаютъ—близокъ часъ... Вотъ лучъ воображенья
еркнулъ въ его душѣ... предъ нимъ шумитъ
[Дунай,
И родина цвѣтетъ—свободной жизни край;
Онъ видитъ кругъ семьи, оставленной для брани,
Отца, простершаго нѣмѣющія длани,
Зовущаго къ себѣ опору дряхлыхъ дней...
Дѣтей играющихъ, возлюбленныхъ дѣтей!
Всѣ ждутъ его назадъ съ добычею и славой...
Напрасно! Жалкій рабъ, онъ палъ, какъ звѣрь
[лѣсной,
Безчувственной толпы минутною забавой...
„Прости развратный Римъ! Прости, о край родной!"

ДВА ВЕЛИКАНА.

Въ шапкѣ золота литого,
Старый русскій великанъ
Поджидалъ къ себѣ другого
Изъ далекихъ чуждыхъ странъ.
За горами, за долами
Ужъ гремѣлъ о немъ разсказъ,
И помѣряться главами
Захотѣлось имъ хоть разъ.
И пришелъ съ грозой военной
Трехнедѣльный удалецъ,
И рукою дерзновенной
Хвать за вражескій вѣнецъ!
Но улыбкой роковою
Русскій витязь отвѣчалъ —
Посмотрѣлъ, тряхнулъ главою:
Ахнулъ дерзкій—и упалъ...
Но упалъ онъ въ дальнемъ морѣ
На невѣдомый гранитъ,
Тамъ, гдѣ буря на просторѣ
Надъ пучиною шумитъ.

---

* * *

Какъ небеса, твой взоръ блистаетъ
Эмалью голубой,
Какъ поцѣлуй, звучитъ и таетъ
Твой голосъ молодой.
За звукъ одинъ волшебной рѣчи,
За твой единый взглядъ
Я радъ отдать красавца сѣчи—
Грузинскій мой булатъ...
И онъ порою сладко блещетъ,
Заманчиво звучитъ:
При звукѣ томъ душа трепещетъ,
И въ сердцѣ кровь кипитъ.
Но жизнью бранной и мятежной
Не тѣшусь я съ тѣхъ поръ,
Какъ услыхалъ твой голосъ нѣжный
И встрѣтилъ милый взоръ!

1837.
НА СМЕРТЬ ПУШКИНА.

Погибъ поэтъ, невольникъ чести,
Палъ, оклеветанный молвой,
Съ свинцомъ въ груди и съ жаждой мести,
Поникнувъ гордой головой.
Не вынесла душа поэта
Позора мелочныхъ обидъ:
Возсталъ онъ противъ мнѣній свѣта,
Одинъ, какъ прежде—и убитъ!
Убитъ!.. Къ чему теперь рыданья,
Похвалъ и слезъ ненужный хоръ
И жалкій лепетъ оправданья—
Судьбы свершился приговоръ!
Не вы-ль сперва такъ долго гнали
Его свободный, чудный даръ
И для потѣхи возбуждали
Чуть затаившійся пожаръ?
Что-жъ? Веселитесь!.. Онъ мученій
Послѣднихъ перенесть не могъ.
Угасъ, какъ свѣточъ, дивный геній,
Увялъ торжественный вѣнокъ!..
Его убійца хладнокровно
Навелъ ударъ—спасенья нѣтъ:
Пустое сердце бьется ровно,
Въ рукѣ не дрогнетъ пистолетъ.
И что за диво?.. Издалёка,
Подобно сотнямъ бѣглецовъ,
На ловлю счастья и чиновъ
Заброшенъ къ намъ по волѣ рока,
Смѣясь, онъ дерзко презиралъ
Земли чужой языкъ и нравы:
Не могъ щадить онъ нашей славы,
Не могъ понять въ сей мигъ кровавый,
На что онъ руку подымалъ!

И онъ погибъ, и взятъ могилой,
Какъ тотъ пѣвецъ, невѣдомый, но милый,
Добыча ревности нѣмой,
Воспѣтый имъ съ такою чудной силой,
Сраженный, какъ и онъ, безжалостной рукой.
Зачѣмъ отъ мирныхъ нѣгъ и дружбы простодушной
Вступилъ онъ въ этотъ свѣтъ завистливый и душный
Для сердца вольнаго и пламенныхъ страстей?
Зачѣмъ онъ руку далъ клеветникамъ безбожнымъ,
Зачѣмъ повѣрилъ онъ словамъ и клятвамъ ложнымъ,
Онъ, съ юныхъ лѣтъ постигнувшій людей!
И, прежній снявъ вѣнокъ, они вѣнецъ терновый,
Увитый лаврами, надѣли на него;
Но иглы тайныя сурово
Язвили славное чело...
Отравлены его послѣднія мгновенья
Коварнымъ шопотомъ безчувственныхъ невѣждъ,
И умеръ онъ съ глубокой жаждой мщенья,
Съ досадой тайною обманутыхъ надеждъ...
Замолкли звуки дивныхъ пѣсенъ,
Не раздаваться имъ опять:
Пріютъ пѣвца угрюмъ и тѣсенъ,
И на устахъ его печать!

А вы, надменные потомки
Извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ,
Пятою рабскою поправшіе обломки
Игрою счастія обиженныхъ родовъ!
Вы, жадною толпой стоящіе у трона,
Свободы, генія и славы палачи!
Таитесь вы подъ сѣнію закона,
Предъ вами судъ и правда—все молчи!
Но есть и Божій судъ, наперсники разврата,
Есть грозный Судія, —Онъ ждетъ,
Онъ недоступенъ звону злата,
И мысли и дѣла Онъ знаетъ напередъ.
Тогда напрасно вы прибѣгнете къ злословью:
Оно вамъ не поможетъ вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

ВѢТКА ПАЛЕСТИНЫ.

Скажи мнѣ, вѣтка Палестины,
Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла?
Какихъ холмовъ, какой долины
Ты украшеніемъ была?
У водъ ли чистыхъ Іордана
Востока лучъ тебя ласкалъ?
Ночной ли вѣтръ въ горахъ Ливана
Тебя сердито колыхалъ?
Молитву-ль тихую читали,
Иль пѣли пѣсни старины,
Когда листы твои сплетали
Солима бѣдные сыны?
И пальма та жива-ль понынѣ?
Все такъ же-ль манитъ въ лѣтній зной
Она прохожаго въ пустынѣ
Широколиственной главой?
Или, въ разлукѣ безотрадной,
Она увяла, какъ и ты,
И дольный прахъ ложится жадно
На пожелтѣвшіе листы?..
Повѣдай: набожной рукою
Кто въ этотъ край тебя занесъ?
Грустилъ онъ часто надъ тобою?
Хранишь ты слѣдъ горючихъ слезъ?
Иль, Божьей рати лучшій воинъ,
Онъ былъ съ безоблачнымъ челомъ,
Какъ ты, всегда небесъ достоинъ
Передъ людьми и Божествомъ?..
Заботой тайною хранима,
Передъ иконой золотой
Стоишь ты, вѣтвь Іерусалима,

Святыни вѣрный часовой!
Прозрачный сумракъ, лучъ лампады,
Кивотъ и крестъ, символъ святой —
Все полно мира и отрады
Вокругъ тебя и надъ тобой.

СОСѢДЪ.

...бъ ни былъ ты, печальный мой сосѣдъ,
...блю тебя, какъ друга юныхъ лѣтъ,
Тебя, товарищъ мой случайный,
...и судьбы коварною игрой
...вѣки мы разлучены съ тобой
Стѣной теперь, а послѣ—тайной.
...гда зари румяный полусвѣтъ
...окно тюрьмы прощальный свой привѣтъ
Мнѣ, умирая, посылаетъ,
...опершись на звучное ружье,
...ъ часовой, про старое житье
Мечтая, стоя засыпаетъ—
...да, чело склонивъ къ сырой стѣнѣ,
...лушаю—и въ мрачной тишинѣ
Твои напѣвы раздаются.
...емъ они—не знаю, но тоской
...олнены, и звуки чередой,
Какъ слезы, тихо льются, льются...
...учшихъ лѣтъ надежды и любовь—
...груди моей все оживаетъ вновь,
И мысли далеко несутся,
...олонъ умъ желаній и страстей,
...кровь кипитъ—и слезы изъ очей,
Какъ звуки, другъ за другомъ льются.

УЗНИКЪ.

Отворите мнѣ темницу,
Дайте мнѣ сіянье дня,
Черноглазую дѣвицу,
Черногриваго коня!
Я красавицу младую
Прежде сладко поцѣлую,
На коня потомъ вскочу,
Въ степь, какъ вѣтеръ, улечу.
Но окно тюрьмы высоко;
Дверь тяжелая съ замкомъ,
Черноокая далеко
Въ пышномъ теремѣ своемъ;
Добрый конь въ зеленомъ полѣ
Безъ узды, одинъ, по волѣ
Скачетъ, веселъ и игривъ,
Хвостъ по вѣтру распустивъ.
Одинокъ я—нѣтъ отрады:
Стѣны голыя кругомъ;
Тускло свѣтитъ лучъ лампады
Умирающимъ огнемъ.
Только слышно—за дверями
Звучномѣрными шагами
Ходитъ въ тишинѣ ночной
Безотвѣтный часовой.

БОРОДИНО.

„Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана?
Вѣдь были-жъ схватки боевыя?
Да, говорятъ, еще какія!
Не даромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина!"
— Да, были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя:
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Не будь на то Господня воля,
Не отдали-бъ Москвы!
Мы долго молча отступали.
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
„Что-жъ мы? На зимнія квартиры?
Не смѣютъ, что ли, командиры
Чужіе изорвать мундиры
О русскіе штыки?"
И вотъ, нашли большое поле:
Есть разгуляться гдѣ на волѣ!
Построили редутъ.
У нашихъ ушки на макушкѣ!
Чуть утро освѣтило пушки
И лѣса синія верхушки—
Французы тутъ, какъ тутъ.
Забилъ зарядъ я въ пушку туго
И думалъ: угощу я друга!
Постой-ка, братъ мусью!
Что тутъ хитрить, пожалуй къ бою,
Ужъ мы пойдемъ ломить стѣною,
Ужъ постоимъ мы головою
За родину свою!
Два дня мы были въ перестрѣлкѣ.
Что толку въ этакой бездѣлкѣ?
Мы ждали третій день.
Повсюду стали слышны рѣчи:
„Пора добраться до картечи!"
И вотъ на поле грозной сѣчи
Ночная пала тѣнь.
Прилегъ вздремнуть я у лафета,
И слышно было до разсвѣта,
Какъ ликовалъ французъ.
Но тихъ былъ нашъ бивакъ открытый:
Кто киверъ чистилъ, весь избитый,

Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
Кусая длинный усъ.
И только небо засвѣтилось—
Все шумно вдругъ зашевелилось,
Сверкнулъ за строемъ строй.
Полковникъ нашъ рожденъ былъ хватомъ:
Слуга царю, отецъ солдатамъ...
Да жаль его: сраженъ булатомъ,
Онъ спитъ въ землѣ сырой.
И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:
„Ребята! не Москва-ль за нами?
Умремте-жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!"
— И умереть мы обѣщали
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой.
Ну-жъ былъ денекъ! Сквозь дымъ летучій
Французы двинулись, какъ тучи,
И все на нашъ редутъ.
Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами—
Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ.
Вамъ не видать такихъ сраженій!..
Носились знамена́, какъ тѣни,
Въ дыму огонь блестѣлъ,
Звучалъ булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.
Извѣдалъ врагъ въ тотъ день не мало,
Что значитъ русскій бой удалый,
Нашъ рукопашный бой!..
Земля тряслась, какъ наши груди;
Смѣшались въ кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудій
Слились въ протяжный вой...
Вотъ смерклось. Были всѣ готовы
Заутра бой затѣять новый
И до конца стоять...
Вотъ затрещали барабаны—
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.
Да, были люди въ наше время,
Могучее, лихое племя,
Богатыри—не вы.
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Когда-бъ на то не Божья воля,
Не отдали-бъ Москвы!

———

* * *

Когда волнуется желтѣющая нива,
И свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка,
И прячется въ саду малиновая слива
Подъ тѣнью сладостной зеленаго листка;
Когда, росой обрызганный душистой,
Румянымъ вечеромъ иль утра въ часъ златой,
Изъ-подъ куста мнѣ ландышъ серебристый
Привѣтливо киваетъ головой;
Когда студеный ключъ играетъ по оврагу
И, погружая мысль въ какой-то смутный сонъ,
Лепечетъ мнѣ таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится онъ,—
Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ,
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога...

———

* * *

Разстались мы; но твой портретъ
Я на груди моей храню:
Какъ блѣдный призракъ лучшихъ лѣтъ,
Онъ душу радуетъ мою.
И, новымъ преданный страстямъ,
Я разлюбить его не могъ:
Такъ храмъ оставленный—все храмъ,
Кумиръ поверженный—все богъ!

———

МОЛИТВА.

Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою
Предъ твоимъ образомъ, яркимъ сіяніемъ,
Не о спасеніи, не передъ битвою,
Не съ благодарностью иль покаяніемъ,
Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника въ свѣтѣ безроднаго;
Но я вручить хочу дѣву невинную
Теплой Заступницѣ міра холоднаго.
Окружи счастіемъ счастья достойную,
Дай ей сопутниковъ, полныхъ вниманія,
Молодость свѣтлую, старость покойную,
Сердцу незлобному миръ упованія.
Срокъ ли приблизится часу прощальному
Въ утро ли шумное, въ ночь ли безгласную,
Ты воспріять пошли къ ложу печальному
Лучшаго ангела—душу прекрасную.

———

1838.

ДУМА.

Печально я гляжу на наше поколѣнье!
Его грядущее—иль пусто, иль темно;

Межъ тѣмъ, подъ бременемъ познанья и сомнѣнья,
Въ бездѣйствіи состарится оно.
Богаты мы, едва изъ колыбели,
Ошибками отцовъ и позднимъ ихъ умомъ,
И жизнь ужъ насъ томитъ, какъ ровный путь безъ [цѣли,
Какъ пиръ на праздникѣ чужомъ.
Къ добру и злу постыдно равнодушны,
Въ началѣ поприща мы вянемъ безъ борьбы,
Передъ опасностью позорно-малодушны
И передъ властію презрѣнные рабы.
Такъ тощій плодъ, до времени созрѣлый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глазъ,
Виситъ между цвѣтовъ, пришлецъ осиротѣлый,
И часъ ихъ красоты—его паденья часъ!
Мы изсушили умъ наукою безплодной,
Тая завистливо отъ ближнихъ и друзей
Надежды лучшія и голосъ благородный
Невѣріемъ осмѣянныхъ страстей.
Едва касались мы до чаши наслажденья
Но юныхъ силъ мы тѣмъ не сберегли:
Изъ каждой радости, боясь пресыщенья,
Мы лучшій сокъ навѣки извлекли.
Мечты поэзіи, созданія искусства
Восторгомъ сладостнымъ нашъ умъ не шевелятъ;
Мы жадно бережемъ въ груди остатокъ чувства —
Зарытый скупостью и безполезный кладъ.
И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови.
И предковъ скучны намъ роскошныя забавы,
Ихъ добросовѣстный, ребяческій развратъ;
И къ гробу мы спѣшимъ безъ счастья и безъ славы
Глядя насмѣшливо назадъ.
Толпой угрюмою и скоро позабытой,
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ начатаго труда.
И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ!

ПѢСНЯ.

[изъ поэмы „ДЕМОНЪ".]

На воздушномъ океанѣ,
Безъ руля и безъ вѣтрилъ,
Тихо плаваютъ въ туманѣ
Хоры стройные свѣтилъ.
Средь полей необозримыхъ
Въ небѣ ходятъ безъ слѣда
Облаковъ неуловимыхъ
Волокнистыя стада.
Часъ разлуки, часъ свиданья—
Имъ не радость, не печаль;
Имъ въ грядущемъ нѣтъ желанья,
Имъ прошедшаго не жаль.
Въ день томительный несчастья
Ты о нихъ лишь вспомяни,
Будь къ земному безъ участья
И безпечна, какъ они.

1839.

ПОЭТЪ.

Отдѣлкой золотой блистаетъ мой кинжалъ,
Клинокъ надежный, безъ порока;
Булатъ его хранитъ таинственный закалъ—
Наслѣдье браннаго Востока.
Наѣзднику въ горахъ служилъ онъ много лѣтъ,
Не зная платы за услугу;
Не по одной груди провелъ онъ страшный слѣдъ
И не одну прорвалъ кольчугу.
Забавы онъ дѣлилъ послушнѣе раба,
Звенѣлъ въ отвѣтъ рѣчамъ обиднымъ;
Въ тѣ дни была-бъ ему богатая рѣзьба
Нарядомъ чуждымъ и постыднымъ.
Онъ взятъ за Терекомъ отважнымъ казакомъ
На хладномъ трупѣ господина,
И долго онъ лежалъ, заброшенный потомъ,
Въ походной лавкѣ армянина.
Теперь, родныхъ ножонъ, избитыхъ на войнѣ,
Лишенъ героя спутникъ бѣдный;
Игрушкой золотой онъ блещетъ на стѣнѣ--
Увы! безславный и безвредный.
Никто привычною, заботливой рукой
Его не чиститъ, не ласкаетъ,
И надписи его, молясь передъ зарей,
Никто съ усердьемъ не читаетъ...
Въ нашъ вѣкъ изнѣженный не такъ ли ты, поэтъ,
Свое утратилъ назначенье,
На злато промѣнявъ ту власть, которой свѣтъ
Внималъ въ нѣмомъ благоговѣньи?
Бывало, мѣрный звукъ твоихъ могучихъ словъ
Воспламенялъ бойца для битвы;
Онъ нуженъ былъ толпѣ, какъ чаша для пировъ,
Какъ ѳиміамъ въ часы молитвы.
Твой стихъ, какъ Божій духъ, носился надъ толпой,
И, отзывъ мыслей благородныхъ,
Звучалъ, какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой,
Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ.
Но скученъ намъ простой и гордый твой языкъ,
Насъ тѣшатъ блестки и обманы;
Какъ ветхая краса, нашъ ветхій міръ привыкъ
Морщины прятать подъ румяны...

Проснешься-ль ты опять, осмѣянный пророкъ,
Иль никогда, на голосъ мщенья,
Изъ золотыхъ ноженъ не вырвешь свой клинокъ,
Покрытый ржавчиной презрѣнья?

———

НЕ ВѢРЬ СЕБѢ.

Не вѣрь, не вѣрь себѣ, мечтатель молодой,
Какъ язвы, бойся вдохновенья!..
Оно—тяжелый бредъ души твоей больной,
Иль плѣнной мысли раздраженье.
Въ немъ признака небесъ напрасно не ищи:
То кровь кипитъ, то силъ избытокъ!
Скорѣе жизнь свою въ заботахъ истощи,
Разлей отравленный напитокъ!
Случится ли тебѣ въ завѣтный, чудный мигъ
Открыть въ душѣ, давно безмолвной,
Еще невѣдомый и дѣвственный родникъ,
Простыхъ и сладкихъ звуковъ полный—
Не вслушивайся въ нихъ, не предавайся имъ,
Набрось на нихъ покровъ забвенья:
Стихомъ размѣреннымъ и словомъ ледянымъ
Не передашь ты ихъ значенья.
Закрадется-ль печаль въ тайникъ души твоей,
Зайдетъ ли страсть съ грозой и вьюгой—
Не выходи тогда на шумный пиръ людей
Съ своею бѣшеной подругой;
Не унижай себя! Стыдися торговать
То гнѣвомъ, то тоской послушной
И гной душевныхъ ранъ надменно выставлять
На диво черни простодушной.
Какое дѣло намъ, страдалъ ты или нѣтъ?
На что намъ знать твои волненья,
Надежды глупыя первоначальныхъ лѣтъ,
Разсудка злыя сожалѣнья?
Взгляни: передъ тобой, играючи идетъ
Толпа дорогою привычной;
На лицахъ праздничныхъ чуть виденъ слѣдъ заботъ,
Слезы не встрѣтишь непрнличной.
А между тѣмъ, изъ нихъ едва ли есть одинъ,
Тяжелой пыткой не измятый,
До преждевременныхъ добравшійся морщинъ
Безъ преступленья иль утраты...
Повѣрь: для нихъ смѣшонъ твой плачъ и твой [укоръ
Съ своимъ напѣвомъ заученнымъ,
Какъ разрумяненный трагическій актеръ,
Махающій мечемъ картоннымъ...

———

ТРИ ПАЛЬМЫ.

[ВОСТОЧНОЕ СКАЗАНІЕ.]

Въ песчаныхъ степяхъ Аравійской земли
Три гордыя пальмы высоко росли.
Родникъ между ними изъ почвы безплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый, подъ сѣнью зеленыхъ листовъ,
Отъ знойныхъ лучей и летучихъ песковъ.
И многіе годы неслышно прошли;
Но странникъ усталый изъ чуждой земли
Пылающей грудью ко влагѣ студёной
Еще не склонялся подъ кущей зеленой,
И стали ужъ сохнуть отъ знойныхъ лучей
Роскошные листья и звучный ручей.
И стали три пальмы на Бога роптать:
„На то-ль мы родились, чтобъ здѣсь увядать?
Безъ пользы въ пустынѣ росли и цвѣли мы,
Колеблемы вихремъ и зноемъ палимы,
Ничей благосклонный не радуя взоръ...
Неправъ твой, о небо, святой приговоръ!..“
И только замолкли—въ дали голубой
Столбомъ ужъ крутился песокъ золотой,
Звонковъ раздавались нестройные звуки,
Пестрѣли коврами покрытые вьюки,
И шелъ, колыхаясь, какъ въ морѣ челнокъ,
Верблюдъ за верблюдомъ, взрывая песокъ.
Мотаясь, висѣли межъ твердыхъ горбовъ
Узорныя полы походныхъ шатровъ;
Ихъ смуглыя ручки порой подымали,
И черныя очи оттуда сверкали...
И, станъ худощавый къ лукѣ наклоня,
Арабъ горячилъ вороного коня.
И конь на дыбы подымался порой
И прыгалъ, какъ барсъ, пораженный стрѣлой;
И бѣлой одежды красивыя складки
По плечамъ фариса вились въ безпорядкѣ;
И, съ крикомъ и свистомъ несясь по песку,
Бросалъ и ловилъ онъ копье на-скаку.
Вотъ къ пальмамъ подходитъ, шумя, караванъ.
Въ тѣни ихъ веселый раскинулся станъ.
Кувшины, звуча, налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Привѣтствуютъ пальмы нежданныхъ гостей,
И щедро поитъ ихъ студеный ручей.
Но только что сумракъ на землю упалъ,
По корнямъ упругимъ топоръ застучалъ,—
И пали безъ жизни питомцы столѣтій!
Одежду ихъ сорвали малыя дѣти;
Изрублены были тѣла ихъ потомъ,
И медленно жгли ихъ до утра огнемъ.
Когда же на западъ умчался туманъ,
Урочный свой путь совершалъ караванъ;
И слѣдомъ печальнымъ на почвѣ безплодной
Виднѣлся лишь пепелъ сѣдой и холодный;
И солнце остатки сухіе дожгло.
А вѣтромъ ихъ въ степи потомъ разнесло.
И нынѣ все дико и пусто кругомъ—
Не шепчутся листья съ гремучимъ ключемъ:
Напрасно пророка о тѣни онъ проситъ—

...о лишь песокъ раскаленный заноситъ,
...коршунъ хохлатый, степной нелюдимъ,
...обычу терзаетъ и щиплетъ надъ нимъ.

МОЛИТВА.

Въ минуту жизни трудную,
Тѣснится-ль въ сердцѣ грусть,
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.
Есть сила благодатная
Въ созвучьи словъ живыхъ,
И дышетъ непонятная,
Святая прелесть въ нихъ.
Съ души какъ бремя скатится,
Сомнѣнье далекó—
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко...

ДАРЫ ТЕРЕКА.

Терекъ воетъ, дикъ и злобенъ,
Межъ утесистыхъ громадъ,
Бурѣ плачъ его подобенъ,
Слезы брызгами летятъ.
Но, по степи разбѣгаясь,
Онъ лукавый принялъ видъ
И, привѣтливо ласкаясь,
Морю Каспію журчитъ:
„Разступись, о старецъ-море,
Дай пріютъ моей волнѣ!
Погулялъ я на просторѣ,
Отдохнуть пора бы мнѣ.
Я родился у Казбека,
Вскормленъ грудью облаковъ,
Съ чуждой властью человѣка
Вѣчно спорить былъ готовъ.
Я, сынамъ твоимъ въ забаву,
Разорилъ родной Дарьялъ
И валуновъ, имъ на славу,
Стадо цѣлое пригналъ".
Но, склонясь на мягкій берегъ,
Каспій стихнулъ, будто спитъ,
И опять, ласкаясь, Терекъ
Старцу на ухо журчитъ:
„Я привезъ тебѣ гостинецъ!
То гостинецъ не простой:
Съ поля битвы кабардинецъ,
Кабардинецъ удалой.
Онъ въ кольчугѣ драгоцѣнной,
Въ налокóтникахъ стальныхъ,
Изъ Корана стихъ священный
Писанъ золотомъ на нихъ.
Онъ угрюмо сдвинулъ брови,
И усовъ его края
Обагрила знойной крови
Благородная струя;
Взоръ открытый, безотвѣтный
Полонъ старою враждой;
По затылку чубъ завѣтный
Вьется черною космой".
Но, склонясь на мягкій берегъ,
Каспій дремлетъ и молчитъ;
И, волнуясь, буйный Терекъ
Старцу снова говоритъ:
„Слушай, дядя: даръ безцѣнный!
Чтó другіе всѣ дары!
Но его отъ всей вселенной
Я таилъ до сей поры.
Я примчу къ тебѣ съ волнами
Трупъ казачки молодой,
Съ темно-блѣдными плечами,
Съ свѣтло-русою косой.
Грустенъ ликъ ея туманный,
Взоръ такъ тихо, сладко спитъ,
А на грудь изъ малой раны
Струйка алая бѣжитъ.
По красоткѣ-молодицѣ
Не тоскуетъ надъ рѣкой
Лишь одинъ во всей станицѣ
Казачина гребенской.
Осѣдлалъ онъ вороного,
И въ горахъ, въ ночномъ бою,
На кинжалъ чеченца злого
Сложитъ голову свою".
Замолчалъ потокъ сердитый,
И надъ нимъ, какъ снѣгъ бѣла,
Голова съ косой размытой,
Колыхаяся, всплыла.
И старикъ во блескѣ власти
Всталъ, могучій какъ гроза,
И одѣлись влагой страсти
Темно-синіе глаза.
Онъ взыгралъ, веселья полный,
И въ объятія свои
Набѣгающія волны
Принялъ съ ропотомъ любви.

ПАМЯТИ А. И. ОДОЕВСКАГО.

Я зналъ его: мы странствовали съ нимъ
Въ горахъ Востока, и тоску изгнанья
Дѣлили дружно; но къ полямъ роднымъ
Вернулся я, и время испытанья
Промчалося законной чередой;
А онъ не дождался минуты сладкой:
Подъ бѣдною походною палаткой
Болѣзнь его сразила, и съ собой

Въ могилу онъ унесъ летучій рой
Еще незрѣлыхъ, темныхъ вдохновеній,
Обманутыхъ надеждъ и горькихъ сожалѣній!
Онъ былъ рожденъ для нихъ, для тѣхъ надеждъ
Поэзіи и счастья... Но, безумный,
Изъ дѣтскихъ рано вырвался одеждъ
И сердце бросилъ въ море жизни шумной.
И свѣтъ не пощадилъ, и Богъ не спасъ!
Но до конца, среди волненій трудныхъ,
Въ толпѣ людской и средь пустынь безлюдныхъ
Въ немъ тихій пламень чувства не угасъ:
Онъ сохранилъ и блескъ лазурныхъ глазъ,
И звонкій дѣтскій смѣхъ, и рѣчь живую,
И вѣру гордую въ людей и жизнь иную.
Но онъ погибъ далёко отъ друзей...
Миръ сердцу твоему, мой милый Саша!
Покрытое землей чужихъ полей,
Пусть тихо спитъ оно, какъ дружба наша
Въ нѣмомъ кладбищѣ памяти моей!
Ты умеръ, какъ и многіе, безъ шума,
Но съ твердостью. Таинственная дума
Еще блуждала на челѣ твоемъ,
Когда глаза закрылись вѣчнымъ сномъ;
И то, что ты сказалъ передъ кончиной,
Изъ слушавшихъ тебя не понялъ ни единый...
И было-ль то—привѣтъ странѣ родной,
Названье ли оставленнаго друга,
Или тоска по жизни молодой,
Иль, просто, крикъ послѣдняго недуга—
Кто скажетъ намъ?.. Твоихъ послѣднихъ словъ
Глубокое и горькое значенье
Потеряно. Дѣла твои, и мнѣнья,
И думы—все исчезло безъ слѣдовъ,
Какъ легкій паръ вечернихъ облаковъ:
Едва блеснутъ, ихъ вѣтеръ вновь уноситъ—
Куда они? зачѣмъ? откуда?—кто ихъ спроситъ...
И послѣ нихъ на небѣ нѣтъ слѣда,
Какъ отъ любви ребенка безнадежной,
Какъ отъ мечты, которой никогда
Онъ не ввѣрялъ заботамъ дружбы нѣжной...
Что за нужда? Пускай забудетъ свѣтъ
Столь чуждое ему существованье:
Зачѣмъ тебѣ вѣнцы его вниманья
И тернія пустыхъ его клеветъ?
Ты не служилъ ему. Ты съ юныхъ лѣтъ
Коварныя его отвергнулъ цѣпи:
Любилъ ты моря шумъ, молчанье синей степи
И мрачныхъ горъ зубчатые хребты...
И вкругъ твоей могилы неизвѣстной
Все, чѣмъ при жизни радовался ты,
Судьба соединила такъ чудесно:
Нѣмая степь синѣетъ, и вѣнцомъ
Серебрянымъ Кавказъ ее объемлетъ;
Надъ моремъ онъ, нахмурясь, тихо дремлетъ,
Какъ великанъ, склонившись надъ щитомъ,
Разсказамъ волнъ кочующихъ внимая,
А море Черное шумитъ, не умолкая...

———

1840.

ПЕРВОЕ ЯНВАРЯ.

Какъ часто, пестрою толпою окруженъ,
Когда передо мной, какъ будто бы сквозь сонъ,
При шумѣ музыки и пляски,
При дикомъ шопотѣ затверженныхъ рѣчей,
Мелькаютъ образы бездушные людей—
Приличьемъ стянутыя маски;
Когда касаются холодныхъ рукъ моихъ
Съ небрежной смѣлостью красавицъ городскихъ
Давно безтрепетныя руки,—
Наружно погрузясь въ ихъ блескъ и суету,
Ласкаю я въ душѣ старинную мечту,
Погибшихъ лѣтъ святые звуки.
И если какъ-нибудь на мигъ удастся мнѣ
Забыться—памятью къ недавней старинѣ
Лечу я вольной, вольной птицей.
И вижу я себя ребенкомъ; и кругомъ
Родныя все мѣста: высокій барскій домъ
И садъ съ разрушенной теплицей;
Зеленой сѣтью травъ подернутъ спящій прудъ,
А за прудомъ село дымится, и встаютъ
Вдали туманы надъ полями.
Въ аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядитъ вечерній лучъ, и желтые листы
Шумятъ подъ робкими шагами.
И странная тоска тѣснитъ ужъ грудь мою:
Я думаю объ ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей созданье
Съ глазами, полными лазурнаго огня,
Съ улыбкой розовой, какъ молодого дня
За рощей первое сіянье...
Такъ, царства дивнаго всесильный господинъ,
Я долгіе часы просиживалъ одинъ;
И память ихъ жива понынѣ,
Подъ бурей тягостныхъ сомнѣній и страстей,—
Какъ свѣжій островокъ безвредно средь морей
Цвѣтетъ на влажной ихъ пустынѣ.
Когда-жъ, опомнившись, обманъ я узнаю,
И шумъ толпы людской спугнетъ мечту мою,
На праздникъ нéзванную гостью,—
О, какъ мнѣ хочется смутить веселость ихъ
И дерзко бросить имъ въ глаза желѣзный стихъ,
Облитый горечью и злостью!..

———

СОСНА.

[ИЗЪ ГЕЙНЕ]

На сѣверѣ дикомъ стоитъ одиноко
На голой вершинѣ сосна

дремлетъ, качаясь, и снѣгомъ сыпучимъ
Одѣта, какъ ризой, она.
...снится ей все, что въ пустынѣ далекой,
Въ томъ краѣ, гдѣ солнца восходъ,
...на и грустна, на утесѣ горючемъ
Прекрасная пальма растетъ.

* * *

[КН. МАРЬѢ АЛЕКСѢЕВНѢ ЩЕРБАТОВОЙ.]

На свѣтскія цѣпи,
На блескъ упоительный бала
Цвѣтущія степи
Украйны она промѣняла.
Но юга родного
На ней сохранилась примѣта
Среди ледяного,
Среди безпощаднаго свѣта.
Какъ ночи Украйны
Въ мерцаніи звѣздъ незакатныхъ,
Исполнены тайны
Слова ея устъ ароматныхъ.
Прозрачны и сини,
Какъ небо тѣхъ странъ, ея глазки;
Какъ вѣтеръ пустыни,
И нѣжатъ, и жгутъ ея ласки.
И зрѣющей сливы
Румянецъ на щечкахъ пушистыхъ,
И солнца отливы
Играютъ въ кудряхъ золотистыхъ.
И, слѣдуя строго
Печальной отчизны примѣру,
Въ надежду на Бога
Хранитъ она дѣтскую вѣру.
Какъ племя родное,
У чуждыхъ опоры не проситъ
И въ гордомъ покоѣ
Насмѣшку и зло переноситъ.
Отъ дерзкаго взора
Въ ней страсти не вспыхнутъ пожаромъ,
Полюбитъ не скоро,
За то не разлюбитъ ужъ даромъ.

ТУЧИ.

...ки небесныя, вѣчные странники!
...епью лазурною, цѣпью жемчужною
...итесь вы, будто какъ я же, изгнанники,
... милаго сѣвера въ сторону южную.
...о же васъ гонитъ: судьбы ли рѣшеніе?
...сть ли тайная, злоба-ль открытая?
... на васъ тяготитъ преступленіе,
... друзей клевета ядовитая?
Нѣтъ, вамъ наскучили нивы безплодныя...
Чужды вамъ страсти и чужды страданія...
Вѣчно холодныя, вѣчно свободныя,
Нѣтъ у васъ родины, нѣтъ вамъ изгнанія!

Апрѣль.

* * *

Прощай, немытая Россія,
Страна рабовъ, страна господъ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, подавленный народъ!
Быть можетъ, за хребтомъ Кавказа
Укроюсь отъ твоихъ пашей,
Отъ ихъ всевидящаго глаза,
Отъ ихъ всеслышащихъ ушей!..

ЛЮБОВЬ МЕРТВЕЦА.

Пускай холодною землею
Засыпанъ я,—
О, другъ! всегда, вездѣ съ тобою
Душа моя.
Любви безумнаго томленья,
Жилецъ могилъ,
Въ странѣ покоя и забвенья
Я не забылъ.
Безъ страха, въ часъ послѣдней муки,
Покинувъ свѣтъ,
Отрады ждалъ я отъ разлуки—
Разлуки нѣтъ!
Я видѣлъ прелесть безтѣлесныхъ—
И тосковалъ,
Что образъ твой въ чертахъ небесныхъ
Не узнавалъ.
Что́ мнѣ сіянье Божьей власти
И рай святой!
Я перенесъ земныя страсти
Туда съ собой:
Ласкаю я мечту родную
Вездѣ одну,
Желаю, плачу и ревную,
Какъ встарину.
Коснется-ль чуждое дыханье
Твоихъ ланитъ,
Душа моя въ нѣмомъ страданьи
Вся задрожитъ.
Случится-ль—шепчешь, засыпая,
Ты о другомъ—
Твои слова текутъ, пылая,
По мнѣ огнемъ.
Ты не должна любить другого,
Нѣтъ, не должна!
Ты мертвецу святыней слова
Обручена.

Увы! твой страхъ, твои моленья—
Къ чему онѣ?
Покоя, мира и забвенья
Не надо мнѣ!

———

ИЗЪ ГЕТЕ.

Горныя вершины
Спятъ во тьмѣ ночной;
Тихія долины
Полны свѣжей мглой;
Не пылитъ дорога,
Не дрожатъ листы...
Подожди немного—
Отдохнешь и ты.

———

ОПРАВДАНІЕ.

Когда одни воспоминанья
О заблужденіяхъ страстей,
На мѣсто славнаго названья,
Твой другъ оставитъ межъ людей;
И будетъ спать въ землѣ безгласно
То сердце, гдѣ кипѣла кровь,
Гдѣ такъ безумно, такъ напрасно
Съ враждой боролася любовь;
Когда предъ общимъ приговоромъ
Ты смолкнешь, голову склоня,
И будетъ для тебя позоромъ
Любовь безгрѣшная твоя,—
Того, кто страстью и порокомъ
Затмилъ твои младые дни,
Молю, язвительнымъ упрекомъ
Ты въ оный часъ не помяни!
Но предъ судомъ толпы лукавой
Скажи, что судить насъ Иной,
И что прощать святое право
Страданьемъ куплено тобой.

———

КЪ ПОРТРЕТУ.

(ГР. А. К. ВОРОНЦОВОЙ-ДАШКОВОЙ.)

Какъ мальчикъ кудрявый, рѣзва;
Нарядна, какъ бабочка лѣтомъ;
Значенья пустого слова
Въ устахъ ея полны привѣтомъ.
Ей нравиться долго нельзя,
Какъ цѣпь, ей несносна привычка;
Она ускользнетъ, какъ змѣя,
Порхнетъ и умчится, какъ птичка.
Таитъ молодое чело
По волѣ—и радость, и горе.
Въ глазахъ, какъ на небѣ, свѣтло,
Въ душѣ ея тёмно, какъ въ морѣ.
То истиной дышетъ въ ней все,
То все въ ней притворно и ложно...
Понять невозможно ее,
За то не любить невозможно!

———

РЕБЕНКУ.

О грёзахъ юности томимъ воспоминаньемъ,
Съ отрадой тайною и тайнымъ содроганьемъ,
Прекрасное дитя, я на тебя смотрю...
О, еслибъ знало ты, какъ я тебя люблю!
Какъ милы мнѣ твои улыбки молодыя,
И быстрые глаза, и кудри золотыя,
И звонкій голосокъ!—Не правда-ль, говорятъ,
Ты на нее похожъ?—Увы! года летятъ:
Страданія ее до срока измѣнили,
Но вѣрныя мечты тотъ образъ сохранили
Въ груди моей; тотъ взоръ, исполненный огня,
Всегда со мной. А ты... ты любишь ли меня?
Не скучны ли тебѣ непрошенныя ласки?
Не слишкомъ часто-ль я твои цѣлую глазки?
Слеза моя ланитъ твоихъ не обожгла-ль?
Смотри-жъ, не говори ни про мою печаль,
Ни вовсе обо мнѣ. Къ чему? Ее, быть можетъ,
Ребяческій разсказъ разсердитъ иль встревожитъ.
Но мнѣ ты все повѣрь. Когда въ вечерній ча[съ]
Предъ образомъ съ тобой заботливо склонясь,
Молитву дѣтскую она тебѣ шептала
И въ знаменье креста персты твои сжимала,
И всѣ знакомыя, родныя имена
Ты повторялъ за ней,—скажи, тебя она
Ни за кого еще молиться не учила?
Блѣднѣя, можетъ быть, она произносила
Названіе, теперь забытое тобой...
Не вспоминай его... Что имя?—звукъ пустой!
Дай Богъ, чтобъ для тебя оно осталось тайной;
Но если какъ-нибудь, когда-нибудь, случайно
Узнаешь ты его—ребяческіе дни
Ты вспомни и его, дитя, не прокляни!

———

ОТЧЕГО.

Мнѣ грустно потому, что я тебя люблю
И знаю: молодость цвѣтущую твою
Не пощадитъ молвы коварное гоненье.
За каждый свѣтлый день иль сладкое мгновен[ье]
Слезами и тоской заплатишь ты судьбѣ.
Мнѣ грустно... потому что весело тебѣ.

———

БЛАГОДАРНОСТЬ.

За все, за все Тебя благодарю я:
За тайныя мученія страстей,

...горечь слезъ, отраву поцѣлуя,
...месть враговъ и клевету друзей,
...жаръ души, растраченный въ пустынѣ,
...все, чѣмъ я обмануть въ жизни былъ...
...строй лишь такъ, чтобы Тебя отнынѣ
...долго я еще благодарилъ.

ГРАФИНѢ РОСТОПЧИНОЙ.

Я вѣрю: подъ одной звѣздою
Мы съ вами были рождены;
Мы шли дорогою одною,
Насъ обманули тѣ же сны.
Но что-жъ?—Отъ цѣли благородной
Оторванъ бурею страстей,
Я позабылъ въ борьбѣ безплодной
Преданья юности моей.
Предвидя вѣчную разлуку,
Боюсь я сердцу волю дать,
Боюсь предательскому звуку
Мечту напрасную ввѣрять...
Такъ двѣ волны несутся дружно
Случайной, вольною четой
Въ пустынѣ моря голубой:
Йхъ гонитъ вмѣстѣ вѣтеръ южный,
Но ихъ разгонитъ гдѣ-нибудь
Утеса каменная грудь...
И, пóлны холодомъ привычнымъ,
Онѣ несутъ брегамъ различнымъ,
Безъ сожалѣнья и любви,
Свой ропотъ сладостный и томный,
Свой бурный шумъ, свой блескъ заемный
И ласки вѣчныя свои.

---

* * *

...скучно, и грустно, и некому руку подать
Въ минуту душевной невзгоды...
...еланья... Чтó пользы напрасно и вѣчно желать?
А годы проходятъ—все лучшіе годы!
...юбить... Но кого же?.. На время не стоитъ труда,
А вѣчно любить невозможно.
...себя ли заглянешь?—тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда:
И радость, и муки—и все такъ ничтожно.
...о страсти?—Вѣдь рано иль поздно ихъ сладкій [недугъ
Исчезнетъ при словѣ разсудка;
...жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вни- [маньемъ вокругъ,—
Такая пустая и глупая шутка!

А. О. СМИРНОВОЙ.

Безъ васъ хочу сказать вамъ много,
При васъ я слушать васъ хочу;
Но, молча, вы глядите строго—
И я въ смущеніи молчу.
Что-жъ дѣлать?.. Рѣчью неискусной
Занять вашъ умъ мнѣ не дано...
Все это было бы смѣшно,
Когда бы не было такъ грустно!

ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЯ „ЖУРНАЛИСТЪ, ЧИТАТЕЛЬ И ПИСАТЕЛЬ.

Бываютъ тягостныя ночи:
Безъ сна, горятъ и плачутъ очи,
На сердцѣ жадная тоска;
Дрожа, холодная рука
Подушку жаркую объемлетъ;
Невольный страхъ власы подъемлетъ;
Болѣзненный, безумный крикъ
Изъ груди рвется—и языкъ
Лепечетъ громко, безъ сознанья,
Давно забытыя названья;
Давно забытыя черты
Въ сіяньи прежней красоты
Рисуетъ память своевольно:
Въ очахъ любовь, въ устахъ обманъ—
И вѣришь снова имъ невольно,
И какъ-то весело и больно
Тревожитъ язвы старыхъ ранъ...
Тогда пишу.—Диктуетъ совѣсть,
Перомъ сердитый водитъ умъ:
То соблазнительная повѣсть
Сокрытыхъ дѣлъ и тайныхъ думъ;
Картины хладныя разврата,
Преданья глупыхъ юныхъ дней,
Давно безъ пользы и возврата
Погибшихъ въ омутѣ страстей,
Средь битвъ незримыхъ, но упорныхъ,
Среди обманщицъ и невѣждъ,
Среди сомнѣній ложно-черныхъ
И ложно-радужныхъ надеждъ.
Судья безвѣстный и случайный,
Не дорожа чужою тайной,
Приличьемъ скрашенный порокъ
Я смѣло предаю позору;
Неумолимъ я и жестокъ...
Но, право, этихъ горькихъ строкъ
Неприготовленному взору
Я не рѣшуся показать...
Скажите-жъ мнѣ, о чемъ писать?
Къ чему толпы неблагодарной
Мнѣ злость и ненависть навлечь?
Чтобъ бранью назвали коварной
Мою пророческую рѣчь?
Чтобъ тайный ядъ страницы знойной
Смутилъ ребенка сонъ покойный

И сердце слабое увлекъ
Въ свой необузданный потокъ?
О, нѣтъ!—преступною мечтою
Не ослѣпляя мысль мою,
Такой тяжелою цѣною
Я вашей славы не куплю...

ВОЗДУШНЫЙ КОРАБЛЬ.

[изъ цедлица.]

По синимъ волнамъ океана,
Лишь звѣзды блеснутъ въ небесахъ,
Корабль одинокій несется,
Несется на всѣхъ парусахъ.
Не гнутся высокія мачты,
На нихъ флюгера не шумятъ,
И, молча, въ открытые люки
Чугунныя пушки глядятъ.
Не слышно на немъ капитана,
Не видно матросовъ на немъ;
Но скалы и тайныя мели,
И бури ему нипочемъ.
Есть островъ на томъ океанѣ—
Пустынный и мрачный гранитъ:
На островѣ томъ есть могила,
А въ ней императоръ зарытъ.
Зарытъ онъ безъ почестей бранныхъ
Врагами въ сыпучій песокъ;
Лежитъ на немъ камень тяжелый,
Чтобъ встать онъ изъ гроба не могъ.
И въ часъ его грустной кончины,
Въ полнóчь, какъ свершается годъ,
Къ высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаетъ.
Изъ гроба тогда императоръ,
Очнувшись, является вдругъ;
На немъ треугольная шляпа
И сѣрый походный сюртукъ.
Скрестивши могучія руки,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и къ рулю онъ садится,
И быстро пускается въ путь.
Несется онъ къ Франціи милой,
Гдѣ славу оставилъ и тронъ,
Оставилъ наслѣдника-сына
И старую гвардію онъ.
И, только что землю родную
Завидитъ во мракѣ ночномъ,
Опять его сердце трепещетъ,
И очи пылаютъ огнемъ.
На берегъ большими шагами
Онъ смѣло и прямо идетъ,
Соратниковъ громко онъ кличетъ
И маршаловъ грозно зоветъ.
Но спятъ усачи-гренадеры—
Въ равнинѣ, гдѣ Эльба шумитъ,
Подъ снѣгомъ холодной Россіи,
Подъ знойнымъ пескомъ пирамидъ.
И маршалы зова не слышатъ:
Иные погибли въ бою,
Другіе ему измѣнили
И продали шпагу свою.
И, топнувъ о землю ногою,
Сердито онъ взадъ и впередъ
По тихому берегу ходитъ,
И снова онъ громко зоветъ:
Зоветъ онъ любезнаго сына,
Опору въ превратной судьбѣ,
Ему обѣщаетъ полміра,
А Францію только себѣ.
Но въ цвѣтѣ надежды и силы
Угасъ его царственный сынъ,
И долго, его поджидая,
Стоитъ императоръ одинъ;
Стоитъ онъ и тяжко вздыхаетъ,
Пока озарится востокъ,
И капаютъ горькія слезы
Изъ глазъ на холодный песокъ.
Потомъ на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и, махнувши рукою,
Въ обратный пускается путь.

ИЗЪ АЛЬБОМА.

Любилъ и я въ былые годы,
Въ невинности души моей,
И бури шумныя природы,
И бури тайныя страстей.
Но красоты ихъ безобразной
Я скоро таинство постигъ,
И мнѣ наскучилъ ихъ несвязный
И оглушающій языкъ.
Люблю я больше, годъ отъ году,
Желаньямъ мирнымъ давъ просторъ,
Поутру ясную погоду,
Подъ вечеръ тихій разговоръ...

КАЗАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотритъ мѣсяцъ ясный
Въ колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Пѣсенку спою;
Ты-жъ дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По камнямъ струится Терекъ,
Плещетъ мутный валъ;
Злой чеченъ ползетъ на берегъ,
Точитъ свой кинжалъ;
Но отецъ твой—старый воинъ,
Закаленъ въ бою...
Спи малютка, будь спокоенъ!
Баюшки-баю.
Самъ узнаешь—будетъ время—
Бранное житье:
Смѣло вдѣнешь ногу въ стремя
И возьмешь ружье.
Я сѣдельце боевое
Шелкомъ разошью...
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.
Богатырь ты будешь съ виду
И казакъ душой;
Провожать тебя я выйду—
Ты махнешь рукой...
Сколько горькихъ слезъ украдкой
Я въ ту ночь пролью!..
Спи, мой ангелъ, тихо, сладко,
Баюшки-баю.
Стану я тоской томиться,
Безутѣшно ждать;
Стану цѣлый день молиться,
По ночамъ гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты въ чужомъ краю...
Спи-жъ, пока заботъ не знаешь,
Баюшки-баю.
Дамъ тебѣ я на дорогу
Образокъ святой,—
Ты его, моляся Богу,
Ставь передъ собой!
Да готовясь въ бой опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.

———

1841.

* * *

...ѣйся надъ моей пророческой тоскою.
...ъ—ударъ судьбы меня не обойдетъ,
...ъ, что голова, любимая тобою,
...оей груди на плаху перейдетъ.
...орилъ тебѣ: ни счастія, ни славы
...ъ мірѣ не найти. Настанетъ часъ кровавый—
...ду, и хитрая вражда
...ыбкой очернитъ мой недоцвѣтшій геній,
И я погибну безъ слѣда
Моихъ надеждъ, моихъ мученій...
Но я безъ страха жду довременный конецъ:
Давно пора мнѣ міръ увидѣть новый.
Пускай толпа растопчетъ мой вѣнецъ,
Вѣнецъ пѣвца, вѣнецъ терновый—
Пускай! Я имъ не дорожилъ!..

———

* * *

Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой
И въ степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засохъ и увялъ онъ отъ холода, зноя и горя,
И вотъ, наконецъ, докатился до Чернаго моря.
У Чернаго моря чинара стоитъ молодая,
Съ ней шепчется вѣтеръ, зеленыя вѣтви лаская;
На вѣтвяхъ зеленыхъ качаются райскія птицы,
Поютъ онѣ пѣсни про славу морской царь-дѣвицы.
И странникъ прижался у корня чинары высокой;
Пріюта на время онъ молитъ съ тоскою глубокой—
И такъ говоритъ онъ: „Я бѣдный листочекъ дубовый,
До срока созрѣлъ я и выросъ въ отчизнѣ суровой.
„Одинъ и безъ цѣли, по свѣту ношуся давно я,
Засохъ я безъ тѣни, увялъ я безъ сна и покоя.
Прими же пришельца межъ листьевъ твоихъ изумрудныхъ—
Не мало я знаю разсказовъ мудреныхъ и чудныхъ“.
— На что мнѣ тебя! отвѣчаетъ младая чинара:
Ты пыленъ и желтъ, и сынамъ моимъ свѣжимъ не пара.
Ты много видалъ, да къ чему мнѣ твои небылицы?
Мнѣ слухъ утомили давно ужъ и райскія птицы...
Иди себѣ дальше, о странникъ! тебя я не знаю.
Я солнцемъ любима, цвѣту для него и блистаю;
По небу я вѣтви раскинула здѣсь на просторѣ,
И корни мои умываетъ холодное море.

———

* * *

Изъ-подъ таинственной, холодной полумаски
Звучалъ мнѣ голосъ твой, отрадный, какъ мечта,
Свѣтили мнѣ твои плѣнительные глазки
И улыбалися лукавыя уста.
Сквозь дымку легкую замѣтилъ я невольно
И дѣвственныхъ ланитъ, и шеи бѣлизну.
Счастливецъ, видѣлъ я и локонъ своевольный,
Родныхъ кудрей покинувшій волну.
И создалъ я тогда въ моемъ воображеньи
По легкимъ признакамъ красавицу мою,
И съ той поры безплотное видѣнье
Ношу въ душѣ моей, ласкаю и люблю.
И все мнѣ кажется: живыя эти рѣчи
Въ года минувшіе слыхалъ когда-то я;
И кто-то шепчетъ мнѣ, что послѣ этой встрѣчи
Мы вновь увидимся, какъ старые друзья.

———

10

* * *

Не плачь, не плачь, мое дитя,
Не стоитъ онъ безумной муки:
Вѣрь, онъ ласкалъ тебя, шутя,
Вѣрь, онъ любилъ тебя отъ скуки!
И мало-ль въ Грузіи у насъ
Прекрасныхъ юношей найдется?
Быстрѣй огонь ихъ черныхъ глазъ,
И черный усъ ихъ лучше вьется!
Изъ дальней, чуждой стороны
Онъ къ намъ заброшенъ былъ судьбою;
Онъ ищетъ славы и войны—
И что-жъ онъ могъ найти съ тобою?
Тебя онъ золотомъ дарилъ,
Клялся, что вѣчно не измѣнитъ:
Онъ ласки дорого цѣнилъ,
Но слезъ твоихъ онъ не оцѣнитъ!

ИЗЪ ПОЭМЫ „ВАЛЕРИКЪ".

Уже затихло все; тѣла
Стащили въ кучу; кровь текла
Струею дымной по каменьямъ;
Ея тяжелымъ испареньемъ
Былъ полонъ воздухъ. Генералъ
Сидѣлъ въ тѣни на барабанѣ
И донесенья принималъ.
Окрестный лѣсъ, какъ бы въ туманѣ,
Синѣлъ въ дыму пороховомъ;
А тамъ, вдали, грядой нестройной,
Но вѣчно гордой и спокойной,
Въ своемъ нарядѣ снѣговомъ,
Тянулись горы,—и Казбекъ.
Сверкалъ главой остроконечной...
И съ грустью тайной и сердечной
Я думалъ: „Жалкій человѣкъ!
Чего онъ хочетъ"... Небо ясно,
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ,—
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?"

КИНЖАЛЪ.

Люблю тебя, булатный мой кинжалъ,
Товарищъ свѣтлый и холодный.
Задумчивый грузинъ на месть тебя ковалъ,
На грозный бой точилъ черкесъ свободный!
Лилейная рука тебя мнѣ поднесла
Въ знакъ памяти въ минуту разставанья,
И въ первый разъ не кровь вдоль по тебѣ текла,
Но свѣтлая слеза—жемчужина страданья.
И черные глаза, остановясь на мнѣ,
Исполнены таинственной печали,
Какъ сталь твоя при трепетномъ огнѣ,
То вдругъ тускнѣли, то сверкали.
Ты данъ мнѣ въ спутники, любви залогъ нѣмой,
И страннику въ тебѣ примѣръ не безполезный:
Да, я не измѣнюсь и буду твердъ душой,
Какъ ты, какъ ты, мой другъ желѣзный!

УТЕСЪ.

Ночевала тучка золотая
На груди утеса великана.
Утромъ въ путь она умчалась рано,
По лазури весело играя.
Но остался влажный слѣдъ въ морщинѣ
Стараго утеса. Одиноко
Онъ стоитъ; задумался глубоко
И тихонько плачетъ онъ въ пустынѣ...

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

Они любили другъ друга такъ долго и нѣжно,
Съ тоскою глубокой и страстью безумно-мятежно
Но, какъ враги, избѣгали признанья и встрѣчи,
И были пусты и хладны ихъ краткія рѣчи.
Они разстались въ безмолвномъ и гордомъ ст
[даньи
И милый образъ во снѣ лишь порою видали...
И смерть пришла; наступило за гробомъ свиданье,
Но—въ мірѣ новомъ другъ друга они не узна

СОНЪ.

Въ полдневный жаръ, въ долинѣ Дагестана,
Съ свинцомъ въ груди лежалъ недвижимъ я;
Глубокая еще дымилась рана,
По каплѣ кровь точилася моя.
Лежалъ одинъ я на пескѣ долины,
Уступы скалъ тѣснилися кругомъ,
И солнце жгло ихъ желтыя вершины
И жгло меня,—но спалъ я мертвымъ сномъ.
И снился мнѣ сіяющій огнями
Вечерній пиръ въ родимой сторонѣ;
Межъ юныхъ женъ, увѣнчанныхъ цвѣтами,
Шелъ разговоръ веселый обо мнѣ.
Но, въ разговоръ веселый не вступая,
Сидѣла тамъ задумчиво одна,
И въ грустный сонъ душа ея младая
Богъ знаетъ чѣмъ была погружена.
И снилась ей долина Дагестана:
Знакомый трупъ лежалъ въ долинѣ той,—
Въ его груди, дымясь, чернѣла рана
И кровь лилась хладѣющей струей...

ПОСЛѢДНЕЕ НОВОСЕЛЬЕ.

ѫъ тѣмъ, какъ Франція, среди рукоплесканій
ликовъ радостныхъ, встрѣчаетъ хладный прахъ
гибшаго давно среди нѣмыхъ страданій
Въ изгнаньи мрачномъ и цѣпяхъ;
ѫъ тѣмъ какъ міръ услужливой хвалою
ичаетъ поздняго раскаянья порывъ,
вздорная толпа, довольная собою,
Гордится, прошлое забывъ,—
годованію и чувству давъ свободу,
иявъ тщеславіе сихъ праздничныхъ заботъ,
ѣ хочется сказать великому народу:
Ты жалкій и пустой народъ!
жалокъ потому, что вѣра, слава, геній,
е, все великое, священное земли,
насмѣшкой глупою ребяческихъ сомнѣній,
Тобой растоптано въ пыли.
ъ славы сдѣлалъ ты игрушку лицемѣрья,
ъ вольности—орудье палача,
всѣ завѣтныя отцовскія повѣрья
Ты имъ рубилъ, рубилъ съ плеча;
погибалъ! И онъ явился—съ строгимъ взоромъ,
мѣченный божественнымъ перстомъ,
признанъ за вождя всеобщимъ приговоромъ,
И ваша жизнь слилася въ немъ.
вы окрѣпли вновь въ тѣни его державы,
міръ трепещущій въ безмолвіи взиралъ
ризу чудную могущества и славы,
Которой васъ онъ одѣвалъ.
инъ—онъ былъ вездѣ, холодный, неизмѣнный,
ецъ сѣдыхъ дружинъ, любимый сынъ молвы,
степяхъ египетскихъ, у стѣнъ покорной Вѣны,
Въ снѣгахъ пылающей Москвы.
вы что́ дѣлали, скажите, въ это время,
гда въ поляхъ чужихъ онъ гордо погибалъ?
потрясали власть, избра́нную, какъ бремя,
Точили въ темнотѣ кинжалъ!
еди послѣднихъ битвъ, отчаянныхъ усилій,
испугѣ не понявъ позора своего,
ъ женщина, ему вы измѣнили,
И, какъ рабы, вы предали его.
шенный правъ и мѣста гражданина,
битый свой вѣнецъ онъ снялъ и бросилъ самъ,
вамъ оставилъ онъ въ залогъ родного сына—
Вы сына выдали врагамъ!
гда, отяготивъ позорными цѣпями,
юя увезли отъ плачущихъ дружинъ,
на чужой скалѣ, за синими морями,
Забытый, онъ угасъ одинъ—
инъ, замученъ мщеніемъ безплоднымъ,
молвною и гордою тоской,
какъ простой солдатъ, въ плащѣ своемъ поход-
[номъ
Зарытъ наемною рукой...

Но годы протекли, и вѣтреное племя
Кричитъ: „Подайте намъ священный этотъ прахъ!
Онъ нашъ! Его теперь, великой жатвы сѣмя,
Зароемъ мы въ спасенныхъ имъ стѣнахъ!“
И возвратился онъ на родину.—Безумно,
Какъ прежде, вкругъ него тѣснятся и бѣгутъ
И въ пышный гробъ, среди столицы шумной,
Останки тлѣнные кладутъ.
Желанье позднее увѣнчано успѣхомъ!
И, краткій свой восторгъ смѣнивъ уже другимъ,
Гуляя, топчетъ ихъ съ самодовольнымъ смѣхомъ
Толпа, дрожавшая предъ нимъ!
И грустно мнѣ, когда подумаю, что нынѣ
Нарушена святая тишина
Вокругъ того, кто ждалъ въ своей пустынѣ
Такъ жадно, столько лѣтъ—спокойствія и сна.
И если духъ вождя примчится на свиданье
Съ гробницей новою, гдѣ прахъ его лежитъ,
Какое въ немъ негодованье
При этомъ видѣ закипитъ!
Какъ будетъ онъ жалѣть, печалію томимый,
О знойномъ островѣ подъ небомъ дальнихъ странъ,
Гдѣ сторожилъ его, какъ онъ непобѣдимый,
Какъ онъ, великій океанъ!

ПЛѢННЫЙ РЫЦАРЬ.

Молча, сижу подъ окошкомъ темницы.
Синее небо отсюда мнѣ видно:
Въ небѣ играютъ все вольныя птицы...
Глядя на нихъ, мнѣ и больно, и стыдно!
Нѣтъ на устахъ моихъ грѣшной молитвы,
Нѣту ни пѣсни во славу любезной;
Помню я только старинныя битвы,
Мечъ мой тяжелый да панцырь желѣзный.
Въ каменный панцырь я нынѣ закованъ,
Каменный шлемъ мою голову давитъ,
Щитъ мой отъ стрѣлъ и меча заколдованъ,
Конь мой бѣжитъ—и никто имъ не правитъ.
Быстрое время—мой конь неизмѣнный,
Шлема забрало—рѣшотка бойницы,
Каменный панцырь—высокія стѣны,
Щитъ мой—чугунныя двери темницы.
Мчись же быстрѣе, летучее время!
Душно подъ новой бронею мнѣ стало!
Смерть, какъ пріѣдемъ, подержитъ мнѣ стремя:
Слѣзу и сдерну съ лица я забрало.

СПОРЪ.

Какъ-то разъ, передъ толпою
Соплеменныхъ горъ,
У Казбека съ Шатъ-горою
Былъ великій споръ.

„Берегись“, сказалъ Казбеку
Сѣдовласый Шатъ:
„Покорился человѣку
Ты не даромъ, братъ!
Онъ настроитъ дымныхъ келій
По уступамъ горъ;
Въ глубинѣ твоихъ ущелій
Загремитъ топоръ;
И желѣзная лопата
Въ каменную грудь,
Добывая мѣдь и злато,
Врѣжетъ страшный путь.
Ужъ проходятъ караваны
Черезъ тѣ скалы́,
Гдѣ носились лишь туманы
Да цари-орлы.
Люди хитры! Хоть и труденъ
Первый былъ скачокъ—
Берегися! многолюденъ
И могучъ Востокъ!“
— Не боюся я Востока!
Отвѣчалъ Казбекъ:
Родъ людской тамъ спитъ глубоко
Ужъ девятый вѣкъ.
Посмотри: въ тѣни чинары,
Пѣну сладкихъ винъ
На узорные шальвары
Сонный льетъ грузинъ;
И, склонясь въ дыму кальяна
На цвѣтной диванъ,
У жемчужнаго фонтана
Дремлетъ Тегеранъ.
Вотъ, у ногъ Ерусалима,
Богомъ сожжена,
Безглагольна, недвижима
Мертвая страна;
Дальше, вѣчно чуждый тѣни,
Моетъ желтый Нилъ
Раскаленныя ступени
Царственныхъ могилъ;
Бедуинъ забылъ наѣзды
Для цвѣтныхъ шатровъ
И поетъ, считая звѣзды,
Про дѣла отцовъ.
Все, что здѣсь доступно оку,
Спитъ, покой цѣня.
Нѣтъ! не дряхлому Востоку
Покорить меня!—
„Не хвались еще заранѣ!“
Молвилъ старый Шатъ:
„Вонъ на сѣверѣ въ туманѣ
Что-то видно, братъ!“
Тайно былъ Казбекъ огромный
Вѣстью той смущенъ;
И, смутясь, на сѣверъ темный
Взоры кинулъ онъ...
И туда въ недоумѣньи
Смотритъ, полный думъ:
Видитъ странное движенье,
Слышитъ звонъ и шумъ.
Отъ Урала до Дуная,
До большой рѣки,
Колыхаясь и сверкая,
Движутся полки;
Вѣютъ бѣлые султаны,
Какъ степной ковыль;
Мчатся пестрые уланы,
Подымая пыль;
Боевые батальоны
Тѣсно въ рядъ идутъ,
Впереди несутъ знамены,
Въ барабаны бьютъ;
Батареи мѣднымъ строемъ
Скачутъ и гремятъ,
И дымясь, какъ передъ боемъ,
Фитили горятъ.
И испытанный трудами
Бури боевой,
Ихъ ведетъ, грозя очами,
Генералъ сѣдой.
Идутъ всѣ полки, могучи,
Шумны, какъ потокъ,
Страшно-медленны, какъ тучи,
Прямо на востокъ.
И, томимъ зловѣщей думой,
Полонъ черныхъ сновъ,
Сталъ считать Казбекъ угрюмый—
И не счелъ враговъ!
Грустнымъ взоромъ онъ окинулъ
Племя горъ своихъ,
Шапку на брови надвинулъ—
И навѣкъ затихъ.

———

* * *

Есть рѣчи,—значенье
Темно́ иль ничтожно,
Но имъ безъ волненья
Внимать невозможно.
Какъ полны ихъ звуки
Безумствомъ желанья!
Въ нихъ слезы разлуки,
Въ нихъ трепетъ свиданья.
Не встрѣтитъ отвѣта
Средь шума мірского
Изъ пламя и свѣта
Рожденное слово;
Но въ храмѣ, средь боя,
И гдѣ я ни буду,
Услышавъ, его я

Узнаю повсюду:
Не кончивъ молитвы,
На звукъ тотъ отвѣчу
И брошусь изъ битвы
Ему я навстрѣчу!

ЗАВѢЩАНІЕ.

Наединѣ съ тобою, братъ,
Хотѣлъ бы я побыть:
На свѣтѣ мало, говорятъ,
Мнѣ остается жить!
Поѣдешь скоро ты домой,
Смотри-жъ... Да что! моей судьбой,
Сказать по правдѣ, очень
Никто не озабоченъ.
А если спроситъ кто-нибудь...
Ну, кто бы ни спросилъ,—
Скажи имъ, что навылетъ въ грудь
Я пулей раненъ былъ;
Что умеръ честно за царя,
Что плохи наши лекаря,
И что родному краю
Поклонъ я посылаю.
Отца и мать мою едва-ль
Застанешь ты въ живыхъ...
Признаться, право, было-бъ жаль
Мнѣ опечалить ихъ;
Но если кто изъ нихъ и живъ,
Скажи, что я писать лѣнивъ,
Что полкъ въ походъ послали,
И чтобъ меня не ждали.
Сосѣдка есть у нихъ одна...
Какъ вспомнишь, какъ давно
Разстались... Обо мнѣ она
Не спроситъ... Все равно,
Ты разскажи всю правду ей,
Пустого сердца не жалѣй:
Пускай она поплачетъ —
Ей ничего не значитъ!

---

* * *

Выхожу одинъ я на дорогу:
ozь туманъ кремнистый путь блеститъ;
ь тиха; пустыня внемлетъ Богу,
ѣзда съ звѣздою говоритъ.
небесахъ торжественно и чудно!
ъ земля въ сіяньи голубомъ...
же мнѣ такъ больно и такъ трудно?
-ль чего? Жалѣю ли о чемъ?
не жду отъ жизни ничего я,
е жаль мнѣ прошлаго ничуть:
щу свободы и покоя,
Я-бъ хотѣлъ забыться и заснуть...
Но не тѣмъ холоднымъ сномъ могилы—
Я-бъ желалъ на вѣки такъ заснуть,
Чтобъ въ груди дрожали жизни силы,
Чтобъ, дыша, вздымалась тихо грудь;
Чтобъ всю ночь, весь день мой слухъ лелѣя,
Про любовь мнѣ сладкій голосъ пѣлъ,
Надо мной чтобъ, вѣчно зеленѣя,
Темный дубъ склонялся и шумѣлъ.

---

* * *

Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блистанье—
Люблю въ тебѣ я прошлое страданье
И молодость погибшую мою.
Когда, порой, я на тебя смотрю,
Въ твои глаза вникая долгимъ взоромъ—
Таинственнымъ я занятъ разговоромъ,
Но не съ тобой я сердцемъ говорю:
Я говорю съ подругой юныхъ дней,
Въ твоихъ чертахъ ищу черты другія,
Въ устахъ живыхъ—уста давно нѣмыя,
Въ глазахъ—огонь угаснувшихъ очей.

---

* * *

Я не хочу, чтобъ свѣтъ узналъ
Мою таинственную повѣсть,
Какъ я любилъ, за что страдалъ:
Тому судья лишь Богъ да совѣсть.
Имъ сердце въ чувствахъ дастъ отчетъ,
У нихъ попроситъ сожалѣнья—
И пусть меня накажетъ Тотъ,
Кто изобрѣлъ мои мученья.
Укоръ невѣждъ, укоръ людей
Души высокой не печалитъ...
Пускай шумитъ волна морей—
Утесъ гранитный не повалитъ.
Его чело межъ облаковъ,
Онъ двухъ стихій жилецъ угрюмый,
И, кромѣ бури да громовъ,
Онъ никому не ввѣритъ думы.

КАЗБЕКУ.

Спѣша на сѣверъ издалёка,
Изъ теплыхъ и чужихъ сторонъ,
Тебѣ, Казбекъ, о, стражъ Востока,
Привезъ я, странникъ, свой поклонъ.
Чалмою бѣлою отъ вѣка
Твой лобъ наморщенный увитъ,
И гордый ропотъ человѣка

Твой гордый миръ не возмутитъ.
Но сердца тихаго моленье
Да отнесутъ твои скалы
Въ надзвѣздный край, въ твое владѣнье—
Къ престолу вѣчному Аллы.
Молю, да снидетъ день прохладный
На знойный долъ и пыльный путь,
Чтобъ мнѣ въ пустынѣ безотрадной
На камнѣ въ полдень отдохнуть;
Молю, чтобъ буря не застала,
Гремя въ нарядѣ боевомъ,
Въ ущельи мрачнаго Дарьяла
Меня съ измученнымъ конемъ.
Но есть еще одно желанье...
Боюсь сказать... душа дрожитъ...
Что... если я со дня изгнанья
Совсѣмъ на родинѣ забытъ!
Найду-ль тамъ прежнія объятья?
Старинный встрѣчу ли привѣтъ?
Узнаютъ ли друзья и братья
Страдальца послѣ многихъ лѣтъ?
Или, среди могилъ холодныхъ,
Я наступлю на прахъ родной
Тѣхъ добрыхъ, пылкихъ, благородныхъ,
Дѣлившихъ молодость со мной?
О! если такъ... Своей мятелью,
Казбекъ, засыпь меня скорѣй
И прахъ бездомный по ущелью
Безъ сожалѣнія развѣй!

———

ОТЧИЗНА.

Люблю отчизну я, но странною любовью—
Не побѣдитъ ея разсудокъ мой!..
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордаго довѣрія покой,
Ни темной старины завѣтныя преданья
Не шевелятъ во мнѣ отраднаго мечтанья.
Но я люблю—за что, не знаю самъ—
Ея степей холодное молчанье,
Ея лѣсовъ безбрежныхъ колыханье,
Разливы рѣкъ ея, подобные морямъ;
Проселочнымъ путемъ люблю скакать въ телѣгѣ
И, взоромъ медленнымъ пронзая ночи тѣнь,
Встрѣчать по сторонамъ, вздыхая о ночлегѣ,
Дрожащіе огни печальныхъ деревень.
Люблю дымокъ спаленной жнивы,
Въ степи кочующій обозъ
И на холмѣ, средь желтой нивы,
Чету бѣлѣющихъ березъ.
Съ отрадой, многимъ незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
Съ рѣзными ставнями окно;
И въ праздникъ, вечеромъ росистымъ,
Смотрѣть до полночи готовъ
На пляску съ топаньемъ и свистомъ,
Подъ говоръ пьяныхъ мужичковъ.

———

ТАМАРА.

Въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла,
Гдѣ роется Терекъ во мглѣ,
Старинная башня стояла,
Чернѣя на черной скалѣ.
Въ той башнѣ высокой и тѣсной
Царица Тамара жила,
Прекрасна, какъ ангелъ небесный,
Какъ демонъ, коварна и зла.
И тамъ, сквозь туманъ полуночи,
Блисталъ огонекъ золотой,
Кидался онъ путнику въ очи,
Манилъ онъ на отдыхъ ночной.
И слышался голосъ Тамары—
Онъ весь былъ желанье и страсть:
Въ немъ были всесильныя чары,
Была непонятная власть.
На голосъ невидимой пери
Шелъ воинъ, купецъ и пастухъ;
Предъ нимъ отворялися двери,
Встрѣчалъ его мрачный евнухъ.
На мягкой пуховой постели,
Въ парчу и жемчугъ убрана,
Ждала она гостя; шипѣли
Предъ нею два кубка вина.
Сплетались горячія руки,
Уста прилипали къ устамъ,
И страстные, дикіе звуки
Всю ночь раздавалися тамъ.
Какъ-будто въ ту башню пустую
Сто юношей пылкихъ и женъ
Сошлися на свадьбу ночную,
На тризну большихъ похоронъ..
Но только что утра сіянье
Кидало свой лучъ по горамъ—
Мгновенно и мракъ, и молчанье
Опять воцарялися тамъ.
Лишь Терекъ въ тѣснинѣ Дарьяла,
Гремя, нарушалъ тишину;
Волна на волну набѣгала,
Волна погоняла волну.
И съ плачемъ безгласное тѣло
Спѣшили онѣ унести...
Въ окнѣ тогда что-то бѣлѣло,
Звучало оттуда „прости!“
И было такъ нѣжно прощанье,
Такъ сладко тотъ голосъ звучалъ,

Какъ-будто восторги свиданья
И ласки любви обѣщалъ...

———

МОРСКАЯ ЦАРЕВНА.

ь морѣ царевичъ купаетъ коня,
ышитъ: „Царевичъ, взгляни на меня!"
ркаетъ конь и ушами прядетъ,
ызжетъ и плещетъ, и далѣ плыветъ.
ышитъ царевичъ: „Я царская дочь;
чешь провесть ты съ царевною ночь?"
ръ показалась рука изъ воды,
вить за кисти шелкóвой узды.
шла младая потомъ голова:
косу вплелася морская трава,
нія очи любовью горятъ,
ызги на шеѣ, какъ жемчугъ, дрожатъ.
ислитъ царевичъ: „Добро же, постой!"
косу ловко схватилъ онъ рукой.
ржитъ. Рука боевая сильна:
ачетъ, и молитъ, и бьется она.
берегу витязь отважно плыветъ;
плылъ, товарищей громко зоветъ:
вы! сходитесь, лихіе друзья!
ньте, какъ бьется добыча моя...
о-жъ вы стоите смущенной толпой?
красы не видали такой?"
ъ оглянулся царевичъ назадъ,
нулъ!—померкъ торжествующій взглядъ...
дитъ: лежитъ на пескѣ золотомъ
до морское съ зеленымъ хвостомъ.
остъ чешуею змѣиной покрытъ,
замирая, свиваясь, дрожитъ.
на струями сбѣгаетъ съ чела,
одѣла смертельная мгла;
ѣдныя руки хватаютъ песокъ,
епчутъ уста непонятный упрекъ...
етъ царевичъ задумчиво прочь...
детъ онъ помнить про царскую дочь!..

———

ПРОРОКЪ,

Съ тѣхъ поръ, какъ Вѣчный Судія
Мнѣ далъ всевѣдѣнье пророка,
Въ очахъ людей читаю я
Страницы злобы и порока.
Провозглашать я сталъ любви
И правды чистыя ученья:
Въ меня всѣ ближніе мои
Бросали бѣшено каменья!
Посыпалъ пепломъ я главу,
Изъ городовъ бѣжалъ я, нищій,
И вотъ въ пустынѣ я живу,
Какъ птицы, даромъ Божьей пищи.
Завѣтъ Предвѣчнаго храня,
Мнѣ тварь покорна тамъ земная,
И звѣзды слушаютъ меня,
Лучами радостно играя.
Когда же черезъ шумный градъ
Я пробираюсь торопливо,
То старцы дѣтямъ говорятъ
Съ улыбкою самолюбивой:
„Смотрите: вотъ примѣръ для васъ!
Онъ гордъ былъ, не ужился съ нами;
Глупецъ—хотѣлъ увѣрить насъ,
Что Богъ гласитъ его устами!
„Смотрите-жъ, дѣти, на него,
Какъ онъ угрюмъ, и худъ, и блѣденъ!
Смотрите, какъ онъ нагъ и бѣденъ,
Какъ презираютъ всѣ его!"

———

ИЗЪ ПОЭМЫ „МЦЫРИ".

(1839).

... Ты слушать исповѣдь мою
Сюда пришелъ,—благодарю.
Все лучше передъ кѣмъ-нибудь
Словами облегчить мнѣ грудь;
Но людямъ я не дѣлалъ зла,
И потому мои дѣла
Немного пользы вамъ узнать—
А душу можно-ль разсказать?
Я мало жилъ, и жилъ въ плѣну;
Такихъ двѣ жизни за одну,
Но только полную тревогъ,
Я промѣнялъ бы, еслибъ могъ.
Я зналъ одной лишь думы власть,
Одну—но пламенную страсть;
Она, какъ червь, во мнѣ жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
Отъ келій душныхъ и молитвъ
Въ тотъ чудный міръ тревогъ и битвъ,
Гдѣ въ тучахъ прячутся скалы́,
Гдѣ люди вольны, какъ орлы.
Я эту страсть во тьмѣ ночной
Вскормилъ слезами и тоской;
Ее предъ небомъ и землей
Я нынѣ громко признаю
И о прощеньи не молю.
Старикъ! я слышалъ много разъ,
Что ты меня отъ смерти спасъ.
Зачѣмъ?.. Угрюмъ и одинокъ,
Грозой оторванный листокъ,
Я выросъ въ сумрачныхъ стѣнахъ,
Душой дитя, судьбой монахъ.
Я никому не могъ сказать
Священныхъ словъ „отецъ" и „мать".

Конечно, ты хотѣлъ, старикъ,
Чтобъ я въ обители отвыкъ
Отъ этихъ сладостныхъ именъ—
Напрасно: звукъ ихъ былъ рожденъ
Со мной. Я видѣлъ у другихъ
Отчизну, домъ, друзей, родныхъ,
А у себя не находилъ
Не только милыхъ душъ—могилъ!
. . . .
Меня могила не страшитъ:
Тамъ, говорятъ, страданье спитъ
Въ холодной вѣчной тишинѣ;
Но съ жизнью жаль разстаться мнѣ.
Я молодъ, молодъ... Зналъ ли ты
Разгульной юности мечты?
Или не зналъ, или забылъ,
Какъ ненавидѣлъ и любилъ,
Какъ сердце билося живѣй
При видѣ солнца и полей
Съ высокой башни угловой,
Гдѣ воздухъ свѣжъ, и гдѣ порой
Въ глубокой скважинѣ стѣны,
Дитя невѣдомой страны,
Прижавшись, голубь молодой
Сидитъ, испуганный грозой?
Пускай теперь прекрасный свѣтъ
Тебѣ постылъ: ты слабъ и сѣдъ,
И отъ желаній ты отвыкъ.
Что за нужда? Ты жилъ, старикъ!
Тебѣ есть въ мірѣ что́ забыть,
Ты жилъ—я также могъ бы жить!
Ты хочешь знать, что видѣлъ я
На волѣ?—Пышныя поля,
Холмы, покрытые вѣнцомъ
Дерёвъ разросшихся кругомъ,
Шумящихъ свѣжею толпой,
Какъ братья въ пляскѣ круговой.
Я видѣлъ груды темныхъ скалъ,
Когда потокъ ихъ раздѣлялъ,
И думы ихъ я угадалъ:
Мнѣ было свыше то дано!
Простерты въ воздухѣ давно
Объятья каменныя ихъ
И жаждутъ встрѣчи каждый мигъ;
Но дни бѣгутъ, бѣгутъ года—
Имъ не сойтиться никогда!
Я видѣлъ горные хребты,
Причудливые какъ мечты,
Когда въ часъ утренней зари
Курилися, какъ алтари,
Ихъ выси въ небѣ голубомъ,
И облачко за облачкомъ,
Покинувъ тайный свой ночлегъ,
Къ востоку направляло бѣгъ,
Какъ будто бѣлый караванъ
Залетныхъ птицъ изъ дальнихъ странъ!
Вдали я видѣлъ, сквозь туманъ,
Въ снѣгахъ, горящихъ какъ алмазъ,
Сѣдой, незыблемый Кавказъ,—
И было сердцу моему
Легко, не знаю почему.
Мнѣ тайный голосъ говорилъ,
Что нѣкогда и я тамъ жилъ,
И стало въ памяти моей
Прошедшее яснѣй, яснѣй...
И вспомнилъ я отцовскій домъ,
Ущелье наше и кругомъ
Въ тѣни разсыпанный аулъ;
Мнѣ слышался вечерній гулъ
Домой бѣгущихъ табуновъ
И дальній лай знакомыхъ псовъ.
Я помнилъ смуглыхъ стариковъ,
При свѣтѣ лунныхъ вечеровъ
Противъ отцовскаго крыльца
Сидѣвшихъ съ важностью лица;
И блескъ оправленныхъ ножонъ
Кинжаловъ длинныхъ... И, какъ сонъ,
Все это смутной чередой
Вдругъ пробѣгало предо мной.
А мой отецъ? Онъ, какъ живой,
Въ своей одеждѣ боевой
Являлся мнѣ, и помнилъ я
Кольчуги звонъ, и блескъ ружья,
И гордый, непреклонный взоръ,
И молодыхъ моихъ сестеръ—
Лучи ихъ сладостныхъ очей,
И звукъ ихъ пѣсенъ и рѣчей
Надъ колыбелію моей...
Въ ущельи томъ бѣжалъ потокъ.
Онъ шуменъ былъ, но неглубокъ;
Къ нему, на золотой песокъ,
Играть я въ полдень уходилъ
И взоромъ ласточекъ слѣдилъ,
Когда онѣ передъ дождемъ
Волны касалися крыломъ.
И вспомнилъ я нашъ мирный домъ
И предъ вечернимъ очагомъ
Разсказы долгіе о томъ,
Какъ жили люди прежнихъ дней,
Когда былъ міръ еще пышнѣй.
Ты хочешь знать, что дѣлалъ я
На волѣ? Жилъ—и жизнь моя
Безъ этихъ трехъ блаженныхъ дней
Была-бъ печальнѣй и мрачнѣй
Безсильной старости твоей.
Давнымъ-давно задумалъ я
Взглянуть на дальнія поля,
Узнать, прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этотъ свѣтъ родимся мы.

И въ часъ ночной, ужасный часъ,
Когда гроза пугала васъ,
Когда, столпясь при алтарѣ,
Вы ницъ лежали на землѣ,
Я убѣжалъ. О! я, какъ братъ,
Обняться съ бурей былъ бы радъ,
Глазами тучи я слѣдилъ,
Рукою молнію ловилъ...
Скажи мнѣ, чтó средь этихъ стѣнъ
Могли бы дать вы мнѣ въ замѣнъ
Той дружбы краткой, но живой,
Межъ бурнымъ сердцемъ и грозой?..
Бѣжалъ я долго—гдѣ? куда?
Не знаю! Ни одна звѣзда
Не озаряла трудный путь.
Мнѣ было весело вдохнуть
Въ мою измученную грудь
Ночную свѣжесть тѣхъ лѣсовъ –
И только. Много я часовъ
Бѣжалъ, и наконецъ, уставъ,
Прилегъ между высокихъ травъ;
Прислушался: погони нѣтъ.
Гроза утихла. Блѣдный свѣтъ
Тянулся длинной полосой
Межъ темнымъ небомъ и землей,
И различалъ я, какъ узоръ,
На ней зубцы далекихъ горъ.

. . . .

И вотъ, въ туманной вышинѣ
Запѣли птички, и востокъ
Озолотился: вѣтерокъ
Сырые шевельнулъ листы;
Дохнули сонные цвѣты,
И, какъ они, навстрѣчу дню
Я поднялъ голову мою...
Кругомъ меня цвѣлъ Божій садъ;
Растеній радужный нарядъ
Хранилъ слѣды небесныхъ слезъ.
И кудри виноградныхъ лозъ
Вились, красуясь межъ деревъ
Прозрачной зеленью листовъ;
И грозды полные на нихъ,
Серегъ подобье дорогихъ,
Висѣли пышно, и порой
Къ нимъ птицъ леталъ пугливый рой.
Въ то утро былъ небесный сводъ
Такъ чистъ, что ангела полетъ
Прилежный взоръ слѣдить бы могъ:
Онъ такъ прозрачно былъ глубокъ,
Такъ полонъ ровной синевой!
Я въ немъ глазами и душой
Тонулъ, пока полдневный зной
Мои мечты не разогналъ,
И жаждой я томиться сталъ.
Тогда къ потоку съ высоты,
Держась за гибкіе кусты,
Съ плиты на плиту я, какъ могъ,
Спускаться началъ. Изъ-подъ ногъ
Сорвавшись, камень иногда
Катился внизъ—за нимъ бразда
Дымилась, прахъ вился столбомъ,
Гудя и прыгая; потомъ
Онъ поглощаемъ былъ волной;
И я висѣлъ надъ глубиной...
Но юность вольная сильна,
И смерть казалась не страшна!
Лишь только я съ крутыхъ высотъ
Спустился, свѣжесть горныхъ водъ
Повѣяла навстрѣчу мнѣ,
И жадно я припалъ къ волнѣ.
Вдругъ голосъ—легкій шумъ шаговъ...
Мгновенно скрывшись межъ кустовъ,
Невольнымъ трепетомъ объятъ,
Я поднялъ боязливый взглядъ
И жадно вслушиваться сталъ.
И ближе, ближе все звучалъ
Грузинки голосъ молодой,
Такъ безъискусственно живой,
Такъ сладко вольный, будто онъ
Лишь звуки дружескихъ именъ
Произносить былъ пріученъ.
Простая пѣсня то была,
Но въ мысль она мнѣ залегла,
И мнѣ, лишь сумракъ настаетъ,
Незримый духъ ее поетъ.
Держа кувшинъ надъ головой,
Грузинка узкою тропой
Сходила къ берегу. Порой
Она скользила межъ камней,
Смѣясь неловкости своей.
И бѣденъ былъ ея нарядъ;
И шла она легко, назадъ
Изгибы длинные чадры
Откинувъ. Лѣтніе жары
Покрыли тѣнью золотой
Лицо и грудь ея, и зной
Дышалъ отъ устъ ея и щекъ.
И мракъ очей былъ такъ глубокъ,
Такъ полонъ тайнами любви,
Что думы пылкія мои
Смутились. Помню только я
Кувшина звонъ—когда струя
Вливалась медленно въ него—
И шорохъ... больше ничего.
Когда же я очнулся вновь,
И отлила отъ сердца кровь,
Она была ужъ далеко;
И шла хоть тише, но легко,
Стройна подъ ношею своей,
Какъ тополь, царь ея полей...

Недалеко, въ прохладной мглѣ,
Казалось, приросли къ скалѣ
Двѣ сакли дружною четой;
Надъ плоской кровлею одной
Дымокъ струился голубой.
Я вижу, будто бы теперь,
Какъ отперлась тихонько дверь
И затворилася опять...
— Тебѣ, я знаю, не понять
Мою тоску, мою печаль;
И еслибъ могъ—мнѣ было-бъ жаль:
Воспоминанья тѣхъ минутъ
Во мнѣ, со мной пускай умрутъ!
. . . .
. . . . Я цѣль одну—
Пройти въ родимую страну—
Имѣлъ въ душѣ, и превозмогъ
Страданье голода, какъ могъ.
И вотъ дорогою прямой
Пустился, робкій и нѣмой;
Но скоро въ глубинѣ лѣсной
Изъ виду горы потерялъ
И тутъ съ пути сбиваться сталъ.
Напрасно, въ бѣшенствѣ, порой
Я рвалъ отчаянной рукой
Терновникъ, спутанный плющемъ:
Все лѣсъ былъ, вѣчный лѣсъ кругомъ,
Страшнѣй и гуще каждый часъ;
И милліономъ черныхъ глазъ
Смотрѣла ночи темнота
Сквозь вѣтви каждаго куста...
Моя кружилась голова.
Я сталъ влѣзать на дерева,—
Но даже на краю небесъ
Все тотъ же былъ зубчатый лѣсъ.
Тогда на землю я упалъ
И въ изступленіи рыдалъ,
И грызъ сырую грудь земли,
И слезы, слезы потекли
Въ нее горючею росой...
Но, вѣрь мнѣ, помощи людской
Я не желалъ... Я былъ чужой
Для нихъ навѣкъ, какъ звѣрь степной;
И еслибъ хоть минутный крикъ
Мнѣ измѣнилъ,—клянусь, старикъ,
Я-бъ вырвалъ слабый мой языкъ!
Ты помнишь, въ дѣтскіе года
Слезы не зналъ я никогда;
Но тутъ я плакалъ безъ стыда.
Кто видѣть могъ? Лишь темный лѣсъ
Да мѣсяцъ, плывшій средь небесъ!
Озарена его лучомъ,
Покрыта мохомъ и пескомъ,
Непроницаемой стѣной
Окружена, передо мной
Была поляна. Вдругъ по ней
Мелькнула тѣнь, и двухъ огней
Промчались искры... И потомъ
Какой-то звѣрь однимъ прыжкомъ
Изъ чащи выскочилъ и легъ,
Играя, навзничь на песокъ.
То былъ пустыни вѣчный гость—
Могучій барсъ. Сырую кость
Онъ грызъ и весело визжалъ;
То взоръ кровавый устремлялъ,
Мотая ласково хвостомъ,
На полный мѣсяцъ—и на немъ
Шерсть отливала серебромъ.
Я ждалъ, схвативъ рогатый сукъ,
Минуту битвы; сердце вдругъ
Зажглося жаждою борьбы
И крови... Да, рука судьбы
Меня вела инымъ путемъ...
Но нынче я увѣренъ въ томъ,
Что быть бы могъ въ краю отцовъ
Не изъ послѣднихъ удальцовъ!
Я ждалъ. И вотъ, въ тѣни ночной
Врага почуялъ онъ, и вой
Протяжный, жалобный, какъ стонъ,
Раздался вдругъ... И началъ онъ
Сердитой лапой рыть песокъ,
Всталъ на дыбы, потомъ прилегъ.
И первый бѣшеный скачокъ
Мнѣ страшной смертію грозилъ...
Но я его предупредилъ.
Ударъ мой вѣренъ былъ и скоръ:
Надежный сукъ мой, какъ топоръ,
Широкій лобъ его разсѣкъ...
Онъ застоналъ, какъ человѣкъ,
И опрокинулся. Но вновь—
Хотя лила изъ раны кровь
Густой, широкою волной—
Бой закипѣлъ, смертельный бой!
Ко мнѣ онъ кинулся на грудь;
Но въ горло я успѣлъ воткнуть
И тамъ два раза повернуть
Мое оружье... Онъ завылъ,
Рванулся изъ послѣднихъ силъ,
И мы, сплетясь какъ пара змѣй,
Обнявшись крѣпче двухъ друзей,
Упали разомъ, и во мглѣ
Бой продолжался на землѣ.
И я былъ страшенъ въ этотъ мигъ;
Какъ барсъ пустынный, золъ и дикъ,
Я пламенѣлъ, визжалъ, какъ онъ:
Какъ будто самъ я былъ рожденъ
Въ семействѣ барсовъ и волковъ
Подъ свѣжимъ пологомъ лѣсовъ.
Казалось, что слова людей
Забылъ я—и въ груди моей

Родился тотъ ужасный крикъ,
Какъ будто съ дѣтства мой языкъ
Къ иному звуку не привыкъ...
Но врагъ мой сталъ изнемогать,
Метаться, медленнѣй дышать,
Сдавилъ меня въ послѣдній разъ...
Зрачки его недвижныхъ глазъ
Блеснули грозно—и потомъ
Закрылись тихо вѣчнымъ сномъ;
Но съ торжествующимъ врагомъ
Онъ встрѣтилъ смерть лицомъ къ лицу,
Какъ въ битвѣ слѣдуетъ бойцу!..

. . . .

Я вышелъ изъ лѣсу. И вотъ
Проснулся день, и хороводъ
Свѣтилъ напутственныхъ исчезъ
Въ его лучахъ. Туманный лѣсъ
Заговорилъ. Вдали аулъ
Куриться началъ. Смутный гулъ
Въ долинѣ съ вѣтромъ пробѣжалъ...
Я сѣлъ и вслушиваться сталъ;
Но смолкъ онъ вмѣстѣ съ вѣтеркомъ.
И кинулъ взоры я кругомъ:
Тотъ край, казалось, мнѣ знакомъ..

. . . .

Еще въ сомнѣнье погруженъ,
Я думалъ: это страшный сонъ..
Вдругъ дальній колокола звонъ
Раздался снова въ тишинѣ—
И тутъ все ясно стало мнѣ...
О, я узналъ его тотчасъ!
Онъ съ дѣтскихъ глазъ уже не разъ
Сгонялъ видѣнья сновъ живыхъ
Про милыхъ ближнихъ и родныхъ,
Про волю дикую степей,
Про легкихъ, бѣшеныхъ коней,
Про битвы чудныя межъ скалъ.
Гдѣ всѣхъ одинъ я побѣждалъ!.
И слушалъ я безъ слезъ, безъ силъ.
Казалось, звонъ тотъ выходилъ
Изъ сердца—будто кто-нибудь
Желѣзомъ ударялъ мнѣ въ грудь.
И смутно понялъ я тогда,
Что мнѣ на родину слѣда
Не проложить ужъ никогда!
Да, заслужилъ я жребій мой!
Могучій конь, въ степи чужой
Плохого сбросивъ сѣдока,
На родину издалека
Найдетъ прямой и краткій путь...
Чтó я предъ нимъ?..

. . . .

Хотѣлъ я встать—передо мной
Все закружилось съ быстротой;
Хотѣлъ кричать—языкъ сухой
Беззвученъ и недвижимъ былъ...
Я умиралъ. Меня томилъ
Предсмертный бредъ. Казалось мнѣ,
Что я лежу на влажномъ днѣ
Глубокой рѣчки—и была
Кругомъ таинственная мгла.
И, жажду вѣчную поя,
Какъ ледъ холодная струя,
Журча, вливалася мнѣ въ грудь...
И я боялся лишь заснуть—
Такъ было сладко, любо мнѣ...
А надо мною въ вышинѣ
Волна тѣснилася къ волнѣ,
И солнце сквозь хрусталь волны
Сіяло сладостнѣй луны...
И рыбокъ пестрыя стада
Въ лучахъ играли иногда.
И помню я одну изъ нихъ:
Она привѣтливѣй другихъ
Ко мнѣ ласкалась. Чешуей
Была покрыта золотой
Ея спина. Она вилась
Надъ головой моей не разъ,
И взоръ ея зеленыхъ глазъ
Былъ грустно-нѣженъ и глубокъ...
И надивиться я не могъ:
Ея сребристый голосокъ
Мнѣ рѣчи странныя шепталъ,
И пѣлъ, и снова замолкалъ.
Онъ говорилъ:
„Дитя мое,
Останься здѣсь со мной!
Въ водѣ привольное житье—
И холодъ, и покой.
„Я созову моихъ сестеръ:
Мы пляской круговой
Развеселимъ туманный взоръ
И духъ усталый твой.
„Усни! постель твоя мягка,
Прозраченъ твой покровъ.
Пройдутъ года, пройдутъ вѣка
Подъ говоръ чудныхъ сновъ.
„О, милый мой! не утаю,
Что я тебя люблю,
Люблю, какъ вольную струю,
Люблю, какъ жизнь мою..."
И долго, долго слушалъ я;
И мнилось, звучная струя
Сливала тихій ропотъ свой
Съ словами рыбки золотой.
Тутъ я забылся. Божій свѣтъ
Въ глазахъ угасъ. Безумный бредъ
Безсилью тѣла уступилъ...
Такъ я найдёнъ и поднятъ былъ.

. . . .

Прощай, отецъ... Дай руку мнѣ:
Ты чувствуешь, моя въ огнѣ...
. . . .
Когда я стану умирать,—
И вѣрь, тебѣ недолго ждать—
Ты перенесть меня вели
Въ нашъ садъ, въ то мѣсто, гдѣ цвѣли
Акацій бѣлыхъ два куста...
Трава межъ ними такъ густа,
И свѣжій воздухъ такъ душистъ,
И такъ прозрачно-золотистъ
Играющій на солнцѣ листъ!
Тамъ положить вели меня.
Сіяньемъ голубого дня
Упьюся я въ послѣдній разъ.
Оттуда виденъ и Кавказъ!
Быть можетъ, онъ съ своихъ высотъ
Привѣтъ прощальный мнѣ пришлетъ,
Пришлетъ съ прохладнымъ вѣтеркомъ...
И близъ меня передъ концомъ
Родной опять раздастся звукъ!
И стану думать я, что другъ
Иль братъ, склонившись надо мной,
Отеръ внимательной рукой
Съ лица кончины хладный потъ,
И что вполголоса поетъ
Онъ мнѣ про милую страну...
И съ этой мыслью я засну
И никого не прокляну!..

ИЗЪ ЗАТЕРЯННЫХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ *).

I.

Какъ твои глазки смѣются, дитя!
Сколько во мнѣ они думъ разбудили!
Такъ улыбался когда-то и я—
Люди мой пылъ охладили...
Цѣпью сковали порывы мои,
Гордыя крылья мечты сокрушили..
Небо меня поучало любви,
Люди же—злобѣ меня научили!

II.

ъ я отчизнѣ дорогой,
Я сынъ отцовъ моихъ! Но васъ, холоповъ темныхъ,
Чуждаюсь,—это такъ... Я—съ гордою душой
И не ползу на костыляхъ заемныхъ.

Я могъ еще краснѣть за ваши преступленья,
Не слышать музыки въ бряцаніи оковъ,
Не видѣть красоты въ сверканіи штыковъ—
Меня предателемъ вы звали безъ смущенья!

Какъ вы, не пячусь я, но все иду впередъ,
Покрой отсталый вашъ, закалъ вашъ презираю.
Рѣшили вы, что я не понимаю
Страны родной, что я—не патріотъ!

III.

Проходите! Намъ не по пути!
Ужъ таковъ порядокъ въ этой жизни:
У того, кто плачетъ объ отчизнѣ,
Крестъ въ груди, у васъ же—на груди...

IV.

Не хотѣли меня вы понять... У меня
Все вы отняли, въ утро весенняго дня...
Не убита лишь гордость моя и отвага!
Поколѣнья идутъ, какъ волна за волной,
За приливомъ отливъ, за отливомъ прибой,—
И безсмертная смѣна ихъ—благо.
Вы пройдете... Другіе придутъ вмѣсто васъ,
Съ кровью свѣжей и чистой, въ которой не разъ
Благородная вспыхнетъ отвага.
И они-то,—коль пѣсни мои не умрутъ,—
Хоть они мои думы и муки поймутъ,
И работа ихъ будетъ на благо!

V.

„Одно лишь слово покаянья—
И снова жизнь твоя въ цвѣтахъ!"

Но лучше я умру въ цѣпяхъ,
Въ тюрьмѣ, или въ странѣ изгнанья
Найду могилу безъ креста,
Чѣмъ ложью оскверню уста,
Чтобы спастись отъ поруганья!

VI.

О, не кляните вы судьбу мою
И объ моемъ не плачьте заточеньи:
Вамъ ваши радости дарю,
Вамъ возвращаю сожалѣнья!

VII.

Дождь хлещетъ, рокочутъ
Удары сердитые грома,

---

*) Вѣроятно, многія стихотворенія Лермонтова, по цензурнымъ условіямъ въ свое время не напечатанныя, безслѣдно погибли для потомства; кое-что сохранилось въ нѣмецкихъ переводахъ жившаго въ началѣ 40-хъ годовъ въ Россіи Фридриха Бодэнштэдта, большого поклонника великаго русскаго поэта. Обратный переводъ этихъ пьесъ на русскій языкъ сдѣланъ составителемъ настоящей хрестоматіи. Если не въ художественномъ, то въ идейномъ отношеніи отрывки эти представляютъ, думается, большой интересъ.

И люди пугливо укрылись
Подъ теплою кровлею дома.
Туда все живое стремится
Съ дороги, съ открытаго поля;
А я... Мнѣ не теплая кровля—
Нужна мнѣ раздольная воля!
На волю! На дикую волю!

И лучше погибнуть хочу я
Въ объятіяхъ огненныхъ бури,
Въ безумьи ея поцѣлуя,—
О, лучше на ужасы грома
Смѣнилъ бы я узника долю:
Туда бы, за душныя стѣны,
На волю, на волю, на волю!..

XXVIII.

Эдуардъ Ивановичъ Губеръ.

1814 — 1847.

Меланхолическій поэтъ начала 40-хъ годовъ. Ему принадлежитъ первый русскій переводъ „Фауста“, сдѣланный по одобренію и даже указаніямъ Пушкина. Оригинальныя стихотворенія въ настоящее время забыты, кромѣ положенной на музыку и всѣмъ извѣстной пѣсни о Новгородѣ (изъ поэмы „Антоній“). Замѣтимъ при этомъ, что въ пѣніи и въ печати текстъ стихотворенія не вполнѣ тождественъ: такъ въ „сочиненіяхъ Э. И. Губера“ (изд. 1860 г.) послѣдній куплетъ читается:

Русскій пѣсню внемлетъ,
Онъ ее пойметъ, —
И опять задремлетъ,
И опять заснетъ.

НОВГОРОДЪ.

Время пролетѣло,
Слава прожита;
Вѣче онѣмѣло,
Сила отнята.
Городъ воли дикой,
Городъ буйныхъ силъ,
Новгородъ великій
Тихо опочилъ.
Вольницу избили,
Золото свезли,
Вѣче распустили,
Колоколъ снесли.
Порѣшили дѣло—
Все кругомъ молчитъ;
Только Волховъ смѣло
О быломъ шумитъ.
Бѣлой плачетъ кровью
О былыхъ бояхъ
И поетъ съ любовью
О свободныхъ дняхъ.
Путникъ тихо внемлетъ
Пѣснѣ ярыхъ волнъ;
И опять задремлетъ,
Тайной думы полнъ.

НА ПОКОЙ.

Тяжело, не стало силы,
Ноетъ грудь моя...
Злое горе до могилы
Дотащу ли я?
На покой пора печали,
Время спать костямъ;
Душу страсти истерзали—
Время спать страстямъ!
А далёко ли? У гроба
Отдохнулъ бы я;
Отдохнули бы мы оба—
Я да грусть моя...

XXIX.

К. И. Кореневъ.

Въ журналахъ и альманахахъ начала 40-хъ довъ появилось не болѣе пяти стихотворе- за подписью Коренева, а затѣмъ имя это чезло изъ печати безслѣдно. Приводимое ниже стихотвореніе—довольно милая вещица, вполнѣ заслуживающая быть сохраненной на страницахъ хрестоматій; остальныя—посредственны.

* * *

ы-ль это, Машенька? Тебя ли вижу я?
ы-ль это, милое, воздушное творенье,
оторымъ такъ полна была душа моя?
, боги! что за превращенье!
дѣ-жъ эта свѣтлая эмаль твоихъ очей?
дѣ стройный, гибкій станъ Психеи?
дѣ музыкальная плѣнительность рѣчей?
дѣ всѣ поэзіи затѣи?
дѣ эта милая былая простота,
ю такъ плѣняла насъ заманчивой уловкой,
Гдѣ живость рѣзвая, любезность, острота?
Гдѣ Маша прежняя съ кудрявою головкой?
Ахъ, Марья Павловна! Какой волшебникъ злой
Провелъ вамъ на челѣ угрюмыя морщины?
Какъ скоро стали вы помѣщицей простой,
Уѣздной барыней изъ маленькой ундины!
Ахъ! Марья Павловна! Не вѣрится все мнѣ...
Представить не могу... Да полно, это вы ли?...
Бывало, вы цвѣты любили на окнѣ —
А нынѣ тамъ стоятъ съ наливками бутыли...

1842.

XXX.

Николай Порфирьевичъ Грековъ.

1810 — 1866.

Главная заслуга Грекова—недурные стихотворные переводы двухъ драмъ Кальдерона, „Ромео и Джульетты" Шекспира, первой части „Фауста" Гете, а также нѣкоторыхъ стихотвореній Гейне. Какъ оригинальный поэтъ, усердно печатавшійся въ журналахъ 40 - 50-хъ годовъ, онъ лишенъ силы и яркости; только „Примѣты осени" настолько хороши, что до сихъ поръ входятъ во всѣ хрестоматіи.

ПРИМѢТЫ ОСЕНИ.

Мелькаетъ желтый листъ на зелени деревъ;
Работу кончилъ серпъ на нивахъ золотистыхъ,
И покраснѣлъ уже вдали коверъ луговъ,
И зрѣлые плоды висятъ въ садахъ тѣнистыхъ.
Примѣты осени во всемъ встрѣчаетъ взоръ:
Тамъ тянется, блестя на солнцѣ, паутина,
Тамъ скирдъ виднѣется, а тамъ черезъ заборъ
Кистями красными повиснула рябина;
Тамъ жнива колкая щетинится, а тамъ
Ужъ озимь яркая блеснула изумрудомъ,
И курится овинъ, и долго по утрамъ,
Какъ бѣлый холстъ, лежитъ туманъ надъ синимъ [прудомъ.
И цѣлый день скрипятъ воза, и далеко
Токъ отзывается подъ дружными цѣпами,
И стая журавлей несется высоко,
Перекликаяся порой подъ небесами.
Прости, пора цвѣтовъ и теплыхъ, ясныхъ дней,
Пора блестящихъ зорь, черемухъ благовонныхъ,
Пора играющихъ зарницъ во тьмѣ ночей,
И пѣсенъ, и любви и грезъ неугомонныхъ!
Но осень я люблю: она мила мнѣ... Пусть
Всѣ чары вешнія она уничтожаетъ;
Но въ ней какая-то есть вкрадчивая грусть,
Которую душа и любитъ, и ласкаетъ,
Которой нравятся и клочья сѣрыхъ тучъ,
И листья, въ воздухѣ кружащіеся шибко,
И этотъ трепетный и блѣдный солнца лучъ,
Какъ умирающей красавицы улыбка.

XXXI.

Гр. Евдокія Петровна Ростопчина.

1811 — 1858.

Благодаря личному обаянію и положенію свѣтѣ, гр. Ростопчина пользовалась въ хъ годахъ громкой литературной извѣстью, и стихи ея осыпались похвалами. же выяснилась для всѣхъ пустота ихъ соданія („служеніе Богу салоновъ", какъ зился Бѣлинскій). Изъ всего написаннаго Ростопчиной до сихъ поръ сохраняетъ интересъ и значеніе только „Насильный бракъ"—политическая ситира, изображающая отношенія Россіи и Польши. Характерно, что напечатана она была первоначально въ „Сѣверной Пчелѣ": притворился ли Булгаринъ не понимающимъ, или, дѣйствительно, не понялъ—кто „баронъ" и кто его „жена"?...

НАСИЛЬНЫЙ БРАКЪ.

Старый баронъ. Сбирайтесь слуги [и вассалы
На кроткій господина зовъ!
Судите, не боясь опалы:
Я правду выслушать готовъ.
Судите споръ, вамъ всѣмъ знакомый:
Хотя могучъ и славенъ я,
Хотя всесильнымъ чтутъ меня—
Не властенъ у себя я дома...
Все непокорна мнѣ она,
Моя мятежная жена!
Ее я призрѣлъ сиротою
И разоренной взялъ ее,
И далъ съ державною рукою
Ея покровительство мое;
Одѣлъ её парчей и златомъ,
Несмѣтной стражей окружилъ,
И, врагъ ее чтобъ не сманилъ,
Я самъ надъ ней стою съ булатомъ;
Но недовольна и грустна
Неблагодарная жена.
Я знаю—жалобой, навѣтомъ
Она вездѣ меня клеймитъ;
Я знаю—передъ цѣлымъ свѣтомъ
Она клянетъ мой кровъ и щитъ
И косо смотритъ изъ-подлобья
И, повторяя клятвы ложь,
Готовитъ козни, точитъ ножъ,
Вздуваетъ огнь междоусобья;
Съ монахомъ шепчется она,
Моя коварная жена.
И торжествуя, и довольны,
Враги мои на насъ глядятъ,
И дразнятъ гнѣвъ ея крамольный
И суетной гордынѣ льстятъ.
Совѣтъ мнѣ дайте благотворный,
Судите, кто межъ нами правъ?
Языкъ мой строгъ, но не лукавъ!
Теперь внемлите непокорной:
Пусть защищается она,
Моя преступная жена!

Жена. Раба ли я, или подруга—
То знаетъ Богъ! Я-ль избрала́
Себѣ жестокаго супруга?
Сама ли клятву я дала?
Жила я вольно и счастливо,
Свою любила волю я:
Но побѣдилъ, плѣнилъ меня
Сосѣдей злыхъ набѣгъ хищливый.
Не предана́—я продана́,
Я узница, а не жена!
Напрасно иго роковое
Властитель мнитъ озолотить;
Напрасно мщенье, мнѣ святое,
Въ любовь онъ хочетъ превратить.
Не нужны мнѣ его щедроты,
Его я стражи не хочу:
Сама строптивыхъ научу
Платить мнѣ мирно долгъ почета.
Лишь имъ однимъ оскорблена,
Я врагъ ему, а не жена.
Онъ говорить мнѣ запрещаетъ
На языкѣ моемъ родномъ,
Знаменоваться мнѣ мѣшаетъ
Моимъ наслѣдственнымъ гербомъ;
Не смѣю передъ нимъ гордиться
Стариннымъ именемъ моимъ
И предковъ храмамъ вѣковымъ,
Какъ предки славные, молиться:
Иной уставъ принуждена
Принять несчастная жена.
Послалъ онъ въ ссылку, въ заточенье
Всѣхъ вѣрныхъ, лучшихъ слугъ моихъ,
Меня же предалъ притѣсненью
Рабовъ-лазутчиковъ своихъ.
Позоръ, гоненье и неволю
Мнѣ въ брачный даръ приноситъ онъ—
И мнѣ ли ропотъ запрещенъ?
Еще-ль, терпя такую долю,
Таить отъ всѣхъ ее должна
Насильно взятая жена?..

1846.

XXXII.

Аполлонъ Александровичъ Григорьевъ.

1822 — 1864.

Извѣстный критикъ-„почвенникъ“ шести-ятыхъ годовъ. Книжка его стихотвореній шла въ 1846 г. Съ тѣхъ поръ Григорьевъ чти не писалъ болѣе оригинальныхъ сти-въ, повидимому, обезкураженный неблаго-ятными отзывами критики (и въ томъ чи-ь—Бѣлинскаго) объ его поэтическомъ та-итѣ: именно послѣдняго-то Бѣлинскій и не изналъ въ его стихахъ, отмѣтивъ преобладающую въ нихъ разсудочность. Черта эта, дѣйствительно, бросается въ глаза даже и въ лучшемъ стихотвореніи Григорьева „Городъ“, въ свое время обратившемъ на себя общее вниманіе: то, въ чемъ поэтъ обличаетъ Петербургъ,—является, въ сущности, свойствомъ всѣхъ большихъ городовъ. Не смотря на яркость брошенныхъ красокъ, въ стихотвореніи чувствуется нѣкотораго рода книжность...

ГОРОДЪ.

я люблю его, громадный, гордый градъ,
Но не за то, за что другіе:
зданія его, не пышный блескъ палатъ
И не граниты вѣковые
въ немъ люблю—о, нѣтъ! Скорбящею душой
Я прозрѣваю въ немъ иное:
страданіе подъ ледяной корой,
Его страданіе больное.
ѣть почву шаткую онъ заковалъ въ гранитъ
И защитилъ ее отъ моря,
пусть сурово онъ въ самомъ себѣ таитъ
Волненья радости и горя,
пусть его рѣка къ стопамъ его несетъ
И роскоши, и нѣги дани—
нихъ отпечатлѣнъ тяжелый слѣдъ заботъ,
Людского пота и страданій.
И пусть горятъ свѣтло огни его палатъ,
Пусть слышны въ нихъ веселья звуки—
Обманъ, одинъ обманъ! Они не заглушатъ
Безумно-страшныхъ стоновъ муки!
Страданіе одно привыкъ я подмѣчать—
Въ окнѣ-ль съ богатою гардиной,
Иль въ темномъ уголку,—вездѣ его печать!
Страданье—уровень единый!
И въ тѣ часы, когда на городъ гордый мой
Ложится ночь безъ тьмы и тѣни,
Когда прозрачно все,—мелькаетъ предо мной
Рой отвратительныхъ видѣній.
Пусть ночь ясна, какъ день, пусть тихо все во-[кругъ,
Пусть все прозрачно и спокойно—
Въ покоѣ томъ затихъ на время злой недугъ,
И то—прозрачность язвы гнойной!

XXXIII.

Николай Платоновичъ Огаревъ.

1813 — 1877.

Среди русскихъ лириковъ, быть можетъ, немногіе такъ бѣдны протестующими нотами, какъ извѣстный политическій эмигрантъ Огаревъ, имя котораго, наравнѣ съ его другомъ Герценомъ, цѣлые десятки лѣтъ было у насъ своего рода жупеломъ. „Къ чему упрекъ?—писалъ поэтъ еще въ юности:—смиренье въ душу вложимъ и въ ней затворимся—безъ желчи, если можемъ!“ Такова и вся поэзія Огарева, за самыми малыми исключеніями,—поэзія кроткаго раздумья, тихой меланхоліи, грустныхъ воспоминаній о невозвратномъ свѣтломъ прошломъ. По природѣ это былъ мирный идилликъ, нѣжная музыкальная душа, расколотая на части печальными обстоятельствами жизни и идейной рефлексіей.

Но, не смотря на это, сорокъ слишкомъ лѣтъ (съ 1863 года) стихи Огарева находились у насъ подъ запретомъ! Любопытно, что еще въ апрѣлѣ 1904 года цензурный комитетъ грозился исключить *всего* Огарева изъ перваго изданія „Русской Музы“, — и его намъ пришлось защищать! Такъ свѣжа еще была у аргусовъ русскаго слова память о „Колоколѣ“...

Въ стихахъ своихъ Огаревъ до удивительнаго мало использовалъ позицію политическаго изгнанника, и секретъ обаянія лучшихъ его произведеній надо искать не въ гражданскихъ чувствахъ. Мотивы этой поэзіи—по исключительно мотивы личныхъ настрое мотивы психологическіе и философскіе, вотъ почему тó, что казалось сильнымъ времена Чернышевскаго (давшаго, какъ вѣстно, высокую оцѣнку огаревской поэз сохраняетъ свою силу и въ наше время.

„Чего хочу? Всего, со всею полнотою!
Я жажду знать, я подвиговъ хочу,
Еще хочу любить съ безумною тоскою,
Весь трепетъ жизни чувствовать хочу!

. . . .

Духъ вѣчности обнять за разъ не въ нашей дол
А чашу жизни пьемъ мы по глоткамъ“.

Поэтъ имѣетъ въ виду въ этихъ зна нитыхъ стихахъ не тотъ или иной строй щественной жизни, не то или другое по лѣніе (какъ, напр., Лермонтовъ въ „Дум и еще менѣе—несчастно сложившуюся до отдѣльной личности: тутъ — неизбывный конъ человѣческой природы, противъ ко раго не пойдешь, хотя, облеченное въ кра вый поэтическій образъ, страданіе этого р всегда можетъ найти отзвукъ въ душѣ на Фауста—человѣка...

Стихи Огарева сильны искренностью ч ства и безыскусственной простотою его раженія, но, къ сожалѣнію, художествен средства поэта слѣдуетъ признать огранич ными: палитра его не богата красками;

...ія, къ тому же, блѣдны и однотонны; ...й стихъ рѣдко окрыляется страстью и ...юй. Внѣшняя отдѣлка бываетъ часто поразительно небрежна, и потому число вполнѣ удавшихся стихотвореній у Огарева сравнительно не велико...

ЗВУКИ.

...къ дорожу я прекраснымъ мгновеньемъ!
...зыкой вдругъ наполняется слухъ,
...уки несутся съ какимъ-то стремленьемъ,
...уки откуда-то льются вокругъ.
...рдце за ними стремится тревожно,
...четъ за ними куда-то летѣть—
... эти минуты растаять бы можно,
... эти минуты легко умереть!

СТАРЫЙ ДОМЪ.

...рый домъ, старый другъ! Посѣтилъ я,
...конецъ, въ запустѣньи тебя,—
...былое опять воскресилъ я,
...печально смотрѣлъ на тебя.
...оръ лежалъ предо мной неметёный
... колодезь валился гнилой,
... въ саду не шумѣлъ листъ зеленый—
...итый тлѣлъ онъ на почвѣ сырой.
...мъ стоялъ обветшалый уныло,
...укатурка обилась кругомъ,
...ча сѣрая сверху ходила
... же плакала, глядя на домъ.
...вошелъ. Тѣ же комнаты были—
...ѣсь ворчалъ недовольный старикъ;
... бесѣды его не любили—
...съ страшилъ его черствый языкъ.
...тъ и комнатка: съ другомъ, бывало,
...ѣсь мы жили умомъ и душой;
...ого думъ золотыхъ возникало
... этой комнаткѣ прежней порой.
... нее звѣздочка тихо свѣтила,
... ней остались слова на стѣнахъ:
...ъ въ то время рука начертила,
...гда юность кипѣла въ душáхъ.
... этой комнаткѣ счастье былое,
...ужба свѣтлая выросла тамъ...
...теперь запустѣнье глухое,
...утины висятъ по угламъ.
... мнѣ страшно вдругъ стало... Дрожалъ я,
... кладбищѣ я будто стоялъ,
...родныхъ мертвецовъ вызывалъ я,
... изъ мертвыхъ никто не возсталъ!

1839.

ДЕРЕВЕНСКІЙ СТОРОЖЪ.

Ночь темна, на небѣ тучи,
Бѣлый снѣгъ кругомъ,
И разлитъ морозъ трескучій
Въ воздухѣ ночномъ.
Вдоль по улицѣ широкой
Избы мужиковъ;
Ходитъ сторожъ одинокій,
Слышенъ скрипъ шаговъ.
Зябнетъ сторожъ, вьюга смѣло
Злится вкругъ него,
На морозѣ побѣлѣла
Борода его.
Скучно! Радость измѣнила,
Скучно одному;
Пѣснь его звучитъ уныло
Сквозь мятель и тьму.
Ходитъ онъ въ ночи безлунной,
Бѣла утра ждетъ
И въ края доски чугунной
Съ тайной грустью бьетъ.
И, качаясь, завываетъ
Звонкая доска...
Пуще сердце замираетъ,
Тяжелѣй тоска!

ОБЫКНОВЕННАЯ ПОВѢСТЬ.

Была чудесная весна!
Они на берегу сидѣли—
Рѣка была тиха, ясна,
Вставало солнце, птички пѣли;
Тянулся за рѣкою долъ,
Спокойно, пышно зеленѣя;
Вблизи шиповникъ алый цвѣлъ,
Стояла темныхъ липъ аллея.
Была чудесная весна!
Они на берегу сидѣли—
Во цвѣтѣ лѣтъ была она,
Его усы едва чернѣли.
О, еслибъ кто увидѣлъ ихъ
Тогда, при утренней ихъ встрѣчѣ,
И лица-бъ высмотрѣлъ у нихъ,
Или подслушалъ бы ихъ рѣчи—
Какъ былъ бы милъ ему языкъ,
Языкъ любви первоначальной!

Онъ, вѣрно-бъ, самъ на этотъ мигъ
Расцвѣлъ на днѣ души печальной!..
Я въ свѣтѣ встрѣтилъ ихъ потомъ:
Она была женой другого,
Онъ былъ женатъ, и о быломъ
Въ поминѣ не было ни слова;
На лицахъ виденъ былъ покой,
Ихъ жизнь текла свѣтло и ровно,
Они, встрѣчаясь межъ собой,
Могли смѣяться хладнокровно...
А тамъ, по берегу рѣки,
Гдѣ цвѣлъ тогда шиповникъ алый,
Одни простые рыбаки
Ходили въ лодкѣ обветшалой
И пѣли пѣсни... И темно
Осталось, для людей закрыто,
Что было тамъ говорено
И сколько было позабыто!

———

ИЗБА.

Небо, въ часъ дозора
Обходя, луна
Свѣтитъ сквозь узоры
Мерзлаго окна.
Вечеръ зимній длится...
Дѣдушка въ избѣ
На печи ложится
И ужъ спитъ себѣ.
Помоляся Богу,
Улеглася мать;
Дѣти понемногу
Стали засыпать.
Только, за работой,
Молодая дочь
Борется съ дремотой
Во всю долгу ночь.
И лучина блѣдно
Передъ ней горитъ;
Все въ избушкѣ бѣдной
Тишиной томитъ.
Лишь звучитъ докучно
Болтовня одна
Прялки однозвучной
Да веретена.

———

ДОРОГА.

Тускло мѣсяцъ дальній
Свѣтитъ сквозь туманы,
И лежатъ печально
Снѣжныя поляны.
Бѣлыя съ морозу,
Вдоль пути, рядами,
Тянутся березы
Съ голыми сучками.
Тройка мчится лихо,
Колокольчикъ звонокъ,
Напѣваетъ тихо
Мой ямщикъ спросонокъ.
Я въ кибиткѣ валкой
Ѣду да тоскую:
Скучно мнѣ да жалко
Сторону родную!

1842.

———

ВОСПОМИНАНІЕ ДѢТСТВА.

Мнѣ дѣтство предстаетъ, какъ въ утреннемъ т[уманѣ]
Долина мирная. Подъ дымчатый покровъ,
Сливаясь, прячутся среди прохлады ранней
Лѣса зеленые и линіи холмовъ;
А утро юное бросаетъ въ ликованьи
Сквозь клубы сизые румяное сіянье.
Всѣ образы свѣтлы и всѣ неуловимы.
Знакомаго куста тревожно ищетъ взоръ,
Подслушать хочется, какъ шепчетъ листъ незримы[й],
Студеный ключъ ведетъ знакомый разговоръ;
Но смутно все... Душа безгрѣшный сонъ лелѣетъ,
Отвсюду свѣжесть ей благоуханно вѣетъ...

———

* * *

Еще любви безумно сердце проситъ,
Любви взаимной, вѣчной и святой,
Которую ни время не уноситъ,
Ни губитъ свѣтъ мертвящей суетой;
Безумно сердце проситъ женской ласки,
И чудная мечта нашептываетъ сказки.
Но тщетно все!.. Отвѣта нѣтъ желанью;
Въ испугѣ, мысль опять назадъ бѣжитъ
И бродитъ трепетно въ воспоминаньи...
Но прошлаго ничто не воскреситъ!
Замолкшій звукъ опять звучать не можетъ,
И память только онъ гнететъ, или тревожитъ.
И страхъ беретъ, что чувство схоронилось;
По немъ въ душѣ печально, холодно,
Какъ въ домѣ, гдѣ утрата совершилась:
Хозяинъ умеръ—пусто и темно.
Лепечетъ попъ надгробныя страницы,
И бродятъ въ комнатахъ все пасмурныя лица...

———

ИЗЪ „МОНОЛОГОВЪ".

Чего хочу? Чего?.. О! такъ желаній много,
Такъ къ выходу ихъ силѣ нуженъ путь,

кажется порой—ихъ внутренней тревогой
Сожжется мозгъ и разорвется грудь.
его хочу? Всего со всею полнотою!
Я жажду знать, я подвиговъ хочу,
ще хочу любить съ безумною тоскою,
Весь трепетъ жизни чувствовать хочу!
втайнѣ чувствую, что всѣ желанья тщетны,
И жизнь скупа, и внутренно я хилъ;
юи стремленія замолкнутъ, безотвѣтны,
Въ попыткахъ я запасъ растрачу силъ.
самъ себѣ кажусь, подавленный страданьемъ,
Какимъ-то жалкимъ, маленькимъ глупцомъ,
реди безбрежности затеряннымъ созданьемъ,
Томящимся въ броженіи пустомъ...
ухъ вѣчности обнять за разъ не въ нашей долѣ,
А чашу жизни пьемъ мы по глоткамъ;
томъ, что выпито, мы все жалѣемъ болѣ,
Пустое дно все больше видно намъ.
съ каждымъ днемъ душѣ тяжелѣ устарѣлость,
Больнѣе помнить и страшнѣй желать,
кажется, что жить—отчаянная смѣлость;
Но биться пульсъ не можетъ перестать.
дальше я живу въ стремленьи безотрадномъ,
И жизни крестъ беру я на себя,
весь душевный жаръ несу въ движеньи жадномъ,
За мигомъ мигъ хватая и губя.
все хочу... Чего?.. О! такъ желаній много,
Такъ къ выходу ихъ силѣ нуженъ путь,
ю кажется порой—ихъ внутренней тревогой
Сожжется мозгъ и разорвется грудь.

———

ПУТНИКЪ.

Долъ туманенъ, воздухъ сыръ;
Туча небо кроетъ;
Грустно смотритъ тусклый міръ,
Грустно вѣтеръ воетъ.
Не страшися, путникъ мой!
На землѣ все—битва,
Но въ тебѣ живетъ покой,
Сила да молитва.

———

ПРОМЕТЕЙ.

Прочь, коршунъ! Больно, подлый рабъ,
лачъ Зевеса!.. О, когда-бъ
ѣ эти цѣпи не мѣшали,
къ безпощадно-бъ руки сжали
бя за горло! Но безъ силъ,
скалѣ прикованный, безъ воли,
грудь мою тебѣ открылъ
каждый мигъ кричу отъ боли
замираю каждый мигъ...
мой безумно-жалкій крикъ
Проснулся отголосокъ дальній,
И вѣтеръ жалобно завылъ
И прочь рванулся, что есть силъ,
И закачался лѣсъ печальный;
Испуга барсъ не превозмогъ—
Сверкая желтыми глазами,
Онъ въ чащу кинулся прыжками;
Туманъ сѣдой на горы легъ,
И море дальнее, о скалы
Дробяся, глухо застонало...
Одинъ спокоенъ царь небесъ—
Ничѣмъ не тронулся Зевесъ!
Завистникъ! онъ забыть не можетъ,
Что я творецъ, что онъ моихъ
Созданій ввѣкъ не уничтожитъ;
Что я—съ небесъ его для нихъ
Унесъ огонь неугасимый...
Ну, что же, богъ неумолимый,
Ну, мучь меня! Еще ко мнѣ
Пошли хоть двадцать птицъ голодныхъ,
Неутомимыхъ, безотходныхъ,
Чтобъ рвали сердце мнѣ онѣ—
А все-жъ людей я создалъ!—Твердый,
Смѣясь надъ злобою твоей,
Смотрю я, непокорный, гордый,
На красоту моихъ людей.
О! хорошо ихъ сотворилъ я,
Во всемъ подобными себѣ:
Огонь небесный въ нихъ вселилъ я
Съ враждою вѣчною къ тебѣ,
Съ гордыней вольною Титана
И непокорностью судьбѣ.
Рви, коршунъ, глубже въ сердцѣ рану—
Она Зевесу лишь позоръ!
Мой крикъ пронзительный—укоръ
Родитъ въ душахъ моихъ созданій;
За даръ томительный страданій
Дойдутъ проклятья до небесъ—
Къ тебѣ, завистливый Зевесъ!
А я, на вѣчное мученье
Тобой прикованный къ скалѣ,
Найду повсюду сожалѣнье,
Найду любовь по всей землѣ
И въ людяхъ, гордый самъ собою,
Я наругаюсь надъ тобою!

———

* * *

Когда я былъ отрокомъ тихимъ и нѣжнымъ,
Когда я былъ юношей страстно-мятежнымъ,
И въ возрастѣ зрѣломъ, со старостью смежномъ,—
Всю жизнь мнѣ звучало, все снова и снова,
Одно неизмѣнное гордое слово:
Свобода, свобода!

Измученный рабствомъ и духомъ унылый,
Покинулъ я край мой родимый и милый,
Чтобъ было мнѣ можно, насколько есть силы,
Съ чужбины до самаго края родного
Взывать громогласно завѣтное слово:
Свобода, свобода!
И вотъ, на чужбинѣ, въ тиши полунощной,
Мнѣ издали голосъ послышался мощный:
Сквозь вьюгу сырую, сквозь мракъ безпомóщный,
Сквозь всѣ завыванія вѣтра ночного,
Мнѣ слышится съ родины юное слово—
Свобода, свобода!
И все-то мнѣ грезится снѣгъ да равнина.
Знакомое вижу лицо селянина—
Лицо бородатое, мощь исполина...
И онъ говоритъ мнѣ, снимая оковы,
Мое неизмѣнное, вѣчное слово:
Свобода, свобода!
И сердце, такъ дружное съ горькимъ сомнѣньемъ,
Какъ птичка изъ клѣтки, простясь съ заточеньемъ,
Взыграло впервые отраднымъ біеньемъ...
И какъ-то торжественно, весело, ново
Звучитъ теперь съ дѣтства знакомое слово:
Свобода, свобода!
И если-бъ грозила бѣда иль невзгода,
И рукъ для борьбы захотѣла свобода,—
Сейчасъ полечу на защиту народа...
И если паду я средь битвы суровой,
Скажу, умирая, могучее слово:
Свобода, свобода!
А если-бъ пришлось умереть на чужбинѣ,
Умру я съ надеждой и вѣрой отнынѣ.
Но въ мигъ мой предсмертный, въ душевной кручинѣ,
Не дай мнѣ остынуть безъ звука святого,
Товарищъ,—шепни мнѣ послѣднее слово:
Свобода, свобода!

СЕРЕНАДА.

(изъ Шуберта.)

Пѣснь моя летитъ съ мольбою
Тихо въ часъ ночной...
Въ рощу легкою стопою
Ты приди, другъ мой!
При лунѣ шумятъ уныло
Листья въ поздній часъ,
И никто, о другъ мой милый,
Не увидитъ насъ.
Слышишь, въ рощѣ зазвучали
Пѣсни соловья:
Звуки ихъ полны печали,
Молятъ за меня.
Въ нихъ понятно все томленье,
Вся тоска любви,
И наводятъ умиленье
На душу они...
Дай же доступъ ихъ призванью
Ты къ душѣ своей
И на тайное свиданье
Приходи скорѣй!

---

* * *

Ночь и буря съ черной мглою,
Море страшно и темно,
Только пѣною сѣдою
Чуть бѣлѣется оно.
Кто-жъ тамъ плачетъ, кто тамъ стонетъ,
Рвется, мечется, зоветъ,
Воплемъ жалобнымъ поетъ,
Точно гибнетъ иль хоронитъ,
Но глухой судьбы не тронетъ
И покоя не найдетъ?..
Буря волны гонитъ, гонитъ,
Море темное реветъ,—
Сердце ноетъ, сердце стонетъ,
Сердце гибнетъ и хоронитъ
И нигдѣ не отдохнетъ!

---

* * *

Какъ звукъ, замолкнувшій безслѣдно,
Какъ пробѣжавшая струя,
Огонь, потухшій, вспыхнувъ блѣдно,
Исчезнетъ жизнь моя.
Но звукъ исполненъ былъ стремленья,
Кипѣла волею струя,
Въ огнѣ мелькнуло вдохновенье...
И вотъ что—жизнь моя!

XXXIV.

Алексѣй Степановичъ Хомяковъ.

1804 — 1860.

Уже въ серединѣ 20-хъ годовъ Хомяковъ печаталъ стихи и, какъ поэтъ, пользовался нѣкоторой извѣстностью; но расцвѣтъ его поэтической и вообще литературной дѣятельности относится къ 40-мъ и 50-мъ годамъ.

Бѣлинскій относился къ его стихамъ холодно, и поэтомъ въ прямомъ смыслѣ этого слова Хомяковъ, быть можетъ, дѣйствительно, не былъ: въ гораздо большей степени онъ — ораторъ и діалектикъ. Но есть на его лирѣ одна струна, звучащая съ такой напряженностью чувства и убѣжденія, что нерѣдко зажигаетъ и читателя своимъ паѳосомъ: это глубокая вѣра въ Россію, въ ея великое историческое призваніе...

Хомяковъ былъ, какъ извѣстно, однимъ изъ убѣжденнѣйшихъ и талантливѣйшихъ вождей славянофильства въ его начальномъ идеалистическомъ періодѣ.

ЖЕЛАНІЕ.

Хотѣлъ бы я разлиться въ мірѣ,
Хотѣлъ бы съ солнцемъ въ небѣ течь,
Звѣздою въ сумрачномъ эѳирѣ
Ночной свѣтильникъ свой зажечь.
Хотѣлъ бы зыбію стеклянной
Играть въ бездонной глубинѣ,
Или лучомъ зари румяной
Скользить по плещущей волнѣ.
Хотѣлъ бы съ тучами скитаться,
Туманомъ виться вкругъ холмовъ,
Иль буйнымъ вѣтромъ разыграться
Въ сѣдыхъ изгибахъ облаковъ;
Жить ласточкой подъ небесами,
Къ цвѣтамъ ласкаться мотылькомъ,
Или надъ дикими скалами
Носиться дерзостнымъ орломъ.
Какъ сладко было бы въ природѣ
То жизнь и радость разливать,
То въ грóмахъ, вихряхъ, непогодѣ
Пространства неба обтекать!

1827.

ОСТРОВЪ.

Островъ пышный, островъ чудный,
Ты краса подлунной всей,
Лучшій камень изумрудный
Въ голубомъ вѣнцѣ морей!
Грозный стражъ твоей свободы,
Сокрушитель чуждыхъ силъ,
Вкругъ тебя ширóко воды
Океанъ сѣдой разлилъ.
Онъ бездоненъ и просторенъ
И враждуетъ онъ съ землей;
Но, смиренъ, но покоренъ,
Онъ любуется тобой;
Для тебя онъ укрощаетъ
Свой неистовый набѣгъ
И, ласкаясь, обнимаетъ
Твой бѣлѣющійся брегъ.
Дочь любимая природы,
Благодатная земля!
Какъ кипятъ твои народы,
Какъ цвѣтутъ твои поля!

Какъ державно надъ волною
Ходитъ твой широкій флагъ,
Какъ кроваво надъ землею
Мечъ горитъ въ твоихъ рукахъ!
Какъ свѣтло вѣнецъ науки
Блещетъ надъ твоей главой,
Какъ высоки пѣсенъ звуки,
Міру брошенныхъ тобой!
Вся облита блескомъ злата,
Мыслью вся озарена,
Ты счастлива, ты богата,
Ты роскошна, ты сильна.
И далекія державы,
Робко взоръ стремя къ тебѣ,
Ждутъ, какіе вновь уставы
Ты предпишешь ихъ судьбѣ.
Но за то, что ты лукава,
Но за то, что ты горда,
Что тебѣ мірская слава
Выше Божьяго суда,—
. . . .
Для тебя, морей царица,
День придетъ—и близокъ онъ—
Блескъ твой, злато, багряница,
Все пройдетъ, минетъ, какъ сонъ:
Громъ въ рукахъ твоихъ остынетъ,
Перестанетъ мечъ сверкать,
И сыновъ твоихъ покинетъ
Мысли ясной благодать.
И, забывъ твой флагъ державный,
Вновь свободна и грозна,
Заиграетъ своенравно
Моря шумная волна!
И другой странѣ смиренной,
Полной вѣры и чудесъ,
Богъ отдастъ судьбу вселенной,
Громъ земли и гласъ небесъ...
1836.

КЪ ДѢТЯМЪ.

Бывало, въ глубокій полýночный часъ,
Малютки, приду любоваться на васъ;
Бывало, люблю васъ крестомъ знаменать,
Молиться, да будетъ на васъ благодать,
Любовь Вседержителя Бога.
Стеречь умиленно вашъ дѣтскій покой,
Подумать о томъ, какъ вы чисты душой,
Надѣяться долгихъ и счáстливыхъ дней
Для васъ, беззаботныхъ и милыхъ дѣтей—
Какъ сладко, какъ радостно было!
Теперь прихожу я: вездѣ темнота,
Нѣтъ въ комнатѣ жизни; кроватка пуста;
Въ лампадѣ погасъ предъ иконою свѣтъ...
Мнѣ грустно—малютокъ моихъ уже нѣтъ,
И сердце такъ больно сожмется!
О дѣти, въ глубокій полуночный часъ,
Молитесь о томъ, кто молился о васъ,
О томъ, кто любилъ васъ крестомъ знаменать,—
Молитесь, да будетъ и съ нимъ благодать,
Любовь Вседержителя Бога!
1838.

КІЕВЪ.

Высокó передо мною
Старый Кіевъ надъ Днѣпромъ;
Днѣпръ сверкаетъ подъ горою
Переливнымъ серебромъ.
Слава, Кіевъ многовѣчный,
Русской славы колыбель!
Слава, Днѣпръ нашъ быстротечный,
Руси чистая купель!
Сладко пѣсни раздалися,
Въ небѣ тихъ вечерній звонъ...
Вы откуда собралися,
Богомольцы, на поклонъ?—
„Я оттуда, гдѣ струится
Тихій Донъ—краса степей".—
„Я оттуда, гдѣ клубится
Безпредѣльный Енисей!"—
„Край мой—теплый брегъ Эвксина!"—
„Край мой—брегъ тѣхъ дальнихъ странъ,
Гдѣ одна сплошная льдина
Оковала океанъ".—
„Дикъ и страшенъ верхъ Алтая,
Вѣченъ блескъ его снѣговъ:
Тамъ страна моя родная!"—
„Мнѣ отчизна—старый Псковъ".
„Я отъ Ладоги холодной",—
„Я отъ синихъ волнъ Невы",—
„Я отъ Камы многоводной",—
„Я отъ матушки-Москвы".—
. . . .
—Мы вокругъ твоей святыни
Всѣ съ любовью собраны...
Братцы, гдѣ-жъ сыны Волыни?
Галичъ, гдѣ твои сыны?
1839.

РОССІИ.

„Гордись!—тебѣ льстецы сказали,—
Земля съ увѣнчаннымъ челомъ,
Земля несокрушимой стали,
Полміра взявшая мечомъ!
Красны степей твоихъ уборы,
И горы въ небо уперлись,

и, какъ моря, твои озеры...“
Не вѣрь, не слушай, не гордись!
Пусть рѣкъ твоихъ глубоки волны,
Какъ волны синія морей,
И нѣдра горъ алмазовъ полны,
И хлѣбомъ пышенъ тукъ степей;
Пусть предъ твоимъ державнымъ блескомъ
Народы робко клонятъ взоръ,
И семь морей немолчнымъ плескомъ
Тебѣ поютъ хвалебный хоръ;
Пусть далеко грозой кровавой
Твои перуны пронеслись:
Всей этой силой, этой славой,
Всѣмъ этимъ прахомъ не гордись!
Грознѣй тебя былъ Римъ великій,
Царь семихолмнаго хребта,
Желѣзныхъ силъ и воли дикой
Осуществленная мечта;
И нестерпимъ былъ огнь булата
Въ рукахъ Алтайскихъ дикарей,
И вся зарылась въ груды злата
Царица западныхъ морей.
И что же Римъ? И гдѣ Монголы?
. . . .
езплоденъ всякій духъ гордыни,
Невѣрно злато, сталь хрупка;
Но крѣпокъ ясный міръ святыни,
ильна молящихся рука!
И вотъ, за то, что ты смиренна,
Что въ чувствѣ дѣтской простоты,
Въ молчаньи сердца сокровенна,—
аголъ Творца пріяла ты.
ебѣ Онъ далъ свое призванье,
ебѣ Онъ свѣтлый далъ удѣлъ:
ранить для міра достоянье
ысокихъ жертвъ и чистыхъ дѣлъ!
1840.

———

НАПОЛЕОНЪ.

е сила народовъ тебя подняла,
Не воля чужая вѣнчала:
ы мыслилъ и властвовалъ, жилъ, побѣждалъ,
ы землю желѣзной стопой попиралъ,
лаву самозданнымъ вѣнцомъ увѣнчалъ,
Помазанникъ собственной силы!
е сила народовъ повергла тебя,
Не всталъ тебѣ ровный соперникъ;
о Тотъ, Кто предѣлы морямъ положилъ,
ъ побѣдномъ бою твой булатъ сокрушилъ,
ъ пожарѣ святомъ твой вѣнецъ растопилъ
И снѣгомъ засыпалъ дружины.
атилась звѣзда съ омраченныхъ небесъ,
Величье земное во прахѣ!..
Скажите, не утро-ль съ Востока встаетъ?
Не новая-ль жатва надъ прахомъ растетъ?
Скажите!.. Міръ жадно и трепетно ждетъ
Властительной мысли и слова!..
1841.

———

ЗВѢЗДЫ.

Въ часъ полночный, близъ потока,
Ты взгляни на небеса:
Совершаются далеко
Въ горнемъ мірѣ чудеса.
Ночи вѣчныя лампады,
Невидимы въ блескѣ дня,
Стройно ходятъ тамъ громады
Негасимаго огня.
Но впивайся въ нихъ очами—
И увидишь, что вдали,
За ближайшими звѣздами,
Тьмами звѣзды въ ночь ушли.
Вновь вглядись—и тьмы за тьмами
Утомятъ твой робкій взглядъ:
Всѣ звѣзда́ми, всѣ огнями
Бездны синія горятъ.
Въ часъ полночнаго молчанья,
Отогнавъ обманы сновъ,
Ты вглядись душой въ писанья
Галилейскихъ рыбаковъ,—
И въ объемѣ книги тѣсной
Развернется предъ тобой
Безконечный сводъ небесный
Съ лучезарною красой.
Узришь—звѣзды мыслей водятъ
Тайный хоръ свой вкругъ земли,
Вновь вглядись—другія всходятъ,
Вновь вглядись—и тамъ, вдали,
Звѣзды мыслей, тьмы за тьмами,
Всходятъ, всходятъ безъ числа,
И зажжется ихъ огнями
Сердца дремлющая мгла.
1853.

———

РОССІИ.

Вставай, страна моя родная,
За братьевъ! Богъ тебя зоветъ..
. . . .
Но помни: быть орудьемъ Бога
Земнымъ созданьямъ тяжело.
Своихъ рабовъ Онъ судитъ строго...
А на тебя, увы, какъ много
Грѣховъ ужасныхъ налегло!
Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена,

Безбожной лести, лжи тлетворной
И лѣни мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!
О, недостойная избранья,
Ты избрана́! Скорѣй омой
Себя водою покаянья,
Да громъ двойного наказанья
Не грянетъ надъ твоей главой!
. . . .
1854.

* * *

Какъ часто во мнѣ пробуждалась
Душа отъ лѣниваго сна,
Просилася—людямъ и братьямъ
Сказаться словами она!
Какъ часто, о Боже, рвалася
Вѣщать Твою волю землѣ,
Да свѣтъ осіяетъ разумный
Безумцевъ, бродящихъ во мглѣ!
Какъ часто, безсильемъ томимый,
Съ глубокой и тяжкой тоской
Молилъ Тебя дать имъ Пророка
Съ горячей и крѣпкой душой!
Молилъ Тебя, въ часъ полуночи,
Пророку дать силу рѣчей,
Чтобъ міръ оглашалъ онъ далеко
Глаголами правды Твоей!..
Молилъ Тебя съ плачемъ и стономъ,
Во прахѣ простертъ предъ Тобой,
Дать міру и уши, и сердце
Для слушанья рѣчи святой!
1854.

XXXV.

Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ.

1817 — 1860.

Глава и пророкъ славянофильства, отличившійся идеальной душевной чистотою. Написалъ, между прочимъ, нѣсколько патріотическихъ драмъ, но, какъ и мелкія его стихотворенія, онѣ въ настоящее время забыты. Приводимая ниже пьеса въ поэтическомъ отношеніи также, быть можетъ, не выдержитъ строгой критики, но въ ней слышится паѳосъ искренняго убѣжденія, и отдѣльные стихи отличаются, поэтому, большой силой.

СВОБОДНОЕ СЛОВО.

Ты—чудо изъ божьихъ чудесъ,
Ты—мысли свѣтильникъ и пламя,
Ты—лучъ намъ на землю съ небесъ,
Ты—намъ человѣчества знамя.
Ты гонишь невѣжества ложь,
Ты вѣчною жизнію ново,
Ты къ свѣту, ты къ правдѣ ведешь,
Свободное слово!
Лишь духу власть духа дана,
Въ животной же силѣ нѣтъ прока:
Для истины—гибель она,
Спасенье для лжи и порока.
Враждуетъ ли съ ложью—равно
Живитъ его жизнію новой..
Неправдѣ опасно одно
Свободное слово!
Ограды властямъ никогда
Не зижди на рабствѣ народа!
Гдѣ рабство—тамъ бунтъ и бѣда,
Защита отъ бунта—свобода.
Рабъ въ бунтѣ опаснѣй звѣрей—
На ножъ онъ мѣняетъ оковы..
Оружье свободныхъ людей—
Свободное слово!
О слово, даръ Бога святой!
Кто слово, даръ божескій, свяжетъ,
Тотъ путь человѣку иной—
Путь рабства преступный укажетъ
На козни, на вредную рѣчь;
Въ тебѣ-жъ и цѣленье готово,
О, духа единственный мечъ,
Свободное слово!

XXXVI.

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ.

1823 — 1886.

Также извѣстный славянофилъ. Менѣе брата одаренный въ другихъ отношеніяхъ,— какъ поэтъ, несомнѣнно стоитъ выше. Любопытно, что въ поэмѣ Аксакова „Бродяга", начатой еще въ 1852 г. и написанной разнообразными метрами, встрѣчается и тотъ оригинальный размѣръ, который впослѣдствіи усвоенъ былъ Некрасовымъ въ знаменитой поэмѣ „Кому на Руси жить хорошо":

Корнилъ-бурмистръ ругается,
Кузьма Петровъ ругается,
И шумъ, и крикъ на улицѣ.
Три дня прошло—Алешки нѣтъ.
Пропалъ Алешка безъ вѣсти.
Денечка три повыждали,
И нынче лишь, ранехонько,
Кузьма Петровичъ, староста,
Сказалъ о томъ Демьянычу.

ИЗЪ ПОЭМЫ „БРОДЯГА".

I.

ДВѢ ДОРОГИ.

Прямая дорога, большая дорога!
Простору не мало взяла ты у Бога:
Ты вдаль протянулась, пряма, какъ стрѣла,
Широкою гладью, что скатерть, легла;
Ты камнемъ убита, жестка для копыта,
Ты мѣрена мѣрой, трудами добыта;
Въ тебѣ, что ни шагъ, то мужикъ работáлъ,
Прорѣзывалъ горы, мосты настилалъ.
Все дружною силой и съ пѣснями взято:
Вколачивалъ молотъ, и рыла лопата,
И дебри топоръ вѣковыя просѣкъ.
Куда какъ упоренъ въ трудѣ человѣкъ!
Чего онъ не сможетъ, лишь было-бъ терпѣнье,
Да разумъ, да воля да Божье хотѣнье!
А съ каменной рядомъ, поодаль немножко,
Окольная вьется живая дорожка.
Дорожка, дорожка, куда ты ведёшь?
Безъ званья ли ты, иль со званьемъ слывешь?
Идешь, колесишь ты, не зная разбору,
По рвамъ и долинамъ, чрезъ рѣку и гору;
Не много ты мѣста себѣ отняла:
Просторомъ телѣжнымъ легла, гдѣ могла.
Тебя не ровняли топоръ и лопата,
Мягка ты копыту и пылью богата;
И кочки мѣстами, и взрѣжетъ соха;
Грязна ты въ ненастье, а въ вёдро суха.

II.

ВЕЧЕРЪ.

Жаръ свалилъ. Повѣяла прохлада.
Длинный день покончилъ рядъ заботъ:
По дворамъ давно загнали стадо,
И косцы вернулися съ работъ.
Потемнѣть заря уже готова,
Тихо все. Часъ ночи недалекъ.
Подымался и улегся снова
На закатѣ легкій вѣтерокъ.
Говоръ смолкъ; лишь изрѣдка собачій
Слышенъ лай; промолвятъ голоса...

Пыль слеглась; остылъ песокъ горячій,
Пала сильно на землю роса.
По краямъ темнѣющаго свода
Тѣни всѣ широкія слились;
Встрѣтить ночь готовится природа—
Запахи отвсюду понеслись.
Въ тишинѣ жизнь новая творится:
Зрячею проснулася сова,
И встаетъ, и будто шевелится,
И растетъ, и шепчется трава...

III.

ВСЕНОЩНАЯ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

День вечерѣлъ. Косая тѣнь
Ложилась низко и широко..
Заутра праздникъ, вѣщій день
Ильи, гремящаго пророка..
Приди ты, нéмощный,
Приди ты, радостный!
Звонятъ ко всенощной,
Къ молитвѣ благостной,
И звонъ смиряющій
Всѣмъ въ душу просится,
Окрестъ сзывающій
Въ поляхъ разносится...
Въ Холмахъ, селѣ большомъ,
Есть церковь новая:
Воздвигла Божій домъ
Сума торговая;
И службы Божіи
Богато справлены,
Иконъ подножія
Свѣчьми уставлены.
И старъ, и младъ войдетъ:
Сперва помолится,
Поклонъ земной кладетъ,
Кругомъ поклонится...
И стройно клирное
Несется пѣніе,
И дьяконъ мирное
Твердитъ глашеніе:
О благодарственномъ
Трудѣ молящихся,
О градѣ царственномъ,
О всѣхъ трудящихся,
О тѣхъ, кому въ удѣлъ
Страданье задано..
А въ церкви дымъ висѣлъ
Густой отъ ладана,
И заходящими
Лучами сильными,
И вкось блестящими
Столбами пыльными—
Отъ солнца—Божій храмъ
Горитъ и свѣтится...

———

* * *

Пусть сгибнетъ все, къ чему сурово
Такъ долго духъ готовленъ былъ:
Трудилась мысль, дерзало слово,
Въ запасѣ много было силъ...
Слабѣйте, силы! вы не нужны!
Засни ты, духъ! давно пора!
Разсѣйтесь всѣ, кто были дружны
Во имя правды и добра!
Безплодны всѣ труды и бдѣнья,
Безплоденъ слова даръ живой,
Безсиленъ подвигъ обличенья,
Безуменъ всякій честный бой!
Безумна честная отвага
Правдивой юности,—и съ ней
Безумны всѣ желанья блага,
Святыя бредни юныхъ дней!
Такъ сокрушись, души гордыня!
Въ борьбѣ неравной ты падешь:
Сплошного зла стоитъ твердыня,
Царитъ безсмысленная ложь!
Она страшнѣй враговъ опасныхъ,—
Сильна не внѣшнею бѣдой,
Но тратой дней и силъ прекрасныхъ—
Въ борьбѣ пустой, тупой, нѣмой!..
Ликуй же, ложь, и насъ, безумцевъ,
Урокомъ горькимъ испытуй,
Гони со свѣта вольнодумцевъ,
Казни, цари и торжествуй!..
Слабѣйте-жъ, силы! вы не нужны!
Засни ты, духъ! давно пора!
Разсѣйтесь всѣ, кто были дружны
Во имя правды и добра!

———

* * *

Усталыхъ силъ я долго не жалѣлъ!
Не упрекнуть бездѣйствіемъ позорнымъ
Мою тоску: какъ труженикъ, умѣлъ
Работать я съ усердіемъ упорнымъ.
. . . .
И понялъ я, что спитъ желанный громъ,
Что, вмѣсто битвъ, нерѣдко съ браннымъ духомъ
За комаромъ бѣжимъ мы съ топоромъ,
За мухою гоняемся съ обухомъ.
. . . .
Есть путь иной, гдѣ вѣра не легка:
Сгораетъ въ немъ порыва скорый пламень;
Есть долгій трудъ, есть подвигъ червяка,—
Онъ точитъ дубъ, долбитъ и капля камень.

Невзрачный путь, тебѣ я вѣренъ былъ!
Лишенъ ты всей отрады упоенья—
И дерзко я на сердце наложилъ
Тяжелый гнетъ упорнаго терпѣнья.
Но слышно мнѣ порой, въ тиши работъ,
Что бурныхъ силъ не укротило время...
Когда же власть, скажи, твоя пройдетъ,
О молодость, о тягостное бремя?

———

* * *

Добро-бъ мечты, добро бы страсти
Съ мятежной прелестью своей
Держали насъ въ могучей власти,
Сбивали насъ съ прямыхъ путей!
. . . .
Но эта жизнь—ни сонъ, ни бдѣнье—
Богъ знаетъ что. Подъ часъ друзья,
Какое горькое презрѣнье
Къ себѣ и къ вамъ питаю я!
Намъ все дано. Мы грубой ложью
Затмить не въ силахъ правду Божью—
Такъ ярокъ свѣтъ ея вдали.
Ее мы чтимъ, о ней мы тужимъ;
Но гдѣ же храмъ, въ которомъ служимъ?
Какія жертвы принесли?
. . . .
Мы любимъ къ пышному обѣду
Прибавить мудрую бесѣду,
Иль, въ поздней ужина порѣ,
Въ роскошно-убранной палатѣ,
Потолковать о бѣдномъ братѣ,
Погорячиться о добрѣ.
Что-жъ толку въ томъ? Проходятъ лѣта,
Любовь по прежнему мертва...
О, слово старое поэта:
„Слова, слова, одни слова!“
. . . .

XXXVII.

Юлія Валерьяновна Жа́довская.

1824 — 1883.

Задушенная семейнымъ деспотизмомъ мо-
ая любовь; воспоминанія о счастливыхъ
утахъ прошлаго, о любимомъ человѣкѣ,
которымъ пришлось разлучиться; горькое
ваніе окружающей жизненной пустоты и
стѣ кроткая резиньяція — вотъ мотивы
зіи Жа́довской. Ничего яркаго и сильнаго как въ содержаніи, такъ и въ формѣ; но нельзя отрицать одного большого достоинства этихъ „пѣсенъ о женской неволѣ"—ихъ теплоты и задушевности.—Превосходна стоящая особнякомъ „Нива".

Первыя изданія стихотвореній появились въ 1846 и 1858 гг.

НИВА.

Нива, моя нива,
Нива золотая!
Зрѣешь ты на солнцѣ,
Колосъ наливая;
По тебѣ, отъ вѣтра,—
Словно въ синемъ морѣ,—
Волны такъ и ходятъ,
Ходятъ на просторѣ.
Надъ тобою съ пѣсней
Жаворонокъ вьется;
Надъ тобой и туча
Грозно пронесется.
Зрѣешь ты и спѣешь,
Колосъ наливая,
О людскихъ заботахъ
Ничего не зная.
Унеси ты, вѣтеръ,
Тучу градовую!
Сбереги намъ, Боже,
Ниву трудовую!..

---

* * *

Лучшій перлъ таится
Въ глубинѣ морской;
Зрѣетъ мысль святая
Въ глубинѣ души...
Надо сильно бурѣ
Море взволновать,
Чтобъ оно, въ бореньи,
Выбросило перлъ:
Надо сильно чувству
Душу потрясти,
Чтобъ она, въ восторгѣ,
Выразила мысль!

ПРИБЛИЖАЮЩАЯСЯ ТУЧА.

Какъ хорошо!.. Въ безмѣрной высотѣ
Летятъ рядами облака, чернѣя,
И свѣжій вѣтеръ дуетъ мнѣ въ лицо,
Передъ окномъ цвѣты мои качая.
Вдали гремитъ... И туча, приближаясь,
Торжественно и медленно несется...

Какъ хорошо!.. Передъ величьемъ бури
Души моей тревога утихаетъ.

———

* * *

Не зови меня безстрастной
И холодной не зови, —
У меня въ душѣ такъ много
И страданій, и любви.
Проходя передъ толпою,
Сердце я хочу закрыть
Равнодушіемъ наружнымъ,
Чтобъ себѣ не измѣнить.
Такъ идетъ предъ господиномъ,
Затая невольный страхъ,
Рабъ, ступая осторожно,
Съ чашей полною въ рукахъ.

———

* * *

Я все еще его, безумная, люблю!
При имени его душа моя трепещетъ;
Тоска, по-прежнему, сжимаетъ грудь мою,
И взоръ горячею слезой невольно блещетъ.
Я все еще его, безумная, люблю!
Отрада тихая мнѣ душу проникаетъ,
И радость ясная на сердце низлетаетъ,
Когда я за него Создателя молю.

XXXVIII.

Николай Алексѣевичъ Некрасовъ.

1821 — 1877.

Передъ нами рѣзко очерченная, удивитель-ю-своеобразная поэтическая индивидуаль-юсть, которую ни съ какой другой, даже на инуту, не смѣшаешь. Лишь очень немногіе въ самыхъ крупныхъ писателей могутъ въ омъ отношеніи поспорить съ Некрасовымъ. Одно имя—и у друзей такъ же, какъ у вра-овъ, сразу возникаетъ передъ глазами суро-ый и печальный обликъ поэта, который лиру посвятилъ народу своему". Онъ самъ алъ своей поэзіи мѣткое и характерное предѣленіе „музы мести и печали" — и оно тало ходячимъ. Одна ослѣпительно-яркая, рѣвно рыдающая нота, не умолкая на про-женіи тридцати слишкомъ лѣтъ, звучитъ въ го стихахъ, „народному врагу проклятія уля, а другу у небесъ могущества моля". На ародѣ сосредоточены всѣ чаянія, тревоги и ечали Некрасова; счастье народа — всѣ его юмыслы (народа, какъ совокупности всѣхъ рудящихся и обремененныхъ). Если всего аще и охотнѣе воспѣваетъ онъ, при этомъ, рестьянство, то объясняется это вполнѣ стественно и просто: крестьянство составляло ю времена Некрасова,—какъ, впрочемъ, и до ихъ поръ составляетъ,—подавляющую числен-юстью и значеніемъ массу русскаго населенія , притомъ, являлось главной жертвой царив-аго зла (а крѣпостное право—лишь наиболѣе ркимъ его проявленіемъ). Страданія мужика были, такимъ образомъ, въ глазахъ Некрасова олицетвореніемъ страданій всего русскаго народа...

Но всѣ забитые, всѣ обездоленные одинаково имѣютъ въ немъ своего пѣвца и друга. Среди жертвъ человѣческаго насилія, жестокости и невѣжества, быть можетъ, наиболѣе беззащитной является женщина, — и русская женщина на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы нашла въ лицѣ Некрасова одного изъ пламеннѣйшихъ своихъ адвокатовъ. Устами любимаго героя (Гриши) поэтъ высказываетъ увѣренность, что затерянные ключи отъ счастья женскаго будутъ нѣкогда розысканы. Нарисованные Некрасовымъ многочисленные женскіе характеры и образы принадлежатъ къ числу самыхъ плѣнительныхъ въ русской литературѣ. Немало теплыхъ страницъ посвящено имъ и дѣтямъ; передъ нами—то глубоко-трогательныя картинки изъ дѣтской жизни, то негодующія обращенія къ обществу, которое недостаточно озабочено охраной этихъ безпомощныхъ и беззащитныхъ существъ. Цѣлая большая поэма посвящена также несчастнымъ отверженцамъ общества—обитателямъ каторги.

Не разъ упрекали, между прочимъ, Некрасова въ томъ, что онъ изображаетъ современную ему дѣйствительность однѣми мрачными, отрицательными красками, не видя

въ ней ничего свѣтлаго и отраднаго. Но это, конечно, одно изъ самыхъ неосновательныхъ обвиненій. Стоитъ вспомнить длинную галлерею обаятельныхъ портретовъ заступниковъ и печальниковъ народныхъ, нарисованныхъ нашимъ поэтомъ въ цѣломъ рядѣ большихъ и мелкихъ произведеній: представителей поколѣній 20-хъ и 70-хъ годовъ (героевъ и героинь „Дѣдушки" и „Русскихъ женщинъ", Гришу изъ „Кому на Руси ж. х."), Грановскаго, Добролюбова и Бѣлинскаго (непосредственно и въ образѣ Крота въ „Несчастныхъ"), прелестный степной цвѣтокъ — Сашу (изъ поэмы того же названія), героевъ и героинь стихотвореній „Пророкъ", „Кузнецъ", „Ты не забыта", собственную, наконецъ, мать поэта... Но главнымъ положительнымъ героемъ Некрасова являются, конечно, трудящіяся и обездоленныя массы. „Мечты! я вѣрую въ народъ!"—громко заявляетъ онъ, и въ его устахъ это не красивая только фраза, а дѣйствительная „мечта" изстрадавшагося сердца, его послѣднее прибѣжище и святыня...

Съ середины 80-хъ годовъ, когда въ литературѣ повѣяло замѣтнымъ охлажденіемъ къ мужику, къ народу, — и имя Некрасова все рѣже и рѣже стало мелькать въ текущей литературѣ; выплыли на сцену вопросы личнаго совершенствованія и личной морали; шумно прокатилась эфемерная волна „эстетическаго идеализма" и доморощеннаго декадентства... Къ счастью, движеніе впередъ, въ сторону все большей демократизаціи литературы и искусства, продолжается безостановочно и непрерывно, и видимые зигзаги и отступленія въ нашемъ общественномъ развитіи не имѣютъ въ послѣднемъ счетѣ особеннаго значенія. Литература у насъ не впервые отстаетъ отъ жизни, и судить о вкусахъ и настроеніи наиболѣе бодрыхъ и жизненныхъ круговъ общества по отдѣльнымъ кричащимъ явленіямъ – было бы совершенно неосновательно. Некрасовъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названъ забытымъ и отжившимъ свое время поэтомъ. Если бы даже на „верхахъ" нашей много всякихъ видовъ видавшей интеллигенціи, и дѣйствительно, можно было подмѣтить нѣкоторое охлажденіе къ музѣ мести и печали, то жизнь съ каждымъ днемъ все замѣтнѣе выдвигаетъ впередъ новаго, свѣжаго читателя, могучаго какъ своей численностью, такъ и всепобѣждающей вѣрой въ торжество свѣта и правды. Не сегодня—завтра этотъ новый читатель заполнитъ всю жизненную сцену, и никакого сомнѣнія не можетъ быть въ томъ, что для Некрасова онъ явится „читателемъ-другомъ". Какъ ночные призраки, разлетятся тогда и растаютъ туманомъ всѣ современные „символизмы", поиски „новой красоты" и „новыхъ настроеній". Жажда правды — вотъ настроеніе, которое одно имѣетъ подъ собой твердую почву. Свѣтлое и широкое будущее принадлежитъ, поэтому, великому „печальнику горя народнаго", не устававшему твердить:

Пускай намъ говоритъ измѣнчивая мода,
Что тема старая—страданія народа,
И что поэзія забыть ее должна,—
Не вѣрьте, юноши: не старѣетъ она!

1846 — 1855.

ПЕРЕДЪ ДОЖДЕМЪ.

Заунывный вѣтеръ гонитъ
Стаю тучъ на край небесъ.
Ель надломленная стонетъ,
Глухо шепчетъ темный лѣсъ.
На ручей, рябой и пестрый,
За листкомъ летитъ листокъ,
И струей сухой и острой
Набѣгаетъ холодокъ.
Полумракъ на все ложится;
Налетѣвъ со всѣхъ сторонъ,
Съ крикомъ въ воздухѣ кружится
Стая галокъ и воронъ.
Надъ проѣзжей таратайкой
Спущенъ верхъ, передъ закрытъ;
И „пошелъ!"—привставъ съ нагайкой,
Ямщику денщикъ кричитъ...

РОДИНА.

И вотъ они опять, знакомыя мѣста,
Гдѣ жизнь отцовъ моихъ, безплодна и пуста,

...а среди пировъ, безсмысленнаго чванства,
...рата грязнаго и мелкаго тиранства;
...рой подавленныхъ и трепетныхъ рабовъ
...видовалъ житью послѣднихъ барскихъ псовъ,
... было суждено мнѣ Божій свѣтъ увидѣть,
... научился я терпѣть и ненавидѣть,
..., ненависть въ душѣ постыдно притая,
... иногда бывалъ помѣщикомъ и я;
... отъ души моей, довременно растлѣнной,
...ъ рано отлетѣлъ покой благословенный,
...не ребяческихъ желаній и тревогъ
...онь томительный до срока сердце жегъ...
. . . .

...ъ темный, темный садъ... Чей ликъ въ аллеѣ [дальной
...ькаетъ межъ вѣтвей, болѣзненно-печальный?
...знаю, отчего ты плачешь, мать моя!
... жизнь твою сгубилъ... о! знаю, знаю я!
...вѣки отдана угрюмому невѣждѣ,
... предавалась ты несбыточной надеждѣ—
...я пугала мысль возстать противъ судьбы,
... жребій свой несла въ молчаніи рабы...
... знаю: не была душа твоя безстрастна,
...а была горда, упорна и прекрасна,
...все, что вынести въ тебѣ достало силъ,
...едсмертный шопотъ твой губителю простилъ!
...ты, дѣлившая съ страдалицей безгласной
...горе, и позоръ судьбы ея ужасной,
...бя ужъ также нѣтъ, сестра души моей!
...ъ дома крѣпостныхъ любовницъ и псарей
...имая стыдомъ, ты жребій свой вручила
...у, котораго не знала, не любила...
... матери своей печальную судьбу
... свѣтѣ повторивъ, лежала ты въ гробу
... такой холодною и строгою улыбкой,
... дрогнулъ самъ палачъ, заплакавшій ошибкой!
...ъ сѣрый, старый домъ... Теперь онъ пустъ и [глухъ:
... женщинъ, ни собакъ, ни гаеровъ, ни слугъ.
...старь?.. Но помню я: здѣсь что-то всѣхъ давило,
...сь въ маломъ и въ большомъ тоскливо сердце [ныло.
...къ нянѣ убѣгалъ... Ахъ, няня! Сколько разъ
...слезы лилъ о ней въ тяжелый сердцу часъ;
...и имени ея впадая въ умиленье,
...вно ли чувствовалъ я къ ней благоговѣнье?

... безсмысленной и вредной доброты
... память мнѣ пришли немногія черты,
...грудь моя полна враждой и злостью новой...
...ъ! въ юности моей, мятежной и суровой,
...раднаго душѣ воспоминанья нѣтъ;
...ему, что́, жизнь мою опутавъ съ первыхъ лѣтъ,
Проклятьемъ на меня легло неотразимымъ,—
Всему начало здѣсь, въ краю моемъ родимомъ!..

И, съ отвращеніемъ кругомъ кидая взоръ,
Съ отрадой вижу я, что срубленъ темный боръ—
Въ томящій лѣтній зной защита и прохлада,—
И нива выжжена, и праздно дремлетъ стадо,
Понуривъ голову надъ высохшимъ ручьемъ,
И на бокъ валится пустой и мрачный домъ,
Гдѣ вторилъ звону чашъ и гласу ликованій
Глухой и вѣчный гулъ подавленныхъ страданій,
И только тотъ одинъ, кто всѣхъ собой давилъ,
Свободно и дышалъ, и дѣйствовалъ, и жилъ...

———

* * *

Ѣду ли ночью по улицѣ темной,
Бури-ль заслушаюсь въ пасмурный день—
Другъ беззащитный, больной и бездомный,
Вдругъ предо мной промелькнетъ твоя тѣнь!
Сердце сожмется мучительной думой...
Съ дѣтства судьба не взлюбила тебя:
Бѣденъ и золъ былъ отецъ твой угрюмый,
Замужъ пошла ты—другого любя.
Мужъ тебѣ выпалъ недобрый на долю,
Съ бѣшенымъ нравомъ, съ тяжелой рукой;
Не покорилась—ушла ты на волю,
Да не на радость сошлась и со мной...
Помнишь ли день, какъ больной и голодный
Я унывалъ, выбивался изъ силъ?
Въ комнатѣ нашей, пустой и холодной,
Паръ отъ дыханья волнами ходилъ.
Помнишь ли трубъ заунывные звуки,
Брызги дождя, полусвѣтъ, полутьму?
Плакалъ твой сынъ, и холодныя руки
Ты согрѣвала дыханьемъ ему.
Онъ не смолкалъ—и пронзительно звонокъ
Былъ его крикъ... Становилось темнѣй;
Вдоволь поплакалъ и умеръ ребенокъ...
Бѣдная! слезъ безразсудныхъ не лей!
Съ горя да съ голоду, завтра мы оба
Также глубоко и сладко заснемъ;
Купитъ хозяинъ съ проклятьемъ три гроба,
Вмѣстѣ свезутъ и положатъ рядкомъ...
Въ разныхъ углахъ мы сидѣли угрюмо.
Помню, была ты блѣдна и слаба,
Зрѣла въ тебѣ сокровенная дума,
Въ сердцѣ твоемъ совершалась борьба.
Я задремалъ. Ты ушла молчаливо,
Принарядившись, какъ будто къ вѣнцу,
И черезъ часъ принесла торопливо
Гробикъ ребенку и ужинъ отцу.
Голодъ мучительный мы утолили,
Въ комнатѣ темной зажгли огонекъ,

Сына одѣли и въ гробъ положили...
Случай насъ выручилъ? Богъ ли помогъ?
Ты не спѣшила печальнымъ признаньемъ,
Я ничего не спросилъ,
Только мы оба глядѣли съ рыданьемъ,
Только угрюмъ и озлобленъ я былъ...
Гдѣ ты теперь? Съ нищетой горемычной
Злая тебя сокрушила борьба?
Или пошла ты дорогой обычной,
И роковая свершится судьба?
Кто-жъ защититъ тебя? Всѣ безъ изъятья
Именемъ страшнымъ тебя назовутъ,
Только во мнѣ шевельнутся проклятья—
И безполезно замрутъ!

———

ВЛАСЪ.

Въ армякѣ, съ открытымъ воротомъ,
Съ обнаженной головой,
Медленно проходитъ городомъ
Дядя Власъ, старикъ сѣдой.
На груди икона мѣдная;
Проситъ онъ на Божій храмъ;
Весь въ веригахъ, обувь бѣдная,
На щекѣ глубокій шрамъ.
Да съ желѣзнымъ наконечникомъ
Палка длинная въ рукѣ...
Говорятъ, великимъ грѣшникомъ
Былъ онъ прежде. Въ мужикѣ
Бога не было; побоями
Въ гробъ жену свою вогналъ;
Промышляющихъ разбоями
Конокрадовъ укрывалъ;
У всего сосѣдства бѣднаго
Скупитъ хлѣбъ, а въ черный годъ
Не повѣритъ гроша мѣднаго,
Втрое съ нищаго сдеретъ!
Бралъ съ родного, бралъ съ убогаго,
Слылъ кощеемъ-мужикомъ;
Нрава былъ крутого, строгаго...
Наконецъ, и грянулъ громъ!
Власу худо; кличетъ знахаря—
Да поможешь ли тому,
Кто снималъ рубашку съ пахаря,
Кралъ у нищаго суму?
Только пуще все неможется.
Годъ прошелъ—а Власъ лежитъ
И построить церковь божится,
Если смерти избѣжитъ.
Говорятъ, ему видѣніе
Все мерещилось въ бреду:
Видѣлъ свѣта преставленіе,
Видѣлъ грѣшниковъ въ аду.
Мучатъ бѣсы ихъ проворные,
Жалитъ вѣдьма-егоза,
Эѳіопы—видомъ черные
И какъ угліе глаза;
Крокодилы, змѣи, скорпіи
Припекаютъ, рѣжутъ, жгутъ...
Воютъ грѣшники въ прискорбіи,
Цѣпи ржавыя грызутъ.
Громъ глушитъ ихъ вѣчнымъ грохотомъ,
Удушаетъ лютый смрадъ,
И кружитъ надъ ними съ хохотомъ
Черный тигръ-шестикрылатъ.
Тѣ на длинный шестъ нанизаны,
Тѣ горячій лижутъ полъ...
Тамъ, на хартіяхъ написаны,
Власъ грѣхи свои прочелъ:
Сочтены дѣла безумныя...
Но всего не описать!
Богомолки, бабы умныя,
Могутъ лучше разсказать.
Власъ увидѣлъ тьму кромѣшную
И послѣдній далъ обѣтъ...
Внялъ Господь—и душу грѣшную
Воротилъ на вольный свѣтъ.
Роздалъ Власъ свое имѣніе,
Самъ остался босъ и голъ
И сбирать на построеніе
Храма Божьяго пошелъ.
Съ той поры мужикъ скитается
Вотъ ужъ скоро тридцать лѣтъ,
Подаяніемъ питается—
Строго держитъ свой обѣтъ.
Сила вся души великая
Въ дѣло Божіе ушла:
Словно съ роду жадность дикая
Непричастна ей была...
Полонъ скорбью неутѣшною,
Смуглолицъ, высокъ и прямъ,
Ходитъ онъ стопой неспѣшною
По селеньямъ, городамъ.
Нѣтъ ему пути далекаго:
Былъ у матушки-Москвы,
И у Каспія широкаго,
И у царственной Невы.
Ходитъ съ образомъ и съ книгою,
Самъ съ собой все говоритъ
И желѣзною веригою
Тихо на ходу звенитъ.
Ходитъ въ зимушку студеную,
Ходитъ въ лѣтніе жары,
Вызывая Русь крещеную
На посильные дары.
И даютъ, даютъ прохожіе...
Такъ изъ лепты трудовой
Выростаютъ храмы Божіи
По лицу земли родной.

* * *

Внимая ужасамъ войны,
При каждой новой жертвѣ боя
Мнѣ жаль не друга, не жены,
Мнѣ жаль не самого героя...
Увы! утѣшится жена,
И друга лучшій другъ забудетъ;
Но гдѣ-то есть душа одна—
Она до гроба помнить будетъ!
Средь лицемѣрныхъ нашихъ дѣлъ
И всякой пошлости, и прозы
Однѣ я въ мірѣ подсмотрѣлъ
Святыя искреннія слезы—
То слезы бѣдныхъ матерей!
Имъ не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ,
Какъ не поднять плакучей ивѣ
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей!

НЕСЖАТАЯ ПОЛОСА.

...дняя осень. Грачи улетѣли,
...съ обнажился, поля опустѣли,
...ю не сжата полоска одна...
...стную думу наводитъ она.
...ется, шепчутъ колосья другъ другу:
...учно намъ слушать осеннюю вьюгу,
...чно склоняться до самой земли,
...ныя зерна купая въ пыли!
...ъ, что ни ночь, разоряютъ станицы
...ой пролетной прожорливой птицы,
...ъ насъ топчетъ и буря насъ бьетъ...
... же нашъ пахарь? Чего еще ждетъ?
... мы хуже другихъ уродились?
... не дружно цвѣли—колосились?
...ъ! мы не хуже другихъ—и давно
...асъ налилось и созрѣло зерно.
... для того же пахалъ онъ и сѣялъ,
...бы насъ вѣтеръ осенній развѣялъ?"...
...еръ несетъ имъ печальный отвѣтъ:
...ему пахарю моченьки нѣтъ.
...ъ, для чего и пахалъ онъ, и сѣялъ,
...е по силамъ работу затѣялъ.
...о бѣднягѣ—не ѣстъ и не пьетъ,
...ь ему сердце больное сосетъ;
..., что вывели борозды эти,
...охли въ щепку, повисли какъ плети,
... потускли и голосъ пропалъ,
... заунывную пѣсню пѣвалъ,
...ъ, на соху налегая рукою,
...рь задумчиво шелъ полосою...

ИЗЪ СТИХ. „ВЪ БОЛЬНИЦѢ".

Братья писатели! Въ нашей судьбѣ
Что-то лежитъ роковое:
Если бы всѣ мы, не вѣря себѣ,
Выбрали дѣло другое—
Не было-бъ точно, согласенъ и я,
Жалкихъ писакъ и педантовъ—
Только бы не было также, друзья,
Скоттовъ, Шекспировъ и Дантовъ!
Чтобъ одного возвеличить, борьба
Тысячи слабыхъ уноситъ...
Даромъ ничто не дается: судьба
Жертвъ искупительныхъ проситъ!

ИЗЪ ПОЭМЫ „САША".

I.

ВОЗВРАЩЕНІЕ НА РОДИНУ.

Словно какъ мать надъ сыновней могилой,
Стонетъ куликъ надъ равниной унылой...
Пахарь ли пѣсню вдали запоетъ—
Долгая пѣсня за сердце беретъ;
Лѣсъ ли начнется—сосна да осина...
Не весела ты, родная картина!
Что же молчитъ мой озлобленный умъ?
Сладокъ мнѣ лѣса знакомаго шумъ,
Любо мнѣ видѣть знакомую ниву—
Дамъ же я волю благому порыву
И на родимую землю мою
Всѣ накипѣвшія слезы пролью!
Злобою сердце питаться устало:
Много въ ней правды, да радости мало;
Спящихъ въ могилахъ виновныхъ тѣней
Не разбужу я враждою моей.
Родина-мать! Я душою смирился,
Любящимъ сыномъ къ тебѣ воротился.
Сколько-бъ на нивахъ безплодныхъ твоихъ
Даромъ ни сгинуло силъ молодыхъ,
Сколько бы ранней тоски и печали
Вѣчныя бури твои ни нагнали
На боязливую душу мою—
Я, побѣжденъ, предъ тобою стою!
Силу сломили могучія страсти,
Гордую волю погнули напасти,
И про убитую музу мою
Я похоронныя пѣсни пою...
Передъ тобою мнѣ плакать не стыдно,
Ласку твою мнѣ принять не обидно—
Дай мнѣ отраду объятій родныхъ,
Дай мнѣ забвенье страданій моихъ!
Жизнью измятъ я... и скоро я сгину...
Мать не враждебна и къ блудному сыну:
Только что ей я объятья раскрылъ—

Хлынули слезы, прибавилось силъ.
Чудо свершилось: убогая нива
Вдругъ просвѣтлѣла, пышна и красива...
Ласковѣй машетъ вершинами лѣсъ,
Солнце привѣтливѣй смотритъ съ небесъ...

II.

ВЫРУБКА ЛѢСА.

Сколько тутъ было кудрявыхъ березъ!..
Тамъ изъ-за старой нахмуренной ели
Красные грозды калины глядѣли,
Тамъ поднимался дубокъ молодой,
Птицы царили въ вершинѣ лѣсной,
По низу всякіе звѣри таились...
Вдругъ, мужики съ топорами явились!
Лѣсъ зазвенѣлъ, застоналъ, затрещалъ;
Заяцъ послушалъ и вонъ побѣжалъ,
Въ темную нору забилась лисица,
Машетъ крыломъ осторожнѣе птица,
Въ недоумѣньи тащатъ муравьи,
Что ни попало, въ жилища свои.
Съ пѣснями трудъ человѣка спорился:
Словно подкошенъ, осинникъ валился,
Съ трескомъ ломали сухой березнякъ,
Корчили съ корнемъ упорный дубнякъ,
Старую сосну сперва подрубали,
Послѣ арканомъ ее нагибали
И, поваливши, плясали на ней,
Чтобы къ землѣ прилегла поплотнѣй.
Такъ, побѣдивъ послѣ долгаго боя,
Врагъ уже мертваго топчетъ героя.
Много тутъ было печальныхъ картинъ:
Стономъ стонали верхушки осинъ;
Изъ перерубленной старой березы
Градомъ лилися прощальныя слезы
И пропадали, одна за другой,
Данью послѣдней на почвѣ родной.
Кончились поздно труды роковые:
Вышли на небо свѣтила ночныя,
И надъ поверженнымъ лѣсомъ луна
Остановилась, кругла и ясна.
Трупы деревьевъ недвижно лежали;
Сучья ломались, скрипѣли, трещали,
Жалобно листья шумѣли кругомъ.
Такъ, послѣ битвы, во мракѣ ночномъ
Раненый стонетъ, зоветъ, проклинаетъ...
Вѣтеръ надъ полемъ кровавымъ летаетъ—
Праздно лежащимъ оружьемъ звенитъ,
Волосы мертвыхъ бойцовъ шевелитъ!
Тѣни ходили по пнямъ бѣловатымъ,
Жидкимъ осинамъ, березамъ косматымъ;
Низко летали, вились колесомъ
Совы, шарахаясь о земь крыломъ;
Звонко кукушка вдали куковала
Да, какъ безумная, галка кричала,
Шумно летая надъ лѣсомъ... Но ей
Не отыскать неразумныхъ дѣтей!
Съ дерева комомъ галчата упали,
Желтые рты широко разѣвали,
Прыгали, злились... Наскучилъ ихъ крикъ—
И придавилъ ихъ ногою мужикъ.

НА РОДИНѢ.

Роскошны вы, хлѣба заповѣдные
        Родимыхъ нивъ—
Цвѣтутъ, растутъ колосья наливные...
        А я чуть живъ!
Ахъ, странно такъ я созданъ небесами,
        Таковъ мой рокъ,
Что хлѣбъ полей, воздѣланныхъ рабами,
        Нейдетъ мнѣ въ прокъ!

1856 — 1863.

ЗАБЫТАЯ ДЕРЕВНЯ.

У бурмистра Власа бабушка Ненила
Починить избенку лѣсу попросила.
Отвѣчалъ: нѣтъ лѣсу—и не жди, не будетъ!
„Вотъ пріѣдетъ баринъ—баринъ насъ разсудитъ,
Баринъ самъ увидитъ, что плоха избушка,
И велитъ дать лѣсу,—думаетъ старушка.
Кто-то по сосѣдству, лихоимецъ жадный,
У крестьянъ землицы косячокъ изрядный
Оттягалъ, отрѣзалъ плутовскимъ манеромъ.
„Вотъ пріѣдетъ баринъ—будетъ землемѣрамъ!"
Думаютъ крестьяне: „Скажетъ баринъ слово,—
И землицу нашу отдадутъ намъ снова".
Полюбилъ Наташу хлѣбопашецъ вольный,
Да перечитъ дѣвкѣ нѣмецъ сердобольный,
Главный управитель. „Погодимъ, Игнаша,
Вотъ пріѣдетъ баринъ!" говоритъ Наташа.
Малые, большіе—дѣло чуть за споромъ—
„Вотъ пріѣдетъ баринъ!" повторяютъ хоромъ.
Умерла Ненила; на чужой землицѣ
У сосѣда-плута—урожай сторицей;
Прежніе парнишки ходятъ бородаты,
Хлѣбопашецъ вольный угодилъ въ солдаты,
И сама Наташа свадьбой ужъ не бредитъ...
Барина все нѣту... баринъ все не ѣдетъ!
Наконецъ, однажды середи дороги
Шестернею цугомъ показались дроги:
На дрогахъ высокихъ гробъ стоитъ дубовый,
А въ гробу-то баринъ, а за гробомъ новый.
Стараго отпѣли, новый слезы вытеръ,
Сѣлъ въ свою карету—и уѣхалъ въ Питеръ.

ШКОЛЬНИКЪ.

—Ну, пошелъ же, ради Бога!
Небо, ельникъ и песокъ—
Невеселая дорога...
Эй! садись ко мнѣ, дружокъ!
Ноги босы, грязно тѣло
И едва прикрыта грудь...
Не стыдися! что за дѣло?
Это многихъ славныхъ путь.
Вижу я въ котомкѣ книжку,—
Такъ учиться ты идешь?..
Знаю: батька на сынишку
Издержалъ послѣдній грошъ.
Знаю, старая дьячиха
Отдала четвертачекъ,
Чтó проѣзжая купчиха
Подарила на чаекъ.
Или, можетъ, ты дворовый,
Изъ отпущенныхъ?.. Ну, что-жь!
Случай тоже ужъ не новый—
Не робѣй, не пропадешь!
Скоро самъ узнаешь въ школѣ,
Какъ архангельскій мужикъ
По своей и Божьей волѣ
Сталъ разуменъ и великъ.
Не безъ добрыхъ душъ на свѣтѣ—
Кто-нибудь свезетъ въ Москву,
Будешь въ университетѣ,—
Сонъ свершится на яву!
Тамъ ужъ поприще широко:
Знай работай да не трусь!..
Вотъ за что тебя глубоко
Я люблю, родная Русь!
Не бездарна та природа,
Не погибъ еще тотъ край,
Чтó выводитъ изъ народа
Столько славныхъ то-и-знай,—
Столько добрыхъ, благородныхъ,
Сильныхъ любящей душой,
Посреди тупыхъ, холодныхъ
И напыщенныхъ собой!

———

ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЯ „ТИШИНА".

Все рожь кругомъ, какъ степь живая,
Ни замковъ, ни морей, ни горъ...
Спасибо, сторона родная,
За твой врачующій просторъ!
За дальнимъ Средиземнымъ моремъ,
Подъ небомъ ярче твоего,
Искалъ я примиренья съ горемъ—
И не нашелъ я ничего!..
Я твой. Пусть ропотъ укоризны
За мною по пятамъ бѣжалъ,
Не небесамъ чужой отчизны—
Я пѣсни родинѣ слагалъ!
И нынѣ жадно повѣряю
Мечту любимую мою
И въ умиленьи посылаю
Всему привѣтъ . . . . .
Храмъ Божій на горѣ мелькнулъ
И дѣтски-чистымъ чувствомъ вѣры
Внезапно на душу пахнулъ.
Нѣтъ отрицанья, нѣтъ сомнѣнья,
И шепчетъ голосъ неземной:
Лови минуту умиленья,
Войди съ открытой головой!
Какъ ни тепло чужое море,
Какъ ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль!
Храмъ воздыханья, храмъ печали—
Убогій храмъ земли твоей:
Тяжеле стоновъ не слыхали
Ни римскій Петръ, ни Колизей!
Сюда народъ, тобой любимый,
Своей тоски неодолимой
Святое бремя приносилъ—
И облегченный уходилъ!
Войди! Христосъ наложитъ руки
И сниметъ волею святой
Съ души оковы, съ сердца муки
И язвы съ совѣсти больной...
Я внялъ... Я дѣтски умилился...
И долго я рыдалъ и бился
О плиты старыя челомъ,
Чтобы простилъ, чтобъ заступился,
Чтобъ осѣнилъ меня крестомъ
Богъ угнетенныхъ, Богъ скорбящихъ,
Богъ поколѣній, предстоящихъ
Предъ этимъ скуднымъ алтаремъ!

1857.

———

РАЗМЫШЛЕНІЯ У ПАРАДНАГО ПОДЪѢЗДА.

Вотъ парадный подъѣздъ. По торжественнымъ днямъ,
Одержимый холопскимъ недугомъ,
Цѣлый городъ съ какимъ-то испугомъ
Подъѣзжаетъ къ завѣтнымъ дверямъ;
Записавъ свое имя и званье,
Разъѣзжаются гости домой,
Такъ глубóко довольны собой,
Что подумаешь—въ томъ ихъ призванье!
А въ обычные дни этотъ пышный подъѣздъ
Осаждаютъ убогія лица:
Прожектеры, искатели мѣстъ,
И преклонный старикъ, и вдовица.
Отъ него и къ нему то-и-знай по утрамъ

Все курьеры съ бумагами скачутъ.
Возвращаясь, иной напѣваетъ „трамъ-трамъ",
А иные просители плачутъ.
Разъ я видѣлъ, сюда мужики подошли,
Деревенскіе русскіе люди,
Помолились на церковь и стали вдали,
Свѣсивъ русыя головы къ груди.
Показался швейцаръ. „Допусти", говорятъ
Съ выраженьемъ надежды и муки.
Онъ гостей оглядѣлъ: некрасивы на взглядъ!
Загорѣлыя лица и руки,
Армячишка худой на плечахъ,
По котомкѣ на спинахъ согнутыхъ,
Крестъ на шеѣ и кровь на ногахъ,
Въ самодѣльные лапти обутыхъ
(Знать, брели-то долгонько они
Изъ какихъ-нибудь дальнихъ губерній).
Кто-то крикнулъ швейцару: „Гони!
Нашъ не любитъ оборванной черни!"
И захлопнулась дверь. Постоявъ,
Развязали кошли пилигримы,
Но швейцаръ не пустилъ, скудной лепты не взявъ.
И пошли они, солнцемъ палимы,
Повторяя: суди его Богъ!
Разводя безнадежно руками,
И, покуда я видѣть ихъ могъ,
Съ непокрытыми шли головами...
А владѣлецъ роскошныхъ палатъ
Еще сномъ былъ глубокимъ объятъ...
Ты, считающій жизнью завидною
Упоеніе лестью безстыдною,
Волокитство, обжорство, игру,
Пробудись! Есть еще наслажденіе:
Вороти ихъ! въ тебѣ ихъ спасеніе!
Но счастливые глухи къ добру...
Не страшатъ тебя громы небесные,
А земные ты держишь въ рукахъ.
И несутъ эти люди безвѣстные
Неисходное горе въ сердцахъ.
Что́ тебѣ эта скорбь вопіющая,
Что тебѣ этотъ бѣдный народъ?
Вѣчнымъ праздникомъ быстро бѣгущая
Жизнь очнуться тебѣ не даетъ.
И къ чему? Щелкоперовъ забавою
Ты народное благо зовешь;
Безъ него проживешь ты со славою
И со славой умрешь!
Безмятежнѣй аркадской идилліи
Закатятся преклонные дни:
Подъ плѣнительнымъ небомъ Сициліи,
Въ благовонной древесной тѣни,
Созерцая, какъ солнце пурпурное
Погружается въ море лазурное,
Полосами его золотя,—
Убаюканный ласковымъ пѣніемъ
Средиземной волны,—какъ дитя,
Ты уснешь, окруженъ попеченіемъ
Дорогой и любимой семьи
(Ждущей смерти твоей съ нетерпѣніемъ)
Привезутъ къ намъ останки твои,
Чтобъ почтить похоронною тризною,
И сойдешь ты въ могилу... герой,
Втихомолку проклятый отчизною,
Возвеличенный громкой хвалой!..
Впрочемъ, что-жъ мы такую особу
Безпокоимъ для мелкихъ людей?
Не на нихъ ли намъ выместить злобу?
Безопаснѣй... Еще веселѣй
Въ чемъ-нибудь пріискать утѣшенье...
Не бѣда, что потерпитъ мужикъ.
Такъ ведущее насъ Провидѣнье
Указало... да онъ же привыкъ!
За заставой, въ харчевнѣ убогой,
Все пропьютъ бѣдняки, до рубля,
И пойдутъ, побираясь дорогой,
И застонутъ... Родная земля!
Назови мнѣ такую обитель,
Я такого угла не видалъ,
Гдѣ бы сѣятель твой и хранитель,
Гдѣ бы русскій мужикъ не стоналъ?
Стонетъ онъ по полямъ, по дорогамъ,
Стонетъ онъ по тюрьма́мъ, по острогамъ,
Въ рудникахъ на желѣзной цѣпи;
Стонетъ онъ подъ овиномъ, подъ стогомъ,
Подъ телѣгой, ночуя въ степи;
Стонетъ въ собственномъ бѣдномъ домишкѣ,
Свѣту Божьяго солнца не радъ;
Стонетъ въ каждомъ глухомъ городишкѣ,
У подъѣзда судовъ и палатъ.
Выдь на Волгу: чей стонъ раздается
Надъ великою русской рѣкой?
Этотъ стонъ у насъ пѣсней зовется—
То бурлаки идутъ бичевой!..
Волга! Волга! Весной многоводной
Ты не такъ заливаешь поля,
Какъ великою скорбью народной
Переполнилась наша земля—
Гдѣ народъ, тамъ и стонъ... Эхъ, сердечный!
Что же значитъ твой стонъ безконечный?
Ты проснешься-ль, исполненный силъ,
Иль, судебъ повинуясь закону,
Все, что могъ, ты уже совершилъ—
Создалъ пѣсню, подобную стону,
И духовно навѣки почилъ?..

———

* * *

Въ столицахъ шумъ, гремятъ витіи,
Кипитъ словесная война,

А тамъ, во глубинѣ Россіи,
Тамъ вѣковая тишина.
Лишь вѣтеръ не даетъ покою
Вершинамъ придорожныхъ ивъ,
И выгибаются дугою,
Цѣлуясь съ матерью-землею,
Колосья безконечныхъ нивъ...

———

ИЗЪ „РЫЦАРЯ НА ЧАСЪ“.

Если пасмуренъ день, если ночь не свѣтла,
сли вѣтеръ осенній бушуетъ, —
адъ душой воцаряется мгла,
мъ, бездѣйствуя вяло, тоскуетъ.
олько сномъ и возможно помочь,
о, къ несчастью, не всякому спится...
Слава Богу! морозная ночь—
сегодня не буду томиться.
о широкому полю иду,
аздаются шаги мои звонко;
азбудилъ я гусей на пруду,
со стога спугнулъ ястребенка:
акъ онъ вздрогнулъ! какъ крылья развилъ!
акъ взмахнулъ ими сильно и плавно!
олго, долго за нимъ я слѣдилъ,
невольно сказалъ ему: славно!
у! стучитъ проѣзжающій возъ,
еготькомъ потянуло съ дороги...
боняніе тонко въ морозъ,
ысли свѣжи, выносливы ноги.
тдаешься невольно во власть
кружающей бодрой природы...
ила юности, мужество, страсть
великое чувство свободы
аполняютъ ожившую грудь.
. . . .
аль глубоко прозрачна, чиста,
ѣсяцъ полный плыветъ надъ дубровой,
господствуютъ въ небѣ цвѣта—
олубой, бѣловатый, лиловый.
оды ярко блестятъ средь полей,
земля прихотливо одѣта
ь волны бѣлаго луннаго свѣта
узорчатыхъ, странныхъ тѣней.
тъ большихъ очертаній картины
о тончайшихъ сѣтей паутины,
тó, какъ иней, къ землѣ прилегли—
се отчетливо видно: далече
ротянулися полосы гречи,
расной лентой по скату прошли;
амыкающій сонныя нивы,
ѣсъ сквозитъ, весь усыпанъ листвой;
удны красокъ его переливы
одъ играющей ясной луной!
убъ ли пасмурный, кленъ ли веселый—
Въ немъ легко отличишь издалй;
Грудью къ сѣверу, воронъ тяжелый—
Видишь—дремлетъ на старой ели...
Все, чѣмъ можетъ порадовать сына
Поздней осенью родина-мать:
Зеленѣющей озими гладь,
Подо льномъ—золотая долина,
Посреди освѣщенныхъ луговъ
Величавое войско стоговъ,—
Все доступно довольному взору...
Не сожмется мучительно грудь,
Если-бъ даже пришлось въ эту пору
На родную деревню взглянуть:
Не видна ея бѣдность нагая!
Запаслася скирдами, родная,
Окружилася ими она
И стоитъ, словно полная чаша.
Пожелай ей покойнаго сна—
Утомилась, кормилица наша!..
Спи, кто можетъ—я спать не могу,
Я стою потихоньку, безъ шуму,
На покрытомъ стогами лугу
И невольную думаю думу.
Не умѣлъ я съ собой совладать,
Не осилилъ я думы жестокой...
Въ эту ночь я хотѣлъ бы рыдать
На могилѣ далекой,
Гдѣ лежитъ моя бѣдная мать..
. . . .
Повидайся со мною, родимая,
Появись легкой тѣнью на мигъ!
Всю ты жизнь прожила нелюбимая,
Всю ты жизнь прожила для другихъ.
Съ головой, бурямъ жизни открытою,
Весь свой вѣкъ подъ грозою сердитою
Простояла ты, грудью своей
Защищая любимыхъ дѣтей.
И гроза надъ тобой разразилася!..
Ты, не дрогнувъ, ударъ приняла,
За враговъ, умирая, молилася,
На дѣтей милость Бога звала.
Неужели-жъ за годы страданія
Тотъ, Кто столько тобою былъ чтимъ,
Не пошлетъ тебѣ радость свиданія
Съ погибающимъ сыномъ твоимъ?..
Я кручину мою многолѣтнюю
На родимую грудь изолью,
Я тебѣ мою пѣсню послѣднюю,
Мою горькую пѣсню спою.
О, прости! то не пѣснь утѣшенія,
Я заставлю страдать тебя вновь,
Но я гибну—и ради спасенія
Я твою призываю любовь!
Я пою тебѣ пѣснь покаянія,
Чтобы кроткія очи твои

Смыли жаркой слезою страданія
Всѣ позорныя пятна мои!
Чтобъ ту силу свободную, гордую,
Что́ въ мою заложила ты грудь,
Укрѣпила ты волею твердою
И на правый поставила путь...
Треволненья мірского далекая,
Съ неземнымъ выраженьемъ въ очахъ.
Русокудрая, голубоокая,
Съ тихой грустью на блѣдныхъ устахъ,
Подъ грозой величаво-безгласная,
Молода умерла ты, прекрасная,
И такой же явилась ты мнѣ
При волшебно свѣтящей лунѣ...
Да! я вижу тебя, блѣднолицую,
И на судъ твой себя отдаю:
Не робѣть передъ правдой-царицею
Научила ты музу мою.
Мнѣ не страшны друзей сожалѣнія,
Не обидно враговъ торжество,—
Изреки только слово прощенія,
Ты, чистѣйшей любви божество!
Что враги? Пусть клевещутъ язвительнѣй,
Я пощады у нихъ не прошу:
Не придумать имъ казни мучительнѣй
Той, которую въ сердцѣ ношу!
Что друзья? Наши силы не ровныя:
Я ни въ чемъ середины не зналъ,—
Что́ обходятъ они, хладнокровные,
Я на все безразсудно дерзалъ;
Я не думалъ, что молодость шумная,
Что надменная сила пройдетъ,
И влекла меня жажда безумная,
Жажда жизни—впередъ и впередъ!
Увлекаемъ безславною битвою,
Сколько разъ я надъ бездной стоялъ,
Поднимался твоею молитвою,
Снова падалъ—и вовсе упалъ!
Выводи на дорогу тернистую!
Разучился ходить я по ней,
Погрузился я въ тину нечистую
Мелкихъ помысловъ, мелкихъ страстей.
Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ,
Обагряющихъ руки въ крови
Уведи меня въ станъ погибающихъ
За великое дѣло любви!
Тотъ, чья жизнь безполезно разбилася,
Можетъ смертью еще доказать,
Что въ немъ сердце не робкое билося,
Что умѣлъ онъ любить!..
. . . .

БУРЛАКИ.

[Изъ поэмы „На Волгѣ“.]

О, Волга! Послѣ многихъ лѣтъ
Я вновь принесъ тебѣ привѣтъ.
Ужъ я не тотъ, но ты свѣтла
И величава, какъ была.
Кругомъ все та же даль и ширь,
Все тотъ же виденъ монастырь
На острову, среди песковъ,
И даже трепетъ прежнихъ дней
Я ощутилъ въ душѣ моей;
Все то же, то же... Только нѣтъ
Убитыхъ силъ, прожитыхъ лѣтъ!
. . . .
Въ какихъ-то розовыхъ мечтахъ
Я позабылся. Сонъ и зной
Уже царили надо мной.
Но вдругъ я стоны услыхалъ—
И взоръ мой на берегъ упалъ.
Почти пригнувшись головой
Къ ногамъ, обвитымъ бичевой,
Обутымъ въ лапти, вдоль рѣки
Ползли гурьбою бурлаки,
И былъ невыносимо-дикъ
И страшно ясенъ въ тишинѣ
Ихъ мѣрный похоронный крикъ,—
И сердце дрогнуло во мнѣ.
О, Волга, колыбель моя!
Любилъ ли кто тебя, какъ я?
Одинъ по утреннимъ зарямъ,
Когда еще все въ мірѣ спитъ
И алый блескъ едва скользитъ
По темно-голубымъ волнамъ,
Я убѣгалъ къ родной рѣкѣ.
Иду на помощь къ рыбакамъ,
Катаюсь съ ними въ челнокѣ,
Брожу съ ружьемъ по островамъ—
То, какъ играющій звѣрекъ,
Съ высокой кручи на песокъ
Скачусь, то берегомъ рѣки
Бѣгу, бросая камешки,
И пѣсню громкую пою
Про удаль раннюю мою...
Тогда я думать былъ готовъ,
Что не уйду я никогда
Съ песчаныхъ этихъ береговъ.
И не ушелъ бы никуда,
Когда-бъ, о Волга, надъ тобой
Не раздавался этотъ вой!
Давно давно, въ такой же часъ,
Его услышавъ въ первый разъ,
Я былъ испуганъ, оглушенъ.
Я знать хотѣлъ, что́ значитъ онъ,
И долго берегомъ рѣки

Бѣжалъ. Устали бурлаки,
Котелъ съ расшивы принесли,
Усѣлись, развели костеръ
И межъ собою повели
Неторопливый разговоръ.
. . . .

Безъ шапки, блѣдный, чуть живой,
Лишь поздно вечеромъ домой
Я воротился. Кто тутъ былъ—
У всѣхъ отвѣта я просилъ
На то, что́ видѣлъ, и во снѣ
О томъ, что́ разсказали мнѣ,
Я бредилъ; няню испугалъ...
„Сиди, родименькій, сиди!
Гулять сегодня не ходи!"
Но я на Волгу убѣжалъ.
Богъ вѣсть, что́ сдѣлалось со мной?
Я не узналъ рѣки родной!
Съ трудомъ ступаетъ на песокъ
Моя нога: онъ такъ глубокъ...
Ужъ не манитъ на острова
Ихъ ярко свѣжая трава;
Прибрежныхъ птицъ знакомый крикъ
Зловѣщъ, пронзителенъ и дикъ,
И говоръ тѣхъ же милыхъ волнъ
Иною музыкою полнъ!
О, горько, горько я рыдалъ,
Когда въ то утро я стоялъ
На берегу родной рѣки,
И въ первый разъ ее назвалъ
Рѣкою рабства и тоски!..
Что́ я въ ту пору замышлялъ,
Созвавъ товарищей-дѣтей,
Какія клятвы я давалъ —
Пускай умретъ въ душѣ моей,
Чтобъ кто-нибудь не осмѣялъ!
. . . .

Унылый, сумрачный бурлакъ!
Какимъ тебя я въ дѣтствѣ зналъ,
Такимъ и нынѣ увидалъ:
Все ту же пѣсню ты поешь,
Все ту же лямку ты несешь;
Въ чертахъ унылаго лица
Все та-жъ покорность безъ конца...
Прочна суровая среда,
Гдѣ поколѣнія людей
Живутъ и гибнутъ безъ слѣда
И безъ урока для дѣтей!
Отецъ твой сорокъ лѣтъ стоналъ,
Бродя по этимъ берегамъ,
И передъ смертію не зналъ,
Что́ заповѣдать сыновьямъ;
И, какъ ему, не довелось
Тебѣ наткнуться на вопросъ:
Чѣмъ хуже былъ бы твой удѣлъ,
Когда-бъ ты менѣе терпѣлъ?..
Какъ онъ, безгласно ты умрешь,
Какъ онъ, безвѣстно пропадешь.
Такъ заметается пескомъ
Твой слѣдъ на этихъ берегахъ,
Гдѣ ты шагаешь подъ ярмомъ,
Не краше узника въ цѣпяхъ,
Твердя постылыя слова.
Отъ вѣка тѣ же: „разъ да два!"
Съ болѣзненнымъ припѣвомъ: „ой!"
И въ тактъ мотая головой...

КРЕСТЬЯНСКІЯ ДѢТИ.

Опять я въ деревнѣ. Хожу на охоту,
Пишу мои вирши—живется легко.
Вчера, утомленный ходьбой по болоту,
Забрелъ я въ сарай и заснулъ глубоко.
Проснулся: въ широкія щели сарая
Глядятся веселаго солнца лучи.
Воркуетъ голубка; надъ крышей летая,
Кричатъ молодые грачи.
Летитъ и другая какая-то птица—
По тѣни узналъ я ворону, какъ разъ!
Чу! шопотъ какой-то... А вотъ вереница
Вдоль щели внимательныхъ глазъ!
Все сѣрые, каріе, синіе глазки—
Смѣшались, какъ въ полѣ цвѣты.
Въ нихъ столько покоя, свободы и ласки,
Въ нихъ столько святой доброты!
Я дѣтскаго взгляда люблю выраженье,
Его я узна́ю всегда.
Я замеръ: коснулось души умиленье...
Чу! шопотъ опять!
ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ. — Борода!
ВТОРОЙ. А баринъ, сказали!..
ТРЕТІЙ. Потише вы, черти!
ВТОРОЙ. У баръ бороды не бываетъ—усы.
ПЕРВЫЙ. А ноги-то длинныя, словно какъ жерди.
ЧЕТВЕРТЫЙ. А вона на шапкѣ, гляди-тко,—часы!
ПЯТЫЙ. Ай, важная штука!
ШЕСТОЙ. И цѣпь золотая...
СЕДЬМОЙ. Чай, дорого стоитъ?
ВОСЬМОЙ. Какъ солнце горитъ!
ДЕВЯТЫЙ. А вона собака—большая, большая!
Вода съ языка-то бѣжитъ.
ПЯТЫЙ. Ружье! Погляди-тко: стволина двойная,
Замочки рѣзные...
ТРЕТІЙ [съ испугомъ]. Глядитъ!
ЧЕТВРРТЫЙ. Молчи, ничего! Постоимъ еще,
Гриша!
ТРЕТІЙ. Прибьетъ...
Испугались шпіоны мои
И кинулись прочь: человѣка заслыша,

Такъ стаей съ мякины летятъ воробьи.
Затихъ я, прищурился—снова явились,
Глазёнки мелькаютъ въ щели.
Что́ было со мною—всему подивились
И мой приговоръ изрекли:
„Такому-то гусю ужъ что́ за охота!
Лежалъ бы себѣ на печи!
И видно не баринъ: какъ ѣхалъ съ болота,
Такъ рядомъ съ Гаврилой"... „Услышитъ, молчи!"
О милые плуты! Кто часто ихъ видѣлъ,
Тотъ, вѣрю я, любитъ крестьянскихъ дѣтей;
Но если бы даже ты ихъ ненавидѣлъ,
Читатель, какъ „низкаго рода людей",—
Я все-таки долженъ сознаться открыто,
Что часто завидую имъ:
Въ ихъ жизни такъ много поэзіи слито,
Какъ дай Богъ балованнымъ дѣткамъ твоимъ!
Счастливый народъ! Ни науки, ни нѣги
Не вѣдаютъ въ дѣтствѣ они.
Я дѣлывалъ съ ними грибные набѣги:
Раскапывалъ листья, обшаривалъ пни,
Старался примѣтить грибное мѣстечко,
А утромъ не могъ ни за что отыскать.
„Взгляни-ка, Савося, какое колечко!"
Мы оба нагнулись, да разомъ и хвать
Змѣю! Я подпрыгнулъ: ужалила больно!
Савося хохочетъ: „Попался спроста!"
Зато мы потомъ ихъ губили довольно
И клали рядкомъ на перилы моста.
Должно быть, за подвиги славы мы ждали.
У насъ же дорога большая была;
Рабочаго званія люди сновали
По ней безъ числа:
Копатель канавъ, вологжанинъ,
Лудильщикъ, портной, шерстобитъ,
А то въ монастырь горожанинъ
Подъ праздникъ молиться катитъ.
Подъ наши густые, старинные вязы
На отдыхъ тянуло усталыхъ людей.
Ребята обступятъ: начнутся разсказы
Про Кіевъ, про турку, про чудныхъ звѣрей.
Иной подгуляетъ, такъ только держися—
Начнетъ съ Волочка, до Казани дойдетъ!
Чухну передразнитъ, мордву, черемиса,
И сказкой потѣшитъ, и притчу ввернетъ.
. . . .
Рабочій разставитъ, разложитъ снаряды—
Рубанки, подпилки, долота, ножи:
„Гляди, чертенята!" А дѣти и рады:
Какъ пилишь, какъ лудишь—имъ все покажи.
Прохожій заснетъ подъ свои прибаутки,
Ребята за дѣло—пилить и строгать!
Иступятъ пилу—не наточишь и въ сутки,
Сломаютъ буравъ—и съ испугу бѣжать.
Случалось, тутъ цѣлые дни пролетали,
Что́ новый прохожій, то новый разсказъ...
Ухъ, жарко!.. До полдня грибы собирали.
Вотъ изъ лѣсу вышли—навстрѣчу, какъ разъ,
Синѣющей лентой, извилистой, длинной,
Рѣка луговая: спрыгнули гурьбой,
И русыхъ головокъ надъ рѣчкой пустынной
Что́ бѣлыхъ грибовъ на полянкѣ лѣсной!
Рѣка огласилась и смѣхомъ, и воемъ:
Тутъ драка—не драка, игра—не игра...
А солнце палитъ ихъ полуденнымъ зноемъ.
Домой, ребятишки! обѣдать пора!
Вернулись. У каждаго полно лукошко.
А сколько разсказовъ! Попался косой,
Поймали ежа... Заблудились немножко
И видѣли волка... у, страшный какой!
Ежу предлагаютъ и мухъ, и козявокъ,
Корнѣй молочко ему отдалъ свое—
Не пьетъ!—Отступились...
Кто ловитъ піявокъ
На лавѣ, гдѣ матка колотитъ бѣлье,
Кто нянчитъ сестренку двухлѣтнюю Глашку,
Кто тащитъ на пожню ведерко кваску;
А тотъ, подвязавши подъ горло рубашку,
Таинственно что то чертитъ по песку.
Та въ лужу забилась, а эта съ обновой:
Сплела себѣ славный вѣнокъ,—
Все бѣленькій, желтенькій, блѣдно лиловый
Да изрѣдка красный цвѣтокъ.
Тѣ спятъ на припекѣ, тѣ пляшутъ въ присядку.
Вотъ дѣвочка ловитъ лукошкомъ лошадку:
Поймала, вскочила и ѣдетъ на ней.
И ей ли, подъ солнечнымъ зноемъ рожденной
И въ фартукѣ съ поля домой принесенной,
Бояться смиренной лошадки своей?..
Грибная пора отойти не успѣла,
Гляди: ужъ чернехоньки губы у всѣхъ,
Набили оскому: черника поспѣла!
А тамъ и малина, брусника, орѣхъ!
Ребяческій крикъ, повторяемый эхомъ,
Съ утра и до ночи гремитъ по лѣсамъ.
Испугана пѣньемъ, ауканьемъ, смѣхомъ,
Взлетитъ ли тетеря, закокавъ птенцамъ,
Зайчёнокъ ли вскочитъ—содомъ, суматоха!
Вотъ старый глухарь съ облинялымъ крыломъ
Въ кусту завозился... ну, бѣдному плохо!
Живого въ деревню тащáтъ съ торжествомъ...
—Довольно, Ванюша! Гулялъ ты не мало,
Пора за работу родной!—
Но даже и трудъ обернется сначала
Къ Ванюшѣ нарядной своей стороной:
Онъ видитъ, какъ поле отецъ удобряетъ,
Какъ въ рыхлую землю бросаетъ зерно,
Какъ поле потомъ зеленѣть начинаетъ,
Какъ колосъ ростетъ, наливаетъ зерно;
Готовую жатву подрѣжутъ серпами,

ъ снопы перевяжутъ, на ригу свезутъ,
росушатъ, колотятъ-колотятъ цѣпами,
а мельницѣ смелютъ и хлѣбъ испекутъ.
этвѣдаетъ свѣжаго хлѣбца ребенокъ
въ поле охотнѣй бѣжитъ за отцомъ.
авьютъ ли сѣнца: „Полѣзай, пострѣленокъ!“
анюша въ деревню въѣзжаетъ царемъ...

. . . .

Однажды, въ студеную зимнюю пору
изъ лѣсу вышелъ. Былъ сильный морозъ.
ляжу: поднимается медленно въ гору
юшадка, везущая хворосту возъ.
, шествуя важно, въ спокойствіи чинномъ,
юшадку ведетъ подъ уздцы мужичокъ
ъ большихъ сапогахъ, въ полушубкѣ овчинномъ,
ъ большихъ рукавицахъ... а самъ съ ноготокъ!
- Здорово, парнище!—Ступай себѣ мимо!
- Ужъ больно ты грозенъ, какъ я погляжу!
ткуда дровишки?—Изъ лѣсу, вѣстимо;
тецъ, слышишь, рубитъ, а я отвожу
Въ лѣсу раздавался топоръ дровосѣка).
- А что, у отца-то большая семья?
- Семья-то большая, да два человѣка
сего мужиковъ-то: отецъ мой да я...
- Такъ вотъ оно что! А какъ звать тебя?
— Власомъ.
- А кой тебѣ годикъ?—Шестой миновалъ...
у, мертвая! крикнулъ малюточка басомъ,
ванулъ подъ уздцы и быстрѣй зашагалъ.
а эту картину такъ солнце свѣтило,
ебенокъ былъ такъ уморительно малъ,
акъ будто все это картонное было,
акъ будто бы въ дѣтскій театръ я попалъ!
о мальчикъ былъ мальчикъ живой, настоящій,
дровни, и хворостъ, и пѣгонькій конь,
снѣгъ, до окошекъ деревни лежащій,
зимняго солнца холодный огонь—
се, все настоящее русское было,
ъ клеймомъ нелюдимой мертвящей зимы,
Что русской душѣ такъ мучительно мило,
то русскія мысли вселяетъ въ умы,
ѣ честныя мысли, которымъ нѣтъ воли,
оторымъ нѣтъ смерти—дави, не дави,—
ъ которыхъ такъ много и злобы, и боли,
ъ которыхъ такъ много любви!

. . . .

еперь намъ пора возвратиться къ началу.
амѣтивъ, что стали ребята смѣлѣй,—
— Эй! воры идутъ! закричалъ я Фингалу:
— Украдутъ, украдутъ! Ну, прячь поскорѣй!—
Фингалушка скорчилъ серьезную мину,
одъ сѣно пожитки мои закопалъ,
Съ особымъ стараньемъ припряталъ дичину,
ногъ моихъ легъ—и сердито рычалъ.
Обширная область собачьей науки
Ему въ совершенствѣ знакома была:
Онъ началъ такія выкидывать штуки,
Что публика съ мѣста сойти не могла!
Дивятся, хохочутъ! Ужъ тутъ не до страха!
Командуютъ сами:—Фингалка, умри!
— Не засти, Сергѣй! Не толкайся, Кузяха!—
Смотри, умираетъ! Смотри!—
Я самъ наслаждался, валяясь на сѣнѣ,
Ихъ шумнымъ весельемъ. Вдругъ стало темно
Въ сараѣ: такъ быстро темнѣетъ на сценѣ,
Когда разразиться грозѣ суждено.
И точно: ударъ прогремѣлъ надъ сараемъ,
Въ сарай полилась дождевая рѣка,
Актеръ залился оглушительнымъ лаемъ,
А зрители дали стречка!
Широкая дверь отперлась, заскрипѣла,
Ударилась въ стѣну, опять заперлась.
Я выглянулъ: темная туча висѣла
Надъ нашимъ театромъ какъ разъ.
Подъ крупнымъ дождемъ ребятишки бѣжали,
Босые, къ деревнѣ своей...
Мы съ вѣрнымъ Фингаломъ грозу переждали
И вышли искать дупелей.

ИЗЪ „КОРОБЕЙНИКОВЪ“.

Хорошо было дѣтинушкѣ
Сыпать ласковы слова,
Да трудненько Катеринушкѣ
Парня ждать до Покрова.
Часто въ ночку одинокую
Дѣвка часу не спала;
А какъ жала рожь высокую—
Слезы въ три ручья лила!
Извелась бы неутѣшная,
Кабы время горевать,
Да пора страдна́я, спѣшная—
Надо десять дѣлъ кончать.
Какъ ни часто приходилося
Молодицѣ не втерпёжъ,—
Подъ косой трава валилася,
Подъ серпомъ горѣла рожь.
Изо всей-то силы-моченьки
Молотила по утрамъ,
Ленъ стлала́ до поздней ноченьки
По росистымъ по лугамъ.
Стелетъ ленъ, а неотвязная
Дума на́ сердцѣ лежитъ:
„Какъ другая дѣвка красная
Молодца приворожитъ?
Какъ разлюбитъ? Какъ засватаетъ
На чужой-то сторонѣ?“
И у дѣвки сердце падаетъ...
— Ты женись, женись на мнѣ!

Ни тебѣ, ни свекру-батюшкѣ
Николи не согрублю,
Отъ свекрови, твоей матушки,
Слово всякое стерплю.
Не дворянка, не купчиха я,
Да и нравомъ-то смирна,
Буду я невѣстка тихая,
Работящая жена.
Ты не нудь себя работою,
Силы мнѣ не занимать,
Я за милаго съ охотою
Буду пашенку пахать.
Ты живи себѣ гуляючи
За работницей женой,
По базарамъ разъѣзжаючи,
Веселися, пѣсни пой!
А вернешься съ торгу пьяненькій—
Накормлю и уложу!
„Спи, пригожій, спи, румяненькій!"
Больше слова не скажу.
Видитъ Богъ, не осердилась бы...
Обрядила бы коня,
Да къ тебѣ и подвалилась бы:
— Поцѣлуй, дружокъ, меня!—
Думы дѣвичьи завѣтныя,
Гдѣ васъ всѣ-то угадать?
Легче камни самоцвѣтные
На днѣ моря сосчитать.
Ужъ овечка опушается,
Чуя близость холодовъ;
Катя пуще разгорается...
Вотъ и праздничекъ Покровъ!

———

ПЛАЧЪ ДѢТЕЙ.
[Изъ Елизаветы Броунингъ.]

Равнодушно слушая проклятья
Въ битвѣ съ жизнью гибнущихъ людей,
Изъ-за нихъ вы слышите ли, братья,
Тихій плачъ и жалобы дѣтей?
„Въ золотую пору малолѣтства
Все живое счáстливо живетъ,
Не трудясь, съ ликующаго дѣтства
Дань забавъ и радости беретъ.
Только намъ гулять не довелося
По полямъ, по нивамъ золотымъ:
Цѣлый день на фабрикахъ колеса
Мы вертúмъ—вертимъ—вертимъ!
Колесо чугунное вертúтся,
И гудитъ, и вѣтромъ обдаетъ,
Голова пылаетъ и кружúтся,
Сердце бьется, все кругомъ идетъ.
Красный носъ безжалостной старухи,
Чтó за нами смотритъ сквозь очки,
По стѣнамъ гуляющія мухи,
Стѣны, окна, двери, потолки,—
Все и всѣ! Впадая въ изступленье,
Начинаемъ громко мы кричать:
—Погоди, ужасное круженье,
Дай намъ память слабую собрать!
Безполезно плакать и молиться,
Колесо не слышитъ, не щадитъ:
Хоть умри—проклятое вертúтся,
Хоть умри—гудитъ, гудитъ, гудитъ!
Гдѣ ужъ намъ, измученнымъ въ неволѣ,
Ликовать, рѣзвиться и скакать!
Если бъ насъ теперь пустили въ поле,
Мы въ траву попáдали бы—спать.
Намъ домой скорѣй бы воротиться...
Но зачѣмъ идемъ мы и туда?
Сладко намъ и дома не забыться:
Встрѣтятъ насъ заботы и нужда!
Тамъ, припавъ усталой головою
Къ грýди блѣдной матери своей,
Зарыдавъ надъ ней и надъ собою,
Разорвемъ на части сердце ей..."

———

ИЗЪ ПОЭМЫ „МОРОЗЪ, КРАСНЫЙ НОСЪ".

Возили снопы мужики,
А Дарья картофель копала
Съ сосѣднихъ полосъ у рѣки.
Свекровь ея тутъ же, старушка,
Трудилась; на полномъ мѣшкѣ
Красивая Маша, рѣзвушка,
Сидѣла съ морковкой въ рукѣ.
Телѣга, скрипя, подъѣзжаетъ—
Савраска глядитъ на своихъ,
И Проклушка крупно шагаетъ
За возомъ сноповъ золотыхъ.
— Богъ помощь! А гдѣ же Гришуха?—
Отецъ мимоходомъ сказалъ.
„Въ горохахъ", сказала старуха.
— Гришуха! отецъ закричалъ;
На небо взглянулъ.—Чай, не рано?
Испить бы...—Хозяйка встаетъ
И Проклу изъ бѣлаго жбана
Напиться кваску подаетъ.
Гришуха, межъ тѣмъ, отозвался:
Горохомъ опутанъ кругомъ,
Проворный мальчуга казался
Бѣгущимъ зеленымъ кустомъ.
Бѣжитъ!.. У, бѣжитъ пострѣленокъ,
Горитъ поръ ногами трава...
Гришуха черёнъ, какъ галчонокъ,
Бѣла лишь одна голова...
Машутка отцу закричала:
— Возьми меня, тятька, съ собой!—

Спрыгнула съ мѣшка и упала.
Отецъ ее поднялъ: „Не вой!
Убилась—не важное дѣло.
Дѣвчонокъ не надобно мнѣ,
Еще вотъ такого пострѣла
Рожай мнѣ, хозяйка, къ веснѣ!
Смотри же!..“ Жена застыдилась:
— Довольно съ тебя одного!
(А знала—подъ сердцемъ ужъ билось
Дитя)... „Ну, Машукъ, ничего!“
И Проклушка, ставъ на телѣгу,
Машутку съ собой посадилъ;
Вскочилъ и Гришуха съ разбѣгу,
И съ грохотомъ возъ покатилъ.
Воробушковъ стая слетѣла
Съ сноповъ, надъ телѣгой взвилась,
И Дарьюшка долго смотрѣла,
Отъ солнца рукой заслонясь,—
Какъ дѣти съ отцомъ приближались
Къ дымящейся ригѣ своей,
И ей изъ сноповъ улыбались
Румяныя лица дѣтей..

———

* * *

Вчерашній день, часу въ шестомъ,
Зашелъ я на Сѣнную:
Тамъ били дѣвушку кнутомъ,
Крестьянку молодую.
Ни звука изъ ея груди,
Лишь бичъ свисталъ, играя...
И Музѣ я сказалъ: „Гляди -
Сестра твоя родная!..“

———

* * *

полномъ разгарѣ страда деревенская...
я ты, русская долюшка женская!
Врядъ ли труднѣе сыскать.
мудрено, что ты вянешь до времени,
выносящаго русскаго племени
Многострадальная мать!
й нестерпимый; равнина безлѣсная,
ы. покосы да ширь поднебесная—
Солнце нещадно палитъ.
ная баба изъ силъ выбивается,
бъ насѣкомыхъ надъ ней колыхается,
Жалитъ, щекочетъ, жужжитъ!
поднимая косулю тяжелую,
порѣзала ноженьку голую—
Некогда кровь унимать!
шится крикъ у сосѣдней полосыньки,
туда—растрепалися косыньки—
Надо ребенка качать!
Что же ты стала надъ нимъ въ отупѣніи?
Пой ему пѣсню о вѣчномъ терпѣніи,
Пой, терпѣливая мать!..
Слезы ли, потъ ли у ней надъ рѣсницею,—
Право, сказать мудрено.
Въ жбанъ этотъ, заткнутый грязной тряпицею,
Канутъ они—все равно!
Вотъ она губы свои опаленныя
Жадно подноситъ къ краямъ...
Вкусны ли, милая, слезы соленыя
Съ кислымъ кваскомъ пополамъ?..

———

1867 — 1877.

ИЗЪ „МЕДВѢЖЬЕЙ ОХОТЫ“.

I.

Богъ нà помочь! Бросайся прямо въ пламя
И погибай!
Но, кто твое держалъ когда-то знамя,
Тѣхъ не пятнай!
Они не предали,—они устали
Свой крестъ нести:
Покинулъ ихъ духъ Гнѣва и Печали
На полпути...

II.

Бѣлинскій былъ особенно любимъ...
Молясь твоей многострадальной тѣни,
Учитель! передъ именемъ твоимъ
Позволь смиренно преклонить колѣни!
Въ тѣ дни, какъ все коснѣло на Руси,
Дремля и раболѣпствуя позорно,
Твой умъ кипѣлъ и новыя стези
Прокладывалъ, работая упорно.
Ты не гнушался никакимъ трудомъ:
„Чернорабочій я—не бѣлоручка!“
Говаривалъ ты намъ—и на проломъ
Шелъ къ истинѣ, великій самоучка!
Ты насъ гуманно мыслить научилъ,
Едва-ль не первый вспомнилъ о народѣ,
Едва-ль не первый ты заговорилъ
О рáвенствѣ. о братствѣ, о свободѣ...
Недаромъ ты, мужая по часамъ,
На взглядъ глупцовъ, казался перемѣнчивъ;
Но, предъ врагомъ заносчивъ и упрямъ,
Съ друзьями былъ ты кротокъ и застѣнчивъ.
Не думалъ ты, что стóишь ты вѣнца,
И разумъ твой горѣлъ, не угасая,
Самимъ собой и жизнью до конца
Святое недовольство сохраняя—
То недовольство, при которомъ нѣтъ
Ни самообольщенья, ни застоя,
Съ которымъ и на склонѣ нашихъ лѣтъ

Постыдно мы не убѣжимъ изъ строя;
То недовольство, что́ душѣ живой
Не дастъ возстать противу новой силы
За то, что заслоняетъ насъ собой
И старцамъ говоритъ: „Пора въ могилы!“

III.

Да, были личности!.. Не пропадетъ народъ,
Обрѣтшій ихъ во времена крутыя!
Мудреными путями Богъ ведетъ
Тебя, многострадальная Россія.
Попробуй, усомнись въ твоихъ богатыряхъ
Доисторическаго вѣка,
Когда и въ наши дни выносятъ на плечахъ
Все поколѣнье два-три человѣка!

———

ПѢСНЯ ЛЮБЫ.

Отпусти меня, родная,
Отпусти, не споря!
Я не травка полевая,
Я взросла у моря.
Не рыбацкій парусъ малый—
Корабли мнѣ снятся...
Скучно! Въ этой жизни вялой
Дни такъ долго длятся.
Здѣсь, какъ въ клѣткѣ, заперта я,
Сонъ кругомъ глубокій,—
Отпусти меня, родная,
На просторъ широкій,
Гдѣ сама ты грудью бѣлой
Волны разсѣкала,
Гдѣ тебя я гордой, смѣлой,
Сча́стливой видала!
Ты не съ пѣснею побѣдной
Къ берегу пристала,
Но хоть часъ изъ жизни бѣдной
Торжество ты знала.
Пусть и я сломлюсь отъ горя,
Не жалѣй ты дочку!
Коли выростетъ у моря —
Не спастись цвѣточку.
Все равно! Сегодня счастье,
Завтра буря грянетъ,
Разыграется ненастье,
Вѣтеръ съ моря встанетъ,
Въ день одинъ песку нагонитъ
На прибрежный цвѣтикъ
И на вѣки похоронитъ...
Отпусти, мой свѣтикъ!..

———

МАТЬ.

Она была исполнена печали,
И между тѣмъ, какъ шумны и рѣзвы
Три отрока вокругъ нея играли,
Ея уста задумчиво шептали:
„Несчастные! зачѣмъ роди́лись вы?
Пойдете вы дорогою прямою,
И вамъ судьбы своей не избѣжать!“
Не омрачай веселья ихъ тоскою,
Не плачь надъ ними, мученица-мать!
Но говори имъ съ молодости ранней:
Есть времена, есть цѣлые вѣка,
Когда нѣтъ ничего желаннѣй,
Прекраснѣе терноваго вѣнка...

———

НА СМЕРТЬ Д. И. ПИСАРЕВА.

Не рыдай такъ безумно надъ нимъ,
Хорошо умереть молодымъ!
Безпощадная пошлость ни тѣни
Положить не успѣла на немъ:
Становись передъ нимъ на колѣни,
Украшай его кудри вѣнкомъ!
Передъ нимъ преклониться не стыдно;
Вспомни, сколькіе пали въ борьбѣ,
Сколько разъ уже было тебѣ
За великое имя обидно!
А теперь его слава прочна:
Подъ холодною крышкою гроба
На нее не наложатъ пятна
Ни ошибка, ни зависть, ни злоба...
Не хочу я сказать, что твой братъ
Не былъ гордою волей богатъ,
Но, ты знаешь, кто ближняго любитъ
Больше собственной славы своей,
Тотъ и славу сознательно губитъ,
Если жертва спасаетъ людей.
Но у жизни есть мрачныя силы—
У кого не слабѣли шаги
Передъ дверью тюрьмы и могилы?
Долговѣчность и слава—враги.
Русскій геній изда́вна вѣнчаетъ
Тѣхъ, которые мало живутъ,
О которыхъ народъ замѣчаетъ:
„У счастливаго недруги мрутъ,
У несчастнаго другъ умираетъ“...

———

* * *

Душно!.. Безъ счастья и воли
Ночь безконечно длинна.
Буря бы грянула, что ли?
Чаша съ краями полна!
Грянь надъ пучиною моря,
Въ полѣ, въ лѣсу засвищи,
Чашу вселенскаго горя
Всю расплещи!..

— —

ПѢСНЯ.

(изъ поэмы „пиръ на весь міръ".)

Средь міра дольнаго
Для сердца вольнаго
Есть два пути:
Взвѣсь силу гордую,
Взвѣсь волю твердую—
Какимъ идти.
Одна—просторная
Дорога, торная...
Страстей раба,
По ней громадная,
Къ соблазну жадная,
Идетъ толпа.
О жизни искренней,
О цѣли выспренней
Тамъ мысль смѣшна;
Кипитъ тамъ вѣчная
Безчеловѣчная
Вражда—война
За блага бренныя;
Тамъ—души плѣнныя,
Въ цѣпяхъ умы;
Ключомъ кипящая,
Тамъ—жизнь мертвящая,
Тамъ царство тьмы...
Другая—тѣсная
Дорога, честная.
По ней идутъ
Лишь души сильныя,
Любвеобильныя,—
На бой, на трудъ
За угнетеннаго,
За обойденнаго...
Умножь ихъ кругъ,—
Иди къ униженнымъ,
Иди къ обиженнымъ
И будь имъ другъ!

———

ОТЪѢЗЖАЮЩЕМУ.

(И. С. ТУРГЕНЕВУ.)

Даже вполголоса мы не пѣвали,
Мы—горемыки-пѣвцы.
Подъ берегами мы вёдро прождали,
Словно лѣнтяи-пловцы.
Старость приходитъ—недуги да горе;
Жизнь безполезно прошла...
Хоть на прощанье, въ открытое море,
Въ море царящаго зла,
Прямо и смѣло направить бы лодку!
Сунься-ко! Сдѣлаешь шагъ,
А на второмъ . . . .
Другъ моей юности (нынѣ мой врагъ)!
Я не дивлюсь, что отчизну любезную
Счелъ ты за лучшее кинуть:
Жить для нея—надо силу желѣзную,
Волю желѣзную—сгинуть...

———

СѢЯТЕЛЯМЪ.

Сѣятель знанья на ниву народную!
Почву ты, что ли, находишь безплодную,
Худы-ль твои сѣмена?
Робокъ ли сердцемъ ты? Слабъ ли ты силами?
Трудъ награждается всходами хилыми,
Добраго мало зерна!
Гдѣ-жъ вы, умѣлые, съ бодрыми лицами,
Гдѣ же вы, съ полными жита кошницами?
Трудъ засѣвающихъ робко крупицами
Двиньте впередъ!
Сѣйте разумное, доброе, вѣчное,
Сѣйте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ...

———

* * *

Ты еще на жизнь имѣешь право,
Быстро я иду къ закату дней.
Я умру—моя померкнетъ слава,
Не дивись—и не тужи о ней!
Знай, дитя: ей долгимъ, яркимъ свѣтомъ
Не горѣть на имени моемъ:
Мнѣ борьба мѣшала быть поэтомъ,
Пѣсни мнѣ мѣшали быть бойцомъ.
Кто, служа великимъ цѣлямъ вѣка,
Жизнь свою всецѣло отдаетъ
На борьбу за брата-человѣка,—
Только тотъ себя переживетъ!

———

ПРЕДСМЕРТНЫЕ СТИХИ.

О, муза, я у двери гроба!
Пускай я много виноватъ,
Пусть увеличитъ во сто кратъ
Мои вины людская злоба,—
Не плачь! Завиденъ жребій нашъ,
Не наругаются надъ нами:
Межъ мной и честными сердцами
Порваться долго ты не дашь
Живому, кровному союзу!
Не русскій взглянетъ безъ любви
На эту блѣдную, въ крови,
Кнутомъ изсѣченную музу...

XXXIX.

Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ.

1803 — 1873.

Хотя Тютчевъ всего на пять лѣтъ моложе **Пушкина** и уже въ 1827 году печатался въ **журналахъ**, но стихи его, сравнительно, очень **поздно** обратили на себя вниманіе. Мало **замѣченнымъ** прошло даже сильное и **оригинальное** „Silentium“... Съ 1836 по 1840 г. въ пушкинскомъ „Современникѣ“ помѣщено было около сорока стихотвореній Тютчева подъ общимъ названіемъ „Стихотвореній, присланныхъ изъ Германіи“ и подписанныхъ скромными литерами Ѳ. Т.; но послѣ того поэта снова забыли на цѣлое десятилѣтіе. Лишь въ 1850 году Некрасовъ первый заговорилъ о немъ, какъ о замѣчательномъ явленіи русской поэзіи и, вслѣдъ затѣмъ, перепечаталъ въ „Современникѣ“ почти всѣ опубликованные раньше стихи Тютчева; въ 1854 году они вышли и отдѣльнымъ изданіемъ, вызвавшимъ восторженный отзывъ Тургенева. Впослѣдствіи многіе критики, и въ ихъ числѣ тотъ же Тургеневъ и Достоевскій, не разъ сравнивали Тютчева съ самимъ Некрасовымъ, первому отдавая при этомъ явное предпочтеніе. Съ начала 50-хъ годовъ слава Тютчева неуклонно росла вплоть до нашихъ дней (никогда, впрочемъ, не доходя до шумнаго успѣха), и теперь всѣ единогласно признаютъ въ немъ одного изъ самыхъ крупныхъ и оригинальныхъ представителей русской лирики.

Сопоставленій съ Некрасовымъ никто въ настоящее время не дѣлаетъ: для всѣхъ ясно безучастное отношеніе поэта къ человѣческимъ страданіямъ, обусловленнымъ соціальнымъ неравенствомъ; въ знаменитомъ стихотвореніи „Эти бѣдныя селенья“ онъ даже умиляется передъ картиною „долготерпѣнья“, „смиренной наготы“ и „рабскаго вида“ русскаго народа, находя въ нихъ высшую красоту и поэзію... Значеніе Тютчева и не въ его также славянофильски-политическихъ стихотвореніяхъ (хотя многія изъ нихъ отмѣчены печатью сильнаго и яркаго таланта)—оно всецѣло лежитъ въ области философскаго анализа и самоуглубленія. Тяжелымъ кошмаромъ тяготѣетъ надъ поэтомъ мысль о темномъ, безумномъ, безпорядочномъ началѣ зла (какъ бы остаткѣ первобытнаго хаоса), проникающемъ не только безсознательный міръ природы, но и душу человѣка. Это злое и темное начало—основа всего сущаго; добро же—не болѣе, какъ свѣтлый призракъ, золотой покровъ, волею боговъ наброшенный на бездну для утѣшенія слабыхъ смертныхъ. Призрачна свобода человѣческая, ограничена наша мысль, безсильно слово, непрочно чувство... Мрачное безотрадное міровоззрѣніе, ведущее, повидимому, къ единственному логическому выводу—стремленію къ небытію! Но, натура сильная, необычайно жизненная, Тютчевъ, къ счастью русской литературы, органически неспособен

ылъ остановиться на такомъ кладбищенскомъ астроеніи. Въ этой глубоко-скептической ушѣ таилось слишкомъ много непосред твенной любви къ „златотканному покрову“, отя послѣдній и не закрывалъ отъ его глазъ езотрадной сущности бытія... Характерно въ ысшей степени, что ни у одного изъ крупыхъ поэтовъ русскихъ не найдется такого коичества стихотвореній, посвященныхъ *веснѣ*, акъ именно у пессимиста Тютчева. Внѣшній арядъ его поэзіи положительно переливаетъ сѣми цвѣтами радуги, и обиліе въ ней понтій и словъ, имѣющихъ какое-либо отноеніе къ солнцу, утру, веснѣ, молодости и изни—поражаетъ тотчасъ же всякаго. Никто учше Тютчева не умѣетъ изображать грозое и чудесное, что таитъ въ себѣ ночь, но ердечныя симпатіи его принадлежатъ весеому, „пышно-золотому“ дню. Непосредственая радость бытія у Тютчева, вообще,—чувтво интенсивно-живое и глубокое, и прежде сего оно выражается въ тонкомъ чутьѣ безмертныхъ красотъ природы. Но и жизнь во семъ ея объемѣ, несмотря на всѣ приносиыя ею страданія, имѣетъ огромную цѣнность. икто не можетъ отнять у человѣка сокроищъ его внутренняго „я“, его неустанныхъ сканій „нетлѣнной красоты“ и „нескудѣющей силы“, его вѣчнаго стремленія къ идеалу... сам поэтъ то и дѣло уходитъ на высоту, будутъ ли то вершины альпійскихъ горъ, или вершины человѣческаго духа.

Однако, Тютчевъ не пѣвецъ борьбы. Людская пошлость, по его мнѣнію, безсмертна, и торжество идеала можетъ осуществиться лишь внутри, а не внѣ насъ... Но что же, въ такомъ случаѣ, можемъ цѣнить въ этой странной, двойственной поэзіи мы, современники, измученные злобою жизни и, все же, не устающіе вѣрить, что „пошлости людской“ есть конецъ, что мало убѣгать отъ нея—надо съ нею бороться? Поэтъ, самъ какъ бы осязающій и насъ заставляющій чувствовать бездонный мракъ доміровото Хаоса, злого и страшнаго, однимъ взмахомъ крыльевъ умѣетъ подняться въ высь, въ царство безконечной лазури и солнца. Между этими рѣзко-различными состояніями души трудно, конечно, отыскать теоретическое примиреніе, и сердце поэта, дѣйствительно, полно постоянной тревоги, вѣчно бьется „на порогѣ какъ бы двойного бытія“. Тревожная, полная горькихъ и мрачныхъ диссонансовъ, эта могучая поэзія цѣнна именно тѣмъ, что держитъ мысль и чувство читателя въ постоянномъ напряженіи, зажигая тоской по идеалу. Прекрасно выразился о Тютчевѣ Полонскій:

Пѣснь его глубокой скорбью
Западала въ грудь
И, какъ звѣздный лучъ, тянула
Въ безконечный путь!..

1827—1837.

ВЕСЕННІЯ ВОДЫ.

Еще въ поляхъ бѣлѣетъ снѣгъ,
А воды ужъ весной шумятъ,
Бѣгутъ и будятъ сонный брегъ,
Бѣгутъ, и блещутъ, и гласятъ.
Онѣ гласятъ во всѣ концы:
„Весна идетъ, весна идетъ,
„Мы молодой весны гонцы,
„Она насъ выслала впередъ!“
Весна идетъ, весна идетъ,—
И тихихъ, теплыхъ майскихъ дней
Румяный, свѣтлый хороводъ
Толпится весело за ней.

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА.

Люблю грозу въ началѣ мая,
Когда весенній первый громъ,
Какъ бы рѣзвяся и играя,
Грохочетъ въ небѣ голубомъ.
Гремятъ раскаты молодые,
Вотъ дождикъ брызнулъ, пыль летитъ...
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотитъ.
Съ горы бѣжитъ потокъ проворный,
Въ лѣсу не молкнетъ птичій гамъ;
И гамъ лѣсной, и шумъ нагорный—
Все вторитъ весело громамъ.
Ты скажешь: вѣтреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящій кубокъ съ неба,
Смѣясь, на землю пролила!..

* * *

Съ поляны коршунъ поднялся́,
Высоко къ небу онъ взвился́,
Все выше, далѣ вьется онъ
И вотъ ушелъ за небосклонъ.
Природа-мать ему дала
Два мощныхъ, два живыхъ крыла;
А я здѣсь, въ потѣ и пыли,
Я, царь земли, приросъ къ земли!..

———

* * *

Какъ надъ горячею золой
Дымится свитокъ и сгораетъ,
И огнь, сокрытый и глухой,
Слова и строки пожираетъ,—
Такъ грустно тлится жизнь моя
И съ каждымъ днемъ уходитъ дымомъ,
Такъ постепенно гасну я
Въ однообразьи нестерпимомъ...
О, небо, если бы хоть разъ
Сей пламень развился по волѣ,
И, не томясь, не мучась долѣ,
Я просіялъ бы и погасъ!

———

БЕЗСОННИЦА.

Часовъ однообразный бой,
Томительная ночи повѣсть!
Языкъ, для всѣхъ равно чужой
И внятный каждому, какъ совѣсть!
Кто безъ тоски внималъ изъ насъ,
Среди всемірнаго молчанья,
Глухія времени стенанья,
Пророчески прощальный гласъ?
Намъ мнится: міръ осиротѣлый
Неотразимый рокъ настигъ,
И мы, въ борьбѣ съ природой цѣлой,
Покинуты на насъ самихъ;
И наша жизнь стоитъ предъ нами,
Какъ призракъ на краю земли,
И съ нашимъ вѣкомъ и друзьями
Блѣднѣетъ въ сумрачной дали.
И новое младое племя,
Межъ тѣмъ, на солнцѣ расцвѣло,
А насъ, друзья, и наше время
Давно забвеньемъ занесло!
Лишь изрѣдка, обрядъ печальный
Свершая въ полуночный часъ,
Металла голосъ погребальный
Въ тиши оплакиваетъ насъ!

———

СОНЪ НА МОРѢ.

И море, и буря качали нашъ челнъ;
Я, сонный, былъ преданъ всей прихоти волнъ —
И двѣ безпредѣльности были во мнѣ,
И мной своевольно играли онѣ.
Кругомъ, какъ кимвалы, звучали скалы́,
И вѣтры свистѣли и пѣли валы.
Я въ ха́осѣ звуковъ леталъ, оглушенъ;
Надъ ха́осомъ звуковъ носился мой сонъ.
Болѣзненно-яркій, волшебно-нѣмой,
Онъ вѣялъ легко надъ гремящею тьмой.
Въ лучахъ огневицы развилъ онъ свой міръ:
Земля зеленѣла, свѣтился эѳиръ;
Сады, лабиринты, чертоги, столпы...
И чудился шорохъ несмѣтной толпы.
Я много узналъ мнѣ невѣдомыхъ лицъ,
Зрѣлъ тварей волшебныхъ, таинственныхъ птицъ,
По высямъ творенья я гордо шагалъ,
И міръ подо мною недвижно сіялъ...
Сквозь грезы, какъ дикій волшебника вой,
Лишь слышался грохотъ пучины морской,
И въ тихую область видѣній и сновъ
Врывалися тѣни ревущихъ валовъ.

———

* * *

Какъ птичка раннею зарей,
Міръ, пробудившись, встрепенулся...
Ахъ, лишь одной главы моей
Сонъ благодатный не коснулся!
Хоть свѣжесть утренняя вѣетъ
Въ моихъ всклокоченныхъ власахъ,
На мнѣ, я чую, тяготѣетъ
Вчерашній зной, вчерашній прахъ!
О, какъ пронзительны и дики,
Какъ ненавистны для меня—
Сей шумъ, движенье, говоръ, клики
Младого, пламеннаго дня!
О, какъ лучи его багровы,
Какъ жгутъ они мои глаза!
Ночь, ночь! о, гдѣ твои покровы,
Твой тихій сумракъ и роса?..
. . . .

———

* * *

Вечеръ мглистый и ненастный...
Чу! не жаворонка-ль гласъ?
Ты ли, утра гость прекрасный,
Въ этотъ поздній, мертвый часъ?
Гибкій, рѣзвый, звучно-ясный,
Въ этотъ мертвый, поздній часъ,
Какъ безумья смѣхъ ужасный,
Онъ всю душу мнѣ потрясъ!..

———

* * *

Люблю глаза твои, мой другъ,
Съ игрой ихъ пламенно-чудесной,
Когда ихъ приподымешь вдругъ
И, словно молніей небесной,
Окинешь бѣгло цѣлый кругъ...
Но есть сильнѣй очарованье:
Глаза потупленные ницъ
Въ минуты страстнаго лобзанья,
И сквозь опущенныхъ рѣсницъ
Угрюмый, тусклый огнь желанья...

ВЪ ДОРОГѢ.

Здѣсь, гдѣ такъ вяло сводъ небесный
На землю тощую глядитъ,
Здѣсь, погрузившись въ сонъ желѣзный,
Усталая природа спитъ.
Лишь кóй-гдѣ блѣдныя березы,
Кустарникъ мелкій, мохъ сѣдой,
Какъ лихорадочныя грёзы,
Смущаютъ мертвенный покой.

* * *

Еще шумѣлъ веселый день,
Толпами улица блистала,
И облаковъ вечернихъ тѣнь
По свѣтлымъ кровлямъ пролетала.
И доносилися порой
Всѣ звуки жизни благодатной,
И все въ одинъ сливалось строй,
Строй звучный, шумный и невнятный.
Весенней нѣгой утомленъ,
Я впалъ въ невольное забвенье.
Не знаю, дологъ ли былъ сонъ,
Но странно было пробужденье.
Затихъ повсюду шумъ и гамъ,
И воцарилося молчанье:
Ходили тѣни по стѣнамъ
И полусонное мерцанье;
Украдкою въ мое окно
Глядѣло блѣдное свѣтило,
И мнѣ казалось, что оно
Мою дремоту сторожило.
И мнѣ казалось, что меня
Какой-то миротворный геній
Изъ пышно-золотого дня
Увлекъ незримо въ царство тѣней.

* * *

Не то, что мните вы, природа—
Не слѣпокъ, не бездушный ликъ:
Въ ней есть душа, въ ней есть свобода,
Въ ней есть любовь, въ ней есть языкъ.
Вы зрите листъ и цвѣтъ на древѣ—
Иль ихъ садовникъ приклеилъ?
Иль зрѣетъ плодъ въ родимомъ чревѣ
Игрою внѣшнихъ, чуждыхъ силъ?
Они не видятъ и не слышатъ,
Живутъ въ семъ мірѣ, какъ въ потьмахъ,
Для нихъ и солнца, знать, не дышатъ
И жизни нѣтъ въ морскихъ волнахъ.
Лучи къ нимъ въ душу не сходили,
Весна въ груди ихъ не цвѣла,
При нихъ лѣса не говорили
И ночь въ звѣздахъ нѣма была;
И, языками неземными
Волнуя рѣки и лѣса,
Въ ночи не совѣщалась съ ними
Въ бесѣдѣ дружеской гроза.
Не ихъ вина: пойми, коль можетъ,
Органа жизнь, глухо-нѣмой!
Увы, души въ немъ не встревожитъ
И голосъ матери самой!

АЛЬПЫ.

Сквозь лазурный сумракъ ночи
Альпы снѣжныя глядятъ;
Помертвѣлыя ихъ очи
Льдистымъ ужасомъ разятъ.
Властью нѣкой обаянны,
До восшествія зари,
Дремлютъ, грозны и туманны,
Словно падшіе цари!
Но востокъ лишь заалѣетъ—
Чарамъ гибельнымъ конецъ:
Первый въ небѣ просвѣтлѣетъ
Брата старшаго вѣнецъ.
И съ главы большого брата
На меньшихъ бѣжитъ струя,
И блеститъ въ вѣнцахъ изъ злата
Вся воскресшая семья..

* * *

Песокъ сыпучій по колѣни...
Мы ѣдемъ... Поздно... Меркнетъ день,
И сосенъ по дорогѣ тѣни
Уже въ одну слилися тѣнь.
Чернѣй и чаще боръ глубокій...
Какія грустныя мѣста!..
Ночь хмурая, какъ звѣрь стоокій,
Глядитъ изъ каждаго куста.

ФОНТАНЪ.

Смотри, какъ облакомъ живымъ
Фонтанъ сіяющій клубится,
Какъ пламенѣетъ, какъ дробится
Его на солнцѣ влажный дымъ.
Лучомъ поднявшись къ небу, онъ
Коснулся высоты завѣтной
И снова пылью огнецвѣтной
Ниспасть на землю осужденъ.
О, смертной мысли водометъ,
О водометъ неистощимый,
Какой законъ непостижимый
Тебя стремитъ, тебя мятетъ?
Какъ жадно къ небу рвешься ты!
Но длань незримо-роковая,
Твой лучъ упорный преломляя,
Свергаетъ въ брызгахъ съ высоты...

SILENTIUM.

Молчи, скрывайся и таи
И чувства, и мечты свои!
Пускай въ душевной глубинѣ
И всходятъ, и зайдутъ онѣ,
Какъ звѣзды ясныя въ ночи:
Любуйся ими и молчи.
Какъ сердцу высказать себя?
Другому какъ понять тебя?
Пойметъ ли онъ, чѣмъ ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи:
Питайся ими и молчи!
Лишь жить въ самомъ себѣ умѣй!
Есть цѣлый міръ въ душѣ твоей
Таинственно-волшебныхъ думъ;
Ихъ заглушитъ наружный шумъ,
Дневные ослѣпятъ лучи:
Внимай ихъ пѣнью и молчи.
1831.

---

* * *

...И снова будетъ все, что есть,
И снова розы будутъ цвѣсть
И тёрны тожъ..
Но ты, мой бѣдный, блѣдный цвѣтъ,—
Тебѣ ужъ возрожденья нѣтъ:
Не расцвѣтешь!
Ты сорванъ былъ моей рукой,
Съ какимъ блаженствомъ и тоской—
То знаетъ Богъ!..
Останься-жъ на груди моей,
Пока любви не замеръ въ ней
Послѣдній вздохъ!

ИТАЛЬЯНСКАЯ ВИЛЛА.

И распростясь съ тревогою житейской,
И кипарисной рощей заслонясь.
Блаженной тѣнью—тѣнью елисейской
Она заснула въ добрый часъ.
И вотъ, тому ужъ вѣка два иль болѣ,
Волшебною мечтой ограждена,
Въ своей цвѣтущей опочивъ юдоли,
На волю неба предалась она.
Но небо здѣсь къ землѣ такъ благосклонно!
И много лѣтъ и теплыхъ южныхъ зимъ
Провѣяло надъ нею полу-сонной,
Не тронувши ея крыломъ своимъ.
По прежнему фонтанъ въ углу лепечетъ,
Подъ потолкомъ гуляетъ вѣтерокъ,
И ласточка влетаетъ и щебечетъ...
И спитъ она, и сонъ ея глубокъ.
И мы вошли: все было такъ спокойно,
Такъ все отъ вѣка мирно и темно!
Фонтанъ журчалъ; недвижимо и стройно
Сосѣдній кипарисъ глядѣлъ въ окно.
Вдругъ все смутилось: судорожный трепетъ
По вѣтвямъ кипариснымъ пробѣжалъ;
Фонтанъ замолкъ, и нѣкій чудный лепетъ,
Какъ бы сквозь сонъ, невнятно прошепталъ.
Что это, другъ! Иль злая жизнь не даромъ,—
Та жизнь, увы, что въ насъ тогда текла,—
Та злая жизнь, съ ея мятежнымъ жаромъ,
Черезъ порогъ завѣтный перешла?
1837.

1847—1871.

* * *

О чемъ ты воешь, вѣтръ ночной,
О чемъ такъ сѣтуешь безумно?
Что значитъ странный голосъ твой,
То глухо-жалобный, то шумный?
Понятнымъ сердцу языкомъ
Твердишь о непонятной мукѣ,
И роешь, и взрываешь въ немъ
Порой неистовые звуки!
О, страшныхъ пѣсенъ сихъ не пой
Про древній хáосъ, про родимый!
Какъ жадно міръ души ночной
Внимаетъ повѣсти любимой!
Изъ смертной рвется онъ груди
И съ безпредѣльнымъ жаждетъ слиться...
О, бурь уснувшихъ не буди:
Подъ ними хáосъ шевелится!..
1847.

---

* * *

ъ дымный столбъ свѣтлѣетъ въ вышинѣ,
ъ тѣнь внизу скользитъ неуловимо!
ютъ наша жизнь,—промолвила ты мнѣ,—
свѣтлый дымъ, блестящій при лунѣ,
та тѣнь, бѣгущая отъ дыма!
1849.

* * *

Тихой ночью, позднимъ лѣтомъ,
Ка́къ на небѣ звѣзды рдѣютъ,
Ка́къ подъ сумрачнымъ ихъ свѣтомъ
Нивы дремлющія зрѣютъ!..
Усыпительно—безмолвны,
Какъ блестятъ въ тиши ночной
Золотистыя ихъ волны,
Убѣленныя луной!
849.

* * *

ши, Господь, свою отраду
, кто въ лѣтній жаръ и зной,
бѣдный нищій мимо саду,
етъ по жаркой мостовой.
о смотритъ вскользь черезъ ограду
тѣнь деревьевъ, злакъ долинъ,
едоступную прохладу
ошныхъ свѣтлыхъ луговинъ.
для него гостепріимной
вья сѣнью разрослись,
ля него, какъ облакъ дымный,
анъ на воздухѣ повисъ.
турный гротъ, какъ изъ тумана,
асно взоръ его манитъ,
ль росистая фонтана
и его не освѣжитъ.
шли Господь свою отраду
, кто жизненной тропой,
бѣдный нищій мимо саду,
етъ по знойной мостовой.
1850.

* * *

Гроза прошла. Еще курясь, лежалъ
Высокій дубъ, перунами сраженный,
И сизый дымъ съ вѣтвей его бѣжалъ
По зелени, грозою освѣженной.
А ужъ давно звучнѣе и полнѣй
Пернатыхъ пѣснь по рощѣ раздалася,
И радуга концомъ дуги своей
Въ зеленыя вершины уперлася!..
1850.

СЛЕЗЫ.

Слезы людскія, о слезы людскія!
Льетесь вы ранней и поздней порой,—
Льетесь безвѣстныя, льетесь незримыя,
Неистощимыя, неисчислимыя,—
Льетесь, какъ льются струи дождевыя
Въ осень глухую, порою ночной.
1850.

* * *

Не остывшая отъ зною,
Ночь іюльская блистала,
И надъ тусклою землею
Небо, полное грозою,
Отъ зарницъ все трепетало...
Словно тяжкія рѣсницы
Разверзалися порою,
И сквозь бѣглыя зарницы
Чьи-то грозныя зѣницы
Загорались надъ землею...
1850.

* * *

Какъ веселъ грохотъ лѣтнихъ бурь,
Когда, взметая прахъ летучій,
Гроза, нахлынувшая тучей,
Смутитъ небесную лазурь
И опрометчиво-безумно
Вдругъ на дубраву набѣжитъ—
И вся дубрава задрожитъ
Широколиственно и шумно!
Какъ подъ незримою пятой,
Лѣсные гнутся исполины..
Тревожно ропщутъ ихъ вершины,
Какъ совѣщаясь межъ собой...
И сквозь внезапную тревогу
Немолчно слышенъ птичій свистъ,
И кой-гдѣ первый желтый листъ,
Крутясь, слетаетъ на дорогу..
1851.

* * *

Дума за думой, волна за волной—
Два проявленья стихіи одной!
Въ сердцѣ ли тѣсномъ, въ безбрежномъ ли морѣ,
Здѣсь—въ заключеніи, тамъ—на просторѣ:
Тотъ же все вѣчный прибой и отбой,
Тотъ же все призракъ тревожно-пустой!
1851.

* * *

Сіяетъ солнце, воды блещутъ,
На всемъ улыбка, жизнь во всемъ.
Деревья радостно трепещутъ,
Купаясь въ небѣ голубомъ.
Поютъ деревья, блещутъ воды,
Любовью воздухъ растворенъ,
И міръ, цвѣтущій міръ природы,
Избыткомъ жизни упоенъ.
Но и въ избыткѣ упоенья
Нѣтъ упоенія сильнѣй—
Одной улыбки умиленья
Измученной души твоей..
1851.

———

* * *

Святая ночь на небосклонъ взошла
И день отрадный, день любезный,
Какъ золотой покровъ, она свила,—
Покровъ, накинутый надъ бездной.
И, какъ видѣнье, внѣшній міръ ушелъ...
И человѣкъ, какъ сирота бездомный,
Стоитъ теперь, и немощенъ, и голъ,
Лицомъ къ лицу предъ этой бездной темной.
И чудится давно минувшимъ сномъ
Теперь ему все свѣтлое, живое,
И въ чуждомъ, неразгаданномъ ночномъ
Онъ узнаетъ наслѣдье роковое...
1852.

———

* * *

Чему молилась ты съ любовью,
Чтó какъ святыню берегла,—
Судьба людскому суесловью
На поруганье предала.
Толпа вошла, толпа вломилась
Въ святилище души твоей,
И ты невольно устыдилась
И тайнъ, и жертвъ, доступныхъ ей...
Ахъ, если бы живыя крылья
Души, парящей надъ толпой,
Ее спасали отъ насилья
Безсмертной пошлости людской!
1852.

———

* * *

Эти бѣдныя селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпѣнья,
Край ты русскаго народа!
Не пойметъ и не оцѣнитъ
Гордый взоръ иноплеменный,
Чтó сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ твоей смиренной.
Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ, Царь небесный
Исходилъ, благословляя!
1855.

———

* * *

Есть въ осени первоначальной
Короткая, но дивная пора:
Весь день стоитъ какъ бы хрустальный,
И лучезарны вечера...
Гдѣ бодрый серпъ гулялъ и падалъ колосъ,
Теперь ужъ пусто все—просторъ вездѣ,
Лишь паутины тонкій волосъ
Блеститъ на праздной бороздѣ.
Пустѣетъ воздухъ, птицъ не слышно болѣ;
Но далеко еще до первыхъ зимнихъ бурь,
И льется чистая и теплая лазурь
На отдыхающее поле.
1857.

———

* * *

Сентябрь холодный бушевалъ,
Съ деревьевъ ржавый листъ валился,
День потухающій дымился,
Сходила ночь, туманъ вставалъ.
И все для сердца и для глазъ
Такъ было холодно—безцвѣтно,
Такъ было грустно—безотвѣтно,
Но чья-то пѣснь вдругъ раздалась.
И вотъ, какимъ-то обаяньемъ,
Туманъ, свернувшись, улетѣлъ;
Небесный сводъ поголубѣлъ
И вновь подернулся сіяньемъ...
И все опять зазеленѣло,
Все обратилося къ веснѣ..
. . . .
1863.

———

* * *

Какъ хорошо ты, о море ночное,
Здѣсь—лучезарно, тамъ—сизо-черно!
Въ лунномъ сіяніи, словно живое,
Ходитъ, и дышетъ, и блещетъ оно.
На безконечномъ, на вольномъ просторѣ
Блескъ и движеніе, грохотъ и громъ...
Тусклымъ сіяньемъ облитое море,
Какъ хорошо ты въ безлюдьи ночномъ!
Зыбь ты великая, зыбь ты морская!
Чей это праздникъ такъ празднуешь ты?

несутся, гремя и сверкая,
звѣзды глядятъ съ высоты...
1865.

---

* * *

Ночное небо такъ угрюмо,
Заволокло со всѣхъ сторонъ:
То не угроза и не дума—
То вялый, безотрадный сонъ!
Однѣ зарницы огневыя,
Воспламеняясь чередой,
Какъ демоны глухонѣмые,
Ведутъ бесѣду межъ собой.
Какъ по условленному знаку,
Вдругъ неба вспыхнетъ полоса,
И быстро выступятъ изъ мраку
Поля и дальніе лѣса!
И вотъ опять все потемнѣло,
Все стихло въ чуткой темнотѣ,
Какъ бы таинственное дѣло
Рѣшалось тамъ на высотѣ...
1865.

---

* * *

Въ небѣ таютъ облака,
И, лучистая на зноѣ,
Въ искрахъ катится рѣка,
Словно зеркало стальное.
Часъ отъ часу жаръ сильнѣй,
Тѣнь ушла къ нѣмымъ дубровамъ,
И съ бѣлѣющихъ полей
Вѣетъ запахомъ медовымъ.
Чудный день!—Пройдутъ вѣка,
Также будутъ въ вѣчномъ строѣ
Течь и искриться рѣка
И поля дышать на зноѣ.
1868.

ВЪ АЛЬБОМЪ А. В. ПЛЕТНЕВОЙ.

Чему бы жизнь насъ ни учила,
Но сердце вѣритъ въ чудеса:
Есть нескудѣющая сила,
Есть и нетлѣнная краса.
... Нѣтъ! увяданіе земное,
Цвѣтовъ не тронетъ неземныхъ,
И отъ полуденнаго зноя
Роса не высохнетъ на нихъ.
И эта вѣра не обманетъ
Того, кто ею лишь живетъ:
Не все, что здѣсь цвѣло, увянетъ,
Не все, что было здѣсь, пройдетъ!..
Но этой вѣры для немногихъ
Лишь тѣмъ доступна благодать,
Кто въ искушеньяхъ жизни строгихъ,
Какъ вы, умѣлъ, любя, страдать,
Чужіе врачевать недуги
Своимъ страданіемъ умѣлъ,
Кто душу положилъ за други
И до конца все претерпѣлъ.
1871.

XL.

А. Фетъ.

(Афанасій Афанасьевичъ Шеншинъ).

1820 — 1892.

Махровый цвѣтокъ, пышно распустившійся въ теплицѣ крѣпостного права,— безъидейная поэзія Фета не разъ вызывала насмѣшки и раздраженіе людей борьбы и дѣла, особенно въ бурный періодъ начала 60-хъ годовъ, когда требовался первый единодушный натискъ противъ общаго врага—общественнаго застоя и эпикурейскаго индифферентизма. Теперь это пройденная ступень; русская интеллигенція выросла не только численно, но и духовно; наши идейныя завоеванія стали болѣе или менѣе прочными,—и для поэта наступила уже исторія. Рядомъ съ грубымъ, отталкивающимъ образомъ крѣпостника Шеншина, мы можемъ теперь разглядѣть и легкій, воздушный очеркъ музы Фета. — Послѣдняя отражаетъ не столько сознательныя, подлежащія этической оцѣнкѣ, сколько трудно уловимыя, смутныя душевныя состоянія, роднящія человѣка съ неодушевленной природой и лучше всего передаваемыя музыкой. Въ этой именно области Фетъ былъ настоящимъ чародѣемъ искусства, имѣющимъ мало соперниковъ не только въ русской, но, можетъ быть, и во всемірной литературѣ... Пѣвецъ неуловимаго, неяснаго, рѣющаго въ сознаніи, какъ легкая вечерняя греза, онъ можетъ казаться непонятнымъ и даже смѣшнымъ людямъ съ трезвой, положительной складкой ума. Василій Боткинъ, одинъ изъ первыхъ его цѣнителей, справедливо замѣтилъ, что фетовская поэзі „требуетъ прежде всего симпатической съ не настроенности“.

Фетъ пишетъ съ простодушной наивность ребенка, который для выраженія своихъ чувст и мыслей хватается за первое попавшееся сло (и, конечно, очень часто невпопадъ); какъ ре нокъ же, онъ очень многое пропускаетъ, ос вляя подразумѣваемымъ, и рѣчь его поэтому п изводитъ нерѣдко впечатлѣніе безсвязнаго петa, къ которому нужно еще подыски ключъ. Такимъ ключемъ обыкновенно и ваетъ та „симпатическая настроенность“, которой говоритъ Боткинъ. Въ наивной, сто безсвязной рѣчи Фета отразился и вн тренній міръ тоже, въ сущности, взросла ребенка или, скорѣе, дикаря, перенесенна въ обстановку современной культурной жизн Поэтъ обладалъ изумительно-тонкимъ и вѣ нымъ чутьемъ природы. Въ этомъ отношені мало сказать, что онъ соперничалъ въ наблю дательности съ первобытнымъ человѣкомъ,— онъ органически сливался съ природой, чу ствуя себя какъ-бы нераздѣльной частью в ликаго цѣлаго.

Въ своемъ непосредственномъ воспріяті впечатлѣній природы и жизни, нашъ поэт не знаетъ рефлексіи, тоски и сомнѣній, и ес у него и найдется нѣсколько пьесъ съ на строеніемъ явно-пессимистическимъ, то не о

ются характерными для его поэзіи. Болѣе ерадостнаго поэта нѣтъ въ русской литурѣ. Жадными глазами ребенка, начиющаго жить, глядитъ Фетъ на все въ окруощемъ мірѣ, и міръ представляется ему итымъ сплошнымъ свѣтомъ, жизнь кажется нымъ радостнымъ праздникомъ. Сынамъ ьной, заѣденной рефлексіею эпохи, намъ кется часто, что Фетъ переоцѣниваетъ жизнь я радости; мы готовы съ улыбкой отнесь ко многимъ изъ его восторговъ... Но вѣ въ наше сѣрое, скучное существованіе врывается солнечнымъ лучомъ наивная, мная жизнерадостность нашихъ дѣтей? Та же свѣтлый лучъ вноситъ и поэтъ, когда искреннимъ, зажигающимъ увлеченіемъ горитъ:

Оглянись—и міръ вседневный
Многоцвѣтенъ и чудесенъ!

Настоящимъ призваніемъ Фета, его поэтической миссіей и было именно—открывать и передавать намъ поэзію окружающаго міра, который мы видимъ обыкновенно въ такомъ сѣромъ, буднично-прозаическимъ освѣщеніи.— Порой расцвѣта фетовскаго таланта была, несомнѣнно, дореформенная эпоха. Гулъ внезапно вторгшихся въ русскую жизнь новыхъ идей и понятій, словно, оглушилъ эту простодушную музу,—она растерялась, начала срываться съ голоса и постепенно умолкла. За періодъ отъ 1862 до 1892 года можно насчитать не болѣе десятка стихотвореній, равныхъ по достоинству поэтическимъ перламъ молодости Фета.

1842—1848.

* * *

На зарѣ ты ее не буди,
На зарѣ она сладко такъ спитъ;
Утро дышетъ у ней на груди,
Ярко дышетъ на ямкахъ ланитъ.
И подушка ея горяча,
И горячъ утомительный сонъ,
И, чернѣясь, бѣгутъ на плеча
Косы лентой съ обѣихъ сторонъ.
А вчера у окна ввечеру
Долго, долго сидѣла она
И слѣдила по тучамъ игру,
Что, скользя, затѣвала луна.
И чѣмъ ярче играла луна,
И чѣмъ громче свисталъ соловей,—
Все блѣднѣй становилась она,
Сердцѣ билось больнѣй и больнѣй.
Оттого-то на юной груди,
На ланитахъ такъ утро горитъ.
Не буди-жъ ты ее, не буди...
На зарѣ она сладко такъ спитъ!

---

* * *

Чудная картина,
Какъ ты мнѣ родна!
Бѣлая равнина,
Полная луна,
Свѣтъ небесъ высокихъ,
И блестящій снѣгъ,
И саней далекихъ
Одинокій бѣгъ...

---

* * *

Печальная береза
У моего окна,
И прихотью мороза
Разубрана она;
Какъ гроздья винограда,
Вѣтвей концы висятъ,
И радостенъ для взгляда
Весь траурный нарядъ.
Люблю игру денницы
Я замѣчать на ней,
И жаль мнѣ, если птицы
Стряхнутъ красу вѣтвей!

---

* * *

Теплымъ вѣтромъ потянуло.
Смолкъ далекій гулъ.
Поле тусклое уснуло,
Гуртовщикъ уснулъ.
Въ загородкѣ улеглися
И жуютъ волы.
Звѣзды чистыя зажглися
По навѣсу мглы.

Только выше все всплываетъ
Мѣсяцъ золотой,
Только стадо обѣгаетъ
Песъ сторожевой.
Рѣдко-рѣдко кочевая
Тучка броситъ тѣнь.
Неподвижная, нѣмая,
Ночь свѣтла, какъ день.

ТАЙНА.

Почти ребенкомъ я была...
Всѣ любовались мной:
Мнѣ шли и кудри по плечамъ,
И фартучекъ цвѣтной.
Любила мать смотрѣть, какъ я
Молилась по утру,
Любила слушать, если я
Пѣвала ввечеру.
Чужой однажды посѣтилъ
Нашъ тихій уголокъ.
Онъ былъ такъ нѣженъ и уменъ,
Такъ строенъ и высокъ.
Онъ часто въ очи мнѣ глядѣлъ
И тихо руку жалъ,
И тайно глазъ мой голубой
И кудри цѣловалъ...
И, помню, стало мнѣ вокругъ
При немъ все такъ свѣтло,
И стало мутно въ головѣ
И на сердцѣ тепло.
Летѣли дни,—промчался годъ,—
Насталъ послѣдній часъ,—
Ему шепнула что́-то мать,
И онъ оставилъ насъ.
И долго-долго мнѣ пришлось
И плакать, и грустить,
Но я боялася о немъ
Кого-нибудь спросить.
Однажды, вижу,—милый гость,
Припавъ къ устамъ моимъ,
Мнѣ говоритъ:—„Не бойся, другъ,
Я для другихъ незримъ.“
И съ этихъ поръ онъ—снова мой,
Въ объятіяхъ моихъ,
И страстно, крѣпко онъ меня
Цѣлуетъ при другихъ.
Всѣ говорятъ, что яркій цвѣтъ
Ланитъ моихъ—больной...
Имъ не узнать, какъ жарко ихъ
Цѣлуетъ милый мой!

---

* * *

Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ—
Разсказать, что солнце встало,
Что оно горячимъ свѣтомъ
По листамъ затрепетало,
Разсказать, что лѣсъ проснулся,
Весь проснулся, вѣткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полонъ жаждой...
Разсказать, что съ той же страстью,
Какъ вчера, пришелъ я снова,
Что душа все также счастью
И тебѣ служить готова;
Разсказать, что отовсюду
На меня весельемъ вѣетъ,
Что не знаю самъ, что́ буду
Пѣть,—но только пѣсня зрѣетъ...

---

* * *

Какъ мошки зарею,
Крылатые звуки толпятся.
Съ любимой мечтою
Не хочется сердцу разстаться.
Но цвѣтъ вдохновенья
Печаленъ средь будничныхъ терній,
Былое стремленье—
Далёко, какъ отблескъ вечерній.
Но память былого
Все крадется въ сердце тревожно...
О, если бъ безъ слова
Сказаться душой было можно!

---

* * *

Я долго стоялъ неподвижно,
Въ далекія звѣзды вглядясь.
Межъ тѣми звѣздами и мною
Какая-то связь родилась.
Я думалъ... Не помню, что́ думалъ...
Я слушалъ таинственный хоръ,
И звѣзды тихонько дрожали,—
И звѣзды люблю я съ тѣхъ поръ.

---

* * *

Облакомъ волнистымъ
Пыль встаетъ вдали;
Конный или пѣшій—
Не видать въ пыли!
Вижу: кто-то скачетъ
На лихомъ конѣ...

Другъ мой, другъ далекій,
Вспомни обо мнѣ!

ВОРОТЪ.

— „Спать пора! Свѣча сгорѣла,
Да и ты, моя краса,
Голова, отяжелѣла,
Кудри лѣзутъ на глаза...
Стань вотъ тутъ передъ иконы,—
Я постельку стану стлать.
Не спѣши же класть поклоны,
Богородицу читать!
Видишь, глазки-то, бѣдняжки,
Такъ и просятся уснуть!
Только воротъ у рубашки
Надо прежде разстегнуть".
— Отчего же, няня, надо?
— „Надо, другъ мой, чтобъ тобой,
Не сводя святого взгляда,
Любовался ангелъ твой.
Твой хранитель, ангелъ Божій,
Прилетаетъ по ночамъ,—
Какъ и ты, дитя, пригожій,
Только крылья по плечамъ.
Коль твою онъ видитъ душку,—
Воротъ вскрытъ,—и тихъ твой сонъ:
Тихо справа на подушку,
Улыбаясь, сядетъ онъ.
А закрыта душка,—спрячетъ
Душку воротъ,—мутны сны:
Ангелъ взглянетъ и заплачетъ,
Сядетъ съ лѣвой стороны.
Надъ тобой Господня сила!
Дай, я воротъ распущу.
Ужъ подушку я крестила—
И тебя перекрещу."

---

* * *

стой—здѣсь хорошо! Зубчатой и широкой
ымою тѣнь легла отъ сосенъ въ лунный свѣтъ.
кая тишина! Изъ-за горы высокой
ода и доступа мятежнымъ звукамъ нѣтъ.
не пойду туда, гдѣ камень вѣроломный,
ользя изъ-подъ пяты, съ отвѣсныхъ береговъ
тить на хрящъ морской,—гдѣ въ морѣ валъ [огромный
идетъ—и убѣжитъ въ объятія валовъ.—
на передо мной подъ мирными звѣздами,
здѣсь—царица чувствъ, властительница думъ,
тамъ—придетъ волна и грянетъ между нами...
не пойду туда: тамъ вѣчный плескъ и шумъ!

---

* * *

На двойномъ стеклѣ узоры
Начертилъ морозъ.
Шумный день свои дозоры
И гостей унесъ.
Смолкнулъ яркій говоръ сплетней,
Скучный голосъ дня.
Благодатнѣй и привѣтнѣй
Все кругомъ меня.
Предъ горящими дровами
Сядемъ—тамъ тепло.
Мѣсяцъ быстрыми лучами
Пронизалъ стекло.
Ты хитрила, ты скрывала,
Ты была умна,
Ты давно не отдыхала,
Ты утомлена...
Полонъ нѣжнаго волненья,
Сладостной мечты,
Буду ждать успокоенья
Чистой красоты.

1850 — 1857.

* * *

Шопотъ. Робкое дыханье.
Трели соловья.
Серебро и колыханье
Соннаго ручья.
Свѣтъ ночной. Ночныя тѣни,—
Тѣни безъ конца.
Рядъ волшебныхъ измѣненій
Милаго лица.
Въ дымныхъ тучкахъ пурпуръ розы
Отблескъ янтаря,
И лобзанія, и слезы,—
И заря, заря!..

ОСЕНЬ.

Ласточки пропали,
А вчера зарей
Все грачи летали
Да, какъ сѣть, мелькали
Вонъ надъ той горой.
Съ вечера все спится,
На дворѣ темно;
Листъ сухой валится;
Ночью вѣтеръ злится,
Да стучитъ въ окно.
Лучше-бъ снѣгъ да вьюгу
Встрѣтить грудью радъ.

Словно какъ съ испугу
Раскричавшись; къ югу
Журавли летятъ.
Выйдешь—поневолѣ
Тяжело—хоть плачь!
Смотришь: черезъ поле
Перекати-поле
Прыгаетъ, какъ мячъ.

ПРИМѢТЫ.

И тихо, и свѣтло. До сумерекъ далеко.
Какъ въ дымкѣ голубой и небо, и вода,—
Лишь облаковъ густыхъ съ заката до востока
Лѣниво тянется лиловая гряда.
Да, тихо и свѣтло; но ухомъ напряженнымъ
Смятенья и тоски ты крики разгадалъ:
То чайки скликались надъ моремъ усыпленнымъ
И, въ воздухѣ кружась, летятъ къ навѣсамъ [скалъ.
Ночь будетъ страшная и буря будетъ злая:
Сольются въ мракъ и гулъ и небо, и земля,
А завтра, можетъ быть, вотъ здѣсь волна сѣдая
На берегъ выброситъ обломки корабля.

* * *

Какъ здѣсь свѣжо подъ липою густою,—
Полдневный зной сюда не проникалъ,
И тысячи висящихъ надо мною
Качаются душистыхъ опахалъ.
А тамъ, вдали, сверкаетъ воздухъ жгучій,—
Колебляся, какъ будто дремлетъ онъ;
Такъ рѣзко-сухъ снотворный и трескучій
Кузнечиковъ неугомонный звонъ.
За мглой вѣтвей синѣютъ неба своды,
Какъ дымкою подернуты слегка,
И, какъ мечты почіющей природы,
Волнистыя проходятъ облака.

СОНЪ.

Снился берегъ мнѣ скалистый...
Море спало подъ луною,
Какъ ребенокъ дремлетъ чистый,—
И, по немъ скользя съ тобою,
Въ дымъ прозрачный и волнистый
Шли алмазной мы стезею.

* * *

Люди спятъ,—мой другъ, пойдемъ въ тѣнистый [садъ:
Люди спятъ, однѣ лишь звѣзды къ намъ глядятъ,
Да и тѣ не видятъ насъ среди вѣтвей
И не слышатъ,—слышитъ только соловей.
Да и тотъ не слышитъ: пѣснь его громка;
Развѣ слышатъ только сердце да рука.
Слышитъ сердце, сколько радостей земли
Сколько счастія сюда мы принесли,
Да рука, услыша, сердцу говоритъ,
Что чужая въ ней пылаетъ и дрожитъ,
Что и ей отъ этой дрожи горячо,
Что къ плечу невольно клонится плечо...

СТЕПЬ ВЕЧЕРОМЪ.

Клубятся тучи, млѣя въ блескѣ аломъ,
Хотятъ въ росѣ понѣжиться поля.
Въ послѣдній разъ за третьимъ переваломъ
Пропалъ ямщикъ, звеня и не пыля.
Нигдѣ жилья не видно на просторѣ.
Вдали огня иль пѣсни—и не ждешь:
Все степь да степь. Безбрежная, какъ море,
Волнуется и наливаетъ рожь.
За облакомъ до половины скрыта,
Луна свѣтить еще не смѣетъ днемъ.
Вотъ жукъ взлетѣлъ и прожужжалъ сердито,
Вотъ лунь проплылъ, не шевеля крыломъ.
Покрылись нивы сѣтью золотистой,
Тамъ перепелъ откликнулся вдали.
И, слышу я, въ изложинѣ росистой
Вполголоса скрипятъ коростели.
Ужъ сумракомъ пытливый взоръ обманутъ.
Среди тепла прохладой стало дуть.
Луна чиста. Вотъ съ неба звѣзды глянутъ—
И, какъ рѣка, засвѣтитъ млечный путь.

ШИЛЛЕРУ.

Орелъ могучихъ, свѣтлыхъ пѣсенъ!
Съ зарей открылъ твой вѣщій взоръ,
Какъ блѣденъ, какъ тоскливо-тѣсенъ
Земного ока кругозоръ!
Впервой ширяясь, міръ ты мѣрилъ
Отважнымъ взмахомъ юныхъ крылъ;
Никто такъ гордо въ свѣтъ не вѣрилъ,
Никто такъ страстно не любилъ.
И, веселясь надъ темной бездной,
Сокрывшей свѣтлый идеалъ,
Никто земной въ предѣлъ надзвѣздный
Парить такъ смѣло не дерзалъ.
Одинъ ты океанъ эѳира
Крыломъ надежнымъ облетѣлъ
И въ сердце огненное міра
Очами свѣтлыми глядѣлъ.
Съ тѣхъ поръ у моря свѣта вѣчно

голосъ все къ себѣ зоветъ,
ъ человѣкѣ человѣчно
ю въ безсмертномъ не умретъ.

У КАМИНА.

Тускнѣютъ угли. Въ полумракѣ
Прозрачный вьется огонекъ.
Такъ плещетъ на багряномъ макѣ
Крыломъ лазурнымъ мотылекъ.
Видѣній пестрыхъ вереница
Влечетъ, усталый тѣша взглядъ,
И неразгаданныя лица
Изъ пепла сѣраго глядятъ.
Встаетъ ласкательно и дружно
Былое счастье и печаль,
И лжетъ душа, что ей не нужно
Всего, чего глубоко жаль!

РЫБКА.

Тепло на солнышкѣ. Весна
Беретъ свои права.
Въ рѣкѣ мѣстами глубь ясна,
На днѣ видна трава.
Чиста холодная струя,
Слѣжу за поплавкомъ.
Шалунья рыбка, вижу я,
Играетъ съ червякомъ.
Голубоватая спина,
Сама—какъ серебро,
Глаза—бурмитскихъ два зерна,
Багряное перо.
Идетъ, не дрогнетъ подъ водой...
Пора,—червякъ во рту!..
Увы, блестящей полосой
Юркнула въ темноту!
Но вотъ опять лукавый глазъ
Сверкнулъ невдалекѣ...
Постой, авось на этотъ разъ
Повиснешь на крючкѣ!

---

* * *

На стогѣ сѣна ночью южной
Лицомъ ко тверди я лежалъ,
И хоръ свѣтилъ, живой и дружный,
Кругомъ, раскинувшись, дрожалъ.
Земля, какъ смутный сонъ нѣмая,
Безвѣстно уносилась прочь,
И я, какъ первый житель рая,
Одинъ въ лицо увидѣлъ ночь.
Я-ль несся къ безднѣ полунощной,
Иль сонмы звѣздъ ко мнѣ неслись?
Казалось, будто въ длани мощной
Надъ этой бездной я повисъ.
И съ замираньемъ и смятеньемъ
Я взоромъ мѣрилъ глубину,
Въ которой съ каждымъ я мгновеньемъ
Все невозвратнѣе тону.

1863 — 1892.

МЕЛОДІЯ.

Мѣсяцъ зеркальный плыветъ по лазурной пустынѣ,
Травы степныя унизаны влагой вечерней.
Рѣчи отрывистѣй, сердце опять суевѣрнѣй...
Длинныя тѣни вдали потонули въ ложбинѣ.
Въ этой ночи, какъ въ желаніяхъ, все безпре-[дѣльно!
Крылья растутъ у какихъ-то воздушныхъ стре-[мленій,—
Взялъ бы тебя и помчался бы также безцѣльно,
Свѣтъ унося, покидая невѣрныя тѣни!
Можно ли, другъ мой, томиться въ тяжелой кру-[чинѣ?
Какъ не забыть, хоть на время, язвительныхъ [терній?
Травы степныя сверкаютъ росою вечерней,
Мѣсяцъ зеркальный бѣжитъ по лазурной пустынѣ..

---

* * *

Измученъ жизнью, коварствомъ надежды,
Когда имъ въ битвѣ душой уступаю,
И днемъ, и ночью смежаю я вѣжды—
И какъ-то странно порой прозрѣваю.
Еще темнѣе мракъ жизни вседневной,
Какъ послѣ яркой осенней зарницы,
И только въ небѣ, какъ зовъ задушевный,
Сверкаютъ звѣздъ золотыя рѣсницы.
И такъ прозрачна огней безконечность,
И такъ доступна вся бездна эѳира,
Что прямо смотрю я изъ времени въ вѣчность
И пламя твое узнаю, солнце міра!
И неподвижно на огненныхъ розахъ
Живой алтарь мірозданья курится;
Въ его дыму, какъ въ творческихъ грезахъ,
Вся сила дрожитъ и вся вѣчность снится.
И все, что мчится по безднамъ эѳира,
И каждый лучъ, плотской и безплотный,—
Твой только отблескъ, о солнце міра,
И только сонъ, только сонъ мимолетный!
И этихъ грезъ въ міровомъ дуновеньи,
Какъ дымъ, несусь я и таю невольно...

И въ этомъ прозрѣньи и въ этомъ забвеньи
Легко мнѣ жить, и дышать мнѣ не больно!

———

* * *

Только встрѣчу улыбку твою
Или взглядъ уловлю твой отрадный,—
Не тебѣ пѣснь любви я пою,
А твоей красотѣ ненаглядной.
Про пѣвца по зарямъ говорятъ,
Будто розу влюбленною трелью
Восхвалять неумолчно онъ радъ
Надъ душистой ея колыбелью.
Но безмолвствуетъ, пышно-чиста,
Молодая владычица сада:
Только пѣснѣ нужна красота,
Красотѣ же и пѣсенъ не надо!

———

* * *

Какъ трудно повторять живую красоту
Твоихъ воздушныхъ очертаній!
Гдѣ силы у меня схватить ихъ на лету
Средь непрестанныхъ колебаній?
Когда изъ-подъ рѣсницъ пушистыхъ на меня
Блеснутъ глаза съ просвѣтомъ ласки,
Гдѣ кистью трепетной я наберу огня?
Гдѣ я возьму небесной краски?
Въ усердныхъ поискахъ все кажется: вотъ-вотъ
Пріемлетъ тайна ликъ знакомый!—
Но сердца бѣднаго кончается полетъ
Одной безсильною истомой.

———

МАЙСКАЯ НОЧЬ.

Отсталыхъ тучъ надъ нами пролетаетъ
Послѣдняя толпа.
Прозрачный ихъ отрѣзокъ мягко таетъ
У луннаго серпа.
Царитъ весны таинственная сила
Съ звѣзда́ми на челѣ...
Ты, нѣжная! Ты счастье мнѣ сулила
На суетной землѣ,—
А счастье гдѣ? Не здѣсь, въ средѣ убогой,—
А вонъ оно, какъ дымъ...
За нимъ, за нимъ воздушною дорогой,—
И въ вѣчность улетимъ!

———

ALTER EGO.

Какъ лилея глядится въ нагорный ручей,
Ты стояла надъ первою пѣсней моей...
. . . .
Ты душою младенческой все поняла,
Что́ мнѣ высказать тайная сила дала,
И хоть жизнь безъ тебя суждено мнѣ влачить,
Но мы вмѣстѣ съ тобой,—насъ нельзя разлучить!
Та трава, что вдали на могилѣ твоей,
Здѣсь на сердцѣ, чѣмъ старѣ оно, тѣмъ свѣжѣй,
И я знаю, взглянувши на звѣзды порой,
Что взирали на нихъ мы, какъ боги, съ тобой!
У любви есть слова,—тѣ слова не умрутъ;
Насъ съ тобой ожидаетъ особенный судъ:
Онъ сумѣетъ насъ сразу въ толпѣ различить,—
И мы вмѣстѣ придемъ,—насъ нельзя разлучить!

———

БАБОЧКА.

Не спрашивай,—откуда появилась,
Куда спѣшу:
Здѣсь на цвѣтокъ я легкій опустилась,
И вотъ—дышу.
Надолго ли, безъ цѣли, безъ усилья,
Дышать хочу?
Вотъ-вотъ, сейчасъ, сверкнувъ, раскину крылья—
И улечу!

———

* * *

Однимъ толчкомъ согнать ладью живую
Съ наглаженныхъ отливами песковъ:
Одной волной подняться въ жизнь иную,
Учуять вѣтръ съ цвѣтущихъ береговъ;
Тоскливый сонъ прервать единымъ звукомъ,
Упиться вдругъ невѣдомымъ роднымъ,
Дать жизни вздохъ, дать сладость тайнымъ мукамъ,
Чужое вмигъ почувствовать своимъ;
Шепнуть о томъ, предъ чѣмъ языкъ нѣмѣетъ,
Усилить бой безтрепетныхъ сердецъ,—
Вотъ чѣмъ пѣвецъ лишь избранный владѣетъ!
Вотъ въ чемъ его и признакъ, и вѣнецъ!

———

* * *

Ночь лазурная смотритъ на скошенный лугъ,
Запахъ розъ подъ балкономъ и сѣна вокругъ;
Но—зато-ль, что отрады не жду впереди,—
Благодарности нѣтъ въ истомленной груди:
Все далекій, давнишній мнѣ чудится садъ...
Тамъ и звѣзды крупнѣй, и сильнѣй ароматъ,
И ночныхъ благовоній живая волна
Тамъ доходитъ до сердца, истомы полна...
Точно въ нѣжномъ дыханьи травы и цвѣтовъ
Съ ароматомъ знакомый доносится зовъ,
И, какъ будто, вотъ-вотъ, кто-то милый опять
О восторгѣ свиданья готовъ прошептать...

1892.

———

XLI.

Аполлонъ Николаевичъ Майковъ.

1821 — 1897.

Первое, чѣмъ поражаешься при бѣгломъ же взглядѣ на поэтическую дѣятельность йкова, это—сравнительное безплодіе, обнаженное имъ въ послѣднія 35 лѣтъ жизни. авда, за этотъ долгій промежутокъ времени ъ написалъ очень много стиховъ (и въ томъ слѣ большую трагедію „Два міра", на корую самъ глядѣлъ, какъ на главный трудъ зни), но все это, въ большинствѣ, холод, разсудочныя, напыщенныя произведенія, же и по формѣ часто недостойныя класси-ски-прекрасной музы Майкова, какою она ла въ молодости.

Въ объясненіи этого печальнаго явленія итики болѣе или менѣе сходятся. Замѣчаьный пластическій талантъ Майкова, въ модости безпрепятственно отдававшійся при-ынымъ влеченіямъ, позже пошелъ на букѣ у овладѣвшихъ поэтомъ реакціонныхъ ей: это былъ мертвенный, византійски-аскеческій идеалъ всевластнаго государства, въ ртву которому, какъ Молоху, должна быть несена живая человѣческая личность, съ ея ободой и счастьемъ, а слѣдовательно—и асотой, и поэзіей. И Майковъ не останося передъ такой жертвой, воспѣвъ Ивана озннаго и подмѣнивъ (въ трагедіи „Два а") дѣятельную *любовь* первыхъ христіанъ етизмомъ *всепрощенія*...

Слѣдуетъ, впрочемъ, оговориться, что и въ первую половину дѣятельности Майковъ не отличался особеннымъ чутьемъ къ печалямъ и тревогамъ братьевъ-людей вообще и родины въ частности. Съ самаго начала талантъ его отличался нѣсколько холоднымъ, объективно-созерцательнымъ характеромъ. Въ годину ужасовъ крымской войны онъ пишетъ чисто-аркадскую идиллію „Рыбная ловля" (правда, превосходную въ поэтическомъ отношеніи); путешествуя почти наканунѣ революціи по Италіи, онъ не видитъ въ этой странѣ ничего, кромѣ легкомысленнаго, лѣниваго народа и красивыхъ женщинъ... Нельзя сказать, чтобы, постигнувъ въ совершенствѣ красоту формъ древне-эллинскаго міра, поэтъ съ тѣмъ же искусствомъ проникъ и въ сложный, порою глубоко трагическій, *духъ* этого міра.— Только въ „шестидесятые годы" общій подъемъ гражданскихъ чувствъ зажегъ не надолго и холоднаго обыкновенно Майкова, и къ этому именно періоду относятся такія прекрасныя стихотворенія, какъ „Поля" и „Картинка".

Причислять Майкова къ жрецамъ „чистаго", безъидейнаго искусства, во всякомъ случаѣ, невозможно: въ немъ течетъ, правда, холодная кровь, по натурѣ онъ склоненъ къ эпикуреизму, но онъ всегда остается поэтомъ серьезно-настроенной мысли, и красивый стихъ его, въ лучшихъ вещахъ точно выточенный

изъ мрамора, никогда не служитъ самодовлѣющему искусству.

Не обладая сильнымъ и глубокимъ лиризмомъ, — какъ художникъ-пластикъ, Майковъ одаренъ прямо поражающей силой изобразительности; другого подобнаго живописца природы русская поэзія, можно сказать, не знаетъ...

Изъ крупныхъ произведеній Майкова замѣчательна лирическая драма „Три смерти" (1852).

1841 — 1855.

ДУМА.

Жизнь безъ тревогъ—прекрасный, свѣтлый день;
Тревожная- весны младыя грозы.
Тамъ—солнца лучъ и въ зной оливы тѣнь,
А здѣсь—и громъ, и молнія, и слезы...
О! дайте мнѣ весь блескъ весеннихъ грозъ,
И горечь слезъ, и сладость слезъ!

АНГЕЛЪ И ДЕМОНЪ.

Подъемлютъ споръ за человѣка
Два духа мощные: одинъ—
Эдемской двери властелинъ
И вѣрный стражъ ея отъ вѣка;
Другой—во всемъ величьи зла,
Владыка сумрачнаго міра:
Надъ огненной его порфирой
Горятъ два огненныхъ крыла.
Но торжество кому-жъ уступитъ
Въ пыли рожденный человѣкъ?
Вѣнецъ ли вѣчныхъ пальмъ онъ купитъ,
Иль чашу временную нѣгъ?
Господень ангелъ тихъ и ясенъ,
Его живитъ смиренья лучъ;
Но гордый демонъ такъ прекрасенъ,
Такъ лучезаренъ и могучъ!

---

* * *

— „Скажи мнѣ, ты любилъ на родинѣ своей?
Признайся, что она была меня милѣй,
Прекраснѣе?"
— Она была прекрасна...
— „Любила ли она, какъ я тебя, такъ страстно?
Скажи мнѣ, у нея былъ мужъ, отецъ иль братъ,
Надъ чьимъ позоромъ вы смѣялися заочно?
Все разскажи... и какъ порою полуночной
Она спускалася къ тебѣ въ тѣнистый садъ?
Могла-ль она, какъ я, такъ пламенно руками,
Какъ змѣи сильными, обвить тебя? Уста,
Ненасытимыя въ лобзаньи никогда,
Съ твоими горячо-ль сливалися устами?
Въ тѣ ночи тайныя, когда-бъ застали васъ,
Достало ли-бъ въ ней силъ—открыто, не страшась,
Въ глаза имъ объявить, что ты—ея владѣнье,
Жизнь, кровь, душа ея? На строгій судъ людей
Глядѣла ли-бъ она спокойнымъ, смѣлымъ взоромъ?
Гордилась ли-бъ она любви своей позоромъ?..
Ты улыбаешься... ты думаешь о ней...
О, хороша она... и образъ ненавистный
Я вырвать не могу изъ памяти твоей!.."
— Ахъ, не брани ея! Глубо́ко, безкорыстно
Любили мы. Но вѣрь, ни разу ни она,
Ни я, любви своей мы высказать не смѣли.
Она была со мной какъ будто холодна;
Любя, другъ друга мы стыдились и робѣли;
Лишь худо скрытый вздохъ, случайный бѣглый [взоръ
Ей измѣнялъ. У насъ всегда былъ разговоръ
Незначущъ, о вещахъ пустыхъ, обыкновенныхъ;
Но какъ-то въ тѣхъ словахъ, въ той болтовнѣ пу- [стой
Угадывали мы душою смыслъ иной
И голосъ слышали страданій сокровенныхъ.
И только разъ уста мои ея руки
Коснулись, но потомъ мнѣ стыдно, больно было,
Когда она ко мнѣ безмолвно обратила
Взоръ, полный слезъ, мольбы, укора и тоски...
Тотъ взоръ мнѣ все сказалъ; онъ требовалъ по- [щады...
Онъ говорилъ мнѣ: намъ пора, разстаться надо...
— „И вы разстались?"
— Разстались. Я сказать
Хотѣлъ ей что-то, и она, казалось, тоже;
Но тутъ вошли—должны мы были замолчать...
— „Любить! Молчать!!. И вы любили?.. Боже [Боже!.."

FORTUNATA.

Ахъ, люби меня безъ размышленій,
Безъ тоски, безъ думы роковой,
Безъ упрековъ, безъ пустыхъ сомнѣній!
Что тутъ думать? Я твоя, ты мой!
Все забудь, все брось, мнѣ весь отдайся!..
На меня такъ грустно не гляди!
Разгадать, что́ въ сердцѣ—не пытайся!..

ь ему отдайся—и иди!
юбви не числю и не мѣрю;
ъ, любовь есть вся моя душа.
юблю—смѣюсь, клянусь и вѣрю...
, какъ жизнь, мой милый, хороша!..
ь въ любви, что счастью не умчаться,
ь, какъ я, о гордый человѣкъ,
намъ вѣкъ съ тобой не разставаться
е кончить поцѣлуя вѣкъ.

——

РАЗМѢНЪ.

ъ, прежней Нины нѣтъ! Когда я застаю,
мнясь вдругъ, себя предъ образомъ лежащей,
иться жаждущей, но словъ не находящей,
увствую, какъ жжетъ слеза щеку мою,
аболѣла грудь, тоскуя въ жаждѣ знойной,—
режней дѣвочки, безпечной и спокойной,
Въ себѣ не узнаю!
се ему—все отдала ему!
ь, бѣдный, чахъ душою безнадежной;
вѣрилъ онъ, покорный лишь уму,
возможность счастія, въ возможность страсти [нѣжной...
ь все,—мои мечты, мой чистый идеалъ
ердце, склонное къ блаженству и надеждѣ,
ъ бы свое, потерянное прежде,
ровище—нашелъ во мнѣ и взялъ!..
мѣнъ онъ далъ мнѣ, чтó его томило:
нѣніе, и слёзы, и печаль...
я не плачу, нѣтъ! Мнѣ ничего не жаль,
ь только-бъ то, что было мнѣ такъ мило,
взялъ онъ у меня—ему-бъ во благо было!..

——

* * *

а! Выставляется первая рама—
ъ комнату шумъ ворвался,
лаговѣстъ ближняго храма,
оръ народа, и стукъ колеса.
въ душу повѣяло жизнью и волей:
Вонъ даль голубая видна...
чется въ поле, въ широкое поле,
шествуя, сыплетъ цвѣтами весна!

——

П. А. ПЛЕТНЕВУ.

аею орловъ двѣнадцатаго года
ебесъ спустилася къ намъ стая лебедей,
сни чудныя невиданныхъ гостей
ѣ памятны у русскаго народа.
стаи ихъ теперь одинъ остался ты,
устный между насъ, задумчивый ты бродишь;
И, прежнихъ звуковъ полнъ, все взора съ высоты,
Куда тѣ лебеди умчалися, не сводишь.

——

РЫБНАЯ ЛОВЛЯ.

Себя я помнить сталъ въ деревнѣ подъ Москвою.
Бывало, ввечеру поудить карасей
Отецъ пойдетъ на прудъ, а двое насъ дѣтей
Сидимъ на берегу подъ елкою густою,
Добычу изъ ведра руками достаемъ
И шопотомъ о ней другъ съ другомъ рѣчь ведемъ...
Съ лѣтами за отцомъ по ручейкамъ пустыннымъ
Мы стали странствовать... Теперь тó время мнѣ
Является всегда какимъ-то утромъ длиннымъ,
Особымъ уголкомъ въ безвѣстной сторонѣ,
Гдѣ вѣчная заря надъ головой струится,
Гдѣ въ полѣ по росѣ мой слѣдъ еще хранится...
. . . .
Тихонько удочки забравши, впопыхахъ
Бѣгу я къ пристани. Во слѣдъ мнѣ крикнулъ кто-то,
Но быстро оттолкнулъ челнокъ я свой отъ плóта
И, гору обогнувъ, зарылся въ камышахъ.
Злодѣи-рыбаки ужъ тутъ давно: вонъ съ челномъ
Запрятался въ тростникъ; тотъ шаритъ въ глубинѣ...
Есть что-то страстное въ вниманьи ихъ безмолвномъ,
Есть напряженіе въ сей людной тишинѣ.
Лишь свистнетъ въ воздухѣ леса волосяная,
Да вздохъ послышится; упорно всѣ молчатъ
И зорко издали другъ зá другомъ слѣдятъ.
Межъ тѣмъ, живетъ вокругъ равнина водяная:
Стрекозы синія колеблютъ поплавки,
И тощіе кругомъ шныряютъ пауки,
И кружится, сребрясь, снѣтковъ веселыхъ стая,
Иль брызнетъ въ стороны, отъ щуки исчезая.
Но вотъ одинъ рыбакъ вскочилъ, и, трепеща,
Всѣ смотрятъ на него въ какомъ-то страхѣ чуткомъ:
Онъ, въ обѣ руки взявъ, на удилищѣ гнуткомъ
Выводитъ на воду упорнаго леща.
И чернозолотой красавецъ повернулся,
И вдругъ взмахнулъ хвостомъ,—испуганный, рва- [нулся—
„Отдай, отдай!“ кричатъ, и снова въ глубину
Идетъ чудовище, и ходитъ, вся въ струну
Натянута, леса... Дрожь вчужѣ пробираетъ!..
А тутъ мой поплавокъ мгновенно исчезаетъ.
Тащу—леса въ водѣ описываетъ кругъ,
Уже сіяетъ пасть зубастая—и вдругъ
Взвилась моя леса, свистя надъ головою...
Обгрызла! Господи!.. Но, зная норовъ щукъ,
Другую удочку за тою же травою
Тихонько завожу и жду, едва дыша...
Клюетъ... Напрягся я и, со всего размаха,
Исполненный надеждъ, волнуяся отъ страха,
Выкидываю вверхъ—чуть виднаго ерша...
О, тварь негодная!.. Отъ злости чуть не плачу;

Кляну себя, людей и міръ за неудачу
И, какъ на угольяхъ, закинувъ вновь, сижу,
И только комары, облипшіе мнѣ щеки,
Обуздываютъ гнѣвъ на промахъ мой жестокій.
Чтобы вздохнуть, кругомъ я взоры обвожу.
Какъ ярки горы тамъ при солнцѣ заходящемъ!
Какъ здѣсь, вблизи меня, съ своимъ шатромъ
[сквозящимъ,
Краснѣютъ темныхъ соснъ сторукіе стволы
И отражаются внизу въ заливѣ черномъ,
Гдѣ бѣлый паръ уже бѣжитъ къ подножьямъ гор-
[нымъ.
Съ той стороны село. Среди сребристой мглы
Окошки свѣтятся, какъ огненныя точки;
Купанье тамъ идетъ: чуть слышенъ визгъ живой,
Чуть-чуть бѣлѣются по берегу сорочки,
Межъ тѣмъ какъ слышится изъ глубины лѣсной
Кукушка поздняя, да дятелъ молодой...
Картины бѣдныя полунощнаго края!
Гдѣ-бъ я ни умиралъ, васъ вспомню, умирая:
Отъ сердца пылкаго все злое прочь гоня,
Не вы-ль, миря съ людьми, учили жить меня?..
Но вотъ уже смерклося, свѣжѣетъ. Вкругъ ни
[звука.
На небѣ и водахъ погасъ пурпурный блескъ.
Чу... тянутъ якоря! Раздался веселъ плескъ...
Нѣтъ, видно, не возьметъ теперь ни лещъ, ни щука!
Вотъ, если бы, чѣмъ свѣтъ, забраться въ тростники,
Когда лишь по зарѣ замѣтишь поплавки,
И то почти къ водѣ припавши... тутъ охота!..
Что-жъ медлить? Завтра же... Межъ тѣмъ всѣ чел-
[ноки,
Толкаясь, пристаютъ у низенькаго плота,
И громкій перекликъ несется на водахъ
О всѣхъ событьяхъ дня, о порванныхъ лесáхъ,
И брань, и похвальба, исполненныя страсти.
На плечи, разгрузясь, мы взваливаемъ снасти,
И плещетъ ходкій плотъ, качаясь подъ ногой.
Идемъ. Подъ мокрою одеждой ужъ прохладно;
За то какъ дышется у лодокъ надъ водой,
Гдѣ пахнетъ рыбою и свѣжестью отрадной,
Межъ тѣмъ какъ изъ лѣсу чуть слышнымъ вѣтер-
[комъ,
Смолой напитаннымъ, потянетъ вдругъ тепломъ!..
. . . .
Иду я спать... И вотъ опять передъ глазами
Все катится вода огнистыми струями,
И ходятъ поплавки. На мигъ лишь задремалъ—
И кажется, клюетъ! Тутъ полно! сонъ пропалъ:
Пылаетъ голова и сердце бьется съ болью.
Чуть показался свѣтъ,—на цыпочкахъ, какъ воръ,
Я крадусь изъ дому и лѣзу чрезъ заборъ,
Взявъ хлѣба про запасъ съ кристальной крупной
[солью.
Но на небѣ сѣро и мелкій дождь идетъ,
И къ стужѣ въ воздухѣ замѣтенъ поворотъ.
Чуть видны береговъ ближайшіе извивы;
Не шелохнется лѣсъ, ни птица не вспорхнетъ,—
Но чувствую уже, что будетъ ловъ счастливый.
И точно. Дождь потомъ зашлепалъ все сильнѣй;
Вскипѣло озеро отъ бѣлыхъ пузырей,
И я промокъ насквозь, окостенѣли руки;
Но окунь, видно, сталъ бодрѣе съ холодкомъ—
Со дна и поверху гнался за червякомъ,
И ловко выхватилъ я прямо въ челнъ двѣ щуки.
Тутъ вѣтеръ потянулъ—и золотымъ лучомъ
Деревню облило. Э, солнце какъ высоко!
Ужъ дома самоваръ, пожалуй, недалеко...
Домой! И въ комнату, пронизанный дождемъ,
Съ пылающимъ лицомъ, съ душой и мыслью ясн...
Двѣ щуки на шнуркѣ, вхожу я съ торжествомъ,
И крикомъ всѣ меня встрѣчаютъ: „ахъ, несчастный...
Непосвященные! напрасенъ съ ними споръ!
Искусства нашего непризнанную музу
И грекъ не пріобщилъ къ парнасскому союзу...
Нѣтъ, муза чистая, витай между озеръ!
И пусть бѣгутъ твои балованныя сестры
На шумныхъ поприщахъ гражданственности пес...
За лавромъ, и хвалой, и памятью вѣковъ:
Ты ночью звѣздною, на мельничной плотинѣ,
Въ семъ царствѣ свай, колесъ, и плѣсени, и мхо...
Таинственностью духъ питай въ святой пустынѣ!

———

1856—1862.

НИВА.

По нивѣ прохожу я узкою межой,
Поросшей кашкою и цѣпкой лебедой;
Куда ни оглянусь—повсюду рожь густая!
Иду,—съ трудомъ ее руками разбирая.
Мелькаютъ и жужжатъ колосья предо мной
И колютъ мнѣ лицо... Иду я, наклоняясь,
Какъ будто бы отъ пчелъ тревожныхъ отбиваясь,
Когда, перескочивъ чрезъ ивовый плетень,
Средь яблонь въ пчельникѣ проходишь въ ясны...
[день.

О, Божья благодать!.. О, какъ прилечь отрадн...
Въ тѣни высокой ржи, гдѣ сыро и прохладно!
Заботы полные, колосья надо мной
Бесѣду важную ведутъ между собой.
Имъ внемля, вижу я—на всемъ полей просторѣ
И жницы, и жнецы, ныряя точно въ морѣ,
Ужъ вяжутъ весело тяжелые снопы;
Вонъ—на зарѣ стучатъ проворные цѣпы:
Въ амбарахъ воздухъ полнъ и розана, и меда;
Вездѣ скрипятъ возы; средь шумнаго народа
На пристаняхъ кули валятся; вдоль рѣки,
Гуськомъ, какъ журавли, проходятъ бурлаки,
Нагнувши головы, плечами напирая,

длинной бичевой по влагѣ ударяя...
. . . .

---

* * *

Поле зыблется цвѣтами...
Въ небѣ льются свѣта волны...
Вешнихъ жаворонковъ пѣнья
Голубыя бездны полны.
Взоръ мой тонетъ въ блескѣ полдня...
Не видать пѣвцовъ за свѣтомъ...
Такъ надежды молодыя
Тѣшатъ сердце мнѣ привѣтомъ.
И откуда раздаются
Голоса ихъ, я не знаю...
Но, имъ внемля, взоры къ небу,
Улыбаясь, обращаю.

1857.

ЭОЛОВЫ АРФЫ.

Засуха!.. Воздухъ спитъ, и небеса молчатъ...
И арфъ эоловыхъ безмолвенъ грустный рядъ...
Тѣ арфы—это вы, пѣвцы моей отчизны!
Го образъ вашихъ душъ, исполненныхъ тоской,
Мечтой заоблачной и грустной укоризной!..
Молчатъ онѣ, молчатъ, какъ арфы, въ этотъ зной!..
Но, еслибъ мимо нихъ промчался вихремъ геній,
И жизни духъ пахнулъ въ родимой сторонѣ—
На встрѣчу новыхъ силъ и новыхъ откровеній
Какими-бъ звуками откликнулись онѣ!..

ПОДЪ ДОЖДЕМЪ.

Помнишь: мы не ждали ни дождя, ни грома—
Вдругъ засталъ насъ ливень далеко отъ дома,
Мы спѣшили скрыться подъ мохнатой елью...
Не было конца тутъ страху и веселью!
Дождикъ лилъ сквозь солнце, и подъ елью мшистой
Мы стояли, точно въ клѣткѣ золотистой;
По землѣ вокругъ насъ точно жемчугъ прыгалъ;
Капли дождевыя, скатываясь съ иголъ,
Падали, блистая, на твою головку,
Или съ плечъ катились прямо подъ шнуровку...
Помнишь—какъ все тише смѣхъ нашъ становился...
Вдругъ надъ нами прямо громъ перекатился!
Ты ко мнѣ прижалась, въ страхѣ очи жмуря...
Благодатный дождикъ! Золотая буря!

ЛѢТНІЙ ДОЖДЬ.

„Золото, золото падаетъ съ неба!“
Дѣти кричатъ и бѣгутъ за дождемъ...
— Полноте, дѣти, его мы сберемъ,
Только сберемъ золотистымъ зерномъ
Въ полныхъ амбарахъ душистаго хлѣба!

ЛАСТОЧКИ.

Мой садъ съ каждымъ днемъ увядаетъ,
Помятъ онъ, поломанъ и пустъ,
Хоть пышно еще доцвѣтаетъ
Настурцій въ немъ огненный кустъ...
Мнѣ грустно! Меня раздражаетъ
И солнца осенняго блескъ,
И листъ, что съ березы спадаетъ,
И позднихъ кузнечиковъ трескъ.
Взгляну-ль по привычкѣ подъ крышу—
Пустое гнѣздо надъ окномъ;
Въ немъ ласточекъ рѣчи не слышу,
Солома обвѣтрилась въ немъ...
А помню я, какъ хлопотали
Двѣ ласточки, строя его,
Какъ прутики глиной скрѣпляли
И пуху таскали въ него.
Какъ веселъ былъ трудъ ихъ, какъ ловокъ!
Какъ любо имъ было, когда
Пять маленькихъ, быстрыхъ головокъ
Выглядывать стали съ гнѣзда!
И цѣлый-то день говоруньи,
Какъ дѣти, вели разговоръ...
Потомъ полетѣли, летуньи!
Я мало ихъ видѣлъ съ тѣхъ поръ.
И вотъ ихъ гнѣздо одиноко!
Онѣ ужъ въ иной сторонѣ—
Далёко, далеко, далеко...
О, если бы крылья и мнѣ!

ОСЕНЬ.

Кроетъ ужъ листъ золотой
Влажную землю въ лѣсу...
Смѣло топчу я ногой
Вешнюю лѣса красу.
Съ холоду щеки горятъ:
Любо въ лѣсу мнѣ бѣжать,
Слышать, какъ сучья трещатъ,
Листья ногой загребать.
Нѣтъ мнѣ здѣсь прежнихъ утѣхъ!
Лѣсъ съ себя тайну совлекъ:
Сорванъ послѣдній орѣхъ,
Свянулъ послѣдній цвѣтокъ;
Мохъ не приподнятъ, не взрытъ
Грудой кудрявыхъ груздей;
Около пня не виситъ
Пурпуръ брусничныхъ кистей.
Долго на листьяхъ лежитъ

Ночи морозъ, и сквозь лѣсъ
Холодно какъ-то глядитъ
Ясность прозрачныхъ небесъ...
Листья шумятъ подъ ногой;
Смерть стелетъ жатву свою...
Только я веселъ душой
И, какъ безумный, пою!
Знаю, не даромъ средь мховъ
Ранній подснѣжникъ я рвалъ:
Вплоть до осеннихъ цвѣтовъ
Каждый цвѣтокъ я встрѣчалъ.
Чтó имъ сказала душа,
Чтó ей сказали они—
Вспомню я, счастьемъ дыша,
Въ зимніе ночи и дни!
Листья шумятъ подъ ногой,
Смерть стелетъ жатву свою...
Только я веселъ душой—
И, какъ безумный, пою!

РОЗЫ.

Вся въ розахъ—на груди, на легкомъ платьѣ бѣ-
[ломъ,
На черныхъ волосахъ, обвитыхъ жемчугами,—
Она покоилась, назадъ движеньемъ смѣлымъ
Откинувъ голову съ открытыми устами.
Сіяло чудное лицо живымъ румянцемъ...
Остановился балъ, и музыка молчала,
И—соблазнительнымъ ошеломленный танцемъ,
Я, на другомъ концѣ блистательнаго зала,
Съ красавицею вдругъ очами повстрѣчался...
И—какъ и отчего, не знаю, мнѣ въ мгновенье
Сорренто голубой заливъ нарисовался,
Пестумскій красный храмъ въ туманномъ отда-
[леньи,
И вилла, садъ и пиръ временъ гораціанскихъ...
И по заливу вдругъ, на золотой галерѣ,
Плыветъ среди толпы невольницъ африканскихъ,
Вся въ розахъ—Лидія, подобная Венерѣ...
И что-жъ? Обманутый блистательной мечтою,
Почти съ признаніемъ очнулся я отъ грезы
У ногъ красавицы... Ахъ, вы всему виною,
О розы Пестума, классическія розы!..

ГЕЙНЕ.

Давно его мелькаетъ тѣнь
Въ садахъ поэзіи родимой,
Какъ въ рощѣ трепетный олень,
Врагомъ невидимымъ гонимый.
И скачемъ мы за нимъ толпой,
Коней ретивыхъ утомляя,
Звеня уздечкою стальной
И крикомъ воздухъ оглашая.
Олень бѣжитъ по ребрамъ горъ
И съ горъ кидается стрѣлою
Въ туманы дремлющихъ озеръ,
Осеребренные луною...
И мы стоимъ у береговъ...
Въ туманахъ—замки, пѣсенъ звуки,
И благовонія цвѣтовъ,
И хохотъ, полный адской муки...

ВЕСНА.

Голубенькій, чистый
Подснѣжникъ-цвѣтокъ,
А подлѣ—сквозистый
Послѣдній снѣжокъ...
Послѣднія слезы
О горѣ быломъ
И первыя грезы
О счастьи иномъ...

---

* * *

Она еще едва умѣетъ лепетать,
Чуть бѣгать начала, но въ маленькой плутовкѣ
Кокетства женскаго ужъ видимы уловки:
Зову-ль ее къ себѣ, хочу-ль поцѣловать
И трачу весь запасъ ласкающихъ названій,
Она откинется, смѣясь, на шею няни,
Старушку обовьетъ руками горячо
И обѣ щёки ей цѣлуетъ безъ пощады,
Лукаво на меня глядитъ черезъ плечо
И тѣшится моей ревнивою досадой.

ОБЛАЧКА.

Въ легкихъ нитяхъ, бѣлой дымкой
На лазурь сквозясь,
Облачка бѣгутъ по небу,
Съ вѣтеркомъ рѣзвясь.
Любо ихъ слѣдить очами...
Выше—вѣчность, Богъ!
Взоръ безъ нихъ остановиться-бъ
Ни на чемъ не могъ...
Страсти сердца! Сны надежды!
Вдохновенья бредъ!
Былъ бы чуждъ безъ васъ и страшенъ
Сердцу Божій свѣтъ.
Васъ развѣять съ неба жизни,—
И вся жизнь тогда—
Силъ слѣпыхъ, законовъ вѣчныхъ
Вѣчная вражда!

НА БЕРЕГАХЪ НОРМАНДИИ.

Больное, тихое дитя
Сидитъ на берегу, слѣдя
Большими умными глазами
За золотыми облаками...
Вкругъ берегъ пустъ—скала, песокъ...
Тростникъ, накиданный волною,
Въ поморьи тянется каймою...
И такъ покой кругомъ глубокъ,
Такъ тихъ ребенокъ, что садится
Вблизи его на тростникѣ,
Играя, птичка; на пескѣ
По мели рыбка серебрится...
Къ нимъ взоръ порою обратя,
Такъ улыбается дитя,
Глядитъ на нихъ съ такимъ участьемъ
И такъ сіяетъ кроткимъ счастьемъ,
Что если, бѣдный, промелькнетъ
Онъ на землѣ, какъ гость залетный,
И скоро въ небѣ въ сонмъ безплотный
Господнихъ ангеловъ войдетъ,—
То тамъ, межъ нихъ воспоминая
Свой берегъ дикій и пустой,
„Прекрасна, скажетъ, жизнь земная!
Богатъ и веселъ край земной!“

———

СОНЪ ВЪ ЛѢТНЮЮ НОЧЬ.

олго ночью вчера я заснуть не могла,
вставала, окно отворяла...
очь нѣмая меня и томила, и жгла,
роматомъ цвѣтовъ опьяняла.
олько вдругъ шелестнули кусты подъ окномъ,
спахнулась, шумя, занавѣска—
влетѣлъ ко мнѣ юноша—свѣтелъ лицомъ,
очно весь былъ изъ луннаго блеска.
аздвинулись стѣны свѣтлицы моей,
олоннады за ними открылись;
ъ пирамидахъ изъ розъ вереницы огней
ъ алебастровыхъ вазахъ свѣтились.
удный гость подходилъ все къ постели моей;
оворилъ онъ мнѣ съ кроткой улыбкой:
Отчего предо мною въ подушки скорѣй
ы вырнула испуганной рыбкой?
таянися—я богъ, богъ видѣній и грезъ,
айный другъ я застѣнчивой дѣвы...
блаженство небесъ я впервые принесъ
ля тебя, для моей королевы“...
оворилъ—и лицо онъ мое отрывалъ
тъ подушки тихонько руками;
щеки моей край горячо цѣловалъ
искалъ моихъ устъ онъ устами...
одъ дыханьемъ его обезсилѣла я...
груди разомкнулися руки...

И звучало въ ушахъ: „Ты моя! Ты моя!“
Точно арфы далекіе звуки...
Протекали часы... Я открыла глаза...
Мой покой ужъ облитъ былъ зарею...
Я одна... вся дрожу... распустилась коса...
Я не знаю, что было со мною...

——

КАРТИНКА.

(послѣ манифеста 19-го февраля 1861 г.]

Посмотри: въ избѣ, мерцая,
Свѣтитъ огонекъ;
Возлѣ дѣвочки-малютки
Собрался кружокъ.
И, съ трудомъ отъ слова къ слову
Пальчикомъ водя,
По печатному читаетъ
Мужичкамъ дитя.
Мужички въ глубокой думѣ
Слушаютъ, молчатъ;
Развѣ крикнетъ кто, чтобъ бабы
Уняли ребятъ.
Бабы суютъ дѣтямъ соску,
Чтобы ротъ заткнуть,
Чтобъ самимъ хоть краемъ уха
Слышать что-нибудь.
Даже съ печи не слѣзавшій
Много-много лѣтъ,
Свѣсилъ голову и смотритъ,
Хоть не слышитъ, дѣдъ.
Что-жъ такъ слушаютъ малютку—
Аль ужъ такъ умна?...
Нѣтъ! одна въ семьѣ умѣетъ
Грамотѣ она.
И пришлося ей, младенцу,
Старикамъ прочесть
Про желанную свободу
Дорогую вѣсть.
Самой вѣсти смыслъ покамѣстъ
Теменъ имъ и ей,
Но всѣ чуютъ надъ собою
Зорю новыхъ дней...
Вспыхнетъ, братья, эта зорька!
Тьма идетъ къ концу!
Ваши дѣтки ужъ увидятъ
Свѣтъ лицомъ къ лицу.
Тьма пускай еще ярится—
День взойдетъ, могучъ!
Вѣщимъ окомъ я ужъ вижу
Первый свѣтлый лучъ.
Онъ горитъ ужъ на головкѣ,
Онъ горитъ въ очахъ
Этой умницы-малютки
Съ книжкою въ рукахъ!

Воля, братья,—это только
Первая ступень
Въ царство мысли, гдѣ сіяетъ
Вѣковѣчный день.

———

ПОЛЯ.

Въ телѣгѣ ѣду по холмамъ;
Порой для взора нѣтъ границъ...
И все поля по сторонамъ,
И надъ полями стаи птицъ...
Я ѣду день, я ѣду два—
И все поля, кругомъ поля!
Мелькнетъ жилье, мелькнетъ едва,
А тамъ поля, опять поля...
Порой ручей, порой оврагъ,
А тамъ поля, опять поля!
И въ золотыхъ опять волнахъ
Съ холма на холмъ взлетаю я...
Но гдѣ же люди? Ни души
Среди безмолвныхъ деревень...
Не вѣрится такой глуши!
Хотя бы встрѣча въ цѣлый день!
Лишь утромъ сѣрый четверикъ
Передо мною пролетѣлъ...
Въ пыли лишь красный воротникъ
Да черный усъ я разглядѣлъ...
Вотъ, наконецъ, бредетъ старикъ...
Остановился, шляпу снялъ,
Бормочетъ что-то...—Стой, ямщикъ!
Эй, дядя! Съ чѣмъ Господь послалъ?—
— „Осмѣлюсь, баринъ, попросить—
Не подвезете-ль старика?"—
— Садись! Зачѣмъ не услужить,
Услуга-жъ такъ не велика!
Садись!—„Я здѣсь, на облучокъ..."—
— Да мѣсто есть: садись рядкомъ!—
Но тутъ ужъ взять никто-бъ не могъ:
Старикъ уперся на своемъ;
Твердилъ, что въ людяхъ онъ пожилъ
И къ обращенію привыкъ,
И знаетъ свѣтъ, иначе-бъ былъ
„Необразованный мужикъ!"
У старика былъ хмурый видъ,
Цвѣтисто-вычурная рѣчь;
Одѣтъ былъ бѣдно, но обритъ,
И бакенбердъ висѣлъ до плечъ.
— „Я былъ дворовый человѣкъ,—
Онъ говорилъ,—у князя Б.
Да вотъ, пришлось кончать свой вѣкъ
На волѣ! Самъ ужъ по себѣ!"
— И слава Богу!—„Какъ кому!
И какъ кто разумѣетъ свѣтъ!
А по понятью моему,
Отъ всей ихъ воли—толку нѣтъ!
„Еще я нонѣшнихъ князей,
Выходитъ, дѣдушкѣ служилъ...
Князь различать умѣлъ людей:
Я въ домѣ, можетъ, первый былъ.
„Да вотъ, настали времена!
Теперь иди, хоть волкомъ вой!
Стара собака, не годна,
Ѣстъ даромъ хлѣбъ,—такъ съ глазъ долой!
„Еще скажу: добрый князья!
— Съ тебя оброку не хотимъ;
А хочешь землю, молъ?—Такъ я:
— Покорно васъ благодаримъ!—
Жаль ихъ самихъ!"—И тутъ старикъ
Повелъ разсказъ, какъ врозь идетъ
Весь княжій дворъ: шалитъ мужикъ,
Заброшенъ сахарный заводъ,
Слѣда ужъ нѣтъ оранжерей;
Охота, птичникъ и пруды,
И всѣ забавы для гостей,
И карусели, и сады—
Все въ запущеньи, все гніетъ...
Усадьба—прежде городокъ
Была; вездѣ присмотръ, народъ,—
И пей и ѣшь! Все было въ прокъ!
„Да, вспомянёшь про старину!"
Онъ заключилъ: „былъ складъ да ладъ!
Э, ну ихъ съ волей! Право, ну!
Да что она? Одинъ развратъ!
„Одинъ развратъ!" онъ повторялъ...
Отжившій міръ въ его лицѣ,
Казалось, силы напрягалъ,
Какъ пламя, вспыхнуть при концѣ...
„Вотъ парень вамъ изъ молодыхъ",
Сказалъ онъ, кинувъ грозный взглядъ
На ямщика: „спросите ихъ,
Куда глядятъ? Чего хотятъ!"
Тотъ поглядѣлъ ему въ лицо,
Но за отвѣтомъ сталъ втупикъ:
Никакъ желанное словцо
Не попадало на языкъ...
„Чего?.." онъ началъ было вслухъ...
Да вдругъ какъ кудрями встряхнетъ,
Да вдругъ какъ свиснетъ во весь духъ,—
И тройка ринулась впередъ!
Впередъ—въ пространство безъ конца!
Впередъ,—не внемля ничему!
То былъ отвѣтъ ли молодца,
И кони-ль вторили ему,—
Но мы неслись, какъ отъ волковъ,
Какъ изъ-подъ тучи грозовой,
Какъ бы мучителей-бѣсовъ
Погоню слыша за собой...
Неслись... А вкругъ по сторонамъ

Поля мелькали, и не разъ
Овечье стадо здѣсь и тамъ
Кидалось въ сторону отъ насъ.
Неслись... „Куда-жъ те дьяволъ мчитъ!"
Вдругъ сорвалось у старика.
А тотъ летитъ, лишь въ даль глядитъ,
А даль-то, даль— какъ широка!

СѢНОКОСЪ.

Пахнетъ сѣномъ надъ лугами...
Въ пѣснѣ душу веселя,
Бабы съ граблями, рядами
Ходятъ, сѣно шевеля.
Тамъ сухое убираютъ;
Мужички его, кругомъ,
На́ возъ вилами кидаютъ...
Возъ ростетъ, ростетъ, какъ домъ!
Въ ожиданьи конь убогій,
Точно вкопанный, стоитъ...
Уши врозь, дугою ноги,
И, какъ будто, стоя спитъ...
Только жучка удалая
Въ рыхломъ сѣнѣ, какъ въ волнахъ,
То взлетая, то ныряя,
Скачетъ, лая впопыхахъ.

НОВОГРЕЧЕСКАЯ ПѢСНЯ.

Я-бъ тебя поцѣловала,
Да боюсь—увидитъ мѣсяцъ,
Ясны звѣздочки увидятъ:
Съ неба звѣздочка скатится
И разскажетъ синю-морю,
Сине-море скажетъ весламъ,
Весла—Яни рыболову,
А у Яни—люба Мара...
А когда узнаетъ Мара,—
Всѣ узнаютъ въ околоткѣ:
Какъ тебя я ночью лунной
Въ благовонный садъ впускала,
Какъ ласкала, цѣловала,
Какъ серебряная яблонь
Насъ цвѣтами осыпала...

1863—1897.

КТО ОНЪ?

Лѣсомъ частымъ и дремучимъ,
По тропинкамъ и по мхамъ,
Ѣхалъ всадникъ, пробираясь
Къ свѣтлымъ невскимъ берегамъ.
Только вотъ—рыбачья хата;
У рѣки старикъ стоялъ,
Челнъ осматривалъ дырявый,
И бранился, и вздыхалъ.
Всадникъ подлѣ—онъ не смотритъ.
Всадникъ молвилъ: „Здравствуй, дѣдъ!"
А старикъ въ сердцахъ чуть глянулъ,
На привѣтствіе въ отвѣтъ.
Все ворчалъ себѣ онъ подъ носъ:
„Поздоровится тутъ, жди!
Времена ужъ не такія—
Жди, да у моря сиди.
Вамъ вѣдь все ничто, боярамъ,
А челнокъ для рыбака—
То-жъ, что бабѣ веретена,
Али-конь для сѣдока.
Шведы-ль, наши-ль шли тутъ утромъ,
Кто ихъ знаетъ—ото всѣхъ
Нынче пахнетъ табачищемъ...
Ходитъ въ мірѣ, ходитъ грѣхъ!
Чуть кого вдали завидишь—
Смотришь, въ лѣсъ бы... Вѣдь грѣшно!..
Лодка, вишь, имъ помѣшала,
И давай рубить ей дно...
Да, ужъ стала здѣсь сторонка
За теперешнимъ царемъ!..
Изъ-подъ Пскова вѣдь на лѣто
Промышлять сюда идемъ".
Всадникъ прочь съ коня и молча
За работу принялся;
Живо дѣло закипѣло
И поспѣло въ полчаса.
Самъ топоръ вотъ такъ и ходитъ,
Такъ и тычетъ долото—
И челнокъ на славу вышелъ,
А вѣдь былъ что рѣшето.
— Ну, старикъ, теперь готово,
Хоть на Лагогу ступай,
Да закинуть сѣть на счастье
На Петрово попытай.—
„На Петрово? Эко слово
Молвилъ!—думаетъ рыбакъ—
Съ топоромъ гляди какъ ловокъ,
А по рѣчи... Какъ же такъ?.."
И развелъ старикъ руками,
Шапку снялъ и смотритъ въ лѣсъ—
Смотритъ долго въ ту сторонку,
Гдѣ чудесный гость исчезъ.
1868.

---

* * *

Сидѣли старцы Иліона
Въ кругу у городскихъ воротъ;
Ужъ длится града оборона

Десятый годъ, тяжелый годъ!
Они спасенья ужъ не ждали
И только павшихъ поминали,
И ту, которая была
Виною бѣдъ ихъ, проклинали:
„Елена! Ты съ собой ввела
„Смерть въ наши домы! Ты намъ плѣна
„Готовишь цѣпи!!!...“
Въ этотъ мигъ
Подходитъ медленно Елена,
Потупя очи, къ сонму ихъ.
Въ ней дѣтская сіяла благость
И думы легкой чистота;
Самой была, какъ будто, въ тягость
Ей роковая красота...
Ахъ, и сквозь облако печали
Струится свѣтъ ея очей...
Невольно, смолкнувъ, старцы встали
И разступились передъ ней.
1869.

---

* * *

Не говори, что нѣтъ спасенья,
Что ты въ печаляхъ изнемогъ:
Чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ ярче звѣзды,
Чѣмъ глубже скорбь, тѣмъ ближе Богъ!..
1882.

ИЗЪ ЛИРИЧ. ДРАМЫ „ТРИ СМЕРТИ“.

(*Поэтъ Луканъ—въ глубокой задумчивости; эпикуреецъ Люцій возлежитъ за обѣдомъ: мудрецъ Сенека пишетъ завѣщаніе. Всѣ трое приговорены Нерономъ къ смертной казни.*)

Люцій. Мудрецъ отличенъ отъ глупца
Тѣмъ, что онъ мыслитъ до конца.
И вотъ—я долго наблюдаю
И нахожу, что смерть разитъ
Всего скорѣе аппетитъ.
Я цѣлый часъ жую, глотаю,
Но все безъ вкуса—и не сытъ!
Вина попробуемъ... Быть можетъ,
Живая Вакхова струя
Желудокъ дремлющій встревожитъ...
Ну, кто же пьетъ со мной, друзья?
Луканъ! Да ты, какъ въ лихорадкѣ?
Въ Сенекѣ строгій стоицизмъ
Давно разрушилъ организмъ.
И если вы въ такомъ упадкѣ—
Не мудрено, что въ этотъ часъ
Мой здравый разумъ бѣситъ васъ.
Луканъ. Въ часъ смерти шутки не приличны.
Люцій. Но лучше умереть, шутя,
Чѣмъ плакать, рваться, какъ дитя,
Безъ пользы! *Луканъ.* Мнѣнія различны.
Кто жизнь обжорству посвятилъ,
Тотъ потеряетъ въ ней немного...
Люцій. Э, милый! Не суди такъ строго!
Я, признаюсь, еще-бъ пожилъ,
И неохотно умираю.
Но, чтобы съ честью этотъ шагъ
Свершить—въ твоихъ, мой другъ, стихахъ
Себѣ отваги почерпаю.
„Посланье къ смерти“ помнишь ты?
Въ немъ есть высокія черты!
Съ скелета смерти снялъ ты смѣло
Земной фантазіи цвѣты.
Ты помнишь? (*Декламируетъ*)
„Друзья! намъ смерть страшна лишь чѣмъ?
Все кажется, что не совсѣмъ,
Не разомъ мы умремъ,
„Что будемъ видѣть мы свой трупъ,
Улыбку неподвижныхъ губъ,
Глаза съ тупымъ зрачкомъ.
„А мухи стаей по лицу,
Безъ уваженья къ мертвецу,
И пó лбу поползутъ;
„И съ содроганьемъ отъ тебя
Родные, близкіе, друзья
Въ испугѣ отойдутъ...“
Луканъ. Ужасный образъ... Какъ я могъ!
Люцій. Позволь... Въ концѣ—благой урокъ:
„Что даже изъ земли сырой
За рѣзвой жизнію земной
Слѣдить твой будетъ слухъ;
„И между тѣмъ, какъ подъ тобой
Весна покровъ разстелетъ свой,
И запестрѣетъ лугъ,—
„Червь на тебя ужъ нападетъ
И жадно ѣсть тебѣ начнетъ
И щеки, и бока...“
Луканъ. Да перестань!
Люцій. „И будешь вѣчно рваться ты
На свѣтъ изъ душной темноты,
Да крышка-то крѣпка!
„Но, смертный, знай! твой тщетенъ страхъ:
Вѣдь на твоихъ похоронахъ
Не будешь зритель ты.
„Вѣдь вмѣстѣ съ дружеской толпой
Не будешь плакать надъ собой
И класть на гробъ цвѣты.
„По смерти сталъ ты внѣ тревогъ,
Ты сталъ загадкою, какъ богъ,
И вдругъ душа твоя,
„Какъ радость, встрѣтила покой,
Какого въ жизни нѣтъ земной—
Покой небытія!“
Вѣдь превосходно! Эпиктетомъ

роникнутъ живо каждый стихъ!
рошу покорно—вѣрь поэтамъ:
ечты и вѣрованья ихъ
одвижнѣй тучекъ золотыхъ...
ы всѣ на колоколъ похожи,
ъ который можетъ зазвонить
а площади любой прохожій!
о смерть зоветъ, то хочетъ жить,
о къ жизни снова равнодушенъ...
дача, право, васъ понять!
укaнъ (*вспыхнувъ*). Что этимъ хочешь ты сказать,—
ю вѣтренъ я и малодушенъ?
нека. Оставьте споръ! Прилично-ль вамъ
зумнымъ посвящать рѣчамъ
вои послѣднія мгновенья!
мерть—шагъ великій (*Къ Люцію*). Вѣрь, мой другъ,
ть смыслъ въ платоновомъ ученьи—
ю это мигъ перерожденья.
усть здѣсь убьетъ меня недугъ,
о, какъ мерцаніе Авроры,
къ лилій чистый ѳиміамъ,
къ лиръ торжественные хоры,
ая жизнь насъ встрѣтитъ тамъ!
ь душѣ, за симъ земнымъ предѣломъ,
роснутся, выглянутъ на свѣтъ
ыя чувства, роемъ цѣлымъ,
торымъ органа здѣсь нѣтъ.
ы- -боги, скованные тѣломъ,
въ этотъ дивный переломъ,
гда я покидаю землю,
прежній образъ свой пріемлю,
тупая въ небо божествомъ.
цій. Я спорить не хочу, Сенека.
отчего такъ созданъ свѣтъ,
о, гдѣ хоть два есть человѣка—
два есть взгляда на предметъ?
ое, какъ молотъ, сильно слово,
убѣждаюсь я въ иномъ...
ществованія другого
постигаю я умомъ!
гляни на лавры вѣковые:
ъ листья, каждый въ свой чередъ,
ремѣняются что годъ--
ни спадутъ, взойдутъ другіе,
лавръ все зеленъ, вѣчно свѣжъ,
листья, будто, вѣчно тѣ-жъ...
ъ такъ и мы! Луканъ, Сенека,
уга покорный вашъ—умретъ...
падшій листъ! Но заживетъ,
къ прежде, племя человѣка.
ой появится пѣвецъ,
угіе будутъ жить и вздорить,
радать, любить, о томъ же спорить,
чемъ и мы съ тобой, мудрецъ!..

Но пусть по смерти жить мы будемъ
(Тебѣ готовъ я уступить),
А все себя мы не принудимъ
Безъ сожалѣнья кончить жить.

. . . .

Ты говоришь, что мы одною
Съ богами жизнью заживемъ?

. . . .

Что мнѣ въ ихъ жизни безъ волненій!
Мірами, что ли, управлять?
Въ нихъ декораціи мѣнять
И, вмѣсто всякихъ развлеченій,
Людьми, какъ шашками, играть
И, какъ актерами плохими,
Отнюдь не увлекаться ими,
Ни скучной пьесой?.. Нѣтъ, клянусь,
Я въ боги вовсе не гожусь!
Луканъ. Нѣтъ, не страшатъ меня загадки
Того, что будетъ впереди:
Жаль бросить славныхъ дѣлъ начатки
И все, что билося въ груди,
Что было мнѣ всего дороже,
Чему всю жизнь я посвятилъ!
Мнѣ страшно думать: для чего же
Во мнѣ кипѣло столько силъ?
Зачѣмъ же сила эта крѣпла,
Росла, стремилась къ торжествамъ!
Титанъ, грозившій небесамъ,
Ужели станетъ горстью пепла?
Не можетъ быть! Гдѣ-жъ смыслъ въ богахъ?
Гдѣ высшій разумъ? Провидѣнье?
Вдругъ человѣка взять въ лѣсахъ,
Возвысить въ мірѣ, дать значенье—
И вдругъ разбить безъ сожалѣнья,
Какъ форму глиняную, въ прахъ!..
Ужели съ даромъ пѣсенъ лира
Была случайно мнѣ дана?
Нѣтъ, въ ней была заключена
Одна изъ силъ разумныхъ міра.
Народовъ мысли—образъ дать,
Ихъ чувству—слово громовое,
Вселенной душу обнимать
И говорить за все живое—
Вотъ мой удѣлъ! Вотъ власть моя!
Когда для правды безпріютной,
Въ сердцахъ людей мелькавшей смутно,
Скую изъ слова образъ я,
И тутъ враговъ слѣпая стая
Его подхватитъ, злясь и лая,
Какъ псы обглоданную кость,—
Все, что отвергнуто толпою,
Все веселилося со мною,
Смотря на жалкую ихъ злость!
А злоба мрачныхъ изувѣровъ,
Ханжей, фигляровъ, лицемѣровъ,

Съ которыхъ маски я сбивалъ?
Дитя—ихъ мучилъ и пугалъ!
Столповъ отечества заставить
Я могъ капризамъ льстить моимъ—
Тѣмъ, что я могъ стихомъ однимъ
Ихъ вознести иль обезславить!
Съ Нерономъ спорить я дерзалъ—
А кто же спорить могъ съ Нерономъ!
Онъ ногти грызъ, онъ двигалъ трономъ,
Когда я вслѣдъ за нимъ читалъ,
И въ залѣ шопотъ пробѣгалъ...
Что-жъ! Не былъ я его сильнѣе,
Когда, не властвуя собой,
Онъ опрокинулъ тронъ ногой
И выпелъ, полотна бѣлѣе?
... О, боги, нѣтъ! Не можетъ быть!
Нѣтъ, жить,—я чувствую,—я буду!
Хоть чудомъ,—о, я вѣрю чуду!—
Но долженъ я и—буду жить...
(*Входитъ центуріонъ съ свиткомъ въ рукѣ.*)
Люцій. Вотъ и спаситель... Ну, покуда
Тутъ нѣтъ еще большого чуда.
Какія новости?
Центуріонъ. Декретъ
Сената. *Люцій.* Други! Шлетъ привѣтъ
Сенатъ намъ... Уваженье къ власти!
Луканъ. Читай! *Люцій.* Стой! Кто рѣшитъ впередъ—
Жизнь или смерть? Закладъ идетъ?
Луканъ. Я-бъ разорвалъ тебя на части
За эти шутки! (*Вырываетъ свитокъ и читаетъ декретъ: Цезарь, въ неизреченной милости своей, избавляетъ ихъ отъ позорной казни и даруетъ право самимъ выбрать родъ смерти*).
Люцій. Не дуренъ слогъ. Писать умѣютъ.
Луканъ. Злодѣи! Изверги! *Люцій.* При томъ
Приличье тонко разумѣютъ—
Что одолжаться палачомъ
Не благородно человѣку...
(*Къ Центуріону*)
Но что ты смотришь на Сенеку?
Луканъ. Ты тронутъ! Ты потупилъ взглядъ!
Въ твоемъ лицѣ слѣды смущенья...
О, вѣрь мнѣ, то боговъ внушенье!
Спаси намъ жизнь! Благословятъ
Тебя народы! Предъ тобою
Мудрецъ съ маститой сѣдиною—
Онъ чистъ, какъ дѣва, какъ Сократъ!
Центуріонъ. Мой долгъ...
Луканъ. Твой долгъ! А жить безъ славы?
Для дикой прихоти губя
Людей, отечество, себя,
Прожить слѣпцомъ въ грязи кровавой!
О, если долгъ въ твоей груди
Не все убилъ, то—отведи
Меня въ сенатъ! Какъ съ поля битвы
Предъ смертью ратнику, сказать
Дай мнѣ послѣднія молитвы!
Дай мнѣ предъ смертью завѣщать,
Безъ лжи, передъ лицомъ вселенной,
Все, что привыкъ я неизмѣнной,
Святою истиной считать!
(*Центуріонъ отходитъ въ глубину комнаты*).
Я имъ скажу—въ нихъ чести нѣтъ!
Въ нихъ умъ какой-то мглой одѣтъ!
Для нихъ отечество и слава—
Рѣчей напыщенныхъ приправа...
. . . .
Люцій. Пришла-жъ охота на циклоповъ,
На двуутробокъ и сорокъ
Взглянуть предъ смертью! Взять урокъ
У нихъ дилеммъ, фигуръ и троповъ!
Луканъ. Но какъ безъ боя все отдать?
Хотя-бъ къ народу мнѣ воззвать!
Пѣвецъ у Рима умираетъ,
Сенека гибнетъ! И народъ
Молчитъ!.. Но нѣтъ, народъ не знаетъ:
Народу милъ и дорогъ тотъ,
Кто спать въ немъ мысли не даетъ!
Люцій. Да, милъ, какъ бабочка ночная,
Покуда крыльевъ не ожжетъ,
Черезъ огонь перелетая...
Народъ твой первый же потомъ
И назоветъ тебя глупцомъ.
Луканъ (*закрывъ лицо руками*).
Но Цезарь!.. Мы вѣдь съ нимъ когда-то
Росли, играли, какъ два брата!
Онъ вспомнитъ время дѣтскихъ игръ
И приговоръ свой остановитъ..
Въ немъ сердце есть, вѣдь онъ не тигръ...
Римъ часто по-пусту злословитъ!
Что́ я ему, мои мечты
Да пѣсни—всѣ мои заботы?
Люцій. Мой бѣдный мальчикъ, съ жизнью счеты
Еще не кончилъ, видно, ты!
(*Входитъ ученикъ Сенеки. Съ нимъ рабъ.*)
Ученикъ. Друзья! Чуръ, тише... Я съ надеждой!
Луканъ. Прощенье?.. *Уч.* Въ домѣ выходъ есть;
Со мной двѣ женскія одежды.
Пробраться къ Тибру, въ лодку сѣсть—
И въ Остію! Бѣги съ Луканомъ,
А я останусь здѣсь съ рабомъ.
Луканъ съ нимъ сходенъ видомъ, станомъ,
Я сѣдъ, гляжу ужъ старикомъ.
Бѣгите! Время есть до срока,
И вы ужъ будете далеко,
Какъ насъ найдутъ здѣсь по-утру.
Луканъ. Я говорилъ, что не умру!
Сенека. Бѣги, Луканъ; мнѣ съ сѣдиною
Нейдетъ ужъ бѣгать отъ враговъ.
Люцій. А жаль! Я-бъ посмотрѣлъ, каковъ

Ты въ юбкѣ... *Уч.* Гибель предъ тобою!
Смерть въ каждомъ домѣ! Цѣлый Римъ—
Это циркъ. Людей травятъ звѣрями.
Постумъ убитъ рабомъ своимъ;
Пизонъ вскрылъ жилы. Подъ досками
Раздавленъ Кай. Чего же ждать?
Сенека. Мой другъ, не дважды умирать!
Разъ—это праздникъ. *Уч.* Но съ тобою
Погибнетъ все! Ты много намъ
Не досказалъ... *Сен.* Найдешь и самъ
Все, что осталося за мною,—
Лишь мысли, истину любя.
Луканъ. Учитель! Я молю тебя...
Уч. Вѣдь ты послѣдняя лампада
Во мракѣ лжи... *Сен.* Оставь меня!
. . . .
Уч. Я это зналъ... Я зналъ тебя!
.. Сейчасъ я видѣлъ—и смущеньемъ
Я пораженъ, какъ мальчикъ, былъ...
Я черезъ форумъ проходилъ.
Съ какимъ-то дикимъ изумленьемъ
Народъ носилки окружилъ:
Въ носилкахъ—трупъ Эпихариды...
Подъ видомъ праздниковъ Киприды
Пизонъ друзей сбиралъ къ ней въ домъ.
Вчера она, подъ колесомъ,
Въ жестокихъ мукахъ, не винилась
И никого не предала!..
Трещали кости, кровь текла...
Въ носилкахъ петлю изловчилась
Связать платкомъ—и удавилась.
Воскликнулъ самъ центуріонъ:
„Въ рабынь вселился духъ Катоновъ!"
А Римъ? Сенатъ? Весь обращенъ
Иль въ палачей, или въ шпіоновъ!
Луканъ. Эпихарида!.. *Уч.* Да, она—
Душа безумныхъ сатурналій...
Луканъ. И ты хотѣлъ, чтобъ мы бѣжали?!
Люцій. Бываютъ, точно, времена
Совсѣмъ особеннаго свойства.
Себя не трудно умертвить,
Но, жизнь понявъ, остаться жить—
Клянусь, не малое геройство!

Луканъ (*обнимаетъ Сенеку и друзей*).

. . . . О, боги, боги!
Вы обнажили предо мной
Видѣнья древности сѣдой
И Олимпійскіе чертоги—
Затѣмъ, чтобъ стихъ могучій мой
Ихъ смертнымъ былъ провозвѣщатель!
Теперь стою я, какъ ваятель
Въ своей великой мастерской.
Передо мной—какъ исполины.
Недовершенныя мечты!
Какъ мраморъ, ждутъ онѣ единой
Для жизни творческой черты.
Простите-жъ, пышныя мечтанья,
Осуществить я васъ не могъ!
О, умираю я, какъ богъ
Средь начатого мірозданья! (Уходитъ).
. . . .

1852.

XLII.

Яковъ Петровичъ Полонскій.

1820 — 1898.

Уже въ 1845 году Полонскій обратилъ на себя вниманіе любителей поэзіи стихотворнымъ сборникомъ „Гаммы", а въ 1855 г., съ выходомъ въ свѣтъ пятой книги стиховъ, литературная репутація его установилась прочно и мѣнялась съ тѣхъ поръ мало.

Если Майкова можно опредѣлить, какъ поэта-скульптора по-преимуществу, то Полонскій въ лучшихъ своихъ вещахъ является поэтомъ - музыкантомъ: родная стихія его поэзіи—неопредѣленно-грустныя, мечтательно-нѣжныя настроенія, восторженныя юношескія порыванія въ туманную даль, въ солнечные края мечты и грезы. И какія удивительныя грезы, какіе плѣнительные призраки, воздушно-легкіе, окутанные серебристой дымкой тайны и поэзіи! А надъ ними, всегда и всюду, витаетъ привлекательный образъ самого поэта, женственно-мягкій, благодушный, любвеобильный...

Мы говоримъ о лучшей половинѣ творчества Полонскаго. Къ сожалѣнію, онъ былъ очень плодовитъ, и значительнѣйшая часть его произведеній—тотъ средняго достоинства стихотворный балластъ, который на репутаціи поэта отзывается несравненно тяжелѣе безусловно-слабыхъ вещей: людьми безъ достаточно тонкаго и развитаго вкуса такія стихотворенія нерѣдко принимаются за наиболѣе характерныя, и физіономія поэта, благодаря имъ, пріобрѣтаетъ расплывчатый, неопредѣленный характеръ.

Приходится и Полонскаго характеризовать на основаніи всей суммы его произведеній, при чемъ обнаруживается одна основная ихъ черта: постоянное сочетаніе несомнѣнной поэзіи съ столь же несомнѣнной прозой, высокаго вдохновенія—съ холоднымъ размышленіемъ и даже резонерствомъ... Стремленіе къ реализму и конкретности придаетъ иногда стихамъ Полонскаго необычайную силу, но несравненно чаще — слѣдуетъ признать это — уменьшаетъ ихъ поэтическую цѣнность. Вспоминая, напр., о дѣвственной чистотѣ свиданій съ любимой дѣвушкой въ ея скромной комнаткѣ, поэтъ отмѣчаетъ, кстати, и смрадную вонь петербургскихъ лѣстницъ!.. Другая отличительная черта Полонскаго—безмѣрная склонность къ длиннотамъ, какая-то старческая болтливость, ослабляющая и дѣлающая нерѣдко скучнымъ даже его очаровательный, упоительно-музыкальный стихъ... Благодушіе поэта также имѣетъ свою оборотную сторону: если бы мы вздумали точнѣе опредѣлить его этическіе и общественные взгляды и убѣжденія, то оказались бы передъ непосильно-трудной задачей: ясный первоначально образъ расплылся бы и сдѣлался смутнымъ и загадочнымъ... Вотъ эта-то расплывчатость и неопредѣленность и была, повидимому, причиной, помѣ-

шей Полонскому, при его большомъ и атичномъ талантѣ, занять одно изъ перъ мѣстъ въ ряду русскихъ поэтовъ. въ большихъ его произведеній заслуживаетъ высокой оцѣнки поэма „Кузнечикъ-музыкантъ".—Какъ прозаикъ-романистъ, Полонскій не имѣетъ серьезнаго значенія

1840—1850.

СОЛНЦЕ И МѢСЯЦЪ.

Ночью въ колыбель младенца
Мѣсяцъ лучъ свой заронилъ.
„Отчего такъ свѣтитъ мѣсяцъ?"
Робко онъ меня спросилъ.
— Въ день-деньской устало солнце,
И сказалъ ему Господь:
„Лягъ, засни! И за тобою
Все задремлетъ, все заснетъ."
И взмолилось солнце брату:
„Братъ мой, мѣсяцъ золотой!
Ты зажги фонарь и ночью
Обойди ты край земной!
Кто тамъ молится, кто плачетъ
Кто мѣшаетъ людямъ спать,—
Все развѣдай и поутру
Приходи и дай мнѣ знать!"
Солнце спитъ, а мѣсяцъ ходитъ,
Сторожитъ земной покой...
Завтра-жъ, рано-рано, къ брату
Постучится братъ меньшой.
Стукъ-стукъ-стукъ!.. Отворятъ двери.
„Солнце, встань! Грачи летятъ,
Пѣтухи давно пропѣли,
И къ заутренѣ звонятъ".
Солнце встанетъ, солнце спроситъ:
„Что, голубчикъ, братецъ мой?
Какъ тебя Господь Богъ носитъ?
Что ты блѣденъ? Что съ тобой?"
И начнетъ разсказъ свой мѣсяцъ,—
Кто и какъ себя ведетъ...
Если ночь была спокойна,
Солнце весело взойдетъ.
Если-жъ нѣтъ—взойдетъ въ туманѣ,
Вѣтеръ дунетъ, дождь пойдетъ,
Въ садъ гулять не выйдетъ няня
И дитя не поведетъ.

ДОРОГА.

...ая степь—дорога далека,
...угъ меня волнуетъ вѣтеръ поле,
... туманъ—мнѣ грустно поневолѣ,
...ная беретъ меня тоска.
... кони ни бѣгутъ, мнѣ кажется, лѣниво
Они бѣгутъ. Въ глазахъ одно и то-жъ:
Все степь да степь, за нивой снова нива...
— Зачѣмъ, ямщикъ, ты пѣсни не поешь?..—
И мнѣ въ отвѣтъ ямщикъ мой бородатый:
— „Про черный день мы пѣсни бережемъ".
— Чему-жъ ты радъ?—„Недалеко до хаты—
Знакомый шестъ мелькаетъ за бугромъ."
Вотъ крытый дворъ. Покой, привѣтъ и ужинъ
Найдетъ ямщикъ подъ кровлею своей,
А я усталъ—покой давно мнѣ нуженъ;
Но нѣтъ его... Мѣняютъ лошадей.
– Ну-ну, живѣй!.. Долга моя дорога;
Сырая ночь—ни хаты, ни огня...
Ямщикъ поетъ. Въ душѣ опять тревога...
Про черный день нѣтъ пѣсни у меня!..

ВСТРѢЧА.

Вчера мы встрѣтились: она остановилась,
Я также... Мы въ глаза другъ другу посмотрѣли...
О, Боже! какъ она съ тѣхъ поръ перемѣнилась,
Въ глазахъ потухъ огонь и щеки поблѣднѣли.
И долго на нее глядѣлъ я, молча, строго...
Мнѣ руку протянувъ, бѣдняжка улыбнулась...
Я говорить хотѣлъ; она же ради Бога
Велѣла мнѣ молчать и тутъ же отвернулась,
И брови сдвинула, и выдернула руку
И молвила: „Прощайте, до свиданья!"
А я хотѣлъ сказать: на вѣчную разлуку
Прощай, погибшее, но милое созданье!..

АНГЕЛЪ.

Любилъ я тихій свѣтъ лампады золотой,
Благоговѣйное вокругъ нея молчанье,
И, тайнаго исполненъ ожиданья,
Какъ часто я, откинувъ пологъ свой,
Не спалъ, на мягкій пухъ облокотясь рукою,
И думалъ: въ эту ночь хранитель-ангелъ мой
Пріидетъ ли въ тишинѣ бесѣдовать со мною?
И мнилось мнѣ: на ложѣ, близъ меня,
Въ сіяньи трепетномъ лампаднаго огня,
Въ блѣдно-серебряномъ сидѣлъ онъ одѣяньи...
И тихо, шепотомъ я повѣрялъ ему
И мысли, дѣтскому доступныя уму,
И сердцу дѣтскому доступныя желанья.

Мнѣ сладокъ былъ покой въ его лучахъ;
Я весь проникнутъ былъ божественною силой.
Съ улыбкою на пламенныхъ устахъ
Задумчиво внималъ мнѣ свѣтлокрылый;
Но очи кроткія его глядѣли въ даль,
Они грядущее въ душѣ моей читали,
И отражалась въ нихъ какая-то печаль...
И ангелъ говорилъ: „Дитя, тебя мнѣ жаль!
Дитя, поймешь ли ты слова моей печали?“
Душой младенческой я ихъ не понималъ,
Края одеждъ его ловилъ и цѣловалъ,
И слезы радости въ очахъ моихъ сверкали.

———

ВЕЧЕРЪ.

Зари догорающей пламя
Разсыпало по небу искры;
Сквозитъ лучезарное море;
Затихъ по дорогѣ прибрежной
Бубенчиковъ говоръ нестройный;
Погонщиковъ звонкая пѣсня
Въ дремучемъ лѣсу затерялась;
Въ прозрачномъ туманѣ мелькнула
И скрылась крикливая чайка;
Качается бѣлая пѣна
У сѣраго камня, какъ въ люлькѣ
Заснувшій ребенокъ; какъ перлы,
Росы освѣжительной капли
Повисли на листьяхъ каштана;
И въ каждой росинкѣ трепещетъ
Зари догорающей пламя.

———

* * *

Посмотри—какая мгла
Въ глубинѣ долинъ легла!
Подъ ея прозрачной дымкой,
Въ сонномъ сумракѣ ракитъ
Тускло озеро блеститъ.
Блѣдный мѣсяцъ невидимкой,
Въ тѣсномъ сонмѣ сизыхъ тучъ,
Безъ пріюта въ небѣ ходитъ
И, сквозя, на все наводитъ
Фосфорическій свой лучъ.

———

ЗАТВОРНИЦА.

Въ одной знакомой улицѣ
Я помню старый домъ,
Съ высокой, темной лѣстницей,
Съ завѣшеннымъ окномъ.
Тамъ огонекъ, какъ звѣздочка,
До полночи свѣтилъ;
И вѣтеръ занавѣскою
Тихонько шевелилъ.
Никто не зналъ, какая тамъ
Затворница жила,
Какъ часто сила тайная
Меня туда влекла.
И что за чудо—дѣвушка,
Въ завѣтный часъ ночной,
Меня встрѣчала, блѣдная,
Съ распущенной косой.
Какія рѣчи дѣтскія
Она твердила мнѣ:
О жизни неизвѣданной,
О дальней сторонѣ;
Какъ не по-дѣтски пламенно,
Прильнувъ къ устамъ моимъ,
Она, дрожа, шептала мнѣ:
„Послушай, убѣжимъ!
„Мы будемъ птицы вольныя—
„Забудемъ гордый свѣтъ...
„Гдѣ нѣтъ людей прощающихъ,
„Туда возврата нѣтъ!“
И тихо слезы капали,
И поцѣлуй звучалъ,
И вѣтеръ занавѣскою
Тревожно колыхалъ.

———

ИЗЪ САЯТЪ-НОВЫ.

(съ армянскаго.)

Много песковъ поглощаютъ моря, унося ихъ
[нами;
Но берега ихъ сыпучими вѣчно покрыты пес
Много и пѣсенъ умчитъ навсегда невозвра
[время,
Новые встанутъ пѣвцы, и услышитъ ихъ
[племя.
Если погибну я,—знаю, что міръ мои пѣсни
[детъ,
Но для тебя, нѣжный другъ мой, другого
[ужъ не будетъ.
Если погибну я, знаю, что свѣтъ не замѣтитъ
[раты;
Ты только вспомнишь тѣ пѣсни, подъ звуки
[рыхъ цвѣла ты.
Я просвѣтилъ твое сердце, а ты—ты мой умъ
[мрачила;
Я улыбаться училъ—а ты плакать меня научи

———

ТѢНИ.

Пó небу синему тучки плывутъ,
Пó лугу тѣни широко бѣгутъ;
Тѣни-ль толпой на меня налетятъ,

Дальнія горы подъ солнцемъ блестятъ;
Солнце-ль внезапно меня озаритъ,
Тѣнь по горамъ полосами бѣжитъ.
Такъ на душѣ человѣка порой
Думы, какъ тѣни, проходятъ толпой;
Такъ иногда вдругъ тепло и свѣтло
Ясная мысль озаряетъ чело.

---

* * *

ку-ль я, какъ во храмѣ смиренно она
ѣдъ образомъ Дѣвы, Царицы небесной, стоитъ—
ъ молиться лишь можетъ святая одна...
Болитъ мое сердце, болитъ!
ку-ль я, какъ на балѣ сверкаетъ она
кирающимъ взглядомъ, горящимъ румянцемъ ла-
[нитъ—
ъ надменно блеститъ лишь одинъ сатана...
Болитъ мое сердце, болитъ!
молю я Владычицу Дѣву, скорбя:
спошли ей, Владычица Дѣва, терновый вѣнокъ,
юбъ, ее за страданья, за слезы любя,
е ненавидѣть не могъ.
зову я къ тебѣ, сатана: оглуши,
ѣпи ты ее! Подари ей блестящій вѣнокъ,
юбъ, ее ненавидя всей силой души,
любить ее больше не могъ.

1850—1860.

У АСПАЗІИ.

ГОСТЬ.

-бъ это значило?—Вижу, сегодня ты
Домъ свой, какъ храмъ, убрала:
жду колоннъ занавѣски приподняты,
Благоухаетъ смола;
ра настроена, свитки разбросаны;
У посыпающихъ полъ
углыхъ рабынь твоихъ косы расчесаны,
Ставятъ амфоры на столъ.
же блѣдна,—словно всѣми забытая,
Молча стоишь у дверей?

АСПАЗІЯ.

ощадь отсюда видна мнѣ, покрытая
Тѣнью сквозныхъ галлерей...
мъ ея замеръ, и это молчаніе
Въ полдень такъ странно, что вновь
рдце мнѣ мучитъ тоска ожиданія,
Радость, тревога, любовь.
ныхъ Аѳинъ тишину изучила я:
Это Периклъ говоритъ...
и блѣдна и молчитъ его милая,
Значитъ,—весь городъ молчитъ!..
Чу! шумъ на площади... рукоплесканія...
Друга вѣнчаетъ народъ...
Но и въ лавровомъ вѣнкѣ изъ собранія
Онъ къ этой двери придетъ!

СМЕРТЬ МАЛЮТКИ.

Свою куклу раздѣла малютка
И покрыла ее лоскуткомъ;
А сама нарядилась, какъ кукла,
И не дѣтскимъ забылася сномъ.
И не видитъ малютка изъ гроба—
Въ этотъ солнечный день, при свѣчахъ,—
Какъ хорошъ ея маленькій гробикъ
Подъ парчей золотою, въ цвѣтахъ.
А ужъ какъ бы она любовалась,
Если-бъ только могли разбудить!
Милый другъ, будемъ плакать, какъ дѣти,
Чтобъ не дѣтское горе забыть...

ГАДАНІЕ.

— „Подойди ко мнѣ, старушка,
Я давно тебя ждала“.—
И косматая, въ лохмотьяхъ,
Къ ней цыганка подошла.
— Я скажу тебѣ всю правду,
Дай лишь на руку взглянуть:
Берегись, тебя твой милый
Замышляетъ обмануть...—
И она въ открытомъ полѣ
Сорвала себѣ цвѣтокъ
И лепечетъ, обрывая
Каждый бѣлый лепестокъ:
— Любитъ—нѣтъ, не любитъ—любитъ.—
И, оборванный кругомъ,
„Да“,—сказалъ цвѣтокъ ей темнымъ,
Сердцу внятнымъ языкомъ.

* * *

На устахъ ея—улыбка,
Въ сердцѣ—слезы и гроза;
Съ упоеніемъ и грустью
Онъ глядитъ въ ея глаза.
Говоритъ она: „Обманъ твой
Я предвижу—и не лгу,
Что тебя возненавидѣть
И хочу, и не могу“.
Онъ глядитъ все такъ же грустно,
Но лицо его горитъ...
Онъ, къ плечу ея устами
Припадая, говоритъ:
„Берегись меня! Я знаю,
Что тебя я погублю—

Оттого, что я безумно,
Горячо тебя люблю!..“

———

ХОЛОДѢЮЩАЯ НОЧЬ.

Тамъ, подъ лаврами, на югѣ—
Странникъ бѣдный—только ночь
Могъ я взять себѣ въ подруги,
Юга царственную дочь.
И ко мнѣ она сходила
Въ свѣтломъ пурпурѣ зари,
На пути въ пространствахъ неба
Зажигая алтари.
Боже! Какъ она умѣла
Раны сердца врачевать!
Какъ она надъ моремъ пѣла!
Какъ умѣла вдохновлять!
Но, увы, судьбой на сѣверъ
Приневоленный идти,
Я сказалъ подругѣ-ночи:
«Ненаглядная, прости!»
А она со мной разстаться
Не хотѣла—не могла...
По горамъ, отъ слезъ мигая,
Вслѣдъ за мной она текла.
То сходила на долину
Съ томно-блещущимъ челомъ
И задумчиво стояла
Надъ моимъ степнымъ костромъ;
То со мною ночевала
Надъ рѣкою у скирдовъ,
Вѣя тонкимъ ароматомъ
Рано скошенныхъ луговъ...
Но чѣмъ дальше я на сѣверъ
Шелъ, чрезъ степи и лѣса,
Незамѣтно холодѣла
Ночи южная краса:
То, въ туманы облачаясь,
Мѣсяцъ прятала въ кольцо;
То съ одеждъ холодный иней
Отрясала мнѣ въ лицо.
Чѣмъ я дальше шелъ на сѣверъ,
Тѣмъ гналась она быстрѣй,
Раньше день перегоняла,
Уходила все позднѣй.
И молила, и стонала...
И, дрожа, я молвилъ ей:
„Ты на сѣверѣ не можешь
Быть подругою моей!“
И, сверкнувъ, у синей ночи
Помутилися глаза,
И застыла на рѣсницахъ
Накипѣвшая слеза.
И пошла она и бѣлымъ
Замахала рукавомъ,
И завыла, поднимая
Вихри снѣжные столбомъ.
Сквозь мятель, на сѣверъ хладный
Я кой-какъ добрелъ домой.
Вижу—ночь лежитъ въ долинѣ
Подъ серебряной парчей.
И беззвучно мнѣ лепечетъ:
„Погляди, какъ я мертва!
Сердце глухо, очи тусклы,
Холодѣетъ голова.
„Но гляди—все тѣ же звѣзды
Надъ моею головой...
Красотой моею мертвой
Полюбуйся, милый мой!
„И, повѣрь, что если снова
Ты воротишься на югъ,
Въ прежнемъ блескѣ я возстану,
Чтобъ принять тебя, мой другъ!
„Съ прежней нѣгой надъ тобою
Я склоню главу мою
И тебѣ, сквозь сонъ, надъ ухомъ
Пѣсню райскую спою!“

———

1860 — 1870.

* * *

По горамъ двѣ хмурыхъ тучи
Знойнымъ вечеромъ блуждали
И на грудь скалы горючей
Къ ночи медленно сползали.
Но—сошлись—не уступили
Той скалы другъ другу даромъ
И пустыню огласили
Яркой молніи ударомъ.
Грянулъ громъ,—по дебрямъ влажнымъ
Эхо рѣзко засмѣялось,
А скала—такимъ протяжнымъ
Стономъ жалобно сказалась,
Такъ вздохнула, что не смѣли
Повторить удара тучи
И у ногъ скалы горючей
Улеглись и обомлѣли.

———

ПОСЛѢДНІЙ ВЗДОХЪ.

„Поцѣлуй меня...
Моя грудь въ огнѣ...
Я еще люблю...
Наклонись ко мнѣ!“
Такъ въ прощальный часъ
Лепеталъ и гасъ
Тихій голосъ твой,

Словно тающій,
Въ глубинѣ души
Догарающей.
Я дышать не смѣлъ- -
Я въ лицо твое,
Какъ мертвецъ, глядѣлъ,
Я склонилъ мой слухъ...
Но, увы! мой другъ
Твой послѣдній вздохъ
Мнѣ любви твоей
Досказать не могъ.
И не знаю я,
Чѣмъ развяжется
Эта жизнь моя!
Гдѣ доскажется
Мнѣ любовь твоя!

ОРЕЛЪ и ЗМѢЯ.

На горахъ подъ мятелями,
ѣ лишь ели однѣ вѣчно зелены,
ѣлъ орелъ на скалу въ тѣнь подъ елями
глядитъ: изъ разсѣлины
ползаетъ змѣя, извивается,
на темномъ гранитѣ змѣиная
шуя серебромъ отливается.
У орла гордый взглядъ загорается,—
играло, знать, сердце орлиное...
ысоко́ ты, змѣя, забираешься!—
овилъ онъ,—будешь плакать, раскаешься!"
Но змѣя ему кротко отвѣтила:
Изъ-подъ камня горючаго
давно тебя въ небѣ замѣтила
тебя полюбила, могучаго...
ѣ пугай меня злыми угрозами,—
ѣтъ! бери меня въ когти желѣзныя,
знакомь меня съ темными грозами,
ь умчи меня въ сферы надзвѣздныя."
Засвѣтилися глазки змѣиные
химъ пламенемъ, по-змѣиному,—
епахнулися крылья орлиныя—
ъ прижалъ ее къ сердцу орлиному...
летѣлъ съ ней въ пространство холодное!
Туча грозная съ нимъ повстрѣчалася...
гибаясь, змѣя подколодная
дъ крыло его робко прижалася.
ь бурей борются крылья орлиныя...
изко молнія гдѣ-то ударила...
ъ сквозь громъ слышитъ рѣчи змѣиныя...
ругъ—
змѣя его въ сердце ужалила!
въ очахъ у орла помутилося,
ъ отъ боли упалъ, какъ подстрѣленный,
А змѣя уползла и сокрылася
Въ глубинѣ, подъ гранитной разсѣлиной.

БѢГЛЫЙ.

Ты куда, удалая ты башка?
Уходи ты къ лѣсу темному пока!
Не сегодня—завтра свяжутъ молодца.
Не ушелъ ли ты отъ матери, отца?
Не гулялъ ли ты за Волгою въ степи?
Не сидѣлъ ли ты въ острогѣ на цѣпи?
— „Я сидѣлъ и въ острогѣ на цѣпи,
Я гулялъ и за Волгою въ степи,
Да наскучила мнѣ волюшка моя,
Воля буйная, чужая, не своя.
Съ горя, братцы, изловить себя я далъ,
Изъ острога, братцы, съ радости бѣжалъ.
Какъ въ острогѣ-то послышалося намъ,
Что про волю-то читаютъ по церквамъ:
Ужъ откуда сила—силушка взялась,
Цѣпь желѣзная—и та, вишь, порвалась!
И задумалъ я на родину бѣжать,
Божья ночка обѣщалась покрывать.
Я бѣжалъ—ногъ не чуялъ подъ собой...
Очутился на сторонушкѣ родной.
Тутъ за рѣчкой моя матушка живетъ,
Не разбойничка, а сына въ гости ждетъ.
Я сначала постучуся у окна—
Выходи, скажу, на улицу, жена!
Ты не спрашивай, въ лицо мнѣ не гляди,
Отъ меня, жена, гостинчика не жди.
Много всякихъ я подарковъ тебѣ несъ,
Да, вишь, какъ-то по дорогѣ все растрёсъ:
Я вина не пилъ—съ воды былъ пьянъ,
Были деньги—не зашилъ карманъ.
Какъ намъ волю-то объявятъ господа,
Я съ воды хмѣленъ не буду никогда;
Какъ мнѣ землю-то отмѣрятъ на міру,—
Я въ карманѣ-то зашью себѣ дыру.
Буду въ праздники царевъ указъ читать...
Кто же, братцы, меня можетъ забижать?!"
— Ты куда, удалая ты башка?
Уходи ты къ лѣсу темному пока!
Хоть родное-то гнѣздо недалеко,—
Ночь-то мѣсячна,—признать тебя легко.
Знать, тебѣ въ дому хозяиномъ не быть—
По дорогамъ, значитъ, велѣно ловить...

---

* * *

Писатель—если только онъ
Волна, а океанъ—Россія,
Не можетъ быть не возмущенъ,
Когда возмущена стихія.

Писатель, если только онъ
Есть нервъ великаго народа,
Не можетъ быть не пораженъ
Когда поражена свобода.

ПОЦѢЛУЙ.

И разсудокъ, и сердце, и память губя,
Я недаромъ такъ жарко цѣлую тебя:
Я цѣлую тебя и за ту, передъ кѣмъ
Я таилъ мои страсти, былъ робокъ и нѣмъ,
И за ту, что̀ меня обожгла безъ огня,
И смѣялась, и долго терзала меня,
И за ту, чья любовь мнѣ была бы щитомъ,
Да, убитая, спитъ подъ могильнымъ крестомъ.
Все, что въ сердцѣ моемъ загоралось для нихъ,
Догорая, пусть гаснетъ въ объятьяхъ твоихъ!

1870—1880.

ИЗЪ БУРДИЛЬЕНА.

Ночь смотритъ тысячами глазъ,
А день глядитъ однимъ,
Но солнца нѣтъ,—и по землѣ
Тьма стелется, какъ дымъ.
Умъ смотритъ тысячами глазъ,
Любовь глядитъ однимъ;
Но нѣтъ любви—и гаснетъ жизнь,
И дни плывутъ, какъ дымъ.

ВЪ ГЛУШИ.

Для кого расцвѣла? Для чего развилась?
Для кого это небо—лазурь ея глазъ,
Эта роскошь—волнистыя кудри до плечъ,
Эта музыка—устъ ея тихая рѣчь?
Ясно можетъ она своимъ чуткимъ умомъ
Слышать голосъ души въ разговорѣ простомъ;
И для міра любви, и для міра искусствъ
Много въ сердцѣ у ней незатронутыхъ чувствъ.
Прикоснется ли клавишъ—заплачетъ рояль;
На ланитахъ огонь, на рѣсницахъ печаль...
Подойдетъ ли къ окну—безотчетно грустна,
Въ безотвѣтную даль долго смотритъ она...
Что̀ звенитъ тамъ вдали, и звенитъ, и зоветъ?
И зачѣмъ тамъ, въ степи, пыль столбами встаетъ?
И зачѣмъ та рѣка широко разлилась?
Оттого-ль разлилась, что весна началась?
И откуда, откуда тотъ вѣтеръ летитъ,
Что, стряхая росу, по цвѣтамъ шелеститъ,
Дышетъ запахомъ липъ и, концами вѣтвей
Помавая, влечетъ въ сумракъ влажныхъ аллей?
Не природа ли тайно съ душой говоритъ?
Сердце-ль проситъ любви и безъ раны болитъ?
И на грудь тихо падаютъ слезы изъ глазъ...
Для кого расцвѣла? Для чего развилась?

ЗИМНЯЯ ПѢСНЯ РУСАЛОКЪ.

Тёмно намъ, тёмно, темнешенько.
Словно въ темницахъ сырыхъ!..
Мѣсяцъ всталъ надъ рѣкой,
Чуть краснѣется,
Въ небѣ тучка плыветъ,
Чуть бѣлѣется...
Холодно намъ, холоднехонько,
Словно въ гробахъ ледяныхъ!
Вѣтра шорохъ ночной
Еле слышится,
Ничего въ осокѣ
Не колышется.
Тресни же, тресни ты, синій ледъ!—
Въ блескѣ лучей золотыхъ,
Мы, какъ рыбки въ рѣкѣ,
Затрепещемся,
Сквозь туманъ рыбакамъ
Померещимся...

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Въ дни ребячества я помню
Чудный отроческій бредъ:
Полюбилъ я царь-дѣвицу,
Что на свѣтѣ краше нѣтъ.
На челѣ сіяло солнце,
Мѣсяцъ прятался въ косѣ,
По косицамъ рдѣли звѣзды,—
Богъ сіялъ въ ея красѣ...
И жила та царь-дѣвица,
Недоступна никому,
И ключами золотыми
Замыкалась въ терему.
Только ночью выходила
Шелестить въ тѣни березъ:
То ключи свои роняла,
То роняла капли слезъ...
Только въ праздники, когда я
Полусонный брелъ домой,
Изъ-за рощи яркій, влажный
Глазъ ея слѣдилъ за мной...
И ужъ какъ случилось это—
Наяву или во снѣ?—
Разъ она весной, въ часъ утра,
Зарумянилась въ окнѣ:
Всколыхнулась занавѣска,
Вспыхнулъ розъ махровыхъ кустъ,

И, закрывъ глаза, я встрѣтилъ
Поцѣлуй душистыхъ устъ.
Но едва—едва успѣлъ я
Блескъ лица ея поймать,
Ускользая, гостья ко лбу
Мнѣ прижгла свою печать.
Съ той поры ея печати
Мнѣ ничѣмъ уже не смыть,
Вѣчно-юной царь-дѣвицѣ
Я не въ силахъ измѣнить.
Жду—вторичнымъ поцѣлуемъ
Заградивъ мои уста,
Красота въ свой тайный теремъ
Мнѣ отворитъ ворота...

* * *

б мнѣ она! Не жена, не любовница
И не родная мнѣ дочь!
къ отчего-жъ ея доля проклятая
Спать не даетъ мнѣ всю ночь?
ать не даетъ—оттого, что мнѣ грезится
Молодость въ душной тюрьмѣ:
жу я своды... окно за рѣшеткою,
Койку въ сырой полутьмѣ...
койки глядятъ лихорадочно-знойныя
Очи безъ мысли и слезъ,
койки висятъ чуть не до-полу темныя
Космы тяжелыхъ волосъ.
шевелятся ни губы, ни блѣдныя
Руки на блѣдной груди,
або прижатыя къ сердцу безъ трепета
И безъ надеждъ впереди...
о мнѣ она!—не жена, не любовница,
И не родная мнѣ дочь!
къ отчего-жъ ея образъ страдальческій
Спать не даетъ мнѣ всю ночь?

НА ЗАКАТѢ.

жу я, сизыя съ золотомъ тучи
громоздили весь западъ; въ ихъ щель
ѣтитъ заря... Каменистыя кручи,
бра утесовъ, березникъ и ель
арены вечерѣющимъ блескомъ.
иже—безбрежное море. Изъ мглы
мные скачутъ и мчатся валы
неумолкаемымъ гуломъ и плескомъ.
морю тропинка въ кустахъ чуть видна,
морю схожу я, я...
— Здравствуй, волна!
ѣ, охлажденному жизнью и свѣтомъ,
хоть тебя встрѣтить теплымъ привѣтомъ!..
на скалу набѣжала волна —
Тяжко обрушилась, въ пѣну зарылась
И прошумѣла, отхлынувъ назадъ:
— Новой волны подожди,—я разбилась...
Новыя волны бѣгутъ и шумятъ, —
То же, все то же я слышу отъ каждой...
Сердце полно безконечною жаждой,
Жду,—все темно, погасаетъ закатъ...

ИЗЪ ПОЭМЫ „КУЗНЕЧИКЪ-МУЗЫКАНТЪ".

Не сверчка-нахала, что́ скрипитъ у печекъ,
Я пою: герой мой—полевой кузнечикъ.
Росту небольшого, но продолговатый,
На спинѣ носилъ онъ фракъ зеленоватый.
Тонконогій, тощій и широколобый,
Былъ онъ сущій геній—даръ имѣлъ особый:
Музыкантомъ слылъ онъ между насѣкомыхъ
И концерты слушать приглашалъ знакомыхъ.
Подъ роскошной жатвой жилъ онъ въ полѣ чи-
[стомъ,
Оглашая воздухъ безконечнымъ свистомъ
Своего оркестра. Вѣтреное племя
Скакуновъ забыло, что въ поляхъ въ то время
Музыки и вкуса былъ онъ представитель.
Все, что нынче лѣтомъ деревенскій житель
Слышитъ за окошкомъ, лежа на кровати,
Или на балконъ свой выходя въ халатѣ, —
Этотъ свистъ трескучій, этотъ звонъ безбрежный,
Разлитой повсюду, и сухой, и нѣжный,—
Если только въ этомъ сумрачномъ концертѣ
Есть живая нѣга и восторгъ,—повѣрьте,
Это все былыя, вѣчныя созданья
Моего героя, или—подражанья...
... Слушайте! Однажды, въ самыя Петровки,
Въ дни, когда на рынкахъ потныя торговки
Продаютъ малину, вишенье, клубнику;
... Бабочка, танцуя, празднуетъ свободу,
А пчела съ клубочкомъ золотого меду,
Покидая липу, вся въ пыли цвѣточной,
Такъ и льнетъ къ жасмину бѣлизны молочной;
Шмель, бичуя воздухъ знойный и душистый
И кружась надъ моремъ нивы золотистой,
Пропадаетъ въ блескѣ солнца, какъ пылинка;
Въ дни, когда для мошки каждая былинка
Получаетъ соки, сладость и значенье,
И она вкушаетъ тѣ же наслажденья,—
Стало быть, въ Петровки, около полудня,
Мой герой-кузнечикъ, понаѣвшись студня
И вдыхая запахъ алаго горошка,
Легъ, прищуря глазки—и мечталъ немножко.
Много пролетало мимо насѣкомыхъ,
Осъ, шмелей сердитыхъ, трубачей знакомыхъ
Съ разными вѣстями...
Вдругъ надъ нимъ мелькнуло чудное видѣнье,

Бабочка—такая, что мое почтенье!
Бѣлизны жемчужной крылышки съ каемкой,
Глазки—изумруды, носикъ нѣжный, тонкій,
Бархатецъ на шейкѣ, бантикъ на затылкѣ.
Увидалъ кузнечикъ—затряслись въ немъ жилки!
Бабочка все ниже и такъ близко вьется,
Что невольно сердце у артиста бьется.
Бабочка,—не знаю, видѣла-ль бѣдняжку
Или не видала,— только кушать кашку
Сѣла—и, конечно, ничего не съѣла.
„Ахъ!" она сказала: „если-бъ я умѣла
Такъ же пѣть отлично, какъ одинъ извѣстный
Всѣмъ артистъ-кузнечикъ! Если бы небесный
Голосъ я имѣла,—какъ бы я запѣла!
О, какъ я бездарна... О, какъ я..."—Напрасно!—
Перебилъ кузнечикъ (онъ влюбился страстно
Въ милую болтунью). Бабочка украдкой
На него взглянула: „Ахъ, какой онъ гадкій!"
Думаетъ... Однако-жъ улыбнулась мило,
Подняла свой носикъ и проговорила:
„Отчего-жъ напрасно?"—Отчего!..—Смѣшался
Мой артистъ,—однако, рекомендовался.
„Очень, очень рада!"—молвила кокетка
(Бабочки бываютъ безъ кокетства рѣдко):
„Очень рада! Очень! Звуки вашей скрипки
Часто долетаютъ даже къ намъ подъ Липки".
Покраснѣлъ кузнечикъ, началъ завираться,
Умоляя гостью чаще съ нимъ видаться.
Бабочка вспорхнула и, не давши слова
Прилетѣть вторично, прилетѣла снова
И заговорила: „Даже въ свѣтѣ знаютъ,
Что большой вы геній,—всѣ васъ изучаютъ...
Только я къ вамъ съ просьбой: сдѣлайте такую
Божескую милость—напишите злую,
Злую эпиграмму на мою сосѣдку,
Бабочку-кокетку, что́ недавно въ сѣтку
Къ мальчикамъ попалась и съ крыломъ помятымъ
Ночью воротилась къ братцамъ глуповатымъ.
Эти братцы также пребольшіе фаты
И воображаютъ, что они богаты!
Къ эпиграммѣ можно сочинить любую
Музыку... такую... самую смѣшную!"
Упорхнула гостья, а кузнечикъ бѣдный
Такъ былъ озадаченъ, что, нѣмой и блѣдный,
Шелъ, повѣся носъ свой, чуть переступая
Длинными ногами и соображая:
Тьфу! Да какъ же это? Развѣ эпиграммы
Можно класть на ноты? Ахъ, какъ глупы дамы!

———

Рано онъ проснулся... Но не до зѣвоты
Было музыканту: нужно было ноты
На листочкахъ розы написать, какъ можно
Лучше, тоньше, чище... Тихо, осторожно
Перышкомъ водилъ онъ... Сочинилъ виньетку,
Гдѣ изобразилъ онъ миртовую вѣтку,—
Миртовую вѣтку, а надъ ней съ крылами
Огненное сердце, съ надписью стихами:
„Я неуловима; но не унывайте!
Обожгитесь прежде, а потомъ поймайте!"
Даровитый малый былъ артистъ мой; мило
Сочинилъ онъ эти два стиха: въ нихъ было
Столько такта, столько нѣжности игривой,
Что въ нашъ вѣкъ холодный и самолюбивый
Ни одинъ кузнечикъ не найдетъ въ нихъ смысл[illegible]
И, быть можетъ, даже улыбнется кисло.
Для кого-жъ на этихъ розовыхъ листочкахъ
Мой герой всю душу въ линіяхъ и точкахъ
Выражаетъ, сердцемъ страстно пламенѣя?—
Для тебя, Сильфида, праздничная фея,
Цвѣтниковъ роскошныхъ милая жилица!
Но откликнись, гдѣ ты? Гдѣ твоя свѣтлица?
. . . . Солнце поднимаетъ
Изъ-за сосенъ шаръ свой. Сильно припекаетъ
Жатву. Сладко пахнетъ въ воздухѣ гречихой.
По ржаному полю утренничекъ тихій,
Вѣтерокъ, гуляя, росы отряхаетъ,
Быть дождю иль вёдру—по росѣ гадаетъ
И шуршитъ соломой, словно безпокоясь,
И ему колосья кланяются въ поясъ;
А лопухъ, высо́ко поднимая шишку
Съ вѣникомъ, изъ листьевъ сдѣлалъ точно крыш[illegible]
Такъ расположилъ ихъ, что подъ ихъ навѣсомъ
Въ жаръ всегда прохладно молодымъ повѣсамъ.
... Бабочка гуляла, и кузнечикъ тоже
(Такъ и мы гуляли, бывши помоложе).
Наконецъ, гуляя, встрѣтились—и, ножки
Подогнувъ, кузнечикъ ей кивнулъ. Съ дорожки
Бабочка, виляя, сѣла на цвѣточекъ.
Онъ—прыгъ-прыгъ—и рядомъ сѣлъ на бугорочекъ
—„Ахъ", она сказала: „я не ожидала!
Я васъ за другого приняла сначала.
Вашу эпиграмму намъ вчера достали:
Вы мою сосѣдку мило оправдали.
На нее за это всѣ напали вдвое
(Насѣкомыхъ племя—племя очень злое)...
Впрочемъ, ваши мысли такъ всегда игривы,
Такъ всегда глубоки, такъ краснорѣчивы,
И такъ звуки сладки,—точно земляника."
Лестное сравненье было очень дико;
Но его артистъ мой даже не замѣтилъ,
И ужъ я не знаю, что́ онъ ей отвѣтилъ.
— „Ба!" его Сильфида громко перебила:
„Вы мнѣ написали ноты? Ахъ, какъ мило!
Очень благодарна! Очень благодарна!"
И она при этомъ тонко и коварно
Улыбнулась; глазки стали веселѣе,
Или—кто пойметъ ихъ!—стали просто злѣе.
Помолчавъ немного, бабочка вздохнула
И сказала: „Поздно я вчера заснула...
У моей кузины я была на балѣ...

То-то-бъ вы влюбились, если-бъ увидали.
Впрочемъ, извините,—я васъ утомила
Болтовней. Прощайте!“ И она сложила
Крылышки (такъ точно бабушкины внучки,
Гостю присѣдая, складываютъ ручки),
И по-надъ дорожкой, тихо ковыляя,
Словно листикъ, вѣтромъ сорванный, мелькая
Бѣлизною крыльевъ, понеслась Сильфида...
Скоро мой кузнечикъ потерялъ изъ вида
Полевую фею, подскакнулъ, вцѣпился
Въ усики ржаного колоса—и злился,
Что проклятый вѣтеръ колосъ нагибаетъ,
Нагибая колосъ, видѣть вдаль мѣшаетъ...
Въ этомъ положеньи шмель его увидѣлъ
И нескромнымъ словомъ прыгуна обидѣлъ.
Бѣдненькій кузнечикъ тутъ же спохватился,
Растопырилъ фалды и въ траву свалился.

———

Уходя, день ясный плакалъ за горою
И, роняя слезы, жаркою зарею
Изъ-за темной рощи охватилъ край нивы.
Дню во слѣдъ глядѣла ночь—и переливы
Свѣта отражались и, дрожа, блуждали
По ея ланитамъ. Тихо начинали
Выходить свѣтила, мѣсяца предтечи,
Передъ Божьимъ трономъ зажигая свѣчи.
Далеко стемнѣло море жатвы зыбкой.
Грустная береза обнялася съ липкой.
Призатихла роща. Только дубъ шушукалъ,
Только гдѣ-то дятелъ крѣпкимъ носомъ тукалъ,
Только гдѣ-то струйки смутно лепетали,
Только роковыя страсти не дремали,
Только насѣкомыхъ міръ неугомонный
Голосилъ немолчно въ тишинѣ безсонной.
Стрекотали мухи; комары трубили;
На своихъ скрипицахъ весело пилили,
Лихо зная ноты,—стало быть, безъ свѣчекъ,—
Тѣ, которыхъ хоромъ управлялъ кузнечикъ.
Впереди оркестра на своей скрипицѣ
Громче всѣхъ пилилъ онъ въ честь своей царицы.
Выходила замужъ бабочки кузина,
И женихъ былъ славный съ хоботкомъ дѣтина;
По уму, конечно, не былъ изъ проворныхъ,
Но происходилъ онъ изъ червей отборныхъ.
По словамъ невѣсты, онъ лишь былъ несносенъ
Тѣмъ, что безъ разбора запахъ старыхъ сосенъ
Сравнивалъ съ весеннимъ запахомъ фіалокъ,
Уважалъ шиповникъ и боялся галокъ.
Но какое дѣло намъ до этихъ вздоровъ!
Балъ великолѣпный! Звуки льются съ хоровъ;
Шпанскихъ мухъ десятки, въ золотыхъ ливреяхъ,
Курятъ ароматы въ сумрачныхъ аллеяхъ.
Свѣтляки, подобно шкаликамъ и плошкамъ,
Вспыхивая, блещутъ вдоль по всѣмъ дорожкамъ.
Копошатся гости. Въ мѣсячномъ сіяньи
Бабочки порхаютъ въ бальномъ одѣяньи;
Стрекоза, сцѣпившись съ стрекозой, несется,—
Пестрый вихорь вальса шелеститъ и вьется...
Жужелицы ходятъ около буфета,
Ползаютъ козявки... И, большого свѣта
Жесткія особы—божіи коровки
Собрались другъ другу показать обновки.
Молча подбираясь къ двумъ зеленымъ мухамъ,
Два жучка какихъ-то выступаютъ брюхомъ
На короткихъ ножкахъ. Муравей, съ шнуровкой
Подъ жилетомъ моднымъ, съ желтенькой коровкой
Важно и небрежно, присѣдая, пляшетъ.
Рѣзвая Сильфида крылышками машетъ;
Глазки, носикъ, ножки, платьица узоры—
Все въ ней по-неволѣ привлекаетъ взоры.
Мой артистъ-кузнечикъ и душой пылаетъ,
И очей не сводитъ и, какъ чортъ, играетъ.
Но и насѣкомыхъ балъ не обошелся
Безъ скандала: въ паркѣ, говорятъ, нашелся
Злой паукъ, который, съ вѣточки на вѣтку
Протянувши нити, невидимку-сѣтку
Сдѣлалъ такъ канальски-ловко и искусно,
Что тайкомъ, быть можетъ, и покушалъ вкусно.
Говорятъ—вдобавокъ шлепнулась коровка,
И у ней отъ страха лопнула шнуровка.
Самъ артистъ замѣтилъ, какъ его Сильфиду
Паучокъ какой-то, пренаивный съ виду,
За крыло задѣвши чѣмъ-то вродѣ петли,
Притянуть старался и глядѣлъ ужъ—нѣтъ ли
Гдѣ такого мѣста въ этомъ чудномъ садѣ,
Чтобъ минутъ хоть десять провести въ прохладѣ,
Въ тишинѣ, въ уютѣ, дальше отъ волненья...
Но артистъ ревнивый понялъ ухищренье,
Подскочилъ и пóрвалъ роковыя нити.
Паучокъ надулся; а комаръ—„смотрите!“
Пропищалъ артисту: „какъ вы замарались,
Точно въ неприличномъ мѣстѣ обрѣтались!“
Покраснѣлъ кузнечикъ: видитъ—паутина
Къ рукаву прилипла. „Экая скотина!“—
Проворчалъ и вытеръ. Бабочка ни слова
Не сказала,—только выбрала другого
Въ танцахъ кавалера: кавалеръ крылатый
Былъ ея сосѣдки братецъ глуповатый...
— Правда ли, спросилъ онъ,—слухъ идетъ изъ [нивы,
Будто бы въ маэстро страстно влюблены вы?
Будто бы кузнечикъ говорилъ, что хочетъ
Онъ на васъ жениться—и о томъ хлопочетъ?
— „Что вы говорите!“ молвила Сильфида.
„Мой женихъ кузнечикъ? Какова обида!
Кто такіе въ свѣтѣ распускаетъ слухи?
Или эту глупость выдумали мухи?!“
— Нѣтъ, совсѣмъ не мухи-съ! Кто-то изъ ор-[кестра
Говорилъ, что, будто, слышалъ отъ маэстро.—

Фея надъ собою сдѣлала усилье,
Чтобъ не разсердиться, и, встряхнувши крылья,
Бросила холодный взглядъ на музыканта,
А когда кричали въ честь его таланта:
„Браво! Фора! Фора!“—дѣлала гримаски
Или улыбалась, опуская глазки.
Балъ подъ темнымъ небомъ длился до разсвѣта.
Бабочка устала. Вдругъ, за рощей гдѣ-то,
Соловей защелкалъ.. Ей тогда сказали
(Можно ли безъ лести обойтись на балѣ!),
Ей сказали: „Фея! прекратите танецъ.
Слышите ли пѣнье? Это иностранецъ,
Соловей пролетный, вздумалъ серенаду
Вамъ давать“. И точно, по всему-то саду
Разсыпались звуки, страстно замирая
Въ безконечныхъ треляхъ. Бабочка, внимая
Соловью, мечтала. Въ это время сзади
Подошелъ кузнечикъ.—Фея! Бога ради,
Что вы такъ печальны?—„Ахъ!“ она сказала,
„Вы мнѣ помѣшали... Я воображала,
Что таланты нашихъ—не всегда приличныхъ—
Скакуновъ достойны тѣхъ пѣвцовъ столичныхъ,
Имена которыхъ славны за-границей.
Боги! Отчего я рождена не птицей?
Будь я птицей... Впрочемъ, если захочу я
Соловья послушать, завтра-жъ полечу я“...
... О!—сказалъ кузнечикъ,—я не понимаю,
Что вы говорите... Соловьи опасны...
И къ тому-жъ,—положимъ, пѣсни ихъ прекрасны,—
Все же не въ народномъ духѣ.—Засмѣялась
Бальная царица—и, какъ тѣнь, умчалась.
Бѣдненькій кузнечикъ тутъ же носъ повѣсилъ
И одинъ остался, блѣденъ и невеселъ.

(Бабочка влюбилась въ соловья и пропала безъ вѣсти. Кузнечикъ-музыкантъ отправляется съ своимъ другомъ-«гулякой», также кузнечикомъ, разыскивать Сильфиду. Встрѣчная оса сообщаетъ имъ объ ея гибели).

„Этому никакъ ужъ третій день какъ минулъ:
Соловей-то клюнулъ, да потомъ и кинулъ.
Ползала бѣдняжка, ползала не мало;
Если въ муравейникъ сдуру не попала,
Гдѣ-нибудь у нашихъ червяковъ спросите...
Я-жъ оса—и только... Ну, и не взыщите!“
. . . .
Музыкантъ-кузнечикъ горестнымъ разсказомъ
Такъ былъ отуманенъ, что, казалось, разумъ
Потерялъ... И долго сладостныя трели
Соловья такъ смутно для него звенѣли,
Какъ звенитъ порою въ часъ ночной мятели,
Глухо замирая, колокольчикъ дальній
Въ глубинѣ пустыни снѣжной и печальной...
. . . .
Тамъ, неподалеку спѣющей брусники,
Подъ корнями красной полевой гвоздики,
Одинокимъ трупомъ бабочка лежала:
Ножки протянула, крылья распластала
И, казалось, лежа, небесамъ молилась,—
Вся окоченѣла, но не измѣнилась:
Тотъ же сохранился очеркъ милый, нѣжный,
Тою же сіяли бѣлизною снѣжной
Матовыя крылья... Черная косынка
На груди раскрылась; крупная слезинка,
Какъ алмазъ, блестѣла около рѣсницы,
И, какъ бархатъ, были темныя косицы..
Мертвая казалась сонной; но чернѣла
Маленькая ранка... Молча возлѣ тѣла
Постоялъ кузнечикъ, сердцемъ надрываясь.
Молча съ огонечкомъ къ трупу наклоняясь,
Свѣтлячокъ, какъ будто сильно пораженный
Небывалымъ чудомъ, жмурился, какъ сонный.
У гуляки тоже хмѣль прошелъ. Сурово
Онъ глядѣлъ, и то, что видѣлъ, было ново
Для него. Онъ понялъ, что была-бъ тутъ шутка
Вовсе неприличина . . . .
И, толкнувъ артиста, молвилъ: „Ну, конечно,
Жаль; да вѣдь нельзя же горевать намъ вѣчно
Сдѣлаемъ носилки и ее прилично
Отнесемъ подъ Липки. Все пойдетъ отлично.
Только ты напрасно, братъ, не надрывайся,
Силъ не трать и плакать послѣ постарайся“.
Сдѣлали носилки; положили тѣло,
Подняли—и долго поступью несмѣлой
Шли они по травкамъ, шли они по кочкамъ.
Впереди, мелькая яркимъ огонечкомъ,
Шелъ свѣтлякъ—и сотни разныхъ насѣкомыхъ,
Нашему артисту вовсе незнакомыхъ,
Шумно просыпались въ перелѣскѣ темномъ.
„А! Ба! Кто тамъ? Что тамъ?“—слышалося въ сон[номъ]
Царствѣ. Вдругъ во мракѣ жалкій пискъ раздался:
Муравей какой-то подъ ноги попался
Нашему гулякѣ—онъ его и тиснулъ.
Вслѣдъ за этимъ визгомъ, въ рощѣ кто-то свист[нулъ].
Комары, проснувшись и поднявшись роемъ,
Затрубили въ трубы, точно передъ боемъ,
Но, слетѣвшись кучей и увидѣвъ тѣло,
Взяли тономъ ниже (поняли въ чемъ дѣло)
И, трубя плачевно, въ разстояньи дальнемъ,
Огласили воздухъ маршемъ погребальнымъ.
Къ свѣтляку другіе свѣтляки пристали:
Свѣчи ихъ то гасли, то опять мелькали.
Съ жалобнымъ жужжаньемъ поднимались мухи
И, жужжа, другъ другу повѣряли слухи.
Бабочка,—Сильфиды прежняя подруга,—
Высунула носикъ, блѣдная съ испуга,
И потомъ, спустившись по листочкамъ, сѣла
На холодный камень и—оцѣпенѣла.
Предразсвѣтный вѣтеръ, невидимкой вѣя,

Думалъ, что воскреснетъ молодая фея:
Шевелилъ у мертвой легкими крылами
И дышалъ въ лицо ей влажными устами,
И потомъ далекимъ проносился стономъ
И по всѣмъ тропинкамъ отдавался звономъ,
Чашечки лиловыхъ цвѣтиковъ качая...
И роса, какъ слезы, холодно сверкая,
Медленно стекала съ усиковъ цвѣтущей
Повилики, робко по стволамъ ползущей.
И благоухали тысячи растеній;
И сквозь дымъ деревья въ видѣ привидѣній
Головой качали. Тихо раздвигая
Облака, вставала зорька золотая,
И когда все стало ясно отъ улыбки
Пламенной богини, принесли подъ Липки
Мертвую Сильфиду: тамъ ее сложили,
Вырыли могилу—и похоронили...
И когда надъ этой свѣжею могилой
Думалъ злую думу мой артистъ унылый,
Въ жаркихъ искрахъ солнца за лѣсной куртиной
Звучно раздавался рокотъ соловьиный.

XLIII.

Иванъ Саввичъ Никитинъ.

1824 — 1861.

Рано загубленный гнетомъ мѣщанской среды, талантливый пѣвецъ обездоленныхъ и униженныхъ. На Никитинѣ, несомнѣнно, сильно отразилось вліяніе поэзіи Кольцова и, быть можетъ, еще сильнѣе—Некрасова; но, при глубокой искренности поэта, писавшаго исключительно о томъ, чѣмъ душа его жила и болѣла, самобытность его нимало отъ этого не страдаетъ. Пѣсни Никитина—сама горькая жизнь его; съ сердечной кровью вырваны онѣ изъ глубины души и положены на бумагу..

Въ поэтическомъ отношеніи всего ярче и оригинальнѣе у Никитина—картины родной природы. Стихотворенія на общіе, „интеллигентные" мотивы (вродѣ извѣстнаго „Медленно движется время"), напротивъ, оригинальностью не блещутъ. Но если бы Никитинъ ничего другого не оставилъ, кромѣ трогательной, до слезъ потрясающей пѣсни „Вырыта заступомъ яма глубокая", то и тогда имя его дошло бы до отдаленнаго потомства.

Печататься началъ Никитинъ въ 1853 г. въ провинціальной газетѣ, а пять лѣтъ спустя пользовался уже довольно широкой извѣстностью. И до настоящаго времени это одинъ изъ самыхъ популярныхъ русскихъ поэтовъ, выдержавшій до десяти изданій.

* * *

Вырыта заступомъ яма глубокая...
Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь безпріютная, жизнь терпѣливая,
Жизнь, какъ осенняя ночь, молчаливая —
Горько она, моя бѣдная, шла
И, какъ степной огонекъ, замерла.
Что-же? Усни, моя доля суровая!
Крѣпко закроется крышка сосновая,
Плотно сырою землею придавится,
Только однимъ человѣкомъ убавится...
Убыль его никому не больна,
Память о немъ никому не нужна!..
Вотъ она—слышится пѣснь беззаботная,—
Гостья погоста, пѣвунья залетная,
Въ воздухѣ синемъ на волѣ купается;
Звонкая пѣснь серебромъ разсыпается...
Тише!.. О жизни покончена вопросъ—
Больше не нужно ни пѣсенъ, ни слезъ!

НОЧЬ.

Одѣлося сумракомъ поле. На темной лазури сверкаетъ
Гряда облаковъ разноцвѣтныхъ. Блѣднѣя, заря потухаетъ.
Вотъ вспыхнули яркія звѣзды на небѣ, одна за другой,
И мѣсяцъ надъ лѣсомъ сосновымъ поднялся, какъ щитъ золотой;
Извивы рѣки серебристой межъ зеленью луга блеснули;
Вокругъ тишина и безлюдье: и поле, и берегъ уснули;

Тишь мельницы старой колеса, алмазъ разсыпая, [шумятъ,
Да съ вѣтромъ волнистыя нивы, Богъ знаетъ о [чемъ, говорятъ.
На кольяхъ, вдоль берега вбитыхъ, растянуты [мокрыя сѣти;
Вотъ бѣдный шалашъ рыболова, гдѣ вечеромъ [рѣзвыя дѣти
Играютъ трепещущей рыбой и ищутъ въ травѣ [водяной
Улитокъ и маленькихъ камней, обточенныхъ синей [волной;
Какъ лебеди, бѣлыя тучи надъ полемъ плывутъ [караваномъ,
Надъ чистой рѣкою спятъ ивы, одѣтыя легкимъ [туманомъ,
И, къ свѣтлымъ струямъ наклонившись, сквозь [чуткій прерывистый сонъ,
Тростникъ молчаливо внимаетъ таинственной му- [зыкѣ волнъ.

УТРО.

Звѣзды меркнутъ и гаснутъ. Въ огнѣ облака.
Бѣлый паръ по лугамъ разстилается.
По зеркальной водѣ, по кудрямъ лозняка
Отъ зари алый свѣтъ разливается.
Дремлетъ чуткій камышъ. Тишь, безлюдье во- [кругъ.
Чуть примѣтна тропинка росистая.
Пусть задѣнешь плечомъ,—на лицо тебѣ вдругъ
Съ листьевъ брызнетъ роса серебристая.
Потянулъ вѣтерокъ,—воду морщитъ, рябитъ;
Понеслись утки съ шумомъ и скрылися.
Далеко, далеко колокольчикъ звенитъ,
Рыбаки въ шалашѣ пробудилися.
Сняли сѣти съ шестовъ, весла къ лодкамъ несутъ...
А востокъ все горитъ, разгорается.
Птички солнышка ждутъ, птички пѣсни поютъ:
И стоитъ себѣ лѣсъ, улыбается.
Вотъ и солнце встаетъ, изъ-за пашенъ блеститъ,
За морями ночлегъ свой покинуло;
На поля, на луга, на макушки ракитъ
Золотыми потоками хлынуло.
Ѣдетъ пахарь съ сохой, ѣдетъ—пѣсню поетъ:
По плечу молодцу все тяжелое...
Не боли ты, душа! Отдохни отъ заботъ!
Здравствуй, солнце да утро веселое!

ГНѢЗДО ЛАСТОЧКИ.

Кипитъ вода, реветъ ручьемъ,
На мельницѣ и стукъ, и громъ:
Колеса то́ въ водѣ шумятъ,
А брызги вверхъ огнемъ летятъ;
Отъ пѣны то́ бугоръ стоитъ,
Что мостъ живой, весь полъ дрожитъ.
Шумитъ вода, рукавъ трясетъ,—
На камни рожь дождемъ течетъ,
Подъ жерновомъ муку родитъ,
Идетъ мука—въ глаза пылитъ.
Объ мельникѣ и рѣчи нѣтъ:
Въ пыли, въ мукѣ, и лысъ и сѣдъ,
Кричитъ весь день про бѣдный людъ:
Вотъ тотъ-то мотъ, вотъ тотъ-то плутъ...
Самъ, старый чортъ, какъ звѣрь глядитъ—
Чужимъ добромъ и пьянъ, и сытъ;
Дѣтей забылъ, жену извелъ;
Барбосъ съ нимъ жилъ—барбосъ ушелъ.
Одна пѣвунья-ласточка
Подъ крышей обжилась,
Свила-слѣпила гнѣздышко,
Дѣтьми обзавелась.
Поетъ, пока не выгнали:
Чужой-то кровъ—не свой;
Хоть не любо, не весело,
Да свыкнешься съ нуждой.
Въ ночь темную, подъ крылышко
Головку подогнетъ
И спитъ себѣ подъ громъ и стукъ,
Носкомъ не шевельнетъ.

---

* * *

Первый громъ прогремѣлъ. Яркій блескъ въ синевѣ.
Въ тепломъ воздухѣ пѣсни и нѣга;
Голубые цвѣты въ прошлогодней травѣ
Показались на свѣтъ изъ-подъ снѣга.
Пригрѣваются стекла лучомъ золотымъ;
Вербы почки свои распустили;
И съ надворья гнѣздо надъ окошкомъ моимъ
Сизокрылые голуби свили!
Что за робкіе гости! Чуть мимо идешь—
Торопливо головки поднимутъ,
Смотрятъ долго и зорко... Того только ждешь,
Что бѣдняжки пріютъ свой покинутъ.
Какъ я радъ имъ! Боюсь и окно отворять:
Все мнѣ кажется—ихъ испугаю;
Беззащитнымъ созданьямъ легко помѣшать,
А легко-ль имъ живется—я знаю...
Чуть окрасится небо полоской огня
И сквозь стекла разсвѣтъ забѣлѣетъ,
Воркотнею своей они будятъ меня:
Посмотри, молъ, какъ зорька алѣетъ!
Сталъ уютнѣй, свѣтлѣй уголокъ мой теперь:
Этой кроткой семьи новоселье,
Можетъ быть, послѣ смутъ, и борьбы и потерь,
Предвѣщаетъ мнѣ миръ и веселье...

---

* * *

Въ синемъ небѣ плывутъ надъ полями
Облака съ золотыми краями;
Чуть замѣтенъ надъ лѣсомъ туманъ,
Теплый вечеръ прозрачно-румянъ.
Вотъ ужъ вѣетъ прохладой ночною;
Грезитъ колосъ надъ узкой межою;
Мѣсяцъ огненнымъ шаромъ встаетъ,
Краснымъ заревомъ лѣсъ обдаетъ.
Кротко звѣздъ золотое сіянье,
Въ чистомъ полѣ покой и молчанье;
Точно въ храмѣ стою я въ тиши
И, въ восторгѣ, молюсь отъ души.

———

* * *

Еще одинъ потухшій день
Я равнодушно провожаю
И молчаливой ночи тѣнь,
Какъ гостя скучнаго, встрѣчаю.
Увы! Не принесетъ мнѣ сна
Ея нѣмая тишина...
Весь день душа болѣла тайно
И за себя, и за другихъ;
Отъ пошлыхъ встрѣчъ, отъ сплетенъ злыхъ,
Отъ жизни грязной и печальной
Покой пора бы ей узнать...
Да гдѣ онъ? Какъ его искать?
Едва на землю утро взглянетъ,
Едва пройдетъ ночная тѣнь,—
Опять тяжелый грустный день,
Однообразный день настанетъ;
Опять начнется боль души,
На злыя пытки осужденной,
Опять наплачешься въ тиши,
Измученный и оскорбленный!

———

* * *

Ярко звѣздъ мерцанье
Въ синевѣ небесъ;
Мѣсяца сіянье
Падаетъ на лѣсъ.
Въ зеркало залива
Сонный лѣсъ глядитъ;
Въ чащѣ молчаливой
Темнота лежитъ.
Слышенъ межъ кустами
Смѣхъ и разговоръ;
Жарко косарями
Разведенъ костеръ.
По травѣ высокой,
Съ цѣпью на ногахъ,
Бродитъ одиноко
Бѣлый конь въ потьмахъ.
Вотъ ужъ пѣснь заводитъ
Пѣсенникъ лихой,
Изъ кружка выходитъ
Парень молодой.
Шапку вверхъ кидаетъ,
Ловитъ—не глядитъ,
Пляшетъ—присѣдаетъ,
Соловьемъ свиститъ.
Пѣснѣ отвѣчаетъ
Коростель въ лугахъ,
Пѣсня замираетъ
Далеко въ поляхъ...
Золотыя нивы,
Гладь и блескъ озеръ,
Свѣтлые заливы,
Безъ конца просторъ.
Звѣзды надъ полями,
Глушь да камыши...
Такъ и льются сами
Звуки изъ души!

———

ЖЕНА ЯМЩИКА.

Жгучъ морозъ трескучій,
На дворѣ темно;
Серебристый иней
Запушилъ окно.
Тяжело и скучно,
Тишина въ избѣ;
Только вѣтеръ воетъ
Жалобно въ трубѣ.
И горитъ лучина,
Издавая трескъ,
На палати, стѣны
Разливая блескъ.
Дремлетъ подлѣ печки,
Прислонясь къ стѣнѣ,
Мальчуганъ кудрявый
Въ старомъ зипунѣ.
Слабо освѣщаетъ
Блѣдный огонекъ
Дѣтскую головку
И румянецъ щекъ.
Тѣнь его головки
На стѣнѣ лежитъ;
На скамьѣ, за прялкой
Мать его сидитъ.
Ей не даромъ снился
Страшный сонъ вчера.
Вся душа изныла
Съ ранняго утра.
Пятая недѣля

Вотъ къ концу идетъ,
Мужъ, что въ воду канулъ,
Вѣсточки не шлетъ.
„Ну, Господь помилуй,
Если съ мужикомъ
Грѣхъ какой случился
На пути глухомъ!..“

. . . .

И глядитъ на сына
Горемыка-мать:
„Ты бы легъ, касатикъ,
Перестань дремать!“
— А зачѣмъ же, мама,
Ты самъ не спишь,
И вечоръ все пряла,
И теперь сидишь?—
„Охъ, мой ненаглядный,
Прясть-то нѣтъ ужъ силъ;
Что-то такъ мнѣ грустно,
Божій свѣтъ не милъ!“
— Полно плакать, мама!—
Мальчуганъ сказалъ
И къ плечу родимой
Головой припалъ.
— „Я не стану плакать
Лягъ, усни, дружокъ;
Я тебѣ соломки
Принесу снопокъ,
„Постелю постельку,
И Господь пошлетъ—
Твой отецъ гостинецъ
Скоро привезетъ;
„Новыя салазки
Сдѣлаетъ опять;
Будетъ въ нихъ сыночка
По двору катать...“
И дитя забылось.
Ночь длинна—длинна...
Мѣрно раздается
Звукъ веретена.
Дымная лучина
Чуть въ свѣтцѣ горитъ,
Только вьюга какъ-то
Жалобнѣй шумитъ.
Мнится, будто стонетъ
Кто-то у крыльца,
Словно провожаютъ
Съ плачемъ мертвеца.
И на память пряхѣ
Молодость пришла;
Вотъ и мать-старушка,
Мнится, ожила.
Сѣла на лежанку
И на дочь глядитъ:
„Сохнешь ты, родная,
Сохнешь, говоритъ;
„Гдѣ тебѣ, голубкѣ,
Замужемъ-то жить,
Трудъ, порой рабочей,
Въ полѣ выносить!
„И въ кого родилась
Ты съ такимъ лицомъ?
Старшія-то сестры—
Кровь, вѣдь, съ молокомъ!
„И разгульны, правда,
Нечего сказать,
Да за то имъ шутка
Молотить и жать.
„А тебя за разумъ
Хвалитъ вся семья,
Да любить-то... любитъ
Только мать твоя“.
Вотъ, въ сѣняхъ избушки
Кто-то застучалъ.
„Батюшка пріѣхалъ!“
Мальчуганъ сказалъ.
И вскочилъ съ постели,
Щеки ярче розъ.
„Батюшка пріѣхалъ,
Калачей привезъ!..“
— „Вишь, морозъ какъ крѣпко
Дверь-то прихватилъ!“
Грубо гость знакомый
Вдругъ заговорилъ...
И мужикъ плечистый
Сильно дверь рванулъ,
На порогѣ съ шапки
Иней отряхнулъ.
Осѣнилъ три раза
Грудь свою крестомъ,
Почесалъ затылокъ
И сказалъ потомъ:
— „Здравствуешь, сосѣдка!
Какъ живешь, мой свѣтъ?..
Экая погодка,
Въ полѣ слѣду нѣтъ!
„Ну, не съ доброй вѣстью
Я къ тебѣ пришелъ:
Я лошадокъ вашихъ
Изъ Москвы привелъ“.
„А мой мужъ?“ спросила
Ямщика жена,
И бѣлѣе снѣга
Сдѣлалась она.
— „Да въ Москву пріѣхавъ,
Вдругъ онъ захворалъ,
И Господь бѣднягѣ
По душу послалъ“.—
Вѣсть, какъ громъ, упала...
И едва жива,

Перевесть дыханья
Не могла вдова;
Опустивъ рученки,
Сынъ дрожалъ, какъ листъ...
За стѣной избушки
Былъ и плачъ, и свистъ.
— „Вишь, какая притча!"
Разсуждалъ мужикъ:
„Вѣрно, я не въ пору
Развязалъ языкъ.
„А, вѣдь, жалко бабу,
Что и говорить!
Скоро ей придется
По міру ходить!
„Полно горевать-то",
Онъ вдовѣ сказалъ:
„Стало, неча дѣлать,
Богъ, знать, наказалъ!
„Ну, прощай покуда,
Мнѣ домой пора;
Лошади-то ваши
Тутъ вотъ у двора.
„Да!.. Вѣдь зка память,
Все сталъ забывать:
Вотъ отецъ сынишкѣ
Крестъ велѣлъ отдать.
„Самъ онъ черезъ силу
Съ шеи его снялъ,
Въ грамоткѣ мнѣ отдалъ
Въ руки и сказалъ:
— „Вотъ благословленье
„Сыну моему;
„Пусть не забываетъ
„Мать, скажи ему".
„А тебя-то, видно,
Крѣпко онъ любилъ:
По-смерть твое имя,
Бѣдный, все твердилъ".

———

ВЫѢЗДЪ ЯМЩИКА.

Ну, кажись, я готовъ:
Вотъ мой кафтанишко,
Рукавицы на мнѣ,
Новый кнутъ подъ мышкой.
Въ головѣ-то шумитъ...
Вотъ что мнѣ досадно!
Правда, хмѣль, вѣдь, не дурь—
Выспался—и ладно.
Ты, жена, замолчи:
Безъ тебя все знаю;
Ѣду съ бариномъ... да!
Ухъ, какъ погуляю!
Да и баринъ... Поди,
У родного сына
Онъ невѣсту отбилъ,
Стало, молодчина!
Схоронилъ двѣ жены,
Вотъ нашелъ и третью...
А сердитъ... чуть не такъ,
Заколотитъ плетью!
Ну, ништо... говорятъ,
Эта-то невѣста
И сама дастъ отпоръ,—
Не отыщешь мѣста.
За богатство идетъ,—
Вѣтрогонка, значитъ:
Сына пуститъ съ сумой,
Мужа одурачитъ...
Ну, да пусть судитъ Богъ,
Что черно́ и бѣло...
Вотъ лошадокъ запречь—
Это наше дѣло!
Слышь, жена, погляди—
Каковы уздечки?
Вишь, вотъ мѣдный наборъ,
Вотъ мохры, колечки.
А дуга-то дуга,
Въ золотѣ сіяетъ...
Прр... шалишь, коренной!
Знай, песокъ копаетъ!
Ты, дружокъ, не блажи;
Старость твою жалко!..
Такъ кнутомъ проучу—
Станетъ небу жарко!..
Сидоръ вожжи возьметъ,—
Чорта не боится!
Пролетитъ,—на него
Облачко дивится!
Только крикнешь: „ну, ну!
Эхъ, ты, беззаботный!"—
Отстаетъ позади
Вѣтеръ перелетный!
А сѣдокъ-атъ мнѣ—тьфу;
Коли скажетъ: „легче!"
Нѣтъ, молъ, сѣлъ, такъ сиди,
Да держись покрѣпче.
Ужъ у насъ, коли лѣнь—
День и ночь спимъ кряду;
Коли пиръ—на-поваль,
Трудъ—такъ до упаду.
Коли ѣхать—катай!
Головы не жалко!..
Намъ безъ свѣта свѣтло,
Безъ дороги—гладко!
Ну, Матрена, прощай!
Оставайся съ Богомъ;
Жди обновки себѣ,
Да гляди за домомъ.

Да! кобылѣ больной
Парь трухою ногу...
Не забудь!.. А воды
Не давай по-многу.
Ну-ка, въ путь! Шевелись!
Эхъ, какъ понеслися!
Берегись ты, мужикъ,
Глухъ, что-ль?... Берегися!..

НИЩІЙ.

И вечерней, и ранней порою
Много старцевъ, и вдовъ, и сиротъ
Подъ окошками ходитъ съ сумою,
Христа-ради на помощь зоветъ.
Надѣваетъ ли сумку неволя,
Неохота ли взяться за трудъ,—
Тяжела и горька твоя доля,
Безпріютный, оборванный людъ!
Не откажутъ тебѣ въ подаяньи,
Не умрешь ты безъ крова зимой,—
Жаль разумное Божье созданье,
Человѣка въ грязи и съ сумой!
Но бѣднѣе и хуже есть нищій—
Не пойдетъ онъ просить подъ окномъ:
Цѣлый вѣкъ, изъ одежды и пищи,
Онъ работаетъ ночью и днемъ.
Спитъ въ лачужкѣ, на грязной соломѣ,
Богатырь въ безысходной тоскѣ,
Крѣпче камня въ несносной истомѣ,
Крѣпче мѣди въ кровавой нуждѣ.
Въ землю зерна онъ пó смерть бросаетъ,
Пó смерть жнетъ, а нужда продаетъ...
О немъ облако слезы роняетъ,
Про тоску его буря поетъ!

НОЧЛЕГЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Душный воздухъ, дымъ лучины,
Подъ ногами соръ;
Соръ на лавкахъ, паутины
По угламъ узоръ;
Закоптѣлыя палати,
Черствый хлѣбъ, вода,
Кашель пряхи, плачъ дитяти...
О, нужда, нужда!
Мыкать горе, вѣкъ трудиться,
Нищимъ умереть...
Вотъ гдѣ нужно бы учиться
Вѣрить и терпѣть!

ДѢДУШКА.

Лысый, съ бѣлой бородою,
Дѣдушка сидитъ.
Чашка съ хлѣбомъ и водою
Передъ нимъ стоитъ.
Бѣлъ, какъ лунь, на лбу морщины,
Съ испитымъ лицомъ,
Много видѣлъ онъ кручины
На вѣку своемъ.
Все прошло; пропала сила,
Притупился взглядъ;
Смерть въ могилу уложила
Дѣтокъ и внучатъ.
Съ нимъ въ избушкѣ закоптѣлой
Котъ одинъ живетъ.
Старъ и онъ, и спитъ день цѣлый,
Съ печи не спрыгнетъ.
Старику не много надо:
Лапти сплесть да сбыть—
Вотъ и сытъ. Его отрада—
Въ Божій храмъ сходить.
Къ стѣнкѣ, около порога,
Станетъ тамъ, кряхтя,
И за скорби славитъ Бога,
Божіе дитя.
Радъ онъ жить, не прочь въ могилу,
Въ темный уголокъ...
Гдѣ ты черпалъ эту силу,
Бѣдный мужичекъ?

МАТЬ И ДОЧЬ.

Худа, ветха избушка
И, какъ тюрьма, тѣсна;
Слѣпая мать-старушка,
Какъ полотно, блѣдна.
Бѣдняжка потеряла
Свои глаза и умъ
И, какъ ребенокъ малый,
Чужда заботъ и думъ.
Все пѣсни распѣваетъ,
Забившись въ уголокъ,
И жизнь въ ней догораетъ,
Какъ въ лампѣ огонекъ.
А дочь, съ восходомъ солнца,
Иглу свою беретъ,
У свѣтлаго оконца
До темной ночи шьетъ.
Жара. Вокругъ молчанье,
Лѣниво день идетъ,
Докучныхъ мухъ жужжанье
Покоя не даетъ.
Старушки тихій голосъ
Безъ-умолку звучитъ...

И гнется дочь, какъ колосъ,
Тоска въ груди кипитъ.
  Народъ неутомимо
По улицѣ снуетъ,
Идетъ все мимо, мимо—
Богъ-вѣсть куда идетъ.
  Ужъ ночь. Темно въ избушкѣ,
И некому мѣшать;
Осталося—къ подушкѣ
Припасть и зарыдать!

———

ИЗЪ ПОСЛѢСЛОВІЯ КЪ ПОЭМѢ „КУЛАКЪ".

Прощай, Лукичъ! Не разъ съ тобою,
Когда мой домъ объятъ былъ сномъ,
Сидѣлъ я, грустный, за столомъ,
Подъ гнетомъ думъ, ночной порою...
И мнѣ по твоему пути
Пришлось бы, можетъ быть, идти,
Но я избралъ иную долю...
Какъ узникъ, я рвался на волю,
Упрямо цѣпи разбивалъ,
Я свѣта, воздуха желалъ.
Въ моей тюрьмѣ мнѣ было тѣсно!
Ни силъ, ни жизни молодой
Я не жалѣлъ въ борьбѣ съ судьбой!
Во благо-ль? Небесамъ извѣстно...

———

ПѢСНЯ.

На старомъ курганѣ, въ широкой степи,
Прикованный соколъ сидитъ на цѣпи.
  Сидитъ онъ ужъ тысячу лѣтъ,—
  Все нѣтъ ему воли, все нѣтъ!
И грудь онъ съ досады когтями терзаетъ,
И каплями кровь изъ груди вытекаетъ...
  Летятъ въ синевѣ облака,
  А степь—широка, широка!..

XLIV.

Гр. Алексѣй Константиновичъ Толстой.

1817 — 1875.

Іеобыкновенно разносторонній талантъ, являвшій себя въ области чистой лирики, эры, эпоса, романа и драмы. Именно это нообразіе и было въ значительной мѣрѣ чиной того, что въ представленіи публики іономія поэта является нѣсколько расплыв-ой и неясной. Къ тому же, и идейные яды его не сразу поддаются опредѣленію ажутся подчасъ противорѣчивыми: съ од- стороны, не мало произведеній свидѣ-ьствуетъ о неподдѣльной, горячей любви ора къ свободѣ, о ненависти его къ ти-ніи, съ другой—цѣлый рядъ ядовитыхъ ръ высмѣиваетъ передовое движеніе охи великихъ реформъ"; съ одной сто-ы, клеймится суровымъ осужденіемъ Иванъ зный, а съ другой—какъ будто, сводится нулю или даже къ минусу вся обнови-ная работа Петра Великаго. „Двухъ ста-ь не боецъ, а только гость случайный", ксѣй Толстой, по его собственному при-ію, всю жизнь плылъ „противъ теченія", а „во имя прекраснаго", но бѣда въ томъ, „прекрасное"—понятіе крайне условное ь теченіемъ времени мѣняющееся, и, вы-ясь вульгарно, поэтъ всю жизнь проси-ь между двухъ стульевъ, лавируя между дничествомъ" тургеневскаго и „славяно-ствомъ" аксаковскаго типа, забѣгая иногда ѣ въ лагерь Каткова... Поборникомъ кра-соты въ смыслѣ служенія искусству для искус-ства, во всякомъ случаѣ, онъ никогда не былъ.

На вопросъ: что́, собственно, сдѣлалъ Алексѣй Толстой для русской литературы и въ какомъ родѣ поэзіи обнаружилъ наибольшія силы, приходится, къ сожалѣнію, отвѣтить, что въ сферѣ чистой лирики—оригинальнаго и глубокаго таланта онъ не имѣлъ, хотя и написалъ нѣсколько прекрасныхъ стихотвореній.

Несравненно больше самостоятельности въ юморѣ Толстого; и все же, это не былъ тотъ высшій даръ смѣха, который создаетъ общественную и политическую сатиру въ настоящемъ смыслѣ слова: Алексѣй Толстой, въ большинствѣ случаевъ, не шелъ дальше остроумной и злой подчасъ шутки. Настоящее онъ нерѣдко высмѣиваетъ, при этомъ, или бичуетъ въ вымышленныхъ образахъ прошлаго, еще же чаще — прошлое противопоставляетъ настоящему, идеализируя его и украшая цвѣтами фантазіи до такой степени, что оно перестаетъ быть исторической дѣйствительностью. Среди этихъ не совсѣмъ удачныхъ экскурсій въ исторію блестящимъ исключеніемъ является превосходная во всѣхъ отношеніяхъ баллада „Василій Шибановъ", по драматизму содержанія, вѣрности красокъ и энергіи языка не много имѣющая равнаго въ русской литературѣ.

Лишь долго спустя послѣ смерти поэта, была по достоинству оцѣнена его драматическая трилогія, вторая часть которой „Царь Өедоръ Іоанновичъ“ съ шумнымъ успѣхомъ обошла всѣ русскія сцены.

1855—1865.

* * *

Двухъ становъ не боецъ, но только гость случайный,
За правду я бы радъ поднять мой добрый мечъ,
Но споръ съ обоими—досель мой жребій тайный,
И къ клятвѣ ни одинъ не могъ меня привлечь.
Союза полнаго не будетъ между нами:
Не купленный никѣмъ, подъ чье-бъ ни сталъ я знамя,
Пристрастной ревности друзей не въ силахъ снесть,
Я знамени врага отстаивалъ бы честь!

ВАСИЛІЙ ШИБАНОВЪ.

Князь Курбскій отъ царскаго гнѣва бѣжалъ,
Съ нимъ Васька Шибановъ, стремянный.
Дороденъ былъ князь, конь измученный палъ—
Какъ быть среди ночи туманной?
Но рабскую вѣрность Шибановъ храня,
Свой отдаетъ воеводѣ коня:
„Скачи, князь, до вражьяго стану,
Авось я пѣшой не отстану!“
И князь доскакалъ. Подъ литовскимъ шатромъ
Опальный сидитъ воевода;
Стоятъ въ изумленьи литовцы кругомъ,
Безъ шапокъ толпятся у входа.
Всякъ русскому витязю честь воздаетъ;
Не даромъ дивится литовскій народъ,
И ходятъ ихъ головы кругомъ:
„Князь Курбскій намъ сдѣлался другомъ!“
Но князя не радуетъ новая честь,
Исполненъ онъ желчи и злобы;
Готовится Курбскій царю перечесть
Души оскорбленной зазнобы:
„Что долго въ себѣ я таю и ношу,
То все я пространно къ царю напишу,
Скажу напрямикъ, безъ изгиба,
За всѣ его ласки спасибо!“
И пишетъ бояринъ всю ночь напролетъ,
Перо его местію дышетъ;
Прочтетъ, улыбнется, и снова прочтетъ,
И снова безъ отдыха пишетъ
И злыми словами язвитъ онъ царя.
И вотъ ужъ, когда занялася заря,
Поспѣло, ему на отраду,
Посланіе, полное яду.
Но кто-жъ дерзновенныя князя слова
Отвезть Іоанну возьмется?
Кому не люба на плечахъ голова,
Чье сердце въ груди не сожмется?
Невольно сомнѣнья на князя нашли...
Вдругъ входитъ Шибановъ, въ поту и въ пыли:
„Князь, служба моя не нужна ли?
Вишь, наши меня не догнали!“
И, въ радости, князь посылаетъ раба,
Торопитъ его въ нетерпѣньи:
„Ты тѣломъ здоровъ, и душа не слаба,
А вотъ и рубли въ награжденье!“
Шибановъ въ отвѣтъ господину: „Добро!
Тебѣ здѣсь нужнѣе твое серебро,
А я передамъ и за муки
Письмо твое въ царскія руки!“
Звонъ мѣдный несется, гудитъ надъ Москвой;
Царь, въ смирной одеждѣ, трезвонитъ:
Зоветъ ли обратно онъ прежній покой,
Иль совѣсть навѣки хоронитъ?
Но часто и мѣрно онъ въ колоколъ бьетъ,
И звону внимаетъ московскій народъ—
И молится, полный боязни,
Чтобъ день миновался безъ казни.
Въ отвѣтъ властелину гудятъ терема,
Звонитъ съ нимъ и Вяземскій лютый,
Звонитъ всей опричны кромѣшная тьма,
И Васька Грязной, и Малюта,
И тутъ же, гордяся своею красой,
Съ дѣвичьей улыбкой, съ змѣиной душой,
Любимецъ звонитъ Іоанновъ,
Отверженный Богомъ Басмановъ.
Царь кончилъ; на жезлъ опираясь, идетъ
И съ нимъ всѣхъ окольныхъ собранье;
Вдругъ ѣдетъ гонецъ, раздвигаетъ народъ,
Надъ шапкою держитъ посланье.
И спрянулъ съ коня онъ поспѣшно долой,
Къ царю Іоанну подходитъ пѣшой
И молвитъ ему, не блѣднѣя:
„Отъ Курбскаго князя Андрея!“
И очи царя загорѣлися вдругъ:
„Ко мнѣ? Отъ злодѣя лихого?
Читайте же, дьяки, читайте мнѣ вслухъ
Посланье отъ слова до слова!
— „Подай сюда грамоту, дерзкій гонецъ!“
И въ ногу Шибанова острый конецъ
Жезла своего онъ вонзаетъ,
Налегъ на костыль—и внимаетъ:

„Царю, прославляему древле отъ всѣхъ,
о тонущу въ скверна хъ обильныхъ!
твѣтствуй, безумный, какихъ ради грѣхъ
обилъ еси добрыхъ и сильныхъ!
твѣтствуй, не ими-ль, средь тяжкой войны,
эзъ счета твердыни враговъ сражены?
е ихъ ли ты мужествомъ славенъ?
кто имъ бысть вѣрностью равенъ?
„Безумный! Иль мнишись безсмертнѣе насъ,
ь небытную ересь прельщенный?
имай же! Пріидетъ возмездія часъ,
исаніемъ намъ предреченный,
азъ, иже кровь въ непрестанныхъ бояхъ
тя, аки воду, ліяхъ и ліяхъ,
ь тобой предъ Судьею предстану!“
съ Курбскій писалъ къ Іоанну.
Шибановъ молчалъ. Изъ пронзенной ноги
овь алымъ струилася токомъ,
царь на спокойное око слуги
ралъ испытующимъ окомъ.
оялъ неподвижно опричниковъ рядъ,
ыъ мраченъ владыки загадочный взглядъ,
къ будто исполненъ печали,
всѣ, въ ожиданьи, молчали.
И молвилъ такъ царь: „Да, бояринъ твой правъ,
нѣтъ ужъ мнѣ жизни отрадной!
овь добрыхъ и сильныхъ ногами поправъ,
-песъ, недостойный и смрадный!
вецъ, ты не рабъ, но товарищъ и другъ,
много, знать, вѣрныхъ у Курбскаго слугъ,
о выдалъ тебя за безцѣнокъ!
упай же съ Малютой въ застѣнокъ!“
Пытаютъ и мучатъ гонца палачи,
угъ къ другу приходятъ на смѣну.
оварищей Курбскаго ты уличи,
крой ихъ собачью измѣну!“
царь вопрошаетъ: „Ну, что же гонецъ?
звалъ ли онъ вора друзей, наконецъ?“
„Царь, слово его все едино:
тъ славитъ свово́ господина!“
День меркнетъ, приходитъ ночная пора,
рипятъ у застѣнка ворота,
плечные входятъ опять мастера,
ятъ началася работа.
у, что же? Назвалъ ли злодѣевъ гонецъ?“
„Царь, близокъ ему ужъ приходитъ конецъ.
слово его все едино:
тъ славитъ свово господина!“
, князь, ты, который предать меня могъ
а сладостный мигъ укоризны,
, князь, я молю, да проститъ тебѣ Богъ
змѣну твою предъ отчизной!
слышь меня, Боже, въ предсмертный мой часъ,
зыкъ мой нѣмѣетъ и взоръ мой угасъ,
ю въ сердцѣ любовь и прощенье—
„Помилуй мои прегрѣшенья!
„Услышь меня, Боже, въ предсмертный мой часъ,
„Прости моего господина!
„Языкъ мой нѣмѣетъ и взоръ мой угасъ,
„Но слово мое все едино:
„За грознаго, Боже, царя я молюсь,
„За нашу святую, великую Русь—
„И твердо жду смерти желанной!“
Такъ умеръ Шибановъ стремянный.

———

* * *

Ой, кабъ Волга-матушка да вспять побѣжала,
Кабы можно, братцы, начать жить съ начала!
Ой, кабы зимою цвѣты расцвѣтали!
Кабы мы любили, да не разлюбляли!
Кабы дно морское достать да измѣрить!
Кабы можно, братцы, краснымъ дѣвкамъ вѣрить!
Ой, кабы всѣ бабы были молодицы!
Кабы въ полугарѣ поменьше водицы!
Кабы всяка чарка доходила до рту!
Да кабы приказныхъ по-боку, да къ чорту!
Да кабы звенѣли завсегда карманы!
Да кабы намъ, братцы, да свои кафтаны!
Да кабы голодный всякій день обѣдалъ,
Да батюшка-царь нашъ всю правду бы вѣдалъ!

———

* * *

Коль любить, такъ безъ разсудку,
Коль грозить, такъ не на шутку,
Коль ругнуть—такъ сгоряча,
Коль рубнуть, такъ ужъ сплеча!
Коли спорить, такъ ужъ смѣло,
Коль карать, такъ ужъ за дѣло,
Коль простить, такъ всей душой,
Коли пиръ, такъ пиръ горой!

———

* * *

Ходитъ Спѣсь, надуваючись,
Съ боку на-бокъ переваливаясь.
Ростомъ-то Спѣсь аршинъ съ четвертью,
Шапка-то на немъ во цѣлу сажень,
Пузо-то его все въ жемчугѣ,
Сзади-то у него раззолочено.
А и зашелъ бы Спѣсь къ отцу, къ матери,
Да ворота не крашены!
А и помолился-бъ Спѣсь во ц.ркви Божіей,
Да полъ не метенъ!
Идетъ Спѣсь, видитъ—на небѣ радуга;
Повернулъ Спѣсь во другую сторону:
Не пригоже-де мнѣ нагибатися!

———

* * *

У приказныхъ воротъ собирался народъ
Густо;
Говоритъ въ простотѣ, что въ его животѣ
Пусто.
— „Дурачье! сказалъ дьякъ,—изъ васъ долженъ быть [всякъ
Въ тѣлѣ:
Еще въ думѣ вчера мы съ трудомъ осетра
Съѣли!"
На базаръ мужикъ везъ черезъ рѣку обозъ
Пакли;
Мужичокъ-то, вишь, простъ: знай, везетъ черезъ [мостъ—
Такъ-ли?
— „Вишь, дуракъ! сказалъ дьякъ: тебѣ мостъ, чай, [пустякъ,
Дудки?
Ты-бъ его поберегъ, вѣдь плыли-жъ поперекъ
Утки!"
Какъ у Васьки Волчка воръ стянулъ гусачка,
Вишь ты!
Въ полотенце свернулъ, да поймалъ караулъ,
Ништо!
Дьякъ сказалъ: „Дурачье! Полотенце-то чье?
Васьки?
Стало, Васька и тать! Стало, Васькѣ и дать
Таску!"
Пришелъ къ дьяку больной, говоритъ: «Ой, ой, ой,
Дьяче!
Очень больно нутру, а ужъ вотъ... поутру
Паче.
И не лечь, и не сѣсть, и не можно мнѣ съѣсть
Столько!»
— „Вишь, дуракъ! сказалъ дьякъ,—ну, не ѣшь нато-[щакъ,
Только!"
Пришелъ къ дьяку истецъ, говоритъ: Ты отецъ
Бѣдныхъ!
Кабы ты мнѣ помогъ—видишь денегъ мѣшокъ
Мѣдныхъ—
Я-бъ те всыпалъ, ей-ей, въ шапку десять рублей,
Шутка?
— „Сыпь сейчасъ! сказалъ дьякъ, подставляя кол-[пакъ,—
Нутка!

———

ѲЕДОРУШКА *).

„Барыня-сударыня
Матушка Ѳедорушка,
Что сидишь невесело,
Голову повѣсила?"
— Охъ, отстань, родименькій,
Отвяжись, невпорушка!
Безъ тебя тошнехонько,
Безъ тебя больнехонька,
Не мѣшай мнѣ морщиться,
Не мѣшай мнѣ корчиться.—
„Не пригоже, матушка,
Не идетъ, сударушка,
Ты вѣдь дама важная,
Барыня вальяжная."
— Охъ, была, родименькій,
Охъ, слыла, невпорушка,
Дамою я знатною,
Очення пріятною,
Сытою, богатою,
Къ людямъ тароватою.—
„Знамо дѣло, матушка,
Вѣдомо, Ѳедорушка!
Златомъ, серебромъ, поди,
У тебя хоть прудъ пруди?"
— Было все, родименькій,
Было все, невпорушка;
Нынѣ же съ натяжками
Я живу бумажками,
Пестрыми, красивыми,
Зауряд фальшивыми.—
„Какъ же такъ, сударыня,
Какъ же такъ, Ѳедорушка?
Гдѣ-жъ твои рублевики,
Звонкіе цѣлковики?"
— Вышли всѣ, родименькій,
Вышли всѣ, невпорушка:
На бумаги новыя,
Кабаки дешевые,
Нѣмцамъ за-границею,
Дома на полицію.—
„Поищи, сударыня,
Поищи, Ѳедорушка:
Ты хоть не опаслива,
Встарь была запаслива".
— Не найти, родименькій,
Не поймать, невпорушка,
Въ небѣ ясна сокола:
Обнищала до́-гола,
Пропилась, прокралася,
Вся извороваласся.—
„Дѣло дрянь, сударыня,
Дѣло дрянь, Ѳедорушка!
Что́ объ насъ повѣдаютъ,
Коль сосѣди свѣдаютъ?"
— Свѣдали, родименькій,
Свѣдали, невпорушка;
Плачутъ всѣ отъ радости,

*) Эта сатира на бюрократическую Россію пользовалась въ 70-хъ годахъ широкой популярностью, и общее мнѣніе приписывало ее Алексѣю Толстому, который, однако, отрицалъ свое авторство. Трудно сказать, насколько было серьезно и искренно это отрицаніе.

Дѣлаютъ мнѣ гадости;
Плюютъ да ругаются,
Вздуть меня сбираются.—
„Ты сама бы, матушка,
Ты сама-бъ, Ѳедорушка,
Помянувъ родителей,
Въ морду бы хулителей!“
— Не молчу, родименькій,
Не молчу, невпорушка!
Я и обижаюся:
Плюютъ—утираюся...—
„Дрянь ты стала, матушка,
Дрянь совсѣмъ, Ѳедорушка!
Надо бы, красавица,
Намъ съ тобой поправиться“.
— Поправляюсь, родненькій,
Дѣйствую, невпорушка:
Отдаю юстицію
Подъ надзоръ полиціи,
Обрываю армію,
Завожу жандармію.—
„На кого же, матушка,
На кого, Ѳедорушка,
Рать тебѣ татарская,
Силища жандармская?“
— На себя, родименькій,
На себя, невпорушка:
Чтобы я приникнула,
Чтобы я не пикнула,
Чтобъ жила безъ жалобы
Да „ура“ кричала бы...

———

* * *

По греблѣ неровной и тряской,
Вдоль мокрыхъ рыбачьихъ сѣтей,
Дорожная ѣдетъ коляска,
Сижу я задумчиво въ ней;
Сижу и смотрю я дорогой
На сѣрый и пасмурный день,
На озера берегъ отлогій,
На дальній дымокъ деревень.
По греблѣ, со взглядомъ угрюмымъ,
Проходитъ оборванный жидъ;
Изъ озера съ пѣной и шумомъ
Вода черезъ греблю бѣжитъ;
Тамъ мальчикъ играетъ на дудкѣ,
Забравшись въ зеленый тростникъ;
Въ испугѣ взлетѣвшія утки
Надъ озеромъ подняли крикъ;
Близъ мельницы старой и шаткой
Сидятъ на травѣ мужики;
Телѣга съ разбитой лошадкой
Лѣниво подвозитъ мѣшки...
Мнѣ кажется все такъ знакомо,
Хоть не былъ я здѣсь никогда,—
И крыша далекаго дома,
И мальчикъ, и лѣсъ, и вода,
И мельницы говоръ унылый
И ветхое въ полѣ гумно,—
Все это когда-то ужъ было,
Но только забыто давно.
Такъ точно ступала лошадка,
Такіе-жъ тащила мѣшки;
Такіе-жъ у мельницы шаткой
Сидѣли въ травѣ мужики;
И такъ же шелъ жидъ бородатый,
И такъ же шумѣла вода—
Все это ужъ было когда-то,
Но только не помню когда...

———

* * *

Гдѣ гнутся надъ омутомъ лозы,
Гдѣ лѣтнее солнце печетъ,—
Летаютъ и пляшутъ стрекозы,
Веселый ведутъ хороводъ;
„Дитя, подойди къ намъ поближе,
„Тебя мы научимъ летать!
„Дитя, подойди, подойди же,
„Пока не проснулася мать!
„Подъ нами трепещутъ былинки,
„Намъ такъ хорошо и тепло,
„У насъ бирюзовыя спинки,
„А крылышки—точно стекло.
„Мы пѣсенокъ знаемъ такъ много,
„Мы такъ тебя любимъ давно...
„Смотри, какой берегъ отлогій,
„Какое песчаное дно!“

———

* * *

Осень!.. Осыпается весь нашъ бѣдный садъ,
Листья пожелтѣлые по вѣтру летятъ;
Лишь вдали красуются,—тамъ, на днѣ долинъ,—
Кисти ярко-красныя вянущихъ рябинъ.
Весело и горестно сердцу моему,—
Молча, твои рученьки грѣю я и жму,
Въ очи тебѣ глядючи, молча слезы лью,
Не умѣю высказать, какъ тебя люблю!

———

* * *

Не вѣрь мнѣ, другъ, когда въ избыткѣ горя
Я говорю, что разлюбилъ тебя!
Въ отлива часъ не вѣрь измѣнѣ моря:
Оно къ землѣ воротится, любя.

Ужъ я тоскую, прежней страсти полный,
Мою свободу вновь тебѣ отдамъ—
И ужъ бѣгутъ съ обратнымъ шумомъ волны
Издалека къ любимымъ берегамъ.

ИЗЪ „IОАННА ДАМАСКИНА".

I.

Благословляю васъ, лѣса,
Долины, нивы, горы, воды,
Благословляю я свободу
И голубыя небеса!
И посохъ мой благословляю,
И эту бѣдную суму,
И степь отъ краю и до краю,
И солнца свѣтъ, и ночи тьму,
И одинокую тропинку,
По коей, нищій, я иду,
И въ полѣ каждую былинку
И въ небѣ каждую звѣзду!
О, если бъ могъ всю жизнь смѣшать я,
Всю душу вмѣстѣ съ вами слить,
О, если бъ могъ въ мои объятья
Я васъ, враги, друзья и братья
И всю природу заключить!

II.

Надъ вольной мыслью Богу неугодны
Насиліе и гнетъ:
Она, въ душѣ рожденная свободно,
Въ оковахъ не умретъ!
Съ Ливанскихъ горъ, гдѣ въ высотѣ лазурной
Бѣлѣетъ дальній снѣгъ,
Въ просторъ степей стремяся, вѣтеръ бурный
Удержитъ ли свой бѣгъ?
И потекутъ ли вспять струи потока,
Что между скалъ гремятъ?
И солнце тамъ, поднявшись отъ востока,
Вернется ли назадъ?

1859.

ГРѢШНИЦА.

Народъ кипитъ; веселье, хохотъ,
Звонъ лютней и кимваловъ грохотъ,
Кругомъ и зелень, и цвѣты . . . . .
. . . .
Ничѣмъ бесѣда не стѣснима:
Они свободно говорятъ
О ненавистномъ игѣ Рима,
О томъ, какъ властвуетъ Пилатъ,
О ихъ старшинъ собраньи тайномъ,
Торговлѣ, мирѣ и войнѣ,
И мужѣ томъ необычайномъ,
Чтó появился въ ихъ странѣ:
„Не терпитъ гнѣва онъ, ни мщенья,
„Онъ проповѣдуетъ прощенье,
„Велитъ за зло платить добромъ,
„Есть неземная сила въ немъ:
„Слѣпымъ онъ возвращаетъ зрѣнье,
„Даритъ и крѣпость, и движенье
„Тому, кто былъ и слабъ, и хромъ
„Ему признанія не надо—
„Сердецъ мышленье отпертó,
„Его пытующаго взгляда
„Еще не выдержалъ никто.
„Цѣля недугъ, врачуя муку,
„Вездѣ спасителемъ онъ былъ.
„И всѣмъ простеръ благую руку
„И никого не осудилъ.
„Теперь пришелъ онъ, благодушный,
„На эту сторону рѣки;
„Толпой прилежной и послушной
„За нимъ идутъ ученики."
Такъ гости, вмѣстѣ разсуждая,
За длинной трапезой сидятъ;
Межъ ними, чашу осушая,
Сидитъ блудница молодая.
Ея причудливый нарядъ
Невольно привлекаетъ взоры:
Ея нескромные уборы
О грѣшной жизни говорятъ.
Глаза насмѣшливы и смѣлы,
Какъ снѣгъ Ливана, зубы бѣлы,
Какъ зной, улыбка горяча;
Вкругъ стана падая широко,
Сквозныя ткани дразнятъ око,
Съ нагого спущены плеча.
Ея и серьги, и запястья,
Звеня, къ восторгамъ сладострастья,
Къ утѣхамъ пламеннымъ зовутъ;
Алмазы блещутъ тамъ и тутъ,
И, тѣнь бросая на ланиты,
Во всемъ обиліи красы,
Жемчужной нитью перевиты,
Падутъ роскошные власы.
Въ ней совѣсть сердца не тревожитъ,
Стыдливо не вскипаетъ кровь,
Купить за злато всякій можетъ
Ея продажную любовь.
И внемлетъ дѣва разговорамъ,
И ей они звучатъ укоромъ,
Гордыня пробудилась въ ней,
И говоритъ съ хвастливымъ взоромъ:
„Я власти не страшусь ничьей!
„Закладъ со мной держать хотите-ль?
„Пускай предстанетъ вашъ учитель,
„Онъ не смутитъ моихъ очей!"

Вино струится, шумъ и хохотъ,
Звонъ лютней и кимваловъ грохотъ,
Куренье, солнце и цвѣты—
И вотъ къ толпѣ, шумящей праздно,
Подходитъ мужъ благообразный.
Его чудесныя черты,
Осанка, поступь и движенья,
Во блескѣ юной красоты,
Полны огня и вдохновенья;
Его величественный видъ
Неотразимой дышетъ властью;
Къ земнымъ утѣхамъ нѣтъ участья,
И взоръ въ грядущее глядитъ.
То мужъ, на смертныхъ непохожій,
Печать избранника на немъ,
Онъ свѣтелъ, какъ архангелъ Божій
. . . .
Невольно грѣшная жена
Его величьемъ смущена
И смотритъ робко, взоръ понизивъ;
Но, вспомня свой недавній вызовъ,
Она съ сѣдалища встаетъ
И, станъ свой выпрямивши гибкій
И смѣло выступивъ впередъ,
Пришельцу съ дерзкою улыбкой
Фіалъ шипящій подаетъ.
„Ты тотъ, что учитъ отреченью?
„Не вѣрю твоему ученью,
„Мое надежнѣй и вѣрнѣй.
„Меня смутить не мысли нынѣ,
„Одинъ скитавшійся въ пустынѣ,
„Въ постѣ проведшій сорокъ дней!
„Лишь наслажденьемъ я влекома,
„Съ постомъ, съ молитвой незнакома,
„Я вѣрю только красотѣ,
„Служу вину и поцѣлуямъ,
„Мой духъ тобою не волнуемъ,
„Твоей смѣюсь я чистотѣ!“
И рѣчь ея еще звучала,
Еще смѣялася она,
И пѣна легкая вина
По кольцамъ рукъ ея бѣжала,
Какъ общій говоръ вкругъ возникъ,
И слышитъ грѣшница въ смущеньи:
„Она ошиблась! Въ заблужденье
«Ее привелъ пришельца ликъ:
«То не учитель передъ нею,
«То Іоаннъ изъ Галлилеи,
„Его любимый ученикъ.»
Небрежно немощнымъ обидамъ
Внималъ онъ дѣвы молодой,
И, вслѣдъ за нимъ, съ спокойнымъ видомъ
Подходитъ къ храминѣ другой.
Въ его смиренномъ выраженьи
Восторга нѣтъ, ни вдохновенья,
Но мысль глубокая легла
На очеркъ дивнаго чела.
То не пророка взглядъ орлиный,
Не прелесть ангельской красы—
Дѣлятся на двѣ половины
Его волнистые власы;
Поверхъ хитона упадая,
Одѣла риза шерстяная
Простою тканью стройный ростъ,
Въ движеньяхъ скроменъ онъ и простъ:
Ложась вкругъ устъ его прекрасныхъ,
Слегка раздвоена брада;
Такихъ очей благихъ и ясныхъ
Никто не видѣлъ никогда.
И пронеслося надъ народомъ
Какъ дуновенье тишины,
И чудно благостнымъ приходомъ
Сердца гостей потрясены.
Замолкнулъ говоръ. Въ ожиданьи
Сидитъ недвижное собранье,
Тревожно духъ переводя—
И онъ, въ молчаніи глубокомъ,
Обвелъ сидящихъ тихимъ окомъ
И, въ домъ веселья не входя,
На дерзкой дѣвѣ самохвальной
Остановилъ свой взоръ печальный.
И былъ тотъ взоръ, какъ лучъ денницы,
И все открылося ему,
И въ сердцѣ сумрачномъ блудницы
Онъ разогналъ ночную тьму.
И все, что̀ было тамъ таимо,
Въ грѣхѣ что̀ было свершено,
Въ ея глазахъ неумолимо
До глубины озарено.
Внезапно стала ей понятна
Неправда жизни святотатной,
Вся ложь ея порочныхъ дѣлъ—
И ужасъ ею овладѣлъ.
. . . .
И въ первый разъ, гнушаясь зла,
Она въ томъ взорѣ благодатномъ
И кару днямъ своимъ развратнымъ,
И милосердіе прочла;
И, чуя новое начало,
Еще страшась земныхъ препонъ,
Она, колебляся, стояла...
И вдругъ въ тиши раздался звонъ
Изъ рукъ упавшаго фіала,
Стѣсненной груди слышенъ стонъ,
Блѣднѣетъ грѣшница младая,
Дрожатъ открытыя уста—
И пала ницъ она, рыдая,
Передъ святынею Христа!
1858.

———

Послѣ 1865 года.

* * *

То было раннею весной...
Трава едва всходила,
Ручьи текли, не парилъ зной,
И зелень рощъ сквозила;
Труба пастушья поутру
Еще не пѣла звонко,
И въ завиткахъ еще въ бору
Былъ папоротникъ тонкій;
То было раннею весной—
Въ тѣни березъ то было,
Когда съ улыбкой предо мной
Ты очи опустила...
То на любовь мою въ отвѣтъ
Ты опустила вѣжды—
О, жизнь! о, лѣсъ! о, солнца свѣтъ!
О, юность! о, надежды!
И плакалъ я передъ тобой,
На ликъ твой глядя милый,—
То было раннею весной,
Въ тѣни березъ то было!
То было въ утро нашихъ лѣтъ—
О, счастіе! о, слезы!
О, лѣсъ! о, жизнь! о, солнца свѣтъ!
О, свѣжій духъ березы!

———

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

Довольно! Пора мнѣ забыть этотъ вздоръ!
Пора мнѣ вернуться къ разсудку!
Довольно съ тобой, какъ искусный актеръ,
Я драму разыгрывалъ въ шутку!
Расписаны были кулисы пестро,
Я такъ декламировалъ страстно,
И мантіи блескъ, и на шляпѣ перо,
И чувства—все было прекрасно.
Но вотъ, хоть ужъ сбросилъ я это тряпье,
Хоть нѣтъ театральнаго хламу,
Доселѣ болитъ еще сердце мое,
Какъ будто играю я драму!
И что́ я поддѣльною болью считалъ,
То боль оказалась живая—
О, Боже! я, раненый на-смерть, игралъ,
Гладіатора смерть представляя!

———

ИЗЪ ПОТОКА-БОГАТЫРЯ.

У Владиміра-Солнышка праздникъ идетъ,
Пированье идетъ, ликованье,
Съ молодицами гридни ведутъ хороводъ,
Гуслей звонъ и кимваловъ бряцанье;
Молодицы, что свѣтлыя звѣзды, горятъ
И, подъ топотъ подошвъ, и подъ пѣсенный ладъ,
Изгибаяся, ходятъ красиво,
Молодцы выступаютъ на-диво.
Но Потокъ-богатырь всѣхъ другихъ превзошелъ:
Взглянетъ—искрами словно обмечетъ;
Повернется направо—что сизый орелъ,
Повернется налѣво—что кречетъ;
Подвигается мѣрно и взадъ, и впередъ:
То притопнетъ ногою, то шапкой махнетъ,
То вдругъ станетъ, тряхнувши кудрями,
Пожимаетъ на мѣстѣ плечами.
И дивится Владиміръ на стройную стать,
И дивится на свѣтлое око:
— Никому, говоритъ, на Руси не плясать
Супротивъ молодого Потока!
Но ужъ поздно—встаетъ со княгинею князь.
На́ три стороны въ поясъ гостямъ поклонясь,
Всѣмъ желаетъ довольнымъ остаться—
Это значитъ: пора разставаться.
И съ поклонами гости уходятъ домой,
И Владиміръ княгиню уводитъ,
Лишь одинъ остается Потокъ молодой,
Подбочася, по прежнему ходитъ:
То притопнетъ ногою, то шапкой махнетъ,
Не замѣтилъ онъ, какъ отошелъ хороводъ,
Не слыхалъ онъ Владиміра ласку,
Продолжаетъ по прежнему пляску.
Вотъ ужъ мѣсяцъ изъ за́ лѣсу кажетъ рога,
И туманомъ подернулись балки,
Вотъ и въ ступѣ поѣхала баба-яга,
И въ Днѣпрѣ заплескались русалки;
Въ Заднѣпровскѣ послышался лѣшаго вой,
По конюшнямъ дозоромъ пошелъ домовой,
На трубѣ вѣдьма пологомъ машетъ,
А Потокъ себѣ пляшетъ да пляшетъ.
Сквозь царь-градскія окна въ хоромную сѣнь
Смотрятъ свѣтлыя звѣзды, дивяся,
Какъ по бѣлымъ стѣнамъ богатырская тѣнь
Ходитъ взадъ и впередъ, подбочася.
Передъ самой зарей утомился Потокъ,
Подъ собой уже рѣзвыхъ не чувствуетъ ногъ.
На мостницы, какъ снопъ, упадаетъ,
На полтысячи лѣтъ засыпаетъ.
Пробудился Потокъ на Москвѣ на рѣкѣ,
Предъ собой видитъ теремъ дубовый;
Подъ узорнымъ окномъ, въ закутномъ цвѣтникѣ,
Распускается розанъ махровый.
Полюбился Потоку красивый цвѣтокъ,
И понюхать его норовится Потокъ,
Какъ въ окнѣ показась царевна,
На Потока накинулась гнѣвно:
— Шерамыжникъ, болванъ, неученый холопъ!
Чтобъ тебя въ турій рогѣ искривило...
Поросенокъ, теленокъ, свинья, ѳіопъ,
Чортовъ сынъ, неумытое рыло!

только не этотъ мой дѣвичій стыдъ,
иного словца мнѣ сказать не велитъ,
ебя, прощелыгу, нахала,
не такъ бы еще обругала.—
пугался Потокъ, не на шутку струхнулъ:
скорѣй унести бы, молъ, ноги!
ругъ гремятъ тулумбасы, идетъ караулъ,
нитъ палками встрѣчныхъ съ дороги;
етъ царь на конѣ, въ зипунѣ изъ парчи,
кругомъ съ топорами идутъ палачи,
о милость сбираются тѣшить:
мъ кого-то рубить или вѣшать.
во гнѣвѣ за мечъ ухватился Потокъ:
Что за ханъ на Руси своеволитъ?—
вдругъ слышитъ слова: «То земной ѣдетъ богъ!
отецъ нашъ казнить насъ изволитъ!»
на улицѣ, сколько тамъ было толпы,
еводы, бояре, монахи, попы,
ужики, старики и старухи—
ѣ предъ нимъ повалились на брюхи.

. . . .

пытаетъ у встрѣчнаго онъ молодца:
ѣ здѣсь, дядя, сбирается вѣче?
на томъ отъ испуга не видно лица:
Чуръ меня, говоритъ, человѣче!—
пустился бѣжать отъ Потока бѣгомъ,
того-жъ голова заходила кругомъ,
ъ на землю, какъ снопъ, упадаетъ,
ѣтъ на триста еще засыпаетъ.

. . . .

обужденья его мы теперь подождемъ.
ѣ, проснувшись, увидитъ,—о томъ и споемъ;
покудова онъ не проспится,
удачу намъ пѣть не годится.

ЪЪ „РУССКОЙ ИСТОРІИ ОТЪ ГОСТОМЫСЛА".

(Поэма—шутка).

Послушайте, ребята,
Что́ вамъ разскажетъ дѣдъ.
Земля у насъ богата,
Порядка только нѣтъ.
А эту правду, дѣтки,
За тысячу ужъ лѣтъ
Смекнули наши предки:
Порядку-де, вишь, нѣтъ.
И стали всѣ подъ стягомъ
И молвятъ: „Какъ намъ быть?
„Давай, пошлемъ къ Варягамъ,
„Пускай придутъ княжить,
„Вѣдь нѣмцы тароваты,
„Имъ вѣдомъ мракъ и свѣтъ,
„Земля-жъ у насъ богата,
„Порядка въ ней лишь нѣтъ".

Посланцы скорымъ шагомъ
Отправились туда
И говорятъ Варягамъ:
„Придите, господа!
„Мы вамъ отсыплемъ злата,
„Что кіевскихъ конфетъ;
„Земля у насъ богата,
„Порядка въ ней лишь нѣтъ".
Варягамъ стало жутко:
— Ну, думаютъ, что-жъ тутъ?
Попытка вѣдь не шутка—
Пойдемъ, когда зовутъ!—
И вотъ пришли три брата,
Варяги среднихъ лѣтъ,
Глядятъ: земля богата,
Порядка—вовсе нѣтъ.
— Ну, думаетъ команда,
Здѣсь ногу сломитъ чортъ,
Es ist ja eine Schande,
Wir müssen wieder fort *).
Но братецъ старшій Рюрикъ—
„Постой, сказалъ другимъ:
Fortgehen ungebürlich,
Vielleicht ist nicht so shlimm **).
Хоть вшивая команда—
Почти одна лишь шваль,
Wir bringen's schon zum Stange,
Versuchen wir einmal" *).
И сталъ княжить онъ сильно;
Княжилъ семнадцать лѣтъ;
Земля была обильна,
Порядка-жъ нѣтъ, какъ нѣтъ!
За нимъ княжилъ князь Игорь,
А правилъ имъ Олегъ:
Es war ein grosser Krieger **)
И умный человѣкъ.
Потомъ княгиня Ольга,
А послѣ Святославъ—
So ging die Reienfolge ***)
Языческихъ державъ.
Когда взошелъ Владиміръ
На свой отцовскій тронъ—
Da endigte fur immer
Dia alte Religion. ****)
Онъ вдругъ сказалъ народу:
«Вѣдь наши боги—дрянь,
Пойдемъ креститься въ воду!»
И сдѣлалъ тамъ Іордань.

---

*) Вѣдь это позоръ, намъ нужно убраться во-свояси.
**) Не благородно убѣгать: можетъ быть, дѣло еще не такъ плохо.
*) Попытаемся еще разъ завести порядокъ.
**) Онъ былъ большой вояка.
***) Таковъ былъ порядокъ наслѣдія.
****) Тутъ навсегда кончилась старая религія.

«Перунъ ужъ очень гадокъ!
Когда его спихнемъ,
Увидите, порядокъ
Какой мы заведемъ!»
Послалъ онъ за попами
Въ Аѳины и Царьградъ:
Попы пришли толпами,
Крестятся и кадятъ,
Поютъ себѣ умильно
И помнятъ свой кисетъ;
Земля, какъ есть, обильна,
Порядка только нѣтъ.
Умре Владиміръ съ горя,
Порядка не создавъ.
За нимъ княжить сталъ вскорѣ
Великій Ярославъ.
Оно, пожалуй, съ этимъ
Порядокъ бы и былъ;
Но изъ любви онъ къ дѣтямъ
Всю землю раздѣлилъ.
Плоха была услуга,
А дѣти, видя то,
Давай тузить другъ друга:
Кто какъ и чѣмъ во что!
Узнавши то, Татары—
«Ну, думаютъ, не трусь!»
Надѣли шаровары,
Пріѣхали на Русь.
«Отъ вашего, молъ, спора
Земля пошла вверхъ дномъ,
Постойте-жъ, мы вамъ скоро
Порядокъ заведемъ».
Кричатъ: «Давайте дани!»
(Хоть вонъ святыхъ неси)..
Тутъ много всякой дряни
Настало на Руси.
Что день, то братъ на брата
Въ орду несетъ извѣтъ;
Земля, кажись, богата—
Порядка-жъ просто нѣтъ.
Иванъ явился Третій;
Онъ говоритъ: «Шалишь!
Ужъ мы теперь не дѣти!»
Послалъ Татарамъ *шишъ*.
И вотъ, земля свободна
Отъ всякихъ золъ и бѣдъ
И очень хлѣбородна,
А все-жъ порядка нѣтъ.
Насталъ Иванъ Четвертый,
Онъ третьему былъ внукъ;
Калачъ на царство тертый
И многихъ женъ супругъ.
Иванъ Васильичъ Грозный—
Народъ его нарекъ
За то, что былъ сурьезный,
Солидный человѣкъ.
Пріемами не сладокъ,
Но разумомъ не хромъ:
Такой завелъ порядокъ—
Хоть покати шаромъ!
Жить можно бы безпечно
При этакомъ царѣ;
Но, ахъ! ничто не вѣчно—
И царь Иванъ помре.
За нимъ царить сталъ Ѳедоръ,
Отцу живой контрастъ:
Былъ разумомъ не бодеръ,
Трезвонить былъ гораздъ.
Борисъ же, царскій шуринъ,
Не въ шутку былъ уменъ,
Брюнетъ, лицомъ не дуренъ,
И сѣлъ на царскій тронъ.
При немъ пошло все гладко,
Не стало прежнихъ золъ,
Чуть-чуть было порядка
Въ странѣ онъ не завелъ.
Къ несчастью, самозванецъ,
Откуда ни возьмись,
Такой задалъ намъ танецъ,
Что умеръ царь Борисъ.
И, на Бориса мѣсто
Взобравшись, сей нахалъ
Отъ радости съ невѣстой
Ногами заболталъ.
Хоть былъ онъ парень бравый
И даже не дуракъ,
Но подъ его державой
Сталъ бунтовать полякъ.
И то намъ не по сердцу;
И вотъ, однажды въ ночь
Мы задали имъ перцу
И всѣхъ прогнали прочь.
Взошелъ на тронъ Василій,
Но вскорѣ, всей землей,
Его мы попросили,
Чтобъ онъ сошелъ долой.
Вернулися поляки
Казаковъ привели;
Пошелъ сумбуръ и драки:
Поляки и казаки,
Казаки и поляки
Насъ паки бьютъ и паки;
Мы-жъ безъ царя, какъ раки,
Горюемъ на мели.
Прямыя были страсти,—
Порядка-жъ ни на грошъ.
Извѣстно, что безъ власти
Далеко не уйдешь.
Чтобъ тронъ поправить царскій
И вновь царя избрать,

Тутъ Мининъ и Пожарскій
Скорѣй собрали рать.
И выгнала ихъ сила
Поляковъ снова вонъ,
Земля же Михаила
Взвела на русскій тронъ.
Варшава намъ и Вильна
Прислали свой привѣтъ;
Земля была обильна—
Порядка-жъ нѣтъ, какъ нѣтъ.
Сѣлъ Алексѣй на царство,
И онъ роди Петра.
Пришла для государства
Тутъ новая пора.
Царь Петръ любилъ порядокъ
Почти какъ царь Иванъ,
И такъ же былъ онъ сладокъ...
Порой бывалъ и пьянъ.
Онъ молвилъ: «Мнѣ васъ жалко,
Вы сгинете въ конецъ;
Но у меня есть палка,
И я вамъ всѣмъ отецъ!..
Не далѣе какъ къ святкамъ
Я вамъ порядокъ дамъ!»
И тотчасъ за порядкомъ
Уѣхалъ въ Амстердамъ.
Вернувшися оттуда,
Онъ гладко насъ обрилъ,
А къ святкамъ такъ, что чудо,
Въ голландцевъ нарядилъ.
Но это, впрочемъ въ шутку,
Петра я не виню:
Больному дать желудку
Полезно ревеню.
Хотя силенъ ужъ очень
Былъ, можетъ быть, пріемъ;
А все-жъ довольно проченъ
Порядокъ былъ при немъ.
Но сонъ объялъ могильный
Петра во цвѣтѣ лѣтъ;
Глядятъ—земля обильна,
Порядка-жъ снова нѣтъ.
Тутъ, слабо или строго,
Царило много лицъ,—
Царей не слишкомъ много,
А болѣе царицъ.
...Веселая царица
Была Елизаветъ:
Поетъ и веселится,
Порядка-жъ вовсе нѣтъ!
...Какая тутъ причина
И гдѣ же корень зла,
Сама Екатерина
Постигнуть не могла.
«Madame! При васъ на диво
Порядокъ процвѣтетъ»,—
Писали ей учтиво
Вольтеръ и Дидеротъ:
«Лишь надобно народу,
Которому вы мать,
Скорѣе дать свободу,
Скорѣй свободу дать!»
Она имъ возразила:
«Messieurs, vous me comblez!»
И тотчасъ прикрѣпила
Украинцевъ къ землѣ.
За ней царить сталъ Павелъ,
Мальтійскій кавалеръ,
Но не совсѣмъ онъ правилъ
На рыцарскій манеръ.
Царь Александеръ первый
Насталъ ему взамѣнъ;
Въ немъ слабы были нервы,
Но былъ онъ джентльменъ.
Когда на насъ въ азартѣ
Стотысячную рать
Надвинулъ Бонапарте,—
Онъ началъ отступать.
Казалося—ну, ниже
Нельзя сидѣть въ дырѣ,
Анъ, глядь: ужъ, мы въ Парижѣ,
Si Louis le désirait.
Въ то время очень сильно
Расцвѣлъ Россіи цвѣтъ,
Земля была обильна,
Порядка-жъ... нѣтъ, какъ нѣтъ!
...Ходить бываетъ склизко
По камешкамъ инымъ,—
Итакъ, о томъ, что́ близко,
Мы лучше умолчимъ.
...Что́ азъ же, многогрѣшный,
На бренныхъ сихъ листахъ
Не дописахъ поспѣшно
Или переписахъ,
То спереди, то сзади
Читая во всѣ дни,
Поправь ты, правды ради,
Писанья-жъ не кляни.
Составилъ отъ былинокъ
Разсказъ намудрый сей
Худый, смиренный инокъ,
Рабъ Божій Алексѣй.

1868.

XLV.

Николай Өедоровичъ Щербина.

1821 — 1869.

Только въ пятидесятыхъ годахъ Щербина пріобрѣлъ извѣстность книжкой своихъ „Греческихъ стихотвореній“, но лучшія изъ этихъ стихотвореній (напр., „Эллада“) были напечатаны еще въ журналахъ начала сороковыхъ годовъ, гдѣ прошли не замѣченными.

Нельзя отрицать пластическаго изящества многихъ стихотвореній Щербины; но, въ общемъ, поэзія его—растеніе экзотическое, искусственное. Объ этомъ поэтѣ еще справедливѣе, чѣмъ о Батюшковѣ, писавшемъ значительно раньше, можно сказать, что своимъ эллинскимъ культомъ физическаго наслажденія, совершенно чуждымъ идеалистическому духу русской литературы, онъ нерѣдко внушаетъ отвращеніе. Мы не можемъ забыть, что передъ нами не древній грекъ съ его наивной, цѣльной, непосредственно чувствовавшей душой, а—современный поэтъ, силящійся поддѣлаться подъ классическую наивность...

МИГЪ.

Чудный былъ вечеръ весенній. Ужъ солнце въ [волнахъ потонуло,
Искрились тихія волны, и западъ въ послѣднемъ [сіяньи
Медленно гаснулъ надъ ними, и Гесперъ ужъ теп- [лился ярко...
Робкой стопой среброногая дѣва Селена изъ тучи
Въ темнолазурное поле небесъ выходила.
Все было тихо, прохладно, темно и прозрачно [подъ небомъ;
Небо съ землей и душой человѣка дышало одною
Сладкой гармоніей, будто бы звучною грудью одною.
Счастливы мы, что живемъ, что родились, друзья- [человѣки!
Горе не жившимъ, и горе отжившимъ!

ЮЖНАЯ НОЧЬ.

На раздольи небесъ свѣтитъ ярко луна,
И листки серебрятся оливъ;
Дикой воли полна,
Заходила волна,
Жемчугомъ убирая заливъ.
Эта чудная ночь и темна, и свѣтла,
И огонь разливаетъ въ крови;
Я мастику зажгла,
Я цвѣтовъ нарвала—
Поспѣшай на свиданье любви!..
Эта ночь пролетитъ, и замолкнетъ волна
При сіяньи безстрастнаго дня,
И, заботой полна,
Буду я холодна:
Ты тогда не узнаешь меня!..

ЭЛЛАДА.

Окружена широкими морями,
Въ тѣни оливъ покоится она,
Развалина, покрытая гробами,
Въ ничтожествѣ великая страна.
Я съ корабля сошелъ при блескѣ ночи,
При ропотѣ таинственномъ валовъ...
Горѣла грудь, въ слезахъ кипѣли очи:
Я чувствовалъ присутствіе боговъ...
И видѣлъ я—усыпанный цвѣтами,
Рельефами покрытый саркофагъ:
Въ нихъ граціи поникли головами,
И Аполлонъ, и вѣчно юный Вакхъ;
А въ гробѣ томъ красавица лежала,—
Нетлѣнная, печальна, но ясна...
Казалося, она не умирала,
Казалося, безсмертной рождена.
И пѣснь ея носилась надъ могилой,
Когда уже замолкнули уста;
И все вокругъ собой животворила
Усопшая во гробѣ Красота.

КУПАНЬЕ.

Вечеромъ яснымъ она у потока стояла,
Моя прозрачныя ножки во влагѣ жемчужной;
Струйка воды ихъ съ любовью собой обвивала,
Тихо шипѣла и брызгала пѣной воздушной...
Кто-бъ любовался красавицей этой порою,
Какъ надъ потокомъ она, будто лотосъ, склонилась,
Змѣйкою станъ изогнула и бѣлой ногою
Стала на черный обрывистый камень и мылась,
Грудь наклонивши надъ зыбью зеркальной потока;
Кто-бъ посмотрѣлъ на нее, облитую лучами,
Или увидѣлъ, какъ страстно, привольно, широко
Прядали волны на грудь ей толпами
И, какъ о мраморъ кристалъ, разбивались, блѣднѣя:
Тотъ пожелалъ бы, клянусь я, чтобъ въ это мгно-
[венье
Въ мраморъ она превратилась, какъ мать-Ніобея,
Вѣчно-бъ здѣсь мылась, грядущимъ вѣкамъ въ
[наслажденье!

———

XLVI.

Левъ Александровичъ Мей.

1822 — 1862.

Красивый талантъ чисто-внѣшняго характера, безъ самостоятельнаго внутренняго содержанія. Вполнѣ характеризуетъ Мея лучшее его стихотвореніе „Отойди отъ меня, сатана“: драматическая сторона сюжета оставлена здѣсь совершенно въ сторонѣ; въ поэмѣ нѣтъ никакой психологіи, — одни блестящія описанія разныхъ странъ, показаныхъ Христу искушавшимъ его дьяволомъ. Особенное пристрастіе питалъ Мей къ „народному“ стилю, но и стихотворенія этого рода бьютъ въ большинствѣ на внѣшній эффектъ и отличаются придуманно-красивымъ языкомъ.

Вообще, не имѣя въ душѣ опредѣленнаго содержанія, Мей пустилъ по вѣтру свой незаурядный поэтическій талантъ; въ качествѣ переводчика онъ тоже не умѣлъ привязаться къ одному какому-либо поэту, а переводилъ всѣхъ съ безразличнымъ усердіемъ.

„ОТОЙДИ ОТЪ МЕНЯ, САТАНА“.

На горѣ первозданной стояли Они,
И надъ Ними кругомъ разлилися
Океаномъ лазурныя выси,
А подъ Ними земля—вся въ туманѣ, въ тѣни.
И Одинъ былъ блистательнѣй неба:
Благодать изливалась изъ кроткихъ очей,
И сіялъ надъ главою вѣнецъ изъ лучей,
А другой былъ мрачнѣе эреба.
Изъ глубокихъ зѣницъ вылетали огни,
На челѣ его злоба пылала,
И подъ нимъ вся гора трепетала.
И сказалъ сатана Іисусу: „Взгляни!
Отъ заката свѣтилъ до востока,
Землю всю, во мгновеніе ока,
Покажу я Тебѣ . . . “
И десницу простеръ.
Прояснилася даль . . . . Изъ тумана
Засинѣлася зыбь океана,
Поднялися громады маститыя горъ,
И земли необъятной равнина,
Вся въ свѣту и въ тѣни, подъ небеснымъ шатромъ
Разостлалася круглымъ, цвѣтистымъ ковромъ.
Каменистая степь . . . . Палестина . . . .
Вотъ сѣдой Араратъ; вотъ угрюмый Синай;
Почернѣлые кедры Ливана;
Серебристая нить Іордана;
И десницей карающей выжженный край
И возлюбленный градъ Саваоѳа:
Здѣсь Сіонъ въ тощей зелени мáслинъ, а тамъ—
Купы низкихъ домовъ съ плоской кровлею, храмъ,
Мѣсто казней свирѣпыхъ—Голгоѳа.
Къ югу—степь безъ границъ. Перекатной волной
Ураганы песокъ поднимаютъ,
А на немъ оазисы мелькаютъ,
Какъ зеленый узоръ на парчѣ золотой.
Красной пылью одѣты, деревья
Клонятъ книзу вершины подъ гнетомъ плода;
Разбрелись табуны кобылицъ и стада
Вкругъ убогихъ наметовъ кочевья;

гловицыхъ наѣздниковъ рыщутъ толпы;
ухъ пламенемъ въ-встрѣчу имъ пышетъ,
о воздуху марево пишетъ
ы, башни, палаты, мосты и столпы.
ю . . . .
Сѣрой, гремучей змѣею,
онечныя кольца влача черезъ илъ,
ростникахъ густолиственныхъ тянется Нилъ;
да многочленной семьею
лися на злачныхъ его берегахъ;
нутъ синія воды Мерида;
мида, еще пирамида,
це, и еще,—на широкихъ стопахъ—
ршись, поднялися высоко;
исковъ идетъ непрерывная цѣпь;
югрудые сфинксы раскинулись, въ степь
емляя гранитное око . . . .
о . . . .
дъ и Гангéсъ, среброводной четой,
ъ волны въ далекое море:
вые лѣса на просторѣ
слися вездѣ непроглядной стѣной;
кой сѣтью заткали ліаны
просвѣты съ верхушекъ деревъ до корней;
гаи порхаютъ; съ тяжелыхъ вѣтвей
згомъ прыгаютъ внизъ обезьяны;
атую матку тигренокъ сосетъ;
ехъ носится яркая стая;
рожно сучки раздвигая,
ъ тяжелою поступью мѣрно бредетъ;
юзрахъ изъ цвѣтовъ и изъ ягодъ
нѣжатся, свившись упругимъ кольцомъ,
квозь темную зелень, зубчатымъ вѣнцомъ
игаются куполы пагодъ.
нависшимъ ихъ сводомъ, во мракѣ блеститъ
рагоцѣнныхъ каменьяхъ божница;
бразныя идоловъ лица
священной лампады слегка золотитъ;
ъ богами жрецы-изувѣры,
лоняся во прахъ, благовонія жгутъ,
неистовой пляскѣ кружася, поютъ
молитвенный гимнъ баядеры.
о . . . .
веръ . . . . Теряясь въ безвѣстной дали,
тались широко поляны;
ой шапкой нависли туманы
челомъ побѣлѣлымъ холодной земли.
ръ тѣшитъ пытливые взоры:
ъ да снѣгъ, все одинъ вѣчно-дѣвственный [снѣгъ,
зоры лиловые скованныхъ рѣкъ,
сновые темные боры.
ръ спитъ: усыпилъ его крѣпкій морозъ,
ла сѣдая подруга,
ала буйная вьюга . . . .

Не проснется во вѣкъ задремавшій колоссъ?
Или къ небу отчизны морозной
Приподниметъ главу, отягченную сномъ,
Зорко глянетъ очами во мракѣ ночномъ
И воспрянетъ громадою грозной?
Онъ воспрянетъ и, долгій нарушивши миръ,
Глыбы снѣга свои вѣковыя
И оковы свои ледяныя
Съ мощныхъ плечъ отряхнетъ на испуганный міръ.
Мимо . . . .
Словно младая наяда,
Въ свѣтлоструйномъ хитонѣ, съ вѣнчанной главой,
Изъ подводныхъ чертоговъ, изъ бездны морской,
Выплываетъ небрежно Эллада.
Прорѣзные ряды величавыхъ холмовъ,
Острова, голубые заливы,
Виноградники, спѣлыя нивы,
Сладкозвучная сѣнь кипарисныхъ лѣсовъ,
Рощей пальмовыхъ темные своды—
Созданы для любви, наслажденій и нѣгъ.
Чудесами искусствъ увѣнчалъ человѣкъ
Вѣковѣчныя дива природы:
Вдохновеннымъ напѣвамъ слѣпого пѣвца
Вторятъ струны чарующей лиры;
Въ красотѣ первобытной кумиры
Возникаютъ подъ творческимъ взмахомъ рѣзца:
Взоръ дивятъ восковыя картины
Смѣлымъ очеркомъ лицъ, сочетаньемъ цвѣтовъ;
Горделивой красой храмовъ, стѣнъ и домовъ
Спорятъ Ѳивы, Коринѳъ и Аѳины.
Мимо . . . .
Римъ. Семихолмный, раскидистый Римъ
Со своей нерушимой стѣною,
Со своею Тарпейской скалою,
Съ Капитоліемъ, съ пѣнистымъ Тибромъ своимъ.
Груды зданій надъ грудами зданій:
Термы, портики, кровли домовъ и палатъ,
Тріумфальныя арки, дворцы и сенатъ—
Въ коронадахъ нагихъ изваяній
И въ тройномъ ожерельи гранитныхъ столповъ.
Вдоль по стогнамъ всесвѣтной столицы
Скачутъ кони, гремятъ колесницы,
И, блестя подвижной чешуею щитовъ,
За когортой проходитъ когорта.
Мачты стройныхъ галеръ поднялись, какъ лѣса,
И, какъ чайки, трепещутъ крыломъ паруса
На зыбяхъ отдаленнаго порта.
Форумъ стелется пестрою массой головъ;
Въ циркѣ зрителей тѣсныя группы
Обнизали крутые уступы;
Слышенъ смѣшанный говоръ и гулъ голосовъ:
Обитателей Рима арена
Созвала на позорище смертной борьбы.—
Здѣсь съ рабами сразятся другіе рабы,
Въ искупленье позорнаго плѣна;

Здѣсь боецъ-побѣдитель, слабѣя отъ ранъ,
Юной жизнью заплатитъ народу
За лавровый вѣнокъ и свободу;
Здѣсь при радостныхъ кликахъ суровыхъ гражданъ,
Возрощенцевъ желѣзнаго вѣка,
Подъ вестальскою ложей отворится дверь,
На арену ворвется некормленный звѣрь
И въ куски изорветъ человѣка.
Мимо . . . .
Полной кошницею свѣжихъ цвѣтовъ,
На лазурныхъ волнахъ Тирринеи
Поднимаются скалы Капреи.
. . . .
Въ темныхъ нишахъ, подъ вязами лилій и розъ,
Передъ мраморнымъ входомъ въ чертоги,
На сторо́жѣ—хранители-боги
И трехглавый, изъ золота вылитый песъ.
Купы миртъ, и оливъ, и алоэ
Водометы жемчужною пылью кропятъ . . . .
Скоморохи въ личинахъ наполнили садъ,
Какъ собраніе статуй живое:
Подъ кустомъ отдыхаетъ сатиръ-паразитъ,
У фонтана гетэра-наяда,
И нагая плясунья-дріада
Сквозь зеленыя вѣтви лукаво глядитъ.
Вкругъ чертоговъ хвалебныя оды
Воспѣваетъ согласный, невидимый клиръ,
Призывая съ небесъ благоденственный миръ
На текущіе Кесаря годы,
Прорицая безсмертье ему впереди.
И подъ стройные клирные звуки,
Опершись на изсохшія руки,
Старецъ, въ пурпурной тогѣ, съ змѣей на груди,
Среди сонма Лаисъ и Глицерій,
Задремалъ на одрѣ золотомъ . . . . Это самъ
Сопрестольный, соравный безсмертнымъ богамъ,
Властелинъ полусвѣта—Тиверій.
— „Падши ницъ, поклонись —и отдамъ все сполна
Я тебѣ . . . . " говоритъ Искуситель.
Отвѣщаетъ Небесный Учитель:
— „Отойди, отойди отъ меня, Сатана!"

СЛѢПОРОЖДЕННЫЙ.

... Пустыня... знойные пески...
На сѣверъ—голыхъ скалъ уступы;
На югъ—излучины рѣки
И пальмъ развѣсистыя купы;
На западъ—моря полоса,
А на востокъ, за далью синей,
Слились съ пустыней небеса—
Другой безбрежною пустыней...
Кой-гдѣ, межъ скалъ, на днѣ долинъ,
Сѣрѣютъ, въ лиственномъ навѣсѣ
Смоковницъ, нардовъ и маслинъ,
Евреевъ пастырскія веси,
И зданья бѣдныхъ городовъ
Прилипли къ кручѣ обнаженной,
Какъ гнѣзда пыльныя орловъ...
Истоменъ воздухъ воспаленный:
Земля безтѣнна; тишина
Пески сыпучіе объемлетъ:
Природа, будто бы, больна
И въ забытьи тяжеломъ дремлетъ,
И каждый образъ, и предметъ,
И каждый звукъ—какой-то бредъ.
Порой, далеко, точкой черной,
Газель иль страусъ, иль верблюдъ
Мелькнутъ на мигъ—и пропадутъ;
Порой, волна рѣки нагорной
Простонетъ въ чащѣ тростника,
Иль долетитъ издалека
Рыканіе голодной львицы,
Иль рѣзкій клёкотъ хищной птицы
Пронижетъ воздухъ съ вышины—
И снова все мертво́ и глухо...
Слабѣетъ взоръ, тупѣетъ ухо
Отъ безпредметной тишины...
Зачѣмъ къ поморью Галилеи,
По лону жгучему песковъ
Изъ горныхъ селъ и городовъ
Толпами сходятся евреи?
Пастухъ, рыбакъ и селянинъ,
И рабъ, и мытарь, и раввинъ,
И мать съ младенцемъ, и вдовица,
И роза горъ—отроковица,
И смолекудрая жена
Спѣшатъ пустынною дорогой...
Одѣтый ризою убогой,
Въ новоѣ грубомъ полотна,
Идетъ слѣпецъ съ толпой народа,
Усталый, блѣдный и худой,
Изнеможённый нищетой.
Онъ—виѳсаидецъ. Мать-природа
Ему злой мачихой была
И—на страданье обрекла,
Безъ облегченья, безъ прощенья:
Онъ слѣпъ отъ самаго рожденья.—
Ростя бездомнымъ сиротой,
Въ пыли, въ пескѣ степной дороги,
Иль у порога синагоги,
На знойныхъ плитахъ мостовой,
Онъ испыталъ, по волѣ Неба,
Всю горечь нищенскаго хлѣба,
Извѣдалъ съ болью, какъ тяжка
Благодающая рука...
. . . .
. . . . . Слѣпыя очи
Покрыты мракомъ вѣчной ночи,—

ркій день, и небеса,
ышноцвѣтная краса
ной полуденной природы—
а, пустыня, горы, воды,—
красота самихъ людей,
отчій кровъ и кругъ друзей,
манье, ласки и участье,
бовь и радости и счастье—
непонятныя слова
слѣпоты и сиротства!
Въ грѣхахъ рожденный, наслажденья
кать и жаждать ты не смѣй:
—сынъ печали и скорбей,
проклятъ въ самый день рожденья,
утробѣ матери своей!
Теперь пустыню пробѣгаетъ
ъ за толпою, изнуренъ,
худъ, и блѣденъ, и согбенъ.
чемъ идетъ—и самъ не знаетъ:
шла толпа—пошелъ и онъ...
росить не смѣлъ: на немъ сызмладу—
итъ молчанія искусъ:
слышалъ онъ—въ Тиверіаду
плылъ недавно Іисусъ
ъ Назарета... Поучаетъ
Богѣ истинномъ народъ;
овъ молитвой изгоняетъ;
ужнымъ помощь подаетъ
прокаженныхъ очищаетъ.
ѣмъ-то на́ берегъ морской,
жами знойными угорья,
реи сходятся толпой.
пецъ любилъ холмы поморья...
ъ на поляхъ растетъ трава,
жій цвѣты благоухаютъ,
надъ землею дерева́
метъ тѣнистый разбиваютъ...
жизнь слышна: свои стада
а охотно пастырь гонитъ,
не смолкая никогда,
ъ море плещется и стонетъ...
тревожный, дикій стонъ
шнѣй, слышнѣе... понемногу
окъ мелѣетъ... Слава Богу,—
вецъ пути!—и конченъ онъ...
ъ сѣнью пальмоваго свода,
траву, на мягкій одръ земли,
пецъ и спутники легли...
кое множество народа!
ъ голосовъ растетъ, растетъ
аглушаетъ постепенно
ообразный говоръ водъ...
вдругъ все смолкнуло мгновенно,
умный берегъ онѣмѣлъ...
Узрѣвъ народъ, Учитель сѣлъ
На холмъ, возвышенный средь поля.
По манію Его руки,
Къ нему сошлись ученики,
И онъ отверзъ уста, глаголя...
Не передать словамъ людей
Его божественныхъ рѣчей.
. . . .
Онъ поучалъ—не избирать
Путей широкихъ, вратъ пространныхъ,
Вводящихъ въ пагубу,—входить
Въ сѣнь жизни узкими вратами
И трудно-тѣсными путями,
Не осуждать, благотворить,
Радѣть о скорбныхъ, неимущихъ,
Благословлять враговъ клянущихъ
И ненавидящихъ любить.
Умолкъ божественный Учитель...
И вотъ, снѣдаемый стыдомъ,
Раввинъ, законовъ охранитель,
Поникъ зардѣвшимся челомъ;
Смутился книжникъ; фарисеи
Повоевъ сдѣлались бѣлѣе,
И жадный мытарь волоса
Рветъ на себѣ, и, не дерзая
Поднять свой взоръ на небеса,
Рыдаетъ грѣшница младая...
Что́ чувствовалъ слѣпецъ,—въ словахъ
Не можетъ быть изобразимо...
Когда же шелъ Учитель мимо,
Слѣпецъ упалъ предъ Нимъ во прахъ,
И, вдохновенный высшей силой,
Воскликнулъ съ вѣрою: „Равви,
Спаси страдальца и помилуй,
Во имя Бога и Любви!“
Безумецъ! слыхано ль отъ вѣка,
Чтобъ кто слѣпого человѣка
Могъ исцѣлить отъ слѣпоты?
Но вѣра малыхъ—ихъ спаситель...
И подошелъ къ нему Учитель...
И непорочные персты,
Во имя Господа живого,
Въ очахъ безжизненныхъ слѣпого
Свѣтильникъ зрѣнія зажгли,—
И онъ, какъ первый сынъ земли,
Исполненъ радости и страха,
Возсталъ изъ тлѣнія и праха,
Съ печатью свѣта на челѣ,
И—поелику вѣрилъ много—
Узрѣлъ въ предвѣчной славѣ Бога—
На небесахъ... и на землѣ.

ИЗЪ ЕВРЕЙСКИХЪ МЕЛОДІЙ.

— Сплю, но сердце мое чуткое не спитъ...
За дверями голосъ милаго звучитъ:

— „Отвори, моя невѣста, отвори!
Догорѣло пламя алое зари;
Надъ лугами, надъ шелко́выми
Бродитъ бѣлая роса
И слезинками перловыми
Мнѣ смочила волоса;
Сходитъ съ неба ночь прохладная—
Отвори мнѣ, ненаглядная!"
— Я одежды легкотканныя сняла,
Я омыла мои ноги и легла;
Я на ложѣ цѣпенѣю и горю—
Какъ я встану, какъ я двери отворю?—
Милый въ дверь мою кедровую
Стукнулъ смѣлою рукой:
Всколыхнуло грудь пуховую
Перекатною волной,
И, полна желанья знойнаго,
Встала съ ложа я покойнаго.
Съ смуглыхъ плечъ моихъ покровъ ночной скользитъ,
Жжетъ нога моя холодный мраморъ плитъ,
Съ черныхъ косъ моихъ струится ароматъ;
На рукахъ запястья цѣнныя бренчатъ.
Отперла я дверь докучную:
Статный юноша вошелъ
И со мною сладкозвучную
Потихоньку рѣчь повелъ...
И слилась я съ рѣчью нѣжною
Всей душой моей мятежною!

———

ХОЗЯИНЪ.

Въ низенькой свѣтелкѣ, съ створчатымъ окномъ,
Свѣтится лампадка въ сумракѣ ночномъ:
Слабый огонечекъ то совсѣмъ замретъ,
То дрожащимъ свѣтомъ стѣны обольетъ.
Новая свѣтелка чисто прибрана:
Въ темнотѣ бѣлѣетъ занавѣсъ окна;
Полъ обструганъ гладко, ровенъ потолокъ;
Печка развальная стала въ уголокъ.
По стѣнамъ—укладки съ дѣдовскимъ добромъ,
Узкая скамейка, крытая ковромъ,
Крашеныя пяльцы съ стуломъ раздвижнымъ
И кровать рѣзная съ пологомъ цвѣтнымъ.
На кровати крѣпко спитъ сѣдой старикъ:
Видно, пересыпанъ хмѣлемъ пуховикъ!
Крѣпко спитъ—не слышитъ хмѣльный старина,
Что во снѣ лепечетъ по́дъ ухомъ жена.
Душно ей, неловко возлѣ старика:
Свѣсилась съ кровати полная рука;
Губы раскраснѣлись, словно корольки,
Кинули рѣсницы тѣнь на полщеки;
Одѣяло сбито, свернуто въ комокъ
Съ головы скатился шелковый платокъ;
На груди сорочка ходитъ ходенёмъ,
И коса сползаетъ по плечу ужомъ.
А за печкой кто-то нехотя ворчитъ:
Знать, другой хозяинъ по ночамъ не спитъ!
На мужа съ женою смотритъ домовой
И качаетъ тихо дряхлой головой:
-- „Сладко имъ соснулось: полночь на дворѣ...
Жучка призатихла въ темной конурѣ;
Обошелъ обычнымъ я дозоромъ домъ—
Весело хозяить въ домикѣ такомъ:
Погреба набиты, закрома полны,
И на сѣновалѣ сѣна съ три копны.
Отъ конюшни кучки снѣга отгребешь,
Корму дашь лошадкамъ, гривы заплетешь,
Сходишь въ кладовыя, отомкнешь замки—
Клади дорогія ломятъ сундуки.
Все бы было ладно, все мнѣ понугру...
Только вотъ хозяйка намъ не ко двору:
Больно черноброва, больно молода,—
На сердцѣ тревога, въ головѣ—бѣда!
Кровь-то́ говорлива, грудь-то высока...
Мигомъ одурачитъ мужа-старика...
Знать, и домовому не сплести порой
Бороду сѣдую съ черною косой!
При людяхъ смѣется, а—глядишь—тайкомъ
Плачетъ, да вздыхаетъ, знаю я—по комъ!
Погоди-жъ, я съ нею шуточку сшучу
И отъ черной думы разомъ отучу:
Только обоймется съ грезой горячо,
Я тотчасъ голубкѣ лапу на плечо,
За косу поймаю, сдерну простыню—
Волей, аль неволей грезу отгоню...
Этимъ не проймется,—пропадай она,
Баба-переметка, мужняя жена!
Всей косматой грудью лягу ей на грудь
И не дамъ ни разу наливной вздохнуть,
Защемлю ей сердце въ крѣпкіе тиски:
Скажутъ, что зачахла съ горя да тоски...

———

РУСАЛКА.

Мечется и плачетъ, какъ дитя больное
Въ неспокойной люлькѣ, озеро лѣсное...
Тучей потемнѣло; брызжетъ мелкой зернью—
Такъ и отливаетъ серебромъ да чернью.
Вѣтеръ по дубровѣ сѣрымъ волкомъ рыщетъ;
Молнія на землю жгучимъ ливнемъ прыщетъ;
И на голосъ бури, побросавши прялки,
Вынырнули со дна рѣзвыя русалки...
Любо некрещенымъ въ бурю-непогоду
Кипятить и пѣнить жаркой грудью воду.
Любо имъ за вихремъ перелетнымъ гнаться,
Громкимъ смѣхомъ звонко съ громомъ окликаться;
Волны имъ щекочутъ плечи наливныя.

шутъ бѣлымъ гребнемъ косы разсыпныя;
сточки быстрѣе, легче пѣны зыбкой,
ки ихъ мелькаютъ бѣлобокой рыбкой;
онькомъ подъ пепломъ щеки половѣютъ;
кимъ изумрудомъ очи зеленѣютъ.
ещутся русалки, мчатся вперегонку,
одна отстала—отплыла въ сторонку...
берегу доплыла, на берегъ выходитъ,
ѣдными руками ивняки разводитъ;
итаилась въ листвѣ на прибрежьи черномъ,
овно бѣлый лебедь въ тростникѣ озерномъ...
тъ ужъ понемногу непогодь стихаетъ;
теръ съ листьевъ воду вѣникомъ сметаетъ;
чки разлетѣлись, словно птицы въ гнѣзды;
серомъ перловымъ высыпали звѣзды;
ѣсяцъ двоерогій съ неба голубого
свѣтилъ отломкомъ перстня золотого...
переливаясь межъ густой осокой,
водѣ несется благовѣстъ далекій...
дится храмъ Божій, пѣснь слышна святая—
сама-собою крестъ творитъ десная...
въ душѣ русалки всенощные звуки
обудили много и тоски, и муки,
юго шевельнули страсти пережитой,
скресили много были позабытой.
тъ въ селѣ родимомъ крайняя избушка;
въ избушкѣ съ дочкой нянчится старушка:
режетъ и холитъ, по головкѣ гладитъ,
шитъ лентой алой, въ пестрый ситецъ рядитъ.
Да и вышла-жъ дѣвка при такомъ уходѣ:
Нѣтъ ея красивѣй въ цѣломъ хороводѣ...
Вотъ и боръ сосѣдній—тамъ грибовъ да ягодъ
За одну недѣлю наберешься на годъ;
А начнутъ, подъ осень, грызть орѣхи бѣлки—
Сыпь орѣхъ въ лукошки:—близко посидѣлки.
Тутъ-то погуляютъ парни удалые,
Тутъ-то насмѣются дѣвки молодыя!..
Дочь въ гостяхъ за прялкой пѣсни распѣваетъ,
А старуха дома ждетъ да поджидаетъ;
Огоньку добыла—на дворѣ ужъ ночка—
Долго засидѣлась у сосѣдей дочка...
Оттого и долго: парень приглянулся
И лихой бѣдою къ дѣвкѣ подвернулся;
А съ бѣдою рядомъ ходитъ грѣхъ незванный:
Полюбился парень дѣвкѣ безталанной,
Такъ ей полюбился, словно душу вынулъ,
Да и насмѣялся—разлюбилъ и кинулъ!
Позабылъ голубку сизокрылый голубь—
И остались бѣдной смѣхъ мірской да пролубь...
Вспомнила русалка—бѣлы руки гложетъ;
Рада-бъ зарыдала—и того не можетъ;
Сотворить молитву забытую хочетъ—
Нѣтъ для ней молитвы—и она хохочетъ...
Только, пробираясь на село въ побывку,
Мужичокъ проснулся и стегаетъ сивку,
Лобъ, и грудь, и плечи крестно знаменуетъ,
Да съ сердцовъ на хохотъ окаянный плюетъ.

XLVII.

Николай Васильевичъ Гербель.

1827 — 1883.

Печатался съ середины 50-хъ годовъ. Изъ немногочисленныхъ оригинальныхъ стихотвореній заслуживаетъ памяти только „Прохожій“. Но Гербель много потрудился въ качествѣ переводчика, ознакомивъ русскую публику,— хотя и далеко не въ блестящей формѣ,—с большимъ числомъ такихъ произведеній иностранныхъ поэтовъ, которыя до тѣхъ поръ не были у насъ извѣстны.

ПРОХОЖІЙ.

На дворѣ темно и грязно;
Вѣтеръ ивами шумитъ,
И въ окно однообразно
Дождикъ хлещетъ и стучитъ.
Я подсѣлъ къ окну—и слышу
Тихій шорохъ надъ собой:
То вода течетъ подъ крышу
Водосточною трубой.
Тёмно въ комнатѣ холодной,
Вкругъ ни звука—все молчитъ,
Лишь въ углу сверчокъ голодный,
Надрываяся, кричитъ.
Вотъ прояснѣло немножко—
Свѣтъ зажегся въ сторонѣ,
Отразился сквозь окошко
И забѣгалъ по стѣнѣ:
Обогнувши изгороду,
Кто-то вышелъ съ фонаремъ
И сквозь темень-непогоду
Пробирается съ трудомъ.
Кто онъ, путникъ одинокій?
Тяжелы его шаги:
Что ни шагъ—въ грязи глубокой
Тяжко вязнутъ сапоги.
Онъ ступаетъ осторожно,
Освѣщенный фонаремъ;
Онъ тоскливо и тревожно
Озирается кругомъ.
Онъ плетется стороною;
Онъ ворчитъ: усталъ горюнъ—
И заботливой рукою
Подбираетъ свой зипунъ.
Но и этотъ свѣтъ далекій,
Видно, вѣтеръ потушилъ,
И окрестность мракъ глубокій
Снова залилъ, затопилъ.
Вѣтеръ стонетъ, вѣтеръ злится,
Дождикъ въ стекла такъ и бьетъ,
И лишь слышно, какъ бранится
Запоздалый пѣшеходъ.

XLVIII.

Неизвѣстный.

Нижеприводимое, очень милое, стихотворе-е помѣщено въ дѣтскомъ журналѣ „Звѣз-рчка", въ концѣ 50-хъ годовъ. Въ хресто-тіяхъ оно часто приписывается И. С. Никитину и, дѣйствительно, колоритомъ своимъ нѣсколько напоминаютъ его поэзію. Однако, никакихъ положительныхъ свѣдѣній объ авторѣ не имѣется.

---

* * *

ри сіяющихъ звѣздáхъ,
Въ полусвѣтѣ, въ полумглѣ,
ихо-тихо въ небесахъ,
Тихо-тихо на землѣ.
лны моря не шумятъ,
И не вѣетъ вѣтерокъ;
а деревьяхъ птицы спятъ,
Спитъ и шумный городокъ.
о въ безмолвіи ночномъ,
Непримѣтною тропой,
ъ городкѣ изъ дома въ домъ
Ходятъ ангелы толпой.
дѣсь къ дитяти подойдутъ,
Свѣтлой радостью блестя,—
во снѣ смѣется тутъ
Непорочное дитя.
мъ склонятся надъ больнымъ
Съ кроткой благостью любви
И цѣлятъ крестомъ святымъ
Жаръ взволнованной крови.
А иному бѣдняку
Тихимъ вѣяніемъ крылъ
На работу, на тоску
Прибавляютъ свѣжихъ силъ.
Тѣмъ во снѣ шепнутъ совѣтъ—
Дѣло доброе начать,
Тѣхъ же учатъ—и средь бѣдъ
Добрый подвигъ докончать.
Отъ опасностей храня
Беззащитно спящій людъ,
До сіяющаго дня
Ходятъ, ходятъ тамъ и тутъ.
Въ полусвѣтѣ, въ полумглѣ,
При сіяющихъ звѣздáхъ,
Тихо-тихо на землѣ,
Тихо-тихо въ небесахъ.

XLIX.

Михаилъ Павловичъ Розенгеймъ.

1820 — 1887.

Въ стихахъ Розенгейма на первомъ планѣ—казенно-честныя мысли и банальныя истины, на второмъ—гладкій стихъ, и уже на третьемъ только — поэзія. Уничтожающей насмѣшкой встрѣтилъ, поэтому, Добролюбовъ вышедшій въ 1858 году сборникъ его стихотвореній.

Нельзя однако сказать, чтобы Розенгеймъ абсолютно лишенъ былъ поэтическаго дарованія; но даже въ лучшихъ его вещахъ мало *своего*, самостоятельнаго,—не даромъ такъ часто приписывали ихъ другимъ, болѣе извѣстнымъ поэтамъ—Лермонтову, Хомякову, Некрасову.

ПОСЛѢДНЯЯ ЭЛЕГІЯ.

Боры да поляны, бѣдная природа—
Сторона родная русскаго народа!
Какъ царевна въ сказкѣ, духомъ тьмы заклята,
Спишь ты, Русь святая, мертвымъ сномъ объята.
Тщетно отголосковъ жизни ловитъ ухо,—
Нѣтъ живого звука, все мертво и глухо!
Вѣетъ отовсюду холодомъ могилы...
Гдѣ же люди вѣры, гдѣ же люди силы,
Люди убѣжденій неподкупно твердыхъ,
Подъ грозою крѣпкихъ, предъ подачкой гордыхъ?..
Праздные вопросы! Глухо, нѣтъ отвѣта!
Хаосъ, всюду хаосъ! Ни тепла, ни свѣта!
Вяло, апатично движутся фигуры,
Полная безличность иль каррикатуры.
Старые знакомцы!—Счетъ ихъ намъ не труденъ:
Тотъ же все Молчалинъ, Фамусовъ да Рудинъ,
Хлыщъ или Обломовъ... Это все не ново!
Слово насъ заѣло, бойки мы на слово,
А кругомъ повсюду—нищета стремленій,
Страхъ живого дѣла, шаткость убѣжденій.
А была минута!.. Вѣрилось, казалось,
Будто въ самомъ дѣлѣ сила подымалась,
Будто, разрывая путы омертвѣнья,
Сонный пробуждался къ жизни и движенью,
Сердце трепетало въ сладостной надеждѣ—
Призракъ!..Заблужденье!.. Все мертво, какъ прежде!
Русь моя родная! Мчатся надъ тобою
За годами годы вѣчной чередою,
И они безплодно такъ же въ вѣчность канутъ...
Плачь же, моя пѣсня—мертвые не встанутъ!..

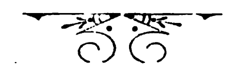
* * *

Тяжела дорога,
Камень да песокъ...
Ну, теперь немного—
Путь ужъ недалекъ.
Трудновато было;
Что-то впереди?
— Впереди? Могила.
Что же сталъ?.. Иди!

КНИГА.

Книга... Открываю:
„Бытопись россійская..."

Ну, тебя я знаю,
Знаю, степь ливійская!
Гдѣ тебя ни вскрою,
Книга безотрадная—
Всюду предо мною
Та же жизнь нескладная.
Ширина основы,
Нищета развитія...
Мрачны и суровы
Люди и событія:
Княжескія брани,
Ляхи да татарщина,
Дани, вѣчно дани—
И надъ всѣмъ боярщина...
Хитрые обманы,
Злостныя насилія,
Грозные Иваны,
Темные Василіи;
Вѣчно духъ народа
Давитъ сила строгая,
А кругомъ природа
Бѣдная, убогая:
Нива неприглядно
Тощая раскинулась,
Небо безотрадно
Сѣрое надвинулось,
Глухо боръ сосновый
Вѣтру откликается,
Жалобно-суровой
Пѣснью заливается.
Слышно въ ней, печальной,
Словно поминаніе,
Скорбное о дальней
Старинѣ сказаніе...



L.

Владиміръ Дмитріевичъ Ахшарумовъ.

Род. 1824.

Рано почему-то замолкшій даровитый поэтъ. Нѣсколько стихотвореній (и въ томъ числѣ лучшее—„Гаданіе“—съ его красивымъ и оригинальнымъ размѣромъ) помѣщено въ извѣстномъ сборникѣ 1859 г. „Весна“; еще нѣсколько появилось позже въ „Библіотекѣ для чтенія“.

ГАДАНІЕ.

Ярко блещетъ востокъ,
Утро нѣгой дышетъ,
На лугахъ вѣтерокъ
Чуть цвѣты колышетъ.
Но туманъ отъ земли
Къ небесамъ восходитъ,
И ужъ тучка вдали
Надъ горами бродитъ.
Быть грозѣ!—грянетъ громъ,
Небо не разъяснетъ,
И въ дождѣ проливномъ
Жаркій день погаснетъ.
Такъ и ты, межъ людей
Свѣтлое явленье:—
Утро жизни твоей
Ясно на мгновенье.
Предъ тобой, какъ пророкъ,
Я судьбу пытаю
И страданья залогъ
На тебѣ читаю.
Много розъ на груди
У тебя завянетъ—
Много слезъ впереди,
Жизнь тебя обманетъ.
Не съ твоею душой
Пылко-справедливой,
Не съ такой красотой
Вѣкъ прожить счастливо!
Нѣжной, вѣрной любви
Ласки неземныя
Обѣщаютъ твои
Глазки голубые.
Точно пѣсни, звучатъ
Огненныя рѣчи;
Щеки жаромъ горятъ,
Вздрагиваютъ плечи.
И порой, не путемъ,
Смѣхъ твой слишкомъ звонокъ;
И о горѣ чужомъ
Плачешь, какъ ребенокъ.
Свѣжимъ сердцемъ чутка
Ты на зовъ страданья,
И безъ счета рука
Сыплетъ подаянья.
Божество на челѣ
У тебя сіяетъ:—
Значитъ, крестъ на землѣ
Тяжкій ожидаетъ!..

СОНЪ.

Рѣка мелѣла, пруды засохли,
Сгорѣлъ ковыль;
Земля горѣла, и на дорогахъ
Стояла пыль.

Табунъ голодный бродилъ безъ корма
    Въ нагихъ степяхъ;
Какъ Божья кара, пылало солнце
    На небесахъ.
Валился на бокъ мой домикъ старый,
    Въ дому—разладъ:
Любовь погасла, въ душѣ остался
    Тяжелый чадъ.
Жена дремала въ постели душной,
    День догоралъ;
Томимый зноемъ, убитый горемъ,
    Я засыпалъ.
И вотъ мнѣ снилось: дождемъ обильнымъ
    Гроза прошла,
Воскресла зелень, и на дорогахъ
    Пыль прилегла.
Былъ вечеръ влажный, и выщелъ съ нею
    Я на крыльцо;
Съ березы мокрой упали капли
    Ей на лицо.
Она смѣялась, ихъ отирая,
    Я съ ней шутилъ,
Я цѣловалъ ей плечо и руки
    И говорилъ:
„Взгляни, какъ чудно въ зеркальныхъ окнахъ
    Горитъ закатъ,
Какъ рощи свѣжи, какъ разомъ ожилъ
    Нашъ милый садъ!
„Сойдемъ и спустимъ фонтанъ гремучій;
    Теперь съ дождемъ
Воды довольно: онъ вверхъ ударитъ
    Густымъ столбомъ.»
На сонъ аркадскій, на сонъ волшебный
    Дохнулъ разсвѣтъ;
Блеснуло солнце сквозь щели ставней—
    Прошелъ мой бредъ.
И сжалось сердце,—увидѣлъ снова
    Я ту же быль:
Густой стѣною вдоль по дорогѣ
    Неслася пыль;
Любви и счастья давно межъ нами
    И слѣдъ пропалъ,
И такъ же бѣденъ я пробудился,
    Какъ засыпалъ!

LI.

Василій Степановичъ Курочкинъ.

1831 — 1875.

Извѣстный переводчикъ пѣсенъ Беранже; изданные въ концѣ 50-хъ годовъ, переводы эти имѣли шумный успѣхъ.

Внѣшнюю манеру Беранже Курочкинъ усвоилъ и для оригинальныхъ, преимущественно юмористическихъ, стихотвореній, которыя помѣщалъ въ своей знаменитой „Искрѣ", искусно высмѣивая все отсталое, реакціонное и общественно-вредное. Сатира Курочкина не достигала, правда, той высшей степени художественнаго обобщенія, когда значеніе ея выходитъ за предѣлы своего времени, но среди безчисленныхъ стихотворныхъ обличеній шестидесятыхъ годовъ она, безспорно. зан[имаетъ] первое мѣсто по талантливости и остр[о]умію.

Что касается стихотворенія „Когда взош[ла] заря" (изъ Барбье), то оно взято нами и[зъ] „Полярной Звѣзды" Герцена, гдѣ напечата[нъ] безъ подписи переводчика. Принадлежитъ [ли] этотъ переводъ В. С. Курочкину? Кому и[зъ] другихъ русскихъ поэтовъ того време[ни] можно бы приписать этотъ яркій чекан[ный] стихъ, этотъ удивительно близкій къ ду[ху] Барбье колоритъ всей картины и энер[гію] отдѣльныхъ выраженій?

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

Годы пройдутъ, словно день, словно часъ;
Много людей промелькнетъ мимо насъ.
Дѣти займутъ положеніе въ свѣтѣ,
И старики поглупѣютъ, какъ дѣти.
Мы поглупѣемъ, какъ всѣ, въ свой чередъ.
А ужъ любовь не придетъ, не придетъ!
Нѣтъ, ужъ любовь не придетъ.

Будемъ, какъ всѣ люди добрые, жить,
Будемъ влюбляться, не будемъ любить:
Сердце продашь ты для партіи громкой,
Съ горя и я заведусь экономкой,—
Та старика подъ вѣнецъ повсдетъ...
А ужъ любовь не придетъ, не придетъ!
Нѣтъ, ужъ любовь не придетъ!

Первой любви не сотрется печать.
Будемъ другъ друга всю жизнь вспоминать.
Общіе сны будутъ сниться обоимъ...
Разумъ обманемъ и сердце закроемъ,
Но о прошедшемъ тоска не умретъ,
И ужъ любовь не придетъ, не придетъ—
Нѣтъ, ужъ любовь не придетъ!

ПРИРОДА, ВИНО И ЛЮБОВЬ.

(Трагедія изъ былыхъ временъ.)

Лица:

Поэтъ, Редакторъ, Цензоръ.

ДѢЙСТВІЕ I. ПРИРОДА.

ПОЭТЪ (*въ своей комнатѣ пишетъ и читаетъ*):

Пришла весна. Увы! Любовь

Не манитъ въ тихія дубравы:
Нѣтъ! негодующая кровь
Зоветъ меня на бой кровавый!

РЕДАКТОРЪ (*въ своемъ кабинетѣ поправляетъ*):

Пришла весна. Опять любовь
Раскрыла тысячу объятій,
И я бы, кажется, готовъ
Расцѣловать всѣхъ меньшихъ братій.

ЦЕНЗОРЪ (*въ своемъ кабинетѣ поправляетъ*):

Пришла весна. Но не любовь
Меня влечетъ подъ сѣнь дубравы,
Не плоть, а духъ! Я вижу вновь
Творца во всемъ величьи славы.

(*Подписываетъ: «одобрено цензурою».*)

ДѢЙСТВІЕ II. ВИНО.

ПОЭТЪ.

Люблю вино. Въ немъ не топлю,
Подобно слабенькимъ натурамъ,
Скорбь гражданина—а коплю
Вражду къ проклятымъ самодурамъ!

РЕДАКТОРЪ (*поправляетъ.*)

Люблю вино. Я въ немъ топлю
Свои гражданскія стремленья,
И видитъ Богъ, какъ я терплю,
И какъ тяжелъ мой крестъ терпѣнья!

ЦЕНЗОРЪ (*поправляетъ.*)

Люблю вино. Но какъ люблю?
Какъ сладкій медъ, какъ скромный танецъ.
Пью рюмку въ день—и не терплю
Косматыхъ нигилистовъ-пьяницъ.

ДѢЙСТВІЕ III. ЛЮБОВЬ.

ПОЭТЪ.

Люблю тебя. Любовь одна
Даетъ мнѣ бодрость, духъ и силу,
Чтобъ, чашу зла испивъ до дна,
Непобѣжденнымъ лечь въ могилу.

РЕДАКТОРЪ (*поправляетъ.*)

Люблю тебя. Любовь къ тебѣ
Ведетъ такъ сладко до могилы
Въ неравной роковой борьбѣ
Мои погубленныя силы.

ЦЕНЗОРЪ (*поправляетъ.*)

Люблю тебя. И, не скорбя
Подобно господамъ писакамъ,
Обязанъ вѣкъ любить тебя,
Соединясь законнымъ бракомъ.

(*Подписываетъ*).

———

ПТИЦЫ *).

(ИЗЪ БЕРАНЖЕ.)

Зима, какъ въ саванъ, облекла
Весь край нашъ въ бѣлую равнину
И птицъ свободныхъ на чужбину
Любовь и пѣсни унесла.
Но и въ чужомъ краю мечтою
Онѣ летятъ къ роднымъ полямъ:
Зима ихъ выгнала, но къ намъ
Онѣ воротятся весною.

Имъ лучше въ дальнихъ небесахъ;
Но намъ безъ нихъ сводъ неба тѣсенъ:
Намъ только эхо вольныхъ пѣсенъ
Осталось въ избахъ и дворцахъ.
Ихъ пѣсни звучною волною
Плывутъ къ далекимъ берегамъ;
Зима ихъ выгнала, но къ намъ
Онѣ воротятся весною.

Намъ, птицамъ стороны глухой,
На ихъ полетъ глядѣть завидно...
Намъ трудно пѣть—такъ много видно
Громовыхъ тучъ надъ головой!
Блаженъ, кто могъ въ борьбѣ съ грозою
Отдаться вольнымъ парусамъ...
Зима ихъ выгнала, но къ намъ
Онѣ воротятся весною.

Онѣ на темную лазурь
Слетятся съ громовымъ ударомъ,
Чтобъ свить гнѣздо подъ дубомъ старымъ,
Но не согнувшимся отъ бурь.
Усталый пахарь за сохою,
На встрѣчу вольнымъ голосамъ,
Зальется пѣснями,—и къ намъ
Онѣ воротятся весною.

———

БЕЗУМЦЫ.

(Изъ Беранже).

Оловянныхъ солдатиковъ строемъ,
По шнурочку, ровняемся мы;
Чуть изъ ряда выходятъ умы—
Смерть безумцамъ! Мы яростно воемъ,
Поднимаемъ безсмысленный ревъ,
Мы преслѣдуемъ ихъ, убиваемъ—
И статуи потомъ воздвигаемъ,

*) Переводъ вольный, и Курочкинъ, несомнѣнно, имѣлъ въ виду лондонскихъ изгнанниковъ—Герцена и Огарева.

Человѣчества счастье прозрѣвъ!
Сенъ-Симонъ все свое достоянье
Сокровенной мечтѣ посвятилъ.
Старикомъ онъ поддержки просилъ,
Чтобы общества дряхлое зданье
На основахъ иныхъ возвести;
И погибъ одинокій, забытый,
Сознавая, что путь, имъ открытый,
Человѣчество могъ бы спасти.
„Подними свою голову смѣло!—
Звалъ къ народу Фурье,—раздѣлись
На фаланги и дружно трудись
Въ общемъ кругѣ для общаго дѣла!"
Анфантенъ слабой женщинѣ далъ
Равноправность въ общественномъ строѣ...
Намъ смѣшонъ и его идеалъ:
Это были безумцы всѣ трое...
Господа! Если къ правдѣ святой
Міръ дороги найти не умѣетъ,—
Честь безумцу, который навѣетъ
Человѣчеству сонъ золотой!
По безумнымъ блуждая дорогамъ,
Намъ безумецъ открылъ Новый Свѣтъ,
Намъ безумецъ далъ Новый Завѣтъ,
Потому что безумецъ—былъ Богомъ!
Если-бъ завтра земли нашей путь
Освѣтить наше солнце забыло,—
Завтра-жъ, вѣрно-бъ, весь міръ освѣтила
Мысль безумца какого-нибудь!

СТАРЫЙ КАПРАЛЪ.

[изъ Беранже].

Въ ногу, ребята, идите:
Полно, не вѣшать ружья!
Трубка со мной... Проводите
Въ отпускъ безсрочный меня!
Я былъ отцомъ вамъ, ребята...
Вся въ сѣдинахъ голова...
Вотъ она—служба солдата!..
Въ ногу, ребята! Разъ! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, ровняйся!..
Разъ! Два! Разъ! Два!
Да, я прибилъ офицера:
Молодъ еще оскорблять
Старыхъ солдатъ... Для примѣра
Должно меня разстрѣлять.
Выпилъ я... Кровь заиграла...
Дерзкія слышу слова—
Тѣнь Императора встала...
Въ ногу, ребята! Разъ! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, ровняйся!
Разъ! Два! Разъ! Два!
Братцы! Солдатскіе годы,
Служба—въ рукахъ у судьбы...
Помню я наши походы,
Время великой борьбы.
Эхъ! наша слава пропала...
Подвиговъ нашихъ молва
Сказкой казарменной стала...
Въ ногу, ребята! Разъ! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, ровняйся!
Разъ! Два! Разъ! Два!
Ты, землячокъ, поскорѣе
Къ нашимъ стадамъ воротись.
Нивы у насъ зеленѣе,
Легче дышать... Поклонись
Храмамъ селенья родного...
Боже! старуха жива...
Не говори ей ни слова...
Въ ногу, ребята! Разъ! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, ровняйся!
Разъ! Два! Разъ! Два!
Кто тамъ такъ громко рыдаетъ?
А! я ее узнаю...
Русскій походъ вспоминаетъ...
Да, отогрѣлъ всю семью...
Снѣжной тяжелой дорогой
Несъ ея сына... Вдова
Вымолитъ миръ мнѣ у Бога...
Въ ногу, ребята! Разъ! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, ровняйся!..
Разъ! Два! Разъ! Два!
Трубка, никакъ, догорѣла?
Нѣтъ, затянусь еще разъ.
Близко, ребята... За дѣло!
Прочь! не завязывать глазъ.
Цѣлься вѣрнѣе! Не гнуться!
Слушать команды слова.
Дай Богъ домой вамъ вернуться...
Въ ногу, ребята! Разъ! Два!
Грудью подайся!..
Не хнычь, ровняйся!..
Разъ! Два! Разъ! Два!

УРОКЪ.

[Изъ Беранже.]

На лужайкѣ дѣтскій крикъ:
Учитъ грамотѣ ребятъ,
Весь сѣдой, ворчунъ-старикъ,
Отставной солдатъ.

— Я согнулся, я ужъ слабъ.
А виды видалъ!
Унтеръ не былъ бы, когда-бъ
Грамотѣ не зналъ!
Дружно, дѣти, всѣ за разъ:
Буки-азъ! Буки-азъ!
Счастье въ грамотѣ для васъ.
У меня-ль въ саду цвѣтокъ...
Насадилъ я каждый самъ,
И изъ тѣхъ цвѣтовъ вѣнокъ
Грамотному дамъ.
Битый,—правду говоритъ
Молвь людей простыхъ—
Стоитъ двухъ, кто не былъ битъ,
Грамотѣй—троихъ.
Дружно, дѣти, всѣ за разъ:
Буки-азъ! Буки-азъ!
Счастье въ грамотѣ для васъ.
Митя, видишь карандашъ?
За моей слѣди рукой:
Это иже, а не нашъ,—
Экой срамъ какой!
Да прислушайте: съ полкомъ
Въ Греціи я былъ,—
Въ двадцать, значитъ... а въ какомъ,
Значитъ, позабылъ.
Дружно, дѣти! Всѣ за разъ:
Буки-азъ! Буки-азъ!
Счастье въ грамотѣ для васъ.
Отстояли мы друзей!
Разъ, иду себѣ одинъ,
Вижу—школа для дѣтей
У воротъ Аѳинъ.
Въ школѣ учится морякъ,
Дѣтямъ не подстать;
Я взглянулъ—и какъ дуракъ
Началъ хохотать.
Дружно, дѣти! всѣ за разъ:
Буки-азъ! Буки-азъ!
Счастье въ грамотѣ для васъ.
Но учитель мнѣ сказалъ:
„Ты—глупѣй ребенка самъ;
„Ты героя осмѣялъ,
„Страшнаго врагамъ.
„Онъ за грековъ мстилъ—предъ нимъ
„Трепеталъ султанъ,
„И упалъ, сожженъ живымъ,
„Вражій капитанъ".
Дружно, дѣти! всѣ за разъ:
Буки-азъ! Буки-азъ!
Счастье въ грамотѣ для васъ.
„Гордость края моего,
«Онъ—Кана́ри, да!
„Въ мірѣ встрѣтили его
„Горе и нужда;
„Онъ, умѣя побѣждать,
„Сѣлъ букварь учить.
«Все затѣмъ, чтобы опять
«Греціи служить!»
Дружно, дѣти! всѣ за разъ:
Буки-азъ! Буки-азъ!
Счастье въ грамотѣ для васъ.
Весь зардѣвшись, въ сторонѣ
Я въ смущеніи стоялъ;
Но герой сжалъ руку мнѣ,
Слово мнѣ сказалъ...
Мнѣ послышался завѣтъ
Бога самого:
«Знанье—вольность, знанье—свѣтъ,
«Рабство безъ него!»
Дружно, дѣти! всѣ за разъ:
Буки-азъ! Буки-азъ!
Счастье въ грамотѣ для васъ.

КАКЪ ЯБЛОЧКО РУМЯНЪ.

[ИЗЪ БЕРАНЖЕ.]

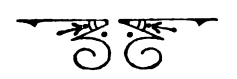
Какъ яблочко румянъ,
Одѣтъ весьма безпечно,
Не то, чтобъ очень пьянъ—
А веселъ безконечно.
Есть деньги—прокутитъ,
Нѣтъ денегъ—обойдется,
Да какъ еще смѣется.
„Да ну ихъ..." говоритъ,
„Да ну ихъ..." говоритъ,
„Вотъ", говоритъ, «потѣха!
Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру отъ смѣха!"
Шатаясь по ночамъ
Да тратясь на дѣвчонокъ,
Онъ, кажется, къ долгамъ
Привыкъ еще съ пеленокъ.
Полиція грозитъ,
Въ тюрьму упрятать хочетъ...
А онъ-то все хохочетъ...
„Да ну ихъ!.." говоритъ,
„Да ну ихъ!.." говоритъ,
«Вотъ», говоритъ, «потѣха!
Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру отъ смѣха!»
Забился на чердакъ,
Межъ небомъ и землею;
Свиститъ себѣ въ кулакъ
Да ежится зимою.
Его не огорчитъ,
Что дождь сквозь крышу льется:

Измокнетъ весь, трясется...
«Да ну ихъ!..» говоритъ,
«Да ну ихъ!..» говоритъ.
«Вотъ», говоритъ, «потѣха!
Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру отъ смѣха!»
Приходитъ смертный часъ,
Больной лежитъ въ постели,
Сомкнуть не можетъ глазъ—
Видѣнья одолѣли:
Бѣсовскій хоръ визжитъ,
Зіяетъ адъ кромѣшный...
А онъ-то многрѣшный—
«Да ну ихъ!..» говоритъ,
«Да ну ихъ!..» говоритъ,
«Вотъ», говоритъ, «потѣха!
Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру отъ смѣха!»

———

ИЗЪ БАРБЬЕ.

Когда взошла заря, и страшный день багровый,
Народный день насталъ,
Когда гудѣлъ набатъ, и крупный дождь свинцовый
По улицамъ хлесталъ;
Когда Парижъ взревѣлъ, когда народъ воспрянулъ,
И малый сталъ великъ,
Когда скопившійся вѣками грозно грянулъ
Громъ злобы, страшенъ, дикъ,—
Конечно, не было тамъ видно ловко сшитыхъ
Мундировъ нашихъ дней:
Тамъ дѣйствовалъ напоръ лохмотьями прикрытыхъ,
Запачканныхъ людей.
Чернь грязною рукой тамъ ружья заряжала
И закопченнымъ ртомъ,
Въ пороховомъ дыму, неистово кричала:
«Умремъ!!»
А эти баловни въ натянутыхъ перчаткахъ,
Съ батистовымъ бѣльемъ,
Женоподобные, въ корсетахъ, на подкладкахъ,
Тамъ были-ль подъ ружьемъ?
Нѣтъ! ихъ тамъ не было, когда, все низвергая
И сквозь картечь стремясь,
Та чернь великая и сволочь та святая
Къ безсмертію неслась.
А тѣ господчики, боясь громовъ и блеску
И слыша грозный ревъ,
Дрожали гдѣ-нибудь, вдали, за занавѣску
На корточки присѣвъ.
Ихъ не было въ виду, ихъ не было въ поминѣ
Средь общей свалки тамъ,
Затѣмъ, что—видите-ль—свобода не графиня
И не изъ модныхъ дамъ,
Которыя, нося на истощенномъ ликѣ
Румянъ карминныхъ слой,
Готовы въ обморокъ упасть при первомъ кликѣ,
Подъ первою пальбой!
Свобода—женщина съ здоровой, мощной грудью,
Съ загаромъ на щекѣ,
Съ зажженнымъ фитилемъ, приложеннымъ къ орудью,
Въ дымящейся рукѣ;
Свобода—женщина съ спокойнымъ, твердымъ шагомъ,
Со взоромъ огневымъ,
Подъ гордо вѣющимъ по вѣтру краснымъ флагомъ,
Подъ дымомъ боевымъ.
И голосъ у нея—не женственный сопрано!
Ни жерлъ чугунныхъ рядъ,
Ни мѣдь колоколовъ, ни шкура барабана
Его не заглушатъ!
Свобода—женщина; но въ сладострастьи щедромъ
Избранникамъ вѣрна,
Могучихъ лишь однихъ къ своимъ пріемлетъ нѣдрамъ
Могучая жена.
Ей нравится плебей, окрѣпнувшій въ проклятьяхъ
А не гнилая знать,
И въ свѣжей кровію дымящихся объятьяхъ
Ей любо трепетать.
Плебейка гордая, она съ отрадной рѣчью
Являлась намъ въ стѣнахъ,
Избитыхъ ядрами, унизанныхъ картечью,
Съ улыбкой на устахъ.
Она — огонь въ зрачкахъ, въ ланитахъ — жизни краска,
Дыханье горячо...
Лохмотья, нагота, трехцвѣтная повязка
Чрезъ голое плечо...
Она пришла: народный жребій вынутъ!..
Она—вѣнецъ долой,
Измята армія, тронъ скомканъ, опрокинутъ
Кремнемъ изъ мостовой!..



LII.

Михаилъ Ларіоновичъ Михайловъ.

1826 — 1865.

Быть можетъ, самый крупный поэтическій ...антъ, выдвинутый освободительнымъ дви...ніемъ 60-хъ годовъ.—Къ сожалѣнію, бур... жизнь поэта и несчастныя обстоятельства, ...ю оторвавшія его отъ литературы, помѣ...ли этому свѣтлому дарованію развиться до ...можной полноты и силы. Какъ извѣстно,—...ванный въ 1861 году Всеволодомъ Косто...ровымъ, какъ авторъ и распространитель ...кламаціи „Къ молодому поколѣнію", Ми...ловъ былъ арестованъ и осужденъ въ ка...жныя работы; а четыре года спустя, 38 лѣтъ ... роду, онъ уже умеръ отъ чахотки въ ...хой деревушкѣ нерчинскаго округа *).

Большинство оригинальныхъ стихотвореній ...хайлова не могло своевременнно увидать ...тъ—и либо затерялось безслѣдно, либо ...ечатано много позже подъ разными болѣе ... менѣе прозрачными иниціалами (М., М. ... М. Л. М., М. М—въ, Мих. Илл.). Оби... и разнообразіе этихъ подписей вызвало, ...ду прочимъ, рядъ недоразумѣній: Михай...у приписываются до сихъ поръ стихотво...ія, совсѣмъ не имъ написанныя и даже ...сающія иногда невѣрный свѣтъ на его по...ескую физіономію (см. ниже очеркъ о ...ецъ-Миллерѣ). Такъ, думается, не тонко деликатной, всегда самоотверженно настроенной музѣ Михайлова принадлежатъ эти жесткіе стихи:

> Чтó намъ—что свѣтъ и золъ, и грубъ?
> Во мнѣ не дрогнетъ бровь—
> За око—око, зубъ за зубъ
> И кровь воздать за кровь!

Болѣе посчастливилось Михайлову, какъ переводчику,—и его, дѣйствительно, превосходныя воспроизведенія стиховъ Гейне, Томаса Гуда, Лонгфелло и множества другихъ иностранныхъ поэтовъ давно признаны образцовыми и пользуются широкой популярностью. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что какъ ни многочисленны авторы, которыхъ переводитъ Михайловъ, ясно чувствуется, что поэтъ выбираетъ ихъ не случайно: подобно Жуковскому, онъ беретъ у иностранныхъ поэтовъ, главнымъ образомъ, то, что отвѣчаетъ его собственному душевному складу и настроенію, и на большинствѣ его переводовъ лежитъ своеобразный *михайловскій* колоритъ, позволяющій сразу отличить ихъ среди множества другихъ.

Отчество Михайлова стали въ послѣдніе годы передѣлывать на современный ладъ (*Илларіоновичъ*); но мы сохраняемъ правописаніе, котораго держался самъ поэтъ и его современники.

*) Нерусское названіе ея (Кадая) почти всѣми біографами ... искажается (въ словарѣ Брокгауза, напр., пишется—...!)

АРРІЯ.

. . . Предъ нимъ лежалъ
Уже наточенный кинжалъ:
И молвилъ онъ, вздохнувъ невольно:
«А разставаться съ жизнью больно!
Горда, прекрасна и блѣдна,
Стояла передъ нимъ жена.
Вдругъ ярче, радостнѣй, смѣлѣе
Зажегся взоръ у ней... Она
Одной рукой у бѣлой шеи
Застежку платья сорвала,
На мужа, на кинжалъ взглянула—
И верхъ туники распахнула:
Свѣжа, полна, какъ снѣгъ бѣла,
Раскрылась грудь... Еще мгновенье—
И передъ мужемъ со стола
Она, безъ страха, безъ волненья,
Другой рукой кинжалъ взяла.
Какъ лучъ, блеснулъ ударъ кинжала!..
Кровь брызнула и струйкой алой
По бѣлой груди потекла...
На ложе Аррія склонилась.
Послѣдней судорогой билось
Въ ней сердце; взоръ одѣлся мглой...
Жизнь уходила молодая;
Но, холодѣющей рукой
Кинжалъ изъ раны вынимая,
Она сказала, умирая:
«Не больно вовсе, милый мой!»

———

НА СМЕРТЬ ДОБРОЛЮБОВА.

Вѣчный врагъ всего живого,
Тупоуменъ, дикъ и золъ,
Нашу жизнь, за мысль и слово,
Топчетъ произволъ.
И чѣмъ жизнь свѣтлѣй и чище,
Тѣмъ нещаднѣе судьба...
Раздвигайся же, кладбище,
Принимай гроба!
Гробъ вчера и гробъ сегодня,
Завтра гробъ... А мы стоимъ
И покорно—«власть Господня!»—
Какъ рабы, твердимъ.
Вотъ и твой смолкъ голосъ честный,
И смежился свѣтлый взглядъ,
И уложенъ въ гробъ ты тѣсный,
Отстрадавшій братъ.
Ты умолкъ; но намъ изъ гроба
Скорбный ликъ твой говоритъ:
«Что-жъ молчить въ васъ, братья, злоба,
Что-жъ любовь молчитъ?
Иль въ любви однѣ лишь слезы
Есть у васъ для кровныхъ бѣдъ?
Или силы для угрозы
Въ вашей злобѣ нѣтъ?
Братья! Пусть любовь васъ тѣсно
Сдвинетъ въ дружный ратный строй,
Пусть ведетъ васъ злоба въ честный
И открытый бой!»
Мы стоимъ, не слыша зова...
И, какъ прежде, дикъ и золъ,
Тризну мысли, тризну слова
Правитъ произволъ.

———

* * *

Крѣпко, дружно васъ въ объятья
Всѣхъ бы, братья, заключилъ
И надежды, и проклятья
Съ вами-бъ вмѣстѣ раздѣлилъ!
Но тупая сила злобы
Вонъ изъ братскаго кружка
Гонитъ въ снѣжные сугробы,
Въ тьму и холодъ рудника...
Но и тамъ, на зло гоненью,
Вѣру лучшую мою
Въ молодое поколѣнье
Свято въ сердцѣ сохраню.
Въ безотрадной мглѣ изгнанья
Буду твердо свѣта ждать
И души одно желанье,
Какъ молитву, повторять:
Будь борьба успѣшнѣй ваша,
Встрѣть въ бою побѣда васъ,
И минуй васъ эта чаша,
Отравляющая насъ!

———

* * *

Смѣло, друзья! Не теряйте
Бодрость въ неравномъ бою,
Родину-мать защищайте,
Честь и свободу свою!
Пусть насъ по тюрьмамъ сажаютъ,
Пусть насъ пытаютъ огнемъ,
Пусть въ рудники посылаютъ,
Пусть мы всѣ казни пройдемъ!
Если погибнуть придется
Въ тюрьмахъ и шахтахъ сырыхъ,—
Дѣло, друзья, отзовется
На поколѣньяхъ живыхъ.
Стонетъ и тяжко вздыхаетъ
Бѣдный забитый народъ;
Руки онъ къ намъ простираетъ,
Насъ онъ на помощь зоветъ.
Часъ обновленья настанетъ—

Воли добьется народъ,
Добрымъ насъ словомъ помянетъ.
Къ намъ на могилу придетъ.
Если погибнуть придется
Въ тюрьмахъ и шахтахъ сырыхъ,—
Дѣло, друзья, отзовется
На поколѣньяхъ живыхъ.

———

* * *

черомъ душнымъ, подъ черными тучами насъ [похоронятъ;
ьнія вспыхнетъ, заропщетъ рѣка, и дубрава за- [стонетъ;
очь будетъ бурная: необозримою властью мо- [гучи,
омомъ, огнемъ и дождемъ разразятся угрюмыя [тучи,—
надъ могилами нашими, радостный день пред- [вѣщая,
дугу утро раскинетъ по небу отъ края до края.

———

* * *

Вышелъ срокъ тюремный—
По горамъ броди!
Со штыкомъ солдата
Нѣтъ ужъ позади.
Воли больше... Что же
Стѣны этихъ горъ
Пуще стѣнъ тюремныхъ
Мнѣ тѣснятъ просторъ?
Тамъ, подъ темнымъ сводомъ,
Тяжело дышать,
Сердце уставало
Биться и желать.
Здѣсь, надъ головою,
Подъ лазурный сводъ
Жаворонокъ вьется
И поетъ—зоветъ!..

———

ИЗЪ ГЕЙНЕ.
[ПРОЛОГЪ].

ова я въ сказочномъ старомъ лѣсу:
Липы осыпаны цвѣтомъ;
ѣсяцъ, чаруя мнѣ душу, глядитъ
Съ неба таинственнымъ свѣтомъ.
ѣсомъ иду я. Изъ чащи вѣтвей
Слышатся чудные звуки:
о поетъ соловей про любовь
И про любовныя муки.
уки любовной та пѣсня полна:
Слышны и смѣхъ въ ней, и слезы,
Темная радость и свѣтлая грусть...
Встали забытыя грезы.
Дальше иду я. Поляна въ лѣсу;
Замокъ стоитъ на полянѣ.
Старыя, круглыя башни его
Спятъ въ серебристомъ туманѣ.
Заперты окна; унынье и мракъ,
И гробовое молчанье...
Словно безмолвная смерть обошла
Это заглохшее зданье.
Сфинксъ, и роскошенъ, и страшенъ, лежалъ
Въ мѣстѣ, гдѣ вымерли люди:
Львиныя лапы, спина; а лицо
Женское, женскія груди.
Дивная женщина! Въ бѣлыхъ очахъ
Дико свѣтилось желанье;
Страстной улыбкой нѣмыя уста
Страстное звали лобзанье.
Сладостно пѣлъ и рыдалъ соловей...
И, вожделѣньемъ волнуемъ,
Весь задрожалъ я—и къ бѣлымъ устамъ
Жаркимъ прильнулъ поцѣлуемъ.
Камень холодный вдругъ началъ дышать...
Груди со стономъ вздымались,
Жадно огнемъ поцѣлуевъ моихъ
Губы, дрожа, упивались.
Душу хотѣла мнѣ выпить она,
Въ нѣгѣ и млѣя, и тая...
Вотъ замерла—и меня обняла,
Когти мнѣ въ тѣло вонзая.
Сладкая мука! Блаженная боль!
Нѣга и скорбь безъ предѣла!
Райскимъ блаженствомъ поитъ поцѣлуй,
Когти терзаютъ мнѣ тѣло.
„Эту загадку, о сфинксъ, о любовь,—
Пѣлъ соловей,—разрѣши ты:
Какъ въ тебѣ счастье и смертная скорбь,
Горе и радости слиты?
„Сфинксъ, надъ разгадкою тайны твоей
Мучусь я многія лѣта...
Или загадкою будетъ она
И до скончанія свѣта?"

I.

Снилась мнѣ дѣвушка: кудри—какъ шелкъ,
Кроткія, ясныя очи...
Съ нею подъ липой просиживалъ я
Синія лѣтнія ночи.
Слово любви прерывала порой
Сладкая рѣчь поцѣлуя..
Звѣзды вздыхали средь темныхъ небесъ,
Словно ревниво тоскуя.
Я пробудился... Со мной—никого...
Страшно мнѣ въ сумракѣ ночи;

Холодно, нѣмо глядятъ на меня
Тусклыя звѣздныя очи.

II.

ГРЕНАДЕРЫ.

Во Францію два гренадера
Изъ русскаго плѣна брели,
И оба душой пріуныли,
Дойдя до нѣмецкой земли.
Придется имъ слышать и видѣть
Въ позорѣ родную страну:
Ихъ храброе войско разбито,
И самъ императоръ въ плѣну!
Печальныя слушая вѣсти,
Одинъ изъ нихъ вымолвилъ: „Братъ!
Болитъ мое скорбное сердце,
И старыя раны горятъ."
Другой отвѣчаетъ: „Товарищъ,
И мнѣ умереть бы пора;
Но дома жена, малолѣтки—
У нихъ ни кола, ни двора.
Да чтó мнѣ! Просить Христа ради
Пущу и дѣтей, и жену.
Иная на сердцѣ забота:
Въ плѣну императоръ, въ плѣну!
Исполни-жъ завѣтъ мой: коль здѣсь я
Окончу солдатскіе дни,
Возьми мое тѣло, товарищъ,
Во Францію—тамъ схорони!
Ты орденъ на ленточкѣ красной
Положишь на сердце мое,
И саблей меня опояшешь,
И въ руки мнѣ вложишь ружье.
И смирно, и чутко я буду
Лежать, какъ на стражѣ, въ гробу.
Заслышу я конское ржанье
И пушечный громъ, и трубу:
То Онъ надъ могилою ѣдетъ!
Знамена побѣдно шумятъ...
Тутъ выйдетъ къ тебѣ, императоръ,
Изъ гроба твой вѣрный солдатъ!"

III.

Брось свои иносказанья
И гипотезы святыя!
На проклятые вопросы
Дай отвѣты намъ прямые:
Отчего подъ ношей крестной,
Весь въ крови, влачится правый?
Отчего вездѣ безчестный
Встрѣченъ почестью и славой?
Кто виной? Иль волѣ бога
На землѣ не все доступно?
Или онъ играетъ нами?
Это подло и преступно!
Такъ мы спрашиваемъ жадно
Цѣлый вѣкъ, пока безмолвно
Не забьютъ намъ рта землею...
Да отвѣтъ ли это, полно?

IV.

Во снѣ неутѣшно я плакалъ:
Мнѣ снилось, что ты умерла...
Проснулся—а все по ланитамъ
Слеза за слезою текла.
Во снѣ неутѣшно я плакалъ:
Мнѣ снилось—забытъ я тобой...
Проснулся—но долго катились
Горючія слезы рѣкой.
Во снѣ неутѣшно я плакалъ:
Мнѣ снилось—мы вмѣстѣ опять...
Проснулся—а слезы все льются,
И я не могу ихъ унять!

V.

Отчего это, милая, розы въ цвѣту
Поблѣднѣли,—скажи, отчего?
Отчего голубыя фіалки въ саду
Облетѣли,—скажи, отчего?
Отчего это птицы такъ тихо поютъ?
Отчего ихъ напѣвъ такъ унылъ?
На лугу, гдѣ душистыя травы растутъ,
Отчего слышенъ запахъ могилъ?
Отчего это, прячась среди облаковъ,
Солнце злобно глядитъ на поля?
Отчего это въ сѣрый одѣлась покровъ
И глуха, и пустынна, земля?
Отчего это, милая, боленъ такъ я,
И тоска меня злая томитъ?
Отчего,—о, скажи, дорогая моя,—
Я покинутъ тобой и забытъ?..

— —

ИЗЪ БОРНСА.

I.

(къ полевой мыши, разоренной плугомъ)

Трусливый сѣренькій звѣрекъ!
Великъ же твой испугъ: ты ногъ
Не слышишь, бѣдный, подъ собой.
Поменьше трусь!
Вѣдь я не золъ—и за тобой
Не погонюсь.
Воришка ты, но какъ же быть?
Чѣмъ сталъ бы ты, бѣдняжка, жить?
Неужто колоса не взять
Тебѣ въ запасъ,
Когда такая благодать
Въ поляхъ у насъ?
Твой бѣдный домикъ разоренъ,

Почти съ землей сравнялся онъ...
И не найдешь ты въ полѣ мховъ
На новый домъ;
А вѣтеръ—грозенъ и суровъ—
Шумитъ кругомъ.
Ты видѣлъ—блекнули поля,
И зимнихъ дней ждала земля;
Ты думалъ: „Будетъ мнѣ тепло,
Привольно тутъ!"
И что же?—Плугъ мой нанесло
На твой пріютъ.
А сколькихъ стоило хлопотъ
Сложить изъ дерна этотъ сводъ!
Пропало все—и трудъ, и кровъ;
Нигдѣ вокругъ
Защиты нѣтъ отъ холодовъ,
Отъ бѣлыхъ вьюгъ . . .
Но не съ тобой однимъ, звѣрекъ,
Такія шутки шутитъ рокъ!
Не вѣренъ здѣсь ничей разсчетъ:
Спокойно ждемъ
Мы счастья, а судьба несетъ
Невзгоду въ домъ.
И доля горестнѣй моя:
Вся въ настоящемъ жизнь твоя;
А мнѣ и въ прошломъ вспоминать
Рядъ темныхъ лѣтъ
И съ содроганьемъ ожидать
Грядущихъ бѣдъ!

II.

(КЪ СРѢЗАННОЙ ПЛУГОМЪ МАРГАРИТКѢ).

Цвѣтокъ смиренный полевой!
Не въ добрый часъ ты встрѣченъ мной:
Какъ велъ я плугъ, твой стебелекъ
Былъ на пути.
Краса долины, я не могъ
Тебя спасти!
Не будешь пташки ты живой,
Своей сосѣдки молодой,
По-утру, только дрогнетъ тѣнь,
Въ росѣ качать,
Когда она румяный день
Летитъ встрѣчать.
Былъ вѣтеръ сѣверный жестокъ,
Когда впервые твой ростокъ
Родную почву пробивалъ;
Въ налетѣ грозъ,
Ты почку раннюю склонялъ,
Подъ бурей взросъ.
Отъ непогодъ цвѣтамъ садовъ
Защитой—стѣны, тѣнь деревъ.
Случайной кочкой былъ хранимъ
Твой стебелекъ;
Въ нагихъ поляхъ ты цвѣлъ, незримъ
И одинокъ.
Ты скромно въ зелени мелькалъ
Головкой снѣжною; ты ждалъ
Привѣта солнышка—и вдругъ,
Во цвѣтѣ силъ,
Тебя настигъ мой острый плугъ—
И погубилъ!..
Таковъ удѣлъ цвѣтка села—
Невинной дѣвушки: свѣтла
Душой довѣрчивой, живетъ,
Не чуя бѣдъ;
Но злоба срѣжетъ и сомнетъ
Прекрасный цвѣтъ.
Надъ маргаритой плачу я,
Но это доля и моя!
Плугъ смерти надо мной пройдетъ—
И въ цвѣтѣ лѣтъ
Меня подрѣжетъ, и замретъ
Мой слабый слѣдъ!

———

У СМЕРТНАГО ОДРА.

(ИЗЪ ТОМАСА ГУДА).

Всю ночь стерегли мы дыханье у ней...
Недвижно лежала она;
Въ груди колебалась слабѣй и слабѣй
Послѣдняя жизни волна.
Старались чуть внятно мы всѣ говорить,
Едва шевелились вокругъ,
Какъ будто часть жизни своей удѣлить
Хотѣли, чтобъ ожилъ нашъ другъ.
То страхомъ надежда убита была,
То страхъ былъ надеждой убитъ:
Уснула—и кажется намъ, умерла;
Скончалась—мы думаемъ, спитъ.
Туманное утро настало для насъ.
Сырая чуть дрогнула тѣнь;
А очи усопшаго друга, смежась,
Сіяющій видѣли день.

———

СОНЪ НЕВОЛЬНИКА.

(ИЗЪ ЛОНГФЕЛЛО).

Истомленный, на рисовой нивѣ онъ спалъ.
Грудь открытую жегъ ему зной.
Серпъ остался въ рукѣ—и въ горячемъ пескѣ
Онъ курчавой тонулъ головой.
Подъ туманомъ и тѣнью глубокаго сна
Снова видѣлъ онъ край свой родной:
Тихо царственный Нигеръ катился предъ нимъ,
Уходя въ безграничный просторъ.
Онъ царемъ былъ опять, и на пальмахъ родныхъ
Отдыхалъ средь полей его взоръ.

И звеня, и гремя, опускалися въ долъ
Караваны съ сіяющихъ горъ.
И опять черноокой царицѣ своей
Съ нѣжной лаской глядѣлъ онъ въ глаза,
И дѣтей обнималъ,—и опять услыхалъ
И родныхъ, и друзей голоса.
Тихо дрогнули сонныя вѣки его,
И съ лица покатилась слеза.
И на борзомъ конѣ вдоль рѣки онъ скакалъ
По знакомымъ, роднымъ берегамъ.
Въ серебрѣ повода, золотая узда...
Громкій топотъ звучалъ по полямъ
Средь глухой тишины, и стучали ножны
Длинной сабли коню по бокамъ.
Впереди, словно красный кровавый платокъ,
Ярко-красный фламинго летѣлъ:
Вслѣдъ за нимъ, онъ до ночи скакалъ по лугамъ,
Гдѣ кругомъ тамариндъ зеленѣлъ.
Показалися хижины кафровъ—и вотъ
Океанъ передъ нимъ засинѣлъ.
Ночью слышалъ онъ ревъ и рыканіе льва
И гіены пронзительный вой;
Слышалъ онъ, какъ въ пустынной рѣкѣ бегемотъ
Мялъ тростникъ своей тяжкой стопой . . .
И надъ соннымъ пронесся торжественный гулъ,
Словно радостный кличъ боевой!
Миріадой немолчныхъ своихъ языковъ
О свободѣ гласили лѣса;
Кличемъ воли въ дыханьи пустыни неслись
И земли, и небесъ голоса . . .
И улыбка, и трепетъ прошли по лицу,
И смежилися крѣпче глаза.
Онъ не чувствовалъ зноя; не слышалъ, какъ бичъ
Провизжалъ у него надъ спиной . . .
Царство сна озарила сіяніемъ смерть,
И на нивѣ остался—нѣмой
И безжизненный трупъ . . . Перетертая цѣпь,
Сокрушенная вольной душой!

———

БѢЛОЕ ПОКРЫВАЛО.
(ИЗЪ МОРИЦА ГАРТМАНА).

I.

Позорной казни обреченный,
Лежитъ въ цѣпяхъ венгерскій графъ.
Своей отчизнѣ угнетенной
Хотѣлъ помочь онъ: гордый нравъ
Въ немъ возмущался; межъ рабами
Себя онъ чувствовалъ рабомъ—
И взятъ въ борьбѣ съ могучимъ зломъ
И къ петлѣ присужденъ врагами.
Едва двадцатая весна
Настала для него—и надо
Покинуть міръ! Не смерть страшна,—
Больному сердцу въ ней отрада:
Ужасно въ петлѣ роковой
Средь людной площади качаться!
Вороны жадныя слетятся,
И надъ опальной головой
Голодный рой ихъ станетъ драться . . .
Но графъ въ тюрьмѣ, въ углу сыромъ,
Заснулъ спокойнымъ дѣтскимъ сномъ.
Поутру, грустно мать лаская,
Онъ говорилъ: „Прощай, родная!
Я у тебя дитя одно;
А мнѣ такъ скоро суждено
Разстаться съ жизнью молодою;
Погибнетъ безъ слѣда со мною
И имя честное мое.
Ахъ, пожалѣй дитя свое!
Я въ вихрѣ битвъ не зналъ боязни,
Я не дрожалъ въ дыму, въ огнѣ;
Но завтра, въ часъ позорной казни,
Дрожать, какъ листъ, придется мнѣ".
Мать говорила, утѣшая:
„Не бойся, не дрожи, родной!
Я во дворецъ пойду, рыдая,
Слезами, воплемъ и мольбой
Я сердце разбужу на тронѣ—
И поутру, какъ поведутъ
Тебя на площадь, стану тутъ,
У мѣста казни на балконѣ.
Коль въ черномъ платьи буду я,
Знай—неизбѣжна смерть твоя . . .
Не правда-ль, сынъ мой, шагомъ смѣлымъ
Пойдешь на встрѣчу ты судьбѣ?
Вѣдь кровь венгерская въ тебѣ!
Но если въ покрывалѣ бѣломъ
Меня увидишь надъ толпой,
Знай—вымолила я слезами
Пощаду жизни молодой.
Пусть будешь схваченъ палачами—
Не бойся, не дрожи, родной!"
И графу тихо, мирно спится,
И до утра онъ будетъ спать:
Ему все на балконѣ мать
Подъ бѣлымъ покрываломъ снится.

II.

Гудитъ набатъ; бѣжитъ народъ—
И тихо улицей идетъ,
Угрюмой стражей окруженный,
На площадь графъ приговоренный.
Всѣ окна настежь. Сколько глазъ
Его ревниво провожаетъ,
И сколько женскихъ рукъ бросаетъ
Ему цвѣты въ послѣдній разъ!
Графъ ничего не замѣчаетъ:
Впередъ, на площадь онъ глядитъ . . .

...мъ на балконѣ мать стоитъ,
...покойна, въ покрывалѣ бѣломъ.
... заиграло сердце въ немъ—
... къ мѣсту казни шагомъ смѣлымъ
...шелъ онъ; съ радостнымъ лицомъ
...ступилъ на пóмостъ съ палачомъ,
... ясенъ къ петлѣ поднимался
... въ самой петлѣ улыбался!
Зачѣмъ же въ бѣломъ мать была?
, ложь святая! Такъ могла
...лгать лишь мать, полна боязнью,
...объ сынъ не дрогнулъ передъ казнью!..

АПОСТОЛЪ.

[Изъ Беранже.]

«Куда ты, Павелъ?»—Въ міръ несу спасенье.
...амъ Богомъ данъ законъ любви.—
...Апостолъ, отдохни мгновенье,
...сталъ ты—ноги всѣ въ крови.»
- Нѣтъ, нѣтъ! Я въ міръ несу спасенье,
...амъ Богомъ данъ законъ любви.—
«Куда ты, Павелъ?»—Проповѣдать людямъ
...ѣсть мира, братства, чистоты.—
...Останься съ нами, вмѣстѣ будемъ
...ить для наукъ и красоты».
- Нѣтъ, я иду повѣдать людямъ
...ѣсть мира, братства, чистоты.—
«Куда ты, Павелъ?»—Со стези неправой
...аправить міръ на путь прямой.—
...Свѣтлѣй всего дорога славы;
...оль хочешь славы, съ нами пой!»
- Нѣтъ! Я иду съ тропы неправой
...аправить міръ на путь прямой.—
«Куда ты, Павелъ?»—Благовѣстье Бога
...ъ селенья скудныя несу.—
...Страшись! Туда трудна дорога,
...ъ горахъ злодѣи, звѣрь въ лѣсу».
- Нѣтъ, я благословленье Бога
...ъ селенья скудныя несу.—
«Куда ты, Павелъ?»—Въ города; пороки
...скоренять въ людскихъ сердцахъ.—
...Страшись! Насмѣшки тамъ жестоки,
... много зла кипитъ въ страстяхъ».
- Нѣтъ, я иду туда,—пороки
...скоренить въ людскихъ сердцахъ.—
«Куда ты, Павелъ?»—Къ бѣднымъ и несчастнымъ,
...казать имъ: Богъ одинъ великъ!—
...Ты бичъ вручишь врагамъ всевластнымъ,
... сгубитъ бѣдныхъ твой языкъ.»
- Нѣтъ! Я иду сказать несчастнымъ
... бѣднымъ: Богъ одинъ великъ!—
«Куда ты, Павелъ?»—На прибрежье моря,
...рожащихъ ободрить друзей.
«Какъ! Ни года, ни трудъ, ни горе
Не потрясли души твоей?»
— Нѣтъ; я иду къ прибрежьямъ моря
Дрожащихъ ободрить друзей.—
«Куда ты, Павелъ?»—Высказать все прямо
Гнетущимъ свой народъ царямъ.—
«Страшись! За горстку ѳиміама
Ты будешь выданъ ихъ жрецамъ».
— Нѣтъ; выскажу я правду прямо
Гнетущимъ свой народъ царямъ.—
«Куда ты, Павелъ?»—Въ судъ; свое ученье
Передъ судьею возгласить.—
«Смягчи уступкой обвиненье,
Хитрѣй старайся говорить.»
— Нѣтъ; я иду свое ученье
Передъ судомъ провозгласить.—
«Куда ты, Павелъ?»—Я несу на плаху
Сѣдую голову свою.—
«Лишь слово дай промолвить страху—
И старость озлатятъ твою!»
— Нѣтъ, нѣтъ; я понесу на плаху
Сѣдую голову свою.—
«Куда ты, Павелъ?—Въ тихой сѣни рая
По трудномъ отдохнуть пути.—
«И жизнь, и смерть твоя святая
Примѣромъ будутъ намъ. Прости!»
— Въ небесной тихой сѣни рая
По трудномъ отдохну пути.—

ХИДГЕРЪ.

[Изъ Рюккерта.]

Не умирающій и вѣчно юный,
Хидгеръ разсказывалъ:—Я проѣзжалъ
Однажды шумнымъ городомъ. Въ саду
Я увидалъ тамъ человѣка
Съ корзинкою и у него спросилъ,
Давно-ль стоитъ тотъ городъ? Продолжая
Сбирать плоды, онъ отвѣчалъ мнѣ: «Вѣчно
Стоялъ онъ тутъ и вѣчно простоитъ».
Черезъ пять столѣтій тою же дорогой
Я проѣзжалъ. Отъ города того
Ни одного слѣда не оставалось;
Гдѣ онъ стоялъ, была пустыня... Тутъ
Сидѣлъ пастухъ и одиноко пѣсню
Наигрывалъ на дудкѣ; вкругъ него
Паслося стадо на зеленомъ лугѣ.
И я его спросилъ: давно-ль не стало
Тутъ города? Онъ продододжалъ играть
Въ свою свирѣль и мнѣ одно промолвилъ:
«Одно растетъ, другое увядаетъ.
Я вѣчно здѣсь пасу мои стада.»
Опять чрезъ пять столѣтій той же самой
Дорогой проѣзжалъ я. Предъ собою

Я увидалъ вдругъ море... Волны
Катились и шумѣли... Въ челнокѣ,
У берега привязанномъ, рыбакъ
Сидѣлъ, свои закидывая сѣти.
Я у него спросилъ: давно-ль тутъ море?
И, моему вопросу засмѣявшись,
Онъ отвѣчалъ: «Какъ эти волны вѣчно
Гуляютъ и клубятся на просторѣ,
Такъ вѣчно здѣсь закидываютъ сѣти.»
Чрезъ пять столѣтій тою же дорогой
Я снова ѣхалъ и нашелъ тутъ лѣсъ,
И въ чащѣ лѣса встрѣтилъ дровосѣка—
Подъ корень онъ рубилъ могучій дубъ.
И я спросилъ его: давно ль явился
Тотъ лѣсъ? Онъ отвѣчалъ мнѣ: «Лѣсъ
Стоитъ здѣсь вѣчно; вѣчно въ немъ растутъ
Деревья, и дрова мы вѣчно рубимъ.»
Еще черезъ пять столѣтій той дорогой
Поѣхалъ я, и вновь передо мною
Тамъ очутился городъ. Громкій гулъ,
Народный говоръ, стукъ колесъ повсюду
На улицахъ и площадяхъ... У встрѣчныхъ
Я спрашивалъ: давно-ль построенъ городъ?
Куда дѣвались темный лѣсъ, и море
И пастбище? Но словъ моихъ никто
И слушать не хотѣлъ, и всѣ кричали:
«Такъ вѣчно шло на этомъ мѣстѣ, вѣчно!
И вѣчно такъ пойдетъ!»
Чрезъ пять столѣтій
Поѣду снова этою дорогой...

LIII.

Козьма Прутковъ.

Вымышленный авторъ, отъ имени котораго ъ 1853—1864 г.г. печатала юмористическія тихотворенія цѣлая группа поэтовъ (гр. лексѣй Толстой, А. М. Жемчужникоръ и др.). хъ усиліями, въ лицѣ Козьмы Пруткова оздань былъ особый комическій типъ недаекаго, надутаго важностью чиновника (диектора пробирной палатки), изъ самолюбія ытающаго свои силы во всевозможныхъ роахъ литературы. Многія изъ его „глубокоысленныхъ", самодовольно-наивныхъ изреній вошли въ обиходъ разговорной рѣчи, тавъ какъ бы поговорками („Бди!"—„Смотри ъ корень!"—„Плюнь тому въ бороду, кто ебѣ скажетъ, что ты можешь объять необъятное!"—„Если у тебя есть фонтанъ, то заткни его, ибо и фонтанъ долженъ отдохуть."—„Специалистъ подобенъ флюсу—полнота его односторонняя."—„Разсуждай токмо томъ, о чемъ понятія твои тебѣ позвоютъ; такъ: не зная законовъ языка ирокезкаго, можешь ли составить такое сужденіе о сему предмету, которое не было бы неосновательно и глупо?" И т. д., и т. д.).

Но, очевидно, не шутка ради шутки была ервоначальной цѣлью сочиненій „Козьмы руткова". Дѣло въ томъ, что середина 50-хъ одовъ, когда они стали появляться въ печати (т. е. конецъ царствованія Николая I и первые годы царствованія Александра II)—была одной изъ самыхъ мрачныхъ и глухихъ эпохъ, какія только выпадали на долю многострадальной русской литературы; цензура держала ее въ сѣтяхъ циркуляровъ и внушеній, какъ огромный паукъ держитъ муху, еще живую, но уже опутанную со всѣхъ сторонъ паутиной и безсильную не только шевелиться, но даже и пищать. Это было то межеумочное и пустопорожнее время, когда журналы не знали, чѣмъ заполнить свои страницы, и редакторы общими усиліями сочиняли длинные, тягучіе и безсодержательные романы... „Сочиненія" Козьмы Пруткова явились въ такой моментъ невиннымъ по формѣ, но злымъ по существу протестомъ противъ этого искусственно-мертвеннаго состоянія русской литературы. Такъ ихъ и понимала читающая публика... Но къ тому времени, когда положеніе журналистики значительно измѣнилось къ лучшему, и столь примитивная сатира потеряла уже свой смыслъ,—читатели успѣли полюбить самый образъ Козьмы Пруткова, съ его безобидной шуткой.

Къ серединѣ 60-хъ годовъ онъ, однако, самъ прекратилъ свою литературную дѣятельность...

ЮНКЕРЪ ШМИДТЪ.

Вянетъ листъ. Проходитъ лѣто.
Иней серебрится...
Юнкеръ Шмидтъ изъ пистолета
Хочетъ застрѣлиться.
Погоди, безумный, снова
Зелень оживится!
Юнкеръ Шмидтъ! Честно́е слово,
Лѣто возвратится!

НѢМЕЦКАЯ БАЛЛАДА.

Баронъ фонъ-Гринва́льдусъ,
Извѣстный въ Германьи,
Въ забралахъ и латахъ,
На камнѣ предъ за́мкомъ,
Предъ за́мкомъ Амальи,
Сидитъ, принахмурясь;
Сидитъ и молчитъ.
Отвергла Амалья
Баронову руку!..
Баронъ фонъ-Гринва́льдусъ
Отъ за́мковыхъ оконъ
Очей не отводитъ
И съ мѣста не сходитъ;
Не пьетъ и не ѣстъ.
Года за годами...
Бароны воюютъ,
Бароны пируютъ.
Баронъ фонъ-Гринва́льдусъ,
Сей доблестный рыцарь,
Все въ той-же позицьи
На камнѣ сидитъ.

ПОМѢЩИКЪ И САДОВНИКЪ.

Помѣщику однажды въ воскресенье
Поднесъ презентъ его сосѣдъ.
То было нѣкое растенье,
Какого, кажется, въ Европѣ даже нѣтъ.
Помѣщикъ посадилъ его въ оранжерею;
Но какъ онъ самъ не занимался ею
(Онъ дѣломъ занятъ былъ другимъ:
Вязалъ набрюшники роднымъ),
То разъ садовника къ себѣ онъ призываетъ,
И говоритъ ему: «Ефимъ!
Блюди особенно ты за растеньемъ симъ—
Пусть хорошенько прозябаетъ".
Зима настала, между тѣмъ.
Помѣщикъ о своемъ растеньи вспоминаетъ
И такъ Ефима вопрошаетъ:
«Что? Хорошо-ль растенье прозябаетъ?»
— Изрядно,—тотъ въ отвѣтъ: — прозябло ужъ со- [всѣмъ!—
Пусть всякъ садовника такого нанимаетъ,
Который понимаетъ
Что́ значитъ слово «прозябаетъ».

ПОМѢЩИКЪ И ТРАВА.

На родину со службы воротясь,
Помѣщикъ молодой, любя во всемъ успѣхи,
Собралъ крестьянъ: „Друзья, межъ нами связь—
Залогъ утѣхи.
Пойдемте же мои осматривать поля!»
И, преданность крестьянъ сей рѣчью воспаля,
Пошелъ онъ съ ними купно.
«Что-жъ здѣсь мое?»—Да все, отвѣтилъ голова,
Вотъ тимофеева трава...—
„Мошенникъ!" тотъ вскричалъ: «Ты поступилъ пре- [ступно!
Корысть мнѣ недоступна,
Чужого не ищу, люблю свои права!
Мою траву отдать, конечно, пожалѣю,
Но эту возвратить, немедля, Тимофею!»
Оказія сія, по мнѣ, ужъ не нова:
Антоновъ есть огонь, но нѣтъ того закону,
Чтобы всегда огонь принадлежалъ Антону.

ПИСЬМО ИЗЪ КОРИНѲА.*

[посвящ. н. ѳ. щербинѣ.]

Я недавно прiѣхалъ въ Коринѳъ.
Вотъ ступени, а вотъ колоннада.
Я люблю здѣшнихъ мраморныхъ нимфъ
И истмiйскаго шумъ водопада.
Цѣлый день я на солнцѣ сижу.
Трусь елеемъ вокругъ поясницы,
Между камней паросскихъ слѣжу
За извивомъ слѣпой мѣдяницы.
Померанцы растутъ предо мной,
И на нихъ въ упоеньи гляжу я.
Дорогъ мнѣ вожделѣнный покой.
«Красота! красота!» все твержу я.
А на землю лишь спустится ночь,
Мы съ рабыней совсѣмъ обомлѣемъ...
Всѣхъ рабовъ высылаю я прочь
И опять натираюсь елеемъ.

СПОРЪ

Древнихъ греческихъ философовъ объ изящномъ.

Драматическая сцена изъ древне-греческой классической жизни, въ стихахъ.

Дѣйствiе происходитъ въ окрестностяхъ древнихъ Аѳинъ.

КЛЕФИСТОНЪ.

Да, я люблю среди лавровъ и розъ
Смуглыхъ сатировъ затѣи.

СТИѲЪ.
Іа, я люблю и Лебосъ, и Паросъ.
КЛЕФИСТОНЪ.
Іа, я люблю Пропилеи.
СТИѲЪ.
Іа, я люблю, чтобъ пѣвецъ Демодокъ
Ъ душу вдыхалъ мнѣ свой пламень.
КЛЕФИСТОНЪ.
ивскаго мрамора бѣлый кусокъ!
СТИѲЪ.
ирскій увѣсистый камень!
КЛЕФИСТОНЪ.
уники складки!
СТИѲЪ.
ламиды извивъ!
КЛЕФИСТОНЪ.
Ляску въ движеніи мѣрномъ.
СТИѲЪ.
укъ, наклоненный подъ бременемъ сливъ.
КЛЕФИСТОНЪ.
Іашу съ душистымъ фалерномъ!
СТИѲЪ.
Іюбо смотрѣть мнѣ на группу борцовъ,
акъ охватившихъ другъ друга! (*Показываетъ руками*).
КЛЕФИСТОНЪ.
змахи могучихъ люблю кулаковъ!
СТИѲЪ.
Іышцы, надутыя туго.
КЛЕФИСТОНЪ.
Іогу—настолько подвинуть впередъ. (*Оба, смотря другъ на друга, выдвигаютъ: одинъ лѣвую, другой правую ногу*).
СТИѲЪ.
Руку вотъ этакъ закинуть! (*Оба, смотря другъ на друга, закидываютъ, дугообразно, одинъ лѣвую, другой правую руку*).
КЛЕФИСТОНЪ.
Тѣлу изящный придать поворотъ... (*Оба пластически откидываются: одинъ влѣво, другой вправо*).
СТИѲЪ.
Іогу назадъ отодвинуть! (*Оба поспѣшно отодвигаютъ выдвинутую ногу*).
КЛЕФИСТОНЪ.
Часто лежу я подъ сѣнью деревъ. (*Оба принимаютъ прежнее спокойное положеніе, опустивъ одну руку на жертвенникъ*).
СТИѲЪ.
Внемлю кузнечиковъ крикамъ.
КЛЕФИСТОНЪ.
Нравится мнѣ на стѣнѣ барельефъ.
СТИѲЪ.
Я все брожу подъ портикомъ!
КЛЕФИСТОНЪ.
Думы рождаетъ во мнѣ кипарисъ.
СТИѲЪ.
Плачу подъ звукъ тетрахординъ.
КЛЕФИСТОНЪ.
Страстно люблю архитравъ и карнизъ.
СТИѲЪ.
Я же—дорическій орденъ.
КЛЕФИСТОНЪ—*разгорячаясь*:
Барсову кожу я гладить люблю!
СТИѲЪ—*съ самодовольствомъ*.
Нюхать янтарные токи!
КЛЕФИСТОНЪ—*со злобой*.
Ѣмъ виноградъ!
СТИѲЪ—*съ гордостью*.
Я-жъ охотно треплю
Отрока полныя щеки.
КЛЕФИСТОНЪ—*самоувѣренно*.
Свесть не могу очарованныхъ глазъ
Съ формы изящной котурна.
СТИѲЪ
(*со спокойнымъ торжествомъ и съ сознаніемъ своего достоинства*).
Послѣ прогулокъ моихъ утомясь,
Я опираюсь на урну. (*Изящно изгибаясь всѣмъ станомъ, опирается локтемъ правой руки на кулакъ лѣвой, будто на урну, выказывая такимъ образомъ пластическую выпуклость одного бедра и одной лядвеи. Клефистонъ бросаетъ на Стиѳа завистливый взглядъ.—Постоявъ такъ немного, они, злобно взглядывая другъ на друга, направляются вонъ столь же медленно, какъ выходили на сцену.—Съ уходомъ ихъ, сцена остается пуста. По цистернамъ ползаютъ змѣи, а мѣдяницы продолжаютъ сосать померанцы. Акрополь виденъ вдали*).

ЗАНАВѢСЪ ПАДАЕТЪ.

LIV.

Николай Александровичъ Добролюбовъ.

1836 — 1861.

Знаменитый критикъ-публицистъ, умершій отъ чахотки на 26 году жизни и, тѣмъ не менѣе, оставившій въ родной литературѣ глубокій и благотворный слѣдъ. Преслѣдуя въ искусствѣ разсудочную тенденціозность, высмѣивая Розенгейма, Бенедиктова, гр. Ростопчину и другія дутыя знаменитости, Добролюбовъ умѣлъ тонко чувствовать *поэзію правды* и далъ высокую оцѣнку произведеніямъ Островскаго и Гончарова, тепло отнесся также къ Полонскому, Плещееву, Жадовской, Марко Вовчку.

Кромѣ остроумныхъ юмористическихъ стиховъ въ „Свисткѣ", Добролюбову принадлежитъ нѣсколько прекрасныхъ лирическихъ стихотвореній, свидѣтельствующихъ столько же о поэтическомъ дарованіи, сколько и о высокомъ душевномъ строѣ этого замѣчательнаго писателя.

---

* * *

Еще работы въ жизни много,
Работы честной и святой;
Еще тернистая дорога
Не залегла передо мной.
Еще пристрастьемъ ни единымъ
Своей судьбы я не связалъ
И сердца полнымъ господиномъ
Противъ соблазновъ устоялъ.
Я вашъ, друзья, хочу быть вашимъ,
На трудъ и битву я готовъ,—
Лишь бы начать въ союзѣ нашемъ
Живое дѣло, вмѣсто словъ.
Но если нѣтъ,—мое презрѣнье
Меня далеко оттолкнетъ
Отъ тѣхъ кружковъ, гдѣ словопренье
Опять права свои возьметъ.
И сгибну-ль я въ тоскѣ безумной
Иль въ мирѣ съ пошлостью людской,—
Все лучше, чѣмъ заняться шумной,
Надменно-праздной болтовней.
Но знаю я,—работа наша
Ужъ пилигримовъ новыхъ ждетъ,
И не минетъ святая чаша
Всѣхъ, кто ея не оттолкнетъ.

---

* * *

Пускай умру—печали мало!
Одно страшитъ мой умъ больной.
Чтобы и смерть не разыграла
Обидной шутки надо мной:
Боюсь, чтобъ надъ холоднымъ трупомъ
Не пролилось горячихъ слезъ,
Чтобъ кто-нибудь въ усердьи глупомъ
На гробъ цвѣтовъ мнѣ не принесъ;
Чтобъ безкорыстною толпою
За нимъ не шли мои друзья,
Чтобъ подъ могильною землею
Не сталъ любви предметомъ я;

Чтобъ все, чего желалъ такъ жадно
И такъ напрасно я, живой,
Не улыбнулось мнѣ отрадно
Надъ гробовой моей доской!

ВЪ ПРУССКОМЪ ВАГОНѢ.

По чугуннымъ рельсамъ
Ѣдетъ поѣздъ длинный;
Не свернетъ ни разу
Съ колеи рутинной.
Часомъ въ часъ разсчитанъ
Путь его помильно...
Воля моя, воля!
Какъ ты здѣсь безсильна!
То ли дѣло съ тройкой!
Мчусь, куда хочу я,
Безъ нужды, безъ цѣли
Землю полосуя.
Не хочу я прямо—
Забирай налѣво,
По лугамъ направо,
Взадъ черезъ посѣвы...
Но, увы! ужъ скоро
Мертвая машина
Стянетъ и раздолье
Руси-исполина.
Сыплють иностранцы
Русскіе милльоны,
Чтобы русской волѣ
Положить препоны.
Но не поддадимся
Мы слѣпой рутинѣ,
Мы дадимъ духъ жизни
И самой машинѣ!
Не пойдетъ нашъ поѣздъ,
Какъ идетъ нѣмецкій:
То соскочитъ съ рельсовъ
Съ силой молодецкой,
То обвалитъ насыпь,
То мостокъ продавитъ,
То на встрѣчный поѣздъ
Ухарски направитъ;
То пойдетъ потише,
Опоздаетъ вволю,
За мятелью станетъ
Сутки трои въ полѣ.
А иной разъ просто
Часика четыре
Подождетъ особу,
Сильную въ семъ мірѣ...
Да, я вѣрю твердо:
Мертвая машина
Произволъ не свяжетъ
Руси-исполина.
Вѣрю: всѣ машины
Съ русскою природой
Сами оживятся
Духомъ и свободой.

---

* * *

Милый другъ, я умираю
Оттого, что былъ я честенъ;
Но за то родному краю,
Вѣрно, буду я извѣстенъ.
Милый другъ, я умираю,
Но спокоенъ я душою...
И тебя благословляю:
Шествуй тою же стезею!

LV.

Всеволодъ Владиміровичъ Крестовскій.

1840 — 1895.

Извѣстный авторъ сенсаціоннаго романа „Петербургскія Трущобы“, въ которомъ нельзя отрицать нѣкоторыхъ достоинствъ. Значительно слабѣе позднѣйшіе романы, явно реакціоннаго характера: „Панургово Стадо“, „Тьма египетская“ и др.

Литературную дѣятельность Крестовскій началъ стихами (отдѣльный сборникъ издалъ въ 1862 г.), отличавшимися не столько истинной поэтичностью, сколько эффектностью. Ср. „Солимскую Гетеру“ съ „Грѣшницей“ Алексѣя Толстого (стр. 248).

СОЛИМСКАЯ ГЕТЕРА.

Свѣтла, какъ образъ серафима,
Межъ падшихъ женъ была одна,
Далекой Греціи жена—
Живой кумиръ всего Солима.
Когда она на пышный пиръ,
Въ благоуханьи сладкихъ мирръ,
Бывало, явится царицей
Съ золотострунною цѣвницей,
И кубокъ стараго вина,
Въ гирляндахъ розовыхъ, она
Надъ головою, какъ менада,
Въ вѣнкѣ изъ миртъ и винограда,
Подниметъ нѣжною рукой,
Отбросивъ съ персей покрывало,
И запоетъ передъ толпой—
Ей все восторженно внимало.
Гулъ острыхъ словъ и соль сатиръ,
И смѣхъ гостей и все—смолкало,
Когда, подъ звуки нѣжныхъ лиръ,
Изъ „Пѣсни Пѣсней“ Соломона
Иль старика Анакреона
Она имъ пѣла. Плески, крикъ,
Стихи, сложённые поэтомъ,
На пѣсню были ей отвѣтомъ...
И юный отрокъ, и старикъ
Въ восторгѣ млѣли... Всѣ заботы
Сжигалъ огонь ея очей,
И даже постникъ-фарисей
При всѣхъ, забывъ уставъ субботы,
Дрожа, лобзалъ колѣни ей.
Былъ пиръ у ней. Среди маслинъ
На ложа кругъ гостей склонялся—
И въ искрометной пѣнѣ винъ,
Казалось, жемчугъ растоплялся.
Изъ вазъ на эллинскій кумиръ
Благоуханія кропились;
Изъ вертограда доносились
Напѣвы трепетные лиръ;
Въ ладъ говорливой сикоморы
Звучали праздничные хоры,
Гремѣли бубны на отлетъ
И брызгалъ перлы водометъ.
Блистая роскошью Востока,
Ликуетъ пиръ—и кругъ гостей
Все шире, бойче и хмѣльнѣй.
На праздникъ ждали всѣ пророка.
О немъ чудесная молва
Межъ возлежавшими ходила:
Что, будто, въ немъ святая сила
Сокрыта, что его слова
Вѣщаютъ странныя сказанья,

Что онъ страдалъ, но презрѣлъ онъ
Всѣ эти дряхлыя преданья
И вызвалъ истины законъ:
Онъ въ человѣкѣ видитъ брата;
Его крушитъ одна утрата
Любви и истины въ сердцахъ,
И такъ онъ святъ, что предъ толпою
Любая грѣшница съ мольбою
Предъ нимъ повергнется во прахъ.
И вдругъ, съ надменною улыбкой,
Презрѣнья гордаго полна,
Лѣниво выгнувъ станъ свой гибкій,
Отъ ложа вспрянула она.
„Не вѣрю я", она сказала,
„Чтобъ вашъ прославленный пророкъ
Прельститься женщиной не могъ!
Повѣрьте мнѣ: я испытала
Съ-измлада силу женскихъ чаръ,
Когда и царственный кидаръ
Склонялся къ этому подножью,
Какъ будто къ жертвеннику божью.
Не вѣрю я! И знайте—онъ
Ко мнѣ склонится, какъ повѣса,
Призывомъ первымъ охмѣленъ!"
Но вотъ расторглася завѣса—
И входитъ Онъ: и простъ, и святъ...
И всѣ замолкли—ждутъ, глядятъ...
И встала гордая блудница!
Соблазна женскаго полна,
Въ величьи царственномъ она
Къ Нему подходитъ... Какъ орлица,
Взглянула въ очи... Мигъ—и вдругъ
Въ ея чертахъ нѣмой испугъ...
Вздрогнула, съ ужасомъ въ очахъ,
Лицо скрывая въ покрывало,—
И вдругъ повергласа во прахъ
И въ изступленьи зарыдала...
И, передъ Нимъ склонясь у ногъ,
Она дрожитъ—и, сквозь рыданье,
У ней вдругъ вырвалось признанье:
„Ты побѣдилъ меня, пророкъ!
Простри же дерзкому невѣрью,
Простри цѣлительную длань—
И въ жизнь войду я узкой дверью!"
И Онъ сказалъ ей кротко: „Встань!"

ПОСЛѢДНЯЯ БАРРИКАДА.

Мнѣ снился мучительный сонъ:
Гасъ вечеръ на небѣ багровомъ,
И въ воздухѣ грохотъ и стонъ
Носились въ величьи суровомъ.
Вся улица кровью полна,
Весь городъ въ смятеньи отъ страха—
И вонъ ужъ позорно видна
На площади черная плаха.
Подъ ядрами рушится домъ,
Визжитъ и взвивается пламя,
И вѣетъ во пламени томъ
Кровавое, красное знамя.
Работаютъ дружно штыки,
Гремятъ вдалекѣ барабаны—
И ломятся массой полки
Къ заваламъ, въ народные станы.
Рѣдѣетъ защитниковъ строй,
Густѣютъ враговъ ихъ громады—
И падаютъ всѣ чередой,
Одна за другой, баррикады.
Но вотъ и послѣдній упалъ
Оплотъ угасавшей надежды...
Вдругъ, кто-то надъ павшими всталъ
Въ сіяніи бѣлой одежды:
Надъ облакомъ дыма, во мглѣ,
Стоялъ Онъ на той баррикадѣ
Съ терновымъ вѣнцомъ на челѣ
И съ мукой предсмертной во взглядѣ.
Онъ руки свои простиралъ,
Гвоздями пробитыя руки,
И ликъ его кроткій дышалъ
Страданьемъ божественной муки.
Вѣтвь мира для міра всего
Держалъ онъ средь павшаго стана,
И въ правомъ боку у него
Сочилася новая рана.
И тихо народъ умиралъ,
Лобзая священныя раны—
А вечеръ во мракѣ вставалъ,
И били вдали барабаны...

———

LVI.

Өедоръ Николаевичъ Бергъ.

Род. 1840.

Поэтъ-переводчикъ (главнымъ образомъ изъ Гейне). Часто смѣшиваютъ съ Н. В. Бергомъ (1824—1884), которому принадлежитъ очень недурной переводъ „Пана Тадеуша“, знаменитой поэмы Мицкевича.

Справедливость требуетъ отмѣтить, что въ концѣ жизни симпатичный авторъ „Зайки“ и „Въ полѣ“ редактировалъ такія черносотенныя (по современной терминологіи) изданія, какъ „Русскій Вѣстникъ“, „День“ и др.

ЗАЙКА.

Заинька у елочки попрыгиваетъ,
Лапочкой объ лапку поколачиваетъ.
„Экіе морозцы, прости Господи, стоятъ!
Елочки отъ холоду подъ инеемъ трещатъ.
Елочки отъ холоду потрескиваютъ,
Лапочки отъ холоду совсѣмъ свело.
Вотъ кабы мнѣ, зайкѣ, мужичонкомъ быть,
Вотъ кабы мнѣ, зайкѣ, да въ лаптяхъ ходить,
Жить бы мнѣ да грѣться въ избушечкѣ
Со своей хозяюшкою сѣренькой!
Нынче мужички-то хорошо живутъ,
Нынче мужичкамъ-то эту волюшку даютъ,
Волюшку-свободу, волю вольную,
Что на всѣ иди четыре стороны:
На одну-то сторону напросишься,
На другую сторону намолишься...
Вотъ кабы мнѣ, зайкѣ, мужичонкомъ быть,
Вотъ кабы мнѣ, зайкѣ, да въ лаптяхъ ходить,
Пироги бы ѣсть, да все съ капусткою,
Пироги бы съ сладкою морковкою,
На полатяхъ зимушку пролеживать,
По морозцу въ саночкахъ покатывать“.

1862.

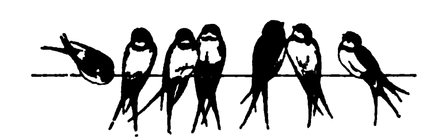
ВЪ ПОЛѢ.

Дай тебѣ Боже, родная земля,
Мира, свободы, покою!
Ка́къ эти села, ка́къ эти поля
Крѣпко сроднились съ душою!
Чудное утро за ночью дождливою:
Сѣрая тѣнь переходитъ за нивою,
Тучки плывутъ въ синевѣ,
И широко по травѣ
Тянется вѣтеръ струей благовонною
Въ рощу зеленую,
Дождикомъ свѣжимъ омытую,
Солнечнымъ свѣтомъ залитую!..
Дай тебѣ Боже, родная земля,
Дождичка, ведра въ поля,
И сохрани ихъ отъ града, отъ голода,
Жара сухого да поздняго холода!
Богъ вамъ на помощь, Христовы работнички!
Глубже вамъ вспахивать пашенку черную,
Шире косой размахнуться проворною—
Будетъ большой урожай,
Градъ не побьетъ, саранча не напустится...
Какъ все кругомъ зацвѣтетъ да распустится—
Знай увози—собирай!
Въ полдень ли жаркій, полу́ночью-ль тихою

омъ потянетъ отъ кашки съ гречихою,
Станутъ хлѣба—что́ стѣна,
асквозятся, что золото яркое,
ли сухіе на солнышко жаркое
И зашумятъ, какъ волна.
ни по селамъ споются веселыя,
юмъ застонутъ телѣги тяжелыя—
Горы сноповъ повезутъ.
чѣмъ поля за труды ни поплотятся,
на току на сухомъ умолотится,
Все въ закрома покладутъ.

Дай тебѣ, Боже, родная земля,
Мудрыхъ вождей и великихъ,
Чтобы не слышали эти поля
Криковъ проклятія дикихъ,
Чтобъ не лилась неповинная кровь,
Слезъ неутѣшныхъ не лилось,
Чтобъ вѣковѣчно святая любовь
Въ грѣшныхъ сердцахъ воцарилась!
1862.

———



LVII.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.

1818 — 1883.

Знаменитый романистъ. Свою блестящую литературную дѣятельность Тургеневъ началъ стихами, напечатавъ въ 1843—1846 г.г. цѣлый рядъ стихотвореній и поэмъ („Параша“, „Разговоръ“, „Андрей“, „Помѣщикъ“), очень привѣтливо встрѣченныхъ, между прочимъ, Бѣлинскимъ. Дѣйствительно, стихи эти обличали въ авторѣ несомнѣнное поэтическое дарованіе, умѣнье тонкими, красивыми штрихами рисовать картины родной природы и вызываемыя ею неопредѣленно-меланхолискія настроенія; но самостоятельнаго внутреняго содержанія въ нихъ не было. И, къ вликой чести Тургенева, онъ это скоро пони, пренебрегши недальновидными сѣтованідрузей, съ 1847 года оставилъ стихи, кпрофессію. Но изрѣдка писалъ ихъ и позЕго переводъ „Тьмы“ Байрона и „Сонъ“ (иромана „Новь“) не должны быть забыты.

ТЬМА.

[ИЗЪ БАЙРОНА.]

Я видѣлъ сонъ... Не все въ немъ было сномъ.
Погасло солнце свѣтлое, и звѣзды
Скиталися безъ цѣли, безъ лучей
Въ пространствѣ вѣчномъ; льдистая земля
Носилась слѣпо въ воздухѣ безлунномъ.
Часъ утра наставалъ и проходилъ,
Но дня не приводилъ онъ за собою...
И люди, въ ужасѣ бѣды великой,
Забыли страсти прежнія... Сердца
Въ одну себялюбивую молитву
О свѣтѣ робко сжались—и застыли.
Передъ огнями жилъ народъ; престолы,
Дворцы царей вѣнчанныхъ, шалаши,
Жилища всѣхъ имѣющихъ жилища
Въ костры слагались... Города горѣли...
И люди собиралися толпами
Вокругъ домовъ пылающихъ—затѣмъ,
Чтобы хоть разъ взглянуть въ лицо другъ другу.
Счастливы были жители тѣхъ странъ,
Гдѣ факелы вулкановъ пламенѣли!
Весь міръ одной надеждой робкой жилъ...
Зажгли лѣса; но съ каждымъ часомъ гасъ
И падалъ обгорѣлый лѣсъ; деревья
Внезапно съ грознымъ трескомъ обрушались...
И лица—при неравномъ трепетаньи
Послѣднихъ замирающихъ огней—
Казались неземными... Кто лежалъ,
Закрывъ глаза, и плакалъ; кто сидѣлъ,
Руками подпираясь,—улыбался;
Другіе хлопотливо суетились
Вокругъ костровъ и, въ ужасѣ безумномъ,
Глядѣли смутно на глухое небо,
Земли погибшей саванъ... А потомъ
Съ проклятьями бросались въ прахъ и выли,
Зубами скрежетали. Птицы съ крикомъ
Носились низко надъ землей, махая
Ненужными крылами... Даже звѣри
Сбѣгались робкими стадами... Змѣи
Ползли, вились среди толпы, шипѣли,
Безвредныя,—ихъ убивали люди
На пищу... Снова вспыхнула война,

асшая на время... Кровью купленъ
юсъ былъ каждый; всякій въ сторонѣ
гѣлъ угрюмо, насыщаясь въ мракѣ.
бви не стало; вся земля полна
іа одной лишь мыслью: смерти, смерти
славной, неизбѣжной... Страшный голодъ
залъ людей, и быстро гибли люди...
не было могилы ни костямъ,
тѣлу: пожиралъ скелетъ скелета,
даже псы хозяевъ раздирали!
инъ лишь песъ остался трупу вѣренъ—
зрей, людей голодныхъ отгонялъ,
ка другіе трупы привлекали
ь зубы жадные, но пищи самъ
принималъ. Съ унылымъ долгимъ стономъ
5ыстрымъ, грустнымъ крикомъ все лизалъ
ь руку, безотвѣтную на ласку,
умеръ, наконецъ... Такъ постепенно
іхъ голодъ истребилъ; лишь двое гражданъ
элицы пышной, нѣкогда враговъ,
живыхъ осталось... Встрѣтились они
гаснувшихъ остатковъ алтаря,—
водными костлявыми руками,
ожа, вскопали золу... Огонекъ
дъ слабымъ ихъ дыханьемъ вспыхнулъ слабо,
къ бы въ насмѣшку имъ... Когда же стало
ѣтлѣе, оба подняли глаза,
глянули, вскрикнули—и тутъ же вмѣстѣ,
ъ ужаса взаимнаго, внезапно
али мертвыми...
И міръ былъ пустъ!
тъ многолюдный міръ, могучій міръ—
ыъ мертвой массой, безъ травы, деревьевъ,
зъ жизни, времени, людей, движенья...
хаосъ смерти былъ. Озера, рѣки
море—все затихло. Ничего
шевелилось въ безднѣ молчаливой.
злюдные лежали корабли
гнили на недвижной, сонной влагѣ...
зъ шума, по частямъ валились мачты
падая, волны не возмущали.
оря давно не вѣдали приливовъ:
гибла ихъ владычица—луна,
вяли вѣтры въ воздухѣ нѣмомъ...
чезли тучи... Тьмѣ не нужно было
къ помощи—она была повсюду!

———

* * *

Брожу надъ озеромъ... Туманны
Вершины круглыя холмовъ;
Темнѣетъ лѣсъ, и звучно-странны
Ночные клики рыбаковъ.
Полна прозрачной, ровной тѣнью
Небесъ нѣмая глубина,
И дышетъ холодомъ и лѣнью
Полузаснувшая волна.
Настала ночь...
За яркимъ, знойнымъ,
О, сердце! за тревожнымъ днемъ,—
Когда же ты заснешь спокойнымъ,
Пожалуй, хоть послѣднимъ сномъ?..

———

РОМАНСЪ ПАНШИНА.

(изъ „Дворянскаго гнѣзда".)

Луна плыветъ высóко надъ землею
Межъ блѣдныхъ тучъ;
Но движетъ съ вышины волной морскою
Волшебный лучъ.
Моей души тебя признало море
Своей луной
И движется—и въ радости, и въ горѣ—
Тобой одной.
Тоской любви, тоской нѣмыхъ стремленій
Душа полна,
Мнѣ тяжело... Но ты чужда смятеній,
Какъ та луна!
1859.

———

СТИХОТВОРЕНІЯ НЕЖДАНОВА.

[изъ „Нови".]

I.

* * *

Милый другъ, когда я буду
Умирать—вотъ мой приказъ:
Всѣхъ моихъ писаній груду
Истреби ты въ тотъ же часъ!
Окружи меня цвѣтами,
Солнце въ комнату впусти,
За закрытыми дверями
Музыкантовъ помѣсти.
Запрети имъ плачъ печальный!
Пусть, какъ будто въ часъ пировъ,
Рѣзко взвизгнетъ вальсъ нахальный
Подъ ударами смычковъ!
Слухомъ гаснущимъ внимая
Замираніямъ струны,
Самъ замру я, засыпая...
И, предсмертной тишины
Не смутивъ напраснымъ стономъ,
Перейду я въ міръ иной,
Убаюканъ легкимъ звономъ
Легкой радости земной!

II.

СОНЪ.

Давненько не бывалъ я въ сторонѣ родной...
Но не нашелъ я въ ней замѣтной перемѣны.
Все тотъ же мертвенный, безсмысленный застой,
Строенія безъ крышъ, разрушенныя стѣны,
И та же грязь, и вонь, и бѣдность и тоска,
И тотъ же рабскій взглядъ, то дерзкій, то унылый!
Народъ нашъ вольнымъ сталъ,—и вольная рука
Виситъ по-прежнему какой-то плёткой хилой...
Все, все по-прежнему! И только лишь въ одномъ
Европу, Азію, весь свѣтъ мы перегнали:
Нѣтъ! никогда еще такимъ ужаснымъ сномъ
Мои любезные соотчичи не спали!
Все спитъ кругомъ, вездѣ, въ деревняхъ, въ горо-
[дахъ,
Въ телѣгахъ, на саняхъ, днемъ, ночью, сидя, с
Купецъ, чиновникъ спитъ; спитъ сторожъ н
[сп
Подъ снѣжнымъ холодомъ и на припекѣ зноя!
И подсудимый спитъ, и дрыхнетъ судія;
Мертвó спятъ мужики: жнутъ, пашутъ—спятъ;
[лотятъ-
Спятъ тоже... Спитъ отецъ, спитъ мать, с
[вся семья
Всѣ спятъ! Спитъ тотъ, кто бьетъ, и тотъ, кого
[лотя
Одинъ царёвъ кабакъ—тотъ не смыкаетъ глазъ
И, штофъ съ очищенной всей пятерней сжимая
Лбомъ въ полюсъ упершись, а пятками въ Кавк
Спитъ непробуднымъ сномъ отчизна, Русь свят

1876.

LVIII.

Неизвѣстный.

—

.вторъ знаменитаго романса „Насъ вѣнчали зъ церкви", музыка котораго принадлеъ Даргомыжскому,—неизвѣстенъ. На ноь значится иногда: „слова Т. М. А.",—и южно, что они, дѣйствительно, сочинены гѣстнымъ поэтомъ спеціально для музыки славленнаго композитора.

ъ какому времени относится романсъ? въ началѣ 30-хъ годовъ Даргомыжскій былъ извѣстенъ, какъ авторъ многочисленныхъ романсовъ. Вѣроятнѣе, однако, что „Насъ вѣнчали не въ церкви" появилось не ранѣе 50-хъ годовъ (Даргомыжскій умеръ въ 1869 г.), т. е. эпохи нашего перваго освободительнаго движенія, когда общество русское такъ увлекалось, между прочимъ, идеей свободной любви. Во всякомъ случаѣ, къ 60—70 годамъ относится наибольшая популярность романса.

———

* * *

ь вѣнчали не въ церкви, не въ вѣнцахъ, не съ [свѣчами,
ъ не пѣли ни гимновъ, ни обрядовъ вѣнчаль- [ныхъ!
Вѣнчала насъ полночь средь мрачнаго бора,
Свидѣтели были: туманное небо
Да тусклыя звѣзды; вѣнчальныя пѣсни
Пропѣлъ буйный вѣтеръ да воронъ зловѣщій...
На стражѣ стояли утесы да бездны...
Вѣнки намъ сплетали любовь да свобода.
ıе звали на праздникъ ни друзей, ни знакомыхъ,
ѣтили насъ гости по своей доброй волѣ!
Всю ночь бушевали гроза и ненастье,
Всю ночь пировали земля съ небесами.
Гостей угощали багровыя тучи.
Лѣса и дубравы напились до-пьяна!
Столѣтніе дубы съ похмѣлья свалились!
Гроза веселилась до поздняго утра...
Разбудилъ насъ не свёкоръ, не свекровь, не не- [вѣстка,
Не неволюшка злая—разбудило насъ утро.
Востокъ заалѣлся стыдливымъ румянцемъ;
Земля отдыхала отъ буйнаго пира;
Веселое солнце играло съ росою;
Поля разрядились въ воскресное платье;
Лѣса зашумѣли заздравною рѣчью;
Природа, въ восторгѣ, вздохнувъ, улыбнулась...

LIX.

Дмитрій Дмитріевичъ Минаевъ.

1835 — 1889.

Талантъ Минаева, по-преимуществу, версификаторскій; легкость стиха и полнозвучность рифмы (установился даже терминъ: „минаевская рифма“) — вотъ его главныя достоинства. Самъ поэтъ шутливо писалъ о себѣ:

Область рифмъ—моя *стихія*,
И легко пишу *стихи я*:
Безъ раздумья, безъ *отсрочки*
Я бѣгу къ строкѣ *отъ строчки*;
Даже къ финскимъ *скаламъ бурымъ*
Обращаюсь *съ каламбуромъ* . . .

Оригинальныя стихотворенія Минаева,— главнымъ образомъ, обличительныя, — в настоящее время забыты. Многочисленн переводы не отличаются, въ большинствѣ, близостью къ подлиннику, ни особенны полетомъ вдохновенія; однако, благодаря то же легкости стиха, встрѣчаются счастли исключенія.

ИЗЪ „ЧАЙЛЬДЪ-ГАРОЛЬДА“ БАЙРОНА.

I.

ПРОЩАНІЕ.

Прости! Утопаетъ въ дали голубой
Родимаго берега видъ;
Волна за волною реветъ въ перебой,
И дикая чайка кричитъ.
Мы видимъ, какъ солнце въ морской глубинѣ
Торопится отдыхъ найти...
Прости—и тебѣ, и родимой странѣ!..
Мой край, доброй ночи! прости!
Часы пролетятъ, и опять надо мной
Румяное солнце взойдетъ,
Вновь день я увижу, но берегъ родной
Изъ глазъ навсегда пропадетъ.
Сталъ пустъ и заброшенъ печальный мой домъ,
Огонь разведенный зачахъ,
И стѣны травой зростаютъ кругомъ,
И воетъ мой песъ въ воротахъ.
— Мой маленькій пажъ! Подойди же ко мнѣ,
О чемъ ты рыдаешь съ тоской?
Боишься-ль ты смерти въ холодной волнѣ?
Иль холоденъ вѣтеръ ночной?
Утри свои слезы, будь веселъ опять.
Корабль нашъ построенъ легко,
И если бы соколъ насъ вздумалъ догнать—
Остался бы онъ далеко.—
— „Не страшны мнѣ бури. Пусть волны ревутъ,
Пусть вѣтеръ рветъ парусъ въ клочки,
Но ты, господинъ, не дивись, что бѣгутъ
Изъ глазъ моихъ слезы тоски.
Не вижу я больше отцовскихъ сѣдинъ
И мать со слезами въ глазахъ;
Остались друзьями мнѣ—ты лишь одинъ
Да Тотъ, что живетъ въ небесахъ.
Отецъ на прощанье крестилъ мнѣ чело,
Хоть холоденъ былъ его взглядъ,
Но мать моя будетъ вздыхать тяжело,
Пока не вернусь я назадъ.“
— Довольно, малютка! Понять я умѣлъ,
Что слезы такія—не стыдъ,
И если-бъ я чистое сердце имѣлъ,
Я самъ бы заплакалъ навзрыдъ.

Іоди же ко мнѣ ты, мой вѣрный слуга,
лицѣ твоемъ блѣдность видна...
ты не боишься-ль француза-врага?
буря морская страшна?
Ты думаешь, мой господинъ, обо мнѣ,
стану за жизнь я робѣть?
ъ, мысль о покинутой бѣдной женѣ
я заставляетъ блѣднѣть.
зъ замка отцовъ твоихъ съ мукой въ лицѣ
шлось мнѣ дѣтей покидать.
ерь, если спросятъ они объ отцѣ,
можетъ отвѣтить имъ мать?"
Довольно, мой добрый служитель, ты правъ,
аль твоя стоитъ похвалъ;
я—не таковъ легковѣрный мой нравъ,—
ясь, край родной покидалъ.
то же находимъ мы въ женскихъ слезахъ?
олго ли женщина ждетъ?
кая рука на прекрасныхъ глазахъ
рашнія слезы сотретъ.
жаль мнѣ дней счастья въ родимой странѣ,
гнусь я при видѣ грозы,
горько одно лишь, что не о комъ мнѣ
лить ни единой слезы.
новь одинокъ, какъ въ былые года,
инъ посреди этихъ водъ...
чему-жъ о другихъ я заплачу, когда
кто обо мнѣ не вздохнетъ?
долго мой песъ будетъ выть и скучать,
идетъ новый уголъ и кровъ,
если вернусь я—меня разорвать
ъ собственный будетъ готовъ.
абль мой! Неси же меня по волнамъ,
сть море кипитъ подо мной!
и, куда хочешь, къ далекимъ странáмъ,
шь только не въ край мой родной!
вѣтъ посылаю я синимъ морямъ,
ихъ не увижу въ пути,—
вѣтъ мой пещерамъ, пустынямъ, горамъ...
й край, доброй ночи! Прости!..

II.

ПѢСНЯ.

юкъ, нахмурясь, надъ Рейномъ склоняется;
Рейнъ серебристый ворчитъ:
Грудь водяная его раздувается,
Межъ берегами скользитъ.
Въ пышныхъ садахъ виноградъ разростается...
Нивы, холмы и лѣса...
Городъ за городомъ въ нихъ поднимается...
Кротко глядятъ небеса...
Право, не пѣлъ бы я пѣсни унылыя,
Счастье напрасно губя,
Если-бъ была ты со мной, моя милая,
Если-бъ я видѣлъ тебя!
Голубоокія дѣвы встрѣчаются:
Поступь--полна красоты;
Такъ откровенно онѣ улыбаются
И предлагаютъ цвѣты.
Здѣсь—колоннада стоитъ феодальная,
Тамъ—рядъ скалистыхъ высотъ,
Здѣсь виснетъ въ воздухѣ арка печальная,
Словно паденія ждетъ.
Вотъ и бесѣдка... О, вѣрно-бъ, здѣсь скоро я
Могъ отдохнуть отъ потерь—
Жаль, что нѣтъ ручки прекрасной, которая
Сжала-бъ мнѣ руку теперь!
Шлю я тебѣ эти лиліи блѣдныя:
Въ день, какъ получишь ихъ ты,
Будутъ измяты ихъ листики бѣдные,
Мертвыми будутъ цвѣты.
Все же на память иного свиданія
Эти цвѣты сохрани;
Брось имъ, порою, хоть взоръ состраданія
И обо мнѣ вспомяни!
Будешь ты помнить, что гдѣ-то на Рейнѣ я
Эти цвѣты собиралъ,
Вмѣстѣ съ цвѣтами къ тебѣ въ отдаленіе
Думы свои посылалъ.
Рейнъ горделиво бѣжитъ, извивается—
Каждый хорошъ поворотъ;
Тысяча видовъ кругомъ раскрывается,
Полныхъ волшебныхъ красотъ.
Здѣсь забываю я гордость надменную,
Съ сердца сбѣгаетъ тоска:
Можно кругомъ исходить всю вселенную—
Краше въ ней нѣтъ уголка.
Но эти виды мнѣ лучше-бъ казалися,
Ожило все бы вокругъ,
Если бы взоры мои здѣсь встрѣчалися
Вмѣстѣ съ твоими, мой другъ!

LX.

Омулевскій
(Иннокентій Васильевичъ Ѳедоровъ).

1836 — 1883.

Типичный писатель 60-хъ годовъ, авторъ извѣстнаго, въ свое время очень популярнаго, романа „Шагъ за шагомъ“.

Что касается стихотвореній Омулевскаго, имѣвшихъ цѣлью будить честныя мысли и добрыя чувства, то, собственно, поэтическія достоинства ихъ очень невелики: они прозаичны и растянуты. До сихъ поръ, впрочемъ, не забыто маленькое стихотвореніе, посвященное Омулевскимъ родной Сибири.

Къ тому же типу поэтовъ 60-хъ годовъ, совсѣмъ мало обращавшихъ вниманія к красоту формы и не замѣнявшихъ ея, к Некрасовъ, стихійной силой таланта,—п надлежалъ и другой извѣстный романис того времени, Александръ Константинови Шеллеръ (1838 — 1900), писавшій по псевдонимомъ А. Михайлова. Стихи е посвященные жизни и страданіямъ трудящ бѣдноты, симпатичны по содержанію, но в художественномъ отношеніи малоцѣнны.

---

* * *

Если ты странствуешь, путникъ,
Съ цѣлью благой и высокой—
Ты посѣти, между прочимъ,
Край мой далекій!
Тамъ, сквозь снѣга и морозы,
Носятся мощные звуки;
Встрѣтишь людей тамъ, что́ терпятъ
Муки за муки.
Нѣтъ тамъ пустыхъ истукановъ,
Вздоховъ изнѣженной груди:
Тамъ—только люди да цѣпи,
Цѣпи да люди...

---

* * *

Свѣтаетъ, товарищъ!..
Работать давай!
Работы усиленной
Требуетъ край.
Работай руками,
Работай умомъ,
Работай безъ устали
Ночью и днемъ!
Не думай, что трудъ нашъ
Безслѣдно пройдетъ,
Не бойся, что думъ твоихъ
Міръ не пойметъ...
Работай лишь съ пользой
На нивѣ людей,
Да сѣй только честныя
Мысли на ней.
А тамъ ужъ что́ будетъ—
То будетъ пускай...
Такъ ну-же работать мы
Дружно давай!
Работать руками,
Работать умомъ,
Работать безъ устали
Ночью и днемъ!

LXI.

Петръ Исаевичъ Вейнбергъ.

Род. 1830.

Еще въ 1852 году выступилъ на литературное поприще съ переводами изъ Гюго, съ той поры вотъ уже шестое десятилѣтіе, неутомимо и непрерывно, знакомитъ русскую публику съ иностранными поэтами. Имя П. И. Вейнберга трудно, — подобно Михайлову или Курочкину,—пріурочить къ одному какому-либо поэтическому свѣтилу запада, потому что онъ почти съ одинаковой степенью талантливости и добросовѣстности переводилъ Шекспира, Шиллера, Шелли, Лессинга, Гуцкова, Гейне, Гервега, Ленау, Шамиссо, Мицкевича и т. д., и т. д., включая и многія капитальныя произведенія этихъ французскихъ, нѣмецкихъ, английскихъ, польскихъ художниковъ слова („Отелло," „Венеціанскій купецъ", „Ченчи", „Натанъ Мудрый", „Уріэль Акоста" и пр).

Какъ оригинальный поэтъ, П. И. Вейнбергъ не изъ числа, конечно, тѣхъ избранниковъ, которые оставляютъ глубокій слѣдъ въ литературѣ. Въ поэзіи его нѣтъ сильныхъ лирическихъ настроеній; скорбно-юмористическій стихъ, — нѣчто среднее между манерами Гейне и Некрасова, — не отличается какою-либо виртуозностью формы, какъ и у большинства русскихъ поэтовъ, выступившихъ въ 60-е годы; но подъ этимъ, неуклюжимъ порою, стихомъ скрывается искренняя, серьезная мысль и ясная бодрость духа,— не только не падающая, но съ годами, повидимому, все растущая жизнерадостность, вѣра въ идеалъ, въ конечное торжество добра и свѣта.—Юмористическія стихотворенія П. И. подписывалъ извѣстнымъ псевдонимомъ „Гейне изъ Тамбова".

* * *

. . . . . Когда весною,
Въ сіяньи первой теплоты,
Раскроетъ съ силой молодою
Могучій дубъ свои листы,—
Тогда ничто его свободы
И свѣжихъ силъ не сокрушитъ;
Подъ бурнымъ вихремъ непогоды
Неколебимо онъ стоитъ,
Удары смѣло переноситъ,
Растетъ и крѣпнетъ по часамъ
И гордо голову возноситъ
Къ своимъ завѣтнымъ небесамъ!

ГОРНАЯ ИДИЛЛІЯ.

[изъ Гейне]

На горѣ стоитъ избушка.
Въ ней живетъ старикъ сѣдой;
Тамъ шумятъ вѣтвями ели,
Блещетъ мѣсяцъ золотой.
Посреди избушки кресло.

Въ немъ рѣзные всѣ края;
Кто сидитъ на немъ, тотъ счастливъ,
И счастливецъ этотъ—я.
На скамьѣ сидитъ малютка,
Опершись на локотокъ,
Глазки—звѣзды голубыя,
Ротикъ—пурпурный цвѣтокъ.
И въ прекрасныхъ этихъ звѣздахъ
Точно неба глубина;
Вотъ кладетъ лукаво пальчикъ
Къ губкамъ пурпурнымъ она.
Нѣтъ, насъ матушка не видитъ,
Пряжу пристально прядетъ,
А отецъ, подъ звуки лютни,
Пѣсню старую поетъ.
И малютка шепчетъ тихо,
Тихо, голосъ затая...
Тутъ не мало тайнъ завѣтныхъ
Отъ нея услышалъ я:
„Вотъ, какъ тетушки не стало,
Все сижу я взаперти;
Въ нашъ веселый, шумный городъ
Не съ кѣмъ больше мнѣ пойти.
Здѣсь же холодъ и безлюдье,
Нѣтъ скучнѣе стороны;
А зимой подъ этимъ снѣгомъ
Мы совсѣмъ схоронены.
Ну, а я-то боязлива
И страшуся, какъ дитя,
Духовъ злыхъ, что ночью бродятъ,
Шутки скверныя шутя".
Вдругъ малютка замолчала,
Будто собственныхъ рѣчей
Испугавшись, и закрыла
Глазки ручкою своей.
Ели шепчутся сильнѣе,
Прялка быстрая жужжитъ,
И подъ звонъ отцовской лютни
Пѣсня старая звучитъ:
„Не страшись могучей власти
Духовъ злыхъ, ребенокъ мой:
Духи добрые на стражѣ
Днемъ и ночью надъ тобой!"
Ель зелеными вѣтвями
Къ намъ въ окошечко стучитъ,
И нескромный желтый мѣсяцъ
Тихо въ комнату глядитъ.
Ужъ отецъ и мать уснули
Въ спальнѣ маленькой своей,
Мы же въ шопотѣ блаженномъ
Не смыкаемъ все очей.
„Нѣтъ, что ты привыкъ молиться,
Мнѣ повѣрить мудрено:
Блѣдныхъ губъ твоихъ дрожанье
Не молитвой рождено.
Этотъ злой, холодный трепетъ
На меня наводитъ страхъ;
Но смиряешь ты мой ужасъ
Свѣтомъ набожнымъ въ очахъ.
Ты, мнѣ кажется, не вѣришь
Въ то, что̀ чистыя сердца
Вѣрой чистой называютъ—
Въ Духа, Сына и Отца?.."
-- Ахъ, дитя, еще ребенкомъ,—
У родимой на рукахъ,—
Вѣрилъ я въ Отца, Который
Добръ и славенъ въ небесахъ;
Кто такъ чудно человѣка
И вселенную создалъ,
И лунѣ, звѣзда́мъ и солнцу
Путь по небу указалъ.
Но, дитя мое, съ лѣтами
Стала крѣпнуть мысль моя,
Понимать я началъ больше
И повѣрилъ въ Сына я—
Сына Божьяго, который
Намъ законъ любви открылъ
И, какъ водится, въ награду
Человѣкомъ распятъ былъ.
А теперь, когда я много
Ѣздилъ, видѣлъ и читалъ,
Безгранично сердцемъ вѣрить
Я въ Святого Духа сталъ.
Онъ свершилъ большія чуда
И свершаетъ ихъ всегда:
Разорвалъ Онъ цѣпи рабства,
Сбилъ тирановъ города,
Воскресилъ былое право—
Да идетъ изъ вѣка въ вѣкъ:
Нѣтъ неравенства рожденья,
Благороденъ человѣкъ!
Злую тьму Онъ разсѣваетъ,
Духовъ темныхъ гонитъ прочь,
Что̀ любовь и радость нашу
Отравляютъ день и ночь.
Чтобъ его свершилась воля,
Выбралъ рыцарей себѣ,
Далъ имъ гордую отвагу,
Приготовилъ ихъ къ борьбѣ;
И мечи ихъ ярко блещутъ,
И знамена вѣютъ ихъ...
Что̀ малютка, ты хотѣла-бъ
Видѣть рыцарей такихъ?
Такъ смотри сюда скорѣе
Ты, ребенокъ милый мой,
И цѣлуй меня смѣлѣе—
Рыцарь Духа передъ тобой!—
За вѣтвями темной ели
Тихо прячется луна;
Наша лампа догораетъ,

Слабо брежжется она.
Но въ моихъ звѣздахъ сіянье
Ярко, весело горитъ;
И цвѣтокъ пурпурный пышетъ,
И малютка говоритъ:
„Ахъ, уродцы-домовые
Хлѣбъ воруютъ все у насъ:
Вечеръ въ ящикѣ лежитъ онъ,
Утромъ пусто каждый разъ.
„Съ молока сберутъ всѣ сливки,
Не прикроютъ и горшка,
А за ними наша кошка
Съѣстъ остатки молока.
„Ну, а кошка вѣдь колдунья:
Въ бурю, ночью, все бѣжитъ
Къ мѣсту духовъ, гдѣ въ обломкахъ
Башня старая стоитъ.
„А когда-то замокъ пышный
Возвышался гордо тамъ;
Дамы, рыцари и пажи
Въ немъ плясали по ночамъ.
„Злая фея все сгубила
Силой злого колдовства,
И теперь въ обломкахъ замка
Вьетъ гнѣздо свое сова.
„Но отъ тетки я слыхала,
Будто въ свѣтѣ слово есть:
Чуть его въ такомъ-то мѣстѣ,
Въ часъ такой-то произнесть—
‹И опять блестящій замокъ
Изъ развалинъ встанетъ тамъ,
Снова рыцари и дамы
Въ немъ запляшутъ по ночамъ.
‹Станетъ тотъ, кто скажетъ слово,
Обладателемъ всего,
Звукъ литавръ и трубъ прославитъ
Юность свѣтлую его!“
Такъ на розахъ милыхъ губокъ
Сказки чудныя цвѣтутъ,
И сіянье голубое
Звѣзды глазокъ въ лепетъ льютъ.
Руку свѣтлыми кудрями
Обвиваетъ мнѣ она,
И мои цѣлуетъ пальцы
И даетъ имъ имена.
На меня глядятъ привѣтно
Стѣны скромнаго жилья,
Столъ и шкапъ, какъ будто съ ними
Мы старинные друзья.
Ходитъ маятникъ радушно,
Тихо лютня на стѣнѣ
Прозвучитъ сама собою—
И сижу я, какъ во снѣ.
Мы теперь въ томъ самомъ мѣстѣ,
теперь тотъ самый часъ...
Слушай—смѣло я промолвлю
Слово тайное сейчасъ.
И--смотри, дитя... Свѣтлѣетъ,
Недалеко до утра,
Громче шумъ ручьевъ и елей,
Просыпается гора.
Изъ утесовъ звуки лютней,
Пѣсни духовъ пронеслись,
И лѣса цвѣтовъ роскошныхъ
Точно чудомъ разрослись.
Прихотливо, пестрымъ роемъ,
Эти сдвинулись цвѣты,
И трепещутъ сладострастьемъ
Ихъ широкіе листы.
Розы пышутъ, точно пламя;
Лилій гордые стебли,
Какъ хрустальныя колонки,
Къ небу чаши вознесли.
Звѣзды съ неба смотрятъ ярко,
Сладострастія полны,
Льются въ чаши гордыхъ лилій
Волны свѣта съ вышины.
Но, дитя, мы сами больше
Измѣнились въ этотъ часъ:
Шелкъ, и золото, и свѣчи
Блещутъ весело вкругъ насъ.
Ты въ принцессу обратилась,
Замкомъ сдѣлалась изба;
Въ немъ танцуетъ и ликуетъ
Дамъ и рыцарей гурьба!
Я-жъ надъ всѣмъ, что̀ здѣсь явилось,
Обладателемъ стою,
Славятъ трубы и литавры
Юность свѣтлую мою!

———

* * *

Онъ былъ титулярный совѣтникъ,
Она—генеральская дочь;
Онъ робко въ любви объяснился,
Она прогнала его прочь.
Пошелъ титулярный совѣтникъ
И пьянствовалъ съ горя всю ночь,
И въ винномъ туманѣ носилась
Предъ нимъ генеральская дочь.

———

ТЬМА.

Въ золотое время, въ молодые годы,
Я на свѣтлый праздникъ жизни и свободы
Бодро выходилъ;
Предо мной вставали люди-великаны,
Вѣрилось мнѣ сладко въ ихъ надежды, планы,
Въ крѣпость свѣжихъ силъ;

Вѣрилось, что въ битву за святое дѣло
Ринемся мы вмѣстѣ бѣшено и смѣло,
Что пройдутъ года—
И земля окрѣпнетъ въ сотрясеньи бурномъ,
И засвѣтитъ ярко на небѣ лазурномъ
Новая звѣзда.
Предо мною гордо развѣвались флаги;
Клики горделивой, доблестной отваги
Поражали слухъ;
Все къ борьбѣ великой грозно призывало,
Мыслью о побѣдѣ сладко волновало
Напряженный духъ...
Свѣтлыя надежды, радостныя грезы!
Ѣдкіе туманы, жгучіе морозы
Сокрушили васъ;
Яркій лучъ высокихъ, гордыхъ ожиданій
Въ мракѣ ядовитомъ гнета и страданій
Навсегда угасъ.
Эти великаны—жалкіе пигмеи,
Подъ ярмо покорно протянули шеи
И, цѣпьми звеня,
Предъ врагомъ могучимъ пали ницъ послушно
И изъ новыхъ рамокъ тупо-равнодушно
Смотрятъ на меня...
. . . .
И порою только этотъ мракъ глубокій
Свѣтомъ озарится... Голосъ одинокій
Крикнетъ вдругъ: „Пора!"
И уснувшимъ людямъ онъ напомнитъ смѣло
Про борьбу святую за святое дѣло
Правды и добра.
И, какъ будто, снова встрепенутся люди,
И кой-гдѣ, какъ будто, снова дрогнутъ груди,
Мигъ—и все прошло,
И тоскливо замеръ голосъ благородный,
И опять повсюду властелинъ свободный—
Міровое зло!..

———

* * *

Безконечной пеленою
Развернулось предо мною
Старый другъ мой—море.
Сколько власти благодатной
Въ этой шири необъятной,
Въ царственномъ просторѣ!
Я пришелъ на берегъ милый,
Истомленный и унылый,
Съ ношею старинной
Всѣхъ надеждъ моихъ разбитыхъ,
Всѣхъ сомнѣній ядовитыхъ,
Всей тоски змѣиной.
Я пришелъ повѣдать морю,
Что съ судьбой ужъ я не спорю;
Что бороться долѣ
Силы нѣтъ; что я смирился
И позорно покорился
Безобразной долѣ...
Но когда передо мною
Безконечной пеленою
Развернулось море,
И, отваги львиной полны,
Вдругъ запѣли пѣсню волны
Въ исполинскомъ хорѣ—
Пѣсню мощи и свободы,
Пѣсню грозную природы,
Жизнь берущей съ бою,—
Все во мнѣ затрепетало...
. . . .
Отряхнулъ съ себя я снова
Малодушія пустого
Пагубное бремя
И врагу съ отвагой твердой
Снова кинулъ вызовъ гордый,
Какъ въ былое время!
А сѣдыя волны моря,
Пробужденью духа вторя
Откликомъ природы,
Все быстрѣй впередъ летѣли,
Все грознѣе пѣсню пѣли
Мощи и свободы!

LXII.

Неизвѣстный.

Въ 1866 году неизвѣстный авторъ при-алъ Некрасову стихотвореніе „Не можетъ ыть",—не безукоризненное по формѣ, но олное задушевнаго, женственно-теплаго чувства. Написанный въ слѣдующемъ году отвѣтъ Некрасова, представляющій исповѣдь и защиту поэта, мы также здѣсь помѣщаемъ.

НЕ МОЖЕТЪ БЫТЬ.

[Н. А. НЕКРАСОВУ.]

нѣ говорятъ: твой чудный голосъ—ложь,
рельщаешь ты притворною слезою
словомъ лишь толпу къ добру влечешь,
самъ, какъ змѣй, смѣешься надъ толпою.
о ихъ рѣчамъ меня не убѣдить:
ное мнѣ твой взглядъ сказалъ невольно...
овѣрить имъ мнѣ было-бъ горько, больно...
Не можетъ быть!
нѣ говорятъ, что ты душой суровъ,
то лишь въ словахъ твоихъ есть чувства пламень,
то ты жестокъ, что стихъ твой—весь любовь,
сердце холодно, какъ камень!
о отчего-жъ весь міръ сильнѣй любить
нѣ хочется, стихи твои читая?
въ нихъ обманъ, а не душа живая?!
Не можетъ быть!
о если правъ ужасный приговоръ?..
кажи же мнѣ, нашъ геній, гордость наша,
жель сулитъ потомства строгій взоръ
а *дѣло* здѣсь тебѣ проклятья чашу?
жель толпѣ дано тебя язвить,
огда весь свѣтъ твоей дивится славѣ,
мы сказать въ лицо молвѣ не въ правѣ—
Не можетъ быть?!
кажи, скажи: ужель клеймо стыда
ы положилъ надъ жизнію своею?
вои слова и я приму тогда
съ вѣрою разстануся моею.
о нѣтъ! И имъ ея не истребить!
Въ твои глаза смотря съ нѣмымъ волненьемъ,
Я повторю съ глубокимъ убѣжденьемъ:
Не можетъ быть!

НЕИЗВѢСТНОМУ ДРУГУ.

[ОТВѢТЪ НЕКРАСОВА.]

Умру я скоро... Жалкое наслѣдство,
О родина, оставлю я тебѣ.
Подъ гнетомъ роковымъ провелъ я дѣтство
И молодость—въ мучительной борьбѣ.
Недолгая насъ буря укрѣпляетъ,
Хоть ею мы мгновенно смущены,
Но долгая—навѣки поселяетъ
Въ душѣ привычки робкой тишины.
На мнѣ года гнетущихъ впечатлѣній
Оставили неизгладимый слѣдъ.
Какъ мало зналъ свободныхъ вдохновеній,
О родина, печальный твой поэтъ!
Какихъ преградъ не встрѣтилъ мимоходомъ
Съ своей угрюмой музой на пути?
За каплю крови, общую съ народомъ,
И малый трудъ въ заслугу мнѣ сочти!
Не торговалъ я лирой; но, бывало,
Когда грозилъ неумолимый рокъ,
У лиры звукъ невѣрный исторгала
Моя рука... Давно я одинокъ!
Въ началѣ шелъ я съ дружною семьею,
Но гдѣ они, друзья мои, теперь?
Одни давно разстались со мною,
Передъ другими самъ я заперъ дверь.

Тѣ жребіемъ постигнуты жестокимъ,
А тѣ прешли уже земной предѣлъ!...
За то, что я остался одинокимъ,
Что я ни въ комъ опоры не имѣлъ,
Что я, друзей теряя съ каждымъ годомъ,
Встрѣчалъ враговъ все больше на пути—
За каплю крови, общую съ народомъ,
Прости меня, о родина, прости!
Я призванъ былъ воспѣть твои страданья,
Терпѣньемъ изумляющій народъ,
И бросить хоть единый лучъ сознанья
На путь, которымъ Богъ тебя ведетъ.
Но, жизнь любя, къ ея минутнымъ благамъ
Прикованный привычкой и средой,
Я къ цѣли шелъ колеблющимся шагомъ,
Я для нея не жертвовалъ собой.
И пѣснь моя безслѣдно пролетѣла,
И до народа не дошла она;
Одна любовь сказаться въ ней успѣла
Къ тебѣ, моя родная сторона!
За то, что я, черствѣя съ каждымъ годомъ.
Ее умѣлъ въ душѣ моей спасти,
За каплю крови общую съ народомъ
Мои вины, о родина, прости!

1867.

LXIII.

Алексѣй Николаевичъ Плещеевъ.

1825 — 1893.

Въ ряду второстепенныхъ русскихъ лиіковъ Плещеевъ занимаетъ видное и почетное ѣсто. Его поэзія не блещетъ яркими неюбываемыми образами, не волнуетъ сердецъ огучими боевыми призывами; форма ея тѣняетъ простотою. чуждой всякихъ претнзій, а содержаніе—навѣваетъ тихое и ооткое раздумье, охватываетъ душу какой-то миротворяющей меланхоліей. Благодушіе—лавная черта Плещеева, характеризующая о не только подъ старость, но и въ молодые оды, когда изъ-подъ пера его выходнли тихотворенія, полныя боевой отваги, въ родѣ наменитаго „Впередъ безъ страха и сонѣнья“... Въ этомъ „революціонномъ“ гимнѣ 0-хъ годовъ поэтъ приглашалъ современную ю молодежь сплотиться „подъ знаменемъ ауки“, карать „жрецовъ грѣха и лжи галломъ истины“ (увы, не очень-то страшнымъ ля нихъ оружіемъ!), „провозглашать любви ченья“ не только нищимъ, но и „богачамъ“ въ концѣ концовъ, „простить озлобленнымъ рагамъ“. Жизнь скоро показала мягкодушюму поэту всю наивность его мечтаній: юрьма, смертный приговоръ, ссылка и солатчина были ему наградой за проповѣдь любви“ (извѣстное дѣло Петрашевскаго ъ 1849 г.)... Но и послѣ того онъ не озлоился, не ожесточился сердцемъ и до конца родолжалъ пѣть свои кроткія, умиротворяющія пѣсни. И когда порой негодованіе зажигало и его душу, онъ, казалось, самъ удивлялся этому и спрашивалъ себя:

> ... *отчего*
> Вдругъ на моихъ поблекнувшихъ ланитахъ
> Румянецъ вспыхнулъ жгучаго стыда?
> ...*Зачѣмъ* во мнѣ кипитъ огонь негодованья,
> И злобы такъ полна душа моя?

Боевые мотивы Плещеева полны общихъ мѣстъ, туманныхъ возгласовъ о „правдѣ“, „истинѣ“, „чести“ и т. п., и причина этой туманности далеко не одни лишь цензурныя условія эпохи (Некрасовъ писалъ въ тѣхъ же условіяхъ): нѣтъ, это коренное свойство благодушной и нѣсколько расплывчатой природы поэта. Но искреннее чувство, одушевляющее эти „общія мѣста“, спасало и до сихъ поръ спасаетъ ихъ отъ равнодушія и забвенія читателей; чуткая молодежь, улавливая сразу эту искренность, вкладываетъ въ туманные призывы Плещеева свое собственное содержаніе, и они пользуются до сихъ поръ ея неизмѣнными симпатіями.

Къ какому-либо опредѣленному историческому моменту поэзію Плещеева трудно пріурочить. Рано появившись на литературномъ горизонтѣ, онъ затѣмъ скоро и на очень многіе годы исчезъ изъ виду. Своимъ повышенно-гуманнымъ настроеніемъ, призывомъ къ подвигу на благо обиженныхъ и

обездоленныхъ, онъ тѣснѣе всего примыкаетъ къ тому общественному теченію, которое, зародившись во второй половинѣ 60-хъ годовъ („кающіеся дворяне"), въ началѣ 70-хъ вылилось въ такъ называемое народничество. Но только къ концу этого послѣдняго десятилѣтія, уже послѣ смерти Некрасова, въ лучахъ славы котораго терялись и болѣе крупныя поэтическія звѣзды, — Плещеевъ становится замѣтной величиной, авторитетнымъ поэтомъ, къ голосу котораго прислушивается молодежь. Прямымъ его ученикомъ и наслѣдникомъ явился Надсонъ.

Лишнее говорить о достоинствахъ стихотвореній Плещеева для дѣтскаго возраста: они фигурируютъ во всѣхъ хрестоматіяхъ и пользуются неизмѣнной любовью маленькихъ читателей. Какъ переводчикъ, Плещеевъ также возвышается цѣлой головою надъ большинствомъ своихъ собратьевъ, переводившихъ иностранныхъ поэтовъ; особенно замѣчательны, на нашъ взглядъ, его переводы изъ Гейне: прихотливо-граціозная муза великаго нѣмецкаго лирика, послѣ М. Л. Михайлова, не нашла въ русской литературѣ болѣе чуткаго и тонкаго истолкователя.

---

* * *

Впередъ, безъ страха и сомнѣнья,
На подвигъ доблестный, друзья!
Зарю святого искупленья
Ужъ въ небесахъ завидѣлъ я!
Смѣлѣй! Дадимъ другъ другу руки
И вмѣстѣ двинемся впередъ,
И пусть подъ знаменемъ науки
Союзъ нашъ крѣпнетъ и растетъ.
Жрецовъ грѣха и лжи мы будемъ
Глаголомъ истины карать,
И спящихъ мы отъ сна разбудимъ
И поведемъ на битву рать!
Не сотворимъ себѣ кумира
Ни на землѣ, ни въ небесахъ:
За всѣ дары и блага міра
Мы не падемъ предъ нимъ во прахъ!
Провозглашать любви ученье
Мы будемъ нищимъ, богачамъ
И за него снесемъ гоненье,
Простимъ озлобленнымъ врагамъ!
Блаженъ, кто жизнь въ борьбѣ кровавой,
Въ заботахъ тяжкихъ истощилъ,
Какъ рабъ лѣнивый и лукавый,
Талантъ свой въ землю не зарылъ!
Пусть намъ звѣздою путеводной
Святая истина горитъ,—
И, вѣрьте, голосъ благородный
Не даромъ въ мірѣ прозвучитъ!
Внемлите-жъ, братья, слову брата,
Пока мы полны юныхъ силъ:
Впередъ, впередъ и—безъ возврата,
Что-бъ рокъ вдали намъ ни сулилъ!

1846.

---

* * *

Ночь пролетала надъ міромъ,
Сны на людей навѣвая;
Съ темно-лазуревой ризы
Сыпались звѣзды, сверкая.
Старые, мощные дубы,
Вѣчно зеленыя ели,
Грустныя ивы листвою,
Ночи навстрѣчу, шумѣли.
Радостно волны журчали,
Образъ ея отражая;
Рожь наклонялась, сильнѣе
Пахла трава луговая.
Крики кузнечиковъ рѣзвыхъ
И соловьиныя трели,
Въ хорѣ хвалебномъ сливаясь,
Въ воздухѣ тихомъ звенѣли.
И улыбалася кротко
Ночь, надъ землей пролетая...
Съ темно-лазуревой ризы
Сыпались звѣзды, сверкая...

МОЙ САДИКЪ.

Какъ мой садикъ свѣжъ и зеленъ!
Распустилась въ немъ сирень,
Отъ черемухи душистой,
И отъ липъ кудрявыхъ тѣнь.
Правда, нѣтъ въ немъ блѣдныхъ лилій,
Горделивыхъ георгинъ,
И лишь пестрыя головки
Возвышаетъ макъ одинъ.
Да посолнечникъ у входа,
Словно вѣрный часовой,
Сторожитъ себѣ дорожку,

Всю поросшую травой...
Но люблю я садикъ скромный:
Онъ душѣ моей милѣй,
Городскихъ садовъ унылыхъ
Съ тѣнью правильныхъ аллей.
И весь день, въ травѣ высокой
Лежа, слушать бы я радъ,
Какъ заботливыя пчелы
Вкругъ черемухи жужжатъ.

---

* * *

‚ лучше гибель безъ возврата,
ь миръ постыдный съ тьмой и зломъ,
ь самому на гибель брата
рѣть съ злораднымъ торжествомъ!
ь, лучше въ темную могилу
ть безвременно съ собой
рдца пылъ, и духа силу,
езъ безумныхъ, страстныхъ рой,
ь промѣнять на сонъ отрадный
стный трудъ, и честный бой
заметно въ тинѣ смрадной,
рязи увязнуть съ головой!

---

* * *

Жаль мнѣ тѣхъ, чья гибнетъ сила
Подъ гнетущимъ игомъ зла,
Жаль мнѣ тѣхъ, кого могила
Преждевременно взяла,—
Тѣхъ бойцовъ съ душою чистой,
Мысли доблестныхъ вождей,
Что дорогою тернистой
Бодро къ цѣли шли своей,
Съ словомъ пламеннымъ пророка,
Пробуждающимъ отъ сна...
Я скорблю о нихъ глубоко,
Свято чту ихъ имена!
Но и васъ мнѣ жаль порою,
Изнемогшихъ на пути:
Не хотѣли вы съ толпою
Ослѣпленною брести,
Но не въ силахъ были благу
Ближнихъ жертвовать собой;
Духъ вашъ гордость и отвагу—
Все утратилъ предъ бѣдой.
Жаль мнѣ васъ: я знаю, совѣсть
Часто шепчетъ вамъ укоръ;
Вашей молодости повѣсть
Вамъ слезой туманитъ взоръ.
Въ вашемъ сердцѣ боязливомъ
Не угасли стыдъ и честь;
Знаю я, благимъ порывамъ
И теперь къ вамъ доступъ есть;
Но надъ вами полной власти
Не имѣть имъ никогда,
Потому что сила страсти
Сердцу вашему чужда.
И идете вы, склоняя
Грустно голову свою,
Но въ душѣ благословляя
Честно гибнущихъ въ бою...
Жаль мнѣ васъ. Но есть иные,—
И безчисленны они,—
Что́ на подвиги благіе
Также шли въ былые дни;
Но высокія стремленья
Въ жертву пошлости людской
Принесли безъ сожалѣнья,
Преклонившись предъ судьбой.
Честной мысли измѣнили,
Братьевъ продали своихъ,
И позоромъ ихъ клеймили,
И швыряли грязью въ нихъ.
Эта дышущая злобой
И предательская рать
Будетъ ненависть до гроба
Въ честныхъ душахъ пробуждать!

---

* * *

Разстался я съ обманчивыми снами
Моей давно исчезнувшей весны!
Казалось, жизни мутными волнами
Уже навѣкъ они унесены.
Казалось мнѣ, что нѣтъ ужъ къ нимъ возврата,
Смирился я предъ силой роковой;
За что страдалъ, боролся я когда-то—
Все я призналъ несбыточной мечтой.
Казалось, въ прокъ пошли мнѣ наставленья
Тѣхъ мудрецовъ, что, мнѣ бѣдой грозя,
Твердили: „Брось безумныя стремленья!
„Порочный міръ пересоздать нельзя.
„Пусть онъ коварной лжи опутанъ сѣтью,—
„Не твой картонный мечъ ее прорветъ,
„Перешибить нельзя обуха плетью:
„Живи же такъ, какъ большинство живетъ!“
И годы шли, и въ жилахъ кровь все стыла,
Въ душѣ все гасла вѣра въ идеалъ,
И афоризмъ: «солому ломитъ сила»
Порывы думъ кипучихъ охлаждалъ...
Но отчего-жъ, когда порою снова,
Средь мудрецовъ съ остывшею душой,
Изъ юныхъ устъ восторженное слово
Услышу я, зовущее на бой,
На честный бой, во имя тѣхъ забытыхъ
Безумныхъ грезъ... О! отчего тогда

Вдругъ на моихъ поблекнувшихъ ланитахъ
Румянецъ вспыхнетъ жгучаго стыда?
И отчего такъ сильно сердце бьется,
Какъ билось въ дни весны моей оно,
И къ жизни вновь все просится и рвется,
Чтó въ глубинѣ его погребено?
Или—когда о нагломъ ликованьи,
О торжествѣ неправды слышу я,
Зачѣмъ во мнѣ кипитъ негодованье,
И злобы такъ полна душа моя!
И кажется мнѣ пошлостью бездушной
Вся эта мудрость опытныхъ людей,
Которой я принесъ, какъ рабъ послушный,
Васъ въ жертву, грезы юности моей!..

1879.

ИЗЪ ВЕНГЕРСКИХЪ МОТИВОВЪ.

Ахъ, сколько, сколько пало ихъ
Въ бою за край родной!
Отважныхъ, гордыхъ, молодыхъ,
Съ кипучею душой!
Ахъ, сколько, сколько сгибло ихъ
Подъ гнетомъ нищеты,
Кому дороже благъ земныхъ
Казались ихъ мечты,
Кто на чужбинѣ чашу бѣдъ
Всю осушилъ до дна,
Дѣяній чьихъ не знаетъ свѣтъ,
Чьи тёмны имена...
Но не погибъ тотъ идеалъ,
Чтó возвышалъ ихъ духъ,
И пламень тотъ, чтó въ нихъ пылалъ,
Съ ихъ жизнью не потухъ!
Завѣщанъ честнымъ онъ сердцамъ...
И еслибъ край родной
Опять воззвалъ къ своимъ сынамъ,—
Они готовы въ бой!

1880.

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

I.

ЮДОЛЬ ПЛАЧА.

Уныло въ трубахъ раздаются
Ночного вѣтра завыванья...
На чердакѣ, блѣдны́ и тощи,
Лежатъ два бѣдныя созданья.
И говоритъ одно: «Рукою
Обвей мнѣ крѣпче, крѣпче шею,
Къ устамъ моимъ прильни устами,
Согрѣй меня—я холодѣю».
И говоритъ другое: «Если
Любовь въ твоемъ мнѣ свѣтитъ взорѣ,
Я забываю стужу, голодъ
И все свое земное горе».
Они другъ другу жали руки,
И цѣловались, и рыдали...
Порой смѣялись, пѣсню пѣли...
И вдругъ затихли, замолчали.
Явился утромъ полицейскій
И съ нимъ хирургъ, здоровый малый,
Для подтвержденья, что на свѣтѣ
Двухъ бѣдняковъ еще не стало.
И объявилъ хирургъ, что холодъ,
Въ соединеньи съ пустотою
Желудка—смерти ихъ считаетъ
Онъ несомнѣнною виною.
— Изъ байки нужны одѣяла,—
Прибавилъ онъ,—зима сурова...
Потомъ сказалъ, что пища также
Сытна должна быть и здорова.

II.

* * *

На станціи встрѣтилась какъ-то
Семья моей милой со мной:
Папаша, мамаша, сестрицы
Меня обступили толпой.
Спросили меня о здоровьи
И хоромъ сказали: «Ей-ей,
Такой же вы все, какъ и были,
Но только, какъ-будто, блѣднѣй!»
А я—о снохахъ, о золовкахъ,
О скучныхъ знакомыхъ спросилъ;
Спросилъ ихъ—все также ли лаетъ
Ихъ мопсъ изо всѣхъ своихъ силъ.
О милой, ужъ вышедшей замужъ,
Я въ рѣчи коснулся слегка...
И мнѣ отвѣчали съ улыбкой:
— Богъ далъ ей недавно сынка...
Я, тоже съ улыбкой, поздравилъ,
Прося убѣдительно ихъ—
Мое передать ей почтенье,
Когда она будетъ у нихъ.
Меньшая сестрица сказала,
Что мопсъ ихъ все вылъ по ночамъ,
Отъ жару взбѣсившись,—и въ рѣчкѣ
Папа утопилъ его самъ.
И мнѣ показалось, что съ милой
Есть сходство въ сестрицѣ меньшой:
У ней тѣ же глазки, что душу
Мою отравили тоской!

III.

* * *

Красавицу юноша любитъ,
Но ей полюбился другой;
Другой этотъ любитъ другую
И на́звалъ своею женой.
За перваго встрѣчнаго замужъ
Красавица съ горя идетъ;
А бѣднаго юноши сердце
Тоска до могилы гнететъ.
Старинная сказка! Но вѣчно
Останется новой она...
И лучше-бъ на свѣтъ не родился
Тотъ, съ кѣмъ она сбыться должна!

IV.

* * *

Собравшись за столикомъ чайнымъ,
Они о любви говорили;
Мужчины изящны, а дамы
Такъ нѣжны, чувствительны были.
— Любить платонически должно!—
Совѣтникъ сказалъ свое мнѣнье.
Совѣтница только плечами
Пожала, съ улыбкой презрѣнья.
— Любить слишкомъ пылко не надо,—
Замѣтилъ пасто́ръ,—не здорово!
«Ну, вотъ!» поспѣшила дѣвица
Вклеить въ разговоръ свое слово.
Графиня промолвила томно:
„Любовью я страсть называю"...
Потомъ господину барону,
Вздохнувъ, подала она чаю.
Твое лишь, за столикомъ чайнымъ,
Мѣстечко не занято было;
А какъ бы ты имъ разсказала,
Мой другъ, про любовь свою мило!

V.

* * *

Глаза мои ночь застилала,
Уста мои скованы были;
Съ холоднымъ челомъ, неподвижный,
Лежалъ я въ глубокой могилѣ.
И долго ли спалъ я, не знаю.
Но вотъ я проснулся и слышу,
Что кто-то и громко, и часто
Стучится въ гробо́вую крышу.
„Иль встать ты не хочешь, мой милый?
Ужъ вѣчнаго дня надъ вселенной
Заря занялася, и мертвыхъ
Зоветъ она къ жизни нетлѣнной."
—Я встать не могу, дорогая!
Не будетъ конца моей ночи.
Давно ужъ ослѣпъ я... Ты знаешь,
Потухли отъ слезъ мои очи.—
„Явъ очи тебя поцѣлую
И мракъ прогоню я лобзаньемъ;
Ты ангеловъ долженъ увидѣть,
Небесъ насладиться сіяньемъ."
— Но какъ же я встану? Изъ сердца
Все кровь еще льется потокомъ,
Сама нанесла эту рану
Ты мнѣ ядовитымъ упрекомъ.—
„Мой милый! Я тихо на сердце
Тебѣ положу свои руки,
И кровь перестанетъ струиться
И стихнутъ въ груди твоей муки."
— Не встать мнѣ, моя дорогая!
И въ черепѣ рана сочится:
Его прострѣлилъ я, какъ время
Пришло намъ съ тобой разлучиться.—
„И въ черепѣ рану зажму я
Волосъ моихъ прядью густою;
И кровь удержу, о, мой милый,
Чтобъ всталъ и пошелъ ты со мною."
Такъ страстно, такъ нѣжно звучалъ мнѣ
Тотъ голосъ знакомый и милый...
Противиться дольше не могъ я
И встать ужъ хотѣлъ изъ могилы...
Какъ вдругъ мои раны раскрылись,
И хлынули крови потоки
Съ какою-то бѣшеной силой...
Но тутъ я проснулся...

VI.

* * *

Они меня много терзали,—
И блѣдный я сталъ, и худой,—
Одни своей глупой любовью,
Другіе своею враждой.
И хлѣбъ мой они отравили,
И яду смѣшали съ водой:
Одни своей глупой любовью,
Другіе своею враждой.
Но та, что́ всѣхъ больше терзала
И мучила сердце мое,
Меня никогда не любила,
Вражды не вселилъ я въ нее!

VII.

СТРАНСТВУЙ!

Когда тебя женщина броситъ,
Проворнѣй влюбляйся опять!
Но лучше по бѣлому свѣту
Съ котомкой отправься гулять.
Ты синее озеро встрѣтишь...

Надъ озеромъ липы растутъ:
Свое небольшое страданье
Все можешь ты выплакать тутъ.
На горы крутыя взбираясь,
Заохаешь ты, какъ старикъ;
Но, если достигнешь вершины,
Орлиный услышишь тамъ крикъ.
И самъ ты въ орла превратишься,
Почуешь, что сйленъ ты сталъ,
Что сталъ ты свободенъ... И очень
Немного внизу потерялъ!

——

VIII.

* * *

Возьми барабанъ и не бойся,
Цѣлуй маркитантку звучнѣй!
Вотъ смыслъ глубочайшій искусства,
Вотъ смыслъ философіи всей!
Сильнѣе стучи—и тревогой
Ты спящихъ отъ сна пробуди!
Вотъ смыслъ глубочайшій искусства...
А самъ маршируй впереди!
Вотъ Гегель, вотъ книжная мудрость,
Вотъ духъ философскихъ началъ...
Давно я постигъ эту тайну,
Давно барабанщикомъ сталъ!

LXIV.

Иванъ Ивановичъ Гольцъ-Миллеръ.

1842 — 1871.

Даровитый поэтъ, умершій на 29 году зни, послѣ ряда всевозможныхъ мытарствъ странствованій по мѣстамъ ссылки...

Въ настоящее время имя Гольцъ-Миллера дко кому извѣстно, какъ потому, что при зни онъ почти не подписывался полнымъ енемъ, такъ и потому еще, что нѣкоторыя ь лучшихъ его стихотвореній (напр., „Къ инѣ") позднѣйшими составителями хрестоій были приписаны другому, болѣе изстному поэту 60-хъ годовъ,—М. Л. Михайу (см. стр. 273). Гольцъ-Миллеръ, начай печататься въ „Современникѣ" 1864 г., писывался обыкновенно „И. Г.-М.", но въ теч. Запискахъ" 1869—1870 г.г. случайно ъ нѣкоторыми стихотвореніями его вывлена была литера „М". Въ эти же годы въ тѣхъ же „О. З.") печатались и посмертныя стихотворенія Михайлова за подписью,—въ отличіе отъ гольцъ-миллеровскихъ,—„М. М." или „М. М-въ"; но позже, въ 1874 г., когда имя Гольцъ-Миллера, за три года передъ тѣмъ также умершаго, было почти забыто, подъ стихами Михайлова выставлялась иногда уже одна только буква „М." Отсюда и вышло указанное выше недоразумѣніе. О томъ, что подписанныя этою буквой стихотворенія 1869—1870 г.г. принадлежатъ именно Гольцъ-Миллеру, сохранилось ясное воспоминаніе у современника и товарища поэта—С. Н. Южакова. Но, и помимо этого авторитетнаго свидѣтельства, стоитъ обратить вниманіе на фактуру стиха (энергичнаго, но нѣсколько тяжелаго), чтобы съ увѣренностью сказать, что это стихи—не Михайлова.

„СЛУ-ШАЙ!"

ъ дѣло измѣны, какъ совѣсть тирана,
Осенняя ночка черна...
ией этой ночи встаетъ изъ тумана
Видѣніемъ мрачнымъ тюрьма.
томъ часовые шагаютъ лѣниво;
Въ ночной тишинѣ, то и знай,
ъ стонъ, раздается протяжно, тоскливо:
— Слу-шай!..
ъ плотны высокія стѣны ограды,
Железные крѣпки замки,
Хоть зорки и ночью тюремщиковъ взгляды,
И всюду сверкаютъ штыки,
Хоть тихо внутри, но тюрьма не кладбище,
И ты, часовой, не плошай:
Не вѣрь тишинѣ, берегися, дружище,
— Слу-шай!..
Вотъ узникъ вверху за рѣшеткой желѣзной
Стоитъ, прислонившись къ окну,
И взоръ устремилъ онъ въ глубь ночи беззвѣздной,
Весь словно впился въ тишину.
Ни звука!.. Порой лишь собака зальется,
Да крикнетъ сова невзначай,

Да мѣрно внизу подъ окномъ раздается:
— Слу-шай!
„Не дни и не мѣсяцы— долгіе годы
Въ тюрьмѣ осужденъ я страдать,
А бѣдное сердце такъ жаждетъ свободы—
Нѣтъ, дольше не въ силахъ я ждать!..
„Здѣсь штыкъ или пуля—тамъ воля святая,—
Эхъ, черная ночь, выручай!
Будь узнику ты хоть защитой, родная!..“
— Слу-шай!..
Чу!.. шелестъ... Вотъ кто-то упалъ... приподнялся...
И два раза щелкнулъ курокъ...
„Кто идетъ?..“ Тѣнь мелькнула—и выстрѣлъ раз- [дался,
И ожилъ мгновенно острогъ.
Огни замелькали, забѣгали люди...
„Прощай, жизнь, свобода, прощай!“—
Прорвалося стономъ изъ раненой груди...
— Слу-шай!
И снова все тихо... На небѣ несмѣло
Луна показалась на мигъ,
И, словно сквозь слезы, изъ тучъ поглядѣла
И скрыла заплаканный ликъ.
Внизу-жъ часовые шагаютъ лѣниво;
Въ ночной тишинѣ, то-и-знай,
Какъ стонъ, раздается протяжно, тоскливо:
— Слу-шай!..

———

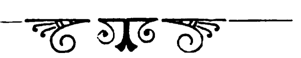
КЪ РОДИНѢ.

Хоть и не сладокъ мнѣ, о, родина, твой дымъ,
И болѣе упрековъ, чѣмъ благословеній
Я посылалъ тебѣ, хоть предъ лицомъ твоимъ
Я никогда не гнулъ и не согну колѣней;
Но если бы мнѣ стать на судъ пришлося твой
За то, что отнестись къ тебѣ я смѣлъ [укоромъ,
Предсталъ бы я на судъ съ покойною душой,
А не съ потупленнымъ по фарисейски взоромъ.
Да, чистъ я предъ тобой, и я люблю тебя
Не той сценически-красивою любовью,
Что смотритъ въ зеркало сторонкой на себя
Въ тотъ самый мигъ, какъ истекаетъ кровью.
Любовь моя къ тебѣ спокойна и проста,
Хоть одинаково твоя безповоротно;
Не знаютъ вовсе льстивыхъ словъ ея уста
И въ изліянія вступаютъ неохотно.
Но если жизнь моя нужна,—она твоя,
Мой трудъ—и онъ тебѣ принадлежитъ [цѣлой
И только мысль моя—одна вполнѣ моя,
Она дороже мнѣ, чѣмъ кровь моя и тѣло.
1869.

———

ИЗЪ БАЙРОНА.

.. Да, умереть!.. Уйти навѣкъ и безъ возврата
Туда, куда уйдетъ и каждый изъ людей,
Стать снова тѣмъ „ничто“, которымъ былъ когда-
Предъ тѣмъ, какъ въ міръ пришелъ для жизни [скорбей!
Сочти всѣ радости, что на житейскомъ пирѣ
Изъ чаши счастія пришлось тебѣ испить,
И убѣдись, что—чѣмъ бы ни былъ ты въ семъ мірѣ
Есть нѣчто болѣе отрадное: не быть!..



LXV.

Иванъ Захаровичъ Суриковъ.

1841 — 1880.

ѣзъ безчисленныхъ поэтовъ, пытавшихся ѣ Кольцова и Никитина писать въ наномъ стилѣ, это—единственный, которому юсь сохранить нѣкоторую оригинальность. стьянинъ по происхожденію, Суриковъ самъ прошелъ тяжелую школу жизни, испыталъ и нужду, и голодъ и непосильный трудъ, и умеръ отъ чахотки 38 лѣтъ. Простота и глубокая искренность—отличительныя черты его симпатичныхъ пѣсенъ.

* * *

Не проси у меня
Свѣтлыхъ пѣсенъ любви:
Грустны пѣсни мои,
Какъ осенніе дни!
Звуки ихъ—шумъ дождя,
За окномъ вѣтра вой:
То рыданья души,
Стоны груди больной...

ВО ТЬМѢ.

Охваченъ я житейской тьмой,
И нѣтъ пути изъ тьмы...
Такая жизнь, о, Боже мой!
Ужаснѣе тюрьмы.
Въ тюрьму хоть солнца лучъ порой
Въ оконце проскользнетъ,
И вольный вѣтеръ съ мостовой
Шумъ жизни донесетъ.
Тамъ хоть цѣпей услышишь звукъ
И стонъ въ глухихъ стѣнахъ,—
И этотъ стонъ напомнитъ вдругъ
О лучшихъ въ жизни дняхъ.
Тамъ хоть надежды велики,
Чего-то сердце ждетъ,
И заключенный въ часъ тоски
Хоть пѣсню запоетъ.
И эта пѣсня не замретъ
Съ тюремной тишиной,—
Другой страдалецъ пропоетъ
Ту пѣсню за стѣной.
А здѣсь?.. Не та здѣсь тишина!
Здѣсь все, какъ гробъ, молчитъ,
Здѣсь въ холодъ прячется весна,
И пѣсня не звучитъ.
Здѣсь нѣтъ цѣпей; но здѣсь за то
Есть море тяжкихъ бѣдъ:
Не вѣритъ сердце ни во что,
Въ душѣ надежды нѣтъ.
Здѣсь все темно, темно до дна,
Прозрѣнья умъ не ждетъ;
Запой здѣсь пѣсню—и она
Безъ отзыва замретъ...
. . . .
Исхода нѣтъ передо мной...
Но, сердце! лучше вѣрь:
Быть можетъ, смерть изъ тьмы глухой
Отворитъ къ свѣту дверь.

ГОРЕ.

Получилъ письмо отъ внука
Дѣдушка Өедотъ;
Внукъ на фабрикѣ прядильной
Въ Питерѣ живетъ.
Чтó въ письмѣ томъ пишетъ внучекъ,
Нужно дѣду знать,—
Да письма-то не умѣетъ
Самъ онъ прочитать.
И выходитъ на крылечко
Дѣдушка Өедотъ,—
Сѣлъ съ письмомъ и грамотея
Съ нетерпѣньемъ ждетъ.
Время къ вечеру подходитъ,
Скотъ идетъ съ полей.
Вотъ предъ дѣдомъ показался
Жданный грамотей.
Мальчикъ въ бѣленькой рубашкѣ
По селу идетъ.
Дѣдъ кричитъ ему: „Ванюша!
На, прочти-ка, вотъ!"
... Дѣдъ нагнулся къ грамотею.
Слушаетъ его.
Пишетъ внукъ, чтобы не ждали
Денегъ отъ него.
Знаетъ онъ, что деньги нужны,
Что оброкъ стоитъ:
Гдѣ-же взять ихъ? Онъ въ больницѣ
Въ Питерѣ лежитъ.
И едвали скоро выйдетъ,
Боль-то не легкá:
У него по самый локоть
Отнята рука.
Раздавило на работѣ
Руку шестерней;
И теперь семьѣ помощникъ
Будетъ онъ плохой...
... Много въ томъ письмѣ для дѣда
Горя и заботъ!
И заплакалъ горько, горько
Дѣдушка Өедотъ.
И глядитъ тоскливо мальчикъ,—
Тяжело ему;
Горе стараго понятно
И его уму.
Онъ поникъ головкой русой,
Опустилъ глаза,
И по личику ребенка
Катится слеза...

ВЪ СТЕПИ.

Кони мчатъ-несутъ,
Степь все въ даль бѣжитъ;
Вьюга снѣжная
На степи гудитъ.
Снѣгъ да снѣгъ кругомъ;
Сердце грусть беретъ:
Про моздокскую
Степь ямщикъ поетъ:
Какъ просторъ степной
Широко-великъ;
Какъ въ степи глухой
Умиралъ ямщикъ;
Какъ въ послѣдній свой
Передсмертный часъ
Онъ товарищу
Отдавалъ приказъ:
„Вижу, смерть меня
Здѣсь въ степи сразитъ;
Не попомни, другъ,
Злыхъ моихъ обидъ.
... Схорони меня
Здѣсь въ степи глухой;
Вороныхъ коней
Отведи домой.
Отведи домой,
Сдай ихъ батюшкѣ;
Отнеси поклонъ
Старой матушкѣ.
Молодой женѣ
Ты скажи, другъ мой,
Чтобъ меня она
Не ждала домой.
... Передай словцо
Ей прощальное
И отдай кольцо
Обручальное.
Обо мнѣ пускай
Не печалится,—
Съ тѣмъ, кто по сердцу,
Обвѣнчается!"
Замолчалъ ямщикъ,
Слеза катится...
А въ степи глухой
Вьюга плачется.
Голоситъ она,
Въ степи стонъ стоитъ;
Та же пѣсня въ ней
Ямщика звучитъ:
Какъ просторъ степной
Широко-великъ,
Какъ въ степи глухой
Умиралъ ямщикъ...

ДОЛЯ БѢДНЯКА.

... Не твою ли это хату
Вѣтеръ пошатнулъ,

Съ крыши ветхую солому
Разметалъ, раздулъ?
И не твой ли подъ горою
Сгнилъ до-тла овинъ,
Въ запустѣломъ огородѣ
Повалился тынъ?
Не твоей ли прокатали
Полосой пустой
Мужики дорогу въ городъ
Лѣтнею порой?
Не твоя-ль жена въ лохмотьяхъ,
Ходитъ босикомъ?
Не твои ли это дѣтки
Просятъ подъ окномъ?
Не тебя-ль въ пиру обносятъ
Чаркою съ виномъ,
И не ты-ль сидишь послѣднимъ
Гостемъ за столомъ?
Не твои ли это слезы
На пиру текутъ?
Не твои ли это пѣсни
Грустью сердце жгутъ?
Не твоя-ль это могила
Смотритъ сиротой?
Крестъ свалился, вся размыта
Дождевой водой.
По краямъ ея крапива
Жгучая растетъ,
А зимой надъ нею вьюга
Плачетъ и поетъ.
И звучитъ въ тѣхъ пѣсняхъ горе,
Горе да тоска...
Эхъ ты, доля, эхъ ты, доля,
Доля бѣдняка!

* * *

Если-бъ легкой птицы
Крылья я имѣла,
Въ частый бы кустарникъ
Я не полетѣла.
Если-бъ я имѣла
Голосъ соловьиный,
Я бы не носилась
Съ пѣсней надъ долиной.
Я бы не летала
На разсвѣтѣ въ поле
Косарямъ усталымъ
Пѣть о лучшей долѣ.
Я бы не кружилась
Вечеромъ надъ хаткой,
Чтобъ ребенка пѣсней
Убаюкать сладкой.
Нѣтъ! я полетѣла-бъ
Съ пѣсней въ городъ дальній:
Есть тамъ домъ обширный,
Всѣхъ домовъ печальнѣй.
У стѣны высокой
Ходятъ часовые:
Въ окна смотрятъ люди
Блѣдные, худые.
Имъ никто не скажетъ
Ласковаго слова,—
Только вѣтеръ пѣсни
Имъ поетъ сурово.
Отъ окна къ другому
Тамъ бы я летала,
Узниковъ привѣтной
Пѣсней утѣшала.
Я-бъ имъ навѣвала
Золотыя грезы
И изъ глазъ потухшихъ
Вызывала слезы,
Чтобы эти слезы
Щеки ихъ смочили,
Полную печали
Душу облегчили...

LXVI.

Александръ Александровичъ Навроцкій.

Род. 1839.

Авторъ многочисленныхъ поэмъ, сказаній и драмъ изъ старорусской жизни, отличающихся граждански-патріотическимъ направленіемъ. Главный недостатокъ ихъ — прозаичность формы и непомѣрная растянутость. Больш[ею] популярностью пользуется положенный [на] музыку „Утесъ Стеньки Разина“, несвобо[д]ный, впрочемъ, отъ тѣхъ же недостатковъ.

УТЕСЪ.

Есть на Волгѣ утесъ; дикимъ мохомъ обросъ
Онъ съ боковъ, отъ подножья до края,
И стоитъ сотни лѣтъ, только мохомъ одѣтъ,
Ни нужды, ни заботы не зная...
На вершинѣ его не растетъ ничего,—
Только вѣтеръ свободный гуляетъ,
Да могучій орелъ свой притонъ тамъ завелъ
И на немъ свои жертвы терзаетъ.
Изъ людей лишь одинъ на утесѣ томъ былъ,
До вершины утеса добрался,
И утесъ не забылъ человѣка того—
И съ тѣхъ поръ его именемъ звался.
И хотя каждый годъ по церквамъ на Руси
Человѣка того проклинаютъ,
Но приволжскій народъ о немъ пѣсни поетъ
И съ почетомъ его вспоминаетъ...
Разъ, ночною порой, возвращаясь домой,
Онъ одинъ на утесъ тотъ взобрался
И въ полýночной мглѣ на высокой скалѣ
Тамъ всю ночь до зари оставался.
Много думъ въ головѣ родилось у него...
Много думъ онъ въ ту ночь передумалъ
И, подъ говоръ волны, средь ночной тишины,
Онъ великое дѣло задумалъ...
Но свершить не успѣлъ онъ того, чтó хотѣлъ,
И не то ему пало на долю:
И расправой крутой, да кровавой рукой
Не помогъ онъ народному горю...
Не владыкою онъ былъ въ Москву приведенъ,
Не почетнымъ пожалованъ гостемъ,
И не ратнымъ вождемъ, на конѣ и съ мечемъ,
А въ постыдномъ бою съ мужикомъ-палачомъ
Онъ сложилъ свои буйныя кости...
И понынѣ стоитъ тотъ утесъ и хранитъ
Всѣ завѣтныя думы Степана
И лишь съ Волгой одной вспоминаетъ порой
Удалое житье Атамана.
Но за то, если есть на Руси хоть одинъ,
Кто съ корыстью житейской не знался,
Кто неправдой не жилъ, бѣдняка не давилъ,
Кто свободу, какъ мать дорогую, любилъ
И во имя ея подвизался,
Пусть тотъ смѣло идетъ, на утесъ тотъ взойдетъ
И къ нему чýткимъ ухомъ приляжетъ;
И утесъ-великанъ все, что думалъ Степанъ,
Все тому смѣльчаку перескажетъ!

1875.

LXVII.

Николай Васильевичъ Симборскій.

1851 — 1881.

Рано погибшій талантливый поэтъ семидесятыхъ годовъ. Его симпатичное дарованіе было въ буквальномъ смыслѣ задавлено и убито цензурою: увидѣть свѣтъ могли только два-три лучшихъ стихотворенія на страницахъ «Русскаго Обозрѣнія». Но когда погибъ этотъ смѣлый по тѣмъ временамъ журналъ, для произведеній Симборскаго не нашлось больше мѣста въ органахъ столичной печати. Имя Симборскаго (Н. Сим—скаго) мелькало еще нѣкоторое время въ провинціальныхъ сатирическихъ изданіяхъ, но вскорѣ, сломленный неудачами жизни, молодой поэтъ покончилъ всѣ счеты съ нею, застрѣлившись въ 1881 году въ Тифлисѣ...

Всѣ его не напечатанные стихи, повидимому, безслѣдно погибли. Поэма «Статуя», сохранившаяся совершенно случайно, напечатана впервые лишь въ 1906 году («Соврем. Записки«, январь). Современный читатель съ удивленіемъ узналъ, что и эта вещь десятки лѣтъ находилась подъ строгимъ цензурнымъ запретомъ: сопоставленіе имп. Николая I съ философомъ Вольтеромъ представлялось опекунамъ русской мысли недопустимо-смѣлымъ!

ВЪ ОЖИДАНЬИ.

. . А вѣтра нѣтъ, какъ нѣтъ... Повисли па-
[руса...
движный нашъ корабль стоитъ, какъ изваянье;
кинувшись надъ нимъ, синѣютъ небеса
бездушной красотѣ, въ торжественномъ сіяньи;
плавленнымъ стекломъ легла громада водъ,
блескомъ залита, но—мертвая, нѣмая . . .
анье тяжкое безсилія, какъ гнетъ,
ится на душу; и сердце, замирая,
емится съ мукою туда, гдѣ полоса
ной земли, для глазъ чуть видная, темнѣетъ...
ѣтра нѣтъ, какъ нѣтъ! Повисли паруса,
тишь, и блескъ кругомъ, — и въ сердцѣ злоба
[зрѣетъ!
тишь, и блескъ кругомъ... Галлюцинацій
[рядъ,
зая и дразня, проходитъ предъ глазами:
Вотъ, волны рѣкъ родныхъ играютъ и гремятъ
И мчатся, сжатыя крутыми берегами.
Вонъ вкругъ убогихъ селъ убогія поля,
Облитыя слезой обильною и кровью...
И вся желанная, далекая земля,
Какъ-будто, тутъ, въ глазахъ... Съ привѣтомъ и
[любовью
Шумятъ по скатамъ горъ зеленые лѣса,
Манятъ, зовутъ къ себѣ... Рванулся-бъ къ нимъ
[скорѣе!
Но вѣтра нѣтъ, какъ нѣтъ... Повисли паруса,
И тишь, и блескъ кругомъ, и злоба все сильнѣе...
Нѣтъ пытки тяжелѣй: стоять передъ врагомъ,
Съ нимъ рваться въ бой и знать, что тщетны всѣ
[усилья,
И въ бѣшенствѣ тупомъ, подстрѣленнымъ орломъ,
Безплодно поднимать израненныя крылья!
Близка стремленья цѣль: въ мечтѣ ужъ подъ ногой
Шуршитъ, скрипитъ песокъ на пристани родимой.

И, тѣша жадный взоръ, открылся предъ тобой
Давно желанный видъ, знакомый и любимый;
Ужъ, слышишь, чудятся родимыхъ голоса,
Ужъ видишь ихъ къ тебѣ протянутыя руки,—
А вѣтра нѣтъ, какъ нѣтъ... Повисли паруса,
И рвется сердце вонъ отъ скорби и отъ муки!
И рвется сердце вонъ... Роятся и кипятъ
Мечты, въ разрѣзъ всему, что видится на дѣлѣ:
Гдѣ вѣруютъ въ тебя, гдѣ только мига ждутъ
Идти рука съ рукой съ тобою къ общей цѣли—
Туда, закованъ, слабъ, ты можешь лишь душой
Стремиться на призывъ, съ мученьемъ сознавая
Безсиліе свое и, въ ярости слѣпой,
Затишье, и себя, и море проклиная!..
Бездушно надъ тобой сверкаютъ небеса,
Отъ моря вѣетъ вкругъ нѣмымъ покоемъ гроба,
И вѣтра нѣтъ, какъ нѣтъ,—недвижны паруса,
И тишь, и блескъ кругомъ, и въ сердцѣ злоба,
[злоба!..

1876.

———

ПИРЪ ЗВѢРЕЙ.

I.

„Зрѣлищъ, зрѣлищъ!"
Гражданъ массы
Въ циркъ стремятся. Какъ волной,
Наливаются террасы
Ихъ шумящею толпой.
Занялъ верхъ полуголодный
Пролетарій; въ нижній рядъ
Классъ усѣлся благородный,
И чиновенъ, и богатъ.
Въ ложѣ бѣлыя весталки,
Всадникъ съ цѣпью на груди...
Шлемы, ликторскія палки,
Блескъ и роскошь... Впереди
Старцевъ важныхъ рядъ маститый,
И среди ихъ красныхъ тогъ,
Окруженный пышной свитой,
Кесарь—міра полубогъ.
. . . Шумъ затихъ. Досель упрямы,
Волны римлянъ прилегли,
Ждутъ... Актеровъ страшной драмы
На арену ужъ ввели.
Ave Caesar! Предъ тобою,
Безъ рыданій и мольбы,
Встали тѣсною толпою
Христіане и рабы.
Ты въ убѣжищѣ высокомъ
Можешь мирно возлежать
И глядѣть спокойнымъ окомъ
На идущихъ умирать.
Рабъ внизу, какъ ты, спокоенъ,
Твердой вѣрой свѣтитъ глазъ.
Кто-жъ вѣнка изъ васъ достоинъ?
Кто свободнѣе изъ васъ?
Ты-ль, надежно защищенный
Лѣсомъ копій и мечей,
Онъ ли, въ жертву обреченный
Дикимъ полчищамъ звѣрей?..
Твердо рабъ идетъ на муку,
Ты-жъ, уставшій ужъ царить,
Протянуть не смѣешь руку
Казнь его остановить!
. . . Ave Caesar!.. Всюду двери
Заскрипѣли, снятъ запоръ...
Изъ желѣзныхъ клѣтокъ звѣри
Вразъ рванулись на просторъ.
Мощно прянулъ левъ красивый,
Выбралъ жертву и прилегъ...
Подъ взъерошенною гривой
Свѣтитъ бѣшеный зрачокъ.
Мигъ—и въ воздухѣ, какъ птица,
Распластавшись, онъ прыгнулъ...
Безучастны римлянъ лица,
Одобренья слышенъ гулъ...
Смотритъ книзу кесарь гордый,
Не волнуяся ничуть:
Вгрызся звѣрь кровавой мордой
Въ человѣческую грудь.
Бьются бѣдной жертвы члены
Въ смертномъ ужасѣ, въ тоскѣ;
Пузыри кровавой пѣны
Закипаютъ на пескѣ...

II.

По террасѣ Колизея
Шумно бѣсится народъ.
Достигая апогея,
Пиръ чудовищный растетъ.
Опьянѣли звѣри... Дико
Скачутъ, мечутся и рвутъ...
Море воплей, стоновъ, криковъ...
Средь недвижныхъ, страшныхъ грудъ
Мертвыхъ тѣлъ краснѣетъ масса
Не доглоданныхъ костей...
Капли мозга, клочья мяса...
Полонъ крови Колизей!
Взмокъ изрытый полъ арены...
Тигръ, и жмурясь, и ворча,
Треплетъ жадно чьи-то члены..
Вѣрный роли палача,
Барсъ, ужъ сытый, жертвы новой
Гнѣвно ищетъ.—Вонъ старикъ,
Уцѣлѣвъ, стоитъ суровый...
Звѣрь къ нему. Но въ этотъ мигъ
Съ крикомъ злобы рабъ высокій,
Молодой, исполненъ силъ,
Грудью выпуклой, широкой

Старика застановилъ...
Дерзкимъ жестомъ оскорбившись,
Барсъ огромный далъ скачокъ...
Человѣкъ и звѣрь, сцѣпившись,
Покатились на песокъ.
Лапой мощной рвется тѣло,
Брызги крови на стѣнахъ...
Слышно, что-то захрустѣло
На безжалостныхъ зубахъ...
Но, гибка, подобно змѣю,
Эластична и ловка,
Колоссальной кошкѣ шею
Сжала крѣпкая рука.
Силой бѣшеною стиснутъ,
Звѣрь хрипитъ, измученъ, слабъ...
На полвзмахѣ лапы виснутъ...
Все сильнѣе давитъ рабъ!
Роетъ землю коготь острый,
Пѣны бѣлая черта
Потекла по мордѣ пестрой
Изъ оскаленнаго рта.
Слабыхъ судорогъ мгновенье—
И кровавый, грозный глазъ,
Въ смертной мукѣ и томленьи,
Закатившися, погасъ.
Грянулъ вопль—восторгомъ дышетъ
Вся арена... Конченъ бой...
Крикъ помилованья слышитъ
Весь израненный герой.
О песокъ рукой измятой
Оперся онъ, привстаетъ...
Книзу массой синеватой
Тихо внутренность ползетъ...
А надъ нимъ—въ свѣту, въ лазури—
День плыветъ, роскошный день...
– Ave, Caesar! Morituri
Te salutant!..

1876.

СОНЪ.

...нѣ снится,—съ косою, съ сѣдой бородой,
...ися Сатурнъ, недвижимъ;
...ытія міра картиной живой,
...няясь, идутъ передъ нимъ.
...ъ видитъ: въ чаду вакханалій, пировъ,
...рызганный кровью, виномъ,
...раха разбитыхъ родимыхъ боговъ,
...латамъ повитый плющомъ,
...ъ левъ, пораженный нещадной стрѣлой,
...ніей смерти томимъ,
...лучахъ восходящихъ зари молодой
...итъ обезсиленный Римъ.
...ъ видитъ: гигантъ, умирая, поникъ
Подъ юной могучей рукой...
И въ бороду тихо смѣется старикъ,
Качая сѣдой головой!
Онъ видитъ: подъ знаменемъ правды, креста
Работаетъ петля, топоръ,
И дикій аскетъ, призывая Христа,
Молясь, зажигаетъ костеръ.
Средь стоновъ, проклятій Te Deum гремитъ,
Купается рыцарь въ крови,
И пѣснь миннезингера кротко звучитъ,
Полна беззавѣтной любви.
Онъ слышитъ виллана отчаянный крикъ
Подъ тяжкой баронской пятой...
И въ бороду тихо смѣется старикъ,
Качая сѣдой головой!
Вѣкъ новый блестящихъ идей и труда
Предъ старымъ Сатурномъ идетъ.
И истины ярко сіяетъ звѣзда,
И таетъ невѣжества ледъ.
Онъ видитъ: свободѣ грядущей народъ
Въ восторгѣ курить ѳиміамъ,
И, тишь нарушая, свиститъ пароходъ,
Весь въ брызгахъ идетъ по волнамъ.
Работаетъ пушка Армстронга и штыкъ,
И штуцеръ блеститъ нарѣзной...
Хохочетъ, хохочетъ. хохочетъ старикъ,
Качая сѣдой головой!

СТАТУЯ.

I. Гремя и волнуясь нестройно,
Парижъ не смолкалъ ни на мигъ,
Когда, улыбаясь спокойно,
Угасъ величавый старикъ.
Въ исторіи доблестей міра
Донынѣ преданье живетъ,
Какъ жгла его злая сатира
Безправія грубаго гнетъ,
Какъ, счастья не зная отъ вѣка,
Задавленъ, покоренъ и слабъ,
Почуялъ въ себѣ человѣка
Изъ грязи имъ поднятый рабъ...
... И умеръ онъ... Мраморъ бездушный
Черты его, полныя силъ,
Рѣзцу и таланту послушный,
Всецѣло въ себѣ воплотилъ.
Искусной рукой оживленный,
Ликъ славный гонителя зла
Царица страны отдаленной,
Купивши, въ свой край увезла...
II. Зима... Безъ предѣла поляны,
Сливаяся съ небомъ, легли...
Закутали въ саванъ туманы
Ликъ бѣлый умершей земли...

Приниженно, мрачно, угрюмо
На дикій, печальный просторъ
Глядитъ, колыхаясь безъ шума,
Въ парчу разукрашенный боръ.
По степи, отъ края до края,
Крутя непротоптанный снѣгъ,
Рыдаетъ мятель, какъ живая,
И вторитъ ей рабъ-человѣкъ.
Покоренъ безропотно силѣ,
Сознаньемъ и волею малъ,
Столѣтьями въ этой могилѣ
Страдалецъ-народъ прозябалъ.
Чтó вынесъ онъ—небо лишь знало,
Онъ горе дѣлить не любилъ:
Жилъ молча, покуда хватало
Для жизненной каторги силъ,
Жилъ молча, страдая безъ злобы
И только толкуя порой,
Что, если-бъ не отчіе гробы,
Не храмъ деревеньки родной—
Бѣжать бы изъ этой берлоги,
Бѣжать поскорѣе, хоть въ адъ,
Бѣжать, куда вынесутъ ноги,
Бѣжатъ, куда очи глядятъ!..
А въ пышной и гордой столицѣ
Той бѣдной, печальной земли,
Вкругъ трона могучей царицы,
Иныя событія шли.
Тамъ, въ славу недавней побѣды,
За пиромъ шелъ бѣшеный пиръ,
Звучали живыя бесѣды
Словами „свобода" и „миръ".—
Тамъ ярко блистали палаты,
Гигантскій гремѣлъ карнавалъ:
Плясали въ шелку „демократы",
Въ робронѣ шалилъ либералъ...
Но, кровью омытъ и слезою,
Замученъ, какъ древній илотъ,
Утративъ терпѣнье, грозою
Вставалъ, подымался народъ,
Вставалъ, словно гидра—стоглавый,
Какъ сказочный Муромецъ, росъ
И бунтъ, безпощадный, кровавый
Свободы ревнителямъ несъ...
... Кто видѣлъ, какъ море, смиряя
Свои роковые валы,
Ихъ гонитъ, подъ солнцемъ сверкая,
Къ подножью царицы-скалы,
Какъ, лаской нѣжною полны,
Привѣтливы, кротки на взглядъ,
Журчатъ эти ясныя волны,
Про славу, побѣду журчатъ,
Алмазами, жемчугомъ нижутъ
Весь берегъ у царственныхъ ногъ
И рабски цѣлуютъ и лижутъ
Сковавшій ихъ волю песокъ—
Пусть взглянетъ въ открытое море:
Тамъ тяжко вскипаютъ валы,
Сходясь, расходясь на просторѣ
Подъ кровомъ нависнувшей мглы...
Тамъ къ небу, сквозь дымку тумана,
Несется, какъ сдавленный стонъ,
Тоскливая пѣснь океана,
Дика, безпредѣльна, какъ онъ...
Тамъ знаешь: готова могила...
Тамъ чуешь: настанетъ чередъ,
Когда эта страшная сила
Исходъ себѣ страшный найдетъ—
Взметнется, пощады не зная,
Вся брызгами пѣны дымясь,
Волнъ бѣшеныхъ вольная стая,
За долгое рабство стыдясь,
Стряхнетъ, словно щепья гнилыя,
Одѣтыя въ броню суда—
И въ вѣчность владыки морскіе
Сойдутъ, не оставивъ слѣда!..
Погибнетъ и старый, и малый
На грозномъ, стальномъ кораблѣ,
Лишь выстрѣловъ звукъ запоздалый,
Стремяся къ далекой землѣ,
Печальныя вѣсти въ отчизну
Про жертвы невзгоды снесетъ,
Да вѣтеръ насмѣшливый, тризну
По нимъ совершая, споетъ...

III. Шли годы. Печалью повитый,
Народъ побѣжденный умолкъ
И, собственной кровью залитый,
Хрипѣлъ, какъ затравленный волкъ...
Въ нетронутой бурей порфирѣ
Царица давно отошла...
А слава философа въ мірѣ
Тѣмъ временемъ крѣпла, росла...
Могучее, грозное слово
Давало живучій ростокъ,
Вскипали, волнуяся снова,
И сѣверъ, и югъ, и востокъ,
Вскипали рѣшительно, глухо...
Хоть медлилъ ударами громъ,
Но слышало чуткое ухо
Грозы приближенье кругомъ.
И въ часъ этотъ смутный, великій
Надъ краемъ, какъ хищный орелъ,
Взмылъ призракъ реакціи дикой—
Царь грозный вступилъ на престолъ...
Не лютымъ морозомъ пахнуло
На волны гремучей рѣки,
Не буйная влага заснула
Подъ гнетомъ свинцовой руки—
Свершилося дивное диво:
Народъ легъ, какъ агнецъ, подъ ножъ,

ыками пахалася нива,
силася саблями рожь;
овь ярко блистали палаты,
овь буйно гремѣлъ карнавалъ...
игали по плацамъ солдаты,
родъ потихоньку стоналъ...
IV. Роскошны дворцовыя залы
тихъ ихъ торжественный строй...
міру искусства лишь дали,
далъ ему геній людской—
собрано здѣсь въ изобильи...
ульптура... рѣзьба... акварель...
юва, Челлини, Мурильо,
ъ-Дикъ, Тиціанъ, Рафаэль...
инь обнаженныхъ плеяда
ститъ неземной красотой,
звучно смѣется наяда
ь рамы своей золотой...
дится палачъ Прометея,
итера алчный орелъ,
натертый ногами лакея
стящій, какъ зеркало, полъ...
ъ складками мраморной тоги,
умчивъ, усѣлся мудрецъ...
ады ожившіе боги
тaго Олимпа чертоги
ѣнили на царскій дворецъ.
молвье и тишь... И волшебной
сь жизни полна тишина:
ъ будто молитвы хвалебной
слышная льется волна,
чудится: страстные звуки,
ваяся съ камня, съ холста,
ывутъ, изнывая отъ муки,
ышутся торсы и руки,
ечутъ нѣмыя уста...
чу! зародясь въ отдаленьи,
слышался гулъ голосовъ,
мящей толпы приближенье
опотъ спѣшащихъ шаговъ...
ноты веселаго смѣха
ближе и ближе звучатъ...
чалося звонкое эхо
угомъ по раздолью палатъ.
етливо брякнули шпоры,
ъ залѣ предъ рядомъ картинъ,
нявъ соколиные взоры,
алъ мощный земли властелинъ...
дитъ онъ:
Средь сѣчи кровавой
вѣру, за родину-мать,
нарха побѣдною славой
чаетъ покорная рать...
ѣтъ выстрѣловъ, нивы дымятся...
ѣлася заревомъ даль.

И трупы на трупы ложатся,
И блещетъ холодная сталь...
Врагъ смятъ... несомнѣнна побѣда...
Веселіемъ гордымъ полна,
Фигура могучаго дѣда
Смѣется царю съ полотна...
Шагъ дальше—картина другая...
Открыта желѣзная дверь;
Песокъ Колизея взрывая,
Несется некормленный звѣрь...
Оскалены алчные зубы...
Рабъ видитъ: спасенія нѣтъ...
И шлютъ его блѣдныя губы,
Шлютъ цезарю горькій привѣтъ...
... Царь смотритъ: въ свой городъ крамольный
Съ крестомъ на червленной бронѣ
Въѣзжаетъ, побѣдой довольный,
Прапрадѣдъ его на конѣ.
Насуплены грозныя брови,
Загадочно-пасмуренъ видъ;
Конь въ лужахъ запекшейся крови
Купаетъ подковы копытъ,
Пугливо ступая, косится
На тысячи труповъ кругомъ...
Лучъ яснаго солнца дробится
На блестки о гладкій шеломъ...
Сверкаютъ хоругви и пики,
Иконы, сулицы, мечи...
Толпою, по слѣду владыки,
Шагаютъ его палачи...
И дальше, на фонѣ картины,
Вдоль стѣнъ обгорѣлыхъ домовъ—
Все спины, согнутыя спины
Да море склоненныхъ головъ.
Красуясь работою дивной
И золотомъ рамокъ горя,
Картинъ этихъ строй непрерывный
Идетъ предъ очами царя—
Страницей поэмы громадной,
Написанной кровью, огнемъ,
Исторіей силы нещадной,
Слѣпой, безотпорной, какъ громъ,
Пьянящей, какъ ласка Далилы,
Могучей, какъ Божья гроза...
Сознаніемъ гордымъ той силы
Зажглися царёвы глаза.
... И вновь по затихшимъ покоямъ
Пронесся движенія гулъ...
Предъ дрогнувшимъ спутниковъ строемъ
Царь круто назадъ повернулъ—
И замеръ... Подъ тѣнью рѣсницы
Взоръ странно блестящъ, недвижимъ...
Статуя—наслѣдье царицы—
Какъ тѣнь, поднялась передъ нимъ.
Склонясь надъ монархомъ, надъ свитой,

Глядитъ голова мудреца,
И ползаетъ смѣхъ ядовитый
По мраморнымъ складкамъ лица.
Недвижны сомкнутыя губы,
Но чуется смутно душой,
Что скоро, какъ ангеловъ трубы,
Онѣ прогремятъ надъ землей,—
И дрогнетъ отъ края до края
Тѣмъ звукомъ напуганный міръ,
И рухнетъ, въ крови утопая,
Насилія грозный кумиръ!
... И тяжко царитъ, и глубоко
Молчанье... Но мигъ пролетѣлъ,—
Зардѣлося гнѣвное око,
И голосъ стальной зазвенѣлъ:
„Убрать его!"
Мощное слово,
Какъ сабли свистящій ударъ,
Прорѣзало воздухъ сурово,
И съ сердца царя молодого
Скатился тяжелый кошмаръ...
Вновь гордо и тихо по залѣ
Пошелъ онъ, владыка земли,
И шпоры изъ кованной стали
Размѣренно, твердо звучали,
Пока не замолкли вдали..

. . . .

Глубокимъ покоемъ объята
И тайной какой-то полна,
Стоитъ золотая палата
Подъ чарами прежняго сна.
Облита вечернею зорькой,
Стату́я все высится тамъ,
И смѣхъ, но не злобный, а горькій
Блуждаетъ по сжатымъ устамъ...
V. Холоднымъ лучомъ заливая
И ледъ, и чугунъ, и гранитъ,
Надъ пышной столицей играя,
Полярное солнце горитъ.
Сводъ неба безоблачно-синій
Раскинулся яркимъ шатромъ,
И мягкій, ласкающій иней
Все щедро осыпалъ кругомъ.
По крышамъ дворцовъ, на карнизахъ
Виситъ изо льда бахрома,
Деревья въ серебряныхъ ризахъ,
Въ алмазныхъ уборахъ дома.
Морозно и ясно... Все блещетъ
И всюду могильный покой...
Уснула природа.. Не плещетъ
Рѣка своей ясной волной...

. . . .

Какъ будто бы мчась отъ погони,
Серебряной сбруей горя,
Несутъ опѣненные кони
По улицѣ сани царя...
Весь въ искрахъ взметеннаго снѣга
Сидитъ, какъ изваянный, онъ,—
Лишь треплется вѣтромъ разбѣга
Шинели его капюшонъ.
А кони, все рысь подбавляя,
Дробятъ подъ копытами ледъ...
Сторонится, шапки ломая,
Идущій навстрѣчу народъ.
Царь веселъ... Немногіе годы
Съ его воцаренья прошли,
А свои и чужіе народы
Склонились предъ нимъ до земли.
У міра нѣтъ голоса болѣ:
Надъ нимъ, какъ надъ моремъ гранитъ,
Его лишь единая воля,
Его лишь желанье царитъ...
Не слышенъ протестъ безполезный,
Ребячествомъ кажется онъ.
Умолкъ подъ рукою желѣзной
Свободы задавленный стонъ...
„И что за нелѣпость—свобода!..
На что имъ, безумцамъ, она?
Быть вѣчно желаньемъ народа
Лишь слава владыки должна...
Лишь въ блескѣ ея онъ, могучій,
Какъ сказочный витязь, взрастетъ
И грозной, всевластною тучей
Въ исторіи міра пройдетъ!"
...Путь конченъ... Рысакъ утомленный
Задержанъ возжей, наконецъ...
Царь входитъ въ дворецъ отдаленный,
Давно имъ забытый дворецъ.
Массивныя двери раскрыты.
Лакеевъ торжественный строй,
Мундиры блестящіе свиты...
И лѣстницы мраморной плиты
Звенятъ подъ державной стопой...
Навстрѣчу за залою зала
Идутъ, позолотой горя...
Вдругъ что-то ударомъ кинжала
Откликнулось въ сердцѣ царя...
Онъ двинулся медленнѣй... тише...
Вглядѣлся, тревогой томимъ:
Бѣлѣется въ сумракѣ ниши
Стату́я опять передъ нимъ...
Глядитъ на него, не робѣя,
Открыто, безстыдно, какъ грѣхъ;
Какъ жало взбѣшеннаго змѣя,
Дрожитъ на устахъ ея смѣхъ,
Смѣхъ страшный, дразнящій, могучій...
Царь дрогнулъ, какъ раненый левъ,
Чело его темною тучей
Покрылъ опьяняющій гнѣвъ.
И слово „разбить!" прозвучало,

ь громъ среди пышныхъ палатъ,—
онъ изъ громаднаго зала
ь бросился быстро назадъ...
Ю—боги-ль искусству радѣли,
случай счастливый опять—
никъ мудреца не посмѣли
ены руки приподнять!
VI. Ревъ пушекъ, свистъ ядеръ, картечи,
аданья и ярости крикъ...
дь ужасовъ бѣшеной сѣчи
груди притупленный штыкъ,
сюду широкой волною
ожи и крови, и слезъ...
міра нещадной волною
разъ на царя поднялось!
ыказалъ много смиренья
этотъ страшный и памятный годъ
акій образчикъ терпѣнья,
все сносившій народъ...
ь съ каждой побѣдою тризну
правилъ по волѣ своей—
вѣру, царя и отчизну!"—
мѣлъ его крикъ средь полей,
мѣлъ, пока смертью кончался...
ь страннаго нѣтъ ничего:
если онъ жить умудрялся,
ь что-жъ была смерть для него?..
Царь видѣлъ—бѣда угрожала...
ь видѣлъ, какъ смѣло впередъ
смѣну его идеала
той, ненавистный идетъ..
плакали гордыя очи,—
ъ плакали злобно они
тѣ темныя длинныя ночи,
тѣ долгіе, тяжкіе дни!
ютъ, исхудалый, разбитый,
Измученный тѣломъ, душой,
Онъ снова въ дворецъ позабытый
Поѣхалъ, гонимый тоской...
Тьма быстро на землю упала,
Страданья несущая тьма...
Едва освѣщенная зала
Печальна, тиха, какъ тюрьма...
То съ ревомъ, то съ плачемъ ребенка
Бушуетъ мятель за окномъ...
Шагъ царскій отчетливо-звонко
Разносится эхомъ кругомъ.
Безвыходной мукой терзаясь,
Царь ждетъ, не забрежжетъ ли день,
И бродитъ... Во слѣдъ, колыхаясь,
Ползетъ его длинная тѣнь...
За комнатой комната мимо...
Скрипитъ запыленная дверь...
Онъ,—богъ современнаго Рима,—
Какъ онъ измѣнился теперь!..
Взоръ тусклый, тупой, безотрадный;
Ввалилися щеки; волосъ
Коснулся рукою нещадной
Заботы и горя морозъ.
Все сгибло... Судьба измѣнила—
И долженъ могучій упасть...
„О, гдѣ же ты, вѣчная сила?
Ты гдѣ, некрушимая власть?!"
И кверху, томясь и тоскуя,
Онъ голову поднялъ, глядитъ:
Надъ нимъ, наклонившись, статýя,
Вся та же статýя стоитъ...
Усмѣшкою грозною снова
Сомкнутыя губы дрожатъ...
Весь блѣдный, не вымолвивъ слова
Царь двинулся тихо назадъ.

1877.

LXVIII.

Иванъ Феликсовичъ Тхоржевскій.

Род. 1843.

Извѣстный подъ псевдонимомъ „Иванъ-да-Марья“ переводчикъ иностранныхъ поэтовъ (В. Гюго, Беранже и др.). Приводимое ниже стихотвореніе было напечатано въ журналѣ „Слово“ за 1878 годъ.

Ивана Феликсовича не слѣдуетъ смѣши-вать съ сыномъ его И. И. Тхоржевским переводчикомъ „Стиховъ философа“ Гюйо.

ИЗЪ ПРЕХТЛЕРА.

Въ чьемъ сердцѣ нѣтъ весны, тому весны не знать!
Тому, кто самъ молчитъ, и эхо не отвѣтитъ!
Кто не поэтъ—тому поэта не понять,
И кто не любитъ — тотъ любви ни въ комъ не встрѣтитъ.
Чтó мысль, когда ни съ кѣмъ не дѣлится она?
Чтó гордый умъ, когда онъ самъ въ себѣ замкнетс
Чтó рукопись, когда она не прочтена?
Душа, когда она къ другой душѣ не рвется?
Жизнь каждаго должна съ другой душою слитьс
Нѣтъ сердца, чтó могло-бъ безъ страсти расцв[тать,
И тотъ лишь сирота, кто самъ себя лишится...
Въ чьемъ сердцѣ нѣтъ весны, тому весны не зна

LXIX.

Александръ Александровичъ Ольхинъ.

1839 — 1897.

—

Извѣстный адвокатъ, принимавшій горячее стіе въ защитѣ политическихъ подсуди гъ по процессамъ 50 и 193. Къ процессу она Мирскаго (въ концѣ 1879 г.) самъ гъ привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго, судомъ оправданъ; тѣмъ не менѣе, адми-тративнымъ порядкомъ подвергся высылкѣ одну изъ глухихъ мѣстностей Пермской ерніи, гдѣ и томился около 10 лѣтъ.

Стихотворенія Ольхина, печатавшіяся въ икальныхъ журналахъ 70-хъ годовъ, не ичались въ большинствѣ особенной силой и яркостью. Но былъ одинъ моментъ, въ августѣ 1878 года, когда муза Ольхина поднялась надъ уровнемъ посредственности и создала вещь, о которой исторія русской поэзіи не можетъ не упомянуть.

Стихотвореніе „У гроба“ появилось въ № 1 „Земли и Воли“. При всѣхъ недостаткахъ формы, оно, безспорно, отличается большой внутренней силой и въ свое время пользовалось широкой популярностью. Къ сожалѣнію, и теперь еще мы не можемъ напечатать его на страницахъ „Русской Музы“.

LXX.

Неизвѣстный.

Слова ставшаго въ послѣдніе годы такъ широко популярнымъ похороннаго марша „Вы жертвою пали"—не новы. Къ сожалѣнію, трудно указать съ точностью время ихъ сочиненія, но уже въ 80-хъ годахъ пѣсня „Идетъ онъ, усталый" распѣвалась въ тюрьмахъ политическими заключенными. Имя автора остается неизвѣстнымъ: смутное воспоминаніе говоритъ намъ о Познерѣ, одномъ изъ многочисленныхъ, мало извѣстныхъ поэтовъ 70-хъ годовъ. О типичномъ настроеніи той эп хи („любви беззавѣтной къ народу") св дѣтельствуетъ и самое содержаніе „марша".

Столь же не новаго происхожденія и та называемая „Рабочая Марсельеза" („Отречем отъ стараго міра"), принадлежащая перу зн менитаго революціоннаго дѣятеля и философ Петра Лавровича Лаврова (1823—1900). В художественномъ отношеніи „марсельеза" н представляетъ, впрочемъ, большой цѣнност

* * *

Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой
Любви беззавѣтной къ народу,
Вы отдали все, что могли, за него,
За жизнь его, честь и свободу!
Порой изнывали вы въ тюрьмахъ сырыхъ;
Свой судъ беззаконный надъ вами
Судьи-палачи изрекали порой:
„Пойдете, гремя кандалами!"
. . . .
Идетъ онъ, усталый, и цѣпи звенятъ.—
Закованы руки и ноги,—
Спокойно и грустно свой взоръ устремилъ
Впередъ по пустынной дорогѣ.
Нагрѣлися цѣпи отъ знойныхъ лучей
И въ тѣло впилися змѣями,
И каплетъ на землю горячая кровь
Изъ ранъ, растравлённыхъ цѣпями...
Но онъ молчаливо оковы несетъ,
За дѣло любви онъ страдаетъ,
За то, что не могъ равнодушно глядѣть,
Какъ братъ въ нищетѣ погибаетъ.
Въ душѣ его вѣра святая живетъ,
Что правда сильнѣе булата,
Что время настанетъ—оцѣнятъ ту кровь,
Которую льетъ онъ за брата...
А деспотъ пируетъ въ чертогѣ златомъ,
Тревогу виномъ заливая,
Но грозныя буквы давно на стѣнѣ
Чертитъ ужъ рука роковая.
Падетъ произволъ—и возстанетъ народъ,
Великій, могучій, свободный!
— Прощайте же, братья! Вы честно прошли
Свой доблестный путь благородный!

LXXI.

Василій Христофоровичъ Кравцовъ.

Авторъ трогательнаго стихотворенія „Матери“, напечатаннаго въ № 6 „Народной Воли“ (1881 г.). Осужденный, какъ „политическій преступникъ“, въ каторгу, В. Х. Кравцовъ много лѣтъ пробылъ въ Сибири—сначала на Карѣ, затѣмъ въ Якутской области.

МАТЕРИ.

Снился мнѣ образъ твой—нѣжный, тоскующій...
предъ иконою низко склонилась
вѣрою кроткою, душу врачующей,
о единственномъ сынѣ молилась.
Полно, родимая! Мучимый жаждою
ины, сынъ твой дорогой тернистою
Шелъ и предъ вѣчною жизненной правдою
Смѣло предстанетъ онъ съ совѣстью чистою.
Не надрывай же ты сердца щемящаго,
Не удручай себя тщетнымъ моленіемъ
И одинокаго узника спящаго
Не отуманивай скорбнымъ видѣніемъ!

8 марта 1881 г.

LXXII.

Дмитрій Лаврентьевичъ Михаловскій

1828 — 1905.

Оригинальныя стихотворенія и не многочисленны, и не ярки. Впрочемъ, одно изъ нихъ, начинавшееся словами:

Протестуй, пока ты въ силахъ,
Свѣжъ и громокъ голосъ твой,
Протестуй, пока есть въ жилахъ
Капля крови молодой!—

пользовалось въ началѣ 80-хъ годовъ извѣстностью среди молодежи; однако, самъ авторъ даже не включилъ его въ собраніе своихъ стихотвореній, изданное въ 1896 г., отыскать же его въ старыхъ журналахъ намъ не удалось.

За то Михаловскій подарилъ русской литературѣ немало очень хорошихъ переводовъ изъ иностранныхъ поэтовъ (изъ Байрона, Лонгфелло, Дранмора и пр.). Среди нихъ наибольшей силой и красотою отличается, на нашъ взглядъ, „На развалинахъ Колизея" Байрона. Любопытно сравнить XI—XII строфы этого перевода съ стих. Лермонтова „Умирающій Гладіаторъ" (стр. 133).

НА РАЗВАЛИНАХЪ КОЛИЗЕЯ.

(Изъ „Чайльдъ-Гарольда" Байрона.)

I. О, Время! Ты, что́ красоты вѣнецъ
Развалинамъ даешь! О, добрый геній,
Единый врачъ истерзанныхъ сердецъ
И исправитель нашихъ заблужденій!
Ты, пробный камень честности людской,
Любви и дружбы искренней и ложной,
Единственный мудрецъ, судья святой,
Творящій судъ правдивый, непреложный—
Хоть иногда и долго, долго ждётъ
Своей поры и мзда твоя, и кара—
О, Время-мститель, отъ твоихъ щедротъ
Молю теперь единственнаго дара!

II. Среди руинъ, гдѣ ты гигантскій храмъ
И свой алтарь воздвигло Разрушенью,
Гдѣ жертвъ твоихъ курится фиміамъ—
И моему дай мѣсто приношенью.
Мои дары—руины прошлыхъ лѣтъ,
Не многихъ, но отмѣченныхъ судьбою;
Не внемли мнѣ, когда напрасно свѣтъ
Я оскорблялъ и черствъ я былъ душою;
Но если я презрѣнье сохранилъ
Къ врагамъ, что́ такъ противъ меня возстали—
Ужель свой крестъ напрасно я носилъ,
И не придетъ *для нихъ* пора печали?

III. О ты, что свой правдивый счетъ ведешь,
Гдѣ всякая записана обида,
И карой за неправду воздаешь,
Столь чтимая у древнихъ Немезида!
Ты, по чьему велѣнію толпой
Изъ тартара всѣ фуріи стеклися
И подняли вокругъ Ореста вой
О мщеніи,—тебя зову, проснися!
Здѣсь, на руинахъ царства твоего,
Тебя теперь изъ праха вызываю!
Иль ты не слышишь вопля моего?
Но встанешь ты, я твердо уповаю.

IV. Я не скажу, что я за грѣхъ отцовъ
за свой не долженъ поплатиться,
рану-бъ я переносить готовъ,
торая въ груди моей дымится,
гда-бъ ее нанесъ мнѣ правый мечъ,
гда-бъ я зналъ, за что я такъ страдаю;
перь же кровь моя не будетъ течь—
тебѣ отнынѣ посвящаю.
отомстишь: для мщенья время есть!
гда карать неправду ты возьмешься,
тя-бъ я самъ и позабылъ про месть,
тя-бъ я спалъ—ты за меня проснешься!
V. И если вдругъ раздался голосъ мой,
вызванъ онъ не пыткою страданья:
далъ ли кто, чтобъ гордой головой
поникалъ въ минуту испытанья?
памятникъ хочу въ моихъ стихахъ
по себѣ оставить; пусть истлѣетъ
могилѣ мой давно забытый прахъ,
никакой ихъ вѣтеръ не развѣетъ;
аченіе пророческое ихъ
гда-нибудь для міра объяснится:
идетъ пора—и на людей мой стихъ,
къ громъ изъ тучъ, проклятьемъ разразится.
VI. Проклятіемъ—прощенье будетъ. Мнѣ-ль—
мать-земля, о небо, къ вамъ взываю!—
ѣ-ль нечего прощать? И неужель
борьбѣ съ своей судьбой я не страдаю?
мой мозгъ не высохъ оттого?
люди жизнь мою не отравили,
растерзали сердца моего
клеветой меня не заклеймили?
если я въ отчаянье не впалъ,
къ потому, что противъ бѣдъ гнетущихъ
ирода мнѣ дала не тотъ закалъ,
ъ у людей, вокругъ меня живущихъ.
VII. Я-ль не знавалъ житейской суеты—
ъ крупныхъ золъ до хитрости ничтожной,
ъ громкаго хуленья клеветы
шопота измѣны осторожной
ихъ низкихъ душъ, которыхъ тонкій ядъ
евидимо вредитъ своей отравой,
чей прямой, повидимому, взглядъ
сполненъ лжи и хитрости лукавой?
къ холодна, такъ сдержанна ихъ рѣчь;
змолвно лгутъ они открытымъ взоромъ,
шь вздохъ порой или пожатье плечъ
къ выдаетъ нѣмымъ своимъ укоромъ...
VIII. Но я вѣдь жилъ, и не напрасно жилъ;
ой умъ свою утратить можетъ силу,
онь, что́ кровь мою животворилъ,
гаснетъ, и я самъ сойду въ могилу;
нѣчто есть въ груди моей, чего
истребитъ ни время, ни страданье;
усть я умру, но будетъ жить его

Незримое, безсмертное дыханье;
Какъ арія забытая пѣвца,
Она порой смутитъ ихъ духъ волненьемъ,
Расплавитъ ихъ желѣзныя сердца
И душу ихъ наполнитъ сожалѣньемъ!
IX. Теперь конецъ. Привѣтствую тебя,
Могущество безъ наименованья
И безъ границъ! Полночный часъ любя,
Ты бродишь здѣсь, средь мертваго молчанья...
Тамъ твой пріютъ, тамъ твой любимый домъ,
Гдѣ высятся оставленныя стѣны,
Какъ мантіей, покрытыя плющомъ;
И ты царишь средь величавой сцены,
Давая ей тотъ смыслъ, тотъ духъ живой,
Что кажется, какъ-будто мы, незримо,
Участвуемъ взволнованной душой
Въ дѣлахъ вѣковъ, давно мелькнувшихъ мимо.
X. Здѣсь шумъ толпы арену волновалъ,
При зрѣлищѣ кроваваго сраженья,
То бурею восторженныхъ похвалъ,
То ропотомъ невнятнымъ сожалѣнья.
Изъ-за чего-жъ тутъ рѣзались рабы
И погибалъ несчастный гладіаторъ?
Чернь тѣшилась позоромъ ихъ борьбы,
И тѣшился жестокій императоръ!
Такъ что-жъ? Не все-ль равно, гдѣ люди мрутъ?
Арены кругъ и славной битвы поле—
Лишь разныя двѣ сцены, гдѣ гніютъ
Главнѣйшіе актеры ихъ—не болѣ...
XI. Боецъ лежитъ, смертельно пораженъ,
Безпомощно онъ оперся на руки;
Не жить ему, но мужественно онъ
Выноситъ боль своей предсмертной муки.
И падаетъ изъ раны тяжело,
По каплѣ, такъ, какъ дождь передъ грозою,
Густая кровь, и блѣдное чело
Склоняется все ниже надъ землею...
Въ безуміи восторга своего
Толпа шумитъ и, въ изступленьи дикомъ,
Привѣтствуетъ соперника его
Безжалостнымъ, безчеловѣчнымъ кликомъ!
XII. Онъ слышалъ все, но кликамъ не внималъ,
Не думалъ онъ о жизни угасавшей
И мутныхъ глазъ своихъ не обращалъ
Къ толпѣ, вокругъ безумно ликовавшей;
Нѣтъ, взоръ его былъ—съ сердцемъ вмѣстѣ—тамъ
У хижины, на берегу Дуная,
Гдѣ бѣгали безпечно по полямъ
Его малютки, весело играя;
И тамъ ихъ мать... Но гдѣ же ихъ отецъ?
Зарѣзанъ онъ для развлеченья Рима..
Возстаньте же, о готы, наконецъ!
Пусть будетъ месть грозна, неумолима!

———

СТРѢЛА И ПѢСНЯ.

(Изъ Лонгфелло.)

Стрѣлу изъ лука я пустилъ:
Не знаю, гдѣ она упала;
Напрасно взоръ за ней слѣдилъ—
Она мелькнула и пропала.

На вѣтеръ пѣсню бросилъ я:
Звукъ замеръ гдѣ-то въ отдаленьи...
Куда упала пѣснь моя—
Не могъ сказать я въ то мгновенье.

Немного лѣтъ спустя, потомъ,
Стрѣла нашлась въ соснѣ у луга,
Свою же пѣсню цѣликомъ
Нашелъ я въ тепломъ сердцѣ друга.

LXXIII.

Н. Минскій.

(Николай Максимовичъ Виленкинъ.)

Род. 1855.

На литературное поприще г. Минскій выупилъ въ моментъ высокаго подъема альуистическихъ чувствъ въ русскомъ общевѣ (1876—1877), когда „въ воздухѣ,—по раженію самого поэта, — какъ сѣмена, неимо мечты высокія носилися", и его холодя, но впечатлительная муза зажглась общимъ строеніемъ. Слѣдуя завѣтамъ только что шедшаго со сцены великаго „печальника ря народнаго", онъ скорбѣлъ и пѣлъ о невстіяхъ родины, взывалъ къ чувству долга самопожертвованію и скоро пріобрѣлъ ретацію одного изъ самыхъ передовыхъ и лиральныхъ поэтовъ. Но вотъ, къ серединѣ)-хъ годовъ, схлынула волна общественнаго збужденія... Чуткая молодежь отдала, къ иму же, свои симпатіи другому, позже выупившему поэту, очаровательная музыка стивъ котораго поражала теплой задушевноью и беззавѣтной искренностью. И г. Минйй неожиданно покинулъ старое знамя; въ эзіи его зазвучали ноты разочарованія и звѣрія, а затѣмъ и ироническаго отношенія ь лучшимъ идеаламъ собственной молодости, ь живымъ интересамъ родины и человѣчества. Постепенно онъ превращается въ поклонника „чистой красоты", въ пѣвца разныхъ философскихъ туманностей и отвлеченностей, въ надутаго и скучнаго ритора,—одного изъ вождей такъ называемаго символизма и декадентства...

Для всѣхъ былъ, поэтому, крайне неожиданнымъ новый переворотъ, случившійся съ г. Минскимъ послѣ 17 октября 1905 года. Въ этотъ историческій для Россіи моментъ побѣдная волна народнаго движенія поднялась, какъ извѣстно, на такую высоту, что казалось уже—близка окончательная ликвидація стараго, ненавистнаго абсолютистскаго строя. Слѣпые прозрѣваютъ, мертвецы выходятъ изъ гробовъ—и г. Минскій нежданно-негаданно объявляетъ себя соціалъ-демократомъ и становится во главѣ с.-д. газеты „Новая Жизнь"... Суровая дѣйствительность, къ сожалѣнію, разбила вскорѣ свѣтлыя иллюзіи: ожидаемая ликвидація была на неопредѣленное время отсрочена; въ числѣ многихъ другихъ „революціонныхъ" газетъ „Новая Жизнь" была закрыта, и самъ г. Минскій, спасаясь отъ судебнаго преслѣдованія, долженъ былъ скрыться заграницу. Останется ли онъ на этой новой для него дорогѣ политическаго борца? Вернется ли къ прежнему разочарованію во всѣхъ „высокихъ словахъ"? Какъ бы то ни

было, ничего цѣннаго въ поэтическомъ отношеніи за этотъ любопытный періодъ своего «возрожденія» онъ не далъ...

Давая общую характеристику г. Минскаго, какъ поэта, необходимо признать, что онъ обладалъ отъ природы незауряднымъ талантомъ, рано, къ сожалѣнію, искалѣченнымъ ненормально-тяжелыми условіями русской политической дѣйствительности.

1879 — 1884.

ПРЕДЪ ЗАРЕЮ.

Не тревожься, недремлющій другъ,
Если стало темнѣе вокругъ,
Если гаснетъ звѣзда за звѣздою,
Если скрылась луна въ облакахъ,
И клубятся туманы въ лугахъ:
Это стало темнѣй—предъ зарею...
Не пугайся, неопытный братъ,
Что изъ норъ своихъ гады спѣшатъ
Завладѣть беззащитной землею,
Что бѣгутъ пауки, что, шипя,
На болотѣ проснулась змѣя:
Это гады бѣгутъ—предъ зарею...
Не грусти, что во мракѣ ночномъ
Люди мертвымъ покоятся сномъ,
Что въ безмолвіи слышны порою
Только глупый напѣвъ пѣтуховъ,
Или злое ворчаніе псовъ:
Это—сонъ, это—лай предъ зарею...

СЕРЕНАДА.

Тянутся по́ небу тучи тяжелыя,
Мрачно и сыро вокругъ.
Плача, деревья качаются голыя...
Не просыпайся, мой другъ!
Не разгоняй сновидѣнья веселыя,
Не размыкай своихъ глазъ:
Сны беззаботные,
Сны мимолетные
Снятся лишь разъ!
Счастливъ, кто спитъ, кому въ осень холодную
Грезятся ласки весны;
Счастливъ, кто спитъ, кто про долю свободную
Въ тѣсной тюрьмѣ видитъ сны.
Горе проснувшимся! Въ ночь безысходную
Имъ не сомкнуть своихъ глазъ...
Сны беззаботные,
Сны мимолетные
Снятся лишь разъ!

ИЗЪ ПОЭМЫ „ГЕѲСИМАНСКАЯ НОЧЬ“.

Возставъ отъ вечери послѣдней,
Онъ шелъ враговъ своихъ встрѣчать,
Слова любви вѣнцомъ страданій увѣнчать.
Съ нимъ шли ученики. Прохлада ночи лѣтней,
Смѣнивши знойный день, струилася вкругъ нихъ,
И спящій міръ въ тотъ часъ прекрасенъ былъ и [тихъ.

Блѣднѣя, мѣсяцъ плылъ по голубой пустынѣ.
Безсонный ключъ, звеня, тишь ночи нарушалъ,
И гдѣ-то миртъ расцвѣлъ и бальзаминъ дышалъ.
Онъ шелъ, дивясь душой. Нѣтъ, никогда донынѣ,
Привыкши созерцать безплотныя черты,
Не видѣлъ на землѣ Онъ столько красоты!
. . . .
И вотъ, ужъ миновавъ Іосафатъ пустой,
Онъ полъ-горы прошелъ, скорбя невыразимо,
Какъ вдругъ, изъ тьмы кустовъ, ученикамъ незримо,
Явился злобный духъ, и дерзкою пятой
Касаться онъ дерзалъ слѣдовъ пяты нетлѣнной.
Онъ видѣлъ, онъ постигъ, какъ страждетъ другъ [вселенной,
И мрачнымъ торжествомъ глаза его зажглись,
И, слѣдуя за нимъ, шепталъ онъ: „Оглянись!
Прекрасна ночь—и жаръ любовный
Въ людскихъ сердцахъ сильнѣй горитъ,
И сонъ блаженный, сонъ грѣховный
Надъ спящимъ городомъ паритъ.
Грудь ищетъ страстно груди знойной,
Горятъ уста, и взоръ погасъ...
Куда, мечтатель безпокойный,
Куда бѣжишь ты въ этотъ часъ?
. . . .
Вернись! Вернись! Вернись! Тебѣ я счастье дамъ“.
Такъ злобный духъ шепталъ. И горестный Учитель
Промолвилъ, обратясь къ своимъ ученикамъ:
„Молитесь! Близко искуситель“.
И сталъ молиться самъ. Но, только слезный взоръ
Онъ поднялъ вверхъ, согнувъ дрожащія колѣни,
Какъ снова выступилъ изъ мрака злобный геній,
И крылья черныя надъ плачущимъ простеръ,
И слезы высушилъ своимъ дыханьемъ льдистымъ
И чистый слухъ язвилъ злорѣчіемъ нечистымъ:
„Смотри,—коварный духъ сказалъ,—
Встаютъ видѣнья дней грядущихъ,

Ты видишь пиршественный залъ,
Гостей хохочущихъ и пьющихъ?
Ихъ тѣсенъ кругъ. Сѣдой старикъ—
Хозяинъ пира. Съ лаской пьяной,
Вотъ, онъ щекой своей румяной
Къ груди красавицы приникъ.
То—дочь его: лишь преступленье
Осилить можетъ пресыщенье.
Вотъ засыпаетъ онъ. Не вѣрь!
Прикрывъ зрачки, какъ хищный звѣрь,
Онъ смотритъ съ злобой безпокойной,
Какъ сынъ его, отца достойный,
Радушно потчуетъ гостей,
Торопитъ шуткой пиръ усталый
И цѣдитъ самъ вино въ бокалы
Рукой предательской своей.
Всѣ пьютъ. Вдругъ вопль... Вскочилъ, кто въ силахъ...
Бѣгутъ къ дверямъ, ползутъ назадъ...
Кричатъ, упавъ: „Измѣна! Ядъ!"
Но поздно. Смерть течетъ въ ихъ жилахъ.
Тогда очнувшійся старикъ
Въ объятья сына призываетъ,
И стоны смерти прерываетъ
Его злорадства дикій крикъ...
Кто-жъ извергъ сей? Ночной грабитель?
Злодѣй, таящійся во мглѣ?
Нѣтъ, твой намѣстникъ на землѣ,
Твоихъ завѣтовъ онъ—хранитель;
Онъ—высшій совѣсти судья,
Его народы чтутъ, какъ дѣти...
Гляди-жъ, безумецъ! Вотъ, спустя
Пятнадцать медленныхъ столѣтій,
Къ чему распятье приведетъ!
Чтобъ пресыщенному злодѣю
Доставить силу и почетъ,
Чтобы, святынею твоею
Покрывъ преступное чело,
Творить свободнѣй могъ онъ зло...
...ись! Оставь людей судьбѣ неумолимой!
...ись! Ты не спасешь ихъ жертвою своей!"
...уки вверхъ воздѣвъ, молился другъ людей:
— Да идетъ чаша эта мимо!..—
И вновь злой геній говоритъ:
„Вотъ площадь шумная. Трибуна,
Какъ бы скала среди буруна,
Надъ ней высокая царитъ.
Въ трибунѣ той—старикъ безстрастный,
Какъ нищій, въ рубище одѣтъ.
Въ его лицѣ кровинки нѣтъ,
Недвиженъ взоръ взоръ сухой и властный.
Толпа, ревущая окрестъ,
Вблизи него хранитъ молчанье.
Онъ оперся на черный крестъ,
Застылъ, какъ рока изваянье!

И вдругъ—о, чудо!—по лицу
Улыбка легкая мелькнула...
Какая сила мертвецу
Способность чувствовать вернула?
Толпа стихаетъ. Слышенъ хоръ.
На площадь шествіе выходитъ.
Монахъ съ крестомъ его подводитъ
Туда, гдѣ высится костеръ...
Средь черныхъ рясъ, въ рубахахъ бѣлыхъ,
Мужей и женъ идутъ ряды.
Злыхъ пытокъ свѣжіе слѣды
Горятъ на лица помертвѣлыхъ.
И вотъ хоругвей черный лѣсъ
Недвижно сталъ. На возвышеньи
Мелькнули мучениковъ тѣни.
И вдругъ костеръ въ дыму исчезъ—
Подъ стоны жертвъ, подъ пѣнье хора,—
Подъ тяжкій вздохъ твоей груди...
Но ты на старца погляди:
Не сводитъ огненнаго взора
Съ огня, дыханье затаивъ,
Онъ молодъ сталъ, онъ сталъ красивъ,
Молитву шепчетъ... Неужели
Твое онъ имя произнесъ?
Тебѣ—ты слышишь?—онъ принесъ
Несчастныхъ въ жертву, что сгорѣли...
Тебя прославилъ онъ огнемъ,
За души грѣшниковъ предстатель...
Ты весь дрожишь? Такъ знай, мечтатель:
О кроткомъ имени твоемъ
Моря изъ крови заструятся,
Свершится безконечный рядъ
Злодѣйствъ ужасныхъ, освятятся
Кинжалъ и мечъ, костеръ и ядъ.
И будутъ дикія проклятья
Твою святыню осквернять,
И люди, именемъ распятья,
Другъ друга будутъ распинать.
И станетъ знаменемъ въ борьбѣ непримиримой
Твой крестъ, твой кроткій крестъ, символъ любви твоей..."
И, руки вверхъ воздѣвъ, молился другъ людей:
— Да идетъ чаша эта мимо!..—
А демонъ хохоталъ:
„Взываетъ къ небесамъ
И чашу горькую ко рту подноситъ самъ.
Какъ! Не смутилъ тебя костеръ, ни пиръ кровавый?
Ты медлишь здѣсь, на зло и людямъ, и себѣ?
Ужъ не ошибся-ль я въ тебѣ?
И, вмѣсто истины, не жаждешь ли ты славы?
О, если такъ, то жди. Удачно выбранъ мигъ:
Тьма въ городѣ людей... Иди на муки смѣло!
Пусть кровь твою прольютъ, пусть распинаютъ тѣло.

Я вижу: нравъ толпы глубоко ты постигъ.
Да, жаждетъ и она не правды, не святыни,
Но правды идоловъ, святыни алтарей.
Толпѣ дай образы, лишь рѣзче да пестрѣй,
Миражи ей твори средь жизненной пустыни,
Чтобъ было вкругъ чего, бѣснуясь, ей плясать
И воздухъ воплями безумно потрясать.
Вотъ отчего твой крестъ и блѣдный трупъ на немъ
Прекрасное лицо и скорби выраженье,
И терніи, и кровь, и воины кругомъ
Глубоко поразятъ толпы воображенье,
Легенды создадутъ—стозвучный бредъ молвы—
И будутъ жить въ вѣкахъ; но вѣчно ли? Увы!"

. . . .

Такъ искушалъ злой духъ, ликуя безпредѣльно,
И другъ людей молчалъ, поникнувъ головой.
Душа скорбѣла въ немъ смертельно,
Съ чела катился потъ кровавою струей,
И умъ изнемогалъ отъ тяжкаго боренья.
И вся вселенная въ тѣ горькія мгновенья
Недвижно замерла, молчала и ждала...
Великій, страшный часъ, когда въ душѣ скорбѣв-
[шей
Свершалось таинство борьбы добра и зла.
И тамъ, на небесахъ, въ селеньяхъ жизни горней,
Настало царство тишины.
И самъ Господь скорбѣлъ, сокрывшись въ тучѣ
[черной,
Толпились ангелы, тоской омрачены.
И вдругъ одинъ изъ нихъ съ поспѣшною тревогой
На землю ринулся...
Когда, по скорби многой,
Другъ міра поднялъ взоръ, уже стоялъ предъ Нимъ,
Съ очами, полными надежды и испуга,
Безгрѣшной красотой сіявшій серафимъ,
И долго, грустные, глядѣли другъ на друга.
И ангелъ пѣлъ:
„Кто крестъ однажды хочетъ несть,
Тотъ распинаемъ будетъ вѣчно,
И если счастье въ жертвѣ есть,
Онъ будетъ счастливъ безконечно.
„Награды нѣтъ для добрыхъ дѣлъ.
Любовь и скорбь—одно и то-же.
Но этой скорбью кто скорбѣлъ,
Тому всѣхъ благъ она дороже.
„Какое дѣло до себя
И до другихъ, и до вселенной
Тому, кто шествовалъ, любя,
Куда звалъ голосъ сокровенный?
„Но кто, боясь за нимъ идти,
Себя сомнѣніемъ тревожитъ,
Пусть бросить крестъ среди пути,
Пусть ищетъ счастья, если можетъ..."
И прояснилися Скорбѣвшаго черты,
И, руки вверхъ воздѣвъ, молился Онъ смиренно:
„Не такъ, какъ я хочу, а такъ, какъ хочешь Ты"
И шопотъ радости промчался по вселенной...
Онъ разбудилъ учениковъ
И молвилъ: „Часъ мой наступаетъ".
И, чу! Имъ слышенъ звукъ шаговъ,
Къ нимъ звонъ оружья долетаетъ.
Мелькнули факелы въ кустахъ,
Снопъ свѣта вырвался оттуда.
И вотъ—съ улыбкой на устахъ
Изъ мрака крадется Іуда...

ЖИРОНДИСТЪ.

[КЪ КАРТИНѢ МЮЛЛЕРА.]

Тронулась въ путь колесница позорная...
Узникъ, какъ снѣгъ, побѣлѣлъ.
Душу окутало облако черное,
Умъ отъ тоски онѣмѣлъ.
Онъ истомился за ночь безпредѣльную
Нечеловѣческихъ мукъ.
Лишь отдается въ немъ болью смертельною
Сердца усиленный стукъ.
Словно сквозь дымку тумана
Движется море головъ,
Слышится бой барабана,
Слышится топотъ шаговъ.
Все это ждалъ онъ, и все неожиданно
Какъ-то случилося вдругъ.
Люди бѣгутъ, какъ на праздникъ невиданный...
Всѣхъ ихъ любилъ онъ, какъ другъ!
Страшныя тѣни парятъ надъ душою,
Выплывутъ, снова нырнутъ...
Грудь наболѣвшую съ болью тупою
Медленно, медленно рвутъ.
Что-то рыдаетъ... Туманится взглядъ...
Мрачно и страшно... Назадъ, о назадъ!..
Поздно... Напрасны тоска и рыданія...
Ахъ, какъ свѣтло назади!
Вотъ промелькнуло какое-то зданіе—
Дрогнуло что-то въ груди...
Онъ наклонился. Глядятъ любопытные,—
Это родной его домъ.
Плачутъ тамъ мать и сестра... Беззащитныя!
Здѣсь, за любимымъ окномъ,
Первую книгу прочелъ онъ завѣтную:
Другомъ была ему книга дана,
Вечеромъ сѣлъ онъ и ночь непримѣтную
Съ нею провелъ онъ безъ сна.
Помнитъ: онъ всталъ обновленнымъ,
Къ другу скорѣй побѣжалъ;
Крѣпко въ порывѣ смущенномъ
Руку ему онъ пожалъ.
И полилися вдругъ слезы блаженныя...
День этотъ вмѣстѣ они провели,

...ча, давали обѣты священные,
...жертву себя обрекли...
Бѣдный ребенокъ! Въ тотъ радостный день
Первую къ гробу прошелъ ты ступень.
...ту возврата... О, годы счастливые!
...ѣ ихъ припомнишь теперь?..
...ше, о тише, толпа... Терпѣливѣе!
...дать ужъ недолго, повѣрь...
...тъ показалися стѣны угрюмыя...
...мнитъ онъ: судьи сидѣли кругомъ—
...ру въ людей звали верхомъ безумія,
...льнаго вѣрою—звали врагомъ.
Жадно они разметали
Счастья минувшаго прахъ;
Жадно могилу копали,
Рылись въ погибшихъ мечтахъ...
...тъ, онъ не выдержалъ! Въ сердцѣ кипѣвшая
...лась наружу гроза:
...е, что таила душа наболѣвшая,
...е имъ швырнулъ онъ въ глаза!
...алъ, что проходитъ въ тотъ горестный день
...ъ предпослѣднюю къ гробу ступень.
..., предпослѣднюю... Шумъ приближается.
...рашно!.. Назадъ, о назадъ!
. . . .
...здно... Напрасны тоска и рыданія.
...какъ свѣтло позади!
...ютъ барабаны... Минута молчанія...
...о-то порвалось въ груди...
Снова ревущей грозою
Бурно ликуетъ народъ,
Все покрывается мглою,
Все завертѣлось...
Впередъ!
...ше держи свою голову блѣдную,
...ку смѣлѣй подымай, не страшись...
...о прошелъ ты ступеньку послѣднюю...
...нчены мука и жизнь.
Ты-жъ успокой, о родная земля,
Кости того, кто погибъ за тебя!

———

1885 — 1888.

* * *

...взморью бродилъ я—и морю внималъ.
О чемъ-то печально и важно
...на вопрошала—и ей отвѣчалъ
Разсыпчатый берегъ протяжно.
...сь вечеръ ихъ рѣчи внималъ я одинъ,
Объятый тоской безпредѣльной.
...плылъ мѣсяцъ—и глетчеры дальнихъ вершинъ
Зажглись красотою безцѣльной.
Раскрылся сводъ неба—прекрасенъ и нѣмъ,
Подобно пустынному раю.
И волны въ тиши вопрошали: зачѣмъ?..
И берегъ шепталъ имъ: не знаю...

———

* * *

О, если-бъ знали вы, о чемъ я боязливо
Молился небесамъ, какъ въ первый разъ къ вамъ шелъ:
Молился я, чтобъ васъ такою же правдивой,
Прекрасной, кроткою я снова не нашелъ,
Какъ въ незабвенный день случайной первой встрѣчи;
Чтобъ такъ же ласково вашъ голосъ не звучалъ,
Такъ въ сердце мнѣ не шли отъ сердца ваши рѣчи,
Такъ много радостей вашъ взоръ не обѣщалъ;
Чтобъ оказались вы, какъ всѣ, пустой и лживой,
Безсильной счастье дать, безсильной быть счастливой,
Чтобъ могъ забыть я васъ, чтобъ мимо шла гроза,
Которой гулъ въ душѣ ужъ слышенъ отдаленный...
И объ одномъ еще молился я, смущенный:
Чтобы мольбѣ моей не вняли небеса!

———

* * *

Она, какъ полдень, хороша,
Она загадочнѣй полночи.
У ней не плакавшія очи
И не страдавшая душа.
И мнѣ, чья жизнь—борьба и горе,
По ней томиться суждено...
Такъ вѣчно плачущее море
Въ безмолвный берегъ влюблено.

———

* * *

... Вблизи святыхъ руинъ недавняго былого,
Спѣша, устроили мы суетный базаръ.
Гдѣ смолкъ предсмертный стонъ, тамъ жизнь взыграла снова,
Гдѣ умиралъ герой, тамъ тѣшится фигляръ;
Гдѣ вопіялъ призывъ пророческаго слова,
Продажный клеветникъ свой расточаетъ жаръ.
Пѣвцы поютъ цвѣты, а ложные пророки
Насъ погружаютъ въ сонъ, увы, безъ нихъ глубокій!
О, пѣсня грустная! Въ годину мрака будь
Живымъ лучемъ хоть ты, мерцанью звѣздъ подобнымъ.
Отвагой прежнею зажги больную грудь,
Угрозою явись ликующимъ и злобнымъ.
Чтó край родной забылъ,—ты, пѣсня, не забудь!

Развратный пиръ смути рыданіемъ надгробнымъ.
Какъ блѣдная луна средь ночи, говори,
Что солнце гдѣ-то есть, что будетъ часъ зари!

ВЪ ГОРАХЪ.

Здѣсь тучи родятся. На горы взирая,
Здѣсь учится вѣтеръ лѣпить облака.
Отсюда они, какъ изъ стана войска,
Всю землю воюютъ отъ края до края.
И прежде чѣмъ въ дальній умчаться походъ,
Здѣсь часто вкругъ солнца сбираются тучи
И строятся чинно,—и взадъ, и впередъ
Безстрашно шагаютъ чрезъ бездны и кручи.
Вотъ, въ пурпуръ одѣтый промчался отрядъ,
Вотъ, въ сизыхъ доспѣхахъ идутъ исполины...
Все небо въ движеньи, зарницы горятъ,
И солнце, какъ вождь, озираетъ дружины.

МОЙ ДЕМОНЪ.

... Мой демонъ страшенъ тѣмъ, что пламенной печати
Злорадства и вражды не выжжено на немъ,
Что небу онъ не шлетъ угрозъ или проклятій
И не глумится надъ добромъ.
Мой демонъ страшенъ тѣмъ, что, правду отрицая,
Онъ высшей правды ждетъ страстнѣй, чѣмъ серафимъ.
Мой демонъ страшенъ тѣмъ, что, душу искушая,
Уму онъ кажется святымъ.
Привѣтна рѣчь его, и кротокъ взоръ лучистый.
Его хулы звучатъ печалью неземной;
Когда-жъ его прогнать хочу молитвой чистой,
Онъ вмѣстѣ молится со мной!..

---

* * *

Какъ сонъ, пройдутъ дѣла и помыслы людей:
Забудется герой, истлѣетъ мавзолей—
И вмѣстѣ въ общій прахъ сольются.
И мудрость, и любовь, и знанья и права,
Какъ съ аспидной доски ненужныя слова,
Рукой невѣдомой сотрутся.
И ужъ не тѣ слова подъ тою же рукой,
Далёко отъ земли застывшей и нѣмой,
Возникнутъ вновь загадкой блѣдной.
И снова свѣтъ блеснетъ, чтобъ стать добычей тьмы,
И кто-то будетъ жить не такъ, какъ жили мы,
Но такъ, какъ мы, умретъ безслѣдно.
И невозможно намъ предвидѣть и понять,
Въ какія формы Духъ одѣнется опять,
Въ какихъ созданьяхъ воплотится.
Быть можетъ, изъ всего, что будитъ въ насъ любовь,
На той звѣздѣ ничто не повторится вновь...
Но есть одно, что́ повторится.
Лишь то, что мы теперь считаемъ празднымъ сномъ,
Тоска неясная о чемъ-то неземномъ,
Куда-то смутныя стремленья,
Вражда къ тому, что есть, предчувствій робкій свѣтъ
И жажда жгучая святынь, которыхъ нѣтъ,—
Одно лишь это чуждо тлѣнья...
Въ какихъ бы образахъ и гдѣ бы средь міровъ
Ни вспыхнулъ мысли свѣтъ, какъ лучъ средь облаковъ,
Какія-бъ существа ни жили,
Но будутъ рваться въ даль они, подобно намъ,
Изъ праха своего къ несбыточнымъ мечтамъ,
Грустя душой, какъ мы грустили.
И потому не тотъ безсмертенъ на землѣ,
Кто превзошелъ другихъ въ добрѣ или во злѣ,
Кто славы хрупкія скрижали
Наполнилъ повѣстью, безцѣльною, какъ сонъ,
Предъ кѣмъ толпы людей — такой же прахъ, какъ онъ—
Благоговѣли, иль дрожали.
Но всѣхъ безсмертнѣй тотъ, кому сквозь прахъ земли
Какой-то новый міръ мерещился вдали,
Не существующій и вѣчный,
Кто цѣли неземной такъ жаждалъ и страдалъ,
Что силой жажды самъ миражъ себѣ создалъ
Среди пустыни безконечной!

1896.

СКАЗКА.

Подъ темной сосною
Росъ блѣдный цвѣтокъ.
Ихъ вмѣстѣ весною
Ласкалъ вѣтерокъ.
Ихъ въ лѣтнія ночи
Кропила роса...
Но холодъ съ полночи
Дохнулъ на лѣса:
Въ далекія страны
Журавль улетѣлъ,
Сгустились туманы—
Цвѣтокъ захирѣлъ.
Къ землѣ онъ устало
Приникъ въ тишинѣ,
И жаль его стало
Могучей соснѣ.
Средь полночи мглистой,
Участья полна,
Вершиной иглистой

Качнула она.
И голосъ побѣдный
Раздался изъ тьмы:
— „Не бойся, другъ бѣдный,
Холодной зимы!
Утѣшься въ кручинѣ
Примѣромъ моимъ:
Встрѣчала донынѣ
Я множество зимъ.
Прошли эти зимы,
Иныя пройдутъ,
Мои-жъ невредимы
Всѣ вѣтви цвѣтутъ.
Лишь въ новой одеждѣ
Возстану отъ сна.
Ты также"—
Но прежде,
Чѣмъ смолкла сосна,
Надвинулись тучи
Съ холодныхъ небесъ,
И саванъ летучій
Спустился на лѣсъ.
И, снѣгомъ покрытый,
Цвѣтокъ навсегда
Исчезъ, позабытый,
Пропалъ безъ слѣда...

LXXIV.

Анна Павловна Барыкова.

1839 — 1893.

Поэтическій талантъ Барыковой не развернулся въ полномъ объемѣ отчасти вслѣдствіе поздняго обращенія писательницы къ поэзіи (уже въ концѣ 70-хъ годовъ), отчасти же вслѣдствіе сознательнаго пренебреженія къ красотѣ формы. Послѣднимъ грѣшила, впрочемъ, не одна Барыкова, а все ея поколѣніе, въ увлеченіи высшими идейными интересами признававшее одну только поэзію—соціально-гражданскаго содержанія.—Стихи Барыковой, не блещущіе ни полнотой рифмы, ни легкостью цезуры, грубоваты, временами даже топорны; но въ нихъ слышится сила, „кипитъ живое чувство“ любви къ родному народу, къ обиженнымъ и униженнымъ, и симпатическія нити протягиваются отъ нихъ къ сердцу читателя.

МОИ ПАЦІЕНТЫ.

(ИЗЪ ДЕРЕВЕНСКАГО ДНЕВНИКА.)

... Еще одинъ больной. Онъ что-то подъ тулупомъ
Несетъ. „Вотъ, матушка, и я до васъ—съ рукой“.
Онъ распахнулъ тулупъ, и вдругъ запахло тру-
[помъ...
„Пора рабочая, а вишь ты—грѣхъ какой!
Ужъ только вылечи, не постоимъ за цѣну,
Богъ хлѣбца уродилъ... Рука нужна для насъ!“
Какъ я ему скажу, что узнаю гангрену,
Что нужно доктора,—скорѣй, скорѣй, сейчасъ?!..
Сказала... Онъ махнулъ здоровою рукою,
Взглянулъ въ мои глаза съ отчаянной мольбой,
Съ усмѣшкой блѣдною, поникнувъ головою,
Спросилъ: „А дохтуръ гдѣ?“
И поплелся домой.
Не къ доктору идетъ... До города далёко,
А онъ шатается отъ вѣтра, какъ хмѣльной.
Кругомъ нѣмая степь раскинулась широко
И колосъ клонится головкой наливной,
Прощаясь съ пахаремъ...
Унылый, но покорный,
Идетъ онъ: „Въ животѣ и смерти Богъ волёнъ,
А вотъ пшеничку—жаль!“
Подъ гнетомъ думы черной
Заныла больно грудь,—о *хлѣбѣ* думалъ онъ!..
И пробѣгала дрожь въ его усталомъ тѣлѣ,
И пожирающій огонь горѣлъ въ крови...
О, Господи! да кто-жъ хозяинъ въ гнусномъ дѣлѣ!
Взгляни же ты на нихъ, Богъ правды и любви!

* * *

Тумана саваномъ окутано селенье.
Сквозь ночи мракъ густой, изъ желтыхъ камышей
Съ болота крадутся толпою привидѣнья
Въ деревню сонную и носятся надъ ней.
«Мы избавители, мы посланные неба,
Мы помощь имъ несемъ,—поетъ незримый клиръ:
Мы прекратимъ навѣкъ ихъ муки изъ-за хлѣба,
Дадимъ свободу имъ, забвеніе и миръ.
Они боятся насъ, но мы—благія силы,
Мы—не мучители, не божіи бичи,
Хотя и валимъ ихъ въ глубокія могилы...
Мы—исцѣлители, мужицкіе врачи!
Зовутъ насъ: дифтеритъ, горячка, лихорадка.
Холера, оспа, корь, голодный тифъ, запой...
Мы взглянемъ—и уснутъ навѣкъ страдальцы сладко.
Утомлены они, пора имъ на покой!

ы что̀ дали имъ при жизни, люди-братья,
ѣлые вѣка тяжелаго труда?
ь право посылать вамъ горькія проклятья,
а ихъ душитъ гнетъ, болѣзнь или нужда!
:емъ мы ихъ отъ васъ!..»
Раздался хохотъ дикій,
иъ крыльевъ, стукъ костей и погребальный
[звонъ,
ъ женщинъ и дѣтей, стенанія и крики,—
проснулася...
Какой нелѣпый сонъ!
въ радостно горитъ безсмертное свѣтило,
ожило кругомъ отъ неба до земли;
ланье имъ служить проснулось съ новой силой.
Вставайте, барыня, больные къ вамъ пришли!
1882.

БОЖЬЕ ОКОШКО.

окошко, тамъ сверху, Богъ видитъ меня»,—
улыбкой лепечетъ малютка,
гря на луну и головку склоня...

. . . .

, если бы можно повѣрить и мнѣ
великое чудо такое
ога увидѣть въ холодной лунѣ!..
какою бы жаркой мольбою
гала, какъ нищій, подъ свѣтлымъ окномъ,
сила-бъ за братьевъ несчастныхъ,
братьевъ, раздавленныхъ тяжкимъ крестомъ,
женныхъ, темныхъ, безгласныхъ...
сила-бъ Великаго Бога любви
януть на утопшихъ въ грязи и крови!

ЗА ПЯЛЬЦАМИ.

барыней старой, капризной и знатной
скучномъ салонѣ сидитъ приживалка,
е старушка; одѣта опрятно,
ико сморщено, кротко и жалко;
Что-то покорное въ каждомъ движеньи,
Въ блѣдной улыбкѣ застыло терпѣнье.
пяльцамъ нагнувшись сѣдой головою,
рью букеты по бѣлому шелку
тъ она молча, привычной рукою.
зно рисуетъ послушной иголкой;
И, какъ живые, выходятъ букеты,
Пестрые, полные блеска и свѣта.
ленно идутъ часы за часами;
шенъ лишь изрѣдка крикъ попугая,
осторожно скрипя башмаками,
ю по мягкимъ коврамъ выступая,
Старый лакей съ этикетомъ стариннымъ
Куритъ духами въ салонѣ пустынномъ.
иня дремлетъ надъ скучнымъ пасьянсомъ;
Входятъ на цыпочкахъ въ комнату внучки
Съ льстивымъ привѣтомъ, съ большимъ реверан-
[сомъ,
Крѣпко цѣлуютъ ей желтыя ручки.
„Тысячу первую шьете подушку?"—
Дразнятъ онѣ приживалку-старушку.
Молча стегаетъ она, какъ машина...
Имъ не видать, какъ предъ нею въ молчаньи
Счастья былого проходятъ картины,
Какъ оживаютъ былыя страданья.
Въ сердцѣ, подъ ветхою тканью капота,
Скрыта мудреная эта работа.
Шьетъ она пышныя алыя розы.
„Какъ онъ любилъ ихъ, Сережа мой милый!"—
Вспомнила вдругъ. Навернулися слезы,
Грезится счастье, разлука, могила.
Барыня къ ней обратилась съ вопросомъ:
— „Что ты, голубушка, шмыгаешь носомъ?"
Шьетъ приживалка опять, вспоминая:
„Бѣдно мы жили, а славно,—чистенько...
Онъ на урокахъ, а я вышиваю...
Знали мы счастье, хоть, правда, частенько
Класть приходилось намъ зубы на полку..."
Снова быстрѣй заходила иголка.
„Вася родился... И тутъ-то вотъ вскорѣ
Съ неба упало и насъ поразило,
Молніей словно, нежданное горе.
Точно во снѣ, въ страшномъ снѣ это было...
Взяли его у меня... Онъ въ острогѣ...
Голову бреютъ... Закованы ноги..."
— Милая, встань! Покажи, что нашила...
Какъ ты испортила этотъ бутончикъ...
Мокрый весь!.. Чѣмъ ты его замочила?..
Дай табакерку мнѣ... Гдѣ мой флакончикъ?..—
Барыня съ кашлемъ глухимъ проворчала,
Спирту нюхнула и вновь задремала.
Шьетъ приживалка опять, какъ машина.
«Онъ не доѣхалъ *туда*, слава Богу..."
Грезится ей снѣговая равнина,
Грезится въ саванѣ бѣломъ дорога...
Тамъ успокоился онъ—ея милый...
Есть ли хоть крестъ надъ безвѣстной мо-
[гилой?..
„Много тогда ихъ, несчастныхъ, погибло...
Какъ только Богъ посылалъ мнѣ терпѣнье,
Какъ это горе меня не пришибло?..
Выросъ мой Васенька, мнѣ въ утѣшенье...
Жизнь воротилъ онъ мнѣ ласкою дѣтской...
Приняли Васеньку въ корпусъ кадетскій.
„Ужъ и любила его я безъ мѣры!..
Ахъ, вотъ опять я закапала розу...
Передъ войной вышелъ онъ въ офицеры..."
Рѣжутъ глаза неотступныя слезы,
Замерло старое сердце отъ боли...
— Шейте же, милая, спите вы, что ли?..

„Помню, влетѣлъ онъ, восторгомъ сіяя:
— Вотъ выступаетъ дивизія наша...
Полно, не бойтесь... Не плачьте, родная...
Съ крестикомъ бѣлымъ вернусь я, мамаша!..—
Съ крестикомъ бѣлымъ!.. Охъ, мальчикъ мой [бѣдный,
Вотъ онъ... Свалился, кровавый и блѣдный..
Двадцать-два года... Веселый, красивый...
Нѣтъ его... Пуля скосила шальная!›
Въ комнатѣ рядомъ раздался визгливый,
Громкій, безмысленный крикъ попугая,—
Вздумалъ некстати дуракъ разораться:
„Здравья желаю!“ и „Рады стараться!“
Снова очнулась бѣдняга; проворно
Шьетъ; и никто не имѣетъ понятья,
Какъ на душѣ у ней больно и чёрно...
Сколько страданій, какія проклятья,
Сколько тутъ скорби о жизни разбитой
Въ пестрыхъ, веселыхъ цвѣточкахъ зашито.
Разъ, впрочемъ, тóтчасъ замѣтили люди,
Что поблѣднѣла она, вышивая...
Вырвался стонъ изъ надорванной груди...
Свѣсилась на бокъ косичка сѣдая,
На полъ катушка изъ рукъ покатилась,
Съ сердцемъ неладное что-то случилось.
Лопнула жила... Досадно ужасно
Барынѣ было. Сердилась старушка:
— Сколько шелковъ накупила напрасно...
И, не докончивши даже подушки,
Вдругъ умираетъ моя приживалка...
Вы не повѣрите, какъ это жалко!..“

———

ДВА МАЛЬЧИКА.

На́ морѣ тихо, на солнышкѣ знойно,
Берегъ, какъ будто бы, дремлетъ спокойно;
Не шелохнутся на деревѣ вѣтки;
Лишь между ка́мней, какъ малыя дѣтки,
Мелкія рѣзвыя волны играютъ,
Словно другъ друга, шутя, догоняютъ.
Къ морю купаться бѣжитъ цыганенокъ,
Смуглый, красивый, здоровый ребенокъ;
Такъ и горятъ воровскіе глазенки,
Смуглыя блещутъ на солнцѣ ручонки,
Кинулся—по́плылъ... Движенія смѣлы,
Точно изъ бронзы отлитое тѣло.
Славный мальчишка, хоть нищій, да вольный...
Съ берега смотритъ съ усмѣшкой довольной
Мать молодая въ лохмотьяхъ картинныхъ,
Глазомъ сверкая подъ массою длинныхъ
Взбитыхъ волосъ, незнакомыхъ съ гребенкой.
Съ гордостью смотритъ она на ребенка,
Съ гордостью шепчетъ: „Хорошъ мой галченокъ!
Я родила тебя, мой цыганенокъ!..“
Въ мягкой коляскѣ заморской работы
Возятъ вдоль берега жалкое что-то,
Блѣдное, вялое... Въ тонкихъ пеленкахъ,
Въ кружевѣ, въ лентахъ—подобье ребенка.
Личико блѣдное, все восковое,
Глазки усталые, тѣльце сквозное.
Видно, что смерть ужъ его приласкала —
Пѣсенку спѣла ему, закачала...
Онъ подъ вуалями спитъ, какъ въ туманѣ.
Рядомъ плыветъ въ парчевомъ сарафанѣ
Мамка-красавица, съ грудью продажной,
Бѣлой гусынею, плавно и важно.
Барыня знатная, мать молодая,
Ихъ провожаетъ, глубоко вздыхая.
Смотритъ въ колясочку взглядомъ печальнымъ,
Смотритъ на море... По во́лнамъ зеркальнымъ
Смѣлый мальчишка съ веселой улыбкой
Плаваетъ быстро, какъ рѣзвая рыбка.
Барыня знатная завистью тайной
Вся загорѣлась при встрѣчѣ случайной...
Думаетъ: „Боже мой, Боже Великій!
Вотъ вѣдь живетъ же звѣрекъ этотъ дикій...
Счастіе далъ Ты цыганкѣ косматой.
Нищая, нищая, какъ ты богата!“
Жаль мнѣ васъ, барыня! Знаю, вамъ больно.
Но вѣдь у васъ утѣшеній довольно...
Все у васъ есть, все, что счастьемъ зовется;
Нищей, увы! ничего не дается...
Только даны ей здоровыя дѣти,—
Изрѣдка есть справедливость на свѣтѣ!

———

МУЧЕНИЦА.

Спокойно стояла она предъ судомъ,
Свободная Рима гражда́нка,
И громко, съ восторженно-свѣтлымъ лицомъ
Призналась: она—христіанка.
Ей лютая пытка и казнь не страшна,
И смерть она приметъ покорно,—
Гоненій за правду пришли времена,
Ей жить съ палачами позорно.
И въ ужасѣ судъ отъ безумныхъ рѣчей
Красавицы гордой и смѣлой!
Имъ жалко, что станетъ добычей звѣрей
Прекрасное, нѣжное тѣло.
„Какъ въ грязную, дикую секту жидовъ
Такая красотка попала?..
Нелѣпое стадо клейменыхъ рабовъ!
Однако-жъ... какъ много ихъ стало...
Какъ быстро во тьмѣ разрослося оно—
Его, Назарея, ученье...“
Красавицу въ циркъ отослать рѣшено,
Голоднымъ звѣрямъ на съѣденье.
Она, не блѣднѣя, и въ циркѣ стоитъ
И, вѣры лучами согрѣта,

орическимъ окомъ съ восторгомъ глядитъ
будущность славы и свѣта.
па рукоплещетъ, арена шумитъ...
а къ истязанью готова:
„Я вѣрю, я знаю,—оно побѣдитъ,
пятаго вѣщее слово!
вижу: кумиры нечистыхъ боговъ
лица исчезаютъ земного...
й Богъ воцарится на вѣки вѣковъ,
гъ равенства, братства святого.
никому дѣлу я жизнь отдала;
бѣда за вами--я вѣрю!..“
съ кроткой улыбкой навстрѣчу пошла
а къ разъяренному звѣрю.

ПЕРЕДЪ РАЗСВѢТОМЪ.

[изъ в. гюго.]

ваютъ времена постыднаго разврата,
бѣды дерзкой лжи надъ правдой и добромъ:
е честное молчитъ, какъ будто бы объято
Тупымъ, тяжелымъ сномъ.
изнь стала оргіей. Въ душонкахъ низкихъ, грязныхъ
увствъ человѣческихъ ничто не шевелитъ.
груютъ, пляшутъ, пьютъ. Все пошло, безобразно,
А совѣсть крѣпко спитъ..
ахальный хохотъ, крикъ нелѣпый опьянѣнья
сѣ рѣчи честныя, всѣ мысли заглушилъ;
ойцы за истину лежатъ, полны презрѣнья,
На днѣ сырыхъ могилъ...
о эти времена позорныя не вѣчны.
роходитъ ночь. Встаетъ заря на небесахъ...
лпа ночныхъ гулякъ, ты скроешься, конечно,
При солнечныхъ лучахъ?

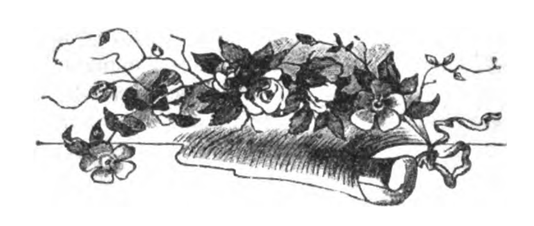
ПЕРЕЛЕТНЫЯ ПТИЦЫ.

[изъ ж. ришпена.]

отъ грязный задній дворъ, совсѣмъ обыкновенный:
онюшня, хлѣвъ свиной, коровникъ и сарай,
въ глубинѣ—овинъ подъ шляпой неизмѣнной
оломенной своей... Тутъ для животныхъ рай!
утъ вѣчно ѣстъ и пьетъ бездушная порода;
а солнышкѣ блеститъ навозъ, какъ золотой,
дремлютъ сонныя канавъ и лужицъ воды,
мывшія весь дворъ вонючею рѣкой.
дали отъ мокроты и жирной кучи черной,
мъ, гдѣ навозъ просохъ и такъ овсомъ богатъ,
озяйка-курица разбрасываетъ зерна,
ордясь семьей тупыхъ, прожорливыхъ цыплятъ.
ецъ-пѣтухъ сидитъ повыше на телѣгѣ,
Доволенъ, жиренъ, сытъ, — свернулся онъ клубкомъ;
Онъ спитъ блаженнымъ сномъ, онъ утопаетъ въ нѣгѣ
И сонные глаза завѣсилъ гребешкомъ.
Вонъ плаваютъ въ пруду мечтательныя утки,
На тину устремивъ сентиментальный взглядъ,
И съ селезнемъ своимъ разъ по двѣнадцать въ сутки
О радостяхъ любви законной говорятъ.
Рубиномъ, бирюзой на солнцѣ отливая,
На крышѣ высоко, подъ золотомъ лучей,
Нарядная сидитъ и радужная стая—
Семья породистыхъ, спѣсивыхъ голубей.
Какъ войско стройное въ своихъ мундирахъ бѣлыхъ,
Пасется въ сторонѣ красивый полкъ гусей;
А дальше—черный рядъ индюшекъ осовѣлыхъ,
Надутыхъ важностью и глупостью своей.
Здѣсь—царство, гордое своею грязью, саломъ,
Счастливый, скотскій бытъ разъѣвшихся мѣщанъ;
Въ помойной ямѣ жизнь, съ навознымъ идеаломъ;
Здѣсь щедрою рукой удѣлъ блаженства данъ!
. . . .
Да! счастливъ задній дворъ! . Но, вотъ, надъ нимъ взвилася
Большая стая птицъ, какъ точка въ небесахъ...
Приблизилась... Растетъ, плыветъ—и пронеслася,
Нагнавъ на птичникъ весь непобѣдимый страхъ!
Вспорхнули голубки съ своей высокой крыши,—
Испуганы, они валятся кувыркомъ;
Увидя, что полетъ тѣхъ птицъ гораздо выше,
Усѣлися въ пыли съ цыплятами рядкомъ.
Вотъ куры отъ земли приподняли головки;
Пѣтухъ со сна вскочилъ и, съ гребнемъ на боку,
Застукалъ шпорами, какъ офицерикъ ловкій,
Воинственно крича свое „кукуреку!“
Что съ вами, господа?.. Да будьте же спокойны!
Чего орешь, пѣтухъ?.. Не докричишь до нихъ!
Молчи... Они летятъ на берегъ дальній, знойный,
Не соблазнитъ ихъ видъ навозныхъ кучъ твоихъ.
Смотрите! Въ синевѣ прозрачной утопая,
Далёко отъ земли, отъ рабства и цѣпей,
Летятъ они стрѣлой, ни горъ не замѣчая,
Ни шума грозныхъ волнъ бушующихъ морей.
На эту вышину вамъ и глядѣть опасно.
Да, многіе изъ нихъ погибнутъ на пути
И не увидятъ край свободный и прекрасный,
Гдѣ грезилося имъ свой рай земной найти.
У нихъ, какъ и у васъ, есть также жены, дѣти...
Могли бы жить они въ курятникѣ, какъ вы,
Блаженствовать... Но имъ милѣй всего на свѣтѣ
Мечты—безумный бредъ ихъ гордой головы!
Истерзаны они, и худы, и усталы...
За то имъ наверху какъ дышется легко!..

И дикій ревъ стихій нестрашенъ имъ нимало,
Ихъ крылья всѣмъ вѣтрамъ раскрыты широко!
Пусть буря перья рветъ, пусть злятся непогоды,
Пусть ливень мочитъ ихъ, сѣчетъ холодный градъ,—
Согрѣтые лучомъ живительнымъ свободы,

Въ волшебный, свѣтлый край отважные летятъ.
Летятъ къ странѣ чудесъ, къ странѣ обѣтованной,
Гдѣ солнце золотитъ лазури вѣчной гладь,
Гдѣ вѣчная весна, гдѣ берегъ тотъ желанный,
Къ которому вовѣкъ вамъ, пошлымъ, не пристать!



LXXV.

Сергѣй Аркадьевичъ Андреевскій.

Род. 1847.

Эригинальные стихи не подкупаютъ ни кой формой, ни интереснымъ содержаніемъ. явившись въ журналахъ конца 70-хъ гоъ, въ половинѣ слѣдующаго десятилѣтія г. Андреевскій, по его собственному признанію, навсегда отказался отъ поэтической дѣятельности. Извѣстенъ въ качествѣ остроумнаго, но парадоксальнаго критика-эстета.

СЧАСТЬЕ.

(изъ Гамерлинга.)

не теряй на счастье упованья!
Пускай судьба его таитъ,—
, вѣрь: въ лучахъ небеснаго сіянья,
Оно нежданно прилетитъ.
ропотъ слезъ, ни жаръ твоихъ моленій
Его не вызвали на путь,
разогнать печаль твоихъ сомнѣній
Оно должно когда-нибудь!
и за нимъ съ надеждой терпѣливой,—
Оно блеснетъ издалека,
къ свѣтъ зари, какъ радуга надъ нивой,
Какъ въ темной зелени рѣка.
о со звѣздъ падетъ росой алмазной,
Дождемъ сольется съ облаковъ;
еди утратъ и скорби неотвязной
Къ его лобзанью будь готовъ.
гда въ пескахъ томительной пустыни
Судьба смететъ его слѣды,
о, шутя, въ безжизненной равнинѣ
Воздвигнетъ райскіе сады.
дъ сводомъ ли удушливой темницы
Надежда крылья разобьетъ—
о, какъ тѣнь залетной голубицы,
Въ душѣ унылой промелькнетъ.
гда его ты въ юности не встрѣтилъ—
Узнаешь въ зрѣлые года:
приходъ не меньше будетъ свѣтелъ,
Не будетъ позднимъ никогда!
Оно прольетъ по жиламъ опьяненье
У старца, чуждаго мечтамъ,
И можетъ дать въ предсмертныя мгновенья
Блаженство стынущимъ устамъ.

РАЗБИТАЯ ВАЗА.

(изъ Сюлли Прюдома.)

Къ той вазѣ, гдѣ вянетъ вербена,
Дотронулся вѣеръ слегка:
Не дрогнули листья цвѣтка,
И тихъ былъ ударъ, какъ измѣна.
Но трещины тонкой пила,
Упорно хрусталь разъѣдая,
Всю вазу отъ края до края
Безъ шума кругомъ обошла.
Сквозь щель, непримѣтную глазу,
Вода истощилась до дна,
Вербена суха и грустна...
Взгляните на стройную вазу:
Не троньте—разбита она!
Такъ, часто рука дорогая
Слегка наше сердце язвитъ;
Но вянетъ любовь молодая,
И язва на сердцѣ горитъ.
Снаружи для всѣхъ невредимо,
Оно сознаетъ въ тишинѣ,
Какъ плачетъ въ его глубинѣ,
Растетъ его рана незримо...
Въ немъ пусто, уныло, темно:
Не троньте—разбито оно!

LXXVI.

Александръ Львовичъ Боровиковскій.

1844 — 1905.

Поэтическая дѣятельность была лишь непродолжительнымъ и, повидимому, случайнымъ эпизодомъ въ жизни этого выдающагося ученаго юриста. Тѣмъ не менѣе, стихотвореніе „Ecce homo“ пользовалось въ свое время большой популярностью, какъ выраженіе завѣтныхъ думъ и чувствъ эпохи. Люби[мо] было также молодежью стихотвореніе „[Къ] судьямъ“, вольно перелагавшее защитительную рѣчь извѣстной пропагандистки 70-[хъ] годовъ Софьи Ларіоновны Бардиной.

КЪ СУДЬЯМЪ.

Мой тяжкій грѣхъ, мой умыселъ злодѣйскій
Суди, судья, но проще, но скорѣй,—
Безъ мишуры, безъ маски фарисейской,
Безъ защитительныхъ рѣчей!
Крестьянскія вериги вмѣсто платья
Надѣвъ и снявъ „преступно“ башмаки,
Я шла туда, гдѣ стонутъ наши братья,
Гдѣ вѣчный трудъ и бѣдняки.
Застигнута на мѣстѣ преступленья,
Съ „поличнымъ“ я на судъ приведена...
Зачѣмъ же тутъ свидѣтели и пренья?
Вѣдь я кругомъ уличена!
Оставь, судья, ненужные вопросы...
Взгляни, я вся въ уликахъ: на плечахъ
Мужицкая одежда, ноги босы,
Мозоли видны на рукахъ.
Тяжелою работой я разбита...
Но, знаешь ли,—въ душѣ моей, на днѣ,
Тягчайшая изъ всѣхъ уликъ сокрыта:
Любовь къ родимой сторонѣ.
Но знай и то, что, какъ я ни преступна,
Ты надо мной безсиленъ, мой судья...
Нѣтъ, я суровой карѣ недоступна,
И побѣдишь не ты—а я!
„Пожизненно“ меня ты погребаешь...
Но мой недугъ ужъ написалъ протестъ,
И мнѣ грозитъ—самъ видишь ты и знаешь—
Лишь кратковременный арестъ.
И я умру все съ тою же любовью...
И, уронивъ тюремные ключи,
Съ молитвою приникнутъ къ изголовью
И зарыдаютъ палачи!

„ECCE HOMO!“

Оставь отца и мать... Не строй себѣ гнѣзда—
Будь одинокъ... И пусть заглохнутъ навсегда
Въ твоей душѣ людскія страсти!
Будь святъ, будь недоступенъ ты
Соблазнамъ женской красоты,
Любви, богатства, славы, власти.
И, сердце чистое храня въ своей груди,
Весь пылъ его отдай безъ раздѣленья
Несчастнымъ братьямъ на служенье:
Гдѣ слышишь стонъ—туда иди!
Иди, дѣли съ рабомъ его труды, страданья,
Страдай больнѣе всѣхъ... Раздай свои стяжанья,
Останься нищъ и нагъ... И будешь ты великъ,
И страшенъ будетъ злу твой ясный, кроткій ликъ
Ты міръ смутишь своимъ упрекомъ!

…детъ изъ края въ край могучій голосъ твой,
И прогремитъ надъ злобой и порокомъ
…роческая рѣчь нежданною грозой—
…се неправое, поникнувъ головой,
…нто ужасомъ, дрожитъ передъ пророкомъ!
…най: въ землѣ своей пророку чести нѣтъ...
…одвигъ твой святой тебя осудитъ свѣтъ,
…ется ученикъ, тебя предать готовый,
…авый фарисей сплететъ вѣнокъ терновый,
…овлекутъ тебя къ пропретору они...
…адъ тобой ругаясь въ изступленьи,
Толпа возопіетъ о мщеньи,
Крича: «Распни его, распни!»
Судья, изъ выгодъ и боязни,
Тебя присудитъ къ лютой казни—
… опозоренный, умрешь отъ палачей,
…къ врагъ народа, какъ злодѣй...
… протекутъ года... Могучее зерно
…бой посѣяно на почвѣ благодатной:
Придетъ пора—взойдетъ оно
И возрастетъ, дастъ плодъ стократный!
…гда воскреснешь ты: міръ вспомнитъ о тебѣ,
…плачетъ о твоей страдальческой судьбѣ,
…ймётъ, какою ты горѣлъ къ нему любовью,
…акую жертву ты принесъ своею кровью.
…ебѣ, казненному, воздвигнутъ алтари,
…ерновому вѣнцу поклонятся цари,
…строютъ торжества въ твое воспоминанье,
Раздастся братское лобзанье
…ри кликахъ радости о чудѣ изъ чудесъ:
Воскресъ учитель нашъ, во-истину воскресъ!"

1879.

DEO IGNOTO.

(по поводу одной картины.)

…ередъ тобой, невѣдомый мнѣ богъ,
…ъ безсиліи склоняю я колѣни,
…сполненный мучительныхъ тревогъ,
…сполненный мучительныхъ сомнѣній.
… былъ твой врагъ... Вчера, еще вчера,
…реди толпы неистовой, суровой,
…опилъ и я—и требовалъ костра
…евнителямъ какой-то вѣры новой...
… вотъ, пришелъ на мѣсто казни я:
…eредо мной, сложивъ смиренно руки,
…обѣ молясь, поклонница твоя
…а твой завѣтъ шла радостно на муки...
. . . .
Невѣдомы завѣты мнѣ твои;
Но властвуешь такими ты сердцами,
Но столько въ нихъ вселяешь ты любви,
Что я позналъ: ты—богъ между богами!..
Отнынѣ чуждъ мнѣ будетъ гордый храмъ,
Что́ строили мои отцы и дѣды:
Вѣдь нашъ позоръ, вѣдь эти казни—тамъ
Отпразднуютъ, какъ славныя побѣды!..
Чужой мнѣ богъ! Въ твой храмъ я не войду,
Тебя понять, увы, я недостоинъ...
Но я свой мечъ къ ногамъ твоимъ кладу:
Противъ тебя—отнынѣ я не воинъ!

ПОХОРОНЫ ДОСТОЕВСКАГО.

Смотри, дитя мое,—печаль к торжество!
Хоронитъ въ этотъ день—и празднуетъ столица!
Ты знай: въ исторіи народа твоего
Сегодня пишется хорошая страница.
Вѣдь тридцать лѣтъ назадъ, въ началѣ жизни, онъ,
Чей гробъ теперь несутъ, усыпанный цвѣтами,—
Онъ шелъ, закованный, и тяжкій сердца стонъ
Старался заглушить, бряцая кандалами.
Онъ въ „мертвомъ домѣ" жилъ. Тамъ люди за-[перты
Отъ жизни, отъ надеждъ, заброшенъ ключъ отъ [двери...
И тамъ, среди цѣпей, онъ отыскалъ цвѣты
Въ сердцахъ людей, людьми отвергнутыхъ, какъ [звѣри.
Внимали съ трепетомъ его разсказамъ мы...
Пусть узники его привѣтствуютъ, какъ брата!
Вотъ—„отъ суда" вѣнокъ... А гдѣ же отъ тюрьмы?
Гдѣ ты, вѣнокъ изъ слезъ и вздоховъ каземата?
И властнымъ голосомъ твердилъ онъ вновь и вновь
Счастливымъ—о судьбѣ униженныхъ, несчастныхъ:
О чемъ ни говорилъ, къ нимъ призывалъ любовь
Въ рѣчахъ то горестныхъ, то вдохновенно-страст-[ныхъ.
Судомъ исторіи свергались алтари,
Судились геніи... Ты будь правдивъ, историкъ:
Какой найдешь въ немъ грѣхъ, всю правду го-[вори,
Хотя бы трудъ твой былъ и тягостенъ, и горекъ...
Но, совершая судъ, напомни громко намъ
Тѣ вдохновенныя, возвышенныя строки,
Откуда черпали мы всѣ—и ты, ты самъ—
Любви, прощенія великіе уроки!

1881.

LXXVII.

В. Мартовъ

(Владиміръ Петровичъ Михайловъ).

Род. 1855.

Талантливый поэтъ, выступившій на рубежѣ 70-хъ и 80-хъ годовъ. Быстро завоевавъ симпатіи молодежи, онъ вскорѣ, однако, замолкъ и безслѣдно исчезъ изъ литературы. Стихи Мартова, тономъ и манерой нерѣдко какъ бы подражающія Гейне,—по содержанію и одушевляющему ихъ искреннему чувству являются совершенно самостоятельными; въ нихъ слышится сильная душа, надломленная страданіями, но все еще протестующая, не устающая любить и вѣрить. Въ ряду пѣвцовъ своего поколѣнія этотъ несправедливо теперь забытый поэтъ долженъ занимать не послѣднее мѣсто. — Къ сожалѣнію, сборника стиховъ Мартова, разсѣянныхъ по старымъ журналамъ, не существуетъ; лучшія вещи его не могли въ свое время появиться въ печати по цензурнымъ условіямъ, а о судьбѣ рукописей, какъ и о личной судьбѣ поэта въ позднѣйшіе годы, мы ничего не могли узнать. Кажется, тяжелая душевная болѣзнь прервала литературную и ученую карьеру этого даровитаго человѣка (въ концѣ 80-хъ или въ началѣ 90-хъ годовъ В. П. Михайловъ былъ приватъ-доцентомъ физіологіи въ Петербургскомъ университетѣ).

1878—1881.

НА РОДИНѢ.

На родину ѣхалъ я ранней весной.
Природа уже расцвѣтала
И пѣла безумныя пѣсни свои
Опять, какъ ни въ чемъ не бывало.
Опять и любовью ласкала она,
И счастьемъ вдали улыбалась,
И, кажется, глупое сердце мое
Опять ей повѣрить сбиралось.
Сбиралось повѣрить, что тяжкій кошмаръ
Всему человѣчеству снится,
Что утро настанетъ—и съ плечъ его грузъ
Нужды и неволи свалится;
Что скоро горячее солнце любви
Усталому міру засвѣтитъ,
И жизнь молодая впервые ему
Улыбкою ясной отвѣтитъ.
„Ахъ, глупое сердце!—сказалъ я въ отвѣтъ:—
Давно мнѣ наскучило, право,
Красивою ложью дурачить себя—
Престарая это забава.
„Пока еще красное солнце взойдетъ
Да саванъ съ насъ снѣжный подниметъ,
Пока ледяныя оковы оно
Съ вселенной измученной сниметъ,
„Пока еще свѣтлыя воды высотъ
Отъ грязи, навоза и тины
Омоютъ дороги, омоютъ тропы,
Запруды снесутъ и плотины,—
„Навѣрно, намъ рѣкъ многоводныхъ разливъ
И шумомъ, и плескомъ наскучитъ,
Навѣрно. насъ зиму разсудокъ-старикъ

Цѣнить по заслугамъ научитъ".
..акъ долго я сердце мое охлаждалъ,
Но все оставалося тщетно:
..ъ женщина, можетъ любить и прощать
Оно у иныхъ беззавѣтно.
..ти иные—несчастный народъ!
Ихъ прежде пророками звали,
..олову часто терновымъ вѣнцомъ,
Должно быть, во славу вѣнчали...
..ынче... Но нынче и рѣчи о нихъ,
Объ этихъ безумцахъ преступны...
..жай же свершается времени судъ—
Вѣдь время судья неподкупный!

———

СВИДАНІЕ.

..савицу Волгу провѣдать опять,
Признаться, давно я сбирался,
..олько успѣлъ я увидѣть ее,
Какъ тотчасъ въ любви ей сознался.
..мно-горячая рѣчь полилась
Съ наивно-ребяческимъ складомъ,
..какъ не стыдился я только ввѣрять
Ее жигулевскимъ громадамъ?
..ія ли пѣсни пѣвались при нихъ,
Такія ли клятвы давались?
..іе ли люди за правду страдать
Когда-то предъ ними рѣшались?
..то, что слыхалъ Молодецкій курганъ
Съ своей достославною свитой,
..ь этомъ крещеному люду сказать
Могу я, подавно, открыто:
.. бѣлой груди убаюкать меня
Ты можешь, красавица Волга,
..тобою о счастьи далекомъ мечтать
Могу я и много, и долго.
..къ звѣздныя очи здѣсь ясно глядятъ,
Такъ даль голубая прекрасна,
.. хочется снова любить и страдать,
Какъ прежде—безумно и страстно!
..вотъ я къ тебѣ на свиданье пришелъ:
Послушать ту пѣсню хочу я,
..пѣсню, что пѣла когда-то ты мнѣ—
Ее, какъ и прежде, люблю я.
..одъ звуки ея я бороться готовъ
За волю, погибшую волю,
..съ бою отнять у проклятой судьбы
Для братьевъ счастливую долю.
..гда мы побѣдную пѣсню споемъ,—
И грянетъ та пѣсня далеко,
..ъ сѣвера, съ снѣжной пустыни его,
До степи цвѣтущей востока.
..тъ сна вѣкового проснется тогда
Народъ—великанъ полуночи,
И зорко воココмракъ, застилающій путь,
Вперятся орлиныя очи.
„Забудетъ онъ скоро смиренье раба,
Обѣтъ отреченья аскета
И явится гордо къ народамъ въ семью
Подъ стягомъ багрянымъ разсвѣта".
Забытую, чудную пѣсню въ отвѣтъ
Красавица Волга запѣла...
Зеленыя горы глядѣли на насъ,
И алое утро глядѣло.
А пѣсня ея, словно вешній разливъ,
Была и свѣтла, и раздольна,
Жарка, какъ послѣднія ласки весны,
Какъ дикія степи, привольна!..

———

* * *

Изъ тумана предо мною
Старый городъ возстаетъ—
Въ безпредѣльной сини неба,
Въ безпредѣльной сини водъ.
Ярко блещутъ кровли зданій,
Крылья бѣлыя судовъ,
И несется звучный говоръ
Расцвѣтающихъ садовъ.
Опершись на бортъ, гляжу я
Въ эту милую мнѣ даль,
Гдѣ со мной прощалась радость
И спознался печаль,
Гдѣ, страдая, я учился
Человѣчество любить,
Гдѣ всѣ сны наивной вѣры
Жизнь заставила забыть...
И изъ этой синей дали,
Подъ напѣвъ спокойныхъ водъ,
Юность, словно сонъ блаженный,
Предо мною возстаетъ.
И опять готовъ я вѣрить
И молиться я готовъ—
Не богамъ суровымъ гнѣва,
Повелителямъ рабовъ,
А иному Богу - свѣта,
Богу правды и любви,
Передъ кѣмъ чело склонили
Думы гордыя мои...

———

ИЗЪ ПѢСЕНЪ ПАДШИХЪ.

Послѣдней изъ богинь послѣдняя молитва.
„Die Freiheit, die letzte aus Götter Geschlecht".

Дочь свѣта! Изъ вольной отчизны твоей,
Съ далекаго неба сошла ты,—
Съ одной безконечной любовью своей
Явилась въ толпу погибавшихъ людей,

Какъ божьяго слова глашатай...
Вездѣ ты несмѣтныя силы сберешь,
Я знаю, улыбкой одною,
Всѣмъ міромъ отъ края до края пройдешь
И жатву обильную всюду пожнешь,
Гдѣ ступишь на землю ногою!
Но жить не могу я во славу твою—
Кровь стынетъ, душа погасаетъ...
Ты знаешь сама, какъ тебя я люблю,
Какъ жадно я слово святое ловлю,
То слово, что міръ облетаетъ!
Одна только юность въ безумьи святомъ
Даетъ намъ священное право—
И сердцемъ горячимъ, и гордымъ умомъ
Идти за тобою широкимъ путемъ,
Гдѣ встрѣтитъ насъ вѣчная слава.
Но если я жить не могу для тебя,
Умру я въ борьбѣ за тебя же...

. . . .

---

* * *

Не весь я твой, поэзія... О, нѣтъ!
Ты только сонъ и дивный, и прекрасный,
Ты только сердца молодого бредъ,
Не правда ты, не голосъ безпристрастный.
Ты не отвѣтъ на зовъ души моей,
На скорбный зовъ усталаго страданья,
Не заглушишь мелодіей своей
Ты диссонансовъ мрачныхъ мірозданья!..
Какъ позабыть толпы голодный стонъ?
Какъ позабыть безумный смѣхъ разврата?
Они страшатъ, какъ погребальный звонъ,
Они зовутъ, какъ вѣщій гулъ набата.
Суровыхъ думъ властительная рѣчь,
Она нашъ вѣкъ немолчно призываетъ
Палящій свѣточъ истины зажечь,—
Сіянье грёзъ его не согрѣваетъ...

ДИССОНАНСЫ.

I.

Кончена жизнь, безполезны усилья...
Грёзы спалили отважныя крылья,
Сердце устало порывисто биться,
Время настало уснуть и забыться.
Пѣсня усталыхъ толпѣ не нужна,
Пѣсня страдавшихъ счастливымъ смѣшна...
Разумъ, могильщикъ людскихъ упованій,
Молча схоронитъ остатки желаній,
Молча схоронитъ послѣднія грезы:
Дальніе проводы—лишнія слезы...
Кинуться развѣ въ объятья обмана,
Дерзкимъ безумьемъ упиться до-пьяна?
Можетъ быть, смѣлую пѣсню споешь,
Можетъ быть, ею дѣтей увлечешь...

II.

Но нѣтъ конца желаньямъ молодымъ...
Они встаютъ изъ пепла и изъ праха
И дерзко спорятъ съ разумомъ больнымъ,
Глядя на правду горькую безъ страха:
Пусть онъ усталъ, усталъ безъ цѣли жить,
Усталъ любить лишь призраки и грезы,
Усталъ толпѣ скучающей дарить
Желанный смѣхъ, непрошенныя слезы,—
Но пусть онъ дастъ намъ разомъ умереть,
Пусть вспыхнемъ мы, какъ полымя пожара...
О, какъ ужасно еле-еле тлѣть
И, какъ забытый факелъ, догорѣть,
Оставивъ слѣдъ и дыма, и угара!..

IN MEMORIAM.

Въ тотъ мигъ, когда, мечтою опьяненный,
Я въ даль спѣшилъ бороться и страдать,
Когда весь міръ, какъ юноша влюбленный,
Я былъ готовъ восторженно обнять;
Когда за свѣтлымъ призракомъ свободы
Я шелъ впередъ заглохшею тропой,
Забывъ нужды тоскливыя невзгоды
И смѣхъ толпы бездушной и тупой,—
Тебѣ одной, мой другъ, погибшій рано,
Я былъ обязанъ мужествомъ въ борьбѣ
И смѣло плылъ на встрѣчу урагана
Среди любви безбрежной океана,
Куда влекла любовь къ тебѣ...
Теперь, когда послѣдней сердца кровью
Я скорбныхъ строфъ не въ силахъ дописать,
Когда весь міръ съ болѣзненной любовью
Въ послѣдній разъ мнѣ хочется обнять,—
Твоей любви предсмертныя желанья
Одни даютъ еще мнѣ смѣлость жить,
И я спѣшу поэзію страданья—
Твоей души завѣтныя мечтанья—
Въ послѣднихъ пѣсняхъ оживить...

---

* * *

Если трезвой мысли холодъ
Страсти ваши остудилъ,
И нужды желѣзный молотъ
Волю вашу закалилъ;
Если знаете вы твердо,
Что у жизни съ бою взять
Все возможно волѣ гордой,—
Смѣло можете сказать:

Братья! Часъ насталъ исхода,
И пароль священный данъ—
Тамъ, гдѣ правда и свобода,
Тамъ нашъ новый Ханаанъ!
Слава всѣмъ, кто выйдетъ нынѣ
На борьбу съ царящимъ зломъ,
И да будетъ намъ въ пустынѣ
Братство огненнымъ столпомъ!

———

* * *

› семьѣ шумливой мелочныхъ заботъ,
усливыхъ жалобъ, робкихъ сожалѣній,
ѣ полновластно царствуетъ разсчетъ
пошлость низменныхъ стремленій,—
:ó вамъ сказать, свободныя мечты?
ró дѣлать вамъ, свободныя желанья?
гѣсь наглый пиръ постыдной суеты,
гѣсь торжество преступнаго дѣянья...
дите прочь!.. Въ глуши родныхъ степей,
кѣ стонетъ и бунтуетъ вьюга,
айдете вы, увѣренъ я, скорѣй,
корѣй, чѣмъ здѣсь, и недруга, и друга...

———

* * *

Іи сладостныхъ надеждъ, ни горькихъ сожалѣній
Іа сердцѣ нѣтъ давно... Пусть молодость ушла,
'несся вихрь борьбы, любви и наслажденій
І замерла душа безъ свѣта и тепла;
Іусть дивныхъ звуковъ нѣтъ, что въ пѣсню окры-
[лялись,
И счастья нѣтъ до слезъ, и нѣтъ любви до мукъ,
Іускай одной тоски томленія остались,
И скуки мертвенной пусть крадется недугъ;
Но здѣсь, на торжествѣ ликующей природы,
Подъ яркимъ золотомъ веселыхъ майскихъ дней,
Среди родныхъ степей, среди родной свободы,
Я жизнь люблю еще безумнѣй и страстнѣй...
И голубыхъ небесъ спокойную пустыню,
И царственной рѣки бушующій разливъ,
И дальнихъ горъ зубчатую твердыню
И бора темнаго синѣющій извивъ—
Люблю!..

МИМО.

Среди толпы, веселой и кичливой,
Среди толпы, не знающей заботъ,
Я прохожу, угрюмый, молчаливый,
Какъ будто чей-то голосъ торопливый
Меня порой настойчиво зоветъ.
И этотъ голосъ, лживый и прекрасный,
Меня зоветъ бороться и страдать;
А этотъ людъ ничтожный и безстрастный,
Какъ мой судья, какъ деспотъ самовластный,
Мои дѣянья будетъ осуждать.
А та толпа, гдѣ могъ я встрѣтить брата
И съ нимъ борьбу святую продолжать,
Глубокой тьмой невѣжества объята,
Въ когтяхъ нужды, неволи и разврата,
И ей моихъ мученій не понять!
О, въ этотъ мигъ мнѣ хочется молиться
Тебѣ одной, великая любовь:
Пусть это сердце перестанетъ биться,
Пусть эта скорбь навѣкъ угомонится
И не пылаетъ молодая кровь!..

———

* * *

Безсонница мысли, но холодъ въ душѣ,
Томящее чувство безстрастья;
Безъ трепета смотришь въ туманную даль,
Кругомъ и назадъ—безъ участья...
Не любишь, не вѣришь, съ толпой за-одно
Идешь безконечной дорогой,
И злобы, и горечи много въ душѣ,
Презрѣнья безсильнаго много...
А сердце чуть бьется, нѣмѣютъ уста,
Дорога безцѣльная вьется,
И тянется скорбная жизнь безъ конца,
Покуда съ проклятьемъ порвется...
Такъ ссыльные йдутъ по мертвой тайгѣ,
И снѣжные вихри948 бурановъ
Скрываютъ и горькую правду отъ нихъ,
И сладкую прелесть обмановъ...
А сердце чуть бьется, нѣмѣютъ уста,
Дорога проклятая вьется,
И тянется скорбная жизнь безъ конца,
Покуда съ проклятьемъ порвется!..

LXXVIII.

— Д. —

Приводимое ниже стихотвореніе напечатано въ журналѣ „Слово" 1881 г. Оно могло принадлежать троимъ изъ печатавшихся въ этомъ журналѣ поэтовъ, фамилія которыхъ заключала въ себѣ букву „д": В. И. Немировичу-Данченку, Ф. Андрееву и Дорошенку (обыкновенная подпись „Н. Д—о"). Послѣдняго нѣтъ уже въ настоящее время въ живыхъ; судьба второго — неизвѣстна.

Но ни въ какомъ случаѣ авторомъ „Мысли" не былъ С. А. Бердяевъ, какъ неправильно утверждаетъ одинъ изъ рецензентовъ „Русской Музы".

МЫСЛЬ.

Ее побивали камнями во прахъ,
Ее на крестѣ распинали,
Въ темницѣ томили и жгли на кострахъ
И псамъ на съѣденье бросали.
То пошлость, то глупость людская стѣной
Повсюду ей путь заграждала,
Но въ тайныя щели, какъ день золотой,
Какъ воздухъ, она проникала.
Изъ мрака неволи, изъ пепла костровъ
Сильна и прекрасна вставала,
И ржавыя цѣпи срывала съ рабовъ,
И спящихъ отъ сна пробуждала.
И сѣяла правду она межъ людей,
Средь лжи вѣковой и разврата,—
Но бури раздоровъ шумѣли за ней,
И братъ поднимался на брата.
И правда для нихъ оставалась нѣма:
Ихъ душу лучи ослѣпляли,
И свѣтомъ казалась имъ прежняя тьма,
И свѣтъ они тьмой называли...

LXXIX.

Василій Ивановичъ Немировичъ-Данченко.

Род. 1848.

звѣстный романистъ-бытописатель и воен- корреспондентъ.
ъ 1882 году В. И. Немировичъ-Данченко выпустилъ также сборникъ стихотвореній, среди которыхъ есть нѣсколько — эффектно и горячо написанныхъ.

РОДНОЙ КРАЙ.

сыпанный глубокими снѣгами,
трупъ въ землѣ, молчитъ мой край родной...
тъ рѣка, окованная льдами,
ремлетъ лѣсъ, подъ шапкой снѣговой.
ыму лачугъ, спасаясь отъ мороза,
улъ народъ. Какъ туча, ходитъ сонъ.
ленъ умъ. Не расцвѣтаетъ греза.
ть—кому?.. Тутъ пѣсня тотъ же стонъ!
уходилъ въ край солнца и свободы,
край яркихъ розъ и говорливыхъ водъ.
ная сна, на праздникѣ природы
весело волнуется народъ,
изнь кипитъ. Подъ сводами руины,
будто бы забывшими упасть,
вечерамъ рокочутъ мандолины,
ѣснь звучитъ, и вспыхиваетъ страсть...
тамъ меня отчаянье томило:
чудился, далекій и глухой,
дный край, раскинутый уныло,
ковахъ льда, подъ шапкой снѣговой...
праздникѣ плѣнительнаго юга
видѣлась голодная страна,
тыхъ селъ убогая лачуга,
ыхъ лѣсовъ—угрюмая сосна.
къ богатырь, забытый небесами,
олярнымъ льдамъ волшебницей-зимой
кованный желѣзными цѣпями,
ымъ-давно ты дремлешь, край родной,
все жду—съ живительной весною
нешься ты, колодникъ-великанъ,
Очнется Русь, какъ бѣшеной грозою
Разбуженный могучій океанъ!
Изъ-подъ снѣговъ сыны былого вѣча
Подымутся дружинами на бой,
И дрогнетъ тьма. Начнется злая сѣча—
Волшебныхъ чаръ не станетъ надъ землей!
Въ родномъ краю не знавшій лучшей доли,
Безграмотенъ, лицомъ и нравомъ дикъ,
Голодный рабъ, стонавшій лишь отъ боли,
Воскреснешь ты, свободенъ и великъ.
Пускай кругомъ царитъ еще могучій,
Тяжелый мракъ, грядущее тая:
Мнѣ чудится порою изъ-за тучи
Сверкнувшая огнистая струя...
Я васъ пою, таинственныя силы,
Пою весну и солнце лучшихъ дней:
Откроются забытыя могилы—
Воскреснетъ жизнь на родинѣ моей...
Проснется жизнь съ весенними громами
И царство тьмы разсѣетъ навсегда!
Чу!.. слышите—подъ старыми снѣгами
Уже бѣжитъ и точитъ ихъ вода...
Морозъ куетъ въ послѣдній разъ природу,
Бѣснуется, почуявши тепло...
Кто раньше всталъ--тотъ громко пой свободу,
Чтобъ дрогнуло ликующее зло!..

ДВОРЕЦЪ ТИВЕРІЯ И САНТЪ-ЭЛЬМО.

Какъ тихо спятъ въ полдневномъ зноѣ купы
Весеннихъ розъ, и лавровъ, и чинаръ!

Въ лазурь небесъ поднялися уступы
Гранитныхъ скалъ... Томитъ недвижный жаръ...
Вдали, на той вершинѣ, одиноко—
Остатки стѣнъ и мраморныхъ колоннъ;
Ничто ихъ сонъ не возмутитъ глубокій...
Доносится, какъ будто дальній стонъ,
Прибой волны... Внизу равнина моря,
Едва колышутся могучіе валы.
Сюда ушелъ, съ добромъ и правдой споря,
Какъ звѣрь въ нору, на сѣрыя скалы́
Тиверій, царь измученнаго міра,
Нѣмыхъ рабовъ разнузданный тиранъ;
Здѣсь былъ дворецъ развратнаго кумира
И палачей остервенѣлыхъ станъ...
Отсюда внизъ, съ гранитнаго уступа,
Кидали тѣхъ, въ комъ совѣсть не спала;
Морская глубь истерзаннаго трупа
Бездонною могилою была...
Ихъ тысячи... Но жертвы позабыты!
Зеленый миртъ—развалинъ властелинъ—
Шумитъ въ стѣнахъ. На каменныя плиты
Ползетъ змѣя. И солнца лучъ одинъ
Скользитъ въ окно сквозь чащу старыхъ пиній.
А вотъ еще—рабовъ недавнихъ страхъ:
Черезъ заливъ, какъ это небо синій,
Опять скалы́ и башни на скалахъ,—
Сантъ-Эльмо тамъ, на высотѣ воздушной...
Съ Тиверіемъ сравнявшійся позднѣй,
Какъ римскій царь, мучитель равнодушный,
Лишь утонченный болѣе злодѣй,—
Въ сырую тьму, подъ каменные своды,
Презрѣнный трусъ, купавшійся въ крови,
Бросалъ туда защитниковъ свободы,
Апостоловъ науки и любви...
Исторія замкнулася темницей!
Мученія семнадцати вѣковъ
Безплодною промчались вереницей,
Не научивъ безсмысленныхъ рабовъ...
Злодѣямъ—лавръ, страдальцы позабыты,
Свобода—миѳъ, а произволъ—законъ,
Возвышены Іуды и Терситы,
Вѣнчаются Тиверій и Неронъ!
Гдѣ жизни смыслъ? Все тою же дорогой
Идутъ впередъ народы и вѣка,
И льется кровь за каждый шагъ убогій,
И такъ же цѣль, какъ прежде, далека...
Нашъ бѣдный міръ въ событіяхъ прошедшихъ
Является трагедіею мнѣ,—
Трагедіей, но въ домѣ сумасшедшихъ
Безумцами разыгранной вполнѣ!

———

ПИСЬМО.

Съ террасы мраморной опять сіяетъ море.
Медлительно скользятъ, теряясь на просторѣ,
Какъ чайки, корабли, раскинувъ паруса:
Мизенъ скалистый мысъ и Байскія руины...
Вонъ бѣлый городокъ взобрался на стремнины,
И замокъ на скалахъ ушелъ подъ небеса.
Все переполнено и звуками, и блескомъ,
Дробится объ утесъ волна съ немолчнымъ бл[скомъ]
И умирать бѣжитъ въ покойный темный гротъ.
Изъ каждой трещины цвѣтовъ раскрылись глаз[а],
Такъ ароматъ ихъ густъ, такъ несравненны крас[ки],
Тутъ камень, кажется, и дышетъ, и живетъ.
Вотъ съ родины письмо!.. Развертываю жадно.
Знакомая рука. Какъ сладко и отрадно
Услышать здѣсь привѣтъ изъ царства зимн[ихъ вьюгъ],
Узнать, что не забытъ, что всѣ, какъ прежде, [вмѣстѣ].
А это что еще?.. Опять дурныя вѣсти!
Еще одинъ погибъ... Еще утраченъ другъ!..
Все та же оргія духовнаго безсилья,
Все также широко раскинутыя крылья
Затмившихъ скудный свѣтъ вороньихъ черны[хъ стай].

. . . .

О, Господи! Покой землѣ родимой дай.
Хоть долю дивныхъ благъ, какихъ ты далъ та[къ много]
Счастливой сторонѣ, у свѣтлаго порога
Которой я стою, поникнувъ головой,
Хоть только лучъ одинъ, одну улыбку счастья,
Чтобы усталая отъ вѣчнаго ненастья
Могла бы отдохнуть смятенною душой!

LXXX.

Семенъ Яковлевичъ Надсонъ.

1862 — 1887.

Наиболѣе талантливый и популярный изъ ...сскихъ поэтовъ, явившихся послѣ смерти ...екрасова. Въ печати Надсонъ впервые обра...лъ на себя вниманіе въ 1881 году напе...чатаннымъ въ „Словѣ" стихотвореніемъ „Другъ ...й, братъ мой", отразившимъ въ себѣ цѣлую ...лосу русской жизни (70-е годы) съ ея ...рячей юношеской восторженностью и без...конечной вѣрой въ могущество идеи. Это ...евосходное по формѣ стихотвореніе, вмѣстѣ ... „Ecce homo" Боровиковскаго (см. 342 стр.), ...жно назвать наиболѣе характеризующимъ ...строеніе эпохи...

Между тѣмъ, подъ жестокими ударами ...давящаго произвола, въ русскомъ обществѣ, ...мѣсто прежней беззавѣтной вѣры, воцаря...ясь уныніе, брала верхъ рефлексія. Мучи...тельный душевный разладъ поколѣнія 80-хъ ...довъ и нашелъ себѣ яркое выраженіе въ ...эзіи Надсона. Ему удалось коснуться цен...тральнаго нерва общественной психики сво...его времени, и при томъ не такъ, какъ дѣ...лали это десятки другихъ современныхъ ему ...этовъ, а — съ блестящимъ искусствомъ и ...е побѣждающей задушевностью.

Не въ одной, однако, злободневности ...жатъ причины огромнаго успѣха Надсона. ...нъ явился пѣвцомъ не своего только поколѣнія, но—юности вообще, чистоты и свѣжести юнаго чувства, красоты дѣвственныхъ порыванiй къ идеалу. Болѣзненная раздвоенность, рефлексія, „нытье" — внесли, несомнѣнно, извѣстную долю въ острую, почти лихорадочную популярность поэта въ концѣ 80-хъ годовъ; но главная притягательная сила и непреходящая прелесть его поэзіи—въ томъ, что въ ней, какъ въ зеркалѣ, отразилась вѣковѣчная красота молодости... „Тревога юныхъ силъ", мечты о любви—не любви знойныхъ ночей и сладострастныхъ объятій, а любви-подвигѣ и молитвѣ,—„боль за идеалъ и слезы о свободѣ", преданность родинѣ до готовности стать ея „псомъ сторожевымъ", взглядъ на жизнь, какъ на „келью святую дѣвственныхъ думъ и завѣтныхъ трудовъ"—вотъ излюбленные мотивы надсоновской музы, способные всегда зажигать и волновать здоровую юность. Что касается формы произведеній Надсона, то со времени Лермонтова русская поэзія положительно не знала такого красиваго, музыкальнаго стиха...

Какъ извѣстно, умеръ Надсонъ всего 24 лѣтъ отъ роду, отъ чахотки. Стихотворенія его выдержали до настоящаго времени 22 изданія, разойдясь въ 110.000 экземпляровъ.

1880 — 1886.

* * *

Другъ мой, братъ мой, усталый, страдающій братъ,
Кто-бъ ты ни былъ, не падай душой!
Пусть неправда и зло полновластно царятъ
Надъ омытой слезами землей,
Пусть разбитъ и поруганъ святой идеалъ
И струится невинная кровь:—
Вѣрь, настанетъ пора—и погибнетъ Ваалъ,
И вернется на землю любовь!
Не въ терновомъ вѣнцѣ, не подъ гнетомъ цѣпей,
Не съ крестомъ на согбенныхъ плечахъ,—
Въ міръ пріидетъ она въ силѣ и славѣ своей,
Съ яркимъ свѣточемъ счастья въ рукахъ.
И не будетъ на свѣтѣ ни слезъ, ни вражды,
Ни безкрестныхъ могилъ, ни рабовъ,
Ни нужды, безпросвѣтной, мертвящей нужды,
Ни меча, ни позорныхъ столбовъ.
О, мой другъ! Не мечта этотъ свѣтлый приходъ,
Не пустая надежда одна:
Оглянись,—зло вокругъ черезчуръ ужъ гнететъ,
Ночь вокругъ черезчуръ ужъ темна!
Міръ устанетъ отъ мукъ, захлебнется въ крови,
Утомится безумной борьбой,—
И подниметъ къ любви, къ беззавѣтной любви,
Очи, полныя скорбной мольбой!..

———

* * *

Позабытые шумнымъ ихъ кругомъ—вдвоемъ
Мы съ тобой въ уголку притаились
И святынею мысли, и чувства тепломъ,
Какъ стѣною, отъ нихъ оградились.
Мы имъ чужды съ тѣхъ поръ, какъ донесся до [насъ
Первый стонъ, на борьбу призывая...
И упала завѣса невѣдѣнья съ глазъ,
Бездны мрака и зла обнажая...
Но взгляни, какъ безпеченъ ихъ праздникъ,— [взгляни,
Сколько въ лицахъ ихъ смѣха живого,
Какъ румяны, красивы и статны они—
Эти дѣти довольства тупого!
Сбрось съ ихъ дѣвушекъ пышный нарядъ,—вязью [розъ
Перевей эту роскошь и смоль ихъ волосъ,
И, сверкая нагой бѣлизною,
Ослѣпляя румянцемъ и блескомъ очей,
Молодая вакханка миѳическихъ дней
Въ ихъ чертахъ оживетъ предъ тобою...
Мы-жъ съ тобой—мы и блѣдны, и худы; для насъ
Жизнь—не праздникъ, не цѣпь наслажденій,
А работа, въ которой таится подчасъ
Много скорби и много сомнѣній...
Помнишь?.. Эти тяжелые, долгіе дни,
Эти долгія, жгучія ночи...
Истерзали, измучили сердце они,
Утомили безсонныя очи...
Пусть ты мнѣ еще вдвое дороже съ тѣхъ поръ,
Какъ печалью и думой зажегся твой взоръ;
Пусть въ святынѣ прекрасныхъ стремленій
И сама ты прекраснѣй и чище,—но я
Не могу отогнать, дорогая моя,
Отъ души неотступныхъ сомнѣній.
Я боюсь, что мы горько ошиблись, когда
Такъ наивно, такъ страстно мечтали,
Что призванье людей—жизнь борьбы и труда,
Беззавѣтной любви и печали...
Вѣдь природа ошибокъ чужда, а она
Насъ къ открытой могилѣ толкаетъ,
А безсмысленнымъ дѣтямъ довольства и сна
Свѣтъ, и счастье, и розы бросаетъ!..

———

* * *

...И крики оргіи, и гимны ликованья
Въ сіяньи праздничномъ торжественныхъ огней,
А рядомъ—жгучій стонъ мятежнаго страданья,
И кровь пролитая, и рѣзкій звонъ цѣпей!..
Разнузданный развратъ, увѣнчанный цвѣтами —
И трудъ поруганный... Смѣющійся глупецъ
И плачущій въ тиши незримыми слезами,
Затерянный въ толпѣ, непонятый мудрецъ!..
И это значитъ жить?.. И это—перлъ творенья,
Разумный человѣкъ?.. Но въ пошлой суетѣ
И въ пестрой смѣнѣ лицъ—ни мысли, ни значенья,
Какъ въ лихорадочномъ и безобразномъ снѣ...
Но эта жизнь томитъ, какъ склепъ томитъ живого,
Какъ роковой недугъ, гнетущій умъ и грудь,
Въ часы безсонницы томитъ и жжетъ больного—
И некуда бѣжать... и некогда вздохнуть!
Порой прекрасный сонъ мнѣ снится: предо мною
Привольно стелется нѣмая даль полей,
И зыблются хлѣба, и дремлетъ надъ рѣкою
Тѣнистый садъ, въ цвѣтахъ и въ золотѣ лучей...
Родная глушь моя таинственно и внятно
Зоветъ меня придти въ объятія свои,
И все, что потерялъ я въ жизни невозвратно,
Вновь обѣщаетъ мнѣ для счастья и любви.
Но не тому сложить трудящіяся руки
И дать бездѣйствовать тревожному уму,
Кто понялъ, что борьба, проклятія и муки —
Не бредъ безумныхъ книгъ, не грезятся ему:
Какъ жалкій трусъ, я жизнь не пряталъ за обманы
И не рядилъ ее въ поддѣльные цвѣты,
Но безбоязненно въ зіяющія раны,
Какъ врачъ и другъ, вложилъ пытливые персты;

...мъ и пыткою правдиваго сомнѣнья
...е провѣрилъ въ ней, боясь себѣ солгать, —
...ѣту для меня покоя и забвенья,
...ѣчно буду я бороться и страдать...

* * *

...юбви твоей, другъ мой, я часто мечталъ,
...гъ грезъ этихъ сердце такъ радостно билось,
...едва я привѣтливый взоръ твой встрѣчалъ—
...евожно, и смутно въ груди становилось.
...ялся за то, что минуетъ порывъ,
...ся прихотливую вспышку участья,
...станусь опять я вдвойнѣ сиротливъ,
...бманувшей мечтой невозможнаго счастья;
...ю что-то чужое безъ спроса я взялъ,
...во эта нежданная, свѣтлая ласка—
...ко призракъ: мелькнулъ, озарилъ и пропалъ,
...олетный, какъ звукъ, и солгавшій, какъ сказка.
...ю взглядъ твой случайной ошибкой на мнѣ
...ется такъ долго, лазурный и нѣжный,
... грезится сердцу въ болѣзненномъ снѣ,
...ъ безслѣдно исчезнуть съ зарей неизбѣжной...
..., сжигаемый зноемъ въ пустынѣ скупой,
...никъ видитъ оазисъ—и вѣрить боится:
...миражъ ли туманный въ дали голубой
...во манитъ подъ тѣнь отдохнуть и забыться?..

* * *

...илый другъ, я знаю, я глубóко знаю,
... безсиленъ стихъ мой, блѣдный и больной;
... его безсилья часто я страдаю,
...о тайно плачу въ тишинѣ ночной...
...ъ на свѣтѣ мукъ сильнѣе муки слова:
...но съ устъ порой безумный рвется крикъ,
...но душу сжечь любовь порой готова:
...денъ и жалокъ нищій нашъ языкъ!..
...дуга цвѣтовъ, разлитая въ природѣ,
...и стройной пѣсни, стихшей на струнáхъ,
... за идеалъ и слезы о свободѣ,—
... ихъ передать въ обыденныхъ словахъ?
... безбрежный міръ, раскинутый предъ нами,
...ушевный міръ, исполненный тревогъ,
...шенно набросить робкими штрихами
...мѣстить въ размѣры тѣсныхъ этихъ строкъ?..
...о молчать, когда вокругъ звучатъ рыданья,
...огда такъ жадно рвешься ихъ унять,
...ъ грозой борьбы и предъ лицомъ страданья—
...ъ, я не хочу, я не могу молчать!..
...ъ я, какъ боецъ, цѣпей не разбиваю,
... пророкъ—во мглу не проливаю свѣтъ:
...шелъ въ толпу и вмѣстѣ съ ней страдаю,
...ю, что въ силахъ—откликъ и привѣтъ...

* * *

Какъ бѣлымъ саваномъ, покрытая снѣгами,
Ты спишь холоднымъ сномъ подъ каменной плитой,
И сосны родины, ненастными ночами,
О чемъ-то шепчутся и стонутъ надъ тобой;
А я—вокругъ меня, полна борьбы и шума,
Жизнь снова бьетъ ключомъ, отдаться ей маня,
Но жить я не могу: мучительная дума,
Неотразимая, преслѣдуетъ меня...
Гнетущій, тяжкій сонъ!.. Съ тѣхъ поръ, какъ я, [рыдая,
Прильнулъ къ рукѣ твоей и звалъ тебя съ тоской,
И ты, недвижная и мертвенно-нѣмая,
Ты не откликнулась на мой призывъ больной;
Съ тѣхъ поръ, какъ слово „смерть“, — когда-то [только слово,—
Мнѣ въ сердце скорбное ударило, какъ громъ,
Я въ жизнь не вѣрую... Угрюмо и сурово
Смерть, только смерть одна, мнѣ грезится кругомъ!..
Недугъ смущеннаго былымъ воображенья
Кладетъ печать ея на лица всѣхъ людей,
И въ нихъ не вижу я, какъ прежде, отраженья
Ихъ грезъ и радостей, ихъ горя и страстей;
Они мнѣ чудятся съ закрытыми очами,
Въ гробу, въ дыму кадилъ, подъ флеромъ и въ [цвѣтахъ,
Съ безжизненнымъ челомъ, съ поблекшими устами
И страхомъ вѣчности въ недвижимыхъ чертахъ...
. . . .

* * *

Завѣса сброшена: ни новыхъ увлеченій,
Ни тайнъ заманчивыхъ, ни счастья впереди;
Покой оправданныхъ и сбывшихся сомнѣній,
Мгла безнадежности въ измученной груди...
Какъ мало прожито—какъ много пережито!
Надежды свѣтлыя, и юность, и любовь...
И все оплакано... осмѣяно... забыто...
Погребено—и не воскреснетъ вновь!
Я въ братство вѣровалъ, но въ черный день не- [взгоды
Не могъ я отличить собратьевъ отъ враговъ;
Я жаждалъ для людей познанья и свободы,—
А міръ—все тотъ же міръ безсмысленныхъ рабовъ!
На грозный бой со зломъ мечталъ я встать сурово
Огнемъ и правдою карающихъ рѣчей,—
И въ храмѣ истины, въ священномъ храмѣ слова,
Я слышу оргію крикливыхъ торгашей!..
Любовь на мигъ... Любовь—забава отъ бездѣлья
Любовь—не жаръ души, а только жаръ въ крови,
Любовь — больной кошмаръ, тяжелый чадъ по- [хмѣлья—
Нѣтъ, мнѣ не жаль ея, промчавшейся любви!..

Я не о ней мечталъ безсонными ночами,
И не она тогда являлась предо мной,
Вся—мысль, вся—красота, увитая цвѣтами,
Съ улыбкой дѣвственной и дѣвственной душой!..
Бѣдна, какъ нищая, и, какъ рабыня, лжива,
Въ лохмотья яркія пестро наряжена —
Жизнь только издали нарядна и красива,
И только издали влечетъ къ себѣ она.
Но чуть вглядишься ты, чуть встанетъ предъ то-[бою
Она лицомъ къ лицу—и ты поймешь обманъ
Ея величія подъ ветхой мишурою
И красоты ея—подъ маскою румянъ!

———

* * *

Я вчера еще радъ былъ отречься отъ счастья,
Я презрѣньемъ клеймилъ этихъ сытыхъ людей,
Промѣнявшихъ туманы и холодъ ненастья
На отраду и ласку весеннихъ лучей...
Я твердилъ, что покуда на свѣтѣ есть слезы
И покуда царитъ непроглядная мгла,
Безконечно постыдны заботы и грезы
О теплѣ и довольствѣ родного угла.
А сегодня... Сегодня весна золотая,
Вся въ цвѣтахъ, и въ мое заглянула окно—
И забилось усталое сердце, страдая,
Что такъ бѣдно за этимъ окномъ и темно...
Милый взглядъ, мимолетнаго полный участья,
Грусть въ прекрасныхъ чертахъ молодого лица—
И безумно, мучительно хочется счастья,
Женской ласки, и слезъ, и любви безъ конца!..

———

* * *

Художники ее любили воплощать
Въ могучемъ образѣ славянки свѣтлоокой,
Склоненною на мечъ, привыкшій побѣждать,
И съ думой на челѣ, спокойной и высокой.
Осѣнена крестомъ, лежащимъ на груди,
Съ орломъ у сильныхъ ногъ и радостно сіяя,
Она глядитъ впередъ, какъ-будто впереди
Обѣтованный рай сквозь сумракъ прозрѣвая.
Мнѣ грезится она иной... Томясь въ цѣпяхъ,
Порабощенная несчастная Россія,—
Она не на груди несетъ, а на плечахъ
Свой крестъ, свой тяжкій крестъ, какъ несъ его [Мессія!
Въ лохмотьяхъ нищеты, истерзана кнутомъ,
Покрыта язвами, окружена штыками,
Въ тоскѣ она на грудь поникнула челомъ,
А изъ груди, дымясь, струится кровь ручьями...
— О, лесть холопская! Ты міру солгала!

———

ВЕСЕННЯЯ СКАЗКА.

Чудный, свѣтлый міръ... Ни вьюгъ въ немъ, н[и туманов]ъ,
Вѣчная весна въ немъ радостно царитъ...
Розы... мраморъ статуй... серебро фонтановъ,
Замокъ — весь прозрачный, изъ хрустальн[ыхъ] [плитъ.

У подножья скалъ—сверкающее море...
Тихо льнетъ къ утесамъ сонная волна
И, отхлынувъ, тонетъ въ голубомъ просторѣ,
И до дна прозрачна въ морѣ глубина...
А за свѣтлымъ замкомъ и его садами,
Отъ земли, нахмурясь, въ небосклонъ ушли
Великаны-горы снѣжными цѣпями
И по темнымъ кручамъ лѣсомъ заросли.
И лѣсная чаща да лазурь морская,
Какъ въ объятьяхъ, держатъ дивную страну,
Тишиной своею чутко охраняя
И въ ея предѣлахъ—ту же тишину.
Чудный, свѣтлый міръ—но злобой чародѣя
Онъ въ глубокій сонъ отъ вѣка погруженъ,
И надъ нимъ, какъ саванъ, высится, синѣя,
Раскаленный зноемъ, мертвый небосклонъ.
Не мелькнетъ въ немъ чайка снѣжной бѣлизною,
Золотому солнцу подставляя грудь;
Не промчатся тучки дымчатой грядою
Къ отдаленнымъ скаламъ ласково прильнуть:
Все оцѣпенѣло, все мертво и глухо,
Какъ въ могилѣ глухо, какъ въ могилѣ спитъ...
Ни одно дыханье не встревожитъ слуха,
Ни одинъ изъ чащи рогъ не прозвучитъ.
Въ воздухѣ, сверкая, замеръ столбъ фонтана,
Замеръ мотылекъ надъ чашечкой цвѣтка,
Пестрый попугай—въ густыхъ вѣтвяхъ каштана,
Въ чащѣ лѣса—лань, пуглива и дика.
Точно этотъ замокъ, рощи и долины,
Пурпуръ этихъ розъ и бѣлизна колоннъ—
Только полотно сверкающей картины,
Воплощенный въ краскахъ, вдохновенный сонъ.
Точно тотъ, кто создалъ этотъ рай прекрасный,
Жизнь и разрушенье въ немъ остановилъ,
Чтобъ навѣкъ свой блескъ, и дѣвственный, и ясный,
Онъ, какъ въ день созданья, свято-бъ сохранилъ.
Посмотри, какъ змѣйка, лѣстница витая
Поднялась въ чертогъ, и тихо у окна
Спитъ въ чертогѣ томъ царевна молодая,
Словно ночь прекрасна, словно день ясна.
До земли упали косы золотыя,
На щекахъ—румянецъ, и порой, чуть-чуть
Вздрогнувъ, шевельнутся губки молодыя,
Да тревожный вздохъ подыметъ слабо грудь.
Темный бархатъ платья рѣзко оттѣняетъ
Бѣлизну плеча и нѣжный цвѣтъ ланитъ,
Знойный день въ уста красавицу лобзаетъ

й лучъ отливомъ на кудряхъ горитъ...
ь ея тревожатъ тягостныя грезы—
ютри: печаль и страхъ въ ея чертахъ...
ютри: какъ жемчугъ, тихо льются слезы,
іно сжечь хотятъ румянецъ на щекахъ!
ся ей, что тамъ, за этими хребтами,
млёнъ путемъ и долгою борьбой,
одой красавецъ съ темными кудрями
ится пробиться черезъ лѣсъ густой...
цъ его въ лохмотьяхъ и окрашенъ кровью,
ь лѣсу—что шагъ, то смерть ему грозитъ,
а трудный подвигъ призванъ онъ любовью,
о нога по кручамъ не скользитъ...
акъ онъ усталъ!.. Какой прошелъ далекій,
онечно-тяжкій и суровый путь!..
итъ ли отваги для борьбы жестокой,
ержитъ ли битву молодая грудь?
-побѣда!.. Въ мракѣ тягостныхъ сомнѣній
глый лучъ блеснулъ, оконченъ долгій споръ—
же гремитъ по мрамору ступеней,
слышнѣй, все ближе, звукъ шаговъ и шпоръ!..
вно вихрь коснулся соннаго чертога,
вно дождь весной по листьямъ пробѣжалъ—
вѣтлѣй и краше молодого бога,
ь давно желанный передъ ней предсталъ.
редсталъ, и обнялъ, и прильнулъ устами—
жими устами къ трепетнымъ устамъ,
твѣта молитъ страстными рѣчами,
желый мечъ сложилъ къ ея ногамъ.
лая!—онъ шепчетъ,—я разсѣялъ чары,
азвѣялъ власть ихъ, этихъ темныхъ силъ,
вно и сурово сыпалъ я удары,
его, что много вѣрилъ и любилъ!
е дли-жъ напрасно муки ожиданья.
ая! проснися, смолкнула гроза!"
гое, любовью полное лобзанье—
на открыла ясные глаза...
арое преданье... Чудное преданье...
немъ надежда міра... Міръ усталъ и ждетъ—
ро-ль день во мглѣ зажжетъ свое сіянье,
ро ли любовь къ страдающимъ сойдетъ?
на сойдетъ, и робко разбѣгутся
і съ небосклона и въ ея лучахъ
и сна, какъ нити, ржавѣя, порвутся,
атихнутъ слезы, и замолкнетъ страхъ!..
гель будетъ праздникъ—праздникъ возрожденья,
стно вздохнутъ усталые рабы,
амѣнитъ гимнъ любви и примиренья
ки слезъ и горя, мести и борьбы!

ИЗЪ ДНЕВНИКА.

одия всю ночь голубыя зарницы
лали надъ жаркою грудью земли;
И мчались разорванныхъ тучъ вереницы,
И мчались, и тяжко сходились вдали...
Душна была ночь,—такъ душна, что порою
Во мглѣ становилось дышать тяжело;
И сердце стучало, и знойной волною
Кипѣвшая кровь ударяла въ чело...
Отъ сонныхъ черемухъ, осыпанныхъ цвѣтомъ
И сыпавшихъ цвѣтомъ, какъ бѣлымъ дождемъ,
Съ невнятною лаской, съ весеннимъ привѣтомъ,
Струился томительный запахъ кругомъ.
И словно какая-то тайна свершалась
Въ торжественномъ мракѣ глубокихъ аллей,
И сладкими вздохами грудь волновалась,
И страсть трепеща, разгоралася въ ней...
Всю ночь пробродилъ я, всю ночь до разсвѣта,
Обвѣянный чарами нѣги и грёзъ;
И страстно я жаждалъ родного привѣта,
И женскихъ объятій, и радостныхъ слезъ...
Какъ волны, давно позабытые звуки
Нахлынули въ душу, пылая огнемъ,
И бились въ ней, полные трепетной муки,
И отклика ждали въ затишьи ночномъ...
. . . .

---

* * *

Окрыленнымъ мечтой сладкозвучнымъ стихомъ
Никогда не игралъ я отъ скуки.
Только то, что грозой пронеслось надъ челомъ,
Выливалъ я въ покорные звуки.
Какъ недугомъ, я каждою пѣснью болѣлъ,
Каждой творческой думой терзался;
И нерѣдко пѣвца благодатный удѣлъ
Непосильнымъ крестомъ мнѣ казался.
И нерѣдко клялся я на-вѣкъ замолчать,
Чтобъ съ толпою въ забвеніи слиться,—
Но Эолова арфа должна зазвучать,
Если вихрь по струнамъ ея мчится!
И не властенъ весною гремучій ручей
Со скалы не свергаться къ долинѣ,
Если солнце потоками жгучихъ лучей
Растопило снѣга на вершинѣ!..

---

* * *

Омывшись на зарѣ душистою росою,
Сегодня ясный день, какъ дѣвушка, румянъ.
Едва колышется дремотною волною
Морская гладь, вдали переходя въ туманъ...
Въ сіяньи солнечномъ сады благоухаютъ,
Прозрачна глубь небесъ; ни облачка кругомъ;
И только чайки въ ней снѣжинками мелькаютъ
И тонутъ изъ очей въ просторѣ голубомъ...

---

* * *

Мы спорили долго—до слезъ напряженья...
Мы были всѣ въ сборѣ и были одни;
А тяжкія думы, тоска и сомнѣнья
Измучили всѣхъ насъ въ послѣдніе дни!
Здѣсь, въ нашемъ кругу, на свободное слово
Никто самовластно цѣпей не ковалъ,
И слово лилось, и звучало сурово,
И каждый изъ насъ, говоря, отдыхалъ...
Но странно: собратья по общимъ стремленьямъ
И спутники въ трудномъ житейскомъ пути—
Съ какимъ недовѣрьемъ, съ какимъ озлобленьемъ
Другъ въ другѣ врага мы старались найти!
Не то же ли чувство насъ всѣхъ согрѣвало—
Любовь безъ завѣта къ отчизнѣ родной,
Не то же ли солнце надежды сіяло
Намъ въ жизни, окутанной душною мглой?..
Печально ты нашему спору внимала...
Порою, когда я смотрѣлъ на тебя,
Казалось мнѣ, будто за насъ ты страдала
И что-то сказать намъ рвалася, любя...
Ночь мчалась... За бѣлымъ окномъ разгорался
Разсвѣтъ... Умирала звѣзда за звѣздой...
Свѣтъ лампы, мерцая, краснѣлъ и сливался
Съ торжественнымъ блескомъ зари золотой,—
И молча тогда подошла ты къ рояли,
Коснулась задумчиво клавишъ нѣмыхъ,
И страстная пѣсня любви и печали,
Звеня, изъ-подъ рукъ полилася твоихъ...
Что́ было въ той пѣснѣ твоей, прозвучавшей
Упрекомъ и грустью надъ нашимъ кружкомъ
И сердце мое горячо взволновавшей
И чистой любовью, и жгучимъ стыдомъ,—
Не знаю... Безсонная ночь ли сказалась,
Больные ли нервы играли во мнѣ,
Но грудь отъ скопившихся слезъ подымалась,
Минута—и хлынули страстно онѣ.
Какъ будто-бы кто-то глубоко правдивый
Вошелъ къ намъ, озлобленнымъ, жалкимъ, боль-
[нымъ,
И сталъ говорить—и воскресшій, счастливый
Кружокъ нашъ въ восторгѣ замолкъ передъ нимъ.
Поддѣльные стоны, крикливыя фразы,
Тщеславье, звучавшее въ нашихъ рѣчахъ,—
Все то, что дыханьемъ незримой заразы
Жизнь сѣетъ во всѣхъ, даже въ лучшихъ сердцахъ,
Все стихло—и только одно лишь желанье,
Одинъ лишь порывъ запылалъ въ насъ огнемъ—
Отдаться на крестъ, на позоръ, на страданье,
Но только бы дрогнула полночь кругомъ!..
О, другъ мой, намъ звуки твои показали
Всю ложь въ насъ, до нихъ—незамѣтную намъ,
И крѣпче другъ другу мы руки пожали,
Съ зарей возвращаясь къ обычнымъ трудамъ.

ИЗЪ ПОЭМЫ „ГРЕЗЫ“.

Когда, еще дитя, за школьною стѣною,
Съ наивной дерзостью о славѣ я мечталъ,
Мнѣ въ грезахъ видѣлся, пестрѣющій толпою,
Высокій, мраморный, залитый свѣтомъ залъ.
Былъ пиръ, веселый пиръ, въ честь юной коро
И въ замкѣ ликовалъ блестящій кругъ гостей:
Сюда собрались всѣ прекраснѣйшія дѣвы
И весь желѣзный сонмъ бароновъ и князей...
. . . .
. . . . Съ тѣхъ поръ умчались годы,
И нѣтъ ихъ, яркихъ сновъ фантазіи моей:
Я сталъ въ ряды борцовъ поруганной свобод
Я сталъ пѣвцомъ труда, познанья и скорбей!
Во славу красоты я гимновъ не слагаю,
Побѣдъ и громкихъ дѣлъ я въ пѣсняхъ не по
Я плачу съ плачущимъ, со страждущимъ стра
И утомленному я руку подаю!
И пусть мой крестъ тяжелъ, пусть бури и
[мнѣ
Невзгоды и борьбу принесъ онъ мнѣ съ собой,
Онъ мнѣ дарилъ за то и свѣтлыя мгновенья,
Мгновенья радости высокой и святой!
Я помню ночь: блѣдна, какъ тяжело больна
Она слетала къ намъ съ лазурной вышины,
Съ несмѣлой ласкою серебрянаго мая,
Съ привѣтомъ сѣверной, задумчивой весны.
Всѣ окна въ комнатѣ мы настежь отворили,
И, съ грохотомъ колесъ по звонкой мостовой,
Къ себѣ и эту ночь радушно мы впустили
На скромный праздникъ нашъ, въ нашъ у
[трудовой,
А чуть вошла она, чуть ароматъ сирени
Повѣялъ въ комнатѣ—и тихо вслѣдъ за ней
Вошли какія-то оплаканныя тѣни,
Какихъ-то звуковъ рой изъ мглы минувшихъ д
Тѣмъ, кто закинутъ былъ въ столицу издалёка,
Невольно вспомнились родимые края,
Убогое село, и церковь, и поля
И надъ нѣмымъ прудомъ недвижная осока;
Припомнился тотъ садъ, знакомый съ колыбел
Гдѣ въ невозвратные младенческіе дни
Скрипѣли весело подгнившія качели,
И звонкій смѣхъ стоялъ въ узорчатой тѣни;
Крутой обрывъ въ саду, бесѣдка надъ обрыво
Тропинка, въ темный лѣсъ бѣгущая змѣей,
И полосы хлѣбовъ съ ихъ золотымъ отливомъ,
И мирный свѣтъ зари за сонною рѣкой...
И нашъ кружокъ примолкъ. .
Суровыя лишенья,
Нужда, тяжелый трудъ и длинный рядъ заботъ
Томили долго насъ... Мы жаждали забвенья—
И съ тихой пѣснею любви и примиренья,
Какъ въ дѣтскихъ снахъ моихъ, я выступилъ
[ре

...шный залъ горѣлъ огнями предо мною:
, въ бѣдной комнаткѣ, тонувшей въ полу-
[мглѣ,
только мысль нетлѣнной красотою,
...нцѣ изъ терніевъ на царственномъ челѣ!
...юсъ мой звучалъ не для пустой забавы
...щенной толпы земныхъ полубоговъ:
...ебуя похвалъ, не ожидая славы,
братъ, я братьямъ пѣлъ, усталымъ отъ тру-
[довъ.
...ъ сплотившимся подъ знаменемъ науки,
...ъ измученнымъ тяжелою борьбой,
... не упали ихъ натруженныя руки,
... не разсѣялся союзъ ихъ молодой;
...ъ имъ свѣтлый гимнъ, внушенный упованьемъ,
...олько истинѣ побѣда суждена,
...ючь не устоитъ передъ ея сіяньемъ,
...аль грядущаго отрадна и ясна;
...е, что на душѣ отъ чернаго сомнѣнья
...ъ, какъ цѣнный кладъ, въ ненастье сохра-
[нилъ—
...лучшія мечты, всѣ смѣлыя стремленья,
...ъ звуки пѣсни той я вольно перелилъ!..
...олкъ... Мнѣ не гремятъ толпы рукоплесканья,
...адаютъ къ ногамъ душистые вѣнки:
...адою пѣвцу минутное молчанье
...ье-то теплое пожатіе руки...
...то со мной?.. О чемъ, откуда эти слезы?..
...гордъ, какъ счастливъ я, какъ ожилъ я душой!..
...одина моя, прими меня—я твой!..
...ѣкнутъ яркія, младенческія грёзы,
...ыпаются ихъ призрачныя розы
...ъ счастьемъ, на-яву блеснувшимъ предо мной!..

———

* * *

..., муза, не зови!.. Не увлекай мечтами,
...бѣщай вѣнка въ дали грядущихъ дней!..
...дъ твой осужденъ, и жадными глазами
...ду смерть слѣдитъ за жертвою своей...
... слишкомъ былъ тяжелъ... Сомнѣнья и тревоги
...сти рвали грудь... Усталый пилигримъ
...несъ всѣхъ преградъ мучительной дороги
...етъ, пораженъ недугомъ роковымъ...
... такъ хочется!.. Страна моя родная,
...бъ хоть для тебя я могъ еще пожить!..
...-бъ любилъ тебя, всю душу отдавая
... чтобъ и другихъ учить тебя любить!..
...пѣлъ бы я тебя! Съ какимъ негодованьемъ
...ъ твоихъ враговъ!.. Твой песъ сторожевой,—
...жилъ одной тобой, дышалъ твоимъ дыханьемъ,
...ъ твоимъ стыдомъ, болѣлъ твоей тоской!
...оздно!.. Смерть не ждетъ... Какъ туча гро-
[зовая,
Какъ вихрь, несется смерть... Въ крови палящій жаръ,
Въ бреду слабѣетъ мысль, безсильно угасая...
Рази-жъ, скорѣй рази, губительный ударъ!

———

* * *

Снова лунная ночь, только лунная ночь на чужбинѣ.
Весь облитъ серебромъ потонувшій въ туманѣ за-
[ливъ;
Синихъ горъ полукругъ наклонился къ цвѣтущей
[долинѣ,
И чуть дышетъ листва кипарисовъ, и пальмъ, и
[оливъ.
Я ушелъ бы бродить,—и бродить, и дышать арома-
[томъ,
Я-бъ на взморье ушелъ, гдѣ волна за волною шу-
[митъ,
Гдѣ спускается берегъ кремнистымъ сверкающимъ
[скатомъ,
И жемчужная пѣна каменья его серебритъ;
Да не тянетъ меня красота этой чудной природы,
Не зоветъ эта даль, не пьянитъ этотъ воздухъ мор-
[ской,
И какъ узникъ въ тюрьмѣ жаждетъ свѣта и жа-
[ждетъ свободы,
Такъ я жажду отчизны, отчизны моей дорогой!..

———

* * *

Чу, кричитъ буревѣстникъ!.. Крѣпи паруса!
И страшна, и окутана мглою,
Буря гнѣвнымъ челомъ уперлась въ небеса
И на волны ступила пятою.
Въ ризѣ тучъ, опоясана бѣглымъ огнемъ
Яркихъ молній вкругъ мощнаго стана,
Грозно сыплетъ она свой рокочущій громъ
На свинцовый просторъ океана.
Какъ прекрасенъ и грозенъ нѣмой ея ликъ!
Какъ сильны ея черныя крылья!
Будь же путникъ, какъ врагъ твой, безстрашно-
[великъ...

———

* * *

На югъ,—говорили друзья мнѣ,—на югъ,
Подъ небо его голубое!
Тамъ смолкнетъ, пѣвецъ, твой гнетущій недугъ,
Тамъ сердце очнется больное!
Я внялъ ихъ призывамъ—и вотъ предо мной,
Синѣя въ безгранномъ просторѣ,
Блеститъ изумрудомъ, горитъ бирюзой
И плещется теплое море.
Привѣтъ, о, привѣтъ тебѣ, синяя даль,
Привѣтъ тебѣ, вѣтеръ свободный!

Разсѣйте на сердцѣ глухую печаль,
Развѣйте мой мракъ безъисходный!
О, сколько красы окружаетъ меня,
Какъ дальнія горы сіяютъ!
Какъ чайки въ лучахъ золотистаго дня
Надъ сѣрымъ прибрежьемъ мелькаютъ!
Теряются виллы въ зеленыхъ садахъ,
Откуда-то музыка льется;
Природа вокругъ, какъ невѣста въ цвѣтахъ,
Лазурному утру смѣется...
Но что это? Въ свадебномъ хорѣ звучатъ
Иные, суровые звуки,—
Въ нихъ громы вражды, затаенный разладъ,
Угрозы, и стоны, и муки!..
То море, то синее море поетъ:
Разгнѣвано синее море,—
Напѣвъ величавый растетъ и растетъ,
Какъ реквіемъ въ мрачномъ соборѣ!..

——

* * *

Завтра вновь полумракъ этой комнаты хмурой,
Гдѣ такъ рѣдко безпечная радость гоститъ,
Тонкій абрисъ головки твоей бѣлокурой,
Точно ласковый солнечный лучъ, озаритъ.
Ты войдешь—и, какъ фея ребяческой сказки,
Все вокругъ оживишь ты: заблещетъ каминъ,
Просвѣтлѣютъ мгновенно поблекшія краски
На узорахъ ковра и полотнахъ картинъ;
И на полкахъ зашепчутся книги поэтовъ,
И на скрипкѣ привѣтный аккордъ задрожитъ,
И въ безстрастныхъ глазахъ пробужденныхъ пор- [третовъ
Молчаливый, но внятный восторгъ заблеститъ.
Послѣ долгой, мучительно-долгой разлуки
Я опять отдохну отъ печали моей,
Я опять ихъ услышу, знакомые звуки
Серебристаго смѣха и звонкихъ рѣчей...

——

* * *

Умерла моя муза!.. Недолго она
Озаряла мои одинокіе дни;
Облетѣли цвѣты, догорѣли огни,—
Непроглядная ночь, какъ могила, темна!..
Тщетно въ сердцѣ, уставшемъ отъ мукъ и тревогъ,
Исцѣляющихъ звуковъ я жадно ищу:
Онъ растоптанъ и смятъ, мой душистый вѣнокъ,
Я безъ пѣсни борюсь и безъ пѣсни грущу!..
А въ былые года сколько тайнъ и чудесъ
Совершалось въ убогой каморкѣ моей:
Захочу—и сверкающій куполъ небесъ
Надо мной развернется въ потокахъ лучей,
И раскинется даль серебристыхъ озеръ,
И блеснутъ колоннады роскошныхъ дворцовъ,
И подымутъ въ лазурь свой зубчатый узоръ
Снѣговыя вершины гранитныхъ хребтовъ!..
А теперь—я одинъ... Непріютно, темно
Опустѣвшій мой уголъ въ глаза мнѣ глядитъ;
Словно черная птица, пугливо въ окно
Непогодная полночь крылами стучитъ...
Мраморъ пышныхъ дворцовъ разлетѣлся въ [мамъ,
Величавыя горы разсыпались въ прахъ—
И истерзано сердце отъ скорби и ранъ,
И безсильныя слезы сверкаютъ въ очахъ!..
Умерла моя муза!.. Недолго она
Озаряла мои одинокіе дни;
Облетѣли цвѣты, догорѣли огни,
Непроглядная ночь, какъ могила, темна!..

——

ЖИЗНЬ.

Мѣняя каждый мигъ свой образъ прихотливый,
Капризна, какъ дитя, и призрачна, какъ дымъ,
Кипитъ повсюду жизнь въ тревогѣ суетливой,
Великое смѣшавъ съ ничтожнымъ и смѣшнымъ.
Какой нестройный гулъ, и какъ пестра картина!
Здѣсь—поцѣлуй любви, а тамъ—ударъ ножемъ,
Здѣсь нагло прозвенѣлъ бубенчикъ арлекина,
А тамъ идетъ пророкъ, согбенный подъ крестомъ.
Гдѣ солнце, тамъ и тѣнь! Гдѣ слезы и молитвы,
Тамъ и голодный стонъ мятежной нищеты;
Вчера здѣсь былъ разгаръ кровопролитной би...
А завтра—расцвѣтутъ душистые цвѣты.
Вотъ чудный перлъ въ грязи, растоптанный то...
А вотъ душистый плодъ, подточенный червёмъ,
Сейчасъ ты былъ герой, гордившійся собою,
Теперь—ты блѣдный трусъ, подавленный стыдомъ.
Вотъ жизнь, вотъ этотъ сфинксъ! Законъ ея—м... [венье,

И нѣтъ среди людей такого мудреца,
Кто-бъ могъ сказать толпѣ—куда ея движенье,
Кто могъ бы уловить черты ея лица.
То вся она—печаль, то вся она—приманка,
То все въ ней блескъ и свѣтъ, то все—позоръ [тьма.
Жизнь—это серафимъ и пьяная вакханка,
Жизнь—это океанъ и тѣсная тюрьма!

——

* * *

Испытывалъ ли ты, что значитъ задыхаться
И видѣть надъ собой не глубину небесъ,
А звонкій сводъ тюрьмы,—и плакать, и метаться
И рваться на просторъ,—въ поля, въ тѣни... [лѣсъ
Что значитъ съ бѣшенствомъ и жгучими слезами

...стервенясь душой, какъ разъяренный звѣрь,
...ытаться оторвать изнывшими руками
...елѣзною бронёй окованную дверь?
...это испыталъ,—но былъ моей тюрьмою
...сь міръ, огромный міръ, раскинутый кругомъ.
...сколько разъ его горячею мечтою
...облеталъ, томясь въ безмолвіи ночномъ!
...къ жаждалъ я—чего?—не нахожу названья:
...человѣчески-величественныхъ дѣлъ,
...человѣчески-тяжелаго страданья,
...шь не дѣлить съ толпой пустой ея удѣлъ!..
...ъ пылающимъ челомъ и влажными очами
...отворялъ окно въ дремавшій чутко садъ
...пилъ, и жадно пилъ, прохладными волнами
...ъ росистыхъ цвѣтниковъ плывущій ароматъ;
...къ звѣздамъ я взывалъ, чтобъ тишиной своею
...мирила эта ночь тревогу юныхъ силъ,
...уходилъ къ пруду, въ глубокую аллею,
...до разсвѣта въ ней задумчиво бродилъ.
... Куда меня влекли неясныя стремленья,
...ъ какой безвѣстный міръ,—постигнуть я не могъ;
...о въ эти ночи думъ и страстнаго томленья
...ичтожныхъ дѣлъ людскихъ душой я былъ далекъ!
...ой духъ негодовалъ на власть и цѣпи тѣла,
...ъ не хотѣлъ преградъ, онъ не хотѣлъ завѣсъ,—
...вѣчность цѣлая въ лицо мое глядѣла
...ъ звѣздной глубины сіяющихъ небесъ!

———

ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЯ

„НА МОГИЛѢ А. И. ГЕРЦЕНА".

...а полдень отъ нашего скуднаго края,
Подъ небомъ цвѣтущей страны,
...дѣ въ желтыя скалы стучитъ, не смолкая,
Прибой средиземной волны,
...дѣ лѣсъ апельсиновъ изломы и склоны
Зубчатыхъ холмовъ осѣнилъ,
...Ницца на солнцѣ купаетъ балконы
Своихъ бѣломраморныхъ виллъ,—
...сть хмурый утесъ: словно чуткая стая
На отдыхъ слетѣвшихся птицъ,
...ѣетъ на немъ, въ цвѣтникахъ утопая,
Семья молчаливыхъ гробницъ.

. . . .

...рустилъ я на югѣ... Душа тосковала
О вьюгахъ и буряхъ родныхъ;
...акъ злая насмѣшка, ее раздражала
Улыбка небесъ голубыхъ.
...ришлецъ-сѣверянинъ,—еще съ колыбели
Привыкнувъ въ отчизнѣ моей
...ъ тоскливымъ напѣвамъ декабрьской мятели
И шуму осеннихъ дождей,—
На роскошь изнѣженной южной природы
Глядѣлъ я съ холодной тоской,
И городъ богатства, тщеславья и моды
Казался мнѣ душной тюрьмой...
Но былъ уголокъ въ немъ, гдѣ я забывался;
Безсильно смолкая у ногъ,
Докучливымъ шумомъ туда не врывался
Веселья и жизни потокъ.
То былъ уголокъ на утесѣ угрюмомъ:
Подъ сѣнь его мирныхъ могилъ
Я часто, отдавшись излюбленнымъ думамъ,
Отъ праздной толпы уходилъ.
Среди саркофаговъ и урнъ погребальныхъ,
Среди обветшалыхъ крестовъ
И мраморныхъ женщинъ, красиво-печальныхъ,
Въ оградахъ своихъ цвѣтниковъ,—
Тамъ ждалъ меня кто-то, какъ я, одинокій,
Какъ я, на чужихъ берегахъ
Страдальческій образъ отчизны далекой
Хранившій въ завѣтныхъ мечтахъ.
Отлитый изъ мѣди, тяжелою пятою
На мраморный цоколь ступивъ,
Какъ будто живой, онъ вставалъ предо мною
Подъ темнымъ наметомъ оливъ.
Въ чертахъ—величавая грусть вдохновенья,
Раздумье во взорѣ нѣмомъ,
И руки на мѣдной груди безъ движенья
Прижаты широкимъ крестомъ...
Такъ вотъ гдѣ боецъ, утомленный борьбою,
Послѣдній пріютъ ты нашелъ!
Сюда не нагрянетъ жестокой грозою
Душившій тебя произволъ.
Изъ скорбной отчизны къ тебѣ не домчится
Бряцанье позорныхъ цѣпей...
Скажи-жъ мнѣ: легко ли, спокойно ли спится
Тебѣ межъ свободныхъ людей?
Тебя я узналъ... Ты въ минувшіе годы
Такъ долго, такъ гордо страдалъ!
Какъ колоколъ правды, добра и свободы,
Съ чужбины твой голосъ звучалъ.
Онъ совѣсть будилъ въ насъ, онъ звалъ на работу,
Онъ звалъ насъ сплотиться тѣснѣй,—
И былъ ненавистенъ насилью и гнету
Языкъ твоихъ смѣлыхъ рѣчей!..

———

* * *

Не говорите мнѣ: онъ умеръ,—онъ живетъ!
Пусть жертвенникъ разбитъ,—огонь еще пылаетъ.
Пусть роза сорвана,—она еще цвѣтетъ,
Пусть арфа сломана,—аккордъ еще рыдаетъ!..

———

LXXXI.

Семенъ Григорьевичъ Фругъ.

Род. 1860.

Въ печати выступилъ въ 1879 г., первый сборникъ издалъ въ 1885 г.—Стихотворенія г. Фруга, въ большинствѣ, посвящены страданіямъ еврейскаго народа, и многія изъ нихъ звучатъ трогательной, за душу хватающей жалобой... Къ сожалѣнію, поэтъ охотно и часто покидаетъ родную ему область лирики для эпоса, и тогда становится скученъ и прозаиченъ.

ПРОМЕТЕЮ.

Я внимаю мучительнымъ стонамъ твоимъ,
И съ глубокой тоскою въ груди
Я гляжу на громады скалы роковой,
На тяжелыя цѣпи твои...
О! Зевесъ былъ жестокій, безжалостный богъ,
Безпощадный во власти своей...
Но умолкни на мигъ, жертва мести слѣпой,
Посмотри на меня, Прометей!
Не укралъ я у Бога святого огня,
Не укралъ: Онъ мнѣ самъ его далъ
И нести его къ людямъ, въ міръ рабства и тьмы,
И беречь, и хранить завѣщалъ.
Не укралъ я у Бога святого огня
И не даромъ его получилъ:
И слезами своими, и кровью своей
Я за этотъ огонь заплатилъ.
И донынѣ еще я плачу за него
И слезами, и кровью своей,
И не коршунъ одинъ грудь больную клюетъ,—
Сотни коршуновъ, тысячи змѣй
Въ беззащитное, бѣдное сердце впились,
Рвутъ кровавыя раны мои...
О, что̀ значитъ, въ сравненіи съ мукой моей,
Всѣ страданья, всѣ муки твои?!.

* * *

Бывали годы бѣдъ у всякаго народа.
Рыдали ихъ пѣвцы, но каждому вдали
Сіяли, какъ заря, грядущая свобода
И счастье дальнее родной его земли.
Но тщетно для тебя, народъ мой, въ Божьемъ [мірѣ
По мукамъ и скорбямъ искалъ я двойника,
Искалъ пѣвца, на чьей найти могла бы лирѣ
Отзывный стонъ моя глубокая тоска.
Я находилъ пѣвца съ рукою ополченной,
Пѣвца съ кошницею и мирною сохой,
А у меня въ рукѣ лишь факелъ похоронный
Да заступъ роковой...
Иди, безъ устали все рой да рой могилы,
Надежды тщетныя изъ сердца изгони,
Убитыя мечты, замученныя силы
Навѣки схорони!
И безъ просвѣта ночь... И безъ конца неволя...
Рыдать и все рыдать... О, какъ же ты горька,
Какъ ненавистна ты, мучительная доля
Пѣвца-гробовщика!

* * *

Тщетно ищу я душою больной
Отрады исчезнувшихъ дней...
И стонетъ, и рвется струна за струной
Подъ слабой рукою моей...
Чьи-то слезы блестятъ.
Чьи-то стоны звучатъ:
„Братъ нашъ! Блѣдный, измученный братъ!
Намъ душно, намъ страшно... Ты видишь ли, братъ,

...ъ врагъ нашъ ликуетъ кругомъ?
...слышишь, какъ наши оковы гремятъ?..
...гибнемъ во мракѣ глухомъ...
Ни зари, ни пути,
Ни луча впереди"...
...зачѣмъ отравили вы пѣсни мои!..

———

ИТОГИ.

Мнѣ сорокъ лѣтъ, а я не зналъ
И дня отраднаго понынѣ;
Подобно страннику въ пустынѣ,
Среди песковъ и голыхъ скалъ
Брожу, пути не разбирая...
Россія—родина моя,
Но мнѣ чужда страна родная,
Какъ чужеземные края!
Какъ врагъ лихой, какъ прокаженный,
Отъ нихъ запретомъ огражденный—
Я не видалъ дубравъ и горъ,
Ея морей, ея озеръ,
Степей безбрежнаго приволья
И величавой простоты,
Ея великаго раздолья,
Ея могучей красоты;
Какъ сказкѣ о чужой и чудной
Странѣ, разсказамъ я внималъ
Про гордый строй кавказскихъ скалъ
И Крыма берегъ изумрудный,—
Обитель дикой красоты,—
Гдѣ русской лиры славный геній
Взлелѣялъ яркіе цвѣты
Своихъ безсмертныхъ вдохновеній...
Въ темницѣ выросло дитя,—
Ему ли пѣть о блескѣ дня,
О шумѣ волнъ, просторѣ поля?..
Блѣдна, убога пѣснь моя,
Какъ ты, моя слѣпая доля!..

———

ПРОРОЧЕСТВО ИСАІИ.

„Утихнетъ гулъ борьбы кровавой,
Угаснетъ пылъ вражды навѣкъ,
Иною доблестью и славой
Гордиться будетъ человѣкъ:
То будетъ доблесть думъ высокихъ,
То будетъ слава добрыхъ дѣлъ,—
И тамъ, гдѣ въ мракѣ смутъ жестокихъ
Сверкала сталь и щитъ звенѣлъ,
На тучныхъ нивахъ въ чистомъ полѣ
Высокій колосъ зашумитъ,
И пѣсня пахаря на волѣ
Отрадой свѣтлой зазвучитъ!.."

———

ЛЕГЕНДА О ЧАШѢ.

— «Скажи мнѣ, то́ правда-ль, родная:
Мнѣ дѣдушка нашъ говоритъ,
Что на́ небѣ чаша большая
Предъ Божьимъ престоломъ стоитъ,
И съ каждой бѣдою, что́ насъ постигаетъ
Отъ рукъ безпощадныхъ людей,
Въ ту чашу слеза упадаетъ
Со скорбныхъ Господнихъ очей.
Когда же слезами до самаго края
Наполнится чаша святая,—
На землю Мессія придетъ,
Тотъ самый, чья слава въ молитвахъ поется,
Тотъ самый, котораго ждетъ не дождется
Такъ долго нашъ бѣдный народъ.»
— Да, милый, родной мой, то правда святая,—
Печально промолвила мать.
И смолкло дитя, размышляя,
Но скоро спросило опять:
— «Когда же, родная, когда же слезами
Ужъ будетъ та чаша полна?
Быть можетъ въ ней сохнутъ тѣ слезы вѣками?
Быть можетъ... бездонна она?»
И полные кротости, полные ласки,
Невинные, свѣтлые глазки
На мать устремило дитя.
Но мать, головою поникнувъ, стояла,
Слеза на рѣсницахъ ея задрожала...
Вотъ, яркимъ алмазомъ блестя,
Спадаетъ слеза на головку родную,
Съ головки на лобикъ течетъ...
О, Боже! пусть въ чашу святую
И эта слеза упадетъ!.

———

ТРИ ДУШИ.

Три блѣдныхъ тѣни, чередой,
Стучатся робко въ двери рая,
Съ мольбой пугливою взывая:
— «Открой, открой, ключарь святой!»
И вопрошающій вдали
Онѣ внимаютъ голосъ:—Кто́ вы,
Во тьмѣ грядущіе съ земли
Подъ эти благостные кровы?
Чѣмъ были вы? Въ какой борьбѣ
Какіе подвиги свершали?
Какъ жили вы и чѣмъ себѣ
Блаженство райское стяжали?—
И говоритъ изъ нихъ одна:
— «Мнѣ чуждъ былъ громъ житейской битвы;
«Вся жизнь моя была полна
«Благоговѣнья и молитвы.
«Жрецомъ я былъ всю жизнь, людей
«Добру и правдѣ поучая,

«Гася постыдный пылъ страстей
«И свѣточъ вѣры возжигая»...
— «Съ мечомъ въ рукѣ я міръ земной
«Прошелъ—отвѣтила вторая—
«Широкой, пламенной волной,
«И страхъ, и гибель разливая.
«Вся жизнь прошла средь буйныхъ сѣчъ,
«Но лишь за немощныхъ и правыхъ
«Я поднималъ и стягъ, и мечъ
«Въ бояхъ свирѣпыхъ и кровавыхъ»...
— А твой путь чѣмъ былъ озаренъ?—
Апостолъ третью вопрошаетъ.
Глубокій, долгій тяжкій стонъ
Звучитъ въ тиши и замираетъ.
И голосъ робкій и больной
Пугливо шепчетъ:—«Я? Не знаю,
«Не помню... Что-то... мракъ сырой,
«Пустыня, холодъ, ночь нѣмая...
«Чужія окна—въ нихъ огни,
«Чужія двери на запорѣ...
«И такъ—вся жизнь, вся жизнь... И дни,
«И ночи—голодъ, мракъ и горе...
«Молилась? Нѣтъ: я не могла,
«Я не умѣла... Богъ? Не знаю,
«Не помню... Голодъ, стужа, мгла...
«О посмотри, какъ я страдаю!
«Какъ страстно жаждала я дня
«И часа благостной кончины!
«Открой, открой, впусти меня...
«Прилечь, согрѣться разъ единый,
«Уснуть... уснуть... А тамъ—конецъ,
«Покой и миръ, и тишь нѣмая»...
— Посторонитесь, вождь и жрецъ!—
Раздался гласъ у двери рая.

———

* * *

Равъ-Тáнхумъ, владѣлецъ роскошныхъ садовъ,
Красы всей Саронской долины,
Услышалъ бесѣду двухъ старыхъ рабовъ
Подъ тѣнью цвѣтущей маслины:
—„Тутъ всѣмъ хорошо—говорили они—
И трудъ здѣсь, и рабство не въ тягость, а все-же
Родной уголокъ нашъ и прошлые дни
Всего намъ на свѣтѣ дороже.
Все ноетъ душа и все просится вдаль"...
И, трогая за-сердце больно,
Такая въ словахъ ихъ звучала печаль,
Что гордый равъ-Танхумъ невольно
Приблизился къ нимъ и съ привѣтомъ спросилъ:
—„Откуда-жъ вы родомъ, что здѣсь, въ благовон- [ныхъ
Садахъ моихъ, край вашъ родной вамъ такъ милъ?"
— Мы выросли оба въ Долинѣ Могилъ,
Вблизи пустыря прокаженныхъ.

МОЛИТВА.

Въ молельнѣ маленькой, убогой и унылой,
Къ амвону прислонясь поникшей головой,
Усердно молится старикъ сѣдой и хилый.
Молитвенный покровъ, какъ саванъ гробовой,
Ложится до-полу въ причудливыя складки,
И полонъ тусклый взоръ тревоги и мольбы
Предъ вѣчнымъ сумракомъ таинственной загадки,
Предъ темной волею невѣдомой судьбы.
Рожденный въ конурѣ при старой синагогѣ,
Дожившій до сѣдинъ, не видя никогда,
Какъ золотится рожь, волнуясь при дорогѣ,
Какъ искрится росой цвѣточная гряда,
Какъ наливается на вѣткѣ плодъ румяный,
Какъ зрѣетъ и растетъ подъ солнечнымъ лу- [чемъ
Тотъ хлѣбъ, тотъ горькій хлѣбъ, что весь свой вѣкъ [туманный
Онъ добывалъ съ такимъ мучительнымъ тру- [домъ,
Въ мѣстечкѣ, гдѣ кругомъ ни деревца, ни травки,
Густою тучей пыль надъ улицей плыветъ,
Два жалкихъ кабака, двѣ-три грошовыхъ лавки,
И въ нихъ весь кругъ надеждъ, и въ нихъ [вся жизнь течетъ,
И каждый новый день все тотъ же мракъ при- [сить
Съ нуждой бездомною и нищенской сумой,—
Чего желаетъ онъ? Чего у Бога проситъ?
О чемъ онъ молится—голодный и больной?
„Благослови, Господь, плодами наше лѣто—
Высокимъ колосомъ и сочною лозой;
Дай въ пору намъ дождя, и теплоты, и свѣта,
Со свѣжимъ вѣтеркомъ и теплою росой,
Да пышно зацвѣтетъ обильемъ грудь земная,
Благословенная, о, Господи, Тобой!"
Такъ молится старикъ...
Какая шутка злая!
Какая горькая насмѣшка надъ судьбой...

. . . .

Заѣзжаго двора и станціи почтовой
Посыльный, факторъ, гидъ и гончая... Всег[да]
Вездѣ поспѣетъ онъ—послушный и готовый
Польстить, покланяться и даже иногда
Побитымъ быть, коли на то Господня воля...
И не насмѣшкой ли звучитъ въ его устахъ
Молитва свѣтлая объ огородѣ, полѣ,
О тучныхъ пастбищахъ, полянахъ и лугахъ?
Минуту улучивъ, онъ въ затхломъ корридорѣ,
На черной лѣстницѣ грошовыхъ нумеровъ,
Стоитъ и молится... И въ этомъ кроткомъ взорѣ
Мольба прекраснѣе всѣхъ гимновъ и псал- [мовъ...
А вотъ, взгляните: тамъ, проселочной дорогой,

Идетъ старикъ-портной. Старикъ? Не бремя
[лѣтъ,
Ю доля темная, удѣлъ его убогій
Оставили на немъ неизгладимый слѣдъ.
Съ иглой и утюгомъ онъ странствуетъ, шагаетъ
По селамъ, хуторамъ и по людскимъ пановъ,
Кроитъ и шьетъ на всѣхъ, всю волость одѣваетъ,
Не минетъ рукъ его тамъ ни единый шовъ.
А утромъ въ пятницу, въ канунъ святой субботы,
Спѣшитъ обратно онъ въ свой бѣдный уго-
[локъ,
На сгорбленной спинѣ таща плоды работы—
Богатствомъ слободскимъ наполненный мѣ-
[шокъ:
Тамъ брюква, тамъ горохъ; тамъ крупныхъ два
[арбуза
И дыня въ золотомъ покоится пшенѣ,
Десятокъ жесткихъ грушъ, крупа и кукуруза,
И даже каравай ржаной—на самомъ днѣ.
Чего желать еще?.. И, такъ живя годами,
Подобно нищему библейской старины,
Колосья подбирать, забытые жнецами,
Онъ долженъ на поляхъ своей родной страны...
И дома, окруженъ семьею, одѣляя
Малютокъ изъ мѣшка невиданнымъ добромъ,
Онъ также молится, къ Предвѣчному взывая,
Чтобъ далъ Господь садамъ и нивамъ урожая,
И онъ, лишь изрѣдка съ семьею голодая,
Не даромъ бы бродилъ съ иглой и утюгомъ:
— „Благослови, Господь, плодами наше лѣто,
И тучнымъ колосомъ, и сочною лозой.
Дай въ пору имъ, Творецъ, и теплоты и свѣта,
Съ дождями тихими, съ обильною росой.
Да пышно зацвѣтетъ обильемъ грудь земная,
Да будетъ счастлива страна моя родная,
Кормящая меня съ малютками, съ женой,
Благословенная, о, Господи, Тобой!"

. . . .

Вотъ нищій: въ городкахъ литовскихъ,—въ тѣхъ
[печальныхъ
Пріютахъ бѣдности и нищеты, какихъ
Не встрѣтить вамъ во-вѣкъ и въ конурахъ подваль-
[ныхъ,
На чердакахъ столицъ и городовъ большихъ,—
Тамъ нищимъ онъ слыветъ; тамъ бродитъ онъ съ
[сумою
По гнѣздамъ бѣдняковъ... И онъ, возставъ
[отъ сна
И отходя ко сну, все тою же мольбою
Взываетъ къ небесамъ. Сума его полна
Объѣдковъ, отъ какихъ лишь развѣ песъ голодный
Не отвернулся бы... А на его устахъ—
Молитва чудная: о нивѣ плодородной,
О тучныхъ пастбищахъ, о гроздьяхъ и цвѣ-
[тахъ...

. . . .

Внемли же, Господи, услышь его мольбу:
Зажги надъ нимъ зарю,—и истиннаго свѣта
Да изольетъ она страдальцу и рабу,
Чтобъ наконецъ обрѣлъ онъ собственное поле,—
Въ кругу семьи родной, предъ мирнымъ оча-
[гомъ
Молитву бы читалъ въ спокойной, свѣтлой долѣ
Онъ о лозѣ своей, о колосѣ своемъ,
О тихихъ радостяхъ, что́ нынѣ въ грёзѣ смутной
Лелѣетъ онъ душой въ видѣньяхъ райскихъ
[сновъ,
О свѣтѣ и теплѣ—скиталецъ безпріютный
Среди мятелей и снѣговъ!..

. . . .

ВЕСНОЮ.

Шумъ крыльевъ молодыхъ несется надъ полями,
Воскресшихъ силъ кипитъ могучій хороводъ..
.И гонитъ звонкими струями
Весеннихъ водъ
Свободный бѣгъ
Послѣдній ледъ,
Послѣдній снѣгъ...

. . . .

Господь, Господь, не Ты-ль вѣщалъ: „Настанутъ
[годы,
Въ сердцахъ людей зажгу Я новые лучи,—
Я миръ пошлю землѣ, и копья и мечи
Въ серпы и въ сошники перекуютъ народы;
Я миръ пошлю землѣ. Надъ логовищемъ львовъ,
Гнѣздилищемъ змѣи, норою скорпіона
Уляжется дитя, какъ у родного лона,
Вкушая благодать спокойныхъ свѣтлыхъ сновъ".

. . . .

О, гдѣ-жъ онъ, свѣтлый путь къ покою и веселью?
Такой просторъ кругомъ—и мракъ такой надъ
[нимъ!..
Какія пѣсни мы поемъ надъ колыбелью?
Съ какой молитвою надъ гробомъ мы стоимъ?
Гдѣ юность вольная? Гдѣ золотые годы
Съ той звонкой пѣснею веселья и свободы,
Которой бы звучать, кипѣть и бить волной
Надъ этой сочною, упругой цѣлиной,
Надъ ширью этихъ рѣкъ, надъ этими лѣсами,
Гдѣ нынѣ мы стоимъ, поникнувъ головами,
Среди руинъ разбитыхъ грёзъ,
Съ душой запуганной, съ безсильными руками
И ѣдкой горечью невыплаканныхъ слезъ!..

LXXXII.

Константинъ Михайловичъ Фофановъ.

Род. 1862.

Выступилъ въ печати въ 1882 году; наибольшій успѣхъ относится къ концу 80-хъ, началу 90-хъ годовъ, когда высокій гражданскій и идейный подъемъ окончательно уступилъ въ нашемъ обществѣ мѣсто унынію и реакціи. Муза г. Фофанова, по природѣ своей чуждая всякой идейности, отрѣшенная отъ условій какого-либо опредѣленнаго времени и витающая въ надзвѣздныхъ сферахъ, пришлась какъ разъ по плечу этой межеумочной эпохѣ и была провозглашена огромнымъ поэтическимъ явленіемъ. На самомъ дѣлѣ, это только красивая, милая, но вполнѣ микроскопическая звѣздочка на нашемъ поэтическомъ небѣ... Всего охотнѣе воспѣваетъ г. Фофановъ весну, луну, цвѣты, звѣзды, ангеловъ, мечты о загробномъ мірѣ, отравленную любовь, ужасы безумія, и эти ультраромантическіе мотивы умѣетъ облекать порой въ нѣжныя, музыкальныя мелодіи; но губитъ его страшная небрежность формы, ремесленничество, заставляющее писать безчисленное множество стихотвореній, три четверти которыхъ — достояніе макулатуры.

---

* * *

Звѣзды ясныя, звѣзды прекрасныя
Нашептали цвѣтамъ сказки чудныя;
Лепестки улыбнулись атласные,
Задрожали листы изумрудные.
И цвѣты, опьяненные росами,
Разсказали вѣтрамъ сказки нѣжныя—
И распѣли ихъ вѣтры мятежные
Надъ землей, надъ волной, надъ утесами.
И земля, подъ весенними ласками
Наряжаяся тканью зеленою,
Переполнила звѣздными сказками
Мою душу безумно влюбленную.
И теперь, въ эти дни многотрудные,
Въ эти темныя ночи ненастныя,
Отдаю я вамъ, звѣзды прекрасныя,
Ваши сказки задумчиво-чудныя!

ЛѢТНІЯ КАРТИНКИ.

Даль темнѣетъ; аромата
Полонъ воздухъ; стынетъ жаръ...
Вотъ и перваго раската
Освѣжающій ударъ.
Пыль взметнулась по дорогѣ;
Листья шепчутся въ тревогѣ
И, кружась, летятъ въ потокъ.
Вновь ударъ! То, раздвигая
Кущи радужнаго рая,
Мчится по небу пророкъ
На пурпурной колесницѣ
Въ парѣ огненныхъ коней;
Въ золотыхъ рукахъ возницы
Змѣи бѣлыя зарницы
Вмѣсто шелковыхъ возжей...
Громъ умолкъ—и снова ярко
Блещетъ солнце на луга,
И горитъ на небѣ арка—

Семицвѣтная дуга.
Даль лазурна и багряна...
Въ урнѣ пышнаго тюльпана
Серебрятся капли слезъ.
Весь заплаканъ садъ зеленый;
Слезы смигиваютъ клены
На подушки алыхъ розъ;
Порвана послѣдней тучки
Легко-дымчатая ткань...
. . . .

---

* * *

...ъ дѣва грустная въ нарядѣ подвѣнечномъ,
...ъ вешняя глядитъ ко мнѣ въ окно.
...лышу музыку въ біеніи сердечномъ—
...пережитое въ душѣ озарено.
...ко мнѣ!.. Но мечты волнуются неясно,
...ъ будто чья-то тѣнь поникла на плечо
...манитъ въ даль меня такъ ласково, такъ властно,
...манитъ, и поетъ, и дышетъ горячо...

---

* * *

Мы при свѣчахъ болтали долго
О томъ, что міръ порабощенъ
Кошмаромъ мелочнаго торга,
Что чудныхъ сновъ не видитъ онъ;
О томъ, что терніемъ повита
Святая правда нашихъ дней,
О томъ, что свѣтлое разбито
Напоромъ бѣшеныхъ страстей.
Но на прощанье мы сказали
Другъ другу: „Будетъ время—свѣтъ
Блеснетъ, пройдутъ года печали,
Борцовъ исполнится завѣтъ!“
И, весь растроганный мечтами,
Я тихо вышелъ на крыльцо;
Пахнулъ холодными волнами
Осенній вѣтеръ мнѣ въ лицо.
Дремала улица безгласно,
На небѣ не было огней;
Но было мнѣ тепло и ясно:
Я солнце несъ въ душѣ своей!

---

* * *

...олица бредила въ чаду своей тоски,
Гонясь за куплей и продажей;
...щественныхъ каретъ болтливые звонки
Мѣшались съ лязгомъ экипажей.
...женью пестрому не видѣлось конца;
Ночныя сумерки сползали,
...газовыхъ рожковъ блестящія сердца
Въ зеркальныхъ окнахъ трепетали.

Я шелъ разсѣянно: аккорды суеты
Мой робкій слухъ не волновали,
И жадно мчались въ даль завѣтныя мечты
На крыльяхъ сумрачной печали.
Я видѣлъ серебро сверкающихъ озеръ,
Сережки вербы опушенной,
И сѣрыхъ деревень заплаканный просторъ,
И въ блѣдной дали лѣсъ зеленый.
И вѣяло въ лицо мнѣ запахомъ полей,
Смущало сердце вдохновенье,
И ангелъ родины незлобивой моей
Мнѣ въ душу слалъ благословенье.

---

* * *

Мнѣ снилось: надъ моимъ холмомъ,
Гдѣ схоронёнъ былъ я,
Блестя атласнымъ серебромъ,
Вилась, ползла змѣя;
Шуршала сорная трава,
И на вѣтвяхъ сосны
Печально плакала сова
Въ мерцаніи луны.
А тамъ, гдѣ ты спала, мой другъ,
Безгрѣшный ангелъ мой,
Тамъ ликовало все вокругъ
Безсмертною весной.
Тамъ бѣлой лиліи бокалъ
Поилъ усталыхъ пчелъ,
Тамъ лучъ пурпуровый блисталъ,
Тамъ садъ волшебный цвѣлъ.

---

* * *

Потуши свѣчу, занавѣсь окно—
По постелямъ всѣ разбрелись давно.
Только мы не спимъ; самоваръ погасъ;
За стѣной часы бьютъ четвертый разъ.
До полуночи мы украдкою
Увлекалися рѣчью сладкою:
Мы замыслили много чистыхъ дѣлъ...
До утра-бъ сидѣть—да всему предѣлъ.
Ты задумался, я сижу—молчу...
Занавѣсь окно, потуши свѣчу!

---

* * *

У поэта два царства: одно, изъ лучей,
Ярко блещетъ—лазурное, ясное,
А другое—безмѣсячной ночи темнѣй,
Какъ глухая темница, ненастное.
Въ темномъ царствѣ влачится рядъ пасмурныхъ [дней,
А въ лазурномъ—мгновенье прекрасное...

* * *

Подъ напѣвъ молитвъ пасхальныхъ
И подъ звонъ колоколовъ,
Къ намъ летитъ весна изъ дальнихъ,
Изъ полуденныхъ краевъ.
Въ зеленѣющемъ уборѣ
Млѣютъ темные лѣса:
Небо блещетъ, точно море,
Море—точно небеса.
Сосны—въ бархатѣ зеленомъ,
И душистая смола
По чещуйчатымъ колоннамъ
Янтарями потекла.
И въ саду у насъ сегодня
Я замѣтилъ, какъ тайкомъ
Похристосовался ландышъ
Съ бѣлокрылымъ мотылькомъ.

* * *

Мнѣ все равно, куда направить путь -
Въ геенну золъ, иль къ небу голубому.
Такъ облачко спѣшитъ куда-нибудь,
Подъ солнцемъ золотя кочующую грудь,
Не зная пристани и дому!
Его волна морская родила
Въ палящій зной, лобзаяся съ лучами,
И въ утра часъ туманомъ вознесла
На небеса—слѣдить полетъ орла
И воздухъ ткать вечерними тѣнями.
Надъ гладью нивъ, надъ зеркаломъ озеръ
Оно равно растаетъ и прольется,
И окропитъ волнующійся боръ,
И побѣжитъ ручьемъ со скатовъ горъ
И вновь съ морской волной сольется!
И я плыву—невѣдомо куда!
Я, вѣчностью заброшенный случайно
Въ нашъ гнѣвный міръ, въ міръ скорби и стыда,
Какъ облако, растаю безъ слѣда
И съ вѣчностью опять сольюсь, какъ тайна.

* * *

Отзвучали струны сердца,
Догорѣли краски дня;
Нѣтъ огней въ природѣ сонной,
Нѣтъ въ душѣ моей огня.
Только гдѣ-то сиротливо
Въ блѣдномъ сонмѣ думъ моихъ
Брежжетъ свѣтъ воспоминанья,
Какъ звѣзда небесъ ночныхъ.
И томительно, и сладко
Воскресаютъ предо мной
Слезы прежняго страданья,
Пѣсни радости былой...
Такъ послѣднимъ блескомъ тлѣетъ
Подъ золою уголекъ,
Такъ подъ первымъ снѣгомъ дышетъ
Поздней осени цвѣтокъ!

ИЗЪ ОСЕННИХЪ МЕЛОДІЙ.

... Печальный реквіемъ звучитъ повсюду мнѣ:
И въ шорохѣ листовъ, шуршащихъ подъ ногами,
И въ шумѣ позднихъ пчелъ надъ поздними цвѣтами,
И въ крикѣ журавлей, летящихъ въ вышинѣ!
Прощай до вешнихъ дней, суровая краса
Таинственныхъ лѣсовъ! Прощайте, небеса
Съ улыбкою зари! Прощайте вы, зарницы!
Прощай, раскатъ громовъ,—я вѣрю, будетъ день,
Ты снова прогремишь, чтобъ вызвать изъ гробницы
Развѣнчанной весны оправданную тѣнь!..

* * *

Въ ея душѣ—разладъ,
Печаль—въ ея мечтахъ;
Кому же нѣжный взглядъ,
Улыбка на устахъ?
Безмолвная, какъ тѣнь,
Она сидитъ въ саду
И смотритъ чрезъ плетень
Въ томительномъ бреду.
Все ждетъ и ждетъ она—
Невѣдомо кого,
И въ часъ, когда грустна,
Не знаетъ—отчего.
Вчера, когда закатъ,
Алѣя, догоралъ
И на больничный садъ
Прозрачный саванъ ткалъ,
Какъ лилія блѣдна,
Блуждая въ полуснѣ,
Запѣла пѣснь она
Въ рѣшетчатомъ окнѣ.
Та пѣснь была—не пѣснь,
А слезы или кровь,
Ужасна, какъ болѣзнь,
И знойна, какъ любовь!

* * *

... Мой міръ угрюмъ, какъ темный скитъ,
И блѣдный день меня томитъ,
И ночи нѣтъ!

Я стражду, плачу и молюсь—
Зову забвенье и боюсь
Глядѣть на свѣтъ!
Растетъ холодная печаль,—
Зіяетъ призрачная даль,
Какъ злая пасть
Глубокой бездны,—я молюсь,—
И все робѣю, все боюсь
Въ нее упасть.

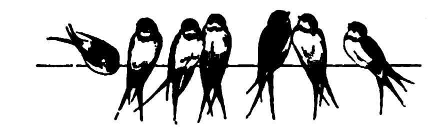
---

* * *

...ерняя звѣзда, звѣзда моей печали,
...глася и горитъ межъ дымныхъ облаковъ,—
... встрѣчу ей огни земные заблистали,
...ни труда, моленій и пировъ.
... не для нихъ мучительно и властно
... моей душѣ мечта пробуждена:
...нная ложь съ мечтами не согласна
...пѣснями не тѣшится она.
...ня влечетъ звѣзда моей печали,
... пѣсни ей пою я въ полуснѣ,
... лучи мнѣ тайну нашептали
Иныхъ огней въ волшебной сторонѣ,—
Иныхъ огней, на алтарѣ небесномъ
Пылающихъ измученнымъ очамъ
Земныхъ борцовъ—сіяньемъ неизвѣстнымъ,
Лишь въ смутныхъ снахъ являющимся намъ...

СТАНСЫ.

Мой другъ, у нашего порога
Стучится блѣдная нужда;
Но ты не бойся, ради Бога,
Ея—сподвижницы труда.
При ней звучнѣе пѣснь поэта,
И лампа поздняя моя
Горитъ до бѣлаго разсвѣта,
Какъ лучъ иного бытія.
И міръ иной передъ очами—
То міръ восторговъ и чудесъ,
Гдѣ плачутъ чистыми слезами
Во имя правды и небесъ.
То міръ, ниспосланный отъ Бога
Для утѣшенья... И тогда
Стучится слава у порога,
И плачетъ блѣдная нужда!



LXXXIII.

Дмитрій Сергѣевичъ Мережковскій.

Род. 1866.

Г. Мережковскій, выступившій въ печати въ первой половинѣ 80-хъ годовъ, всецѣло примыкалъ въ то время къ школѣ „гражданской поэзіи“. Первый его сборникъ (1888 г.), правда, не обнаруживалъ особенной самостоятельности и яркости таланта, но подкупалъ душевной свѣжестью, искренной гуманностью мотивовъ.

Но вотъ умеръ Надсонъ, сошелъ со сцены Плещеевъ (друзья и учителя г. Мережковскаго)—и впечатлительный поэтъ, какъ утлый челнокъ безъ руля, отдался прихоти теченія... И въ какихъ только лагеряхъ не побывалъ съ тѣхъ поръ г. Мережковскій! Какимъ богамъ не молился! Былъ эстетомъ, ничшеанцемъ, символистомъ, демономаномъ, въ настоящее время—вернулся, повидимому, въ лоно христіанства и православія... Въ выпущенномъ недавно новомъ сборникѣ стихотвореній онъ отрекается отъ большей части прежнихъ своихъ поэтическихъ опытовъ,—какъ разъ отъ того самаго, на чемъ, по нашему мнѣнію, лежитъ печать истинной поэзіи, а не холодной и надуманной реторики...

Какъ романистъ, г. Мережковскій извѣстенъ исторической трилогіей „Смерть боговъ“, но книжная эрудиція и тенденція явно перевѣшиваютъ въ ней художественный элементъ.

* * *

И хочу, но не въ силахъ любить я людей:
Я чужой среди нихъ! Сердцу ближе друзей—
Звѣзды, небо, холодная, синяя даль,
И лѣсовъ, и пустыни нѣмая печаль...
Не наскучитъ мнѣ шуму деревьевъ внимать,
Въ сумракъ ночи могу я смотрѣть до утра
И о чемъ-то такъ сладко, безумно рыдать,
Словно вѣтеръ мнѣ братъ, и волна мнѣ сестра,
И сырая земля мнѣ родимая мать...
А межъ тѣмъ, не съ волной и не съ вѣтромъ мнѣ [жить,
И мнѣ страшно всю жизнь не любить никого.
Неужели навѣкъ мое сердце мертво?..
Дай мнѣ силы, Господь, моихъ братьевъ любить!

——

РОДИНА.

Надъ нѣмымъ пространствомъ чернозема,
Словно уголь, вырѣзаны въ тверди—
Темныхъ избъ подгнившая солома,
Старыхъ крышъ разобранныя жерди.
Солнце грустно въ тучу опустилось,
Не дрожитъ печальная осина,
Въ мутной лужѣ небо отразилось,
И на всемъ—знакомая кручина...
Каждый разъ, когда смотрю я въ поле,
Я люблю мою родную землю;
Хорошо и грустно мнѣ до боли,—
Словно тихой жалобѣ я внемлю.
Въ сердцѣ—миръ, печаль и безмятежность,
Умолкаетъ жизненная битва..
А въ груди задумчивая нѣжность
И простая дѣтская молитва.

НА ПТИЧЬЕМЪ РЫНКѢ.
(изъ Анри Казалиса).

Тоскуя въ клѣткѣ, опустилъ
Орелъ безпомощныя крылья,
Зрачки лѣниво онъ смежилъ
Въ тупомъ отчаяньи безсилья...
А рядомъ—мирный уголокъ,
Гдѣ, о свободѣ не горюя,
Съ голубкой счастливъ голубокъ,
Цѣлуясь, нѣжась и воркуя.
И, полонъ дикой красоты,
Порой кидаетъ взоръ надменный
Орелъ на ласки той четы,
Ничтожной, пошлой и блаженной!

———

* * *

...ыя сосны на бѣлый песокъ
Кинули странныя тѣни;
...ныя крылья сложилъ вѣтерокъ,
Полонъ задумчивой лѣни.
... чуть дышетъ... Въ объятьяхъ волны
Небо таинственно дремлетъ,
...новенью святой тишины
Сердце усталое внемлетъ.

———

* * *

...очамъ вѣтерокъ не коснется чела,
На балконѣ свѣча не мерцаетъ,
...къ бѣлыхъ гардинъ темно-синяя мгла
Тихо первой звѣзды ожидаетъ.
...трамъ открываю окно и гляжу,
Распустились ли гроздья сирени;
...зъ дѣла въ поляхъ цѣлый день я брожу,
Полонъ кроткой, чарующей лѣни.
...но съ кѣмъ-то живымъ говорю я въ лѣсахъ,
Непонятной тоской опьяненный,
... моихъ одинокихъ, безумныхъ мечтахъ
Безъ любви—я живу, какъ влюбленный...

———

* * *

...асковый вечеръ съ землею прощался.
...ъ шелохнуться не смѣлъ въ ожиданьи.
...отъ телѣги вдали раздавался...
...ды, дрожа, выступали въ молчаньи.
...инее небо—глубоко и странно;
...е смотри ты въ него такъ пытливо,
...е ищи въ немъ разгадки желанной:
...е небо, какъ гробъ, молчаливо!

———

* * *

Задумчивый Сентябрь роскошно убираетъ
Лѣса увядшіе багряною листвой;
Такъ мертвое дитя для гроба украшаетъ
Рыдающая мать цвѣтами и парчей.
Гляжу на блѣдные, лазуревые своды
Безжизненныхъ небесъ—и чувствую въ тиши
Согласье тайное измученной души
И умирающей природы.

———

* * *

Кроткій вечеръ тихо угасаетъ
И, предъ смертью, ласкою нѣмой
На одно мгновенье примиряетъ
Небеса съ измученной землей.
Въ просвѣтленной, трогательной дали,
Что неясна, какъ мечты мои,—
Не печаль, а только слѣдъ печали,
Не любовь, а только тѣнь любви.
И порой въ безжизненномъ молчаньи,
Какъ изъ гроба, вѣетъ съ высоты
Мнѣ въ лицо холодное дыханье
Безграничной, мертвой пустоты...

———

* * *

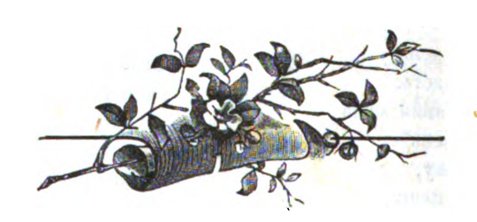
Если розы тихо осыпаются,
Если звѣзды меркнутъ въ небесахъ,
Объ утесы волны разбиваются,
Гаснетъ лучъ зари на облакахъ,—
Это смерть, но безъ борьбы мучительной:
Эта смерть, плѣняя красотой,
Обѣщаетъ отдыхъ упоительный—
Лучшій даръ природы всеблагой.
У нея, наставницы божественной,
Научитесь, люди, умирать,
Чтобъ съ улыбкой кроткой и торжественной
Свой конецъ безропотно встрѣчать!

———

САКЬЯ-МУНИ.

По горамъ, среди ущелій темныхъ,
Гдѣ ревѣлъ осенній ураганъ,
Шла въ лѣсу толпа бродягъ бездомныхъ
Къ водамъ Ганга изъ далекихъ странъ.
Подъ лохмотьями худое тѣло
Отъ дождя и вѣтра посинѣло:
Ужъ они не видѣли два дня
Ни пріютной кровли, ни огня.
Межъ деревъ, во мракѣ непогоды,
Что-то тамъ мелькнуло на пути:
Это храмъ—они вошли подъ своды,

Чтобы въ немъ убѣжище найти.
Передъ ними на высокомъ тронѣ—
Сакья-Муни, каменный гигантъ.
У него въ порфировой коронѣ—
Исполинскій чудный брилліантъ.
Говоритъ одинъ изъ нищихъ: „Братья,
Ночь темна, никто не видитъ насъ,
Много хлѣба, серебра и платья
Намъ дадутъ за дорогой алмазъ.
Онъ не нуженъ Буддѣ: свѣтятъ краше
У него, царя небесныхъ силъ,
Груды брилліантовыхъ свѣтилъ
Въ ясномъ небѣ, какъ въ лазурной чашѣ...“
Поданъ знакъ, и вотъ ужъ по землѣ
Воры тихо крадутся во мглѣ.
Но когда дотронуться къ святынѣ
Трепетной рукой они хотятъ,—
Вихрь, огонь и громовой раскатъ,
Повторенный откликомъ въ пустынѣ,
Далеко откинулъ ихъ назадъ.
И отъ страха все окаменѣло...
Лишь одинъ, спокойно-величавъ,
Изъ толпы впередъ выходитъ смѣло.
Говоритъ онъ Богу: „Ты не правъ!
Или намъ жрецы твои солгали,
Что ты кротокъ, милостивъ и благъ,
Что ты любишь утолять печали
И, какъ солнце, побѣждаешь мракъ?
Нѣтъ, ты мстишь намъ за ничтожный камень,
Намъ, въ пыли простертымъ предъ тобой,
Но, какъ ты, съ безсмертною душой!
Что за подвигъ сыпать громъ и пламень
Надъ безсильной, жалкою толпой...
О, стыдись, стыдись, владыка неба,
Ты воспрянулъ, грозенъ и могучъ,
Чтобъ отнять у нищихъ корку хлѣба!
Царь царей, сверкай изъ темныхъ тучъ,
Грянь въ безумца огненной стрѣлою,—
Я стою, какъ равный, предъ тобою
И, высоко голову поднявъ,
Говорю предъ небомъ и землею:
Самодержецъ міра, ты не правъ!“
Онъ умолкъ—и чудо совершилось:
Чтобы снять алмазъ они могли,
Изваянье Будды преклонилось
Головой вѣнчанной до земли.
На колѣняхъ, кроткій и смиренный,
Предъ толпою нищихъ—царь вселенной,
Богъ, великій Богъ лежалъ въ пыли



LXXXIV.

Алексѣй Николаевичъ Апухтинъ.

1841 — 1891.

Еще въ 1859 году появившись въ печати первыми стихотвореніями, Апухтинъ въ юмъ времени надолго замолкъ и снова ать печататься (да и то безъ подписи) не ыше 1872 года. Только въ 1886 г. выхоь первый его сборникъ, и только съ этого иени имя Апухтина, давно уже извѣстное бранным", становится „знаменитымъ". інно къ сѣрымъ, прозаическимъ буднямъ ца 80-хъ годовъ, какъ нельзя болѣе, и подходитъ эта безкрылая, безсильно ноющая поэзія,—поэзія такъ называемаго „свѣта", съ его пустой и безсодержательной жизнью, съ „ночами безумными, ночами безсонными" въ началѣ, безплодными сожалѣніями и томительной скукой—въ концѣ.

Форма Апухтина не отличается особенной яркостью; прозаичность и растянутость—ея коренные недостатки.

* * *

и безумныя, ночи безсонныя,
и несвязныя, взоры усталые...
и, послѣднимъ огнемъ озаренныя,
ни мертвой цвѣты запоздалые!
ъ даже время рукой безпощадною
указало, что̀ было въ васъ ложнаго,—
же лечу я къ вамъ памятью жадною,
прошломъ отвѣта ищу невозможнаго!
дчивымъ шепотомъ вы заглушаете
и дневные несносные, шумные,
тихую ночь вы мой сонъ отгоняете,
и безсонныя, ночи безумныя...

* * *

е побѣдилъ, роковую любовь,
билъ ее, злую змѣю,
безъ жалости жадно пила мою кровь,
измучила душу мою!
ободенъ, спокоенъ опять—
е радостенъ этотъ покой.
ночью начну я въ мечтахъ засыпать,—
сидишь, какъ бывало, со мной.
мерещутся снова они—
жаркіе лѣтніе дни,
Эти долгія ночи безсонныя,
Безмятежныя моря струи,
Поцѣлуи и ласки твои,
Тихимъ смѣхомъ твоимъ озаренныя.
А проснулся я—ночь, какъ могила, темна,
И подушка моя холодна...
И мнѣ некому сердце излить,
И напрасно молю я волшебнаго сна,
Чтобъ на мигъ мою жизнь позабыть.
Если-жъ многіе дни безъ свиданья пройдутъ,
Я тоскую, не помня измѣнъ и обидъ;
Если пѣсню, что̀ любишь ты, вдругъ запоютъ,
Если имя твое невзначай назовутъ—
Мое сердце, какъ прежде, дрожитъ.
Укажи же мнѣ путь, назови мнѣ страну,
Гдѣ прошедшее я прокляну,
Гдѣ бы могъ не рыдать я, съ безумной тоской,
Въ одинокій полуночный часъ,
Гдѣ бы образъ твой, нѣкогда мнѣ дорогой,
Поблѣднѣлъ и погасъ!
Куда скрыться мнѣ?—Дай же отвѣтъ!!...
Но отвѣта не слышно, страны такой нѣтъ,
И, какъ перлы въ загадочной безднѣ морей,
Какъ на небѣ вечернемъ звѣзда,—
Противъ воли моей, противъ воли твоей,
Ты со мною вездѣ и всегда!

* * *

О, Боже, какъ хорошъ прохладный вечеръ лѣта,
Какая тишина!
Всю ночь я просидѣть готовъ бы до разсвѣта
У этого окна.
Какой-то темный ликъ мелькаетъ по аллеѣ,
И воздухъ недвижимъ,
И кажется, что тамъ еще, еще темнѣе,
За садомъ молодымъ.
Ужъ поздно... Все сильнѣй цвѣтовъ благоуханье,
Сейчасъ взойдетъ луна...
На небесахъ покой, а на землѣ молчанье,
И всюду тишина.
Давно ли въ этотъ садъ, въ чудесный вечеръ мая,
Входили мы вдвоемъ?
О, сколько, сколько разъ его мы, не смолкая,
Бывало, обойдемъ!
И вотъ я здѣсь одинъ, съ измученной, усталой,
Разбитою душой.
Мнѣ хочется рыдать, припавши, какъ бывало,
Къ груди твоей родной...
Я жду... Но не слыхать знакомаго привѣта,
Душа болитъ одна...
О, Боже, какъ хорошъ прохладный вечеръ лѣта!
Какая тишина!

——

ПРОСЕЛОКЪ.

По Руси великой, безъ конца, безъ края,
Тянется дорожка, узкая, кривая,
Чрезъ лѣса да рѣки, по лугамъ, по нивамъ,
Все бѣжитъ куда-то шагомъ торопливымъ.
И чудесъ хоть мало встрѣтишь той дорогой,
Но мнѣ милъ и близокъ видъ ея убогій.
Утро ли займется на небѣ румяномъ,
Вся она росою блещетъ подъ туманомъ;
Вѣтерокъ разноситъ изъ поляны сонной
Скошеннаго сѣна запахъ благовонный;
Все молчитъ, все дремлетъ—въ утреннемъ покоѣ
Только ржи мелькаетъ море золотое,
И куда ни глянешь освѣженнымъ взоромъ,
Отовсюду вѣетъ тишью да просторомъ.
На гору-ль взъѣзжаешь, за горой селенье
Съ церковью зеленой видно въ отдаленьи.
Ни садовъ, ни рѣчки; въ рощѣ невысокой
Липа да орѣшникъ разрослись широко,
А вдали, надъ прýдомъ, высится плотина...
Бѣдная картина! Милая картина!...
Вотъ навстрѣчу бодро мужичокъ шагаетъ,
Съ дикимъ воплемъ стадо путь перебѣгаетъ;
Жарко... День, краснѣя, всходитъ понемногу...
Скоро на большую выѣдемъ дорогу.
Тамъ стоятъ ракиты, по порядку, чинно,
Тянутся обозы вереницей длинной,
Изъ столицъ идетъ тамъ всякая новинка...
Тамъ ты и заглохнешь, русская тропинка!
По Руси великой, безъ конца, безъ края,
Тянется дорожка, узкая, кривая.
На большую съѣхалъ: впереди застава,
Сзади пыль да версты... Смотришь, а направо
Снова вьется путь мой лентою узорной,—
Тотъ же прихотливый, тотъ же непокорный!

——

ПАМЯТИ Ѳ. И. ТЮТЧЕВА.

Ни у домашняго простого камелька,
Ни въ шумѣ свѣтскихъ фразъ и суеты салонной
Намъ не забыть его, сѣдого старика
Съ улыбкой ѣдкою, съ душою благосклонной.
Лѣнивой поступью прошелъ онъ жизни путь,
Но мыслью обнялъ все, чтó на пути замѣтилъ,
И передъ тѣмъ, какъ сномъ послѣднимъ отдохнуть,
Онъ былъ, какъ голубь, чистъ и, какъ младенецъ, [свѣтелъ.

. . . .

Вы помните его среди его друзей?
Какъ мысли сыпались, нежданныя, живыя,
Какъ забывали мы подъ звукъ его рѣчей
И вечеръ длившійся, и годы прожитые!
Въ немъ злобы не было; когда-жъ онъ говорилъ,
Язвительно смѣясь надъ раболѣпнымъ вѣкомъ,
То самый смѣхъ его насъ съ жизнью мирилъ,
А свѣтлый ликъ его мирилъ насъ съ человѣкомъ.

——

* * *

Въ убогомъ рубищѣ, недвижна и мертва,
Она покоилась среди пустого поля;
Къ бревну прислонена, лежала голова...
Какая выпала вчера ей злая доля?
Зашибъ ли хмѣль ее среди вечерней тьмы,
Испуганный ли воръ хватилъ ее въ смятеньи,
Недугъ ли поразилъ,—еще не знали мы,
И уловить въ лицѣ старались выраженье.
Но вѣяло оно покоемъ неземнымъ...
Народъ стоялъ кругомъ, какъ бы дивяся чуду,
И каждый клалъ свой грошъ въ одну больш[ую] [груду.
И деньги сыпались къ устамъ ея нѣмымъ.
Вчера ихъ вымолить она бы не сумѣла...
Да, эти щедрые и поздніе гроши,
Чтó, можетъ быть, спасли-бъ нуждавшееся тѣло,
Народъ охотнѣе бросаетъ для души...
Былъ чудный вешній день. По кочкамъ зеленѣли
Побѣги свѣжіе рождавшейся травы,
И дѣти бѣгали, и жаворонки пѣли...
Прохладный вѣтерокъ, вкругъ мертвой головы
Космами жидкими волосъ ея играя,
Казалось, лепеталъ о счастьи и веснѣ,

ebo синее въ прозрачной вышинѣ
ялось надъ землей, какъ эпиграмма злая!

СЪ КУРЬЕРСКИМЪ ПОѢЗДОМЪ.

I.

у, какъ мы встрѣтимся?" Невольно думалъ онъ,
снѣгу рыхлому къ вокзалу подъѣзжая:
къ я не юноша и вовсе не влюбленъ...
чѣмъ же я дрожу? Ужели страсть былая
пять, какъ ураганъ, ворвется въ грудь мою,
ль только разожгли меня воспоминанья?"
опустился онъ на мерзлую скамью,
полненъ жгучаго, нѣмого ожиданья.
вно, давно, еще студентомъ молодымъ,
ъ съ нею встрѣтился въ глуши деревни дальной
томъ, какъ онъ любилъ и какъ онъ былъ лю-
[бимъ
обовью первою, глубокой, идеальной,
къ планы смѣлые чертила съ нимъ она,
еѣ и любви всѣмъ жертвовать умѣя,—
ю то никто не зналъ, а знала лишь одна
сокихъ тополей тѣнистая аллея.
ришлось разстаться имъ; прошелъ несносный годъ.
ъ курсъ уже кончалъ, и новой, лучшей доли
ла близка пора... И вдругъ онъ узнаетъ,
ю замужемъ она, и вышла противъ воли.
ть не сошелъ съ ума, едва не умеръ онъ,
валъ нелѣпые, безумные обѣты,
отомъ оправился... Съ прошедшимъ примиренъ,
исалъ ей изрѣдка и получалъ отвѣты;
отомъ, въ тупой борьбѣ съ лишеньями, съ нуждой,
рошли безцвѣтные, томительные годы;
ъ привыкалъ къ цѣпямъ, и образъ дорогой
ишь изрѣдка блестѣлъ лицомъ былой свободы.
отомъ блѣднѣлъ, блѣднѣлъ, потомъ совсѣмъ угасъ.
вотъ, какъ одержалъ надъ сердцемъ онъ побѣду,
къ въ тинѣ жизненной по горло онъ погрязъ,—
ругъ вѣсть нежданная: „Мужъ умеръ, и я ѣду".
. . . .

II.

Ну, какъ мы встрѣтимся?" Такъ думала она,
Пока на всѣхъ парахъ курьерскій поѣздъ мчался.
жъ зимній день глядѣлъ изъ тусклаго окна,
Но убаюканный вагонъ не просыпался.
Старалась и она заснуть въ ночной тиши,
Но сонъ, упрямый сонъ бѣжалъ все время мимо:
Со дна глубокаго взволнованной души
Воспоминанія рвались неудержимо.
Курьерскимъ поѣздомъ, спѣша Богъ вѣсть куда,
Промчалась жизнь ея безъ смысла и безъ цѣли.
Когда-то, въ лучшіе, забытые года
И въ ней горѣлъ огонь, и въ ней мечты кипѣли!
Былъ человѣкъ одинъ... Тотъ понялъ, тотъ любилъ...
А чѣмъ она ему отвѣтила?—Обманомъ...
Что-жъ дѣлать? Для борьбы ей не хватило силъ,
Да и могла-ль она бороться съ цѣлымъ станомъ?
И вотъ, увидѣться имъ снова суждено...
Какъ встрѣтятся они? Онъ находилъ когда-то
Ее красавицей, но это такъ давно...
Измѣнятъ хоть кого утрата за утратой!
А впрочемъ... Не блестя, какъ прежде, красотой,
Черты остались тѣ-жъ, и то же выраженье...
И стало весело ей вдругъ при мысли той,—
Все оживилося въ ея воображеньи!
Сидѣвшій близъ нея и спавшій пассажиръ
Качался такъ смѣшно, съ осанкой генерала,
Что, глядя на него и на его мундиръ,
Богъ знаетъ отчего, она захохотала.
Но вотъ проснулись всѣ,—теперь ужъ не заснуть...
Кондукторъ отобралъ съ достоинствомъ билеты;
Вотъ фабрики пошли, свистокъ,—и конченъ путь.
Объятья, возгласы, знакомые привѣты...
Но гдѣ же, гдѣ же онъ? Не видно за толпой,
Но онъ, конечно, здѣсь... О Боже, неужели
Тотъ, что глядитъ сюда, вонъ этотъ пожилой,
Съ очками синими и въ мѣховой шинели?

III.

И встрѣтились они, и поняли безъ словъ,
Пока слова текли обычной чередою,
Что бремя прожитыхъ безсмысленно годовъ
Межъ ними бездною лежало роковою.
О, никогда еще потраченные дни
Среди чужихъ людей, въ тоскѣ уединенья,
Съ такою ясностью не вспомнили они,
Какъ въ это краткое и горькое мгновенье!
Недаромъ злая жизнь ихъ гнула до земли,
Забрасывая ихъ слоями грязи, пыли...
Заботы на лицѣ морщинами легли,
И думы серебромъ ихъ головы покрыли!
И поняли они, что жалки ихъ мечты,
Что подъ туманами осенняго ненастья
Они—поблекшіе и поздніе цвѣты—
Не возродятся вновь для солнца и для счастья.
И вотъ, рука въ рукѣ и взоры опустивъ,
Они стоятъ въ толпѣ, боясь прервать молчанье...
И въ глубь минувшаго, въ сердечный ихъ архивъ
Уже уходитъ прочь еще воспоминанье!
Ему припомнилась та мерзлая скамья,
Гдѣ ждалъ онъ поѣзда въ волненіи томящемъ,
Она же думала, тревогу затая:
„Какъ было хорошо, когда въ вагонѣ я
„Смѣялась отъ души надъ пассажиромъ спящимъ!"

LXXXV.

Гр. Арсеній Аркадьевичъ Голенищевъ-Кутузовъ.

Род. 1848.

Свѣжимъ дыханіемъ молодости вѣяло отъ перваго сборника г. Голенищева-Кутузова, выпущеннаго въ 1878 г.: рядомъ съ красивыми описаніями родной природы, явственно звучали тамъ и гражданскія ноты—любви къ родинѣ, долга передъ народомъ. Но съ половины 80-хъ годовъ альтруистическіе мотивы исчезаютъ, бодрость смѣняется уныніемъ и отчаяніемъ, и г. Голенищевъ-Кутузовъ, п[о] опредѣленію Владиміра Соловьева, становит[ся] пѣвцомъ смерти и буддійской нирваны...

Талантъ, съ внѣшней стороны болѣе бл[е]стящій, нежели Апухтинъ, — подобно по[]слѣднему, г. Голенищевъ-Кутузовъ являетс[я] выразителемъ внутренней пустоты и духовна[го] безсилія такъ называемаго свѣта.

---

* * *

Не пеняй на меня, мой взыскательный другъ,
За мою нищету и безсилье:
Ослѣпили меня, обступили вокругъ
Стѣны крѣпкія, мракъ и насилье.
Но, повѣрь, недалекъ обновленія день,
И сломаю я крѣпкую стѣну,
И покину тюрьмы непривѣтную сѣнь
И паломника ризу надѣну.
Отъ шумящихъ столицъ далеко, далеко
Я уйду, строгой думой объятый,—
Въ душу родины тамъ загляну глубокó,
Заберуся въ землянки и хаты.
Нищеты и терпѣнья загадочный ликъ
Разгляжу при мерцаньи лучины,
Въ кабакѣ придорожномъ подслушаю крикъ
Безнадежной и пьяной кручины.
И, вернувшись назадъ, тебѣ пѣсню спою—
Не такую, какъ пѣлъ я донынѣ,—
Нѣтъ, услышавъ тогда эту пѣсню мою,
Ты поклонишься ей, какъ святынѣ!

1878.

---

* * *

Порой, среди толпы ликующей и праздной,
Нарядной суетой объятъ со всѣхъ сторонъ,
Унылъ и одинокъ, я слышу—безотвязный
Звучитъ не то напѣвъ, не то призывъ, иль стонъ;
Звучитъ, какъ темное сознаніе невзгоды
Въ душѣ униженной, покорной и нѣмой;
Звучитъ, какъ жалоба осенней непогоды
Вкругъ сонныхъ деревень, въ глуши, во тьмѣ ноч[ной].

И хочется тогда бѣжать—бѣжать далеко
Отъ блеска и людей, отъ суетныхъ пировъ—
И тамъ, въ родной глуши, страдать, страдать глу[боко],

Подъ гулъ и пѣніе мятелей и снѣговъ!

ЛѢТНЯЯ НОЧЬ.

Я видѣлъ ночь. Она передо мной
Вся въ черномъ шла, прекрасная, живая,
Волшебница съ поникшей головой,
Зарницами, какъ взглядами, сверкая.
Прозраченъ былъ ея воздушный станъ;

чуялъ я дыханья знойный трепетъ,
ъ тишинѣ, какъ ласковый обманъ
римыхъ устъ, призывный несся лепетъ.
лось мнѣ, что чудная зоветъ
я съ собой къ любви и наслажденью...
все шелъ, все шелъ за ней впередъ,
ятый весь огнемъ ея и тѣнью!

———

* * *

Бушуетъ буря. Ночь темна.
Внимаю вѣтра завыванья:
Онъ, какъ бродяга, у окна
Стучитъ и проситъ подаянья.
Отдамъ ему свою печаль—
Печаль, что въ сердцѣ тайно тлѣетъ:
Пусть въ полѣ онъ ее развѣетъ
И унесетъ съ собою вдаль!

———

* * *

битвы честной и суровой
неправдой, злобою и тьмой
ѣ Богъ далъ мысль, мнѣ Богъ далъ слово,
ой мощный стягъ, свой мечъ святой.
ихъ пріялъ изъ Божьей длани,
къ жизни даръ, какъ солнца свѣтъ;
пусть въ пылу на полѣ брани
рушу я любви завѣтъ,
усть, правый путь во тьмѣ теряя,
грѣхъ свершу, какъ блудный сынъ,—
сподень судъ не упреждая,
не коснется власть земная
го, въ чемъ властенъ Богъ одинъ!
! наложить на разумъ цѣпи
слово можетъ умертвить
ишь Тотъ, Кто властенъ вихрю въ степи
грому въ небѣ запретить!

———

* * *

ознать я нищету мгновенныхъ наслажденій,
рылатой юности я осмѣялъ обманъ;
ныхъ глубокихъ думъ и грозныхъ вдохновеній
оветъ меня къ себѣ безбрежный океанъ!
ъ немъ счастье полное, иль гибель безъ возврата,
огучъ его покой и страшенъ темный гнѣвъ;
о радостно душа, надеждою объята,
нимаетъ дальнихъ волнъ таинственный напѣвъ.
веркаютъ волны тѣ и плещутъ на просторѣ,
грая жизнію, какъ утлою ладьей...
нѣ любо выходить въ невѣдомое море
ъ отважно поднятой и гордой головой.

Челнокъ отъ берега несется, мнѣ послушный,
И, зорко глядя вдаль, въ туманъ грядущихъ дней
Съ рукою на рулѣ, внимаю равнодушно
Навѣтамъ робости и жалобамъ друзей!

———

* * *

День конченъ, ночь идетъ; страшусь я этой ночи!
Я знаю: тихій сонъ въ пріютъ мой не слетитъ,
И будетъ мракъ ея смотрѣть мнѣ прямо въ очи,
И тишина ея со мной заговоритъ.
О чемъ заговоритъ? Какой коснется раны
Въ завѣтномъ тайникѣ души моей больной?
Какіе озаритъ въ ней бездны и туманы?
Какіе призраки поставитъ предо мной?
Чтó вновь она создастъ? Что прежнее разру-
[шитъ?
Въ какую глубину свой броситъ взоръ нѣмой?
Все тайна въ ней! Но страхъ томитъ меня и душитъ
Предъ этой шепчущей и зрячей темнотой.
О, сонъ,—покрой меня ревнивыми крылами!..
О, бредъ,—зажги вокругъ побѣдные лучи!
Явись, желанный ликъ, и стань передъ очами,
Чтобъ тьмы мнѣ не видать... О, ночь, молчи, молчи!

———

* * *

Гдѣ-то тамъ, средь лучей, далекó,
Въ небѣ кроются божьи селенья;
Гдѣ-то въ сердцѣ моемъ глубоко
Затаился огонь вдохновенья.
А кругомъ—смѣна дней и ночей,
Шумъ веселья, безумья и горя,
Злая битва недужныхъ страстей
Злая буря житейскаго моря.
И порой не подъ силу борьба!
Убѣжалъ бы отъ шума и смуты;
Но пути не видать—и судьба
Не снимаетъ тяжелыя путы.
Недоступенъ надзвѣздный чертогъ...
И, въ отвѣтъ на призывъ и моленье,
Въ мракѣ сердца—молчитъ вдохновенье,
Въ блескѣ неба—безмолвствуетъ Богъ.

———

* * *

Для богини моей я построилъ бы храмъ,
И ширóко вкругъ храма того
Вознестись повелѣлъ бы волшебнымъ стѣнамъ,
Чтобы горю земному и дольнимъ слезамъ
Никогда не достичь до него.
Я взростилъ бы сады въ тѣхъ волшебныхъ стѣнахъ,
Чтобы говоръ немолчный вѣтвей,

Чтобъ веселое пѣніе птицъ въ деревахъ,
Чтобы плескъ и журчаніе въ звонкихъ ручьяхъ
Стонъ и крикъ заглушали людей.
Я-бъ землѣ нашепталъ: разступися, земля,
Вкругъ жилища богини моей,
Чтобы врагъ, злобный умыселъ въ мысляхъ тая,
Чтобы зависти черной лихая змѣя
Не дерзнули приблизиться къ ней.
Пуще зависти черной и злобныхъ враговъ,—
Чтобы образъ людской нищеты,
Вѣковѣчныхъ страданій и лютыхъ трудовъ,
Въ безобразьи своемъ и могучъ, и суровъ,
Не явился очамъ красоты.
А не то на признанья и пѣсни мои
Она скажетъ, тоской омрачась:
„Какъ не стыдно тебѣ напѣвать о любви?
Люди гибнутъ въ бѣдѣ, люди тонутъ въ крови,
Злоба, голодъ и гибель вкругъ насъ!
Погоди, чтобъ настали счастливые дни,
Чтобы братьевъ утихнулъ раздоръ,
Чтобы подали руки другъ другу они,
Чтобы крови и слезъ пересохли ручьи,
Чтобъ намъ въ счастьи не слышать укоръ!"
Чтó сказать на ту рѣчь, что мнѣ дѣлать тогда?
Посмѣяться-ль надъ дѣтской мечтой,
Иль всю правду ей бросить въ лицо безъ стыда—
Что тѣ дни не придутъ никогда, никогда?
Иль съ поникшей молчать головой?..

ОРЕЛЪ.

Въ раздумьи гордомъ и нѣмомъ,
Вперивъ въ пространство взоръ глубокій,
Орелъ на камнѣ полевомъ
Сидѣлъ, какъ странникъ одинокій.
Крикливыхъ птицъ враждебный рой
Надъ головой его кружился,
И вихрь, взметая прахъ земной,
Кругомъ испуганно носился.
Но, недвижимъ, питомецъ скалъ,
Не внемля суетному шуму,
Орелъ на камнѣ отдыхалъ
И думалъ царственную думу...
Когда-жъ, очнувшись, оглянулъ
Весь этотъ жалкій міръ безсилья—
Затосковавъ, онъ развернулъ
Сѣдыя, медленныя крылья,
И—царь заоблачныхъ высотъ,
Случайный гость земли печальной—
Направилъ вольный свой полетъ
За грани тучъ, къ лазури дальной...
Высоко отъ тщеты земной
Вознесся, праху неподвластный,
И, къ дольней жизни безучастный,
Исчезнулъ въ безднѣ голубой!

———

LXXXVI.

Константинъ Константиновичъ Случевскій.

1837 — 1905.

Еще въ началѣ 60-хъ годовъ Случевскій помѣщалъ стихотворенія въ „Современникѣ“ и „Отеч. Зап.“, и нѣкоторыя изъ ихъ (напр., „Статуя“) пользовались заслуженнымъ успѣхомъ. Но съ середины того-же есятилѣтія поэтическая дѣятельность его рерывается вплоть до 80-хъ годовъ, когда явилось въ нѣсколькихъ томахъ собраніе стиовъ Случевскаго. Вотъ почему, несмотря на озрастъ и давнее появленіе въ печати, отести этого поэта правильнѣе всего къ концу 0-хъ годовъ, когда и его скромная муза шла себѣ цѣнителей и даже почитателей.

Случевскій—несомнѣнный поэтъ, поэтъилософъ, чувствующій особенную склонсть къ углубленію въ тайны міроздания и ловѣческой психологіи; но, къ несчастію, и богатомъ запасѣ поэтическихъ образовъ, онъ лишь въ слабой степени надѣленъ оружіемъ настоящихъ поэтовъ—даромъ легкаго и красиваго стиха. Неуклюжесть формы, неясность и прозаичность выраженія бываютъ у него временами поразительны; цѣлое прекрасное стихотвореніе онъ можетъ испортить однимъ какимъ-либо смѣшнымъ, иногда прямо чудовищнымъ куплетомъ, стихомъ. „Но что мудрёнѣе всего—такъ это то...“—вотъ первый попавшійся образчикъ такихъ тяжелыхъ, разсудочно-прозаичныхъ стиховъ. Не удивительно, что, начиная съ 60-хъ годовъ, поэтъ чаще большинства своихъ собратьевъ попадался на зубокъ рецензентамъ; съ другой стороны, въ послѣдніе годы жизни онъ провозглашенъ былъ въ лагерѣ декадентовъ—королемъ современныхъ ему поэтовъ...

СТАТУЯ.

Надъ озеромъ дикимъ и соннымъ,
Прозраченъ, игривъ и пѣвучъ,
Сливается съ камней на камни
Холодный, желѣзистый ключъ.
Надъ нимъ молодой гладіаторъ:
Онъ раненъ въ тяжеломъ бою,
Онъ силится брызнуть водою
Въ глубокую рану свою.
Какъ только затеплятся звѣзды,
И ночь величаво сойдетъ,
Выходятъ на землю туманы,-
Выходитъ русалка изъ водъ.
И, къ статуѣ грудь прижимая,
Косою ей плечи обвивъ,
Томится она и вздыхаетъ,
Глубокія очи закрывъ.
И видятъ полночныя звѣзды,
Какъ проситъ она у него
Отвѣта, лобзанья и чувства,
И какъ обнимаетъ его.
И видятъ полночныя звѣзды
И шепчутъ двурогой лунѣ,
Какъ холоденъ къ ней гладіаторъ

Въ своемъ заколдованномъ снѣ.
И долго два чудныя тѣла
Бѣлѣютъ надъ спящей водой...
Лежитъ неподвижная полночь,
Сверкая алмазной росой;
Сіяетъ торжественно небо,
На землю туманы ползутъ;
И слышно, какъ мхи прорастаютъ,
Какъ сонныя травы цвѣтутъ...
Подъ утро уходитъ русалка,
Печальна, бѣла и блѣдна,
И, въ сонныя воды спускаясь,
Глубоко вздыхаетъ она...

———

БАНДУРИСТЪ.

На Украйнѣ жилъ когда-то,
Духомъ бодръ и сердцемъ чистъ,
Старый дѣдъ, слѣпецъ маститый,
Сѣдовласый бандуристъ.
Въ черной шапкѣ, въ сѣрой свиткѣ
И съ бандурой на ремнѣ,
Много лѣтъ ходилъ онъ въ людяхъ
По родимой сторонѣ.
Жемчугъ-слово, чудо-пѣсни
Сыпалъ вѣщій съ языка;
Ныли струны на бандурѣ
Подъ рукою старика.
Много онъ улыбокъ ясныхъ,
Много вызвать слезъ умѣлъ
И, что птичка Божья, пѣсни,
Гдѣ присѣлось, тамъ и пѣлъ.
Онъ на пѣсню душу отдалъ,
Пѣсней тѣло прокормилъ;
Родился онъ безыменнымъ,
Безыменнымъ опочилъ...
Мертвъ казакъ! Но пѣсни живы—
Всѣ ихъ знаютъ, всѣ поютъ!
Ихъ знакомыя созвучья
Сами къ сердцу такъ и льнутъ!
Къ темной ночкѣ засыпая,
Дѣти, будущій народъ,
Слышатъ, какъ онъ издалёка
Въ пѣснѣ матери поетъ...

———

* * *

Край, лишенный живой красоты,—
Въ немъ намеки одни, да черты!
Все неясно въ немъ, пóлно тѣней,
Начиная отъ самыхъ людей:
Если плачутъ—печаль ихъ мелка,
Если любятъ—такъ любятъ слегка;
Вѣчно смутенъ, тревоженъ ихъ взглядъ,
Всѣ, какъ будто, о чемъ-то молчатъ...
Эта блѣдность породы людской
Родилась изъ природы самой:
Цѣпи мелкихъ, пологихъ холмовъ,
Непривѣтныя дебри лѣсовъ,
Рѣки, льющія волны сквозь сонъ,
Вѣчно сѣрый, сырой небосклонъ;
Тяжкій холодъ суровой зимы,
Дни, безсильные выйти изъ тьмы;
Гладь нѣмая безбрежныхъ равнинъ—
Рядъ неконченныхъ кѣмъ-то картинъ:
Кто-то думалъ о нихъ, рисовалъ,
Бросилъ кисти и самъ задремалъ!..

———

* * *

По нéбу быстро поднимаясь,
Навстрѣчу мчась одна къ другой,
Двѣ тучи, медленно свиваясь,
Готовы ринуться на бой!
Темны, какъ участь близкой брани,
Небесныхъ ратниковъ полки,
Подъяты пó вѣтру ихъ длани
И рѣжутъ воздухъ шишаки!
Сквозятъ ихъ мрачныя забрала
Отъ блеска пламенныхъ очей...
Какъ-будто въ небѣ мѣста мало,
И разойтись въ немъ нѣтъ путей!..

———

ПОДЛѢ СЕЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ.

Свѣвая пыль съ цвѣтовъ раскрытыхъ,
Семья полýночныхъ цвѣтовъ
Несетъ въ пылинкахъ, тьмой повитыхъ,
Разсаду будущихъ цвѣтовъ.
Въ работѣ робкой и безмолвной,
Людскому глазу невидна,
Жизнь сыплетъ всюду горстью полной
Свои живыя сѣмена.
Теряясь въ каменныхъ наростахъ
Гробницъ, дряхлѣющихъ въ гербахъ,
Они плодятся на погостахъ—
И у крестовъ, и на крестахъ.
Кругомъ цвѣты! Цвѣтамъ нѣтъ счета!
И, мнится, сквозь движенья ихъ
Стремятся къ свѣту изъ-подъ гнёта
Былыя силы душъ людскихъ.
Онѣ идутъ—свои печали
На вешнемъ солнцѣ освѣтить,
Мечтать, о чемъ не домечтали,
Любить, какъ думали любить!..

———

* * *

Не помѣряться-ль мнѣ съ моремъ
Вволю, всласть души?
Санки крѣпки, очи зорки,
Кони хороши.
И несчитанныя версты
Понеслись назадъ;
Гдѣ-то, мнится, берегъ дальній
Различаетъ взглядъ.
Кони шибче, веселѣе,
Мчатъ во весь опоръ...
Море мѣста прибавляетъ,
Шире кругозоръ.
Дальше! Кони утомились,
Надо понукать...
Море, будто, шире стало,
Раздалось опять.
А несчитанныя версты
Сзади собрались
И кричатъ, смѣясь, въ догонку:
„Эй, остановись!"
Стали кони... Нѣтъ въ нихъ силы,
Клонятъ морды въ снѣгъ...
Ну, пускай другой, кто хочетъ,
Продолжаетъ бѣгъ!
Но и сзади—путь безъ граней...
Всюду ширь да гладь...
Вонъ, какъ вдругъ запорошило...
Будемъ умирать!

———

LXXXVII.

Алексѣй Михайловичъ Жемчужниковъ.

Род. 1821.

Въ концѣ унылыхъ и мрачныхъ 80-хъ годовъ возвысилъ свой голосъ и еще одинъ старый поэтъ, скромно терявшійся до тѣхъ поръ въ хорѣ болѣе сильныхъ и властныхъ голосовъ. Но не отвлеченная красота, не интересы гибнущаго искусства вдохновили А. М. Жемчужникова: онъ взялъ на себя почетную роль адвоката поруганной гражданской чести, будителя усыпленной общественной совѣсти... Эта патетическая нота съ такой силой звучитъ въ нѣкоторыхъ его стихотвореніяхъ, что въ глазахъ читателя отходятъ на задній планъ всѣ недостатки, вродѣ од образія мотивовъ, неуклюжести и прозаич сти формы. Первый сборникъ стихотворе г. Жемчужникова изданъ въ 1892 г., и глухое время было періодомъ наибольш успѣха поэта.

Г. Жемчужниковъ извѣстенъ также, ка сатирикъ и юмористъ: въ товариществѣ гр. Алексѣемъ Толстымъ и Вл. Жемчужни вымъ онъ писалъ подъ очень извѣстнымъ свое время именемъ Козьмы Пруткова (с стр. 281).

* * *

Сняла съ меня судьба, въ жестокій этотъ вѣкъ,
Такой великій страхъ и жгучую тревогу,
Что я, сравнительно, счастливый человѣкъ:
Нѣтъ сына у меня—онъ умеръ, слава Богу!
Ребенкомъ умеръ онъ. Хорошій мальчикъ былъ:
Съ улыбкой доброю, отзывчивый на ласки,
И, мнилось, огонекъ загадочный таилъ,
Которымъ вспыхивали глазки.
Онъ былъ бы юношей теперь. Въ томъ и бѣда.
О, какъ не весело быть юнымъ въ наше время!
Не столько старости недужные года,
Какъ молодость теперь есть тягостное бремя.
А впрочемъ, удрученъ безвыходной тоской,
Которая у насъ на утрѣ жизни гложетъ,
Въ самоубійствѣ бы обрѣлъ уже, быть можетъ,
Онъ преждевременный покой...
Но еслибъ взяли верхъ упорство и живучесть,
Въ ряды преступные не сталъ ли бы и онъ?
И горько я его оплакивалъ бы участь—
Изъ міра, въ цвѣтѣ лѣтъ, быть выброшенным
[вонъ!
Иль, можетъ быть, въ средѣ распутства и наж
Соблазномъ окруженъ и юной волей слабъ.
Онъ духа времени покорный былъ бы рабъ...
Такіе здравствуютъ и живы!
А сколько юношей на жизненномъ пути,
Какъ бы блуждающихъ средь мрака и въ пусты
Гдѣ цѣль высокая, къ которой имъ идти?
Въ чемъ жизни нашей смыслъ? Въ чемъ идеа
[нынѣ?
Съ кого примѣры брать? Гдѣ подвигъ дѣлъ б
[гихъ?
Гдѣ торжество ума и доблестнаго слова?..
Какъ страшно было бы за сына мнѣ родного,
Когда такъ жутко за другихъ!

КОНЬ КАЛИГУЛЫ.

„Калигула, твой конь въ сенатѣ;
„Не могъ сіять, сіяя въ златѣ;
„Сіяютъ добрыя дѣла".

акъ поигралъ въ слова Державинъ,
Іегодованіемъ объятъ.
. мнѣ сдается (виноватъ!),
то тѣмъ Калигула и славенъ,
то вздумалъ лошадь, говорятъ,
юслать присутствовать въ сенатъ.
помню: въ юности плѣняла
го иронія меня,
| мысль моя живописала
ъ стѣнахъ священныхъ трибунала,
реди сановниковъ, коня.
то-жъ! развѣ тамъ онъ былъ не кстати?
Іо мнѣ—въ парадномъ чепракѣ
ачѣмъ не быть коню въ сенатѣ,
огда сидѣть бы людямъ знати
мѣстнѣй въ конномъ денникѣ?
то-жъ, развѣ звукъ веселый ржанья
ылъ для имперіи вреднѣй—
| раболѣпнаго молчанья,
| лестью дышущихъ рѣчей?
то-жъ, развѣ конь красивой мордой
Іе затмевалъ ничтожныхъ лицъ
І не срамилъ осанкой гордой
Іюдей, привыкшихъ падать ницъ?..
| и теперь того же мнѣнья,
Іто врядъ ли гдѣ встрѣчалось намъ
'акое къ трусамъ и къ рабамъ
Іеликолѣпное презрѣнье!

---

* * *

Іесиленъ и благостенъ Духъ, исходящій отъ Бога,
Не мѣрой даетъ Онъ его.
Іо Духъ своевластенъ: даруетъ Онъ избраннымъ [много,
Другимъ не даетъ ничего.
Іть въ мірѣ пустыни, забытыя благостью Духа,
Пустыни для чувствъ и ума.
'амъ слово благое звучитъ боязливо и глухо,
Тамъ властна духовная тьма.
. . . .
), если-бъ у насъ времена слѣпоты и гордыни
Смѣнила сознанья пора,—
'огда бы предстало намъ зрѣлище нашей пустыни,
Безъ думъ, безъ любви, безъ добра.
Іухъ дышетъ, гдѣ хочетъ; но въ людяхъ есть сила призыва:
Просите Его—и Онъ дастъ.
Іишь только-бъ молитва была горяча и правдива,
Призывъ былъ настойчивъ и частъ.
Разбудимъ отзывчивость въ сердцѣ сухомъ и холодномъ,
Изъ камня добудемъ огня
И въ скорби о разумѣ праздномъ и дѣлѣ безплод- [номъ
Помолимся, сердцемъ стеня!
Ты дышешь, гдѣ хочешь, о Духъ, призывающій къ [жизни,—
Дай жизни познать намъ пути,
Любви, правосудья и свѣта дай нашей отчизнѣ!
Дохнуть на нее захоти!
1896.

ЗАВѢЩАНІЕ.

Межъ тѣмъ какъ мы въ разбродъ стезею жизни [шли,—
На знамя, средь толпы, наткнулся я ногою.
Я подобралъ его, лежавшее въ пыли,
И съ той поры несу, возвысивъ надъ толпою.
Девизъ на знамени: „Духъ доблести храни".
Такъ, воинъ рядовой за честь на бранномъ полѣ,
Я, счастливъ и смущенъ, явился въ наши дни
Знаменоносцемъ поневолѣ.
Но подвигъ не свершенъ, мнѣ выпавшій въ удѣлъ,—
Разбредшуюся рать сплотить бы воедино...
Названье мнѣ дано поэта-гражданина
За то, что я одинъ про доблесть пѣсни пѣлъ...
. . . .
Послѣднія мои уже уходятъ силы.
Я дѣлалъ то, что́ могъ; я больше не могу.
Я остаюсь еще предъ родиной въ долгу,
Но да проститъ она мнѣ на краю могилы!
Я жду, чтобы теперь меня смѣнилъ поэтъ,
Въ которомъ доблести горѣло-бъ ярче пламя,
И принялъ отъ меня не знавшее побѣдъ,
Но незапятнанное знамя!
1897.

---

* * *

Такъ проченъ въ сердцѣ и въ мозгу
Высокій строй эпохи прошлой,
Что съ современностію пошлой
Я примириться не могу.
Но я, безсильный, ужъ не спорю
И, вспоминая старину,
Не столь волнуюсь и кляну,
Какъ предаюсь тоскѣ и горю...
Что я? Пѣвецъ былыхъ кручинъ,
Скрижалей брошенныхъ обломокъ;
Въ пустынномъ домѣ, въ часъ потемокъ,
Я—потухающій каминъ.
То трескъ огня совсѣмъ затихнетъ,

Какъ будто смерть его пришла;
То дрогнетъ теплая зола
И пламя снова ярко вспыхнетъ.
Тогда тревожно по стѣнамъ
Толпой задвигаются тѣни,
И лица прежнихъ поколѣній
Начнутъ выглядывать изъ рамъ.

---

* * *

Уподобляемся мы, баловни судьбы,
Надъ грязью дольною стоящимъ на помостѣ;
Но снизу бережно насъ держатъ не столбы,
А мышцы рукъ людскихъ и спинъ согбенныхъ [кости.
До нашей высоты порой доходитъ вздохъ,
Какъ будто кто-то тамъ, въ подпольи, тяжко ды- [шетъ;
Но современникъ нашъ умышленно оглохъ,
Иль грезится ему, что гулъ веселья слышитъ...
. . . .

Изъ стих. „НА РОДИНѢ".

О, край родной, что-жъ это значитъ,
Что никакой другой народъ
Такъ не тоскуетъ и не плачетъ,
Такъ дара жизни не клянетъ?
Шумятъ лѣса свободнымъ шумомъ,
Играютъ птицы... О, зачѣмъ
Лишь воли нѣтъ народнымъ думамъ,
И человѣкъ угрюмъ и нѣмъ?

ПАМЯТИ ШЕНШИНА-ФЕТА.

Онъ пѣлъ, какъ въ сумракѣ ночей
Поетъ влюбленный соловей.
Онъ гимны пѣлъ родной природѣ;
Онъ изливалъ всю душу ей
Въ строкахъ риѳмованныхъ мелодій.
Онъ въ мірѣ грезы и мечты,
Любя игру лучей и тѣни,
Подмѣтилъ бѣглыя черты
Неуловимыхъ ощущеній,
Невоплотимой красоты...
И пусть онъ въ старческія лѣта
Мѣнялъ капризно имена
То публициста, то поэта:—
Искупятъ прозу Шеншина
Стихи плѣнительные Фета.

ПАУЗА.

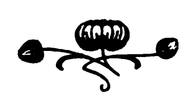
Морозный, тусклый день рисуетъ предо мной
Картину зимнюю красы необычайной.
Покрытый инеемъ, недвиженъ садъ нѣмой:
Онъ замеръ, весь объятъ какой-то бѣлой тайной.
Движенья ищетъ взоръ, переходя вокругъ
Съ предмета на предметъ, но тщетно! Садъ не ды- [шетъ.
И, силясь уловить хоть мимолетный звукъ,
Слухъ напрягается, но ничего не слышитъ...

ПРИДОРОЖНАЯ БЕРЕЗА.

Въ полѣ пустынномъ, у самой дороги, береза,
Длинныя вѣтви раскинувъ широко и низко,
Молча дремала, и тихая снилась ей грёза;
Но встрепенулась, лишь только подъѣхалъ я близко.
Быстро я ѣхалъ; она свое доброе дѣло
Все же свершила: меня осѣнила любовно
И надо мной, шелестя и дрожа, прошумѣла,
Наскоро что-то повѣдать желая мнѣ словно...
Словно со мной подѣлилась тоской безутѣшной,
Вмѣстѣ съ печальнымъ промолвя и нѣжное что-то.
Я, съ ней прощаясь, назадъ оглянулся поспѣшно,—
Но уже снова ее одолѣла дремота.

СТАРОСТЬ.

Сколько мнѣ жить?.. Впереди—неизвѣстность.
Жизненный пламень еще не потухъ;
Бодрую силу теряетъ тѣлесность,
Но, пробудясь, окрыляется духъ.
Грустны и сладки предсмертные годы!
Это привычное мнѣ бытіе,
Эти картины родимой природы—
Все это, словно, уже не мое.
Плоти не чувствую прежней обузы;
Жду перехода въ обитель тѣней;
Съ милой землей расторгаются узы,
Духъ возлетаетъ все выше надъ ней.
Чуждъ неспокойному страсти недугу,
Вѣдая тихую радость одну,—
Словно хожу по цвѣтистому лугу,
Но ни цвѣтовъ, ни травы ужъ не мну!..



LXXXVIII.

Леонидъ Николаевичъ Трефолевъ.

1843 — 1905.

Выступилъ въ журналахъ 60-хъ годовъ, но отдѣльный сборникъ стихотвореній издалъ въ свѣтъ лишь въ 1894 г. И темы, и манера писанія сильно отзываются вліяніемъ Некрасова. Широкой популярностью пользуется „Пѣсня о комаринскомъ мужикѣ“, написанная на мотивъ извѣстной народной пѣсни.

ПѢСНЯ О КОМАРИНСКОМЪ МУЖИКѢ.

Какъ на улицѣ Варваринской
Спитъ Касьянъ, мужикъ комаринскій.
Борода его всклокочена,
Вся дешевкою подмочена;
Свѣжей крови струйки алыя
Покрываютъ щеки впалыя.
  Ахъ ты, милый другъ, голубчикъ мой Касьянъ!
  Ты сегодня именинникъ, значитъ, пьянъ.
  Двадцать девять дней бываетъ въ февралѣ,
  Въ день послѣдній спятъ Касьяны на землѣ:
  Въ этотъ день для нихъ зеленое вино
  Ужъ особенно пьяно, пьяно, пьяно!
Февраля двадцать девятаго
Цѣлый штофъ вина проклятаго
Выпилъ Касьянъ въ утробу грѣшную,
Позабылъ жену сердешную
И своихъ родимыхъ дѣточекъ—
Близнецовъ двухъ малолѣточекъ.
  Заломивши лихо шапку на бекрень,
  Онъ отправился къ кумѣ своей въ курень.
  Тамъ кума его калачики пекла,
  Баба добрая, румяна и бѣла;
  Испекла ему калачикъ горячо
  И уважила... еще, еще, еще.
Въ это время, за лучиною,
Съ безконечною кручиною
Дремлетъ-спитъ жена Касьянова,
Вспоминая мужа пьянаго:
— „Пресвятая Богородица!
Гдѣ злодѣй мой хороводится?“
  Бабѣ снится, что въ веселомъ кабакѣ
  Пьяный мужъ ея несется въ трепакѣ:
  То привскочитъ, то согнется въ три дуги,
  Истопталъ свои смазные сапоги,
  И руками, и ногами шевелитъ...
  А гармоника пилитъ, пилитъ, пилитъ.
Продолжается видѣніе.
Вотъ приходятъ въ заведеніе
Гости, старые приказные,
Отставные, безобразные,
Красноносые алтынники,
Всё Касьяны именинники.
  Пуще прежняго веселье и содомъ.
  Разгулялся, расплясался пьяный домъ.
  Говоритъ Касьянъ, схватившись за бока:
  — „А послушай ты, приказная строка,
  У меня бренчатъ за пазухой гроши,
  Награжу тебя... Пляши, пляши, пляши.“
Осерчало благородіе:
— „Ахъ ты, хамово отродіе!
За такое поношеніе
На тебя подамъ прошеніе,
Накладу еще въ потылицу...
Цѣловальникъ, дай чернилицу!“
  Продолжается все тотъ же вѣщій сонъ.
  Вотъ явился у чиновныхъ у персонъ

Листъ бумаги съ государственнымъ орломъ,
Передъ нимъ Касьянъ въ испугѣ бьетъ че-
[ломъ,
А обиженный куражится, кричитъ
И прошеніе строчитъ, строчитъ, строчитъ.
„Проситъ... имя и фамилія...
„Надо мной чинилъ насилія
„Непотребныя, свирѣпыя
„И гласилъ слова нелѣпыя,
„Звалъ строкой, противно званію...
„Подлежитъ сіе къ поданію"...
Крѣпко спитъ, храпитъ Касьянова жена.
Видитъ баба, въ вѣщій сонъ погружена.
Что мужикъ ея хоть пьянъ, а не дуракъ,
Къ двери пятится сторонкою, какъ ракъ,
Не замѣченный чиновникомъ-врагомъ,
И—опять къ кумѣ бѣгомъ, бѣгомъ, бѣгомъ,
У кумы же печка топится,
И кума спѣшитъ, торопится,
Чтобы трезвые и пьяные
Калачи ея румяные
Покупали, не торгуяся,
На калачницу любуяся.
Эко горе, эко горюшко, хоть плачь!
Подгорѣлъ совсѣмъ у кумушки калачъ.
Самъ Касьянъ былъ въ этомъ горѣ виноватъ:
Онъ къ кумѣ своей явился не впопадъ,
Онъ засталъ съ дружкомъ измѣнницу-куму,
Потому что, потому что, потому...
— „Ахъ ты, кумушка-разлапушка,
А зачѣмъ съ тобой Потапушка?
Всѣхъ людей считая братцами,
Ты не справилась со святцами...
Для Потапа-безобразника
Нынче вовсе нѣту праздника!"
Молодецки засучивши рукава,
Говоритъ Потапъ обидныя слова:
— „Именинника проздравить мы не прочь.
Ты куму напрасно не порочь!"
А кума кричитъ:—„Ударь его, ударь!
Засвѣти ему фонарь, фонарь, фонарь!"
Темной тучей небо хмурится.
Вся покрыта снѣгомъ улица;
А на улицѣ Варваринской
Спитъ... мертвецъ-мужикъ комаринскій.
И, идя изъ храма Божія,
Усмѣхаются прохожіе.
Но нашелся, наконецъ, изъ нихъ одинъ,
Добродѣтельный, почтенный господинъ,
На Касьяна сердобольно посмотрѣлъ.
—„Вишь, налопался до чортиковъ, пострѣлъ!—
И потыкалъ нѣжно тросточкой его:
Да ужъ онъ совсѣмъ... того, того, того!"
Два лица оффиціальныя
На носилки погребальныя
Положили именинника.
Изъ кармана два полтинника
Вдругъ со звономъ покатилися
И... сквозь землю провалилися.
Засіяло у хожалыхъ рожество:
Имъ понравилось такое колдовство.
И съ носилками идутъ они смѣлѣй,—
Будетъ имъ ужо на водку и елей;
Марта перваго придутъ они домой,
Прогулявши ночь... съ кумой, съ кумой, съ
[кумой.

LXXXIX.

Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ.

1853 — 1900.

Извѣстный философъ, богословъ, публи-стъ, ораторъ, критикъ и, наконецъ, поэтъ,— игинальная фигура, въ которой мистикъ-сетъ удивительнымъ образомъ сочетался съ ободнымъ мыслителемъ, борцомъ за свѣтъ просторъ. А. М. Жемчужниковъ характери-валъ его слѣдующими стихами:

Мыслитель, вдумчивый пѣвецъ,
Благой искатель правды Божьей,
Онъ на землѣ былъ не жилецъ,
А въ даль стремившійся прохожій...

Поэтическій талантъ принадлежалъ, однако, къ наименѣе яркимъ лучамъ этой богато одаренной натуры: и въ содержаніи, и въ формѣ стиховъ Соловьева мало самостоятельнаго. Лучшія стихотворенія посвящены угрюмой и таинственной природѣ Финляндіи.

ПО ДОРОГѢ ВЪ УПСАЛУ.

Гдѣ ни взглянешь,—всюду камни,
Только камни да сосна...
Отчего же такъ близка мнѣ
Эта бѣдная страна?
Здѣсь, съ природой въ вѣчномъ спорѣ,
Человѣка духъ растетъ
И съ бушующаго моря
Небесамъ свой вызовъ шлетъ.
И, средь смутныхъ очертаній
Этихъ каменныхъ высотъ,
Въ блескѣ сѣверныхъ сіяній,
Къ царству духовъ виденъ входъ.
Знать, не даромъ изъ Кашмира
И съ полуденныхъ морей
Въ этотъ край съ начала міра
Шли толпы богатырей!

КОЛДУНЪ-КАМЕНЬ.

Эти мшистыя громады
Сердце тянутъ, какъ магнитъ.
Что̀ отъ смертнаго имъ надо,
Что за тайна здѣсь лежитъ?
Молвитъ древнее сказанье,
Что сѣдые колдуны
Правымъ рокомъ въ наказанье
За ужасныя дѣянья
Въ камни тѣ превращены.
Спятъ въ нѣмомъ оцѣпенѣньи;
Лишь одинъ, однажды въ вѣкъ,
Въ свой чередъ, изъ усыпленья
Встанетъ камень-человѣкъ.
Борода торчитъ сѣдая,
Какъ у волка взоръ горитъ,
И, дыханье забирая,
Грудь могучая дрожитъ.
Заклинанье раздается,
Мгла кругомъ потрясена,
И со стономъ въ берегъ бьется
Моря финскаго волна.
Воетъ буря; гулъ и грохотъ;
Море встало, какъ стѣна,
И далече слышенъ хохотъ
И проклятья колдуна!

* * *

Озеро плещетъ волной безпокойною,
Словно какъ въ морѣ растущій прибой,
Рвется къ чему-то стихія нестройная,
Споритъ о чемъ-то съ враждебной судьбой.
Знать, не по сердцу оковы гранитныя,
Только въ безмѣрномъ отраденъ покой.
Снятся былые вѣка первобытные,
Хочется снова царить надъ землей.
Бейся, волнуйся, невольница дикая!
Вѣчный позоръ добровольнымъ рабамъ!
Сбудется сонъ твой, стихія великая—
Будетъ просторъ всѣмъ свободнымъ волнамъ.

———

* * *

Тебя полюбилъ я, красавица нѣжная...
И въ свѣтло-прозрачный, и въ сумрачный день
Мнѣ любы и ясные взоры безбрежные,
И думы печальной суровая тѣнь.
Ужели обманъ—эта ласка нежданная?
Ужели скитальцу измѣнишь и ты?
Но сердце твердитъ: это пристань желанья
У ногъ безмятежной, святой красоты.
Люби же меня ты, красавица нѣжная,
И въ свѣтло-прозрачный, и въ сумрачный день!
И пусть эти ясные взоры безбрежные
Все горе былое развѣютъ, какъ тѣнь!

———

НА САЙМѢ ЗИМОЙ.

Вся ты закуталась шубкой пушистой,
Въ снѣ безмятежномъ, затихнувъ, лежишь.
Вѣетъ не смертью здѣсь воздухъ лучистый,
Эта прозрачная, бѣлая тишь.
Въ невозмутимомъ покоѣ глубокомъ,
Нѣтъ, не напрасно тебя я искалъ,
Образъ твой тотъ же предъ внутреннимъ окомъ,
Фея-владычица сосенъ и скалъ!
Ты непорочна, какъ снѣгъ за горами,
Ты многодумна, какъ зимняя ночь,
Вся ты въ лучахъ, какъ полярное пламя,
Темнаго хáоса свѣтлая дочь!

———

* * *

Бѣдный другъ, истомилъ тебя путь,
Теменъ взоръ, и вѣнокъ твой измятъ;
Ты войди же ко мнѣ отдохнуть,
Потускнѣлъ, догорая, закатъ.
Гдѣ была и откуда идешь—
Бѣдный другъ, не спрошу я тебя:
Только имя мое назовешь—
Молча, къ сердцу прижму я тебя.
Смерть и Время царятъ на землѣ,—
Ты владыками ихъ не зови:
Все, кружась, исчезаетъ во мглѣ,
Неподвижно лишь солнце любви!

———

СОНЪ НА ЯВУ.

Лазурное око
Сквозь мрачно нависшія тучи...
Ступая глубоко
По снѣжной пустынѣ сыпучей,
Къ загадочной цѣли
Иду одиноко.
За мной только ели,
Кругомъ лишь далеко
Раскинулась озера ширь въ своемъ бѣломъ уборѣ,
И вслухъ тишина говоритъ мнѣ: „Нежданное сбу-
[дется вскорѣ!"

Лазурное око
Опять потонуло въ туманѣ;
Въ тоскѣ одинокой
Блѣднѣетъ надежда свиданій...
Печальныя ели
Темнѣютъ вдали безъ движенья,
Пустыня безъ цѣли
И путь безъ стремленья...
И голосъ все тотъ-же звучитъ, въ тишинѣ, безъ
[укора:
„Конецъ уже близокъ; нежданное сбудется скоро!"

XC

Иванъ Ивановичъ Горбуновъ-Посадовъ.

Род. 1864.

Писатель-толстовецъ, стоящій во главѣ из-тельской фирмы „Посредникъ" и съ юныхъ ѣтъ отдавшійся дѣлу распространенія въ на-одѣ знаній и пропагандѣ идей добра и любви.

Искренняя и симпатичная, хотя и нѣсколько наивная, муза Горбунова-Посадова не отличается, къ сожалѣнію, производительностью.

ИЗЪ СТИХ. „ВЪ ХРИСТОВУ НОЧЬ".

ь Христову ночь то́ было. Предо мной,
юль исполинской лѣстницы соборной,
тѣшившая толпа текла рѣкою черной.
Въ угрюмой тишинѣ ночной,
а всѣхъ устахъ былъ слышенъ только шепотъ;
шь чей-то грубый смѣхъ да ржаніе и топотъ
андармскихъ лошадей, метавшихся окрестъ,
ı нищенокъ-дѣтей тоскливыя стенанья
Смущали робкій трепетъ ожиданья.
› вотъ, сквозь полумракъ, блеснулъ подъятый [крестъ,
ı золотыхъ шестахъ хоругви задрожали,
ічъ фонаря сверкнулъ на тусклыхъ образахъ,
ризы пастырей тревожно замерцали.
, какомъ-то облакѣ таинственной печали
юшли они искать замученнаго прахъ—
не нашли его въ тиши могильной сѣни...
› ихъ не обуялъ смертельный, тяжкій страхъ,
поднялись они на паперти ступени,
бросился народъ за ними жадно вслѣдъ...
Раскрылися врата, и брызнулъ яркій свѣтъ,
гимнъ любви, смерть смертью побѣдившей,
нчался надъ толпой, въ молчаніи застывшей!..
выстрѣлъ пушечный донесся, точно стонъ,
хоръ колоколовъ отвсюду отозвался...
, морозномъ воздухѣ поплылъ протяжный звонъ,
И звуковъ океанъ гудѣлъ и разливался.
Обвился городъ весь гирляндою узорной
Желтѣвшихъ плошекъ, флаговъ и свѣчей;
И восемь ангеловъ надъ кровлею соборной
Изъ каменной кадильницы своей
Бросали въ высь пурпуровое пламя,—
Оно взвивалося, какъ знамя,
Какъ царственный привѣтъ земного торжества,
Къ незримому престолу Божества.

* * *

О дѣтскихъ дняхъ воспоминанье,
Какъ радостной весны душистое дыханье,
Повѣяло во мнѣ ласкающимъ тепломъ:
Я счастливъ былъ тогда въ невѣдѣньи своемъ.
Тогда въ Христову ночь казались люди мнѣ
Простыми, милыми и кроткими дѣтями
Любимаго Отца. Въ какомъ-то чудномъ снѣ,
Весь міръ я обнималъ наивными мечтами.
Мнѣ чудилось—потокъ любви лился съ небесъ,
Уста мои блаженно отвѣчали
На братскій поцѣлуй и набожно шептали:
„Воистину воскресъ, воистину воскресъ!"

* * *

А въ эту ночь я былъ исполненъ горькихъ думъ.
Давно я свергъ съ себя невѣдѣнья оковы,
Давно съ людскихъ сердецъ сорвалъ я всѣ покровы..
. . . .

И мука этихъ думъ, какъ буря, возмутила
Всю душу мнѣ... Она меня манила
Пробиться сквозь толпу, взбѣжать по ступенямъ
На бархатный помостъ надменнаго амвона
И крикнуть съ высоты на весь огромный храмъ,
Сквозь гулъ пальбы, сквозь переливы звона:
„Вы христіане?!.. Вы?! Теперь упоены
Восторгомъ радости безпечной,
На днѣ сердецъ, какъ прежде, вы полны
Одной враждой безчеловѣчной!
Вы христіанки!?. Вы? Изнѣженное тѣло
Вы рады выставлять и въ храмѣ на показъ,
То мишурой прикрывъ, то наготою смѣлой
Дразня распутства жадный глазъ.
Вы, полуматери и полусодержанки!
О, если-бъ тѣнь смиренной христіанки
Апостольскихъ временъ явилась между насъ,—
Какимъ стыдомъ, какой тоской за васъ
Зажегся-бъ взоръ ея!..

. . . .

Вы христіане?!. Вы? Растерянной толпой
Отъ колыбели и до гроба
Вы рабски тащитесь преступною тропой;
Надъ вашей вѣрою трусливой и слѣпой
Смѣется вашъ развратъ, насиліе и злоба!
Вся ваша жизнь—насмѣшка надъ Христомъ,
Надъ мудростью Его божественныхъ стремленій,
Сплошной позоръ кощунственныхъ глумленій
Надъ человѣчества растерзаннымъ Вождемъ!..
Чтобъ безбоязненно день изо дня тянуть
Цѣпь черныхъ дѣлъ и пиршествъ беззаботныхъ,
Вы жалкимъ лепетомъ моленій мимолетныхъ
Стремитесь Бога обмануть!
Опомнитесь!..“
Но мертвъ былъ мой языкъ.
Что̀ значитъ голосъ мой?! Предъ вѣковымъ обма-
[номъ
Онъ прозвучалъ бы такъ, какъ чайки слабый крикъ
Звучитъ надъ мрачнымъ океаномъ!..

1888.

ИЗЪ СТИХ. „ДРУЗЬЯМЪ ДОБРА“.

Когда надъ кораблемъ въ зловѣщихъ небесахъ
Клубятся тяжкія грохочущія тучи,
И вѣтеръ мечется и свищетъ въ парусахъ,
И океанъ реветъ, бездонный и могучій;
Когда чрезъ бортъ волна безумная летитъ
И бьетъ о палубу своей сѣдою пѣной,
И мачта, какъ тростникъ, согнулась и дрожитъ,
Грозя внезапною измѣной,—
Никто тогда не спитъ на вахтѣ корабля,
Всѣ на ногахъ предъ близкою бѣдою...
И рулевой впился въ тяжелый кругъ руля,
Борясь со злобою морскою;
И руки твердыя безстрашныхъ моряковъ
Мелькаютъ межъ снастей надъ лѣстницей дрожащей
И паруса крѣпятъ... И весь корабль готовъ
Грудь съ грудью встрѣтиться съ грозой, на нихъ
[летящей!

Въ тѣ дни, когда вездѣ густѣетъ ночи тьма,
Когда живая жизнь куда-то исчезаетъ;
Когда нѣтъ воздуха для сердца, для ума,
И истина предъ ложью отступаетъ;
Когда призывъ любви зовется мятежомъ,
Когда проклятьями клеймится все святое,—

. . . .

Всѣ на ноги, кому свѣтъ дорогъ, тьма страшна!
Всѣ на ноги, въ комъ совѣсть не разбита,
Въ комъ къ истинѣ любовь свободна и сильна,
И страхомъ за себя сознанье не убито!
Друзья добра, не бойтесь ни костровъ,
Ни плахи, ни меча, ни пытокъ, ни глумленій...
Внимая правдѣ вашихъ словъ,
Палачъ отступится отъ крови и мученій,
Тюрьма раскроется подъ братскою рукой
И выпуститъ измученныхъ на волю...
Жизнь новая, иди! Неси скорѣй съ собой
Рабамъ свободную и радостную долю!

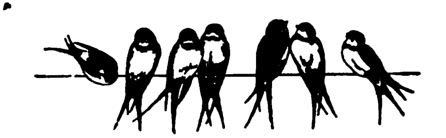
1892.

МАТЕРИ И ДѢТИ.

Вчера былъ чудный день... Съ утра въ мое окно
Весна лазурная любовно засіяла...
Забилось сердце, радостью полно,
И въ даль, куда-то въ даль, неудержимо звало...
Вчера все утро я, безпечный, какъ дитя,
Бродилъ по улицамъ, смотря, какъ расцвѣтаютъ
Подснѣжники въ садахъ, и весело слѣдя,
Какъ тучки по небу проносятся и таютъ.
Былъ часъ обѣденный, когда передо мной
Большая улица предмѣстья развернулась...
Гудѣлъ свистокъ на фабрикѣ, домой
Голодная толпа рабочихъ потянулась...
Шли мальчики-ткачи, тянулися потомъ
Толпы мужчинъ, измученныхъ трудомъ,
Невольничьимъ трудомъ, трудомъ однообразнымъ.
Недѣлю согнутыхъ надъ вѣчнымъ колесомъ
И отдыхающихъ въ разгулѣ безобразномъ.
Шли дѣвочки-работницы: онѣ
Шутили весело и солнцу улыбались
И подъ лучомъ его румяными казались;
Но въ жалкихъ лицахъ ихъ виднѣлось ясно мнѣ,
Что бѣдные цвѣты оборваны жестоко,
Что пьяное насилье и развратъ
На всѣхъ углахъ добычу сторожатъ,
И сердцу дѣтскому знакомъ ужъ ядъ порока...
Шли матери-работницы, спѣша
Въ убогій уголъ свой. Ихъ грустная душа

Была полна заботъ; и не было имъ дѣла,
Что юная весна вездѣ цвѣла и пѣла
Милльономъ голосовъ, что теплый вѣтерокъ
Какъ гдѣ-то колебалъ лазоревый цвѣтокъ
И тихо трепеталъ въ былинкахъ воскрешенныхъ...
Нѣтъ, только личики малютокъ изнуренныхъ
Виднѣлись матерямъ сквозь нѣжный блескъ весны.
Минуты жалкія на отдыхъ имъ даны,
Чтобъ только добѣжать до дѣтокъ истомленныхъ,
Чтобъ только увидать ихъ бѣдный, робкій взглядъ
И покормить скорѣй... И поспѣшить назадъ—
Туда, гдѣ надъ станкомъ, безъ солнца, безъ свободы,
Ползутъ за днями дни и за годами годы.

1899.



XCI.

Сергѣй Александровичъ Корсакъ.

1864 — 1895.

С. А. Корсакъ, рано погибшій отъ чахотки (по возвращеніи изъ ссылки),—печатался подъ псевдонимомъ *С. Александрова* въ 1893—1894 г.г. Горькіе стоны разбитой молодой души, „въ пламени мысли сгорѣвшей до времени",—пѣсни Корсака въ эпоху глухого безвременья являлись искорками, лишь ярче оттѣнявшими окружающій мракъ, но безсильными разгорѣться въ яркое пламя.

* * *

Въ темныхъ нѣдрахъ утеса скрывался потокъ
И годами на волю пробиться не могъ;
Но въ мгновеніе гнѣва природы
Раздробилась громами суровая грудь,
И помчалися волны въ невѣдомый путь
Съ потрясающей пѣснью свободы.
Такъ порой, холодна и крѣпка, какъ гранитъ,
Молодая душа безотчетно таитъ
Вдохновенья источникъ кипучій
И годами молчитъ средь житейской борьбы,
Но, разбитая мощнымъ ударомъ судьбы,
Выливается въ волны созвучій...

* * *

Молодость, молодость, спутница милая!
Вмѣстѣ живемъ мы, работаемъ, учимся,
И не придетъ къ намъ минута унылая—
Чую я сердцемъ, что мы не разлучимся...
Бросимъ, коль сможемъ, на ниву народную
Горсточку малую добраго сѣмени,
Да и опустимся въ землю холодную,
Въ пламени мысли сгорѣвши до времени...
Молодость, молодость, спутница милая!

* * *

Другъ мой далекій! Тюрьма моя тѣсная
Болѣе мнѣ не страшна.
Знаю и въ ней я мгновенья чудесныя—
Ихъ не отниметъ она.
День пронесется въ бездѣльи томительномъ,
Ночь наступаетъ—и вотъ,
Кто-то въ каморкѣ моей упоительно
Пѣсню о мирѣ поетъ.
Кроткая тѣнь надо мною склоняется,
Такъ лучезарно-свѣтла,
И за плечами ея развѣвается
Два лебединыхъ крыла...

* * *

Ружья, солдаты, рѣшотка желѣзная,
Своды угрюмые, стѣны беззвучныя,
Ночи и дни отупляюще-скучныя,
Жгучая злоба, тоска безполезная...
О, моя молодость! Въ дни эти темные
Ты не впадала ни разу въ отчаянье,
И не унизилась ты до раскаянья,
Какъ ни гнели тебя руки наемныя!
Что же теперь-то—почти не стѣсненная—

…ъ измѣняешь ты мнѣ, одинокому,
… по степному простору широкому
…одишь, больная, унылая, сонная?
…о же теперь-то—подъ небомъ синѣющимъ—
…рудь моя кашлемъ порой надрывается,
…ь сердцѣ же, грустно до срока старѣющемъ,
…ь жизнью всесвѣтною связь порывается?
…дно, ты горько тогда обманулася!
…дно, на вызовъ твой раной отвѣтило
…, передъ чѣмъ ты такъ гордо не гнулася,
…лько ты съ пылу ея не замѣтила,
… лишь теперь, поблѣднѣвъ, пошатнулася...

———

* * *

Ночи, ночи благодатныя
Жизнью дышущей весны,—
Вы, чьи звуки непонятные
Страстнымъ трепетомъ полны,
Чье дыханье благовонное
И ласкаетъ, и томитъ,
Властно будитъ чувства сонныя,
Мысли сонныя живитъ!
Долго, долго васъ, волшебныя,
Ждалъ я въ дальней сторонѣ,
Ждалъ, чтобъ вѣянье цѣлебное
Освѣжило душу мнѣ.
Годы ждалъ я васъ, измученный,
Утомленный и больной,
Но, какъ прежде, не наученный
Покоряться силѣ злой.
И сбылися ожиданія—
Я пришелъ на свѣтлый югъ,
И затихнули страданія,
Успокоился недугъ.
Въ блесткахъ звѣздъ рѣка колышется,
Тихо ропщутъ тростники...
И легко, спокойно дышется,
Нѣтъ ни злобы, ни тоски.
Но надолго-ль?.. Дни проносятся—
И опять, тоской дыша,
Въ чудный край какой-то просится
Безпокойная душа...
Ночи, ночи благодатныя!
Въ чемъ же счастье, наконецъ?
Гдѣ стремленья необъятныя
Обрѣтутъ себѣ вѣнецъ?
Иль не къ вамъ душа стремилася
Изъ пустыни снѣговой?
Не предъ вашею молилася
Вдохновенной красотой?..
. . . .

———

* * *

Весь міръ живетъ въ твоихъ волнахъ,
Небесный тихій свѣтъ!
Твоимъ лучомъ и листъ травы,
И человѣкъ согрѣтъ.
И въ каждомъ сердцѣ съ дѣтскихъ дней
Твой отблескъ отраженъ,
Хотя, какъ искра подъ золой,
Порой не виденъ онъ.
Тобою полны чары струнъ,
И кисти, и рѣзца,
Тобою свѣтятся шипы
Терноваго вѣнца.
И это ты, сойдя въ нашъ міръ
Въ безсмертной красотѣ,
Сіялъ когда-то надъ толпой,
Распятый на крестѣ!
Неугасимымъ маякомъ
Народамъ всѣхъ планетъ
Въ житейской тьмѣ пылаешь ты,
Небесный тихій свѣтъ.
Призывомъ сладостнымъ, какъ звонъ
Вечернею порой,
Всѣ человѣчества къ себѣ
Манитъ источникъ твой.
И человѣчества идутъ
На зовъ твой, тихій свѣтъ,
И въ ихъ семьѣ идемъ и мы,
Идемъ чрезъ море бѣдъ.
Едва-едва ты виденъ намъ
Средь жизненной ночи,
Но, вѣкъ отъ вѣка, все сильнѣй
Горятъ твои лучи.
За вѣкомъ вѣкъ... И вотъ къ тебѣ
Избранники дойдутъ,
Дойдутъ и къ трону твоему
Отставшихъ привлекутъ.
И стихнетъ въ мірѣ денегъ звонъ
И гулъ военныхъ грозъ,
И не увидимъ мы нигдѣ
Рабовъ, господъ и слезъ.
И будемъ жить мы, позабывъ
Страданья тысячъ лѣтъ,
Въ одномъ тебѣ, однимъ тобой,
Небесный тихій свѣтъ!..

XCII.

Allegro

(Поликсена Сергѣевна Соловьева).

Род. 1867.

Подъ псевдонимомъ Allegro г-жа Соловьева выступила въ печати въ 1895 г.; сборникъ стихотвореній выпущенъ въ 1899 г. Своеобразный нѣжно-грустный колоритъ лежитъ на этихъ всегда краткихъ, чрезвычайно сжатыхъ пьескахъ, мотивы которыхъ — бѣгло мелькающія въ душѣ, неясныя ей самой, настроенія; смутныя воспоминанія о чемъ-то прекрасномъ и печальномъ; свѣтлые сны, ка звѣзды пронизывающіе на мгновеніе туманну даль жизни; мысли, подобныя чувствамъ, и чувства, похожія на мысли, облеченныя в изящный поэтическій образъ. Къ сожалѣнію, от внѣшней отдѣлки такихъ миніатюрныхъ ве щицъ можно бы требовать большей тщатель ности,—большей безупречности, напр., рифм

---

* * *

Среди красотъ ликующей природы
Я чувствую порой,
Что близко, близко счастіе трепещетъ,
Незримо предо мной.
Когда звучатъ согласные напѣвы,
Я сердцемъ ихъ ловлю,
И кажется такъ близко и возможно
Все то, что я люблю.
Мнѣ чудится среди земныхъ тумановъ
Заря и день иной...
Еще лишь мигъ, и я сорву завѣсу—
И вѣчность предо мной!

---

* * *

Я проснулся... Мнѣ счастіе спать не даетъ!
Рано утромъ оно ворвалось вмѣстѣ съ солнцемъ
[ко мнѣ;
Вмѣстѣ съ пѣніемъ птицъ, не смолкая, звучитъ и
[поетъ,
И всю ночь мнѣ звучало, сіяло и пѣло во снѣ.
И я знаю, что если окно мнѣ открыть,
Вѣтерокъ съ дальнихъ горъ принесетъ мнѣ ду-
[шистый привѣтъ,
И когда-бъ было можно еще мнѣ сильнѣй полю-
[бить,
Полюбилъ бы сильнѣй я и утро, и горы, и свѣтъ!

---

* * *

Въ этихъ блѣдныхъ снѣгахъ мнѣ не видно пути,
Я одинъ и не знаю, куда мнѣ идти;
Только воронъ проснулся и дрогнулъ крыломъ,
Только голые сучья чернѣютъ кругомъ.
Ни единой звѣзды не блеснетъ въ вышинѣ,
Все заснуло въ холодной и злой тишинѣ;
Въ мутномъ небѣ не видно далекой луны,
И безсвязно бредутъ позабытые сны...
Сердце бьется такъ больно и тяжко въ груди,
Безконечная даль замерла впереди,
И сжимаетъ мнѣ душу мучительный страхъ:
Не найду я свой путь въ этихъ блѣдныхъ снѣгахъ!

---

* * *

не знаю покоя, въ душѣ у меня
ебывалыя пѣсни дрожатъ
, незримо летая, неслышно звеня,
росятъ жизни и свѣта хотятъ.
, быть можетъ, навѣкъ я страдать осужденъ:
боюсь, что цвѣтущей весной
ги пѣсни въ могилѣ встревожатъ мой сонъ,
ги пѣсни, неспѣтыя мной...

———

* * *

Счастья нѣтъ—есть только отраженье
еземного въ темнотѣ земной.
къ сіяетъ блескъ свѣтилъ далекихъ,
траженный темною волной.
Брось весло! Пусть волны замираютъ,
уть замѣтно зыблясь въ тишинѣ,
любуйся яркимъ отраженьемъ
вѣтлыхъ звѣздъ на дремлющей волнѣ!

———

ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ.

Вчера такъ медленно ты въ небѣ умирала,
Сверкая золотомъ, такъ улыбалась мнѣ
И столько радости и свѣта обѣщала,
Что я всю ночь мечталъ о новомъ ясномъ днѣ.
Но этотъ день насталъ унылый и туманный:
Повѣсивъ въ воздухѣ дождя сѣдую сѣть,
Онъ душу тяготитъ, какъ злой пришлецъ нежданный,
Съ которымъ трудно жить и страшно умереть.
Скажи, зачѣмъ же ты такъ много мнѣ сулила,
Тамъ, за деревьями, до полночи горя,
И золотомъ обѣтъ несбыточный чертила,
Моя прекрасная, невѣрная заря?
Но на тебя роптать не стану, золотая,
Обманъ твой, ясная, по прежнему люблю
И, сердцемъ о твоихъ обѣтахъ вспоминая,
За ложь прекрасную тебя благословлю!

———

XCIII.

Мирра Александровна Лохвицкая-Жиберъ.

1871 — 1905.

Въ печати впервые появилась въ 1889 г.; первый сборникъ стиховъ вышелъ въ 1896 году.

Поэзія Лохвицкой — порыванія страстной женской души отъ будничной прозы окружающей жизни въ солнечный край мечты, гдѣ все — любовь, счастье и наслажденіе. Къ сожалѣнію, многія стихотворенія даютъ поводъ обвинять автора въ томъ, что любовь онъ понимаетъ, главнымъ образомъ, какъ чувственную страсть, и призваніе женщины ограничиваетъ ролью какой-то «восточной розы», созданной для наслажденій гарема... Какъ бы то ни было, любовь — главная, излюбленная тема Лохвицкой, и другіе мотивы ей въ большинствѣ не удаются. Лучшая изъ большихъ вещей, на нашъ взглядъ, драматическая фантазія «Вандэлинъ».

Желаніе, выраженное поэтессой въ одномъ изъ стихотвореній, исполнилось: она умерла молодой...

* * *

И вѣтра стонъ, и шопотъ мрачныхъ думъ...
И жить отрады нѣтъ...
А гдѣ-то—зной, и моря тихій шумъ,
И солнца яркій свѣтъ!
Гудитъ мятель и множитъ въ сердцѣ гнетъ
Невыплаканныхъ слезъ...
А гдѣ-то миртъ, зеленый миртъ растетъ
И кущи бѣлыхъ розъ!
Проходитъ жизнь въ мечтаньяхъ объ иномъ,
Ничтожна и пуста...
А гдѣ-то смѣхъ, и счастье бьетъ ключомъ,
И блескъ, и красота!

* * *

Еслибъ счастье мое было вольнымъ орломъ,
Еслибъ гордо онъ въ небѣ парилъ голубомъ,
Натянула-бъ я лукъ мой пѣвучей стрѣлой—
И, живой или мертвый, а былъ бы онъ мой!
Еслибъ счастье мое было чуднымъ цвѣткомъ,
Еслибъ росъ тотъ цвѣтокъ на утесѣ крутомъ,
Я достала-бъ его, не боясь ничего,
Сорвала и упилась дыханьемъ его!
Еслибъ счастье мое было рѣдкимъ кольцомъ
И зарыто въ рѣкѣ подъ сыпучимъ пескомъ,
Я-бъ русалкой за нимъ опустилась на дно,—
На рукѣ у меня заблистало-бъ оно!
Если-бъ счастье мое было въ сердцѣ твоемъ,
День и ночь я бы жгла его тайнымъ огнемъ,
Чтобы, мнѣ безъ раздѣла навѣкъ отдано,
Только мной трепетало и билось оно!

* * *

Я хочу быть любимой тобой
Не для знойнаго сладкаго сна,
Но—чтобъ связаны вѣчной судьбой
Были наши навѣкъ имена.
Этотъ міръ такъ отравленъ людьми,
Эта жизнь такъ скучна и темна...
О, пойми,—о, пойми,—о, пойми,

. Въ цѣломъ свѣтѣ всегда я одна.
Я не знаю, гдѣ правда, гдѣ ложь,
Я затеряна въ мертвой глуши.
Чтó мнѣ жизнь, если ты оттолкнешь
Этотъ крикъ наболѣвшей души?
. . . .

———

* * *

люблю тебя, какъ море любитъ солнечный во- [сходъ,
къ нарцисъ, къ волнѣ склоненный,—блескъ и [холодъ сонныхъ водъ.
люблю тебя, какъ звѣзды любятъ мѣсяцъ золо- [той,
къ поэтъ—свое созданье, вознесенное мечтой.
люблю тебя, какъ пламя—однодневки-мотылки,
ъ любви изнемогая, изнывая отъ тоски.
люблю тебя, какъ любитъ звонкій вѣтеръ ка- [мыши,
люблю тебя всей волей, всѣми струнами души.
люблю тебя, какъ любятъ неразгаданные сны:
льше солнца, больше счастья, больше жизни и [весны!

———

* * *

. Ангелъ безгрѣшный, случайно попавшій на [землю,
олько ты счастья принесъ! Какъ ты мнѣ дорогъ, [дитя!
ются и золотомъ кудри твои отливаютъ,
ещутъ вкругъ милой головки твоей ореоломъ;
съ ты—какъ облачко, свѣтомъ зари залитóе,
стый, какъ ландышъ лѣсной, майскій прелестный
Съ кроткою ласкою изсиня-темные глазки
Въ душу мнѣ смотрятъ и цвѣтомъ походятъ на [небо,
Въ мигъ потемнѣвшее передъ грозою весенней...
Небо во взорѣ твоемъ я созерцаю, дитя!
Гдѣ та страна, о которой лепечутъ намъ сказки?
Въ край тотъ чудесный тебя на рукахъ бы снесла я,
Молча, босая, по острымъ каменьямъ пошла бы,
Лишь бы избавить тебя терній земного пути!

———

* * *

Я хочу умереть молодой,
Не любя, не грустя ни о комъ;
Золотой закатиться звѣздой,
Облетѣть не увядшимъ цвѣткомъ.
Я хочу, чтобъ на камнѣ моемъ
Истомленные долгой враждой
Находили блаженство вдвоемъ...
Я хочу умереть молодой!
Схороните меня въ сторонѣ
Отъ докучныхъ и темныхъ дорогъ,
Тамъ, гдѣ верба склонилась къ волнѣ,
Гдѣ желтѣетъ некошенный дрокъ.
Чтобы сонные маки цвѣли,
Чтобы вѣтеръ дышалъ надо мной
Ароматами дальней земли...
Я хочу умереть молодой!
Не смотрю я на пройденный путь,
На безумье растраченныхъ лѣтъ:
Я могу беззаботно уснуть,
Если гимнъ мой послѣдній допѣтъ.
Пусть не меркнетъ огонь до конца,
И останется память о той,
Чтó для жизни будила сердца...
Я хочу умереть молодой!

XCIV.

Алексѣй Николаевичъ Будищевъ.

Род. 1867.

ТРІУМФАТОРЪ.

Рукоплещетъ толпа восхищенная,
Рукоплещетъ вся площадь кругомъ,—
И гетера, виномъ опьяненная,
И сенаторъ съ обрюзгшимъ лицомъ.
Плавно мѣдные шлемы колышутся,
Кони пляшутъ, храпятъ и дрожатъ,
И далеко по улицѣ слышится
Тяжкій шагъ загорѣлыхъ солдатъ.
Гулъ растетъ... Показалися плѣнные...
Вотъ и царь молодой, въ кандалахъ:
Улыбаются губы надменныя,
И спокойствіе въ ясныхъ очахъ...
Предъ дружиной, въ бояхъ посѣдѣлою,
Онъ идетъ въ кандалахъ, но царемъ,
Гордымъ шагомъ, съ улыбкою смѣлою,
Словно лавры и пурпуръ на немъ.
И, привставъ въ колесницѣ сверкающей,
Поблѣднѣвъ подъ лавровымъ вѣнкомъ,
Тріумфаторъ, сквозь ревъ оглушающій,
Безпокойно слѣдитъ за царемъ.
И горитъ онъ ревнивою думою:
Что не онъ—тріумфаторъ, не онъ,
А—тотъ царь, чтó съ дружиной угрюмою
Къ мѣсту казни идетъ, какъ на тронъ!..

1896.

XCV.

Зинаида Николаевна Гиппіусъ.

Род. 1867.

Конецъ 80-хъ и начало 90-хъ годовъ характеризуются, какъ извѣстно, почти полнымъ застоемъ и омертвѣніемъ русской общественной жизни и мысли. Само собой разумѣется, что скрытая, подспудная работа живыхъ силъ страны не прекращалась и въ эти глухіе годы: въ глубинахъ народной жизни, въ тайникахъ общественной психики незамѣтно подготовлялись тѣ грандіозныя движенія и событія, свидѣтелемъ которыхъ явилось первое же десятилѣтіе новаго вѣка; но снаружи казалось, что все живое и мыслящее невозвратно умерло, придавленное грубымъ сапогомъ военнаго самовластія... И на огромномъ пустырѣ россійской дѣйствительности пышно распускались всякаго рода сорныя травы, вродѣ извѣстной проповѣди „малыхъ дѣлъ“ и „непротивленія злу“, затѣмъ первыхъ декадентскихъ потугъ—въ видѣ теорій „эстетическаго идеализма“, „символизма“ и пр. На страницахъ журнала „Сѣверный Вѣстникъ“ (редакціи Волынскаго) и „Книжекъ Недѣли“ впервые появилась плеяда поэтовъ такъ называемаго „новаго настроенія“, чуждыхъ и даже враждебныхъ всякой общественной тенденціи. Одною изъ видныхъ представительницъ этихъ первыхъ нашихъ декадентовъ была З. Н. Гиппіусъ,—поэтесса и новеллистка характерно-изломанная, манерная и неискренняя, хотя и не лишенная извѣстнаго дарованія. Смотря по требованію моды и настроенію „школы“,—отъ культа дьявола она безъ малѣйшаго труда переходитъ къ воспѣванію Бога, отъ дерзкихъ богохуленій—къ смиренному святошеству; съ неземныхъ высей того, „чего не бываетъ на свѣтѣ“, спускается въ болотныя низины самой неприкрашенной или грубо-утонченной порнографіи...

Приводимъ, кстати, остроумную пародію г. Юрьина (Бенедикта) на одно изъ помѣщаемыхъ ниже стихотвореній г-жи Гиппіусъ „Цвѣты Ночи“:

Въ часъ, когда всѣ краски смѣшаются,
Когда мракъ проникнетъ въ покои,
На жизнь мою покушаются—
Кто бы могъ догадаться?—обои!..
Но не вреднымъ дѣйствіемъ сырости,
Не микробовъ грознымъ потокомъ...
Хотятъ страшнымъ призракомъ вырости
Въ тьмѣ ночной предъ недремлющимъ окомъ.
То приступятъ къ горлу съ кинжалами,
То въ меня стрѣляютъ изъ ружей,
Язвятъ смертельными жалами,
Леденятъ нестерпимою стужей.
Ахъ, ужъ скоро надъ нами обоими
Будутъ пѣть похоронную мессу:
Убиваемъ я злыми обоями,
Отравляютъ цвѣты поэтессу!

ПѢСНЯ.

Окно мое высокó надъ землею,
Высокó надъ землею.
Я вижу только небо съ вечерней зарею,
Съ вечерней зарею.
И небо кажется пустымъ и блѣднымъ,
Такимъ пустымъ и блѣднымъ...
Оно не сжалится надъ сердцемъ бѣднымъ,
Надъ моимъ сердцемъ бѣднымъ!
Увы, въ печали безумной я умираю,
Я умираю,
Стремлюсь къ тому, чего я не знаю,
Не знаю...
И это желанье—не знаю откуда,
Пришло откуда,
Но сердце хочетъ и проситъ чуда,
Чуда!
О, пусть будетъ то, чего не бываетъ,
Никогда не бываетъ!
Мнѣ блѣдное небо чудесъ обѣщаетъ,
Оно обѣщаетъ.
Но плачу безъ слезъ о невѣрномъ обѣтѣ,
О невѣрномъ обѣтѣ,
Мнѣ нужно то, чего нѣтъ на свѣтѣ,
Чего нѣтъ на свѣтѣ!

1893.

ЦВѢТЫ НОЧИ.

О, ночному часу не вѣрьте!
Онъ исполненъ злой красоты.
Въ этотъ часъ люди близки къ смерти,
Только странно-живы цвѣты.
Тёмны, тёплы тихія стѣны,
И давно каминъ безъ огня...
И я жду отъ цвѣтовъ измѣны,—
Ненавидятъ цвѣты меня.
Среди нихъ мнѣ жарко, тревожно,
Ароматъ ихъ душенъ и смѣлъ;
Но уйти отъ нихъ невозможно,
Но нельзя избѣжать ихъ стрѣлъ.
Свѣтъ вечерній лучи бросаетъ
Сквозь кровавый шелкъ на листы...
Тѣло нѣжное оживаетъ,
Пробудились злые цвѣты.
Съ ядовитаго арума мѣрно
Капли падаютъ на коверъ...
Все таинственно, все невѣрно...
И мнѣ тихій чудится споръ.
Шелестятъ, шевелятся, дышутъ,
Какъ враги, за мною слѣдятъ,
Все, чтó думаю,—знаютъ, слышатъ
И меня отравить хотятъ.
О, часу ночному не вѣрьте!
Берегитесь злой красоты.
Въ этотъ часъ мы всѣ ближе къ смерти,
Только живы одни цвѣты.

1894.

ЛЮБОВЬ—ОДНА.

Единый разъ вскипаетъ пѣной
И разсыпается волна.
Не можетъ сердце жить измѣной,
Измѣны нѣтъ: любовь—одна!
Мы негодуемъ, иль играемъ,
Иль лжемъ—но въ сердцѣ тишина.
Мы никогда не измѣняемъ:
Душа одна—любовь одна.
Однообразно и пустынно,
Однообразіемъ сильна,
Проходитъ жизнь... И въ жизни длинной
Любовь одна, всегда одна.
Лишь въ неизмѣнномъ—безконечность,
Лишь въ постоянномъ глубина.
И дальше путь, и ближе вѣчность,
И все яснѣй: любовь одна.
Любви мы платимъ нашей кровью,
Но вѣрная душа—вѣрна,
И любимъ мы одной любовью...
Любовь—одна, какъ смерть одна!

XCVI.

Өедоръ Сологубъ
(Өедоръ Кузьмичъ Тетерниковъ).

Род. 1863.

Однимъ изъ самыхъ подлинныхъ и характер-
ıхъ порожденій пришибленной и принижен-
й эпохи предшествующаго царствованія слѣ-
етъ признать поэзію г. Сологуба. Личная
эграфія поэта намъ совершенно неизвѣстна,
мы охотно допускаемъ, что непосредственно
себѣ онъ не испыталъ никакихъ давленій
стороны режима, угнетавшаго современное
у поколѣніе; но безсознательно, стихійно
ъ, несомнѣнно, впиталъ въ себя всѣ кош-
ры, витавшіе въ отравленной атмосферѣ
охи Александра III, — и страннымъ, нездоровымъ цвѣткомъ распустилась его болѣзненно пугливая, аскетически-уродливая муза.

Созданное эпохой безвременья, больное искусство, естественно, вызывало раздраженіе и озлобленіе передовой и мыслящей части общества, и лучшіе журналы середины 90-хъ годовъ ѣдко вышучивали и огульно отрицали, между прочимъ, поэзію Сологуба; но теперь, когда то запуганное, мрачное время отошло уже въ сравнительно-далекое прошлое,—къ ней можно отнестись болѣе безпристрастно и признать за г. Сологубомъ и нѣкоторый талантъ, и несомнѣнную искренность.

---

* * *

На сѣрой кучѣ сора
У пыльнаго забора,
По улицѣ глухой,
Цвѣтетъ въ началѣ мая,
Красою не прельщая,
Унылый звѣробой.
Въ скитаніяхъ ненужныхъ,
Въ страданіяхъ недужныхъ,
На скудной почвѣ золъ,
Внѣ свѣтлыхъ впечатлѣній
Безрадостный мой геній
Томительно расцвѣлъ.

---

* * *

Побѣждайте радость,
Умерщвляйте смѣхъ.
Все, въ чемъ только сладость,
Все—порокъ и грѣхъ.
Умерщвляйте радость,
Побѣждайте смѣхъ.
Кто смѣется? Боги,
Дѣти да глупцы.
Люди, будьте строги,
Будьте мудрецы!
Пусть смѣются боги,
Дѣти да глупцы.

---

* * *

Въ полѣ не видно ни зги.
Кто-то зоветъ: „Помоги!"
Чтó я могу?
Самъ я и бѣденъ, и малъ,
Самъ я смертельно усталъ,—
Какъ помогу?

Кто-то зоветъ въ тишинѣ:
„Братъ мой, приблизься ко мнѣ!
Легче вдвоемъ.
Если не сможемъ идти,
Вмѣстѣ умремъ на пути,
Вмѣстѣ умремъ“.

———

* * *

Я душой умирающей
Жизни радъ и не радъ,
И отъ бури взывающей
Не ищу я оградъ.
Я невольной улыбкою
Отвѣчаю грозѣ,
И покорностью зыбкою
Я подобенъ лозѣ.
Вѣрю сказкѣ божественной,
Вижу дивные сны...
Что мнѣ радость торжественной
Нерастлѣнной весны!
Что мнѣ звѣзды небесныя,
Ихъ таинственный строй!
Что мнѣ торжища тѣсныя
И телецъ золотой!
Горько пахнетъ известкою
Въ переулкѣ моемъ.
Я дорогою жесткою
Пробираюсь въ мой домъ.
Тамъ дыханіе ладана
Все мерещится мнѣ;
Тамъ святыня угадана
Въ неземной тишинѣ.
Безконечность страданія
Въ тѣхъ стѣнахъ вмѣщена,
И тоска умиранія,
Какъ блаженство, ясна.

———

* * *

Люблю мое молчанье
Въ лѣсу во тьмѣ ночей
И тихое качанье
Задумчивыхъ вѣтвей.
Люблю росу ночную
Въ сырыхъ моихъ лугахъ
И влагу полевую
При утреннихъ лучахъ.
Люблю зарею алой
Веселый холодокъ
И блѣдный, запоздалый
Рыбачій огонекъ.

Тогда успокоенье
Нисходитъ на меня,—
И что мнѣ все томленье
Пережитого дня!
Я всѣмъ земнымъ просторомъ
Блаженно замолчу
И многозвѣзднымъ взоромъ
Весь міръ мой охвачу.
Закроюсь я туманомъ
И волю дамъ мечтамъ
И сказочнымъ обманомъ
Раскинусь по полямъ.

———

* * *

Я вѣрю въ творящаго Бога,
Въ святые завѣты небесъ,
Я вѣрю, что явлено много
Безумному міру чудесъ.
И первое чудо на свѣтѣ,
Великій источникъ утѣхъ,—
Блаженно-невинныя дѣти,
Ихъ сладкій и радостный смѣхъ.

———

* * *

Дѣтскій лепетъ мнѣ несносенъ,
Мнѣ противенъ стукъ машинъ.
Я хочу подъ тѣнью сосенъ
Быть одинъ, всегда одинъ,—
Чтобъ пустынно восходило
И катилось надо мной
Безотвѣтное свѣтило,
Змѣй безумно-золотой;
Чтобъ свободный и пустынный
Вѣялъ вѣтеръ всѣхъ сторонъ,
Погружая душу въ длинный,
Безразгадно-вѣщій сонъ;
Чтобъ никто не молвилъ слова
Ни со мной, ни обо мнѣ,
Злымъ вторженіемъ былого
Въ безпредѣльной тишинѣ.
И когда настанетъ время
Безпробудно опочить
И томительное бремя
Съ утомленныхъ плечъ сложить,—
Чтобъ никто моей пустыней
Съ тихимъ пѣньемъ не ходилъ,
Чтобъ не плавалъ ладанъ синій
Вкругъ колеблемыхъ кадилъ.

———

XCVII.

Константинъ Дмитріевичъ Бальмонтъ.

Род. 1867.

Въ восьми или девяти сборникахъ, выпущен-хъ г. Бальмонтомъ съ середины 90-хъ го-въ, содержащихъ въ общемъ болѣе 1000 ихотвореній,—можно насчитать десятка два і три красивыхъ, задумчиво-нѣжныхъ пье-съ, которымъ можно сдѣлать одинъ только рекъ—замѣтную подражательность (и въ тивахъ, и въ формѣ) иностраннымъ образ-мъ, Шелли, Бодлеру и пр. Къ сожалѣнію, омкой извѣстностью г. Бальмонтъ обязанъ этой лучшей части своего творчества: онъ яется наиболѣе плодовитымъ и смѣлымъ пред вителемъ русской „декадентской" школы, гъ уже второе десятилѣтіе занимающейся каго рода демоническими и сверхчеловѣче-ими кривляніями. И, къ сожалѣнію, находятся только читатели, но и критики, которые ятъ въ этихъ кривляніяхъ глубокій „фи-софскій" смыслъ, видятъ красоту тамъ, гдѣ ровое эстетическое чутье должно бы на-ходить лишь паденіе и униженіе искусства.— Лучшія (на нашъ взглядъ) произведенія г. Бальмонта, дѣйствительно, отличаются временами чарующей легкостью и музыкальностью стиха; но „философскія" его вещи, наоборотъ, поражаютъ часто прозаичностью и тяжеловѣсностью явно вымученной формы...

Переживаемый революціонный моментъ заставилъ многихъ декадентовъ перестроить свою лиру и удариться въ ставшую опять модной гражданственность. Сдѣлалъ такую попытку и г. Бальмонтъ, но „политическія" стихотворенія его—самое неудачное и слабое изъ всего, когда-либо написаннаго этимъ изумительно плодовитымъ поэтомъ.

Г. Бальмонтъ извѣстенъ еще, какъ переводчикъ великаго англійскаго поэта, Перси Биши Шелли; но цѣнность этой его работы, почему-то, до сихъ поръ еще не выяснена критикой.

ФАНТАЗІЯ.

къ живыя изваянья, въ искрахъ луннаго сіянья,
ъ трепещутъ очертанья сосенъ, елей и березъ;
щій лѣсъ спокойно дремлетъ, яркій блескъ луны [пріемлетъ
роптанью вѣтра внемлетъ, весь исполненъ тай-[ныхъ грезъ.
ыша тихій стонъ мятели, шепчутъ сосны, шеп-[чутъ ели;
мягкой бархатной постели имъ отрадно почивать,
о чемъ не вспоминая, ничего не проклиная,
ви стройныя склоняя, звукамъ полночи внимать.

Чьи-то вздохи, чье-то пѣнье, чье-то скорбное моленье,
И тоска, и упоенье,—точно искрится звѣзда,
Точно свѣтлый дождь струится,—и деревьямъ что-то [мнится,
То, что людямъ не приснится, никому и никогда.
Это мчатся духи ночи, это искрятся ихъ очи;
Въ часъ глубокой полуночи мчатся духи черезъ [лѣсъ.
Что́ ихъ мучитъ, что́ тревожитъ? Что, какъ червь, [ихъ тайно гложетъ?
Отчего ихъ рой не можетъ пѣть отрадный гимнъ [небесъ?

Все сильнѣй звучитъ ихъ пѣнье, все слышнѣе въ немъ томленье,
Неустаннаго стремленья неизмѣнная печаль,—
Точно ихъ томитъ тревога, жажда вѣры, жажда Бога,
Точно мукъ у нихъ такъ много, точно имъ чего-то жаль.
А луна все льетъ сіянье, и безъ муки, безъ страданья,
Чуть трепещутъ очертанья вѣщихъ сказочныхъ деревъ;
Всѣ они такъ сладко дремлютъ, безучастно стонамъ внемлютъ
И съ спокойствіемъ пріемлютъ чары ясныхъ, свѣтлыхъ сновъ.

———

ЛУННЫЙ СВѢТЪ.

Когда луна сверкнетъ во мглѣ ночной
Своимъ серпомъ, блистательнымъ и нѣжнымъ,
Моя душа стремится въ міръ иной,
Плѣняясь всѣмъ далекимъ, всѣмъ безбрежнымъ.
Къ лѣсамъ, къ горамъ, къ вершинамъ бѣлоснѣжнымъ
Я мчусь въ мечтахъ, какъ будто духъ больной,
Я бодрствую надъ міромъ безмятежнымъ
И сладко плачу, и дышу луной.
Впиваю это блѣдное сіянье,
Какъ эльфъ, качаюсь въ сѣткѣ изъ лучей,
Я слушаю, какъ говоритъ молчанье;
Людей родныхъ мнѣ далеко страданье...
Чужда мнѣ вся земля съ борьбой своей,
Я—облачко,—я вѣтерка дыханье.

———

ЧАЙКА.

Чайка, сѣрая чайка съ печальными криками носится
Надъ холодной пучиной морской.
И откуда примчалась? Зачѣмъ? Почему ея жалобы
Такъ полны безграничной тоской?
Безконечная даль. Непривѣтное небо нахмурилось.
Закурчавилась пѣна сѣдая на гребнѣ волны.
Плачетъ сѣверный вѣтеръ, и чайка рыдаетъ, безумная,
Безпріютная чайка изъ дальней страны!

———

* * *

О, волны морскія, родная стихія моя,
Всегда вы свободно бѣжите въ иные края,
Всегда одиноки въ холодномъ движеньи своемъ,
А мы безутѣшно тоскуемъ—одни и вдвоемъ.
Зачѣмъ не могу я дышать и бѣжать, какъ волна?
Я въ мірѣ одинъ, и душа у меня холодна,
Я также спѣшу все въ иные, въ иные края,—
О, волны морскія, родная стихія моя!

———

* * *

Не буди воспоминаній. Не волнуй меня.
Мнѣ отраденъ мракъ полночный. Страшенъ св[...] точъ дня.
Былъ и я когда-то счастливъ. Вѣрилъ и любилъ.
Но когда и гдѣ—не помню. Все теперь забылъ:
Съ кѣмъ я жизнь свою размыкалъ? И зачѣмъ, з[...] чѣмъ?
Самъ не знаю. Въ сердцѣ пусто. Умъ безсильн[...] нѣмъ.
Дождь струится безпощадный. Вѣтеръ бьетъ въ ок[...]
Смѣхъ безпечный стихъ и замеръ—далеко, давно.
Для чего-жъ ты вновь со мною, позабытый друг[...]
Точно тѣнь, встаешь и манишь. Но темно вокруг[...]
Мнѣ не нуженъ запоздалый, горькій твой привѣт[...]
Не хочу изъ тьмы могильной выходить на свѣтъ.
Нѣтъ въ душѣ ни думъ, ни звуковъ. Нѣтъ въ гл[...] захъ огня.
Тише, тише. Засыпаю. Не буди меня.

———

ЗАМАРАШКА.

Бѣдная ты замарашка,
Сѣренькій робкій звѣрекъ,
Ты—полевая ромашка,
Никѣмъ не любимый цвѣтокъ.
Ты и не знаешь, какъ манитъ
Прелесть незнатныхъ полей,—
Видъ твой души не обманетъ,
Ты всѣхъ мнѣ красавицъ милѣй.

———

ПОСЛѢДНІЙ ЛУЧЪ.

Прорѣзавъ тучу, темную какъ дымъ,
Послѣдній лучъ, въ предчувствіи заката,
Горитъ угрюмо,—онъ, что былъ живымъ
Когда-то!
Тѣсниной смутныхъ горъ враждебно сжата,
Одна долина свѣтомъ золотымъ
Еще живетъ, блистательно-богата.
Но блескъ ушелъ къ вершинамъ вѣковымъ,
Гдѣ нѣтъ ни травъ, ни сновъ, ни аромата...
— О, да, я помню! Да! я былъ живымъ
Когда-то!

———

МЕЖЪ ПОДВОДНЫХЪ СТЕБЛЕЙ.

Хорошо межъ подводныхъ стеблей.
Блѣдный свѣтъ. Тишина. Глубина.

Мы замѣтимъ лишь тѣнь кораблей,
И до насъ не доходитъ волна.
Неподвижные стебли глядятъ,
Неподвижные стебли растутъ.
Какъ спокоенъ зеленый ихъ взглядъ,
Какъ они безтревожно цвѣтутъ.
Безглагольно глубокое дно,
Безъ шуршанья морская трава.
Мы любили когда-то, давно,
Мы забыли земныя слова.
Самоцвѣтные камни. Песокъ.
Молчаливые призраки рыбъ.
Міръ страстей и страданій далекъ.
Хорошо, что я въ морѣ погибъ!

---

* * *

…его мнѣ такъ душно? Отчего мнѣ такъ скучно?
…овсѣмъ остываю къ мечтѣ.
…мои равномѣрны, жизнь моя однозвучна,
…астылъ на послѣдней чертѣ.
…ько шагъ остается, только мигъ быстрокрылый
…уйду я отъ блѣдныхъ людей.
…чего же я медлю предъ раскрытой могилой?
…спѣшу въ неизвѣстность скорѣй?
…е прежній веселый, полубогъ вдохновенный,
…е геній пѣвучей мечты.
…грюмый заложникъ, я тоскующій плѣнный,
…тою у послѣдней черты.
…ько мигъ быстрокрылый, и душа альбатросомъ
…сется къ невѣдомой мглѣ.
…сталъ приближаться отъ вопросовъ къ вопро- [самъ,
…алѣю, что жилъ на Землѣ.

ЗАВѢТЪ БЫТІЯ.

…просилъ у свободнаго Вѣтра»
…мнѣ сдѣлать, чтобъ быть молодымъ?
…отвѣтилъ играющій Вѣтеръ:
…дь воздушнымъ, какъ вѣтеръ, какъ дымъ!“
…просилъ у могучаго Моря,
…чемъ великій завѣтъ бытія.
…отвѣтило звучное Море:
…дь всегда полнозвучнымъ, какъ я!“
…просилъ у высокаго Солнца,
…мнѣ вспыхнуть свѣтлѣе зари.
…его не отвѣтило Солнце,
…душа услыхала: „Гори!“

УТРО.

…ершинѣ горной коршунъ прокричалъ.
…ръ этотъ возгласъ до меня домчалъ,
Я разсвѣтъ весенній не одинъ встрѣчалъ.
Солнце протянуло острые лучи,
И они зардѣли, ярко-горячи,
И отъ нихъ запѣли горные ключи.
О, какъ много силы и любви вокругъ,
О, какъ нѣжно млѣетъ этотъ горный лугъ,
Я съ тобой душою, мой далекій другъ.
Я гляжу въ долину съ горной высоты,
Въ мысляхъ, полныхъ страсти, расцвѣли цвѣты,
Въ этомъ мірѣ— Солнце, въ этомъ сердцѣ—ты.

ПТИЧКА.

Воздушная птичка на окнѣ у меня
На мгновенье присѣла и запѣла, звеня,—
Воздушная птичка не видала меня.
Закатъ запоздалый въ облакахъ догоралъ,
Упоительно алый, какъ небесный кораллъ,—
Забытый, усталый, я одинъ умиралъ.
Но сѣрая птичка, на раскрытомъ окнѣ,
Все воздушнѣе пѣла о негаснущемъ днѣ,—
О вѣчности свѣтлой въ неизвѣстной странѣ.
И тихо я умеръ, безъ печали земной,
И замолкшая птичка улетѣла со мной,—
Смутившись внезапно неземной тишиной.

---

* * *

Я не знаю мудрости, годной для другихъ,
Только мимолетности я влагаю въ стихъ.
Въ каждой мимолетности вижу я міры,
Полные измѣнчивой радужной игры.
Не кляните, мудрые. Что вамъ до меня?
Я вѣдь только облачко, полное огня.
Я вѣдь только облачко. Видите: плыву
И зову мечтателей... Васъ я не зову!

СО СТОРОНЫ.

Я отошелъ къ сторонѣ—и смотрю.
Что это тамъ въ отдаленьи,
Зарево вижу я, или зарю?
Это пожаръ, или день въ многоцвѣтномъ рож- [деньи?
То и другое. Смѣшалися краски и дымъ.
Въ домѣ горящемъ безумцы танцуютъ, какъ тѣни.
Пляшутъ, какъ прежде. Домъ гибнетъ, и призраки [съ нимъ.
Лѣстница—въ пламени. Рухнула. Пали ступени.
Выйти нельзя.
Призраки пляшутъ въ дрожаніи краснаго цвѣта.
Въ небѣ—другое. Сквозь дымъ и сквозь тучи [сквозя,
Вольно, раскидисто ширится радость разсвѣта.

XCVIII.

Валерій Яковлевичъ Брюсовъ.

Род. 1873.

Поэтъ-декадентъ, идущій по стопамъ г. Бальмонта, въ чудачествахъ часто оставляющій послѣдняго за флагомъ, но далеко уступающій ему въ дарѣ легкаго и музыкальнаго стиха. Это г. Брюсовъ—авторъ „знаменитаго“ однострочнаго стихотворенія:

О, закрой свои блѣдныя ноги!..

Необходимо, однако, оговориться, что въ то время, какъ г-на Бальмонта къ декадентскимъ кривляніямъ и манерностямъ, несомнѣнно, влечетъ какая-то стихійная сила, природныя свойства дарованія, — у г. Брюсова, какъ въ достоинствахъ, такъ и недостаткахъ, всегда видна прежде всего сознательность, рука не столько талантливаго, сколько умнаго, начитаннаго человѣка, знающаго цѣну труду и умѣющаго трудиться... Къ несчастію, по какой-то странной прихоти судьбы,—и умъ, и трудолюбіе этого писателя были до сихъ поръ посвящены, главнымъ образомъ, скоморошеству! Но въ рѣдкія минуты просвѣтлѣнія онъ можетъ создавать вдумчивыя, порой истинно-поэтическія вещи, образчикамъ которыхъ мы и даемъ мѣсто на страницахъ „Русской Музы“.

СКАЗАНІЕ О РАЗБОЙНИКѢ.

Начинается пѣсня недлинная
О Петрѣ, великомъ разбойникѣ.
Былъ тотъ Петръ разбойникомъ тридцать лѣтъ,
Межъ товарищей почитался набольшимъ,
Грабилъ поѣзда купецкіе,
Дѣлывалъ дѣла молодецкія,
Ни старцевъ не щадилъ, ни младенцевъ.
Въ той же странѣ случился монастырь святой:
На высокой горѣ, на отвѣсной,
Межъ землей и небомъ виситъ,
Ни откуда къ монастырю нѣтъ доступа.
Говоритъ тутъ Петръ товарищамъ:
— „Одѣвайте меня въ платье монашеское.
Пойду, постучусь перехожимъ странникомъ,
Ночью вамъ ворота отопру,
Ночью васъ на грабежъ поведу,
Гей вы, товарищи, буйные да вольные!“
Одѣвали его въ платье монашеское,
Постучался онъ странникомъ подъ ворота,
Впустили его дѣвы праведныя,
Обласкали его сестры добрыя,
Омыли ноги водицею,
Приготовили страннику трапезу.
Сидитъ разбойникъ за трапезой,
Ласкѣ-любви сестеръ удивляется,
Праведными помыслами ихъ смущается,
Что отвѣчать, что говорить—не знаетъ.
А сестры, близъ, въ горенкѣ собирались,
Говорили межъ собой такія слова:
— „Видно, гость-то нашъ святой человѣкъ,
Такое у него лицо просвѣтленное,
Такія у него рѣчи проникновенныя.
Мы омыли ему ноги водицею,
А есть у насъ сестра слѣпенькая—
Не омыть ли ей зракъ той водицею?“

...ывали онѣ сестру слѣпенькую,
Омывали ей зракъ той водицею,—
И прозрѣла сестра слѣпенькая.
Тутъ всѣ бѣжали въ горенку сосѣднюю,
Падали въ ноги всѣ предъ разбойникомъ,
Благодарили за чудо великое.
...разбойника душа смутилася,
Возмутилася ужасомъ и трепетомъ.
Творилъ и онъ земной поклонъ,
Земной поклонъ передъ Господомъ.
— „Былъ я, Господи, великимъ грѣшникомъ,
Примешь ли Ты мое покаяніе!“
...тъ и кончилась пѣсня недолгая.
Сталъ разбойникъ подвижникомъ,
Надѣлъ вериги тяжелыя,
По всей землѣ прославился подвигами;
А когда со святыми преставился,—
Мощи его и понынѣ чудеса творятъ.

———

ЧУДОВИЩА.

...всѣхъ углахъ жилья, въ проходахъ за дверьми
...оятъ чудовища, незримыя людьми:
...ѣзни, ужасы и думы тѣхъ, кто прежде
...илъ въ этихъ комнатахъ и вѣрилъ здѣсь на- [деждѣ.
...всѣ мы, съ первыхъ дней вступая въ старый [домъ,
...дъ ихъ вліяніемъ таинственнымъ живемъ.
...ъ образъ—какъ у птицъ. Какъ глупые пинг- [вины,
...и стоятъ во мглѣ, къ стѣнѣ притиснувъ спины
...чинно крылышки прижавъ къ своимъ бокамъ;
...къ грифы сѣрые, нахохлясь по угламъ,
...печкой, за бюро сидятъ неясной грудой;
...къ совы, на шкапахъ таятся и оттуда
...ядятъ незрячими глазами цѣлый день.
...и свѣтѣ дня ихъ нѣтъ, они—пустая тѣнь,
...только вечеромъ, когда уносятъ свѣчи,
...гдѣ-то вдалекѣ шумятъ за чаемъ рѣчи,—
...потемкахъ, въ комнатахъ, безмолвныхъ съ дав- [нихъ поръ,
...и выходятъ всѣ изъ мрака и изъ норъ,
...вяютъ и шумятъ, за мигомъ мигъ смѣлѣе,
...чти что на виду вытягиваютъ шеи,
...таютъ мальчика, боящагося мглы,
...лишь внесутъ огонь, скрываются въ углы.
...послѣ, полночью, въ квартирѣ тупо спящей
...ждаютъ, властные, какой-то ратью мстящей,
...чтами давнихъ лѣтъ холодный сонъ томятъ
...въ губы спящаго вдыхаютъ мертвый ядъ.

———

ПАРИЖЪ.

И я къ тебѣ пришелъ, о городъ многоликій,
Къ просторамъ площадей, въ открытые дворцы;
Я полюбилъ твой шумъ, всѣ уличные крики:
Напѣвъ газетчиковъ, бичи и бубенцы;
Я полюбилъ твой міръ, какъ сонъ, многообразный
И вѣчно дышащій, мучительно живой.
Твоя стихія—жизнь, лишь въ ней твои соблазны;
Ты на меня дохнулъ—и я навѣки твой...
Порой казался мнѣ ты безпощадно старымъ,
Но чаще ликовалъ, какъ рѣзвое дитя,
Въ вечерній, тихій часъ по меркнущимъ бульварамъ
Межъ оконъ блещущихъ людской потокъ катя.
Рядами сжатыми летѣли экипажи,
И росъ людской приливъ... Сверкали вензеля
Огнистыхъ вывѣсокъ... Таинственною пряжей
Вкругъ яркихъ фонарей сплетались тополя...
И эти тысячи и тысячи прохожихъ
Я сознавалъ волной, текущей въ новый вѣкъ.
И жадно я слѣдилъ теченье вольныхъ рѣкъ,
Самъ—капелька на днѣ въ ихъ каменистыхъ ложахъ.
А ты стоялъ во мглѣ—могучимъ, какъ судьба,
Колоссомъ, давящимъ безчисленныя рати...
Но не скудѣлъ пэанъ моихъ безумныхъ братій,
И Го́рода съ Людьми не падала борьба...
Когда же, утомленъ видѣньями и свѣтомъ,
Искалъ пріюта я—меня манилъ соборъ,
Давно прославленный торжественнымъ поэтомъ...
Какъ сладко здѣсь мечталъ мой воспаленный взоръ,
Какъ были сладки мнѣ узорчатыя стекла,
Розетки въ вышинѣ—сплетенья звѣздъ и лицъ...
За ними суета невольно гасла, блекла,
Предъ вѣчностью душа распростиралась ницъ...
Забывъ напѣвъ псалмовъ и тихій стонъ органа,
Я видѣлъ только свѣтъ, святой калейдоскопъ,
Лишь краски и цвѣта сіяли изъ тумана...
Была иль будетъ жизнь? И колыбель? И гробъ?
И начиналъ миражъ вращаться вкругъ, смѣняя
Всѣ краски радуги, всѣ отблески огней.
И краски были міръ. Въ глубокихъ безднахъ рая
Не эти-ль образы, вѣка, не утомляя,
Ласкаютъ взоръ ликующихъ тѣней?
А тамъ, за Сеной, былъ еще пріютъ священный.
Кругообразный храмъ и въ безднѣ саркофагъ,
Гдѣ, отдѣленъ отъ всѣхъ, спитъ императоръ плѣн- [ный,—
Суровый нашъ пророкъ и роковой нашъ врагъ!
Сквозь окна льется свѣтъ то золотой, то синій,
Неяркій, слабый свѣтъ, таинственный, какъ мгла,
Прозрачнымъ знаменемъ дрожитъ онъ надъ святы- [ней,
Сливаясь съ вѣяньемъ орлинаго крыла!
Чѣмъ дольше здѣсь стоишь, тѣмъ все кругомъ [безгласнѣй,

Но въ жуткой тишинѣ растетъ беззвучный громъ,
И оживаетъ все, чтó было дѣтской басней,
И съ невозможностью стоишь къ лицу лицомъ!
Онъ вѣкомъ властвовалъ, какъ парусомъ матросы,
Онъ милліонамъ душъ указывалъ ихъ смерть;
И сжали вдругъ его стѣной тюрьмы утесы,
Какъ кровля, налегла расплавленная твердь.
Заснулъ онъ во дворцѣ—и взоръ открылъ въ тем- [ницѣ,
И умеръ, не понявъ, прошелъ ли страшный сонъ...
Иль онъ не миновалъ? Ты грезишь, что въ гроб- [ницѣ?
И вдругъ войдешь сюда—съ жезломъ и въ багря- [ницѣ,—
И предъ тобой падемъ мы ницъ,—Наполеонъ!
И эти крайности!—Все буйство жизни нашей,
Средневѣкóвый миръ, величье страшныхъ дней—
Парижъ, ты съединилъ въ своей священной чашѣ,
Готовя страшный ядъ изъ пѣсенъ и идей!
Ты—человѣчества Мальстремъ. Напрасно люди
Мечтаютъ отъ твоихъ вліяній ускользнуть!
Ты долженъ все смѣшать въ чудовищномъ сосудѣ.
Блеститъ его рѣзьба, незримо таетъ муть.
Ты властно всѣхъ берешь въ зубчатыя колеса
И мелешь души всѣхъ, и вѣешь легкій прахъ.
А слезы вѣчности кропятъ его, какъ росы...
И ты стоишь, Парижъ, какъ мельница, въ вѣкахъ!
Въ тебѣ—возможности, въ тебѣ есть духъ дви- [женья,
Ты вольно окрыленъ, и вольныхъ крыльевъ тѣнь
Ложится и теперь на наши поколѣнья,
И стать великимъ днемъ здѣсь можетъ каждый [день.
Плотины баррикадъ вонзалъ ты смѣло въ стѣны
И замыкалъ потокъ мятущихся временъ,
И раздроблялъ его въ красивыхъ брызгахъ пѣны
Онъ дальше убѣгалъ, разбитъ, преображенъ.
Вторгались варвары въ твой сжатый кругъ, кру- [шили
Завѣтные углы твоихъ святыхъ дворцовъ,
Но былъ невластенъ мечъ надъ тайной вѣчной [были:
Какъ фениксъ, ты взлеталъ изъ дыма, живъ и [новъ.
Парижъ не весь въ домахъ и въ томъ иль въ [этомъ ликѣ:
Онъ—часть исторіи, идея, сказка, бредъ.
Свое безсмертіе ты понялъ, о великій,
И бреду твоему исчезновенья нѣтъ!

1903.

* * *

. . . И ляжемъ мы въ вѣкахъ, какъ перегной,
Мы всѣ, кто ищетъ, вѣритъ, страстно дышетъ,
И этотъ гимнъ, въ быломъ пропѣтый мной,
Я знаю, міръ грядущій не услышитъ.
Мы станемъ сказкой, бредомъ, бѣглымъ сномъ,
Порой встающимъ тягостнымъ кошмаромъ.
Они прійдутъ, какъ мы еще идемъ,
За все заплатятъ имъ,—мы гибнемъ даромъ.
Ну, что-жъ! Пусть такъ! Клони меня, судьба!
Дышать грядущимъ гордая услада!
И есть иль нѣтъ дорога сквозь гроба,—
Я былъ! Я есмь! Мнѣ вѣчности не надо!

КЪ ШВЕЦІИ.

Въ этомъ морѣ кто такъ щедро
Сѣвъ утесовъ разбросалъ?
Кто провелъ проливы въ нѣдра
Вѣковѣчныхъ скалъ?
Кто, художникъ, словомъ дивнымъ
Возрастилъ угрюмый боръ
По извивамъ непрерывнымъ
Матовыхъ озеръ?
Кто въ безлунной мглѣ столѣтій,
Какъ въ родной и вѣрный домъ,
Велъ народъ на камнѣ эти
Роковымъ путемъ?
Кто, подъ вопли вьюги снѣжной,
Подъ угрюмый ревъ зыбей,
Сохранилъ сурово-нѣжный
Говоръ древнихъ дней?
Въ часъ раздумій, въ часъ мечтаній,
Въ тихій отдыхъ отъ заботъ,
Въ свѣтѣ сѣверныхъ сіяній
У мятежныхъ водъ,
Кто-то создалъ эту сказку
Про озера и гранитъ
И въ дали вѣковъ развязку
Вымысла таитъ!

XCIX.

П. Я.

(Петръ Филипповичъ Якубовичъ.)

Род. 1860.

* * *

Я пою для тѣхъ, чьи души юны,
о болѣлъ, какъ за себя, за брата.
гзой былъ мнѣ сумракъ каземата,
ѣпь съ веревкой—лиры были струны.
Вамъ—заботы объ искусствѣ строгомъ,
мъ, пѣвцы любви и ликованья...
пою великія страданья
эколѣнья, прóклятаго Богомъ!

1884.

СКАЗОЧНЫЙ ГОРОДЪ.

Ты знавалъ этотъ городъ тумановъ,
ородъ холода, мглы и тоски?
онмъ блестящій дворцовъ-великановъ
едъ лицомъ горделивой рѣки,
юзно плещущей въ стѣну гранита,
бириинты гремящихъ сердито
ройныхъ улицъ, громадъ-площадей—
знавалъ на заре своихъ дней?..
Ахъ! любовью болѣзненно-страстной
люблю этотъ городъ несчастный!
Блѣдный сѣверъ, нашъ сѣверъ родной,
красотою его монотонной,
хой грусти лучемъ просвѣтленной,—
ѣсь онъ тутъ, какъ въ картинѣ живой.
дѣсь безъ розъ и безъ пѣсенъ весна;
бѣлый саванъ наряжены ночи,
отъ страха не свѣтитъ луна...
аждутъ отдыха скорбныя очи,
сомкнуться не могутъ для сна,—
тайнымъ ужасомъ въ даль устремляясь,
ѣ, загадочно, странно сплетаясь,
ни блѣдныя движутся... стонъ
й-то чудится... Бредъ или сонъ?

А январскія долгія ночи
Надъ закованной въ цѣпи рѣкой,
Когда яркія звѣздныя очи
Смотрятъ въ душу съ тоскою нѣмой,
И, облитый огнями земными,
Словно хочетъ соперничать съ ними
Возносящійся къ небу чертогъ,
Гдѣ пируетъ земной полубогъ?
Или—день, ослѣпляющій блескомъ,
Когда съ глухо рокочущимъ плескомъ,
Пестроты и движенья полна,
Въ даль уходитъ людская волна?..
Даже грозно-нѣмыя твердыни,
Гдѣ во имя великой святыни
Столько мукъ, страшныхъ мукъ безъ конца
Горделиво, безъ слезъ, принималось,
Столько силъ молодыхъ разбивалось,
Въ темнотѣ гробовой задыхалось,
Не прося и въ грядущемъ вѣнца,—
Даже эту глухую твердыню,
О, друзья! я люблю, какъ святыню!
Въ этихъ каменныхъ глыбахъ и онъ,
Лучшій другъ моей юности бѣдной,
Былъ свирѣпымъ врагомъ погребенъ.
Часто—слабый, безпомощный, блѣдный—
Онъ мерещился мнѣ въ тьмѣ ночей,
Когда сонъ убѣгалъ отъ очей,
И, безсильною злобой сгорая,
Въ лютой горести руки ломая,
Я на битву врага вызывалъ,
Какъ о счастьи, о жертвѣ мечталъ!..
Мимо ленты таинственно-красной
Этой грозной темницы не разъ
Проходилъ я въ полýночный часъ
Съ горькой думой: „Товарищъ несчастный!

Отчего искупительный рокъ
Не меня на страданья обрекъ?"
. . . .

Я люблю этотъ омутъ, гдѣ дышешь
Опьяняющимъ запахомъ ранъ
И клокочущій грозно вулканъ
Подъ ногами усталыми слышишь,
Гдѣ такъ жадно бороться спѣшишь,
Напрягаешь безумно усилья
И, какъ будто могучія крылья
За спиной ощущая, летишь
Прямо къ безднѣ, съ отвагою дикой...
Какъ колодникъ оковы свои,
Я люблю этотъ городъ великій,
Въ неповинной омытый крови!
Часто, въ вихрѣ борьбы безконечной
Обезсиленный, съ болью сердечной,
Со стыдомъ, безъ оглядки бѣжишь
Въ ту родимую ясную тишь,
Гдѣ волшебною сдѣлаться сказкой
Могутъ лютыя муки твои,
Гдѣ живитъ благодатною лаской
Мать-природа, царица любви,
Гдѣ забыть, хоть на время, возможно,
Какъ порою борьба безнадежна...
Что-жъ? Едва въ глубинѣ твоихъ ранъ
Стихнетъ боль, и горячій, кровавый
На мгновенье растаетъ туманъ,—
Онъ ужъ вновь предъ тобой—великанъ
Роковой, въ красотѣ величавой.
Грустный, скорбный, зоветъ онъ къ себѣ
Днемъ и ночью... Въ великой борьбѣ
Истекая слезами и кровью,
Жить враждою зоветъ и любовью!
Въ этомъ зовѣ—моленье и власть,
И угроза, и ласка участья,
Обѣщаніе муки и счастья...
Онъ зоветъ—побѣдить, или пасть!
1883.

ПЕРЕДЪ ОТПРАВКОЙ ВЪ СИБИРЬ.

Не плачь, сестра моя, что нѣтъ
Надеждъ для твоего поэта,
Что неба вольнаго и свѣта
Ему не видѣть столько лѣтъ!
Самой судьбой для русской Музы
Даны скитанья, скорби, узы,
И безъ терноваго вѣнца
Что́ слава русскаго пѣвца?..
Но, какъ изъ двухъ дубовъ могучихъ
Тотъ въ буряхъ крѣпокъ, какъ утесъ,
Который не въ лѣсахъ дремучихъ,
А въ полѣ, подъ грозою, росъ;
Какъ въ царствѣ тлѣнья, на кладбищѣ,
Пышнѣе розъ душистыхъ кустъ,
Такъ пѣснь полнѣй, свѣтлѣй и чище
Выходитъ изъ страдавшихъ устъ.
1887.

КРЕСТЪ И ИДЕАЛЪ.

Ни дружеской руки, ни любящаго взгляда...
Какъ вѣру поддержать, чѣмъ горе усладить?
У жалкихъ паріевъ не отнята отрада
Отчизны видѣть свѣтъ, родимый воздухъ пить,—
Все отнято у насъ!.. Убиты до расцвѣта
Любви и счастья сны... Средь холода и тьмы,
Съ душою, полною тепла, добра и свѣта,
Не грѣя, не свѣтя, въ цѣпяхъ угаснемъ мы.
Угаснемъ безъ слѣда, въ тоскѣ невыразимой,
Въ порывахъ ярости, безсильныхъ, какъ мечта,—
И средь чужихъ снѣговъ, въ пустынѣ нелюдимой,
Намъ пурга выроетъ могилу безъ креста!
— Путь скорби и тревогъ, а послѣ—мракъ заб-[венья?..
Нѣтъ! Нѣтъ! Не можетъ быть! Есть правда въ не-[бесахъ:
Когда и жизнь, и смерть—одной лишь цѣпи звенья,
Когда въ вѣкахъ живетъ и нашъ бездушный прахъ,
Когда сухой листокъ не упадетъ безплодно,
И вѣтеръ не вздохнетъ, чтобъ не оставить слѣдъ,—
О, если такъ, друзья,—скорбямъ души свободной
Забвенья также нѣтъ, уничтоженья нѣтъ!
Какъ грозный океанъ, волнуясь съ плескомъ мѣр-[нымъ,
Родъ человѣческій сквозь сумракъ золъ и бѣдъ
Путемъ медлительнымъ, но неуклонно-вѣрнымъ
Идетъ, за шагомъ шагъ, впередъ, гдѣ брезжетъ [свѣтъ.
Тамъ вѣчный день встаетъ! Тамъ—ни вражды, ни [муки,
Свободный, лучшій міръ... Еще рабы страстей,
Все-жъ лучше мы отцовъ, и такъ же наши внуки
Достойнѣй будутъ насъ названія людей.
Я знаю: на костяхъ погибшихъ поколѣній
Любви и счастія прекрасный цвѣтъ взойдетъ;
Кровь жаркая бойцовъ и слезы ихъ мученій
Лишь почву умягчатъ, чтобъ дать роскошный [плодъ.
Изъ груды ихъ крестовъ создастся рядъ ступеней
Ведущихъ родъ людской къ высокимъ небесамъ.
Свершится дивный сонъ—и свѣтлыхъ райскихъ [сѣней
Достигнетъ человѣкъ и богомъ станетъ самъ!
О, какъ горитъ звѣзда невѣдомаго счастья,
Какъ даль грядущаго красна и широка!
Что́ значатъ передъ ней—весь этотъ мракъ ненастья,
Всѣхъ этихъ мукъ и слезъ безумные вѣка?
1890, Кара.

* * *

нѣ снилось сегодня—въ безвѣстномъ краю,
ь слезахъ, я родимую видѣлъ свою.
„Скажи, мой желанный, скажи, дорогой,
ождусь ли тебя я, соколикъ, домой?
гляни: мои очи ослѣпли отъ слезъ,
снѣга бѣлѣй стали пряди волосъ.
се грезятся мнѣ, на яву и во снѣ,
радакья твои въ чужедальней странѣ;
се слышу бряцанье тяжелыхъ цѣпей,
се вижу замки у дубовыхъ дверей;
нами—знакомая поступь и рѣчь...
ельзя мнѣ спокойно въ могилушку лечь!"
О, матушка, милая! Радъ бы душой
бя я утѣшить, вернуться домой...
и были бы жизни даны мнѣ въ удѣлъ—
съ отдалъ бы я—и къ тебѣ полетѣлъ!
душу живую посмѣю-ль продать?
огла ли-бъ меня ты за сына признать?..—
слезы лились у родимой рѣкой,
дряхлой качала она головой...

—

КЪ РОДИНѢ.

За что любить тебя? Какая ты намъ мать,
огда и мачиха безчеловѣчно-злая
е станетъ пасынка такъ безпощадно гнать,
къ ты дѣтей своишь казнишь, не уставая?
обя, дала-ль ты намъ одинъ хоть красный день?
нашъ весенній путь, раскинутый широко,
навела съ утра зловѣщей тучи тѣнь,
каплѣ кровь изъ насъ всю выпила до срока!
къ врагъ, губила насъ, какъ яростный тиранъ!
мракѣ безъ зари живыми погребала,
ала на край земли, въ снѣга безлюдныхъ странъ,
цвѣтѣ силы—убивала...
ечты великія безъ жалости губя,
, какъ преступниковъ, позоромъ насъ клеймила,
злобой душу намъ, какъ ядомъ, напоила...
кая-жъ мать ты намъ? За что любить тебя?
За что—не знаю я, но каждое дыханье,
ой каждый помыселъ, всѣ силы бытія—
бѣ посвящены, тебѣ до издыханья!
обовь моя и жизнь—твои, о мать моя!
чтобъ еще хоть разъ твой горизонтъ обширный
й глазъ увидѣть могъ, твой сѣрый небосводъ,
сновый боръ вдали, сверканье рѣчки мирной,
ивы скудныя, и кроткій твой народъ,
то, чтобъ день одинъ могъ снова подышать я
ободою полей и воздухомъ лѣсовъ,—
крестъ поднять бы радъ безъ стона и проклятья
чайшій изъ твоихъ безчисленныхъ крестовъ,—
палящій зной, въ пескѣ сыпучемъ по колѣни,
котомкой нищаго брести глухимъ путемъ,
Послѣднимъ сномъ заснуть подъ сломаннымъ плет-
[немъ
Въ жалчайшемъ изъ твоихъ заброшенныхъ селеній!..

—

СЕСТРѢ.

Печально прошла твоя жизнь, моя бѣдная!..
Какъ осень холодная, хмурая, блѣдная,
Безъ радостей дружбы, безъ свѣта любви
Мелькнули всѣ лучшіе годы твои.
Природа, какъ дочь неродную, постылую,
Тебя красотой обдѣлила и силою;
Сокровища-жъ сердца—что радости въ нихъ?
Кто перлы считаетъ въ пучинахъ морскихъ?
Въ себѣ ты родникъ отыскала терпѣнія,
Въ душѣ твоей жившаго свѣтлаго генія,
Струившаго волны аккордовъ святыхъ
Изъ блѣдныхъ и немощныхъ пальцевъ твоихъ.
И мертвыя струны подъ чудными звуками
Дрожали живыми слезами и муками,
Тоскуя, надѣясь, мечтая, любя,
И свой лучезарный былъ міръ у тебя!
Но темная сила, пощады не знавшая,
Проклятьемъ на всей твоей жизни лежавшая,
Дорогу и въ этотъ лазурный эдемъ
Тебѣ заградила на вѣкъ и совсѣмъ:
Изсохли, упали, какъ плети ненужныя,
До срока, до времени руки недужныя,
И гибель, конечная гибель грозой
Нависла надъ жизнью твоей дорогой.
Закрылся рояль, и затихли рыданія,
Уснули мечты... Ни мольбы, ни роптанія...
А какъ твое сердце дрожало въ тиши,
Какъ плакали нѣжныя струны души
Да очи твои молодыя безвинныя,
Какъ слезы ихъ ночи лишь видѣли длинныя,—
Кто знаетъ объ этомъ? Упавшей во тьму
Звѣзды не найти никогда никому!
И въ эту-то ночь своей жизни безбрежную
Всю душу свою милосердную, нѣжную,
Со всѣми дарами любви и тепла,
Чужому несчастію ты отдала.
И къ скорбному брату, бойцу недобитому,
При жизни въ глухую могилу зарытому,
Въ юдоль безысходныхъ сомнѣній и мукъ,
Какъ ангелъ небесный, явилась ты вдругъ.
Явилась, какъ чудная вѣсть утѣшенія,
Любви безъ конца, упованья, терпѣнія,—
И гдѣ та любовница въ мірѣ, та мать,
Къ которымъ бы могъ я тебя приравнять?
Награды-ль себѣ ты просила, родимая?
Ахъ! даже и пѣснь моя, тайно хранимая
Твоей незнакомой съ корыстью рукой,
Мой другъ, не тебѣ отзывалась—другой!..

Теперь, когда дни воротились ненастные,
И ты далеко́, мое солнышко ясное,
И некому выплакать горечь обидъ,
И такъ я безсиленъ, такъ всѣми забытъ;
Теперь, когда, правду извѣдавъ жестокую,
Страшась за дорогу твою одинокую,
Послѣднюю кровь я отдать бы готовъ,
Лишь былъ бы твой жребій не столько суровъ,—
Въ часы трудовые и въ полночь угрюмую
Черты дорогія зову я и думаю:
—О, слава! нѣтъ правды въ рѣшеньяхъ твоихъ,
Ты только красивыхъ цѣлуешь и злыхъ.
Но если бы я былъ судьей надъ вселенною,
Тебя я короной вѣнчалъ бы нетлѣнною,
Тебя-бъ на вершины безсмертья вознесъ,
О сердце прекрасное, полное слезъ!..

———

ЧЕЛОВѢКЪ.

„Пусть перлъ созданья ты, могучій царь творенья:
Кто далъ тебѣ, скажи, вѣнецъ твой золотой?
Ужель ты возмечталъ, въ безумномъ ослѣпленьи,
Что я раба твоя, а ты—властитель мой?
„Частицу тайнъ моихъ тебѣ постичь дала я,
И ты возмнилъ, пигмей, что всю меня позналъ,
Что дерзко заглянулъ въ мое святыхъ святая
И свой тамъ начерталъ законъ и идеалъ!
„Глупецъ! Я захочу—и, пораженный страхомъ,
Покорнѣй станешь ты твоихъ смирнѣйшихъ псовъ;
Я землю потрясу—и разлетится прахомъ
Величіе твоихъ гигантовъ-городовъ.
„Я вышлю грозный моръ съ его сестрой—войною,
Цвѣтущія поля я превращу въ пески,
Я разолью моря, одѣну полдень тьмою—
И взвоешь ты, какъ звѣрь, отъ боли и тоски!
„Повѣрь: мнѣ дѣла нѣтъ ни до твоихъ стремленій,
Ни до твоихъ скорбей. Я знаю лишь числа́
Безжалостный законъ; ни мукъ, ни наслажденій,
Ни блага для меня подъ солнцемъ нѣтъ, ни зла!
„Живи-жъ, какъ все живетъ: минутною волною
Плесни—и пропади въ пучинахъ вѣковыхъ,
И не дерзай вставать на буйный споръ со мною,
Предвѣчной матерью всѣхъ мертвыхъ и живыхъ!"
Такъ въ вихрѣ, въ молніи, въ грозѣ стихій [Природа
Гремитъ, какъ легіонъ нездѣшнихъ голосовъ.
Но съ поднятымъ челомъ и съ возгласомъ „сво- [бода!"
Въ обѣтованный край своихъ лазурныхъ сновъ,
Сквозь бурю, ливень, мракъ, къ долинѣ тихой рая,
Шатаясь, падая подъ ношей крестныхъ мукъ,
Впередъ идетъ титанъ, на мигъ не выпуская
Хоругви мятежа изъ напряженныхъ рукъ.
И гордо говоритъ:
—„Кто-бъ этотъ пылъ священный
Мнѣ въ душу ни вдохнулъ, карая иль любя,
Игра бездушныхъ силъ, иль Разумъ сокровенн...
Вновь погасить его нѣтъ власти у тебя!
„Казни меня, бичуй—пощады не прошу я,
Но знай: и ты во мнѣ пощады не найдешь.
На грозный бой тебя, на смертный бой зову я—
Лишь трупъ холодный мой ты въ цѣпи закуешь...
„Слѣпа ты и мертва въ красѣ твоей суровой,
А я согрѣтъ огнемъ безсмертнаго ума.
Изъ книги бытія, законодатель новый,
Листы я вырву зла, скажу: погибни, тьма!
„Скажу: зажгись, разсвѣтъ! Взойди эдемъ въ п... [стынѣ,
Гдѣ потъ я засѣвалъ кроваваго труда!
И будешь ты сама служить моей святынѣ,
Иль я съ лица земли исчезну навсегда!"

1891, Акатуй.

———

ВЪ ГОЛОДНЫЙ ГОДЪ.

Съ далекой родины приходятъ злыя вѣсти
О черныхъ дняхъ бѣды, нависшей надъ страной;
Во снѣ и на яву зоветъ къ борьбѣ и мести
Изнеможённый ликъ страдалицы родной.
И въ сердцѣ крикъ встаетъ: „О, гдѣ-жъ дру... [свободы?
Чего молчатъ они? Чего еще онъ ждетъ,
Правдивой казни мечъ?"
Мелькаютъ дни и годы...
О, Боже! кто спасетъ измученный народъ?
Туманная весна. Одѣтый первымъ пухомъ,
Недвиженъ сонный лѣсъ; въ заброшенныхъ поля...
Не ходитъ острый плугъ... И пахарь, павшій д... [хомъ,
Надъ мертвой клячею стоитъ съ слезой въ очахъ,
И видитъ онъ вдали погнувшуюся хату,
Больныя личики дѣтей полунагихъ
И знаетъ: каждый день сулитъ ему утрату,
Обиду новую, отраву слезъ нѣмыхъ...
—Не плачь, несчастный братъ! Не думай, ч... [мольбою
Смягчишь ты гнѣвъ небесъ, пославшихъ чашу бѣ...
Не думай, что вампиръ, взлелѣянный тобою,
Захочетъ кинуть самъ изсохшій твой скелетъ!
Отъ чуда ли ты ждешь желаннаго спасенья,—
Избавитъ Богъ тебя отъ гнета хищныхъ лапъ?
Защиты въ небѣ нѣтъ! Надежды нѣтъ въ те... [пѣньи—
Иль самъ себя спасай, иль погибай, какъ рабъ!
Иль хуже ты другихъ? Изъ полнаго бокала
Не можешь радость пить со смѣхомъ на устахъ?
Мой край, родимый край! воспрянь... Пора наст... [ла—
Оковы ржавыя разбить и бросить въ прахъ

ставай— ударилъ часъ... Живой огонь тревоги
Воспламени въ сердцахъ, народы всколыхни...
Всели холодный страхъ въ бездушные чертоги,

. . . .

Темницы распахни!.. И изъ своей могилы
Мы, забытые, живые мертвецы,
Лишенные давно и мужества, и силы,
Воспрянувъ, явимся, среди бойцовъ бойцы.
И если лучшій сокъ пожралъ огонь страданья,
И если лучшихъ силъ назадъ не возвратимъ,
Ту кровь послѣднюю, послѣднее дыханье
Тебѣ, о родина, съ восторгомъ отдадимъ!

1892, Акатуй.

---

* * *

Въ безмолвіи-ль полночи,
Въ тревогѣ ли дня,
Во снѣ, за работою,—
Вездѣ близъ меня,
Какъ призракъ блуждающій,
Покоя не знающій,
Мелькаетъ, грустя,
Лицо твое кроткое,
Лицо твое блѣдное,
Дитя мое милое,
Дитя мое бѣдное,
Родное дитя!

Все снится мнѣ мертвая
Изгнанья страна:
Холодная, бѣлая
Снѣговъ пелена—
И ты, въ нихъ зарытая,
Былинка забытая...
Какъ-будто грустя,
Вокругъ тебя шепчется
Тайга заповѣдная:
„Дитя беззащитное,
Дитя мое бѣдное,
Больное дитя!“

Чѣмъ другу несчастному
Помочь я могу?
Шепчу лишь безсильныя
Угрозы врагу,
Да съ тайною мукою,
Какъ няня, баюкаю,
Ласкаю, грустя,
Видѣніе нѣжное,
Видѣніе блѣдное:
— Дитя мое сирое,
Дитя мое бѣдное,
Родное дитя!..

УЧИТЕЛЮ

(ПЕТРУ ЛАВРОВИЧУ ЛАВРОВУ).

Въ изгнаньи своемъ сиротѣющій геній,
Ты часто намъ снишься, учитель родной,
Въ тяжелые годы измѣнъ и сомнѣній
Одинъ не поникшій могучей душой!
Какіе столпы вкругъ тебя упадали,
Какіе герои бросали свой щитъ,
Какія картины стыда и печали
Твое наболѣвшее сердце хранитъ!
Но бодро ты свѣточъ держалъ идеала,
И путь нашъ, окутанный въ холодъ и мракъ,
Твоя величавая мысль озаряла,
Ученій твоихъ благородныхъ маякъ.

. . . .

Какъ старое дерево, вѣтви теряя,
Стоишь ты недвижно, титанъ-инвалидъ,
Послѣдній изъ славныхъ, о комъ помышляя,
Душа молодая восторгомъ дрожитъ!
Въ темницахъ отчизны, подъ солнцемъ чужбины,
Надъ Леной, подъ злымъ Акатуйскимъ ярмомъ,
Намъ свѣтятъ твои дорогія сѣдины
Надежды и вѣры отраднымъ лучемъ!

1893, Акатуй.

ОБЛАКО.

Сегодня нашъ рудникъ весь потонулъ въ цвѣ-
[тахъ!
Толпа колодниковъ, обритыхъ и въ цѣпяхъ,
Вперивъ еще разъ вдаль тоскующіе взоры,
Вздыхая и кряхтя, въ свои вползаетъ норы...
Безрадостный пріютъ неволи и труда!
Съ обледенѣлыхъ стѣнъ ручьемъ бѣжитъ вода;
Спускаясь въ полутьмѣ, о мокрыя ступени
Скользитъ нога... Склонись по-рабски на колѣни
И въ каменную грудь безсмысленно стучи!
И сердце гордое безропотно молчи!..
На вольный божій свѣтъ я вышелъ изъ могилы,
Отъ холода дрожа, озлобленный, унылый,
И ненавистнымъ все нашелъ опять вокругъ—
Всей этой красоты бездушной ликованье,
Природы наглый блескъ передъ лицомъ страданья,
И ароматный лѣсъ, и горъ зеленыхъ кругъ...
Но вдругъ—тамъ, въ вышинѣ, въ лазури чистой
[утра,—
Невольно взоръ маня причудливой игрой,
Съ каймой изъ золота обломокъ перламутра,
Отъ юга облачко промчалось съ быстротой.
И въ душу брызнулъ свѣтъ поэзіи забытой,
И сердце мертвое мгновенно расцвѣло!
— О, что тебя въ нашъ край суровый занесло,
Чудесный гость весны? Порывъ ли бурь сердитый,
Или бродячій нравъ? Изъ Ганга-ль свѣтлыхъ водъ,
Изъ темныхъ ли пучинъ ты вышло океана?

Отчизну знойную, гдѣ рай земной цвѣтетъ,
Скажи, успѣло-ль ты забыть въ странѣ тумана?
Но вотъ нахмурился твой лучезарный ликъ,
Ты дрогнуло и въ высь испуганно вспорхнуло...
Огонь цвѣтовъ померкъ... Еще блаженный мигъ—
И утра дивное видѣнье потонуло.
Не ужаснулось ли ты вида нашихъ мукъ,
Свирѣпости людской, безумья и позора?
Въ мысль не пришло-ль тебѣ, что отъ бездушныхъ [рукъ
Не скроешься и ты, любимица простора?..
— Прости, краса небесъ! Минутный гость прости!
Спасибо и за то: волшебный сонъ свободы
Ты пробудилъ во мнѣ... Счастливаго пути
Въ печальную страну, гдѣ кратокъ пиръ природы!
Но побывай и тамъ, въ краю весны моей,
Гдѣ милая моя печально увядаетъ,
Гдѣ въ зелени садовъ рокочетъ соловей
Про счастье и любовь, гдѣ синій Днѣстръ сверкаетъ.
Шепни ей съ вѣтеркомъ, который мчитъ тебя,
Что прошлое отнять у насъ безсильны годы,
Что все я вѣренъ ей, что все я жду, любя:
Затворы упадутъ—и грянетъ вѣсть свободы!

НА РОДНОМЪ РУБЕЖѢ.

Едва вступилъ я въ свѣжій мракъ долины,
Гдѣ темный боръ въ затишьи полдня спалъ,
Встревожились могучія вершины—
По соснамъ шумъ невнятный пробѣжалъ.
И былъ ли то́ отчизны зовъ привѣтный,
Укоръ ли въ чемъ, иль только вѣтра стонъ,
Меня восторгъ наполнилъ беззавѣтный,
Далекихъ лѣтъ возсталъ прекрасный сонъ!
И все, чѣмъ грудь въ разлукѣ наболѣла,—
Волна надеждъ, проклятій, жалобъ, слезъ,
Все, что навѣкъ, казалось, догорѣло
И, какъ струна, въ тиши оборвалось,—
Въ нѣмой душѣ все зазвучало снова:
Къ корнямъ стволовъ-гигантовъ я припалъ
И, не таясь отъ полдня голубого,
Сѣдой ихъ мохъ со страстью цѣловалъ.
— „Привѣтъ тебѣ, о лѣсъ широкошумный,
Привѣтъ тебѣ, рубежъ полей родныхъ!
Свершился сонъ несбыточно-безумный:
Отчизна-мать, я вновь у ногъ твоихъ!
„Возьми-жъ меня—всего, со всею кровью,
Всѣмъ пыломъ думъ и волею моей!
Пока дышу, клянусь я пѣть съ любовью
Твою лишь скорбь и скорбь твоихъ друзей!
„Томясь вдали, въ краю чужомъ, угрюмомъ,
Въ любви къ тебѣ мой стихъ я закалялъ..."
И лѣсъ, въ отвѣтъ, съ печально-кроткимъ шумомъ
Мой путь дождемъ колючимъ осыпалъ.

1896, Курганъ.

ПОЗДНЯЯ РАДОСТЬ.

(Посвящается В. Н. Фигнеръ).

Лѣсъ увядаетъ, и падаетъ
Листьевъ шумливый потокъ.
Поздняя радость не радуетъ:
Вотъ, ароматный цвѣтокъ
Выглянулъ... Счастьемъ сіяющій,
Синій смѣется глазокъ...
Грустно гигантъ умирающій
Смотритъ на блѣдный цвѣтокъ!
Поздняя радость не радуетъ—
Тайный лишь будитъ укоръ.
Годы промчались—и падаетъ
Тяжкій тюремный затворъ.
Свѣта потокъ ослѣпительный
Вспыхнулъ на мрачныхъ стѣнахъ,
Воздухъ ворвался живительный...
Узникъ выходитъ, въ слезахъ.
Что́ ему солнце веселое,
Краски и запахъ цвѣтовъ?
Сброшены цѣпи тяжелыя—
Сбросишь ли тяжесть годовъ?
Скроешь ли волосы бѣлые,
Силу воротишь ли вновь?
Сгибли товарищи смѣлые,
Юность, отвага, любовь!

1897, Курганъ.

ПОСЛѢДНЯЯ ЖЕРТВА.

Вкругъ Африки знойной, по бурной равнинѣ
Безбрежныхъ тропическихъ водъ,
Къ далекой странѣ Восходящаго Солнца
Семья броненосцевъ плыветъ.
Прекрасны и грозны стальные гиганты—
Окрашены въ цвѣтъ боевой
И жерлами сотенъ орудій зіяютъ,
Готовые ринуться въ бой.
Но странно-безмолвны они, какъ гробницы:
Ни кликовъ, ни пѣсенъ живыхъ;
Недвижнѣе статуй, угрюмые люди
Стоятъ у лафетовъ стальныхъ.
Такъ узникъ стоитъ передъ плахой кровавой...
— „Погибель вѣрна впереди,
И тотъ, кто послалъ насъ на подвигъ ужасный,
Безъ сердца въ желѣзной груди!
Мы—жертвы... Мы гнѣвнымъ отмѣчены рокомъ.
Но бьетъ искупленія часъ—
И рушатся своды отжившаго міра,
Опорой избравшаго насъ.
О, день лучезарный свободы родимой,
Не мы твой увидимъ восходъ,
Но если такъ нужно,—возьми наши жизни...
Впередъ, на погибель! Впередъ!"

вотъ, зашумѣли восточныя воды,
Сѣдой буревѣстникъ кричитъ...
„Привѣтъ тебѣ, грозное Желтое море!
Чу! выстрѣлъ далекій гремитъ...
е флотъ ли Артура?.. Взгляни: Петропавловскъ,
Полтава, Побѣда, Баянъ...
› старый Макаровъ къ намъ ѣдетъ навстрѣчу,
Салютъ отдаетъ Ретвизанъ.. “

. . . .

ззумная греза!.. Ужъ гордо не грянетъ
Огонь изъ его амбразуръ:
ь развалинахъ дымныхъ, кровавою раной
Зіяетъ погибшій Артуръ!
путь туда русскому флагу заказанъ...
— „Смѣлѣе-жъ направо! Впередъ—
ъ безвѣстнымъ утесамъ враждебной Цусимы,
Въ зловѣщій Корейскій проходъ!
ы сжалишься, сжалишься, праведный Боже,
И волю измѣнишь свою:
Пусть чудо, великое чудо свершится—
Врага поразимъ мы въ бою!“—

. . . .

Свершилось!.. На днѣ ледяномъ океана
Стальные красавцы лежатъ,
И чуда морскія, акулы и спруты,
На нихъ въ изумленьи глядятъ.
Разбиты, истерзаны, кровью залиты
Гротъ-мачты, лафеты, рули...
Ни стона, ни звука... Въ могильномъ покоѣ,
Недвижимы, спятъ корабли...
Но бурею вѣсть по отчизнѣ далекой
Промчится, темна и грозна,—
И кличемъ могучимъ: „Довольно!“ отвѣтитъ
Одѣтая въ трауръ страна.
Довольно! Довольно! Герои Цусимы,
Вы жертвой послѣдней легли:
Разсвѣтъ уже близокъ... Она у порога—
Свобода родимой земли!

1905.

С.

Өедоръ Николаевичъ Вербицкій.

Род. 1867.

Между 1898—1906 г.г. Вербицкій напечаталъ въ журналахъ всего около десятка стихотвореній,—не отличающихся, быть можетъ, особенной яркостью и самостоятельностью мотивовъ, но, несомнѣнно, красивыхъ по формѣ и искреннихъ по чувству.

СОНЪ.

Качалася лодка у берега тамъ,
И парусъ надъ ней развѣвался.
— Скорѣе въ дорогу по быстрымъ волнамъ!—
Въ груди моей крикъ раздавался.
Я за руку смѣло тебя притянулъ,
И въ лодку мы разомъ вскочили.
Тутъ парусъ нашъ вѣтеръ сердито рванулъ,
И мы... далеко уже были.
У мачты стояли мы молча вдвоемъ,
А волны сѣдыя, какъ звѣри, кругомъ
Одна за другою вставали;
Надъ нами бѣжалъ голубой небосводъ,
И синія волны, какъ кони, впередъ,
Впередъ передъ нами скакали...
— „О милый, вернемся! Куда мы плывемъ?!“
Раздался твой крикъ надъ волнами:
„Безбрежное море предъ нами!“
Но шибче летѣли мы въ синюю даль,
Въ ушахъ только свистъ раздавался;
А вѣтеръ безумно ревѣлъ и визжалъ,
И парусъ къ волнамъ нагибался.
И громко тебѣ я тогда закричалъ,
Ревъ вѣтра и волнъ покрывая:
— Теперь не страшись, дорогая!
Ты видишь, бѣлѣютъ вдали берега,
Ужъ скоро мы будемъ у цѣли...
Какъ птицы съ тобой мы летѣли...—
— „Да, милый, какъ птицы... Не даромъ снѣга
Въ твоихъ волосахъ забѣлѣли...
Не даромъ и сердце остыло въ груди.
И радость, и юность, и все позади!“

* * *

Надъ шапками сѣдыми привольныхъ синихъ горъ,
Гдѣ небо голубое раскинуло шатеръ,
Гдѣ тучи золотыя, далёко отъ земли,
Безъ грусти, безъ заботы, играючи плыли,—
Неслись стада свободныхъ могучихъ лебедей—
Искать завѣтной доли, залитыхъ солнцемъ дней!
На бѣлыхъ крыльяхъ мощно они на югъ неслись,
И я смотрѣлъ за ними въ синѣющую высь...
Какъ вспугнутое стадо разбитыхъ лебедей,
Безрадостныя думы вились въ душѣ моей.
Онѣ не знали счастья... Не видѣть имъ весны
Далекой, лучезарной, свободной стороны!
Закованныя въ цѣпи желѣзною судьбой,
Онѣ раздавятъ сердце безплодною борьбой,
И не сыскать имъ доли, залитыхъ солнцемъ [дней.—
Какъ тѣмъ стадамъ свободныхъ, могучихъ лебедей!

CI.

А. Ленцевичъ.

(Алексѣй Николаевичъ Хавскій.)

1869 — 1904.

Симпатичный поэтъ, окончившій жизнь ıмоубійствомъ въ далекомъ Якутскѣ, въ по-итической ссылкѣ. — Поэзія Ленцевича,— ікъ же какъ и Ко́рсака (см. 390 стр.), рано огибшаго отъ тѣхъ же невыносимыхъ услоій самодержавнаго режима,—была отражеіемъ той душной, безразсвѣтной ночи, коорая и по окончаніи приснопамятной „эпохи 0-хъ годовъ“ продолжала царить на Руси, уша все живое и мыслящее, вплоть до 17 ктября 1905 года, когда она смѣнилась, накоецъ,—не розовымъ, правда, и мирнымъ, а урнымъ и зловѣще-багровымъ — разсвѣтомъ... Дарованіе Ленцевича не велико; виртуозностью и оригинальностью формы онъ не обладаетъ; мотивы его минорны и монотонны; но глубина и искренность пережитаго страданія придаютъ обаяніе и скромному таланту, дѣлая имя погибшаго поэта роднымъ и близкимъ современному читателю. Невольно вспоминаешь его же тюремное стихотвореніе:

Я отыскалъ два-три куплета
На старой выцвѣтшей стѣнѣ:
„Откликнись, братъ мой! Душно мнѣ!
Ночь безъ конца и безъ просвѣта“...
И вижу я, что рифмы плохи,
Что стихъ небреженъ, но въ тиши
Я, будто, слышу, слышу вздохи
Тоской растерзанной души!..

ВСТРѢЧА.

На улицѣ шумной и пыльной,
Въ разгарѣ полдневнаго гула,
Подъ небомъ кипящей столицы
Судьба ихъ внезапно столкнула.
Зардѣлись они и, сіяя,
Глядѣли одинъ на другого...
И робкая тайна межъ ними
Сказалась, какъ пѣсня безъ слова...
Не вѣрилось имъ этой встрѣчѣ,
Нежданной, похожей на чудо:
„Маруся,—дивясь, говорилъ онъ,—
Откуда... откуда?..“
И рѣчи лились торопливо...
И прелестью чувства живого,
И горечью правды печальной
Полно было каждое слово.
...Борьба его грезы вѣнчала,
Судьба развѣнчала жестоко:
Занесъ его рокъ безпощадный
Далеко, далеко!..
...Кругомъ нея, въ лютую зиму,
Въ глуши бездорожной и дикой,
Подъ кровлями хатъ обнищалыхъ
Свирѣпствовалъ голодъ великій.
Боролась она, какъ умѣла...
Но силы такъ быстро слабѣли:

Къ веснѣ появились болѣзни,—
Очнулась она на постели...
Подъ говоръ и шумъ перекрестный,
Въ безсвязныхъ рѣчахъ оживали
Года пережитой разлуки
И дни пережитой печали.
И голосъ дрожалъ отъ волненья,
И слово въ устахъ замирало..
А сердце такъ радостно билось,
А солнце такъ ярко сіяло!..

1899.

———

* * *

Ночью товарищъ погибъ:
Жить ему стало не въ мочь...
Трупъ его въ землю зарытъ
Въ ту же зловѣщую ночь.
Сгинулъ живой человѣкъ.
Нечего плакать о немъ!
Мало ли ближнихъ людей
Гибнетъ и ночью, и днемъ?
Съ другомъ надежнымъ сойдись,
Острый клинокъ отточи...
Надо не плакать, а мстить,
Мстить за погибшихъ въ ночи!

———

* * *

Раскрылъ онъ книгу; пробѣжалъ
Крылатыхъ пѣсенъ вереницы...
И зачеркнулъ, и запятналъ,
И вырвалъ лучшія страницы!
И сдѣлалъ темнымъ для другихъ
Иного слова смыслъ могучій,
И раздробилъ алмазный стихъ,
И разорвалъ потокъ созвучій..
Но все въ душѣ его разладъ,
Все мысль одна его тревожитъ,—
Что этихъ пѣсенъ ароматъ
Изгнать изъ книги онъ не можетъ;
Что та же страсть таится въ нихъ,
Что такъ же властно и сурово
Гремитъ грозой разбитый стихъ,
Звучитъ оборванное слово!..

CII.

Андрей Павловичъ Колтоновскій.

Часто печатавшійся въ лучшихъ журналахъ [вт]орой половины 90-хъ годовъ, авторъ нѣкольких прекрасныхъ стихотвореній. Въ на[ча]лѣ текущаго десятилѣтія г. Колтоновскій выпустилъ отдѣльный сборникъ стиховъ, не имѣвшій особеннаго успѣха, и затѣмъ, повидимому, совершенно оставилъ поэтическую дѣятельность. Года рожденія мы не могли узнать.

СОСНА.

Въ разсѣлинѣ черной,
Въ гранитѣ отвѣсной скалы,
Гдѣ вѣтеръ лишь горный
Шумитъ да гнѣздятся орлы,—
Высóко-высóко,
Подъ сѣнью зубчатыхъ вершинъ,
Растетъ одиноко
И гордо сосна-исполинъ.
Какъ знамя свободы,
Она на просторѣ шумитъ,
И вихрь непогоды,
И зной ея вѣтви щадитъ.
И громъ ей клянется,
Подъ дикую музыку горъ,
Что къ ней не коснется
Губительной сталью топоръ!..

1896.

НЕСПѢТЫЯ ПѢСНИ.

Какъ много въ сердцѣ у меня
Зачатыхъ пѣсенъ шевелится;
Но въ трудовомъ угарѣ дня
Для жизни въ міръ имъ не явиться!..
Безвѣстныя, замрутъ онѣ
Въ тоскѣ подавленныхъ желаній
И не воскреснутъ въ тишинѣ
Изъ затуманенныхъ мечтаній.
Утраченъ мигъ; въ борьбѣ нѣмой
Погасли искры вдохновеній,—
И душу давитъ мутной мглой
Хаóсъ несозданныхъ твореній...

ИЗЪ ДНЕВНИКА ПРОЛЕТАРІЯ.

Смѣняются года́. Дряхлѣетъ духъ и тѣло.
Растутъ ряды могилъ былыхъ надеждъ и думъ.
Изъ глазъ исчезъ маякъ завѣтнаго предѣла...
Живу поденщикомъ, озлобленъ и угрюмъ...
Чего-жъ еще я жду? Какъ червь, покрытый пра-
[хомъ,—
Полураздавленный пятой моей судьбы,
Я корчусь и ползу съ тревогою и страхомъ,
Безъ вѣры въ лучшее, безъ силы для борьбы.
Напрасно умъ велитъ открыть безъ сожалѣнья
Пріюта вѣчнаго таинственную дверь,—
При мысли роковой душа полна смятенья:
Въ предсмертномъ ужасѣ во мнѣ трепещетъ звѣрь.
Онъ молитъ: „Дай мнѣ жить, хоть крóхами бо-
[гатыхъ,
Хоть псомъ на привязи добро ихъ сторожить,
Хоть жалкимъ быть шутомъ въ сіяющихъ палатахъ,
Хоть нищимъ, хоть рабомъ,—но только-бъ вѣкъ
[продлить!..“
И я живу—во тьмѣ, въ неволѣ, изнывая,
Пока изъ ранъ моихъ еще сочится кровь...
О, будь ты проклята, животная, слѣпая,
Къ позору бытія позорная любовь!..

CIII.

Феликсъ Вадимовичъ Волховскій.

Род. 1846.

Извѣстный революціонный дѣятель 70-хъ годовъ, судившійся по такъ называемому „большому процессу" (193-хъ). Изъ Сибири Ф. В. бѣжалъ за границу и до самаго послѣдняго времени жилъ эмигрантомъ въ Англіи, Франціи, Швейцаріи. Естественно, что эта тяжелая, мучительная жизнь вѣчнаго скитальца дала содержаніе и окраску и поэтическому творчеству Волховскаго: оно цѣликомъ посвящено крестному пути героическаго поколѣнія 70-хъ годовъ... Къ сожалѣнію, тѣ же тревожныя условія и обстоятельства жизни лишили эту поэзію возможности вылиться въ тѣ широкія, истинно-художественныя формы, которыя обезпечиваютъ поэтамъ общее признаніе. „Мнѣ борьба мѣшала быть поэтомъ" — съ полнымъ правомъ можетъ сказать о себѣ Ф. В. Волховскій. Онъ до конца остался поэтомъ-диллетантомъ, настолько мало заботившимся о своей музѣ, что до сихъ поръ не выпустилъ въ свѣтъ даже сборника своихъ стихотвореній, разсѣянныхъ по различнымъ заграничнымъ изданіямъ.

УЗНИКЪ.

Онъ жилъ. Онъ бился. Онъ вложилъ
Въ свою борьбу весь цвѣтъ, весь пылъ
Нетронутыхъ надеждъ и силъ,—
Все отдалъ родинѣ своей
Еще въ началѣ юныхъ дней.
Что-жъ родина? —Она молчитъ.
Ужель онъ матерью забытъ?!
Онъ, за нее отдавшій кровь,
И радость жизни, и любовь?..
Ужели-жъ тамъ, въ странѣ родной,
Нѣтъ никого—души одной,—
Чье сердце сжалось бы объ немъ
И братскимъ вспыхнуло огнемъ?..

---

* * *

О, братство святое! Святая свобода!
Въ вину не поставьте мнѣ жалобъ моихъ:
Я слабъ, человѣкъ я... И въ мигъ, какъ невзгода
Сжимаетъ въ желѣзныхъ объятьяхъ своихъ,—
Невольнаго стона не въ силахъ сдержать я:
Ужасны тоски и неволи объятья!
Но быстро минутная слабость проходитъ,
И снова свѣтлѣютъ и сердце, и умъ,
И снова спокойствіе въ душу нисходитъ;
И рой благородныхъ и радостныхъ думъ
Въ тюрьму мою вноситъ лучъ тихаго свѣта:
Мнѣ чудится звукъ міровою привѣта.
. . . .

ИЗГНАННИКИ.

Оторванные отъ родной земли,
Живемъ и умираемъ мы вдали.
Ужъ не для насъ просторъ ея полей,
Обоза скрипъ и шелестъ камышей,
Улыбка рѣкъ средь низкихъ береговъ

ій шумъ задумчивыхъ лѣсовъ,
сни звукъ, щемящей, мягкой, нѣжной.
янной въ степи сѣдой, безбрежной.
муки всѣ страны своей родной,
ску—мы унесли съ собой.
лышимъ все: и заглушенный стонъ,
ніе печальныхъ похоронъ
тѣми, кто погибъ въ борьбѣ святой,—
євъ смѣхъ и кличъ ихъ боевой!
адежды, радость, горе—съ нами:
вязаны съ ней нашими сердцами!
насъ глядитъ ея печальный ликъ,
ждый стонъ ея и каждый крикъ
ушѣ сыновней мукой отдается;
рдце, словно соколъ, бьется, бьется...
чется ей все отдать,
ъ успоконть мученицу-мать!

. . . .

грабленная подлыми ворами,
ь, ты не нищая! Богата ты сердцами!
трепещутъ, полныя любви:
подвигъ насъ скорѣй благослови!"

ВИДѢНІЕ.

а сѣверѣ есть островъ каменистый,
островѣ томъ высится тюрьма,
радостна, какъ сѣрый воздухъ мглистый,
Безжизненна, какъ гробовая тьма.
Схоронены тамъ хищными руками
Сердца живыя, полныя тревогъ,
И замкнуты за сорока замками,
Чтобы народъ услышать ихъ не могъ.
Имъ родина въ цѣпяхъ тяжелыхъ снится
И кровь изъ нихъ горячая сочится.
Безъ отдыха ихъ злая мука гложетъ,
За каплей капля—убываетъ кровь...
О, мой народъ! Спѣши, иль не поможетъ
Ни гнѣвъ твой правый, ни твоя любовь!
Рости, рости, волна святого гнѣва,
Катись быстрѣй и выше, и грознѣй
Подъ мощный звукъ народнаго напѣва,
Подъ гулъ шаговъ проснувшихся людей!
Грянь, грянь скорѣй, гроза народной мести
И размечи могилу нашей чести!
Возможно ли?! Я слышу звукъ набата,—
Онъ далеко несетъ святую вѣсть:
„Пора! пора! За попраннаго брата!
Пора! пора! За собственную честь!"
Впередъ! Впередъ!.. Кипитъ людское море..
Смятъ часовой... Сдается гарнизонъ...
И мертвецы воскресли,—на просторѣ!..
И всякій звукъ побѣдой заглушенъ!
Толпы людей, свободой упоенныхъ,
Несутъ, поднявъ, своихъ освобожденныхъ!

1903.

CIV.

Сергѣй Силычъ Синегубъ.

Род. 1851.

Также извѣстный пропагандистъ 70-хъ годовъ, судившійся по процессу 193 и болѣе 20 лѣтъ проведшій въ Сибири, въ каторгѣ и на поселеніи. Еще въ 70-хъ годахъ С. С. былъ извѣстенъ стихами, преимущественно революціоннаго содержанія, печатавшимися въ нелегальныхъ изданіяхъ, подъ псевдонимомъ Вербовчанина. Но лучшія произведенія Синегуба напечатаны уже въ текущемъ десятил[ѣтіи]. Когда знаешь жизнь автора, —человѣка съ [к]рстально-чистой душой, всѣ лучшія силы [от]дavшаго на служеніе своему идеалу,—тогда простыя, безхитростныя въ художественн[омъ] отношеніи мелодіи глубоко проникаютъ [въ] душу...

* * *

Наше прошлое свѣтло,
Но оно не возвратится...
Ахъ, какъ часто, часто снится
То, что было, но прошло!
Да, прошло... Но лучезарной,
Яркой свѣтитъ полосой
Въ жизни мелочной, угарной
И мучительно пустой!
Въ дикой битвѣ съ злой нуждою
Чахнетъ тѣло, гаснетъ умъ...
Дни отравлены тоскою,
Роемъ злыхъ и черныхъ думъ!
Тяжело!.. О, гдѣ-жъ взять силы,
Поддержать и духъ, и страсть,—
Презирая рокъ постылый,
Не согнуться и не пасть?!
Гдѣ?—Да въ прошломъ, другъ мой милый!
. . . .
Оглянись: ты тамъ увидишь
Души чудной красоты,—
Зло сильнѣй возненавидишь,
Свѣтъ сильнѣй полюбишь ты.
Ихъ дѣла и ихъ страданья,
Стойкость, вѣра и любовь
Въ сердцѣ скорбномъ упованья
Юныхъ дней пробудятъ вновь.
Братъ и другъ! Коль гнетъ страданій
Слишкомъ тяжекъ,—убѣгай
Въ свѣтлый міръ воспоминаній,
Въ добромъ прошломъ отдыхай!

* * *

Ни вѣтерка... И нѣтъ предѣла зною!
Нещадно солнце жжетъ съ безоблачныхъ небе[съ];
Зеленый бархатъ травъ степныхъ исчезъ,
И даль задернулась безвлажной полумглою.
Торчитъ кой-гдѣ ковыль, и желтъ, и сухъ...
Не слышно птицъ; забились гады въ норы;
Трещатъ кузнечиковъ мучительные хоры,
Терзая нестерпимо слухъ.
Ни деревца не видно, ни куста.
Вся степь охвачена тоскою по прохладѣ...
И жажда жгучая палитъ мои уста,
Усталый взоръ томитъ безбрежность глади.
Вдругъ свѣтлый прудъ разлился предо мной—

рачная вода, смѣясь, въ глаза блеснула...
вствую—въ лицо прохладою живой
Оттуда на меня пахнуло!
слышится и свистъ веселый кулика,
чудится, что тамъ и аистъ гордо бродитъ...
туда... О, жажда такъ тяжка!..
Боже мой,—куда-жъ вода уходитъ?!.
тчаяньемъ я подавляю стонъ...
близокъ прудъ, заманчиво блеснувшій,—
шагъ еще... И исчезаетъ онъ!..
это былъ миражъ, скитальца обманувшій!

———

* * *

Хотѣлъ бы я отъ злой судьбины
Крупицу счастья получить
И не въ объятіяхъ чужбины—
Въ родныхъ предѣлахъ Украины,
Свободнымъ только, опочить!
Гдѣ запорожскія могилы,
Синѣя сумрачно, стоять,
О прежней жизни, полной силы,
Невнятно путнику твердятъ,
Гдѣ степь раскинулась безъ граней,—
Тамъ нашъ вишневый садикъ цвѣлъ,
И я до дней моихъ страданій
Тамъ дѣтство свѣтлое провелъ.
Тамъ рѣчка, змѣйка голубая,
Полудремотная течетъ,
И тёрна рощица густая,
И очеретъ надъ ней растетъ.
Сухую пыль столбомъ вздымая,
Къ ней прилетаетъ вихрь степей,
И чайка грустная, рыдая,
Кричитъ „ки-ги" свое надъ ней...
И тамъ подъ сѣнь вѣтвей терновыхъ
Хотѣлъ бы лечь я навсегда,
Когда прервется дней суровыхъ,
Тяжелыхъ дней моихъ чреда.
Пусть надо мною тернъ печальный
Поетъ, качаясь, пѣснь свою
Про путь труда многострадальный,
Про долю скорбную мою!

1903.

———

CV.

М. Горькій
(Алексѣй Максимовичъ Пѣшковъ).

Род. 1869.

Въ 1895 году г. Горькій напечаталъ свой первый разсказъ („Челкашъ“), а пять лѣтъ спустя уже пользовался всероссійской и даже европейской извѣстностью. Несомнѣнно крупный художественный талантъ,—главной долей своей популярности на родинѣ г. Горькій обязанъ тому настроенію, которое выразилось въ его произведеніяхъ и удивительно совпало съ зарождавшимся настроеніемъ цѣлой эпохи. Предшествующее десятилѣтіе было періодомъ тяжелаго сна и апатіи, когда общество, казалось, не существовало, а человѣческая личность бродила въ потемкахъ, слабая, безвольная и запуганная... Дальнѣйшее пребываніе въ этомъ мертвенномъ застоѣ грозило серьезной опасностью общественному организму,—и вотъ началось мало-по-малу [...]бужденіе, однимъ изъ симптомовъ котор[...] и была поэзія г. Горькаго. Сила ея не [...] какихъ-либо сознательныхъ, ясно намѣченн[...] стремленіяхъ, а—въ стихійномъ порывѣ [...] свободѣ, къ смѣлому протесту противъ об[...]ственной спячки. Не проводя никакой анал[...] между талантами двухъ поэтовъ, мы дума[...] что въ значеніи г. Горькаго для послѣд[...] десятилѣтія только что минувшаго вѣка, [...] нѣкоторое сходство съ значеніемъ Лермон[...] для поколѣнія 30-хъ годовъ.

Стихами пишетъ г. Горькій мало, но и[...] стихахъ его звучитъ та же смѣлая, призы[...] нота...

ПѢСНЯ О СОКОЛѢ.

Высóко въ горы
Вползъ Ужъ и легъ тамъ,
Въ сыромъ ущельи,
Свернувшись въ узелъ
И глядя въ море.
Высоко въ небѣ
Сіяло солнце,
А горы зноемъ
Дышали въ небо,
И бились волны
Внизу о камень.
А по ущелью,
Во тьмѣ и въ брызгахъ,
Потокъ стремился
Навстрѣчу морю,
Гремя камнями.
Весь въ бѣлой пѣнѣ,
Сѣдой и сильный,
Онъ рѣзалъ гору
И падалъ въ море,
Сердито воя.
Вдругъ въ то ущелье,
Гдѣ Ужъ свернулся,
Палъ съ неба Соколъ
Съ разбитой грудью,
Въ крови на перьяхъ.
Съ короткимъ крикомъ

Онъ палъ на землю
И бился грудью,
Въ безсильномъ гнѣвѣ,
О твердый камень...
Ужъ испугался,
Отползъ проворно,
Но скоро понялъ,
Что жизни птицы
Двѣ-три минуты...
Подползъ онъ ближе
Къ разбитой птицѣ
И прошипѣлъ онъ
Ей прямо въ очи:
„Что, умираешь?"
— Да, умираю!—
Отвѣтилъ Соколъ,
Вздохнувъ глубоко:
— Я славно пожилъ...
Я знаю счастье...
Я храбро бился,
Я видѣлъ небо...
Ты не увидишь
Его такъ близко...
Эхъ, ты, бѣдняга!—
„Ну, что же небо?
Пустое мѣсто...
Какъ мнѣ тамъ ползать?
Мнѣ здѣсь прекрасно...
Тепло и сыро!"
Такъ Ужъ отвѣтилъ
Свободной птицѣ
И усмѣхнулся
Въ душѣ надъ нею
За эти бредни.
И такъ подумалъ:
„Летай, иль ползай,—
Конецъ извѣстенъ...
Всѣ въ землю лягутъ,
Все прахомъ будетъ".
Но Соколъ смѣлый
Вдругъ встрепенулся,
Привсталъ немного
И по ущелью
Повелъ очами.
Сквозь сѣрый камень
Вода сочилась,
И было душно
Въ ущельи темномъ,
И пахло гнилью...
И крикнулъ Соколъ
Съ тоской и болью,
Собравъ всѣ силы:
— О, если-бъ въ небо
Хоть разъ подняться!..
Врага прижалъ бы
Я къ ранамъ груди,
И... захлебнулся-бъ
Моей онъ кровью...
О, счастье битвы!—
А Ужъ подумалъ:
„Должно быть, въ небѣ
И въ самомъ дѣлѣ
Пожить пріятно,
Коль онъ такъ стонетъ!"
И предложилъ онъ
Свободной птицѣ:
„А ты подвинься
На край ущелья
И внизъ бросайся.
Быть можетъ, крылья
Тебя поднимутъ,
И поживешь ты
Еще немного
Въ твоей стихіи!"
И дрогнулъ Соколъ
И, гордо крикнувъ,
Пошелъ къ обрыву,
Скользя когтями
По слизи камня.
И подошелъ онъ,
Расправилъ крылья,
Вздохнулъ всей грудью,
Сверкнулъ очами
И—внизъ скатился.
И самъ, какъ камень,
Скользя по скаламъ,
Онъ быстро падалъ,
Ломая крылья,
Теряя перья...
Волна потока
Его схватила
И, кровь омывши,
Одѣвши въ пѣну,
Умчала въ море.
А волны моря
Съ печальнымъ ревомъ
О камень бились...
И трупа птицы
Не видно было
Въ морскомъ пространствѣ...
Въ ущельи лежа
Ужъ долго думалъ
О смерти птицы,
О страсти къ небу.
И вотъ, взглянулъ онъ
Въ ту даль, что вѣчно
Ласкаетъ очи
Мечтой о счастьи.
„А чтó онъ видѣлъ,
Умершій Соколъ,

Въ пустынѣ этой
Безъ дна и края?
Зачѣмъ такіе,
Какъ онъ, умерши,
Смущаютъ душу
Своей любовью
Къ полетамъ въ небо?
Что имъ тамъ ясно?
А я вѣдь могъ бы
Узнать все это,
Взлетѣвши въ небо
Хоть не надолго".
Сказалъ и сдѣлалъ:
Въ кольцо свернувшись,
Онъ прянулъ въ воздухъ
И узкой лентой
Блеснулъ на солнцѣ.
Рожденный ползать—
Летать не можетъ!..
Забывъ объ этомъ,
Онъ палъ на камни...
Но... не убился,
А разсмѣялся:
„Такъ вотъ въ чемъ прелесть
Полетовъ въ небо!
Она—въ паденьи!..
Смѣшныя птицы!
Земли не зная,
На ней тоскуя,
Онѣ стремятся
Высоко въ небо,
И ищутъ жизни
Въ пустынѣ знойной.
Тамъ только пусто.
Тамъ много свѣта,
Но нѣтъ тамъ пищи
И нѣтъ опоры
Живому тѣлу...
Зачѣмъ же гордость?
Зачѣмъ укоры?
Затѣмъ, чтобъ ѐю
Прикрыть безумство
Своихъ желаній
И скрыть за ними
Свою негодность
Для дѣла жизни?
Смѣшныя птицы!..
Но не обмануть
Теперь ужъ больше
Меня ихъ рѣчи!
Я самъ все знаю,
Я видѣлъ небо!..
Взлеталъ въ него я,
Его измѣрилъ,
Позналъ паденье,
Но—не разбился,
А только крѣпче
Въ себя я вѣрю.
Пусть тѣ, что землю
Любить не могутъ,
Живутъ обманомъ...
Я—знаю правду,
И ихъ призывамъ
Я не повѣрю.
Земли творенье,
Землей живу я".
И онъ свернулся
Въ клубокъ на камнѣ,
Гордясь собою...
Блестѣло море,
Все въ яркомъ свѣтѣ,
И грозно волны
О берегъ бились.
Въ ихъ львиномъ ревѣ
Гремѣла пѣсня
О гордой птицѣ;
Дрожали скалы
Отъ ихъ ударовъ,
Дрожало небо
Отъ грозной пѣсни:
— Безумству храбрыхъ
Поемъ мы славу!
Безумство храбрыхъ—
Вотъ мудрость жизни!
О, смѣлый Соколъ!
Въ бою съ врагами
Истекъ ты кровью...
Но будетъ время—
И капли крови
Твоей горячей,
Какъ искры, вспыхнутъ
Во мракѣ жизни,
И много смѣлыхъ
Сердецъ зажгутъ
Безумной жаждой
Свободы, свѣта...
Пускай ты умеръ!..
Но въ пѣснѣ смѣлыхъ
И сильныхъ духомъ
Всегда ты будешь
Живымъ примѣромъ,
Призывомъ гордымъ
Къ свободѣ, къ свѣту!
Безумству храбрыхъ
Поемъ мы пѣсню!..

1897.

ПѢСНЯ О БУРЕВѢСТНИКѢ.

Надъ сѣдой равниной моря
Вѣтеръ тучи собираетъ.

Между тучами и моремъ
Гордо рѣетъ Буревѣстникъ,
Черной молніи подобный.
То волны крыломъ касаясь,
То стрѣлой взвиваясь къ тучамъ,
Онъ кричитъ,—и тучи слышатъ
Радость въ смѣломъ крикѣ птицы.
Въ этомъ крикѣ—жажда бури!
Силу гнѣва, пламя страсти
И увѣренность въ побѣдѣ
Слышатъ тучи въ этомъ крикѣ.
Чайки стонутъ передъ бурей,
Стонутъ, мечутся надъ моремъ
И на дно его готовы
Спрятать ужасъ свой предъ бурей...
И гагары тоже стонутъ:
Имъ, гагарамъ, недоступно
Наслажденье битвой жизни—
Громъ ударовъ ихъ пугаетъ.
Глупый пінгвинъ робко прячетъ
Тѣло жирное въ утесахъ...
Только гордый Буревѣстникъ
Рѣетъ смѣло и свободно
Надъ сѣдымъ отъ пѣны моремъ!
Все мрачнѣй и ниже тучи
Опускаются надъ моремъ,
И поютъ, и рвутся волны
Къ высотѣ, навстрѣчу грому.
Громъ грохочетъ. Въ пѣнѣ гнѣва
Стонутъ волны, съ вѣтромъ споря.
Вотъ охватываетъ вѣтеръ
Стаи волнъ объятьемъ крѣпкимъ
И бросаетъ ихъ съ размаха,
Въ дикой злобѣ, на утесы,
Разбивая въ пыль и брызги
Изумрудныя громады...
Буревѣстникъ съ крикомъ рѣетъ,
Черной молніи подобный,
Какъ стрѣла пронзаетъ тучи,
Пѣну волнъ крыломъ срываетъ.
Вотъ онъ носится, какъ демонъ,—
Гордый, черный демонъ бури,—
И смѣется, и рыдаетъ...
Онъ надъ тучами смѣется,
Онъ отъ радости рыдаетъ!
Въ гнѣвѣ грома,—чуткій демонъ,—
Онъ давно усталость слышитъ,
Онъ увѣренъ, что не скроютъ
Тучи солнца,—нѣтъ, не скроютъ!
Вѣтеръ воетъ... Громъ грохочетъ...
Синимъ пламенемъ пылаютъ
Стаи тучъ надъ бездной моря.
Море ловитъ стрѣлы молній
И въ своей пучинѣ гаситъ.
Точно огненныя змѣи,
Вьются въ морѣ, исчезая,
Отраженья этихъ молній.
— Буря! Скоро грянетъ буря!
Это смѣлый Буревѣстникъ
Гордо рѣетъ между молній
Надъ ревущимъ гнѣвно моремъ;
То кричитъ пророкъ побѣды:
– Пусть сильнѣе грянетъ буря!..

1901.

ВАЛАШСКАЯ ЛЕГЕНДА.

Въ лѣсу надъ рѣкой жила фея,
Въ рѣкѣ она часто купалась;
Но разъ, позабывъ осторожность,
Въ рыбацкія сѣти попалась.
Ея рыбаки испугались...
Но былъ съ ними юноша Марко:
Схватилъ онъ красавицу фею
И сталъ цѣловать ее жарко.
А фея, какъ гибкая вѣтка,
Въ могучихъ рукахъ извивалась,
Да въ Марковы очи глядѣла
И тихо чему-то смѣялась...
Весь день она Марко ласкала,
А какъ только ночь наступила—
Пропала веселая фея...
У Марко душа загрустила...
И дни ходитъ Марко, и ночи
Въ лѣсу надъ рѣкою Дунаемъ,
Все ищетъ, все стонетъ: „Гдѣ фея?“
А волны смѣются: „Не знаемъ“.
Но онъ закричалъ имъ: „Вы лжете!
Вы сами играете съ нею!“
И бросился юноша глупый
Въ Дунай, чтобъ найти свою фею.
Купается фея въ Дунаѣ,
Какъ раньше до Марко купалась;
А Марко ужъ нѣту... Но, все же,
О Марко хоть пѣсня осталась.

. . . .

А вы на землѣ проживете,
Какъ черви слѣпые живутъ:
Ни сказокъ про васъ не разскажутъ,
Ни пѣсенъ про васъ не споютъ!

CVI.

Татьяна Львовна Щепкина-Куперникъ.

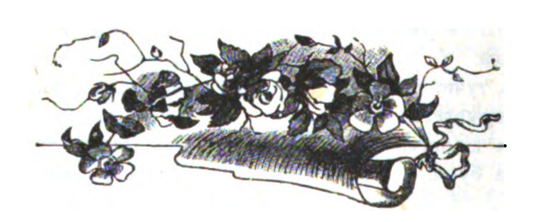
Род. 1874.

Характеръ литературной дѣятельности г-жи Щепкиной-Куперникъ (особенно ея прозаическихъ произведенiй) можно назвать филантропическимъ. — Приводимая ниже лирическ[ая] пьеска прiятно выдѣляется сочетанiемъ искрен[ности] ности чувства и красоты формы.

НЕУРОЖАЙ.

Истощена земля, не въ силахъ хлѣба дать.
Напрасно къ небу шлютъ моленья люди:
Несчастная—примолкла, точно мать,
Которая боится зарыдать,
Держа ребенка у изсохшей груди.
А онъ—виновный безъ вины—
Страдаетъ, плачетъ онъ, не зная.
За что его караетъ грудь родная...
Такъ плачетъ и народъ моей страны.
Съ отчаяньемъ его рыданьямъ внемлю...
Повсюду слезы, слезы... Сколько ихъ!..
Но, видно, мало слезъ людскихъ,
Чтобъ напоить сухую землю.

1898.



CVII.

Иванъ Алексѣевичъ Бунинъ.

Род. 1870.

Талантливый поэтъ-пейзажистъ. Прелестныя картинки родной природы (преимущественно степной полосы) портитъ временами только излишнее стремленіе къ реализму, выражающееся въ обиліи техническихъ и мѣстныхъ словъ.—Попытки выйти изъ этой области творчества и примкнуть къ школѣ пѣвцовъ „новаго настроенія"— слѣдуетъ признать совершенно неудачными.

Первый сборникъ стиховъ появился въ 1898 г.

КОВЫЛЬ.

Ненастный день. Дорога прихотливо
Уходитъ въ даль. Кругомъ все степь да степь.
Шумитъ трава дремотно и лѣниво;
Нѣмыхъ могилъ сторожевая цѣпь
Среди хлѣбовъ загадочно синѣетъ,
Кричатъ орлы, пустынный вѣтеръ вѣетъ
Въ задумчивыхъ, тоскующихъ поляхъ,
Да тѣнь отъ тучъ кочующихъ темнѣетъ.
А путь бѣжитъ... Не тотъ ли это шляхъ,
Гдѣ Игоря обозы проходили
На синій Донъ? Не въ этихъ ли мѣстахъ,
Въ глухую ночь, въ яругахъ волки выли,
А днемъ орлы на медленныхъ крылахъ
Его въ степи безбрежной провожали
И клектомъ псовъ на кости созывали,
Грозя ему великою бѣдой?
— Гей, отзовись, степной орелъ сѣдой!
Отвѣтъ мнѣ, вѣтеръ буйный и тоскливый!
...Безмолвна степь. Одинъ ковыль сонливый
Шуршитъ, склоняясь ровной чередой...

ВЪ ФЕВРАЛѢ.

Свѣжѣютъ съ каждымъ днемъ и молодѣютъ сосны;
Чернѣетъ лѣсъ, синѣетъ мягко даль.
Сдается, наконецъ, сырымъ вѣтрамъ февраль,
И потемнѣлъ въ лощинахъ снѣгъ наносный.
На гумнахъ и въ саду, по-зимнему, покой
Царитъ въ затишьи дѣдовскихъ строеній;
Но что-то тянетъ въ залъ, холодный и пустой,
Гдѣ пахнетъ сыростью весенней.
Сквозь стекла потныя заклеенныхъ дверей
Гляжу я на балконъ, гдѣ снѣгъ еще наваленъ,
И голый, мокрый садъ теперь мнѣ не печаленъ,—
На гнѣзда въ сучьяхъ липъ опять я жду грачей.
Жду, какъ въ тюрьмѣ давно желанной воли,
Тумановъ мартовскихъ, чернѣющихъ бугровъ,
И свѣта, и тепла отъ бѣлыхъ облаковъ
И первыхъ жаворонковъ въ полѣ!

* * *

Догорѣлъ апрѣльскій свѣтлый вечеръ,
По лугамъ холодный сумракъ легъ.
Спятъ грачи; далекій шумъ потока
Въ темнотѣ таинственно заглохъ.
Но свѣжѣе пахнетъ, зеленями,
Молодой озябшій черноземъ.
И струится чище надъ полями
Звѣздный свѣтъ въ молчаніи ночномъ.
По лощинамъ, звѣзды отражая,

Ямы свѣтятъ тихою водой;
Журавли, другъ друга окликая,
Осторожной тянутся гурьбой.
А Весна въ зазеленѣвшей рощѣ
Ждетъ зари, дыханье затая,—
Чутко внемлетъ шороху деревьевъ,
Зорко смотритъ въ темныя поля.

———

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА.

То разростаясь, то слабѣя,
Громъ за усадьбой грохоталъ,
Шумѣла тополей аллея,
На стекла сумракъ набѣгалъ.
Все ниже тучи наплывали;
Все ощутительнѣй, свѣжѣй
Порывы вѣтра обвѣвали
Дождемъ и запахомъ полей.
Въ поляхъ хлѣба къ межамъ клонились...
А изъ лощинъ и изъ садовъ—
Отвсюду съ вѣтромъ доносились
Напѣвы раннихъ соловьевъ.
Но вотъ, по тополямъ и кленамъ
Холодный вихорь пролетѣлъ...
Сухой бурьянъ зашелестѣлъ,
Окно захлопнулось со звономъ.
Блеснула молнія огнемъ...
И вдругъ надъ самой крышей дома
Раздался трескъ короткій грома
И тяжкій грохотъ... Все кругомъ
Затихло сразу и глубо́ко,
Садъ потемнѣвшій присмирѣлъ,—
И благодатно, и широко
Весенній ливень зашумѣлъ.

———

* * *

Какъ флеромъ даль полей закрывъ на полчаса,
Прошелъ внезапный дождь косыми полосами.—
И снова глубоко́ синѣютъ небеса
Надъ освѣженными полями.
Тепло и влажный блескъ. Запахли медомъ ржи.
На солнцѣ бархатомъ пшеницы отливаютъ,
И въ молодомъ лѣсу, въ березкахъ у межи,
Безпечно иволги болтаютъ.
И веселъ звучный лѣсъ, и вѣтеръ межъ березъ
Ужъ вѣетъ ласково; и бѣлыя березы
Роняютъ тихій дождь своихъ алмазныхъ слезъ
И улыбаются сквозь слезы...

———

ВЪ ПОѢЗДѢ.

Все шире вольныя поля
Проходятъ мимо насъ кругами;
И хутора, и тополя
Плывутъ, скрываясь за полями.
Давно за ними потонулъ
Нашъ городокъ на горныхъ склонахъ,
Давно подъ этотъ мѣрный гулъ
Несемся мы въ степяхъ зеленыхъ.
И какъ хорошъ и веселъ день!
Какъ сердце радуютъ равнины
И отдаленныхъ деревень
Родныя, милыя картины!
Вотъ подъ горою скитъ святой
Въ бору бѣлѣетъ за лугами...
Вотъ мостъ желѣзный надъ рѣкой
Промчался съ грохотомъ подъ нами...
А вотъ и лѣсъ!—И гулъ идетъ
Подъ стукъ колесъ въ лѣсу зеленомъ;
Березъ веселыхъ хороводъ,
Шумя, встрѣчаетъ насъ поклономъ;
И все темнѣй за ними лѣсъ.
А сосенъ красныя колонны,
Подъ голубымъ шатромъ небесъ,
Надъ нимъ свои возносятъ кроны.
Отъ паровоза бѣлый дымъ,
Какъ хлопья ваты, расползаясь,
Плыветъ, цѣпляется по нимъ,
Къ землѣ безпомощно склоняясь,
И въ лѣсъ манитъ онъ за собой,
Гдѣ солнце въ про́сѣкѣ сверкаетъ,
Гдѣ въ чащѣ, темной и густой,
Душистый ландышъ расцвѣтаетъ.
Но ужъ опять кусты пошли;
Опять деревьевъ строй рѣдѣетъ,
И безконечная вдали
Степь развернулась и синѣетъ.
Опять привольныя поля
Проходятъ мимо насъ кругами,
И хутора, и тополя
Плывутъ, скрываясь за полями.

———

* * *

Въ темнѣющихъ поляхъ, какъ въ безграничномъ [морѣ,
Померкъ и потонулъ зари печальный свѣтъ,
И мягко мракъ ночной плыветъ въ степномъ про- [сторѣ,
Нѣмой зарѣ во слѣдъ.
Изъ зрѣющихъ хлѣбовъ, какъ теплое дыханье,
Порою вѣтерокъ касается чела.
Но спятъ уже хлѣба... Царитъ кругомъ молчанье,
Молчатъ перепела.
Лишь суслики во ржи скликаются свистками,
Иль по межѣ тушканъ таинственно, какъ духъ,
Несется быстрыми, неслышными прыжками
И пропадаетъ вдругъ.

РАЗВАЛИНЫ.

Надъ синимъ понтомъ—сѣрыя руины.
Остатки древней греческой тюрьмы.
На югъ—морскія зыбкія равнины,
На сѣверъ— голые холмы.
Въ проломахъ стѣнъ—корявыя оливы
И дерезá, сопутница руинъ,
А подъ стѣнами—красные обрывы
И волнъ густой аквамаринъ.
Угрюмо здѣсь, въ сырыхъ подземныхъ кельяхъ;
Но весело тревожить сонъ темницъ,
Перекликаться съ эхомъ въ подземельяхъ
И видѣть небо изъ бойницъ.
Давно октябрь, но не уходитъ лѣто:
Ужъ на холмахъ желтѣетъ шелкъ травы,
Но воздухъ чистъ—и сколько въ небѣ свѣта,
А въ морѣ нѣжной синевы!
И тихи, тихи старыя руины.
И цѣлый день, подъ мѣрный шумъ валовъ,
Слѣжу я въ морѣ парусъ бригантины,
А въ небесахъ—круги орловъ.
И усыпляетъ моря шумъ атласный,
И кажется, что въ мірѣ жизни нѣтъ:
Есть только блескъ, лазурь и воздухъ ясный,
Просторъ, молчаніе и свѣтъ.

ДОМА.

Ночь тепла, свѣтла и золотиста,
Мѣсяцъ всталъ и замеръ надъ гумномъ,
Все уснуло... Теменъ тихій флигель...
Степь и небо видны за окномъ.
За окномъ по лопухамъ чернѣетъ
Тѣнь отъ крыши; дальше, на кусты
И на жнивье, лунный свѣтъ ложится,
Какъ льняные бѣлые холсты.
Далеко на сѣверѣ Капелла
Блещетъ семицвѣтнымъ огонькомъ,
И оттуда, съ поля, тянетъ ровнымъ,
Ласковымъ полуночнымъ тепломъ.
Сладко этой лаской упиваться,
Сладокъ отдыхъ ночью... Ночь свѣтла,
Все вокругъ, какъ прежде: хуторъ, поле...
Все, какъ было... Только жизнь прошла!

СКАЗКА.

... И снилось мнѣ, что мы, какъ въ сказкѣ,
Шли вдоль пустынныхъ береговъ
Надъ дикимъ синимъ лукоморьемъ,
Въ глухомъ бору, среди песковъ.
Былъ лѣтній свѣтозарный полдень,
Былъ жаркій день, и озаренъ
Весь лѣсъ былъ солнцемъ и отъ солнца
Веселымъ блескомъ напоенъ.
Узорами ложились тѣни
На теплый розовый песокъ,
И синій небосклонъ надъ боромъ
Былъ чистъ и радостно-высокъ.
Игралъ зеркальный отблескъ моря
Въ вершинахъ сосенъ, и текла
Вдоль по корѣ, сухой и жесткой,
Смола, прозрачнѣе стекла...
Мнѣ снилось сѣверное море,
Лѣсовъ пустынные края...
Мнѣ снилась даль, мнѣ снилась сказка—
Мнѣ снилась молодость моя!

ШТИЛЬ.

На плоскомъ возморьи—мертвый зной и штиль.
Слѣпитъ горячій свѣтъ, струится воздухъ чистый.
Расплавленной смолой сверкаетъ черный киль
Рыбацкаго челна на мели золотистой.
Съ нестройнымъ крикомъ голыхъ татарчатъ
Сливается порой, пронзительный и жалкій,
Зловѣщій визгъ серебряной рыбалки...
Но небо ясно, отмели молчатъ.
Разлитъ заливъ зеркальностью безбрежной,
И глубоко на золотѣ песка,
Подъ хрусталемъ воды, сіяетъ бѣлоснѣжный
Недвижный отблескъ маяка.

CVIII.

Александръ Митрофановичъ Ѳедоровъ.

Род. 1868.

Современный поэтъ и романистъ, выступившій въ печати въ серединѣ 90-хъ годовъ. При несомнѣнномъ дарованіи формы (легкомъ и изящномъ стихѣ), г. Ѳедоровъ не обладаетъ яркой индивидуальностью, и нерѣдко очень красивыя стихотворенія его отзываются подражательностью то русскимъ, то иностраннымъ образцамъ. Въ самомъ содержаніи его поэзіи трудно уловить какую-либо опредѣленную, страстно звучащую ноту.

---

* * *

(Изъ Стекетти).

Шарманка за окномъ на улицѣ поетъ...
Мое окно открыто. Вечерѣетъ.
Туманъ съ луговъ некошенныхъ плыветъ,
Весны дыханье ласковое вѣетъ.
Не знаю почему, дрожитъ моя рука,
Не знаю почему, въ слезахъ моя щека.
Вотъ голову склонилъ я на руки... Глубо́ко
Взгрустнулось о тебѣ. А ты... ты такъ далеко!

---

* * *

Мнѣ не хотѣлось спать. Я распахнулъ окно.
Въ лицо повѣяло осеннею прохладой,
И поздній мотылекъ, обманутый лампадой,
Во тьмѣ затрепеталъ, какъ свѣтлое пятно.
И звѣзды кроткія сквозь вѣтви, какъ живыя,
Взглянули мнѣ въ глаза и поняли безъ словъ
Все то, что отъ друзей таилъ я, отъ враговъ...
— Спасибо, вѣчныя, спасибо, золотыя!

ПУСТЫНЯ.

Пустыня мертвая пылаетъ, но не дышетъ.
Блеститъ сухой песокъ, какъ желтая парча,
И даль небесъ желта и также горяча;
Миражъ струится въ ней и сказки жизни пишетъ.
Такая тишина, что мнится, ухо слышитъ
Движенье облака, дрожаніе луча.
Во снѣ бредетъ верблюдъ, какъ будто зной влача
И всадника въ сѣдлѣ размѣренно колышетъ.
Порою на пути, обмытыя пескомъ,
Бѣлѣютъ путниковъ покинутыя кости
И сердцу говорятъ беззвучнымъ языкомъ:
„О, бѣдный пилигримъ! Твой путь и намъ знакомъ.
Ты кровью истекалъ, ты слезы лилъ тайкомъ...
Добро пожаловать къ твоимъ собратьямъ въ гости!"

---

* * *

Пора! Ужъ тишина давно гнететъ кошмаромъ
Весь воздухъ до небесъ грозою заряженъ,
И тучей сѣрою дымится, какъ пожаромъ,
Отяжелѣвшій небосклонъ.

къ жаждущій цвѣтокъ, безъ бури сердце вянетъ.
шнѣе и душнѣй! Нѣтъ силы кровь унять.
ужто небо насъ опять грозой обманетъ,
Неужто снова ждать и ждать?
больше ждать нельзя. Скорѣй бы тяжкимъ громомъ
збилась тишина. Сквозь горы тучъ сѣдыхъ
юбилась молнія сверкающимъ изломомъ,
И хлынулъ крупный дождь изъ нихъ!

Пусть молнія, какъ мечъ, въ древнѣйшій дубъ вонзится,
Пусть слабыхъ оглушитъ раскатомъ гулкимъ громъ,
И замертво падетъ, кто Божьихъ грозъ боится,
И много гнѣздъ снесетъ дождемъ.
Зато какъ все потомъ вздохнетъ свѣжо и вольно!
Какъ птица, и цвѣтокъ, и колосъ оживетъ!
Грозы! Скорѣй грозы! Дышать ужъ стало больно,
И сердце въ грудь, какъ молотъ, бьетъ.

1902.

CIX.

Танъ.

(Владимиръ Германовичъ Богоразъ).

Род. 1864.

Стихотворенія г. Тана, проникнутыя бурнымъ стремленіемъ къ свободѣ и пытающіяся выразить боевое настроеніе нашей эпохи, къ сожалѣнію, страдаютъ нерѣдко многословіемъ и утрированнымъ паѳосомъ.

Тѣмъ не менѣе, дарованіе г. Тана (въ особенности какъ бытового разсказчика и публициста) безспорно. Лучшее изъ его поэтическихъ произведеній — поэма „Въ дорогѣ" (приводимая нами въ сокращеніи) полно истинно-красивыхъ, оригинальныхъ образовъ.

ВЪ ДОРОГѢ.

(изъ колымскихъ мотивовъ.)

Мы ѣхали долго. Средь тундры нагой
Неслись наши нарты одна за другой.
Полозья чуть слышно скрипѣли.
Какъ смутныя тѣни, мелькали часы,
И въ бѣшеной скачкѣ упряжные псы
Быстрѣе, чѣмъ вѣтеръ, летѣли.
Кончался угрюмо нахмуренный день,
Росла, надвигалась вечерняя тѣнь,
Катился туманъ по равнинѣ
И падалъ густой надоѣдливый снѣгъ...
И вотъ на обычный бездомный ночлегъ
Мы выбрали мѣсто въ пустынѣ.
Какъ трупъ, неподвижна, какъ скатерть ровна,
Подъ саваномъ снѣга лежала она,
Подъ сѣрымъ покровомъ тумана;
И бѣлая площадь холодной земли
Неясною гранью сливалась вдали
Съ широкимъ лицомъ океана.
И взоры напрасно искали вокругъ
Хоть кустъ, обнаженный жестокостью вьюгъ,
Средь тундры нагой и безплодной,—
И только на бѣломъ покровѣ зимы
Чернѣли наноснаго лѣса холмы,
Дары Колымы́ многоводной.
Поспѣшно, въ защиту отъ вьюги ночной,
Мы нарты поставили длинной стѣной;
Подъ ихъ ненадежной оградой
Изъ искры, добытой съ трудомъ изъ кремня,
Веселое пламя живого огня
Зажглось, засіяло отрадой.
На тѣсно разостланныхъ шкурахъ звѣрей
Мы всѣ улеглись, завернувшись плотнѣй
Въ свои мѣховыя одежды,
Поближе къ привѣтному жару костра,
И ждали спокойно другого утра,
Сомкнувъ утомленныя вѣжды.
Привычныя дѣти полярной земли
Безпечно заснули, какъ только легли,
Подъ шумъ разъяренной мятели;
Но я не забылся въ живительномъ снѣ,
И мирныя грезы спуститься ко мнѣ
Сквозь плотную тьму не хотѣли.
Усталыя очи я тщетно смыкалъ:
Огонь и сквозь вѣки струился, сверкалъ,
Рядился въ волшебныя краски,
И сыпался искръ разноцвѣтный каскадъ,

в пламени прыгалъ сіяющій взглядъ,
Лукавой исполненный ласки.
слышалъ, какъ вѣтеръ бушуетъ въ степи
бѣшено воетъ, какъ звѣрь на цѣпи...
. . . .
сквозь дикіе вопли, сквозь яростный ревъ
нѣ слышался грозный, зловѣщій напѣвъ,
Звучавшій такъ скорбно, такъ глухо.
а рѣющихъ крыльяхъ мятели ночной
нъ часто во тьмѣ пролеталъ надо мной,
Какъ голосъ враждебнаго духа.
нъ пѣлъ: „Не надѣйся вернуться домой,
вой слѣдъ потеряется въ тундрѣ нѣмой!
. . . .
Ты въ мерзлую землю сойдешь въ тишинѣ,
трупъ твой застынетъ въ полярной странѣ...“
. . . .
тщетно я плакалъ и рвался сквозь тьму
силился что-то отвѣтить ему,—
Слова на устахъ замирали,
грудь разрывалась отъ стоновъ глухихъ,
сердце сжималось въ тискахъ роковыхъ
Мучительной, злобной печали.
. . . .
силился свергнуть свой страшный покой,
отъ крикнуть, хоть двинуть застывшей рукой:
Въ борьбѣ роковой и безцѣльной
е двинулись плети раскинутыхъ рукъ,
умеръ въ груди цѣпенѣющій звукъ
Подъ тяжестью стужи смертельной.
очная заря разгоралась свѣтло,
рожащее пламя, какъ море, текло,
Какъ радужный стягъ, развернулось.
а сѣверномъ склонѣ высокихъ небесъ,
ъ странѣ недоступныхъ полярныхъ чудесъ
Волшебная сила проснулась.
онтаны цвѣтныхъ, искрометныхъ огней
звивались, скрывались, какъ тысячи змѣй,
Надъ пологомъ бездны туманной.
нопы золотые тянулись на югъ,
а самомъ зенитѣ вѣнцовъ полукругъ
Горѣлъ полосою багряной.
рливы сіяній рождались вдали,
урпурныя волны, вздымаясь, ползли
Къ вершинѣ небесъ свѣтоносной;
ежъ ними, какъ струйки волшебныхъ ключей,
розрачныя сѣти дрожащихъ лучей
Мелькали игрой перекрестной.
орой, въ вышинѣ величаво вставалъ,
къ солнечнымъ блескомъ проникнутый, валъ
Надъ гранью огнистаго лона,
рѣзвыя вспышки цвѣтного огня
тились, какъ брызги, какъ пѣна гребня,
На дальній конецъ небосклона.
езпомощный страхъ мой куда-то исчезъ,

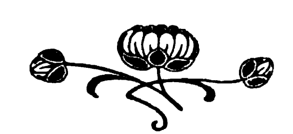
Мой духъ погасавшій внезапно воскресъ,
Огнемъ загорѣлся привѣтнымъ,
Недавнія муки казались мнѣ сномъ,
Я весь утопалъ въ созерцаньи нѣмомъ,
Въ горячемъ бреду беззавѣтномъ.
Я видѣлъ: изъ бездны небесныхъ степей
Встаютъ, выплываютъ яснѣй и яснѣй
Отряды безчисленныхъ тѣней,
Безбрежною ширью воздушныхъ равнинъ
Летятъ вереницы крылатыхъ дружинъ,
Невѣдомыхъ, чудныхъ видѣній.
Ихъ яркія крылья безшумно парятъ,
Ихъ свѣтлыя лица, какъ солнце, горятъ,
Доспѣхи ихъ пламенемъ рдѣютъ;
Какъ стая мелькающихъ огненныхъ птицъ,
Какъ отблескъ далекихъ вечернихъ зарницъ,
Знамена ихъ яркія вѣютъ.
Порой я знакомыя видѣлъ черты,
Порой озаряла меня съ высоты
Улыбка родного привѣта...
Ихъ взоры, казалось, ласкали меня—
То были могучіе духи огня,
Священные геніи свѣта.
Ихъ родина—полюсъ. Тамъ есть острова—
Залетныя птицы ихъ знаютъ едва.
Строптивыя волны тамъ плещутъ,
Надъ ними, красуясь, стоятъ города;
Чертоги и храмы изъ синяго льда,
Какъ скалы хрустальныя, блещутъ.
Тамъ яркое лѣто полгода царитъ,
Полночное солнце сіяетъ, горитъ,
Всегда небеса тамъ смѣются;
Тамъ въ зимнія ночи родится заря,
И льются волшебнаго свѣта моря,
И рѣки огнистыя льются.
Отважныя дѣти обширной земли
Не разъ приводили туда корабли
Для поисковъ долгихъ и трудныхъ;
Тамъ много свершилось ужасныхъ смертей,
И сложено много подъ снѣгомъ костей
Погибшихъ пловцовъ безразсудныхъ...
И многихъ туда же судьба приведетъ,
Но цѣли желанной никто не найдетъ.
Настойчивый поискъ напрасенъ:
Подъ вѣчной защитой своихъ холодовъ,
За крѣпкой оградой синѣющихъ льдовъ,
Тотъ край навсегда безопасенъ.
Но свѣтлые духи тѣхъ дивныхъ границъ
Порой покидаютъ, поспѣшнѣе птицъ,
Чертоги свои ледяные
И въ часъ полуно́чи воздушной тропой
Несутся крылатой и легкой толпой
Въ различныя страны земныя.
Летятъ они долго, и путь ихъ далекъ—
На западъ туманный, на югъ, на востокъ,

За горы, и долы, и море,
Повсюду, гдѣ гуще унылая тьма,
Гдѣ страхъ созидаетъ оковы ума
И сердце гнетущее горе.
И громкій, протяжный, болѣзненный крикъ
Въ груди моей мертвой внезапно возникъ,
Рожденный тоской безысходной...
И дикую степь огласилъ я мольбой:
— О духи, возьмите, возьмите съ собой
Меня изъ пустыни холодной!—
Но, молча, они продолжали полетъ;
Мой крикъ, не достигшій небесныхъ высотъ,
Въ степи прозвучалъ безъ отвѣта...
. . . .
И сонныя вѣки я поднялъ съ трудомъ,—
Лазурное утро сіяло кругомъ,
Залитое солнечнымъ блескомъ;
И снѣжная скатерть мой взоръ обожгла,
Какъ цѣлое море литого стекла,
Тонувшее въ пламени рѣзкомъ.
Назойливый вѣтеръ подъ утро затихъ,
Мятель, отдыхая отъ воплей глухихъ,
На снѣжной постели заснула,
И синяго неба безоблачный сводъ,
Какъ будто, смѣялся въ лицо непогодъ
Надъ ночью слѣпого разгула.
Товарищи встали. Подъ ихъ разговоръ,
Треща, разгорался веселый костеръ;
Подъ чайникомъ угли шипѣли,
Пары вырывались, звеня, изъ котла,
И мягкія струйки сухого тепла
Усталое тѣло согрѣли...
И скоро мы снова готовились въ путь,
Съ засыпанныхъ нартъ торопились стряхнуть
Сугробы скрипучаго снѣга,
И буйная рать необузданныхъ псовъ
Ревѣла и выла на сто голосовъ,
Предчувствуя бѣшенство бѣга.
Забытый ночлегъ нашъ исчезъ навсегда,
Что дальше—быстрѣй становилась ѣзда,
Полозья, какъ прежде, скрипѣли,—
Мы мчались, какъ вѣтеръ, дорогой прямой
По гладкому лону пустыни нѣмой
Къ далекой невѣдомой цѣли.

———

* * *

...Священную память погибшихъ въ бою
Безъ слезъ мы сумѣемъ хранить!
Мы жаждемъ всю силу, всю душу свою
На тотъ же алтарь возложить!
...Отъ края до края родимой страны
Другъ другу несемъ мы привѣтъ.
Мы—ласточки свѣжей, зеленой весны,
Идущей за нами во слѣдъ!
Пусть скована стужей нѣмая земля
И каждый шумливый потокъ,
И умерли листья, и снѣгъ на поля
Серебрянымъ саваномъ легъ,—
Уже прокатился громовый ударъ
Съ невѣдомыхъ горныхъ высотъ,
И дрогнула сила безжизненныхъ чаръ,
Тяжелый колеблется гнетъ.
И вѣтеръ предъ утромъ повѣялъ теплѣй;
Во мракѣ на каждомъ шагу
Незримыя струйки ожившихъ ключей
Ужъ роются тайно въ снѣгу.
Да скроется сумракъ, да здравствуетъ свѣтъ!
Мы—вѣстники новыхъ временъ.
Весна молодая идетъ намъ во слѣдъ
Подъ сѣнью несчетныхъ знаменъ.



CX.

Скиталецъ
(Степанъ Гавриловичъ Петровъ).
Род. 1869.

Примыкаетъ къ тому литературному течению, главный представитель котораго—г. Горький, и суть котораго можно выразить словами: жажда полноты жизни. Но то, что у крупнаго таланта выходитъ сильно, при несравненно меньшихъ художественныхъ рессурсахъ—отзывается нерѣдко искусственностью и риторикой .. Прекрасное по формѣ стихотвореніе г. Скитальца „Колокольчики-бубенчики“ вызвало массу подражаній.

* * *

Колокольчики-бубенчики звенятъ,
Простодушную разсказываютъ быль...
Тройка мчится, комья снѣжные летятъ,
Обдаетъ лицо серебряная пыль!
Нѣтъ ни звѣздачки на темныхъ небесахъ,
Только видно, какъ мелькаютъ огоньки;
Не смолкаетъ звонъ малиновый въ ушахъ,
Въ сердцѣ нѣту ни заботы, ни тоски.
Эхъ, лети душа, отдайся вся мечтѣ,
Отоните, хороводы блѣдныхъ лицъ!
Очи милыя мнѣ свѣтятъ въ темнотѣ
Изъ-подъ черныхъ, изъ-подъ бархатныхъ рѣсницъ.
. . . .
Простодушные бубенчики-друзья,
Говорливые союзники любви,
Замолчите вы, лукаво затая
Тайны нѣжныя, завѣтныя мои!
Ночь окутала насъ бархатной тафтой,
Звѣзды спрятались, лучей своихъ не льютъ,
А бубенчики подъ кованой дугой
Про любовь мою болтаютъ и поютъ.
Пусть узнаютъ люди хитрые про насъ,
Догадаются о ласковыхъ словахъ
По бубенчикамъ, по блеску черныхъ глазъ,
По растаявшимъ снѣжинкамъ на щекахъ.
Хорошо въ ночи бубенчики звенятъ,
Простодушную разсказываютъ быль...
Сквозь рѣсницы очи милыя блестятъ,
Обдаетъ лицо серебряная пыль...

Гусляръ.

Гусли звонкія рокочутъ и звенятъ,
Про веселье чистой трелью говорятъ.
Мысли-пѣсни напѣваю я струнамъ,
Вольный вѣтеръ ихъ разноситъ по полямъ.
Гусли-мысли да веселыхъ пѣсенъ даръ
Далъ въ наслѣдство мнѣ мой батюшка-гусляръ.
Гусляромъ быть доля выпала и мнѣ—
Вѣять пѣсни по родимой сторонѣ.
Я иду, накинувъ бѣдный мой нарядъ;
Гусли звонкія рокочутъ и звенятъ!
Прохожу по полямъ, по горамъ,
Напѣваю я пѣсни вѣтрамъ;
А какъ выйду на Волгу-рѣку,
Отдохнуть прихожу къ кабаку.
Тамъ по праздникамъ пьетъ и поетъ,
Веселится рабочій народъ.
Какъ ударю я въ струны мои,—
Замолчатъ надъ рѣкой соловьи;
Разливается пѣсня кругомъ
Серебромъ!
Солнце выйдетъ, смѣясь, изъ-за тучъ...
И народъ-то, какъ солнце, могучъ!
Цѣловальникъ мнѣ цѣдитъ вина,

Да душа и безъ чарки полна!
Только длинныя струны звенятъ—
Говорятъ:
Ахъ! и звонко-жъ гусли мѣдныя звенятъ...
Слышитъ ихъ владѣлецъ каменныхъ палатъ.
На душѣ его осенняя пора,
И зоветъ онъ молодого гусляра:
„Ты сыграй-ка, пѣсню грустную запой,
Чтобъ омылъ я душу грѣшную слезой,
Успокой ты совѣсть нѣжную мою,—
Я тебя и накормлю, и напою.
Пусть о томъ, что я народу—другъ и братъ,
Гусли звонкія рокочутъ и звенятъ".
Я вхожу во дворецъ къ богачу
И пропѣть ему пѣсню хочу.
Я пою ему, звонко смѣясь:
„На душѣ твоей копоть и грязь,
Не спою тебѣ пѣсни такой,
Чтобъ тебя очищала собой.
Пусть лежитъ на душѣ твоей тѣнь,—
Пѣснь свободы не нравится вамъ,—
И звенитъ она, словно кистень
По пустымъ головамъ!"

———

CXI.

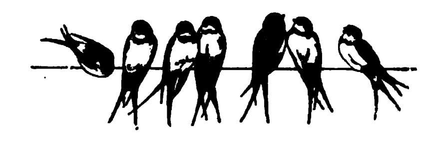
Юрій Свѣтогоръ.

(Псевдонимъ.)

ДВѢ ПѢСНИ.

Я полями иду на чужой сторонѣ;
рко звѣзды горятъ въ голубой вышинѣ...
отъ, въ душистыхъ садахъ, у широкой рѣки,
імигали одинъ за другимъ огоньки...
Кто-то тихо плыветъ
По уснувшей рѣкѣ,
Громко пѣсню поетъ
На чужомъ языкѣ.
Я полями иду, и томительно мнѣ,
: тоскуетъ душа на чужой сторонѣ...
ю когда присмотрюсь,—тотъ же сводъ надо мной,
то на родинѣ, блещетъ вечерней красой,
Тѣ же звѣзды горятъ въ вышинѣ
На чужой сторонѣ...
А какъ вслушаюсь въ пѣсню, что льется [волной
і зеленымъ холмомъ надъ зеркальной рѣкой—
іного звуковъ знакомыхъ услышу я въ ней,
іного звуковъ изъ пѣсенъ родимыхъ степей:
акъ же льются они, такъ же страстью дрожатъ
, печали полны, о любви говорятъ...
И смущенной душой
Слышу я вдалекѣ
Сердцу звукъ дорогой
На чужомъ языкѣ.
Я иду и мечтаю во мракѣ ночномъ:
„Тѣ же звѣзды вверху, тѣ же люди кругомъ...
„Ихъ огни вдалекѣ и манятъ, и зовутъ...
„Такъ же любятъ они, такъ же пѣсни поютъ...
„Этимъ людямъ чужимъ въ незнакомомъ краю
„Я привѣтную пѣсню спою".
Я полями иду къ задремавшей рѣкѣ,
Громко пѣсню пою на родномъ языкѣ—
Страстно льется она и тоскою звучитъ
И, отчизной полна, о любви говоритъ.
Я пою... И притихъ на рѣкѣ за холмомъ
Одинокій пѣвецъ и не плещетъ весломъ...
И смущенной душой
Слышитъ онъ вдалекѣ
Сердцу звукъ дорогой
На чужомъ языкѣ.

1900.



CXII.

Александръ Александровичъ Лукьяновъ.

Род. 1871.

1900 — 1903.

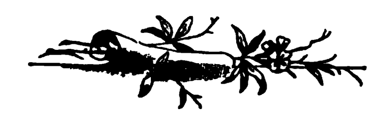
* * *

Все это только сонъ... И день печальный снова
Бросаетъ на меня холодный, тусклый свѣтъ,
И сумрачная жизнь стучится въ дверь сурово,
Неся ярмо заботъ и бѣдъ.
Я поднялъ голову... Съ тоской смотрю на стѣны...
Здѣсь волны бурныя сейчасъ мой видѣлъ взоръ,
И неся мой челнокъ, на встрѣчу снѣжной пѣны,
Туда, на царственный просторъ!
Я слышалъ возгласы: „Куда, куда, несчастный,
Зачѣмъ покинулъ ты родные берега?!"
И думалъ я:—рабы передъ судьбою властной,
Свобода вамъ не дорога!..
И не страшилъ меня безумный гнѣвъ природы,
Когда мой челнъ летѣлъ, въ пучину погруженъ,—
Онъ вырвался на свѣтъ, и я достигъ свободы...
И вотъ—все это только сонъ!..

---

* * *

Я помню этотъ шумъ, шумъ жизни молодой!
Распались цѣпи ледяныя,
И звонкіе ручьи, какъ слезы золотыя,
Какъ слезы радости предъ новою весной,
Струились по землѣ...
И тамъ, въ полупрозрачной мглѣ
Весеннихъ облаковъ съ ихъ нѣжной красотой,
Я слышалъ тотъ же шумъ, шумъ жизни молодой!
И птицы вольныя, и вешняя вода
Слились въ одинъ аккордъ тогда:
Жить, жить!
Я слышу этотъ шумъ, шумъ жизни молодой!
Нѣтъ мертвыхъ дней оцѣпенѣнья,
И рѣчи пылкія, и радостное пѣнье
Пахнули на меня живительной весной!
Я вѣрю: жизнь идетъ
Съ могучей силою впередъ,
И дрогнула стѣна преграды вѣковой
Подъ этотъ первый шумъ, шумъ жизни молодой!
О, юность чудная! Ты манишь на просторъ,
Въ одинъ аккордъ слился твой хоръ:
Жить, жить!



CXIII.

Марья Валентиновна Ватсонъ.

Род. 1852.

Еще въ 70-хъ годахъ печатались въ журнахъ оригинальныя и переводныя стихотвонія, но отдѣльный сборникъ ихъ вышелъ лько въ 1905 году.

М. В. Ватсонъ — извѣстный знатокъ романской (особенно испанской) литературы и поэзіи. Ея перу принадлежитъ, между прочимъ, первый *точный и полный* переводъ „Донъ-Кихота", вышедшій недавно въ изданіи Павленкова.

ИМАТРА.

Межъ дикихъ, суровыхъ скалистыхъ громадъ,
здымаясь и пѣнясь, шумитъ водопадъ;
грюмой и гнѣвной тревогою полнъ,
робитъ миріады рокочущихъ волнъ.
толѣтнія сосны тѣснятся кругомъ,
го осѣняя зеленымъ вѣнцомъ.
Свободный отъ вѣка въ свободной странѣ,
е знаетъ преградъ онъ мятежной волнѣ,
грозный далёко разносится вой...
о странно (иль это лишь бредъ мой больной?)—
егодня и въ шумѣ свободныхъ валовъ
нѣ слышно бряцанье тяжелыхъ оковъ,
нѣ чудится: въ страхѣ и горѣ нѣмомъ,
толѣтнія сосны поникли челомъ,
черныя скалы, загадочный взглядъ
передъ устремляя, кому-то грозятъ!..

1903.

НА СМЕРТЬ ТОРРИХОСА И ЕГО ТОВАРИЩЕЙ

(изъ Эспронседы).

У берега шумнаго моря, всѣ въ рядъ,
Сраженные смертью кровавой,
Покрытые вѣчною славой,
Борцы за свободу отчизны лежатъ.
Пылая любовью горячей, они
Взошли надъ страною родимой,
Истерзанной, бѣдной, гонимой,
Что красное солнышко въ темные дни.
Ихъ память почтимте слезами, друзья!—
И скорбь наша крови потокомъ
Въ бою пусть польется жестокомъ...
Безстрашны мы будемъ, губя и разя!
И дрогнутъ враги... И увидятъ въ рядахъ
Суровые призраки павшихъ,
За родину душу отдавшихъ,—
И ужасъ родится въ ихъ низкихъ сердцахъ!

CXIV.

Ольга Николаевна Чюмина.

Род. 1864.

Печатаетъ стихи съ начала 80-хъ годовъ,—преимущественно переводы изъ многочисленныхъ иностранныхъ поэтовъ. Но только въ послѣдніе годы, съ оживленіемъ русской общественной жизни и ослабленіемъ цензурнаго гнета, г-жа Чюмина отыскала, повидимому, свой собственный „поэтическій стаканъ“, свое истинное призваніе: подъ псевдонимами сначала Оптимиста, а затѣмъ Бой-Кота— чалъ появляться въ газетахъ рядъ ея по тическихъ сатиръ и шаржей, всегда остро ныхъ и порой очень ѣдкихъ, въ отдѣльно изданіи уже составившихъ двѣ книги.

* * *

Есть души странныя: онѣ
Напоминаютъ втайнѣ мнѣ
Тѣ роковые города,
Что затонули безъ слѣда
Въ пучинѣ темноголубой.
Укрыло море ихъ собой,
И къ жизни силой никакой
Не вызвать ихъ изъ мглы морской.
Въ нихъ все навѣкъ погребено,
И лишь избранникамъ дано
Порою слышать въ поздній часъ
Несущійся изъ бездны гласъ
И колокольный тихій звонъ,
И пѣснь, и плачъ, и арфы стонъ.
Лишь люди, чей отваженъ духъ,
И ясенъ взоръ и чутокъ слухъ,—
Ихъ слышатъ въ ропотѣ волны
И тайну ихъ постичь вольны.

* * *

Тамъ, въ прошедшемъ—блескъ разсвѣта,
Полдня знойнаго лучи;
Настоящее согрѣто
Блѣднымъ пламенемъ свѣчи.
Позади остались гдѣ-то
Къ прежнимъ радостямъ ключи,
Лишь мечты о царствѣ свѣта—
Все, какъ прежде, горячи.
Кругозоръ свѣтлѣй и шире,
Проникаетъ глубже взглядъ,
Но рѣдѣетъ въ этомъ мірѣ
Дорогихъ и близкихъ рядъ.
Въ звукахъ рѣзкихъ и докучныхъ,
Раздающихся вокругъ,
Слышу меньше струнъ созвучныхъ,
Отвѣчаетъ рѣже другъ.
Рано листья облетѣли,
И въ безмолвіи ночномъ
Заунывный стонъ мятели
Раздается за окномъ.
Но пока не глянутъ въ очи
Утра новаго лучи—
Ты гори во мракѣ ночи,
Огонекъ моей свѣчи!

ВЪ ОЖИДАНІИ.

(изъ святочныхъ сценъ).

[В] центральнаго вокзала ждутъ Ее, имени кото[ро]й никто не произноситъ, интеллигенція, трудя[щ]іеся классы и обыватели. Журналисты—нѣкоторые [у]же изрядно ощипанные цензурою, другіе—въ періодѣ [о]цѣпененія, слагаютъ гимны въ честь Ея, на мотивы: „Весна, выставляется первая рама“. „По вешнему по складу мы пѣсню завели“ и т. д.

[Ж]урналисты (хоръ). Для статей намъ тѣсны [границы,

Упованьямъ нѣтъ границы,
[Ж]дутъ прекрасной иностранки
И уѣзды, и столицы.
[Н]ынче съ поѣздомъ-прогрессомъ
Къ намъ желанная прибудетъ.
[П]одъ цензурнымъ тяжкимъ прессомъ
Журналистъ стонать не будетъ.

[П]олу-хоръ. Увы! какъ дѣло наше сложно!
[Т]ебѣ, чье имя пятисложно,—
[Сп]ѣшу привѣтствіе принесть,
[Н]о это имя невозможно
[В]слухъ произнесть!

[Ж]урналистъ (соло). Ты, въ честь кого передовую
И фельетонъ
[С]лагалъ во снѣ и на яву я,
Возвысивъ тонъ;
[И]зъ-за кого—въ виду цензуры—
Дрожалъ, какъ листъ,
—рыцарь горестной фигуры,
Я—журналистъ.
[Т]вой псевдонимъ, о, незнакомка,
Раскрытъ давно,
[Н]о молвить имя это громко—
Воспрещено.
[У]жель не сниметъ карантина
Съ тебя нашъ вѣкъ,
[И] ты „женою Константина“
Пребудешь ввѣкъ?

[О]птимисты (forte). Она пріѣдетъ! Она разсудитъ!
[О]на заснувшихъ отъ сна пробудитъ!

[П]ессимисты (piano). Улита ѣдетъ... когда-то [будетъ?

[В]ъ безвоздушномъ пространствѣ появляется Кащей—лицо символическое: едва ли не изъ Метерлинка).

Кащей. Сколь надежды ихъ несносны!
Сколь идеи вредоносны
(Мы и такъ побѣдоносны)!
Въ комъ живетъ кащеевъ духъ—
Отъ народныхъ бѣдъ не киснетъ,
Если-жъ кто о немъ и „тиснетъ“,
Знаетъ онъ, что „брань не виснетъ“,
Изъ воды онъ выйдетъ сухъ...
Въ силу нашего уклада,
Не страшимся мора, глада...
Ой, Дидъ-Ладо, Дидо...

Эхо (Вопреки законамъ природы, добавляя одну букву).
Кладо!

Кащей. Дерзко! Чуръ насъ, чуръ!
(продолжая).
Гдѣ изъ ботика сталъ флотикъ...

Эхо. Тамъ изъ флотика сталъ ботикъ.

Кащей. Дерзко черезчуръ!
Все, вотъ видите-ль, свободно
Жить и мыслить намъ угодно,
Не боясь грѣха!
(входя въ азартъ).
За подобные глаголы
Я бы ихъ отправилъ въ школы...

Эхо (вдругъ расхохотавшись):
Колы, Колы!
Ха, ха, ха!

(*Кащей скрывается, оставивъ за собою холодную струю. Время идетъ. Поѣзда все не видать. Безпокойство*).

Одинъ изъ ожидающихъ.

Но что-жъ его, однако, задержало?

Другой. Въ душѣ моей—сомнѣній жало.

Третій. Да, почему такъ запоздалъ прогрессъ?

Четвертый. Смотрите... Крикъ и шумъ... Толпа [спѣшитъ къ аншлагу.
Не разберешь... Я вижу лишь бумагу...
Вы не прочтете ли?

Пятый (читаетъ). Мани—факелъ—фаресъ.

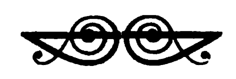
Шестой (въ недоумѣніи).
Мани... Мани...
(*останавливается мимо идущаго*).
Постойте на мгновенье!
Но что же съ поѣздомъ прогрессъ?

Голоса.

Задержка на пути... Весеннихъ сновъ крушенье.

(*Начинается слякоть*).

1905.



CXV.

Г. Галина
(Глафира Адольфовна Эйнерлингъ).

Род. 1873.

Красота скуднаго сѣвернаго пейзажа, сліяніе съ жизнью природы мечтательной женской души, жуткое чувство одиночества, жажда жизни, любви и участія—всѣ эти мотивы хорошо намъ знакомы еще со временъ Жадовской. Но и старое кажется новымъ, будучи согрѣто искреннимъ чувствомъ и облечено въ легкій музыкальный стихъ. Простота — одно изъ главныхъ достоинствъ г-жи Галиной, особенно цѣнное въ наше время, столь богатое крикливыми и всячески ломающимися поэтами.

1899 — 1906.

* * *

Какъ хорошо!.. Взгляни: вдали
Огнемъ горитъ рѣка;
Цвѣтнымъ ковромъ луга легли,
Бѣлѣютъ облака.
Здѣсь нѣтъ людей... Здѣсь тишина...
Здѣсь—только Богъ да я.
Цвѣты да старая сосна,
Да ты, мечта моя...

СПЛИНЪ.

Сегодня цѣлый міръ окрашенъ въ сѣрый цвѣтъ—
И люди, и дома... И на душѣ моей
Ложится темный рядъ безформенныхъ тѣней,
И такъ далекъ, далекъ сіяющій разсвѣтъ!
Не тянетъ вдаль меня осенній холодокъ,
Не манитъ красота желтѣющихъ аллей...
Сегодня я боюсь и не люблю людей,
Я спряталась отъ нихъ, тоскуя, въ уголокъ.
Молчитъ душа моя, и съ нею я молчу,
И сѣрый полумракъ глядитъ со всѣхъ сторонъ...
Я вся погружена въ какой-то смутный сонъ
И ничего не жду, не жду и не хочу...

* * *

Нѣтъ, нѣтъ!.. О вѣчномъ снѣ я не хочу молить,
И смерть я не зову, въ тоскѣ непобѣдимой:
Горитъ въ моей душѣ, горитъ неугасимо
Одно желанье—жить!
Такъ вьюга зимняя пытается сломить
Живое деревцо холодными руками:
Пригнутое къ землѣ, съ померзшими вѣтвями,
Оно все борется, чтобъ жить!..

* * *

Лѣсъ рубятъ,—молодой, нѣжно-зеленый лѣсъ...
А сосны старыя понурились угрюмо
И, полны тягостной, неразрѣшимой думы,
Безмолвныя, глядятъ въ нѣмую даль небесъ.
Лѣсъ рубятъ... Потому-ль, что рано онъ шумѣлъ,
Что на зарѣ будилъ уснувшую природу?
Что молодой листвой онъ слишкомъ смѣло пѣлъ
Про солнце, счастье и свободу?
Лѣсъ рубятъ... Но земля укроетъ сѣмена:
Пройдутъ года, и мощной жизни силой
Поднимется березъ зеленая стѣна—
И снова зашумитъ надъ братскою могилой!..

* * *

Мнѣ снилось—умеръ тотъ, кого я такъ люблю...
Душистые цвѣты его чело покрыли,
Ю милыя уста, и смолкнувъ, сохранили
Улыбку скорбную свою.
И я, припавъ на грудь, могла ему шептать
Всѣ нѣжныя слова, что́ я въ душѣ таила...
Какъ-будто смерть его мнѣ щедро подарила,
Что́ жизнь была не въ силахъ дать!
У двери гробовой сбылась моя мечта,
Наполнивъ сердце мнѣ отрадою печальной:
Мой первый поцѣлуй, безумный и прощальный,
Сомкнулъ любимыя уста...

* * *

Можетъ быть, это былъ только радостный сонъ:
Кто-то свѣтлый открылъ мнѣ дорогу мою...
И сказала душа: это онъ... это онъ...
Тотъ, кого я люблю...
На рукахъ у него слѣдъ оковъ и цѣпей...
И въ далекомъ, холодномъ краю
Онъ страдалъ за другихъ, какъ Христосъ за людей—
Тотъ, кого я люблю...
И давно я все жду... я все жду... онъ придетъ...
Я отдамъ ему душу мою...
И на подвигъ любви онъ меня поведетъ—
Тотъ, кого я люблю!
Пусть все это мечта, иль обманчивый сонъ...
Я о счастьи иномъ не молю:
Только-бъ съ нимъ умереть, умереть тамъ, гдѣ [онъ—
Тотъ, кого я люблю...

ВЪ ПУТИ.

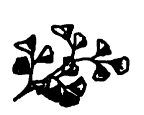
Какая прелесть въ быстромъ движеньи!
Поѣздъ ли мчится, тройка-ль несетъ—
Въ нѣмую вѣчность бѣгутъ мгновенья,
Все дальше, дальше, впередъ, впередъ!..
Тѣнью минутной люди мелькаютъ—
Не можетъ память ихъ сохранить.
Они наскучить не успѣваютъ,
Не успѣваешь ихъ полюбить...
Тѣснятся ели живой стѣною
И грустно, грустно мнѣ вслѣдъ глядятъ,
Какъ будто вмѣстѣ онѣ со мною,
Раскинувъ вѣтви, бѣжать хотятъ.
Въ туманѣ ночи огни сіяютъ—
Въ окнѣ далекомъ горятъ огни.
Зовутъ и ма́нятъ, и обольщаютъ,
И обѣщаютъ покой они...
Но мимо, мимо ихъ лживой ласки:
Тамъ тѣсны стѣны, тамъ сонъ гнететъ...
Нѣтъ, лучше птицей нестись, какъ въ сказкѣ,
Душой свободной—впередъ, впередъ!..

НАВСЕГДА.

Изъ страданій и слезъ ты мнѣ цѣпи сковалъ—
Мнѣ отъ нихъ не уйти никуда.
И, прощаясь со мной, ты не даромъ сказалъ:
„Навсегда ты моя, навсегда!..“
Семь таинственныхъ звѣздъ въ голубой вышинѣ
Намъ съ тобою свѣтили тогда...
И теперь безъ тебя, улыбаясь мнѣ,
Повторяютъ онѣ: „Навсегда“...
Пусть мелькнетъ въ волосахъ серебро сѣдины—
Надъ душою не властны года!..
Семь таинственныхъ звѣздъ съ голубой вышины
Повторяютъ со мной: „Навсегда“...

* * *

Пускай погибшими мечтами
Полны прошедшіе года—
Веснѣ съ душистыми цвѣтами
Не измѣню я никогда!
И старость высохшей рукою
Мнѣ сердце злобой не сожметъ:
Я вспомню молодость весною—
И сердце снова запоетъ!..
И въ часъ послѣдній, засыпая,
Глаза усталые сомкну
И отойду, благословляя
Мою послѣднюю весну.
И все, что въ жизни мнѣ свѣтило
Горячимъ солнцемъ ясныхъ дней,
Все, чѣмъ жила и что́ любила,
Я унесу съ душой моей.
И гробъ весной мнѣ будетъ тѣсенъ,
И цѣпи смерти я порву...
И пѣсней, лучшею изъ пѣсенъ—
Цвѣткомъ весеннимъ оживу!



CXVI.

Леонидъ Ивановичъ Андрусонъ.

Род. 1875.

СОНЪ.

Въ безвѣстную даль, одинокій, бездомный,
Въ пустынѣ сыпучими шелъ я песками;
Жгло солнце усталую грудь.
И труденъ былъ путь мой далекій и темный,—
Весь острыми былъ онъ усѣянъ камнями...
Я шелъ, я не смѣлъ отдохнуть!
Безоблачно небо... Конца нѣтъ дорогѣ...
Все шелъ я... Въ дали разстилался свинцовой
Удушливый, знойный туманъ...
Мнѣ острые камни изрѣзали ноги;
Кровь, слѣдъ на пескѣ оставляя багровый,
По каплямъ сочилась изъ ранъ.
Отъ боли въ глазахъ все порою мутилось...
Я падалъ... Отчаянья слезы кипѣли
Въ моей наболѣвшей груди...
Умру, не дойду до невѣдомой цѣли...
Но сердце отвагой и мужествомъ билось,—
„Иди,—мнѣ твердило—иди!“
И, властною жаждою жить окрыленный,
Шелъ дальше я моремъ пустыни безбрежной,
Вновь падалъ и снова вставалъ;
И снова, въ порывѣ тоски безнадежной,
Безсильный, лежалъ на землѣ раскаленной,—
Какъ трупъ, неподвижно лежалъ.
И видѣлъ, какъ въ небѣ высоко-высоко,
Могучими гордо блистая крылами,
Парилъ надо мною орелъ.
Свободный, какъ я, и, какъ я, одинокій,—
„Иди!—мнѣ кричалъ онъ—тамъ жизнь за песками...“
И медленно дальше я шелъ...

1902.

ЗА РАБОТОЙ.

Колеса вертятся, машины стучатъ,
Челны по основамъ снуютъ.
Глаза за движеніемъ нитей слѣдятъ,
И руки безъ устали ткутъ.
Ткутъ руки; потъ градомъ катится съ лица,
Въ грудь молотомъ сердце стучитъ...
А нити ползутъ да ползутъ безъ конца,
Подъ грохотъ работа кипитъ!
А тамъ, за стѣной, далеко-далеко—
Лѣса и раздолье полей;
Тамъ дышется груди привольно-легко
Подъ тѣнью зеленыхъ вѣтвей.
Прохладно въ тѣни на опушкѣ лѣсной,
И тихо, такъ тихо кругомъ...
Волнуется рожь... Тучки свѣтлой грядой
Въ просторѣ плывутъ голубомъ...
— На волю, на волю изъ душной тюрьмы
Безсонныхъ заботъ и труда!—
Машины стучатъ: „Никогда, никогда!“
Здѣсь вѣчные узники мы.
Какъ въ бѣшеной пляскѣ, колеса бѣгутъ,
Ремни, извиваясь, шипятъ;
Проклятыя нити ползутъ, да ползутъ,
Машины хохочутъ, гремятъ:
„Безплодныя думы, пустыя мечты—
Лѣса и раздолье полей!
Не люди вы, дѣти больной нищеты,
Вы—блѣдныя тѣни людей!“—
. . . .
Ни смѣха, ни пѣсенъ... Порою въ глазахъ
Безсильная злоба блеснетъ,

Слеза задрожитъ,—на безкровныхъ губахъ
Безсильно проклятье замретъ,
Да руки съ угрозой сожмутся и... ткутъ!
Мы ткемъ, мы безъ устали ткемъ.
Проклятыя нити ползутъ да ползутъ,
Бѣжитъ и спѣшитъ все кругомъ...
Скорѣе!.. И тѣло, и воля въ цѣпяхъ—
Покорно мы ткемъ.. А потомъ,
Какъ силы не станетъ въ изсохшихъ рукахъ,
Мы въ грязныхъ подвалахъ умремъ.
Ткемъ... Тучи удушливой пыли висятъ
Надъ нами, дрожагъ и плывутъ...
Колеса вертятся, машины стучатъ,
Проклятыя нити ползутъ!
1902.

ВЪ ГОРАХЪ.

Я на уступахъ дикихъ горъ.
Шумитъ сосновый темный боръ,
Кричатъ орлы,
И, какъ свобода, властно-дикъ
Ихъ, отраженный эхомъ, крикъ...
Полны холодной мглы,
На темени угрюмыхъ кручъ
Ютятся стаи хмурыхъ тучъ
И тихо въ даль,
Покинувъ краткій свой пріютъ,
Толпою вольною плывутъ...
Имъ ничего не жаль!
А я тоскую. Здѣсь одинъ
Межъ дикихъ я брожу вершинъ,
И страстная печаль
Томитъ меня... Тамъ, подо мной,
Въ долинахъ, скрытыхъ мутной мглой,
Страдаютъ люди,—и людей
Мнѣ страстно жаль... Тамъ звонъ цѣпей,
Тамъ стукъ машинъ... Тамъ—суета
Труда больного, нищета
И море горькихъ слезъ!
И я всю горечь слезъ людскихъ,
Всю боль, весь гнетъ цѣпей земныхъ
Сюда съ собой принесъ—
Сюда, на кручи дикихъ горъ,
Гдѣ мощнымъ гуломъ темный боръ
Свободѣ гимнъ поетъ,
Гдѣ—позабыть земли позоръ—
Влечетъ въ свой царственный просторъ
Бездонный небосводъ!..
1903.

CXVII.

С. Травиновъ
(Сергѣй Ивановичъ Орловъ).
Род. 1877.

Поэтъ-крестьянинъ, лишь два года учившийся въ сельской школѣ, а затѣмъ—въ бытность петербургскимъ рабочимъ—одинъ годъ посѣщавшiй воскресную школу. — Въ красивыхъ по формѣ стихахъ г. Травинова чувствуется сильная натура, тщетно стремящаяся порвать сковавшiя ее путы жизни.

1901 — 1902.

* * *

Мы ждали бури,—бури нѣтъ!
Ея тревожные раскаты
Неслись, минуя насъ, куда-то,
Гдѣ въ нихъ, быть можетъ, нужды нѣтъ.
А такъ она была близка
И такъ могуче надвигалась,
Что—вотъ обрушится, казалось,
Живящимъ ливнемъ свысока!
Все стихло; какъ дитя, робка,
Жизнь боязливо притаилась;
Рѣка, застывши, чуть рябилась;
Клубясь, чернѣли облака.
Въ затишьи,—легкiй спутникъ бурь,—
Сердито молнiя сверкала;
Небесъ насмѣшливыхъ увяла
Нахально-яркая лазурь.
Еще бы мигъ—и грянулъ громъ
Среди мертвящаго покоя...
. . . .
Ударъ—и сгинетъ, ждали мы,
Миражъ тяжелаго молчанья,
И гнѣвной молнiи сiянье
Развѣетъ чары долгой тьмы!..
Мы ждали бури—бури нѣтъ!
Ея тревожные раскаты
Неслись, минуя насъ, куда-то,
Гдѣ въ нихъ и нужды, можетъ, нѣтъ.

БОЕВАЯ ПѢСНЬ.

Борьба на смерть—не на животъ,
Ни слова о пощадѣ
Пускай одинъ изъ насъ падетъ—
Не уступлю ни пяди!
Довольно слезъ, тоски... Я правъ,
Я цѣну жизни знаю:
Однажды цѣпи разорвавъ,
Я вновь ихъ не желаю!
Врагъ силенъ, да! Но не ему
Достанется побѣда:
Я свѣтъ несу, онъ сѣетъ тьму
И—не оставитъ слѣда.

* * *

Если хочешь—я буду молчать,
Крикъ страданья въ груди затаю,
Пѣсню цѣпью холодной скую,
На уста наложу я печать.
Но тревоги мятежной души

Засверкають во взорѣ моемъ
Гнѣвной молніи жгучимъ огнемъ...
Вырви очи, огонь потуши!
Но, слѣпой и нѣмой,—пока живъ,—
Я въ смиреньи поруки не дамъ:
Вѣдь Самсонъ отомстилъ же врагамъ,
Мощь въ десницѣ своей ощутивъ!..

———

ОСЕНЬ.

Угасъ послѣдній яркій день
Бесильно гибнущаго лѣта;
Кипучей жизни пѣсня спѣта,
На землю смерти пала тѣнь.
Увялъ цвѣтущій лугъ давно
И смолкъ, туманами повитый;
Надъ рѣчкой жалко и смѣшно
Нагія треплются ракиты.
Оборванъ наглою рукой,
Какъ нищій, стонетъ лѣсъ дремучій,
И поле мертвое тоской
Кругомъ одѣлося, какъ тучей.
Луны сурово-блѣдный ликъ
Горитъ холоднымъ блескомъ стали,
И полонъ вѣщей птицы крикъ
Слѣпого страха и печали...
— И надо мною скорби тѣнь!
Моихъ надеждъ, моихъ мечтаній,
Въ волнахъ житейскихъ испытаній,
Угасъ послѣдній яркій день!..

CXVIII.

Григорій Петровичъ Перлинъ
(Перловскій).

1882 — 1902.

Авторъ этихъ стихотвореній умеръ двадцати лѣтъ отъ роду. Трудно, конечно, сказать, что вышло бы изъ этого зарождавшагося дарованія, но въ немъ, какъ-будто, сквозило что-то своеобразное.

ОСЕНЬЮ.

Октябрь шумитъ... Во тьмѣ ночей
Холодный вѣтеръ завываетъ
И пламя рѣдкихъ фонарей
Съ какой-то злобой задуваетъ.
Здѣсь вѣтку тонкую согнетъ,
Тамъ желтый листъ сорветъ и броситъ,
Тамъ пѣсню подъ окномъ споетъ,
О чемъ-то жалобно попроситъ.
И стонетъ листъ сухой, шурша...
Вотъ, красный дискъ луны восходитъ
И, какъ погибшая душа,
Въ пустынной мглѣ уныло бродитъ.
Одинъ,—здѣсь, въ городѣ чужомъ,—
И для кого, и что́ я значу?
Никто не поглядитъ съ тепломъ,
Когда порой я и заплачу!
И думаю, издрогнувъ весь,
Что не одинъ же я страдаю:
Такихъ, какъ я, вѣдь сотни здѣсь,
Лишь ихъ въ толпѣ я не узнаю.
Какъ я же, пишутъ по ночамъ,
За человѣчество страдая...
А ночь холодная и злая
Не внемлетъ стонамъ и мольбамъ!

* * *

Я распахнулъ окно... Царила ночь всевластно,
И въ мутной темнотѣ тонула синева.
Чего-то я во тьмѣ искалъ глазами страстно,
Болѣла грудь моя, горѣла голова.
Какъ бѣлыхъ облачковъ задумчивая стая,
Сосѣдней фабрики клубился тихо дымъ,
И звуковъ сдавленныхъ неслась волна глухая—
Машинъ, смѣявшихся надъ отдыхомъ ночнымъ.
Но городъ мирно спалъ. Дневная жизнь заснула,
Страстей жестокій пиръ давно затихъ кругомъ;
Какъ будто смерть прошла и холодомъ дохнула.
Громадный дворъ лежитъ чернѣющимъ пятномъ.
И лишь въ одномъ окнѣ, мерцая сиротливо,
Свѣтъ лампы засіялъ, и кто-то, одинокъ,
У лампы надъ столомъ нагнулся терпѣливо,
И тѣнь его легла на низкій потолокъ.
Не знаю отчего—поэзіей печали
Пахнуло на меня отъ этого окна.
Трудъ вдохновенія, жестокая нужда ли
Заставила тебя ночь проводить безъ сна?
Или, разбитый весь, больной и одинокій,
Ты надъ печальною задумался судьбой?..
Мнѣ близокъ ты ужъ тѣмъ, что этотъ мракъ глубокій
Случайный мой сосѣдъ, былъ озаренъ тобой!

1902.

CXIX.

Н. Шрейтеръ

(Николай Николаевичъ Шрейтерфельдтъ).

Род. 1876.

Одинъ изъ наиболѣе симпатичныхъ, гуманно настроенныхъ молодыхъ поэтовъ. При нѣкоторой монотонности, стихъ отличается выдающейся музыкальностью и тонкимъ изяществомъ.

1901 — 1906.

НЕУРОЧНАЯ ПѢСНЬ.

Еще блуждали всюду сны,
И ночь таинственно чернѣла...
Вдругъ пѣсня птицы прозвенѣла
Среди унылой тишины.
Дохнулъ игривый вѣтерокъ,
Деревья чутко встрепенулись...
Но вмѣстѣ съ птицей обманулись—
Вдали былъ сумраченъ востокъ.
Замолкъ веселый шумъ вѣтвей,
И пѣсня утра не допѣта...
И, въ страхѣ близкаго разсвѣта,
Сомкнулась ночь еще чернѣй!..

РАНЕНЫЙ ОРЕЛЪ.

Влача разбитое крыло,
нъ изнывалъ отъ боли нестерпимой...
птицы вольныя летѣли мимо,
И лѣтній день глядѣлъ свѣтло.
ольной орелъ, какъ я, тоскою полный,
Укрылся въ тѣнь прибрежныхъ скалъ
И тамъ одинъ, какъ я, страдалъ...
передъ нимъ, рѣзвясь, шумѣли волны!..

---

* * *

Прочь надоѣдливый напѣвъ,
Аккордъ ненужный и избитый—
Печальный звонъ души разбитой,
Безсильный, безполезный гнѣвъ!
Довольно людямъ слезъ своихъ,
Волненій цѣпи непрерывной
И стоновъ жизни заунывной...
Смирись, умолкни, грустный стихъ!
Твои слова—тяжелый бредъ:
Ты гордой силой вдохновенья
Не разрываешь будней звенья...
А бѣднымъ людямъ нуженъ свѣтъ!
Толпа, какъ узникъ за стѣной,
Томясь невзгодою суровой,
Живетъ мечтой о жизни новой,—
И нуженъ ей напѣвъ иной!

---

* * *

Быть можетъ, впереди—безводная страна,
Пустыня знойная, палящій ураганъ...
Но ты иди... Иди безъ отдыха и сна —
Туда, въ невѣдомый, синѣющій туманъ!
Успѣешь отдохнуть... А вдругъ увидишь тамъ
И гордыхъ пальмъ шатеръ, и звонкій ключъ у ногъ,

И въ пышной зелени, въ тѣни, роскошный храмъ?
И въ тишинѣ его—твоя мечта, твой богъ!

———

ВЪ ГАВАНИ.

Рабочій шумный день свиститъ, звенитъ, грохочетъ,—
Не молкнетъ стукъ колесъ по жесткой мостовой...
Но суеты людской природа знать не хочетъ:
Сіяютъ небеса прозрачной синевой,
Лежитъ волна кругомъ лазурною пустыней
И, въ небо уходя, сверкаетъ гранью синей.
Съ тяжелой ношею, какъ мулы, другъ за другомъ
Они идутъ, идутъ... Нерасторжимымъ кругомъ
Ихъ жизнь очерчена. Сегодня—что вчера:
Тупой, тяжелый трудъ, гнетущій трудъ съ утра
До вечера... Ихъ жизнь течетъ, какъ сонъ угрюмый,
И мрачно въ ихъ сердцахъ, и бродятъ злыя думы.
По лицамъ бронзовымъ струится грязный потъ.
Мучительная власть страданій и заботъ
На лбу ихъ провела глубокія морщины
И молодымъ, порой, уже вплела сѣдины...
Кого здѣсь только нѣтъ! Суровая нужда
Волной страданія племенъ различья смыла—
И въ дружную семью ихъ всѣхъ объединила.
Вотъ—русскій, турокъ, грекъ... И гдѣ же ихъ вражда?!—
Здѣсь только жалкій рабъ своей судьбы печальной,
Здѣсь только человѣкъ съ душой многострадальной,
Раздавленный подъ молотомъ труда!

———

ЗАСУХА.

Я проѣзжалъ дорогою глухой.
Пустыня-степь со всѣхъ сторонъ лежала,
Былъ душенъ воздухъ, мертвый и сухой,
И чудилось—какъ тяжело-больной,
Земля вокругъ томилась и стонала.
Сверкало солнце. Былъ палящій зной,
Клубилась пыль тяжелая съ дороги.
Молчалъ, дремалъ возница жалкій мой;
Худая кляча, съ острою спиной,
Едва-едва переставляла ноги.
То тутъ, то тамъ встрѣчались хутора.
Унылый видъ,—безжизненныя хаты...
Жестоко жгла іюльская жара
Нѣмой просторъ пустыннаго двора,
А за дворомъ безплодныхъ нивъ раскаты.
Навстрѣчу намъ нигдѣ изъ-подъ воротъ
Мохнатыя дворняжки не бѣжали...
„Прогнѣванъ Богъ! Пропалъ, пропалъ народъ!..“
Шепталъ ямщикъ... Крестилъ, зѣвая, ротъ...
И дальше мы пустыней проѣзжали.

———

* * *

Играетъ вѣтеръ бѣшеной волной,
О груды скалъ дробя ее сурово...
А мѣсяцъ тусклъ. Лѣнивый и тупой,
Едва бредетъ онъ скучною тропой—
Ему вокругъ ничто, ничто не ново!
Какъ вѣчный жидъ, онъ странствуетъ одинъ
И Божій гнѣвъ выноситъ молчаливо...
Пустого неба грустный властелинъ,
Кочующій средь голубыхъ равнинъ,
Онъ смерти ждетъ, какъ челнъ—волны прилива.
Подъ нимъ земля томится хмурымъ сномъ;
Какъ черный духъ, печаль надъ міромъ рѣетъ...
И міръ молчитъ и видитъ въ снѣ больномъ,
Какъ бродитъ мѣсяцъ въ сумракѣ ночномъ,
И какъ подъ нимъ людская мука зрѣетъ!

———

* * *

Сентябрьскій воздухъ свѣжъ и чистъ,
Соленой влагой моря дышетъ
И съ тихимъ звономъ ржавый листъ
На стройномъ тополѣ колышетъ.
Волны лазурное стекло
Лежитъ въ пескахъ, какъ въ желтой рамѣ...
Безмолвно все, какъ ночью въ храмѣ.
И, какъ въ раю, вокругъ свѣтло!

———

* * *

Еще прольется кровь! Безъ боя не уступитъ
Безумный, хищный врагъ плѣненныхъ имъ свободъ.
Цѣною новыхъ жертвъ, цѣной жестокой купитъ
Священныя права воспрянувшій народъ!
Еще клубится мракъ, но близокъ день лазурный.
Среди ночныхъ тѣней ужъ запылалъ востокъ...
И съ пѣсней торжества, безудержный и бурный,
На груды шаткихъ скалъ, гремя, летитъ потокъ!

CXX.

Василій Васильевичъ Башкинъ.

Род. 1880.

Даровитый поэтъ и беллетристъ, выдвигувшійся въ годы освободительнаго движенія. роникнутый всѣми его чаяніями и стремленями, самъ поющій пѣсни борьбы, молодой оэтъ, — чувствуется, — носитъ въ душѣ глубокую рану, нанесенную ему жизнью еще въ до-революціонную эпоху. Это—умъ, глубоко скептическій, сердце, отравленное безысходной тоскою...

Порой прозаичная и грубоватая, своеобразна муза г. Башкина.

СОСНЫ.

мурыя сосны шумятъ подъ окномъ,
ѣтеръ качаетъ вершины ихъ сонно.
ышу, какъ шепчутъ онѣ монотонно—
Все объ одномъ, объ одномъ:
Въ скучномъ краю родились мы на свѣтъ,
Въ скучномъ краю счастья нѣтъ!
ѣрымъ ненастьемъ измучены мы,
Жизнь наша хуже тюрьмы.
Ждать и желать мы забыли давно,
Холодно намъ и темно.
дѣсь можно только страдать и терпѣть,
Здѣсь хорошо умереть".
мурыя сосны шумятъ подъ окномъ,
ѣтеръ качаетъ вершины ихъ сонно.
ышу, какъ шепчутъ онѣ монотонно
Все объ одномъ, объ одномъ...

1903.

РѢЧКА УДОХА.

еребрянымъ блескомъ горятъ водяныя чешуйки...
еселая рѣчка скользитъ изъ-подъ стараго моста...
оютъ и смѣются пѣвучія быстрыя струйки...
хъ сдержанный лепетъ звучитъ мелодично и [просто.
На высохшемъ камнѣ русалочка-дѣвочка плачетъ,
Темно ей и скучно подъ бревнами въ тихой за- [прудѣ...
Прозрачное тѣло отъ солнца въ тѣни она прячетъ,
Рукой прикрываетъ стыдливыя дѣтскія груди.
И смотритъ на синее небо нѣмыми глазами,
Не смѣя взглянуть на покатыя полосы поля,
Гдѣ вѣтеръ играетъ въ зеленомъ овсѣ съ василь- [ками,
Гдѣ яркое солнце и свѣтлая вольная воля.
О чемъ-то подумалъ пушистый ячмень за дорогой,
Вздохнулъ, прошумѣлъ и стоитъ, какъ ни въ чемъ [не бывало...
Потомъ поклонился деревнѣ больной и убогой
И ветхимъ березамъ, съ жары задремавшимъ устало.
И снова все тихо... Однѣ говорливыя струйки
Поютъ безъ умолку, что здѣсь ничего имъ не [жалко,
Что въ дальнемъ краю еще ярче горятъ ихъ че- [шуйки,
Что въ дальней рѣкѣ ихъ другая полюбитъ русалка.

ЗЛАТОКУДРАЯ ОСЕНЬ.

Златокудрая осень мечтаетъ въ саду:
То заглянетъ въ купальню на сонномъ пруду,

29*

Обходя осторожно желтѣющій кустъ,
То къ окну замолчавшаго дома прильнетъ.
Не отвѣтитъ ей домъ: онъ покинутъ и пустъ.
И, вздыхая, тихонько она отойдетъ.
Выйдетъ въ поле, гдѣ красный осинникъ дрожитъ,
Узкой лентой дороги къ заборамъ прижатъ.
Въ безучастную даль сжатыхъ нивъ поглядитъ
И съ тревожною думой вернется назадъ.
Приласкаетъ задумчиво поздній цвѣтокъ
И одинъ за другимъ оборветъ лепестокъ.
Отъ безшумныхъ шаговъ сторонится трава.
Пятна солнца ложатся на влажный песокъ;
Не дыша, умираетъ на кленахъ листва.
Подломившись, отрывисто хрустнетъ сучокъ,
Но надтреснутый звукъ тишины не смутитъ.
Златокудрая осень о счастьи грустить.

———

ОТЪѢЗДЪ.

Съ поля дуетъ рѣзкій, злобный вѣтеръ...
Поднимаютъ верхъ кривой кибитки...
Подошелъ проститься старый сетеръ,
Съ хмурымъ видомъ трется у калитки.
Говорю ему: „Къ веснѣ пріѣду"...
Рядомъ въ домѣ звякнули тарелкой:
Соблазнился старый—и къ сосѣду
Побѣжалъ на дворъ рысцею мелкой...
„Береги себя,—мнѣ шепчетъ мама,—
Напиши, когда найдешь уроки"...
Отъ заботъ я сторонюсь упрямо,—
Торопливо подставляю щеки...
„Ты у насъ такой неосторожный"...
Досказать боится,—молча, проситъ.
Неувѣренъ взглядъ ея тревожный...
Саквояжъ сестра большой выноситъ.
Бормочу я что-то имъ сквозь зубы...
Помѣстился на сидѣньи жесткомъ...
Дернулъ кучеръ... Слышу окрикъ грубый...
Развернулась даль за перекресткомъ.
Смутно вижу мирный сонъ погоста
И унылый остовъ церкви древней;
Заскрипѣли грузно скрѣпы моста...
Проѣзжаемъ маленькой деревней.
Открываютъ отводъ намъ мальчишки,
Мѣдяки сбираютъ хлопотливо...
Въ край, который знаю по-наслышкѣ,
Уношусь мечтой нетерпѣливой!

———

* * *

Голосъ вѣщій сердцу говоритъ,
Голосъ вѣщій сердце не обманетъ:
Послѣ ночи бурной день настанетъ—
И грозою небо закипитъ!
Онъ еще невѣдомъ, этотъ день,
Но изъ мрака будущаго грозно
Смотритъ къ намъ тоскующая тѣнь
То съ враждой, то съ мукой многослёзной...
Тихихъ пѣсенъ ласки молодой,
Прозвучавшихъ въ радостной надеждѣ,
Отъ меня не жди теперь, какъ прежде...
Пѣснь моя—призывъ въ неравный бой!

———

* * *

Онъ не вашъ, хоть и росъ въ вашей черствой [средѣ,—
Породнился онъ съ нами въ народной бѣдѣ!..
Наше знамя онъ несъ, съ нашимъ возгласомъ пал[ъ],
Умирая, онъ братьями насъ называлъ.
Много славныхъ разстрѣляно было тогда.
Всѣхъ, кого мы успѣли, сносили сюда.
И его принесли... Но въ предсмертный свой часъ
Онъ ни словомъ, ни стономъ не вспомнилъ о васъ.
Сосчитайте кровавыя раны на немъ,
Разсмотрите печаль на лицѣ молодомъ:
Развѣ есть среди васъ хоть одинъ, чей вѣнокъ
Оскорбить бы святой его смерти не могъ?

———

CXXI.

Иванъ Платоновичъ Каляевъ.

1877 — 1905.

РАЗДУМЬЕ.

Лучи кроваваго заката
Насъ въ дѣтствѣ озарили.
Огонь борьбы съ неправдой свято
Въ сердцахъ мы сохранили.
Въ жестокіе росли мы годы:
У висѣлицы черной
Еще стоялъ палачъ свободы
Передъ толпой покорной.
Страна несчастная стонала
Подъ игомъ, внѣ закона...
... Но часто мы, невзгоды дѣти,
Вдали отъ лжи, разврата,
Мечтали о борьбѣ, при свѣтѣ
Вечерняго заката.
Замученныхъ героевъ тѣни
Тогда шептались съ нами,
И на небѣ пылало мщеньемъ
Кровавое ихъ знамя...
Спускалась ночь надъ ихъ могилой
Забытой, неизвѣстной,
Но намъ, объятымъ новой силой,
Былъ ясенъ сводъ небесный.
... Мерцали звѣзды сиротливо,
Огни вдали мерцали,
А мы страницы молчаливо
Судьбы своей читали:
„Настанетъ день—и солнце встанетъ,
Героевъ рать проснется,
Народъ страдающій воспрянетъ,
Міръ старый содрогнется!
Идите-жъ вновь на бой кровавый,
Ударьте грознымъ станомъ!..“
. . . .
И мы пошли...

---

* * *

Дни мои, какъ волны моря,
Тонутъ въ безднѣ чувствъ и думъ;
Муки радости и горя
Заглушаютъ жизни шумъ.
Въ этой жизни многослезной
Счастливъ тотъ, кто жизнь свою
Съ общей скорбью, въ битвѣ грозной,
Слилъ въ могучую струю!
Только сильнымъ съ бурей спорить,
Разсыпая вихремъ смѣхъ...
О, какъ сладко бурѣ вторить,
Быть со всѣми и за всѣхъ!
Мнѣ-ль, друзья, не внять напѣву
Въ вышинѣ летящихъ грозъ,
Буйныхъ волнъ мольбамъ и гнѣву?
Я во тракѣ бурь возросъ.
И когда проснулось море,
И вдали блеснулъ разсвѣтъ,—
Въ буйномъ съ непогодью спорѣ
Бурѣ бросилъ я привѣтъ!
— Здравствуй, гостья боевая,
Волнъ владычица живыхъ!
Долго ждалъ съ тоской тебя я,
Въ тайномъ гнѣвѣ думъ моихъ.
Я принесъ тебѣ всѣ слезы,
Я принесъ весь пылъ души
И ея святыя грёзы,
Долго зрѣвшія въ тиши...

CXXII.

Александръ Валентиновичъ Амфитеатровъ.

Род. 1862.

Диллетантъ-поэтъ, пищущій стихами сравнительно рѣдко, преимущественно—сатирическія вещи; но и въ этой—повидимому, случайной для него —сферѣ г. Амфитеатровъ обнаруживаетъ темпераментъ и недюжинное дарованіе.

СТЕНЬКА РАЗИНЪ.

(Посвящается Максиму Горькому.)

Отвергнутъ я казачьимъ кругомъ,
Одинъ, какъ перстъ,—который годъ!
Покинутъ братомъ, брошенъ другомъ...
Все—за народъ! Все—за народъ!
Въ степи зеленой небо сине...
Я брелъ за Волгу, на восходъ,
И былъ мнѣ голосъ отъ пустыни:
„Встань за народъ! Встань за народъ!
„За безпріютныхъ и голодныхъ,
За безработныхъ и сиротъ—
Чтобъ изъ рабовъ создать свободныхъ,—
Встань за народъ! Встань за народъ!
„Ты, посвященный нищетою,
Будь ей надежда и оплотъ,
Живи пылающей мечтою:
Все—за народъ! Все—за народъ!
„Не стало жизни вамъ, бѣднягамъ!
Вся Русь—одинъ голодный ротъ...
Ступай же въ бой подъ алымъ стягомъ!
Буди народъ! Веди народъ!
„Ты—правосудье безъ прощенья,
Размахъ невѣдомыхъ широтъ
Не отдыхающаго мщенья:
Съ тобой—народъ! Съ тобой—народъ!
„Жрецъ наказующаго долга,
Ты истребишь кромѣшный родъ,
Заплачетъ алой кровью Волга...
Все—за народъ! Все—за народъ!
„Не вѣрь попу! Не вѣрь монаху!
Душѣ повѣрь,—ея черёдъ!
Казни—и самъ ступай на плаху:
Все—за народъ! Все—за народъ!"
Отъ Бога-ль голосъ иль отъ чорта,—
Души свершился поворотъ:
Былое памятью затерто,—
Въ ней лишь народъ, одинъ народъ!
И внялъ я грозному велѣнью,
И поднялъ знамя на походъ,
И дышетъ воздухъ мертвой тлѣнью
Моихъ отмщеній за народъ.
Я окружился голытьбою,
Стругами вспѣнилъ глади водъ,
Живу единою судьбою:
Все—для народа!—за народъ!
Въ негодованьи гнѣвной страсти
Душа тоскующая мретъ.
Не надо мнѣ богатства, власти:
Все—за народъ! Все—за народъ!
Не надо мнѣ нарядной лести,
Не надо дружескихъ щедротъ,
Мірскихъ похвалъ, поклонной чести:
Все—за народъ! Все—за народъ!
Прости, любовь!.. Раздавшись гнѣвно,
Вскипѣла пѣна волжскихъ водъ:

и, персидская царевна!
—за народъ! Все—за народъ!
бѣгутъ струги, ползетъ бѣляна,
дубомъ—дубъ, за плотомъ—плотъ:
тага Разина Степана...
—мой народъ! То—мой народъ!
—атаманъ, не самозванецъ!
ъединилъ мой шумный сходъ
хъ голоштанныхъ, съ горя пьяницъ,
ной обобранный народъ.
Jo неудобренному полю
стьянинъ сѣялъ недородъ...
мнѣ! Я землю дамъ и волю!
—для народа!—за народъ!
ляди смѣлѣе! Выпрямь спину!
овься въ новый оборотъ:
сай соху, бери дубину,
авай съ народомъ—за народъ!
ылъ слѣпъ ты въ крѣпости безправной,
ъ подземельный, тихій кротъ:
редъ тобою—подвигъ славный...
зри, Самсонъ! Прозри, народъ!
Ie вѣрь указу и молитвѣ!
ай московскій обиходъ!
е спасенье—въ смертной битвѣ...
йдешь ты право въ ней, народъ!
ко мнѣ, ко мнѣ, и старъ, и молодъ!
ой стругъ—одинъ для васъ исходъ:
а берегахъ рыдаетъ голодъ...
ержись, народъ! Крѣпись, народъ
Ой, не стони, не плачь о хлѣбѣ;
тѣшу, плыву—впередъ, впередъ!—
будетъ зарево на небѣ...
е—за народъ! Все—за народъ!
Дымятъ усадебныя гари,
рубленъ садъ и огородъ,
ь лѣса запрятались бояре...
ешь—не уйдешь! Найдетъ народъ!
Ревутъ проклятія набата,
туши толстыхъ воеводъ
тятъ съ высокаго раската...
е—для народа!—за народъ!
Виситъ подьячій на глаголѣ,
слѣдней висѣлицы плодъ...
ай тюрьму—могилу воли!
конъ народа—самъ народъ!
Ой, вы, купчины-міроѣды!
, какъ у васъ приходъ-расходъ?
дъ громомъ Стенькиной побѣды
едетъ счета должникъ-народъ!

. . . .

Стращаетъ насъ Москва стрѣльцами,
житъ на насъ отъ Рыбны флотъ.
волю—въ бой мы, хоть съ отцами!
е—за народъ! Все—за народъ!

Я—первый, между васъ охочій
За други положить животъ!
Сомкнись подъ стягомъ, строй рабочій:
Побѣды требуетъ народъ!
Что? Мало зелья? Нѣтъ оружья?
Съ руками голыми—впередъ!
Мы у стрѣльцовъ отымемъ ружья...
Не унывай, ломи, народъ!
Не бойся ранъ, не бойся смерти!
Твоя судьба—такой уродъ,
Что вѣрь: не злѣе мучатъ черти...
Борись, отчаянный народъ!
Пойми, что жизнь твоя холопья—
Позоръ для всѣхъ людскихъ породъ!
Чѣмъ плеть терпѣть, пойдемъ на копья:
Авось, народъ! Небось, народъ!
Хоть глубока царица Волга,
И на нее бываетъ бродъ:
Быть въ кабалѣ тебѣ не долго
Осталось, выросшій народъ!
Иду-крушу за ратью рать я
Ажъ до Саратовскихъ воротъ:
Эй, отворяйте братьямъ, братья!
Здѣсь Разинъ Стенька и народъ!
Я проклятъ русскими попами...
Святѣй поповъ небесный сводъ,
Зовущій звѣздными столпами:
Все—за народъ! Все—за народъ!
Пускай анаѳему въ соборахъ
Дьяки кричатъ, разиня ротъ:
Есть у меня свинецъ и порохъ,
Есть правды жаждущій народъ.
Прощенья шопотомъ сладчайшимъ
Москва не сманитъ Стеньку—вретъ!
Намъ не ужиться подъ „тишайшимъ"...
Гуляй по Волгѣ, мой народъ!
Ломай кремлей сѣдыя стѣны:
Онѣ—насилія оплотъ!
Спѣши, покуда нѣтъ измѣны—
Предать и Стеньку, и народъ!
Тому на свѣтъ бы не родиться,
Кто будетъ мой Искаріотъ!
Что суждено, должно случиться...
Въ чемъ согрѣшилъ,—прости, народъ!
Тюрьма... Застѣнокъ... Мѣсто казни...
Толпа валитъ, что крестный ходъ...
Въ душѣ—ни скорби, ни боязни:
Все—за народъ! Все—за народъ!
Жжетъ мясо каплющая смолка,
Визжитъ въ кости коловоротъ...
Кто хнычетъ—песъ, не братъ мнѣ Фролка!
Молчи—подъ пыткой за народъ!
У палача красна рубаха,
Но самъ весь бѣлый, живоглотъ:
Не Стеньку рубишь ты съ размаха,

Ты рубишь свой родной народъ!
Зароютъ насъ на перекресткѣ,—
На югъ и сѣверъ поворотъ,—
Истлятъ мой прахъ огнемъ известки,
Но я—безсмертенъ, какъ народъ!
Не погасить грозѣ московской
Кипѣнья Стенькиныхъ свободъ!
Вѣдунъ,—въ пещерѣ Жегулевской
Я сплю и слышу мой народъ.
Не позабылъ онъ атамана:
Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ года въ годъ
Здоровье Разина Степана
Пьетъ ожидающій народъ.
И повторяетъ лепетъ сказки,
Вскормлённой стонами невзгодъ,
Завѣты богатырской ласки:
Все—для народа!—за народъ!
И если, властью безобразенъ,
Гнететъ насильникъ-сумасбродъ,—
„Пожди! Ужо проснется Разинъ!“
Грозитъ измученный народъ.

CXXIII.

Неизвѣстный.

Приводимое ниже стихотвореніе любопытно, какъ единственная проникнутая поэзіей „патріотическая“ вещь, внушенная русско-японской войной. Несмотря на замѣтное вліяніе извѣстнаго похороннаго марша Козлова („Не билъ барабанъ“), нельзя все же не признать этого стихотворенія красивымъ и запечатлѣннымъ искреннимъ чувствомъ.

ПАМЯТИ ВИЦЕ-АДМИРАЛА С. О. МАКАРОВА.

Спи, сѣверный витязь, спи, честный боецъ,
Безвременной взятый кончиной!
Не лавры побѣды—терновый вѣнецъ
Ты принялъ съ безстрашной дружиной.
Твой гробъ—броненосецъ, могила твоя—
Холодная глубь океана,
И вѣрныхъ матросовъ родная семья—
Твоя вѣковая охрана:
Дѣлившіе лавры, отнынѣ съ тобой
Они раздѣляютъ и вѣчный покой.

Ревнивое море не выдастъ землѣ
Любившаго море героя,
Въ глубокой могилѣ, въ таинственной мглѣ
Лелѣя его и покоя.
И вѣтеръ споетъ панихиду надъ нимъ,
Заплачутъ дождемъ ураганы,
И саванъ разстелютъ покровомъ густымъ
Надъ моремъ ночные туманы.
И тучи, нахмурясь, послѣдній салютъ
Громóвъ грохотаньемъ ему отдадутъ!

CXXIV.

Ада Артемьевна Чумаченко.

Род. 1887.

Самый молодой изъ вошедшихъ въ „Русскую Музу" поэто́въ. Чистотой и привлекательной свѣжестью распускающейся юной души вѣетъ отъ первыхъ опытовъ г-жи Чумаченко...

* * *

Жизнь моя мнѣ кажется порою
Книгой сказокъ скучныхъ и безцвѣтныхъ,
Отъ которыхъ вѣетъ не весною,
Не тепломъ и свѣтомъ грёзъ завѣтныхъ,
А сырой темницы полумглою.:.
Но по́рой мнѣ грезится, что въ скучной
Книгѣ есть свободная страница,—
Что тяжелыхъ сказокъ вереница
Стережетъ покой ея докучный,
А она печально ждетъ поэта,
Ждетъ поэмъ и сотканныхъ изъ свѣта,
Полныхъ солнца, ласки и привѣта
Пѣсенъ радужныхъ о знойныхъ чарахъ лѣта...
Пѣсенъ тѣхъ, что пѣла встарь Жаръ-Птица
О любви,—ждетъ чистая страница!

* * *

Что ни ночь, мнѣ снится степь родная,
Гдѣ гуляетъ вѣтеръ на просторѣ,
Гдѣ поетъ онъ пѣсни, колыхая
Ковыля серебряное море.
Снится мнѣ и гордый тополь стройный,
Весь облитый знойными лучами,
И забытый, темный и спокойный,
Старый садъ съ узорными кустами.
Что ни ночь—мнѣ снится голубое
Дальней родины ликующее небо,
Снится въ небѣ солнце золотое
Надъ волнами зрѣющаго хлѣба.
И надъ степью хищный ястребенокъ
Чуть паритъ, согрѣтый солнца лаской...
Что ни ночь—я плачу, какъ ребенокъ,
Какъ дитя, обманутое сказкой!

CXXV.

Николай Александровичъ Морозовъ.

Род. 1854.

Одинъ изъ основателей и руководителей артіи „Народной воли“, 28 лучшихъ лѣтъ изни проведшій подъ сводами тюремныхъ азематовъ (большей частью въ знаменитой Шлиссельбургской крѣпости). Поразительно, то человѣкъ, на долю котораго выпали столь яжкія испытанія, вернулся на свободу (по мнистіи 21 октября 1905 года) не разру-еннымъ душевно инвалидомъ, не мрачнымъ озлобленнымъ мизантропомъ, а въ полномъ лескѣ своихъ умственныхъ и душевныхъ илъ, съ тѣмъ же богатымъ запасомъ любви ъ людямъ, какой отличалъ его и когда-то ъ ранней молодости. Николай Александро-ичъ и теперь еще полонъ кипучихъ твор-ескихъ плановъ; онъ словно торопится наверстать потерянные въ тюрьмѣ годы... Но, оказывается, они не были имъ безплодно потеряны: въ тюрьмѣ онъ задумалъ и тамъ же отчасти выполнилъ цѣлый рядъ научныхъ работъ, изъ которыхъ двѣ вышли уже въ настоящее время въ свѣтъ, возбудивъ живой интересъ какъ въ обществѣ, такъ и среди спеціалистовъ науки („Строеніе вещества“ и „Откровеніе въ грозѣ и бурѣ“).

Только теперь опубликованы и его стихотворенія, значительная часть которыхъ была напечатана еще въ концѣ 70-хъ годовъ заграницей. Перу Морозова принадлежитъ, между прочимъ, извѣстная шуточная пѣсня „Ужъ какъ въ третьемъ отдѣленьи“.

ПАМЯТИ 1873—75 г.г.

врагами въ тюрьмѣ погребенъ,
ю живу все еще годъ отъ году...
ъ дни тяжелой борьбы за свободу
ыло время моихъ похоронъ.
в желѣзной тюремной рѣшеткой,
в сырой и холодной стѣной
ркимъ свѣтомъ горятъ предо мной
ти дни моей жизни короткой.
споминается мнѣ та пора,
акъ по нивамъ родимаго края
вдалось, сѣрый людъ пробуждая,
лово братства, свободы, добра;
акъ въ смятеньи подняли тревогу
Слуги мрака, оковъ и бичей
И покровомъ терновыхъ вѣтвей
Застилали къ народу дорогу...
Какъ въ борьбѣ съ ихъ несмѣтной толпой
Молодая, могучая сила,
Погибая, страну пробудила
На послѣдній рѣшительный бой!
Вы, друзья, что въ борьбѣ уцѣлѣли,
Тоже здѣсь вспоминаетесь мнѣ...
Лучше-ль вамъ на родной сторонѣ?
Ближе-ль, братья, стоите вы къ цѣли?
Тяжкій крестъ привелось вамъ принять,
Легкій жребій мнѣ выпалъ на долю:
Трудно жить и бороться за волю,

Но легко за нее умирать!
Трудно жить, чтобъ порой не дрожала,
На врага подымаясь, рука,
Чтобы силъ не съѣдала тоска,
Если счастье въ борьбѣ измѣняло;
Чтобы въ томъ, кто возсталъ за любовь,
Вплоть до двери холоднаго гроба
Не смолкала могучая злоба
И кипѣла бы мщеніемъ кровь!..

СВѢТОЧЪ.

Искалъ онъ къ правдѣ путь далекій
Въ юдоли лжи и пошлыхъ дѣлъ.
Его окуталъ мракъ глубокій,
А съ неба свѣточъ не горѣлъ.
Но въ мірѣ гнета и стяжанья,
Гдѣ трудно къ истинѣ идти,
Онъ видѣлъ въ трепетномъ сіяньи
Могилы павшихъ на пути.
И съ нихъ любви нетлѣнный пламень
Ему дорогу освѣтилъ,
И не споткнулся онъ о камень
Въ хаосѣ зла и темныхъ силъ.

CXXVI.

Вѣра Николаевна Фигнеръ.

Род. 1852.

Одна изъ самыхъ выдающихся женщинъ, какихъ дала русская интеллигенція за все время своего существованія,—В. Н. Фигнеръ была, какъ извѣстно, виднымъ вождемъ партіи „Народной Воли". Женская обаятельность и поэтическая душевная чуткость гармонически сочетаются въ ней съ чисто-мужской силой характера и героизмомъ самоотверженнаго бойца.—Приговоренная въ 1884 году военнымъ судомъ къ смертной казни, Вѣра Николаевна 20 лѣтъ провела въ одиночномъ заключеніи въ страшной Шлиссельбургской крѣпости, и тамъ-то, подъ тягостнымъ гнетомъ каторжнаго режима, написаны ея трогательныя, задушевно-теплыя стихотворенія, книжечка которыхъ вышла въ свѣтъ лишь въ 1906 г., когда авторъ былъ уже на свободѣ.

* * *

Если, товарищъ, на волю ты выйдешь,
Всѣхъ, кого любишь, увидишь, обнимешь,
То не забудь мою мать!
Ради всего, что есть въ жизни святого,
Чистаго, нѣжнаго, намъ дорогого,
Дай обо мнѣ ты ей знать!
Ты ей скажи, что жива я, здорова,
Что не ищу я удѣла иного,
Всѣмъ идеаламъ вѣрна...
Было мнѣ трудно здѣсь въ первое время:
Страшной разлуки тяжелое бремя,
Думала, сломитъ меня.
Но не сломило... Теперь не блѣднѣю,
Что ужъ надежды въ душѣ не имѣю
Мать дорогую обнять!
Мать не прошу я любить: сердце чуетъ,
Что и безъ просьбъ она любитъ, горюетъ,
Образъ мой въ сердцѣ хранитъ.
Но пусть не плачетъ, меня вспоминая:
Я весела, я бодра... Пусть родная
Горемъ себя не томитъ!
Пусть лишь въ молитвахъ меня поминаетъ,
Пусть лишь крестомъ издалй осѣняетъ—
Дочь трудный путь да свершитъ!..

1887 г.

* * *

Пали всѣ лучшіе!.. Въ землю зарытые,
Въ мѣстѣ пустынномъ безвѣстно легли;
Кости, ничьею слезой не омытыя,
Руки чужія въ могилу снесли.
Нѣтъ ни крестовъ, ни оградъ, и могильная
Надпись объ имени славномъ молчитъ...
Выросла травка, былинка безсильная,
Долу склонилась—и тайну хранитъ.
Были свидѣтелемъ волны кипучія...
Гнѣвно вздымаются, берегъ грызутъ;
Но и онѣ, эти волны могучія,
Родинѣ вѣсточку вдаль не снесутъ!

1897.

CXXVII.

Амари.

Подъ этимъ псевдонимомъ вышелъ небольшой сборникъ стиховъ, имѣвшій значительный успѣхъ. Но сколько-нибудь серьезной величины, по нашему мнѣнію, новый поэтъ пока не представляетъ, и мы отмѣтимъ лишь одно—приводимое ниже—стихотвореніе, написанное грубоватымъ, но сильнымъ языкомъ.

ЯМБЫ.

(тр—ву.)

... Онъ выросъ въ той семьѣ, гдѣ злобный про- [изволъ,
Борясь съ растущей силой вражей,
Одну изъ злыхъ собакъ себѣ ужъ разъ нашелъ,
Изъ псовъ цѣпныхъ на гнусной стражѣ.
Онъ выросъ въ той семьѣ, гдѣ совѣсть—звукъ [пустой,
Гдѣ вмѣсто чести—дисциплина,
Гдѣ признаютъ одинъ законъ, законъ святой:
Кулакъ и волю господина.
Онъ выросъ въ той средѣ, гдѣ презираютъ трудъ
Гдѣ дики люди, нравы грубы,
Гдѣ взятка—институтъ, гдѣ взятками живутъ,
Девизъ и лозунгъ: „Въ морду! Въ зубы!"
Онъ выросъ въ той средѣ, гдѣ знаютъ слово честь
Лишь въ сочетаньи: „честью просятъ".
И гдѣ считается безчестнымъ не донесть
И гдѣ по долгу всѣ доносятъ.
... И рано духъ семьи ужъ научилъ его
Народъ глубóко ненавидѣть,
Глубоко презирать и, болѣе всего,
Въ немъ средство къ личнымъ цѣлямъ ви- [дѣть.
Вѣдь въ домѣ у отца застѣнокъ, можетъ быть,
Съ невинной дѣтскою былъ рядомъ,
И душу дѣтскую порокъ ужъ сталъ губить
Своимъ чуть виднымъ, тонкимъ ядомъ.
Быть можетъ, близъ нея ужасный не смолкалъ
Крикъ отъ жестокихъ избіеній,
И рано дѣтскій глазъ къ картинамъ привыкалъ
Нечеловѣческихъ мученій...
.. Фортуна въ первый разъ явилася ему
(Она играть вѣдь любитъ въ жмурки—
Не удивитесь вы, навѣрно, ничему)
Подъ звуки легкіе мазурки.
Подъ топотъ каблуковъ и подъ бряцанье шпоръ
Она его поцѣловала
И подъ незначущій и скучный разговоръ
Ему о будущемъ шептала.
И стала жизнь его напоминать съ тѣхъ поръ
Мазурки танецъ легкій, бурный
И стала, какъ и онъ, полна бряцанья шпоръ,
Такой же свѣтлой и бравурной!
И если наступалъ, средь вихря танца, онъ
Ногой окованной солдата
На вѣру, на права, на совѣсть, на законъ.
На все, чтó дорого и свято,—
Такъ чтó ему законъ и чтó ему народъ,
Людская кровь, людское счастье,
Когда его девизъ: туда, наверхъ, впередъ!
Погоня жадная за властью!
... Надъ всей Россіей онъ на мигъ единый сталъ,
Надъ всей страною, старшій дворникъ;
И онъ уже хотѣлъ, и онъ уже мечталъ
На всю страну надѣть намордникъ,
Какъ вдругъ...

1905. октябрь.

CXXVIII.

Е. С.

Два стихотворенія, напечатанныя этимъ мо-одымъ поэтомъ. — представляютъ, на нашъ зглядъ, наиболѣе сильное изъ всего, что̀ по-вилось въ русской поэзіи за послѣдніе два-три года. Въ нихъ отразилась вся боль, весь ужасъ пережитой Россіею за это время революціонной бури...

* * *

ровавый конченъ пиръ... Безъ силъ, полумертва,
ъ молчаньи тягостномъ поникнула Москва
Окровавлённой головою...
гробовая тишь, и смерть кругомъ, и страхъ...
уть отблескъ зарева мерцаетъ въ небесахъ
И гаснетъ блѣдной полосою.
ослѣдній, грустный свѣтъ... Изъ крови свѣжихъ [ранъ
агряной тучею встаетъ густой туманъ,
Темнѣя страшно и уныло,
тяжко стелется надъ старою Москвой,
застилаетъ онъ кровавой пеленой
Свободы юное свѣтило.
е плачь, отважный другъ: не все погибло, вѣрь!
усть вражья ненависть—трусливый, подлый звѣрь—
Терзаетъ трупы братьевъ павшихъ;
ускай она влачитъ въ крови ихъ чистый прахъ,
ускай толпу рабовъ сковалъ безумный страхъ
Подъ крикъ злодѣевъ одичавшихъ.
е все погибло, нѣтъ!.. Въ могильной тишинѣ,
ъ оцѣпенѣніи окрестномъ, слышно мнѣ
Одно великое, живое,
дно, надъ чѣмъ ни смерть, ни ужасъ не властны,
ѣмъ день и ночь сердца печальныя полны
Героевъ, не погибшихъ въ боѣ.
го дыханіе я слышу здѣсь и тамъ:
о бродитъ по Москвѣ, невидимый врагамъ,
Народной мести грозный геній;
И рѣчь его слышна для сердца моего,
И тусклымъ пламенемъ мнѣ свѣтитъ взоръ его
Сквозь дымъ кровавыхъ испареній...
О, пусть ликуетъ врагъ въ безуміи слѣпомъ,
Пусть, съ волчьей радостью, надъ отступившимъ [львомъ
Побѣду празднуютъ тираны...
Не плачь! Израненный, но не погибшій левъ
Изъ тьмы слѣдитъ врага, и копитъ львиный гнѣвъ
И лижетъ царственныя раны!..

---

* * *

Когда наступитъ ночь, и суеты дневной
Съ души спадетъ пустое бремя,
И по небу, во мглѣ, тяжелою стопой
Бредетъ медлительное время,
И жизнь окрестная замретъ и чутко спитъ,
И дышутъ сны ея угрозой,—
Тоска безсильная мнѣ сердце леденитъ,
И грезитъ умъ кровавой грезой...
Какъ сонъ болѣзненный, опять въ душѣ моей
Тѣснятся скорбныя видѣнья;
Всѣ жертвы чистыя безумныхъ нашихъ дней
Идутъ на зовъ воображенья...
Смотрю—и призраковъ кровавый, длинный рядъ
Перебираю на удачу,—
И жалость въ сердцѣ спитъ, и сухъ горячій взглядъ,
Не содрогаюсь я, не плачу.

Для слезъ, какъ для мольбы, душа давно мертва.
Пустой надежды не ищу я:
Съ отрадой злобнаго, больного торжества
На муки родины смотрю я.
На кровь, бѣгущую изъ жгучихъ ранъ ея,
Смотрю, слѣдя за каплей каждой,
Имъ жадный счетъ веду, дыханье затая,
Какъ пьяница, томимый жаждой.
О, лейся, лейся кровь!.. Расти, кровавый счетъ!..
Расти!.. Настанетъ день расплаты...
Коль радость намъ судьба за муки лишь даетъ,—
Мы будемъ радостью богаты!
Я радъ, что ночь темна; отрадно видѣть мнѣ,
Что міръ охваченъ черной бездной.—
Пусть пламеннѣй горитъ тоска по яркомъ днѣ
Въ людскихъ сердцахъ во мглѣ беззвѣздной
Я радъ, что радости послѣдній лучъ угасъ,
И жизни замерло дыханье,
Что мертвымъ черепомъ изъ тьмы глядитъ на нас
Борцовъ замученныхъ страданье...
Пусть ложью красною никто не подсластитъ
Питья съ отравой роковою,
Пусть гнетъ насилія на всѣхъ, въ комъ духъ [спитъ,
Плитой наляжетъ гробовою!
Пусть крѣпнетъ ненависть... Пускай въ лицо судьб
Народъ великій прямо взглянетъ,
И жребій вынетъ свой, и взвѣситъ трудъ борьбы
И на борьбу, какъ буря, встанетъ!..

1906, октябрь.

CXXIX.

Евгеній Михайловичъ Тарасовъ.

Род. 1882.

НЕ ПОМНЮ.

Я отрѣзанъ отъ міра цѣпями заставъ,
давно позабылъ очертанія воли.
не помню, какъ вечеръ рождается въ полѣ,
къ темнѣютъ цвѣты средь нескошенныхъ травъ,
какъ сердце подъ лаской вечернихъ отравъ
мираетъ отъ радостной боли.
Я отвыкъ отъ нездѣшней—отъ той тишины,
о подъ вечеръ царитъ надъ роднымъ перелѣскомъ,
я сливаясь съ далекимъ серебрянымъ плескомъ
дремавшей въ оврагѣ весенней волны...
боюсь—я не знаю вотъ этой луны
ь неподвижнымъ и мертвеннымъ блескомъ.
Я не вижу улыбки веселаго дня.
нь и ночь надо мною тяжелые своды.
ѣсь сильнѣй, чѣмъ на волѣ, ревутъ непогоды,
ь переплетѣ рѣшетки проклятьемъ звеня.
же ночью—во снѣ—избѣгаютъ меня
Мимолетныя грезы свободы...

ВЪ ИЗГНАНІИ.

Весь долгій день мы—призраки съ тобой.
Мы не живемъ, мы чужды другъ для друга.
И этотъ край, безцвѣтный и скупой,
И дикъ, и страненъ намъ,—намъ, знавшимъ страны [юга.
Здѣсь солнце жалкое, чтобъ спрятаться на мигъ,
Весь день склоняется къ туманностямъ заката
И жадно краски пьетъ съ растеній полевыхъ,—
И красокъ нѣтъ въ цвѣтахъ, и нѣтъ въ нихъ аро- [мата.
... И цѣлый день тоскуемъ мы вдвоемъ,
Чужіе всѣмъ, себѣ самимъ чужіе.
Ночь не придетъ: мы знаемъ и не ждемъ,
Но сумерки придутъ, до слезъ намъ дорогіе...
Холмы, рѣка и боръ—все канетъ въ полутѣнь,
И ляжетъ на поля молчаніе святое.
И скроется изъ глазъ на мигъ уснувшій день,
И станемъ близки мы, и будетъ все—родное.
И въ этотъ призрачный, короткій получасъ
Съ сосѣдняго холма сойдетъ къ намъ кто-то бѣлый
И съ нѣжностью дотронется до насъ
И вѣки намъ сомкнетъ рукой, какъ тѣнь несмѣлой.

CXXX.

Сергѣй Афанасьевичъ Ивановъ-Райковъ.

1869.

МУЦІЙ СЦЕВОЛА.

На священный огонь положилъ онъ ладонь
И сурово взглянулъ на царя.
„Видишь: я не дрожу, какъ испуганный конь,
„Предъ огнемъ твоего алтаря.
„Люди нашей страны не боятся войны...
„Триста юношей, смѣлыхъ, какъ я,
„Поклялись умереть до заката луны—
„Имъ извѣстна стоянка твоя!
„Прожужжитъ, какъ пчела, роковая стрѣла—
„И тебя ужъ ничто не спасетъ...
„Въ вольный Римъ, какъ въ жилище степного [орла,
„Невредимымъ тиранъ не войдетъ!
„И не я, такъ другой—закаленной рукой
„Вырветъ сердце твое изъ груди.
„Помни: я не одинъ, мы слѣдимъ за тобой...
„Мой послѣдній совѣтъ—уходи!"
И надъ краснымъ огнемъ кровь шипящимъ ручьемъ
Орошала жаровню, смердя...
Царь въ тревогѣ внималъ... И съ разсвѣтнымъ [лучемъ
Унеслись колесницы вождя.
1906.

ДОПРОСЪ.

— Ты была не одна... Кто же, мужъ или братъ,
Жизнь твою молодую губя,
Приготовилъ изъ грома и вихря снарядъ,
На убійство толкнувши тебя?
— Или тайный любовникъ? Вѣдь ты молода,
Ты свѣтлѣе весенней зари...
Кто, жестокій, разбилъ твою жизнь навсегда,
Кто сказалъ: „Отомсти и умри?"—
Но молчала она... Только въ черныхъ глазахъ
Торжество загорѣлось на мигъ...
Такъ, порою, въ грозу, далеко въ небесахъ
Вдругъ сверкнетъ чей-то пламенный ликъ.
1906.

СКАЗКА.

Призываетъ король Аладинъ
Грозным звономъ стального меча
Въ свой дворецъ золотой палача.
Но ни съ горныхъ вершинъ, ни съ цвѣтущихъ [долинъ
Къ королю не пришелъ ни одинъ.
Съ той поры для свободныхъ людей,—
И покоя, и счастья полна,—
Точно садъ, расцвѣла та страна...
Нѣтъ тамъ тяжкихъ цѣпей, ни темницъ, ни бичей,
Потому что тамъ нѣтъ палачей!
1907.

CXXXI.

Георгій Андреевичъ Вяткинъ.

Род. 1885.

ЗНАМЯ.

Снилось мнѣ, что я раненъ въ жестокомъ бою;
Что, измученный раной моей,
Тихо палъ я... и выронилъ знамя изъ рукъ,
Оросилъ его кровью своей...
И спасла ты его, о, мой любящій другъ,—
Высоко надъ толпой подняла
И пошла съ нимъ впередъ... и упала, какъ я...
Знамя кровью своей облила...
И товарищи вмигъ подхватили его,
И мятежно-кипящей толпой
Снова ринулись съ нимъ, дорогимъ и роднымъ,
Въ безпощадный и радостный бой!..
Долго-долго еще развѣвалось оно,
То вздымаясь, то падая вновь,
И горѣла на немъ рядомъ съ кровью моей
И твоя неостывшая кровь...

---

* * *

Насъ много, какъ волнъ въ океанѣ безбрежномъ,
Какъ въ полѣ весною цвѣтовъ,
Какъ въ сердцѣ поэта, и чуткомъ и нѣжномъ,
Сверкающихъ призрачныхъ сновъ!
Насъ много, насъ много... Мы—дѣти разсвѣта,
Мы дѣти желанной зари,
Мы молимся Богу свободы и свѣта
И строимъ ему алтари.
Огонь Прометея пылаетъ пожаромъ,
Сжигаетъ и скорбь, и печаль,
И звуки набата, ударъ за ударомъ,
Несутся въ безбрежную даль...
Черезъ скалы и кручи, съ восторгомъ и страстью
Мы знамя родное несемъ,—
По скаламъ и кручамъ къ великому счастью,
Къ безсмертному счастью идемъ...
На свѣтломъ и радостномъ праздникѣ жизни
Не будетъ рабовъ и господъ,
Умолкнутъ проклятья, умрутъ укоризны,
И страхъ, и насилье умретъ...
Свершится, свершится! Свобода святая
Надѣнетъ побѣдный вѣнецъ...
О, счастье и радость грядущаго рая!..
... Насъ много, насъ много... Такъ будемъ смѣлѣе
Бороться и дерзостнѣй мстить!
—И боги не смогутъ огонь Прометея
Въ горящихъ сердцахъ погасить...

РЕКВІЕМЪ

Слава вамъ, доблестно павшіе
Въ тяжкомъ бою!
Слава вамъ, правды искавшіе,
Правды, какъ хлѣба алкавшіе...
Вѣчная слава и вѣчная память вамъ
Въ бѣдномъ родимомъ краю!
Сгибли вы, смѣлые, честные,
Ночью во мглѣ...
Скорбны могилы безкрестныя,
Спятъ въ нихъ герои безвѣстные...
Вѣчная слава и вѣчная память имъ
Въ бѣдной родимой землѣ!
Встанутъ товарищи новые,
Мечъ вашъ возьмутъ.
Выйдутъ, безстрашно-суровые,
Выйдутъ, погибнуть готовые,
Будутъ бороться отважно и долго,—
На смерть врага разобьютъ.
Слава вамъ, доблестно павшіе
Въ тяжкомъ бою!
Слава вамъ, правды искавшіе,
Правды, какъ хлѣба алкавшіе...
Вѣчная слава и вѣчная память вамъ
Въ бѣдномъ родимомъ краю!..

CXXXII.

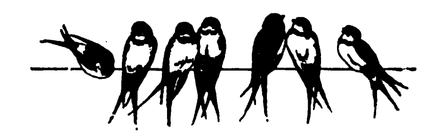
Неизвѣстный.

Приводимое ниже сильное и красивое стихотвореніе случайно не нашло себѣ мѣста среди произведеній поэтовъ 50—60-хъ годовъ, къ числу которыхъ оно относится хронологически. Мы перепечатываемъ его изъ вышедшей въ 1863 г. въ Лейпцигѣ „Библіотеки русскихъ авторовъ“, представляющей собраніе стихотвореній декабристовъ. Неизвѣстный издатель или составитель „Библіотеки“, подписавшійся литерами Л. Л. Л., обстоятельно указываетъ въ предисловіи, откуда беретъ онъ каждое стихотвореніе и кому принадлежатъ библіографическія къ нимъ замѣтки, но почему-то хранитъ полное молчаніе лишь объ интересующемъ насъ стихотвореніи, поставленномъ во главѣ II тома книги, въ видѣ „Посвященія“. Анонимость эта даетъ основаніе думать, что авторъ пьесы—на эмигрантъ вродѣ Огарева и не покойный поэтъ вродѣ Пушкина, а—живое еще лицо, находившееся во власти самодержавнаго правительства,—имя котораго опубликовывать представлялось въ то время неудобнымъ.

Невольно вспоминается, прежде всего, М. Л. Михайловъ, незадолго передъ тѣмъ отправленный въ каторгу...

ДЕКАБРИСТАМЪ.

Надъ вашей памятью кровавой
Теперь лежитъ молвы позоръ;
Надъ ней поэтъ, вѣнчанный славой,
Остановить не смѣетъ взоръ.
Вашъ врагъ могучій торжествуетъ,
Щадитъ его судьбы законъ,
Лишь власти страсть его волнуетъ—
И кажется незыблемъ тронъ.
Но вы погибли не напрасно:
Все, чтó посѣяли - взойдетъ,
Чего желали вы такъ страстно,
Все, все исполнится, придетъ.
Иной возстанетъ грозный мститель,
Иной возстанетъ мощный родъ:
Страны своей освободитель,
Проснется дремлющій народъ!
Въ побѣдный день, въ день славной тризны
Свершится роковая месть—
И снова предъ лицомъ отчизны
Заблещетъ ярко ваша честь!



АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

КОНЕЦЪ.